

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Исторический факультет

МОСКВА
Квадрига
2010

Е. В. Калмыкова

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
АНГЛИЧАН ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*памяти сэра Роберта Ноллиса
посвящается*

МОСКВА
Квадрига
2010

УДК 355.483(470.1)“653”

ББК 63.3(4Вел)4

К17

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

*кандидат исторических наук, доцент О. В. Дмитриева,
доктор исторических наук С. К. Цатурова*

Калмыкова Е. В.

К17 **Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья.** / Е. В. Калмыкова. М.: Квадрига, 2010. - 664 с.+карты, илл. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-012-3

Монография посвящена изучению восприятия войн в Англии эпохи позднего Средневековья. Обращаясь, прежде всего, к истории Столетней войны, автор исследует как идеологическое обоснование и осмысление конфликта в контексте политических и религиозных представлений эпохи, так и его восприятие в «массовом сознании». Особое внимание уделено репрезентации войны в хронистике и проблематике, связанной с формированием и функционированием национальной идентичности. Работа написана с привлечением широкого круга источников (исторических нарративов и документального материала) и посвящает «образы войны», характерные для английского общества XIV – XVI вв.

УДК 355.483(470.1)“653”

ББК 63.3(4Вел)4

ISBN 978-5-91791-012-3

© Калмыкова Е. В., 2010

© Издательство «Квадрига», оформление, 2010

© Никулин А. Ю., дизайн переплета, 2010

© Темушев В. Н., подготовка карт, 2010

Данная книга является результатом исследовательской работы, которая велась на протяжении более чем десяти лет. В ее основу положена защищенная в 2002 г. на кафедре истории Средних веков Исторического факультета МГУ диссертация, которая, в свою очередь, восходит к дипломному проекту. В течение этих лет многие коллеги помогали мне советами и рекомендациями, без которых эта книга едва ли бы вышла в свет. В первую очередь я хотела бы выразить безграничную благодарность моему научному руководителю О. В. Дмитриевой, не оставляющей меня советами и поддержкой и по сию пору, а также моим университетским учителям и наставникам, которых сейчас я счастлива именовать коллегами и друзьями: М. А. Бойцову, Т. П. Гусаровой, А. Л. Пономареву, И. С. Филиппову, Р. М. Шукурову. Особую благодарность приношу заведующему нашей кафедрой С. П. Карпову за доброту и неизменное понимание нужд сотрудников, уезжающих в длительные командировки для занятий в иностранных библиотеках и архивах. Я также чрезвычайно признательна П. А. Хачатурян, читавшей все мои тексты не только в качестве рецензента, но и по долгу руководителя исследовательской группы «Власть и общество», в которой я имею честь и удовольствие работать.

Большое значение для меня имели ценные советы, благожелательная критика и рекомендации по доработке текста рукописи, высказанные в разное время Н. И. Басовской, О. И. Тогоевой, Д. Г. Федосовым и С. К. Цатуровой.

Я искренне благодарна сотрудникам библиотек Тринити-Колледжа в Дублине и Института исторических исследований в Лондоне за исключительное внимание и помощь в сборе материала. Также хочу отметить поддержку, оказанную мне Домом наук о человеке (Maison des sciences de l'homme, Paris) и лично руководителем программы «Дидро» М. Эмаром, предоставившим возможность поработать в 2006–2008 гг. во французских библиотеках и архивах. В этой связи я не могу не высказать признательность П. Ю. Уварову и Ж.-Ф. Жене, без которых мой проект не был бы реализован.

Я не могу не отметить огромный вклад в издание книги И. А. Тихонока, без великодушной помощи которого данное исследование не

было бы опубликовано. Также я чрезвычайно признательна редактору А. С. Усачеву, корректору М. Е. Смирновой и другим сотрудникам издательства, работавшим с моим текстом.

Наконец, я хочу поблагодарить за помощь при подготовке текста моих друзей и коллег П. И. Алтухову, О. С. Воскобойникова, Ю. Ю. Дресвину, А. М. Перлова и А. Ю. Серегину и в особенности П. Ф. Афанасьева, вклад которого в эту работу сложно переоценить. Также я бесконечно признательна моей маме Г. Ф. Серповой за любовь и моральную поддержку.

ВВЕДЕНИЕ

Рыцари в блестящих доспехах, непобедимые английские лучники, изможденные голодом жители Кале, смиренно молящие о пощаде, Генрих V, беседующий с воинами в ночь накануне битвы при Азенкуре, Жанна д'Арк в Шиноне у дофина, под Орлеаном, на костре в Руане... Эти образы, созданные научными текстами, литературой, изобразительным искусством и кинематографом, первыми приходят на ум, когда речь заходит о Столетней войне. Именно такие яркие, но дискретные картины лежат в основе представлений начала XXI в. о войнах, которые английская корона вела в эпоху позднего Средневековья. Но каковым было их восприятие непосредственными участниками и современниками? Какие образы войны являлись актуальными в XIV–XV вв.?

Ответам на поставленные вопросы и посвящено мое исследование. Конечно, в данной работе будут присутствовать описания походов и сражений, анализ дипломатических переговоров и условий заключенных соглашений, сюжеты, связанные с принципами комплектации армии и назначением на командные должности, и прочие «классические» составляющие военной истории. Тем не менее ключевой предмет рассмотрения — это именно *восприятие* войн (в первую очередь длительного конфликта с Францией) англичанами эпохи позднего Средневековья. Впрочем, с точки зрения репрезентативности правильнее было бы говорить лишь о представлениях, отраженных в исторических сочинениях указанного периода.

Полагаю, следует чуть более подробно охарактеризовать проблематику исследования. Тематически оно распадается на три части: первая выстраивается вокруг важнейшей для средневековой традиции идеи оправдания и обоснования войн через категорию «справедливости»; вторая повествует об амбивалентных образах войны в «массовом сознании» (в частности, в контексте отношения к миру); в третьей в центре внимания находится сюжет о формировании и содержании английской национальной идентичности в эпоху Столетней войны. Несмотря на то (а возможно, и благодаря тому), что перечисленные проблемы достаточно разнородны, их изучение позволяет на основе обращения к различным темам воссоздать комплексную

картину связанных со сферой войн представлений, этических моделей и механизмов мышления, присущих англичанам (или, точнее, английским авторам) XIV–XV вв.

В качестве базового сюжетного материала из многочисленных внешнеполитических конфликтов рассматриваемого периода было выбрано несколько наиболее значимых, первое место среди которых, бесспорно, занимает Столетняя война. Не вдаваясь в подробную историю англо-французских противоречий, мне хотелось показать причины этой войны такими, какими их видели современники. Кроме того, для меня было существенным продемонстрировать на нескольких наглядных примерах, что в сознании англичан позднего Средневековья и раннего Нового времени эта война вовсе не закончилась в 1453 г., а лишь была на время отложена. Другим немаловажным направлением английской внешней политики являлись взаимоотношения с Шотландией. Уходящие корнями в раннее Средневековье попытки английских королей установить суверенитет над Шотландией увенчались полным успехом лишь в 1707 г. Наиболее драматичным и одним из самых интересных периодов англо-шотландских войн эпохи Средневековья считается приходившаяся на правление Эдуарда I и Эдуарда II Война за независимость. Я сочла целесообразным не только рассказать о том, как английские авторы трактовали решение своего государя возобновить войну с северным соседом после заключения «вечного мира» 1328 г., но и показать некую рутинность в ее восприятии: средневековые англичане относились к противостоянию с Шотландией как к естественному и обыденному явлению.

Наличие общего врага традиционно считается наилучшей основой для политического союза. Заключенный в 1295 г. союз Франции и Шотландии выдержал испытание веками, а вот отношения Англии с Фландрией складывались более драматично. В данной работе я анализирую эволюцию сформированного английскими историографами образа Фландрии от дружественного до враждебного. Наконец, в качестве последнего направления представлен Пиренейский полуостров. Обе кастильские кампании английских принцев (1367 и 1386 гг.) включены в это исследование в качестве типичнейших феодальных конфликтов, на примере которых удобно разбирать самые разные проблемы, связанные со средневековым восприятием войны (от формального повода до частных мотивов насмешков).

Как известно, само понятие «Столетняя война» было сформулировано не в эпоху Средневековья, а лишь в XIX в. Считается, что этот термин ввел в оборот К. Демишель, опубликовавший в 1823 г. рукописную «Хронологическую таблицу истории Средних веков». В 1839 г. данный запоминающийся термин был повторен М. Боро в его «Истории Франции». Наконец, в 1852 г. из-под

пера Т. Башеле вышла первая книга с этим названием («La guerre de Cent ans»). Английские историки начали использовать рассматриваемое понятие несколько позже: лишь в 1869 г. Э. Фримен решил обозначить войну за французскую корону как «the Hundred Years War».

Воздавая должное заслугам ученых-позитивистов, историки XX в. продемонстрировали уязвимость, если не сказать некорректность данного понятия. Многие современные специалисты считают необоснованным выделение войн, которые английские государи в XIV–XV вв. вели за корону Франции, из англо-французских конфликтов, восходящих еще к Нормандскому завоеванию 1066 г. Не меньше сомнений вызывают утвержденные в историографии даты начала и конца Столетней войны (1337–1453 гг.): ведь официально титул короля Франции Эдуард III принял только в 1340 г., а отказался от него Георг III лишь в 1801 г. Между тем в настоящее время историки продолжают пользоваться этим, возможно, не самым удачным понятием, не выдвигая ему никакой альтернативы, что, впрочем, неудивительно, ибо термин «Столетняя война» прочно укоренился не только в научной литературе, но и в массовом сознании.

Наиболее традиционным, популярным и изученным аспектом Столетней войны является политическая история. Основную свою задачу исследователи XIX – первой половины XX в. видели в максимально точном и подробном изложении хода военных действий и дипломатических переговоров. Однако уже в этот период в английской и французской историографии определились основные дискуссионные вопросы, касающиеся истоков и причин войны (династической, экономической, территориальной), ее характера (феодалного, экспансионистского, национально-освободительного) и последствий; также внимание исследователей было сосредоточено на проблемах, связанных с ростом национального самосознания и консолидацией противостоящих государств (М. Депрэ, А. Ковиль, Т. Таут, Э. Перруа). Во второй половине XX – начале XXI в. для изучения политической истории Столетней войны характерен более взвешенный подход. Большинство современных авторов (в частности, М. Вейл, Д. Сьюард, А. Ллойд, А. Карри, Дж. Сампшин), освободившись от комплекса поиска исторического виновника войны, отчетливо осознают не только ее общеевропейский контекст, но и нецелесообразность выделения какой-то одной причины в качестве главной или, тем более, единственной. Ориентация на комплексное изучение исторического процесса вынудила исследователей уделять больше внимания проблемам ментальности, социальным и культурным вопросам, оказывающим колоссальное воздействие на политическую историю. Как заметил в одной из своих ранних и, в определенной степени, программных работ

Б. Гене, исследование политической истории государства невозможно «без ментального контекста», то есть «без изучения всей совокупности идей, чувств, мифов, из которых государство извлекает свою силу»¹.

Неудивительно, что во второй половине XX в. комплексный подход стал применяться не только к политической, но даже к военной истории. По словам одного из ведущих специалистов по средневековым войнам Ф. Контамина, войну следует рассматривать всесторонне, как «форму человеческого существования». Сфера интересов специалистов по военной истории расширилась, включив изучение социальной структуры армий, принципов комплектования войск, организации военных поставок, ментальности «людей войны», влияния вооруженных конфликтов на жизнь различных слоев мирного населения и множества других проблем, связанных с различными гранями войны (Д. Хей, М. Кип, Дж. Беллами, К. Олманд, М. Ховард, Г. Хьюитт, Дж. Фаулер, Б. Тирн). Именно в этот период историки обратились к анализу организации военной пропаганды и ее воздействия на общественное сознание (Н. Льюис, Д. Белль, Ж. Кринен, У. Омрод, Л. Лоренс, У. Джонс, Дж. Маккенна, К. Рейнгольде, А. Макхарди, Н. Понс). Кардинальные изменения произошли и в отношении исследователей к нарративным источникам. Исторические тексты перестали рассматриваться исключительно с точки зрения их достоверности и информативной репрезентативности. Мышление и методы работы средневековых историков, восприятие исторической традиции, социальный состав авторов и их читателей, степень популярности тех или иных текстов и пути их распространения, влияние исторического и памяти о прошлом на идеологию общества — эти и другие аспекты исторической культуры эпохи Средневековья оказались достойными внимания объектами изучения.

Безусловно, перечисленные направления отнюдь не исчерпывают ни неких общих изменений, происшедших в средневековье за несколько последних десятилетий, ни даже трансформаций, которые претерпело изучение собственно Столетней войны. Тем не менее я выделила именно эти тенденции, ибо в их русле лежит мой подход к исследуемой проблематике. Целью моей работы является анализ ментального контекста войны как на уровне массового восприятия, так и в рамках официальной идеологии. При этом базовыми источниками выступают исторические сочинения, вследствие чего сюжеты, связанные с исторической культурой и историописанием, также чрезвычайно значимы для меня.

¹ *Guenée B. L'Histoire de l'Etat en France à la fin du Moyen Âge vue par les historiens français depuis Cent ans // Revue historique. 1964. T. 232. P. 346.*

² *Contamine Ph. Guerre, Etat et société à la fin du Moyen Âge. Etudes sur les armées des rois de France, 1337–1494. P., 1972. P. 10.*

Хочется отметить, что отечественная медиевистика порой с некоторым опозданием, но все же реагирует на изменения в мировой науке, а поэтому неудивительно, что работы российских ученых так или иначе отражают весь спектр обозначенных историографических проблем. Среди публикаций по политической истории, имеющих непосредственное отношение к тематике моего исследования, необходимо прежде всего назвать многочисленные труды Н. И. Басовской – первого отечественного ученого, сделавшего историю Столетней войны предметом специальных научных изысканий. Помимо двух монографий³, в которых подробно анализируется ход военных действий и дипломатических переговоров, Н. И. Басовская написала множество статей, посвященных актуальным на различных этапах проблемам: гасконской политике английских королей, национально-освободительной войне французского народа, отражению войны в сознании современников. В последние годы вопросы политической культуры и репрезентации власти, в том числе и в эпоху позднего Средневековья, активно разрабатываются российскими медиевистами. В частности, на французском материале внутривнутриполитический контекст Столетней войны исследует С. К. Цатурова.

Одним из наиболее притягательных направлений для российских историков в начале XXI в. стало изучение средневекового историописания. Любопытно, что чаще всего исследователи обращаются именно к английской исторической традиции (Т. В. Гимон, В. В. Зверева, С. Г. Мереминский, З. Ю. Метлицкая, Л. П. Репина, А. Ю. Серегина). Особо хочется отметить заслуги ученых, взявшихся за тяжелый и кропотливый труд по переводу средневековых сочинений. Отрадно, что среди опубликованных за последние годы текстов оказались интереснейшие источники по Столетней войне: переведенные М. В. Аникеевым хроники Жана Фруассара, Жана Ле Бея и нескольких анонимных авторов⁴.

Отдельного внимания заслуживают исследования отечественных медиевистов в области изучения различных идентичностей и функционирования исторической памяти. Отмечу, что в очевидном политическом и научном контексте эта проблематика привлекает многих специалистов (С. И. Лучицкая, Л. П. Репина, Р. М. Шукуров и др.). Среди вышедших работ следует особо выделить труд С. И. Лучицкой «Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов»⁵, напи-

³ Басовская Н. И. Столетняя война 1337–1453. М., 1985; *Она же*. Столетняя война: Леонард против лилии. М., 2002.

⁴ Хроники и документы времен Столетней войны / Перевод, предисловие, примечания М. В. Аникеева. СПб., 2005; *Фруассар, Жан*. Хроники. 1325–1340 / Перевод, предисловие, примечания М. В. Аникеева. СПб., 2008.

⁵ Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.

санный на материале средневековых исторических произведений, что, в определенном смысле, роднит его с предпринятым мною исследованием. Анализируя различные аспекты представлений крестоносцев о своих противниках, С. И. Лучицкая, естественно, уделила основное внимание именно религиозной «инаковости», определявшей восприятие мусульман. Впрочем, при более тщательном сопоставлении сочинений, посвященных крестовым походам, с трудами англичан, повествующих о войне против другого христианского народа в XIV–XV вв., можно проследить множество сходств в механизмах конструирования образов «своих» и «чужих».

Сюжеты, связанные с национальным самосознанием, относятся к наиболее традиционным проблемам медиевистики в целом и истории Столетней войны в частности. В историографии существует множество более или менее убедительных теорий, посвященных национализму, нациям и национальному самосознанию. Я намеренно не хочу вдаваться в подробные историографические экскурсы, поскольку независимо от всех теоретических построений и, более того, даже независимо от того, что следует понимать под нациями – некие реально существующие объекты или же лишь интеллектуальные конструкты, – совершенно очевидно, что представление о разделении на различные народы («*gentes et nationes*») было (во многом благодаря библейской и античной традиции) одним из фундаментальных элементов средневековой картины мира. Цель моего исследования – разобраться в том, что именно стоит за этими терминами, столь часто использовавшимися средневековыми авторами; понять их семантику и оценить соотношение лексики с (политической, социальной, культурной) «практикой» эпохи. Даже поверхностное знакомство с источниками наглядно свидетельствует о существовании в сознании средневековых авторов некоего сообщества «англичан». Не углубляясь в разрешение ложного вопроса о том, являются ли «*Angli*» XIV–XV вв. истинными предками англичан начала XXI в. и столь же истинными потомками англосаксов, я хотела бы понять, что за общность скрывается за этим определением, какой она представлялась ее членам, на основе каких параметров она выделялась и какими качествами и свойствами обладала. Именно это я подразумеваю под задачей изучения «национальной» идентичности англичан эпохи Столетней войны – периода далекого от идеологического национализма.

Безусловно, невозможно изучать сообщество «своих» в отрыве от аналогичных по структуре сообществ «других», ведь любая (национальная, профессиональная, религиозная, культурная и пр.) общность не может «существовать» без наличия «другого». Первым и важнейшим

этапом осознания собственной индивидуальности является противопоставление себя другим. Средневековые англичане могли соотносить себя с самыми разнообразными общностями: сословной, профессиональной, религиозной, языковой, политической, по месту жительства или по месту рождения. В каждом конкретном случае на первое место выходила та или иная идентичность. В контексте войны между соседними христианскими народами политические и национальные идентичности приобретали дополнительные оттенки, поскольку «другие» превращались из обычных «чужих» во «врагов». В этой связи мне было любопытно не только проанализировать представления англичан о себе и о других народах, являвшихся их военными союзниками или противниками, но и сопоставить данные воззрения с практическим поведением и реальными политическими событиями.

Одной из существеннейших трудностей, с которыми мне пришлось столкнуться в ходе работы над книгой, оказалась, как это ни банально, проблема источников. Исследовать «массовое сознание» людей Средневековья – эпохи, по меткому выражению А. Я. Гуревича, «безмолвствующего большинства» – крайне сложно. У каждого из жителей средневековой Англии было собственное видение войны, впрочем, лишь единицы смогли донести его до потомков. Не стоит забывать о том, что, даже записывая личные переживания и явления, увиденные собственными глазами, люди (чаще всего представители «интеллектуальной элиты» – образованные клирики, труверы, очень редко рыцари) оказывались под влиянием множества топосов, стереотипов и клише, вынуждавших их писать историю «по правилам», подгоняя ее под общепринятые стандарты.

Поставив перед собой задачу изучить коллективные представления англичан классического и позднего Средневековья о войнах, я была вынуждена использовать «экстенсивный» метод работы с источниками, то есть максимально расширить их круг, чтобы с большей обоснованностью говорить о некоем усредненном «общественном мнении»⁶. В каком-то смысле для меня равной ценностью обладали и оригинальные сочинения, и компилятивные труды, свидетельствующие об устойчивости того или иного образа. Избранные в качестве основных источников исторические сочинения выполняют в обществе и культуре двойную функцию: с одной стороны, они фиксируют уже сформировавшийся круг идей, взглядов и представлений, а с другой – формируют воззрения нынешних и будущих поколений. В силу этого исторические сочинения оказываются не только

⁶ Дабы не перегружать введение фактической информацией, краткие сведения о хронистах и анонимных текстах, использованных в качестве источников, вынесены в специальный раздел (см. Приложение 2).

результатом и отражением уже сложившегося общественного сознания, но и фактором, задающим перспективу его развития. Руководствуясь последним соображением, я решила не ограничиваться источниками, непосредственно относящимися к эпохе Столетней войны, ведь более поздние сочинения позволяют судить о том, насколько устойчивыми оказывались те или иные образы и представления, а также дают возможность проследить их эволюцию.

При выборе произведений исторического жанра в качестве основных источников для изучения коллективных представлений англичан XIV–XVI вв. о войнах, которые вели английские государи в эпоху позднего Средневековья, важно учитывать несколько принципиальных моментов. Во-первых, подавляющая часть авторов принадлежала к духовенству и никогда лично не участвовала ни в походах, ни в дипломатических переговорах, описывая причины войн, а также ход военных действий исключительно по официальным документам и рассказам очевидцев. Во-вторых, с источниками информации историографы могли поступать по-разному: одни хронисты полностью копировали королевские прокламации, тексты договоров или донесения полководцев, другие тщательно отбирали лишь важные, с их точки зрения, сведения; некоторые могли считать собственные замечания и комментарии неуместными в историческом труде, предоставляя читателям возможность самим оценивать полученную информацию, иные же, напротив, амбициозно полагали, что именно их рассуждения помогут потомкам разобраться в политических перипетиях. В-третьих, независимо от того, были или нет авторы современниками описываемых событий, они могли вести повествование в ретроспективе, корректируя изложение с учетом некоторых открывшихся позже обстоятельств. Например, ссылки на «Салический закон» стали приводиться приверженцами дома Валуа лишь после 1358 г. (когда была обнаружена рукопись, содержащая данный текст), однако многие историографы вставляли в повествование указания на этот обычай непосредственно во время рассказа о причинах англо-французского конфликта. В-четвертых, не следует забывать о том, что историографы и поэты, сочинения которых используются для конструирования образа неких «коллективных представлений», жили в разные эпохи. Задачу исследователя несколько облегчает тот факт, что средневековое историописание отличалось консервативностью, если не сказать рутинностью. Ориентация на авторитет предшественников, традиционализм в изложении материала, клишированность методов и приемов, использование топосов самого разного толка – все это позволяет, с определенной долей условности, объединять материал, относя-

щийся к середине XIV и к концу XVI в. Итоги сравнения исторических текстов разных эпох позволят судить об устойчивости тех или иных представлений о прошлом. Впрочем, ничуть не меньше, чем рутинные, стабильные исторические представления, меня будут интересовать изменения в отношении к прошлому, произошедшие в обществе под воздействием тех или иных обстоятельств, в результате которых отрицательно оцениваемые современниками явления могли восприниматься потомками в качестве позитивных и наоборот. Выявление подобных трансформаций, их анализ и оценка позволяют лучше понять произошедшие в обществе культурные сдвиги.

Поскольку в центре моего внимания находятся проблемы, связанные с представлениями, бытовавшими в английском обществе, вполне логично, что основными источниками для меня служат не только английские исторические и поэтические сочинения, но и сообщения прочно вошедших в английскую историографическую традицию «иностранных» текстов. К числу последних относятся труды авторов, которые либо какое-то время (как правило, по долгу службы) провели в Англии (Жан Ле Бель, Жан Фруассар, Жан Кретон, Тит Ливий Фруловези, Полидор Вергилий), либо, подобно Жану Ворэну, служили английским союзникам, помногу контактировали с англичанами и писали главным образом об английских делах и британской истории. Наконец, в качестве вспомогательных источников используются официальные документы (королевские указы, прокламации, письма, донесения о ходе кампаний), пасторские проповеди и трактаты представителей духовенства, а также различные материальные памятники (изображения гербов, монеты, печати), рассчитанные на визуальное восприятие современников.

Завершая предисловие, я хочу пояснить причину, по которой решила посвятить эту книгу памяти знаменитого бригады и капитана английских наемников сэра Роберта Ноллиса. С одной стороны, Ноллис отнюдь не является центральным героем повествования, более того, его образу и подвигам в работе уделено всего несколько страниц. Но, с другой стороны, с его именем связаны если не все, то, во всяком случае, очень многие ключевые сюжеты исследования: реальная биография Ноллиса прекрасно демонстрирует индивидуальные возможности, которые война открывала перед предприимчивыми «солдатами удачи», в то время как его историографический образ не только является плодом коллективных представлений англичан о «типичном» английском воине, но также отражает массовые представления о конкретной войне – войне, которую английские короли вели за французскую корону. Для меня были чрезвычайно интересны как реальные модели поведения людей вроде Роберта

Ноллиса, так и их восприятие в традиции. Задумав книгу об исторических представлениях англичан о войнах позднего Средневековья, а также об английской национальной идентичности в эту эпоху, в какой-то момент я осознала, что Роберт Ноллис является типичным героем не только своего времени, но и моего повествования.

ЧАСТЬ I

АНГЛИЯ В БОРЬБЕ ЗА «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Глава 1

Идея ведения справедливой войны в английском историописании XIV–XVI вв.

Оформление представления о причинах «справедливой войны» к началу XIV в.

В средневековой традиции понимание идеи «справедливой войны» (*bellum iustum*) опиралось на две взаимосвязанные категории: *ius ad bellum* и *ius in bello*¹. Первая касалась права вести войну (то есть условий, при которых война и связанное с ней кровопролитие переставали восприниматься как грех или преступление, становясь законной и даже священной акцией), вторая – поведения на войне (традиций и правил, регламентирующих взаимоотношения противников, отношение к мирному населению, прежде всего священнослужителям, женщинам, детям и старикам, действия на охваченных войной территориях; сюда же входит и «кодекс рыцарской чести»). Сам термин «справедливая война» был введен в оборот Аристотелем для описания войн, которые греки вели с другими народами². Ставя на первое место войну оборонительную, направленную на защиту граждан полиса, Аристотель определял «справедливость» захватнических войн исходя из достоинств народов, против которых они велись³.

¹ Детальный анализ этих категорий приведен в трудах Дж. Джонсона: *Johnson J. T. Ideology, Reason, and the Limitation of War: Religious and Secular Concepts, 1200–1740*. Princeton, 1975. P. 5–11; *Idem. The Quest for Peace: Three Moral Traditions in Western Cultural History*. Princeton, 1987. P. 50–66, 75–91.

² *Аристотель. Политика* / Пер. С. А. Жебелева // *Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1975–1983. Т. 4: I, 7, 1255a, 1255b; I, 9, 1256b; VII, 14, 1333a, 30–35; 133b, 37–1334a, 3–15; Аристотель. Никомахова этика* / Пер. И. В. Брагинской // *Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1975–1983. Т. 4: X, 7, 1177b, 9–11*. См. также: *Russell F. H. The Just War in the Middle Ages*. Cambridge, 1975. P. 2; *Nussbaum A. Just War – A Legal Concept? // Michigan Law Review*. Vol. XLII (1943). P. 453.

³ *Аристотель. Политика. VII, 37–1334a*: «О военных упражнениях граждан нужно заботиться не ради того, чтобы они поработили тех, кто этого не заслуживает, но для того, чтобы прежде всего они сами не попали в рабство к другим, затем чтобы они стремились достигнуть гегемонии на пользу подвластным, а не ради приобретения деспотической власти над всеми, наконец, в-третьих, чтобы они стремились к деспотической власти только над теми, кто заслуживает быть рабом».

В римском праве для ведения справедливой войны требовалось соблюдение двух непереносимых условий: провозглашение ее законной властью (то есть от имени сената и римского народа⁴) и наличие справедливой причины: возвращение утраченного⁵, оборона территории⁶ или же защита чести и безопасности государства⁷. Любая не соответствующая указанным условиям война считалась безнравственной и подлежала осуждению⁸. Эти ограничения оставались определяющими характеристиками справедливой войны и в Средние века, хотя христианская мысль и привнесла несколько важных дополнений. Несмотря на то что влияние римского права на английскую средневековую юриспруденцию было менее значительным, чем на континенте⁹, основные положения римской теории справедливой войны были хорошо известны английским теологам и юристам через положения канонического права.

Некоторые ранние отцы Церкви (среди которых были такие авторитетные теологи, как Тертуллиан, Ориген, Лактанций) полностью отвергали войну и любое кровопролитие как языческое наследие, провозглашая новую христианскую эру эпохой мира. Однако не следует абсолютизировать эту позицию даже в контексте христианской максимы несопротивления насилию. Климент Александрийский, а чуть позже Амвросий Медиоланский попытались адаптировать пацифистскую христианскую мораль к суровой реальности. Считая мир величайшим даром, эти теологи признавали природную склонность человека к греху. Поиск пути разрешения данного противоречия привел их к новому пониманию «справедливой войны» как регулятора жестокости, способствующего мирному улаживанию конфлик-

⁴ Цицерон. Об обязанностях / Пер. В. О. Горенштейн // Марк Тулий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993: I, 36: «Понятие справедливой войны было строжайше определено фециальным уставом римского народа»; Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law // Transactions of the American Philosophical Society. Vol. XLIII (1953): *Bellum* (P. 372); *Repetitio rerum* (P. 675); *Lex de bello indicendo* (P. 550); *Indicere bellum* (P. 449); *Denuntiare bellum* (P. 431); *Indictio belli* (P. 499); *Fitiales* (P. 40); *Ius fetiale* (P. 528).

⁵ Цицерон. Об обязанностях. I, 36: «...справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно возвестив и объявив».

⁶ Цицерон. О государстве / Пер. В. О. Горенштейн // Марк Тулий Цицерон. Диалоги. М., 1994: III, XXIII, 35: «Но наш народ, защищая своих союзников, уже покорил весь мир».

⁷ Там же: «...несправедливы те войны, которые были начаты без оснований. Ибо если нет оснований в виде отщепенца или в силу необходимости отразить нападение врагов, то вести войну справедливую невозможно... Ни одна война не считается справедливой, если она не возвещена, не объявлена, не начата из-за неисполненного требования возместить нанесенный ущерб». Там же. III, XXIII, 34: «Наилучшее государство никогда само не начинает войну, кроме тех случаев, когда это делается в силу данного им слова или в защиту своего благополучия».

⁸ Russell F. H. *The Just War...* P. 6.

⁹ Low B. *Imagining Peace: A History of Early English Pacifist Ideas, 1340–1560*. Pennsylvania, 1997. P. 21.

тов. Амвросий оставил далеко позади римский (цицероновский) взгляд на войну как средство защиты, провозглашая насилие в качестве действенного и нравственного способа борьбы с еретиками¹⁰. Эта идея получила дальнейшее развитие в трудах Августина. Хотя многие сочинения Августина касаются войны как таковой и обстоятельств, при которых ее можно вести, его взгляды на рассматриваемый предмет далеки от систематичности. Однако именно они легли в основу доведенной до совершенства канонистами XII–XIII вв. теории «справедливой войны».

В труде «Против манихейской ереси» Августин утверждает, что война была ниспослана Богом не для наказания людей, но для выполнения своего рода очистительной функции – искоренения грехов и преступлений в обществе. Он осуждает манихеев за их нападки на законы Ветхого Завета и признает справедливость войны, которую Моисей вел по приказу Бога, избегая грехов, делающих войну несправедливой. «Истинным злом в войне являются любовь к насилию, мстительная жестокость, свирепая и непримиримая вражда, дикая ненависть и жажда власти и тому подобное»¹¹. Войны стали следствием грехопадения, поэтому особенно отвратительны те из них, которые ведут к хаосу, беспорядку и безудержному беспутству. Христианство не искоренило войны, но изменило отношение к ним. Августин обратил внимание на отрывок Евангелия от Луки [3:14], где описывается проповедь Иоанна Крестителя и его наставления народу. На вопрос воинов о том, как им следует жить, был дан следующий ответ: «Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованием». Августин делает из этого вывод, что, если бы Евангелие осуждало войну, Иоанн Креститель приказал бы воинам бросить оружие и прекратить свою службу. Каждому христианину надлежит любить ближнего своего, но также с благодарностью следует подчиняться божественно установленной власти. Поэтому, если сам Бог или его наместник отдает приказ к началу войны, христианин не должен от нее уклоняться, считая ее несправедливой. Война, которая ведется в «интересах» самого врага (для уничтожения его грехов), перестает быть злом, превращаясь в позитивное действие¹². Более того, по мнению Августина, для искоренения греха и несправедливости

¹⁰ Johnson J. T. *The Quest for Peace...* P. 30–50; Russell F. H. *The Just War...* P. 10–12, 36; Low B. *Imagining Peace...* P. 14–15; Nussbaum A. *Just War...* P. 453–454; Caldwell W. E. *Hellenic Conception of Peace*. L., 1919; repr.: N.Y., 1976. P. 108–139; Brock P. *Pacifism in Europe to 1914*. Princeton, 1972. P. 7–11; Calvo-coressi P. *A Time for Peace: Pacifism, Internationalism and Protest Forces in the Reduction of War*. L., 1987. P. 10–12. Наиболее полно модель раннехристианского пацифизма представлена в работе: Cadoux C. J. *The Early Christian Attitude to War*. L., 1919; repr.: N.Y., 1982.

¹¹ *Augustine*. *Contra fastum manichaerum*, XXII, 74: «Nocendi cupiditas, ulciscendi crudelitas, incapatus atque inplacatus atque inplacabilis animus, feritas rebellandi, libido domimandi et si qua similia, haes sunt, quae in bellis iure culpantur».

¹² *Ibid.* XXII, 74, 78.

может быть использовано любое средство, и вред, причиняемый мирному населению, должен восприниматься как неизбежное зло этого мира. Впрочем, всегда, когда речь заходила о войне, Августин неизменно подчеркивал, что основанная на милосердии христианская вера должна смягчать жесткость. Христианским воинам следует избегать чрезмерного насилия и бессмысленного кровопролития, осквернения церквей, причинения вреда священникам, женщинам и детям, они обязаны проявлять сострадание к пленным и соблюдать данные противникам обещания¹³.

Следует отметить, что Августин несколько изменил Цицероновскую трактовку причин справедливой войны: для него война является таковой, если люди не оставляют безнаказанными злодеяния любого рода, а не только возмещение убытков и восстановление «довоенного статус-кво» (*status quo ante bellum*)¹⁴. Наделенный Богом властью для защиты и поддержания справедливости, государь имеет право (и даже обязан) вести войну против любого врага, действия которого противоречат божественному закону. При этом характер войны (оборонительный или наступательный) несущественен¹⁵. Принцип «*iusta bella ulciscuntur iniurias*» – «справедливая война карает за несправедливость» – стал важнейшим аргументом оправдания войны в эпоху Средневековья.

Августин не только сохранил санкцию законной власти в качестве неперемennого условия справедливой войны, но и адаптировал эту идею к христианской морали. Христианин не может воздавать насилием за насилие в частном конфликте, то есть убить нападающего на него в целях самообороны (теолог подчеркивает, что, даже если такое убийство разрешено светским законодательством, оно все равно осуждается Церковью), ибо это повлечет ненависть и утрату христианской любви¹⁶. Но воин, действующий по приказу наделенного законной властью лица, выполняет функцию «*minister legis*»¹⁷, поэтому он неповинен в грехе человекоубийства¹⁸. Более того, сами воины могут не задумываться над справедливостью

¹³ *Augustine*. *De Civitate Dei*, I, 4, 5; V, 23, 26.

¹⁴ *Augustine*. *Quaestiones in Heptateuchum*, VI, 10: «*iusta autem bella ea defeniri solent quae ulciscuntur iniurias, si qua gens vel civitas quae bello petenda est. Vel vindicare neglexerit quod a suis inprobe factum est, vel reddere quod per iniurias ablatum est*».

¹⁵ *Russell F. H.* *The Just War...* P. 21.

¹⁶ *Augustine*. *Contra faustum manichaeum*, XXII, 70. Подробнее о взглядах Августина на жестокость см.: *Hartigan R.* *Saint Augustine on War and Killing // Journal of the History of Ideas*. Vol. XXVII (1966). P. 196–201.

¹⁷ *Augustine*. *De libero arbitrio*, I, 5, 12.

¹⁸ *Августин Блаженный*. О граде Божием / Сост. и подг. текста С. И. Еремеев // *Августин Блаженный*. Творения: В 4 т. СПб.; Киев, 1998–2000. Т. 3: I, XXI, 26: «Впрочем, тот же самый божественный авторитет допускает некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому,

войны, в которой они участвуют: поскольку они обязаны выполнять все приказы (если только они прямо не противоречат божественным заповедям) лица, наделенного законной властью, это снимает с них вину за участие в несправедливой войне. Если же государь ведет несправедливую войну, то весь грех ложится на него одного, в то время как долг повиновения делает его воинов невинными¹⁹. Последнее обстоятельство, то есть положение о беспрекословном подчинении законной власти, было особенно важно для английских теологов, обвинявших своих противников в отказе повиноваться легитимному сеньору, что делало их виновными в мятеже против Бога. С точки зрения Августина, воины, убивающие в ходе справедливой войны, невинны даже в случайном пролитии крови невинных людей. Признавая, что последние, хотя и составляют малую часть виновного народа (подобно семье Лота в осужденном на гибель Содоме), тем не менее страдают от бедствий, которые несут с собой войны, наравне со всеми, епископ Гиппонский принимал это зло как неизбежное, подчеркивая, что невинным жертвам войны уготовано Царствие Небесное. Воины, ставшие убийцами невинных, ответственны за незаконное кровопролитие, только если были опьянены личной жадой мести или проявили неоправданную жестокость (например, расправились с пленными или безоружными людьми)²⁰.

Помимо легитимации войны, которую законная власть ведет с нарушителями порядка, соблюдая при этом определенное милосердие (то есть сочетания римского *ius ad bellum* с тем, что впоследствии станет *ius in bello*), Августин привнес в теорию «справедливой войны» третий определяющий компонент. Им стала вера в справедливое завершение каждой провозглашенной войны. Для Августина определенным образом организованное насилие должно было служить средством достижения обществом состояния подчинения божественному порядку – «война ведется для сохранения мира»²¹.

кто им пользуется. И поэтому заповедь «не убивай» не преступают те, которые ведут войны по повелению Божию или, будучи в силу Его законов, то есть в силу самого разумного и правосудного распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью... Итак, за исключением тех, кому повелевает убивать или правосудный закон, или непосредственно сам Бог, источник правосудия, всякий, кто убивает себя ли самого, или кого иного, становится повинным в человекоубийстве».

¹⁹ *Augustine*. *Confessiones*, III, 8, 15; *De Civitate Dei*, I, 21, 26.

²⁰ *Augustine*. *Contra faustum manichaeum*, XXII, 74; *De Civitate Dei*, I, 9. Подробнее об этой проблеме см.: *Dean H.* *The Political and Social Ideas of St Augustine*. N.Y., 1963. P. 83, 98, 119–121; *Adams J.* *The «Populus» in Jerome and Augustine // A Study in the Patristic Sense of Community*. New Haven; L., 1971, ch. 2 and Appendix A; *Russell F. H.* *The Just War...* P. 19–20; *Hartigan R.* *Saint Augustine...* P. 195–204; *Swift L. J.* *Augustine on War and Killing: Another View // The Harvard Theological Review*. Vol. LXVI (1973). P. 369–383.

²¹ *Augustine*. *Contra faustum manichaeum*, XXII, 74.

Предложенная Августином трехчастная формула справедливой войны была доработана теологами и юристами классического Средневековья, среди которых важнейшее место, бесспорно, занимал Грациан, создавший около 1140 г. полный свод канонического права, озаглавленный им «*Concordia Discordantium Canonum*», но более известный как «Декрет». Для Грациана заповедь «возлюби врага своего» не исключала насилия над врагом, поскольку христианская любовь подразумевает искоренение греха: наказание виновного избавляет его от вины²². Таким образом, Грациан продолжил вслед за Августином использовать христианское милосердие в качестве мотивации для начала войны, сделав это краеугольным камнем собственного отношения к войне, воспринятого последующими знатоками канонического права²³. Грациан усилил акцент на необходимости стремления к миру и милосердном отношении к побежденному противнику. Для него воинская доблесть сама по себе является Божьим даром, а война – лишь средством для заключения мира, поэтому войны должны быть миролюбивыми даже в сражении, ибо их цель – восстановление справедливости²⁴. Исследовав возможные правонарушения, Грациан пришел к выводу о том, что враг может дать только три повода для войны: начать ее первым, отказаться наказывать своих подданных за совершенные ими злодеяния или не возвращать украденную собственность. Следовательно, согласно своду канонического права Грациана, существует три причины для ведения справедливой войны: защита своей земли и своих подданных от нападения врага, возвращение собственности²⁵ и наказание преступлений²⁶ (в том числе преступлений религиозного характера, направленных против Бога или Церкви). Для Грациана, как и для его предшественников, важным условием *ius ad bellum* (помимо стремления к миру и наличия справедливой причины) была санкция законной власти²⁷. Действующие по приказу Бога или законной власти освобождаются от греха человекоубийства²⁸. Следуя за Августином, Грациан подчеркивал, что повиновение плохим приказам и даже участие в войне, вызванной алчностью государя, снимает с воинов вину, которая полностью ложится на монарха²⁹. Только законный правитель, обладающий правом провозглашения войны, несет

²² *Gratian. Decretum // Corpus Juris Canonici. Vol. I. C. 23 q. 3 c. 6; q. 4 c. 32; q. 4 c. 25, 35, 44; q. 5 c. 17.*

²³ *Russell F. H. The Just War... P. 58–60.*

²⁴ *Gratian. Decretum // Corpus Juris Canonici. Vol. I. C. 23 q. 1 c. 3, 4, 6.*

²⁵ *Ibid. C. 23 q. 2 c. 1: «Iustum est bellum, quod ex edicto geritur de rebus repetendis, aut propulsandorum hominum causa».*

²⁶ *Ibid. C. 23 q. 2 c. 2: «Iusta autem bella solent diffiniri, que ulciscuntur Iniurias».*

²⁷ *Ibid. C. 23 q. 1 c. 4; q. 2 c. 2.*

²⁸ *Ibid. C. 23 q. 5 c. 47.*

²⁹ *Ibid. C. 23 q. 1 c. 4; q. 5 c. 25.*

за нее ответственность. Во избежание недоразумений Грациан предложил следующее определение: «Справедливая война ведется по эдикту для наказания правонарушений»³⁰. В середине XIII в. эту формулу повторил Фома Аквинский, утвердивший необходимость наличия трех составляющих элементов: санкции со стороны законной власти, справедливой причины и справедливой цели³¹.

Составивший в середине XIII в. свод английского общего права Генрих Брактон относил законные войны к сфере *ius gentium*³², утверждая, что «такие войны ведутся государем для защиты родины или обуздания жестокости»³³. Брактон признавал, что для ведения справедливой войны требуется санкция государя³⁴ (который является «викарием Господа и его слугой на земле» («*sicut Dei vicar et minister in terra*»)), а также справедливые причины, среди которых на первое место выходит защита государства и его населения. Король должен первым заботиться о благополучии родины («*ad tuitionem patriae*»), а его подданные должны вместе с ним защищать

³⁰ *Gratian. Decretum. C. 23 q. 2 d. p. c. 2: «Cum ergo iustum bellum sit, quod ex edicto geritur, vel quod iniuriae ulciscuntur».* Подробнее см.: *Russell F. H. The Just War... P. 60–68; Regout R. La doctrine de la guerre juste de Saint Augustin à nos jours, d'après les théologiens et les canonistes catholiques. P., 1935. P. 61–65; Hubrecht G. La «juste guerre» dans le Décret de Gratien // Studia Gratiana. Vol. III (1955). P. 161–177.*

³¹ *Thomas Aquinas. Summa Theologiae, 2–2, q. 40, art. I, resp. «Dicendum quod ad hoc aliquod bellum sit iustum, tria requiruntur. Primo quidem auctoritas principis cuius mandato bellum est gerendum. Non autem pertinet ad personam privatam bellum movere, quia potest ius suum in iudicio superioris prosequi. Similiter etiam convocare multitudinem, quod in bellis oportet fieri, non pertinet ad privatam personam. Cum autem cura reipublicae commissa sit principibus, ad eos pertinet rem publicam civitatis vel regni vel provinciae sibi subditae tueri. Et sicut licite defendunt eam materiali gladio contra interiores quidem perturbatores, dum malefactores puniunt [Romans 13:4]. Ita etiam gladio bellico ad eos pertinet rempublicam tueri ab exterioribus hostibus [Psalm 81:4; Augustine. Contra faustum manichaeum, 22, 75]. Secundo, requiritur causa iusta, ut scilicet illi qui impugnantur propter aliquam culpam impugnationem mereantur [Augustine Quaestiones in Heptateuchum, 6, 10]. Tertio, requiritur ut sit intentio bellantium recta, qua scilicet intenditur vel ut bonum promoveantur vel ut malum vitetur [Gratian. Decretum. C. 23 q. 1 c. 6]. Potest autem contingere ut si sit legitima auctoritas indicentis bellum et causa iusta, nihilominus propter pravam intentionem bellum reddatur illicitum» [Augustine. Contra faustum manichaeum, 22, 74; Gratian. Decretum. C. 23 q. 1 c. 4] (цит. по: *Russell F. H. The Just War... P. 268*).*

³² *Ius gentium* (право народов) – в римском праве нормы, регулирующие отношения между гражданами и негражданами (представителями иностранных общин). Вслед за римскими юристами Брактон к универсальному праву народов относил такие понятия, как брак (*matrimonium*), вера в Бога (*erga Deum religio*), серваж и освобождение сервов (*manumissiones*), разделение народов на отдельные государства (*ex hoc etiam iure gentium deiscretae, id est separatae vel divisae sunt gentes, regna condita et dominia distincta*) и пр. (*Bracton. Vol. I. P. 24–28*).

³³ *Ibid. Vol. I. P. 26: «Item ex hoc iure gentium introducta sunt bella, cum ad tuitionem patriae inducuntur a principe, vel propulsantur violentiae».*

³⁴ Здесь следует отметить, что частные войны в Англии были запрещены и рассматривались как преступление против королевской власти (*Pollok F., Maitland F. W. The History of English Law before the Time of Edward I. 2nd ed. Cambridge, 1968. Vol. I. P. 301–302*).

свою страну и Божий народ: «cum rege... militent, et defendant patriam et populum dei», поскольку «меч предназначен для защиты королевства и родины» («Gladius autem significat defensionem regni et patriae»)³⁵. Именно это основание для справедливой войны английский правовед чаще всего приводит в своем сочинении. Разбирая практику судопроизводства при убийстве, Брактон отмечает, что убийство, совершенное в ходе несправедливой войны, является преступлением, заслуживающим такого же наказания, как и убийство в мирное время³⁶.

Христианская мысль допускала существование не только войны справедливой, но и войны священной. Под священной войной подразумевалась война за веру, как правило, под предводительством лица, наделенного божественной властью, или же просто им санкционированная. В современной историографии довольно популярно утверждение о том, что еще Августин Блаженный подготовил в своих трудах почву для крестовых походов³⁷. Именно крестовые походы стали в классическое Средневековье традиционной формой священной войны, которая включала в себя не только экспедиции в Святую землю, но также и карательные акции против еретиков³⁸. В период Великой схизмы для оправдания крестового похода епископа Нориджского во Фландрию и Францию англичане удачно сочетали традиционные для Столетней войны рассуждения о борьбе за справедливость с необходимостью возвращения еретиков (сторонников авиньонского папы) в лоно «истинной» христианской Церкви. Однако не стоит думать, что средневековые теологи и историографы проводили четкое терминологическое различие между двумя разрешенными видами войны. В эпоху господства канонического права юридические вопросы были тесно связаны с религиозными, что неизбежно приводило к сглаживанию границ между понятиями «священной» и «справедливой» войны.

Признавая существование справедливых и даже священных войн, христианские теологи, особенно в период поздней Античности и раннего Средневековья, не могли обойти стороной вопрос об очищении христианина от пролитой крови. Наиболее жестко по этому вопросу высказался в середине IV в. Василий Великий, предписывающий лишать причастия на три года каждого, совершившего убийство в ходе военных действий. Впрочем, на фоне одиннадцатилетнего покаяния за человекоубийство в мирное время срок в три года не выглядит таким уж строгим. В англосак-

³⁵ *Bracton*. Vol. I. P. 38; Vol. II. P. 174.

³⁶ *Ibid.* Vol. II. P. 280: «Item fit homicidium in bello, et tunc videndum, utrum bellum sit justum vel injustum. Si autem injustum, tenebitur occisor: si autem justum, sicut et defensione patriae, non tenebitur».

³⁷ Например, см.: *Markus R. A. Saint Augustine's Views on the «Just War» // The Church and War. The Ecclesiastical Historical Society / Ed. W. S. Sheils. L., 1983. P. 12.*

³⁸ *Russell F. H. The Just War... P. 2.*

сонских королевствах в VII–VIII вв. воинам предписывалось сорокадневное очищение³⁹. Однако, скорее всего, подобные требования принесения длительного покаяния редко осуществлялись на практике хоть с какой-либо регулярностью. Что же касается освещаемого в данной книге периода, то для него характерна большая «терпимость» со стороны Церкви по данному вопросу. Как правило, богослужение (с исповедью и причастием) предвзяло сражение, а также осуществлялось после него (с целью отпевания павших и вознесения благодарственных молитв за благополучный исход битвы), при этом покаяние за кровопролитие уже не требовало многодневного поста и воздержания от евхаристии.

Обоснование вступления Англии в войну с Францией

Противоречия между Англией и Францией, вылившиеся в XIV–XV вв. в длительный вооруженный конфликт, уходят корнями в XI столетие, когда нормандский герцог Вильгельм завоевал англосаксонское королевство (1066 г.). Став суверенным властителем Англии, Вильгельм продолжал оставаться вассалом французского короля в отношении Нормандского герцогства. Век спустя его правнуку, Генриху II, удалось, благодаря браку с герцогиней Аквитании Алиенорой и другим внешнеполитическим успехам, существенно увеличить континентальные держания английских королей, сосредоточив под своей властью герцогства Нормандию, Гиень (Аквитанию) и Бретань, а также графства Анжу, Мен, Турень и Пуату. Несмотря на то что по совокупности владения английского короля во Франции значительно превосходили размер королевского домена, Генрих Плантагенет и его сыновья неизменно приносили за каждый из фьефов оммаж и клятву верности королям Франции. Такое соотношение сил не устраивало ни английскую, ни французскую сторону. Начиная с середины XII в. английские короли стремились превратить суверенитет французских королей над их континентальными владениями в пустую формальность. Одновременно с этим короли Франции старались централизовать государство, не только усиливая позиции короны во владениях крупнейших вассалов, но и непосредственно увеличивая за их счет королевский домен. Столь диаметрально противоположные внешнеполитические цели превращали английских государей в главных врагов французских монархов.

В начале XIII в. Филиппу II Августу удалось отвоевать у Иоанна Безземельного Нормандию, Мен, Анжу и Турень. При Генрихе III были утрачены Пуату, Лимузен и Перигор. Заключенный между Генрихом и Людовиком Святым в 1259 г. Парижский договор подтверждал утрату английской стороной всех владений от Нормандии до Пуату. За Генрихом III

³⁹ Коштанов Ф. Война в Средние века. СПб., 2001. С. 284.

признавались лишь права на герцогство Гиень, территория которого была даже увеличена за счет завоеванных в предыдущую эпоху земель. Однако отныне английский король и его потомки должны были держать герцогство на правах вассального владения. Скрепляя новый договор о мире, Генрих III впервые в истории англо-французских отношений принес французскому королю оммаж за Аквитанию. Как написал об этом биограф Людовика IX Жан де Жуанвиль, подчеркивая не только великодушие, но и мудрость своего государя: «Мир, который он [король Людовик. – Е. К.] заключил с королем Англии, был утвержден вопреки желанию совета, говорившего ему: “Сир, нам кажется, что вы напрасно теряете землю, отдаваемую английскому королю, потому что он не имеет на нее права; ибо его отец потерял ее по судебному приговору”. И король ответил на это, что ему хорошо известно, что у английского короля нет на нее права; но есть причина, по которой он ему должен уступить: “Ведь наши жены – сестры, а наши дети – двоюродные братья; поэтому надобно, чтобы между нами был мир. Для меня же мир, который я заключил с английским королем, очень почетен, так как теперь он мой вассал, каковым прежде не являлся”»⁴⁰.

Во второй половине XIII в. доходы герцогов Гиени были вполне сопоставимы с доходами английского короля, при этом, поскольку Аквитания или, как ее чаще всего именовали в Англии, Гасконь, являлась частью домена Плантагенетов, значительная часть поступлений с этих территорий прямоком попадала в королевскую казну. Прочные связи Англии и французского юго-запада поддерживались не только протекционистской политикой Плантагенетов, предоставлявших гасконским и английским купцам выгодные условия для укрепления торговых отношений между регионами, но и политическими предпочтениями гасконских феодалов. Последние быстро научились извлекать максимум выгоды из противоречий между своим непосредственным сеньором, находившимся, как правило, за пределами герцогства, и его собственным сюзереном, королем Франции. Сложные хитросплетения прав и условность границ самого герцогства, а также входивших в его состав вассальных земель порождали бесконечные споры и тяжбы. В свою очередь, французская корона поощряла не только апелляции гасконцев на решения, вынесенные английскими судьями, но и непосредственное вмешательство собственных сенешалей в распри между жителями Гиени, позволяя последним пренебрегать существованием герцогского суда. Дело в том, что проведенные еще в середине XIII в. реформы Людовика Святого, превратившего королевский суд в высшую судебную и апелляционную инстанцию, открытую для всех свободных жителей

⁴⁰ *Жуанвиль, Жан де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. Г. Ф. Цыбулько. СПб., 2007. § 65.

Франции, способствовали усилению королевской власти и обретению ею публично-правового характера. Важно подчеркнуть, что речь шла не о замене сеньориальной юстиции юстицией суверена, но о признании главенства последней над судебными органами его вассалов, а также превосходство «кутюмы королевства», то есть общегосударственного права, над кутюмой фьефов – обычаем феодальных владений. Между тем герцоги Гиени, так же как и другие могущественные сеньоры, изо всех сил старались отстоять старинные привилегии своих судов. Строгие запреты на апелляцию в курию французского короля, издаваемые правителями Гиени, трактовали любые подобные акции как нарушение судебных прерогатив герцога, что означало ни много ни мало, но вассальную измену. Аналогичным образом французские короли были склонны рассматривать отказ своих вассалов от явки в суд для дачи показаний в связи с апелляциями⁴¹.

В 1294 г. Филипп IV Красивый призвал Эдуарда I к суду по делу о жалобе жителей Ла-Рошели, подвергшейся пиратскому нападению гасконцев. Желая избежать унижительной процедуры дачи показаний в суде сеньора, английский король отправил вместо себя своего брата Эдмунда и передал французскому королю несколько пограничных замков. Тем не менее суд принял решение о конфискации герцогства у непокорного вассала, что неизбежно повлекло за собой войну с королем Англии. Начавшаяся война на первом этапе складывалась более чем удачно для французской стороны: возглавлявший королевские войска Карл Валуа смог за три летние кампании (1294–1296 гг.) сломить сопротивление большинства гасконских крепостей. Война с Шотландией и волнения в Уэльсе не позволяли Эдуарду I полностью сосредоточиться на континентальных проблемах. В свою очередь, разразившийся в начале 1297 г. конфликт французского короля с графом Фландрии Ги Дампьером, выступившим в союзе с Эдуардом против своего сеньора, помешал Филиппу IV закрепить достигнутый успех. Заключенный при посредничестве Бонифация VIII мир не только подразумевал возвращение Гиени наследному герцогу, но и устанавливал близкие родственные отношения между двумя соперничающими государями. Эдуард I, уже почти десять лет скорбевший об утрате своей первой жены Элеоноры Кастильской, женился на сестре короля Филиппа Маргарите. Наследник английского престола, будущий Эдуард II, обещал вступить в брак с дочерью французского короля Изабеллой. Этот союз, заключенный в 1308 г., стал главной причиной одной из самых продолжительных войн эпохи Средневековья.

⁴¹ *Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989. С. 20–28; *Цатурова С. К.* Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002. С. 16–17; *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 515–520.

Родственные узы никоим образом не гарантировали прекращение конфликтов между сеньором и вассалом за Аквитанию. В 1323 г. спор из-за небольшой крепости Сен-Сардо снова вынудил французского короля, на этот раз младшего из сыновей Филиппа IV, Карла IV, носящего, как и отец, прозвище Красивый, объявить о конфискации Гиени. По условиям заключенного в 1325 г. договора Эдуард II уступал шурина ряд замков, обязался выплатить солидную контрибуцию, а также передавал спорное герцогство своему старшему сыну Эдуарду, будущему Эдуарду III. Уплатив полагающийся рельеф в 60 тысяч ливров и принеся оммаж законному сеньору, принц Эдуард вступил в права герцога Гиени.

Впрочем, довольно быстро Эдуард II пожалел о принятом решении и попытался вернуть Аквитанию. Дело в том, что отправившийся приносить Карлу IV оммаж и клятву верности принц Эдуард не вернулся в Англию. Находясь под влиянием сопровождавшей его матери, принц вошел в сговор с бежавшим из Тауэра мятежным бароном Роджером Мортимером. Вскоре к заговорщикам примкнули другие недовольные правлением Эдуарда английские бароны и прелаты, в том числе архиепископ Кентерберийский и епископ Херефордский. Реальную поддержку деньгами и войсками оказали сеньоры Нидерландов, прежде всего граф Геннегау, на средней дочери которого Филиппе пообещал жениться молодой принц Эдуард. В сентябре королева вместе с Мортимером, ставшим к тому моменту ее любовником, и сыном высадились на английский берег. 16 ноября мятежникам удалось захватить в плен короля и его фаворита Хью Деспенсера.

В январе 1327 г. впервые в английской истории король предстал перед судом подданных. В длинном списке выдвинутых парламентом обвинений, зачитанных королю епископом Орлетоном 20 января в замке Кенилуэрт, на первом месте значилась неспособность Эдуарда к управлению государством (*rex inutilis*). Королю также вменялось в вину то, что он позволял править вместо себя другим лицам, причинявшим вред народу Англии и ее Церкви. За годы царствования Эдуарда II английской короне был нанесен большой ущерб, ибо из-за плохого управления были потеряны Шотландия, а также земли в Гаскони и Ирландии. Многие подданные короля несправедливо были осуждены на смерть, заключение или изгнание. Нарушая коронационную клятву, в которой он обязался «осуществлять правосудие», Эдуард следовал не истине, а собственной выгоде, позволяя также поступать своим фаворитам. Последнее обвинение превращало низложение Эдуарда II в результат нарушения договора между ним и его подданными⁴². «Горестно сожалея о том, что подданные так ненавидели

⁴² England in the Later Middle Ages: Portraits and Documents / Ed. D. Baker. L., 1968. P. 38–39.

его правление», Эдуард II предпочел отречься от престола в пользу своего старшего сына, передавая самого себя его милости.

31 марта 1327 г. новый английский король подписал очередной «вечный мир» с Францией. В обмен на возвращение герцогства и прощение мятежников Эдуард III отказывался от нескольких пограничных замков и обязался выплатить 50 тысяч ливров репарации. До окончательной выплаты этих денег, а также не полностью внесенной суммы рельефа войска французского короля продолжали пребывать в Аквитании. Меньше чем через год смерть Карла IV внесла новые изменения в ход истории.

Умерший в 1314 г. король Франции Филипп IV Красивый оставил трех здоровых взрослых сыновей. Старший из них, Людовик X, прозванный современниками Сварливым, скончался от пневмонии 5 июня 1316 г. – через восемнадцать месяцев после похорон отца, оставив после себя только малолетнюю дочь от первого брака и беременную вторую жену. После громкого скандала, разразившегося еще при жизни Филиппа Красивого, когда его старшая и младшая невестки были осуждены за супружескую измену, легитимность принцессы Жанны вызывала при дворе большие сомнения. В зависимости от личных интересов часть пэров Франции признавали малютку Жанну дочерью короля Людовика, другие считали ее плодом преступной связи покойной Маргариты Бургундской⁴³. Летом 1316 г. споры о легитимности принцессы Жанны не носили столь принципиального характера, поскольку вторая жена Людовика, вдовствующая королева Клеменция Венгерская, была беременной. Увы, рожденный 13 ноября 1316 г. Иоанн I Посмертный прожил меньше пяти дней. Его смерть заставила пэров снова вернуться к обсуждению прав принцессы Жанны. Путем невероятных усилий щедрому на обещания и подарки Филиппу Пуатье, среднему сыну Филиппа IV, избранному Королевским советом регентом Франции и Наварры, удалось отстранить Жанну от престолонаследия. Поскольку доказать незаконность происхождения Жанны не представлялось возможным, умнейший из сыновей Филиппа Красивого пошел другим путем.

В течение многих лет во Франции женщины владели и наследовали земли, а за ее пределами они также могли наследовать и королевства: в Венгрии, Неаполе и Наварре благодаря им правили боковые ветви династии Капетингов. Однако за всю историю Французского королевства жен-

⁴³ Осужденная за прелюбодеяние первая жена Людовика Сварливого Маргарита Бургундская скончалась в 1315 г. вскоре после восшествия ее супруга на французский престол. Ее смерть, возможно носившая насильственный характер, оказалась весьма удобной для молодого государя, поспешившего сразу же вступить в новый брак с дочерью короля Неаполя Клеменцией Венгерской.

щина никогда не всходила на французский престол. Воспользовавшись отсутствием прецедента, легисты разработали изощренную аргументацию, согласно которой французская корона обладала столь высоким достоинством, что, наподобие императорского венца и папской тиары, не могла принадлежать женщине, но должна была переходить исключительно к наследникам мужского пола. Это положение не только открывало Филиппу дорогу к престолу, но и возвышало французскую корону как над вассальными от нее землями, так и над соседними суверенными королевствами, в которых власть могла передаваться и по женской линии. Лишь в 1358 г., в разгар Столетней войны, после битвы при Пуатье, когда пленный французский король Иоанн II обсуждал с Эдуардом III условия мира и своего освобождения, французский историограф Ришар Леско обнаружил в библиотеке Сен-Дени текст древнего «Салического закона»⁴⁴, позволивший приверженцам дома Валуа говорить о существовании во Франции старинного обычая, исключаящего женщин и их потомков из престолонаследия.

9 января 1317 г. в Реймсе граф Пуатье стал королем Франции Филиппом V. Примечательно, что, даже согласившись на эту коронацию, большинство пэров Франции отказались лично присутствовать на церемонии. Не приехали ни герцоги Бретонский, Гиенский, Бургундский, ни граф Фландрский, ни даже родной брат короля Карл, граф де Ла Марш. Нового короля поддержали лишь его дядя Карл Валуа и теща Марго д'Артуа. Судьба сыграла с хитрецом злую шутку. Филипп Длинный умер от дизентерии 2 января 1322 г., оставив после себя лишь четырех дочерей. Его младший брат Карл, бывший одним из самых горячих защитников наследных прав принцессы Жанны, получил прямую выгоду от решения Королевского совета пятилетней давности и с легкостью отстранил дочерей Филиппа от престолонаследия.

Причина смерти Карла IV 1 февраля 1328 г. неизвестна. Этот король не имел сыновей от первых двух браков, но все же оставалась надежда на то, что прямая линия дома Капетингов не прекратится на нем, поскольку его третья жена, Жанна, была на седьмом месяце беременности. Через несколько дней после смерти Карла IV в Париже собрались пэры Франции, чтобы избрать регента, а также, хотя об этом еще рано было говорить, для того, чтобы обсудить проблему наследования французской короны в

⁴⁴ *Potter J. M. The Development and Significance of Salic Law of the French // EHR. Vol. LII (1937). P. 247; Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985. P. 294–296.* Знаменитая LIX глава («Об аллодах») записанного про короле Хлодвиге «Салического закона» (этот свод обычного права в отечественной традиции чаще именуется «Салической правдой») гласила: «Земельное же наследство ни в каком случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужескому полу...»

случае, если королева родит девочку. Собрание пэров обсуждало весьма тонкий вопрос, который можно сформулировать следующим образом: если женщина не наследует корону, может ли она тем не менее передать право наследования своим сыновьям? Ближайшим родственником Карла IV был король Англии – единственный оставшийся в живых потомок Филиппа Красивого мужского пола, но он был сыном его дочери Изабеллы. После него следующим по степени родства шел Филипп, граф Валуа, племянник Филиппа IV. На собрании пэров никто из принцев крови, в том числе и герцог Эдуарда III Вильгельм Геннегау, не поддержал права внука Филиппа Красивого. Филипп Валуа был избран регентом, а после того как королева Жанна родила дочь, он сразу же стал королем Франции. «Мать не имеет права, поэтому его также не имеет и сын», – было записано хронистом монастыря Сен-Дени⁴⁵.

В 1328 г. претензии короля Эдуарда на корону Франции были лишь простой формальностью. Об этом можно судить хотя бы потому, что 6 июня 1329 г. Эдуард III принес оммаж Филиппу Валуа как королю Франции за свои континентальные владения⁴⁶. Этому событию, правда, предшествовало прибытие послов от короля Франции в Англию с требованием принести оммаж за Аквитанию, которым королева Изабелла гордо ответила, что «сын короля никогда не принесет оммаж сыну графа»⁴⁷. Однако сам Эдуард III решил не идти на конфликт с Францией, поскольку в то время молодому королю в первую очередь было необходимо укрепить свое положение в Англии (до 1330 г. фактическая власть находилась в руках его матери и лорда Мортимера), а также, дабы не оказаться перед угрозой ведения войны на два фронта, заключить мир с Шотландией. Именно на эти обстоятельства указывали английские историографы, объясняя при-

⁴⁵ Цит. по: *Sumption J. The Hundred Year War. Trial by Battle. Vol. I. L., 1990. P. 107.* Также см.: *Ле Бель, Жан. Правдивые хроники // Хроники и документы Столетней войны... С. 37–38 (Le Bel. Vol. I. P. 91–92); Фруассар. Амьенский манускрипт. С. 26, 73; Римский манускрипт. С. 229 (Froissart. Vol. II. P. 20–22, 214).* Поскольку благодаря усилиям М. В. Аникиеева появились переводы хроник Жана Ле Беля и Жана Фруассара на русский язык (доведенные на момент выхода этой книги до 1340 г.), я сочла уместным для удобства читателей давать сноски на эти издания, дублируя их ссылками на оригинальные тексты. Ориентируясь на классические образцы изданий хроник Фруассара, М. В. Аникеев подготовил перевод нескольких принципиально отличающихся друг от друга редакций текста, известных в научной литературе по названиям списков: «Амьенский манускрипт», «Римский манускрипт» и манускрипты «семейства А/В».

⁴⁶ *Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 765; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 3; Walsingham. Vol. I. P. 193; Burton. Vol. II. P. 361; The Brut. Vol. I. P. 261; Capgrave. P. 199.*

⁴⁷ *Doherty P. C. Isabella, Queen of England, 1296–1330: Ph. D. Thesis. University of Oxford, 1978. P. 279; Minois G. La Guerre de Cent ans: naissance de deux nations. P., 2008. P. 40–41; Mortimer I. The Greatest Traitor. The Life of Sir Roger Mortimer, Ruler of England, 1327–1330. L., 2003. P. 221.*

чину, по которой Эдуард III отказался отстаивать свои права сразу после смерти дяди, а, напротив, согласился принести оммаж своему конкуренту⁴⁸. Прибыв в Амьен, король Эдуард долго вел переговоры с Филиппом Валуа о форме оммажа, пока, наконец, стороны не пришли к соглашению о том, что форма присяги будет простой, без сопровождающей клятвы верности, что означало отсутствие каких бы то ни было четких обязательств со стороны вассала. Эта присяга дословно повторяла клятвы, данные в свое время предшественниками Эдуарда III (Генрихом III в 1259 г., Эдуардом I в 1274 г. и Эдуардом II в 1304 г., 1308 г. и 1320 г.), а также им самим в 1325 г., когда он вместо отца приносил оммаж Карлу IV. В отличие от герцогов Гиенских все остальные вассалы французской короны (особенно пэры Франции) приносили сопровождаемый клятвой верности «тесный» оммаж, условия которого подразумевали, в частности, долг вассала защищать своего сеньора от всех врагов и другие личные обязательства.

Достигнутое летом 1329 г. соглашение очень быстро перестало устраивать французскую сторону, и уже в следующем году английский король получил несколько писем из Франции, в которых Филипп Валуа настаивал на принесении полного оммажа, сопровождаемого клятвой верности. В марте 1331 г. Филипп VI и Эдуард III смогли прийти к некоторому компромиссу: в обмен на письменное обязательство, позволяющее считать амьенскую церемонию принесением полного оммажа, английский король освобожден от повторной присяги. Любопытно, что если обратиться к тексту и иллюстрациям «Больших французских хроник» – официальной летописи французских королей, то можно увидеть, что французские авторы настаивали на том, что полный оммаж и клятва верности были принесены Эдуардом 6 июня 1329 г. добровольно и без всяких ограничений⁴⁹. Это утверждение не только указывало на то, что изначально Эдуард охотно признал Филиппа VI законным французским королем, но также впоследствии превращало английского короля в неверного вассала и клятвопреступника.

Напротив, все английские авторы подчеркивали сомнительный характер амьенской присяги: отсутствие клятвы верности и малолетство Эдуарда, находящегося под опекой матери и Мортимера. В качестве примера можно привести анонимного автора трактата в поддержку прав Генриха VIII на французский престол, написанного в начале XVI в. Этот англичанин, посвятивший целую главу анализу принесенной Эдуардом клятвы в Амьене, однозначно заявлял, что английский король «никогда не приносил полный оммаж Филиппу Валуа и не признавал этого Филиппа королем

⁴⁸ Например, см.: *A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII*. P. 144.

⁴⁹ *Bibliothèque Nationale MS français 2813 fol. 357v* (см. иллюстрацию 26); *Hedeman A. D. The Royal Image. Illustrations of the Granded Chroniques de France, 1274–1422*. Los Angeles; Oxford, 1991. P. 116–121.

Франции или своим сеньором, а себя его человеком или вассалом», то есть в амьенской процедуре не было ничего, что бы впоследствии могло помешать Эдуарду выдвинуть свои притязания на титул и корону Франции⁵⁰. Принося клятву верности ленному владыке за свои континентальные владения, король Англии не преклонял колени и не вкладывал руки в ладони короля Франции, признавая, таким образом, Филиппа лендлордом, но не сеньором⁵¹.

Фактически, самой достоверной является версия «стороннего наблюдателя» – Жана Фруассара, вернее, версии, поскольку рассказ об амьенской присяге несколько различается в авторских редакциях «Хроник». Фруассар подробно поведал о длительных переговорах между англичанами и французами о форме оммажа, о проистекающих из природного страха англичан быть обманутыми сомнениях и колебаниях Эдуарда III, а также о разговорах при английском дворе о законных правах сына Изабеллы на французский престол. Согласно большинству списков «Хроник», в Амьене Эдуард принес простой оммаж, «не вкладывая своих рук в руки короля Франции или иного принца или прелата, представляющего его особу». Но позднее, под давлением со стороны Филиппа VI, английский король прислал письменное свидетельство (полностью процитированное историографом), в котором признавал принесенный ранее оммаж тесным и обремененным клятвой верности⁵².

Умиротворение 1331 г. оказалось на поверку столь же недолговечным, что и предшествующие англо-французские договоры. В 1332–1334 гг. два государя, оставив, как казалось, былую вражду, углубились в обсуждение проекта организации нового крестового похода. Впрочем, приходится констатировать, что назначенный папой Иоанном XXII верховным руководителем предстоящей кампании против неверных Филипп Валуа проявлял в деле освобождения Святой земли куда больше рвения, чем его английский родственник. Последнее неудивительно, поскольку у Эдуарда нашлась иная проблема, требующая военного решения. Летом 1333 г. Эдуард III открыто разорвал заключенный в 1328 г. «вечный мир» с Шотландией, ввязавшись в новую войну с северным соседом. Не забегая вперед, поскольку об англо-шотландских отношений речь пойдет ниже, укажу лишь, что война с Шотландией неизбежно влекла за собой конфликт с Францией. Дело в том, что еще в 1295 г. между Францией и Шотландией был заключен

⁵⁰ Hedeman A. D. *The Royal Image...* P. 151–152.

⁵¹ *Sumption J. The Hundred Years' War. Trial by Battle...* P. 110.

⁵² *Фруассар*. Римский манускрипт. С. 291–294; Манускрипты «семейства А/В». С. 428–429. В одной из ранних версий Жан Фруассар вслед за Жаном Ле Белем поведал о присяге максимально кратко без каких-либо подробностей (*Фруассар*. Амьенский манускрипт. С. 77–78; *Froissart*. Vol. II. P. 227–239).

договор, предполагающий военную поддержку союзника в случае вступления одной из держав в войну с любым противником. Оставаясь верным этому договору, Филипп VI всячески старался поддержать шотландцев, навязывая свою кандидатуру в качестве посредника при англо-шотландских переговорах. Углублению англо-французских противоречий косвенно способствовал новый папа Бенедикт XII, отложивший крестовый поход на неопределенный срок до полного примирения христианских государей. Наконец, не последнюю роль в разрыве мира с Францией сыграл бежавший в Англию от правосудия Филиппа VI граф Роберт д'Артуа. Именно ему историческая традиция преписывает подстрекательство Эдуарда III к войне за французскую корону.

Начало Столетней войне было положено самым традиционным для французских королей способом. Следуя примерам своих предшественников, Филипп Валуа сначала заручился жалобами гасконских феодалов на своего герцога, после чего вызвал Эдуарда III в Париж для дачи показаний, а 24 мая 1337 г., после того как английский король не явился в суд, обвинил его в нарушении вассального долга и объявил об очередной конфискации Гиени. В ответ Эдуард III приказал капитанам гарнизонов своих городов на континенте готовиться к сопротивлению вторжению короля Франции, начавшего войну⁵³. Однако между фактическим началом войны и отплытием английского войска для «защиты прав» Эдуарда III на французскую корону прошло около двух лет. За это время король Англии постарался заключить ряд союзных договоров с фландрскими сеньорами и городами, а также с императором Людовиком Баварским, который даровал Эдуарду титул викария империи, позволявший последнему набирать неограниченное количество наемников в германских землях⁵⁴. Во второй половине XIV в. хронист Генрих Найтон так описал условие договора, заключенного Эдуардом с императором и князьями Германии в Кельне: «Император и другие князья поклялись королю Англии, что они будут помогать ему и поддерживать его против короля Франции, и в течение следующих семи лет, если война между упомянутыми двумя королями продлится так долго, они будут готовы служить ему и умереть за него. И также они поклялись королю, что вся знать Кельна и округа сразу же примкнет к королю Англии и всегда будет готова последовать за ним, куда бы он ни позвал их против короля Франции, в любое выбранное им место. А если случится, что кто-нибудь из них откажется повиноваться королю Англии в этом, тогда все другие [князья] Верхней Германии восстанут против этого одного и уничтожат его»⁵⁵.

⁵³ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 977, 988–989.

⁵⁴ Ibid. P. 996–999.

⁵⁵ Knighton (1). P. 10.

Готовясь к предстоящей войне, Эдуард III не оставил без внимания «общественное мнение», постаравшись разъяснить причины конфликта с Филиппом Валуа максимальному числу людей. Для этого он предпринял целую серию обращений к своим подданным, подданным французской короны и других государств, подробнейшим образом аргументируя необходимость начала военных действий против Франции. Об этом и других приемах, используемых властью для организации идеологического воздействия на сознание масс, речь пойдет в третьей главе данной части. Здесь же я хочу остановиться на идейном содержании королевской пропаганды, а также на ее восприятии и отражении в общественном сознании.

Обращаясь к этой проблеме, трудно не согласиться с мнением одного из крупнейших специалистов в области английской средневековой историографии Антони Грэнсен, утверждающей, что сам термин «пропаганда», подразумевающий распространение каких-либо идей с целью влияния на массовое сознание, следует весьма осторожно использовать применительно к эпохе Средневековья. Разбирая этот сюжет на материале английской хронистики, А. Грэнсен приходит к выводу о том, что вплоть до конца XIV – начала XV в. официальная пропаганда, осуществляемая в исторических сочинениях, охватывала «лишь небольшой круг людей», поскольку только с распространением грамотности и с появлением печатного станка идеи хронистов стали доступны широким слоям населения⁵⁶. До этого времени, несмотря на то что власть периодически предпринимала попытки распространять важные с ее точки зрения идеи среди подданных, они доходили лишь до весьма ограниченной аудитории.

Сочинения хронистов и историографов, даже если они писались по специальному правительственному заказу (стоит напомнить, что в Англии не существовало аналога официальным «Большим французским хроникам»), не могли являться для современников основным рупором пропаганды. Поэтому произведения историографического жанра следует воспринимать не столько в качестве инструмента пропаганды, которая в этом случае выглядит действительно малоэффективной из-за очень узкого круга ее реципиентов, а скорее как ее продукт. Как и другие подданные английской короны, хронисты, создавая свои произведения, пребывали в том же пространстве заданных представлений о войне и находились в той или иной степени под воздействием источников, создававших это представление: королевских прокламаций, церковных проповедей, разъяснявших прихожанам смысл и ход введущихся боевых действий, программных изображений на монетах, печатях и т.п. Между тем анализ содержания

⁵⁶ *Gransden A. Propaganda in English Medieval Historiography // Journal of Medieval History. Vol. I (1975). P. 364.*

исторических произведений позволяя понять, как преломлялись сложившиеся при дворе официальные взгляды при проекции на более широкую плоскость обыденной ментальности.

Исследуя причины, которыми Эдуард III руководствовался, начиная Столетнюю войну, большинство историков XX в. приходило к выводу о том, что конфликт был вызван конфискацией королем Франции континентальных английских владений. Действительно, в самом начале войны (в 1337 г.) король Эдуард не выдвигал никаких генеалогических претензий на французскую корону. В письме к папе в октябре 1337 г. Он приводил три других основания для войны против Филиппа Валуа. Во-первых, последний, будучи коронованным французской короной, не только попирает права Эдуарда III в Аквитании, испокон веков принадлежавшей его предкам – королям Англии, но и вторгся на территорию самого герцогства, «незаконно захватывая» города и земли⁵⁷. По мнению одного из авторитетнейших хронистов XIV в. Ранульфа Хигдена, а также тех историографов, которые использовали его «Полихроникон» в качестве основного источника, для короля Эдуарда вообще не существовало других оснований для войны во Франции, кроме «незаконного захвата и удержания земель и городов в Гаскони и других заморских владениях» Англии французским королем⁵⁸. Целый ряд других английских историков также ставит оккупацию Гаскони на первое место⁵⁹, что объясняется в большинстве случаев хронологическим принципом изложения событий.

В качестве второй причины начала войны Эдуард указал на военный союз между Францией и Шотландией, направленный против Англии. Более того, он открыто обвинил Филиппа Валуа в том, что он «подстрекал» шотландцев к восстанию против их истинного суверена⁶⁰. О существовании франко-шотландского союза, направленного против Англии, упоминают многие историографы⁶¹. Например, Генрих Найтон отметил, что «король французский Филипп поклялся и дал слово, что он полностью уничтожит короля Англии и станет, осуществляя это, либо богатейшим, либо беднейшим королем в христианском мире. И все это потому, что король Эдуард весьма старался притеснить шотландцев»⁶². Младший современник

⁵⁷ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1004.

⁵⁸ Higden. Vol. VII. P. 202, 332; Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 202; Annales de Oseneia. Vol. IV. P. 350.

⁵⁹ Higden. Vol. VIII. P. 333; Walsingham. Vol. I. P. 204; Lanercost. P. 322; Knighton (1). P. 2; Capgrave. P. 205; Adam Murimuth. P. 171; Kirkstall Abbey Long Chronicle. P. 86; Le Baker. P. 56; Avesbury. P. 303; Fabyan. P. 444; The Brut. Vol. II. P. 294; The Anonimalle Chronicle. P. 12.

⁶⁰ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1004.

⁶¹ Adam Murimuth. P. 77–78; Grafton. P. 337; The Anonimalle Chronicle. P. 10; Fabyan. P. 444.

⁶² Knighton (1). P. 2.

Найтона, писавший на рубеже XIV–XV вв., анонимный монах из аббатства Керкстолл не только сообщил о франко-шотландском союзе, но и рассказал о том, для чего этот союз был заключен Филиппом Валуа. Последний якобы «подстрекал шотландцев к мятежу против короля Англии» не из-за личной неприязни к Эдуарду III или своего дурного характера, а в надежде на то, что, пока король Эдуард будет занят войной с Шотландией, он сам сможет легче удерживать захваченные им английские земли «вместе с остальными наследственными землями короля Англии [то есть с узурпированным королевством Францией. – *Е. К.*]»⁶³. Еще для одного автора – каноника из Осни Джеффри Ле Бейкера, составившего свою хронику в середине XIV в., франко-шотландский союз являлся главной причиной Столетней войны. При этом он, в отличие от других хронистов (которые, ориентируясь на прокламации Эдуарда III, сообщают о том, что король Англии счел своим долгом выступить против «подстрекателя» Филиппа Валуа), указал, что сам «напыщенный тиран [Филипп Валуа. – *Е. К.*] пришел в ярость и объявил войну Англии»⁶⁴.

Третья причина, приведенная Эдуардом в письме к папе, заключалась в том, что по приказу Филиппа Валуа французские пираты нападали на английское побережье⁶⁵. Эти нападения, продолжившиеся и в следующем году, также не были обойдены вниманием английских историографов. Например, Найтон так описал атаку французов на Саутгемптон 5 октября 1338 г.: «Они высадились в Саутгемптоне и убили тех, кого нашли там, и ограбили, и повесили многих добрых горожан в их собственных домах, и подожгли город с великой жестокостью. Но когда люди из окрестностей выступили против них, они поднялись на свои корабли и вышли в открытое море»⁶⁶. Об этом, а также об аналогичных нападениях на Гарвич, Гастингс, Плимут, Дувр, Фолкстон и другие места упоминают почти все английские хронисты⁶⁷. Нападение на Саутгемптон французских моряков по повелению Филиппа Валуа описал и придворный поэт Эдуарда III Лоренс Мино, посвятивший целый цикл написанных по-английски стихов военным кампаниям своего государя. Согласно версии поэта, Филипп Валуа, узнав, что король Эдуард собирается защищать свое право (*his right*) и отправился в Бранбонт с целью заключения военного союза, повелел морякам отплыть

В Англию и, никого не щадя,

Сжечь и убить как мужчин, так и женщин

⁶³ Kirkstall Abbey Long Chronicle. P. 86.

⁶⁴ *Le Baker*. P. 58.

⁶⁵ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1004.

⁶⁶ *Knighton (1)*. P. 12. Также см.: *Gray*. P. 106; *Grafton*. P. 343; *Fabyan*. P. 447; *Le Baker*. P. 62.

⁶⁷ *Adam Murimuth*. P. 87–90; *Le Baker*. P. 63–64; *The Anonimalle Chronicle*. P. 13; *Capgrave*. P. 205.

И детей, чтобы никто не остался в живых.

И моряки подняли вверх руки

*И возблагодарили Бога за эти известия*⁶⁸.

В «Длинной хронике аббатства Керкстолл», написанной под сильным влиянием составленного в 60-х гг. XIV в. анонимного псевдопророчества, известного в историографии как «Бридлинтонское»⁶⁹, сказано, что король Франции «много раз пытался с флотом вторгнуться в королевство Англию». Автор хроники приводит следующие объяснения: «Зная о том, что король Эдуард Английский должен был вступить на трон Франции как законный и ближайший наследник; Филипп, без сомнения, боялся его и, не удовлетворившись узурпацией Французского королевства», решил захватить все земли Эдуарда III: и Аквитанию, и острова, и всю Англию⁷⁰. Хронист ссылается на «Пророчества»:

Высокомерие глупых французов породит злодейство.

Они начнут войны, чтобы уничтожить английские земли.

Они разрушат города, превознося себя до небес.

*Ни мольбой, ни подарками нельзя будет удержать от ведения войны их, Верящих, что они смогут обратить англичан в рабство*⁷¹.

В 1337 г. Эдуард III еще не высказывал притязаний на французскую корону, но уже называл Филиппа VI «господином Филиппом, именующим себя королем Франции» («Dominus Philippus, Regem Francie se dicente»)⁷². Историографы, придерживающиеся хронологического изложения событий, как правило, пишут о династических правах английского короля под 1339–1340 гг., после перечисления остальных причин войны. Лишь немногие историки XIV в., подобно процитированному выше монаху из аббатства Керкстолл, экстраполируют знание о принятии Эдуардом титула французского короля, рассказывая о более ранних событиях. Последнее вовсе не означает второстепенности этой причины. Для большинства хронистов именно она является основной и заслуживающей более пристального анализа⁷³, а для некоторых и просто единственной⁷⁴. Например, на рубеже XIV–XV вв. цистерцианец Томас Бертон специально посвятил этой проблеме XXXI главу своего сочинения, озаглавленную им «О нача-

⁶⁸ Laurence Minot // English Political Poems. Vol. I. P. 64.

⁶⁹ Подробнее см. соответствующий раздел 2-й главы I части настоящей работы.

⁷⁰ Kirkstall Abbey Long Chronicle. P. 86.

⁷¹ Ibid. P. 87.

⁷² Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1004.

⁷³ Gray. P. 103; Le Baker. P. 66–67; The Brut. Vol. II. P. 293; Chronicles of London / Ed. C. L. Kingsford. Oxford, 1905. P. 10; Fabyan. P. 445; Hall. P. 50–51; Higden. Vol. VIII. P. 332–333.

⁷⁴ Hardyng (2). P. 324; The Anonimale Chronicle. P. 17; Chandos. P. 8–9; Anonimi Cantuariensis Chronica / Ed. J. Tait. Manchester, 1914. P. 195; Kirkstall Abbey Long Chronicle. P. 87; Grafton. P. 355.

ис, причине и поводе для войны во Франции и о праве короля Эдуарда Английского в королевстве Франции». Перечислив все четыре причины войны, Томас Бертон намеренно расположил их по степени важности: права на трон, возвращение захваченных земель в Аквитании, месть за подстрекательство шотландцев к нападению на Англию, защита самой Англии и ее населения от атак с моря⁷⁵. Со временем хронологическая дистанцированность авторов от описываемых ими событий внесла серьезные корректировки в повествование об истоках англо-французской войны: опираясь на труды своих предшественников, историки XV и последующих веков рассказывали и о нападениях французов на английские земли, и о франко-шотландском союзе, однако по-настоящему важной и действительно определяющей стала именно династическая причина. Вследствие этого, как правило, уже в самом начале рассказа о правлении Эдуарда III помещалось указание на то, что он «по праву отца был наследником Англии и по праву матери – наследником Франции»⁷⁶.

Главными источниками для большинства хронистов по вопросам, связанным с началом войны, были королевские письма и официальные прокламации. В своем письме к папе от 2 июля 1339 г., написанном в Антверпене, король Эдуард напоминал, что его мать Изабелла являлась самой близкой родственницей покойного короля Карла IV, поскольку из детей Филиппа IV только она осталась в живых, а трое его сыновей умерли, не оставив потомства. Следовательно, она и ее сын имеют больше прав на корону, чем Филипп Валуа, приходящийся королю Карлу всего лишь кузеном⁷⁷. Генеалогическое древо французского королевского дома помещено во многих хрониках, но есть смысл отдельно остановиться лишь на сочинении Генриха Найтона, который из-за того, что ошибочно называет Жанну (дочь Людовика X, жену графа Эвре Филиппа III, мать Карла II Наваррского) старшей дочерью короля Филиппа IV (а Изабеллу, соответственно, младшей), вынужден прибегать к дополнительной аргументации законности требований Эдуарда III и оправдания военных действий. По мнению этого автора, королевство должно быть не поделено между «сестрами», а полностью отойти к наследнику младшей из них (то есть королю Англии), поскольку тот «заявил свои права на Францию первым»⁷⁸.

Особенно интересно обратиться к английской критике «Салического закона». Необходимо отдать должное английским юристам и теологам,

⁷⁵ *Burton*. Vol. II. P. 380–382.

⁷⁶ *Rousi Joannis Antiquarii Warwicensis Historia Rerum Angliae* / Ed. Th. Heame. Oxford, 1716. P. 204.

⁷⁷ *Foedera* (2). Vol. II. Part II. P. 1086; *Walsingham*. Vol. I. P. 202; *Lanercost*. P. 320; *Ivesbury*. P. 303; *The Chronicle of Bridlington Priory*. Vol. II. P. 141–142.

⁷⁸ *Knighton* (1). P. 16.

которым требовалось представить англо-французский конфликт не как столкновение двух правовых систем, а как борьбу закона и беззакония. Соответственно, начало войны миролюбивым и справедливым королем Эдуардом, по мнению его подданных, было вызвано не превосходством английского закона над французским, но тем, что именуемое во Франции законом на самом деле является его нарушением. В письмах к папе Эдуард III обвинял Филиппа Валуа в том, что он, не боясь вызвать ненависть «человека к человеку» и «пола к полу», презрел закон природы (*ius naturae*) и, решив противопоставить закону «народные предания» (*contra legem traditiones communes*), захватил французский престол, не имея на это никакого права. Согласно этому «преданию», из-за своей хрупкости (*fragilitas*) женщина исключалась из управления государством. Но Филипп Валуа не только попирает права женщин, что является нарушением закона природы, поскольку все, в том числе и он сам, были рождены женщинами, но и права ближайшего родственника мужского пола – «ведь сын должен наследовать матери», а он был отстранен от вступления в наследство «родственником по боковой линии»⁷⁹.

Очень важно обратить внимание на последнее обстоятельство, ведь и сам Эдуард III готов признать, что управление государством – слишком тяжелое занятие для женщин. Но в данном случае, как король неоднократно подчеркивал, вместо слабой женщины бразды правления был готов взять в свои руки зрелый мужчина – ее сын и наследник, старший внук короля Франции Филиппа IV, ближайший родственник мужского пола последнего короля династии Капетингов – Карла IV. То есть вся проблема в 1337 г., так же как и в 1328 г., сводилась, по сути дела, не к вопросу о том, может ли женщина быть коронована или нет, а к тому, может ли она передать свое право наследницы сыну. Именуя Филиппа Валуа не иначе как «захватчиком и незаконным оккупантом» (*invasor et illicitus occupator*), Эдуард III жаловался папе на то, что его противник искажает «заложенный в природе закон», а ведь все в этом мире создано Богом и существует в согласии с тем, как было задумано им. Желая подтвердить обвинения в адрес Филиппа Валуа, действия которого противоречат закону, данному людям Богом, король ссылался на Новый Завет. По мнению Эдуарда, «если бы мать по закону не допускалась к управлению, то и сын считался бы отстраненным от управления, но все обстоит иначе. Иудейское царство против основания веры не перешло бы законным образом к Иисусу. Несмотря на то что тот был рожден чудом Божиим, без мужского участия, он был царского рода Давидова через женщину, Деву Марию, которая к управлению государ-

⁷⁹ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1086; *Walsingham*. Vol. I. P. 202; *Lanercost*. P. 320; *Avesbury*. P. 303; *The Chronicle of Bridlington Priory*. P. 142.

ством не допускалась, а также не должна была допускаться. Но вследствие твердой веры истинной он стал царем истинным и законным. Ведь [если бы не это], то отсутствовала бы верность соблюдения царственности и законности, а также преемственность для Иисуса сына Давидова, и имели бы место нарушение и искажение, в то время как он говорил, что пришел не нарушить закон, а исполнить»⁸⁰.

Часть хронистов полностью цитировала письма Эдуарда III и королевские прокламации, другие просто пересказывали основные аргументы короля. Например, автор «Бридлигтонского пророчества» указал, что «Сын Отца всевышнего был также по матери назван царем несчастных чудесв»⁸¹. Анонимный автор написанной в самом начале Столетней войны поэмы, озаглавленной как «Инвектива против Франции», также не обошел вниманием этот аргумент:

*Христос является царем иудейским через мать,
Следовательно, вепрь [Эдуард III]⁸² через мать стал
французским королем⁸³.*

Некоторые историки добавили к этому вескому аргументу также ссылку на Ветхий Завет, напоминая историю о «Божьем суде» в деле дочерей Салпаада, умершего в пустыне и не оставившего сыновей. Его дочери попросили Моисея и Елезара «предоставить им удел среди братьев их отца». Моисей не решился сам ответить им и представил их дело Господу. «И сказал Господь Моисею: правду говорят дочери Салпаадовы; дай им наследственный удел среди братьев отца их и передай им удел отца их; и сынам Израилевым объяви и скажи: если кто умрет, не имея у себя сына, то передавайте удел его дочери, если же нет у него дочери, передавайте удел братьям отца его; если же нет братьев отца его, отдайте удел его близкому родственнику из поколения его; и да будет это для сынов Израилевых поставлено в закон, как повелел Господь Моисею» [Числа, 27: 1–11]⁸⁴. Комментируя утверждение короля Эдуарда о том, что Филипп Валуа нарушил закон, отраженный в самой природе, Джон Эргом, составивший в середине XIV в. подробный разбор псевдопророчества из Бридлигтона, заметил, что «до сего дня природа никогда не изменяла этим постановлением» (то есть решению Бога по поводу удела дочерей Салпаада), иначе,

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ *John of Bridlington*. P. 146.

⁸² Современники Эдуарда III часто сравнивали короля с «доблестным вепрем», полагая, что именно он подразумевается в предсказании легендарного волшебника Мерлина, предсказавшего, что вепрь «в галльских лесах покажет, до чего остры его клыки». Чрезвычайно популярное в Англии «пророчество Мерлина» было написано Гальфридом Монмутским и включено в его «Историю бриттов» (около 1138 г.). *Гальфрид*. С. 115.

⁸³ *An Invective Against France // English Political Poems*. Vol. I. P. 35.

⁸⁴ *John of Bridlington*. P. 145–146; *Hall*. P. 51.

как он уверен, женщины просто не испытывали бы никакой привязанности к тому, чем они владеют⁸⁵.

О происхождении «Салического закона» в королевских прокламациях ничего не было сказано, что неудивительно, поскольку свод древнейших обычаев франков был найден только в 1358 г. Писавшим после этого события английским историкам приходилось самостоятельно исследовать данный вопрос. По мнению автора «Инвективы против Франции», мясник Гуго Капет, сменивший потом имя на Пипин, женился на наследнице французского престола и «из-за нее был весьма почитаем» своими подданными⁸⁶. Но, не удовлетворившись подобным положением вещей, этот «глупый и неблагодарный, бесчестный и дурной» человек

Составил закон, по которому женщины не имели в будущем [Права] принимать корону или заботиться о королевстве⁸⁷.

Однако этот закон, идущий вразрез со «здравым смыслом» и противоречащий «божественному велению» (*voci divinae*), по мнению анонимного поэта, неизбежно приведет Францию к гибели, ибо он направлен против закона, данного Господом, согласно которому если мужчина лишен наследников мужского пола, то, чтобы продолжить его род, ему должна наследовать дочь⁸⁸. Аналогичную историю возникновения «Салического закона» рассказал упомянутый выше комментатор, а возможно, и автор «Бридлигтонского пророчества» Джон Эргом с той лишь разницей, что он называет мясником Филиппа Красивого, пленившего наследницу французского престола своей внешностью. Он же добавил, что женщины были лишены права наследования не из-за «дурости» бывшего мясника, а из-за того, что одна из них осквернила королевское достоинство, сделав мясника королем Франции⁸⁹. В XV в. линнский приор Джон Капгрейв решительно отрицал древнее происхождение «Салического закона», называя его автором Карла IV, который из-за того, что сам не имел детей, «дабы лишить права короля Эдуарда, сына своей сестры, издал указ (*mad a statute*) о том, что ни одна женщина не должна быть наследницей Франции»⁹⁰.

В середине XVI в. историк Эдуард Холл приписал архиепископу Кентерберийскому, произнесшему речь на открытии парламента 1414 г., наиболее подробную критику «Салического закона». Архиепископ, ссылаясь на «сотню французских авторов», называет автором этого закона герцога «государства франков» (*Franconiae*) и короля сикамбров Фарамунда,

⁸⁵ *John of Bridlington*. P. 146.

⁸⁶ *An Invective Against France // English Political Poems*. Vol. I. P. 34.

⁸⁷ *Ibid*. P. 35.

⁸⁸ *Ibid*.

⁸⁹ *John of Bridlington*. P. 154.

⁹⁰ *Capgrave*. P. 206.

умершего в 426 г.⁹¹ Через много лет после смерти последнего император Карл Великий, одержав победу над саксами, расселил своих воинов за рекой Салой, «и те стали называть себя салическими “французами” или салическими галлами (*Sali Frenchemen or Sali Gaules*)». Именно эти поселенцы были так недовольны распутством германских женщин, «что установили закон, по которому женщина не должна была наследовать землю»⁹². В хронике Холла архиепископ очень умело обвиняет французов во лжи, «поскольку, по их собственному уверению, “Салический закон” французы унаследовали от своих предков – салических галлов, которым его дал Фарамунд. Но ведь франки расселились по этой территории лишь несколькими веками позже, и Фарамунд никогда не видел эту землю». Кроме того, архиепископ напомнил королю Генриху и всем собравшимся о том, что королевство Франция издавна состоит из трех частей: Галлии Бельгийской, страны кельтов и Аквитании, и «никакой Салии там нет». «Удивительно видеть, – восклицает оратор, – как французы жонглируют этим выдуманном законом» – себе в угоду они в течение веков закрывали на него глаза. «Французский народ не вспоминал об этом нерушимом законе», когда Пипин Короткий, опираясь на право своей матери, свергал Хильперика III или когда Гуго Капет отстранил от наследования единственного отпрыска рода Карла Великого, герцога Лотарингского Карла. Даже Людовик Святой, прекрасно осознавая то, что он является наследником «узурпатора Гуго Капета», смог наслаждаться королевской короной лишь после того, как доказал, что род его бабки, королевы Изабеллы, восходит к королеве Эрменгарде, дочери Карла Лотарингского. Таким образом, все притязания на французский престол Пипина Короткого, Карла Великого, Гуго Капета и Людовика Святого основаны на правах, полученных по женским линиям»⁹³. В заключение архиепископ, вслед за многочисленными предшественниками, повторяет прочно утвердившееся в сознании англичан положение о том, что «Салический закон» противоречит Библии, в то время как «закон Бога стоит выше закона Фарамунда»⁹⁴.

Рассказанная Холлом история была весьма популярной в XVI в.: с небольшими вариациями ее можно встретить во многих сочинениях, посвященных англо-французским войнам⁹⁵. Например, анонимный автор уже упоминавшегося выше трактата о правах Генриха VIII, споря с утверждениями французских историографов о том, что «Салический закон» был

⁹¹ Король западных франков Фарамунд или Фарамонд правил с 419 по 427/430 г., точная дата его смерти неизвестна.

⁹² *Hall*. P. 50.

⁹³ *Ibid*. P. 51.

⁹⁴ *Ibid*.

⁹⁵ *Redmann*. P. 27; *Holinshed, Raphael*. The Chronicle of England: 3 vols. L., 1586–1587. Vol. III. P. 555; *Шекспир У.* Генрих V. Акт II, сцена 2.

установлен королем Фарамундом в двенадцатый год его правления, указывает на то, что даже этот факт является ложным, ибо Фарамунд умер на одиннадцатом году царствования⁹⁶. Далее английский полемист обращает внимание на то, что Фарамунд правил на территории Германии, в районе Франкфурта, а эта земля ни в его времена, ни в правление Карла IV Красивого не относилась ни к Галлии, ни к доминионам Французского королевства. Следовательно, если бы даже этот закон и был придуман Фарамундом для его народа, что само по себе вызывает у подданного Генриха VIII большие сомнения, то его все равно нельзя было применять к Французскому королевству. Более того, так же как и сам Эдуард III в его посланиях к папе и другим государям, анонимный автор указывает на то, что обычай не допускать женщин к управлению государством не может быть отнесен к персоне английского короля, который, подобно другим мужчинам, обладал «virilis sexus»⁹⁷. Дальше аноним переходит к опровержению тезиса о том, что со времен Хлодвига и до эпохи Филиппа Красивого наследование короны всегда осуществлялось по мужской линии, приводя примеры и Пипина Короткого, и Гуго Капета, и Людовика Святого⁹⁸. Завершая разговор о «Салическом законе», дотошный критик обращается к ложному, с его точки зрения, тезису о том, что этот обычай позволяет сохранить неделимость государства, в то время как если бы женщины были допущены к наследованию, то землю пришлось бы делить по числу всех дочерей. Возражая своим французским оппонентам, англичанин привел в качестве примера наследование графств Геннегау, Голландии, Зеландии и Фрисландии, которые после смерти Вильгельма IV полностью перешли к его старшей сестре Маргарите (жене императора Людовика Баварского). «А королева Филиппа Английская, жена Эдуарда III, его младшая сестра, не выдвинула притязания ни на одну часть наследства»⁹⁹. Пример явно не очень хорош, поскольку король Эдуард тщетно пытался отсудить хотя бы часть наследства Вильгельма IV до тех пор, пока была жива его жена, то есть до 1369 г.

Впрочем, не следует думать, что все писавшие о начале войны между Англией и Францией уделяли чрезвычайно много внимания обоснованию претензий короля Эдуарда на французскую корону. Большинство хронистов, а также авторы многочисленных поэтических произведений ограничивались упоминанием о том, что Эдуард претендует на Францию на правах ближайшего наследника мужского пола, считая это веским и

⁹⁶ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII // Debating the Hundred Years War... P. 139, 144–145.

⁹⁷ Ibid. P. 145.

⁹⁸ Ibid. P. 145–146.

⁹⁹ Ibid. P. 149–150.

самодостаточным аргументом в пользу его требований¹⁰⁰. В качестве примера приведу типичнейшую эпиграмму, сочиненную по поводу принятия Эдуардом III титула французского короля:

*Быть королем обоих королевств есть две причины:
В Англии считаюсь королем я по отцу,
Именем матери зовусь еще и королем Франции,
Поэтому я вооружился, чтобы восстановить порядок вещей.
В год 1339¹⁰¹.*

Стоит отметить, что совсем немногие историографы пускались в рассуждения на тему того, почему король Эдуард не начал войну за свои права наследника сразу же после смерти Карла IV в 1328 г., а вспомнил о них только через десять лет, в 1337 г. Видимо, впервые объяснение этого факта прозвучало в «информационных письмах» короля: в них он ссылается на свой юный возраст (в 1328 г. Эдуарду III было 16 лет), пребывая в котором он находился под опекой Королевского совета во главе с предателем Мортимером и был лишен возможности принимать самостоятельные решения¹⁰². Именно этот «плохой и небрежный совет» не только «не выдвинул претензию короля Эдуарда на корону Франции»¹⁰³, но и «заставил Эдуарда отплыть во Францию и принести оммаж и клятву верности Филиппу Валуа, признав его законным королем Франции»¹⁰⁴. Однако, возмужав, король Англии решил бороться с несправедливостью и объявил войну французскому кузену¹⁰⁵. Большинство историков повторяют вслед за королем официальную версию, обвиняя во всем казненного Мортимера. И лишь сэр Томас Грей – единственный английский рыцарь, решивший в середине XIV в. написать историю родного острова, – добавил еще одну причину, которая помогла Филиппу Валуа «вопреки праву захватить силой» королевство Францию. Последний «был коронован, потому что родился в том

¹⁰⁰ Например, эпиграмма, приведенная в хронике из Бридлингтона, гласит:

Англия по отцовскому праву мне вверяется, Франция – по материнскому;
Следовательно, я по закону король двух королевств.

Anglia, jure patris mihi cedit, Francia matris;
Essem regnorum sic rex de jure duorum
(The Chronicle of Bridlington Priory. P. 148).

¹⁰¹ Rex sum regnorum bina ratione duorum;
Englorum cerno me regem jure paterno;
Jure matris quidem rex Francorum vocor idem.

Hinc est armorum variation bina meorum,
M. ter centeno cum ter denoque noveno

(Epigram on the Assumption of the Arms of France // English Political Poems. Vol. I. P. 26).

¹⁰² Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1109; *Walsingham*. Vol. I. P. 215–216.

¹⁰³ *Gray*. P. 83.

¹⁰⁴ *Le Baker*. P. 47.

¹⁰⁵ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1109; *Walsingham*. Vol. I. P. 216.

королевстве и имел так много друзей и сторонников, что, не рассматривая ничьи права, они избрали его королем»¹⁰⁶.

В 1339 г. Эдуард III не собирался отказываться от старых обвинений в адрес французского противника, подкрепляя их новыми аргументами. Англия изображалась лишь формальным инициатором вполне оправданных военных действий, война же в целом представлялась результатом происков коварного и злобного Филиппа Валуа. Независимо от того, какие (и в каком порядке) причины конфликта приводили английские историки, любая из них является, с их точки зрения, веским основанием для того, чтобы считать войну во Франции справедливой: в зависимости от контекста Эдуард III предстал либо как защитник божественного закона, который ведет войну для восстановления справедливости и возвращения «украденной» узурпатором собственности, либо как защитник своих подданных как в Англии, так и на континенте от нападений врага. И в том, и в другом случае, сколь бы ни был миролюбивым король Англии, он не мог, согласно официальной версии английского двора, отказаться от ведения войны, ибо на кону стояло торжество истины и благо его подданных. Эта своеобразная безальтернативность, как было показано выше, стала важнейшим компонентом в системе представлений о справедливой войне.

Готовившие официальные королевские письма (в первую очередь к папе и кардиналам) правоведа и теологи не могли оставить без внимания стремление короля Англии к миру и его неприязнь к войне. В этих письмах король Эдуард, в ответ на увещевания папы заключить мир с Францией, всячески подчеркивал, что не он, а Филипп Валуа жаждет войны и кровопролития. Сам же он, будучи ярким противником военных действий, несмотря на то что Филипп Валуа предоставил ему более чем достаточно поводов и причин для вторжения с армией на территорию Французского королевства, все же попытался урегулировать конфликт мирным путем, неоднократно предлагая «многие приятные пути к миру», стараясь при этом не наносить особенно большого ущерба собственному праву. Король прямо заявлял о том, что сам он по-прежнему готов выслушать папских легатов, посланных в Англию для установления мира с Францией, однако он уверен, что Филипп Валуа отнюдь не стремится к этому. По утверждению Эдуарда, если бы его противник действительно хотел «уклониться от опасностей войны и многочисленных расходов», то уже давно принял бы английские мирные предложения. Король Эдуард заверял папу в том, что Филипп Валуа лишь притворяется сторонником мира и благочестивым христианином: воспользовавшись договоренностью о совместном англо-французском крестовом походе в Святую землю, он собрал огромный флот

¹⁰⁶ Gray. P. 83.

для нападения на английские земли. Поэтому, несмотря на свою ненависть к войне, король Эдуард, как доблестный рыцарь, не видел в сложившейся ситуации «возможности дальше следовать дорогой мира»¹⁰⁷.

Все историографы, работавшие с текстами этих писем, неоднократно упоминали о многочисленных «смиранных» обращениях Эдуарда III к Филиппу Валуа с просьбами и мольбами о прекращении бесчинств и грабежей со стороны подданных короля Франции и о возвращении королю Англии Аквитании, которой веками владели его предки. Кроме тех хронистов, которые непосредственно цитировали королевские письма, остальные не вдавались в подробности о том, что все-таки предлагал король Англии королю Франции. Часть из них писали только о просьбах вернуть захваченные земли¹⁰⁸, другие уклончиво утверждают, что «в мирных переговорах он [король Англии. – *Е. К.*] шел на большие уступки»¹⁰⁹. Некоторые подробности можно найти в анонимном тексте, автором которого предположительно являлся францисканец из Ланеркоста, сообщаящем, что в 1337 г. «для сохранения мира» с королем Франции король Эдуард отправил тому несколько писем, в которых предлагал Филиппу Валуа на семь лет Гасконь в «свободное владение» с правом распоряжаться всеми походами с этих земель, а также ряд династических браков и совместный крестовый поход в Святую землю. Под 1338 г. сообщается, что, «поскольку в действительности король Франции отказался от любого доброго варианта мира и разумного согласия», король Англии отправился с войском во Францию¹¹⁰. И хотя монастырские хронисты чаще всего не рассказывают о мирных предложениях Эдуарда III накануне войны, они, тем не менее, при дальнейшем изложении событий старательно подчеркивают миролюбие английских государей и их неизменную готовность к справедливому прекращению конфликта.

Очевидно, что большинство английских авторов просто не задумывались над тем, действительно ли король Эдуард желал вернуть себе причитающийся ему по праву трон Франции или же просто воспользовался тем обстоятельством, что он является ближайшим родственником Карла IV, как предлогом для войны. Безусловно, в начале войны оккупация Гаскони и нападения на острова и побережье Англии, страх перед жестоким врагом, угрожающим непосредственно мирным жителям, заставлял население английских земель достаточно много размышлять именно о локальных причинах войны, что и нашло отражение в более ранних хрониках иссле-

¹⁰⁷ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1004, 1086–1087, 1107; Lanercost. P. 320; Avesbery. P. 303; Walsingham. Vol. I. P. 119–121, 201–208; The Chronicle of Bridlington Priory. P. 140–147.

¹⁰⁸ Higden. Vol. VIII. P. 333; Capgrave. P. 205; Adam Murimuth. P. 171.

¹⁰⁹ Kirkstall Abbey Short Chronicle. P. 105.

¹¹⁰ Lanercost. P. 293.

дуемого периода. Со временем, когда нападения французов на Аквитанию и саму Англию, а также их совместные с шотландцами военные акции стали постоянными и привычными и уже не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее, в памяти современников главное место заняли династические притязания английских королей на французскую корону. Вслед за Эдуардом III каждый новый король регулярно собирал войска и деньги, дабы отвоевать земли предков и титул.

В 1359 г., находясь в Лондоне, плененный в битве при Пуатье (19 сентября 1356 г.) французский король Иоанн II подписал договор, по которому в обмен на отказ Эдуарда III от претензий на французский трон тот получал в суверенное владение весь юго-запад в границах древней Аквитании, а также Анжу, Мен, Пуату, Турень, Нормандию, Понтье, Кале и некоторые острова у берегов Фландрии. Разумеется, подобный договор был воспринят во Франции без всякого восторга. По словам авторитетнейшего хрониста первой половины XV в. Томаса Уолсингема, против его условий «возражали все французы» («*quibus omnibus Franci contradixerunt*»)¹¹¹. Принявший титул регента Франции дофин Карл отказался признать подписанный его отцом документ. Вследствие этого осенью 1359 г. Эдуард III начал новую военную кампанию, закончившуюся в мае 1360 г. подписанием мира в деревушке Бретињи близ Шартра¹¹². По этому договору «окончательный мир» был установлен на следующих условиях: в обмен на отказ Эдуарда III от притязаний на французскую корону он получал в полное распоряжение юго-западные земли в несколько ограниченных по сравнению с Лондонским договором размерах (Пуату, Гиень, Гасконь, Беарн) и ряд новых владений на севере с центром в Кале; за освобождение французского короля был назначен огромный выкуп – три миллиона экю золотом, который должен был выплачиваться частями. Таким образом, Франции удалось сохранить значительные территории, которые Иоанн II уступил англичанам по условиям договора в Лондоне: Нормандию, Мен, Анжу, Турень и ряд более мелких владений. В контексте исследуемой проблематики договор 1360 г. интересен в первую очередь тем, что был провозглашен «окончательный» мир¹¹³, а также фактом отказа короля Эдуарда от всех претензий на трон Франции.

¹¹¹ *Walsingham*. Vol. I. P. 286.

¹¹² *Foedera* (2). Vol. III. Part I. P. 487–494; *Walsingham*. Vol. I. P. 290–294.

¹¹³ Однако этот мир не положил конец англо-французской войне. После его подписания военные действия во Франции прекратились очень ненадолго – до 1363 г. Затем начались стычки в Нормандии, где Англия неофициально сохраняла войска и поддерживала отряды бригаандов. Постоянные столкновения происходили также на реке Луаре. Кроме того, до 1364 г. шла война в Бретани, где англичане активно поддерживали «истинного и законного» герцога Жана де Монфора в его борьбе с французским ставленником Карлом Блуаским, «который по праву своей жены незаконно претендовал на герцогство» (*Reading*. P. 161). А также: *Adam Murimuth*. P. 194–195, 199–200; *Anonymi Cantuariensis Chronica*... P. 218–

Этот мир, соблюдая условия которого Эдуард III вернулся к прежнему титулу, продлился до 1369 г. В 1368 г. недовольные финансовым давлением со стороны наследника английского престола Эдуарда Черного принца, получившего Аквитанию в ленное держание, постоянно лавировавшие между двумя конфликтующими королевскими домами крупные гасконские феодалы (во главе которых стояли граф Арманьяк и сеньор Альбре) подали жалобу Карлу V. Вмешательство французского короля в это дело было прямым нарушением мира в Бретиньи, по условиям которого Эдуард III обладал в Аквитании всеми правами суверена. Стремившийся отказаться от соблюдения невыгодного для Франции договора, Карл V обратился за консультацией к известным правоведам из Болоньи, которые выдали ему заключение о законности сохранения французского суверенитета в Аквитании. Опираясь на вердикт правоведов, французский король потребовал ответа у Черного принца, как у своего вассала. Столь откровенное попрание мира 1360 г. фактически означало объявление войны. Подтверждая свои намерения, Карл V 30 ноября 1368 г. заявил о конфискации Аквитании. В сложившейся ситуации Эдуарду III оставалось только вновь принять титул французского короля, что он и сделал 3 января 1369 г.¹¹⁴ Весной того же года король Англии сообщил о подготовке грядущего похода во Францию, который стал куда менее успешным, чем кампании 40–50-х гг.

После смерти Эдуарда III был коронован его внук Ричард II, вслед за дедом продолжавший именовать себя «королем Англии и Франции». Этому правителю, несмотря на многочисленные попытки (о которых речь пойдет в четвертой главе последней части книги), не удалось заключить окончательный мир с Францией и избавиться от титула «французского короля», которым он явно тяготился. Главный поход королевских войск на континент в период его правления был осуществлен в 1383 г. под эгидой борьбы со схизматиками – приверженцами антипапы. Приравненный папскими буллами к крестовому походу¹¹⁵, он был проигнорирован мно-

¹¹⁰ The Brut. Vol. II. P. 315–316; *Fabyan*. P. 52–53; *Walsingham*. Vol. I. P. 298). Сражения между английской и французской армиями также имели место в 1367 г. на Пиренейском полуострове.

¹¹¹ *Foedera* (2). Vol. III. Part II. P. 874; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 63; *Walsingham*. Vol. I. P. 307.

¹¹⁵ В августе 1382 г. Генрих Деспенсер, епископ Нориджский, получил от Урбана VI буллы для организации крестового похода против схизматиков во Фландрии и Франции. 17 сентября епископ разослал копии этих булл во все епархии Англии, предписывая отпустить грехи, всем пожелавшим принять непосредственное участие в грядущей кампании или пожертвовать на нее деньги (*Aston M. E. The Impeachment of Bishop Despenser // BHR*. Vol. XXXVIII (1965). P. 134; *McHardy A. K. Liturgy and Propaganda in the Diocese of Lincoln during the Hundred Years War // Religion and National Identity / Ed. S. Mews. Oxford, 1982. P. 218).*

гими английскими лордами, поскольку, как утверждал современник этих событий хронист из Вестминстера, они опасались, что в случае успеха (то есть при покорении Франции) «это завоевание будет произведено в соответствии с причиной, выдвинутой Церковью, а не королем», поэтому «права короля Англии во Франции... могут легко прийти в забвение»¹¹⁶. Хорошо осведомленный о ходе парламентских дебатов и слухах при дворе, этот хронист свидетельствует о мнении многих лордов, полагавших, что не следует объединять справедливую войну за права короля со священной войной, провозглашенной папой. Конечно, представляется крайне маловероятным, что противники похода епископа действительно опасались того, что «завоевание Франции» произойдет не от имени короля. По всей видимости, обсуждение этой проблемы в палате лордов было вызвано борьбой между придворными группировками. Впрочем, в свете изучаемой проблемы интерес вызывает сам факт высказывания подобных идей. Стоит также отметить, что с точки зрения самого хрониста из Вестминстера этот поход осуществлялся исключительно ради блага королевства¹¹⁷. Такого же мнения придерживались и остальные историографы: лишенные в течение долгого времени поддержки со стороны Святого престола, англичане были рады зафиксировать в исторических сочинениях успешные действия соотечественников в союзе с главой католической Церкви, однако они вовсе не собирались преувеличивать его значение, рассматривая миссию епископа Нориджского исключительно в свете борьбы со схизматиками. Наилучшим подтверждением этому стал судебный процесс над епископом и некоторыми командирами его войска, обвиненными в сдаче за деньги нескольких крепостей во Фландрии: все виновные лица были осуждены за государственную измену и преступление против английского короля, в то время как имя папы вообще не упоминалось в ходе судебного разбирательства.

Свергнувший в 1399 г. Ричарда II Генрих IV Ланкастер в угоду сторонникам партии ведения войны с Францией, приведшей его к власти, обещал вести активную внешнюю политику. Первым, что он сделал на этом поприще, было принятие титула «короля Франции» и провозглашение намерений в ближайшее время отвоевать «свое наследство» у французского кузена. Однако, занятый делами в самой Англии, Генрих, чье положение на английском престоле было, особенно в первое время, достаточно шатким, старался не организовывать крупномасштабных и долговременных кампаний, ограничившись вмешательством в разразившуюся в 1408 г. войну бургиньонов и арманьяков, то есть сторонников Бургундского и Орлеанского домов.

¹¹⁶ The Westminister Chronicle. P. 36.

¹¹⁷ Ibid.

Отправленный по настоянию наследного принца Генриха, управлявшего Англией во время болезни своего отца, в октябре 1411 г. небольшой отряд латников и лучников (всего 2 тысячи человек) помог герцогу Бургундскому снять с Парижа осаду арманьяков, после чего вернулся в Англию. В отличие от своего наследника король Генрих IV не был абсолютно уверен в выгоде англо-бургундского союза, а посему, оправившись от болезни, он уже в мае 1412 г. заключил новый договор – на этот раз с партией противников бургиньонов (герцогами Орлеанским, Беррийским, Бурбонским, графом Арманьяком и сеньором Альбре): в обмен на трехмесячную службу 4 тысяч латников Генриху Ланкастеру были обещаны юго-западные земли, отвоеванные французами после 1369 г. Однако к моменту появления отряда Томаса Кларенса (второго сына короля) в Пуату герцог Бургундский уже успел разбить своих соперников и праздновал победу. Получив от жителей Пуату откупные, англичане отправились в Аквитанию, чтобы потом вернуться домой.

В 1413 г., с воцарением Генриха V, ситуация резко изменилась: в правление этого короля, которого подданные сравнивали с Марсом и Гектором, военная тема в очередной раз становится основной для придворных поэтов и хронистов. Большинство авторов единодушны в изложении причин начала новой кампании во Франции. В 1414 г. в Вестминстере был созван парламент, на котором «все лорды королевства обсуждали то, что Нормандия, Гасконь и Гиень, принадлежавшие королю по праву наследования, были несправедливо и без всякого на то права захвачены королем Франции»¹¹⁸. Молодой английский король написал письмо королю Франции, в котором «требовал вернуть его наследство» – земли, «которыми владели его предки». Если следовать изложению некоторых английских хронистов, то, несмотря на непомерность требований Генриха V (он запросил все территории, на которые претендовал Эдуард III в 1358 г.), король Англии рассматривал в качестве своего «наследства» только половину французских земель, а не всю Францию. Однако, согласно целому ряду других хроник, Генрих V с самого начала выдвинул претензии на всю Францию¹¹⁹. Эдуард Холл и опиравшийся на его труд Роберт Редмэн отразили это в речи архиепископа Кентерберийского: «Королю нужно претендовать не только на Англию, Ирландию, Уэльс, Нормандию, Аквитанию, Анжу, Мен и Гасконь, но, как наследнику Эдуарда III, и на всю Францию»¹²⁰.

¹¹⁸ An English Chronicle. P. 39; Capgrave. P. 309; The Brut. Vol. II. P. 375, 552; Redmann. P. 31; Elmham. P. 103.

¹¹⁹ Walsingham. Vol. II. P. 305; Gesta Henrici Quinti / Ed. F. Talor, I. S. Roskell. Oxford, 1975. P. 12, 14; Titus Livius. P. 6; Pseudo-Elmham. P. 27–28; Grafton. P. 509; Fabyan. P. 578; Hall. P. 50, 55; The First English Life of King Henry V / Ed. C. L. Kingsford. Oxford, 1911. P. 24.

¹²⁰ Hall. P. 50; Redmann. P. 26, 34–35.

Эта же идея содержится в официальных королевских письмах, адресованных от имени «Генриха, Божьей милостью короля Англии и Франции» «благородному принцу Карлу, нашему кузену и противнику во Франции»¹²¹. Принимая титул французского короля, Генрих V писал, что он «обязан во имя справедливости» восстановить законные права своих предшественников. Те хронисты, которые описывают сцену прощания умирающего короля Генриха IV со старшим сыном, подчеркивают, что король просил наследника быть «службой справедливости». Принц Генрих дал соответствующую клятву у смертного одра отца. Здесь необходимо заметить, что король и принц под «служением справедливости» подразумевали, в числе прочего, войну за свои права во Франции¹²². Последнее обстоятельство нашло отражение и в придворной поэзии:

Французские лилии спускаются к потомкам,

*Которые уже являются англичанами; если закон что-либо значит*¹²³.

В написанной в середине 70-х гг. XVI в. хронике Роберта Редмэна рассказывается, что Генрих V долго размышлял о праве начинать войну, придя к выводу, что «ни одна война не считается дозволенной, если она не диктуется возвращением утраченного [то есть ответом на действия врагов. – *Е. К.*] или же ранее не была объявлена»¹²⁴. Провозглашенная Генрихом война отвечала обоим условиям: она была начата еще его прадедом для возвращения узурпированного наследства. Таким образом, очевидно, что из четырех причин для войны во Франции, названных Эдуардом III, только династические притязания на корону сохраняли актуальность в долговременной перспективе, являясь неизменным законным основанием для любого вторжения английских войск на континент.

В январе 1414 г., отправляя послов, Генрих V пригрозил, что если король Франции откажется возратить его законное наследство, то он [Генрих. – *Е. К.*] при помощи Бога выполнит «свой долг» и отвоюет то, что причитается ему по праву¹²⁵. Согласно повествованию английских хроник, Карл VI, не опровергая справедливость и законность требований короля Англии, все же счел их непомерными. Выдвинутые Генрихом V условия, на которых он соглашался отказаться от титула французского короля, действительно казались немислимыми, значительно превосходя даже условия

¹²¹ Foedera (1). Vol. IV. Part II. P. 38, 48, 62 etc.

¹²² Titus Livius. P. 4; Pseudo-Elmham. P. 14–15; Grafton. P. 506; Hall. P. 45; The First English Life of King Henry V... P. 14–15, 18–19.

¹²³ Epigram on the Assumption of the Arms of France // English Political Poems. Vol. II. P. 130.

¹²⁴ Redmann. P. 31.

¹²⁵ Higden (Caxton). Vol. VIII. P. 549; Capgrave. P. 309; An English Chronicle. P. 39; Gesta Henrici Quinti... P. 14; Titus Livius. P. 6; Pseudo-Elmham. P. 29–30; The Brut. Vol. II. P. 375, 552; Grafton. P. 509; Fabyan. P. 378; Hall. P. 57; The First English Life of King Henry V... P. 24.

отвергнутого в 1359 г. Лондонского договора. Помимо исторических владений Плантагенетов, молодой английский король требовал уступить ему Прованс (по праву жены Генриха III Элеаноры Прованской), принесения оммажа от герцога Бретонского, суверенитета над Фландрией и Артуа и выплаты остатка выкупа Иоанна II (1 миллион 600 тысяч экю). Желая откупиться от Генриха, французский король предложил ему часть своих (по мнению англичан, незаконно присвоенных) земель, дочь Екатерину в жены и большую сумму денег (так и не внесенный полностью выкуп за покойного короля Иоанна и еще 2 миллиона франков приданого за принцессой)¹²⁶. Король Генрих отверг эти условия (хотя хронисты упоминают о том, что молодой король жаждал жениться на Екатерине Валуа¹²⁷), ибо не мог продать «свое законное наследство» ни за какие сокровища.

Пока Генрих V любезно обменивался посольствами с королем Франции (с лета 1413 г. по лето 1415 г. их было пять), в дело вмешался дофин. Последний, как заявляют английские историографы, смог убедить отца не бояться короля Англии, поскольку тот пребывает в слишком «юном и нежном возрасте для того, чтобы быть хорошим воином», а поэтому он [дофин. – Е. К.] сомневается, что тот сможет в «настоящее время осуществить подобное завоевание»¹²⁸. Более того, дофин отправил Генриху V ящик с мячами для игры, ибо он полагал, что королю Англии более пристало забавляться с придворными, чем вести военные действия¹²⁹. Для двадцатипятилетнего короля, за плечами которого были войны в Шотландии и Уэльсе, подобный поступок наследника французского престола являлся не только оскорблением, но и вызовом. Возмущение Генриха лучше всех удалось передать современнику короля, августинскому канонику Джону Стричу. Стрич – единственный хронист, который вообще ничего не пишет о территориальных претензиях английского короля. Согласно его версии, король Генрих отправил посольство во Францию с одной-единственной целью – добиться руки принцессы Екатерины. А поэтому, получив мячи и подушку для сна, Генрих V счел себя оскорбленным в первую очередь как мужчина. В ярости король объявил войну Франции, сказав, что очень скоро он «поднимет французов с подушек, на которых они слишком долго

¹²⁶ *Grafton*. P. 509; *Hall*. P. 57; *The First English Life of King Henry V...* P. 25; *Redmann*. P. 31.

¹²⁷ Начиная с 1414 г. Генрих V отказывается от идеи заключения брака с любой другой принцессой, кроме дочери Карла VI (*Allmand Ch. Henry V. L.*, 1968. P. 68–71). Возможно, это свидетельствует о том, что свои «законные права во Франции» (в этот период устремления английского короля могли ограничиваться условиями мира в Бретиньи) Генрих планировал закрепить браком с представительницей правящей династии.

¹²⁸ *An English Chronicle*. P. 40; *Titus Livius*. P. 6; *Pseudo-Elmham*. P. 30; *The Brut*. Vol. II. P. 375, 552; *Grafton*. P. 509; *Hall*. P. 57; *The First English Life of King Henry V...* P. 25.

¹²⁹ *Higden (Caxton)*. Vol. VIII. P. 549; *The Brut*. Vol. II. P. 375; *Grafton*. P. 509; *Hall*. P. 57; *The First English Life of King Henry V...* P. 25.

нежились, чтобы на их земле поиграть копьями»¹³⁰. Говоря о Стриче, следует заметить, что хронист остается верен себе, даже рассказывая о мире в Труа 1420 г.: поскольку для него причиной войны являлась принцесса Екатерина, то, соответственно, конец военным действиям был положен не объявлением короля Англии наследником французского престола, а его свадьбой с дочерью Карла VI¹³¹.

В августе 1415 г. Генрих V отплыл во Францию: «Не видя иного средства или способа, которым он мог бы добиться своего права, он поспешил добиться приговора от Верховного Судьи, желая получить с его помощью силу для своего справедливого меча и использовать этот безупречный меч для взыскания с французов того, что они так долго узурпировали и удерживали при помощи греховного и несправедливого насилия»¹³². Первая континентальная кампания короля была более чем удачной: через месяц осады пал один из крупнейших портов Нормандии – Арфлер, а 25 октября в битве при Азенкуре была одержана одна из самых громких побед английского воинства. Через два года английский король вернулся в Нормандию и постепенно завоевал все герцогство: последний оплот сопротивления – Руан сдался на милость победителя после шестимесячной осады в январе 1419 г. Триумфальное шествие английских войск по Франции, а также успехи дипломатии (при поддержке герцога Бургундского) увенчались подписанием 21 мая 1420 г. в Труа «вечного мира». По условиям этого договора Генрих V провозглашался регентом Франции и наследником Карла VI. Дофин Карл, признанный по свидетельству его матери, королевы Изабеллы Баварской, плодом адюльтера (хотя имя отца не называлось, но при дворе и в народе ходили вполне обоснованные слухи о связи королевы с Людовиком Орлеанским), был официально провозглашен бастардом и за совершенные «чудовищные и громадные преступления и проступки», в числе которых подразумевалось убийство герцога Бургундского, лишен наследства. Единственная законная дочь Карла VI принцесса Екатерина вступила в брак с Генрихом Ланкастерским, который с этого момента именовался не только наследником, но и «действительным сыном» французского короля. Таким образом, заключенный в Труа договор официально признавал законность правления Карла Валуа во Франции. Последнее вовсе не означало, что для Генриха и его подданных короли из династии Валуа переставали быть узурпаторами французского престола. В правление Генриха V при его дворе особую популярность получило дарованное еще в 1342 г. св. Бригитте Шведской пророчество, согласно которому во избежание дальнейшего пролития христианской крови следует оставить на

¹³⁰ *Streech*. P. 15.

¹³¹ *Ibid*. P. 47–48.

¹³² *Gesta Henrici Quinti...* P. 14.

французском престоле коронованного незаконного короля, а его наследником провозгласить английского – «истинного» – претендента. В трактовке всех английских историографов без исключения мир в Труа являлся тем справедливым окончанием войны, к которому так долго стремились английские государи¹³³.

В 1420 г. подданным английской короны действительно казалось, что начатая еще Эдуардом III война за французскую корону окончена и вскоре место старого безумного короля Карла займет молодой и энергичный государь из династии Ланкастеров. Ниже я еще вернусь к анализу политики Генриха V на посту регента, здесь же хочу лишь отметить, что этот король, похоже, действительно осознавал себя наследником французской короны и предпринимал меры, направленные на укрепление центральной власти во Франции. Между тем сторонники дофина, именовавшиеся теперь не иначе, как мятежниками, не признавали условия «вечного мира» с Англией и продолжали сопротивление. Небольшой городок Мо на Марне отказывался капитулировать перед английскими войсками нового регента в течение восьми месяцев. В ходе этой осады непобедимый Генрих V заболел дизентерией – болезнью, унесшей немало славных воинов. 31 августа 1422 г. тридцатилетний государь скончался в своей резиденции в Венсенском замке. 21 октября того же года за ним последовал и Карл VI. Обе короны достались единственному сыну Генриха V и Екатерины Валуа – Генриху VI Ланкастеру, которому в то время не было еще и года. Столь нежный возраст нового монарха, его неспособность принять бразды правления усиливали общий пессимизм англичан, вызванный неожиданной смертью Генриха V. Выразителем общественного настроения можно считать современника этих событий, возглавлявшего в этот период прославленный скрипторий Сент-Олбанского монастыря, Томаса Уолсингема, утверждавшего, что «горе той земле, где король – ребенок»¹³⁴. Во время Войны роз эта поговорка была особенно популярна у сторонников йоркистской партии, когда на смену несовершеннолетию Генриха пришло его безумие¹³⁵:

Горе тому королевству,

Где король неразумен или невинен [то есть младенец. – Е. К.]¹³⁶.

¹³³ *Adam of Usk*. P. 268–270; *An English Chronicle*. P. 50–51; *Walsingham*. Vol. I. P. 332–335; *Hurdynge* (2). P. 386–387; *Chronicles of London...* P. 73, 127; *The Brut*. Vol. II. P. 423–425, 444, 491–492, 559–562; *Grafton*. P. 530–542; *Benet*. P. 179; *Fabyan*. P. 584–585; *Hall*. P. 95–107; *The First English Life of King Henry V...* P. 162.

¹³⁴ *Walsingham*. Vol. II. P. 344.

¹³⁵ От своего деда по материнской линии, короля Карла VI, Генрих VI унаследовал порфирию – генетическое заболевание, вызванное нарушением обмена продуктов распада гемоглобина. Чаще всего болезнь проявляется уже в зрелом возрасте, поражая в первую очередь кожный покров, печень и мозг.

¹³⁶ *Woo be to that Regyon*

Но если угроза английской короне Генриха VI появилась лишь через тридцать лет, то возможная потеря Французского королевства стала вероятной сразу же после похорон Генриха V и Карла VI. Несмотря на четкую определенность условий договора в Труа, признавать Генриха VI наследником Карла VI не торопились даже верные, а точнее, подконтрольные англо-бургундскому союзу члены королевской администрации. В своем исследовании, посвященном истории парижского парламента в первой половине XV в., С. К. Цатурова отметила, что практически целый месяц парламент тянул с присягой на верность королю Генриху, вынося приговоры без указания имени короля¹³⁷.

Подданные Генриха VI, как англичане, так и верные ему французы, дабы разрешить все неопределенности и отразить выпады сторонников дофина, были вынуждены заново приняться за доказательства законности притязаний английского короля на Францию и возобновить обвинения в адрес «мятежников», не желающих справедливого мира и разжигающих войну, не имея на это должных оснований. Следует подчеркнуть, что договор в Труа предоставил сторонникам Генриха VI новые аргументы, отодвинувшие упоминания о близости родства Эдуарда III с последними Капетингами на задний план. На коронацию юного государя была написана масса пропагандистских стихов, целью которых было не только прославление Генриха VI, но и пропаганда законности его власти над двумя королевствами. Новый монарх должен был восприниматься подданными как прямой потомок и св. Эдуарда, и св. Людовика, а также самых прославленных правителей обоих королевств: Артура и Карла Великого. Но эту родственную связь обеспечивала не королева Изабелла, а мать нового короля – Екатерина. Почти никто из английских историков, рассказывающих о правлении Генриха VI, не ссылается на давность конфликта, то есть на то, что еще прадед Генриха – Эдуард III защищал свои права, унаследованные его потомками, с оружием в руках. Более того, имя этого прославленного короля почти не встречается в стихах эпохи правления Ланкастеров.

Договор в Труа символизировал не только победу английского претендента на трон, но и признание французским королем законности этих притязаний. Генрих VI перестает быть просто наследником права Эдуарда III, он становится наследником права своего деда Карла VI, высказавшего королевскую волю в 1420 г. В поэме, написанной по случаю

Where ys a kyng unwysw or innocent

(Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries / Ed. R. H. Robbins. N.Y., 1959. P. 222–226).

¹³⁷ Цатурова С. К. *Офицеры власти...* С. 136–138.

коронации Генриха в Лондоне 6 ноября 1429 г. короной Англии, Джон Лидгейт рассказывает историю о том, что во время банкета в зал вошел вооруженный сэр Филипп Диммок и публично вызвал на поединок всех, кто хочет сказать что-нибудь против прав Генриха на две короны; и не нашлось человека, принявшего вызов¹³⁸. Этот эпизод, подчеркивающий, по мнению поэта, неоспоримость законных прав молодого короля, был впоследствии вставлен лондонским олддерменом Робертом Фабианом в его хронику, превратившись таким образом в часть зафиксированного в исторических книгах прошлого.

Генрих VI был коронован в Париже как король Франции 16 декабря 1430 г.¹³⁹ Это событие было отнюдь не последним в целой серии акций, направленных на демонстрацию прав английских королей на французскую корону. Даже военные неудачи, вызванные во многом финансовыми затруднениями, а также внутривластической ситуацией в самой Англии, не заставили англичан отказаться от мыслей о полном покорении Франции. Несмотря на то что начиная с 1439 г. английская дипломатия непрерывно пыталась добиться сохранения хотя бы части завоеванных Генрихом V земель, которые его наследник терял год за годом, подданные английской короны (во всяком случае, как об этом можно судить на основании хроник и поэтических произведений того времени) воспринимали происходящее лишь как временные трудности, постоянно сохраняя (или, по крайней мере, выражая) надежду на торжество английского оружия.

Историческая традиция считает датой окончания Столетней войны 19 октября 1453 г., когда французам был сдан Бордо. В историографии существует точка зрения, согласно с которой после этого у англичан не было никаких надежд на возвращение французской короны, и «Карл VII стал первым в своей династии единственным королем Франции»¹⁴⁰. Однако подобные утверждения кажутся мне в корне неправильными и противоречащими данным источников. Современники вовсе не были склонны признавать утрату Бордо окончанием англо-французской войны, ибо никакого соглашения между враждующими государями заключено не было. К тому же 30 июня 1451 г. французы уже захватывали столицу английской Гвельпии, которая осенью следующего года была отвоевана войсками под командованием Джона Тальбота. Следовательно, уход англичан в 1453 г.

¹³⁸ On the Coronation of Henry VI // *English Political Poems*. Vol. II. P. 146–148.

¹³⁹ *An English Chronicle*. P. 54; *Hardyng (2)*. P. 395; *Chronicles of London...* P. 97–114, 133–134; *The Brut*. Vol. II. P. 443, 461, 500–501, 569–571; *Grafton*. P. 591–592; *Fabyan*. P. 603–607; *Hall*. P. 161–166.

¹⁴⁰ *Palmer J. The War Aims of the Protagonists and the Negotiations for Peace // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L., 1971. P. 53.*

также мог трактоваться современниками в качестве временной неудачи. Генрих VI по-прежнему оставался для своих подданных королем Франции. Более того, сохранение этого титула за английскими королями продолжалось даже после того, как на смену династии Ланкастеров пришли Йорки, которых в свою очередь сменили Тюдоры.

Стоит подчеркнуть, что короли Англии не просто декларировали права на французский престол: они сами, а также их подданные постоянно думали о возобновлении военных действий. В 1461–1462 гг. приготовления Эдуарда IV к войне были настолько серьезными, что английский посол Джон Уинлок получил инструкцию заявить при французском дворе о правах английского короля на французскую корону и потребовать возвращения герцогств Нормандии и Гиени, а также графств Мен и Анжу¹⁴¹. Выступление английского посла не просто вызвало недовольство во Франции, но вынудило Людовика XI, подобно его предшественникам, обратиться за помощью к известным полемистам – Жану Жювенелю дез Юрсену, в то время уже архиепископу Реймскому, и Гийому Кузино де Монтрею, члену Королевского совета, с настоятельной просьбой подготовить новые трактаты, опровергающие английские притязания¹⁴². Опасения французского короля были отнюдь не беспочвенными, поскольку на протяжении 60-х гг. Эдуард IV продолжил вынашивать планы покорения Франции. В 1471 г., после подавления мятежа графа Уорика и герцога Кларенса¹⁴³, эти планы стали воплощаться в жизнь. Анализ парламентских дебатов 1472–1475 гг. наглядно показывает популярность в английском обществе того времени идеи восстановления «*jus Regium in Regno Francie*», что означало войну с Францией под девизом возвращения короны ее законным наследникам¹⁴⁴. По свидетельству современника, вопрос о войне во Франции обсуждался в парламенте чаще других. Воодушевленные патриотическими речами многочисленных ораторов, напомнивших депутатам о военных подвигах и достижениях былых времен, лорды и общины предоставили королю для организации французской кампании несколько больших субсидий¹⁴⁵. В 1475 г. английский король от слов перешел к делу, отправив на помощь воюющему с Людовиком XI герцогу Бургундскому

¹⁴¹ *Calmette J. Périnelle G. Louis XI et Angleterre. P., 1930. P. 14–15.*

¹⁴² *Taylor G. Introduction // Debating the Hundred Years War... P. 3–7.*

¹⁴³ В 1470 г. брат Эдуарда IV Георг, герцог Кларенс, вместе со своим тестем графом Уориком поднял мятеж против короля, в результате которого Эдуард бежал в Бургундию, а на английском престоле снова оказался сумасшедший Генрих VI. Вернувшись в Англию с бургундскими войсками, Эдуард IV разбил противников в битве при Барнете (14 апреля 1471 г.) и вернул себе корону.

¹⁴⁴ *Lander J. R. Crown and Nobility, 1450–1509. L., 1976. Ch. 9: The Hundred Years' War and Edward IV's 1475 Campaign in France. P. 220–241.*

¹⁴⁵ *Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum / Ed. W. Fulman. Vol. I. Oxford, 1684. P. 557–558. Цит. по: Lander J. R. Crown and Nobility... P. 226.*

Карлу Смелому 20 тысяч латников. Написанные в этот период строки анонимного английского поэта свидетельствуют о его радости по поводу возобновления войны за французский престол:

*Позор длительному промедлению,
Ведь завоевание столь доблестно
И запечатлено в предании*¹⁴⁶.

Впрочем, радость подданных английской короны была явно преждевременной. Готовность французского короля расстаться со значительной суммой денег (75 тысяч экю единовременно плюс ежегодные выплаты по 50 тысяч экю) принесла Англии мир, а Бургундию лишила военного союзника.

В 1488 г. Генрих VII, воспользовавшись старыми притязаниями английских королей на суверенитет над Бретанью, решил вмешаться во франко-бретонские отношения, взять под свою опеку юную герцогиню Анну¹⁴⁷ и помешать французскому королю захватить герцогство. Парламент специально выделил королю значительные субсидии, а члены Большого совета предоставили ему заем для оплаты наемников, первая партия которых прибыла в Бретань в апреле 1489 г. Летом, а также на следующий год король продолжил вербовку своих подданных для отправки в Бретань. С конца мая и до середины сентября 1490 г. во всех графствах Англии зачитывались королевские прокламации, в которых король Генрих не только информировал подданных о ходе бретонской кампании и также сообщал о своей готовности в случае необходимости начать англо-французскую войну. Эти прокламации дали новый импульс разговорам о французском наследстве. Открывая в октябре 1491 г. парламент, Генрих VII прямо заявил о намерении воевать за французскую корону: «Милорды, и вы, представители общин; когда я собирался вести войну в Бретани, поручив командование своему военачальнику, то объявить об этом поручил канцлеру. Но теперь, когда я предполагаю вести войну с Францией самолично, я сам и объявляю вам об этом. Целью той войны была защита прав другого, цель этой – восстановление нашего собственного права»¹⁴⁸. Затем Генрих напомнил подданным о славных победах прошлого – Креси, Пуатье, Азенкуре, посетовал на то, что внутренние раздоры в Англии лишили его предков французских земель, а также высказал уверенность в том, что с Божьей помощью и при поддержке верного народа ему удастся отвоевать

¹⁴⁶ Historical Poems... P. 92.

¹⁴⁷ На этом поприще Генрих достиг немалых успехов: 15 февраля 1490 г. герцогиня Анна обязалась не вступать в брак и не объявлять ни войны, ни мира без согласия английского короля.

¹⁴⁸ *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / Пер. В. Р. Рокитянского и А. Ю. Яврумяна. М., 1990. С. 62.

французскую корону¹⁴⁹. 6 октября 1492 г. Генрих VII во главе внушительной армии высадился в Кале. В это время неизвестный английский поэт, сравнивая короля с распускающейся розой, воспел его право на Французское королевство¹⁵⁰. Однако, как отмечает известный философ и политический деятель при дворе Якова I Стюарта Фрэнсис Бэкон, не успела английская армия высадиться на континенте, как сразу же «повеяло миром»¹⁵¹. В отличие от Генриха V для Генриха VII война за французскую корону была не более чем эффектным маневром, проделав который этот мудрый политик охотно заключил выгодный для себя мир с Карлом VIII. Дорогостоящей погоне за призрачной короной Генрих VII, так же как Эдуард IV, предпочел реальные деньги – 745 тысяч крон¹⁵².

Между тем подписанный Генрихом VII договор о мире с Францией вовсе не означал окончательного отказа англичан от идеи отвоевания французской короны. Его сын и наследник, Генрих VIII, не только сохранил доставшуюся от предков титулатуру «roy d'Angleterre, et France, et seigneur d'Irlande» или в латинском варианте – «rex Franciae et Angliae ac dominus Hiberniae»¹⁵³, но в 1513 г. лично возглавил тридцатитысячную английскую армию в войне против «узурпатора». Безусловно, более глубокий анализ причин англо-французских конфликтов в правление Генриха VIII выявит, помимо личных политических амбиций короля, его обязательства перед родственниками жены Екатерины Арагонской, а также (по крайней мере на первом этапе) религиозное рвение и желание поддержать папу, призвавшего весь христианский мир выступить против «тирана» и «схизматика» Людовика XII. Дальнейшее развитие событий показывает, что Генрих был куда более тонким и умелым дипломатом, чем могло сначала

¹⁴⁹ Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. С. 62–63.

¹⁵⁰ Lander J. R. *Crown and Nobility*... P. 236.

¹⁵¹ Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII... С. 70.

¹⁵² Эта сумма должна была выплачиваться Генриху и его наследникам полугодовыми взносами по 25 тысяч франков до полного погашения. Договором был установлен следующий курс: франк – 20 су, крона – 35 су. Полугодовые выплаты продолжались до 1514 г., когда Генрих VIII заявил о новых финансовых претензиях (как наследник Маргариты Сомерсетской), размер которых вместе с остатком прежнего долга составил миллион крон. Людовик XII обязался выплатить эту сумму полугодовыми взносами по 50 тысяч франков каждый (см.: Примечания Дж. Спеддинга к «Истории правления короля Генриха VII» Ф. Бэкона // Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII... С. 274–275).

¹⁵³ Gunn S. J. *The French Wars of Henry VIII // The Origins of War in Early Modern Europe / Ed. J. Black. Edinburgh, 1987. P. 28–51; Idem. Chivalry and the Politics of The Early Tudor Court // Chivalry in The Renaissance / Ed. S. Anglo. Woodbridge, 1990. P. 107–128; Idem. Henry VIII's Foreign Policy and The Tudor Cult of Chivalry // François I et Henri VIII: deux princes de la Renaissance (1515–1547) / Ed. Ch. Giry-Deloison. P., 1995; Richardson G. *Eternal Peace, Occasional War Anglo-French Relations under Henry VIII // Tudor England and Its Neighbours / Ed. S. Doran and G. Richardson. Basingstoke, 2005. P. 45–46; Davies C. S. L. «Roy de France et roy d'Angleterre»: the English Claims to France, 1453–1558 // Publications du Centre Européen d'Etudes Bourguignonnes (XIVe–XVIe siècles). Vol. XXXV (1995). P. 123–132.**

показаться представителям рода Габсбургов, пытавшимся использовать союзника исключительно в своих интересах. Поддерживая определенный баланс сил на континенте, Генрих впоследствии умело лавировал между Францией и государствами Габсбургов, сближаясь то с одной державой, то с другой. Потратив баснословные деньги на организацию грандиозных торжеств в честь заключенного в 1520 г. на «Поле Золотой Парчи»¹⁵⁴ мира с Франциском I, Генрих вскоре стал вынашивать планы новой французской кампании. Однако в данном случае я бы хотела обратить внимание не на анализ «истинных» причин англо-французских конфликтов, а на сопровождавшую их риторику.

Первой французской войне Генриха VIII предшествовала публикация папской буллы, призывавшая христиан к справедливой войне против схизматика. Важно отметить, что в Англии эта булла была издана вместе с трактатом Джеймса Уитстонса, в котором не только обличались проступки французского короля против христианской веры, но и разбирались все обоснования прав английского государя на французскую корону. Королевская кампания была короткой, но весьма удачной: после того как в августе 1513 г. в союзе с императором Максимилианом Габсбургом Генрих одержал победу в Битве шпор при Гингейте, а затем взял Туран, Турне покорился ему, как своему господину и суверену – «le roy très chrestien Henry, par la grace de Dieu roy de France et d'Angleterre»¹⁵⁵. Не вдаваясь в излишние подробности, отмечу, что новый англо-французский мир был заключен летом 1514 г. В отличие от его предшественников Генриху не удалось пополнить английскую казну за счет французских репараций: стоившая около миллиона фунтов война нанесла серьезный удар по государственному бюджету. Организованный кардиналом Уолси, именуемым в народе «вторым королем», мир был скреплен браком Людовика XII и сестры Генриха принцессы Марии. Однако мир этот продержался недолго. Уже в 1523 г. герцог Суффолк, новый муж овдовевшей через пять месяцев после свадьбы с французским королем принцессы Марии, снова повел английские войска во Францию. И снова, захватывая города и замки на Сомме, английский полководец приводил их жителей к присяге на верность Генриху VIII как королю Франции¹⁵⁶. Пленение Франциска I в битве при Павии в марте

¹⁵⁴ В 1520 г. между Ардром и Гином близ Кале состоялась встреча Генриха VIII и Франциска I. Торжества по поводу заключения мирного договора сопровождались пирами и турнирами. Многочисленные приглашенные гости разместились в богатых расшитых пологом шатрах (отсюда название праздника); «дизайн» английских палаток был разработан Гансом Гольбейном.

¹⁵⁵ *Davies C. S. L. Tournai and the English Crown, 1513–1519 // Historical Journal. Vol. XLI (1998). P. 4–6.*

¹⁵⁶ *Gunn S. J. The Duke of Suffolk's March on Paris in 1523 // English Historical Review. Vol. C1 (1986). P. 616–619.*

1525 г. подстегнуло притязания Генриха на французский престол. Впрочем, порой английский король был готов довольствоваться признанием за ним титулов герцога Нормандии и Аквитании¹⁵⁷.

Активная внешняя политика Генриха VIII в отношении Франции способствовала росту интереса у его подданных к истории взаимоотношений этих двух королевств, в первую очередь к истории войны за французскую корону. Непосредственно в 1513 г. в Англии вышел первый перевод на английский «Жизни непобедимого Генриха V» – биографии, написанной в 1437 г. по заказу брата короля герцога Глостера итальянским гуманистом Титом Ливием Фруловези, затем, в 1523–1525 гг., последовал перевод хроник Жана Фруассара, а также новое издание пропагандистских стихов Джона Лидгейта. Помимо переиздания хорошо известных текстов, стали появляться новые сочинения, написанные непосредственно «на злобу дня». В 1512 г. свет увидела анонимная поэма, в которой конфликт между Англией и Францией представлен в виде метафорической битвы цветов: символизирующей Францию лилии, с ее удушающим неприятным запахом, успешно противостоит олицетворяющая Англию свежая алая роза, источающая нежнейший аромат¹⁵⁸. Именно в это время в Англии появился первый трактат, непосредственно посвященный защите прав английского короля на французскую корону и суверенитет над древними континентальными владениями Плантагенетов.

В отличие от Англии, в которой жанр политического трактата стал популярным лишь в XVI в., во Франции за годы Столетней войны было создано несколько десятков антианглийских полемических сочинений. Большая часть этих произведений, авторы которых, как правило, принадлежали к кругу «*officiers*», выходцев из канцелярской или парламентской среды, не просто посвящена критике пороков и недостатков противника, но построена на детальном анализе с последующим опровержением всех аргументов, приводимых английской стороной в пользу своих притязаний¹⁵⁹. Как уже отмечалось выше, один из последних трактатов такого плана был написан предположительно Гийомом Кузино около 1462–1463 гг., то есть в разгар военных приготовлений Эдуарда IV. Этот трактат, известный в научной литературе по началу первой фразы «*Pour ce que plusieurs*»¹⁶⁰, сохранился

¹⁵⁷ Taylor G. Introduction // *Debating the Hundred Years War...* P. 32.

¹⁵⁸ The Gardyners Passetaunce Touchyng the Outrage of France / Ed. F. B. Williams. L., 1985.

¹⁵⁹ Taylor G. Introduction // *Debating the Hundred Years War...* P. 1.

¹⁶⁰ Среди самых известных авторов можно упомянуть Жана де Монтрейя, Жана Жювенеля дез Юрсена, Алена Шартье, Робера Блонделя и Ноэля де Фрибуа. Французским полемистам посвящена обширнейшая библиография. В числе работ наиболее авторитетных в этой области исследователей можно назвать следующие труды: *Daly K. Mixing Business with Leisure: Some French Royal Notaries and Secretaries and Their Histories of*

в двадцати списках и между 1480 и 1558 гг. издавался по меньшей мере одиннадцать раз, что свидетельствует о его чрезвычайной популярности. Этот текст был не только прекрасно известен во Франции, его также хорошо знали и английские оппоненты.

Первый антифранцузский полемический трактат в Англии «Декларация истинного и должного титула Генриха VIII», составленный неизвестным автором непосредственно перед королевской кампанией 1513 г., был задуман как ответ на сочинение Кузино. Посвященный истории англо-француз-

France (1459–1509) // Power, Culture and Religion in France 1350–1550 / Ed. C. T. Allmand. Woodbridge, 1989. P. 99–115; *Eadem*. Histoire et politique à la fin de la guerre de Cent ans: l'Abbrégé des chroniques de Noël de Fribois // La «France anglaise» au Moyen Âge. Colloque des historiens médiévistes français et britanniques. Actes du 111e Congrès national des sociétés savants. Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie. T. I. P., 1988. P. 91–101; *Eadem*. The «Miroir Historial Abrégé de France» and «C'est chose profitable»: A Study of Two Fifteenth-Century Texts and Their Context. Oxford, 1983; *Gauvard Cl.* Les humanistes et la justice sous le règne de Charles VI // Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle. Actes de colloque internationale du CNRS. Paris, 16–18 mai 1992 / Sous la direction de M. Ornato et N. Pons. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 217–244; *Krynen J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Âge (1380–1435). P., 1981; *Idem*. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIIIe–XVe siècles. P., 1993; *Idem*. Les légistes «tyrans de France»? Le témoignage de Jean Juvénal des Ursins, docteur in utroque // Droits savants et pratiques française du pouvoir (XIe–XVe siècles) / Sous la direction de J. Krynen et A. Rigaudière. P., 1992. P. 279–299; *Lewis P. S.* Later Medieval France. The Polity. L., 1968; *Idem*. War Propaganda and Historiography in Fifteenth-Century France and England // TRHS. 5th series. Vol. XV (1965). P. 1–21; *Idem*. Jean Juvénal des Ursins and the Common Litterary Attitude towards Tyranny in Fifteenth-Century France // Medium Aevum. Vol. XXXIV (1965). P. 103–121; *Ouy G.* Jean de Montreuil, Pétrarque et Salutati // Miscellanea in memoria di Franco Smone. Torino, 1980. P. 167–180; *Ornato E.* Jean de Muret et ses amis Nicolas de Clamanges et Jean de Montreuil. Contributions à l'étude sur des rapports entre les humanistes de Paris et ceux d'Avignon. Genève, 1969; *Stefano di G.* Alain Chartier ambassadeur à Venise // Culture et politique en France à l'époque de l'humanisme et de la Renaissance. Torino, 1974. P. 155–168; *Pons N.* Propagande et sentiment nationale pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. VIII. 1980. P. 127–145; *Eadem*. La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // Journale des savants. 1984. P. 191–214; *Eadem*. Latin et français au XVe siècle: le témoignage des traités de propagande // «Le moyen français». Ve Colloque internationale sur le Moyen français (Milan, 6–8 mai 1985). Vol. II. Milano, 1986. P. 67–81; *Eadem*. Guerre de Cent ans vue par quelques polémistes français du XVe siècle // Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne, XIVe–XVe siècles / Sous la direction de Ph. Contamine, Ch. Giry-Deloison et M. Keen. Lille, 1991. P. 143–169; *Eadem*. L'origine des dossiers polémiques: une Initiative publique ou une démarche privée? // «Pratiques de la culture écrite en France au XVe siècle» Actes de colloque internationale du CNRS. Paris, 16–18 mai 1992 / Sous la direction de M. Ornato et N. Pons. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 361–377; *Eadem*. Information et rumeurs: quelques points de vue sur les événements de la guerre civile en France (1407–1420) // Revue Historique. T. CCCCXXII (1997). P. 409–433; *Бессилин Н. А.* Жан Жювенель дез Юрсен – историк и политический деятель Франции в XV в. М., 1993; *Матшин Ю. П.* Патриотические идеи Алена Шартье и итальянская гуманистическая мысль // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 215–230; *Он же.* Королевская троика во Франции в XIV–XV вв. // Одиссей. М., 1995. С. 20–36; *Он же.* Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв. СПб., 2000.

ских противоречий и разногласий, этот труд композиционно представляет собой развернутые английские ответы, опровергающие тезисы французского автора. Объясняя читателям цели работы, неизвестный англичанин открыто обвинил Людовика XI в том, что он замыслил уничтожить в своем королевстве все хроники и другие сочинения, рассказывающие правду об англо-французских взаимоотношениях, подменив их на полные лжи писания, искажающие подлинную историю, чтобы таким коварным образом, стереть память о правах законного короля на Францию. Желание поведать своему государю и всему миру правду было, по утверждению автора, лишь побочной целью. В первоначальной версии автор отрицал, что написанный им труд был задуман с целью заставить английского короля возобновить борьбу за свое наследство. По его утверждению, это сочинение должно было всего лишь обличить лицемерие и подлость французов, а также предостеречь англичан от внутренних распрей, ведущих к таким серьезным потерям, как утрата владений на континенте¹⁶¹. Однако, когда в 1513 г. война все же началась, аноним снял последнюю оговорку, постулируя уверенность в том, что «Бог дарует англичанам храбрые сердца не только для того, чтобы они защищали от французов свою родину Англию, свое наследство, жен и детей¹⁶², но также чтобы они снова провозгласили и восстановили свое подлинное наследственное право на корону и все королевство Францию, а также входящие в нее земли и владения, а именно Нормандию, Гиень, Гасконь, Анжу, Мен, Турень, Пуату, Понтье, Шампань, Прованс и другие, которые французы без какого-либо намека на законную или разумную причину захватили и удерживают от самого замечательного и достойнейшего государя Генриха VIII»¹⁶³. Несмотря на то что этот текст так и не был опубликован вплоть до недавнего времени, он был хорошо известен в списках, получивших распространение при английском дворе и среди королевских официалов.

Сюжет о продолжении войны за французскую корону после «окончания» Столетней войны можно было бы разрабатывать до бесконечности. Не только Генрих VIII и его наследники, но и пришедшие на смену Тюдорам и Стюартам представители Ганноверской династии неизменно апеллировали к проблеме защиты своих «прав» на Францию или отдельные земли, входившие в состав Французского королевства. Какими бы ни были истинные причины англо-французских противоречий XVI–XVIII вв., тема войны за «законное наследство» будет неизменно муссироваться в английском обще-

¹⁶¹ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 269–270.

¹⁶² Очевидный намек на предпринятую по приказу Генриха VIII реорганизацию системы береговых укреплений и крепостей, целью которой была защита побережья от возможных нападений французов.

¹⁶³ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 252.

стве. Лишь в 1801 г. Георг III от собственного имени и от имени своих потомков окончательно отказался от титула французского короля и убрал лилии с государственного герба. Таким образом (если не учитывать последующую Реставрацию), можно утверждать, что английские притязания на корону Франции просуществовали дольше, чем сама французская монархия.

Обоснование правомерности войн на Пиренеях

Начиная с XIII в. граничившие с французским юго-западом страны Пиренейского полуострова регулярно оказывались вовлеченными в англо-французские противоречия. Еще в 1176 г. Генрих II Плантагенет, в поисках союза и поддержки у короля Кастилии Альфонсо VIII Благородного, выдал за него замуж свою дочь Элеонору, пообещав в качестве ее приданого герцогство Гиень. В 1204 г., после смерти Алиеноры Аквитанской, Альфонсо попытался захватить обещанное герцогство силой. Однако в этой войне удача сопутствовала английской стороне: Гасконь оказалась единственным континентальным владением Плантагенетов, которое младшему сыну Генриха II Иоанну Безземельному в конце концов удалось отстоять. В 1252 г., взойдя на престол Кастилии, Альфонсо X выдвинул притязания на наследство прабабки Алиеноры. О давних правах на Гиень Альфонсо Мудрый вспомнил не случайно, ибо в тот момент обстоятельства как никогда благоприятствовали соперникам английской короны: уже несколько лет гасконцы оказывали решительное сопротивление власти Генриха III и королевского наместника Симона де Монфора. Впрочем, и на этот раз победа осталась за английским королем. Без особого труда послам Генриха, епископу Бата и аббату Беверли, удалось отговорить короля Кастилии от союза с мятежными гасконцами. Мирный договор между Англией и Кастилией, по условиям которого Альфонсо X от своего имени и от имени своих преемников навсегда отрекался от каких-либо прав на Гасконь, был укреплен браком наследника английской короны принца Эдуарда и сестры кастильского короля Элеоноры.

Близкие родственные связи объединяли Кастилию не только с Англией, но и с Францией. Дочь Альфонсо VIII и Элеоноры Плантагенет Бланка Кастильская была регентшей Франции и матерью Людовика IX Святого. Помимо родственных чувств у кастильских королей были и другие основания для поиска союза с Францией. В 1284 г. Филиппу IV Красивому удалось благодаря браку с Жанной Наваррской присоединить к своим владениям это пиренейское королевство. Стремясь упрочить свои позиции на полуострове, французский король стал оказывать военную поддержку Кастилии в ее борьбе против Арагона. Союзный договор между двумя королевствами был подписан в 1288 г. Вскоре Филипп IV смог восполь-

зоваться реальными плодами этого договора: во время англо-французской войны 1294–1302 гг. кастильские пираты регулярно нападали на английские и гасконские суда.

Данный краткий экскурс в историю англо-кастильских отношений XII–XIII вв. приводится главным образом в информативных целях, поскольку в сознании хронистов эти события никак не были связаны с пиренейскими экспедициями английских принцев, предпринимавшимися во второй половине XIV в.

В 1362 г. Эдуард III заключил союзный договор с королем Кастилии и Леона Педро I¹⁶⁴. Педро, прозванный современниками Жестокий, испытывал в тот момент серьезные внутривластные трудности: недовольные королевской политикой светские и духовные феодалы, поддержанные рядом городов, подняли мятеж, избрав своим лидером незаконнорожденного брата короля Энрике Трастамарского¹⁶⁵. Территориальный конфликт с Арагоном усугублял положение короля. В сложившейся ситуации Педро I обратился за помощью к Англии, владевшей пограничным с Кастилией французским юго-западом. Однако приверженцы дома Валуа также действовали активно. Угроза утраты позиций на Пиренейском полуострове заставила Карла V поддержать претензии на престол Кастилии и Леона Энрике Трастамарского. В 1365 г. на помощь последнему была направлена армия во главе с прославленным полководцем, будущим коннетаблем Франции, Бертраном Дюгекленом. Тем самым Карл V решал одновременно две задачи: укрепление позиций на Пиренейском полуострове и освобождение Франции от наводнивших ее отрядов разбойников-бригандов, поскольку именно они составляли основу посланного за Пиренеи войска¹⁶⁶.

Во французских исторических сочинениях, в первую очередь в произведениях близких по жанру к *chanson de geste*, избавление Франции от разбойничьих отрядов трактуется как один из основных подвигов великого коннетабля. В английской литературе это же деяние преподносится с совершенно другим акцентом: если для французов Дюгеклен представлял Гераклом, вычистившим авгиевы конюшни, то для англичан он был лицемерным Эврисфеем. По версии анонимного герольда из свиты знаменитого английского военачальника сэра Джона Чандоса, воспевшего в длинной поэме подвиги Черного принца, своего патрона и других доблестных английских рыцарей, в Испанию Бертран Дюгеклен проник хитростью:

¹⁶⁴ Foedera (1). Vol. III. Part II. P. 60; *Russell P. E.* The English Intervention in Spain and Portugal in the Time of Edward III and Richard II. Oxford, 1955. P. 1.

¹⁶⁵ Энрике Трастамарский был старшим сыном любовницы Альфонса XI Леоноры де Гусман, которая родила королю десять детей.

¹⁶⁶ *Басовская Н. И.* Столетняя война 1337–1453... С. 66.

он отправил письмо королю Педро I, в котором уверял его, что собирается заключить мир между Кастилией и Арагоном, а также сразиться с неверными во главе крестоносного войска. «Доверчивый король» сам открыл перевал, и воины крупнейшего в то время объединения бригадиров – Великой компании:

*Англичане и французы, и бретонцы,
Нормандцы и пикардийцы, и гасконцы –
Все вторглись в Испанию*¹⁶⁷.

Педро I решил отомстить обидчикам, вероломно обманувшим его, и изгнать их из страны, но он сам, как опять-таки сказано в сочинении герольда Чандоса, был вынужден бежать из Кастилии из-за «большого неповиновения» («par la grant desloialte») своих подданных¹⁶⁸. Все его родственники оставили его, более того:

*Они короновали его брата-бастарда,
Все земли ему отдали.
И все в Кастилии, и богатые, и бедные,
Признали его господином*¹⁶⁹.

В написанной вскоре после завершения испанской кампании анонимной латинской поэме рассказывается о том, что Энрике – «бастард неблагородный» – захватил испанский престол обманом, втершись в доверие к королю Педро: он долгое время выдавал себя за друга короля, «скрывая враждебность», но потом, улучив момент и воспользовавшись мятежом подданных, обманул его, объявив больным и неспособным к управлению королевством¹⁷⁰. По версии большинства англичан, отобрав трон у законного короля, Энрике обрек его на изгнание из его собственной страны: Педро I был вынужден спасаться бегством вместе с семьей, правда, прихватив с собой и королевские драгоценности¹⁷¹. Но как бы ни описывалось свержение короля Педро с престола, многие хронисты и поэты отмечают, что этому способствовало вторжение армии Бертрана Дюгеклена (Джон Капгрейв сообщает, что король бежал в Гасконь сразу же, как только «услышал о приближении» Великой компании¹⁷²), которое произошло по наущению короля Франции, а также при «поддержке и благосклонности папы»¹⁷³. Успехи французов на Пиренеях не

¹⁶⁷ Chandos. P. 116.

¹⁶⁸ Ibid. P. 117.

¹⁶⁹ Ibid. P. 118.

¹⁷⁰ On Prince Edward's Expedition into Spain // English Political Poems. Vol. I. P. 94.

¹⁷¹ Chandos. P. 130–131.

¹⁷² Capgrave. P. 225.

¹⁷³ В хронике Гериха Найтона и анонимном продолжении «Дара истории» отмечено, что бастард Энрике короновал себя при поддержке папы (*Knighton (I)*. P. 194; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 333); продолжатель «Брута», Томас Уолсингем, Джон Капгрейв, герольд Чандоса и продолжатель хроники Адама из Маримута упоминают о том, что «на помощь и благосклонность папы» надеялся и Бертран Дюгеклен, предпринявший поход

могли не беспокоить англичан, находящихся в союзе с Педро I. Эдуард III не только предоставил «законному» королю Леона и Кастилии большой заем, но и отправил ему на помощь во главе английского войска своих сыновей Черного принца и Джона Гонта.

Ввод английских войск на Пиренейский полуостров должен был выглядеть в глазах подданных короля Эдуарда, его союзников, папы Урбана V и всего христианского мира (так же как и в случае начала англо-французской войны) как легитимная и справедливая акция, как защита бесспорных прав единственного законного короля Кастилии и Леона. Впрочем, на этот раз оправдать начало войны против Энрике Трастамарского было гораздо проще, чем доказать обоснованность претензий английского короля на корону Франции, поскольку никакой закон не мог оправдать свержение рожденного в освященном Церковью браке и уже коронованного монарха Педро I его братом-бастардом.

Герольд Чандоса, автор самого подробного рассказа об испанском походе Черного принца, в деталях повествует о скитаниях свергнутого короля, не забывая добавить, что его покинули все друзья и родственники¹⁷⁴. По версии этого поэта, однажды один из немногих оставшихся верным законному королю приближенных, Фердинанд де Кастро, напомнил своему сеньору о старом союзе и дружбе с королем Англии – «самым благородным и могущественным королем со времен короля Артура»¹⁷⁵. И почти уже отчаявшийся король решился на последнюю попытку – он обратился за помощью к старшему сыну короля Англии Эдуарду, ибо

*Он – человек храбрый и смелый
И так силен латниками,
Что никто из живущих
Не может причинить ему зло...¹⁷⁶*

Король Педро был уверен в том, что, если принц согласится оказать ему помощь, он еще «до конца года» вновь обретет свое королевство. При этом, по мнению поэта, король надеялся на согласие Черного принца в расчете на благородство последнего, не позволяющее ему бросить в беде того, кто нуждается в поддержке в борьбе за истину¹⁷⁷. Придя к этому решению, Педро I немедленно отправил принцу Эдуарду письмо, а вскоре и сам предстал перед ним, «слезно умоляя» о помощи¹⁷⁸. Этот бесспорно

в Испанию (The Brut. Vol. II. P. 316–317; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 57; *Walsingham*. Vol. I. P. 304; *Capgrave*. P. 225; *Chandos*. P. 112–113; *Adam Murimuth*. P. 202).

¹⁷⁴ *Chandos*. P. 118.

¹⁷⁵ *Ibid*. P. 123.

¹⁷⁶ *Ibid*. P. 124.

¹⁷⁷ *Ibid*.

¹⁷⁸ *Ibid*. P. 125–126, 130–131; On Prince Edward's Expedition into Spain // *English Political Poems*. Vol. I. P. 95.

очень важный для оправдания вторжения англичан в Кастилию момент обращения к Черному принцу законного государя приводится во всех хрониках¹⁷⁹. «Кроткие» мольбы короля тронули сердце принца, который пообещал немедленно оказать помощь, если, конечно, сможет получить согласие своего отца, короля Англии. Поэтому он сразу же, «слезам родственника сострадавая чрезмерно», отправил своего брата, Джона Гонта, герцога Ланкастерского, с письмом к отцу, испрашивая у него разрешение оказать помощь несчастному Педро¹⁸⁰.

Уолтер Питербороский, цистерцианец из аббатства Ревсби, вероятный участник испанского похода в свите Джона Гонта, написал после возвращения в Англию поэму, в которой испанская кампания приобретает вид героической и романтической истории о братских чувствах, благородстве, рыцарских доблестях и, в заключение, победе добра и правды над злом и ложью. В прологе автор повествует о том, что военные действия на Пиренейском полуострове были междоусобной войной братьев, которую вели три бастарда: Энрике, Телло и Санчо – сыновья Леоноры де Гусман, объединившиеся против трех легитимных братьев: короля Педро I, Эдуарда, принца Уэльского, и Джона Гонта. Последние, хотя и не были братьями по крови, «союзы заключили, себя с братьями сравнили, / Отныне подтвердиши, что трое словно один будут»¹⁸¹. Другие историографы середины XIV в., также желая подчеркнуть основания, имевшиеся у короля Эдуарда для вмешательства во внутренние дела Кастилии, вспоминают о существовании родственных связей между английским и кастильским королевскими домами. Джон из Рединга и аноним из Кентербери упоминают о том, что Эдуард I был женат на кастильской принцессе Элеоноре¹⁸². А анонимный монах из аббатства Девы Марии в Йорке полагал, что апелляция короля Педро к родственным чувствам Черного принца была вызвана тем, что, будучи инфантом, Педро был женат на дочери короля Эдуарда III, умершей в 1348 г. во время эпидемии Черной смерти¹⁸³.

Любопытно выяснить, стремились ли английские хронисты изобразить желание Черного принца помочь попавшему в беду кузену как бескорыст-

¹⁷⁹ The Anonimale Chronicle. P. 53; *Knighton (1)*. P. 194; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 58; *Walsingham*. Vol. I. P. 303; *Higden (Caxton)*. Vol. VIII. P. 525; *Adam Murimuth*. P. 202; *Cupgrave*. P. 225; *Chandos*. P. 118–125; *Kirkstall Abbey Short Chronicle*. P. 108; *The Brut*. Vol. II. P. 136–137; *Reading*. P. 172; *Anonymi Cantuariensis Chronica...* P. 223–224; *Gregory*. P. 88; *Chronicles of London...* P. 14; *Grafton*. P. 404; *Fabyan*. P. 476.

¹⁸⁰ *Walter of Peterborough*. P. 103; *Chandos*. P. 120–122. О том, что принц Эдуард направил войско в Испанию, сострадавая несчастьям («condolens calamitatibus») короля Педро, сообщает и Томас Уолсингем (*Walsingham*. Vol. I. P. 303; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 58).

¹⁸¹ *Walter of Peterborough*. P. 104.

¹⁸² *Reading*. P. 172–173; *Anonymi Cantuariensis Chronica...* P. 222–223.

¹⁸³ The Anonimale Chronicle. P. 53.

нос? Оказавшись в тяжелой ситуации, Педро I сделал принцу Эдуарду весьма щедрое предложение, обещая в случае успеха кампании не только компенсацию расходов, но также территориальные уступки и денежное вознаграждение¹⁸⁴. Однако большинство историографов, экстраполируя знание о том, что принцу ничего не удалось получить от короля Педро, всячески стремились подчеркнуть бескорыстие наследника короля Эдуарда, который из-за своего благородного порыва оказался впоследствии в весьма затруднительном положении. При этом авторов можно разделить на две группы: на тех, кто вообще не упоминает о деньгах, обращая внимание только на желание принца оказать помощь несчастному королю, и на тех, которые сообщают об «обмане» со стороны Педро I. Так, превознося благородный порыв Черного принца сделать все возможное для оказания братской помощи попавшему в беду королю Педро, Томас Уолсингем рассказывает, что принцу Эдуарду пришлось пожертвовать собственной золотой и серебряной посудой, чтобы из них отчеканить монеты для расплаты с наемниками, «главным образом из Великой Компании, которую он пригласил из Франции»¹⁸⁵. О том, что принц тратил на поход личные средства, также сообщает герольд Чандоса¹⁸⁶. Однако этих денег не хватило, и принц все еще был должен солдатам большую сумму. А так как сам он «остался нищим» (преувеличение хрониста перестает быть таким уж большим, если учесть, что только за проход войска через Наварру принц заплатил союзнику Англии Карлу Злому 200 тысяч золотых флоринов¹⁸⁷), то он надеялся, что после победы король Педро заплатит воевавшим за него¹⁸⁸. В «Анонимной хронике из аббатства Девы Марии в Йорке» сказано, что принц Эдуард «должен был прибыть в Испанию за свой счет», а король Педро «пообещал ему» после окончания похода «определенную сумму золотом за его труды и расходы»¹⁸⁹. Это подтверждают и другие хронисты, сообщая, что после победы принц целых полгода ждал денег от короля Педро, пока не пришел к выводу о том, что кастильский король «не держит свое слово, как он обещал

¹⁸⁴ Во-первых, он пообещал Черному принцу 550 тысяч флоринов в качестве предварительного вознаграждения, а затем, после окончания похода, оплатить все его затраты; кроме того, лорды Гаскони должны были получить по возвращении из похода 300 тысяч флоринов. Во-вторых, в знак признательности королю Эдуарду Педро I предоставлял ему и всем его наследникам право вводить войска в Кастилию и Леон. В-третьих, Англии были обещаны территории вдоль Бискайского залива, где находились важные центры торговли и кораблестроения. В-четвертых, англичане, в том числе и купцы, освобождались от уплаты налогов в Кастилии, что было весьма выгодно для развития английской торговли (*Emerson B. The Black Prince. L., 1976. P. 187; Russell E. The English Intervention in Spain and Portugal... P. 65–67*).

¹⁸⁵ *Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 60; Walsingham. Vol. I. P. 305.*

¹⁸⁶ *Chandos. P. 135.*

¹⁸⁷ *The Anonimale Chronicle. P. 54; Emerson B. The Black Prince... P. 187.*

¹⁸⁸ *Walsingham. Vol. I. P. 305.*

¹⁸⁹ *The Anonimale Chronicle. P. 53.*

и покаялся»¹⁹⁰. Автор же «Краткой хроники аббатства Керкстолл» прямо указывает, что Черный принц играл в этой войне роль простого наемника: «Принц Уэльский вместе со всеми его войсками был нанят для возвращения королевства Испании ее законному наследнику, Педро – истинному королю Испании»¹⁹¹. И лишь автор продолжения «Дара истории», написанного в первой четверти XV в., утверждал, что после победы при Нахере принц Эдуард получил обещанные деньги¹⁹².

Несколько особняком стоит один из анонимных продолжателей хроники «Брут», текст которого датируется самым началом XV в. Согласно его версии, Черный принц, будучи уверенным в том, что «настоящий рыцарь должен помогать тому, кто просит его о помощи», все же выдвинул королю Педро ряд условий. Правда, эти условия еще больше подчеркивали благородство герцога Аквитанского. Последний потребовал, чтобы после восстановления на престоле Педро I «был верным слугой святой Церкви, почитал ее и всех ее служителей, защищал ее и их от всех врагов, ограждал бы ее от всех неприятностей, восстановил бы все ее права и свободы, изгнал бы сарацин и других неверных из королевства, и, поскольку он женат на христианке, никогда бы не ложился в постель к другой женщине и никак иначе не обижал свою жену»¹⁹³.

Герольд Чандоса сообщает о том, как в самый разгар приготовлений к походу прибыло письмо от бастарда Энрике, в весьма враждебном тоне требовавшего от принца Эдуарда отказаться от его намерений или же указать дорогу, по которой он собирается вторгнуться на Пиренейский полуостров, дабы он (Энрике) смог бы с ним встретиться и сразиться. На это письмо принц ответил, что готов отказаться от похода и заключить мир только при одном условии – восстановлении Педро на престоле, которого он был несправедливо лишен¹⁹⁴.

Из всего вышесказанного совершенно очевидно, что в глазах англичан испанская кампания никоим образом не была войной против короля Кастилии, наоборот, в ней англичане выступали как его союзники в борьбе

¹⁹⁰ *Chandos*. P. 250; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 59–60; *Walsingham*. Vol. I. P. 305.

¹⁹¹ *Kirkstall Abbey Short Chronicle*. P. 108.

¹⁹² *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 334.

¹⁹³ *The Brut*. Vol. II. P. 318–319. По версии Томаса Грея, причина конфликта Педро I с подданными коренилась в любви короля к некоей еврейке, ради которой он сделал ее единоверцев рыцарями ордена Ленты, хотя ранее в нем состояли только воевавшие против сарацин рыцари. Христиане были оскорблены тем, что король «приравнял к ним неверных». Педро же в ярости ответил им, что евреи «не собаки, а такие же люди, как и другие, и равны им». Тогда 30 христианских рыцарей вызвали на поединок 62 евреев и в честном бою изрубили их насмерть. Возбешенный этим король начал наказывать христиан, которые подняли против него восстание, приведше к изгнанию Педро из Испании (*Gray*. P. 163–164).

¹⁹⁴ *Chandos*. P. 163–164.

с узурпатором, обманом захватившим престол. Более того, на этот раз английский король даже не был инициатором войны – вторжение английских войск на Пиренейский полуостров произошло по просьбе короля Кастилии и Леона Педро I, который непосредственно находился в армии принца Эдуарда, указывая англичанам дорогу в свое королевство¹⁹⁵. Обращение законного короля с просьбой о помощи является единственной, с точки зрения английских хронистов, причиной участия англичан в этой войне. Обещанное вознаграждение, о котором упоминают далеко не все историографы, является всего лишь традиционной платой наемным солдатам, но не причиной похода.

Поход Черного принца и Джона Ланкастерского в Кастилию закончился полной победой англичан над армией Энрике Трастамарского и поддерживающими его французами в битве при Нахере 3 апреля 1367 г. Казалось, что это означало утверждение в Кастилии английского влияния. Однако Энрике при поддержке Франции продолжал борьбу, которая завершилась в 1369 г. его победой (король Педро был захвачен в плен и затем убит).

После возобновления войны между Англией и Францией военные действия против приверженцев Энрике Трастамарского по сути свелись к столкновениям на море. Уже летом 1377 г.¹⁹⁶ кастильские и французские корабли совершили серию нападений на английское побережье. В последующие годы союзники продолжили свои атаки. Курсирующие вдоль берегов Бретани и Фландрии пиратские суда постоянно угрожали безопасности английских, гасконских и фламандских купцов. В поисках союзника против враждебной Кастилии Англия заключила в 1381 г. договор с королем Португалии Фердинандом I. На первом этапе оказание помощи португальцам оказалось дорогостоящим, но малоэффективным предприятием. Реальных успехов на Пиренеях англичанам удалось добиться лишь в 1384–1385 гг. Как отмечали современники, лишь «благодаря помощи англичан» под предводительством графа Кембриджского, дяди короля Ричарда II¹⁹⁷, королю Португалии удалось одержать победу при Альжубарроте над королем Кастилии, которого снова поддерживали французские войска. Победы графа Кембриджского и его португальского союзника, нанешие большой урон противникам, вдохновили в 1386 г. герцога Джона Ланкастерского на новое вторжение в Испанию. Этот поход осуществлялся уже не под лозунгом «дружеской

¹⁹⁵ Prince Edward's Expedition into Spain // English Political Poems. Vol. I. P. 95; *Walter of Peterborough*. P. 103.

¹⁹⁶ В июне 1375 г. в Брюгге было заключено перемирие на один год, которое затем было продлено на такой же срок (Foedera (1). Vol. III. Part III. P. 23–24, 41–44; *The Anglo-French Negotiations at Bruges, 1374–1377* / Ed. E. Perroy. L., 1952. P. 1–68).

¹⁹⁷ *An English Chronicle*. P. 3. См. также: *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi* / Ed. T. Heame. L., 1729. P. 41; *The Brut*. Vol. II. P. 339.

помощи» королю Португалии, поскольку у герцога Ланкастерского нашлись гораздо более весомые доводы для идеологического оправдания военной кампании.

В 1369 г. умерла первая жена Джона Гонта Бланка Ланкастерская. Вскоре герцог вступил в новый брак с Констанцией, дочерью низложенного и убитого короля Педро I. В конце 1371 г. Королевский совет собрался для обсуждения вопроса о выдвигании герцогом и герцогиней Ланкастерскими прав на корону Кастилии и Леона. Официально у Джона Гонта не должно было возникнуть проблем с провозглашением себя наследником убитого короля Педро. Еще в Севилье в 1362 г. кортесы Кастилии признали заявления Педро I о том, что он женился на Марии де Падилья до того, как он был вынужден заключить брачный союз с Бланкой Бурбонской. Это означало, что четверо детей от доньи Марии были законными, вскоре они были признаны в качестве таковых кортесами. После смерти сына короля Педро, дон Альфонса, наследницами оставались его сестры – Беатрис, Констанция и Изабелла. По завещанию Педро I, составленному в соответствии с существующими кастильскими законами, в случае смерти доньи Беатрис «королевство наследовала донья Констанция и тот, кто на ней женится»¹⁹⁸. Более того, даже Энрике Трастамарский никогда серьезно не пытался отрицать обоснованность претензий герцога Ланкастерского, предпочитая выдвигать другие аргументы для узурпации. С 1366 г. вплоть до самой своей смерти в 1379 г. король Энрике пытался заключить династический брак между своими дочерьми и сыновьями Эдуарда III¹⁹⁹. Сам же король Эдуард, желая обеспечить сыновьям право претендовать на корону Кастилии, женил еще и Эдмунда, графа Кембриджа, на младшей дочери короля Педро Изабелле²⁰⁰.

Первой, а также самой главной (поскольку именно ее упоминают все историки без исключения) причиной новой войны с Кастилией являлись, как и в случае начала англо-французского конфликта, династические притязания герцога Ланкастерского на корону этого королевства. Жена герцога была наследницей «единственного истинного короля» Педро I, поскольку ее права на корону сохранились и после убийства короля его братом²⁰¹, которого англичане воспринимали не только как бастарда, но и как узурпатора. Перед отплытием из Англии герцога, претендовавшего на корону Испании («*regnum Hispanie jure uxoris sui sibi vendicans*»), Ричард II провозгласил королем этой страны²⁰². Как сообщает Генрих

¹⁹⁸ *Russell P. E. The English Intervention in Spain and Portugal...* P. 174–175.

¹⁹⁹ *Ibid.*

²⁰⁰ *Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 334.*

²⁰¹ *Adam of Usk. P. 14.*

²⁰² *The Westminster Chronicle. P. 164; Adam of Usk. P. 14; Knighton (1). P. 340; Walsingham.*

Найтон, в Лондоне состоялась церемония, напоминающая коронацию: «Король [Ричард. – *E. K.*] дал ему [Джону Гонту. – *E. K.*] золотую корону, и королева дала золотую корону его жене. И король приказал всем звать герцога королем Испании и оказывать ему королевские почести»²⁰³. Согласно «Вестминстерской хронике», Ричард II провозгласил герцога «истинным наследником испанского престола». Хронист также упоминает, что было приказано почитать герцога как короля: «Во время заседаний он должен был сидеть рядом с королем, выше архиепископов»²⁰⁴. На самом деле герцог Ланкастерский принял титул короля Кастилии и Леона в 1372 г. Британский историк П. Расселл, изучивший большой пласт официальных документов, а также писем, пришел к выводу о том, что еще в правление Эдуарда III герцог был известен в народе как «monseigneur d'Espagne». Ричард II в письмах называл его «nostre uncle d'Espaigne», а донью Констанцию – «nostre treschere tante d'Espaigne»²⁰⁵, но хронисты вспоминают об этом только непосредственно в связи с рассказом о походе Джона Гонты в Испанию в 1386 г.

Однако существовала еще одна причина для похода. Она была напрямую связана с начавшейся в 1378 г. Великой схизмой: папа Урбан VI провозгласил крестовый поход (оглашение состоялось 18 февраля в соборе Св. Павла в Лондоне) против схизматиков-испанцев. Этот крестовый поход являлся продолжением похода епископа Нориджского Генриха Деспенсера во Фландрию и Францию в 1383 г.²⁰⁶, однако теперь кампанию вел герцог Ланкастерский²⁰⁷. Таким образом, первая и вторая причины объединялись, однако на этот раз никто из современников не усмотрел в этом угрозы нанесения ущерба светской власти, аналогичной той, о которой упоминал монах из Вестминстера, рассказывая о неприятии некоторыми английскими лордами кампании епископа Нориджского. Джон Гонт – законный наследник короны – отправлялся сражаться в первую очередь за свои права, а борьба со схизматиками должна была стать дополнительным стимулом.

Vol. II. P. 143; *The Brut*. Vol. II. P. 344; *Grafton*. P. 457; *Fabyan*. P. 535; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi*... P. 70.

²⁰³ *Knighton (I)*. P. 340.

²⁰⁴ *The Westminster Chronicle*. P. 164.

²⁰⁵ *Russell P. E. The English Intervention in Spain and Portugal*... P. 175.

²⁰⁶ Папская булла, распространенная в Англии, Кастилии, Леоне, Наварре, Португалии, Арагоне и Гасконии, о крестовом походе против трастамарских правителей Кастилии была издана в 1382 г., возможно в тот же день, 15 мая, что и для епископа Нориджского. Она не сохранилась, но упоминается в речах лорда-канцлера, произнесенных в парламенте в октябре 1382 г. (*Perroy E. La guerre de Cent ans*. P., 1945. P. 108).

²⁰⁷ *The Westminster Chronicle*. P. 164; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi*... P. 70; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 358; *Chronicon Angliae, 1328–1388*. P. 368; *Walsingham*. Vol. II. P. 143.

Поход начался весьма удачно, однако вскоре английская армия стала нести большие потери, вызванные эпидемиями. В этой ситуации Кастилии, при дипломатической и потенциальной военной поддержке Франции, удалось избежать поражения и заключить компромиссный договор с Джоном Ланкастерским, по которому король Испании должен был женить сына и наследника на дочери герцога от брака с доньей Констанцией, а также выплатить последним столько золота и серебра, чтобы этого хватило на «две пышные свадьбы», и столько «других драгоценностей, что их могли бы увезти на восьми телегах». Кроме того, король ежегодно в течение жизни герцога и его жены должен был выплачивать по 10 тысяч марок золотом (это золото испанцы должны были доставлять в Байонну слугам герцога)²⁰⁸. Все английские хронисты считали эту англо-испанскую войну выигранной, а условия данного договора весьма выгодными для герцога: их не смущало даже то, что он так и не завоевал для себя королевство. По их мнению, вполне достаточно было того, что его дочь Екатерина становилась королевой, а следовательно, внуки Джона Гонта по праву будут правителями Леона и Кастилии.

Совершенно очевидно, что трактовка англичанами обеих испанских кампаний была предельно однозначной. Для них эти походы были не чем иным, как справедливыми акциями, задуманными для восстановления истины. При этом не важно, сражались ли англичане за права и интересы своего короля (или, как в случае с герцогом Ланкастерским, его ближайшего родственника) или же вставали на защиту безвинно пострадавшего иноземца. Последнее обстоятельство как нельзя лучше отвечает стремлению английских хронистов создать положительный образ англичанина. Это весьма важно в контексте проблемы самоидентификации англичан, о которой непосредственно речь пойдет в третьей части исследования. Созданию благоприятного образа также должно было способствовать еще одно общее для обоих испанских походов обстоятельство: данные экспедиции трактуются авторами источников как полностью завершённые миссии. Это объясняется тем, что в обоих случаях англичане разбили врагов и добились успеха. В то же время хронисты достаточно равнодушны к тому, что походы оказались по сути дела напрасными: королю Педро I так и не удалось удержать престол, а герцог Ланкастерский не сумел добиться решения поставленной перед ним задачи – отвоевать у «узурпатора» трон Леона и Кастилии.

²⁰⁸ *Higden (Caxton)*. Vol. VIII. P. 533; *An English Chronicle*. P. 7; *The Westminster Chronicle*. P. 186; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 367; *Adam of Usk*. P. 14; *Capgrave*. P. 253; *Chronicon Angliae, 1328–1388*. P. 369; *Walsingham*. Vol. II. P. 143; *The Brut*. Vol. II. P. 344; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi...* P. 118; *Grafton*. P. 458; *Fabyan*. P. 535.

Обоснование законности военных действий в Шотландии

История англо-шотландских конфликтов и противоречий уходит корнями в раннее Средневековье. На протяжении веков правители населявших северные и центральные районы Британии бриттов и пиктов вели войны как между собой, так и с различными пришельцами – скоттами, англосаксами, скандинавами. В 843 г. Кеннет МакАлпин, скотт по отцу и пикт по матери, смог создать единое государство скоттов и пиктов, именуемое по-гэльски Альба (Alba), а по-латыни Scotia. Примерно полвека спустя благодаря военным и политическим заслугам короля Уэссекса Альфреда Великого (871–899 гг.) началось объединение англосаксонских королевств в единую державу. Конфликт между двумя сильнейшими государствами на острове был неизбежен. Центральной ареной борьбы шотландцев и англичан стала находившая под властью датчан Нортумбрия. В начале X в. шотландцы вторгались в Нортумбрию с севера, англичане – с юга, а из-за моря являлись скандинавы. В 921 г. сыну Альфреда Великого Эдуарду Старшему удалось достичь существенного успеха в борьбе с шотландским королем Константином II. Последний признал английского короля своим «господином и отцом». Данный договор считается древнейшим мирным соглашением между Англией и Шотландией²⁰⁹. Позднее этот документ стал одним из важнейших аргументов английских королей, претендующих на суверенитет над северным соседом.

В 927 г. Константин заключил аналогичный договор с сыном Эдуарда Этельстаном. Мирное соглашение, а также родственные узы (Этельстан стал крестным отцом сына Константина) не помешали английскому королю вторгнуться в 934 г. в Шотландию. Действия английского короля заставили Константина заключить союз с норвежцами. И хотя Этельстан разбил своих противников в битве при Брунанбурге (937 г.), шотландцы не оставили попыток захватить Нортумбрию. За несколько следующих десятилетий шотландцы фактически покорили весь Лотиан: в 973 г. король Англии Эдгар согласился с утратой этих земель на условии, что скотты будут оказывать ему военную поддержку. В 1018 г. король Шотландии Малькольм II (1005–1034 гг.) разбил войска эрла Нортумбрии в Карамской битве, окончательно утвердив свою власть над Лотианом. Попытки Кнута Великого отвоевать эту область не имели успеха.

В 1057 г. последний англосаксонский король Эдуард Исповедник помог Малькольму III (1057–1093 гг.) одержать верх над захватившим еще в 1040 г.

²⁰⁹ *Florence of Worcester. Cronicon ex Chronicis // Scottish Annals from English Chronicler / Ed. A. O. Anderson. L., 1908. P. 65.*

шотландскую корону узурпатором Макбетом и взойти на престол предков. Благодарный Малькольм присягнул Эдуарду на верность. После завоевания Англии в 1066 г. нормандским герцогом Вильгельмом Малькольм пытался поддержать претендующего на английский трон Эдгара Этелинга, на сестре которого Маргарите он был женат. Однако уже в 1072 г. Вильгельм завоеватель разбил войско шотландского короля, который не только отказался от претензий на Камбрию, но также принес английскому королю оммаж и клятву верности как своему сеньору. После смерти Вильгельма I подобная клятва была принесена его сыну – Вильгельму II. В этот период на политическую и социальную жизнь Шотландии распространилось влияние англо-нормандской культуры, заметно усилившееся в период правления младшего из сыновей Малькольма III, Дэвида I (1124–1153 гг.). Сестра Дэвида стала женой английского короля Генриха I, а сам король Шотландии взял в жены Матильду, дочь графа Нортумбрии и вдову графа Нортгемптона. По условиям брачного договора Дэвид получил графства Хантингдон и Нортгемптон на правах ленного держания от английской короны.

До второй половины XII в. внешняя политика шотландских королей была сосредоточена главным образом на сложных взаимоотношениях с английской короной. Основные проблемы, мешающие мирному сосуществованию соседних королевств, сводились к постоянному стремлению Англии установить господство над северным соседом, а также к желанию шотландских королей не только добиться полной независимости от Англии, но и расширить пределы своего государства за счет присоединения пограничных земель. Рано или поздно поиск союзников против могущественных Плантагенетов должен был привести Шотландию к соглашению с Францией. Впервые это соглашение было заключено в период правления одного из самых известных королей из династии Плантагенетов, Генриха II (1154–1189 гг.). Континентальные владения Генриха (Анжу, Мен, Турень, Пуату, Нормандия, Аквитания и Бретань) превосходили домен французского короля, в Британии он стремился расширить свои владения за счет Уэльса и Ирландии. В 1173 г. шотландский король Вильгельм Лев заключил союз с французским королем Людовиком VII и английскими принцами, поднявшими мятеж против единоличной власти своего отца. Военная удача способствовала Генриху II. Шотландское войско было полностью разбито, сам Вильгельм Лев оказался в английском плену. В 1174 г. в Фалезе (Нормандия) заключенный в оковы шотландский король подписал договор, по которому его королевство становилось английским фьефом, а сам Вильгельм – вассалом Генриха, шотландская Церковь должна была подчиняться английской, а все магнаты обязывались присягать

королю Англии и его потомкам²¹⁰. Впрочем, уже 1189 г. Фалезский договор был отменен Кентерберийским отказом, по которому Вильгельм Лев выкупил у готовящегося к крестовому походу Ричарда I все свои права за 10 тысяч марок²¹¹. Младший брат Ричарда Львиное Сердце Иоанн Безземельный неоднократно пытался отказаться от соблюдения заключенного его предшественником договора. Неожиданная смерть Иоанна в 1216 г. предотвратила очередной военный конфликт между соседними королевствами. Девятнадцатилетний король Шотландии Александр II (1214–1249 гг.) возвратил английской короне захваченный ранее Карлайл, а также присягнул малолетнему Генриху III на верность за Хантингдон и Тайндел.

В 1291–1292 гг. в Шотландии разгорелась Великая тяжба за корону, на которую претендовало тринадцать представителей аристократических фамилий. Желая доказать свои права на суверенитет над Шотландией, король Англии Эдуард I в 1291 г. отдал приказ разыскать в архивах и монастырских библиотеках любые свидетельства из истории англо-шотландских отношений. Около тридцати монастырей выполнили королевское распоряжение²¹². Эдуарду удалось добиться своего: большинство основных претендентов (включая Роберта Брюса и Джона Бэллиола) признали его суверенитет и доверили королю Англии роль арбитра в тяжбе. Избранный в 1292 г. королем Шотландии, Джон Бэллиол немедленно присягнул на верность поддержавшему его Эдуарду I²¹³. Однако уже в 1294 г. Бэллиол в угоду шотландским магнатам отказался помочь королю Англии в войне против Филиппа IV²¹⁴. А в следующем году в Париже был подписан новый официальный франко-шотландский договор, направленный в первую очередь против Англии²¹⁵. Условия парижского договора предусматривали совместные военные действия союзников, а также участие Франции в любых англо-шотландских мирных договорах²¹⁶. Очевидно, что заключение в период англо-французского вооруженного конфликта в Гаскони подобного соглашения было со стороны Шотландии фактическим объявлением войны. С этого момента Англия оказывалась перед угрозой ведения войны на два

²¹⁰ Anglo-Scottish Relations, 1174–1328 / Ed. E. L. Stones. L., 1965. № 1; Басовская Н. И. Столетняя война 1337–1453... С. 15.

²¹¹ Anglo-Scottish Relations, 1174–1328... № 2.

²¹² Guenée B. L'enquête historique ordonnée par Edouard I, roi d'Angleterre, en 1291 // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 1975. P. 572–584.

²¹³ Anglo-Scottish Relations, 1174–1328... № 20; Федосов Д. Г. Рожденная в битвах. М., 1996. С. 144.

²¹⁴ В 1294 г. началась англо-французская война (1294–1303), вызванная тем, что Филипп IV объявил о конфискации герцогства Гиени у Эдуарда I.

²¹⁵ Foedera (2). Vol. I. Part II. P. 830–832.

²¹⁶ The Acts of the Parliaments of Scotland / Ed. Th. Thompson. Edinburgh, 1841. Vol. 1. P. 95–97.

фронта, реализовавшейся уже в 1296 г.²¹⁷, когда в Шотландии началась ангианглийская борьба за независимость (1296–1328 гг.)²¹⁸.

В период Войны за независимость²¹⁹ франко-шотландские союзнические отношения продолжали укрепляться. Филипп IV был первым монархом, признавшим законность власти Роберта Брюса. В 1326 г. был подписан франко-шотландский договор в Корбейле, усиливший взаимные обязательства союзников: в случае войны одной из сторон против Англии любые мирные соглашения другой стороны с последней также аннулировались²²⁰. Заключенный на подобных условиях договор с Францией оказал существенную поддержку Шотландии на последнем этапе войны за независимость. Сложная внутривосточная ситуация, сложившаяся в самой Англии после низложения Эдуарда II, также вынуждала королеву Изабеллу и ее любовника лорда Мортимера, управлявших королевством от имени малолетнего Эдуарда III, к скорейшему заключению мира с северным соседом. Вскоре после своей коронации (в марте 1328 г.) Эдуард III с одобрения парламента признал Роберта Брюса королем Шотландии²²¹. В своем письме Эдуард выражал сожаление по поводу того, что «тщетные попытки» английских королей установить суверенитет над Шотландией привели оба королевства к «жестоким испытаниям». 17 марта в Эдинбурге шотландский парламент утвердил окончательный текст договора: «Королевство Шотландия навсегда останется во всем отдельным от королевства Англии, в своей целостности, свободе и мире, без какого-либо подчинения, неволи, притязаний или требований, в своих подлинных границах, как при Александре [III], доброй памяти покойном короле шоттов»²²². Эдуард III от своего имени и от имени своих преемников отказался от всех притязаний на Шотландию и объявил недействительными все акты, где таковые выдвигались. В июле 1328 г. мир с Шотландией был скреплен браком сына Роберта Брюса Дэвида и сестры Эдуарда Джоанны.

Однако этот мирный договор не был популярен в Англии, где его считали «позорным» («*rax turpis*»)²²³ по крайней мере по двум причинам. Во-первых, сохранение союза Шотландии и Франции несколько сковывало английскую континентальную политику. Сознвая это, Филипп VI Валуа,

²¹⁷ В 1296 г. Джон Бэллол отрекся от своей клятвы верности Эдуарду I (*Foedera* (2). Vol. I. Part II. P. 839).

²¹⁸ *Басовская Н. И.* Столетняя война 1337–1453... С. 24–25.

²¹⁹ *Федосов Д. Г.* Рожденная в битвах... С. 148–180.

²²⁰ *Басовская Н. И.* Столетняя война 1337–1453... С. 31–32.

²²¹ *Anglo-Scottish Relations...* № 40; *Федосов Д. Г.* Рожденная в битвах... С. 179.

²²² *Anglo-Scottish Relations...* № 41; *Foedera* (2). Vol. II. Part II. P. 734; *Федосов Д. Г.* Рожденная в битвах... С. 179.

²²³ *Avesbury.* P. 283.

коронация которого грозила конфликтом с Англией, подтвердил союз между Францией и Шотландией непосредственно после завершения Войны за независимость. Во-вторых, по этому договору целый ряд знатных английских лордов лишился своих шотландских владений: поскольку Роберт Брюс утверждал, что вассалы английской короны не могут держать земли в его королевстве, впрочем, шотландцы также не должны были владеть ленами в Англии во избежание смешанного подданства²²⁴.

В представлении английских хронистов этих двух причин было достаточно для того, чтобы рано или поздно король Англии попытался аннулировать условия данного договора, а также если не полностью покорить Шотландию, то хотя бы восстановить для себя и своих потомков права, которыми обладал его дед Эдуард I. В течение 1330-х гг. в Англии с явного одобрения двора проводилась пропаганда идеи о том, что мир, заключенный с Шотландией, был позором не только для короля, проигравшего войну, но и для всего английского народа. При этом активно распространялось утверждение, неоднократно повторявшееся и в английских хрониках, что этот мир был заключен вопреки желанию короля: королева Изабелла и Роджер Мортимер «с согласия многих знатных англичан»²²⁵, воспользовавшись малолетством короля, составили договор, отменяющий «все права и претензии на сюзеренитет, которыми когда-либо обладал сам [король Эдуард. – *Е. К.*] или его предки в королевстве Шотландия»²²⁶, и скрепили этот мир браком английской принцессы и наследника шотландского трона²²⁷. Только Томас Бертон замечает в своей хронике, что во время этой свадьбы Эдуард III «письменно вновь провозгласил нерушимость суверенитета, господства и всех прав, которыми он сам или его предки обладали или претендовали на них в королевстве Шотландии»²²⁸. Впоследствии Мортимер, ставший любовником королевы, преследуя собственную выгоду, якобы искажил этот договор. Однако, возмужав, король Англии не только наказал лорда Мортимера, «присвоившего казну королевства», а также «власть в королевстве узурпировавшего»²²⁹, но и отказался признать заключенный с шотландцами мир. При этом необходимо отметить, что в длинном списке обвинений, выдвинутых лорду Мортимеру, заключение предательского

²²⁴ The Acts of the Parliaments of Scotland. Vol. I. P. 462; Anglo-Scottish Relations... № 40, 42; Федосов Д. Г. Рожденная в битвах... С. 187.

²²⁵ *Avesbury*. P. 283.

²²⁶ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 1; *Walsingham*. Vol. I. P. 192.

²²⁷ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 1; *Walsingham*. Vol. I. P. 192; The Chronicle of Bridlington Priory. P. 98–99; *Annales Paulini*. Vol. II. P. 342; *Capgrave*. P. 201–202; *Gray*. P. 81–82; *Le Baker*. P. 41; *Avesbury*. P. 185; *Hardyng (2)*. P. 317–318; *Grafton*. P. 331; *Fabyan*. P. 439–340; *Gregory*. P. 78–79.

²²⁸ *Burton*. Vol. II. P. 358.

²²⁹ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 2; *Walsingham*. Vol. I. P. 192; *Burton*. Vol. II. P. 358.

«позорного мира» шло на втором месте, сразу после убийства Эдуарда II, но перед присвоением королевских богатств, поношением Эдуарда III и любовной связью с королевой Изабеллой²³⁰. Реконструируя события почти вековой давности по документам и трудам предшественников, Томас Уолсингем вставил в текст обвинение Мортимера в получении 20 тысяч фунтов от шотландцев, благодаря которым он решил «препятствовать чести короля и королевства», позволив шотландцам бежать в битве, данной в парке Станхоуп, и заключив «позорный мир»²³¹. Писавший непосредственно после низложения Мортимера, анонимный автор хроники «Брут» также утверждал, что граф запретил англичанам преследовать шотландцев в том сражении, а ведь даже сам Брут, во власти которого находился весь остров, не продвигался так далеко на север²³². Казнив предателя, а именно так называют хроники лорда Мортимера, король Эдуард не только снял с себя обвинение в том, что навлек позор на весь английский народ, но и получал прекрасный предлог для возобновления войны против Шотландии.

Подобное решение короля не должно было вызвать удивление среди его подданных, наоборот, отказ от сюзеренитета над Шотландией скорее приводил их в недоумение, ведь англичане сражались за это право веками. Любопытно, что в сочинении льежского каноника Жана Ле Беля вообще не упоминается об условиях заключенного в 1328 г. мира между Англией и Шотландией. Это тем более удивительно, что принимавший личное участие в неудачной английской кампании в Шотландию в 1327 г., состоящий на службе у Жана де Бомона (дяди жены Эдуарда III королевы Филиппы), хронист должен был быть неплохо осведомлен о столь важном договоре. Между тем Жан Ле Бель перекладывает всю вину на начало новой англо-шотландской войны на Дэвида II, обвиняя его в том, что шотландский король якобы незаконно удерживал город Берик, а также не принес Эдуарду III оммаж и клятву верности, «хотя королевство Шотландия считается фьефом английской короны». По версии каноника из Льежа, в 1332 г. Эдуард III обратился к парламенту за советом о том, каким образом в сложившейся ситуации он может уберечь свою честь. «Все бароны, рыцари, советники из добрых городов и представители всей страны посовещались, а затем дружно ответили, что, по их мнению, король Шотландии совершает в отношении их государя несправедливость, которую нельзя стерпеть. Поэтому они советуют ему собрать могучее войско, войти в пределы Шотландии, захватить город Бервик [sic. Берик. – Е. К.],

²³⁰ *Fabyan*. P. 441; *Grafton*. P. 352; *Chronicles of London*... P. 10; *The Brut*. Vol. I. P. 259–260, 268–272; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 2–3; *Walsingham*. Vol. I. P. 192; *Le Baker*. P. 17; *Hardyng* (2). P. 319; *Avesbury*. P. 283.

²³¹ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 2; *Walsingham*. Vol. I. P. 192.

²³² *The Brut*. Vol. I. P. 251.

принадлежавший его предшественникам, а затем так сильно стеснить короля Шотландии, чтобы тот был рад и счастлив принести ему оммаж и дать любое возмещение»²³³.

Наиболее полно идея «векового» господства Англии над Шотландией изложена в «Деяниях Эдуарда III». Автор этого труда – Роберт из Эйвсбери, находившийся вплоть до своей смерти в 1356 г. на службе у архиепископа Кентерберийского и выражавший официальную придворную точку зрения на все события, – уделил данному вопросу особо пристальное внимание, предоставив читателям, своим «современникам и потомкам», пространную историческую справку, сделанную им по материалам «древних хроник». Рассказ начинается с истории о происхождении шотландского народа: один знатный египтянин был изгнан со своей семьей из страны. Поселившись в районе Наварры, он дал начало воинственному народу пиктов. Далее Роберт приводит заимствованную им у Гальфрида Монмутского историю о том, как в 75 г. н. э. пикты потерпели поражение от бриттов, после чего король последних Марий выделил пиктам для поселения землю на севере Британии. Пикты, пришедшие в те земли с войной и поэтому не имевшие своих женщин, попросили в жены женщин из народа бриттов, а получив отказ, сделали аналогичное предложение иберам. От браков пиктов и иберских женщин и произошли скотты, названные так потому, что происходят от разных народов («ex diversis nationibus») ²³⁴. Сделав последнее умозаключение совершенно самостоятельно, хронист переходит непосредственно к главной теме главы – рассказу о древнейшем периоде истории подчинения Шотландии южному соседу, которого, что примечательно, он именуется королевством Англией, невзирая на то, что речь шла о завоеваниях, сделанных во времена бриттов и римлян. Следует отметить, что подобное объединение истории земли, в данном случае – острова Британии, с историей возникающих на этой территории политических образований, при котором неизбежно возникает тенденция к «апроприации» истории населявших эту землю народов, характерно не только для средневековых историографов ²³⁵.

Возвращаясь к проблеме обоснования в английской исторической традиции законности английского суверенитета над Шотландией, замечу, что в этом контексте чрезвычайно часто встречаются отсылки к древней истории населявших Британию народов. Так, рассказывая о заключении «позорного» мира 1328 г., автор хроники «Брут» вспоминает, что со времен

²³³ *Ле Бель, Жан*. Правдивые хроники // Хроники и документы Столетней войны... С. 76–77; *Le Bel*. Vol. I. P. 108–109.

²³⁴ *Avesbury*. P. 286–287. См. также; *Гальфрид*, 70.

²³⁵ В качестве показательного примера можно привести многочисленные учебники по истории России с древнейших времен и до наших дней.

Брута, единственного правителя на всем острове, «королевство Шотландия находилось в вассальной зависимости от английской короны», поэтому Брут передал Англию своему старшему сыну, а Шотландию – среднему, чтобы он находился в подчинении у старшего брата²³⁶. Этот хронист с самого начала отказывается признавать легитимность королей из династии Брюсов, считая не только Роберта «предателем и тираном» («fause tirant and traitor»), но и его сына «предателем и врагом Англии» («traitour and enemy vnto England»), «не имеющим никаких прав на королевство» Шотландию²³⁷. Для этого хрониста сам брак Дэвида и сестры Эдуарда III наносит оскорбление английской королевской крови («grete harme and spreiryng to al pe kyngus bloode»)²³⁸. Примечательно, что дополнивший хронику Жана Ле Беля сведениями из других источников, среди которых была одна из версий хроники «Брут», Жан Фруассар не только повторил рассуждения льежского каноника о вассальных обязательствах шотландского короля перед английским, подчеркивая, что в Шотландии «нет ни одной независимой области, но все они относятся к Йоркскому округу, который является частью Английского королевства и имеет архиепископскую кафедру», но также кратко пересказал историю возникновения Шотландии, как зависимого от Англии королевства²³⁹. При этом вслед за анонимным английским хронистом Фруассар именуется королевство, доставшееся старшему из наследников Брута, Англией, что свидетельствует не просто о желании историографов XIV–XV вв. ссылаться на древнюю историю, аргументируя современные им притязания английских государей на суверенитет над северным соседом, но также о присвоении англичанами истории завоеванных ими бриттов.

Отдельного внимания заслуживает пересказ истории взаимоотношений Англии и Шотландии в хронике Роберта из Эйвсбери, наглядно объединяющий техники повествования об историческом превосходстве английского народа над другими (в данном случае – шотландским) и об английских королях как о защитниках и представителях установленного Господом справедливого порядка, особенно в делах наследования (подобная обязанность становится причиной для боевых действий, оправдание которых систематически ищется в далеком прошлом). Легендарный король Артур, память о котором стала англичанам особенно дорога именно в правление Эдуарда III, восстановившего Круглый стол, вторгся в земли

²³⁶ The Brut. Vol. I. P. 256.

²³⁷ Ibid. P. 259.

²³⁸ Ibid. P. 255.

²³⁹ *Фруассар*. Амьенский манускрипт. С. 80–83. В более поздней редакции Фруассар опустил рассказ о древнейших временах, отметив, однако, что англичане утверждали, что «уже на протяжении ста лет король Шотландии должен приносить омаж королю Англии за все свои владения» (Римский манускрипт. С. 302). *Froissart*. Vol. II. P. 248–257.

скоттов, захватил их и «имел Шотландию у себя в услужении (“servitio suo”))». А также и римские императоры, «в то время, когда они правили королевством Англией... королевство скоттов и пиктов себе подчинили, и тех же восставших скоттов и пиктов из королевства Шотландии изгнали»²⁴⁰. Этот пассаж заслуживает особого внимания. В трактовке хрониста из Эйвсбери постепенно завоевывающие Британские острова римляне подчиняют шотландцев и ирландцев не сенату и римскому народу, а предкам англичан, которыми они в то время правили. Таким образом, историк сглаживает момент подчинения самих бриттов власти Рима. После падения Римской империи англичане продолжали осуществлять успешные походы в Шотландию, а в 907 г. король Эдуард, старший сын Альфреда Великого, заставил короля и знать Шотландии принести ему клятву верности. В 933 г. король Этельстан «лишил короля Шотландии королевства», возвратив его потом обратно, но уже как даннику («tributarium»). Сын Этельстана, король Эдред²⁴¹, «подчинил и взял клятву верности с шотландцев в 950 г.», то же делали и другие короли Англии, а также датчане, «защищавшие королевство Англию», – так, Кнут Великий «владел и управлял» Шотландией в течение всей своей жизни. Хронист рассказывает о «покорениях» Шотландии в правление св. Эдуарда, Вильгельма Завоевателя, Вильгельма Рыжего. Генрих I, женатый на дочери шотландского короля Малькольма, после смерти сына последнего, Эдуарда, в 1107 г. «возвел на престол» его брата Александра. В 1137 г. Стефан I не только покорил короля Дэвида, но и забрал его сына в Англию в качестве заложника, и наследник шотландского трона Генрих был «человеком короля Стефана». В 1163 г. король Малькольм принес оммаж Генриху II, а в 1175 г. новый король Вильгельм не только принес ему оммаж «за королевство Шотландию и все свои земли», но также и клятву верности «как своему сюзерену», «и то же сделали все епископы, графы и бароны Шотландии»²⁴².

Рассказав о поистине «старой традиции» королей Англии покорять Шотландию, Роберт из Эйвсбери переходит к описанию одного бесславного эпизода в английской истории, сходного с теми событиями, которые произошли в 1328 г.: Ричард I, «вопреки совету лордов своего королевства», не только заключил мир с Шотландией, но и отказался от сюзеренитета над ней, вернув все права, по которым он мог требовать что-либо с короля Шотландии и его наследников «на основании клятв верности». И хотя король Шотландии принес Ричарду оммаж «за то, что держал от него в Англии», «мудрым людям показалось, что король, не

²⁴⁰ *Avesbury*. P. 287.

²⁴¹ На самом деле Эдред (946–955) был сыном Эдуарда Старшего (899/901–924) и, соответственно, младшим братом Этельстана (924–939).

²⁴² *Avesbury*. P. 288–289.

спросив совета у своего народа, не мог отчуждать права своей короны с таким уроном для королевства и против чести короля... и что король должен хранить права своего королевства и честь короны нетронутыми, и обязан силой отобрать отданное»²⁴³. Но уже в 1208 г. Иоанн Безземельный вторгся в Шотландию с большой армией, принудил короля Вильгельма к сдаче и взял двух его дочерей в заложницы. Особо большого успеха англичане добились при Эдуарде I: в 1291 г., после того как умер король Александр, «имевший трех дочерей и ни одного ребенка мужского пола», к королю Англии «как к сюзерену короля Шотландии» прибыли «знатные люди из королевства Шотландия» (среди которых были Джон Бэллиол и Роберт Брюс), для того чтобы «вместе со всеми другими лордами, а также прелатами королевства» принести ему клятву верности, а также сообщить ему, что «только тот получит королевство, кому это право будет передано в его [Эдуарда I. – *Е. К.*] присутствии»²⁴⁴, тем самым они предоставили английскому королю право избрания вассального от него короля Шотландии. Отказ Роберта Брюса от данной клятвы и последовавшая за ним освободительная война шотландцев позволяют другому историографу – автору хроники «Брут» – именовать его «тираном и предателем», восставшим против законного сеньора²⁴⁵.

Хронисты часто пытаются создать у читателей впечатление, что сам король Эдуард III, а также английская знать, особенно те ее представители, которые были лишены Робертом Брюсом шотландских владений, были недовольны «вечным» миром с Шотландией. Этот мир воспринимался как неуважение к ратным подвигам предков, проявление слабости, «позор» и «бесчестье» для всего английского народа и даже как предательство со стороны короля, вернее, по отношению к королю, поскольку этот мир заключал не сам король, оправданием которому служит его юный возраст, а кор и узурпатор Мортимер, уже понесший наказание за свои преступления. Согласно хронике «Брут», существовало еще одно основание, позволяющее считать мир с Шотландией незаконным: «предатель» Мортимер заключил его без согласия парламента²⁴⁶. Подобное сознательное искажение фактов, направленное на депроблематизацию постыдных эпизодов прошлого, – явление вполне характерное для английской историографии периода Столетней войны. Английским хронистам удалось в какой-то степени передать те настроения, которые витали при дворе короля: большинство прямо намекает на то, что англичане ждали войны с Шотландией, так как

²⁴³ Ibid. P. 289–290.

²⁴⁴ Ibid. P. 290–293.

²⁴⁵ The Brut. Vol. I. P. 255.

²⁴⁶ Ibid. P. 255–256.

только она могла смыть позор с королевства. Что же касается оправдания войны, то в данном случае оно сильно отличалось от трактовки причин конфликтов с Испанией и Францией. В соответствии с английскими традициями и историей короли были обязаны стремиться установить господство над Шотландией.

Из текста хроник можно извлечь еще одно обоснование начала военных действий в этом регионе. После смерти Роберта Брюса «лишенные наследства» английские лорды, «имеющие право на большие владения в Шотландии, либо сами, либо через их жен»²⁴⁷, решили начать войну за свои земли. Предводителем они избрали Эдуарда Бэллиола, сына бывшего короля Шотландии Джона (умершего в 1313 г. во Франции). Летом 1332 г. английское войско отплыло в Шотландию из портов в графстве Йорк. Именно претензиям Эдуарда Бэллиола суждено было стать второй причиной войны Англии и Шотландии.

Достаточно любопытно, как английские авторы трактуют роль Эдуарда III в этих событиях. С одной стороны, он находился в мире со своим зятем, королем Шотландии, с другой – среди «лишенных наследства» были и те, кто помог ему захватить власть. При этом невыгодный для Англии мир, заключенный в достаточно сложное для короля Эдуарда время, который все его подданные воспринимали как «позорный», еще не означал, что король навсегда забудет об идее покорения Шотландии. Одни хронисты утверждают, что «лишенные наследства» обратились к Эдуарду III с просьбой разрешить им пройти с войском через его земли для того, чтобы вторгнуться в Шотландию с юга²⁴⁸. Другие полагают, что не «лишенные наследства», а сам Бэллиол советовался с Эдуардом III перед отплытием, прося его разрешения на проход армии через владения короля²⁴⁹, а также, по-видимому, добываясь помощи и согласия на попытку отвоевать Шотландию. Король Англии не дал своего согласия, «поскольку Дэвид, король Шотландии, был женат на его сестре», поэтому англичане были вынуждены отправиться в Шотландию по морю²⁵⁰. Рассказывая об этом, Джон Капгрейв и Адам из Маримута подчеркивают благородство короля, оставшегося верным договору с мужем его сестры, даже не пытаясь как-то объяснить принятое им позже решение поддержать Бэллиола. Нисколько не смущаясь, они оставляют без комментариев сообщение о вторжении армии короля в Шотландию в 1333 г. Так, например, Капгрейв

²⁴⁷ *Capgrave*. P. 201; *Adam Murimuth*. P. 69; *Gray*. P. 88–89; *The Chronicle of Bridlington Priory*. P. 103–104; *The Brut*. Vol. I. P. 275; *Burton*. Vol. II. P. 362; *Le Baker*. P. 49; *Avesbury*. P. 296; *Hardyng (2)*. P. 319; *Fabyan*. P. 442–443.

²⁴⁸ *The Brut*. Vol. I. P. 275.

²⁴⁹ *Avesbury*. P. 286; *Burton*. Vol. II. P. 362; *Chronicon Angliae, 1328–1388*. P. 3.

²⁵⁰ *Capgrave*. P. 201; *Le Baker*. P. 49; *Adam Murimuth*. P. 69.

сразу же после рассказа о запрете войскам «лишенных наследства» проходить через земли короля Англии и описания их первых сражений с шотландцами переходит к сообщениям о вторжении в Шотландию Эдуарда III и взятии им города Берика²⁵¹. По всей видимости, король Эдуард отказался поддержать вторжение за Твид, поскольку оно могло быть легко отнесено на его счет. Однако в то же время он был готов закрыть глаза на планы «лишенных наследства» вторгнуться в Шотландию с моря. В этом случае, если бы их предприятие закончилось неудачей, он мог бы публично отречься от них и конфисковать у «непокорных подданных» их владения в Англии. Подтверждение этой версии содержится в «Скалахронике» сэра Томаса Грея, жившего на севере Англии и прекрасно осведомленного обо всех проблемах «лишенных наследства» лордов, многих из которых он знал лично. Грей прямо указывает, что, не получив военной помощи от короля Англии, лорды попросили «позволить им действовать самостоятельно и пустить дело на самотек»²⁵², то есть попросту закрыть глаза на их экспедицию и не чинить препятствий.

Особого внимания заслуживает тот факт, что, несмотря на последующее признание Эдуардом III Бэллиола королем Шотландии, английские хронисты по-разному трактуют его права на корону: так, например, для автора «Анонимной хроники из монастыря Девы Марии в Йорке», автора хроники «Брут», одного из анонимных продолжателей этой хроники (вторая половина XIV в.), Ранульфа Хигдена, Роберта Фабиана и Ричарда Графтона Бэллиол – «король Шотландии»²⁵³, для Томаса Уолсингема он – «по праву претендующий на королевство Шотландия»²⁵⁴, а для Джона Капгрейва всего лишь «человек... претендующий на то, чтобы иметь право на корону Шотландии»²⁵⁵, Роберт из Эйвсбери, хронист из Бридлингтона и сэр Томас Грей уклончиво называют его «сыном и наследником» господина Джона Бэллиола, «бывшего короля Шотландии»²⁵⁶. А вот Жан Фруассар, который вслед за Ле Белем вообще ничего не пишет о правах Бэллиола на престол, упоминает о нем лишь вскользь, как о некоем «добром рыцаре», назначенном Эдуардом III комендантом и управляющим городом Бериком²⁵⁷.

²⁵¹ *Capgrave*. P. 201–202.

²⁵² *Gray*. P. 88.

²⁵³ *The Anonimale Chronicle*. P. 1; *The Brut*. Vol. I. P. 274; Vol. 2. P. 291; *Higden (Caxton)*. Vol. VIII. P. 330; *Fabyan*. P. 442; *Grafton*. P. 337.

²⁵⁴ *Walsingham*. Vol. I. P. 193.

²⁵⁵ *Capgrave*. P. 201.

²⁵⁶ *Avesbury*. P. 296; *The Chronicle of Bridlington Priory*. P. 102; *Gray*. P. 89.

²⁵⁷ *Фруассар*. Манускрипты «семейства А/В». С. 436; *Froissart*. Vol. II. P. 275.

В конце марта 1332 г. Эдуард III проинформировал шерифов северных графств о том, что он узнал о вторжении войска в Шотландию вопреки миру 1328 г., повелевая им остановить и арестовать нарушителей²⁵⁸. Но поскольку это не было сделано, вполне вероятно предположить, что послания шерифам сопровождалась устной инструкцией, отменявшей письменную²⁵⁹. В сентябре 1332 г. парламент выделил королю средства для защиты границ королевства с севера от шотландского вторжения. Но, прибыв в Йорк с войском, Эдуард узнал, что Бэллиол уже короновался в Сконе (24 сентября)²⁶⁰. Впрочем, без английской помощи новоиспеченному государю было бы очень трудно закрепить свой успех. Прекрасно это осознавая, Бэллиол в конце ноября того же года издал два открытых письма, в которых объявлял о том, что отвоевал королевство «при помощи короля Эдуарда и добрых англичан», признавал, что Шотландия всегда была английским фьефом, а также в благодарность обещал передать королю Эдуарду ряд пограничных земель и до конца жизни не менее шести месяцев в году нести военную службу, выставляя 200 латников там, где это нужно королю Англии, включая Гасконь «и повсюду, где король может держать земли или претендовать на них»²⁶¹.

Успех Бэллиола, а также его прокламации способствовали изменению отношения Эдуарда III к войне, которую тот вел. Довольно быстро Эдуард III согласился поддержать Бэллиола, и весной 1333 г. английские войска пересекли шотландскую границу. Свое решение король оправдал тем, что шотландцы постоянно нарушали мир, вторгаясь в пределы Английского королевства и причиняя вред подданным английской короны²⁶². Большинство хронистов объясняют начало войны с Шотландией тем, что король весьма тяготился «позорным миром», от которого страдал не столько он сам, сколько его верные подданные²⁶³. Историографы также не отрицают того, что на королевское решение повлияла «передача Эдуардом Бэллиолом королю Англии города Берика с пятью графствами... и обещание принести оммаж за остальную Шотландию»²⁶⁴. Согласно версии Джона Капгрейва, король Эдуард III, уже после успешных действий Эдуарда Бэллиола и «лишенных наследства» в Шотландии, рассудил следующим

²⁵⁸ Lanercost. P. 267; Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 833, 842–843, 847–848.

²⁵⁹ *Sumption J.* The Hundred Years' War. Trial by Battle... P. 126.

²⁶⁰ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 848–849; *Burton*. P. 361; The Chronicle of Bridlington Priory. P. 108–109; *Chronicon Angliae, 1328–1388*. P. 3; *Walsingham*. Vol. I. P. 195; The Brut. Vol. I. P. 280; *Nicholson R.* Edward III and the Scots. Oxford, 1965. P. 77–79.

²⁶¹ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 848; The Chronicle of Bridlington Priory. P. 108–109; *Nicholson R.* Edward III and the Scots. P. 92–94, 96–97.

²⁶² Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 857.

²⁶³ *Gray*. P. 93; *Le Baker*. P. 50; *Walsingham*. Vol. I. P. 195; *Grafton*. P. 335.

²⁶⁴ *Gray*. P. 94; *Burton*. P. 371; The Brut. Vol. I. P. 280. Vol. II. P. 291; *Grafton*. P. 337; The Anonimale Chronicle. P. 1; *Fabyan*. P. 442.

образом: поскольку «шотландцы всегда были неверными и полными измены и они никогда не соблюдали перемирие, но всегда собирали силы против нас [англичан. – *Е. К.*]; также считая, что свадьба и весь мир были заключены сэром Роджером Мортимером, когда он [король Эдуард. – *Е. К.*] находился в юном возрасте», то, «обдумав все это, он собрал большое войско для вторжения в Шотландию»²⁶⁵. Таким образом, для оправдания нарушения Эдуардом III условий Нортгемптонского договора (1328 г.) приводится не только отказ короля признать «позорный мир», заключенный без его согласия лордом Мортимером, но и обвинение самих шотландцев во враждебных по отношению к англичанам действиях и замыслах.

Стоит отметить, что в изложении некоторых хронистов зачастую отсутствует элементарная логическая связь между фактами, о которых они рассказывают. Причиной этого является то, что историографы стремились не запятнать светлый образ весьма популярного короля, дабы в любой ситуации он выступал поборником справедливости. Тем не менее следует отметить, что, несмотря на противоречивость и определенную размытость содержания хроник, в целом восприятие причин войны идентично у всех авторов рассматриваемых источников.

Итак, суммируя вышесказанное, можно заключить, что большинство английских хронистов приводит две основные причины, оправдывающие начало войны в Шотландии. Во-первых, «позорный мир» затрагивал национальную гордость англичан, которые не могли смириться с утратой суверенитета над Шотландией, установления которого их предки добивались веками. Во-вторых, этот мир лишал многих англичан земель, принадлежащих им по праву наследования. Помимо подданных английской короны, к числу утративших отцовское наследство относился и Эдуард Бэллиол, защита интересов которого могла рассматриваться не только в свете христианского долга оказания помощи несправедливо пострадавшему, но и в плане обязанности сеньора отстаивать права своего вассала.

Король Англии разделил свою армию на две части: первой командовал Бэллиол, второй – он сам. 19 июля 1333 г. шотландская армия была разгромлена при Хэлидон-Хилле в двух милях от Берика. После этой победы король Англии сделал Эдуарда Бэллиола капитаном Берика и Хранителем Шотландии²⁶⁶. Таким образом, он решал вопрос об управлении Шотландией так же, как и его предки – покорители и сюзерены этих земель. В феврале 1334 г. Бэллиол щедро наделил землями «лишенных наследства», а также наградил других воевавших на его стороне англи-

²⁶⁵ *Capgrave*. P. 201–202.

²⁶⁶ *Ibid*. P. 202; *Adam Murimuth*. P. 70–71; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 4; *Walsingham*. Vol. I. P. 196.

чан за счет конфискованных владений «изменивших» ему шотландцев. Графство Бахан было присуждено Генриху Бьюмонту, СтрэтэРН – Джону Уорену, Мар – Ричарду Тальботу и т.д. Кроме того, в знак благодарности своему сеньору Эдуарду III Бэллиол «на все времена» передал английской короне восемь шерифств с городами Берик, Роксборо, Селкирк, Пиблс, Эдинбург, Линлитго, Хэддингтон и Дамфрис – то есть весь Лотиан, самую богатую область Шотландии. За то, что осталось от королевства, Бэллиол в очередной раз присягнул королю Англии²⁶⁷.

Победа на севере была важным условием успешной борьбы против Франции: она избавляла Англию от перспективы войны на два фронта. «По общему мнению, – писал Адам из Маримута, – шотландские войны подошли к концу. Ибо среди этого народа не осталось никого, кто имел бы влияние, чтобы собрать войско или умение его возглавить»²⁶⁸. Таким образом, в сознании англичан, отраженном в хронистике, полной победой короля Англии закончилась война, которую он справедливо вел, отстаивая свою честь, права, унаследованные от предков, а также защищая границы самой Англии от напавших на нее врагов.

К несчастью для англичан, успех Бэллиола и его сторонников не был долговечным. Молодой король Дэвид и его жена нашли убежище при дворе французского короля Филиппа VI. В отсутствие короля сопротивление возглавили граф Морей Джон Рэндолф, Роберт Стюарт и Эндрю Морей, которые воевали так удачно, что осенью 1334 г. войска Бэллиола отступили под защиту стен Берика. Более того, даже некоторые «лишенные наследства» примкнули к сторонникам Брюса. Комментируя это «восстание» шотландцев, монах из Бридлингтона отмечает, что враги руководствовались «древней злобой... возвращаясь к ней, словно пес на свою блевотину»²⁶⁹. В августе 1335 г. Эдуард III решил снова поддержать Бэллиола: после ряда побед многотысячное англо-шотландское войско достигло Перта. Этот, а также все последующие походы против Шотландии осуществлялись уже под предлогом подавления «мятежа», ведь король Шотландии являлся вассалом Эдуарда III.

Однако противники Бэллиола не прекратили сопротивление. В 1336 г. король Англии предпринял новый поход для покорения «восставших подданных» в Шотландии, в ходе которого англичане смогли добиться

²⁶⁷ The Brut. Vol. I. P. 280; Higden (Caxton). Vol. VIII. P. 330; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 4; Walsingham. Vol. I. P. 196; Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 201–202; The Chronicle of Bridlington Priory. P. 118–119; Burton. Vol. II. P. 371; Annales Paulini. P. 361; Annales de Oseneia. P. 349; Fabyan. P. 442–443; Федосов Д. Г. Рожденная в битвах... С. 188.

²⁶⁸ Adam Murimuth. P. 78.

²⁶⁹ The Chronicle of Bridlington Priory. P. 128.

лишь временного успеха²⁷⁰. С началом военных действий во Франции покорение Шотландии превратилось из главной во второстепенную цель английской политики. Впрочем, не стоит забывать о франко-шотландском договоре о военном союзе, условия которого шотландцы выполняли честно, предпринимая иногда по несколько походов в год. Короли Англии были вынуждены постоянно вести войну на два фронта, тратя большие денежные и людские ресурсы уже не столько на покорение Шотландии, сколько на защиту северных границ Англии. В 1338 г. в письме к папе, полностью приведенном в хронике из приората в Ланеркосте (Камбрия), король Эдуард написал буквально следующее: «Дэвид Брюс, претендующий на королевство Шотландия, всех шотландцев к себе привязал, мятежников и врагов наших, которые против нас и вассала дорогого родственника нашего Эдуарда, короля Шотландии, на войну предательски поднялись и на земли наши, как в Англии, так и в Шотландии, напали... под покровительством союза, некогда заключенного между Францией и Шотландией»²⁷¹. Таким образом, очевидно, что с этого момента Эдуард III время от времени приводил в качестве оправдания военных действий в Шотландии долг суверена, предписывающий ему защищать «право» и «истинный закон» вассала, попираемые «не имеющим на это никаких прав» сыном «тирана, нечестивца и клятвопреступника» Роберта Брюса²⁷². Но всей видимости, вступив в союз с Эдуардом Бэллолом, король Англии полностью забыл не только о своем договоре 1328 г. с Робертом I, но и о родственных чувствах к его сыну, к которым он апеллировал в 1332 г. Во второй половине 30-х гг. Эдуард трактовал войну шотландцев за независимость как восстание мятежных подданных. Поэтому неудивительно, что «подстрекательство» шотландцев к «мятежу против законного суверена» называется хронистами и самим королем Эдуардом среди причин для войны против Филиппа Валуа, о чем уже упоминалось в предыдущем разделе.

В том же 1338 г., готовясь к походу во Францию, Англия в спешном порядке заключила перемирие с Шотландией, которое было весьма непопулярным среди подданных английской короны, особенно среди тех из них, кто был непосредственно заинтересован в шотландских землях: по мнению Томаса Уолсингема, это перемирие для англичан было «вредным, испорченным, беспокойным, а для шотландцев выгодным и приятным»²⁷³.

²⁷⁰ *Adam Murimuth*. P. 79–80; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 4–5; *Walsingham*. Vol. I. P. 196–197; *Lanercost*. P. 178; *Burton*. Vol. II. P. 373–378; *Федосов Д. Г.* Рожденная в битвах... С. 189.

²⁷¹ *Lanercost*. P. 299–300.

²⁷² *Ibid.* P. 299–300; *The Brut*. Vol. I. P. 255–259.

²⁷³ *Walsingham*. Vol. I. P. 200.

В 1341 г., вскоре после возвращения Дэвида II в Шотландию, Бэллиол бежал в Англию. В 1347 г. он в последний раз появился в своем королевстве, которое он в 1356 г. полностью передал Эдуарду III²⁷⁴. Сэр Томас Грей так объясняет поступок Бэллиола: «Эдуард Бэллиол, король Шотландии, отдал свою корону и титул королю Эдуарду, поскольку все шотландцы были мятежниками, а у него не было наследника или близкого родственника..., а также потому, что... он не мог найти человека лучше для передачи титула и короны»²⁷⁵.

Узнав о том, что английская королевская армия занята осадой Кале, Дэвид II вторгся в Англию осенью 1346 г. Недалеко от Дарема путь ему преградило ополчение, созданное королевой Филиппой и архиепископом Йоркским. 17 октября в битве при Невиллс-Кроссе шотландцы потерпели сокрушительное поражение: многие магнаты были убиты или взяты в плен, тяжело раненый Дэвид II также оказался в английском плену.

11 лет король Дэвид провел в Тауэре, пока Шотландией управлял его племянник Роберт Стюарт. С 1348 г. шотландцы вели бесконечные переговоры о выкупе короля. В 1352 г. Эдуард III, взяв с Дэвида честное слово, отпустил его в Шотландию для сбора выкупа. Генрих Найтон рассказывает, что после того, как Дэвид огласил в парламенте неперемное условие своей свободы – признание, в случае отсутствия у него детей, наследником шотландской короны Эдуарда III, шотландцы «в один голос заявили, что желают выкупить своего короля, но не подчинятся королю Англии»²⁷⁶. Более того, по версии Генриха Найтона, «шотландцы отказались принять своего короля, пока он полностью не отречется от влияния англичан, и также отказались сами подчиниться им... В противном случае они угрожали выбрать себе другого государя»²⁷⁷. 3 октября 1357 г. Берикский договор принес свободу Дэвиду II за выкуп в 100 тысяч марок, подлежавших уплате по 10 тысяч в год, на срок выплаты которых объявлялось перемирие²⁷⁸. Довольно любопытно замечание, которое Джон из Рединга добавил к рассказу о выкупе шотландского короля. По версии этого хрониста, стремящегося максимально очернить извечных противников англичан и продемонстрировать всю глубину вероломства и подлости, якобы присущих этому народу, в 1367 г., когда срок выплаты выкупа истек, а шотландцы отказались вносить оставшуюся сумму, поскольку полагали,

²⁷⁴ *Avesbury*. P. 452–453; *Gray*. P. 120; *The Brut*. Vol. II. P. 307; *Walsingham*. Vol. I. P. 281; *Adam Murimuth*. P. 186–187; *Capgrave*. P. 217.

²⁷⁵ *Gray*. P. 120.

²⁷⁶ *Knighton (I)*. P. 112.

²⁷⁷ *Ibid.* P. 120–122.

²⁷⁸ *The Acts of the Parliaments of Scotland*. Vol. I. P. 518–521; *Reading*. P. 128; *Capgrave*. P. 218; *Adam Murimuth*. P. 190; *Gray*. P. 127; *Knighton (I)*. P. 157; *Федосов Д. Г.* Рожденная в битвах... С. 193.

что «король Англии состарился и стал бессильным», сам Дэвид II обвинил своих подданных в коварстве и неуважении к его сединам²⁷⁹.

Исходя из вышесказанного, существующую в английской хронистике времен Столетней войны картину можно резюмировать следующим образом: Эдуард III, как и его предки, стремился установить сюзеренитет короля Англии над Шотландией, опираясь на первом этапе на представления о том, что мир с Шотландией является «позором» для Англии и от него необходимо отказаться как можно быстрее. Эдуард также был вынужден учитывать стремление англичан отвоевать «свои» земли в Шотландии, которых они лишились по ненавистному им договору. В дальнейшем же основанием для войны стал договор с Бэллиолом, воспринимаемым в качестве «законного короля Шотландии» и принесшим Эдуарду оммаж. Эдуард III, а также его преемники перестали нуждаться в каком-либо поводе для начала военных действий, поскольку любое волнение в Шотландии стало отныне трактоваться англичанами как восстание против законного сюзерена. Последнее обстоятельство предоставляло королям Англии – Эдуарду III и его наследникам прекрасную возможность всегда иметь предлог для ведения войны с Шотландией – главным союзником Франции в Столетней войне. Поэтому неудивительно, что к моменту начала войны с Францией война в Шотландии воспринималась англичанами как привычное явление, как старый конфликт между сюзереном и непокорными вассалами, а следовательно, для хронистов не было необходимости каждый раз рассказывать о причинах данной войны. Обыкновенно английские авторы предпочитали ограничиваться простым сообщением о том, что шотландцы снова нарушили мир и их нужно наказать за это.

Трактовка военных действий во Фландрии

Как ни странно, рассказ об англо-фламандских отношениях в эпоху Столетней войны целесообразно начать с договора, заключенного в 1295 г. между Францией и Шотландией. Выше уже отмечалось, что этот союз грозил Англии, в случае конфликта с одной из стран коалиции, войной на два фронта. Стремясь изменить столь неблагоприятную внешнеполитическую ситуацию, Эдуард I активизировал поиски собственных союзников на континенте. Наибольшую выгоду сулил Англии возможный договор с Гн Дампьером, графом Фландрским, ибо графство Фландрское было не только самым удобным плацдармом для нападения на Французское королевство с севера, но и регионом, традиционно ориентированным на дружеские отношения с Англией.

²⁷⁹ Reading. P. 179–180.

Фландрия вошла в состав франкского королевства еще при Меровингах. Во второй половине IX в. Фландрия стала вассальным от Франции графством, однако вплоть до начала XIII в. эта зависимость носила практически формальный характер. Решительное сопротивление Ги Дампьера давлению со стороны Филиппа IV, стремящегося включить Фландрию в состав королевского домена, являлось хорошей основой к возникновению англо-фландрского военного союза. К тому же сближению Англии и Фландрии способствовали прочные экономические связи между этими регионами: английская шерсть была необходима для развития сукноделия – ведущей отрасли ремесла Фландрии²⁸⁰. Как сказано в хронике Жана Фруассара: «Для общественной пользы всей Фландрии будет лучше жить в согласии и любви с королем Англии, нежели с королем Франции... Ибо... из Англии к ним поступает шерсть и великая прибыль, которая позволяет им жить в достатке и радости»²⁸¹.

Воспользовавшись тем, что основные силы Англии были задействованы в войне против Шотландии, Филипп IV добился заметного успеха в Гаскони и во Фландрии. В 1300 г. граф Фландрский окончательно признал суверенитет французской короны. Однако города продолжали оказывать сопротивление королевским войскам. После поражения при Куртре (1302 г.) армия Филиппа Красивого покинула Фландрию. В 1328 г. после подавления при помощи французских войск восстания крестьян и горожан против графа во Фландрии произошло окончательное разделение сил: графы из династии Дампьеров (1278–1405 гг.) стали верными вассалами французских королей, а процветавшие благодаря торговым связям с Англией и лишенные своих вольностей города (прежде всего Гент, Ипр и Брюгге) видели в союзе с английским королем единственный путь сохранения независимости.

Вступив на престол, Эдуард III по примеру своего деда продолжил укрепление политических позиций во Фландрии и Нидерландах. Суверенитет короля Франции над этими землями через графа Фландрского был так же призрачен, как и полученный от Эдуарда Бэллиола суверенитет английского короля над Шотландией. Это была не реальная власть, а лишь претензия на нее. По сути дела, все крупные фландрские феодалы и города вели в то время собственную внешнюю политику. Такое положение было достаточно выгодным для Эдуарда III. Королю Англии было значительно проще заключить целый ряд союзных договоров с непокорными власти графа Фландрского сеньорами и городами, чем один-единственный договор с графом. Некоторые из этих сделок скреплялись династическими браками или их проектами. Особенно большое значение для укрепления позиций

²⁸⁰ Басовская Н. И. Столетняя война 1337–1453... С. 25–26; Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов. М., 2007. С. 59–61.

²⁸¹ Фруассар. Амьенский манускрипт. С. 123; Froissart. Vol. II. P. 410.

английского короля в регионе имел его собственный брак с Филиппой, дочерью графа Геннегау Вильгельма Доброго (1328 г.). Приложив массу усилий, задействовав родственные связи жены, тонко играя на частных устремлениях фландрских феодалов и городов, Эдуард III добился серьезных успехов. Иногда, как сообщают хронисты, будущих союзников приходилось «забавлять» при помощи денег или дорогих подарков²⁸². В результате почти все крупные феодалы Нидерландов обещали военную помощь²⁸³. Наложив в 1336 г. запрет на продажу английской шерсти традиционным торговым партнерам во Фландрии, король Эдуард вынудил горожан открыто признать себя союзниками Англии²⁸⁴. Инициатором и непосредственным руководителем подготовки этого альянса стал Якоб ван Артевельде (английские хронисты называют его «другом» короля Эдуарда²⁸⁵), возглавлявший в то время восставших против власти графа горожан Гента. Хорошо осведомленный о делах во Фландрии Жан Ле Бель дал весьма показательную характеристику предводителю мятежных гентцев: «Этот Якоб снискал такую милость и благорасположение по всей Фландрии, что от одного ее края до другого беспрекословно выполнялись любые его замыслы и распоряжения, и ни один человек, как бы знатен он ни был, не осмеливался преступить через это повеление... Ни во Фландрии, ни в какой-либо другой стране еще не было герцога, графа или иного правителя, который бы сумел столь сильно подчинить подданных своей воле, как это сделал тогда с фламандцами Якоб ван Артевельде»²⁸⁶.

Сложные переговоры и дипломатические ходы находились вне зоны внимания большинства английских хронистов, фиксирующих, как правило, лишь сам факт заключения союза²⁸⁷. Даже бывший дипломат, Адам из Маримута, очень кратко сообщает о том, что, находясь в Брабанте, король заключал союзные договоры и пытался собрать денег для предстоящей кампании. Хрониста, уверенного в законности притязаний Эдуарда III на французскую корону, больше волнует, что в результате этих переговоров англичане теряли подходящее время года для начала военных действий²⁸⁸.

²⁸² *Le Baker*. P. 60.

²⁸³ *Foedera* (2). Vol. II. Part II. P. 966, 971–972, 981, 984–985, 989, 996, 998–999, 1035, 1041–1042, 1063, 1092 etc.; *Басовская Н. Н.* Столетняя война 1337–1453... С. 35.

²⁸⁴ *Foedera* (2). Vol. II. Part II. P. 943; Анонимная бернская хроника // *Хроники и документы Столетней войны...* С. 175–178; *Fruassart*. Амьенский манускрипт. С. 109–110; *Loissart*. Vol. II. P. 361–363.

²⁸⁵ *Grafton*. P. 360; *Fabyan*. P. 449.

²⁸⁶ *Ле Бель, Жан.* Правдивые хроники // *Хроники и документы Столетней войны...* С. 84–85; *Le Bel*. Vol. I. P. 128–130.

²⁸⁷ *Walsingham*. Vol. I. P. 223; *Higden*. Vol. VIII. P. 335; *Knighton (1)*. P. 16; *Capgrave*. P. 206; *Adam Murimuth*. P. 85–86; *Gray*. P. 106–108; *Avesbury*. P. 302; *Grafton*. P. 338–339, 342; *Labyan*. P. 449.

²⁸⁸ *Adam Murimuth*. P. 84–85, 90–91.

Последнее обстоятельство вовсе не означает, что английских историографов не занимал вопрос о том, что привело к заключению соглашений с фламандцами самого короля Эдуарда, но они дают иную трактовку, стараясь не акцентировать внимание на подкупе и шантаже потенциальных союзников, преподнося заключенные договоры не только как взаимовыгодные, но и совершенно добровольные. Иное дело льежский каноник Жан Ле Бель, который в силу происхождения и службы Жану Бомону был заинтересован в подробном освещении событий во Фландрии и, что немало важно, гораздо лучше, чем большинство англичан, осведомлен о них. Ле Бель прямо указывает, что, прибыв во Фландрию, Эдуард III пообещал главам восставших против власти графа городов, «что в том случае, если они согласятся оказать ему поддержку и помощь в его войне, он поможет им отвоевать Лилль, Дуэ и другие добрые города, которые король Франции у них отнял и удерживал силой, к большому ущербу для справедливости. По этому поводу фламандцы устроили очень обстоятельное совещание и обсуждение. Ведь прежде, под угрозой выплаты огромной денежной суммы в папскую казну, они обязались не воевать с королем Франции и никоим образом не вредить ему. В конце концов они решили, что если король Англии соизволит назвать себя в своих грамотах королем Франции, то они станут почитать его за короля Франции и повиноваться ему как верховному сеньору, от которого графство Фландрское должно держаться в качестве вассального владения, и помогут ему всеми силами завоевать королевство Французское»²⁸⁹. Другие хронисты из Нидерландов также сообщают о том, что, польстившись на обещания и богатые дары английского короля, магистраты Гента, Брюгге и Ипра убеждали своих сограждан поддерживать союз с Англией, упирая главным образом на зависимость фламандских сукноделов от английской шерсти²⁹⁰.

В 1338 г., когда король Эдуард в Антверпене особенно активно вел переговоры с фламандцами, последние находились в состоянии войны с королем Франции. Более того, с точки зрения французов, будущие союзники Англии были мятежными подданными, восставшими против власти короля и своего непосредственного господина Людовика Неверского, графа Фландрского, подтвердившего верность Филиппу Валуа. Возможно, англичане воспринимали бы фламандцев точно так же, если бы во Франции

²⁸⁹ *Ле Бель, Жан*. Правдивые хроники // Хроники и документы Столетней войны... С. 100; *Le Bel*. Vol. I. P. 166–167.

²⁹⁰ Краткая хроника Бодуэна Авенского / Фландрская хроника // Хроники и документы Столетней войны... С. 139; Анонимная беарнская хроника // Хроники и документы Столетней войны... С. 175–178; *Фруассар*. Амьенский манускрипт. С. 109–111, 124–126, 134–136, 163–164; Римский манускрипт. С. 323–324, 328, 331–333, 357–358; Манускрипты «семейства А/В». С. 445–447, 475–476; *Froissart*. Vol. II. P. 361–363, 365–383, 410–413, 445–448.

не произошла смена династий. В тот момент, когда Эдуард III заявил о своих претензиях на французский престол, фламандцы переставали быть мятежниками в глазах англичан, поскольку борьба с Филиппом Валуа автоматически превращалась из неповиновения законному королю в сопротивление тирании узурпатора. В свою очередь, граф Фландрский точно так же переставал быть верным подданным короля Франции, становясь непокорным его власти преступником. В Антверпене фламандцы принесли королю Эдуарду «оммаж и клятвы верности, покорившись ему, как их сюзерену, королю Франции»²⁹¹. Согласно версии цистерцианца Томаса Бертона, сами фламандцы обратились к Эдуарду с просьбой принять титул короля Франции, законным наследником которого он являлся, и «защитить от всех врагов, пообещав ему господство над их землями»²⁹². Эта точка зрения на события не претерпела никакого изменения со временем. Точно так же, как авторы XIV в., анонимный подданный Генриха VIII утверждал, что «фламандцы, прекрасно понимая, что король Эдуард имел право на корону Французского королевства, предложили служить ему, как истинному королю Франции»²⁹³.

Декларируя свои законные права, Эдуард III в письме к «сэру Филиппу де Валуа» провозглашал, что он, «Божьей милостью король Франции и Англии и лорд Ирландии», для защиты своих прав «вторгся во Фландрию как ее сюзерен (*as Suverayn lord*)»²⁹⁴. На это Филипп VI ответил, что после того, как он со своим войском начнет осаду фламандских городов, народ Фландрии (*the Flemungis*) подчинится ему и его брату, графу Фландрскому²⁹⁵. После того как папа наложил на Фландрию интердикт и призвал ее к повиновению Филиппу Валуа, фламандцы написали в ответ: «Хотя он [Филипп. – *E. K.*] и претендует на то, чтобы быть королем, они принесут оммаж, однако не такому королю, который удерживает корону несправедливо и требует себе господства над королевством недолжным образом»²⁹⁶. С этим совершенно согласуется то, что пишут английские историки, объясняя причину обращения короля Эдуарда к фламандцам. В их трактовке Эдуард III, как справедливый монарх, пекущийся в первую очередь о благе всех подданных, был вынужден защищать последних (в том числе и фламандцев) от нападений врагов и любых незаконных притеснений. Именно поэтому Эдуард отменил, как незаконные, все

²⁹¹ Gray. P. 107–108. См. также: *Le Baker*. P. 66; *Fabyan*. P. 449; *Adam Murimuth*. P. 92. *Walsingham*. Vol. I. P. 220; *Knighton (I)*. P. 22; *Kirkstall Abbey Long Chronicle*. P. 88.

²⁹² *Burton*. Vol. III. P. 42.

²⁹³ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 155.

²⁹⁴ *The Great Chronicle of London* / Ed. A. H. Thomas and I. D. Thomley. L., 1938. P. 35–36.

²⁹⁵ *Ibid.* P. 36–37.

²⁹⁶ *Walsingham*. Vol. I. P. 228.

обязательства и клятвы, связывающие фламандцев с Филиппом Валуа²⁹⁷. Таким образом, по версии английских авторов, король заключил соглашения с фламандцами не столько потому, что этот союз был выгоден ему, сколько для того, чтобы защитить своих подданных от нападений узурпатора Филиппа Валуа.

Опять-таки согласно английским историографам, в первую очередь версии сэра Томаса Грея, Эдуард III сразу же стал оказывать реальную помощь новым подданным. Чтобы уничтожить французский флот, который курсировал вдоль побережья Фландрии, не позволяя фламандцам выходить в море, король дал одно из самых грандиозных морских сражений того времени – битву при Слейсе²⁹⁸. В том же 1340 г. он был вынужден снять осаду Турне и заключить перемирие с Филиппом Валуа, весьма непопулярное в Англии, только ради того, чтобы папа снял с фламандцев интердикт²⁹⁹. Необходимо отдать должное и фламандцам: они оказывали королю Эдуарду существенную помощь, принимая участие в его походе во Францию.

Однако в конце XIV в. отношения между Англией и фландрскими городами, недовольными растущей конкуренцией нового центра торговли шерстью – английского Кале, осложнились до такой степени, что время от времени между прежними союзниками происходили столкновения на море. Самое крупное сражение между английским и фламандским флотами произошло в 1371 г.: в нем победу одержали англичане, захватив двадцать пять кораблей с солью и убив всех фламандцев³⁰⁰. Любопытно, как хронисты пытаются оправдать действия своих соотечественников. То, что англичане ограбили и перебили союзников, нарушая таким образом договор между Англией и Фландрией, что, в свою очередь, могло привести к началу войны, не замалчивается в английской историографии. Однако это кровопролитное сражение представлено следствием отнюдь не коварства и вероломства англичан (поскольку в трактовке английских историографов эти характеристики, присущие всем остальным народам, у англичан совершенно отсутствуют), а всего лишь ошибки: «Поистине англичане не знали, что это были фламандцы». Приняв их, видимо, за французов, англичане напали на корабли и перебили всех, кто там находился, прежде чем обнаружилось их заблуждение. Приводя столь наивное оправдание нападения англичан на торговые суда союзников, хронисты отмечают, что, несмотря на то что это недоразумение вскоре было выяснено и мир

²⁹⁷ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 155–156.

²⁹⁸ Gray. P. 109; Avesbury. P. 312; Fabyan. P. 451.

²⁹⁹ Gray. P. 111; Avesbury. P. 336; Walsingham. Vol. I. P. 230; Grafton. P. 342; Knighton (1). P. 30; Higden. Vol. VIII. P. 355.

³⁰⁰ Walsingham. Vol. I. P. 297, 313–314; Capgrave. P. 228; Adam Murimuth. P. 211; The Brut. Vol. II. P. 325; Gregory. P. 89.

между Англией и Фландрией восстановлен, именно оно стало причиной «большого разногласия» между двумя народами³⁰¹.

Это «разногласие» привело к тому, что фламандцы все чаще и чаще стали выступать не за англичан, а против них. Хотя официально стороны не только не вели войну, но и находились в союзе, тем не менее постоянные нападения на английские суда не могли не вызвать в Англии недовольство жителями Фландрии, переданное Томасом Уолсингемом. Под 1379 г., прежде чем рассказать о страшном избиении английских моряков, устроенном фламандцами, хронист вдается в весьма пространное рассуждение об особенностях поведения и нравов самаритян-фламандцев, которые «в зависимости от обстоятельств либо любят, либо ненавидят англичан... они англичан уважают и высоко ценят, пока те постоянно одерживают верх над противниками, оказываются сильнее врагов, удачливее, чем враги, иначе; напротив, когда враги на них решают подняться, превосходя в численности, бедствия растут, горести увеличиваются, они отказывают в совете, отказывают в помощи, отказывают в доверии, отказывают от знакомства и в конце концов становятся лютыми врагами», и это проявилось «не раз, не два и не три, но поистине продолжается бесконечно»³⁰². Таким образом, очевидно, что англичане, признав свою вину в сражении 1371 г., во всех других столкновениях винят фламандцев. Английские историографы утверждают, что постоянными нападениями на английские корабли и поддержкой, которую фламандцы оказывают королю Франции, они не только подталкивают короля Англии к разрыву договора о союзе, но и к началу войны против Фландрии.

После восьми лет обострения отношений ситуация снова изменилась в 1379 г., когда города Фландрии во главе с Гентом начали широкое движение, направленное против власти графа. После того как в 1382 г. граф Людовик II Мальский из династии Дампьеров обратился за помощью к своему сеньору королю Франции Карлу VI, а также к зятю герцогу Бургундскому Филиппу II, восставшие горожане во главе с Филиппом ван Артевельде, сыном знаменитого Якоба ван Артевельде, были вынуждены искать поддержку у своего традиционного союзника Англии. Тем временем двенадцатитысячная французская армия одержала во Фландрии целый ряд побед, самой блистательной из которых была битва при Розбеке, вынудив к сдаче почти все мятежные города, кроме Гента. Для выручки осажденного французами Гента в Англии была собрана армия. На этот раз был использован религиозный лозунг, связанный с начавшейся в 1378 г. Великой схизмой.

³⁰¹ *Walsingham*. Vol. I. P. 313–314; *Capgrave*. P. 228; *Adam Murimuth*. P. 211.

³⁰² *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 230–231; *Walsingham*. Vol. I. P. 399–400.

Экспедиция во Фландрию готовилась в Англии как крестовый поход в защиту папы Урбана VI против профранцузски настроенного антипапы Климента VII. Во главе крестоносного войска был поставлен епископ Нориджский Генрих Деспенсер. Подготовка этого похода прошла в лучших традициях крестоносного движения: папа Урбан издал буллы, приравнивающие участие в борьбе со схизматиками к походу в Святую землю. Согласно этим буллам, полное отпущение грехов получали не только те, кто непосредственно отправлялся вместе с епископом, но и все те, кто сделает какое-нибудь пожертвование на поход³⁰³. Поэтому все, особенно женщины, старались пожертвовать как можно больше, отдавая деньги, золотую и серебряную посуду, драгоценности, снаряжая целые отряды латников. Многие, по мнению Генриха Найтона, «отдавали гораздо больше, чем могли себе позволить»³⁰⁴. Богатый лондонский торговец Джон Филпот, неоднократно ссужавший корону деньгами на организацию военных кампаний, на этот раз за свой счет перевез на континент около 60 тысяч «крестоносцев»³⁰⁵. В принципе крестовый поход был организован не только против Фландрии, но также против Франции, Шотландии и «многих других стран, которые благоволили к антипапе и поддерживали его»³⁰⁶. Более того, некоторые хронисты называют схизматиками одних французов, полагая, что поход был организован только против них³⁰⁷. Однако Англия уже давно воевала с Францией и Шотландией, поэтому относительно Столетней войны крестовый поход епископа Нориджского мог явиться лишь поводом для организации очередной кампании, но никак не свидетельствовать о причинах конфликта. В то же время, несмотря на постоянные столкновения на море, Фландрии война все еще не была объявлена. Следовательно, борьбу со схизматиками можно упомянуть в качестве второй причины, которая приводится в английской хронистике для оправдания войны с графом Фландрским, верным союзником короля Франции и приверженцем антипапы. Первой причиной по-прежнему оставалось неповиновение графа истинному, с точки зрения англичан, королю Франции, теперь уже Ричарду II. Здесь снова важно подчеркнуть, что война с графом Фландрским вовсе не означала войну со всеми фламандцами, верными подданными короля. Это также подтверждает тот факт, что самы-

³⁰³ The Westminster Chronicle. P. 31; *Knighton (I)*. P. 324.

³⁰⁴ *Knighton (I)*. P. 324.

³⁰⁵ *Walsingham*. Vol. II. P. 95–96.

³⁰⁶ *Knighton (I)*. P. 324.

³⁰⁷ *Adam of Usk*. P. 14; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi...* P. 41–42; *Grafton*. P. 430; *Fabyan*. P. 532; The Westminster Chronicle. P. 31 (правда, в другом месте автор «Вестминстерской хроники», рассказывая о победе епископа над схизматиками у города Дюнкерка, указывает на то, что во вражеском войске были не только французы, но и фламандцы, см.: The Westminster Chronicle. P. 40).

ми надежными союзниками англичан в крестовом походе были горожане Гента. Последние, после того как английское войско во главе с епископом повторно бежало в Англию, сдав врагу все ранее ими захваченные города и крепости во Франции и Фландрии, остались совершенно одни против армии графа и короля Франции³⁰⁸.

Последний раз горожане Гента обратились с мольбой о помощи к Ричарду II в 1385 г., заявив Королевскому совету, что у них нет больше сил оказывать сопротивление мощной французской армии и «что, если им вскоре не будет оказана поддержка, они будут вынуждены сдать город королю Франции»³⁰⁹. Необходимо отметить, что перед этим только закончился всеанглийский поход против шотландцев и французов, организовавших совместное нападение на Англию. Этот поход, возглавленный самим Ричардом II, имел действительно невиданный ранее размах, и казна понесла огромные потери; кроме того, в стране ходили упорные слухи о том, что Карл VI готовит новое нападение на Англию. В этой ситуации Королевский совет отнюдь не спешил оказать помощь Генту – последнему очагу сопротивления власти французского короля во Фландрии, поскольку все остальные мятежные города уже капитулировали. Это нежелание поддерживать верных союзников не могло не найти отражение в хрониках. Как всегда, очень интересно проследить за тем, как историографы пытаются оправдать предательство, совершенное соотечественниками, и обвиняют в неверности союзников. Современник, анонимный автор «Вестминстерской хроники», высказал следующее мнение по этому вопросу: «Но какой смысл английскому королю был посылать ее [помощь. – *Е. К.*] для них, когда они почти все были французами (*cum tunc omnes pro majori parte essent Francigene*)? Необходимо отметить также, что это было сделано не по принуждению, а по своей доброй воле они отвернулись от короля Англии»³¹⁰. Но, согласно версии английских авторов, благородный король Англии все же не мог не выполнить свой долг перед союзниками, пусть и не очень хорошими. Он приказал снарядить отряд из 300 латников и 700 лучников для защиты Гента, правда, из-за нового нападения шотландцев он был вынужден отменить свой приказ и отправить этот отряд к Берикку³¹¹. В хрониках рассказан и конец этой истории, видимо, для того, чтобы продемонстрировать вероломство фламандцев, с легкостью меняющих союзников и сюзеренов, что, разумеется, снимало вину с английского короля, не предоставившего помощь соратникам в тяжелую для тех минуту. Сначала

³⁰⁸ *Walsingham*. Vol. II. P. 96–102; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi*... P. 48; *Knighton (I)*. P. 328.

³⁰⁹ *The Westminster Chronicle*. P. 146.

³¹⁰ *Ibid.*

³¹¹ *Ibid.* P. 146–148; *Walsingham*. Vol. II. P. 142.

в Генте, а потом и в других городах Фландрии горожане решали вопрос о том, кому им следует подчиниться: «Королю Англии, королю Франции или герцогу Бургундскому, и предпочтение было отдано последнему»³¹².

Таким образом, очевидно, что представления английских историографов об отношениях между Англией и Фландрией, а также, что особенно любопытно, образ фламандцев в сознании англичан не только не были статичными, но в зависимости от политической ситуации менялись на диаметрально противоположные. В начале Столетней войны фламандцы воспринимались как верные союзники, а то и преданные подданные Плантагенетов. Вплоть до конца царствования Эдуарда III любые военные столкновения англичан и фламандцев трактовались как простые недоразумения. В правление Ричарда II ситуация изменилась принципиально. Ориентированный на мир с Францией, Ричард лишь однажды согласился на организацию поддерживающей фландрские города экспедиции (крестовый поход епископа Нориджского 1383 г.), которая закончилась полным поражением англичан. Возмужав, Ричард перестал оказывать фламандцам содействие даже в тех ситуациях, когда те остро нуждались в английской помощи. В этот период участвовавшие столкновения на море перестали преподноситься в качестве случайных. Все это привело к тому, что фламандцы решили искать себе другого защитника от французского короля и обратились к герцогу Бургундскому Филиппу Храброму, мужу графини Маргариты Дампьер, признав его своим сюзереном. При этом между Англией и Фландрией по-прежнему официально сохранялись дружеские отношения.

Мир был нарушен в 1436 г., когда перешедший на сторону Карла VII герцог Бургундский с огромным войском, в котором находились его новые подданные фламандцы, осадил Кале. Судя по хроникам, а также популярным поэмам того времени, англичане восприняли поступок герцога, а также вероломность фламандцев (забывших о том, скольким они обязаны англичанам, более ста лет проливавшим за них кровь³¹³) как предательство. Не вдаваясь в излишние подробности, приведу цитату из одной поэмы, написанной на осаду Кале, автор которой не просто осуждает бывших союзников за измену, но и проявляет определенную изобретательность в сочинении оскорблений:

*Помните теперь, фламандцы, о своем стыде;
Когда вы осадили Кале, вы были достойны порицания;
Ибо у англичан репутация лучше вашей,*

³¹² The Westminister Chronicle. P. 148.

³¹³ The Brut. Vol. II. P. 582–584, 600–601. Также см.: *Grafton*. P. 611; *Fabyan*. P. 610–611; *Hall*. P. 181–184; *An English Chronicle*. P. 55; *Higden (Caxton)*. Vol. VIII. P. 563; *On the Siege of Calais // English Political Poems*. Vol. II. P. 152–156.

*И происходят они от более древней и благородной крови;
Ибо фламандцы происходят от осужденных (Flemmed) людей,
должны вы понять,
Поскольку осужденные и изгнанные люди первыми заселили
вашу землю.*

*Поэтому я утверждаю, что фламандцы
И Фландрия, взявшая имя от фламандцев, – осуждены!
Так, фламандцы, вы и зоветесь осужденными,
И по сравнению с англичанами вам должно быть стыдно!
Вы годитесь только на словах драться;
Так что лучше были бы вы смиренными: ибо Господь пошлет
вам поражение!³¹⁴*

Завершая рассказ об осаде Кале, следует добавить, что посланный на выручку городу герцог Глостерский не только блестяще справился с возложенной на него задачей, но и совершил опустошительный рейд по Фландрии. Война была объявлена. Фламандцы перестали быть друзьями англичанам, превратившись в таких же врагов, что и французы.

Подводя некоторые итоги главы, необходимо подчеркнуть, что для английских авторов XIV–XVI вв. чрезвычайно важно было подтвердить справедливость всех войн, организованных их государями. В тех случаях, когда в качестве официальных обоснований начала конфликтов использовались династические притязания (англо-французское противостояние, испанские кампании, война Бэллиола и Брюса), хронисты стремились доказать законность наследственных прав «своих» монархов и, соответственно, нелицитимность действий врагов, обвиняемых в узурпации. Постулирование нарушения противниками англичан патримониальных прав влекло за собой целый ряд других обвинений. Английские правоведы, а за ними и историографы репрезентировали королей Англии не только борцами за собственные наследственные права, но также защитниками справедливости

³¹⁴ Remembres now, ye Flemmynges, upon youre owne shame;
When ye laide seege to Caleis, ye wer right still to blame;
For more of reputacioun, ben Englisshmen then ye,
And comen of more gentill blode, of olde antiquite;
For Flemmynges come of Flemmed men, ye shall wel undirstand,
For flemmed men & banshid men enhabit first youre land.
Thus proue I that Flemmynges is but a flemmed man,
And Flaunders, of Flemmynges, the name first began.
And therefore, ye Flemmynges, that Flemmynges ben named,
To compare with Englisshmen, ye aught to be ashamed!
Ye be nothing elles worth, but gret wordes to camp;
Sette ye still, & bith in pees: God quye you quadenramp!
(The Brut. Vol. II. P. 583–584; Historical Poems... P. 85–86).

в целом. Подобный подход, в частности, предполагал внимание к сюжетам, связанным с заботой государей о безопасности и процветании подданных (выражавшейся, например, в отражении непосредственной вражеской агрессии). Другим следствием утверждения правомерности военных акций собственных монархов являлось перекалывание ответственности за кровопролитие и иные противоречащие христианской морали действия на их противников.

Также следует отметить, что иерархия и развернутость тех или иных аргументов не остаются неизменными на протяжении всего периода. Это зависит не только от внешних обстоятельств (подобно переходу фламандцев в лагерь противников англичан), но и от закономерностей развития исторического и политического мышления. По мере того как какие-то сюжеты (например, династические) постоянно воспроизводятся в историографии, они претерпевают изменение, которое можно было бы обозначить как «рутинизацию». С одной стороны, авторы поэм и хроник уже не считают необходимым в подробностях пояснять читателям детали того или иного аргумента или казуса; постепенно становится достаточным простого указания на наследственные права или древнюю вражду. С другой стороны, теряя аргументы и обстоятельность, определенный довод становится не менее, а более убедительным; хронист уверен в его самоочевидности и в том, что приведенное им соображение уже давно утвердилось в сознании читателей. Автор начинает оперировать тем или иным тезисом (например, о праве Эдуарда III на корону или о коварстве фламандцев) как безотказным инструментом, который уже сам служит основанием для подтверждения новых, требующих доказательства положений.

На протяжении XIV–XVI вв. происходят заметные изменения в манере английских историографов излагать причины ведения боевых действий. Хотя рассуждения авторов исторических сочинений о законности вступления Англии в войну по преимуществу связаны с правами и деяниями государей, симптоматично появление в их трудах в связи с обсуждением этой проблемы таких категорий, как «почетно» для английского народа (короля, страны) или «позорно» для Англии (страны, народа, англичан). В этом проявляется отождествление позиции всего народа и его государя как естественного лидера сообщества, главы политического «тела» королевства.

Глава 2

Представления английских хронистов о роли Божественного провидения в войне

Согласно положениям канонического и общего английского права для ведения «справедливой войны», требовалось соответствие простым условиям: она должна быть провозглашена законной властью во имя защиты христианской веры или восстановления нарушенной справедливости. Как явствует из анализа источников, прежде всего исторических сочинений, с точки зрения современников (в первую очередь тех, кто проживал на территории Англии), все английские кампании эпохи Столетней войны отвечали необходимым условиям и могли считаться справедливыми. Между тем пространные рассуждения теологов и юристов, ссылающихся либо на освященную веками древнюю традицию, либо на божественный закон, либо на сеньориальное право, нуждались в «реальных» подтверждениях, исходящих от самого Бога. Ибо только сам Господь, который является «царем царей» [Откр. 17:14; 19:16], мог разрешить спор между монархами, вынеся им свой приговор¹. Религиозное сознание людей Средневековья (независимо от их социального статуса) требовало божественных знамений, указывающих на волю Всевышнего. Довольно четко убежденность в этом была сформулирована анонимным автором «Деяний Генриха V», вложившим свои рассуждения по этому поводу в уста епископа Винчестерского, дяди короля Генриха V, произнесшего речь на открытии парламента в 1416 г. Впрочем, можно предположить, что неизвестный автор действительно пересказывал услышанную им речь епископа. Последний утверждал, что конфликт между коронованными особами не может быть решен в «простом» суде. Разрешить такое под силу только «небесному суду», который выносит приговор тем, «кто не имеет правителя под небесами», подобно тому как «земной суд» разрешает споры тех, «кто имеет правителя на земле»². Этот «божественный приговор» должен выполняться со всем уважением, наподобие приговоров суда земного³.

¹ *Chandos*. P. 135.

² *Gesta Henrici Quinti...* P. 122.

³ *Ibid.*

Поиск указаний на божественное волеизъявление в Средние века не только отличался от Нового времени меньшим скептицизмом верующих в отношении чудес, но, прежде всего, готовностью людей видеть знамения в самых обыденных вещах. Само религиозное сознание в тот период предполагало веру в абсолютный провиденциализм, что нередко приводило к ожиданию постоянного, ежедневного божественного вмешательства в ход человеческой жизни. Конечно, можно найти немало свидетельств тому, как ученые мужи зывали к легковерным христианам с просьбами не изыскивать чудесное в тривиальном или даже в чем-то необычном. Еще в конце XII в. Ричард из Девайзеса обращал внимание читателей на то, что те, кто склонен видеть знамение в солнечном или лунном затмении, заблуждается, ибо попросту не знает о законах мироустройства⁴. В 1536 г. католический проповедник Визель подверг критике типичную для Средневековья жажду чудесного еще более ярко: «Ну, блеснула необычным светом молния где-то в Силезии. Что это – чудо? Ну, сорвал ураган крыши домов. Что это – знамение суда Божьего? Где-то в лесу загорелась гряда угля; земля вздрогнула; разразился гром, и сильная молния озарила город; так ли уж редко это случается? В Бреслау обрушилась башня, эко чудо! В Силезии женщина не разродилась в срок: это, конечно, удивительно, но нельзя же видеть в этом знамение пршествия Господа Бога!»⁵

Стремясь узреть волю Всевышнего в споре претендентов на корону Франции, многие англичане не могли пройти мимо трагедий в доме Капетингов в начале XIV в. Например, автор «Инвективы против Франции» прямо утверждал, что, если бы Бог не желал увидеть Эдуарда III королем обоих королевств, он не допустил бы быстрой смерти всех сыновей и внуков по мужской линии Филиппа IV:

Ее [Изабеллы. – Е. К.] три брата без потомков смертью низвергнуты.

Закон, Бог и предки тебе [Эдуард. – Е. К.] королевские права дали⁶.

Для анонимного поэта совершенно очевидно, что Господь, в соответствии со своим планом, решил объединить два королевства – Англию и Францию – под властью Эдуарда III и для этого он отправил в могилу одного за другим всех сыновей Филиппа IV, а также их потомков мужского пола, дабы никто не смог противиться его воле. Не ограничиваясь физическим истреблением Капетингов, Всевышний, по мнению все того же автора, даровал французскому народу ряд недвусмысленных знамений, прямо указывающих на его благоволение английскому королю и явное недовольство коронацией «узурпатора» из дома Валуа. Во-первых, сосуд со священным елеем, дарованный Всевышним для помазания Хлодвига

⁴ The Chronicle of Richard of Devizes of the Time of King Richard the First / Ed. J. T. Appleby. L., 1969. P. 34.

⁵ Цит. по: Дельюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 202.

⁶ An Invective Against France // English Political Poems. Vol. 1. P. 30.

во время его коронации и с тех пор бережно хранимый французами в Реймсе, неожиданно оказался пуст: «Елей закончился, указывая, что тебе [Валуа. – Е. К.] не быть королем»⁷. Во-вторых, поэт обвинял Филиппа VI в том, что тот не в состоянии исцелять золотуху: «Болезнь ты [Филипп Валуа. – Е. К.] не лечишь, лишенный королевской святости»⁸.

После того как французы, закрыв глаза на посланные им знамения, все же короновали Филиппа Валуа, Эдуард III, руководствуясь исключительно, как утверждали авторы из числа его верноподданных, волей Всевышнего, начал войну за свое наследство. Для английских королей, как истинных христианских монархов, могло существовать только одно решение вопроса – вести войну или нет. Еще в середине XIII в. Брактон, рассуждая о правах и обязанностях государя, утверждал, что «король не может сделать на земле ничего, поскольку он служитель и викарий Бога, кроме того, что он может делать по праву... соблюдая закон... Его власть поэтому является властью справедливости, а не беззакония... Закон делает его королем...»⁹. Знаменитый легист прямо утверждал, что если государь противится закону или не исполняет волю Бога, то он превращается из короля в тирана¹⁰. Таким образом, с точки зрения английских юристов, Эдуард III и его потомки были обязаны вести войну против «узурпаторов», чтобы соблюдать закон и не превращаться в тиранов. Закон оказывается выше всего: выше христианского милосердия и заповеди «не убий». Закону подчиняются даже те, кто является его творцами: короли – на земле и Бог – на небе. Короли, по сути дела, лишены свободы выбора, ведь их главная функция заключается в исполнении и защите закона. Но поскольку в данном случае речь идет не об английских делах, а о международном конфликте, в силу вступает верховная юрисдикция – Божий суд, от которого обе стороны ожидали приговора виновной стороне, не могущего оказаться несправедливым или ошибочным.

Представление английских хронистов о роли Бога в ходе боевых действий

Вскоре после того, как английская армия одержала свои первые победы, самой громкой из которых была морская битва при Слейсе (1340 г.), английские хронисты начали активно проводить мысль о том, что эти победы им посылает сам Господь, поскольку они сражаются за правое, угодное Ему дело. Прочитированный выше автор «Инвективы против Франции» бро-

⁷ Ibid. P. 27.

⁸ Ibid.

⁹ *Bracton* Vol. II. P. 172–174.

¹⁰ Ibid.

сает вызов Филиппу Валуа, говоря: «Если ты настоящий король, Франция защитит корону»¹¹. Джон Эргом, автор комментария к «Бридлинтонскому пророчеству», о котором речь пойдет чуть ниже, указал на то, что сначала английская армия не захочет воевать с Францией, поскольку все сословия, считая ее одним из самых могущественных королевств в мире, будут опасаться, что Англия не сможет справиться с ней. Да и сами французы будут уверены в этом, высокомерно полагая, что при помощи золота они смогут завоевать Англию. «Но, – замечает Эргом, – они заблуждаются, так как помощь Бога и торжество справедливости стоят дороже, чем все сокровища»¹². Для хронистов этот тезис подтверждают многочисленные победы англичан над значительно превосходящими их силами противников.

Как бы историографы ни гордились доблестными подвигами своих соотечественников, они никогда не забывали благочестиво отметить благоволение Всевышнего английскому воинству, что позволяло им лишний раз подчеркнуть справедливый характер войны, которую ведет их государь. Под 1331 г. Джон Капгрейв, рассказывая о победе, якобы одержанной 2 тысячами англичан над 40 тысячами шотландцев, в заключение говорит: «Все люди сказали, что это было сделано Божьей рукой, а не человеческими силами. Ибо англичан было так мало, а шотландцев так много, что каждый из них падал на других»¹³. По мнению автора «Длинной хроники аббатства Керкстолл», «божественной, а не человеческой милостью» англичане одержали верх над шотландцами при Невиллс-Кроссе¹⁴. Такое же заключение делает правовед Адам из Уска после рассказа о поражении, которое нанес шотландцам в 1402 г. Генри Перси: «Победа была дарована только Богом, а не людьми»¹⁵. Аналогичные рассуждения можно встретить у Генриха Найтона после описания битвы при Пуатье, в которой малочисленная английская армия все же решила принять участие, дабы умереть, защищая права своего короля¹⁶. И как сказано в «Краткой хронике аббатства Керкстолл», на поле Пуатье «правосудие, глядящее вниз с небес и не позволяющее несправедливости торжествовать над собой, передало Иоанна Валуа и других в руки Эдуарда, принца Уэльского»¹⁷. В анонимной хронике из Кентербери сходная мысль вкладывается в уста Черного принца, решившего оказать помощь попавшему в беду королю Педро I: «Принц, замечая, что победа в битве зависит не от многочисленности войска, но от благосклонности Бога, передал себя и своих [людей] в его руки и отпра-

¹¹ An Invektive Against France // English Political Poems. Vol. I. P. 29.

¹² John of Bridlington. P. 140.

¹³ Capgrave. P. 201.

¹⁴ Kirkstall Abbey Long Chronicle. P. 93.

¹⁵ Adam of Usk. P. 105.

¹⁶ Knighton (1). P. 142.

¹⁷ Kirkstall Abbey Short Chronicle. P. 60.

вился со своим войском в Испанию»¹⁸. К выводу о том, что, «покуда Бог благоволит англичанам, им не страшны никакие враги», пришли, согласно версии Найтона, клирики и пастухи, разгромившие огромное шотландское войско при Невиллс-Кроссе¹⁹. Безусловно, в том ополчении, которое собрали королева Филиппа и архиепископ Йоркский, было достаточно доблестных рыцарей, например представители рода Перси, традиционно защищавшего северные рубежи Англии. Однако, желая подчеркнуть чудесный характер одержанной победы, а также исключительную доблесть и мужество своих соотечественников, английские авторы намеренно усиливают разницу в составах двух армий: цвету шотландского рыцарства под предводительством короля противостоят созванные для защиты родной земли пастухи и монахи, во главе которых стоят далекие от военного дела персоны – прекрасная дама и духовный пастырь. Генрих Найтон, Томас Уолсингем, герольд Чандоса, Ричард Графтон и продолжатель хроники Адама из Маримута единогласно приписывают Богу победу английского флота над испанским у Винчелси в 1350 г.²⁰, большинство историографов не забывает сослаться на божественную поддержку англичан при Слейсе²¹, а при рассказе о битве при Азенкуре о ней упоминают все хронисты без исключения²².

В английской хронистике можно выделить два приема, посредством которых авторы подчеркивают милость Бога, если она проявляется в сражении одного войска против другого. Первый заключается, по сути дела, в описании численного соотношения сил, когда враги превосходят англичан в десять–двадцать раз, но последние все же побеждают благодаря благоволению Господа. Это может быть сформулировано самим историографом во фразе вроде: «Англичане одержали победу при помощи Бога». В тех же случаях, когда авторы оставляли подобные сюжеты без комментария, они, вне всякого сомнения, могли рассчитывать на то, что благоразумный читатель сам в состоянии сделает правильное заключение о том, почему небольшой отряд англичан одержал победу над превосходящими в несколько раз силами противника. Однако нередко историки описывают непосредственное вмешательство Бога в военные действия, приводя в качестве неоспоримого доказательства рассказ о чуде или знамении. Например, по

¹⁸ *Anonymi Cantuariensis Chronica*. P. 223–224.

¹⁹ *Knighton (1)*. P. 74.

²⁰ *Ibid.* P. 108; *Walsingham*. Vol. I. P. 275; *Chandos*. P. 31–33; *Grafton*. P. 386; *Adam Murimuth*. P. 180.

²¹ *Capgrave*. P. 208; *The Brut*. Vol. II. P. 295; *Higden*. Vol. VII. P. 336; *Chronicon Angliae* 1328–1388. P. 11; *Walsingham*. Vol. I. P. 227; *Annales de Oseneia*. P. 350; *Burton*. Vol. III. P. 44; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 205.

²² *Walsingham*. Vol. II. P. 314; *The Brut*. Vol. II. P. 320; *Titus Livius*. P. 20, 31; *Elmham*. P. 124; *Pseudo-Elmham*. P. 67–68; *An English Chronicle*. P. 41; *Chronicles of London*... P. 70; *Hall*. P. 68.

свидетельству Генриха Найтона, в 1385 г. шотландцы, напавшие на город Карлайл, были обращены в бегство чудом, точнее, миражом. Им явилась Дева Мария, покровительница города, и предсказала появление английской армии. Более того, вскоре эти шотландцы непосредственно увидели войско короля Ричарда прямо перед собой, хотя на самом деле армия находилась в нескольких милях от них²³. По версии Томаса Элхэма, в английском лагере накануне Азенкура был виден св. Георгий, «вооруженный, готовый к войне на английской стороне»²⁴. Автор «Дара истории» также сообщает, что в битве при Пуатье французы видели в небе вооруженного всадника, готового с ними сразиться. Хронист добавляет, что «англичанам была послана божественная победа (*Divina victoria*)»²⁵.

Пожалуй, одним из самых ярких и эмоционально окрашенных эпизодов, свидетельствующих об уверенности англичан в божественной поддержке и благоволении к ним Всевышнего, является история перехода английского войска под предводительством самого короля Генриха V из Арфлера в Кале в 1415 г., впервые рассказанная анонимным клириком, сопровождавшим королевское войско в том походе. После взятия Арфлера придворные отговаривали короля от реализации его замысла, поскольку полагали, что для него будет «весьма опасно передвигаться этой дорогой с небольшим войском, ежедневно становящимся все меньше»²⁶, в то время как постоянно возрастающее множество французов подобно овцам в отарах окружает их со всех сторон». Однако «король, полагаясь на божественную милость и справедливость своей цели», возразил, цитируя Библию, что «победа зависит не от размера войска, а от Бога, который может предать многих в руки немногих [1 Мак. 3:18] и который дарует победу по своему желанию, невзирая на число воинов»²⁷. Повествуя о марше на Кале, хронист намеренно постепенно нагнетает драматизм, перечисляя подстерегавшие англичан всевозможные опасности, неизменно отводимые от них Господом²⁸. Показательно, что история

²³ *Knighton (1)*. P. 336.

²⁴ *Elmham*. P. 123. Тема поддержки св. Георгием английского воинства при Азенкуре была чрезвычайно популярна в поэзии. См., например: *Skot J. The Batayll of Egyne Court, and the Great Sege of Rone // History of the Battle of Agincouert / Ed. N. H. Nicolas. 2nd ed. L., 1832. Appendix. P. 76:*

Saynt George was sene ouer our hoste,
Of very trouthe this syght men dyde se,
Downe was he sente by the holygoste,
To gyve our Kynge the victory.

²⁵ *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 225.

²⁶ Английская армия страдала от эпидемии дизентерии.

²⁷ *Gesta Henrici Quinti*... P. 60. Эту же историю рассказывают и другие анонимные хронисты (*Titus Livius*. P. 16–17; *Pseudo-Elmham*. P. 61–62; *The Brut*. Vol. II. P. 377–378; *Hall*. P. 68; *The First English Life of King Henry V*... P. 42).

²⁸ *Gesta Henrici Quinti*... P. 66, 70, 74. Примерно в этих же выражениях пересказывают эту беседу и другие авторы, прямо или опосредованно использовавшие «Деяния Генриха V» в качестве источника (*Elmham*. P. 119; *Redmann*. P. 44).

достигает кульминации не во время описания битвы при Азенкуре, а чуть раньше, когда автор пересказывает беседу, состоявшуюся перед сражением между королем и сэром Уолтером Хардфордом, королевским камергером. Согласно версии анонимного автора хроники, Хардфорд посетовал на то, что в их войске нет десяти тысяч лучших английских лучников, которые были бы рады находиться в сей трудный час рядом со своим государем. «Это глупость, – ответил король, – потому что, благодаря Богу на небесах, на чью милость я уповаю и с которым я твердо верю в победу, я не захотел бы, даже если бы мог, иметь хоть на одного человека больше, чем у меня есть сейчас. Ибо сейчас со мной божий народ («*dei populus*»), которым он наградил меня, чтобы он был со мной. Вы не верите, – спросил он, – что Всемогущий с этим небольшим числом своих людей способен сломить высокомерие французов, которые кичатся своим количеством и превосходством сил?.. Я верю сам, что это возможно...»²⁹ Позже, описывая само сражение, историк заметил, что сказанные накануне королем слова оказались пророческими: в этой битве Бог нанес «восставшим против него» два сокрушительных удара: первый, когда он поверг французов, а второй, когда бегущие враги стали давить друг друга³⁰.

Вполне возможно, что хронист, который вероятнее всего во время того похода был одним из королевских капелланов, действительно являлся свидетелем реального разговора между Генрихом и графом Хардфордом. С определенной долей вероятности можно предположить, что чрезвычайно набожный Генрих V произнес речь, свидетельствующую о его уверенности в победе. Гораздо важнее иное: повествование о первой континентальной кампании Генриха V совершенно не различается у разных авторов. В отличие от рассказов о большинстве других экспедиций и сражений, существенно варьирующихся даже у очевидцев одних и тех же событий, все сообщения об Азенкуре удивительно похожи друг на друга. Скорее всего, это единообразие объясняется наличием единого основного источника – фактически все авторы прямо или опосредованно использовали «Деяния Генриха V», составленные анонимным капелланом. В 1437 г., опираясь на эти анонимные «Деяния» и официальные документы, специально приглашенный ко двору герцога Хэмфри Глостера прославленный итальянский гуманист Тит Ливий Фруловези написал «Жизнь непобедимого Генриха V». Труд Тита Ливия Фруловези вдохновил многих англичан на создание произведений, воспевающих Генриха V, и сыграл существеннейшую роль в формировании образа Генриха V –

²⁹ Ibid. P. 78. О вере короля Генриха в помощь Бога перед битвой при Азенкуре упоминают и другие авторы: *Elmham*. P. 119; *Redmann*. P. 44; *Hall*. P. 59.

³⁰ *Gesta Henrici Quinti*... P. 88–90.

идеального короля и образцового англичанина – храброго, справедливого, безукоризненного и вполне заслуженно получающего помощь от Господа. В самом конце XVI в. Шекспир не только популяризировал историю о первой французской экспедиции Генриха V, но и окончательно закрепил канонический рассказ о ней. И хотя у Шекспира собеседником Генриха становится граф Вестморленд, основной смысл речи передан точно, как у анонимного хрониста:

*Коль суждено погибнуть нам, – довольно
Потерь для родины; а будем живы, –
Чем меньше нас, тем больше будет славы.
Да будет воля божья! Не желай
И одного еще бойца нам в помощь.*

(Шекспир У. Генрих V. Часть IV, акт IV, сцена 3. Пер. Е. Бируковой)

Довольно часто чудеса, о которых рассказывают английские историки, связаны с силами природы. Во многих хрониках сообщается о том, как король Франции, начиная с 1385 г., готовился к вторжению в Англию, поклявшись на многочисленных святынях, что «не покинет ее до тех пор, пока она не будет полностью опустошена или завоевана и этим не будет положен конец войне между королевствами, или же он умрет, осуществляя это»³¹. Летом 1386 г. в районе Слейса сосредоточилась большая французская армия. Все приготовления к отплытию были завершены: на многочисленные корабли было погружено оружие, осадные орудия, даже детали будущих укреплений³². Но планам Карла VI не суждено было осуществиться, ибо «Англию защищала божественная сила, а не человеческая»³³: посланный встречный ветер мешал отплытию французов. Шли месяцы, огромное французское войско терпело большую нужду: буханка хлеба, стоявшая в Англии пенни, продавалась за 18 денег³⁴. В конце ноября армия была распущена³⁵. По другой версии, приведенной Томасом Уолсингемом и Джоном Капгрейвом, французы оставались в бухте до 31 октября, после чего они все же вышли в море при попутном ветре, однако «посреди моря разразилась буря, поломавшая многие корабли»³⁶. Уолсингем добавляет, что собранное французами для вторжения в Англию войско насчитывало 3600 рыцарей и 10 тысяч простых воинов³⁷. В той же хронике Уолсингема можно найти не менее яркое свидетельство

³¹ Knighton (1). P. 348.

³² Ibid. Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 371, Walsingham. Vol. II. P. 147.

³³ Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 359.

³⁴ Knighton (1). P. 348.

³⁵ Historia Vita et Regni Ricardi Secundi... P. 63–64; Grafton. P. 437, 446–451; Knighton (1). P. 348; Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 359.

³⁶ Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 373; Walsingham. Vol. II. P. 151; Capgrave. P. 242.

³⁷ Walsingham. Vol. II. P. 151.

вмешательства Бога в ход военных действий: в одном из сражений епископа Нориджского со схизматиками гроза с громом и молниями разразилась над французскими войсками, в то время как над англичанами, находившимися неподалеку, небо оставалось чистым³⁸. Ряд хронистов рассказывает о божественном знамении во время битвы при Креси: «Был гром, и сильный ливень пролился с небес. Это произошло и до, и после битвы, хотя туч не было видно и небо повсюду было чистым. И было видно огромное количество воронов и ворон, летающих над французской армией»³⁹. Интересным свидетельством того, как Господь карает тех, кто воюет против Англии, является эпизод в «Скалахронике»: все члены шотландской шайки, напавшей в 1340 г. на Роксборо, «умерли позже плохой смертью», в частности их предводитель Александр Рэмен «умер от голода в тюрьме»⁴⁰.

Примеры, подобные вышеперечисленным, можно было бы приводить до бесконечности. Гораздо более любопытными являются эпизоды, в которых Господь бдительно оберегал англичан, даже когда последние попадали в переделку по собственной вине. Так, например, при осаде Арфлера горожане сделали вылазку и «из-за невнимательности и лени наших людей» смогли поджечь английские укрепления. Однако, как отметил хронист, «по желанию Бога» их огонь погас, и враг обратился в бегство, «не причинив нашим людям серьезного вреда»⁴¹. Напомню, что анонимный автор «Деяний Генриха V» непосредственно принимал участие в той кампании в качестве военного капеллана, поэтому его суждение свидетельствует не только о «благочестивой» оценке произошедшего, но также передает гневные эмоции, вызванные переживаниями по поводу небрежности дозорных. В следующем эпизоде, приведенном этим же автором, акцент также смещается с неосмотрительности англичан на их воинскую доблесть, благочестие и уверенность в собственной правоте. На Рождество 1416 г. дядя короля Томас Бофор, граф Дорсет, капитан Арфлера, в то время уже принадлежавшего англичанам, предпринял с небольшим отрядом явно грабительскую экспедицию в глубь Нормандии «для пополнения продовольствия в городе», во время которой англичане были застигнуты врасплох превосходящим их в пятнадцать раз отрядом графа Арманьяка. Граф Дорсет отверг предложения врага сдаться, поскольку он был уверен в том, что «принять их было бы несомненным предательством и глупостью», ибо это означало бы, что он «презирает благосклонность Бога и не верит

³⁸ Ibid. P. 93.

³⁹ Kirkstall Abbey Long Chronicle. P. 91–92. Автор «Дара истории» добавляет к этому рассказу сообщение о том, что знамение способствовало панике среди французов (Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 211). По версии Томаса Бертона, дождь, предшествующий появлению ворон, шел шесть недель и три дня (Burton. Vol. III. P. 58–59).

⁴⁰ Gray. P. 112.

⁴¹ Gesta Henrici Quinti... P. 44.

в правоту своего короля и королевства Англии»⁴². Перед сражением все англичане набожно молились Богу, зная, что с его помощью их малочисленное войско может одержать победу над врагом, что и произошло – меньше 900 англичан разбили 15 тысяч «французских мятежников» (*«rebellium gallicorum»*), «обратив в бегство, захватив в плен или поразив их мечом». Участники той экспедиции, а также все остальные англичане (успех был отпразднован не только в Арфлере, но и, по приказу короля Генриха, который сам возблагодарил Господа за сотворенное им чудо, в Англии) не сомневались в том, что эта победа была одержана только благодаря тому, что Бог в этой войне находился на стороне англичан⁴³.

Конечно, можно усомниться в достоверности цифр, которые приводят историографы, завывая превосходство врагов над англичанами. Впрочем, в данном случае важнее не истинное соотношение сил и даже не конечные победы подданных английской короны. Пропагандируемая хронистами готовность небольших английских отрядов дать бой явно превосходящим в несколько раз силам противника свидетельствует об убежденности англичан в благоволении к ним Бога, поскольку именно они сражаются за правое дело. В этих случаях на задний план отступает столь часто встречаемое в источниках физическое противопоставление «своих» и «чужих», когда историографы, а еще больше поэты подчеркивают превосходство англичан над представителями других народов по разным параметрам воинской доблести. Как правило, в тех случаях, когда историографы намеренно подчеркивают вмешательство Всевышнего в ход сражения, победы англичан преподносятся в качестве чуда, порой вполне ожидаемого или закономерного, но всегда удивительного.

В упомянутой в самом начале главы речи епископ Винчестерский подсчитал, что к 1416 г. «право короны Англии на королевство Францию было божественно ясно установлено тремя одинаковыми приговорами, и поэтому им не должно оказываться постоянное сопротивление»⁴⁴. Первый приговор прозвучал в 1340 г., вскоре после того, как Эдуард III официально во Фландрии принял титул короля Франции, доставшийся ему по праву наследования, «в морском сражении при Слейсе». «Второй приговор был явлен» в битве при Пуатье, «где полегла французская знать и был пленен Иоанн, узурпатор королевства (*intrusore regni*)». Третий приговор был оглашен на поле Азенкура, когда «французская армия была обращена в бегство и французский меч уступил английскому скипетру... а предводители французов были взяты в плен и их рыцари преданы смерти»⁴⁵. Но короли

⁴² *Gesta Henrici Quinti...* P. 116.

⁴³ *Ibid.* P. 116–120.

⁴⁴ *Ibid.* P. 122.

⁴⁵ *Ibid.* P. 122–124.

Франции, вернее, те, кто был незаконно коронован во Франции, сменяя друг друга, оставались глухи к «божественному приговору», который для них был повторен трижды, и не подчинились ему. А поскольку короли несут перед Всевышним ответственность за свои государства и подданных, чьи судьбы непосредственно зависят от королевских прегрешений и праведных поступков, то весь французский народ, подчинившийся узурпатору и не желающий признать королей Англии в качестве законного сюзерена, непременно будет наказан. Епископ (или, скорее, анонимный клирик, пересказавший или сочинивший его речь) вовсе не настаивает на том, что простой народ разбирается в тонкостях юриспруденции и теологии, анализируя права претендентов на корону. Но так как Господь неоднократно посылал французам знамения, в которых он выражал свою волю, у них не должно оставаться сомнений относительно того, кто является их истинным сюзереном. Епископ Винчестерский искренне скорбел о том, что «этот негодный народ» («gens misera et dure cervicis») «не подчинился божественным приговорам столь многочисленным и столь ужасным», ибо его пугает наказание Всевышнего за непослушание. Господь уже лишил французоз «трех вещей, с которыми они могли бы в дальнейшем причинять нам [англичанам. – *Е. К.*] вред». Во-первых, Он лишил их двух главных портов – Кале и Арфлера. Во-вторых, «их храбрости, поскольку они были заражены страхом перед ужасными и непоправимыми бедствиями, постигшими их, когда множество людей было убито в столкновениях с англичанами, особенно сейчас, совсем недавно, при Азенкуре. Презирающие эти бедствия вполне могут ожидать, что их пренебрежение решением Бога приведет к мести». В-третьих, «в результате потери знатных и смелых людей во всех этих битвах» они утратили всю свою военную мощь⁴⁶.

Бог наказывает подданных монарха-грешника, не только посылая ему поражения в битвах (любая милость Бога к англичанам на полях сражений одновременно является карой для их врагов), но и тем, что в королевском семействе разразилась междоусобная война: сыновья Филиппа Валуа подняли мятеж против отца⁴⁷. Поддержка узурпатора является далеко не единственным преступлением французоз – для того чтобы воевать против законного короля, нужно уже потерять благочестие. Поэтому французоз,

⁴⁶ Ibid. Томас Элхэм в «Метрической книге» повторил рассказ о тройном наказании французоз:

Ultrix fertur in his summi sententia triplex;
Quae tulit a Francis commoda magna tria,
Calesias, Harflu, necnon audacia corda.
Haec Anglis servet Trinus et Unus. Amen
(*Elmham*. P. 132).

⁴⁷ *John of Bridlington*. P. 140.

погрязших помимо гордыни во всех прочих смертных грехах, Господь покарал так же, как Вавилон во времена Кира: «Их поля и виноградники истощились, а их города, некогда процветавшие, обнищали и разрушены войной»⁴⁸. Страдания и бедствия французов были усугублены чумой, унесшей седьмую часть населения страны. С английской точки зрения причиной болезни было то, что враги выказывали неуважение к святыням и святым (которые могли бы заступиться за них перед Богом)⁴⁹. Разумеется, епископ Винчестерский (или анонимный автор хроники) не сомневается в том, что англичане в конце концов с помощью Бога одержат победу над французами и те, сломленные английской мощью, будут вынуждены признать короля Англии своим господином. Однако, будучи человеком праведным, епископ тревожится о том, что, прежде чем это произойдет, будет пролито немало христианской крови (в основном французской, поскольку виновная сторона несет несравнимо большие потери). Поэтому он надеется, что «французы задумаются о знаменьях, посылаемых Богом, которые указывают на его решение, и поспешат заключить соглашение с англичанами», иначе «в конце концов... он неминуемо отмстит восставшим против него (*deus... se impropiciabiliter vindicet in rebelles*)»⁵⁰. К этим восставшим против самого Бога автор «Десяний Генриха V» относит французский народ.

По мнению английских хронистов, Господь, как самый справедливый судья, карает не только тех, кто непосредственно совершил преступление, «восстав» против божественной власти, но и их пособников, осмелившихся так или иначе помогать преступникам. Так, в сентябре 1417 г. английские купцы поймали прибитое штормом груженное разными товарами генуэзское судно. Автор «Десяний Генриха V» уверен, что оно было занесено к берегам Англии «свирепым ветром по воле Бога, который, возможно, был сердит на генуэзцев за то, что те оказывали поддержку французам в морском сражении»⁵¹. Напротив, королю Португалии, союзнику английского короля, имевшему в своей армии много англичан, Господь послал в 1385 г. в битве при Альжубарроте победу над кастильцами, старыми врагами англичан⁵². Таким образом, любой союзнический договор, заключенный правителями третьих государств с одним из противников, оказывал влияние на судьбы их собственных подданных. Из простых противников англичан союзники французов и шотландцев превращаются в грешников. Хронистов не интересует, имели ли пострадавшие генуэзские купцы хоть какое-то отношение к военным действиям против Англии. С их точки зрения, справедливость

⁴⁸ *John of Bridlington*. P. 178.

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Gesta Henrici Quinti...* P. 126.

⁵¹ *Ibid.* P. 162.

⁵² *The Westminster Chronicle*. P. 132.

наказания вытекает только из этнической или политической принадлежности. Также в случае с победой, одержанной королем Португалии, хронист не задумывается над тем, ведет ли Фердинанд I справедливую войну против Кастилии: для его победы оказывается достаточно союза с англичанами и их присутствия в его войске.

Господь как покровитель Английского государства

Согласно текстам английских хроник, Бог не только помогал англичанам вести военные действия, он еще и оберегал саму Англию и ее мирное население от разорения и прочих бедствий, которые стремились причинить ей враги в то время, когда ее защитники находились далеко. При этом рассказы о «счастливых избавлениях» от грозящей опасности однотипны у всех хронистов: сначала идет подробное описание приготовлений врага (обычно собирается большое войско, способное либо покорить всю Англию, либо нанести ей огромный урон), иногда для усиления эффекта авторы рассказывают о слухах, распространяющихся среди англичан, и страхе перед врагом; завершается история вмешательством Бога, разрушающего планы противника. Выше уже приводился рассказ о том, как Бог при помощи встречного ветра помешал Карлу VI завоевать Англию. Аналогичные планы Филиппа Валуа, «который ожидал получить прозвище “Завоеватель”»⁵³, были сорваны Всевышним незадолго перед битвой при Креси еще более интересным способом: он внушил французам такой ужас перед англичанами, успешно действовавшими на территории Французского королевства, что те испугались отплыть в Англию⁵⁴.

Когда же французам все же удавалось оказаться близ берегов Англии, Бог делал так, чтобы тот вред, который враги причиняют англичанам, был минимальным. Так, под 1416 г. в «Деяниях Генриха V» после рассказа о том, как французские корабли были отправлены к Саутгемптону «для разорения и уничтожения английского флота» (именно в этом порту в то время базировались самые крупные, большей частью королевские, корабли, переправлявшие английскую армию на континент), сделана следующая вставка: «Но Бог – создатель и сторонник мира, ненавидящий непорядок и обман, ограничил (хвала Ему) их злой замысел лишь несколькими английскими кораблями. Затем они [французы. – *Е. К.*] пытались с грабежом и огнем высадиться на сушу в разных местах на побережье, но, по воле Бога, они всегда были отражены, неся большие потери, чем причиняли, за исключением лишь их первой атаки, во время которой они сожгли очень

⁵³ *Knighton (1)*. P. 58.

⁵⁴ *Ibid.*

маленький остров Портленд, с которого почти все жители предварительно были эвакуированы»⁵⁵. То же самое случилось чуть позже с флотом, находившимся у острова Уайт: англичане были спасены Богом от пиратского нападения французов⁵⁶.

Но Господь, согласно английским хронистам, хранит не только простых англичан, в первую очередь он заботится о непосредственных инициаторах войны — тех, кому он повелел наследовать корону Франции. Получается своего рода замкнутый круг: Бог защищает английских королей, которые оберегают божественный закон, то есть ведут войну во имя Бога. В 1344 г. Филипп Валуа, «неспособный разбить короля Эдуарда Английского силой оружия, задумал уничтожить его коварным предательством». Для этого он вошел в сговор с кузеном Эдуарда III, королем Наварры. Последний, «зная любовь короля Эдуарда к миру», предложил ему встретиться для переговоров на полуострове Котантен в Нормандии; Филипп Валуа тем временем расположился на соседнем острове, чтобы либо захватить в плен, либо убить короля Англии. «Король Англии, однако, не подозревая ни зла, ни обмана со стороны родственника, подготовил по его совету свои корабли без оружия и лошадей». Эдуард III взшел на корабль при «благоприятном ветре и поспешил в Нормандию». Однако сам Иисус, который «управляет всеми ветрами и морями, и они подчиняются ему, не желая, чтобы погиб несвинный, верящий в него, приказал ветру стать настолько враждебным, что в течение трех месяцев король со своими войсками носился по бурным морским волнам то возле одного, то возле другого острова, но всегда уносимый ветром прочь. В конце концов король, понимая, что такие вещи не происходят без воли Бога, принес клятву, говоря: “Говорят, что по закону наследования королевство Франция принадлежит мне. Как только Бог дарует мне свободный выход, я не буду противиться тому, чтобы овладеть им [королевством. — *Е. К.*]... как истец и завоеватель своего права”. После этого Бог даровал ему ветер, согласно его клятве, и за короткое время он успешно прибыл с войсками в Кале»⁵⁷. Едва ли хронисты могли рассчитывать на то, что даже очень набожные англичане поверят в сказку о том, как король Эдуард со своей армией три месяца носился по бурным морям (учитывая, что в хорошую погоду берега Франции видны из Англии), но даже самые большие скептики в Англии вряд ли сомневались в том, что Господь хранил их короля от вражеского коварства.

Если Эдуард III был спасен Богом от козней Филиппа Валуа, вражда с которым длилась уже много лет и была всем хорошо известна, то Генриха V Господу пришлось оградить уже от коварного предательства

⁵⁵ *Gesta Henrici Quinti...* P. 134–136.

⁵⁶ *Ibid.* P. 142–144.

⁵⁷ *Kirkstall Abbey Long Chronicle.* P. 95–96.

английских лордов, «весьма близких к королю и пользующихся его доверием». В 1414 г., во время подготовки короля Генриха к первой французской кампании, несколько английских лордов, среди которых были Ричард Кембриджский, его брат Генрих, лорд Скроуп и Томас Грей, организовали заговор, желая «не только помешать подготовленной экспедиции, но также... убить короля». Но они, по мнению хрониста, не знали о том, что, как только король объявил о намерении организовать военную кампанию с целью отвоевания своего наследства, «которое против Бога и всей справедливости удерживалось силой французов», Господь стал оказывать ему, исполнителю его воли, покровительство. «Он, который... знает, насколько тщетны человеческие замыслы, вскоре спас справедливость от безбожия и разоблачил достойную Иуды гнусность и предательство этих злых людей»⁵⁸. По версии Псевдо-Элхэма, действиями лордов-предателей руководил сам дьявол, а поэтому для спасения короля потребовалось вмешательство Бога⁵⁹. Точно так же Христос защитил англичан при Невиллс-Кроссе, когда на них двинулась шотландская армия, «предводительствуемая дьяволом»⁶⁰. Поддержка Сатаной противников англичан неудивительна для английских хронистов: ведь англичане сражаются за справедливость и установленный Богом закон и порядок, в то время как их враги противятся «божественным приговорам».

Бог оберегает не только тело короля, но и его разум, вселяя в него мудрые мысли и праведные решения. Так, в 1354 г. во время знаменитых переговоров в папской курии между послами с обеих сторон почти уже было достигнуто соглашение⁶¹, по которому в обмен на отказ от прав на королевство Францию король Эдуард должен был получить назад все земли и владения в герцогстве Аквитания, «узурпированные королями Франции». «Но по божественному замыслу и ради лучшего будущего, равно и для чести короля Англии» Эдуард III в конце концов отказался от этого договора и продолжил войну⁶². А Господь еще долго оберегал главу английского посольства – герцога Ланкастерского – от многочисленных французских ловушек и засад, когда тот возвращался через Францию из Лавиньона в Лондон.

⁵⁸ *Gesta Henrici Quinti*... P. 18–20. Об этом заговоре пишут все хронисты, но лишь автор «Деяний Генриха V» и продолжатель хроники «Брут» полагают, что он был раскрыт благодаря вмешательству Бога (*The Brut*. Vol. II. P. 351).

⁵⁹ *Pseudo-Elmham*. P. 36.

⁶⁰ *John of Bridlington*. P. 148.

⁶¹ Только Джон из Рединга утверждает, что соглашение было достигнуто, – все остальные хронисты пишут лишь о предложениях французской стороны, которые были отвергнуты королем Англии еще в ходе переговоров (*Reading*. P. 118).

⁶² *Ibid*. Также см.: *The Brut*. Vol. II. P. 304.

«Бридлингтонское пророчество» – предсказание будущего или критика настоящего?

Убежденность англичан в законности прав их государя и в справедливости войны за французскую корону предполагала твердую веру в благоприятный для английской стороны конец войны. В определенном смысле эту уверенность можно усмотреть в статутах 1340 и 1420 гг., изданных в ответ на парламентские петиции о предоставлении подданным английской короны гарантии их полной независимости от власти короля Франции. Уже первый из этих статутов свидетельствует о том, что даже в самом начале войны многие англичане были убеждены в грядущей победе над Францией. Одним из самых любопытных пропагандистских текстов, предсказывающих конечный успех англичан в борьбе за французскую корону, является так называемое «Бридлингтонское пророчество».

По своей структуре «Бридлингтонское пророчество» представляет написанную гекзаметром поэму средней длины (около 600 строк), разбитую на двадцать девять небольших глав. В полном соответствии с традицией жанра⁶³, автор стихов стремился вложить максимум информации в минимальное количество слов, использовать сложные аллегории, символы и ребусы, что чрезвычайно затрудняет интерпретацию этого текста. И все же, несмотря на то что все имена, географические названия и даты были зашифрованы, без особого труда можно было догадаться, что большая часть «пророчества» из Бридлингтона посвящена правлению Эдуарда III: текст начинается с предсказания низложения его отца (Эдуарда II), а заканчивается указанием на полную победу его сына (Эдуарда Черного принца) над Французским королевством. Дата составления и имя автора пророчества

⁶³ Массовое увлечение англичан политическими пророчествами началось в середине XII в. и продлилось по меньшей мере до конца XVII в. На протяжении всего этого периода самым популярным пророческим текстом оставалось предсказание Мерлина, вставленное Гальфридом Монмутским в «Историю бриттов». Вслед за Гальфридом ученые мужи Британских островов один за другим начали «разыскивать» и интерпретировать пророческие тексты, в первую очередь все того же Мерлина. В XIII–XIV вв. появляются новые откровения, приписываемые самым разнообразным авторитетам: Гильде, Беле Достопочтенному, Томасу Бекегу, Эдуарду Исповеднику и т.д. Подобно Гальфриду, авторы этих пророчеств пытались «скрыть» имена своих персонажей, выводя их под видом животных и птиц. В отличие от библейских пророчеств, в которых животные олицетворяют целые народы и государства или сложные аллегории (Спасителя, Антихриста), в гальфридианской традиции, характерной прежде всего для британских откровений, животные и птицы представляли конкретных людей. Как правило, общий смысл всех политических пророчеств достаточно прозрачен, однако детали (в том числе такие важные, как имя государя) могут быть интерпретированы по-разному. Пророчества, с комментариями и без них, активно использовались хронистами. Делалось это не для того, чтобы приоткрыть перед читателями завесу грядущего, а скорее для «правильной» оценки прошлого и настоящего (Гальфрид. 109–117; Taylor R. The Political Prophecy in England. N.Y., 1911. P. 7–37).

неизвестны. И хотя аноним, как и полагается предсказательно, использовал исключительно будущее время, большинство исследователей склоняются к тому, что он писал около 1362–1363 гг. Следовательно, большая часть текста являлась ретроспективой уже свершившихся событий, и только четвертая часть текста действительно предсказывала будущее, изображая его таким, каким хотелось бы его видеть самому «пророку» или его покровителям.

В первой главе, состоящей всего лишь из двенадцати строчек и являющейся, по сути дела, прологом к остальному тексту, анонимный автор смог не только рассказать о том, как он получил откровение, но также обозначить форму и главную тему всего сочинения. Поэт сообщает о том, как во время болезни, когда он, измученный лихорадкой, спал в своей постели, его посетил Святой Дух, повелевший ему взяться за перо и записать в стихах откровение о грядущих событиях. Стихи содержат явные аллюзии на Откровение св. Иоанна Богослова [5,1]:

Вечный писец научил меня писать пером;

И мне приказал прожевать и проглотить книгу.

Полностью исписанную изнутри ароматно и приятно.

Он приказал о новых войнах мне сложить стихи,

Пребывая средь звезд, он по своей воле ниспосылает

*сладостные песни*⁶⁴.

В заключении к «пророчеству» автор снова подчеркивает, что все написанное им является не выдумкой, но откровением Святого Духа, полученным в форме вещего сна⁶⁵. Ни в прологе, ни во всем остальном тексте автор ни разу не называет своего имени. В четырех списках, датированных XIV в.⁶⁶, а также в четырнадцати более поздних копиях⁶⁷ не содержится никакой дополнительной информации об авторе. Однако уже сам жанр пророчества должен был исключать анонимность: трудно поверить в откровение, данное неизвестно кому. Имя человека, которому Господь

⁶⁴ *Scribere cum pennies docuit me scriba perennis;*

Me masticare jussit librumque vorare.

Intus erat plene scriptus, redolens, et amoene.

Jussit de bellis me metrificare novellis

Qui sedet in stellis, dat cui vult carmina mellis

(John of Bridlington. P. 128).

⁶⁵ *Ibid.* P. 211.

⁶⁶ British Museum MS Cotton Domitian A IX; Bodleian MSS Digby 89, Bodley 851, Ashmolean 1804 (около 1400 г.). В двух первых манускриптах есть приписка о том, что откровение было дано «регулярному канонику».

⁶⁷ Cambridge University MSS Additional 3392, Kk.1.5 (D) no 4; Trinity College, Dublin MSS B.1.37, B.2.7; British Museum MSS Lansdowne 122, Additional 40,015, Royal 8C XVII, Cotton Titus D XII. Additional 24,842; Corpus Christi College, Cambridge MS 267; Westminster MS CA 27; Bibliothèque Nationale. Paris MS Fonds Latin 15082; Bodleian MSS Rawlinson D 225, D 366. Подробный анализ рукописей приведен в: *Curley M. J. The Cloak of Anonymity and the Prophecy of John of Bridlington // Modern Philology. Vol. LXXVII (1980). P. 361–363.*

открывает знание будущего, являлось важнейшей составляющей подобного текста. Это имя (если оно достаточно авторитетно) должно было работать на подтверждение достоверности предсказания. Разумеется, довольно часто «авторы», которым средневековая традиция приписывала те или иные пророческие тексты, не имели никакого отношения к их сочинению. Важно другое: большинство текстов, которые современная историческая наука считает анонимными, с точки зрения средневековых людей, были написаны известными авторами. Но, возможно, в рассматриваемом случае имя настоящего автора «пряталось» в самом тексте «пророчества», и читателю нужно было просто разгадать этот шифр?

В большинстве рукописей, самые ранние из которых датируются рубежом XIV–XV вв., а также хрониках и документах этого периода можно найти указание на то, что откровение было дано регулярному канонику из Бридлингтона (Йоркшир)⁶⁸. С середины XV в. начали появляться рукописи, в которых в качестве автора назывался четвертый приор Бридлингтона Роберт по прозвищу Писец (Scriba), живший в XII в. (ум. около 1160 г.)⁶⁹. Его имя было буквально «вычитано» из текста, в котором слишком часто употреблялись слова «писец» и «писать», а также различные производные от них. Вскоре после вступления Генриха VII Тюдора на английский престол (1485 г.) ему был преподнесен манускрипт, содержащий «Бридлингтонское пророчество». Текст заканчивался следующими строками:

Сложенные строки записал писец Роберт,

Который был четвертым приором, в земле погребенный

⁶⁸ Манускрипт Тринити-Колледжа в Дублине (MS 172) абсолютно точно датируется XIV в. В конце рукописи из библиотеки Университета Чикаго (MS 697) проставлена дата – 1377 г., но специалисты склонны датировать ее второй половиной XV в. (*Curley M. J. The Cloak of Anonymity...* P. 361). XV в. датируются следующие списки «пророчества»: Cambridge University MSS Kk.6.16, Corpus Christi 329; Edinburgh University MS 181; British Museum MSS Harley 3908, Arundel 66, Cotton Cleopatra C IV; Society of Antiquaries of London MS 47; Bodleian MSS Digby 186, Bodley, 487, 623, 648, Hatton 56; Oxford, Ashmolean Rolls 26; The National Library of Wales MS Llanstephan 196; Gonville-Caius College, Cambridge MS 249; Trinity College, Dublin MS 516; Tours MS 520 (*Curley M. J. The Cloak of Anonymity...* P. 362–363; *Idem. Fifteenth-Century Glosses on the Prophecy of John of Bridlington: a Text, its Meaning and its Purpose // Medieval Studies. Vol. XLVI (1984). P. 321–323; Meyvaert P. John Ergome and the Vaticium Roberti Bridlington // Speculum. Vol. XLI (1966). P. 659–661; Powicke F. M. The Medieval Books of Merton College. Oxford, 1931. P. 92. Kirkstall Abbey Long Chronicle. Анонимный автор так называемой «Длинной хроники из Керкстолла» в целом увлекался цитированием разнообразных исторических пророчеств, при этом пространные ссылки на текст из Бридлингтона отодвинули на второй план все остальные предсказания, в том числе знаменитые «Пророчества Мерлина». См. также: *Powicke F. M. The Medieval Books of Merton College...* P. 92; *Adam of Usk. P. 16, 50–52, 82.**

⁶⁹ Bodleian MSS Digby 186 (XV c.), Bodley 623 (XV c.), Bodley Arch. Selden B. 8 (XVI c.); Oxford, Ashmolean Rolls 26 (XV c.); British Museum MSS Harley 3908 (XV c.), Additional 24, 848 (XVI c.) (*Meyvaert P. John Ergome and the Vaticium Roberti Bridlington...* P. 659–660, no. 18–22).

За засовом Бридлингтона, лежащий там, где он правил.

Он не замолчал, хотя и ушел к отцам.

Пресветлый учитель. Он вывел строки,

Которые сделал ясными. И будет спасен во Христе⁷⁰.

Эти строки, хоть и перекликающиеся с прологом, но добавленные к «пророчеству» в середине XV в., свидетельствуют о том, что человеку знающему не составляло особого труда отыскать подходящее имя для создателя «Бридлингтонского пророчества». Вполне возможно, что автор намеренно оставил в тексте намеки на Роберта Писца, известного своими учеными трудами, среди которых были комментарии на Апокалипсис и пророчества Ветхого Завета.

Впрочем, с середины все того же XV в. сочинителем «пророчества» все чаще и чаще назывался другой приор Бридлингтонской обители – Джон Твинг (ум. 1379 г.)⁷¹. Правда, подобное авторство угрожало достоверности «пророчества» и делало неуместным для большей части текста употребление будущего времени. Однако Джон Твинг был единственным канонизированным монахом этой обители, следовательно, кому же, кроме него, могло быть даровано откровение Святого Духа. Именно в святости приора следует искать причину возникновения версии о том, что он являлся автором «Бридлингтонского пророчества». Приписываемое Джону Твингу авторство знаменитого откровения заняло достойное место среди легенд об этом святом. Поэтому неудивительно, что уже в первой половине XV в. появились списки пророчества, в которых его автором назывался Джон Бридлингтонский. Более того, в XV–XVI вв. некоторые владельцы старых анонимных списков сочли необходимым вставить в них пометки о том, что автором пророчества был не кто иной, как Джон Твинг⁷². Начиная с середины XV в. в Англии стали появляться первые изображения св. Джо-

⁷⁰ Expliciunt versus, quos scripsit scriba Robertus
Quique prior quartus fuit; est sub humo modo mersus
Infra claustra iacens de Bridlington ubi rexit
Non est ipse tacens quamvis cum patribus exit;
Dictor clarus erat. Scriptis indulcerat iste
Quas planas fecerat. Nunc esto salus sua Christe.

Эта концовка содержится не только в рукописи, подаренной Генриху VII (British Museum MS Arundel 66), но и в другом манускрипте, датированном серединой XV в. (British Museum MS Cotton Vespasian E.VII) (*Thorndike L. Unde Versus // Traditio. Vol. XI* (1955). P. 165, no. 9; *Meyvaert P. John Ergome and the Vaticium Roberti Bridlington...* P. 660 (n. 22)).

⁷¹ British Museum MS Cotton Cleopatra C IV (XV c.); Bodleian MS Bodley 487 (XV c.); University of Chicago MS 697 (XV c.); Oxford, Ashmolean MS 337 (около 1600 г.); Cambridge, Corpus Christi Coll. 267 (XV c.) (*Meyvaert P. John Ergome and the Vaticium Roberti Bridlington...* P. 662–663).

⁷² British Museum MSS Royal 8C XVII, Cotton Titus D XII; Bodleian MS Bodley 851.

на Бридлингтонского, на которых святой муж держал в руках книгу как нарек на составленный им текст пророчества.

Следует также отметить, что большинство самых ранних списков «пророчества» дошло до нас вместе с пространным прозаическим комментарием к нему. Судя по всему, этот комментарий был составлен вскоре после самого «пророчества», а именно между ноябрем 1362 г. (в тексте есть упоминания о возвращении домой знатных французских пленников после уплаты за них выкупа) и апрелем 1364 г., когда умер король Франции Иоанн II (о смерти которого ничего не сказано). Подобно автору «пророчества», комментатор попытался скрыть собственное имя, опасаясь навлечь на себя гнев королевских фаворитов или самого Эдуарда III. Однако, по всей видимости, он все же гордился проделанной работой и надеялся, что она не останется без награды. Посвящая свой труд молодому Хэмфри де Бозну, графу Нортгемптонскому, Херефордскому и Эссекскому, комментатор советовал ему, если тот захочет узнать его «тайное имя», прибавить к знаку следствия (*nota consequentiae* – «ergo») «голову от сожаления» (*caput miseracionis* – «m») ⁷³. Этот простой ребус складывается в имя Джона Эргома. Поразительное проникновение комментатора в сложный авторский план и мастерская дешифровка сложнейшего текста «пророчества» навели исследователей на мысль о том, что Эргом комментировал свое собственное сочинение. К тому же чем ближе к концу комментария, тем чаще Эргом сбивается с третьего лица на первое, идентифицируя себя с поэтом. Известный глубокими познаниями в теологии и, кроме того, являвшийся регулярным каноником-августинцем из Йорка, Эргом мог довольно свободно посещать принадлежащий к тому же братству и расположенный неподалеку Бридлингтонский монастырь. Во время одного из таких визитов он вполне мог познакомить работавших в скриптории монахов с «найденным» им «пророчеством».

В любом случае, независимо от авторства комментарий был составлен Эргомом для разъяснения покровителю подлинного смысла туманного «пророчества». В предисловии Эргом подробно объясняет общие приемы дешифровки (всего комментатор выделил десять типов шифра) и раскрытия истинного значения каждой отдельной фразы. Чаще всего автор, стремясь утаить от непосвященных сокровенное знание о будущем, прибегал к методу, именуемому *extranea nominatio*, скрывая имена героев за названиями животных или птиц (Бык, Петух, Рак). Использование второго метода было более разнообразным, поскольку в данном случае автор прибегал к указанию на определенный характерный признак действующего лица

⁷³ *John of Bridlington*. P. 124. Текст заканчивался обращением к Хэмфри де Бозну с просьбой не показывать эту книгу многим и скрывать имя ее автора.

(accidentia). Это могли быть прозвища, полученные при ассоциировании человека с каким-либо случаем из его жизни, чертой поведения, именем или гербом. Например, один из фаворитов Эдуарда III из-за своего дефекта речи получил прозвище Шепелявый (blesum), другой придворный был назван Кастратом (genitalia laesus) из-за раны, полученной в область гениталий⁷⁴. К этому же методу Эргом относил и ассоциации, возникавшие из-за сходного звучания слов. Порой, не зная шифра к этим ассоциациям, и вовсе невозможно понять смысл некоторых строк. Например, предсказывая сражение при Невиллс-Кроссе (1346 г.), автор писал:

*Полагаю, и клир, верный своему прозвищу «пронзающий»,
Будут пронзать внутренности воинственных шотландцев»⁷⁵.*

Эти строки получают смысл, только если, как и предписывал комментатор, заменить лишённые буквального значения слова «suspigor» и «penetrans» на имена Уильяма де Ла Зуша, архиепископа Йоркского (suspigor), и сэра Генри Перси (penetrans). При этом Эргом разъясняет, что «penetrans» является латинским переводом английского глагола pierce (пронзать, проникать), но не вдаётся в подробности относительно происхождения прозвища Уильяма де Ла Зуша. В результате вышеприведенные строки получают следующее прочтение:

*Зуш и клир, Перси, верный своему прозвищу,
Будут пронзать внутренности воинственных шотландцев.*

Нередко имя человека скрывалось за геральдической символикой. Так, объясняя читателям ту часть предсказания, где упоминались англичане, которым суждено принять участие в сражении против шотландцев в мае 1373 г., Эргом указывал, что под «многочисленными золотыми львами» подразумевается не кто иной, как граф Херефордский, поскольку «ни у кого из рыцарей Англии нет на щите такого множества золотых львов, кроме как у него, у которого их шесть»⁷⁶. В соответствии с этим «геральдическим» методом король Шотландии, именуемый, как правило, Раком, иногда назывался Львом («в середине герба скроется лев»)⁷⁷. Третий выделенный Эргомом метод окончательно должен был лишить читателя надежды самостоятельно разобраться с королями Шотландии. Помимо того, что соперник Дэвида Брюса в борьбе за шотландскую корону Эдуард Бэллиол также именовался королем, в «пророчестве» иногда встречаются двусмыс-

⁷⁴ Ibid. P. 126, 183.

⁷⁵ Suspigor et clerus, penetrans cognomine verus,
Viscera Scotorum penetrabunt belligerorum
(*John of Bridlington*. P. 126, 156).

⁷⁶ Ibid. P. 126, 197.

⁷⁷ Ibid. P. 126, 141.

ленные обозначения (*aperta aequivocatio*). Например, слово «*cancer*», кроме Дэвида II, могло обозначать зодиакального Рака.

Четвертый прием заключался в использовании метафор: так, в предсказании о морском сражении при Слейсе (1340 г.) корабли именовались лошадьми, а такелаж — сбруей. Пятый способ касался шифровки числительных. Например, во фразе «*Milvi caedentur, cuculi silvis capientur*» («Коршуны будут убиты, кукушки в лесах переловлены») речь шла вовсе не о птицах, а о численности павших и пленных воинов: *Milvi* — *MLVII*; *Cuculi* — *CCLXI*. При этом, чтобы получить из слова «*milvi*» число *mlvii*, нужно было перенести первую букву «*i*» в конец, точно так же для получения числа *ccxlxi* из слова «*cuculi*» необходимо было сложить две пятерки (буквы *u/v*) и перенести полученную десятку на предпоследнее место⁷⁸. Шестой метод можно назвать макароническим переводом, когда английские или французские слова разбивались на составные части, каждая из которых переводилась на латинский язык (например, *Herethford* — *terra Vada*; *Mortimer* — *mare mortis*; *Windsor* — *ventis (winds) aurum (or)*; *Lancaster* — *longum castrum*; *Mountjoye* — *mons gavisus*). Седьмой — ребусы, подобные тому, при помощи которого Эргом зашифровал собственное имя. Одна из загадок гласила: «Если кто-нибудь отрубит голову быку, оттуда появится золото» («*Si quis taurum caput amutat, inde fit aurum*»). Чтобы правильно ее решить, «отсечь голову» необходимо было не быку, а слову «(Т)aurus»⁷⁹. Восьмой способ заключался в правильном объединении двух слов: во фразе «*Falsus non stabit, Phi et lippus fugitabit*» необходимо было соединить звук «фи» с прилагательным «гнойный», чтобы получить имя Филиппа Валуа («Лжец не устоит, Филипп побежит») ⁸⁰.

Девятый метод в целом напоминал третий и сводился к *ambigua locutione*, позволяя по-разному трактовать одно и то же слово (например, «*pater in terra*» могло обозначать и папу, и короля). Наконец, десятый метод — слоговые сокращения: например, *Ca* — *Caan*, *Pa* — *papa*, *Phi* — *Philippus*. Таким образом, хотя в целом большинство использованных Эргом приемов принадлежало к числу вполне тривиальных, их разнообразие и сочетание в одном тексте должно было, по всей вероятности, как продемонстрировать эрудицию и ученость автора, так и обезопасить его от обвинений в политической нелояльности.

Главный герой «пророчества» — Эдуард Виндзорский, то есть Эдуард III, был выведен в тексте под именем Быка (*Taurus*). О том, что под Быком автор подразумевал именно родившегося в ноябре 1312 г. Эдуарда Виндзорского,

⁷⁸ *John of Bridlington*. P. 126.

⁷⁹ *Ibid.* P. 127.

⁸⁰ *Ibid.* P. 127, 166.

можно догадаться и без комментария Эргома, поскольку в стихах есть намек на время и место рождения будущего короля:

*Когда Солнце войдет в созвездие Стрельца и вернется холод Борья,
Увенчанная золотом родит от Козла Быка,
От золота в Виндзоре получится золото*⁸¹.

Возникновение ассоциации с быком в стихотворном «пророчестве» комментатор объяснял двояко. Во-первых, он ссылался на VII книгу Плиния Старшего, писавшего о том, что подобно тому, как огромная сила сосредоточена у быка в его мощной шее и рогах, сила короля Англии состоит в английских лордах и народе. Во-вторых, Эргом опирался на Аристотеля, считавшего, что бык всегда выбирает для себя тучное пастбище, куда и ведет свое стадо. Подобно быку, Эдуард III повел английских подданных в богатую Францию, на свое законное пастбище. Но, подобно быку, бросающему пастбище ради случки с коровами, король склонен забывать о французском наследстве ради женской любви⁸². Следует отметить, что комментарий Эргома вполне соответствовал откровенному тексту «пророчества»:

*Так говорю прямо, позор вульве Дианы,
Услаждающей Быка по утрам пустыми словами*⁸³.

Для анализа «Бридлингтонского пророчества» следует прежде всего ответить на главный вопрос – для чего был написан этот текст? Какие цели ставил перед собой автор, желавший утаить от читателей свое имя? Собственно, какая из частей «пророчества» является главной – толкование прошлого или предсказание грядущего? Написано ли оно для того, чтобы читатели, одолев основную часть книги (с предсказаниями прошлого), поверили бы и в ту ее значительно меньшую часть, где речь все-таки шла о будущем? Чтобы эта вторая часть книги воспринималась как правдивая? Или же главной задачей автора была легитимация войны, которую Эдуард III вел во Франции? Может быть, «вдохновенное Святым Духом пророчество» должно было стать очередным неопровержимым доказательством правоты англичан в конфликте с французами?

Как заявлено в прологе, главной темой «Бридлингтонского пророчества» являются «новые войны», которые английская корона будет вести в правление Эдуарда III. Этому королю суждено унаследовать корону

⁸¹ Sole sagittante, frigidus Boreae remeante,
Ex hirco taurum gignet redimita per aurum,
Ex auris aurum ventis componitur aurum
(*John of Bridlington*. P. 131).

⁸² Ibid. P. 137.

⁸³ Hoc dico plane, vulvam non laudo Dianae,
Quae taurum mane mulcet verbum per inane
(*John of Bridlington*. P. 182).

Английского королевства еще до смерти его отца, а от матери он получит права на французский престол⁸⁴. Рассказ о правлении Эдуарда начинается с общей характеристики грядущего царствования. Поэт предрекал, что в юности король будет крепок душой и телом, мудр, рассудителен, целомудрен, справедлив, смиренен, активно будет творить добро, доблестно сражаться с врагами. Он станет надежным защитником для своих подданных, грозой врагов, победителем королей. В этой части «пророчества» содержалось популярное в то время лестное для Эдуарда III сравнение его с легендарным предком – королем Артуром, покорившим многие народы: так же, как Артур, Эдуард вззошел на престол в возрасте пятнадцати лет⁸⁵.

Предсказывая большую войну между Англией и Францией, автор «Бридлингтонского пророчества», как уже отмечалось выше, объяснял ее причины в полном соответствии с официальной версией английского двора. Однако «Бридлингтонское пророчество» совершенно не похоже на другие английские сочинения, пропагандировавшие войну во Франции, не только по своей форме, но и по содержанию. Как мне представляется, своеобразие этого текста заключается в том, что в отличие от свойственного другим англичанам гипертрофированно позитивного восприятия «своих» анонимный псевдопророк, помимо грехов и пороков противников, весьма подробно разбирал прегрешения самих англичан и их короля, мешавшие одержать им окончательную победу и завоевать французское наследство. Подобное видение проблемы было характерно скорее для французских политических трактатов, авторы которых воспринимали войну как божественную кару за прегрешения французских государей и всего народа. Именно французы, а не англичане склонны были искать причины своих злоключений не столько в лагере противников, сколько в стане «соплеменников», сосредоточив внимание главным образом на их нравственном облике, на вопросе о соответствии представителей сословий Французского королевства их социальным функциям⁸⁶.

По мнению «предсказателя» из Бридлингтона, главным пороком Эдуарда III было влечение к женщинам, оказывавшим на него дурное влияние. Из-за своей страсти король порой совершенно отстранялся от короле-

⁸⁴ *John of Bridlington*. P. 131.

⁸⁵ *Ibid.* P. 137.

⁸⁶ *Beaune C. Naissance de la nation France...; Pons N. La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // Journal des savants. 1984. P. 191–214; Eadem. Propagande et sentiment national pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 1980. T. VIII. P. 127–145; Малинин Ю. П. Патриотические идеи Алена Шартье и итальянская гуманистическая мысль // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 215–230; Он же. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв. СПб., 2000; Боброва А. Г. Социально-политические идеи в антианглийской пропагандистской литературе первой половины XV в.: Диссертация на правах рукописи. М., 2003 (на правах рукописи). С. 177–226.*

вы. Как предрекал автор, такая порочная любовь впервые охватит Эдуарда во время осады Кале в 1346–1347 гг. Беременная королева Филиппа вместе с придворными дамами прибудет под стены города, чтобы поддержать венценосного супруга и вдохновить личным примером недовольных затянувшейся осадой английских солдат. И хотя английские войска были вынуждены мириться со всеми тяготами зимней осады, усугубленными эпидемией дизентерии, им все же было далеко до бедствий, свалившихся на жителей Кале. Время от времени король Эдуард даже развлекал своих приближенных турнирами и балами. Согласно легенде, во время одного из таких балов графиня Солсбери и обронила подвязку, подняв которую влюбленный король произнес слова, ставшие год спустя девизом рыцарского ордена. В своем «пророчестве» поэт предсказывал появление некоей дамы, которую он именовал Дианой: любовь к ней подчинит волю короля желаниям этой дамы и отвратит его от ратных дел:

*Любовь изнурит и подавит Быка,
Пока он будет выполнять лукавые желания неистовой Дианы.
Избежать вероломства злой женщины – благородная цель;
Далила обманула Самсона, любовь обманула Соломона,
И многих глупцов страсть обманула⁸⁷.*

Эргом высказывал два предположения о том, кто скрывается под именем Дианы: ею могла оказаться и сама королева, но все же, скорее всего, какая-то другая женщина⁸⁸. Причина, по которой Эргом не называл конкретных имен, может легко объясняться тем, что обе дамы (Филиппа Геннегау и жена Черного принца, Джоанна Кентская, носившая в первом браке титул графини Солсбери⁸⁹) были еще живы во время составления «пророчества». Независимо от того, какая дама скрывалась под именем Дианы, поэт предрекал, что страсть короля навлечет на него гнев Господний:

*Погрызший в блуде народ понесет кару;
На вратах написано: «Блудница – путь к гибели»⁹⁰.*

⁸⁷ Taurum vexabit amor, et taurum superabit,
Subdola vesanae dum complet vota Dianae.
Est opus insigne fraudem vitare malignae;
Dalida Sampsonem decepit, amor Salamonem,
Decipit et multos fallax dilectio stultos
(*John of Bridlington*. P. 159).

⁸⁸ Ibid. P. 160–161.

⁸⁹ Большинство исследователей полагают, что действительной обладательницей знаменитой подвязки была Екатерина Солсбери (жена 1-го графа Солсбери), первая свекровь Джоанны Кентской (жены 2-го графа Солсбери). Тот факт, что две придворные красавицы одновременно носили титул графини Солсбери (Джоанна была замужем за 2-м графом Солсбери до 1349 г.), привел к тому, что средневековые хронисты и исследователи более поздних эпох часто путали их. Впрочем, существует предположение, согласно которому у Эдуарда III была связь с обеими дамами.

⁹⁰ *John of Bridlington*. P. 159.

Для автора «пророчества» было характерно широко распространенное в период Средневековья представление о том, что личные грехи и пороки государей влияют на судьбу всего народа и государства. Наказание Эдуарда III, распространившееся заодно на его подданных, вполне сравнимо с карами, которые Господь постоянно посылал шотландскому королю Дэвиду Брюсу, также известному, по мнению предсказателя, своими прелюбодеяниями: оба короля потерпели поражения в войнах.

Согласно «пророчеству», жизнь Эдуарда III станет постоянной борьбой долга с соблазнами. Являясь очень набожным и богобоязненным, Эдуард всегда будет правильно понимать знамения, возвращаясь к праведной жизни после каждого поражения английских войск. Однако после серии блистательных побед король снова поддастся соблазну порока. По подсчетам Эргома, во второй раз любовь к женщине принесет зло Англии в начале 60-х гг.: вновь появится загадочная Диана, делающая короля безынициативным и изнеженным, отвращая его от организации новой заморской кампании. Вместо того чтобы вести войну за свои права, Эдуард позволит пленникам купить себе свободу⁹¹. Американская исследовательница Хелен Пекк предположила, что в этом случае под Дианой могла подразумеваться Алиса Перрерс. Несмотря на то что Алиса была принята ко двору королевы Филиппы только в 1366 г., а поистине всемогущей стала лишь после смерти королевы в 1369 г., она могла быть любовницей Эдуарда и в 1362 г. (в пользу этого предположения косвенно свидетельствует факт назначения королем пожизненной пенсии Алисе в 1363 г.)⁹².

Помимо Дианы, кем бы она ни была, найдутся и другие люди, о чьем пагубном влиянии на короля поэт спешил предупредить читателей. Много лживых и двуличных людей соберется вокруг короля, они будут навязывать ему свою волю, обманывая его медовыми речами. Имена этих могущественных придворных были скрыты за обидными прозвищами и характеристиками⁹³. Во главе этой клики предателей интересов королевства будет стоять Заика (*Traulus*), которого в итоге ждет плохой конец (*tandem periet male traulus*). Второй из упомянутых придворных также будет обладать дефектом речи – шепелявостью (*seduus et blaesus*). Третий своей косматой внешностью, а также исходящим от него зловонием и невоздержанностью будет напоминать козла, впрочем, его склонность к сладострастию будет ограничена мужским бессилием (*hircus genitalia laesus*). Если верить комментариям Эргома, импотенция этого придворного объяснялась травмой, полученной на войне или в результате несчастного случая. Четвертый будет модником, рядящимся в платья с бахромой

⁹¹ *John of Bridlington*. P. 183.

⁹² *Peck H. M. The Prophecy of John of Bridlington: Ph. D. diss. Chicago, 1930. P. 71.*

⁹³ *John of Bridlington*. P. 183.

(*ranniculos caesus*). Последние определения касались исключительно внешности – синеглазый (*glaucus*), рыжий (*fulvus*) и толстяк (*obesus*). Эргом добавлял, что по этим характеристикам нетрудно догадаться об именах, впрочем, он также замечал, что совсем не обязательно, чтобы каждое из определений относилось к одному из придворных, поскольку может быть, что два или три качества подходят одному человеку. Эти лживые друзья поссорят короля с другими лордами и станут причиной междоусобиц. Следуя их советам, король Эдуард будет нарушать права подданных, отягощая их произвольными поборами. Справедливый Божий суд не оставит себя ждать: в третьей экспедиции короля Эдуарда на континент падет цвет английского рыцарства. Эргом замечал, что это предсказание «похоже, сбылось»⁹⁴. Вскоре после этого похода в Англии начнется голод, особенно жестокий для бедняков. Более того, четыре стихии восстанут против короля, чтобы сбить с него спесь: земля будет сотрясаться от землетрясения; на море его будут преследовать страшные бури; воздух будет заражен чумой; огонь уничтожит английский флот⁹⁵.

Король не оставит без внимания все эти многочисленные знамения, в результате чего он покается в прегрешениях и изменит свою жизнь. К тому же обман придворных будет раскрыт благодаря измене их же сторонников⁹⁶. Эргом отмечал, что непонятно, чем, собственно, будут руководствоваться бывшие друзья негодяев – собственными интересами или же благородным желанием открыть королю глаза на правду⁹⁷. В результате Эдуард снова встанет на защиту законов королевства, накажет неправедных судей, настраивавших его против знати и народа, сместит плохих должностных лиц, заменив их достойными людьми. Все это поможет королю увеличить доходы казны, разворовывавшиеся раньше королевскими чиновниками⁹⁸. Король издаст новые законы, способствующие благополучию королевства, установит мир между аристократией и общинами. Дополнительные налоги взиматься не будут, и народ возликует и будет радоваться до конца правления Эдуарда. Исполненный благочестия, он будет делать щедрые пожертвования церквям и монастырям и не станет притеснять своих подданных. Автор, правда, намекал, что полностью искоренить злоупотребления судей, склонных нарушать закон за взятки (*injustas exactions*), королю так и не удастся. В 1362 г. король Эдуард, отмечая пятидесятилетний юбилей, объявит в честь этого события всеобщую амнистию, даже для воров и других преступников, а также подтвердит

⁹⁴ *John of Bridlington*. P. 190.

⁹⁵ *Ibid.*

⁹⁶ *Ibid.* P. 183.

⁹⁷ *Ibid.* P. 186.

⁹⁸ *Ibid.* P. 193.

Великую хартию вольностей. Благочестие короля и его добродетельная жизнь станут залогом благоденствия подданных: «Источник божественного благочестия даст все безвозмездно»⁹⁹. Позже король возобновит свои притязания на французский престол, но его новые прегрешения вновь помешают ему добиться поставленной цели.

Последние четыре главы «пророчества» посвящены правлению государя, именуемого автором Петухом. В своем комментарии Эргом решительно отбрасывает любые сомнения насчет того, что «Петух, который родится от тяжелого щита» является именно Черным принцем, поскольку «тяжелый щит» (*de bruti scuto*) в переводе на английский язык звучит как Woodestoke – замок, в котором родился старший сын Эдуарда III¹⁰⁰. Унаследовав английский престол от своего отца, Черный принц станет иксальным государем:

К Петуху от Быка имя и предзнаменование перейдут;

Имя изменится, но величие останется.

Петух будет великим, справедливым, кротким, как агнец;

*Как Бык храбрым и также обласкан судьбой*¹⁰¹.

В годы его правления Англия будет процветать, а ее военная мощь достигнет небывалого размаха. Новый король соберет армию на севере Фландрии для того, чтобы отвоевать права на французскую корону, доставшиеся ему от отца. При нем англичане наконец-то добьются успеха. Правда, произойдет это радостное событие не в первой же кампании, и виной тому снова будут человеческие грехи. На этот раз образцового правителя подведут подданные: благополучие последних лет правления Эдуарда III пагубно скажется на добродетелях англичан, погрязших в тщеславии и гордыне. За эти прегрешения Господь пошлет Английскому королевству новую эпидемию чумы, которая продлится два с половиной года и унесет половину населения. Как всегда, Господня кара помешает планам короля, но усмирит гордыню английских воинов. Не ограниченный временем Всевышний прежде всего позаботится об искоренении порока: избранники Божьи, английский король и его подданные, должны быть достойными получения божественного подарка¹⁰². Только в 1405 г. «Франция Петуху

⁹⁹ *John of Bridlington*. P. 192: «*Omnia dat gratis divinae fons pietatis*».

¹⁰⁰ *Ibid*. P. 204: «*De bruto scuto, I. De Wodestok, quia brutus, ta, tum, Anglice wod dicitur, et scuti, Anglice stok, ex antiquo, quia antiqui talibus loco scuti utebantur, quibus junctis faciunt Wodestoke, et sic habemus cognomen galli*».

¹⁰¹ *Ad gallum nomen tauri transibit et omen;*

Nomen mutatur, species sed continuatur.

Gallus erit magnus, justus, mansuetus et agnus;

Ut Taurus fortis, aequalis munere sortis

(*Ibid*. P. 203–204).

¹⁰² *Ibid*. P. 206, 208–209.

подчинится». Это и неудивительно, поскольку то, «что Господь сам захотел даровать, никто не в силах отменить»¹⁰³. «Пророчество» о Быке и Петухе явно напоминает популярные рыцарские романы о поисках Святого Грааля, где главными действующими персонажами также являлись отец и сын – Ланцелот и Галахад. Только целомудренному и чистому душой и телом Галахаду удалось обрести Святой Грааль (а заодно еще и стать королем), слабый же истинной верой и добродетелью Ланцелот не был допущен к священной чаше. Примечательно, что даже основные грехи славного рыцаря Ланцелота – гордыня и прелюбодеяние – были присущи и королю Эдуарду. Напротив, о принце Эдуарде современники отзывались как о чрезвычайно благочестивом и целомудренном человеке, хранившем верность своей жене-красавице Джоанне Кентской.

Вскоре после захвата французской столицы смерть унесет Петуха [в 1405 г. Черному принцу должно было бы исполниться семьдесят пять лет. – *Е. К.*] и «род Парижанки», то есть Изабеллы Французской Волчицы, пресечется¹⁰⁴. На этом поэт заканчивал свое «пророчество», объясняя читателям, что просто не в силах продолжать работу из-за лихорадки. Он также замечал, что приведенные выше стихи – последнее, что он успел написать перед смертью. Таким образом, в качестве лучшего аргумента правдивости своего предсказания автор приводил осознание скорой встречи с Создателем, которому придется давать честный ответ за все совершенное на земле¹⁰⁵.

Отвечая на поставленный в начале этого раздела вопрос о целях создания фальшивого «пророчества» о войнах короля Эдуарда III, можно заключить, что облеченный в оригинальную форму пропагандистский трактат предназначался исключительно для «внутрианглийского» пользования. Он должен был поддержать оппозиционеров, недовольных политикой двора, убедить их в правильности выбранной позиции. В рассматриваемый период в Англии, в отличие от Франции, жанр классического политического памфлета еще не получил широкого распространения. Напротив, политические пророчества пользовались особой популярностью во всех слоях общества. Долго живший при английском дворе Жан Фруассар отмечал, что англичане, в том числе члены королевской фамилии, чрезмерно интересовались всякими предсказаниями¹⁰⁶. Таким образом, замаскировав под старинное пророчество памфлет, автор повышал свои шансы на успех. Выражая интересы оппозиционной партии при королевском дворе, автор

¹⁰³ Ibid. P. 211.

¹⁰⁴ Mors dum purgabit, cum gallo non jubilabit.
Strips Parisatina perit confrissa ruina.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Taylor R. The Political Prophecy in England... P. 83.

выбрал идеальный способ обличения пороков и недостатков королевских фаворитов, сбивающих Эдуарда III с пути истинного. Дарованное якобы самим Святым Духом «пророчество» должно было убедить не французского, а английского короля в законности его притязаний, в справедливости войны за материнское наследство. Именно поэтому в тексте пророчества, а еще больше – в комментарии так подробно разбирались аргументы обеих сторон. Отказ от войны противоречил божественной воле и подлежал суровому осуждению. Однако автор предупреждал, что одного желанья завоевать Францию мало, поскольку эту награду Господь дарует только поистине благочестивому избраннику. Следовательно, уже «сбывшаяся» часть «пророчества», доказывавшая правдивость всего текста, и лестный для англичан финал, свидетельствовавший о правильности выбранного пути, были предназначены главным образом для усиления аргументов центральной части, относившейся к событиям, последовавшим за подписанием мира в Бретиньи.

Независимо от воли самого Джона Эргома его комментарий превратил «Бридлигтонское пророчество» в два совершенно разных текста с абсолютно разной судьбой. Задумав написать произведение, обличающее недостатки правления Эдуарда III, Эргомом, а именно он все же видится мне в качестве наиболее подходящей кандидатуры на роль автора, очень боялся навлечь на себя гнев сильных мира сего, а посему несколько перестарался с ребусами и загадками, сделав текст совершенно непонятным для любого, пусть даже очень подготовленного читателя. Привезенный в Бридлигтонский монастырь этот первый вариант пророчества стал быстро завоевывать популярность, благо трактовать его можно было как угодно. Однако довольно быстро Эргомом понял, что главная идея его произведения (критика королевского двора и проводимой им внешней политики) не доходит до аудитории. Стремясь исправить ошибку, он добавил комментарий, преподнеся новый вариант своему покровителю. Это новое произведение было настолько опасным не только для автора и комментатора, но и для читателей, что оно не могло получить столь же широкого распространения. По-видимому, этот текст показывали и читали только доверенным лицам, разделявшим позиции Хэмфри де Бозна. Со временем, после смерти Черного принца и Эдуарда III, это произведение совершенно утратило былую злободневность. Этим и объясняется столь незначительное количество списков по сравнению с первым, лишенным комментариев вариантом, который продолжал привлекать любопытствующих читателей в течение нескольких последующих столетий, предсказывая некоему достойнейшему правителю Англии полную победу над Французским королевством.

Святые покровители Англии и политика английских королей в годы Столетней войны

В представлении английских хронистов война за «справедливое дело» встречает одобрение и поддержку со стороны не только самого Бога, но и его святых. Источники сохранили достаточно подробную информацию о том, как английские монархи эпохи Столетней войны поощряли почитание старых покровителей английской короны и стимулировали утверждение и укрепление новых культов. В определенной мере этот процесс отразился и в английской исторической литературе. Не намереваясь подробно останавливаться на проблемах почитания святых в Англии XIV–XV вв., тем не менее кратко рассмотрю наиболее показательные изменения, произошедшие в культах святых благодаря Столетней войне. Эти перемены коснулись трансформации культа св. Георгия, форсированного распространения в Англии культа св. Бригитты, а также попыток Генриха V и герцога Бедфорда «примирить» Англию с культом св. Дионисия (Сен-Дени) – традиционного покровителя Франции.

Св. Георгий – один из самых почитаемых раннехристианских мучеников. Достоверно о нем практически ничего не известно. «Венский палимпсест» (V в.) называет его уроженцем Каппадокии (Малая Азия), более поздние жития приписывают ему благородное происхождение. По общепринятой версии, св. Георгий служил в римской армии и в 303 г. нашей эры был обезглавлен по приказу императора Диоклетиана за то, что выступал против гонения христиан. Св. Георгий традиционно считался покровителем воинов, поэтому неудивительно, что затяжные военные конфликты способствовали дальнейшему росту популярности и без того весьма почитаемого мученика. Еще в 1222 г. Оксфордский синод постановил отмечать День св. Георгия в качестве праздника по всей стране. Молитвы св. Георгию перед сражениями, а также разворачивание его знамени (алый крест на белом поле) наряду с хоругвями святых, традиционно покровительствовавших английской короне, Эдмунда Мученика и Эдуарда Исповедника, и изображение герба св. Георгия (взятого со знамени) на плащах королевских солдат практиковались еще в период правления Эдуарда I. Однако в ту эпоху св. Георгий воспринимался лишь как покровитель всех воинов. В 1336 г. во время подготовки к крестовому походу более двухсот крупных сеньоров Франции обязались носить алый крест на своем одеянии¹⁰⁷. В данном случае выбор цвета креста восходит еще к событиям Третьего крестового похода (1188–1190 гг.), когда была достигнута договоренность о том, что люди английского короля

¹⁰⁷ *Froissart. Vol. II. P. 344; Контамин Ф. Война в Средние века... С. 209.*

должны в качестве знака отличия носить белые кресты, воины французского короля – красные, а бойцы графа Фландрского – зеленые¹⁰⁸. Но уже с середины XIV в. алый крест св. Георгия будет строго свидетельствовать о принадлежности к английскому войску.

В XIV в. принципиально меняется сам характер войн, которые ведет английская корона, точнее, отношение к ним в обществе. В первую очередь это изменение касается французского и шотландского театра военных действий. В отличие от кампаний предыдущего периода начиная с XIV в. войны во Франции и Шотландии перестают восприниматься как исключительно монаршее дело, постепенно превращаясь в дело государственное, с которым тесно связано и от которого во многом зависит общее благо английского народа. Именно в этой связи образ св. Георгия постепенно трансформируется из покровителя воинов в покровителя Англии и англичан¹⁰⁹.

В 1344 г. Эдуард III провозгласил св. Георгия покровителем Англии. Три года спустя король избрал его небесным патроном рыцарского ордена Подвязки. Утверждение св. Георгия в качестве покровителя именно английского воинства и королевства в целом продолжалось на протяжении всей Столетней войны. В 1399 г. духовенство преподнесло королю петицию о том, что «день св. Георгия Мученика, который является духовным патроном английского воинства, должен соблюдаться по всей Англии как праздник»¹¹⁰. Повторная петиция была подана Генриху IV вскоре после его восшествия на престол¹¹¹. Во время первой континентальной кампании Генриха V знамя св. Георгия водружалось вместе с королевскими штандартами над воротами взятых англичанами городов и крепостей¹¹². В отличие от львов и лилий – новых символов английской короны – алый крест в белом поле являлся олицетворением всего английского народа. В статутах военного времени Генрих V особо подчеркивал, что св. Георгий является покровителем именно англичан, запрещая под страхом смерти своим воинам отказываться от ношения его символов¹¹³. Как уже упоминалось выше, многие хронисты и поэты свидетельствуют в своих сочине-

¹⁰⁸ *Radulfus de Diceto. Ymagines Historiarum // Opera Historica: 2 vols. / Ed. W. Stubbs. (RS). L., 1876. Vol. II. P. 51.*

¹⁰⁹ *Schramm P. E. A History of English Coronation. Oxford, 1937. P. 126; Boulton D'Arcy J. D. The Knights of the Crown. The Monarchical Orders of Knighthood of Later Medieval Europe, 1325–1520. N.Y., 1987. P. 124–125; Bengtson J. Saint George and the Formation of English Nationalism // Journal of Medieval and Early Modern Studies. Vol. II (1997). N. 2. P. 320–321; Riches S. Saint George: on whom all England have byleve // History Today, 2000. Oct. P. 46.*

¹¹⁰ Цит. по: *Bengtson J. Saint George and the Formation of English Nationalism... P. 326.*

¹¹¹ *Marcus G. J. Saint George of England. L., 1929. P. 61.*

¹¹² *Gesta Henrici Quinti... P. 54.*

¹¹³ *Bengtson J. Saint George and the Formation of English Nationalism... P. 325.*

ниях, что святой поддержал английское воинство в битве при Азенкуре. 4 января 1416 г. архиепископ Кентерберийский отметил исключительность праздника св. Георгия, «который является особым патроном и защитником английского народа»¹¹⁴. О том, что Генрих V поклялся превратить День св. Георгия в общеанглийский праздник, сообщает один из продолжателей хроники «Брут»¹¹⁵. Именно в правление Генриха V св. Георгий окончательно стал национальным святым, олицетворяющим силу и мощь английского народа. С этого периода изображения св. Георгия начинают размещаться на памятниках, предназначенных для репрезентации Англии на международном уровне: официальных грамотах, монетах, ювелирных украшениях, предназначенных для дипломатических подарков, и т.д.¹¹⁶ В XIV–XV вв. почитание св. Георгия не только превосходит культуры древних английских святых, но даже порой затмевает поклонение апостолам и Богородице. Так, например, Джон Хардинг, ссылаясь на Ненния, утверждал, что щит самого короля Артура был украшен алым крестом св. Георгия¹¹⁷. Хотя в оригинале сообщалось, что на щите Артура находилось изображение Девы Марии¹¹⁸. Впрочем, в этот период св. Георгий довольно часто изображается рядом с Девой. Более того, покровителя воинов нередко именуют рыцарем или защитником Марии¹¹⁹.

Пожалуй, в наибольшей мере история Столетней войны и, соответственно, репрезентации различных ее аспектов в хронистике сказала на распространении в Англии культа канонизированной в 1391 г. шведской

¹¹⁴ The Register of Henry Chichele, Archbishop of Canterbury, 1414–1443: 4 vols. / Ed. by E. F. Jacob. Oxford, 1943–1947. Vol. III. P. 8–10.

¹¹⁵ The Brut. Vol. II. P. 558.

¹¹⁶ См., например: *Briage P. English Art, 1216–1307*. Oxford, 1957. P. 169; *Marcus G. J. Saint George of England...*; *Bond F. Dedications and Patron Saints of English Churches*. Oxford, 1914; *Anglo S. Spectacle, Pageantry, and Early Tudor Policy*. Oxford, 1969.

¹¹⁷ *Hardyng (1) John. The Chronicle*. L., 1543; repr. Amsterdam, 1976. Ch. LXXX.

¹¹⁸ *Ненний*, 56.

¹¹⁹ Enfors we us with all our might
To love Seint George, our Lady knight.

Worship of virtue is the mede,
And seweth him ay of right:
To worship George then have we need,
Which is our Lady's knight.

He keped the mad from dragon's dred,
And fraid all France and put to flight.
At Agincourt the crownecl ye red
The French him se forrest in fight.

In his virtue he wol us lede
Againis the Frend, the ful wight,
And with his banner us overspede,
If we him love with all oure might

(*Capgrave, John. Liber de Illustribus Henricis / Ed. F. Ch. Hingeston. (RS). L., 1858. P. 134.*)

святой Бригитты¹²⁰. Бригитта происходила из знатной шведской семьи и благодаря прекрасному образованию была приближена к королевскому двору, где обучала шведскому языку жену короля, Бланку Намюрскую. В зрелом возрасте, когда она была уже замужем и родила нескольких детей, ее начали посещать откровения, сопровождавшиеся различными видениями. После рождения у королевской четы первенца она сочла свою миссию выполненной и захотела отправиться вместе с мужем в паломничество, раздав собственных семерых детей в монастыри. После продолжительной болезни муж Бригитты умер, после чего она стала вести уединенный образ жизни. В это время она получила главное откровение: Христос провозгласил ее своей невестой и пообещал ей, что на нее снизойдет Святой Дух и останется с ней до самой смерти. Вдохновленная этим откровением, Бригитта основала новый монастырь в Вадстене (в бывшем королевском поместье), в котором вместе жили как мужчины, так и женщины, что было совершенно новым явлением в Швеции, став его аббатисой. В сентябре 1349 г. к ней снова явился Христос и велел отправиться в Рим, чтобы там ждать возвращения папы из Авиньона. В Риме Бригитта жила в доме кардинала Гуго Роже де Бофора, брата папы Климента VI. Там ее продолжали посещать откровения, которые она записывала по-шведски, а потом правила латинский перевод, сделанный ее секретарем и исповедником Петером Ольссоном. В 1372 г. она совершила паломничество в Святую землю. В 1373 г. она умерла в Риме, получив за пять дней до смерти последнее откровение. Останки ее были перезахоронены в Швеции.

В 1348 г. шведский король Магнус послал папе, Эдуарду III и Филиппу VI письма, содержащие краткое изложение ранних откровений Бригитты, в которых признавалась справедливость английских притязаний на французскую корону и предлагался способ мирного урегулирования конфликта¹²¹. Это откровение было дано Бригитте в 1342 г., когда она вместе со своим мужем находилась в Аррасе. Бригитта видела св. Дионисия, который просил Деву Марию заступиться перед Христом за Францию, послав ей мир и прекратив убийства французов. Отвечая святому покровителю Франции, Дева Мария сказала, что у Эдуарда III больше прав на корону, но, поскольку Филипп VI уже коронован, он должен оставаться королем до своей смерти, признав короля Англии своим приемным сыном и наследником¹²². В окончательном варианте откровений Бригитты, кото-

¹²⁰ *St. Patricia* Brigitta Birgersdotter // *Studies in St. Brigitta and the Brigittine Order*: 2 vols. / Ed. J. Hogg. (Analecta Cartusiane). Zalzburg, 1993. Vol. I. P. 7–28.

¹²¹ *Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France During the Reign of Henry the Sixth, King of England*: 2 vols in 3 / Ed. by J. Stephenson. L., 1861. Vol. I. P. 1.

¹²² *Revelationes Sanctae Brigittae*, IV, 104–105; *Colledge E. Epistola solitarii ad reges. Alphonse of Pecha as Organizer of Brigittine and Urbanist Propaganda* // *Mediaeval Studies*.

рый был создан и, возможно, отредактирован ее помощником и спутником Альфонсом де Яном¹²³, Христос предлагал королям Англии и Франции разрешить конфликт посредством династического брака для того, чтобы в будущем у Франции появился законный государь, происходящий из двух королевских домов. Если король Франции (в 1377 г. речь шла о Карле V) не последует этому совету, его ждет жалкая смерть, а его королевство постигнут бесконечные напасти. Если король Англии, «обладающий правом» на это королевство, последует этому совету, то Христос поможет ему. В противном случае он потеряет все, что завоевал¹²⁴. В этой версии тема миротворческого брака доминирует над анализом законности притязаний обоих претендентов на французский престол, «которые именуют себя королями, но являются нарушителями истины».

Сразу после коронации Ричарда II в 1377 г. проект его брака с дочерью Карла V принцессой Екатериной был весьма близок к осуществлению¹²⁵, однако в конце 1380 г. Ричард женился на Анне Богемской, что, впрочем, не уменьшило интереса англичан к откровениям Бригитты. Английский кардинал Адам Истон зарекомендовал себя одним из самых ревностных защитников «откровений св. Бригитты» от нападков скептиков, активно способствуя ее канонизации. Именно он вместе с двумя другими кардиналами входил в комиссию, назначенную Бонифацием IX в июле 1379 г., для вынесения окончательного решения о канонизации¹²⁶.

После того как Ричард II, возмужав, взял власть в свои руки, интерес при английском дворе к откровениям канонизированной в 1391 г. св. Бригитты и изложенным в них проанглийским мирным предложениям по урегулированию конфликта с Францией несколько поутих; это обуславливалось стремлением короля отказаться от притязаний на французский престол и завоевательной политики Эдуарда III. Даже осуществившийся в 1396 г. брак Ричарда с французской принцессой, направленный на укрепление дружеских отношений с французскими королями, не имел никакого отношения к предложениям, содержащимся в тексте пророчества: условия этого

Vols. XVIII–XIX (1956). P. 19–49; *Vaucher A.* La diffusion des «Révélations» de sainte Brigitte dans l'espace français à la fin du Moyen Âge // *Santa Brigida Profeta Dei Tempi Nuovi / Saint Briget Prophetess of New Ages.* Rome, 1991. P. 155–156.

¹²³ *Colledge E.* Epistola solitarii ad reges... P. 19–49; *Vaucher A.* La diffusion des «Révélations» de sainte Brigitte... P. 156.

¹²⁴ *Ibid.*

¹²⁵ *Colledge E.* Epistola solitarii ad reges... P. 31–33.

¹²⁶ *Pantin W. A.* The Defensorium of Adam Easton // *EHR.* Vol. LI (1936). P. 675–680; *Colledge E.* Epistola solitarii ad reges. P. 42–44; *Johnston F. R.* English Defenders of St. Bridget // *Studies in St. Brigitta and the Brigittine Order: 2 vols.* / Ed. J. Hogg. (Analecta Cartusiane). Zalzburg, 1993. Vol. II. P. 264–265.

брачного договора четко оговаривали, что потомки Ричарда и Изабеллы не будут иметь прав на французский престол.

Низложив в 1399 г. Ричарда II, новый король из династии Ланкастеров декларировал грядущее изменение в английской внешней политике и возобновление войны за французскую корону. При Генрихе IV вновь стало актуальным все, что имело отношение к праву английских королей на Францию. Интерес придворных Генриха к культу шведской святой также подогревался браком дочери короля принцессы Филиппы со шведским королем Эриком Померанским. В ноябре 1406 г. сэр Генрих Фицхью, один из приближенных ко двору Генриха IV, сопровождавший в Швецию свадебный поезд принцессы Филиппы, подписал хартию о предоставлении своего манора Черри-Хинтон (графство Кембридж) для первого английского аббатства св. Бригитты. Фицхью также пригласил в Англию двух монахов из Вадстены (первого монастыря, основанного в Швеции самой Бригиттой), которые проживали на территории его манора с 1408 г. по 1415 г.¹²⁷ Сам король Генрих IV не только поощрял планы Фицхью, но также собирался стать покровителем нового ордена. Он отправил папе петицию с просьбой предоставить разрешение основать аббатство св. Бригитты при госпитале св. Леонарда в Йорке. Однако эти замыслы Фицхью и Генриха IV не были осуществлены¹²⁸.

В качестве одного из первых деяний молодого короля Генриха V после его коронации в 1413 г. хронисты называют основание в Сионе, недалеко от Лондона, монастыря, посвященного св. Бригитте¹²⁹. Не исключено, что отраженной во всех хрониках (в том числе в шекспировском «Генрихе V») настойчивостью, с которой английский король добивался руки французской принцессы, Генрих или его советники, были обязаны пророчествам св. Бригитты: вере в их истинное содержание, выгоды предлагаемого решения в юридическом плане или же надежде на влияние культа шведской святой в массовом сознании. Показательно, что Томас Окклив, надеявшийся на благосклонность будущего короля, сделал ссылку на пророчество в своем сочинении «О правлении государя», преподнесенном в 1412 г. принцу

¹²⁷ *The Incendium Amoris of Richard Rolle of Hampole* / Ed. M. Deanesly. Manchester, 1915. Introduction. P. 95–105.

¹²⁸ *Ibid.* P. 103; *Knowles D.* The Religious Orders in England: 3 vols. Cambridge, 1948–1959. Vol. II. P. 176–177; *Tait M. B.* The Brigittine Monastery of Syon (Middlesex), with Special Reference to its Monastic Usages: Ph. D. Thesis. Oxford, 1975. P. 54.

¹²⁹ *Gesta Henrici Quinti...* P. 12; *The St. Albans Chronicle, 1406–1420* / Ed. V. H. Galbraith. Oxford, 1937. P. 82; *Adam of Usk.* P. 252; *Higden (Caxton).* Vol. VIII. P. 548; *Kingsford C. L.* English Historical Literature in the Fifteenth Century, AP. V. «The Latin Brut». P. 323; *A Chronicle of London, from 1089 to 1483.* P. 99; *Catto J.* Henry V: Practice of Kingship. Oxford, 1983. P. 106–110.

Генриху. В этом труде Окклив цитирует пророчество и советует принцу прекратить войну, женившись на французской принцессе Екатерине¹³⁰.

Внимание Генриха V к культуре св. Бригитты окончательно способствовало тому, что во Франции ее начали воспринимать как покровительницу Англии¹³¹. Однако смерть Генриха V и утрата почти всех континентальных завоеваний при его сыне помешали дальнейшей популяризации культа св. Бригитты в Англии. Впрочем, на конгрессе в Аррасе (1435 г.) и конференции в Кале (1439 г.) английские послы ссылались на эти пророчества, подтверждая права Генриха VI¹³². Автор «Трактата об управлении государством для короля Генриха VI» цитирует св. Бригитту, советуя королю достичь мира через брак с французской принцессой: «Это не умалит ни чести, ни завоеваний англичан, которые им принадлежат по справедливости»¹³³. Однако, вероятно из-за неудачного завершения Столетней войны, основанный в 1415 г. Генрихом V в Сионе монастырь св. Бригитты остался единственным посвященным ей английским аббатством¹³⁴.

Третьим святым, история почитания которого в большой мере отражает нюансы представления англичан XIV–XV вв. о взаимоотношениях их страны и ее королей с Богом и его святыми, был традиционный покровитель Франции св. Дионисий. Договор в Труа официально закрепил за английскими королями титул королей Франции. Вместе с этим титулом англичане получили и французскую королевскую символику и святых покровителей Франции. В отличие от св. Бригитты, символизирующей союз двух королевств, св. Дионисий был покровителем именно Франции и патроном французских королей. По французской традиции тело наследника престола и регента королевства Генриха V было сначала отпето в Сен-Дени и только после этого перевезено в Англию. Но и в Вестминстерском аббатстве – традиционной усыпальнице английских королей начиная с Генриха III – статуя святого покровителя Франции была размещена в нише королевского надгробия рядом с изображением св. Георгия. Отношение герцога Бедфорда, главного идеолога пропаганды правления Генриха VI во Франции, к культу этого святого, а также королевская символика на печатях и монетах свидетельствует что короны соединялись, но не сливались. В сознании регента и членов Королевского совета Англия и Франция,

¹³⁰ Hoccleve, Thomas. *The Regimant of Princes* / Ed. by F. J. Furnivall. L., 1897. Lines 5384–5396.

¹³¹ Vauchez A. *La diffusion des «Révélations» de sainte Brigitte...* P. 157.

¹³² Warren N. B. *Kings, Saints, and Nuns: Gender, Religion, and Authority in the Reign of Henry V* // Viator. Vol. XXX (1999). P. 309.

¹³³ *Tractatus de regimine principum ad regem Henricum Sextum* // *Four English Political Tracts* / Ed. J-Ph. Genet. L., 1977. P. 67–71.

¹³⁴ Beckett N. *St. Bridget, Henry V and Syon Abbey* // *Studies in St. Brigitta and the Brigittine Order*: 2 vols. / Ed. J. Hogg. (Analecta Cartusiane). Zalzburg, 1993. Vol. I. P. 125–150.

у которых был единый король, продолжали существовать отдельно друг от друга. Поэтому в период правления Генриха VI, находящегося, как и предыдущие короли Франции, под особым покровительством св. Дионисия, не предпринималось никаких попыток навязать культ этого святого жителям Англии. Отчасти это свидетельствует и о том, что английское общество само отнюдь не стремилось до конца отождествиться с народом побежденных.

Однако во Франции английская знать выказывала культ св. Дионисия определенное уважение и стремилась использовать его для демонстрации того, что война уже закончена. 10 сентября 1422 г., в годовщину убийства Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, Бедфорд преподнес капитулу собора Парижской Богоматери образ Троицы, на котором под распятием позади Генриха V стоял св. Георгий, а за спиной принцессы Екатерины – св. Дионисий¹³⁵. Сразу после провозглашения Генриха VI королем Франции св. Дионисий стал символом, репрезентирующим французский компонент двойной монархии. Для анонимного парижанина неудачные попытки арманьяков взять Париж в День св. Дионисия в 1433 г. свидетельствуют о том, что святой защищает город¹³⁶. Уделять внимание культу этого святого начал еще Генрих V, трижды посетивший монастырь Сен-Дени в период с 1420 г. по 1422 г. Напомню, что тело Генриха, как регента и наследника Франции, в течение суток отпевалось в этой усыпальнице французских королей¹³⁷. Для того чтобы монахи этого монастыря не забыли помянуть его в своих молитвах, Генрих V завещал Сен-Дени комплект праздничных красных одеяний и позолоченный серебряный крест¹³⁸. А единственным светским лицом, сопровождавшим Карла VI к месту его погребения в Сен-Дени, был герцог Бедфорд. В 1423 г. и в 1424 г. в день поминовения этого признанного англичанами законным королем Франции Бедфорд от имени своего венценосного племянника делал монастырю богатые подарки¹³⁹. Со смертью Бедфорда и потерей Парижа культ св. Дионисия перестал поддерживаться англичанами.

Следует отметить, что английские хронисты и поэты уделяли в своих произведениях столь важное место роли Провидения в войне между

¹³⁵ *Thompson G. L. Paris and Its People under English Rule The Anglo-Burgundian Regime 1420–1436. Oxford, 1991. P. 175.*

¹³⁶ *Journal d'un Bourgeois de Paris, 1405–1449 / Ed. A. Tueray. P., 1881. P. 297.*

¹³⁷ *Ibid. P. 139, 154, 174 (n. 4), 176; Thompson G. L. «Monseigneur Saint Denis», his Abbey, and his Town, under the English Occupation, 1420–1436 // Power, Culture, and Religion in France c. 1350 – c. 1550 / Ed. C. T. Allmand. Woodbridge, 1989. P. 25.*

¹³⁸ *Foedera (2). Vol. IV. P. 346; Strong P., Strong F. The Last Will and Codicils of Henry V // EHR. Vol. XCVI (1981). P. 79–102.*

¹³⁹ *Thompson G. L. «Monseigneur Saint Denis»... P. 25–26.*

Англией и Францией лишь тогда, когда англичане вели завоевания и одерживали победы. Когда же в период правления Генриха VI они начали терять обширные территории одну за другой, военные неудачи не стали объясняться, как этого, наверное, и следовало ожидать, тем, что Бог по той или иной причине отвернулся от англичан и теперь помогает французам, которые, в свою очередь, стали вести справедливую войну. Такого поворота не произошло: все неудачи англичан, по их мнению, являются следствием ошибок и промахов военачальников, а также предательства со стороны союзников. О влиянии Божьего промысла на ход войны перестают писать совсем, совершенно игнорируя эту тему. Более того, сама тема войны на континенте в середине XV в. практически вовсе перестает интересовать английских авторов того времени: они как бы вытесняют из своих текстов повествование о бесконечных поражениях. Неудивительно, что следствием такой политики умолчания о неприятном явилась скудость информации о последнем этапе англо-французской войны в английских исторических текстах. В результате в середине XVI в. Эдуард Холл был вынужден описывать эти события по французским источникам¹⁴⁰.

Необходимо подчеркнуть, что отношение к роли Божественного провидения у английских хронистов сугубо индивидуальное и не зависит от того, к какому сословию они относятся. Так, самым большим любителем разных чудес и знамений является анонимный клирик, автор «Деяний Генриха V». Этот хронист во всем происходящем видит Божью руку. Любое, даже самое незначительное событие он склонен трактовать либо как чудо, либо как знамение. Рассказывая об отплытии в 1415 г. Генриха V во Францию, он упоминает о появлении лебедей рядом с английскими кораблями, усматривая в этом знак удачного завершения похода¹⁴¹. Другие же клирики, например Томас Уолсингем, Генрих Найтон или Джон Капгрейв, уделяют Божественному провидению внимания не больше, чем светские хронисты, такие как герольд Чандоса или Джон Хардинг. Третьи же, например Псевдо-Элхэм и анонимный монах из Кентербери, вовсе ничего не писали на эту тему.

Характерное для Средних веков представление о войне как о средстве восстановления справедливости и, соответственно, об ожидаемой помощи свыше, которая оказывается праведной стороне, побуждало английских королей обращаться за покровительством к новым, нетрадиционным для Англии святым. По разным причинам в Англии актуализировалось почитание св. Бригитты, а во Франции герцог Бедфорд и его окружение стремились оказать уважение св. Дионисию и представить этого

¹⁴⁰ Lander J. R. *Crown and Nobility...* P. 224.

¹⁴¹ *Gesta Henrici Quinti...* P. 20.

святого сторонником объединенного англо-французского королевства. Параллельно шел процесс апроприации неанглийских святых. Уже на первом этапе войны культ св. Георгия – покровителя воинов превратился в общеанглийский, затмив по популярности культы св. Эдмунда и св. Эдуарда. Представители всех слоев английского общества даже в мирное время начали воспринимать этого святого как покровителя своего народа.

Глава 3

Официальная пропаганда английской внешней политики

Исследуя коллективные представления англичан XIV–XVI вв. о Столетней войне и других внешнеполитических конфликтах этого периода – их причинах, результатах, положительных и отрицательных аспектах, нельзя оставить без внимания попытки королевской власти повлиять на сознание подданных, навязывая им собственное восприятие действительности. Разумеется, следует учитывать то, что в эпоху Средневековья не существовало теории пропаганды (как и не существовало какого-либо термина или понятий, обозначающего это явление), что методы, при помощи которых она осуществлялась, не были четко разработаны и изучены (подчас организаторы действовали, опираясь исключительно на свою интуицию, превращаясь, в случае успеха, в изобретателей некоего ноу-хау¹). Стоит принимать в расчет низкий уровень грамотности и элементарное отсутствие «средств массовой информации», а также единой коллективной аудитории.

В этой главе я постараюсь разобрать самые очевидные и, на мой взгляд, наиболее эффективные методы, к которым прибегала английская корона с целью формирования определенного «общественного мнения» по тем или иным внешнеполитическим вопросам. В качестве основных источников в этой части работы используются королевские прокламации, проповеди, геральдические и нумизматические материалы, описания публичных церемоний и т.д.

¹ В качестве яркого примера, относящегося, правда, к несколько более позднему периоду, можно отнести предпринимаемые королевой Елизаветой I Тюдор ежегодные летние поездки по стране (подробнее см.: *Дмитриева О. Елизавета Тюдор*. М., 2004. С. 214–219).

Визуальные средства пропаганды. Репрезентация власти над Англией и Францией на гербах, монетах и печатях английских государей

26 января 1340 г., на следующий день после начала отсчета четырнадцатого года его правления в Англии, Эдуард III формально принял титул короля Франции, юридически оформив свои притязания наследника французской короны. В эпоху Средневековья для репрезентации титула существовало два основных способа. Первый заключался в простой декларации (например, «король Англии, герцог Аквитании, лорд Ирландии и пр.»), второй подразумевал использование геральдической символики, непосредственно связанной с принимаемым титулом.

Герб, представлявший визуальное провозглашение прав короля, распространялся повсеместно: на знаменах, военном снаряжении, стенах домов, бортах кораблей, на одежде, посуде, наконец, что особенно важно, на печатях и монетах. В своем исследовании М. Майкл предполагает, что мать короля Изабелла Французская, а возможно, и сам Эдуард уже добавляли французские лилии (*fleurs de lis*) к английским львам², разместив первые в менее почетных втором и третьем полях щита, подчинив их таким образом английскому гербу³. Это шаг вызвал критику со стороны Филиппа VI, заявившего, что «большое Французское королевство» не должно подчиняться «маленькой Англии»⁴. Приняв титул французского короля, Эдуард немедленно поменял местами лилии и львов⁵, отведя таким образом французской короне главные четверти герба. Скорее всего, эта история является не более чем анекдотом, объясняющим странное, с точки зрения англичанина, решение короля, отдавшего предпочтение французским геральдическим символам перед исконными английскими. Подобное символическое распределение мест, занимаемых двумя коронами в гербе, оставалось неизменным даже в период с 1360 г. по 1369 г., когда Эдуард формально отказался от титула французского короля. Следует отметить,

² Средневековые герольды не проводили различия между львами (*leo*) и леопардами (*leopardus*), как правило, именуя английские геральдические символы «леопардами», однако в Новое время этот термин официально был заменен «львами».

³ Правила геральдики требуют, чтобы при совмещении нескольких гербов в одном щите более «достойные» гербы располагались в поле щита выше и правее прочих. Следует учитывать, что правая сторона указывается с позиции держателя щита, что соответствует левой стороне для зрителя. При четырехчастном разделении герба, которое предпринял Эдуард III, первая (верхняя правая) четверть была выделена для лилий, следовательно, французский герб получил более достойное место, чем английский.

⁴ *Le Baker*. P. 66–67.

⁵ *Michael M.* The Little Land of England Is Preferred before the Great Kingdom of France: The Quartering of the Royal Arms by Edward III // *Studies in Medieval Art and Architecture Presented to Peter Lasko* / Ed. D. Buckton and T. A. Heslop. Stroud, 1994. P. 114–126.

что специалисты по английской геральдике считают Эдуарда III первым англичанином, разделившим свой герб на четверти⁶.

Итак, 1340 г. положил начало новому отсчету времени царствования Эдуарда III, став четырнадцатым годом его правления в Англии и первым – во Франции. Чеканка монет и скрепление документов новыми печатями с новой титулатурой и новым гербом усиливали правомерность притязаний Эдуарда на французскую корону. По мнению У. Ормрода, отсутствие этих «доказательств» обладания титулом за период с 1328 г. по 1340 г. предопределило отказ Эдуарда от идеи именовать себя следующим после Карла IV государем Франции, что позволило бы ему вести отсчет правления в этом королевстве с 1328 г.⁷ Показательно, что уже весной 1340 г. в частных петициях к королю преобладало обращение «Эдуарду, королю Англии и Франции», вытесняющее старую формулировку «господину нашему, королю»⁸.

Я сознательно лишь кратко остановлюсь на анализе такого богатого для исследования визуальной пропаганды материала, как иллюминированные манускрипты⁹, поскольку эти в прямом смысле драгоценные книги и особо важные хартии предназначались для очень узкого, можно сказать, элитарного круга потребителей. К тому же в данном случае речь скорее может идти об открытой декларации каких-либо идей или намерений заказчика, чем о формировании мнения или позиции реципиента. В качестве примера можно привести подаренный лордом Тальботом в 1445 г. Маргарите Анжуйской, жене Генриха VI, сборник поэм и романсов с чудесными миниатюрами, часть которых иллюстрируют династические права ее мужа на короны Англии и Франции. Богато декорированные письма, посылаемые английскими королями противникам и союзникам, а также другие важные бумаги, которыми обменивались государи, подчеркивали

⁶ *Danbury E.* English and French Artistic Propaganda during the Period of the Hundred Years War: Some Evidence from Royal Charters // *Power, Culture and Religion in France c. 1350 – c. 1550* / Ed. C. T. Allmand. P. 82.

⁷ *Ormrod W. M.* A Problem of Precedence: Edward III, the Double Monarchy, and the Royal Style // *The Age of Edward III* / Ed. J. S. Bothwell. York, 2001. P. 134–135.

⁸ *Ibid.* P. 148.

⁹ О традиции иллюминирования хартий и книжных миниатюрах в Англии и во Франции в эпоху Столетней войны подробнее см.: *Chaplais P.* English Diplomatic Documents to the End of Edward III's Reign // *Study of Medieval Records: Essays in Honour of Kathleen Major* / Ed. D. A. Bullough and R. S. Storey. Oxford, 1971. P. 22–56; *English Medieval Diplomatic Practice: 3 vols.* / Ed. P. Chaplais. L., 1975–1982. Vol. I. Part 1. P. 154–155; *Danbury E.* The Decoration and Illumination of Royal Charters in England, 1250–1509: An Introduction // *England and Her Neighbours, 1066–1453* / Ed. M. Jones and M. Vale. L., 1989. P. 157–179; *Edem.* English and French Artistic Propaganda During the Period of the Hundred Years War: Some Evidence from Royal Charters // *Power, Culture and Religion in France c. 1350 – c. 1550* / Ed. C. T. Allmand. Woodbridge, 1989. P. 75–97; *Barber R.* Edward, Prince of Wales and Aquitaine. L., 1978. Pl. 4.

вербальные требования и заверения. И хотя традиция иллюминировать важные документы существовала по всей Европе, тем не менее можно выделить некоторые региональные особенности. Так, если во Франции было принято декорировать обычными чернилами инициалы и некоторые буквы в тексте, то в Англии украшения официальных писем выполнялись в стиле книжных миниатюр. Как правило, разрисованный инициал был связан с обрамляющим текст абстрактным, но чаще всего хорошо продуманным и, безусловно, репрезентативным орнаментом. Например, экземпляр договора в Труа, хранящийся сейчас в Национальном архиве Франции, был по французской традиции декорирован чернильным рисунком, а не иллюминирован. Однако простота формы не означала простоту содержания. Внутри левой части инициала «Н» были размещены, одна над другой, три лилии, а внутри наклонной линии – три льва, что символизировало примирение и объединение Англии и Франции под властью Генриха V. Инициал украшен венцом из листьев английского дуба и опять-таки французских лилий. Вдоль обода короны размещались слова «вера, мир, правосудие» («*fides, pax, iusticia*»), которые не только указывали на главные принципы нового царствования, но, подобно другим декоративным элементам, являлись аллегориями. Дело в том, что во время сессий Констанцкого собора (1414–1418 гг.) Генрих V часто упоминался под именем *Justicia*, между тем *fides* традиционно ассоциировалась с Францией и сивлолизирующими ее геральдическими лилиями (*fleurs de lis*). По мнению известного французского историографа XIII в. Гильома из Нанги, три королевские лилии символизировали *fides* (вера), *sapientia* (мудрость) и *militia* (воинство), при этом вера среди них была наиглавнейшим элементом¹⁰.

Пропагандистскую символику содержали также важнейшие хартии, предназначенные для распространения в Англии (ниже я подробнее остановлюсь на том, как Эдуард III заботился о формировании благоприятного отношения к войне у своих английских подданных). Так, например, хартия, полученная городом Бристолем в 1373 г., была иллюминирована портретом короля в короне из цветов лилии (*fleurs de lis*), со скипетром и в коронационном одеянии французских королей (длинной голубой робе, расшитой золотыми лилиями), рядом размещалось два герба (старый английский герб с тремя львами и новый, разделенный на четыре поля). Хартия о привилегиях, выданная Ричардом II в 1380 г. Кентербери, также помимо украшенного инициала «R» была декорирована тремя гербами: старым английским, французским и новым английским, разделенным на четверти. В XV в. лилии стали настолько привычным символом английских

¹⁰ *Danbury E.* English and French Artistic Propaganda... P. 97; *Baldwin J. W.* Masters at Paris from 1179–1215: a Social Perspective // *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century* / Ed. R. L. Benson and G. Constable. Oxford, 1982. P. 162–163.

королей, что их изображения включались в хартии или патентные письма, содержание которых было весьма далеким от международной политики. В качестве курьезного примера можно привести разрешение, выданное Генрихом VI кембриджскому колледжу св. Михаила 1 февраля 1425 г. на выкапывание канавы в конце сада: инициал «Н» был украшен пятью лилиями, выполненными чернилами в соответствии с уже укоренившейся в то время в Англии французской традицией¹¹. Однако, сколь бы интересным и богатым ни представлялся материал книжных и документальных миниатюр, для изучения «массового сознания» важнее сосредоточиться на анализе тех видов пропаганды, которая была ориентирована на более широкие слои населения.

При исследовании использования титулатуры английских королей в официальных документах следует особо обратить внимание на фактор ее зависимости от региональной направленности: так, в бумагах, адресованных новым подданным на континенте, титул французского короля стоял перед титулом английского («*rex Francie et Anglie*»), в то время как в документах, касающихся дел в Англии, Шотландии и Аквитании, порядок титулов был обратным: «*rex Anglie et Francie*»¹². Интересно, что на новых большой и личной печатях, созданных в Англии летом 1340 г. и предложенных королю после его возвращения с континента, титул герцога Аквитании для краткости опускался, поскольку сама французская корона, в юрисдикции которой находилась Аквитания, становилась владением Эдуарда III¹³. Однако, поскольку сам Эдуард и его подданные в Аквитании, в первую очередь жители Гаскони, воспринимали этот регион как часть английских владений, король настоял на выделении данного региона в своей титулатуре: «*Король Франции и Англии, господин Ирландии и герцог Аквитании*» («*Rex Francie et Anglie dominus Hibernie et dux Aquitannie*»). Для того чтобы продемонстрировать всю важность для самоидентификации гасконцев официальной репрезентации их обособленности от французской короны, можно привести тот факт, что и после 1340 г. сенешаль Гаскони продолжал использовать старую английскую печать, в которой отсутствовали лилии¹⁴. Впрочем, в письмах, адресованных Эдуарду III летом 1340 г., гасконские дворяне и общины именовали его «*rex Francie et Anglie*»¹⁵. Местную титулатуру Эдуард использо-

¹¹ Danbury E. English and French Artistic Propaganda... P. 81–83.

¹² Chaplais P. English Diplomatic Documents... P. 50–54.

¹³ Birch G. de W. Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum: 6 vols. L., 1887–1890. Vol. I. P. 24–26; Wyon A. B., Wyon A. The Great Seals of England. L., 1887. P. 33–36; Curry A. The Hundred Years War. Basingstoke, 1993. P. 58.

¹⁴ Chaplais P. Essays in Medieval Diplomacy and Administration. L., 1981. Chap. I. P. 84; English Medieval Diplomatic Practice. Vol. I. Part 1. P. 154–155.

¹⁵ Foedera (2). Vol. II. Part IV. P. 77.

вал и по отношению к другим французским регионам. Например, отвечая в 1350 г. на петицию нормандских лордов (которые, будучи притесняемыми Иоанном II, решили обратиться с просьбой о защите к другому обладателю титула короля Франции), Эдуард именуется герцогом Нормандии¹⁶. Как полагает Дж. Ле Патурель, такое разнообразие в титулах свидетельствует об определенной «провинциальной стратегии» Эдуарда III, поддерживающего сепаратистские настроения во Фландрии, Бретани, Нормандии и других регионах Французского королевства¹⁷. Одним из самых интересных примеров использования локальной титулатуры является ситуация, возникшая вокруг Кале. Юридически город Кале, находившийся на территории вассального от герцогства Бургундского графства Артуа, становился владением Эдуарда III сразу же после принятия им титула короля Франции. Однако договор в Бретиньи изменил ситуацию, поскольку Эдуард, лишаясь титула французского короля, получал в суверенное владение ряд новых земель. Например, на севере он получил графство Гин, Кале и соседний с ним город Мерк. Юрисдикция этих земель была уподоблена юрисдикции над графством Понтье, которым Эдуард владел по праву наследования. В 1360 г. была создана большая печать «*la sovereinte de Pountif, Gynes, Merk et Caleys*»¹⁸.

Порядок следования титулов на большой королевской печати («*Rex Francie et Anglie dominus Hibernie et dux Aquitannie*»), так же как и расположение лилий и львов, указывал на доминирование французской короны. Поэтому неудивительно, что вскоре после объявления парламенту о принятом в Генте решении провозгласить себя королем Франции Эдуард был вынужден издать статут о сепаратном владении своими королевствами, призванный успокоить его английских подданных¹⁹. По требованию парламента Генрих V подтвердил данный статус после заключения мира в Труа в 1420 г.²⁰

При Ричарде II усилилась тенденция помещать титул короля Англии перед титулом короля Франции, как в домашних, так и в дипломатических делах. Закрепление Генрихом IV этого порядка в королевских печатях свидетельствует о временном отказе данного короля от активной внешней политики, а также о его желании сделать акцент на пропаганде законности своего восшествия на английский престол. После заключения мира

¹⁶ *Le Patourel J.* Edouard III, «roi de France et duc de Normandie» // *Revue historique du droit français et étranger*, 4e ser. N. 31 (1953). P. 317–318; *Ormrod W. M.* England, Normandy and the Beginning of the Hundred Years War, 1259–1360 // *England and Normandy in the Middle Ages* / Ed. D. Bates and A. Curry. L., 1994. P. 205.

¹⁷ *Le Patourel J.* Feudal Empires, Norman and Plantagenet. L., 1984. Chap. XI, XII, XV.

¹⁸ *Storey-Challenger S. B.* L'administration anglaise du Ponthieu, 1361–1369. Abbeville, 1975. P. 102 (n. 2), 116.

¹⁹ *Statutes of the Realm*. Vol. I. P. 292.

²⁰ *Rotuli Parliamentorum*. Vol. VI. P. 125, 127.

в Бретиньи Эдуард III официально отказался от титула короля Франции, поэтому в легенду на королевских печатях было внесено изменение: с 1360 г. по 1369 г. королевский титул звучал как «*rex Anglie dominus Hibernie et Aquitanniae*». Впрочем, старые печати не были уничтожены и к их упорядочению вернулись уже в 1369 г.

Судьба английских монет рассматриваемого периода повторяет историю с печатями. После 1340 г. на них также изменилась легенда. Старая надпись «*Edwardus rex Anglie*» сохранилась только на медных пенсах, в то время как на серебряных и золотых монетах легенды гласили «*rex Anglie et Francie et dominus Hibernie*». На период с 1360 г. по 1369 г., в соответствии с уже упомянутыми последствиями мира в Бретиньи, в легенды на монетах также были внесены временные изменения²¹. Особое внимание Эдуард III и его старший сын, носящий титул герцога Аквитании (*Dux Aquitanie*) (после мира в Бретиньи титул *Dux* был заменен на *Dominus* или *Princeps*²², что указывало на особый статус княжества, отныне независимого от французской короны), уделяли пропаганде законности своей власти во французских землях. Стоит подчеркнуть, что для популяризации собственных монет, предназначенных для хождения на континенте, английские короли всегда следовали образцам монет, отчеканенных их противниками, которых они отказывались признавать французскими королями. Например, золотой экю Эдуарда III является точной копией монеты Филиппа VI, включая щит со старым французским гербом (*semé-de-lis*), за исключением легенды (в отличие от Филиппа, именовавшегося «*Francorum rex*», Эдуард титуловал себя «*Anglie et Francie rex*»)²³. Возможно, таким образом английский король желал подчеркнуть свой статус правителя Франции, а не французов – государства, а не народа. Эдуардом III также были отчеканены пол-экю и четверть экю, не дошедшие до нашего времени. На золотых флоринах Эдуарда III²⁴, впрочем, как и на всех других золотых монетах,

²¹ Fox E. H. B., Fox S. J. S. Numismatic History of the Reigns of Edward I, Edward II and Edward III // *British Numismatic Journal*, 1st ser. N. 10 (1913). P. 95–123; Lawrence L. A. The Coinage of Edward III from 1351. Oxford, 1937; Potter W. J. W. The Silver Coinage of Edward III from 1351 // *Numismatic Chronicle*, 6th ser. N. XX (1960). P. 137–181; 7th ser. N. II (1962). P. 203–224; Elias E. R. D. The Anglo-Gallic Coins (*Les Monnaies Anglo-françaises*). P.; L., 1984. P. 75–78.

²² Полный титул Черного принца, употребляемый при чеканке монет, гласил (с известными сокращениями): EDWARDVS PRIMO GENITVS REGIS ANGLIE PRINCEPS AQUITANIE.

²³ Названия английских и французских монет приводятся согласно каталогу Elias E. R. D. The Anglo-Gallic Coins... 33d (P. 68).

²⁴ Монеты, имитирующие флорентийские, были широко распространены. Несмотря на то что торгующие за границей купцы предпочитали иметь дело с монетами флорентийской чеканки, в Аквитании «английские» флорины были очень популярны. См.: Elias E. R. D. The Anglo-Gallic Coins... 36a (P. 71–72).

титул французского короля никогда не упоминался без титула английского, хотя для экономии места имя самого короля нередко опускалось. Выпущенный после похода Черного принца 1355 г. *léopard d'or* по своему дизайну имитировал французский *mouton d'or*, но агнец на аверсе и лилии, окружавшие крест, на реверсе были в пропагандистских целях заменены на львов²⁵. После 1360 г., отказавшись на время от титула французского короля, Эдуард III активно чеканил (на монетных дворах в Бордо, Пуатье, Лиможе и Ла-Рошели) монеты с титулатурой английского короля и сюзерена Аквитании²⁶. Так же как и золотые монеты, отчеканенные английскими королями на континенте, серебряные и медные достоинством и дизайном походили на французские образцы. Основное различие сводилось к появлению английских львов, дополняющих или замещающих французскую королевскую символику, а также к принципиально иной легенде.

Говоря о пропагандистской функции английских монет, стоит особо остановиться на золотом нобле Эдуарда III. В начале 1344 г. король издал ряд ордонансов о чеканке новых монет, среди которых были введены в обращение золотой нобль, полнобля и четверть нобля²⁷. Помимо новой титулатуры на аверсе первых двух монет был размещен поясной портрет короля, стоящего на корабле, с мечом в правой руке и щитом (с новым королевским гербом) – в левой. Реверс традиционно был украшен розеткой, внутри которой по кругу чередовались увенчанные коронами английские львы и французские лилии²⁸. Эти монеты не просто декларировали подданным английской короны новый титул короля, но также пропагандировали саму войну за отвоевание этого титула. Замечу также, что введение в обращение новых золотых монет не обошли своим вниманием большинство английских хронистов эпохи Столетней войны²⁹.

Неожиданная гибель в 1422 г. Генриха V и последовавшая вскоре за ней смерть сумасшедшего Карла VI ставили под угрозу соблюдение условий договора в Труа. Умирая, Генрих V оставил ряд распоряжений, в том числе относительно дальнейшего управления английской и французской коро-

²⁵ *Elias E. R. D. The Anglo-Gallic Coins...* 33 (P. 68); 37, 38a (P. 73); 38b, 39a, 42 (P. 74).

²⁶ *Ibid.* 40–50 (P. 75–78).

²⁷ *Foedera* (1). Vol. III. Part II. P. 4, 7, 11.

²⁸ Из-за недостатка места аверс монеты в четверть нобля (так же как и аверс серебряного *le gros*) был украшен портретом короля, на реверсе был размещен новый герб. См.: *Grierson F. Monnaies du Moyen Age. Friburg, 1976. № 450, 451, 452, 453.*

²⁹ Как правило, хронисты фиксируют сам факт введения новых монет, не вдаваясь в описание их дизайна (*Kinghton* (1). P. 50; *Burton*. Vol. III. P. 52; *Chronicon Angliae, 1328–1388*. P. 16; *Walsingham*. Vol. I. P. 262; *Annales de Bermundeseia // Annales Monastici*. Vol. III. P. 473).

нами: регентами Франции и Англии были назначены братья короля Джон герцог Бедфорд и Хэмфри герцог Глостер. И если кандидатура младшего из братьев на должность регента Англии вызвала массу возражений и жарких споров в Королевском совете, в результате которых Глостеру предстояло возглавлять совет вместе со своим дядей кардиналом Бофором, канцлером королевства, то назначение Бедфорда регентом Франции не оспаривалось ни английскими лордами, ни бургундскими союзниками, ни верными миру в Труа французами.

Возглавив администрацию своего племянника во Франции, герцог Бедфорд с самого начала был вынужден прикладывать огромные усилия для того, чтобы сохранить не только владения на континенте, но и саму французскую корону. Значительная часть этих усилий была направлена на пропаганду легитимности прав Генриха VI, а также идеи процветания Франции в союзе с Англией и соблюдения национальных интересов обеих держав. И хотя юридически объединение королевств (под управлением короля Англии и регента Франции Генриха V) было провозглашено в 1420 г., своего расцвета политическая пропаганда достигла только при Генрихе VI. И здесь необходимо напомнить, что даже формально притязания на французскую корону предыдущих английских королей (начиная с Эдуарда III и заканчивая Генрихом V) существенно отличались от прав Генриха VI. До него вся проанглийская пропаганда базировалась на идее противопоставления законной власти правлениям «узурпаторов». Коронация же Генриха VI аргументировалась не столько правами его английских предшественников, сколько указами Карла VI, провозглашавшими незаконнорожденность дофина и переход короны к «английским наследникам». Таким образом, англичане были готовы признать законность если не самого правления представителей династии Валуа во Франции, то хотя бы принятых ими решений. Как заметил по этому поводу Джон Капгрейв, Генрих получил титул французского короля «не по древнему праву, но по новому»³⁰.

Соответствующее изменение в идеологии нашло отражение в королевской пропаганде. Монеты, отчеканенные при Генрихе V в период с 1417 г. по 1422 г., в соответствии с традицией английских континентальных монет по своему дизайну и достоинству почти ничем не отличались от тех, что чеканил Карл VI; по сути дела, разница сводилась к гербу и легенде. Особо стоит подчеркнуть заботу правителей из династии Ланкастеров о полновесности отчеканенных во Франции монет³¹. В отличие от своих английских соперников «буржский король»

³⁰ Capgrave. Liber de Illustribus Henricis... P. 125.

³¹ McKenna J. W. Henry VI of England and the Dual Monarchy: Aspects of Royal Political Propaganda. 1422–1432 // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. XXVIII (1964).

Карл VII с самого начала капитулировал перед дефицитом серебра, что не способствовало популярности его чеканных изображений³². Разумеется, ведя монетную войну друг с другом, средневековые государи думали не только о тиражировании собственных ликов. Для них было важно само право законного сеньора на чеканку монеты. Именно поэтому Генрих V и герцог Бедфорд были готовы поступиться финансовой прибылью ради утверждения преимуществ своей монеты перед аналогом, отчеканенным от имени дофина. Вплоть до конца XV в. монеты, выпущенные королями Англии, преобладали в Аквитании и Нормандии над монетами королев династии Валуа³³. Также прослеживается определенная зависимость количества отчеканенных монет от изменений в политической ситуации. Сразу после смерти Генриха V и Карла VI наблюдался резкий скачок в производстве монет, выпущенных по приказу дофина, поспешившего представить свои притязания на королевский титул³⁴.

Первые парижские денье (*denier parisis*) Генриха VI копируют аналог Карла VI. Однако уже в ноябре 1422 г. по приказу герцога Бедфорда была отчеканена новая серебряная монета в два эцю (*blanc aux deux écus*), призванная ознаменовать начало репрезентации в монетах новой двойной монархии. В качестве образца для подражания английские мастера, скорее всего, взяли фламандский *leliaert*, отчеканенный в 1387 г. в ознаменование союза между Фландрией и Бургундией, на аверсе которого были изображены гербы Фландрии и Бургундии, объединенные словом *FLĀDRES*. В любом случае *blanc* Генриха VI отличался как от английских, так и от французских монет: на его аверсе два герба, Франции и Англии, символично объединены именем *HENRICUS*. На реверсе внутри венка из лилий был размещен крест, справа от которого находилась лилия, а слева – лев, что также символизировало примирение и объединение королевств. Дизайн реверса был заимствован с солида Генриха V, для которого прототипом послужил солид Карла VI (с двумя лилиями по сторонам от креста)³⁵. Появление годом спустя *demi-blanc* свидетельствует о сохранении удачного дизайна. В 1427 г. был выпущен золотой ангелот (копирующий по оформлению, но уступающий по достоинству бургундско-фламандскому *ange d'or*), с ангелом, держащим гербы двух

Р. 147.

³² *Saulcy F.* Histoire numismatique de Henri V et Henri VI, rois d'Angleterre, pendant qu'ils ont régné en France. P., 1878; *Lafaurie J.* Les monnaies des rois de France. P., 1951. P. 68–107; *Thompson G. L.* Paris and Its People under English Rule... P. 28–29.

³³ *Miskimin H. F.* Money and Power in Fifteenth-Century France. New Haven; L., 1984. P. 34–35.

³⁴ *Ibid.* P. 43.

³⁵ *Elias E. R. D.* The Anglo-Gallic Coins... 244 (P. 221).

королевств³⁶. Главной же монетой Генриха VI стал золотой салют (*salut d'or*). Его реверс остался таким же, как на салюте Генриха V. На аверсе, как и на аверсе салюта Карла VI, была размещена сцена Благовещения, однако вместо одного герба было изображено два: Дева Мария держит французский герб, а архангел Гавриил – английский³⁷. Таким образом, идея мира и объединения на этой монете подкреплялась еще одним аллегорическим прочтением: ангел (Англия) объявлял Деве (Франции) о приходе Спасителя. Аллегорическое изображение Франции в виде Девы, а Англии в виде ангела было весьма традиционным на протяжении всей эпохи Средневековья. Отмечу еще одно важное обстоятельство: подобно тому, как Эдуард III разделил львов и лилии на своем гербе, отдав последним более почетное место, Бедфорд, в соответствии с намеченной еще Генрихом V тенденцией, распорядился отвести левую сторону монеты французскому гербу.

Как и на монетах, символика двойной монархии представлена на королевских печатях. При этом, поскольку Генрих VI был первым английским королем, при котором существовали две независимые друг от друга администрации, впервые произошло «раздвоение» большой королевской печати³⁸. На английской печати символы французской и английской королевской власти представлены в соответствии с традицией, заложенной Эдуардом III: на аверсе изображен восседающий на троне Генрих VI, по обеим сторонам от которого представлены английские гербы (львы, разделенные лилиями), на реверсе король – в полном боевом облачении, на коне с мечом и щитом, на котором также размещен английский герб. Французская печать отличается чуть меньшим диаметром, а также тем, что на аверсе слева от короля находится французский герб, а справа – английский³⁹. В заключение укажу, что этот визуальный прием, репрезентирующий союз двух корон на монетах и печатях, в дальнейшем не был использован для нужд тюдоровской пропаганды. Зато с алой и белой розами Генрих VII, объединивший их в одну, поступил так же, как Эдуард III с английским и французским гербами.

³⁶ Ibid. 274 (P. 245).

³⁷ Ibid. 270b (P. 239); 268d (P. 241).

³⁸ До Генриха VI короли обычно забирали с собой большую королевскую печать, оставляя в Англии специальную «подчиненную большую печать» (*Ormrod W. M. A Problem of Precedence... P. 138–142; Jenkinson H. The Great Seal of England: Deputed or Departmental Seals // Archaeologia. Vol. LXXXV (1935). P. 293–340; Wilkinson B. The Chancery under Edward III. Manchester, 1929. P. 209.*)

³⁹ *Wolffe B. Henry VI. L., 1981. Pl. 10a, 10b.*

В правовом сознании людей Средневековья титул государя всегда был прочно связан с сеньориальным правом чеканки монеты. Выпуск денег с изображением, именем и гербом правителя был наилучшим методом репрезентации власти. 15 сентября 1338 г. заключивший с Эдуардом III союзный договор император Людовик Баварский назначил английского короля викарием «всей Германии и Франции, со всеми их провинциями и регионами» («per Allemanniam et Galliam et universas earum provincias sive partes»). Сразу после этого архиепископ Трира от имени всех курфюрстов провозгласил, что «викарий империи обладает той же властью, что и император»⁴⁰. Титул викария был нужен Эдуарду прежде всего для того, чтобы набирать на территории империи войска. При этом особо подчеркивалось, что военная служба подданных империи будет осуществляться не на основе вассального долга, а оплачиваться непосредственно за счет викария. Между тем наделение титулом викария внесло определенные изменения в поведение Эдуарда. Созывая под свои знамена вассалов империи, он призывал их сражаться против Филиппа Валуа для отвоевания некогда принадлежавшего империи, но узурпированного французскими королями суверенитета над Фландрией, Камбре и Бургундией⁴¹. Таким образом, в «германской» пропаганде английский король противоречил сам себе, ибо в качестве короля Франции он претендовал на суверенитет над Фландрией. В 1340 г. в Антверпене Эдуард отчеканил партию золотых и серебряных монет со своим портретом на аверсе и имперским орлом на реверсе⁴². Таким образом, очевидно, что даже номинальный титул, за которым не стояли никакие территориальные посягательства, тем не менее мог способствовать появлению соответствующей монеты.

Забываясь о наследстве Генриха VI, Бедфорд активно занимался популяризацией законности двойной короны своего племянника. В 1423 г. он заказал Лоренсу Кало поэму о генеалогии Генриха VI, которая должна была пояснять картину с изображением фамильного древа молодого короля, начиная с Людовика Святого. Копии этой картины вместе со стихами вывешивались в главных церквях по всей Северной Франции. Сохранилось несколько образцов, самый красочный и искусный из

⁴⁰ *Froissart*. Vol. II. P. 548.

⁴¹ *Lettenhove K. de*. Du vicariat Impérial conféré à Edouard III // *Annales de la Société de l'Évaluation pour l'étude de l'histoire et des antiauités de la Flandre*. Vol. IX. 2e ser. P. 338–353; *Offler H. S*. England and Germany at the Beginning of the Hundred Years' War // *EHR*. Vol. LIV (1939). P. 611–618.

⁴² *Ле Бель, Жан*. Правдивые хроники // *Хроники и документы Столетней войны...* С. 91; *Le Bel*. Vol. I. P. 148–149; *Фруассар*. Амьенский манускрипт. С. 142; *Манускрипты «семейства А/В»*. С. 455; *Froissart*. Vol. II. P. 466–467.

которых содержится в сборнике поэм и романсов, подаренном лордом Гальботом Маргарите Анжуйской. Подобная визуальная пропаганда должна была способствовать осознанию французами законности прав Генриха VI. На картине изображены три колонны, на которых размещены круглые миниатюрные портреты королей. Центральная колонна, названная «*Directe ligne de france*», начинается с портрета Людовика Святого, затем идет несколько изображений его потомков, снабженных ярлычками с указанием степени родства. Левая колонна с фоном из геральдических лилий, озаглавленная как «*ligne collateralle de France*», венчается портретом Карла Валуа, представляла, как следует из названия, «боковую ветвь королевского дома». Справа Эдуард I начинает «*ligne d'Angleterre*», украшенную львами, к которым, начиная с портрета Эдуарда III, добавляются лилии. Колонны заканчиваются портретами Екатерины и Генриха V, после них (непосредственно под Людовиком Святым) находится изображение Генриха VI, которого два ангела венчают двумя коронами. Стоит еще раз подчеркнуть, что в эпоху Средневековья пропаганда, направленная именно на визуальное восприятие, была особенно актуальна. Вполне естественным было решение вывешивать подобные картины в церквях, которые не только являлись местами скопления народа, но также придавали изображениям королей определенную сакральность и святость. Кроме того, в расчете на неграмотное большинство прихожан в церквях зачитывали текст сопроводительной поэмы, которая начинается с обвинений дофина в смерти герцога Бургундского, после чего поэт переходит к прославлению мира в Труа и рассказу о генеалогии Генриха VI. В 1426 г. граф Уорик заказал перевод данного сочинения на английский язык самому известному поэту того времени Джону Лидгейту.

Как уже было сказано выше, пропаганда, направленная на визуальное восприятие, окружала людей со всех сторон: на печатях и монетах, на посуде и стенах зданий и т.д. Как сообщает дневник анонимного парижского горожанина, члены муниципалитета носили во время английской оккупации белые повязки с алыми крестами св. Георгия⁴³. В 1424 г. в ознаменование союза с Бургундией Бедфорд приказал изготовить знамена, на которых пересекались кресты св. Георгия и св. Андрея, покровителя Бургундии⁴⁴.

Под 1436 г. в дневнике парижского горожанина после ряда критических замечаний в адрес англичан, которые за все время своего пребывания в столице Франции ничего не сажали и не строили, отмечено

⁴³ Journal d'un Bourgeois de Paris... P. 313.

⁴⁴ Waurin. Vol. IV. P. 101, 103.

нственное исключение из общего правила, а именно поведение энта герцога Бедфорда: «Он повсюду занимался строительством; его актер был совсем неанглийским, ибо он никогда не хотел ни с кем вать, в то время как англичане по своей природе всегда готовы вести ну с соседями без всякой на то причины»⁴⁵. Подобное высказывание нельзя лучше свидетельствует о реальном отношении англичан к быванию во Франции. В большинстве своем они воспринимали салованные земли и дома как временные владения, в улучшение орых не стоит вкладывать деньги и силы. Бедфорд же возглавлял то ьшинство, которое реально верило в возможность существования йной монархии. По всей видимости, Генрих V не случайно назна- 1 именно Бедфорда регентом Франции, ибо невозможно предста- ь человека, сделавшего больше для сохранения континентальных дений Англии. Находясь в Париже, герцог вел себя как законный витель, оказывая покровительство людям, причастным к искусству ьтературе: архитекторам, художникам, поэтам, музыкантам, ювели- 46. Для Бедфорда настолько важной была репрезентация Генриха VI ьнно как короля Франции, что в одном из ордонансов, изданном в ье в 1423 г., он не только запрещал приписывать королевский титул му, кто именуется себя дофином», но также называть его сторонников инцузами, а не арманьяками⁴⁷. Этим указом регент как бы стремился ьвести наглядное различие между «хорошими», то есть преданными ьнному государю, французами и не заслуживающими национальной ьактеристики арманьяками: в данном случае политическая идентич- ьть определяла и заменяла национальную.

⁴⁵ Journal d'un Bourgeois de Paris... P. 320: «Lequel faisoit touzjours maçonner, en quelque qu'il fust, et estoit sa nature toute contraire aux Angloys, car il ne vouloit avoir guerre à que personne, et les Angloys, de leur droicte nature, veullent touzjours querreer leus voisins cause».

⁴⁶ Reynolds C. «Les Angloys, de leur droicte nature, Veullent touzjours guerreer»: Evidence painting in Paris and Normandy, c. 1420–1450 // Power, Culture, and Religion in France / Ed. . Allmand, Woodbridge, 1989. P. 37–55.

⁴⁷ И хотя Карл VII титуловал себя после смерти отца не дофином, а королем Франции, Бедфорд избегал даже упоминать о притязаниях Карла на этот титул (Rowe B. J. H. King VI's Claim to France in Picture and Poem // The Library. 4th ser. Vol. XIII (1933). P. 77). Тем, насколько действенны были эти запреты, можно судить по одному из продолжений ийской хроники «Брут», анонимный автор которой под 1430 г. рассказывает об успехе зников англичан бургундцев в сражении под Компьенем, где была захвачена в плен на д'Арк, а также убито 800 человек «of the Frensshe men, Armunakkis and Scottis» (The . Vol. II. P. 439).

Королевские прокламации. Пропаганда в церковных проповедях и церемониях

Ранее уже упоминались официальные королевские прокламации, которые Эдуард III приказал распространять в Англии, Фландрии и Франции для разъяснения своим действительным и потенциальным подданным оснований для ведения справедливой войны против Филиппа Валуа, «узурпировавшего его корону». Именно этот принцип обращений ко всем подданным, независимо от их социального статуса и рода занятий, казался Эдуарду настолько эффективным, что он постоянно прибегал к нему на протяжении всего правления. Конечно, Эдуард III был не первым, кто изобрел метод «информационных» писем как инструмента политической пропаганды. Для рассматриваемой эпохи прокламации и обращения к населению осаждаемых городов и крепостей были вполне традиционным явлением; также не вызывали удивления подробнейшие письма к папе или главам соседних государств, основательно разъяснявшие, например, причины начала военных действий. Говоря о том, что Эдуард III уделял особое внимание пропаганде своей внешней политики, я подразумеваю, прежде всего его заботу о формировании общественного мнения среди подданных и союзников. Как заметил Жан Фруассар: «По правде сказать, с тех пор как они [Эдуард и Филипп Валуа. – *Е. К.*] решили вести войну, оба короля сочли необходимым объяснить и дать понять своим людям причину их конфликта, чтобы каждый скорее стремился поддержать своего господина»⁴⁸. Но если во Франции короли, как правило, старались пропагандировать свои идеи через памфлеты⁴⁹, то их английские противники предпочитали другой жанр.

Официальные королевские прокламации (*proclamations, littera*), именуемые в историографии информационными письмами (*newsletters*), предназначались непосредственно для публикации. Они содержали информацию о различных важнейших событиях: о причинах войны⁵⁰, о нападениях врага⁵¹, победах⁵², перемириях⁵³ и т.д.⁵⁴ Эти обращения

⁴⁸ *Froissart*. Vol. II. P. 234.

⁴⁹ *Jones W. R.* The English Church and Royal Propaganda During the Hundred Years War // *The Journal of British Studies*. Vol. XIX. N. 1 (1979). P. 19.

⁵⁰ *Foedera* (2). Vol. II. Part II. P. 1109, 1111.

⁵¹ *Ibid.* Vol. III. Part I. P. 38–39, 62, 67, 537.

⁵² Например, см.: *Foedera* (2). Vol. II. Part II. P. 1129 (Слейс); Vol. III. Part I. P. 89 (Креси); Vol. III. Part I. P. 130 (взятие Кале).

⁵³ *Ibid.* Vol. III. Part I. P. 485 (Лондонский договор 1359 г.), 495 (мир в Бретиньи 1360 г.) и т.д.

⁵⁴ Например, о высадке английских войск на континенте в 1340 г. (*Foedera* (2). Vol. III. Part I. P. 88).

должны были вызывать либо гордость за доблестные подвиги соотечественников, либо ненависть к врагу и желание противостоять ему. В последнем случае королевские обращения к подданным могли содержать не только информацию о произошедших событиях, но и предупреждения о вероятных грядущих нападениях. Например, в 1345 г. населению южных графств сообщили, что «король Франции собирает большое войско и огромный флот, чтобы напасть на эту область»⁵⁵, в следующем году на север была отправлена информация о грядущем нападении шотландцев⁵⁶, в 1351 г. Эдуард III напоминал о том, что «король Франции не перестает собирать войска для вторжения в королевство Англию»⁵⁷. Разосланная в 1356 г. информация также касалась грядущей с континента опасности: вражеские корабли собрались «уничтожить английский флот и вторгнуться в наше королевство»⁵⁸. Побочной целью этих предупреждений (помимо подготовки городов и их населения к оказанию сопротивления врагам, которая традиционно включала строительство дополнительных оборонительных сооружений и усиление гарнизонов) было создание образа не абстрактного врага, нарушившего права короля где-то на континенте, а врага, реально угрожающего мирному населению Англии. Потенциальная угроза могла быть описана довольно неопределенно, как «причинение большого зла», или более подробно, как «убийства, грабежи, поджоги и совершение других преступлений» (подобная фраза является топосом в политической литературе); изредка называлась конкретная цель противника: например, «похищение короля Иоанна из наших рук»⁵⁹. Эдуард III был твердо убежден в необходимости так или иначе привлекать внимание мирного населения к делам войны, которую он вел. Как рассказывает Томас Уолсингем⁶⁰ и как свидетельствуют королевские указы, подобные прокламации распространялись не только в Англии, но и во всех странах, которые так или иначе были вовлечены в войну. При этом примечателен следующий факт: несмотря на то что первоначальный текст составлялся на латыни, «публикации» осуществлялись на национальных языках. Уже в самом начале войны этим языком в Англии стал английский, что было официально закреплено распоряжением короля Эдуарда в 1362 г.

Помимо успешно зарекомендовавших себя информационных писем и прокламаций, предназначавшихся прежде всего для собственных под-

⁵⁵ Foedera (2). Vol. III. Part I, 38–39.

⁵⁶ Ibid. P. 62.

⁵⁷ Ibid. P. 67.

⁵⁸ Ibid. P. 537.

⁵⁹ Ibid. Vol. II. Part II. P. 1062, 1072, 1077; Vol. III. Part I. P. 471–472, 477.

⁶⁰ Walsingham. Vol. I. P. 220.

цинных, особым типом пропаганды являлись открытые послания противникам. Например, в 1429 г. для поддержания боевого духа сторонников английского короля, огорченных потерей Орлеана, а также для заверения колеблющихся в незыблемости власти Генриха VI Бедфорд адресовал открытое письмо «Карлу Валуа, привыкшему называть себя Вьеннским дофином, а теперь безосновательно именуящему себя королем». В нем он обвинял Карла VII в захвате земель, принадлежавших «естественному и законному королю Франции и Англии (*naturel et droiturier roy de France et d'Angleterre*)», а также в «принуждении населения этих земель к неповиновению и клятвопреступлению, заставляя их нарушить окончательный мир (*la paix finale*) между двумя королевствами, Францией и Англией, которые жили в мире и справедливости (*qui lors vivoient en paix et bonne justice ou equite*)». Герцог делал своему противнику традиционное для англичан (уверенных в собственной правоте, а следовательно, и божественной помощи) предложение разрешить конфликт личным поединком, предупреждая, что в случае отказа вся вина за бедствия, к которым неизбежно приводят войны, падет на него⁶¹. Еще раз подчеркну, что этот и другие аналогичные вызовы предназначались не столько их непосредственным адресатам, сколько «широким массам», формируя негативный образ противника.

Завершая разговор о прокламациях, следует также отметить широко распространенную традиционную практику обращения к населению вражеских территорий. В однотипных прокламациях такого рода, как правило, четко разъяснялись причины войны, законные права английских монархов и «зловредные козни» их противников, а также содержались обещания сохранить жизнь и частную собственность всем жителям региона, перешедшим на английскую сторону. Информационные письма вывешивали в храмах во всех крупных городах, кроме того, королевские чиновники и клирики зачитывали их в местах скопления народа.

Роль, которую представители клира играли в деле пропаганды войны, следует рассмотреть отдельно. Неизвестно, когда в Англии появилась практика молиться за военные успехи королевского войска. Молитвы за благополучие персоны короля (*pro rege*) входили в состав ежедневной литургии еще в англосаксонский период⁶², что было тесно связано с сакральностью королевской власти и персонификацией всего королевства в образе короля. К этому же времени относится практика организации коллективных молебнов об избавлении от природных бедствий, к кото-

⁶¹ *Waurin*. Vol. III. P. 320–324.

⁶² *McHardy A. K.* Religious Ritual and Political Persuasion: The Case of England in the Hundred Years War // *International Journal of Moral and Social Studies*. Vol. III (1988). P. 41–57.

рым постепенно стали добавляться молебны об установлении мира в королевстве⁶³. В период классического Средневековья стремление к миру, как правило, было тесно связано с необходимостью успешного завершения войны. С XIII в., как свидетельствуют епископские регистры, короли сами начинают проявлять инициативу в организации специальных литургий. К началу XIV в. молитвы об успехе внешнеполитических дел короля были уже утверждены традицией. Например, биограф Уолтера Рейнольдса, занимавшего кафедру архиепископа Кентерберийского в период с 1305 г. по 1334 г., свидетельствует о 94 случаях произнесения подобных молитв⁶⁴. И хотя часть из них была посвящена здоровью и благополучию персоны короля⁶⁵ или просьбам о снисхождении к молящимся, остальные касались политических аспектов: установления мира между королем и баронами (1312 г.) и успехов в войнах с Шотландией (1314, 1317 и 1319 гг.). Эдуард I и Эдуард II обращались к генеральным капитулам доминиканцев и францисканцев с просьбами о вознесении молитв во время международных переговоров. Аналогичные распоряжения молиться за членов королевской семьи и установление мира между христианами английские прелаты получали из папской курии⁶⁶. Таким образом, к началу правления Эдуарда III молитвы духовенства и мирян за успех военных и дипломатических предприятий их сюзеренов являлись вполне утвердившейся традицией, которая была существенно модифицирована уже в ходе первого этапа Столетней войны.

Главным нововведением стал отказ от мотива христианской любви и сострадания к врагам государства. Последней данью старой традиции были молитвы, вознесенные доминиканцами во время мирных переговоров в Дижоне (1333 г.) и Лондоне (1335 г.) и францисканцами в Ассизи (1334 г.)⁶⁷. Примечательно, что после того, как молитвы за внешнеполитические дела короны перестали быть наднациональными, обращения к главам монашеских орденов стали более редкими, что вовсе не означает их полного исчезновения. Так, в 1346 г. доминиканцы получили от короля приказ разъяснить населению обоснование претензий короля Англии на французскую корону⁶⁸. Несколькими месяцами позже августинцы,

⁶³ *Owst G. H. Preaching in Medieval England. Cambridge, 1926. P. 202–203; Jones W. R. The English Church and Royal Propaganda // Journal of British Studies. Vol. XIX (1979). P. 20.*

⁶⁴ *Write J. R. The Church and the English Crown 1305–1334: A Study Based on the Register of Archbishop Walter Reynolds. Toronto, 1980. AP. 11. P. 348–360; McHardy A. K. Some Reflections on Edward III's Use of Propaganda // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. N.Y., 2001. P. 173.*

⁶⁵ Девять молитв о здравии Эдуарда I, три – Эдуарда II и одна – Филиппа IV.

⁶⁶ *McHardy A. K. Some Reflections on Edward III's Use of Propaganda... P. 173.*

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ *Foedera (2). Vol. III. Part I. P. 72.*

минориты и кармелиты получили распоряжение молиться за успехи графа Ланкастерского в Гаскони⁶⁹. С просьбой поддержать в молитвах войско, возглавленное Черным принцем в 1355 г., король Эдуард обратился ко всем главным монашеским орденам: бенедиктинцам, цистерцианцам, августинцам, кармелитам, доминиканцам и францисканцам. Аналогичная просьба последовала и в 1375 г.⁷⁰ На мой взгляд, не стоит преуменьшать чисто религиозный мотив этих королевских обращений: как истинный христианин, Эдуард III не мог сомневаться в том, что регулярное вознесение молитв поможет ему обрести поддержку Всевышнего⁷¹. Однако Эдуард не мог оставить без внимания и столь эффективный инструмент воздействия на сознание подданных, коим являлась Церковь. Поэтому основной акцент был сделан на молитвы, произносимые в приходах. Связующим звеном между королем и его подданными стали архиепископы и епископы: Эдуард информировал их о важнейших событиях отдельными письмами, а они через архидьяконов и приходских священников доносили нужные сведения до паствы. Следует отметить, что король старался писать лично каждому епископу, главам монашеских орденов, а также аббатам наиболее крупных монастырей⁷². Кроме того, стандартный текст обращения короля к представителям светской власти в провинциях (шерифам и их помощникам) традиционно включал упоминание о необходимости извещения «архиепископов, епископов, аббатов, приоров и других духовных персон» наряду с мирянами («графами, баронами, рыцарями, торговцами и горожанами») обо всех военных приготовлениях⁷³.

Благодаря столь четко разработанной схеме аудитория, на которую воздействовала королевская пропаганда, охватывала не только двор и парламент, но достигала масштабов всего королевства. После получения соответствующего предписания епископы в свою очередь, не мешкая, отправляли распоряжения клирикам, аббатам и приорам в своих диоцезах об организации специальных литургий с молитвами об успехе англичан в войне. В июле 1340 г. король проинформировал епископов о победе при Слейсе и попросил их отслужить торжественные мессы с участием как можно большего числа клириков и мирян для того, чтобы Бог мог

⁶⁹ Ibid. P. 81.

⁷⁰ McHardy A. K. Some Reflections on Edward III's Use of Propaganda... P. 174.

⁷¹ О набожности Эдуарда III см.: Ormrod W. M. The Personal Religion of Edward III // *Speculum*. Vol. LXIV (1989). P. 849–877.

⁷² Foedera (2). Vol. I. Part II. P. 914, 958; Vol. II. Part II. P. 896–897, 910, 1209; Cf. *Churhill I. J. Canterbury Administration*. L., 1933. P. 359 (n. 2).

⁷³ Foedera (2) Vol. II. Part II. P. 989. Также см.: Foedera (2). Vol. II. Part 2. P. 964, 900, 994–995 etc.

даровать счастливый исход королевской кампании⁷⁴. Аналогичную поддержку епископы обеспечили экспедициям Генриха Ланкастерского в 1342, 1345, 1346 гг.⁷⁵ В 1355 г. Эдуард разослал епископам уведомление о возобновлении войны на континенте и снова просил их заступничества⁷⁶. В качестве примера приведу реакцию Джона де Грандисона, епископа Эксетерского, который тут же отписал декану кафедрального собора и архидьяконам всего диоцеза, сообщая им об отплытии принца Уэльского в Гасконь. Епископ рассказывает о неудачных попытках короля заключить мир с «узурпатором», напоминая о том, что обязанностью христиан является жить в мире, пока это возможно. В заключение епископ предписывал подчиненным молиться за благополучие принца и успех его предприятия⁷⁷. В следующем году, получив известие о победе при Пуатье и пленении короля Иоанна, епископ приказал архидьяконам, аббатам, приорам и остальному духовенству отслужить особую службу с крестным ходом⁷⁸. В 1359 г., еще до отплытия короля во Францию, Джон де Грандисон повторил инструкции об организации торжественных молебнов, добавив распоряжение совершать крестные ходы вокруг церкви не реже двух раз в неделю⁷⁹.

О том, насколько трепетно епископы относились к возлагаемой на них королем миссии, можно судить по письму епископа Чичестерского, требующего наказания для людей, которые схватили его и помешали отслужить службу за успех последней кампании короля, как это предписывалось в письме, отправленном ему из королевской канцелярии⁸⁰. В правление Генриха V и Генриха VI архиепископ Кентерберийский неоднократно предостерегал своих подчиненных от невыполнения королевских просьб⁸¹. Предположение Г. Хьюитта о том, что в этих случаях молитвы могли произноситься по-английски⁸², подтверждается исследованиями А. МакХарди, обратившего внимание на то, что епископ Линкольнский Филипп Репингтон в 1417 г. намеренно подчеркнул в своем предписании об организации в его епархии коллективных молебнов за успех королевского войска во Франции,

⁷⁴ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1129.

⁷⁵ The Register of John de Grandison, Exeter Episcopal Registers / Ed. F. C. Hingeston-Randolph. L., 1894–1897. Vol. I. P. 66; Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1209; Vol. III. Part I. P. 81, 88, 176; *Avesbury*. P. 168; The Anonimale Chronicle. P. 168–169.

⁷⁶ Foedera (2). Vol. III. Part I. P. 303.

⁷⁷ The Register of John de Grandison. Vol. II. P. 1173.

⁷⁸ Ibid. P. 1191.

⁷⁹ Ibid. P. 1200–1201.

⁸⁰ Calendar of Patent Rolls (1340–1343). P. 587. (У епископа был личный конфликт с местными рыцарями, на притеснение со стороны которых он и жаловался королю.)

⁸¹ Register of Henry Chichele. Vol. IV. P. 158–159, 167–168, 176.

⁸² Hewitt H. J. The Organisation of War under Edward III. 1338–1362. N.Y., 1966. P. 163.

чтобы они проводились именно на народном языке («sermonibus publicis in vulgari»). Тремя годами позже этот же епископ самостоятельно составил патриотическое воззвание к пастве на английском языке и настоял, чтобы копии этого обращения зачитывались в церквях при большом скоплении народа⁸³. И хотя оба этих примера относятся к XV в., можно предположить, что и в более раннюю эпоху часть богослужения, в частности литании, действительно могла произноситься по-английски. В любом случае епископы, как правило, не вносили кардинальных изменений в литургию, стараясь использовать хорошо знакомые пастве молитвы и псалмы. Иногда прихожанам, живущим слишком далеко от церкви, личное присутствие на торжественной службе заменялось домашними молитвами. Если же в связи с особенно торжественным богослужением епископы меняли его порядок, то они непременно рассылали приходским священникам детальную роспись псалмов и молитв, которые должны быть прочитаны⁸⁴.

Помимо молитв и крестного хода существовали проповеди, непосредственно предназначенные для наставления аудитории на путь истинный. О взглядах наиболее выдающихся английских проповедников того времени на проблему правильного отношения к войне и миру речь пойдет в соответствующем разделе, здесь же я остановлюсь на проповеди как на инструменте пропаганды. Как правило, любая служба сопровождалась если не полноценной проповедью, то хотя бы кратким комментарием к текстам Священного Писания. Проповедники старались употреблять знакомые прихожанам библейские слова и выражения, избегая при этом прямого цитирования, для максимального воздействия на аудиторию также использовались различные риторические приемы⁸⁵. Как отмечает в своем исследовании Г. Оуст, существовала огромная разница между тем языком, на котором проповедь произносилась, и тем, на котором она записывалась⁸⁶. Имеется в виду не только разница в стилях, но также то, что, как правило, проповеди произносились на народных языках, несмотря на то что записывались они по-прежнему на латыни⁸⁷. В качестве примера

⁸³ *McHardy A. K. Liturgy and Propaganda in the Diocese of Lincoln During the Hundred Years War // Religion and National Identity / Ed. S. Mews. Oxford, 1982. P. 220–222; Idem. Some Reflections on Edward III's Use of Propaganda... P. 175–176.*

⁸⁴ *Idem. Liturgy and Propaganda in the Diocese of Lincoln During the Hundred Years War // Religion and National Identity / Ed. S. Mews. Oxford, 1982. P. 216–217; Idem. Some Reflections on Edward III's Use of Propaganda... P. 176.*

⁸⁵ *Idem. Some Reflections on Edward III's Use of Propaganda... P. 178–184.*

⁸⁶ *Owst G. H. Preaching in Medieval England... P. 223–227.*

⁸⁷ В качестве примера можно привести письмо Майкла Нортбурга с рассказом о взятии Кана, которое было написано на французском и приводится на этом языке Робертом из Эйвсбери (*Avesbery. P. 358–360*), в то время как автор «Продолжения хроники Адама из Маримута» (*Murimuth Adae Continuatio Chronicarum / Ed. M. Thompson. L., 1889. P. 212–213*) и Генрих Найтон (*Knighton (1). P. 54–55*) перевели это письмо на латынь.

включения информации о внешней политике короля в пасторское обращение можно привести проповедь епископа Вустерского, произнесенную в октябре 1334 г. по поводу шотландского похода Эдуарда III: «Король разгневан высокомерием, злобой и порочностью шотландцев, их нарушением клятвы верности и оммажа, их предательским ведением войны против короля и его союзников и многими злодеяниями, в которых они повинны... Для предотвращения дальнейших злодеяний, по совету парламента в Вестминстере, он отправился в Шотландию для защиты своих земель и королевства Англии». Дальше епископ объяснял, что в надежде на успех «король больше доверяет поддержке свыше, чем земной силе, больше молитвам верующих, чем вооруженным отрядам», поэтому он призывает мирян и духовенство молиться за короля и его войско, за их удачный поход и счастливое возвращение⁸⁸.

Соучастие мирян и духовенства в королевских делах посредством вознесения молитв за их успех, а также их осведомленность о ходе военных действий должны были благоприятно сказываться на восприятии самой войны, снижая недовольство новыми налогами (напомню, что в Англии духовенство также платило некоторые налоги⁸⁹). Иногда, ввиду особого возмущения подданных финансовой политикой королей, последним приходилось обращаться к духовенству с просьбой разъяснить вынужденность соответствующих мер. Так, в 1338 г. Эдуард III в письме к архиепископу Йоркскому жалуется о дополнительных тяготах, которыми ему пришлось обременить свой народ для ведения войны «для защиты королевства и нашего закона... против наших врагов, законы наши несправедливо попирающих». Также король просит архиепископа помолиться вместе с духовенством и мирянами за его триумф над врагами и объяснить необходимость взимания налогов для содержания армии⁹⁰. Об этом королевском письме упоминает в своей хронике монах из Бридлингтона, отмечая, что, прочитав его, архиепископ сразу же издал приказы отслужить во всех церквях и монастырях диоцеза торжественные литургии об успехе королевской кампании. Для привлечения большего числа мирян к участию в этих службах архиепископ обещал всем пришедшим к мессе 40 дней отпущения грехов после смерти⁹¹.

⁸⁸ Register of Simon de Montacute, Bishop of Worcester, 1334–1337 / Ed. R. M. Haines. (Worcestershire Historical Society. 15). Worcester, 1996. P. 209.

⁸⁹ *McHardy A. K.* Clerical Taxation: the Clergy as Agents of the Crown // The Church, Politics and Patronage in the Fifteenth Century / Ed. R. B. Dobson. Gloucester; N.Y., 1984. P. 168–192.

⁹⁰ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1025–1026; The Chronicle of Bridlington Priory. P. 135–136.

⁹¹ Foedera (2). Vol. II. Part II. P. 1026; The Chronicle of Bridlington Priory. P. 136–137.

Практика обращений к епископам для организации специальных торжественных литургий и произнесения проповедей на темы, касающиеся внешней политики английской короны, продолжала осуществляться на протяжении всей Столетней войны. Например, в 1443 г. Генрих VI обратился к епископу Херефордскому с просьбой отслужить во всех приходских церквях и монастырях его диоцеза мессы об успехе королевских войск во Франции, поскольку он «осознает, что процветание и благополучие государей и их королевств, земель и подданных, а также одержание побед над врагами зависят главным образом не от мудрости или силы человеческой, не от количества людей, но находится в руке, расположении и милости Божьей»⁹². При этом Генрих настаивал на том, чтобы епископ разъяснил мирянам богоугодность этого занятия, дабы последние молились с большим рвением. В качестве награды всем присутствующим на этих специальных богослужениях король просил традиционно даровать 40 дней прощения⁹³. В 1453 г. Генрих VI приказал во время публичных богослужений («sermons generaulx») распространить среди его французских подданных содержания договора в Аррасе, «для того чтобы народ (le peuple) мог увидеть и понять, как их господин король выполняет свой долг... для соблюдения мира». Для осуществления этого распоряжения был заказан целый ряд копий договора⁹⁴.

Столь ревностная забота короны о формировании благоприятного отношения подданных к войне через распространение информации об успехах английских войск и привлечение мирного населения к «соучастию» в этих успехах посредством организации коллективных молебнов не могла оказаться напрасной. Регулярные сообщения о захваченных вражеских городах и крепостях, приведение данных об убитых и плененных противниках, которые как нельзя лучше дополнялись информацией о незначительных потерях с английской стороны, торжественные благодарственные молебны и пышные празднества в столице – все это не только внушало англичанам чувство гордости за соотечественников, но и наводило на мысль об их превосходстве над другими народами и особом благоволении к ним Бога.

⁹² The Register of Thomas Spofford, Bishop of Hereford, 1422–1448 / Ed. A. T. Bannister. Hereford, 1917. P. 252–253.

⁹³ Ibid. P. 253–254.

⁹⁴ Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry VI, King of England. Vol. II. Pt. 1. P. XLV–XLVI; McHardy A. K. Religious Ritual and Political Persuasion... P. 47–54; Jones W. R. The English Church and Royal Propaganda... P. 28–30.

Организация публичных праздников и шествий в Средние века являлась одним из самых эффективных способов воздействия на общественное сознание. Часть таких тщательно продуманных и искусно организованных мероприятий предназначалась для узкого круга придворных и ограниченного числа гостей. В январе 1344 г. во время турнира, на который были приглашены лучшие рыцари и благороднейшие дамы королевства, Эдуард III поклялся на Библии возродить Круглый стол легендарного короля Артура⁹⁵. Вскоре в Виндзоре, в замке, основанном, по преданию, самим Артуром, был установлен Круглый стол Эдуарда III, за которым могли сидеть триста рыцарей⁹⁶. Для ежегодных собраний был избран праздник Пятидесятницы, часто упоминаемый в легендах о рыцарях Круглого стола⁹⁷. Вне всякого сомнения, Эдуард III стремился к тому, чтобы его имя прочно ассоциировалось с именем прославленного короля. Настойчивое желание Эдуарда III предстать в роли наследника короля Артура было тесно связано с проводимой им внешней политикой, ведь, согласно преданию, Артур был не только одним из самых великих христианских рыцарей, но и могущественнейшим королем, подчинившим себе всю Британию и значительную часть Франции.

Сама идея обращения к образу короля Артура не принадлежала Эдуарду III. Его дед, Эдуард I, также воевавший с Шотландией и Францией, торжественно перезахоронил обнаруженные еще в 1191 г. в монастыре Гластонбери останки великого предка и приказал соорудить над ними мраморное надгробие в виде креста⁹⁸. В правление этого монарха устраивались пышные «празднества Круглого стола», организованные либо самим королем (например, в 1299 г. по случаю его бракосочетания с сестрой Филиппа IV), или для него кем-то из приближенных. Во время этих праздников все участники играли определенные роли; естественно, роль короля Артура неизменно исполнял сам Эдуард I⁹⁹.

При Эдуарде III культ короля Артура стал настоящей правительственной программой. Решив не ограничиваться воссозданием братства Круглого стола, которое должно было объединить триста лучших

⁹⁵ *Adam Murimuth*. P. 155–156; *The Brut*. Vol. II. P. 296.

⁹⁶ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 17.

⁹⁷ *Adam Murimuth*. P. 156.

⁹⁸ *Leland John*. *Assertio Inclycissimi Arthurii Regis Britanniae*. Ioanne Lelando Antiquario Autore // *De Rebus Britannicis Collectanea*: 6 vols. / Ed. T. Hearne. Oxford, 1716; 3rd ed. L., 1774. Part V. P. 52–55; *Polidor Vergil*. *The Anglicae Historia* / Ed. D. Hay. L., 1950. P. 122.

⁹⁹ Описание праздника Круглого стола, устроенного Роджером Мортимером, приводится в хронике «Брут» (*The Brut*. Vol. I. P. 268); *Loomis R. S.* *Edward I, Arthurian Enthusiast* // *Speculum*. Vol. XXVIII (1953). P. 114–127.

английских рыцарей, 23 апреля 1348 г., в День св. Георгия, Эдуард III основал особый рыцарский орден – Орден св. Георгия, или общество Подвязки, в который вошло, помимо государя, двадцать пять лучших рыцарей королевства. Выбор св. Георгия в качестве покровителя ордена не был случаен в условиях ведения постоянных войн. В предыдущей главе я упоминала о легенде, связанной с названием ордена, согласно которой в 1347 г. во время бала король подобрал оброненную его фавориткой синюю бархатную подвязку. Услышав смех придворных за спиной, Эдуард заметил: «Noni soit qui mal u pense» («Пусть стыдится тот, кто плохо подумает об этом»). Через год эти слова стали девизом нового ордена.

Первоначально орден Подвязки объединял лучших рыцарей, прославившихся своей доблестью, со временем этой чести стали удостаиваться только самые знатные лорды. Для каждого из придворных право носить подвязку – шитый синим бархатом миниатюрный пояс с вытканым серебром девизом, который застегивали под левым коленом, – стало одним из самых заветных желаний. Высокий статус члена ордена должна была подчеркивать соответствующая парадная одежда, также украшавшаяся геральдическими изображениями подвязки. Особый интерес у историков вызывает синий цвет мантии (по всей видимости, Эдуард III заимствовал идею мантии у рыцарей ордена госпитальеров), который более подходил духовенству или бедным мирянам, чем знатым рыцарям¹⁰⁰, тем более что цветами патрона ордена, св. Георгия, были белый и красный. Возможно, что лазурный цвет был взят с герба Франции, на корону которой претендовал Эдуард III. Сперва подбитые горностаем мантии шили из синей шерсти, с середины XV в. стали использовать бархат, подбитый белой камчатной тканью (еще позже – белым атласом). Кроме мантии, члены ордена обычно носили плащ с капюшоном, который мог быть синим, белым или алым. Костюм кавалера завершала цепь с изображением святого патрона ордена – св. Георгия, побивающего дракона.

С самого начала орден Подвязки, как и воссозданный Круглый стол, задумывалось как рыцарское братство, в которое могут быть приняты достойные христианские воины, независимо от их подданства. Последнее обстоятельство не только способствовало повышению престижа ордена в христианском мире, но также укрепляло на личном уровне союзнические отношения английских королей с иностранными государями и рыцарями.

¹⁰⁰ С. М. Ньютон, исследовавшая придворный английский костюм того времени, полагает, что синий цвет символизировал смирение, которое не входило в число основных характеристик членов ордена Подвязки (*Newton S. M. Fashion in the Age of the Black Prince. A Study of the Years 1340–1365. Woodbridge, Suffolk, 1980. P. 43–46*).

Уже при Эдуарде III Подвязку получали не только англичане и гасконцы или служившие в английском войске иностранцы (такие, как Уолтер де Мэнни¹⁰¹ или Франк ван Халлен), но и бывшие противники, которых английский король пожелал видеть среди своих союзников.

Среди последних можно упомянуть Ангеррана де Куси, оказавшегося при английском дворе в качестве одного из сорока заложников выкупа Иоанна II. В Лондоне сеньор де Куси покорила сердце старшей дочери Эдуарда III Изабеллы. В 1365 г., женившись на английской принцессе, он стал кавалером ордена Подвязки, а через три года – графом Бедфордом. Поскольку устав запрещал кавалерам ордена предпринимать что-либо против суверена (Souverain – официальный французский титул главы ордена), то есть короля Англии, а также сражаться друг с другом (например, если два члена ордена подписывали наемнические контракты с воюющими противниками, устав предписывал тому, чей контракт был подписан последним, отказаться от дальнейшей службы), Ангерран де Куси решил вернуться к войне против Англии лишь после смерти короля Эдуарда. В 1377 г. он был назначен маршалом Франции, а после смерти Дюгеклена ему предложили должность коннетабля, от которой он отказался в пользу Оливье де Клиссона.

Как правило, иностранных членов ордена было немного (от двух до шести), исключением явилось правление коронованного английской и французской коронами Генриха VI, при котором их число достигло трети. За всю историю ордена среди удостоившихся Подвязки иностранцев доминировали императоры, короли и принцы крови (кроме королев Франции, Наварры и Шотландии – извечных врагов Англии – суверены всех остальных стран Западной Европы хотя бы раз побывали членами ордена), реже в орден принимались бароны, простые же рыцари – почти никогда. Сразу после избрания новому члену ордена посылалась подвязка, как главный знак отличия, иностранцы также получали мантию и копию статута ордена. Избрание англичан в члены ордена воспринималось как очевидная честь, не предполагающая возражения с их стороны, а посему не требующая согласия со стороны удостоившихся ее. Иностранцы же должны были в течение четырех месяцев подтвердить свое желание примкнуть к рыцарскому союзу. Так, промедление герцога Бургундии Филиппа Доброго

¹⁰¹ Уолтер, 1-й барон Мэнни (Maupey, Mauny), рыцарь из Геннегау, прибыл в Англию в свите королевы Филиппы. Прославленный полководец и основатель Чартерхауса – первого военного госпиталя в Лондоне. В русскоязычной литературе его имя иногда транскрибируют как Гийом де Мони.

с изъявлением согласия было трактовано остальными членами ордена как отказ присоединиться к ним.

Куртуазные игры – многочисленные рыцарские турниры и балы, собрания рыцарей за Круглым столом и столь притягательный орден Подвязки (на ежегодные праздники которого приглашались также и дамы) – подталкивали молодых придворных вступить на путь славы, приняв участие в одной из королевских военных кампаний. Автор написанной около 1346 г. поэмы, озаглавленной «Клятва цапли»¹⁰², рассказывает о том, как английские рыцари, присутствовавшие на пиру у короля Эдуарда, вслед за своим сеньором приносили клятву принять участие в войне против «узурпатора» французского престола (так англичане именовали короля Франции Филиппа Валуа) ради защиты справедливости и божественного закона. Один из героев поэмы, граф Солсбери (жена которого, возможно, стала героиней истории с подвязкой), прежде чем отправиться во Францию, попросил свою возлюбленную, дочь графа Дерби, закрыть ему правый глаз, пообещав не открывать его, пока он не сразится с войском Филиппа Валуа¹⁰³. В свою очередь, его дама поклялась не выходить замуж, пока не вернется ее рыцарь. Уолтер де Мэнни поклялся Пресвятой Деве хранить молчание до тех пор, пока не возьмет штурмом французский город. Другие рыцари и прелаты также принесли красивые обеты, обещая над птицей послужить своему государю и сокрушить его врагов. Последней была клятва королевы Филиппы, пообещавшей, несмотря на беременность, разделить с мужем тяготы военного похода. Разумеется, поэма «Клятва цапли» – всего лишь литературное произведение, но оно было написано в соответствии со вкусами публики того времени, желавшей, чтобы куртуазностью и доблестью современники не уступали героям рыцарских романов. Позднее, примерно в 60–70 гг. XIV в., краткий про-

¹⁰² Эта поэма была написана по мотивам другого знаменитого поэтического произведения того времени «Клятвы павлина», сочиненного в 1313 г. Жаком де Лонгийоном для епископа Льежа. В этой поэме воины Александра Великого приносят свои клятвы над жареным павлином. Позднее Лонгийон сочинил еще одну поэму с аналогичным сюжетом «Клятва ястреба», в которой император Генрих VII и его рыцари приносили клятвы над ястребом-перепелятником во время банкета в Милане. Этот мотив был чрезвычайно популярен в Средние века. В 1463 г. Давид Обер вставил сцену клятвы короля Сицилии и всех присутствующих на банкете в Неаполе рыцарей в роман «История трех благородных сыновей короля», посвященный Филиппу Доброму, герцогу Бургундии. В 1454 г. Филипп Добрый устроил «Банкет фазана», в ходе которого он поклялся возглавить поход против турок и вызвать султана на поединок (см.: Buik of Alexander / Ed. R. L. G. Ritchie. Edinburgh, 1925. Vol. I. P. XXXVIII–XLIII; Loomis R. S. Edward I, Arthurian Enthusiast. P. 124–125; Хачатурян Н. А. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 177–199).

¹⁰³ The Vow of the Heron // English Political Poems. Vol. I. P. 12–13.

заический пересказ этой поэмы был вставлен в «Анонимную бернскую хронику»¹⁰⁴. Жан Ле Бель и Жан Фруассар в своих сочинениях также упоминают о молодых английских рыцарях, которые, следуя принятым обетам, носили черную повязку, закрывающую один глаз, до тех пор, пока не совершали рыцарского подвига на континенте¹⁰⁵.

Рассказы хронистов иллюстрируют то, как действует механизм средневековой пропаганды: эпизод поэмы становится примером для практического подражания, после чего он получает «окончательное закрепление» в исторических текстах авторитетных авторов, вдохновляя на аналогичные поступки рыцарей следующего поколения. Говоря это, я вовсе не утверждаю, что обет закрыть глаз до свершения подвига или аналогичные ему рыцарские обязательства были порождением фантазии авторов литературных сочинений, но я полагаю, что куртуазная литература сыграла огромную роль в популяризации подобных жестов. Подражая героям модных романов артуровского цикла или уподобленным литературным топосам поступкам современников, английские рыцари жаждали свершения великих подвигов во имя благородной цели, которые могли бы принести им почет и славу. Король Эдуард предложил двору красивую игру, ориентированную на подражание героям рыцарских романов. Трудно судить, насколько серьезно сам король и его придворные собирались следовать кодексу чести героев романов. Однако в любом случае, поскольку инициатива игры в куртуазность исходила от самого короля, вряд ли можно сомневаться в том, что соблюдение определенных правил поведения при дворе являлось не только модой, но и обязанностью.

Если придворные праздники и турниры были ориентированы на весьма узкий круг потребителей, то общественные празднества задействовали гораздо большее количество участников и зрителей. Из публичных торжеств наибольшей пропагандистской направленностью обладали триумфальные въезды королей-победителей (или их наследников) в города (в первую очередь в столицу) после удачного завершения военных кампаний или же по случаю какого-нибудь иного знаменательного события. Эти празднества упоминаются почти во всех хрониках. Некоторые авторы, не ограничиваясь простым сообщением о состоявшемся торжестве, педантично описывают все элементы праздника.

Один из самых пышных и роскошно оформленных триумфов был организован муниципалитетом Лондона после первой континенталь-

¹⁰⁴ Анонимная бернская хроника // Хроники и документы Столетней войны... С. 172–173.

¹⁰⁵ *Ле Бель, Жан*. Правдивые хроники // Хроники и документы Столетней войны... С. 84; *Le Bel*. Vol. I. P. 124; *Froissart*. Vol. II. P. 372.

ной кампании Генриха V. Анонимный капеллан короля сообщает, что после победы при Азенкуре этого «самого любимого и дорогого государя» («*amantissimi et desideratissimi principis*») вышло встречать все население столицы. Хронист подробно повествует обо всех этапах праздничного шествия – начиная от встречи короля мэром и двадцатью четырьмя олддерменами в Блэкхите и заканчивая въездом в Вестминстер. Весь путь был украшен аллегорическими фигурами. По обеим сторонам от Лондонского моста были воздвигнуты две колонны, выкрашенные под белый мрамор и зеленый порфир, на вершине одной из них стояла антилопа (геральдический символ Генриха V), поддерживающая королевский герб, другую венчал лев, держащий в правой лапе развернутый королевский штандарт. Неподдалеку под драгоценным балдахином находилась статуя св. Георгия, в правой руке которого был меч, а в левой – свиток со словами «Единому Богу честь и слава» [1 Тим. 1:17]. Изображающие ангелов маленькие мальчики (одетые в белое, с покрытыми золотой краской лицами) при приближении короля восклицали: «Благословен Грядущий во имя Господне». Башня в районе Корнхилла была задрапирована темно-красной тканью, концы которой расходились наподобие шатра. Саму башню украшали гербы св. Георгия, св. Эдуарда и св. Эдмунда, в центральной ее части размещались личные гербы Генриха и герб Англии. Возле башни короля поджидали костюмированные пророки, которые в нужный момент выпустили стаю птиц, а потом запели: «Пойте Господу песнь новую» – слова псалтыри, перекликающиеся с пророчеством Исаии о грядущем Спасителе [Ис. 12:5; Пс. 98:1; 149:1]¹⁰⁶. Далее процессия проследовала к башне у входа в Чипсайд, задрапированной зеленой тканью и украшенной гербом Лондона. Возле нее короля приветствовали апостолы, вместе с двенадцатью предшественниками Генриха на английском престоле и английскими святыми (к одеждам всех были прикреплены таблички с именами), которые также пели торжественный гимн («Спаси нас и прильнувших к нам»). Они преподнесли Генриху вина и хлеба, как это сделал царь Салема Мельхиседек для Авраама [Быт. 14:18]. Крест королевы Элеоноры, воздвигнутый в Чипсайте скорбящим по ней Эдуардом I, не был виден, поскольку его загоразживал искусно возведенный и тщательно разрисованный (словно бы сложенный из мрамора, зеленой и красной яшмы) замок, украшенный башнями (на самой высокой из них размещались гербы св. Георгия и короля Генриха), бастионами, арками, лестницами и валами, достигающими высоты в полтора копья. Над двумя арками замка, под которыми свободно могли проходить или проезжать люди,

¹⁰⁶ *Gesta Henrici Quinti...* P. 106.

была укреплена надпись: «Славное возвещается о тебе, град Божий!» [Пс. 86:3]. Рядом с замком одетые в белое прекрасные молодые девушки танцевали для короля и пели (уже по-английски): «Добро пожаловать, Генрих V, король Англии и Франции». Как замечает анонимный автор, это приветствие дев рождало у зрителей ассоциации с Давидом, сразившим Голиафа. На всех возвышениях замка размещались мальчики, символизирующие воинство ангелов и архангелов, которые не только пели молебен: «Тебя, Бога, славим», но и осыпали короля, когда он проезжал под аркой, дождем золотых монет. Дальнейший путь до собора Св. Павла был украшен постаментами, на которых под балдахинами стояли прекрасные девы в лавровых венках с золотыми чашами в руках. Когда король проезжал мимо них, они осыпали его золотыми листьями. Кроме лиц, непосредственно задействованных при подготовке торжеств (помимо актеров были еще и многочисленные мастера, изготавливавшие костюмы и декорации), длинную процессию (молодой король шествовал не один, его сопровождали многочисленные приближенные и знатные пленники) могли наблюдать целые толпы народа – анонимный автор отметил давку на улицах, а также бесчисленных зрителей, которым посчастливилось заполучить местечко возле окон. После торжественного богослужения в честь одержанной победы и благополучного возвращения королевский кортеж прошествовал в Вестминстерский дворец¹⁰⁷.

Несмотря на принятие титула французского короля Эдуардом III в 1340 г., ни он сам, ни кто-либо из его наследников вплоть до Генриха VI не был коронован дважды. При этом французская и английская короны всегда рассматривались как существующие отдельно друг от друга. Фактически Генрих VI был единственным коронованным по всем правилам королем Франции и Англии. После смерти Генриха V и Карла VI английские и французские подданные юного государя принесли ему оммаж и присягнули на верность. В отличие от Англии во Франции существовал закон (парламентский эдикт 1407 г.), по которому наследник престола был обязан короноваться в любом возрасте немедленно после смерти своего предшественника¹⁰⁸. Однако в октябре 1422 г. Генриху VI не было еще и года, и везти младенца из Англии было по

¹⁰⁷ *Gesta Henrici Quinti...* P. 102–112.

¹⁰⁸ *Малинин Ю. П.* Салический закон о престолонаследии и концепция королевской власти во Франции XIV–XV вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 1996. С. 130–137; *Цатурова С. К.* «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 244–245.

меньшей мере опасно для его здоровья. В сложившейся ситуации было принято компромиссное решение: коронация откладывалась на неопределенный срок, но все остальные важные церемонии, направленные на репрезентацию власти нового короля, проводились с участием регента Франции герцога Бедфорда. В ноябре 1422 г. он от имени племянника принял присягу главных должностных лиц королевства, членов парламента и Счетной палаты, ректора Парижского университета и иерархов духовенства¹⁰⁹. Осознавая всю важность этой процедуры в охваченном войной королевстве, столица которого скорее демонстрировала верность герцогу Бургундскому, чем законному монарху, регент сделал особое распоряжение прево Парижа относительно поквартального приведения к присяге всех жителей города. В это же время было объявлено, что каждый подданный Французского королевства, вступающий во владение феодалом или бенефицием или занимающий любую государственную должность, будет автоматически приводиться к присяге на верность новому королю и условиям мира в Труа¹¹⁰. В последующие годы Королевский совет в Англии регулярно напоминал французам об их законном короле, рассылая от его имени приветственные письма. Например, 22 февраля 1424 г. письма, в которых Генрих VI заверял подданных в собственном физическом благополучии и благодарил их за верность, были отправлены двадцати двум городам. Малолетний государь объяснял, что временно не может навестить вассалов лично, но обещал им военную помощь, дабы его люди могли и дальше жить в мире и безопасности¹¹¹. 8 сентября 1424 г. Бедфорд торжественно, как и подобает законному правителю королевства, въехал в Париж. И только после поражения под Орлеаном и коронации дофина в Реймсе (10 июля 1429 г.) регент обратился в Лондон с просьбой о подготовке коронации и организации путешествия Генриха VI во Францию.

Запланированная Бедфордом акция была особенно важна не только в качестве ответной меры на коронацию дофина. Важно отметить, что в данном случае празднества по поводу коронации совпадали с торжествами в честь первого въезда короля в столицу. Сакральная церемония, а также предшествующие ей въезды Генриха VI во французские города

¹⁰⁹ На протяжении всех лет правления англичан во Франции присяга на верность договору в Труа и королю Генриху VI постоянно возобновлялась. Например, Парижский парламент последний раз присягал за месяц до сдачи столицы войскам Карла VII 15 марта 1436 г. (*Duparc P.* La conclusion du traité de Troyes // *Revue historique de droit français et étranger.* 1971. № 1. P. 60–61; *Цатурова С. К.* Офицеры власти... С. 138).

¹¹⁰ *Thompson G. L.* Paris and Its People under English Rule... P. 151; *Wylie J. H., Waugh W. T.* The Reign of Henry the Fifth: 3 vols. Cambridge, 1914–1929. Vol. III. P. 227–228.

¹¹¹ *Thompson G. L.* Paris and Its People under English Rule... P. 36–37.

обладали безусловной самостоятельной репрезентативной ценностью. Для верных англо-бургундскому режиму французов девятилетнее отсутствие законного государя в королевстве не проходило незамеченным. Как отметила С. К. Цатурова, «одной из самых главных претензий парламента к властям в период англо-бургиньонского правления стало их невнимание к Парижу, расцениваемое парламентом как нарушение законов страны»¹¹². Еще в XIV в. во Франции утвердился обычай «торжественного въезда короля в города сразу же после коронации в качестве легитимного верховного правителя». В момент въезда король не только являл себя подданным, но и устанавливал с ними определенный диалог, обязуясь соблюдать права и вольности данного города, выслушивая прошения, принимая дары и делая ответные подарки (например, отменяя часть налогов)¹¹³.

Судя по всему, наспех проведенная 6 ноября 1429 г. лондонская коронация восьмилетнего Генриха VI и связанные с ней торжества мало впечатлили современников: описания довольно лаконичны и сводятся фактически к простой констатации свершившегося события и перечислению имен знатных лордов, принявших участие в церемониях. Организованные два года спустя въезд Генриха VI в Париж (2 декабря 1431 г.) и коронация (16 декабря 1431 г.) были продуманы куда более тщательно. Это и неудивительно, поскольку обе акции носили не только сакральный, но, прежде всего, пропагандистский характер. Как отметил один из членов парижского парламента, долгожданная встреча государя с подданными должна была «предстать в наибольшем блеске, каковой только возможен в тот момент»¹¹⁴.

Прежде чем перейти непосредственно к рассказу о коронационных торжествах, пару слов следует сказать о значении места проведения церемонии в глазах современников. Известно, что традиционным местом коронации французских королей был город Реймс, где хранилась одна из важнейших реликвий королевства – священный елей, полученный Хлодвигом от Господа. Именно этим елеем, который чудесным образом пополнялся в склянке перед каждой коронацией законного государя, и должно было совершаться помазание на царство¹¹⁵. И именно поэтому Жанна д'Арк после первых одержанных побед решительно настаивала на продвижении войск дофина на Реймс, а не в Нормандию, как хотели

¹¹² Цатурова С. К. *Офицеры власти...* С. 166.

¹¹³ Она же. «На ком платье короля?»... С. 217–218.

¹¹⁴ *Journal de Clément de Fauquemerdue, greffier de Parlement de Paris, 1417–1435.* Р., 1903–1915. Т. II. Р. 341. Цит. по: Цатурова С. К. «На ком платье короля?»... С. 226.

¹¹⁵ Блок М. *Короли-чудотворцы.* М., 1998. С. 329–346.

«сеньоры королевской крови и капитаны»¹¹⁶. Совершенная по всем правилам коронация, безусловно, была на руку сторонникам дофина. Однако в свете изучения темы английской пропаганды любопытно ответить на вопрос, как приверженцы Генриха VI оправдывали проведение противоречащей установленным правилам коронации. В принципе, как свидетельствует анализ источников, проблема места проведения совершенно не интересовала английских авторов, для которых важнее всего был сам факт помазания. С другой стороны, при желании всегда можно было сослаться на существовавшие во французской истории прецеденты, не акцентируя особо внимание на том, что все они относились к «седой древности»¹¹⁷.

Говоря о проведении въезда в Париж и французской коронации Генриха VI, важно отметить, что зрелищная и церемониальные части были фактически полностью подготовлены членами городского совета и французскими прелатами. Каноники собора Нотр-Дам (где должно было состояться помазание и коронация) специально отправили своего человека в Сен-Дени, чтобы он справился в хрониках о порядке проведения процедур и таинства¹¹⁸. Члены всех корпораций, в том числе парламента, заранее согласовывали форму одежды и ту роль, которую им предстояло исполнить во время праздничного шествия и церемонии¹¹⁹.

Ночь накануне въезда в Париж (с 1 на 2 декабря 1431 г.) Генрих VI провел в аббатстве Сен-Дени¹²⁰. В воскресенье утром на службу в собор явились не только сопровождающие короля англичане, но и встречающие

¹¹⁶ Duparc P. Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc: 2 vols. P., 1977–1979. Vol. 1. P. 323; Райцес В. И. Жанна д'Арк. М., 1982. С. 167.

¹¹⁷ После коронации Людовика Толстого в Орлеане в 1108 г. все последующие церемонии проводились в Реймсе. Исключение составила только коронация Генриха VI. См.: A Declaration of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 167.

¹¹⁸ Thompson G. L. Paris and Its People under English Rule... P. 199.

¹¹⁹ Первоначально въезд Генриха VI в Париж планировался в 1430 г., поэтому, едва получив известия о высадке короля во Франции (23 апреля 1430 г.), члены парижского парламента собрались на заседание, чтобы решить, «что надо сказать и что сделать» во время въезда. В итоге была создана «группа» по подготовке к встрече, чьи решения выносились на утверждение всех трех палат, которые и определяли, «в каком порядке и в каких одеяниях курия парламента пойдет к королю» (см.: Цатурова С. К. «На ком платье короля?»... С. 226, 231–248).

¹²⁰ Самое подробное описание въезда Генриха VI в Париж можно найти в документах из архива мэрии Лондона (register K, fol. 101 V–103), опубликованных среди прочих источников в сборнике «Les entrées royales françaises de 1328 a 1515» / Éd. B. Guinée et F. Lehoux. P., 1968. P. 62–70. Другим ценнейшим источником является подробная роспись всех расходов муниципалитета Парижа (включая подарки королю и его приближенным, плату актерам и закупку необходимых материалов), опубликованная в качестве приложения к монографии Г. Томсона. Дополнительные сведения можно найти в дневнике анонимного горожанина (Journal d'un Bourgeois de Paris... P. 274–276), хронике Монстреле (*Monstrelet*. Vol. V. Liv. II. Ch. CIX. P. 1–6) и других источниках.

его члены парижского муниципалитета – королевский прево с членами судебной коллегии Шатле, купеческий прево, эшевены и богатые горожане. Только после того, как все прибывшие представители Парижа засвидетельствовали королю свою верность и преданность, кортеж двинулся к столице. На подъезде к городу Генриха VI встречала еще одна делегация, состоящая на сей раз из актеров, изображавших девять героев и девять героинь¹²¹, предводительствуемых богиней Славой. Платье актрисы, представляющей Славу, а также покрывало ее коня были расшиты гербами Парижа, что, по плану организаторов, символизировало достоинство города. После встречи с героями и героинями, уже непосредственно возле городской стены, короля приветствовали члены парламента, одетые, как и все прочие участники шествия, в парадные одежды. Ворота Сен-Дени, через которые процессия входила в столицу, были украшены огромным гербом Парижа: непосредственно на корабле размещались двенадцать человек¹²², символизирующие единение трех сословий города (Церкви, университета и горожан), которые «преподнесли государю и сеньору свои сердца». За воротами Генриха снова ждали актеры, изображавшие на этот раз девять мужских и девять женских добродетелей¹²³. Весь путь по городу король проделал под символизирующим небесный свод голубым шелковым балдахином, на котором были изображены солнце и луна. Владельцы домов, выходящих на улицы, по которым двигалась процессия, украсили фасады шпалерами и дорогими тканями. По распоряжению муниципалитета в нескольких местах были выставлены живописные панно с подобающими случаю сюжетами: например, возле старых ворот Сен-Дени были представлены сцены жития св. Дионисия (которые, как подчеркнул Монстреле, англичане захотели рассмотреть¹²⁴), а возле Шатле выставили панно, на котором был изображен сам молодой король, по правую руку от которого располагались его французские родственники, а по левую – английские, над государем были размещены

¹²¹ Популярная в эпоху Средневековья идея выделения девяти величайших героев в истории нашла отражение, в частности, и в созданной около 1312 г. поэме «Обет павлина» Жана де Лонгийона, перечислившего имена трех ветхозаветных воинов (Иисус Навин, Давид и Иуда Маккавей), трех язычников (Гектор, Александр и Цезарь) и трех христиан (Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский). Позднее к списку героев добавился и список героинь, все имена которых были заимствованы из античной литературы (Семирамида Вавилонская, царица Тамара, амазонки Пенфесилея, Синопа, Лампето, Ипполита и Меланиппа, дева Фекла и Сивилла Дельфийская). См.: *Les entrées royales françaises de 1328 a 1515...* P. 64.

¹²² *Les entrées royales françaises de 1328 a 1515...* P. 64. По сообщениям анонимного горожанина, на корабле размещалось всего трое (*Journal d'un Bourgeois de Paris...* P. 274), а по сведениям Монстреле – шесть человек (*Monstrelet*. Vol. V. Liv. II. Ch. CIX. P. 3).

¹²³ *Les entrées royales françaises de 1328 a 1515...* P. 66.

¹²⁴ *Monstrelet*. Vol. V. Liv. II. Ch. CIX. P. 4.

две короны. Последнее панно было единственным намеком на двойную монархию Генриха, в то время как все остальные знаки, картины и действия касались либо персоны короля, либо были связаны исключительно с французской короной.

Задуманные организаторами театрализованные представления были весьма разнообразны по своей тематике: начиная от мистерии на тему Рождества Иисуса, данной перед церковью Троицы, и заканчивая сценой охоты на оленя в небольшом лесу, специально посаженном для этого праздника возле фонтана Невинно убиенных младенцев. Самой дорогостоящей и произведшей, похоже, самое сильное впечатление на очевидцев акцией стала замена воды в фонтане Понсо-Сен-Дени на вино. Согласно росписи расходов, из одного крана текло вино, которое три красавицы, наряженные сиренами, предлагали всем желающим по цене 8 денье за пинту, а вот из другого крана лился кларет, предназначенный исключительно для свиты короля¹²⁵. При этом, как не преминули отметить французские авторы, несколько англичан перебрали с предлагаемым угощением. Возле этого фонтана также были посажены деревья, среди которых бегали костюмированные дикари и дикарки¹²⁶. Вольные шутки ряженых уравнивались молебнами столичного духовенства, выстроившегося вдоль улицы Сен-Дени с различными реликвиями. Наконец, возле входа в принадлежащий герцогу Бедфорду Отель Турнель, которому на время предстояло стать королевской резиденцией, процессию поджидали каноники Сент-Шапель, благословившие государя и его свиту Святым Крестом и другими бесценными реликвиями.

Через две недели, в воскресенье 16 декабря, состоялась коронация Генриха VI в соборе Нотр-Дам. Церемонии предшествовало небольшое пешее шествие короля в сопровождении знати, членов городского муниципалитета, судебных корпораций и прелатов из дворца в собор. Участники процессии пели гимны, а также несли реликвии и королевские регалии¹²⁷. По версии лондонского хрониста, обе короны, английскую и французскую, сначала пронесли по улицам Парижа, а потом одну из них (французскую) возложили на голову Генриха, держа вторую (английскую) над ним¹²⁸. После коронации был дан праздничный обед. Самое яркое, хотя и довольно тенденциозное описание данного банкета дано в дневнике анонимного горожанина. Этот недолюбливающий англичан автор в язвительных выражениях охарактеризовал

¹²⁵ *Thompson G. L. Paris and Its People under English Rule... Appendix B. P. 245.*

¹²⁶ *Les entrées royales françaises de 1328 a 1515... P. 66; Journal d'un Bourgeois de Paris... P. 276; Monstrelet. Vol. V. Liv. II. Ch. CIX. P. 4.*

¹²⁷ *Journal d'un Bourgeois de Paris... P. 276; Monstrelet. Vol. V. Liv. II. Ch. CIX. P. 4–5.*

¹²⁸ *The Great Chronicle of London... P. 156.*

общее недовольство парижан английским угощением. Рассказ о банкете начинается с замечания о том, что, поскольку организаторы (а в этом случае ответственность за проведение праздника полностью лежала на английской стороне) совершенно не заботились о порядке и безопасности, многие простолюдины набились в пиршественную залу еще с утра: «Одни пришли, чтобы посмотреть, другие – чтобы нажраться, третьи – чтобы украсть мясо и иные вещи». По подсчетам анонима, в тот день было украдено более сорока шапок и срезано множество поясов, к которым крепились кошельки. Давка была такой сильной, что никто из достойных гостей (членов парламента, университета и муниципалитета) не смог протиснуться на отведенные для них почетные места. Не контролируемые никем простолюдины действовали настолько грубо, что сбивали уважаемых персон с ног, в результате чего те падали друг на друга, облегчая работу промышлявших в толпе воров. Наконец, после того как специально приглашенные лица все же смогли занять отведенные для них места, оказалось, что им предстоит сидеть вперемишку с простолюдинами – сапожниками, каменщиками, соусниками и мелкими торговцами. Поданное угощение вызвало у привередливого парижанина не меньше нареканий, чем организация трапезы. Большая часть мяса, предназначавшаяся для простых горожан, была сварена еще в четверг, «что могло показаться странным для французов, поскольку англичане руководили работой на кухне, а им было не важно качество еды, лишь бы ею можно было нажраться до тошноты». Выражая якобы общее мнение, автор утверждал, что качеством еды были недовольно все, даже калеки, которым по традиции были посланы остатки¹²⁹.

Визит короля обошелся городу в 1837 ливров, что подразумевало трату значительной части весьма скромных по причине войны доходов муниципалитета от налоговых сборов¹³⁰. Наибольшая сумма была израсходована на подарок королю – драгоценную цепь с камнями и другими украшениями стоимостью 1110 ливров, что вместе с затратами на преподнесенные кардиналу Бофору и графу Уорику бочки с вином (на сумму 65 ливров 12 су) составило примерно 64% от выделенного бюджета¹³¹. В свою очередь проявившие верноподданническое гостеприимство члены муниципалитета были вправе рассчитывать на ответные дары, которых, к их полному разочарованию, не последовало. Простые горожане также напрасно ждали какого-нибудь традиционного для подобного случая проявления монаршей милости и щедрости – отмены налогов или освобождения заключенных. Саркастичный горожанин зафиксировал в своем

¹²⁹ *Journal d'un Buorgeois de Paris...* P. 277.

¹³⁰ *Thompson G. L. Paris and Its People under English Rule...* P. 200, 204.

¹³¹ *Ibid.* Appendix B. P. 244–246.

дневнике полное разочарование парижан от визита нового государя. И если предположить, что его недовольство действительно разделяли другие парижане, уместно сделать вывод об определенном провале в репрезентации власти английского государя. Таким образом, рассчитанная в качестве пропагандистской акции коронация Генриха VI не только не достигла своей цели, но и нанесла удар по «имиджу» молодого короля и его английского окружения.

За коронацией последовала поездка Генриха VI по стране, в ходе которой он смог принять «непосредственное участие» в управлении государством, присутствуя на заседаниях Королевского совета. В числе специально приуроченных к этому визиту пропагандистских мероприятий, направленных на укрепление ланкастерского режима в Нормандии, стоит упомянуть принятие решения о создании университета в Кане.

После возвращения в Англию Генриха ждал триумфальный въезд в Лондон: весь путь от Тауэрского моста до Вестминстера был украшен символами двойной монархии, различные аллегорические фигуры желали молодому королю мира и процветания, возле креста в Чипсайде был воздвигнут замок, по обеим сторонам которого возвышалось два генеалогических дерева, берущих начало от св. Людовика и св. Эдуарда и увенчанных королевскими титулами¹³². Следует особо подчеркнуть, что тема коронации Генриха, так же как и его генеалогия, стала одним из популярнейших мотивов книжной миниатюры.

Говоря о церемониальных пропагандистских акциях, направленных на установление властных отношений, следует упомянуть не только о праздничных торжествах, организованных по случаю коронаций или триумфальных въездов сеньоров в верные им города, но также об имевших непосредственное отношение к войнам и утверждению власти на завоеванной территории ритуалам капитуляции. Анализируя сдачу на милость победителя в качестве подвига ритуала примирения и прощения виновных, французский исследователь Ж.-М. Меглен подчеркивает, что все действия, выполняемые в рамках этих символических акций (независимо от масштаба конфликта, который может быть и политическим делом, и частным спором), направлены на возмещение причиненного в результате преступления ущерба¹³³. Оставив в стороне интересный, но не имеющий непосредственного отношения к изучаемой теме сюжет о частных судебных разбирательствах, обращусь к анализу самой известной капитуляции эпохи Столетней войны, нашедшей отражение практически во всех исторических сочинениях того времени.

¹³² Gregory. P. 173–175.

¹³³ Меглен Ж. М. «С веревкой на шее, с розгами в руках...» Ритуал публичного покаяния в средневековой Европе // Казус. 2006. М., 2007. С. 121–122.

4 августа 1347 г. после одиннадцати месяцев тяжелой осады Эдуард III принял капитуляцию жителей Кале. Демонстрируя великодушие победителя и милосердие благочестивого христианина, король Эдуард пообещал простить основную массу горожан, столь долго отказывавшихся признать его в качестве законного государя, если город выдаст для справедливого наказания «зачинщиков мятежа». Приговоренные к смертной казни городские старшины должны были явиться в английский лагерь в одних рубашках, босыми и с веревками на шее. Когда же согласившиеся принести себя в жертву ради спасения города измученные голодом члены городского муниципалитета предстали перед грозным судьей, жена Эдуарда III королева Филиппа бросилась перед мужем на колени и умолила его простить осужденных на смерть¹³⁴.

Представленная непосредственным зрителям и читателям хроник в качестве некой импровизации, эта сцена, безусловно, от начала и до конца была тщательно продумана организаторами. Более того, не вызывает никакого сомнения тот факт, что все участники представления: и король, и горожане, и королева – точно следовали разработанному заранее сценарию, наполненному символическими и аллегорическими значениями и смыслами. Прежде всего, для короля действительно было важным разыграть видимость судебного процесса. Эдуард не просто демонстрировал власть победителя над побежденными, но власть законного государя над подданными. Вынесенный жителям Кале смертный приговор был традиционной карой за преступление, относящееся к сфере *lèse-majesté*. Шестеро горожан Кале не просто подвергались каким-то унижениям, смиренно принимая условия завоевателя, – с ними поступили именно так, как если бы они действительно были обречены на казнь. По мнению Ж.-М. Меглена, действия пожертвовавших собой ради спасения города граждан Кале могли вызывать у зрителей ассоциации с искупительной жертвой Христа¹³⁵. Вполне возможно, что такие аллюзии и рождались в сознании капитулирующих горожан, однако весьма сомнительно, чтобы подобная аллегория устраивала английского короля, который, собственно, и выступал в качестве главного постановщика спектакля. Аллюзии с Христом, очевидно, входили в королевский замысел, однако их должны были вызывать не кающиеся грешники, а сам судья. Подобно Господу во время Страшного суда, государь, как викарий Бога на земле, судил презревших его закон и власть грешников, осуждая их на погибель. И, подобно Иисусу, Эдуард проявил сострадание, простив восставших против него. Для усиления этой ассоциации в действие была введена королева Филиппа,

¹³⁴ *Froissart*. Vol. V. P. 198–206; *Burton*. Vol. III. P. 67; *Le Baker*. P. 90–91; *Gray*. P. 116; *Fabyan*. P. 460; *Grafton*. P. 381–383.

¹³⁵ *Меглен Ж. М.* «С веревкой на шее, с розгами в руках...» С. 121.

умолившая мужа о прощении, подобно Деве Марии, заступающей за грешников перед сыном.

Играя роль законного государя, Эдуард демонстрировал одновременно правосудие и милосердие, устрашая и в то же время вызывая симпатии, то есть являя народу идеальный пример монаршей справедливости. Конечно же, шестеро граждан Кале, скорее всего, догадывались о предстоящем помиловании, однако для основной массы зрителей разыгранное представление было наполнено истинным драматизмом. Соответствующее отношение к произошедшему 4 августа 1347 г. событию сохранили историографы, передавшие память о нем новым поколениям. Хронисты неизменно подчеркивали оба смысловых значения исполненного под стенами Кале ритуала королевского правосудия. Описанная выше капитуляция известна лучше других аналогичных церемоний не только потому, что в ней непосредственно принимал участие сам государь, но, прежде всего, благодаря длительной истории сопротивления города. Однако следует учитывать, что подобные пропагандистские спектакли нередко разыгрывались и под стенами других городов.

К теме пропаганды я еще вернусь в главе, посвященной политике английской короны в отношении французских земель после мира в Труа. Здесь же мне хотелось бы подчеркнуть, что предпринимаемые королевской администрацией меры весьма эффективно воздействовали на массовое сознание, формируя героико-патриотические представления о войнах, в которых приходилось участвовать англичанам. Разумеется, не следует приписывать средневековым монархам и их «идеологам» намеренное желание внушить подданным идею об их превосходстве над другими народами, подобные представления становились косвенным следствием пропаганды, направленной в первую очередь на достижение вполне конкретных целей: сбор дополнительных налогов, организацию обороны границ, вербовку наемников и т.д. Между тем ориентированная на самые разные слои населения официальная пропаганда не только выражала идею справедливой войны и благоволения Бога английской стороне, но и будила в англичанах гордость за славные деяния соотечественников, регулярно одерживающих победы над коварными и опасными врагами. Некоторые элементы этой пропаганды, в частности коллективные молитвы за успех королевских войск и четко налаженная система распространения новых сведений через прокламации, должны были способствовать восприятию войны всеми подданными короны как дела чести государя (которого они были обязаны поддерживать, как верные вассалы и истинные христиане) и формировать у них осознание причастности к этой войне и личной заинтересованности в ее благополучном завершении. Безусловно, тема военной

пропаганды и степень ее воздействия на массовое сознание не может быть исчерпана сюжетами, связанными с мерами, предпринимаемыми короной и членами королевской администрации. За рамками данного раздела осталось то, что условно можно назвать «народным» образом войны, то есть представления о том или ином конфликте, которые складывались в сознании современников на основе рассказов непосредственных участников военных действий, а также неофициальных сообщений и слухов. Этот приземленный, ориентированный на личные проблемы подданных короля образ мог принципиально расходиться с официальным взглядом на войну. При всей условности результатов предпринимаемых в этом направлении исследовательских шагов и сложности изучения массового сознания людей эпохи Средневековья, тем не менее, не хочется полностью игнорировать данную проблему, которой и посвящена первая глава второй части.

ЧАСТЬ II
ВОЙНА И МИР

Глава 1

Восприятие и репрезентация войны в хронистике

В классическое и позднее Средневековье, как, впрочем, и в любую другую эпоху, продолжительные войны решительным образом влияли на духовное и материальное положение отдельных индивидуумов и целых социальных групп. Настойчивая пропаганда необходимости встать на защиту божественного закона, приняв участие в справедливой войне, должна была в первую очередь найти отклик в сердцах благородных рыцарей, поскольку именно с воинской службой массовое сознание связывало общественное предназначение этого сословия¹. Между тем, помимо выполнения вассального долга, английский рыцарь должен был иметь какие-то дополнительные стимулы для того, чтобы принять участие в опасных и тяжелых испытаниях. Благодаря военной реформе Генриха II, заменившего воинскую повинность вассалов (40 дней в году) на ее денежный эквивалент (так называемые «щитовые деньги»), рыцарь, а также любой другой свободный подданный английской короны мог считать свой долг перед государем выполненным сразу после уплаты соответствующей его статусу суммы. Однако общественная мораль настойчиво предписывала рыцарям проявлять не только верноподданнические чувства, но и воинскую доблесть. Рыцарь, проведший свой век вдали от полей сражений, имел мало шансов на уважение равных и благосклонность прекрасных дам. Кодекс рыцарской чести настойчиво требовал крови – лучше вражеской, но на худой конец можно было гордиться не только нанесенными, но и пропущенными ударами, демонстрируя шрамы, свидетельствующие о воинской доблести их обладателя.

Отправляясь воевать, рыцари руководствовались не только желанием исполнить вассальный долг, но и своими собственными целями, среди которых стремление к личной славе занимало отнюдь не последнее место. Такое отношение к войне сурово осуждалось не только отцами Церкви, труды которых благородные рыцари XIV–XV вв. читали крайне редко,

¹ Здесь можно вспомнить и о традиционном для эпохи Средневековья представлении о трехчастном делении общества на молящихся, воюющих и работающих.

но, что гораздо важнее, постановлениями церковных соборов классического Средневековья, признававшими убийство в целях доказательства личной доблести смертным грехом. Лишь в 1316 г. папа Иоанн XXII снял утвержденный его предшественниками строжайший запрет на проведение турниров. Инвективами в адрес турниров полны и труды историографов, основная часть которых принадлежала к духовному сословию. Так, по мнению Жака де Витри, идейного вдохновителя Пятого крестового похода, ставшего в 1228 г. кардиналом Тускуланским, а двенадцатью годами позже избранного патриархом Иерусалимским, «турниры провоцируют свершение всех семи смертных грехов»: они пробуждают гордыню, разжигают ненависть и гнев, способствуют унынию проигравших, вызывают скупость и алчность (участники сперва грабят друг друга, а после обирают своих крестьян), чревоугодие во время праздничных пиров и, наконец, поощряют разврат, поскольку рыцари сражаются ради «удовольствия распутных женщин», одаривающих их различными знаками внимания². Один за другим авторы классического Средневековья на страницах своих сочинений обрекают участников турниров на адские муки, утверждая, что таких грешников следует лишать христианского погребения. Впрочем, у тех же самых авторов попадаются также рассуждения о рыцарских подвигах и восхваления воинской доблести. У этой амбивалентности есть два измерения. Во-первых, совершенно очевидное сосуществование в средневековой культуре двух этосов: религиозного и аристократического, пересечение, слияние и взаимодействие которых и дают такой своеобразный результат, как осуждение и восхваление войны одними и теми же авторами на соседних страницах. Во-вторых, соотношение христианских максим и социальной практики усложнялось вовлеченностью духовенства в систему вассально-ленных отношений.

Между тем продиктованная гордыней жажда личной славы продолжала оставаться важнейшим пунктом (из имевших отношение к войне), взгляд на который приверженцев кодекса рыцарской чести противоречил христианской доктрине смирения. Сразу необходимо оговорить, что исторические сочинения никак не могут в полной мере отражать реальные представления о воинской славе непосредственных участников королевских кампаний. Большую часть хронистов и поэтов составляли клирики, у которых мирская слава не должна была вызывать самого пристального интереса. Немногочисленные светские историографы или же авторы, ориентированные на рыцарскую аудиторию, также подчинялись законам жанра, следуя образцам, созданным их предшественниками.

² Vitry, Jacques de. *Exempla* / Ed. T. F. Crane. L., 1890. CXLII. Цит. по: Кин М. Рыцарство. М., 2000. С. 171–172.

В качестве примера доминирования «правил» историописания над личным опытом и собственным мнением можно привести описание битвы при Азенкуре в хронике Жана де Ворэна. Ворэну было пятнадцать лет, когда он стал свидетелем этого легендарного сражения, в котором пали, воюя на французской стороне, его отец и старший брат. Позднее рыцарь неоднократно беседовал и с другими очевидцами тех событий, причем не только с французами, но и с англичанами³. Однако, описывая сражение, Ворэн в основном следовал за текстом другого бургундского хрониста, Ангеррана де Монстреле⁴. Разочаровывая современных исследователей, Жан де Ворэн полностью лишил рассказ об этой битве каких-либо индивидуальных переживаний, более того, в этом месте он даже не упоминает ни о себе, ни о своих родственниках, поскольку явно считал эту «мемуарную» информацию неуместной в данном тексте. Работая в жанре хроники, автор интуитивно избрал для себя взгляд не участника, а стороннего наблюдателя, для которого важнее передвижение целых отрядов и поведение государей, чем передача собственных эмоций. Именно поэтому Ворэн, который, несмотря на личное присутствие в войске, видел всего лишь незначительный фрагмент сражения, обратился к основанному на официальных документах труду современника.

В XIV в. наряду с традиционными хрониками и героическими поэмами появляются и становятся весьма популярными теоретические трактаты, посвященные непосредственно военному искусству. Но и здесь исследователь сталкивается с целым рядом трудностей.

Во-первых, далеко не всегда авторы этих трактатов обладали личным боевым опытом: например, написавший около 1386–1387 гг. «Древо сражений» Оноре Боне был бенедиктинским приором в Селонне, доктором канонического права, а «Книга боевых и рыцарских деяний» (1410 г.) и вовсе вышла из-под пера дамы – Кристины Пизанской.

Во-вторых, даже те авторы, которые, подобно погибшему в битве при Пуатье Жоффруа де Шарни или Жану де Бюэю, всю жизнь провели в рыцарских доспехах, работая над теоретическими трактатами, руководствовались не только, а может быть, и не столько личным опытом, сколько положениями канонического права и представлениями об «идеальной» или «правильной» христианской войне, в которой *ius ad bellum* невозможно без *ius in bello*. Фактически, назидательная цель теоретических трактатов о войне и военном искусстве полностью подавляет не только социальную или гендерную принадлежность автора, но и его боевой опыт, делая его наличие или отсутствие нерелевантным.

³ *Wavrin*. Vol. II. P. 189 (n. 2).

⁴ *Gransden A. Historical Writing in England*. Vol. II (c. 1307 to the Early Sixteenth Century). L., 1982. P. 289.

В-третьих, следует учитывать, что все известные трактаты о рыцарстве и военном искусстве были созданы за пределами Англии – в основном во Франции и Италии. И хотя большинство английских рыцарей в XIV–XV вв. кто лучше, кто хуже понимали французский, а некоторые и латынь, а следовательно, являлись потенциальной аудиторией для иностранных сочинений, отсутствие собственной «национальной» продукции подобного рода приходится учитывать. Возможно, причины этому следует искать в отличиях английского рыцарства от континентального (в открытости сословия, в большей социальной мобильности общества, в иных принципах комплектации армии), а может быть, в банальной непопулярности жанра светского трактата в рассматриваемый период.

В любом случае, говоря об отражении индивидуальных представлений непосредственных участников военных действий в исторических произведениях, необходимо помнить о весьма своеобразном соотношении идеализированных теоретических представлений о кодексе рыцарской чести с грубой реальностью войны. Даже самый куртуазный рыцарь, воспитанный на героических сказаниях и романах, тонкий знаток фундаментальных трактатов о военном искусстве, мог определить сферу, за пределами которой буквальное следование книжным истинам будет не только опасным, но даже вредным и, что еще хуже, смешным и нелепым. Поведение, украшающее воина на турнире, могло грозить ему смертью в реальном бою. Сравнивая теорию войны с ее практикой, неизменно убеждаешься в том, что в сознании большинства воюющих теория и реальность мало соотносились. Конечно, достаточно легко привести массу примеров, доказывающих обратное. Можно вспомнить историю гибели короля Богемии Иоанна в битве при Креси в 1346 г. Романтический герой – слепой король Иоанн не только лично принял участие в битве, он командовал авангардом рыцарей. Помимо короля Богемии, в этой битве погибли брат Филиппа Валуа граф Алансонский, герцог Лотарингский, граф Фландрский, граф Блуаский. Сам Филипп Валуа покинул поле боя, только потеряв коня. Стяжавший победу благодаря своим лучникам Эдуард III лично не принимал участие в сражении. Дань рыцарской романтике он воздал после битвы, оплакивая гибель короля Иоанна – «паладина всем сердцем», которому давно было предсказано, что он погибнет в битве против храбрейших рыцарей мира. Примечательно, что плюмаж Иоанна из страусиных перьев с тех пор стал украшать боевой щит принца Уэльского. Другой государь – Генрих V Английский, заслуженно признанный одним из величайших воинов в мировой истории, регулярно сверялся с Библией, дабы его собственные действия или действия его солдат не противоречили положениям канонического права. Впрочем, даже под страхом вечного

проклятия и смертной казни английские солдаты не всегда могли удержаться от искушения разграбить церковное имущество или учинить насилие над монахинями. В этом плане показателен хорошо известный пример достопочтенного сэра Томаса Мэлори, написавшего роман об идеальном рыцарстве во время пребывания в тюрьме (причем не первого), куда он был посажен за грабеж и изнасилование⁵. Возможно, иронизируя над сложившимися обстоятельствами, Мэлори вставил в текст следующий пассаж: «Как? – воскликнул сэр Ланцелот. – Рыцарь – и вор? Насильник женщин? Он позорит рыцарское звание и нарушает клятвы. Да это позор рыцарского ордена; он преступает присягу. Сожаления достойно, что такой человек живет на земле»⁶. Размышляя о своеобразном сосуществовании и переплетении в средневековой культуре войны двух моделей поведения (условно – рациональной и куртуазной), я прежде всего хочу подчеркнуть, что актуализация каждой из них сугубо индивидуальна и конкретна, а главное – не подчиняется какой-либо очевидной бытовой логике.

Декоративная романтика, безусловно, занимала прочное место в жизни большей части позднесредневековых рыцарей и их дам. При этом отношение к ней было весьма индивидуальным. Одни воспринимали вычурные обеты и удивительные подвиги как увлекательные, хотя и рискованные игры, вносящие приятное разнообразие в повседневную жизнь. Другие гибли или разорялись ради стремления подражать поведению героев романов. Третьи ухитрились найти компромисс, умело соединяя романтику с прагматикой жизни. Но чем бы ни руководствовался рыцарь, решаясь следовать кодексу чести, он прежде всего рассчитывал на адекватное восприятие его слов, жестов и поступков людьми, равными ему по статусу, ибо, как хорошо известно, культурные коды понимаются только в той среде, где они приняты. Как утверждает один из авторитетнейших специалистов по средневековым войнам Ф. Контамин, «приемы ведения “куртуазной” войны носили не только теоретический характер; неопровержимые свидетельства доказывают, что они использовались на деле»⁷. Сходясь в поединке, рыцари стремились не столько убить друг друга, сколько обезвредить противника. Объясняя широкое распространение практики выкупа пленных, Ф. Контамин указывает, что существенную роль в этом сыграло не только проникновение в военную среду христианских ценностей, но то, что «на войне стали часто сталкиваться одни и те же люди, которые могли быть знакомы, могли вспомнить, узнать друг друга,

⁵ *Le Morte d'Arthur: Complete, Unabridged, Illustrated Edition / Introduction by J. Mathews. L., 2000. P. XXII–XXIV.*

⁶ *Мэлори Т. Смерть Артура / Под ред. И. М. Берштейна, В. М. Жирмунского, А. Д. Михайлова, Б. И. Пуришева. М., 1974. С. 177.*

⁷ *Контамин Ф. Война в Средние века... С. 273.*

сознавая схожесть своего положения и переменчивость неудач и успехов, что ясно прослеживается в хронике Фруассара или в жизнеописании Байяра [sic. Баярда. – *Е. К.*]»⁸. Чуть ниже французский историк переходит к тезису о том, что пленение противников практиковалось исключительно в рыцарской среде. В подтверждение своих слов он среди прочих источников цитирует Фруассара, утверждавшего, что французские дворяне избегали сдаваться в плен английской черни, ибо от нее нечего было ждать пощады. Не споря с этим тезисом, отмечу лишь, что беспощадность черни порой проистекала не из природной жестокости простолюдинов, а из элементарного незнания рыцарских правил. В качестве примера приведу один эпизод: в 1404 г. крестьяне из Дартмунда наголову разбили напавших на них французов; среди крестьян были и женщины, «которые поражали врагов из пращей». В итоге этого столкновения основная часть врагов была убита, поскольку английские простолюдины, сражаясь так же доблестно и умело, как и рыцари, не знали французского языка: «И хотя знатные [враги. – *Е. К.*] предлагали в качестве выкупа большие суммы, грубые крестьяне полагали, что те угрожают, когда те взволнованно умоляли о сохранении жизни»⁹. Налицо полное непонимание, не только языковое, но и культурное: мольбы о пощаде воспринимаются как угрозы. Не зная, что делать с пленными, крестьяне убивают всех противников. Впрочем, и в данном случае приходится признать, что сюжеты о расправах черни над рыцарями, о неправильной трактовке слов и жестов, выражающих желание сдаться в плен, также являются популярнейшим топосом в исторической литературе, служащим либо для акцентирования внимания на социальном неравенстве противоборствующих сторон, либо для осуждения грубости простолюдинов. В любом случае, трактуя подобные эпизоды, следует помнить об их возможной условности.

Знатокам истории Столетней войны прекрасно известен другой пример уничтожения пленных: после битвы при Азенкуре Генрих V отдал приказ казнить почти всех пленных, сохранив жизнь только самым знатным. В данном случае действия английского короля были продиктованы вовсе не незнанием «правил» рыцарской войны, а военной необходимостью: продвижение по вражеской территории с пленными, превосходящими числом собственных воинов, было настолько опасным, что король не только не пожалел врагов, но также проигнорировал переживания собственных подданных, лишившихся в перспективе богатых выкупов. Примечательно, что современники Генриха V прекрасно осознавали вынужденность этой меры и не осуждали короля за этот приказ. Возвращаясь к разговору о куль-

⁸ *Контамин Ф.* Война в Средние века... С. 273.

⁹ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti.* P. 354–355; *Walsingham.* Vol. II. P. 259–262.

турном несовпадении, отмечу, что примеры, аналогичные приведенному выше, можно отыскать в любой эпохе: «правильные» для одной аудитории жесты могут восприниматься как нелепые (или просто оставаться незамеченными) в другой среде.

Цель этого несколько затянувшегося предисловия – подчеркнуть всю условность изучения индивидуальных представлений людей эпохи Средневековья о войне, воинской славе, чести, поведенческом кодексе и т.д., опираясь исключительно на исторические сочинения и другие нарративные тексты. Подчеркну также, что труды историографов или авторов трактатов о военном искусстве не только отражали, но также определяли и формировали сознание современников, навязывая им определенные поведенческие модели. Можно представить некоего монаха, который, не покидая пределов своей обители, составлял хронику, изображая события, описывая мизансцены и приводя диалоги героев, руководствуясь фантазией, основанной на прочитанной им ранее литературе (античных авторах, трудах отцов Церкви, сочинениях предшествующих хронистов). Имея в своем распоряжении краткое донесение об одержанной победе, числе убитых и пленных, хронист мог расцветить рассказ о битве и проникновенной речью главнокомандующего, и описанием славных ударов, которыми обменивались противники. Не будучи непосредственным свидетелем сражения, он не мог точно передать обращение полководца к войскам, более того, он даже не знал, было ли это обращение или нет. Историограф руководствовался собственным представлением о том, что подобная речь должна была прозвучать перед боем, чтобы вдохновить сражающихся, ибо именно так поступали все полководцы прошлого. Выдуманная речь, скорее всего, состояла из сплошных топосов и клише. Проблема, однако, заключается в том, что и полководец мог быть воспитан на такой же литературе, на тех же топосах и клише, а посему нельзя быть полностью уверенным в том, что приведенная в хронике речь никак не соотносилась с той, что наверняка была произнесена перед битвой.

Представления английских хронистов о воинской славе и чести

Переходя к анализу персональных причин, вынуждавших подданных английской короны принимать личное участие в кампаниях, организованных их государями, я хотела бы сделать одну важную оговорку. Все перечисленные ниже индивидуальные мотивы приводятся без намека на существование какой-либо иерархии между ними. Руководствуясь исключительно собственными вкусами и пристрастиями, я начну изложение с

«возвышенного» стремления к славе, после чего перейду к более «приземленным» меркантильным стимулам.

Следует отметить, что воинская слава чаще всего упоминается в турнирном или героическом контексте, когда индивидуальная «красота» поступка оказывается важнее, чем его роль в исходе общего сражения. Даже персонажи «Клятвы цапли», начиная с графа Солсбери и заканчивая королевой Филиппой, принося вычурные обеты, руководствовались не столько стремлением к личной славе, сколько долгом перед своим сеньором и господином. Иное дело слава победителя рыцарского турнира (даже если он проводился среди представителей враждующих сторон в интервалах между военными действиями), которая носила, во-первых, индивидуальный характер, а во-вторых, всегда была важнейшим мотивом и одновременно наградой (наряду с призами и трофеями) для участников. Например, Жан Ворэн рассказывает о том, что во время осады Руана, которая длилась полгода, был устроен турнир между сэром Джоном Ле Бланком, капитаном Арфлера, и одним из капитанов Руана, бастардом из рода Арли. Хронист отмечает, что французский рыцарь, пронзив англичанина копьем, очень опечалился смерти противника. По мнению Ворэна, это сражение «не принесло ни осаждающим, ни осажденным ничего, кроме признания их рыцарской доблести»¹⁰.

Одной из самых известных историй об индивидуальном рыцарском подвиге во время военных действий является рассказ Томаса Грея о золотом шлеме Уильяма Мармиона. История эта произошла еще в период правления Эдуарда II, когда после победы при Бэннокберне (1314 г.) шотландцы постоянно нападали на северные районы Англии. Однажды возлюбленная сэра Мармиона преподнесла ему позолоченный шлем, сопроводив наказом прославить сей дар в самом опасном месте Англии. Исполняя куртуазный долг чести, Мармион прибыл в замок Норем, где коннетаблем был отец Грея, который и поведал сыну эту историю. Вскоре после прибытия Мармиона Норем был осажден «самыми доблестными рыцарями Шотландии» под предводительством Александра Моубрея¹¹. И тогда сэр Мармион, желая исполнить свой долг перед возлюбленной, в роскошных доспехах, блистающих золотом и серебром, выехал один против всего шотландского войска. При этом, что особенно интересно, непосредственно перед совершением этого подвига состоялся разговор коннетабля с рыцарем, в ходе которого Томас Грей-старший пообещал отбить Мармиона у шотландцев, «живым или мертвым», или же погибнуть, исполняя это¹². Следовательно, и рыцарь, и коннетабль ничуть не

¹⁰ *Waurin*. Vol. IV. P. 250.

¹¹ *Gray*. P. 61.

¹² *Ibid*. P. 62.

сомневались в исходе поединка одного воина против целого войска. Чуда не произошло: Мармион был выбит из седла и смертельно ранен в голову. После этого из ворот замка вышло английское войско, отбило тело рыцаря, обратило шотландцев в бегство и возвратилось в крепость с богатой добычей в виде пятидесяти боевых коней¹³. Показательно, что по рекомендации коннетабля свой подвиг Мармион совершает «как подобает» рыцарю, то есть верхом на коне, в то время как вышедшие против шотландцев английские воины сражались пешими. Таким образом, повествование Грея распадается на две части: историю об индивидуальном славном деянии и рассказ о коллективном сражении. Важно, что отношение и непосредственных участников описываемых событий, и рассказывающего о них хрониста к этим двум частям оказывается принципиально разным. Если для коллективного сражения значим именно результат – полная победа англичан, которая может быть достигнута и не совсем «рыцарскими» методами (в ходе боя англичане наносят удары по вражеским коням), то в индивидуальном поединке ценен сам процесс – готовность рыцаря без страха вступить в бой с многочисленными противниками. Ни сам Мармион, ни Грей-старший, ни хронист не сомневаются в значимости совершенно бессмысленного с прагматической точки зрения, изначально обреченного на неудачу поступка, поскольку его значение и не заключается в победе. Смысл этого деяния – демонстрация личной доблести во славу прекрасной дамы – больше ничего, в то время как смысл последующего за подвигом боя – эффективное служение королю.

В контексте больших кампаний или всей войны слава чаще всего упоминается в качестве дополнительной мотивации при основной причине или же как побочное следствие при достижении главного результата, но никогда как самоцель. Наиболее часто встречается второй вид упоминаний о славе. Например, Джеффри Ле Бейкер после рассказа о победе, одержанной фламандцами и англичанами над войсками графа Фландрского в 1349 г., добавляет, что «в том сражении многие воины, среди которых был англичанин сэра Джон Филберт, были украшены военной славой»¹⁴. Таким образом, к главному результату, которым для английских авторов, бесспорно, является сохранение за союзниками англичан определенных городов и замков, в качестве дополнительной награды добавляется воинская слава. При этом завоеванная слава может достаться в награду за какой-то конкретный подвиг или сражение, а может стать итогом воинской карьеры отдельных рыцарей или результатом целой кампании или даже всей войны. О великой славе, доставшейся Роберту Ноллису за доблесть, проявленную

¹³ Ibid.

¹⁴ *Le Baker*. P. 100–101.

в различных сражениях и походах, упоминает Томас Уолсингем¹⁵. В свою очередь, Джон Капгрейв цитирует прославляющие всю Англию стихи, которыми сопровождавшие императора Сигизмунда I слуги украсили в 1417 г. корабль на пути из Дувра в Кале: «Будь здорова и ликуй, славная в триумфе! / О, ты, счастливая и благословенная Англия!»¹⁶ В данном случае Англия удостоивается определения «*gloriosa cum triumpho*» по совокупности побед, одержанных в войне против Франции. В тех же случаях, когда хронисты стремятся подчеркнуть доблесть, проявленную войском в конкретном сражении, слава нередко персонализируется, становясь фактически личной наградой (или индивидуальной характеристикой) короля. Например, типичным является сообщение хрониста из Бридлингтона о том, что при Слейсе король Англии «славно победил» (*vicit gloriose*)¹⁷. Уолсингем также лаконично отмечает, что после взятия Кале король Эдуард III «с наивысшим почетом и славой» (*cum summa laude et gloria*) вернулся в Англию¹⁸.

То, что для большинства хронистов слава является лишь дополнением к фактическим успехам в войне, ценность которых заключается не в проявлении доблести, а в приближении торжества справедливости, подтверждается постоянными указаниями на чудесную поддержку Бога, помогающего правой стороне одерживать победы. Например, автор одной из самых панегиристических хроник правления Генриха V, анонимный клирик, участвовавший в первой континентальной кампании этого короля, наиболее четко сформулировал позицию Церкви по данному вопросу. Сначала хронист превозносит необыкновенные воинские таланты и заслуги короля Генриха, отмечая, что «старика не помнят другого государя, который командовал бы своими людьми в походе с большим усердием, храбростью или вниманием или сам бы демонстрировал доблестные подвиги в бою; действительно, в хрониках и королевских анналах нет свидетельств о том, что... какой-нибудь король Англии добился бы столь многого за столь короткое время и вернулся бы домой с таким большим и славным триумфом», после чего заключает, что сам король и все его воины были уверены, что одержали свои победы исключительно по милости Господа, которому и принадлежит слава и честь¹⁹. Для этого автора, склонного рассматривать всю войну как серию «приговоров», вынесенных в Божьем суде, мирская слава является лишь отголоском славы Всевышнего, помогающего праведникам и карающего грешников.

¹⁵ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 65; *Walsingham*. Vol. I. P. 309.

¹⁶ *Capgrave*. P. 314; *Idem*. *De Illustribus Henricis...* P. 105.

¹⁷ *The Chronicle of Bridlington Priory*. P. 149.

¹⁸ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 25; *Walsingham*. Vol. I. P. 270.

¹⁹ *Gesta Henrici Quinti...* P. 100.

Немногочисленные примеры упоминаний о еще не достигнутой, вероятной славе как одной из целей сражения или похода важны для исследования представлений хронистов о частных мотивах, которыми руководствовались участники королевских кампаний. Так же как в случае с уже завоеванной славой, предполагаемая слава никогда не фигурирует как самоцель. Ни один историограф не упоминает об «искателях приключений», намеревающихся воевать только ради славы. Диапазон «главных» целей может быть очень широк: от идеализированного служения государю в деле восстановления божественной справедливости до различных частных, как правило, меркантильных мотивов. Например, в сочинение Роберта Редмэна архиепископ Кентерберийский обещает Генриху V, что в случае победы над французами ему «все языки (*literis et linguis*) славу воспоют»²⁰. В этом случае грядущая слава может рассматриваться в качестве дополнительного мотива к возобновлению войны за поправленные права предков и божественный закон. Гораздо больший интерес вызывает приведенная в хронике Джеффри Ле Бейкера речь Черного принца перед своими войсками накануне битвы при Пуатье. По версии этого хрониста, принц Эдуард приводит три причины, которые должны были вдохнуть смелость в его солдат: во-первых, «сражение за честь и любовь к своей родине» (*honor insuper amorque patrie*); во-вторых, «большая добыча» (*spolia magnifica*) и, наконец, слава (*gloria*). Если им суждена «жизнь с триумфом», то, «закаленные душой и телом», они продолжают поход. Те же из них, кто погибнет в этом бою, получают вечную славу и Царствие Небесное²¹. Таким образом, слава уступает место не только главной благородной цели похода, но также возможности захватить богатую добычу.

Из вышеприведенных примеров явственно следует, что понятием, близким по смыслу к славе (*gloria*), является честь (*honor*). Между этими терминами, которые нередко употребляются хронистами в схожих контекстах, существует важное принципиальное различие. Слава является приобретаемой категорией, в то время как честь (на первый взгляд, несмотря на предыдущий пример) – имманентно присутствующей и при этом легко утрачиваемой. И если слава чаще всего является наградой за проявленную доблесть, то утрата чести, напротив, обычно выступает в качестве кары за трусость или физическую слабость. Например, потерей чести, а также «вечным проклятием души и тела» грозил в «Хрониках» Жана Фруассара Роберт д'Артуа Эдуарду III, медлящему с началом войны за французскую корону²².

²⁰ *Redmann*. P. 26.

²¹ *Le Baker*. P. 145–146.

²² *Фруассар*. Римский манускрипт. С. 309; *Froissart*. Vol. II. P. 324.

Сэр Томас Грей привел в «Скалахронике» интересный случай, произошедший с его отцом накануне битвы при Бэннокберне (24 июня 1314 г.). Конный английский отряд под предводительством Роберта Клиффорда и Генри Бомонта держал путь на осажденный шотландцами замок Стирлинг. Заметив отряд пеших шотландцев, выходящих из леса, Бомонт отдал приказ не атаковать сразу, а дождаться построения противника. Когда же Томас Грей-старший указал своему командиру на то, что построенные должным образом пикинеры имеют преимущество перед всадниками, Бомонт предложил ему, если тот боится, покинуть поле предстоящей битвы. На это Грей ответил: «Сэр, я не побегу сегодня из страха». В результате столкновения большая часть англичан была убита, а остальные (в том числе отец хрониста) попали в плен²³. Очевидно, что до того момента, когда Бомонт обвинил Грея в трусости, последний считал вполне приемлемым и разумным уклонение от обреченного на поражение боя. Следовательно, перед угрозой потерять жизнь, свободу или честь выбор истинного рыцаря был предрешен изначально.

Страшнее утраты чести для рыцаря не было ничего, она была куда сильнее рациональных соображений безопасности. Порой даже одного сделанного публично намека на проявление трусости в бою было достаточно для того, чтобы считать честь рыцаря запятнанной. Так, сэр Джон Фастольф был временно лишен ордена Подвязки по подозрению в трусливом поведении в битве при Пате (1429 г.)²⁴. Следуя принесенному обету, более пятидесяти рыцарей ордена Звезды предпочли смерть отступлению в битве при Мороне (1352 г.)²⁵. Неудивительно, что при таком болезненном отношении к вопросу чести страх перед ее утратой был не менее, а может, и более действенным стимулом для сражающихся, чем жажда славы. В качестве примера сошлюсь на слова, произнесенные упомянутым выше лордом Бомонтом в 1332 г., когда он пытался вдохновить войско «лишенных наследства» вступить в бой с превосходящими силами шотландцев. Как предводитель отряда, он призывал англичан сражаться за свое «великое право», а также «за славу и выгоду, которую Бог уготовил» для них. Помимо упоминаний о целях похода, в качестве дополнительного аргумента лорд указывал на то, что в случае недостойного поведения в бою на рыцарей «падет большой позор»²⁶. Пересказывая эту речь, Грей подкреплял «позитивные» мотивы (славу и выгоду) «негативным» (страхом потерять честь). Мотив угрозы бесчестия и избавления от нее может встречаться не только в военном контексте.

²³ *Gray*. P. 54.

²⁴ *Monstrelet*. Vol. IV. Liv. II. Ch. LXI. P. 331–332.

²⁵ Члены учрежденного в 1351 г. Иоанном II Французским ордена Звезды приносили обет не отступать в бою и не сдаваться в плен. См.: *Gray*. P. 182.

²⁶ *Ibid*. P. 90.

Например, рассказывая о мирных переговорах в папской курии в 1354 г., в ходе которых Эдуарду III предлагали отказаться от титула короля Франции, Джон из Рединга заметил, что «по Божьему замыслу для лучшего будущего к чести короля Англии» это условие не было принято²⁷.

Подводя итоги размышлениям о «славе» и «чести» как о побудительных мотивах, руководствуясь которыми персонажи хроник (а может быть, и их реальные прототипы) решались на участие в военных действиях любого формата, можно сделать следующий вывод: стремление к славе обычно приводится в качестве причины или аргумента, когда герой делает выбор между мирным существованием и долей военного; после того как этот выбор сделан, перед воином (особенно если речь идет о рыцаре) стоит другая важнейшая задача – сберечь честь. История сэра Мармиона свидетельствует о том, что добиться индивидуальной славы было не так уж и сложно, хотя и рискованно для жизни. А вот сохранить свое доброе имя подчас было гораздо труднее.

Война как источник и залог процветания англичан

Помимо жажды личной славы и выполнения вассального долга, для большинства англичан, участвовавших в Столетней войне (в первую очередь в континентальных кампаниях), существовали другие весомые причины. О меркантильных соображениях соотечественников хронисты зачастую пишут прямо, но при этом не подвергают их ни малейшему осуждению. Выше уже приводились цитаты, указывающие на то, что многие историографы считали материальную выгоду более эффективным стимулом к участию в войне, чем призрачную славу. Впрочем, не следует не только делить индивидуальные мотивы участников военных действий на «высокие» и «низменные», но и вообще стараться отделить стремление к славе от жажды наживы. В сознании любого рыцаря первая цель вполне логично увязывалась со второй. В качестве примера приведу пролог к «Хроникам» Жана Фруассара, историографа, вошедшего в научную литературу под прозвищем «певец рыцарства». Рассуждая о добродетели воинской доблести, заслуживающей мирской славы и вечной памяти на страницах исторических сочинений, Фруассар презрительно отзывается о тех бедных рыцарях, которые отказываются искать подвиги, отговариваясь отсутствием достаточных средств для приобретения необходимого снаряжения. По мнению хрониста из Эно, каждый доблестный воин может найти себе состоятельного покровителя, который не только продвинет

²⁷ Reading. P. 118.

его по службе, но и наградит деньгами, более того, сами ратные подвиги обычно приносят не только славу, но и богатство²⁸.

В 1340 г. король Эдуард издал ордонанс о вербовке воинов различных рангов (от лучников до рыцарей, которые при этом могли быть весьма высокогородными вельможами) по контракту²⁹. Оплата, согласно приложенному табелю, была более чем высокой: так, лучник получал 6 пенсов в день, что равнялось заработку мастера, более того, предводителям отряда лучников раз в квартал производились дополнительные поощрительные выплаты, которые назывались «уважением» (regard).

В Англии очень быстро сложилась ситуация, при которой знать, служа в кавалерии, активно играла роль «агентов-рекрутов», заключавших контракты на поставку людей за установленную законом плату. Подобные контракты заключались между капитаном (им мог стать любой человек, капитала которого хватало для найма отряда солдат) и королем или другим предводителем похода. В контракте содержалась роспись по всем рангам воинов с ценой и сроком службы, при этом сначала оговаривалась цена за 40 дней службы, которая потом увеличивалась в зависимости от установленного срока (контракт мог быть заключен на 9 недель, на четверть года, на полгода, год или «до тех пор, пока это будет угодно королю»). В качестве примера можно привести контракт графа Уорика на 1341 г., по которому граф поставлял 3 рыцарей баннеретов, 26 простых рыцарей, 71 латника, 40 пеших солдат и 100 лучников³⁰. Стоит отметить, что капитаном не обязательно должен быть благородный рыцарь: я уже упоминала купца Джона Филпота, который на свои деньги неоднократно снаряжал суда и нанимал латников для защиты побережья Англии³¹. В обязанности капитана входило не только отбирать необходимое для контракта количество

²⁸ *Фруассар*. Римский манускрипт. С. 236; *Froissart*. Vol. II. P. 12.

²⁹ *Hewitt H. J.* The Organization of War under Edward III... P. 34; *Hunnisett R. F.* The Medieval Coroner. Cambridge, 1961. P. 68–77; *Keen M.* Outlaws of Medieval England. L., 1961; *Allmand C. T.* War and Profit in the Late Middle Ages // *History Today*. Vol. XV (1965). P. 762–769; *Powicke M. R.* Military Obligation in Medieval England. A Study in Liberty and Duty. Oxford, 1962; *Idem.* Lancastrian Captains // *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson* / Ed. T. A. Sandquist and M. R. Powicke. Toronto, 1969. P. 371–382.

³⁰ *Prince A. E.* The Indenture System under Edward III's Reign // *Historical Essays in Honor of J. Tait*. Manchester, 1933; *Idem.* The Payment of Army Wages in Edward III's Reign // *Speculum*. Vol. XIX (1944). P. 137–160; *Idem.* The Strength of English Armies in the Reign of Edward III // *EHR*. Vol. XLVI (1931). P. 362–378; *Hewitt H. J.* The Organization of War under Edward III... P. 34–35.

³¹ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 198–199; *Walsingham*. Vol. I. P. 369. Пользовавшийся огромным авторитетом в Лондоне, Джон Филпот многократно избирался в парламент (1369, 1371, 1377, 1380, 1381, 1383 гг.). После того как снаряженным Филпотом судам удалось поймать французского пирата Жана Мерсэ, он в 1378 г. был избран мэром столицы. Филпот часто ссужал корону деньгами, а также оказал Ричарду II помощь в подавлении восстания 1381 г., за что был произведен в рыцари. Умер Джон Филпот в 1384 г.

людей, проверив их боевые навыки, но и снабжать наемников экипировкой (которая могла включать боевого коня), а также поддерживать в их рядах порядок до начала кампании. Хотя по контракту служба в королевской армии хорошо оплачивалась, она могла быть выгодной лишь во время официальных военных действий и только тогда, когда у короля были деньги, а так было далеко не всегда. Здесь можно напомнить о той затруднительной ситуации, в которой оказался Черный принц после испанского похода. Следовательно, нередко наемники были вынуждены искать для себя другие источники доходов.

Для определенной социальной категории существовал иной вид контракта: люди, осужденные за тяжелые преступления (воровство и убийство), а также находившиеся вне закона, в обмен на участие в войне получали королевское помилование. В самом начале войны Эдуард III объявил о том, что преступники могут искупить содеянное путем «достойной службы» во имя божественной справедливости³². Подобное прощение в обмен за службу мог даровать только король³³. Как правило, люди с севера направлялись для охраны границы с Шотландией, жители же центральных и южных графств привлекались к участию в континентальных кампаниях³⁴. Обвиняемые в пиратстве моряки служили в королевском флоте³⁵. И, несмотря на тяготы войны, многие преступники предпочитали отправиться на войну, а не на виселицу. Чтобы дать представление о количестве таких солдат в армии, приведу несколько цифр: в 1339–1340 гг. было заключено 850 хартий о прощении, осенью 1360 и в 1361 г. – более 260; одним словом, в разное время преступники составляли от 2% до 12% армии, при этом три четверти из них были осуждены за убийство³⁶.

Представители всех без исключения социальных слоев желали оправдать свое участие в войне. Даже стремящиеся к славе благородные рыцари не забывали о материальной выгоде, которую могла принести удачная кампания. Для наемников любого статуса существовало несколько верных способов улучшить свое благосостояние. Во-первых, солдаты получали вознаграждения в виде денег и ленных владений за подвиги (взятие крепостей или захват кораблей) или доставку сообщений о победах: например, Джон Чандос именно таким образом получил огромное поместье в Линкольншире и земли на полуострове Котантен³⁷.

³² *Hewitt H. J. The Organization of War under Edward III... P. 30.*

³³ *Ibid. P. 31.*

³⁴ *Calenders of Patent Rolls, 1338–1340. P. 217–236; 1354–1358. P. 354, 369; 1358–1361. P. 375–402.*

³⁵ Например, см.: *Calenders of Patent Rolls, 1340–1343. P. 538.*

³⁶ *Hewitt H. J. The Organization of War under Edward III... P. 30.*

³⁷ *Calenders of Patent Rolls, 1358–1361. P. 255, 329; Hewitt H. J. The Organization of War under Edward III... P. 32.*

Во-вторых, значительную сумму доходов составляли выкупы за знатных пленников, которых после 1346 г. в Англии находилось огромное число. Суммы выкупов подчас были просто баснословными: например, сэр Томас Холланд получил за графа д'Э 80 тысяч флоринов³⁸. Правда, здесь необходимо помнить, что обычно существовало определенное различие между объявленной и реально выплаченной суммами выкупа³⁹. Возникла даже спекуляция пленными, их подчас неоднократно перепродавали и обменивали. Иногда свои права на пленника выдвигали несколько сторон, спор между которыми мог затянуться на долгие годы⁴⁰. В качестве примера можно привести пленение в конце 1378 г. младшего брата Бертрана Дюгеклена Оливье, приведшее к длительной тяжбе между Карлом Наваррским и Джоном Эранделом⁴¹.

В получении выкупа за пленных, как свидетельствуют статуты и исторические сочинения, были заинтересованы все без исключения слои населения: от крестьян до короля. Так, в 1404 г. крестьяне из Дартмунда разбили французских пиратов, захватив многих из них в плен, и когда они «провели пленных в присутствии короля, требуя какой-либо награды за свою добычу, с ними охотно встретился сам король и, наградив их... позволил им вернуться восвояси, удержав пленников у себя, для того чтобы они впоследствии выкупились за гораздо большие деньги»⁴². Кроме этого скорее экстраординарного случая передачи пленников королю по инициативе самих крестьян, корона получала регулярный доход от данного вида военной прибыли. Обладая правом распоряжаться всеми пленными без исключения, король обычно провозглашал своими личными пленниками коронованных особ, принцев крови, а также некоторых других знатных или знаменитых людей. Лица, непосредственно захватившие этих пленных, получали от короля вознаграждение⁴³, значительно уступавшее сумме выкупа и составлявшее обычно 500 фунтов⁴⁴. К тому же корона получала треть (иногда больше) от всех выкупов (не только оформленных дого-

³⁸ Crecy and Calais from the Public Records / Ed. G. Wrottesley. L., 1898. P. 269.

³⁹ *Denys H.* The Division of the Spoils of War in the Fourteenth-Century England // TRHS, 5th ser. Vol. IV (1954). P. 93; *Broome D. M.* The Ransom of John II // Camden Miscellany. Vol. XIV (1926).

⁴⁰ *Keen M. H.* The Law of War in the late Middle Ages. L., 1965. P. 156–185.

⁴¹ *Foedera* (2). Vol. IV. P. 72.

⁴² *Walsingham*. Vol. II. P. 262.

⁴³ *Foedera* (2). Vol. II. Part II. P. 970, 984, 992; *Denys H.* The Division of the Spoils of War in the Fourteenth-Century England... P. 99–100.

⁴⁴ *Adam Murimuth* (2). P. 177; *Knighton* (1). P. 62; *Foedera* (2). Vol. III. Part I. P. 37; Register of Edward the Black Prince. Vol. IV. P. 143–145; Calendars of Patent Rolls, 1348–1350. P. 60–61, 213; *Prince A. E.* Strength of English Armies in the Reign of Edward III // EHR. Vol. XLVI (1931). P. 370–371; *Denys H.* The Division of the Spoils of War in the Fourteenth-Century England... P. 99–103.

ворами, но и устными соглашениями), выплачиваемых ее подданным⁴⁵. Согласно ордонансу Генриха V, изданному в 1419 г., «все капитаны, рыцари, оруженосцы, латники, лучники, кто бы то ни был, должны честно выплачивать треть от всего, что получают в ходе войны...»⁴⁶. Но как ни велики были доходы короны от войны, они не могли покрыть всех затрат на ее ведение, что было очевидно в первую очередь для Королевского совета и парламента⁴⁷, вотивовавшего новые налоги.

Столь четкие правила, регламентирующие получение выкупов, и рассказы о счастливых обогатениях удачливых воинов (как отмечает в своей статье, правда не учитывая инфляцию, Х. Денис, «суммы выкупов постоянно росли на протяжении войны»⁴⁸) способствовали тому, что в сражениях солдаты первым делом устремлялись к выделявшимся роскошными доспехами знатым рыцарям. Поэтому для сохранения дисциплины военачальникам приходилось издавать указы, запрещающие охрану пленников во время боя⁴⁹. Рассказы хронистов об отношении к пленным как к части заработанной кровью добыче довольно банальны и традиционны. Написавший продолжение «Полихроникона» английский первопечатник Уильям Кэкстон заметил, что «каждый англичанин, который был в том сражении [при Азенкуре. – *Е. К.*], получил хороших пленников или хорошие драгоценности. Ибо французы были богато и пышно одеты, поэтому наши люди получили хорошие трофеи (*oure people had good pyllage*)»⁵⁰. Однако непосредственный очевидец тех событий, Жан Ворэн, рассказывает о том, что в основном богатые одежды англичане были вынуждены снимать с трупов убитых врагов: Генрих V, сознавая невозможность продвижения по вражеской территории с небольшим и измученным войском, охраняющим превосходящих числом пленников, издал приказ о казни почти всех французов, сделав исключение только для особо знатных. Это распоряжение короля стало горестным известием для многих англичан, осознавших необходимость расставания с захваченной добычей. Казнь пленных, традиционно замалчиваемая почти всеми английскими хронистами, не осуждалась даже Жаном Ворэном, потерявшим отца и брата в том бою, но сознающим вынужденность этой меры.

Следует отметить, что почти никому из англичан не удалось сохранить полученные в битве при Азенкуре военные трофеи. Во время перехода в

⁴⁵ *Denys H. The Division of the Spoils of War in the Fourteenth-Century England...* P. 94–109.

⁴⁶ *The Essential Portions of Nicholas Upton's De Studio Militari before 1446 / Ed. F. P. Barnard. Oxford, 1931. P. 45–46.*

⁴⁷ *Rotuli Parliamentorum. Vol. II. P. 323; Vol. III. P. 57, 74.*

⁴⁸ *Denys H. The Division of the Spoils of War in the Fourteenth-Century England...* P. 92.

⁴⁹ *Register of Edward the Black Prince. Vol. IV. P. 97, 338.*

⁵⁰ *Higden (Caxton). Vol. VIII. P. 550–551.*

Кале английская армия терпела такие лишения, что англичанам приходилось обменивать собранную добычу и уцелевших пленников на пропитание, что неизбежно приводило к девальвации этой ценной единицы. «И многие из них освобождали пленников за небольшой выкуп или отпускали их под честное слово, и в то время из-за недостатка [продовольствия. – *Е. К.*] приходилось отдавать десять ноблей вместо четырех, и не важно, сколько стоил хлеб, лишь бы у них была еда»⁵¹. В аналогичной ситуации оказалось войско Джона Гонта в 1385 г. после битвы при Альжубарроте. Жан Фруассар отмечает, что англичане были очень опечалены, поскольку убили пленных, за которых могли бы получить 400 тысяч франков⁵².

Стоит отметить существование в ходе Столетней войны еще одного вида выкупа, менее изученного в историографии и слабо отраженного в хрониках. Речь идет о выкупе, взимаемом с мирного населения, который сурово осуждался знатоками канонического права⁵³. Но, как верно отмечает Н. Райт, посвятивший статью этой проблеме, мало солдат было знакомо с «Декретами» Грациана⁵⁴. Впрочем, в соответствии с утвержденной каноническим правом традицией, ответственность за провозглашение и ведение справедливой войны лежит на правителях. Поэтому неудивительно, что английские короли (в первую очередь те из них, кто отличался особой набожностью) стремились хотя бы формально снять с себя ответственность за подобные правонарушения, регулярно издавая указы, призванные ограничить грабежи и насилия, чинимые их подданными. Эти указы мало способствовали безопасности населения охваченных войной территорий. Так, имели место официальные поборы (деньгами и провиантом), получаемые предводителем отряда с населенного пункта в обмен на его сохранность; подобные меры означали признание короля Англии законным сюзереном и трактовались как часть налогообложения⁵⁵. Однако под выкупами (в данных случаях употребляются термины «*patis*» и «*raencons du pays*») следует понимать несанкционированные индивидуальные вымогательства. Согласно французским источникам, членами английских гарнизонов практиковались непосредственные похищения мужчин и женщин и удержание их в плену с целью получения денег⁵⁶. По мнению Т. Райта, которое сложно подтвердить или опровергнуть по причине отсутствия статистических данных, выкупы

⁵¹ *Waurin*. Vol. V. Livre I. P. 220–221.

⁵² *Froissart*. Vol. XI. P. 180.

⁵³ См., например: *Bonet Honoré*. *The Tree of Battles* / Ed. G. W. Coopland. Liverpool, 1949. P. 189.

⁵⁴ *Write N.* Ransoms of Non-Combatants During the Hundred Years War // *Journal of Medieval History*. Vol. XVII. N. 4 (1991). P. 324.

⁵⁵ *Keen M. H.* *The Law of War in the Late Middle Ages*. L., 1965. P. 251–253.

⁵⁶ *Write N.* *The Tree of Battles of Honore Bouvet and the Laws of War* // *War, Literature and Politics in the Late Middle Ages* / Ed. C. T. Allmand. Liverpool, 1976. P. 323–332.

мирного населения преобладали над военными⁵⁷. Естественно, не стоит думать, что *patis* были английским изобретением времен Столетней войны. Практика взимания с мирного населения поборов, несанкционированных командующими войсками, была широко распространена и в более раннюю эпоху. В ходе самой Столетней войны англичанам, живущим на границе с Шотландией, нередко приходилось выкупать свою безопасность во время набегов северных соседей⁵⁸.

Третьим и, пожалуй, самым распространенным и эффективным способом обогащения в ходе войны был простой грабеж. Грабежи и убийства трактовались как преступление только в собственной стране, после пересечения границы королевства эти действия начинали восприниматься иначе. Оказавшись на территории неприятеля, наемники всеми силами старались оправдать риск участия в военных операциях. Традиционно продвижение войска по стране сопровождалось добыванием продовольствия, грабежами и разрушениями. И если первое было необходимо для поддержания существования самих солдат (продвижение войск в глубь страны превращало их снабжение из Англии в совершенно невыгодное предприятие), то на грабежи и разрушения обычно просто закрывали глаза. Однако, поскольку подобное поведение, во-первых, пагубно сказывалось на дисциплине внутри войска, а во-вторых, настраивало против завоевателей местное население (которое в конечном итоге должно было стать верными подданными короля Англии и Франции из династии Плантагенетов), командиры старались ограничить бесчинства подчиненных, вводя запреты на грабежи церковного имущества и причинение физического вреда женщинам и представителям духовенства. Несмотря на отдельные факты наказаний за нарушения королевских указов (в 1415 г. Генрих V повесил солдата, укравшего «в церкви позолоченную медную дарохранильницу, думая, что она золотая»⁵⁹), грабежи, в том числе церковного имущества, продолжали существовать, впрочем, как и насилия над женщинами.

Порой военачальники сами приказывали войскам уничтожать все на своем пути. В этом случае такая акция называлась разорением (*vastare*), сопровождалась поджогами и отличалась от грабежей (*expiare*) в первую очередь стратегической направленностью. Например, по мнению монаха Томаса Бертона, Эдуард III опустошал французские земли, чтобы вызвать Филиппа Валуа на битву⁶⁰. Эту же цель король преследовал в 1346 г.⁶¹ Именно с этой целью в 1355 г. Черный принц приказал разорить

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ *Le Baker*. P. 87; *The Anonimale Chronicle*. P. 24.

⁵⁹ *Gesta Henrici Quinti...* P. 68; *Titus Livius*. P. 13.

⁶⁰ *Burton*. Vol. III. P. 41, 50.

⁶¹ *Avesbury*. P. 363.

графство Арманьяк⁶². Согласно сообщениям хронистов, совпадающим в данном случае с мнением некоторых современных исследователей, принц Эдуард приказал «опустошить всю страну, чтобы вызвать французов на сражение»⁶³, к которому он всячески стремился и от которого неизменно уклонялся Иоанн II. В своем письме в Англию принц так описывал продвижения своего войска: «И мы взяли путь на Тулузу, через землю, на которой много хороших городов и крепостей было сожжено и разрушено, ибо эта земля была очень богата и изобильна; и не было дня, чтобы мы не брали в сражениях городов, замков или крепостей»⁶⁴. Такой же рассказ содержится в письме сэра Джона Уингфилда к епископу Винчестерскому⁶⁵. Помимо провокационных целей, подобные опустошительные кампании (в 1355 г. Черный принц прошел около 600 миль, в следующем году королевская армия проделала около 500 миль) носили также устрашающий демонстрационный характер, доказывая действием, что не существует силы, способной противостоять английскому воинству. Не случайно в донесениях отцу принц упоминает о том, что, услышав о приближении его армии, французы бежали из городов⁶⁶.

В отличие от разорений, оправдать которые пытались некоторые современные исследователи, а также многие средневековые хронисты, многочисленные грабежи, сопровождавшие любой военный поход, были вызваны банальной жадностью обогащения. Упомянуть об этой важнейшей для каждого воина мотивации не забывал и «куртуазнейший из хронистов» – Жан Фруассар. Пожалуй, одно из ярчайших высказываний по этому поводу историограф вложил в уста Роберта д'Артуа, уговаривающего Эдуарда III оставить войну в Шотландии ради войны во Франции: «Сир, оставьте эту скудную страну, в которой и жечь-то нечего. Самое опасное дело – воевать с нищим народом, ибо при этом вы можете многое потерять и ничего не выиграть»⁶⁷. Что ж, богатые французские города делали для англичан перспективу возвращения на родину состоятельными людьми вполне реальной: например, город Барфлер и его округа, по оценке Джеффри Ле Бейкера, были настолько изобильны, «что даже мальчишки и крестьяне имели хорошую меховую одежду»⁶⁸. Безусловно, эту характеристику не следует воспринимать буквально, но в данном случае показательной является даже гипербола, поскольку она выражает саму

⁶² *Le Baker*. P. 128.

⁶³ *Reading*. P. 122; *Avesbury*. P. 429; *Le Bel*. Vol. II. P. 214; *Rogers C. J. War Cruel and Sharp: English Strategy under Edward III, 1327–1360*. Woodbridge, 2000. P. 296–301.

⁶⁴ *Avesbury*. P. 434.

⁶⁵ *Ibid.* P. 439–443.

⁶⁶ *Ibid.* P. 434.

⁶⁷ *Фруассар*. Амьенский манускрипт. С. 102.

⁶⁸ *Le Baker*. P. 95.

идею богатства и изобилия. Подводя итог разграблению города Сен-Ло, Ле Бейкер заметил: «Трудно даже представить огромное богатство, которое было там захвачено, особенно в одежде; одежда там стоила очень дешево, если вообще находились покупатели»⁶⁹. Стоит отметить, что рассказы о грабежах и разорениях однотипны у всех хронистов, обыденность этого явления приводила к максимальной лаконичности его описания.

Говоря о грабежах, необходимо учитывать, что даже они не носили спонтанный или хаотичный характер, поскольку материальная прибыль от войны интересовала не только простых солдат, но также могущественных лордов и даже короля (я уже упоминала ордонанс, согласно которому королю принадлежала треть любой военной добычи). «Обычай войны» четко фиксировал установленные традицией правила, согласно которым лучшая и большая часть добычи доставалась предводителям отрядов. Последние также определяли долю, причитающуюся рядовым участникам. Томас Уолсингем рассказывает, что «щедрость и великодушие» тестя Джона Гонта Генриха Ланкастерского «привлекали наемников; когда они брали город, он оставлял себе очень мало или совсем ничего, но позволял армии получить город полностью»⁷⁰. Уолсингем превозносит достоинства графа, который «был очень милостивым, щедрым на подарки и таким же прекрасным полководцем, как и воином». Подтверждая свои слова, хронист из Сент-Олбанса привел следующий эпизод. После захвата Бержерака один из воинов ворвался в дом, «где монетные мастера рассовывали монеты по большим мешкам». Он «доложил графу»⁷¹, что монета была из черной меди, граф ему уступил все в доме. А в мешках оказалось серебро... Подумав, что там больше, чем соответствовало его удаче, он снова доложил командиру. Но графу не подобает отменять подарок, и он пожелал, чтобы все принадлежало воину, будь там хоть втрое больше»⁷².

Не полагаясь на щедрость своих командиров, не все из которых были наделены этой рыцарской добродетелью в той же степени, что и граф Ланкастерский, а также не желая выплачивать причитающуюся короне долю, солдаты нередко утаивали самые ценные предметы от начальства. Джеффри Ле Бейкер указывает, что после высадки в Нормандии в 1346 г. английские солдаты честно занесли в предоставленные королю списки все продукты питания, отобранные у местного населения, но они «не известили ни короля, ни его офицеров о золоте и серебре, которые они получили;

⁶⁹ Ibid. P. 96.

⁷⁰ *Walsingham*. Vol. I. P. 284.

⁷¹ Генрих Ланкастерский до получения герцогского титула был графом Дерби (с 1337 г.), графом Ланкастером (с 1345 г.), графом Лестером (с 1345 г.) и графом Линкольном (с 1349 г.).

⁷² *Walsingham*. Vol. I. P. 266.

они оставили это для себя»⁷³. В отличие от разорений, описания которых свидетельствуют в первую очередь о причиненном врагу ущербе (то есть о наказании за отказ подчиниться законному государю), грабежи демонстрируют удачу и успех солдат, ставших на путь защиты справедливости. По сообщению Ле Бейкера, за английской армией вдоль побережья двигались специальные суда, на которых перевозили награбленные сокровища⁷⁴. После взятия Кана английским солдатам было разрешено взять на корабли «только драгоценные одежды или очень ценные украшения»⁷⁵. Как заметил Томас Уолсингем, в Англии «не было женщины, не имевшей одежды, украшений, посуды из Кана, Кале или других заморских городов. В каждом доме можно было увидеть скатерти и льняное полотно. Замужние женщины украшали себя драгоценностями французских дам, и если последние сожалели об утраченном, то первые радовались их приобретению»⁷⁶. Наиболее емко выразил новые ощущения англичан по этому поводу Томас Бертон после сообщения о взятии Кале: «И было тогда общее мнение народа, что, пока английский король будет пытаться завоевать Французское королевство, они будут процветать и благоденствовать, возвращение же сулит упадок и вред»⁷⁷. Долго живший в Англии, исполнявший при английском дворе должность секретаря королевы Филиппы д'Эно, Жан Фруассар также смог передать на страницах свои «Хроник» бытовавшее среди англичан представление о зависимости благополучия страны от внешних войн: «Их [англичан. – *Е. К.*] земля изобильна богатством и всяким добром, когда они ведут войну, а не пребывают в мире, – с этой мыслью они рождены и вскормлены, и никто не заставит их поверить в обратное»⁷⁸.

Во время военных действий широкое распространение получали коллективные целенаправленные грабежи, поощряемые, а порой даже непосредственно инспирированные короной. В текстах неоднократно встречаются упоминания о том, как английские суда нападали на французские, испанские, шотландские, а иногда и на фламандские корабли⁷⁹, захватывая не только их и грузы, но и пленных, выкуп за которых был также немаловажной статьёй дохода. Разумеется, такие морские столкновения можно отнести не к «ком-

⁷³ *Le Baker*. P. 59.

⁷⁴ *Ibid.* P. 80.

⁷⁵ *Moisant J. Le Prince Noir en Aquitaine*. P., 1894. Appendice. I. P. 167.

⁷⁶ *Walsingham*. Vol. I. P. 292.

⁷⁷ *Burton*. Vol. III. P. 68.

⁷⁸ *Фруассар*. Римский манускрипт. С. 228; *Froissart*. Vol. II. P. 16.

⁷⁹ *Adam of Usk*. P. 264; *Capgrave*. P. 208–209, 214, 228, 277, 284–285, 292; *Adam Murimuth*. P. 92–93, 180, 211; *Gesta Henrici Quinti*... P. 115, 163; *Gray*. P. 117; *Le Baker*. P. 63, 109; *Reading*. P. 135–136; *Avesbury*. P. 412; *Knighton (1)*. P. 79, 109, 175–177; *Walsingham*. Vol. I. P. 275, 288, 369, 406–407; Vol. II. P. 106, 128, 155, 275; *The Westminster Chronicle*. P. 153, 181–183, 197, 351.

мерческим» предприятиям, а к рядовым военным эпизодам, тем более что английские купцы страдали от нападений врагов не меньше⁸⁰. Но время от времени англичане специально готовили военные операции, целью которых был грабёж. Как правило, английские хронисты стремятся объяснить подобные акции естественным желанием соотечественников отомстить врагу за причиненные им обиды; даже проявления мстительности и прямой жестокости английских войск также описываются авторами как свидетельства неустанного стремления англичан к справедливости. В 1350 г. «испанцы причинили большой вред» английскому флоту, захватив торговые суда, груженные вином и другими товарами, и убив купцов, моряков и других англичан. Узнав об этом, Эдуард III снарядил несколько военных кораблей, для того чтобы отомстить врагам. Англичане встретились с испанским торговым флотом возле Винчелси и, разбив врага в кровопролитном сражении, захватили более 20 груженных товарами судов⁸¹. В данном случае английских хронистов не волнует то обстоятельство, что «акция возмездия» направлена не на тех испанцев, которые непосредственно причинили вред англичанам, а первых попавшихся представителей этого народа. Фактически упоминание о нападении на англичан просто выполняет функцию «оправдания» действий подданных английской короны, превращая их грабительские походы в справедливые деяния.

То же произошло в 1360 г., когда «иноземные пираты под предводительством графа Сен-Поля» разграбили побережье Англии, творя различные бесчинства и похищая женщин и девушек⁸². «Узнав об этом, король приказал опустошить и сжечь французские земли до Парижа»⁸³; для этого он, как сообщает Генрих Найтон, объявил всеобщую мобилизацию «мирян всех сословий от 16 до 60 лет». «Архиепископы и епископы даровали прощение грехов всем, кто отправится за море сражаться с врагами для защиты королевства... Также епископы, аббаты, приоры, ректоры, викарии, капелланы и все священники были готовы, в соответствии с их способностями... быть кто латником, кто лучником. И приходское духовенство, которое не могло явиться лично, должно было снабжать других за свой собственный счет»⁸⁴. Результатом этого похода явилось основательное опустошение Франции, а также осада Парижа. Однако, согласно версии Джона из Рединга, поход короля Эдуарда был не единственным актом возмездия врагу: простые

⁸⁰ Capgrave. P. 284, 292; Le Baker. P. 70, 109; Reading. P. 111; Avesbury. P. 411; Knighton (1). P. 168; Walsingham. Vol. I. P. 272, 275, 288, 366, 399; Vol. II. P. 262; The Westminster Chronicle. P. 181.

⁸¹ Capgrave. P. 214; Adam Murimuth. P. 180; Gray. P. 117; Le Baker. P. 109; Reading. P. 111; Avesbury. P. 412; Knighton (1). P. 109; Walsingham. Vol. I. P. 275.

⁸² Knighton (1). P. 174; Gray. P. 152–153; Capgrave. P. 219; Reading. P. 135; Gregory. P. 86.

⁸³ Reading. P. 135.

⁸⁴ Knighton (1). P. 174.

англичане, «неизвестные королю Англии, незнакомые французам», сами решили «отомстить за бесчестье и позор этого года». Ими был собран «флот из 80 кораблей как из города Лондона, так и из других городов и 14 тысяч латников и лучников»⁸⁵. Экспедиция, начавшаяся очень удачно (англичанам удалось опустошить область Ко), быстро закончилась, поскольку король Эдуард начал вести мирные переговоры, завершившиеся договором в Бретины⁸⁶. В 1378 г. англичане, в основном жители все тех же Винчелси и Рая, напали на побережье Нормандии, чтобы отобрать у французов «свое добро»: «Во время этого набега вернули многое из того, что было украдено из Рая, в том числе колокола, которые были унесены из церкви, и оловянную посуду»⁸⁷.

В марте 1387 г. через несколько дней после того, как французы ограбили и захватили в плен нескольких английских купцов, везших груз в Кале, другие англичане «в качестве мести» захватили четыре корабля с вином из Ла-Рошели⁸⁸. Хронист рассказывает, что в 1403 г. французы и бретонцы разграбили город Плимут, когда же они вернулись в Бретань, их встретил мудрый старец, сказавший им: «Остерегайтесь погони. Поверьте, англичане не простят этого». Так и произошло: англичане снарядили экспедицию, целью которой было буквально «грабить награбленное»: они захватили 25 кораблей, на которых нашли железо, жир и тысячу бочек вина из Ла-Рошели, но, не удовлетворившись этим, жители Плимута стали опустошать побережье Франции⁸⁹.

Как правило, подобные кампании снаряжались не для мести каким-то конкретным врагам, нападавшим на англичан. Зачастую эти экспедиции изначально готовились для причинения вреда любому врагу путем захвата принадлежащих ему ценностей. В основном англичане грабили первые попавшиеся торговые суда противников или разоряли побережье Франции⁹⁰. Иногда организаторы экспедиций ставили перед собой вполне конкретные задачи. Так почти ежегодно англичане отправлялись к Ла-Рошели для того, чтобы перехватить груз вина⁹¹. Подобные операции осуществлялись не только на море: капитаны Кале во главе гарнизона постоянно организовывали рейды в глубь Франции, захватывая замки

⁸⁵ *Reading*. P. 136.

⁸⁶ *Ibid.* P. 136–137.

⁸⁷ *Walsingham*. Vol. I. P. 366–367.

⁸⁸ *The Westminster Chronicle*. P. 180.

⁸⁹ *Capgrave*. P. 284.

⁹⁰ *Capgrave*. P. 228; *Adam Murimuth (2)*. P. 211; *Walsingham*. Vol. I. P. 297; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi...* P. 12; *The Brut*. Vol. II. P. 325.

⁹¹ *The Westminster Chronicle*. P. 152, 180–182, 196, 352–354; *Walsingham*. Vol. II. P. 154–155; *Capgrave*. P. 243–244; *Grafton*. P. 451; *Fabyan*. P. 533; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi...* P. 77–78; *The Brut*. Vol. II. P. 341.

и крепости⁹², а чаще всего просто грабя мирные окрестности⁹³ с целью «сбора продовольствия и другой добычи для пополнения запасов города и ободрения людей»⁹⁴. Например, как сообщает автор «Вестминстерской хроники», в 1385 г. англичанами из Кале и Гина было захвачено в Пикардии 25 пленных и 4 тысячи овец и коров, после чего «в Кале стало так много животных, что овца стоила 2 гроута (4 пенса) за штуку», при этом этот скот не разрешалось продавать: всех животных отправляли в Англию⁹⁵.

После того как в марте 1357 г. король Эдуард подписал в Бордо перемирие с Иоанном II⁹⁶ и вместе с армией отплыл в Англию, боевые действия во Франции так и не прекратились. Многие англичане, видя, сколь выгодным делом является мародерство, отказались вернуться. К ним также примкнули плененные перспективой легкого обогащения представители других «народов»: бретонцы, нормандцы, пикардийцы и т.д. Но хотя национальный состав этих отрядов был достаточно пестрым, как отмечают все хронисты, большую часть в них все же составляли англичане⁹⁷.

Как правило, банды бригаднов были весьма невелики по численности, иногда у них даже «не было предводителя»⁹⁸; однако встречались и достаточно крупные отряды, по размеру и царившей в них дисциплине больше напоминавшие армии крупных феодалов, чем шайки мародеров. Известно, что отряд под предводительством Роберта Ноллиса в 1359 г. насчитывал тысячу человек. Капитан такого отряда имел над своими людьми неограниченную власть: он не только вершил суд и распределял добычу, но и по собственному усмотрению выбирал цель похода. При этом он мог даже поступить на службу к какому-нибудь крупному сеньору. Такое решение принимали самые знаменитые капитаны бригаднов: Роберт Ноллис служил сначала Жану де Монфору, а потом присягнул королю Англии; Хью Кавли в 1365 г. помог Энрике Бастарду захватить трон Педро I, а в следующем году вместе с войсками Черного принца восстанавливал Педро I на престоле; Бертран Дюгеклен, оставив службу у Карла Блуаского, возглавил войска короля Франции, получив в награду должность коннетабля; Джон Хоквуд, нанимавшийся на службу в разных итальянских государствах, а также к папе Григорию XI, с 1378 г. окончательно обосновался на службе у Флорентийской республики (в 1382 г. он продал подаренные папой в Романье земли и прикупил владения близ Флоренции), почетным

⁹² Gray. P. 117; *Walsingham*. Vol. II. P. 276.

⁹³ *Walsingham*. Vol. I. P. 366; *The Anonimale Chronicle*. P. 117–118.

⁹⁴ *Gesta Henrici Quinti...* P. 114.

⁹⁵ *The Westminster Chronicle*. P. 352–354.

⁹⁶ *Foedera* (2). Vol. III. Part I. P. 133–136.

⁹⁷ *Adam Murimuth*. P. 194–195; *Gray*. P. 130–131, 148–149; *Knighton* (1). P. 182, 196; *Walsingham*. Vol. I. P. 295–296, 302–303.

⁹⁸ *Gray*. P. 130.

гражданином которой он стал в 1391 г.⁹⁹ Список прославленных бригад можно продолжать очень долго. Важно отметить одну общую черту: все они были либо бедными рыцарями, часто младшими отпрысками в семьях, либо простолюдинами, которым война открыла возможность стяжать не только почет и славу, но и сколотить состояние. Служа разным государям или действуя на свой страх и риск, бригады «обложили данью всю Нормандию и близлежащие земли, захватив прекрасные крепости в Пуату, Анжу, Мене, в самой славной Франции [Иль-де Франс. – *Е. К.*] в шести лье от Парижа. Они разошлись по столь многим местам в разных частях страны, что никто не мог прекратить сражения и пресечь действия армий, которые нападали на них тогда; они были столь активны, что все христиане были в изумлении»¹⁰⁰. Время от времени отряды бригад могли объединяться в крупные армии, которые потом распались, при этом могло получиться, что бывшие соратники должны были воевать друг против друга, как случилось во время испанского похода Черного принца.

Самым знаменитым, хотя далеко не единственным, объединением бригад была Великая компания, устранившая всю Францию. В 1357 г. Великая компания осадила Авиньон, наведя на весь папский двор такой ужас, что «папа и кардиналы не смели даже высунуться из дворца»; в конце концов папа откупился деньгами и отпущением грехов¹⁰¹. В 1366 г. король Франции решил обратиться за помощью для борьбы с мародерами из Великой компании, «которая опустошила большую часть Франции вопреки соглашению», к своему бывшему противнику королю Англии¹⁰². Далее версии хронистов, до сих пор единодушных при описании действий бригад, расходятся. Джон Капгрейв утверждает, что Эдуард III «написал им [бригандам. – *Е. К.*], что они должны прекратить свои набеги и покинуть Францию. Они ответили, что захваченные земли не оставят, а также поскольку они не принадлежат короне Англии, то они находятся вне власти английского короля. Когда король получил письма от этих мятежников, он объявил поход во Францию, собрал много людей, чтобы открыто, как было сказано в ответе, отомстить за себя. Узнав об этом, король Франции стал умолять короля Англии не предпринимать этого похода. Ибо он боялся, что,

⁹⁹ При этом, даже оказавшись во враждующих лагерях и вынужденные зачастую воевать друг против друга, бригады и наемники могли сохранять верность своему бывшему братству. Например, плененному в битве при Нахере Дюгеклену помог собрать выкуп чеширец Хью Кавли, предложивший французскому коннетаблю 3 тысячи золотых дублонов (*Keen M. Nobles, Knights and Men-at-Arms in the Middle Ages. L., 1996. P. 53*). Подобная взаимовыручка была характерна для рыцарских орденов. Так, например, рыцари ордена Подвязки были обязаны вносить выкуп за любого попавшего в плен члена ордена.

¹⁰⁰ *Gray. P. 130–131.*

¹⁰¹ *Knighton (1). P. 164.*

¹⁰² *Walsingham. Vol. I. P. 302; Knighton (1). P. 162.*

если король придет с одной стороны, а Компания с другой, его королевство будет уничтожено. Когда король Эдуард получил это письмо, он поклялся Пресвятой Деве Марии, что, даже если они [бриганды. – *Е. К.*] пройдут через все королевство Францию, король [Франции. – *Е. К.*] никогда не получит от него помощи»¹⁰³. По версии Томаса Уолсингема и Генриха Найтона, Эдуард III сам отказал Карлу V, сославшись на то, что «англичане, оставшиеся во Франции, находились вне закона, являясь убийцами, ворами и тому подобными правонарушителями в его собственном королевстве, и пребывали вне его мира, поэтому он не может привлечь их к суду»¹⁰⁴.

Описывая действия бригадиров как совершенно самостоятельные операции «вольных разбойников», хронисты не всегда следовали истине, поскольку большая часть подобных отрядов все же либо находилась на службе у кого-то из государей (например, у оспаривавших герцогскую корону Бретани Карла Блуаского и Жана де Монфора), либо хотя бы время от времени координировала свои действия с передвижениями регулярных армий, нередко присоединяясь к ним для участия в каких-нибудь операциях. Даже действуя исключительно по собственной инициативе, вольнонаемные капитаны в случае успеха предприятия старались как-то «легализовать» свои действия, например, присягая на верность тому или иному сеньору и получая от него захваченные замки и территории в ленное держание. При этом, судя по всему, даже самые удачливые из капитанов наемников, получавшие за службу солидное вознаграждение, не стремились окончательно осесть за пределами Англии, но планировали вернуться на родину богатыми людьми. Хью Кавли и Роберт Ноллис по мере возможности продавали полученные в Испании и Франции замки, скупая земли в родном Чешире и соседних графствах. В 1394 г. почетный гражданин Флоренции Джон Хоквуд, женатый на побочной дочери герцога Висконти, стал распродавать имущество, готовя возвращение в Англию, однако умер, не успев осуществить задуманное. К теме бригадиров из Великой компании я еще вернусь в разделе, посвященном мифам о национальных героях. Здесь же хочу отметить, что образ удачливого простолюдина, добившегося богатства и уважения в обществе благодаря предоставленной войной возможности, а также собственной доблести и предприимчивости, стал весьма притягательным для целых поколений молодых англичан¹⁰⁵.

Завершая разговор о теме обогащений за счет войны, следует упомянуть о ленных пожалованиях на завоеванных землях – самом серьезном, но, увы,

¹⁰³ *Capgrave*. P. 224.

¹⁰⁴ *Walsingham*. Vol. I. P. 302; *Knighton (1)*. P. 162.

¹⁰⁵ *Knighton (1)*. P. 162; *Gray*. P. 130–131.

самом ненадежном виде награды за военную службу. Земельные пожалования существовали двух видов: реальные и «виртуальные». Например, регент Франции герцог Бедфорд получил от своего брата и малолетнего племянника герцогства Алансонское и Анжу, графства Мен, Мортен, Аркур и Дре, виконтство Бомон, а также ряд других ленов на завоеванной территории Нормандии¹⁰⁶. Большую часть нормандских земель условно можно было считать «реальными» пожалованиями (хотя уже в апреле 1427 г. Королевский совет передал графство Мортен Эдмунду Бофору, а в 1430 г. герцогство Алансонское, «*rays de conquête*», т.е. завоеванная Генрихом V Нормандия, и орлеанские земли были возвращены короне), в то время как графство Мен англичанам только предстояло отвоевать. К тому же одновременно с английскими королями и их союзниками те же земли, титулы и должности жаловали их противники. Например, одновременно с Бедфордом титул графа де Мортена носили сторонники дофина: с 1423 г. Жан д'Аркур, а после его гибели в битве при Вернее в 1424 г. – Жан де Дюнуа. На протяжении всей войны в Бретани, Гаскони, Нормандии и Иль-де-Франсе дома, замки, лены и даже целые провинции постоянно реально или виртуально переходили из рук в руки, отвоевываясь или оспариваясь в судах сторонниками враждующих государей. Если в правление Эдуарда III подданные английской короны не имели достаточных оснований, чтобы рассчитывать передать по наследству недвижимость, пожалованную им во Франции (за исключением, разумеется, Аквитании), то после подписания мира в Труа такая надежда появилась (подробнее этот сюжет будет разобран в другом разделе настоящей работы).

Мало кто из англичан смог добиться от участия в войне выгоды, сопоставимой с той, что получил благодаря воинским талантам и, что особенно важно, дальновидности и предприимчивости сэра Джон Фастольф. Карьера этого отпрыска бедного рыцарского рода из Норфолка была поистине головокружительной. В 1412–1414 гг. он под предводительством герцога Кларенса сражался в Гаскони, где в полной мере проявил свои блестящие способности, вознагражденные должностями коннетабля Бордо и капитана Вьера. Война в Нормандии сделала Фастольфа баннеретом и рыцарем Подвязки, сенешалем двора герцога Бедфорда, наместником Мена и Анжу и капитаном Бастилии. Владелец многих ленов и домов в крупнейших городах Нормандии, он на протяжении всей службы во Франции старался избавляться от недвижимости на континенте, обращая ее, пусть даже с серьезными потерями для себя, в живые деньги, на которые потом скупал земли в Англии. В 1445 г. годовой доход его английских владений

¹⁰⁶ Захваченные Генрихом V земли Нормандии так и именовались в официальных документах «*rays de conquête*».

составил больше тысячи фунтов, в то время как оставшаяся во Франции недвижимость приносила около 400 фунтов. Помимо земли Фастольф вкладывал деньги в коммерческие предприятия, а также скупал драгоценности, а посему неудивительно, что он не только быстро превратился в одного из богатейших людей Англии, но и смог, несмотря на потерю Нормандии и Гаскони, сохранить свое состояние.

Любопытно, что расхожее представление о том, что война во Франции сулит материальное благополучие англичанам, оказалось довольно устойчивым. В 1491 г. в своей речи перед парламентом, посвященной началу новой англо-французской войны, король Генрих VII не только напомнил подданным о своих правах на французскую корону и обратился к ним с просьбой оказать ему поддержку в деле отвоєвания законного наследства, не только призвал их воскресить в памяти подвиги предков, но также пообещал вознаграждение за счет грабежей французских земель: «Франция – не пустыня, и я, исповедуя бережливость, надеюсь повести дело так, чтобы война (по прошествии первых дней) окупала себя»¹⁰⁷. Заключенный сразу же после начала кампании мир вызвал, по свидетельству Фрэнсиса Бэкона, «большое недовольство дворянства и главных мужей армии, многие из которых продали или заложили свои имения в надежде на военную добычу... А некоторые потешались над словами, которые король произнес в парламенте, – если война начнется, то он не сомневается, что она окупится, – и говорили, король сдержал обещание»¹⁰⁸.

Тяготы войны

Предшествующее повествование может создать вполне радужную картину процветания, царившего в Англии благодаря продолжительным войнам, самыми «прибыльными» из которых были французские кампании. Отношение к войне как к залогоу благосостояния подданных английской короны можно нередко встретить на страницах исторических сочинений. Именно в этом ключе трактовали ее многие рыцари и авантюристы, вроде Роберта Ноллиса и Джона Фастольфа. Жан Фруассар цитирует мнение сеньора д'Альбре по поводу заключенного с Францией мира: «Я достаточно богат, но у меня, как и у моих солдат, было больше денег, когда я воевал за короля Англии»¹⁰⁹. Однако не стоит забывать, что война, тем более такая продолжительная, была крайне обременительной для обеих сторон.

Конечно, никто не станет спорить с тем, что основная масса тягот и лишений неизменно выпадает на долю того народа, на территории

¹⁰⁷ Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII... С. 63.

¹⁰⁸ Там же. С. 71.

¹⁰⁹ Froissart. Vol. VI. P. 105.

которого ведутся военные действия, но и для их противника участие в войне подразумевает необходимость затрачивать огромные человеческие и материальные ресурсы. Для участия в любой королевской кампании требовалось привлечение значительного числа боеспособного мужского населения страны. Даже в годы перемирий в городах и крепостях оставались усиленные гарнизоны, способные отразить нападение врага. Несмотря на зафиксированные в контрактах достаточно высокие суммы обещанного наемникам жалования, а также очевидные перспективы получить дополнительные материальные вознаграждения от военной службы, английские государи нередко испытывали нужду в человеческих ресурсах. Именно поэтому перед большими кампаниями корона не гнушалась даже такими методами, как привлечение на военную службу осужденных преступников. По этой же причине английские короли охотно нанимали в свои войска иностранцев – как отдельных рыцарей, так и целые контингенты. Вербовка солдат была лишь первым звеном в длинной цепи проблем, которые приходилось решать воинственно настроенным сеньорам.

Войско требовало постоянного и регулярного снабжения. Было бы неверно полагать, что находящаяся на континенте или в Шотландии королевская армия существовала лишь за счет самообеспечения. Фактически нет ни одного исторического сочинения, созданного участником любой военной кампании, автор которого обошел бы вниманием проблему снабжения войск едой и фуражом, а также других повседневных тягот походной жизни. В качестве типичного примера можно привести рассказ одного из самых куртуазных хронистов эпохи Столетней войны, фламандского историографа Жана Ле Бея, участвовавшего в 1327 г. в английском походе в Шотландию. Хронист описывает, как войско молодого короля Эдуарда под проливным дождем несколько дней тщетно искало противника среди шотландских холмов и зарослей, не имея возможности найти хоть какое-то продовольствие для себя и фураж для лошадей. После двух дней голодовки король отправил гонцов в Ньюкасл с сообщением о том, «чтобы все, желающие заработать, везли в лагерь хлеб, вино, овес и прочие продовольственные товары; им за все заплатят и с охраной проводят туда и обратно». В результате в лагерь голодающих прибыли барышники, которые заломили высоченные цены за некачественный товар: «На протяжении четырех дней нам приходилось покупать один плохо пропеченный хлебец за шесть или семь стерлингов, хотя в действительности он не должен был стоить больше одного парижского су. Один галлон вина нам продавали за 24 или 26 стерлингов, хотя в обычное время он стоил от силы четыре. Но, несмотря на это, изголодавшиеся люди так спешили, что, толкаясь, выхватывали товары из рук торговцев, из-за чего между ними вспыхи-

вало много ссор. Вдобавок ко всем этим бедам всю неделю непрестанно шел ливень, так что наши седла, попоны и подпруги полностью сгнили и истрепались и все наши кони, или почти все, до крови натерли спины. Мы не знали, где подковать коней, потерявших подковы, и укрывали их от дождя нашими геральдическими плащами, за неимением ничего другого. Сами же мы в большинстве своем могли защититься от дождя и холода лишь своими окетонами¹¹⁰ и доспехами»¹¹¹.

Описывая физические испытания, с которыми приходилось бороться солдатам, хронисты всегда ставили голод на первое место, как самую острую проблему. Так, объясняя причины заключенного в 1341 г. непопулярного в Англии перемирия с Францией, Джон Капгрейв утверждал, что английский король пошел на это соглашение из сострадания, поскольку его французский противник утверждал, что «ему нечем было кормить армию и его люди умирали от голода и жажды»¹¹². Этот же хронист, описывая тяготы перехода из Арфлера в Кале в 1415 г., не забывает сообщить, что англичане «28 дней ели древесину вместо хлеба», поскольку французы спрятали от них все продовольствие, приберегая его для своих войск¹¹³. По свидетельству сэра Томаса Грея, армия герцога Ланкастерского «испытывала острую нужду в хлебе и вине» в течение пяти недель¹¹⁴. Даже в куртуазных стихах Уолтера Питербороского об испанской кампании Черного принца нашлось место для малопривлекательной изнанки военных походов:

*Из-за недостатка хлеба желудок был пуст,
Так что даже собаки не хватало для человеческого пропитания.
Если же это мясо ели, то не вредили себе, ибо
Они верили, что право войны искупает то, что они едят*¹¹⁵.

В результате, дабы спасти своих людей от голодной смерти, принцу Эдуарду пришлось предпринять тяжелейший переход через горы в Кастилию¹¹⁶.

Разумеется, получение продовольствия от местного населения далеко не всегда осуществлялось на взаимовыгодной договорной основе. Наиболее эффективным способом обеспечения армии всем необходимым были

¹¹⁰ Окетон – стеганая куртка, которую надевали под доспехи.

¹¹¹ *Ле Бель, Жан*. Правдивые хроники // Хроники и документы Столетней войны... С. 58–59; *Le Bel*. Vol. I. P. 59–61. Это повествование Ле Беля о тяготах шотландского похода было подробно пересказано Жаном Фруассаром, положившим сочинение льежского каноника в основу первой книги «Хроник» (*Fruassart*. Амьенский манускрипт. С. 55–56; Римский манускрипт. С. 267–268; *Froissart*. Vol. II. P. 143–149).

¹¹² *Capgrave*. P. 209.

¹¹³ *Ibid*. P. 311–312.

¹¹⁴ *Gray*. P. 146.

¹¹⁵ *Walter of Peterborough*. P. 111.

¹¹⁶ *Ibid*. P. 112–113.

банальные грабежи или «более гуманные» продовольственные поборы с местного населения¹¹⁷. Однако и этого было явно недостаточно для содержания королевских войск. Например, в 1346 г. королевский клерк прислал письмо, в котором сообщал о том, что Эдуард III осадил Кале и просит срочно выслать из Англии продовольствие, поскольку его войско, находящееся на самообеспечении после ухода из Кана, испытывает крайнюю нужду¹¹⁸. Между Англией и континентом все время курсировали корабли, груженные продовольствием и оружием.

Не хочется подробно останавливаться на проблеме обеспечения армии, поскольку этому вопросу посвящена обширная англоязычная историография. Однако я считаю важным кратко обрисовать круг проблем, с которыми в рассматриваемую эпоху сталкивалось общество «счастливых завоевателей». Г. Хьюитт подсчитал, что в период с 1347 г. по 1361 г. только на снабжение Кале продовольствием и оплату службы гарнизона короне приходилось тратить более 14 400 фунтов в год¹¹⁹. Выше уже упоминалось, что Черный принц лично понес большие убытки в результате испанской кампании, для покрытия которых были подняты налоги в Аквитании, что привело к массовым волнениям в этом регионе. Стоит ли говорить о том, что данный пример был далеко не единичным. Так, в 1429 г. герцог Бедфорд и его жена были вынуждены заложить собственные драгоценности, чтобы поддержать осаду Орлеана¹²⁰. Почти все мирное население Англии так или иначе участвовало в этой войне, выполняя «правительственные заказы» или просто платя налоги (специальные налоги были введены даже для духовенства). Постоянно нуждавшаяся в деньгах корона регулярно обращалась к парламенту с просьбами о предоставлении новых субсидий, что неизбежно приводило к введению экстраординарных налогов. Последние столь же неизбежно вызывали недовольство в обществе. Это недовольство не всегда было прямо связано с войной, однако с течением времени эта взаимозависимость все чаще и чаще прослеживалась на уровне массового сознания. Даже такой удачливый воин, как Генрих V, дважды получил отказ от парламента вотировать новые налоги для подавления «мятежей» на континенте после 1420 г. Адам из Уска с грустью описывает унижительное положение, в котором оказался этот король, недавно пребывавший в зените славы: «Наш господин и король просил денег у каждого в королевстве... желая вернуться с войском во Францию. Но тяжесть налогов была просто невыносимой, сопровождаемая слухами и сдержанными ругательствами тех,

¹¹⁷ *Le Baker*. P. 71, 132; *Avesbury*. P. 204, 368; *Moisant J.* Le Prince Noir en Aquitaine, 1355–1356, 1362–1370. P., 1894. Appendice. I. P. 162–165.

¹¹⁸ *Avesbury*. P. 369.

¹¹⁹ *Hewitt H. J.* The Organization of War under Edward III... P. 54.

¹²⁰ *Thompson G. L.* Paris and Its People under English Rule... P. 34.

кто ненадидел это бремя...»¹²¹ К возмущению по поводу налогов примешивалась горечь, вызванная людскими потерями. К тому же не все ветераны смогли сколотить за время войны приличное состояние, многие из них были вынуждены владеть довольно жалкое существование. Целый ряд городов (в первую очередь на шотландской границе и на побережье) пострадал из-за постоянных набегов врагов. В результате их жители были вынуждены платить специальные налоги для восстановления фортификаций и содержание гарнизона¹²². Сколь бы ни были историографы сосредоточены на описании походов и сражений, свидетельства существования этой оборотной стороны успешных войн нередко встречаются в их трудах.

Подводя некоторые итоги размышлениям об отношении англичан XIV–XV вв. к войнам, в которых им приходилось участвовать, можно зафиксировать следующее. Естественно, для каждого из участников войны существовали различные индивидуальные мотивы, вынуждавшие его браться за оружие. Диапазон этих персональных побудительных причин достаточно широк: от обязанности исполнять вассальный долг, стремления к личной славе или страха запятнать честь рыцаря до меркантильного желания поправить свое благосостояние за счет грабежа вражеской территории. При этом выстроить какую-либо иерархию целей можно исключительно на казуальном уровне, исследуя биографии всех персонажей в отдельности, избегая каких-либо обобщений и экстраполяций полученных выводов на массовое восприятие.

Кроме того, важно учитывать природу средневековых войн. Для рыцарского сословия, составлявшего основу, можно сказать, «лицо» средневекового войска если не в численном, то в функциональном и идеологическом плане, война являлась не просто инструментом политики или способом достижения каких-либо целей, но одновременно и образом жизни. Служа сеньору или преследуя корыстные цели, рыцари не могли абстрагироваться от этических норм, правил и традиций, определявших поведение представителей благородного сословия. Замененная еще Генрихом II натуральная воинская служба вассалов на ее денежный эквивалент позволяла английским рыцарям вовсе не принимать личного участия в королевских войнах, однако эта возможность противоречила основам рыцарского этоса, требовавшего наглядной демонстрации воинской доблести. Жажда подвигов и рыцарской славы вовсе не означала отказа от рационального поведения на войне: рыцари, кажущиеся безрассудными в одних ситуациях, могли осторожно взвешивать степень риска в других. Точно так же

¹²¹ *Adam of Usk*. P. 270.

¹²² *Waugh S. L. England in the Reign of Edward III*. Cambridge, 1991. P. 93–96.

красивые куртуазные жесты в адрес противников не мешали присвоению личного имущества убитых или торговле пленными. Амбивалентное, с современной точки зрения, поведение средневековых рыцарей объясняется органичным сочетанием в их сознании обыденных реалий военных действий с романтическими идеалами, полностью игнорировать которые не мог даже самый заядлый циник, ибо, отвергая их, он ставил под угрозу сам факт собственной принадлежности к сословию благородных.

Глава 2

Отношение к миру

Как уже неоднократно отмечалось, согласно каноническому праву, принципиальным условием для ведения справедливой войны было конечное стремление к миру. В предыдущей главе я попыталась наглядно продемонстрировать, что для большинства англичан существовали личные причины для участия в королевских кампаниях, позволяющие увидеть в войнах, провозглашенных средствами достижения попоранной справедливости, источники возможного обогащения или улучшения социального статуса. Рассуждая от имени герцога Глостера о растущем недовольстве перемирием 1390 г., Жан Фруассар отметил, что «благополучие и положение в обществе бедных английских рыцарей, оруженосцев и лучников зависели от войны»¹. Современные исследователи нередко выражают сомнения относительно того, что «в конце Средних веков с длительными, утомительными, полными грабежей кампаниями, требующими технических нововведений, солдаты имели альтруистические или благотворительные мотивы или что мир был их основной целью»². Однако в английской политической литературе представление о мире продолжало оставаться совершенно необходимой частью сложного образа войны. С одной стороны, оно отражало некоторые реальные и неизбежные (пусть даже и противоречащие мотивам приобретения богатства или славы) взгляды ее непосредственных участников. С другой стороны, безоговорочного одобрения войны с христианским государством было бы невозможно ожидать от Церкви – без сомнения, главной инстанции формирования различных теоретических и идеологических конструкций в Средние века.

Вслед за отцами Церкви теологи последующих эпох осуждали войну как возможность приобретения мирских благ, вроде славы и богатства. Принимая во внимание тот факт, что большинство историографов составляли образованные клирики, не приходится сомневаться в их осведомленности о

¹ *Froissart*. Vol. XIV. P. 314.

² *Lowe B.* *Imagining Peace. A History of Early English Pacifist Ideas, 1340–1560.* Pennsylvania, 1997. P. 17.

положениях католической теологии и канонического права. Таким образом, необходимой частью исследования образов, существовавших в сознании англичан в эпоху Столетней войны, становится рассмотрение соотношения, возникавшего между общим представлением о «войне» и идеей «мира» – как единственно достойного и логического завершения боевых действий.

Мир как справедливое завершение войны

Несмотря на существование разработанной и одобренной наиболее авторитетными теологами концепции справедливой войны, которой в полной мере соответствовали обоснованные Эдуардом III причины, побудившие его начать военные действия против своих врагов, в Англии среди представителей высшего духовенства находились и сторонники прекращения войны.

Раньше других критическое, хотя на первый взгляд весьма одностороннее, отношение к войне высказал Ричард де Бери, епископ Даремский, который, согласно предположению исследователей, был наставником молодого принца Эдуарда, будущего короля Эдуарда III³. Незадолго до своей смерти в 1345 г. де Бери закончил труд, названный им «Philobiblon». Страстный ценитель книг, пекущийся об их сохранности, де Бери в главе «Недовольство книг войной» («Querimonia librorum contra bella») указывает на физическую опасность, которую войны таят для книг: «Всемогущий Творец и любитель мира, рассеял народы, ищущие войны, которая вредит книгам хуже чумы. Ибо войны, для которых нет разумного основания, наносят ужасный удар по всему, что противостоит им, и, поскольку они ничуть не прибегают к умеренности разума, они уничтожают его сосуды, ведясь без всякого разумного суждения»⁴. В частности, епископ винит войны в уничтожении многих трудов Аристотеля. Чтобы у читателя не возникло впечатление, что епископ печется только о сохранности книг, в заключении к этой главе де Бери восклицает от имени пострадавших от войны людей: «Из-за войн мы отправились на чужбину, были убиты, ранены, чудовищно обезображены, погребены под землей, утонули в море, сгорели в огне и погибли от любого существующего вида смерти». Поэтому епископ просит Всевышнего: «Установить мир и уничтожить войны»⁵. И все же это сокрушение епископа о погибших христианах воспринимается скорее как

³ *Denholm-Young N.* Richard de Bury (1287–1345) // TRHS. 4th ser. Vol. XXII (1937). P. 135; *Lowe B.* Imagining Peace... P. 81; *Thomas E. C.* Introduction to «Philobiblon» of Richard de Bury. Oxford, 1960; repr. 1970. P. XI–XV.

⁴ *Bury, Richard de.* Philobiblon / Ed. and trans. E. C. Thomas. Oxford, 1960; repr. 1970. P. 70.

⁵ *Ibid.* P. 76.

стремление сгладить впечатление от того, что негативное отношение этого духовного лица к войне основано в первую очередь на желании уберечь от уничтожения драгоценные книги. К тому же предпочтение мира войне в труде де Бери носит абсолютно абстрактный характер: епископ решительно осуждает только войны, лишённые «разумного основания», не отвергая возможности существования оправданных законом справедливых войн.

В разделе о пропаганде уже упоминалось о предписаниях духовенству молиться за успехи английских войск и разъяснять пастве причины войны. В 1346 г. близкий друг Ричарда де Бери, Ричард Фицральф (будущий архиепископ Арма), произнес в Лондоне проповедь, посвящённую конфликту во Франции. Он увещевал людей молиться за персону короля, мудрый совет и «справедливый и счастливый исход» войны. Однако продолжение проповеди позволяет некоторым исследователям отнести Фицральфа к лояльным по отношению к короне тайным критикам войны⁶. Он убеждал, что в молитвах не следует просить Бога «пролить вражескую кровь», поскольку в молитве «каждый должен просить для всех людей того, что пожелал бы самому себе». Молиться о гибели врагов – означает противиться божественной заповеди любить своего ближнего. Следует молиться о том, «чтобы [король] смог заключить справедливый мир, чтобы мы... могли жить тихой и спокойной жизнью... благочестиво и целомудренно... И действительно не очень образованные люди часто серьёзно ошибаются, когда молятся за короля и его рыцарей, прося Бога, чтобы он даровал им телесную победу в бою над их врагами»⁷. Подобные увещевания со стороны духовного лица вполне укладываются в заповедь «возлюби ближнего, как самого себя» и не противоречат концепции справедливой войны как вынужденного средства борьбы со злом. Для Фицральфа король – «хранитель и защитник королевства», который ведёт справедливую войну во Франции, поскольку он является и её защитником тоже, ибо Англия и Франция – «действительно одно королевство»⁸. После победы при Креси Фицральф произнес ещё две проповеди, свидетельствующие о неизменности его отношения к войне: в них он призывал молиться о счастливом завершении войны, а не о кровопролитии⁹.

⁶ *Lowe B. Imagining Peace... P. 107–108; Walsh K. A Fourteenth Century Scholar and Primate: Richard Fitzralph in Oxford, Avignon and Armagh. Oxford, 1981. P. 228–230, 251.*

⁷ *Gwynn Au. The Sermon-Diary of Richard FitzRalph, Archbishop of Armagh // Proceeding of the Royal Irish Academy. Vol. XLIV. Sec. C (1937–1938). P. 22–32; Idem. Richard Fitzralph, Archbishop of Armagh. Part III // Studies. An Irish Quarterly Review. Vol. XXIII (1934). P. 404; Ows G. R. Preaching in Medieval England. Cambridge, 1926. P. 203–204.*

⁸ *Ows G. R. Preaching in Medieval England... P. 204.*

⁹ *Gwynn Au. Richard Fitzralph... Part III. P. 404–405; Walsh K. A Fourteenth Century Scholar and Primate... P. 251.*

Около 1390 г. доминиканский монах Джон Бромьярд составил труд, озаглавленный как «Сумма проповедей» («*Summa Predicantium*»), в котором 23-я и 24-я главы были отведены вопросам, связанным с войной. С точки зрения этого монаха, каждый государь, перед тем как начать войну, должен посоветоваться с мудрыми людьми и помолиться Богу: так поступал Иуда Маккавей, и «он сокрушал своих врагов»; так же вел себя и добрый король Эдуард III, «обычно совершавший паломничество перед войной... Сейчас же, увы, государи, и рыцари, и солдаты иначе воодушевлены для войны: своими жестокими поступками и жадной наживы они влекут себя скорее по пути дьявола, чем Бога; ибо они начинают войну не с молитв, но с клятв и проклятий...»¹⁰. Таким образом, этом монах осуждает не саму войну, а неподобающее к ней отношение, то есть то, что делает ее несправедливой.

Типичным для средневековой Церкви проповедником христианского отношения к войне можно без сомнения считать Томаса Бринтона, бывшего бенедиктинского монаха из Нориджа, занимавшего с 1373 г. по 1389 г. епископскую кафедру в Рочестере. Близость к королевскому двору¹¹, а также большое уважение, которым он пользовался у мирян и духовенства, делали его проповеди, которые он много и охотно читал (в том числе в соборе Св. Павла в Лондоне), весьма популярными в народе¹². Для Бринтона исконной причиной войн являются человеческие грехи и нежелание людей жить в мире и согласии. Впрочем, он не сомневается в законности притязаний Эдуарда III, видя в них справедливое основание для войны. Королевские солдаты поклялись подчиняться своему господину, поэтому они не должны дезертировать с поля боя, защищать жизнь короля и принцев и «не отказываться умереть за общее благо». Конечной целью этой, как и всякой справедливой, войны является мир¹³. В 1373 г. в нескольких проповедях епископ вспоминал о незавершенной войне: «Многие годы король Англии был вдохновляем победами. В его дни Англия могла зваться королевством королевств (*regnum Angliae regnum regnorum potuit appellari*): столь много побед было одержано, столь

¹⁰ *Bromyard J. Summa Predicantium*. Basle, 1484. Цит. по английскому переводу, выполненному К. Олмендом (см.: *Allmand C. T. Society at War. The Experience of England and France During the Hundred Years War*. Edinburgh, 1973. P. 38–39).

¹¹ Именно Бринтон стал духовником Ричарда II и прочитал проповедь во время коронации последнего (*Lowe B. Imagining Peace... P. 109*).

¹² В числе почитателей проповеднического таланта Бринтона был Уильям Лэнгленд, автор знаменитого «Видения Петра Пахаря» (*Lowe B. Imagining Peace... P. 109*).

¹³ *Brinton Th. The Sermons of Thomas Brinton, Bishop of Rochester, 1373–1389: 2 vols.* / Ed. M. A. Devlin. L., 1954: Sermon 7 «*Uno ore honorificetis. Ad romanos 19*» (Vol. I. P. 16–17); Sermon 70 «*Pax vobis*» (Vol. II. P. 336–339); проповедь «О мире» для лучшего понимания паствой была произнесена по-английски (*Middle English Sermons* / Ed. W. O. Ross. (EETS). L., 1940. P. 212; также см.: *Allmand C. T. The War and the Non-Combatant // The Hundred Years War* / Ed. K. Fowler. L., 1971. P. 175–176; *Lowe B. Imagining Peace... P. 110*).

много королей взято в плен, столь много земель захвачено... Бог привык быть на английской стороне (*Deus qui solebat esse Anglicus*)... Как часто несколько лет назад наши государи отправлялись за море, чтобы защитить нас и наши права (*nos et ius nostrum ad defendendum*) и одержать многочисленные триумфы над врагами (*de adversariis veriliter triumpharunt*)»¹⁴. Таким образом, в проповедях Бринтона представлены все три необходимые по каноническому праву требования для признания войны справедливой: санкция законной власти, уважительная причина и мир в качестве желанной цели. Именно такой взгляд на проблему правильного отношения христианина к войне и миру был характерен для большинства клириков XIV–XV вв. Приведу еще раз пример епископа Джона де Грандисона, предписывавшего подчиненным молиться за успех кампании принца Уэльского в 1355 г., но считавшего, что христиане должны жить в мире, пока это возможно¹⁵. Таким образом, вполне очевидно, что официальная Церковь ставила справедливость выше мира, хотя достижение последнего в качестве конечной цели было необходимым условием соблюдения справедливого характера войны.

Повествуя о заключении очередного перемирия, авторы анналов и хроник, работавшие в традиционных для эпохи Средневековья жанрах, как правило, пользовались возможностью выразить свое или процитировать чужое мнение по вопросу мира. В 1340 г. затянувшаяся осада Турне, разногласия с германскими союзниками, активизация шотландцев и давление Бенедикта XII вынудили Эдуарда III заключить перемирие с Филиппом Валуа. Вскоре после этого король получил письмо от своего духовного отца Джона Стратфорда, архиепископа Кентерберийского, в котором как нельзя лучше отражена реакция подданных короля на этот перерыв в войне. Переписка архиепископа с королем приводится в изложении Роберта из Эйвсбери, имевшего непосредственный доступ к этим бумагам. Архиепископ был чрезвычайно обеспокоен тем, что Эдуард III «после того, как с Божьей помощью одержал блистательные победы во Франции и Шотландии, став величайшим христианским королем» напрасно доверился «плохим советам злых людей и предателей», «преследующих свою выгоду, а не славу короля и королевства». Духовник короля выражал уверенность в том, что «это, несомненно, приведет к тому, что король утратит веру своих людей в себя и, обессилев, не сможет завершить начатое предприятие, после чего враг легко уничтожит его». Архиепископ почти дошел до непосредственных угроз королю, указывая ему на то, что он может потерять не только «свою добрую славу», но «и свое королевство» – на примере собственного отца король Эдуард должен знать, что происходит

¹⁴ *Brinton Th. Sermon «Ad ephesios»*. Vol. I. P. 112; *Sermon 70 «Pax vobis»*. Vol. II. P. 339.

¹⁵ *The Register of John de Grandison*. Vol. II. P. 1173.

с монархами, «которые перестают править согласно закону королевства и Великой хартии и отвергают советы мудрых людей»¹⁶. Эдуард III ответил архиепископу, что перемирие является лишь временным соглашением и вскоре «война за справедливость и закон возобновится»¹⁷. И хотя новая кампания началась лишь в 1345 г., хронист указывает на то, что король «поспешил» сдержать данное архиепископу обещание.

В 1347 г. Эдуард III был вынужден заключить новое перемирие. Оно также было чрезвычайно непопулярно среди подданных короля. Осуждая его, английские хронисты демонстрируют поразительное единодушие. Практически никто из авторов не обошел вниманием историю об ужасном шторме, в который попали возвращающиеся в Англию корабли. Этот шторм однозначно трактовался историографами как божественное знамение, свидетельствующее о нежелании Бога признавать мир между Англией и Францией до победного завершения справедливой войны. Разыгравшаяся стихия утихла лишь после того, как Эдуард III поклялся Деве Марии возобновить войну на следующий год. Столь знаменательное событие одинаково излагается во всех хрониках, как правило, не сопровождаясь дополнительными комментариями. Имеет смысл отдельно остановиться на анонимной поэме «На перемирие 1347 г.», имевшей успех у сторонников «партии войны» при королевском дворе. Свое сочинение поэт начинает с прославления военных побед Англии. Напомнив о них, он переходит к сетованиям по поводу того, что славный король Эдуард (чьи добродетели: «терпение, щедрость, чистота, благоразумие, верность, кротость, сострадание, набожность» достойны добродетелей его подданных, которыми он «мудро правит») готов отказаться от полной победы над врагом, заключая постыдное перемирие¹⁸. Кому нужны были победы предыдущих лет, если сами англичане готовы забыть о них:

Креси исчезает, Артуа бледнеет,

Кале засыхает, смирившись, Бретань испускает зловонье.

Порицая заключенное перемирие, автор поэмы все время развивает тему сравнения доблестных английских мужей со слабыми и трусливыми женщинами:

Тетиву лука мыши негаданно съели.

Поскольку весной король терпеливый, беззащитный, безоружный,

Смущенный вернулся, опозоренный и погибший.

*Только женщина скрывается вдали за высокими стенами*¹⁹.

Не стоит воинам вести войну, уподобившись женщинам,

¹⁶ *Avesbury*. P. 325–326.

¹⁷ *Ibid.* P. 337–339.

¹⁸ On the Truce of 1347 // *English Political Poems*. Vol. I. P. 55.

¹⁹ *Ibid.*

Что делает женщина в битве?...

*Мстит и позорит женщина, вредит, отступая*²⁰.

Неужели «непобедимые воины», перенесшие во Франции много трудностей, среди которых были и бессонные ночи, и голод, и холод, отступят, как женщины? По мнению поэта, отступление перед врагом губительно и позорно, когда

Когда в битвы они [воины. – Е. К.] устремляются,

Бог – их предводитель;

В бегстве их ведет Сатана прямо к злой гибели.

Стремясь к битве, они приобретают честь,

*Убегая, они приобретают бесчестье*²¹.

Поэтому, дабы сохранить дух войска и его боеспособность, не нужно заключать перемирие. Далее поэт рассказывает о божественном знамении в виде шторма, застигнувшего короля на обратном пути из Франции. В заключение делается следующий вывод: если король Эдуард будет продолжать сохранять мир с Францией, то не только он падет жертвой предательства и обмана, но и вся Англия будет пребывать в горе. Но если следующей весной он возобновит войну с новой силой, то, без всякого сомнения, этот достойнейший монарх с непобедимым войском и при поддержке Бога одержит окончательную победу и завоюет корону Франции, принадлежащую ему по закону. Все вновь встанет на свои места:

Фландрия будет смеяться, Англия – петь, Франция – рыдать,

Шотландия – скорбеть, побежденная Нормандия – дрожать в страхе.

Англия будет радоваться, дикая Пикардия – страдать,

*Париж – гореть, слава Аквитании станет широко известной*²².

Король, «осознав», что его поведение не угодно Богу, пославшему его вести это завоевание, исправил ошибку, возобновив войну.

Другим замечательным источником, свидетельствующим об отношении подданных Эдуарда III к проблеме войны и мира, является «Скалахроника» Томаса Грея. Примечательно, что ее автор является не духовным лицом, а рыцарем, прочитавшим в плену множество исторических сочинений. Перед тем как рассказать о положениях мира в Бретиньи, он достаточно долго размышлял над отношением к миру, завершающему войну. В отличие от анонимного поэта, считавшего, что мир в Бретиньи освящает не только «полное разрешение конфликта» между королями, но и победу Англии над Францией²³, Грей не считал, что условия этого мирного договора удовлетворяют все справедливые требования английской стороны. Хронист

²⁰ Ibid. P. 66.

²¹ Ibid. P. 54.

²² Ibid.

²³ Prince Edward's Expedition into Spain // English Political Poems. Vol. I. P. 94.

полагал, что полезным и добрым может быть только мир, «добродетельно и справедливо для общественного блага» основанный на правде и желании «угодить Богу», без принуждения, заключенный не ради праздности или «плотских удовольствий»²⁴. Мир не может быть «ценным» и его «результат весьма подозрителен», если он заключен не ради себя самого, но «по какой-то тайной причине»: «Когда кто-то осознает свое право, но не желает защищать его из лени и хочет избежать неудобств, стремясь и надеясь получить больше выгоды в чем-то другом. Точно так же, когда кто-то оставляет [свое право] из-за нехватки средств или из-за того, что исчерпана храбрость людских сердец, или же из старости – такое прекращение войны часто невыгодно, ибо многие люди, намереваясь согреться, отправляют себя на костер – превратности судьбы настолько неопределенны, что, желая избежать одной неприятности, можно навлечь на себя еще бóльшую». А поэтому не стоит отчаиваться, даже если нет средств для ведения войны или помощи союзников. Нужно подождать, «не явит ли Бог свою милость, даруя успех предприятию», ибо с помощью Господа, против воли которого никому не следует идти, правая сторона сможет получить то, что ей необходимо для защиты истины. Ибо мир можно заключать только с чистым сердцем, ради торжества справедливости и сообразуясь с волей Всевышнего²⁵. Для автора «Скалахроники», который немало повоевал сам и был потомком нескольких поколений участников войн в Шотландии, желанным может быть только победный мир, завершающий справедливую войну.

Отмечу, что мир в Бретиньи, традиционно трактуемый исследователями как успех английской дипломатии, вызвал недовольство непосредственного современника тех событий. Томаса Грея не радовали территориальные приобретения английской короны, его не удовлетворяла незавершенность войны, отказ от достижения изначально поставленных королем целей. Рыцарь не вдавался в теоретические размышления о правомерности ведения войн христианами, поскольку этот вопрос априори решен для него положительно. Раз война существует, она может быть справедливой или нет: причин же, выдвинутых его сеньором, достаточно для того, чтобы считать войну законной. Для Грея неактуально противопоставление прелестей мирного существования и всеобщей любви бедствиям и тяготам войны. Он рассуждает в соответствии с понятием справедливой войны, завершить которую должен лишь праведный мир. В противном случае для него, как и для анонимного автора поэмы «На перемирие 1347 г.», становятся напрасными человеческие жертвы. Эти жертвы были нужны для восстановления справедливости, поэтому право на существование имеет только победный мир.

²⁴ Gray. P. 164.

²⁵ Ibid. P. 164–166.

Аналогичное отношение к миру в Бретињи демонстрирует монах из Йорка, автор «Анонимной хроники». По его мнению, этот мир «наносит большой урон и таит в себе опасность для короля Англии и его наследников на все времена, поскольку почти вся Франция была в его власти, и командиры и их люди могли быстро завоевать королевство Францию для короля Англии, если бы он позволил им»²⁶.

Анализ отношения английских историографов к миру в Бретињи в свете изучения данной темы особенно важен, поскольку по его условиям Эдуард III не только получал в свободное владение большую часть французских земель, но также отказывался от титула короля Франции. Всех авторов можно разделить на две группы. Первые полностью приводят текст договора, указывая в повествовании о событиях 1369 г. на коварство и лицемерие французов, нарушивших мир и спровоцировавших англичан на возобновление войны²⁷. Другие, составляющие подавляющее большинство, либо вовсе не упоминают об этом мире и повторном принятии титула в 1369 г.²⁸, либо опускают ту часть договора, в которой речь идет об этом условии²⁹. В качестве примера можно привести хронику такого уважаемого автора, как Генрих Найтон. Рассказывая об условиях мира, Найтон ограничивается перечислением основных территориальных приобретений короля Англии во Франции, также умалчивая под 1369 г. о повторном принятии титула³⁰. Подобное отношение к договору в Бретињи свидетельствует о том, что даже столь выгодные условия (с точки зрения современных исследователей Столетней войны) воспринимались большинством английских средневековых историков иначе. Экстраполируя знание о продолжении войны и возвращении английского короля к титулу короля Франции, они, как правило, предпочитают рассматривать англо-французский конфликт в качестве непрерывного процесса. Например, Джон Капгрейв характеризует антианглийские выступления французов в 1368 г. как мятеж («*rebellion of Frauns*»)³¹.

«Правильным» миром стал для англичан договор в Труа, заключенный 21 мая 1420 г., по которому Генрих V объявлялся регентом Франции и «возлюбленным сыном и наследником» Карла VI. «В целях обеспечения мира

²⁶ Anonimale Chronicle. P. 49.

²⁷ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 44–48; *Walsingham*. Vol. I. P. 290–293; *Higden*. Vol. VII. P. 347–349.

²⁸ *Eulogium Historiarum*; *Burton*; *Higden (Trevisa, Caxton)*; *Annales de Bermundeseia*; *Annales prioratus de Wigornia*; *Auctore Bridlingtoniensi*.

²⁹ *Capgrave*. P. 220.

³⁰ *Knighton (I)*. P. 180–182, 196.

³¹ *Capgrave*. P. 226.

и покоя» короны Англии и Франции «навек» объединялись под эгидой английской власти. Генрих V получал в жены дочь французского короля Екатерину, и их дети, после смерти деда и отца, должны были стать правителями обоих королевств. Мир в Труа воспринимался англичанами как долгожданное окончание войны, как полная победа Англии, как торжество справедливости. Освещенный ореолом победы, мир перестал страшить англичан, напротив, последние начали трактовать его как величайшее благо, в наибольшей степени соответствующее тому идеалу справедливости, за который сражались государи Англии.

В поэме, посвященной защите прав Генриха VI на Францию, Джон Лидгейт отметил, что заключенный в Труа мир принесет счастье и благополучие обоим королевствам³². Эту же мысль выразил Эдуард Холл, приводя в своей хронике речь герцога Бедфорда, произнесенную им во время коронации Генриха в Париже, в которой регент Франции выразил уверенность в том, что союз королевств принесет благо не только королю Генриху или какие-то выгоды английскому народу, но и поспособствует началу эры процветания для самой Франции. Ибо только в тесном союзе с Англией суждено возродиться былому могуществу королевства времен Карла Великого³³.

Противопоставление мира войне

Дорогостоящие во всех отношениях и затянувшиеся войны, ведение которых на рубеже XIV–XV вв. перестало оправдываться в глазах многих подданных английской короны грандиозными триумфальными победами, постепенно стали утрачивать свой романтический ореол, вызывая серьезное недовольство определенной части общества. Более того, при Ричарде II негативное отношение к войне исходило непосредственно от королевского двора. В англоязычной историографии XX в. традиционно принято приводить в качестве примеров отрицательного отношения к войне в этот период цитаты из произведений двух самых прославленных английских средневековых поэтов – Джона Гауэра и Джеффри Чосера³⁴. Действительно,

³² On the English Title to the Crown of France // *English Political Poems*. Vol. II. P. 136.

³³ *Hall*. P. 162.

³⁴ *Stillwell G.* John Gower and the Last Years of Edward III // *Studies in Philology*. Vol. XLV (1948). P. 454–471; *Idem.* The Political Meaning of Chauce's Tale of Melibee // *Speculum*. Vol. XIX (1944). P. 433–444; *Idem.* Wynnere and Wastoure and the Hundred Years War // *English Literary History*. Vol. VIII (1941). P. 241–247; *Peck R. A.* Kingship and Common Profit in Gower's «*Confessio Amantis*». Carbondale, 1978. P. 91, 146; *Coffman G. R.* John Gower, Mentor for Royalty: Richard II // *Publications of the Modern Language Association of America*. Vol. LXIX (1954). P. 953–964; *Dean J.* Gower, Chaucer, and the Rhyme Royal // *Studies In Philology*. Vol. LXXXVIII (1991). P. 251–275; *Yeager R. E.* Pax Poetica: on the Pacifism of Chaucer and Gower // *Studies in the Age of Chaucer*. Vol. IX (1987). P. 97–121; *Coleman J.* Medieval Readers

если рассматривать отдельные принадлежащие этим поэтам строки вне общего контекста, они предстают решительными противниками войны, желающими ее скорейшего завершения.

Джон Гауэр в «Исповеди влюбленного», единственном его крупном произведении, написанном по-английски, утверждает, что мир является естественным состоянием человечества, поскольку Господь запретил убийство. Война неизбежно несет разрушения и бедствия:

*По закону милосердия
Не должно существовать смертоносной войны:
Все в природе ей противится,
Закон мир восхваляет,
Являющийся основой человеческого благополучия,
Человеческой жизни, человеческого здоровья.
Но смертоносная война имеет родственницу,
Несущую чуму и голод,
Бедность и всевозможное горе,
Поэтому мы осуждаем этот мир,
В котором сейчас господствует война,
Пока сам Господь не улучшит его³⁵.*

Кроме недовольства войной как источником разных бедствий, Гауэр робко ставит вопрос о правомерности санкционировать убийство ради какой бы то ни было цели, ведь даже при убийстве сарацина вместе с его телом погибает и душа, не знающая любви Христа³⁶. В третьей книге «Гласа вопиющего» поэт критикует пороки духовенства, среди которых находится место и призывам к войне. Однако мир для Гауэра лишь залог счастья и процветания, основа для благополучной человеческой жизни. Это не означает, что он отрицает саму возможность существования справедливой войны. Для такой войны поэт называет три причины: увеличение

and Writers, 1350–1400. N.Y., 1981. P. 140; Fisher J. H. John Gower, Moral Philosopher and Friend of Chaucer. N.Y., 1964. P. 135–203; Lawrence W. W. The Tale of Melibeus // Essays and Studies in Honor of Carleton Brown. N.Y., 1940. P. 100–110; Lowe B. Imagining Peace... P. 82–87, 95–102; Barnie J. War in the Medieval English Society. Social Values and the Hundred Years' War 1337–1399. Ithaca (N.Y.), 1974. P. 132–133; Scattergood V. J. Chaucer and the French War: Sir Thopas and Melibee // Court and Poet: Selected Proceedings of the Third Congress of the International Courtly Literature Society. Liverpool, 1980 / Ed. G. S. Burgess. Liverpool, 1981. P. 287–296; Porter E. Chaucer's Knight, the Alliterative Morte Arthure, and Medieval Law of War: A Reconsideration // Nottingham Medieval studies. Vol. XXVII (1983). P. 56–78; Göller K. H. War and Peace in the Middle English Romances and Chaucer // War and Peace in the Middle Ages / Ed. B. P. McGuire. Copenhagen, 1987. P. 118–145.

³⁵ Gower, John. Confessio Amantis, bk. 3, lines 2261–2272 // Gower, John. Complete Works: 4 vols. / Ed. G. C. Macaulay. Oxford, 1899–1902.

³⁶ Ibid. Bk. 4., lines 1679–1691.

общественного блага, защиту вдов и сирот и охрану прав Церкви³⁷. Эта идея высказывалась поэтом на протяжении всей жизни: в раннем написанном по-французски труде «Зерцало размышляющего» и в зрелые годы – в «Исповеди влюбленного»³⁸. Гауэр резко осуждал участие в войне ради стяжания личной славы или с целью обогащения: именно такая война приводит к страданиям и бедствиям народа. Однако он призывал рыцарей верно служить своему государю в войне, которую тот ведет ради торжества закона и сохранения общественного достояния:

*Чтобы победили закон и право,
Человек может убивать без греха*³⁹.

Кроме того, по мнению Гауэра, для ведения действительно справедливой войны помимо *ius ad bellum* следует соблюдать также *ius in bello*: то есть войны должны выполнять свои обязанности более благочестиво. С точки зрения Б. Лоу, подобная трактовка Гауэром оснований справедливой войны «обращена против притязаний Эдуарда на Францию», которые таким образом перестают быть справедливыми⁴⁰. Такой вывод кажется мне не совсем верным, поскольку приведенные Гауэром условия полностью соответствуют причинам, которые Эдуард III приводил в качестве обоснования своей войны против Филиппа Валуа: король провозглашал войну за сохранение собственности своей короны и ради защиты подданных и восстановления божественного закона.

К тому же не стоит забывать, что расцвет творчества Гауэра приходится на период правления Ричарда II (при дворе которого часто бывал поэт, получивший в дар от монарха несколько поместий), весьма благосклонно относившегося к отражению в литературе идей всехристианской любви и мирного сосуществования с соседями. Именно Ричарду первоначально посвящалась «Исповедь влюбленного», замысел которой, согласно прологу, принадлежал самому государю. Около 1393 г., окончательно разочаровавшись в правлении Ричарда, Гауэр изменил посвящение, переадресовав поэму Генриху Болингброку, будущему Генриху IV, чьим верным сторонником он оставался вплоть до самой смерти⁴¹. Поэт обвинял Ричарда в том, что тот «нарушил клятву сохранить мир по отношению к духовенству и народу»; это обстоятельство также трактуется Б. Лоу как

³⁷ Gower, John. *Vox Clamantis*. liber V, cap. I ff.

³⁸ Gower, John. *Mirour de l'Omme* lines 23608ff; *Confessio Amantis* bk. VII, lines 3594 ff.

³⁹ The lawe and comun riht to winne,

A man mai sle withoute Sinne

(Gower, John. *Confessio Amantis* bk. III, lines 2231ff).

⁴⁰ Lowe B. *Imagining Peace...* P. 84.

⁴¹ Даже надгробие Гауэра свидетельствует о его преданности первому королю из династии Ланкастеров: воротник поэта украшен изображением лебедя – геральдическим символом (беджем), избранным Генрихом в 1397 г.

аргумент в пользу неприязни Гауэра к войне⁴². Однако именно Ричард II был самым горячим сторонником заключения мира с Францией, а приход к власти Генриха Болингброка, напротив, воскресил чаяния военной партии при дворе. Можно предположить, что в данном случае речь идет не о мире, завершающем войну за пределами Англии, а о прекращении притеснений подданных со стороны короля Ричарда, то есть о восстановлении мира и спокойствия внутри королевства. Пожалуй, наиболее верно охарактеризовал позицию Гауэра Дж. Барни, сказавший о поэте, что он «был сторонником мира, но не пацифистом»⁴³.

После неудачного крестового похода епископа Нориджского главным идеологом английской внешней политики стал фаворит Ричарда II граф де Ла Поль, в котором оппозиционеры видели основного виновника всех бед вплоть до его смещения в 1388 г., после чего неизменность планов короля стала очевидной. Именно де Ла Поля историографы обвиняли в том, что он советовал королю прекратить войну во Франции, даже ценой возвращения французам завоеванных англичанами территорий. Граф действительно прилагал все усилия для мирного разрешения затянувшегося конфликта.

Бесспорным сторонником королевской партии в этот период был Джеффри Чосер, радушно принимаемый при дворе. Единственной завершённой из рассказанных Чосером от собственного имени (Джеффри-пилигрима) историй в «Кентерберийских рассказах» является «Рассказ о Мелибее»⁴⁴. Большая часть его посвящена проблеме мести: должен ли Мелибей идти на войну против трех старых врагов, которые однажды избили его жену Пруденцию и серьезно ранили его дочь Софию. Старые и мудрые друзья (врачи, лекари и законники), а также собственная жена советуют Мелибею остаться дома, поскольку «месть не лечится мстью, а зло – другим злом, но одно отягчает и усиливает другое... ибо добро и зло суть противоположности, и война и мир, месть и терпение, раздор и согласие и многое другое... что зло лечится добром, раздор согласием, война – миром и так далее»⁴⁵. Пруденция убеждает мужа, что причиненное его дочери насилие – заслуженная кара за то, что он забыл о Боге и не позаботился о защите от трех вечных врагов человека (плоти, дьявола и мира), которые изранили его душу смертными грехами. Она полагает, что ему нужно позаботиться о себе и беречь собственное добро, а не жаждать

⁴² Lowe B. *Imagining Peace...* P. 85.

⁴³ *Barnie J. War in the Medieval English Society...* P. 123.

⁴⁴ «Рассказ о Мелибее» базируется на очень популярном французском тексте «Le livre de Melibee et de dame Prudence», приписываемом Жану де Мену, который, в свою очередь, восходит к написанному в XIII в. Альбертаном ди Брешиа латинскому трактату «Книге об утешении и совете».

⁴⁵ *Чосер, Джеффри. Рассказ о Мелибее // Кентерберийские рассказы / Пер. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М., 1996. С. 256.*

захватить чужое. Мелибей в целом согласен с женой, однако считает, что первый шаг к примирению должна сделать виновная сторона. На это жена цитирует Соломона: «Кто хочет примирения, пусть начнет с себя». Она созывает врагов и показывает им «добро, следующее от мира, и большой вред, сопровождающий войну». В итоге противники примиряются. Исследователи полагают, что под именем колеблющегося Мелибея⁴⁶ Чосер изобразил молодого короля Ричарда, решительной же Пруденцией в этом случае является граф де Ла Поль⁴⁷. Я не буду специально останавливаться на причинно-следственной связи между любовью Чосера к миру и его приверженностью к партии Ричарда II. Однако в любом случае взгляды этого поэта на проблему войны и мира соответствуют официальной политике двора в исследуемый отрезок времени.

Говоря об отношении Чосера к войне и миру, следует отметить, что при всем решительном осуждении кровопролития и раздора поэт не решался полностью отказаться от идеи возможного отмщения за несправедливо причиненный вред и насилие. Правом на месть обладают не многие, а лишь судьи, которым «полагается и подобает карать ущерб и злодеяние», поскольку «если они оставляют без наказания зло и беззаконие, то этим призывают творить новое зло»⁴⁸. Следовательно, наделенные специальными полномочиями лица не просто обладают правом на «противление злу насилием», они обязаны приостановить дальнейшее распространение зла. Если же по каким-то причинам осуществление мести затруднено (например, противник обладает превосходящими силами), следует рассчитывать на то, что виновник понесет кару от Всевышнего Судьи⁴⁹. Таким образом, позиция Чосера, как и Гауэра, не противоречит концепции справедливой войны. Однако в отличие от последнего первый смещает акцент с причин на санкцию верховной власти.

Идеи, высказанные в сочинениях Гауэра и Чосера, нашли отражение в творчестве их младшего современника и страстного почитателя Томаса Окклива. В 1412 г. (за три года до победы Генриха V при Азенкуре) этот поэт преподнес принцу Генриху свое сочинение «О правлении государя». Несмотря на очевидное стремление принца вести активную внешнюю политику, Окклив, умоляющий будущего короля отнестись благосклонно к

⁴⁶ Имя Мелибей означает «пьющий мед». Пруденция упрекает мужа в том, что тот «слишком много вкусил... медовой сладости богатства брэнного, радостей и почестей сего мира...» (Там же. С. 262).

⁴⁷ *Johnson L. S. Inverse Counsel: Contexts for the Melibee // Studies in Philology. Vol. LXXXVII (1992). P. 137–145; Lowe B. Imagining Peace... P. 94–101; Stillwell G. The Political Meaning of Chauce's Tale of Melibee... P. 440; Scattergood V. J. Chaucer and the French War: Sir Thopas and Melibee... P. 290.*

⁴⁸ *Чосер, Джеффри. Рассказ о Мелибее... С. 265.*

⁴⁹ Там же. С. 264–265.

его труду⁵⁰, трактует войну и мир в духе старших поэтов эпохи правления Ричарда I. Для него истинной причиной всех войн является жажда наживы, а их результатом – бедствия и несчастья народа. Было бы прекрасно, если бы мужчины, оставив свою гордыню и послушавшись жен, остались дома. Здесь прослеживается очевидная аллюзия на «Рассказ о Мелибее» Чосера. Развивая идею благотворного брака, Окклив советует Генриху прекратить войну, женившись на французской принцессе Екатерине, полагая, что после заключения этого матримониального союза Англия и Франция смогут прийти к истинному согласию («true concord»)⁵¹.

В отличие от находящихся в лоне ортодоксальной Церкви классиков английской средневековой литературы, взгляды которых на войну в целом не противоречили основным положениям августиновской концепции, позиция «еретиков» по этому вопросу была более радикальной. Осужденный в 1381 г. за еретическую трактовку евхаристии прославленный английский теолог Джон Уиклиф⁵², ставший фактически предтечей Реформации в Англии, в ряде своих трудов высказал принципиально иную, чем его ортодоксальные современники, трактовку одной из важнейших христианских заповедей: «Возлюби врага своего»: если для большинства прелатов любовь к врагу предполагала в первую очередь борьбу с его грехами и заблуждениями, то, согласно Уиклифу, эта любовь зиждилась на смирении и терпимости. В трактатах «О семи смертных грехах» и «О прелатах» он переходит от обличения лицемерия высшего духовенства, наделенного огромной властью и живущего в роскоши, призывая мирян к бедности и смирению, к утверждению невозможности существования «справедливой» или «священной» войны. Прелаты, в обязанность которых входит проповедь всеобщей любви, призывают к войне, обещая избавление от грехов в обмен за совершаемые убийства. Неудачный поход епископа Нориджского 1383 г. против еретиков вдохновил Уиклифа на развитие антивоенной линии в своих трудах. Уиклиф отказывался верить в то, что призывающие к справедливой войне священники ставят целью конечное

⁵⁰ Томас Окклив занимал должность клерка в ведомстве Малой королевской печати; вплоть до получения небольшой ренты в 1399 г. поэт очень нуждался. В своем посвящении он выражает надежду на то, что принц снизойдет к его нуждам и окажет ему материальную поддержку.

⁵¹ *Hoccleve, Thomas. The Regimant of Princes, lines 5335–5342, 5363–5366, 5386–5390, 5394.*

⁵² Авторитетный теолог Джон Уиклиф на протяжении всей жизни пользовался покровительством королевского двора. В 1374 г. он помогал Эдуарду Черному принцу вести спор с папским нунцием по поводу обложения английского духовенства папскими налогами и назначений папой своих кандидатов на английские кафедры. После смерти Черного принца главными защитниками Уиклифа стали Джон Гонт и мать Ричарда II Джоанна Кентская. Осужденный в 1381 г. как еретик, Уиклиф, хотя и был вынужден покинуть Оксфордский университет, благодаря покровительству двора благополучно избежал физической расправы. Умер Уиклиф от удара в местечке Латгеруэрте 31 декабря 1384 г.

достижение мира. «Если бы они действительно стремились к миру, они охотно и с радостью отдали бы все свое мирское богатство и свою плоть, и кровь, и саму жизнь для достижения мира и милосердия среди христиан»⁵³. Однако даже Уиклиф, анализируя содержание Ветхого Завета, был вынужден признать возможность существования завоевательных войн, если они провозглашены по очевидному приказу самого Бога⁵⁴.

Пришедшие на смену Уиклифу еретики лолларды⁵⁵ были еще более радикальны в своем пацифизме. Один из ранних лидеров этого учения, распространенного во всех слоях английского общества, Николас Херефордский заявлял: «Иисус Христос, наш предводитель в борьбе, учил нас закону терпения и сражаться не во плоти, а в духе». В 1390 г. суды линкольнского и херефордского епископов вынесли обвинение другому предводителю лоллардов, Уильяму Свиндерби. Заручившись мнением двух профессоров из Кембриджа, епископы признали полное отрицание любой войны, проповедуемое Свиндерби, еретическим на том основании, что, согласно учениям Августина и Фомы Аквинского, «вести войну по справедливой причине против христиан или неверных – свято и разрешено, иное мнение является ложным»⁵⁶. Развивая эту мысль, теологи утверждали, что пацифистские идеи лоллардов являются ложными по нескольким причинам: «Во-первых, в этом случае ни один христианский государь не смог бы защищать свои земли от завоевателей и мятежников, и король Англии не смог бы защищать свое королевство от французов, шотландцев или кого-либо другого. Во-вторых, святые отцы одобряли справедливые войны, позволяя христианам в них участвовать с целью защиты справедливости, католической Церкви и веры. Сражавшимся во имя этой цели отпускали грехи признанные Церковью святые. Сам Господь оправдывал подобные справедливые войны, часто повелевая избранным сражаться, как явству-

⁵³ *Wyclif, John. The English Works / Ed. by F. D. Matthew. L., 1880. P. 52–54, 73, 90–91.* Также см.: *Barnie J. War in the Medieval English Society... P. 123–124; Lowe B. Imagining Peace... P. 114–118.*

⁵⁴ *Lowe B. Imagining Peace... P. 117.*

⁵⁵ Лолларды (от ср.-нидерл. *lollaert(d)* – бормочущий) – религиозное движение, возникшее в начале XIV в. среди благотворительных братств Германии и Нидерландов. Перебравшись в 1387 г. в Англию, лолларды попали под сильное влияние учения Джона Уиклифа (иногда их даже именovali «уиклифитами»). К числу приверженцев новой секты в Англии примкнули многие преподаватели Оксфордского университета и ряд представителей знати, однако основную массу еретиков составляли простолюдины. В 1395 г. лолларды подали в парламент петицию о церковной реформе (в числе их предложений были пункты о ликвидации церковного землевладения, роспуске монастырей, отмене целибата для клира, отказе от литургии и пр.), которая была отклонена. Преследование лоллардов как еретиков, в ходе которого были казнены некоторые лидеры движения, пришлось на правление Генриха IV и начало правления Генриха V.

⁵⁶ *Registrum Johannis Trefnant, episcopi Herefordensis, A.D. 1389–1404 / Ed. W. W. Capes. Hereford, 1914. P. 238–270, 369–370.*

ст из всего Ветхого Завета. Поэтому это признается в качестве истины и католической доктрины, противное же ей, как было сказано выше, является ошибкой»⁵⁷.

В том же 1390 г. в суде епископа Херефордского свою позицию попробовал отстаивать Уолтер Брут, взгляды которого имели много общего с воззрениями Свиндерби. Для него любая война (не важно, против кого она направлена, христиан или неверных) противоречит духу Евангелия, поскольку «Христос, царь мира и спаситель человечества, пришедший спасти, а не осудить, давая уверовавшему закон милосердия, учил нас уважению, а не злости, не ненавидеть наших врагов, не отвечать злом на зло, но противостоять злу»⁵⁸. Вынесенный судьями приговор гласил: «Утверждение, что христиане не могут свободно и решительно защищать себя в случае физического нападения на них неверных или любого другого насилия... направлено против благости мира, против законопорядка и против разума»⁵⁹.

Расхождение между идеализмом лоллардов и ортодоксальными догмами наиболее явно проявилось в «Двенадцати заключениях», представленных лоллардами для обсуждения в парламенте в 1395 г. Десятое заключение, посвященное проблеме отношения к войне, свидетельствует о близости учений лоллардов и Уиклифа. Согласно этому заключению, Новый Завет, принесенный в мир Христом, запрещает любое пролитие человеческой крови: каждый, убивший на войне, совершил смертный грех, нарушая волю Бога; ни один монарх или представитель духовенства (в том числе и папа) не может провозглашать войну (тем более называть ее справедливой или священной), призывая людей к убийствам; ни одна война не может вестись без «божественного откровения»⁶⁰. Таким образом, очевидно, что даже такие радикальные пацифисты, как лолларды, вслед за Уиклифом не отрицают саму возможность существования справедливой войны, оговаривая в качестве ее неперемennого условия «божественное откровение», аналогичное описанному в Ветхом Завете. Впрочем, остается непонятным, как Уиклиф или лолларды относились к многочисленным знаменам, трактуемым представителями ортодоксального духовенства и остающимися в лоне официальной Церкви мирянами именно в качестве непосредственного волеизъявления Господа, очевидно свидетельствующего в пользу ведения справедливой войны.

⁵⁷ Ibid. P. 377.

⁵⁸ Ibid. P. 309–316.

⁵⁹ Ibid. 378; *Allmand C. T. Society at War...* P. 20–21; *Idem. War and the Non-Combatant...* P. 175–176.

⁶⁰ Selection from *English Wycliffite Writing* / Ed. A. Hudson. Cambridge, 1978. P. 27–28; *Nuttall G. F. Christian Pacifism in History*. Oxford, 1958. P. 23–24; *Lowe B. Imagining Peace...* P. 120.

В 30-е гг. XV в. военные действия на континенте шли с переменным успехом: отдельным удачам английских войск противостояло постоянное наступление французов (снятие осады Орлеана, штурм Парижа, осада Кале и т.д.). Однако английские хронисты, все еще находясь под воздействием созданного Эдуардом III и Генрихом V мифа о «непобедимой» английской армии, по-прежнему стремились писать только о победах соотечественников. «Ежедневные завоевания увеличивали владения Генриха во Франции»⁶¹ – примерно с такой риторикой в хронистике создается иллюзия скорой победы. Но к началу 1440-х гг. стало ясно, что, несмотря на огромные затраты средств и сил, удача в войне все чаще сопутствует противникам англичан. Невозможность добиться скорого перелома в ходе военных действий грозила полным истощением казны, что неизбежно порождало рост налогов, усугубляющих недовольство войной в самой Англии. Постоянные поражения вынуждали Королевский совет пытаться сохранить в ходе дипломатических переговоров максимум из оставшихся завоеваний Генриха V. 28 мая 1444 г. в Туре было подписано англо-французское перемирие на два года.

Вольно или невольно английские авторы в своих произведениях были вынуждены осмысливать новое положение дел, ища ему логическое объяснение и оправдание. Это можно показать на примере двух поэм, написанных знаменитым поэтом рассматриваемого периода Джоном Лидгейтом. При помощи аллегорий он рассказывает о том, как на вершине горы встретились четыре принцессы – дочери Святого Духа: Милосердие, Правда, Мир и Справедливость. Мир – цель их встречи, основание для нее – Милосердие, которое также является «главной добродетелью». Именно Милосердие заставило свою сестру Справедливость обратиться к миру, потому «что с ее благородным вмешательством / Все добродетели пребудут в мире»⁶². Мир – наивысшее благо для всех людей, это подтверждает и его расшифровка:

В слове Мир (Pax) – три буквы:

P – означает благоразумие (prudence),

A – основания (argumentations) и еще больше – власть (auctorite),

X – Христа, знак наивысшего почтения

К тому, кто, распятый на кресте,

Кровью и потом написал об

⁶¹ The First English Life of King Henry V... P. 188.

⁶² On the Prospect of Peace // English Political Poems. Vol. II. P. 209.

*Освобождении нас от грехов и о полной уверенности
В его царствовании в вечном мире*⁶³.

Лидгейт выделяет несколько разновидностей мира. Во-первых, это мир в сердце: «Этот мир зовется душевным покоем (conscience)», он дает душе покой и тишину, это мир бедных, открытый Диогеном, «который никогда не роптал на посылаемую Богом нужду»⁶⁴. Во-вторых, существует «мир созерцательный»

*Людей, ведущих одинокую жизнь
В посте, молитвах и молениях,
Посещающих бедных, страдающих
К нагим и нуждающимся*⁶⁵.

*Все, живущие в этом мире, будут вознаграждены Христом,
царствующим в «вечном мире».*

*Но сейчас люди, уставшие от войн, ждют другого мира, который
Держит в спокойствии города и королевские замки,
Народ своевольный обуздывает; устанавливает спокойствие
В королевствах и славных государствах;
Мир охраняет их от раздоров.
Как говорил философ по имени Сократ,
Из всех добродетелей*

*Он более всего почитал добродетель, называемую миром*⁶⁶.

Лидгейт полностью согласен с Сократом: он приветствует эту «спокойную добродетель», примиряющую враждебных соседей, делающую их друзьями. В отличие от автора поэмы «На мир 1347 г.» он не приходит в ужас оттого, что славные победы и кровь, пролитая англичанами на полях сражений ради торжества справедливости, забываются. Для него перемирие не является признаком трусости и нерешительности. Он не приводит доказательства того, что Бог желает продолжения войны. Наоборот, Лидгейт вспоминает историю рождения Христа, пришедшего на землю, чтобы принести мир. Семь дочерей Святого Духа: Любовь, Спокойствие («Наиболее занятая из семи сестер, / Народ, пребывающий в междоусобице, она приводит к миру»), Смирение, Рассудительность, Бедность, Доброта и Полное Согласие (Perfecta-societas) – «главная добродетель», приветствовали рождение младенца, которому суждено было установить вечный мир. Лидгейт напоминает, как все ждали рождения «главного господина мира»: его предрекали пророки, Господь посылал знамения. Бог спас своего сына от неминуемой гибели, постигшей других детей Израиля, когда злобный и

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid. P. 210.

⁶⁵ Ibid. P. 211.

⁶⁶ Ibid.

жестокий тиран Ирод повелел своим «безжалостным рыцарям» умертвить всех младенцев. Все это делалось ради людей, испокон веков пребывающих во вражде: Каин убил Авеля, Измаил враждовал с Исааком, греки с троянцами, Александр с Дарием, после Иерусалима и Вавилона были войны между Римом и Карфагеном. В этой поэме Лидгейт не восхищается воинами прошлого: ни Александром, ни Сципионом, ни Ганнибалом. Поэт презирает «гордость воинов» и «воинский гнев», противный миру, он страшится красного всадника Апокалипсиса, «порождающего войну и рушащего мир»⁶⁷. Да, говорит он:

*Генрих V был хорошим рыцарем,
Могущественным и знатным*⁶⁸.

Но он умер, ведя завоевания, «и все мы умрем», если будем продолжать вести эту войну, ведь войны губительны не только для солдат. Богатые лорды сражаются, совершенно не думая о бедных тружениках, которые возделывают землю. Разоренная земля не приносит урожай: «Война приводит к бедности, мир приводит к процветанию»⁶⁹. По мнению поэта:

*В войнах ужасных добродетельный мир – добро;
Борьба – ненавистна, мир – приятная доблесть;
Со времен Карла был великий поток крови;
Бог посылает нам мир между Англией и Францией!*⁷⁰

Для Лидгейта все христиане – братья, в том числе и старые враги – англичане и французы, поэтому им нельзя противиться воле Бога, желающего, чтобы между всеми странами был мир. Народы сами поймут потом, что в мире жить лучше, ибо он принесет им благоденствие:

*И между братьями, для их большего могущества,
Без принуждения, обмана или расхождения,
Иисус Христос послал мир всем христианам*⁷¹.

Отношение Лидгейта к миру в большой степени напоминает позицию поэтов периода правления Ричарда II. Так же как Гауэр и Чосер, Лидгейт был своего рода «официальным певцом» королевской внешней политики. Его пример демонстрирует кардинальное изменение, произошедшее в восприятии англичанами возможности заключения мира. Мир для англичан перестает противопоставляться справедливой войне. Напротив, справедливость заключается именно в достижении и поддержании внешнего мира, являющегося залогом мира внутреннего – источника процветания страны

⁶⁷ On the Prospect of Peace // English Political Poems. Vol. II. P. 212–213.

⁶⁸ Ibid. P. 212.

⁶⁹ On the Truce of 1444 // English Political Poems. Vol. II. P. 215.

⁷⁰ On the Prospect of Peace // English Political Poems. Vol. II. P. 214.

⁷¹ Ibid. P. 215.

и благосостояния королевских подданных⁷². Подобное отношение к миру уже не вызывало осуждение Церкви и неодобрение королевского двора. Автор анонимного «Трактата об управлении, [написанного] для короля Генриха VI» (1436–1437 гг.) дает молодому королю множество советов о том, как правильно управлять государством, чтобы пользоваться уважением своих подданных. Выполнение всех условий, по мнению автора, возможно только при заключении христианского мира и согласия с французами⁷³.

Череди военных поражений, приведшая к почти полной утрате континентальных владений, заставила историографов переосмыслить ключевые принципы английской внешней политики. Именно в середине XV в. появляется мысль о том, что Англии уготован иной путь политической славы и могущества, чем у народов на континенте. Англичане начали обращать все более пристальное внимание на свои позиции на море. И постепенно господство на море стало в их сознании более важным и ценным, чем корона Франции. Вскоре после снятия осады Кале (1436 г.) была написана «Книжка об английской политике». Для ее автора главным политическим принципом является то, что могущество Англии заключается более во владычестве на море, чем в земельных владениях, и что она может, исходя из значительности торгового и морского влияния на другие страны, диктовать им свои условия, в частности заставить их сохранять с ней мирные и дружеские отношения. Поэт подчеркивает важность Кале для международной торговли. Владея этим городом, Англия владеет проливами. Согласно этому сочинению, император Сигизмунд I, посетивший Англию в 1416 г. для того, чтобы попытаться повлиять на конфликт между Генрихом V и королем Франции, в беседе с английским государем обратил особое внимание на важность Кале именно с этой точки зрения и посоветовал Генриху ценить Кале и Дувр «как ваши два глаза – залог морского могущества»⁷⁴. Далее поэт пишет о том, что пролив Ла-Манш необходим для морской торговли Западной Европы, где центральное место занимает Фландрия. Англия, владея этим проливом, обладает правом закрыть проход, заставляя страны, чье благосостояние растет благодаря торговле, придерживаться мира с ней на ее собственных условиях. В этом заключалась, по мнению анонима, политика Эдуарда III и Генриха V, но теперь, в эпоху правления Генриха VI, ситуация принципиально изменилась. Английский нобль, впервые выпущенный Эдуардом III, подчеркивал значение этой политики, так как на одной его

⁷² Подобные идеи были высказаны епископом Бата и Уэллса Джоном Стаффордом в его обращении к парламенту в 1433 г. (*Crowder C. V. D. Peace and Justice around 1400: A Sketch // Aspects of Late Medieval Government and Society: Essays Presented to J. R. Lander / Ed. J. G. Rowe. Toronto, 1986. P. 53–81*).

⁷³ *Tractatus de regimine principum ad regem Henricum Sextum // Four English Political Tracts / Ed. J-Ph. Genet. L., 1977. P. 67–71.*

⁷⁴ *The Libel of English Policy // English Political Poems. Vol. II. P. 158.*

стороне был отчеканен король с мечом, а на другой – корабль, намекающий на морское могущество. Однако теперь, с точки зрения поэта, храбрость и влияние англичан на море упали так низко, что бретонцы, фламандцы и другие народы заявляют, играя словами, что англичане должны убрать корабль (ship) с монеты, заменив его на малодушную овцу (sheep)⁷⁵.

Обозначив в «прологе» основную тему сочинения, автор переходит к взаимоотношениям (в первую очередь коммерческим) Англии с другими странами, для каждой из которых он называет товары ввоза-вывоза и способы, которыми Англия должна оказывать влияние на другие державы. В заключение поэт снова возвращается к проблеме владения проливами. Он боится, сетуя на потерю Руана и Арфлера, что англичане недостаточно понимают всю важность портовых городов. Короли Англии всегда заботились об установлении превосходства на море над другими странами. В качестве доказательства своих слов он приводит несколько примеров: рассказ о флоте короля Эдгара; завоевание Эдуардом III Кале именно благодаря осаде с моря; приказ Генриха V о строительстве в Саутгемптоне больших военных кораблей, теперь утраченных. «Зачем они делали это, если в их намерения не входило сделать Англиюладычицей морей?» – вопрошает автор⁷⁶.

Очевидно, что отношение подданных английской короны к миру не было единым и неизменным на протяжении Столетней войны. В периоды правления монархов, внешняя политика которых была не только активной, но и успешной (Эдуарда III и Генриха V), официальная точка зрения, пропагандируемая двором и поддержанная ортодоксальным духовенством, трактовала мир как желанную цель, венчающую победу в справедливой войне. Только такой мир, сравнимый с приговором суда, отказаться от исполнения которого было невозможно в первую очередь для самих защитников закона, имел право на существование. В изображении английских хронистов исполнители закона, короли Англии, постоянно стремятся к миру (который они, как истинные христиане, разумеется, любят больше кровопролития), поскольку таково неперемненное условие войны справедливой. В эту эпоху заключаемое королем перемирие трактуется не как передышка в войне, дающая возможность вести спокойную жизнь вдали от грабежей и убийств, а как опасная возможность отказа от достижения праведной цели. Мир был трусливым и позорным отступлением, противным Богу, оскорблением памяти героев, погибших на полях сражений, защищая истину и прославляя Англию. При Генрихе V мир в Труа воспринимался

⁷⁵ The Libel of English Policy // English Political Poems. Vol. II. P. 158–159.

⁷⁶ Ibid. P. 203–205.

как дарованная Богом победа справедливости, соответствующее праву завершение долгой войны.

В правление Ричарда II, прилагавшего все усилия для прекращения войны с Францией, и Генриха IV, которому внутрянглийские беспорядки не позволяли вести слишком активную внешнюю политику, в литературе начинает возникать мотив противопоставления бедствий, которые неизбежно влечет за собой любая война, прелестям мирной жизни. Одновременно с этим «христианские фундаменталисты» из числа сторонников учений Уиклифа и лоллардов пришли к категорическому осуждению почти всех войн (исключение делается лишь для разрешенных божественными откровениями) как несомненного источника различных грехов, в первую очередь – убийства. Приверженцы этих, признанных еретическими, направлений в христианстве утверждали, что рождение Христа, проповедовавшего любовь к врагам, наложило запрет на все войны, в том числе и войны за веру. Распространяется представление о мире, не завершающем войну, а противопоставленном ей. Для многих авторов война перестает быть справедливой, а правопорядок становится синонимом мирной жизни. Однако здесь следует отметить, что позиция официальной Церкви, отраженная в исторических сочинениях этого периода, принципиальных изменений не претерпевает.

При Генрихе VI военные неудачи, приведшие к утрате почти всех континентальных владений Англии, усилили пацифистские настроения в английском обществе. В хрониках и поэмах второй четверти XV в. уже не война (пусть даже за справедливость), а мир угоден Богу, их авторы настаивают на том, что если англичане и французы хотят жить благополучно, то они обязаны прекратить войну. В это же время появляется идея о приоритете господства на морях в английской внешней политике, позволяющая отказаться от бессмысленного кровопролития за призрачную корону Франции. Таким образом, территориальная и национальная обособленность подданных английской короны постепенно получает идеологическое обоснование, способствуя становлению национального государства.

Глава 3 Английское правление во Франции

Проблема суверенитета

Вскоре после объявления парламенту о принятом в Генте решении провозгласить себя королем Франции Эдуард III был вынужден издать статут о сепаратном владении королевствами, призванный успокоить его английских подданных: «Мы... обещаем, повелеваем и утверждаем для нас и для наших потомков и наследников с согласия прелатов, графов, баронов и общин нашего королевства Англии... что наше королевство Англия и его народ... никогда не попадут в подданство или подчинение от нас, наших потомков и наследников как королей Франции...»¹ Восемьдесят лет спустя, в декабре 1420 г., когда мир в Труа сделал объединение двух королевств реальным, парламент потребовал от Генриха V подтверждения статута 1340 г.² Прочитанное постановление, а также дальнейшая история управления континентальными владениями свидетельствуют о том, что Эдуард III с самого начала отказался от идеи объединения двух корон и создания единого англо-французского государства. Аналогичной политики придерживались и его потомки. Для английских королей земли Плантагенетов всегда существовали отдельно от наследия Капетингов. Таким образом, две короны должны были сосуществовать вместе, но не объединяться. Следует подчеркнуть, что выраженное парламентом «требование народа», опасавшегося объединения двух королевств, свидетельствует о достаточной зрелости национальных чувств. Англичан страшила угроза доминирования в едином королевстве более многочисленных французов, которое могло постепенно привести к подчинению Англии и ее населения. Желая защититься от этой опасности, подданные английской короны настаивали на законодательном закреплении собственной независимости.

В предыдущих разделах я подробно остановилась на проблеме восприятия мира с Францией на разных этапах войны. Формально лишь мир в

¹ Statutes of the Realm. Vol. I. P. 292.

² Rotuli Parliamentorum. Vol. VI. P. 125, 127.

Труа отвечал всем требованиям справедливости, как ее видели англичане, и мог считаться достойным завершением кровопролитного конфликта. Однако на деле мир был более чем относительным. Этот договор фактически разделил Францию на несколько политических зон: английскую, бургундскую, территории, контролируемые одновременно англичанами и бургундцами, и земли, признавшие власть дофина. Английскими или условно английскими землями (поскольку статус некоторых территорий формально был связан с французской короной) являлись Аквитания, Нормандия и другие завоеванные Генрихом V земли («*païs de conquête*»), то есть Вексен, часть Шартрской области и север Мена. Под властью могущественного герцога Бургундского находился не только герцогский домен, но и обширные вассальные владения, принадлежавшие кузенам или младшим отпрыскам семьи: герцогство Бургундия, графства Фландрия, Артуа, Ретель, Невер, Шароле и Булонь. Шампань, хотя и была отнесена формально к области совладения, фактически полностью контролировалась бургундцами. После 1424 г. герцог Бедфорд оставил даже номинальные претензии на это графство.

Регион, попавший под совместное англо-бургундское управление, был весьма невелик и сводился, по сути, к старому домену французских королей эпохи Филиппа II Августа: в него входил Париж и окружавшие столицу бальяжи (Амьен, Вермандуа, Санлис, Мо, Мелен и Шартр). Вся Центральная и Южная Франция, за исключением Аквитании, признавала власть дофина или его союзников (Анжуйцев, Арманьяков, Бурбонов). При этом следует учитывать, что граница регионов, администрация которых признавала власть дофина, была очень подвижной и менялась в зависимости от военных успехов сторон. Наконец, ряд сеньоров, например герцог Бретонский, формально принесший оммаж Генриху V, изо всех сил старался сохранить максимально осторожный нейтралитет, искусно лавируя между Ланкастерами и Валуа.

В этой главе речь пойдет о сюжетах, связанных с английской политикой в отношении королевства Франции, а также тех французских земель, в которых Плантагенеты и их потомки могли претендовать на суверенное владение. Анализ поведения англичан (от регентов Франции и членов королевской администрации до простых солдат и переселенцев) позволит ответить на принципиальный для данного исследования вопрос о восприятии «вечного мира». На протяжении восьмидесяти лет англичане жили войной с Францией. После 1420 г. Генриху V и его английским подданным нужно было кардинально изменить свое отношение к покоренным врагам. Впрочем, вполне возможно, англичане вовсе не считали Францию завоеванной, а заключенный в Труа мир вечным.

Проблема правового статуса Аквитании или герцогства Гиень не случайно считалась одной из основных причин англо-французских конфликтов на протяжении нескольких столетий. Герцогство досталось Плантагенетам еще в 1152 г., благодаря браку будущего Генриха II с герцогиней Аквитанской. Ни у кого не было сомнений в том, что Гиень являлась законным наследством английских королей. Спорным был лишь правовой статус герцогства. Опуская излишние подробности почти трехсотлетней борьбы герцогов с французскими королями, напомним лишь ключевые ее моменты. В 1259 г. в обмен на отказ от притязаний на все утраченные ранее континентальные владения Плантагенетов и вассальную присягу (от Нормандии до Пуату) Генрих III получил от Людовика IX подтверждение прав на Гиень. Однако фактически сразу после заключения этого договора английские правоведы принялись настаивать на суверенных правах своего государя в отношении данных земель. В качестве аргументов они ссылались на то, что герцогство всегда было аллодом, в котором король Англии «обладал всей полнотой юрисдикции, как прямой, так и опосредованной», а следовательно, не имел над собой никакого иного сеньора, кроме Господа Бога. К тому же во время процедуры принесения Генрихом оммажа не было проведено церемонии, которую можно было бы трактовать как герцогскую инвеституру³. В 1513 г. неизвестный подданный Генриха VIII в своем трактате специально подчеркивал, что изначально территория Гиени или Аквитании «была заселена не троянцами или французами, а готами», короли которых не знали над собой других сеньоров, кроме Бога⁴. В данном случае важно даже не указание автора на то, что жители Аквитании никогда не составляли с французами единого народа, но и то, что предки герцогов Аквитанских были независимыми государями, следовательно, и их потомки с полным правом могут претендовать на суверенитет над этой областью.

Начиная войну за французскую корону, Эдуард III не оговаривал намерений юридически оформить независимость Аквитании от Франции. Однако договор в Бретиньи 1360 г. действительно закрепил суверенные права английских королей на Гиень. Именно попытка Карла V вмешаться в конфликт герцога со своими подданными привела в 1369 г. к возобновлению войны и возвращению Эдуарда III к притязаниям на французский престол. И хотя обе стороны признали мир в Бретиньи недействительным,

³ *Chaplais P.* English Arguments Concerning the Feudal Status of Aquitaine in the Fourteenth Century // *ВННР.* XXI (1946–1948). P. 203–213; *Vale M. G. A.* English Gascony 1399–1453. Oxford, 1970. P. 2–3.

⁴ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 201–202.

английская сторона, тем не менее, продолжала настаивать на суверенных правах на герцогство. Более того, Плантагенеты и наследовавшие им Ланкастеры продолжали вести себя в Гиени как суверены, но суверены скорее *de facto*, чем *de iure*. Подданные герцогства по привычке сколько угодно могли апеллировать к парижскому парламенту за высшей юрисдикцией, подавая жалобы на суды своего сеньора, однако отныне английские короли воспринимали подобные акции исключительно в качестве неправомερных, трактуя их не иначе как мятежи.

Впрочем, в условиях войны лавирование между двумя венценосными противниками, порой лишь формально прикрытое разговорами о суверенных правах, могло принести немалую личную выгоду предприимчивым гасконцам. Например, в 1399 г. Карл VI попытался воспользоваться неприязнью многих гасконцев к покойному герцогу Джону Гонту, ожидая, что эта неприязнь будет перенесена и на его сына Генриха Ланкастера, низложившего Ричарда II и захватившего английский престол. Король проинформировал командующего армией великого камергера Арно-Аменье д'Альбре (перешедшего из английского лагеря во французский после неудачного мятежа против Черного принца в 1369 г.) о том, что многие знатные гасконцы якобы не хотят признать Генриха IV своим государем и, следовательно, могут присягнуть на верность королю Франции⁵. В марте 1401 г. один из могущественных феодалов Гиени Аршамбо де Грайи действительно присягнул Карлу на верность после того, как французские войска заняли большую часть его земель, а двое его сыновей оказались в плену у французского короля. Переход де Грайи на французскую сторону был оценен Карлом по заслугам: в 1412 г. он сделал гасконца капитаном Лангедока. Старший сын де Грайи Жан, унаследовавший после смерти отца в том же 1412 г. большую часть родовых земель, продолжил сражаться на французской стороне. А вот младший, Гастон, усмотрел личную выгоду в возвращении в лагерь англичан. Этому решению Гастона де Грайи не помешал ни конфликт с братом, ни брак с дочерью Арно-Аменье д'Альбре, все потомки которого сохранили верность французскому королю. Подобные эпизоды, свидетельствующие о стремлении гасконцев обратить конфликт между английским и французским королями на пользу себе или хотя бы выйти из кризисной ситуации с минимальными потерями, можно перечислять долго.

В условиях спорного верховного суверенитета в среде гасконского дворянства не сложилось идеи клановой верности одному сеньору, в результате чего нередко получалось, что отпрыски младших ветвей фамилии поступали на службу к государям, против которых воевали их отцы или старшие братья. Ситуация усугублялась тем, что в различных областях

⁵ *Vale M. G. A. English Gascony...* P. 29.

Гиени существовало разное право наследования ленов, которые могли дробиться не только между всеми сыновьями, но и дочерьми⁶. Пример Гиени и ее жителей весьма далек от того, чтобы быть признанным уникальным. Аналогичная ситуация складывалась и в других регионах Франции, где власть оспаривалась двумя более или менее равносильными соперниками. Так было, например, в Бретани в период борьбы Карла Блуаского и Жана де Монфора.

Говоря о проблеме вассальной верности гасконцев, нельзя упускать из виду еще одно важное обстоятельство. В отличие от Англии, где сразу после Нормандского завоевания были запрещены любые частные войны между подданными, на юго-западе Франции такого ограничения не существовало. Некоторые клановые распри между гасконскими феодалами в XIV–XV вв. (например, война между домами Фуа и Арманьяками за графство Бигорр) уходили корнями в глубь веков. Неудивительно, что в таких условиях англо-французские противоречия могли весьма причудливо переплетаться с локальными конфликтами. Важно отметить, что помимо банальной смены сеньора в зависимости от обещанной государем награды (конфискованные у противников земли или ренты, а также административные должности) бывали случаи, когда вассалитет определялся исходом частной войны. Так, одним из пунктов перемирия, заключенного в октябре 1426 г. между упомянутым выше Гастоном де Грайи, капталем де Бюшем, и державшим французскую сторону Жаком де Поном, скрепленного договором о браке дочери де Грайи и четырнадцатилетнего сеньора де Пона, был отказ последнего и всех его вассалов от участия в англо-французской войне. В договор также был включен пункт с пожеланием будущего тестя де Пона о том, что молодой сеньор признает суверенитет английского короля⁷. Мирясь с особенностями местного обычая и не предпринимая формальных попыток его изменить, английские короли не запрещали частные войны как таковые, но могли препятствовать (под угрозой конфискации земель) своим вассалам вступать в альянсы со сторонниками Валуа.

После мира в Бретиньи английские короли относились к Гиени как к апанажу, жалуюя ее в качестве пожизненного или временного (до восшествия на престол наследника короны) держания. В 1362 г. Эдуард III получил оммаж за Аквитанию от своего старшего сына Черного принца, а в 1390 г. Ричард II пожаловал ее Джону Гонтю. При этом сама система местного управления за два столетия (с середины XIII в. по середину XV в.) практически не изменилась. Во главе герцогской администрации стояли два высших чиновника, назначаемые по традиции из числа крупных английских феодалов, чаще всего

⁶ *Miller E. The State and Landed Interests in Thirteenth-Century France and England // TRHS. 5th ser. Vol. II (1952). P. 109–128.*

⁷ *Vale M. G. A. English Gascony... P. 197.*

родственников короля, – сенешаль Гаскони и коннетабль Бордо. Первый ведал дипломатическими, военными и судебными вопросами, контролируя деятельность четырех судебных курий (в Бордо, Базасе, Даксе и Сен-Севере). Следует подчеркнуть, что трактуемое англичанами как суверенное владение, принадлежащее английской короне, герцогство, тем не менее, никогда не объединялось с Англией. Гасконцы в Англии, так же как и англичане в Гиени, обладали целым рядом преимуществ в сравнении с выходцами из регионов, неподвластных Плантагенетам. Например, правом приобретения недвижимости или торговыми льготами. Однако даже после установления английского суверенитета над герцогством не возникала идея правовой унификации. В Аквитании продолжало действовать местное обычное право, испытывавшее на себе гораздо более сильное влияние римского права, чем обычное право в Англии. Верховному сенешалю подчинялись сенешали областей, коменданты крепостей, прокураторы и т.д. Как правило, всех этих лиц назначал сам сенешаль из числа представителей местной знати. Он же определял размеры их жалованья.

В сферу деятельности коннетабля Бордо входил контроль над финансами и канцелярией. Ему были подотчетны мэры города (лицо, назначаемое непосредственно королем, чаще всего из англичан), а также многочисленные сборщики пошлин и налогов, контролеры и бальи. Он также ведал герцогской канцелярией в Гиени. При этом следует помнить, что одно из ведомств центральной канцелярии английского короля занималось исключительно документацией, касающейся управления герцогством, ведя так называемые Гасконские свитки.

Зависимость Аквитании от Англии способствовала установлению прочных коммерческих связей между ними. Основным продуктом, поставляемым с юго-запада Франции на английские рынки, было вино. В свою очередь из Англии в Гиень везли зерно, кожу, ткани, олово и рыбу. Однако, как бы ни старалась английская администрация уравновесить объем закупок и продаж, торговый дисбаланс все равно оставался в пользу вывозимого из Гаскони вина. На протяжении XIV–XV вв. палата общин английского парламента неоднократно поднимала вопрос о снижении или полной отмене торговых и других пошлин для английских купцов в городах Гаскони. Показательно, что исключительно привилегированное положение английских купцов в Гаскони продолжало сохраняться много позже потери Бордо. Например, в 1482–1483 гг. коннетабль французского короля зафиксировал, что англичане платят за суда лишь половину обычного налога, которым традиционно облагались все иностранные торговцы. Но несмотря на покровительство английской короны анлого-гасконским торговым связям, очень немногие англичане оседали в Бордо

или других крупных городах региона. Более того, как отмечает М. Вейл, проанализировавший статус и род занятий всех английских собственников в Бордо, недвижимостью приобретали (чаще арендовали, чем покупали) главным образом королевские официалы и члены их семей, а не представители торгового сословия.

Говоря об отношениях англичан и гасконцев, важно отметить, что занимающие важнейшие административные должности в Гиени английские аристократы или члены их семей чаще всего оседали на юге Франции после заключения брачных союзов с представителями местной знати, что, в свою очередь, способствовало укреплению проанглийских настроений в регионе. В качестве иллюстрации приведу пример одного клана. Около 1366 г. коннетабль Бордо Джон Страттон женился на наследнице Ландира Изабо де Сен-Симфорьян (состоящей в родстве с семейством Грайи и папой Климентом VI). Их единственная дочь Маргарет в 1391 г. вышла замуж за Арно-Бернара де Прейсака. В 1409 г. Элизабет де Прейсак, дочь и наследница Маргарет и Арно-Бернара, стала женой барона Бертрана де Монферрата, исполнявшего в 20-х гг. XV в. обязанности бальи Сожон в графстве Сентонже. В 1435 г. наследник баронского титула Пьер де Монферрат, так же как и его дед, женился на англичанке – Марии Бедфорд, дочери регента Франции. Неудивительно, что находящийся в столь тесном родстве с английским королевским домом Пьер де Монферрат оказался в числе той части гасконцев, которая серьезно пострадала от ухода англичан. Несмотря на то что в июне 1451 г. Карл VII даровал всем жителям Гиени прощение, а также подтвердил все их древние свободы и привилегии, многие феодалы, в том числе Пьер де Монферрат, потеряли не только должности в администрации, но и наследные земли⁸. После 1451–1453 гг. судьбы «английских» гасконцев, состоявших в родстве с англичанами или просто находившихся на английской службе, сложились по-разному. Многие, вроде того же Гастона де Грайи, были вынуждены бежать из Гиени и искать пристанище на службе у иностранных государей. Другие смогли оправдаться в своем участии в войне на стороне англичан. Например, Жан де Лакропт сослался на то, что был привлечен на английскую службу еще малолетним, но и он сам, и все его вассалы несли ее «весьма неохотно». За одиннадцать лет до этого, в 1440 г., тот же сеньор де Лакропт клялся, что служил английскому королю верой и правдой всю жизнь и за собственные деньги⁹.

⁸ *Vale M. G. A. The Last Years of English Gascony, 1451–1453 // TRHS, 5th ser. Vol. XIX (1969). P. 136–137; Peyrègne A. Les émigrés gascons en Angleterre, 1453–1485 // Annales du Midi. T. LXVI (1954). P. 113–128.*

⁹ *Vale M. G. A. English Gascony... P. 214–215.*

Кто правит Францией?

В то самое время, когда английские парламентарии горячо обсуждали условия мира в Труа, их государь брал в руки бразды регентства, справляя триумф в верноподданническом Париже. Формальный въезд регента и наследника в столицу Франции был осуществлен 1 декабря 1420 г. Анонимный горожанин оставил описание ликующей толпы, радостно реагирующий то ли на заключение долгожданного мира, то ли на праздничное шествие государей: помимо Генриха и Карла, ехавших рядом по разукрашенным улицам, в шествии участвовал и третий союзник – могущественный герцог Бургундский, без участия которого славный договор вряд ли был бы заключен. Уступая, согласно утвержденному церемониалу, пальму первенства двум монархам, герцог ехал непосредственно за ними¹⁰, хотя на самом деле именно он мог встречать союзников как настоящий хозяин города.

Бургундские войска вошли в Париж еще летом 1418 г. после того, как измученные террором арманьяков парижане подняли восстание. В результате резни арманьяков (были убиты канцлер, коннетабль и многие другие видные сторонники Орлеанского дома) и бегства дофина из Парижа власть в столице и окрестностях полностью сосредоточилась в руках Жана Бесстрашного, отца Филиппа Доброго. После убийства герцога во время встречи с дофином 10 сентября 1419 г. на мосту Монтеро общественное мнение окончательно сложилось не в пользу партии арманьяков. Проведенные наследником Жана Бесстрашного переговоры с английским королем и Изабеллой Баварской, женой безумного Карла VI, увенчались подписанием договора в Труа. Молодой герцог обещал новому наследнику французской короны самую активную поддержку и реальную военную помощь в борьбе с мятежниками и сторонниками дофина, виновного в гибели его отца. Для реализации этого плана герцог, насколько это было возможно, усилил военные контингенты во всех контролируемых им городах и крепостях, прежде всего в Париже. За два прошедших с поражения арманьяков года вся королевская администрация, финансовые институты, парламент и даже муниципальные органы приобрели пробургундскую ориентацию. Въехав 1 декабря 1420 г. в Париж, Генрих V встретил более чем радушный прием со стороны новых подданных. Но насколько французы были верны именно ему? Обладал ли новый регент реальной властью хотя бы на территории «усеченной» Франции? Насколько вероятной представлялась Генриху V и сменившему его на посту регента герцогу Бедфорду перспектива подчинения Франции власти монарха из династии Ланкастеров?

¹⁰ Journal d'un Buorgeois de Paris... P. 144.

Подписанный в Труа договор даровал Англии и Франции «вечный мир», но этот мир был не более чем бумажной фикцией. Английский король смог добиться признания своих прав от соперника из дома Валуа, но не от его подданных, продолжавших оказывать ожесточенное сопротивление даже в регионах контролируемых войсками союзников. После взятого измором Руана новым символом непокоренной Франции стал маленький городок Мо на реке Марне, находившийся всего в 25 милях к востоку от Парижа. Впрочем, если смотреть на сопротивление жителей Мо с позиции англичан, приходится констатировать, что город был не оплотом сторонников дофина, но настоящим разбойничьим гнездом, из которого шайки мародеров совершали набеги на покорные англичанам и бургундцам территории. Жители этого региона неоднократно жаловались регенту на разбойников из Мо, а посему Генрих решил не жалеть сил на борьбу с ними. Восьмимесячная осада Мо (с октября 1421 г. по май 1422 г.) потребовала мобилизации значительной части английского контингента в Северной Франции. Взятие Мо способствовало быстрой капитуляции ряда соседних городов и замков. Однако за завершением одних операций следовало начало новых: в течение 1422–1424 гг. английским войскам приходилось воевать чуть ли не по всей Северной Франции – в Нормандии, Пикардии, Понтье, Шампани. В сложившейся ситуации не вызывает удивления тот факт, что и Генрих V, и герцог Бедфорд предпочитали оставлять в надежно контролируемых бургундцами городах лишь весьма незначительные английские контингенты.

Наиболее ярко расклад сил можно продемонстрировать на примере Парижа, фактически превратившегося на тот период из столицы королевства в столицу Иль-де-Франса. Единственной крепостью в Париже, которую постоянно (с 1420 г. по 1436 г.) контролировал английский гарнизон, была Бастилия. В Лувре, Шаратоне, Венсенском замке и в Сен-Жермен-ан-Ле обычно располагались бургундские войска. Сам гарнизон Бастилии был весьма невелик: около 20 латников и 60 лучников. Конечно же, этим английский военный контингент не исчерпывался: помимо гарнизона в городе и его окрестностях располагались войска регента и других знатных англичан общей численностью 200–250 человек¹¹. Разумеется, в некоторых ситуациях число английских воинов можно было существенно увеличить за счет расквартированных в других городах отрядов. Например, непосредственно перед смертью Генриха V в Париже было собрано 1370 английских воинов, из которых примерно 380 были латниками¹². Но, как правило, англичане находи-

¹¹ *Thompson G. L. Paris and Its People under English Rule... P. 98.*

¹² *Ibid. P. 94–95.*

лись в существенном меньшинстве по отношению к бургундцам. Такая расстановка сил отразилась и в назначениях на главный военный пост в столице – должность капитана города: англичане занимали ее всего три раза и на очень короткий срок¹³. Между тем важно учитывать, что многие обязанности, связанные с обеспечением безопасности города, выполняли вовсе не солдаты (английские или бургундские), а горожане, служившие в милиции, а также мобилизуемое в случае опасности ополчение. Так, большую часть защитников столицы от войск Жанны д'Арк составляли сами парижане. По подсчетам анонимного горожанина, в той обороне Парижа было задействовано меньше полусотни английских солдат¹⁴.

Не менее важной проблемой, вставшей перед английской администрацией в Иль-де-Франсе, стало финансовое обеспечение режима. В условиях войны и нестабильности добиться сбора регулярных налогов было делом отнюдь не простым. Ситуацию усугубляла первоначальная отмена некоторых непопулярных налогов (таких, как сбор эд или подымной подати) в 1418 г. Жаном Бесстрашным и последующее их восстановление Генрихом V. Созванные сразу после сокрушительного разгрома войск дофина и союзных с ним шотландцев при Вернее в августе 1424 г. Штаты Лангедоля согласились вотировать сбор значительной тальи (240 тысяч ливров), но даже это не означало реального обретения денег на продолжение войны. Единственным регионом Северной Франции, из которого стабильно шли поступления в казну (как от регулярных налогов, так и от экстраординарных), оставалась Нормандия. Время от времени малые ассамблеи бальяжей Иль-де-Франса соглашались на выделение незначительных сумм. В условиях постоянного финансового кризиса регентам Французского королевства приходилось расплачиваться ленами и рентами, подчас раздавая земли, которые еще только предстояло завоевать.

Еще в 1418 г. целый ряд сторонников Орлеанского дома попал под обвинение в преступлении против короля (*lèse-majesté*), в результате чего их должности и конфискованное имущество перешли в руки приверженцев герцога Бургундского¹⁵. Сразу после подписания договора в Труа новый регент подтвердил несколько пожалований бургунцам, сделанных из конфискованного фонда. Он также не забыл о собственных вассалах: многие знатные англичане обрели громкие титулы, принадлежавшие объявленным вне закона сторонникам дофина. Однако вскоре Генрих V

¹³ С июля 1420 г. по 10 января 1421 г. этот пост занимал герцог Кларенс, на период до 8 июля 1421 г. его сменил герцог Эксетер. В 1423 г. несколько месяцев эту обязанность выполнял сам герцог Бедфорд.

¹⁴ *Journal d'un Bourgeois de Paris...* P. 245.

¹⁵ *Цатурова С. К. Офицеры власти...* С. 86–90, 107–108, 139.

принял решение «попридержать» конфискованный фонд за короной. Так, уже 10 июля 1420 г. он отправил прево Парижа распоряжение составить полный инвентаризационный список всех пожалований конфискантов с точным указанием стоимости каждого, независимо от того, были ли эти пожалования подписаны королем Карлом или королевой Изабеллой. В начале сентября регент подтвердил данное распоряжение и издал новое: прево должен был взять под контроль всю конфискованную недвижимость, если права на нее новых владельцев не подтверждены грамотой, подписанной самим Генрихом. Одновременно, желая привлечь на свою сторону противников бургундской партии, регент распорядился прекратить следствие против арманьяков¹⁶. Эти распоряжения, безусловно, свидетельствуют не только о желании Генриха V укрепить свою власть в Иль-де-Франсе, но также о стремлении приостановить резкое сокращение земельного фонда, составленного из конфискованных владений противников нового режима. Между тем король вовсе не спешил награждать англичан недвижимостью в этом регионе: до 1422 г. ни один англичанин не получил собственность в Париже или его окрестностях. По всей видимости, действительно серьезно ориентированный на законное управление Францией, Генрих хотел сохранить фонд конфискованных земель за французской короной.

Скоропостижная смерть Генриха V нанесла серьезный удар по английским позициям во Франции. Новый регент герцог Бедфорд был куда больше, чем его старший брат, зависим от поддержки бургундцев, к тому же, лишенный финансовой помощи из Англии, он был вынужден активнее расходовать конфискационный фонд, награждая за службу своих людей. В первый же год его правления число пожалований достигло пика, превысив даже показатели 1418 г. И хотя основная часть дарений была получена бургундцами, к ним с каждым годом стало добавляться все больше и больше англичан, главным образом из числа приближенных герцога. Впрочем, не только призрачные владения приверженцев «буржского короля», но и реальная недвижимость в столице, похоже, не воспринималась англичанами в качестве ценностей, которые они смогут передать по наследству. Некоторые из них смогли какое-то время пожить в пожалованных домах и отелях, однако никто из англичан, кроме самого регента, не был готов в то нестабильное время вкладывать деньги в ремонт зданий или платить налоги за свою недвижимость. Как отметил анонимный горожанин: никто из англичан, кроме Бедфорда, в Париже даже камина не сложил¹⁷. Вообще, этот парижанин был весьма скептически настроен в отношении англичан. Например, оценивая деятельность герцога Кларенса и других членов королевской администрации из числа англичан,

¹⁶ *Thompson G. L. Paris and Its People under English Rule... P. 117.*

¹⁷ *Journal d'un Buorgeois de Paris... P. 320.*

оставленных Генрихом V после его отъезда в январе 1420 г., он отметил, что от них городу было мало пользы¹⁸.

В отличие от Гаскони или Нормандии, где смешанные браки англичан с коренными жителями регионов стали обычным явлением, в Иль-де-Франсе подобные «межнациональные» любовные истории приключались крайне редко. Исключительность браков англичан с француженками в центральной Франции косвенно свидетельствует о том, что английский режим не воспринимался местным населением в качестве чего-то стабильного. Скорее всего, у большинства англичан было аналогичное отношение к пребыванию во Франции, точнее в Иль-де-Франсе. Несмотря на протекционистскую политику Бедфорда, ратовавшего за установление англо-французских торговых связей, лишь несколько англичан оказались настолько заинтересованными в торговле с Парижем, что заплатили немалую пошлину, дабы стать членами парижской купеческой корпорации. При этом, как показывает анализ биографий новых парижан, все они уже являлись жителями нормандских городов и были нацелены не на международную, а на местную торговлю. Это неудивительно, поскольку из-за наводнявших страну бандитов и отрядов сторонников дофина было невозможно наладить нормальные торговые отношения даже между англо-бургундским Парижем и ланкастерской Нормандией.

Вплоть до 1429 г. администрация герцога Бедфорда практически никак не была связана с Лондоном или Вестминстером. Выше уже отмечалось, с каким трудом Генрих V собирал деньги на военные кампании во Франции даже после триумфа 1415 г. После же подписания мира в Труа подданные английской короны с полным правом могли считать вассальный долг перед государем выполненным: они помогли своему королю добиться короны предков, подавление же мятежей и борьба с находящимся вне закона дофином должны были полностью финансироваться из казны французского короля. Однако в 1429 г. военные потери оказались более чем серьезными. Во-первых, полным провалом закончилась попытка взять Орлеан. Снятие осады Орлеана стало первым из славных деяний, которые, согласно преданиям, Жанна д'Арк обещала выполнить во имя Господа и ради избавления Франции от англичан. Не вдаваясь в излишние подробности относительно личности Жанны и характера ее миссии, отмечу, что этот подвиг, практически не замеченный английскими историографами, получил широкий резонанс во французском обществе. Освобождение Орлеана способствовало популяризации традиционных чаяний о Деве, которая должна спасти Францию, что, в свою очередь, провоцировало рост антианглийских настроений и усиление сторонников дофина. Во время боев за Орлеан в октябре 1428 г. пушечным

¹⁸ Ibid. P. 148.

ядром был убит один из лучших командиров английской армии Томас Монтегю, граф Солсбери. Через два месяца после снятия осады Орлеана 17 июля дофин был коронован в Реймсе как Карл VII. Сразу за коронацией на новом витке национально-освободительной борьбы были отвоеваны многие крепости на Луаре и Уазе. В этот период прерываются фактически все контакты между Парижем и Нормандией. Далеко не каждый гонец мог благополучно добраться из Руана в Париж¹⁹. В этой ситуации регент был вынужден обратиться за помощью в Англию.

С целью укрепления позиции сторонников Генриха VI в спешном порядке была организована французская коронация молодого государя. С этого момента начинаются и регулярные денежные поступления из Англии в регентскую казну герцога Бедфорда, предназначавшиеся для выплаты жалований солдатам и служащим гражданской администрации²⁰. Эти серьезные денежные субсидии не только свидетельствуют о том, что английский Королевский совет был готов изыскивать любые средства для сохранения контроля над Нормандией и Иль-де-Франсом, но и о том, что раньше администрация Бедфорда справлялась с этой задачей самостоятельно. В октябре 1429 г., несмотря на то что парижане выказали верность малолетнему королю Генриху и защитили столицу от войска Жанны д'Арк, многие англичане предпочли уехать из Иль-де-Франса в Нормандию, в которой их положение казалось более стабильным. После смерти Бедфорда в сентябре 1435 г. и потери Парижа в апреле 1436 г. переселение англичан в Нормандию стало больше походить на бегство.

Нормандия – английская или французская?

Поднимая вопрос об особенностях политики английской короны в отношении Нормандии, вполне можно было бы предположить, что английская пропаганда в этом регионе отталкивалась от общего исторического прошлого, представляя английских королей потомками нормандских герцогов, играя, таким образом, на «национальном» сепаратизме нормандцев. Действительно, как явствует из анализа документальных и нарративных источников, в XIV–XV вв. нормандцы не только осознавали себя жителями региона, обладающего иным правом, отличным от общезаконодательства, но и народом, который по крови и языку отличается от французов. При этом в отличие от других крупных областей Франции (Аквитании, Бретани, Бургундии, Шампани и пр.) Нормандия уже более двух веков была лишена «национального» князя, а между тем, заявляя о

¹⁹ *Thompson G. L. Paris and Its People under English Rule...* P. 106.

²⁰ *Ibid.* P. 37–45.

себе как о потомках Вильгельма Завоевателя, английские короли могли бы представлять себя в Нормандии в качестве законных герцогов.

Английские хроники и пропагандистские песни свидетельствуют о том, что после 1347 г. Эдуард III имел двойное притязание на Нормандию: не только как король Франции, но и как наследник нормандских герцогов²¹. Однако непонятно, позиционировал ли сам Эдуард себя как наследника Вильгельма Завоевателя, то есть заявлял ли он о своих правах на Нормандию как потомок герцогского рода или же претендовал на нее как на часть Франции. Официальных, то есть исходящих непосредственно от короля, свидетельств особой региональной пропаганды в отношении Нормандии чрезвычайно мало. К тому же большинство формулировок в статутах или хартиях можно трактовать двояко. Например, в 1347 г., принимая оммаж от одного из виднейших феодалов Нормандии – Годфруа де Аркура, сеньора Сен-Савёр-ле-Виконт, король Эдуард произнес: «И, если Господу будет угодно, мы отвоюем наше наследство в Нормандии...» Эта формулировка позволяет предположить, что английский король видел в Нормандии герцогство, некогда принадлежавшее его предкам, но также не мешает утверждать, что эти земли были для него частью французского наследства. Впрочем, в 1353 г. в Великом совете король обсуждал именно притязания Плантагенетов на Нормандское герцогство, желая противопоставить их посягательствам Капетингов²². Обычно это заявление трактуют как доказательство готовности Эдуарда отречься от прав на французскую корону, ради суверенитета над английскими континентальными держаниями.

Говоря об отношении Эдуарда III к Нормандии, необходимо помнить о том, что английскому королю не так уж и выгодно было отделять претензии на это герцогство от притязаний на французскую корону. Дело в том, что его позиции осложнялись существованием Карла Злого, короля Наварры, чьи права на герцогство были более очевидными и которого к тому же поддерживали нормандские бароны. В 1354 г. Карл Злой был фактическим хозяином половины Нормандии, включая полуостров Котантен. Умело лавируя между двумя воюющими монархами, король Наварры принимал то одну, то другую сторону. Так, в начале 1354 г. он поддерживал Иоанна II, а в середине того же года, изменив союзнику, сблизился с английским королем. На этом этапе Эдуард III согласился признать Карла наследником герцогства, в обмен на признание Карлом самого Эдуарда королем Франции, оммаж и оказание военной помощи.

²¹ Например, «Бридлингтонское пророчество» (*John of Bridlington*. P. 153, 155).

²² Rotuli Parliamentorum. Vol. II. P. 252; *Ormrod W. M.* England, Normandy and the Beginning of the Hundred Years War, 1259–1360 // *England and Normandy in the Middle Ages* / Ed. D. Bates and A. Curry. L., 1987. P. 203.

Наконец, в конце того же года Карл был готов уступить нормандским амбициям Эдуарда и английский король на время вернулся к пропаганде возвращения наследства Вильгельма Завоевателя²³. После пленения Карла Злого Иоанном II в 1356 г. не только Годфруа де Аркур, но и брат Карла Злого Филипп д'Эвре, граф Лонгвиль, присягнули Эдуарду на верность и как королю Франции, и как герцогу Нормандии. В это время из королевской канцелярии часто исходили документы, подписанные «королем Франции и герцогом Нормандии»²⁴. Впрочем, в данном случае герцогский титул можно рассматривать как часть королевского титула, то есть более развернутую титулатуру французского короля.

Гораздо важнее, что с этого времени Эдуард III начал вести себя как истинный сеньор Нормандии. В октябре 1356 г. он назначил Филиппа д'Эвре лейтенантом герцогства. Когда в конце того же года умер Аркур, его земли были сразу же взяты под королевский контроль и отданы в опеку не нормандским баронам, а присланному из Англии Симону Невентону. В это же время король провозгласил, что все земли сторонников Валуа на Котантене должны быть конфискованы и переданы ему. В октябре 1359 г. новым лейтенантом Нормандии был назначен Томас Холланд²⁵.

После мира в Бретиньи английские притязания на Нормандию были на время оставлены. Вновь это герцогство было названо землями Плантагенетов лишь в 1395 г., когда Ричард II добавил притязания на Нормандию, а также Мен и Анжу к своим требованиям²⁶. Правда, вскоре молодой английский король перешел к мирным переговорам, которые закончились браком с французской принцессой и длительным перемирием. В 1414 г. Генрих V также потребовал суверенитета над Нормандией, а также другими землями, некогда принадлежавшими английской короне на континенте. Впрочем, уже в 1415 г. он вернулся к требованиям соблюдения условий мирного договора в Бретиньи. Ни в одном официальном документе, касающемся первой экспедиции, не упоминалось об особых правах Генриха на Нормандское герцогство. Акцент делался исключительно на «возвращении и восстановлении старых прав короны, а также законного наследства»²⁷. Также добавлялось, что это наследство долго удерж-

²³ *Ormrod W. M. England, Normandy and the Beginning...* P. 204.

²⁴ *Ibid.* P. 205.

²⁵ *Ibid.* P. 207. Томас I-й барон Холланд был первым мужем Джоанны Кентской, будущей принцессы Уэльской и герцогини Аквитании. Заключенный в 1347 г. брак первоначально был тайным, что позволило семье Джоанны в 1348 г. выдать ее замуж за графа Солсбери. В 1349 г. Холланд оспорил права Солсбери на жену в папской курии и выиграл процесс. После смерти Холланда в 1360 г. Джоанна вышла замуж за Черного принца.

²⁶ *Palmer J. J. N. England, France and Christendom, 1377–1399. L., 1972. P. 170.*

²⁷ *Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England, 1386–1542: 7 vols. / Ed. N. H. Nicolas. L., 1834–1837. Vol. II. P. 140.*

живалось «со времен его предков и предшественников королей Англии»²⁸. Генрих называл Арфлер «своим городом», но, как утверждает А. Карри, он не использовал термин «наше герцогство» («*ducatus noster*»), что, по мнению исследовательницы, свидетельствует о том, что Нормандия для него в этот период была лишь частью Франции²⁹. В речи, произнесенной в ноябре 1415 г., Арфлер прямо назван «частью Франции»³⁰. В парламенте в октябре 1416 г. было сказано, что марш на Кале состоялся в «сердце Франции» («*parmi le Coeur de France*»), в той же речи говорилось о захвате Арфлера, который именовался «главным ключом Франции» («*la principall cleave de France*»), и о битве при Азенкуре, произошедшей «на французской земле» («*en le terre de France*»)³¹. Самое раннее упоминание в документах титула герцога Нормандии, которое удалось найти А. Карри, относится к 24 ноября 1417 г.³²

В исторических сочинениях, созданных, правда, уже после 1417 г., отношение Генриха к Нормандии представлено совершенно иначе. Так, например, анонимный хронист середины XV в. рассказывает о том, что Великий совет обсуждал на второй год правления Генриха притязания короля на «титулы, которые он имел в Нормандии, Гаскони и Гиени, принадлежавшие ему по праву»³³. Даже автор «Деяний Генриха V», который непосредственно сопровождал английскую армию на континент и был прекрасно осведомлен обо всех событиях, подчеркивал наследственное право английского короля на Нормандское герцогство, восходящее к Вильгельму Завоевателю³⁴. Он же сообщал о том, как король повелел жителям Арфлера восстановить «город, являющийся славной частью наследства, принадлежащего английской короне и герцогству Нормандии»³⁵. Рассказывая о намерениях французов отвоевать Арфлер в 1416 г., этот хронист вложил в уста Томаса Бофора, графа Дорсета, молитву Господу о помощи в деле «защиты достоинства и права английской короны»³⁶. Еще раз подчеркну, что «Деяния» были закончены в ходе второй кампании, когда Генрих всячески подчеркивал, что Нормандия является частью его

²⁸ *Rotuli Parliamentorum*. Vol. IV. P. 34: «Es temps de ses progenitours et predecesseurs Rois d'Engleterre».

²⁹ *Collection générale des documents français qui se trouvent en Angleterre* / Ed. J. Delpit. P., 1847. Vol. I. P. 216–217; *Curry A. England, France and Christendom // England and Normandy in the Middle Ages...* P. 243.

³⁰ *Rotuli Parliamentorum*. Vol. IV. P. 62.

³¹ *Ibid.* Vol. IV. P. 94.

³² *BN MS fr.26042/5334; Curry A. England, France and Christendom...* P. 247.

³³ *The Brut*. Vol. II. P. 552.

³⁴ *Gesta Henrici Quinti...* P. 16–17.

³⁵ *Ibid.* P. 34–35: «*Villam illam, nobilem portionem hereditariam corone sue Anglie et ducatus sui Normannie*».

³⁶ *Ibid.* P. 116–117.

законного английского наследства³⁷. Со временем выделение Нормандии и других «древних наследственных владений» Плантагенетов из французских земель будет подчеркиваться историографами более осознанно. Более того, английские авторы позднего Средневековья намеренно акцентировали внимание читателей на правах своих государей на титул герцогов Нормандских, поскольку отделение этого титула от титула французского короля позволяло претендовать на суверенитет над графством Мен и, что было особенно важным для Тюдоров, над герцогством Бретонским. Например, анонимный автор трактата о правах Генриха VIII с навязчивой настойчивостью многократно повторял на страницах своего сочинения тезис о том, что «герцог Бретани и его наследники являются вассалами герцога Нормандского. И герцоги Нормандские ответственны перед королями Франции так же, как герцоги Бретонские ответственны перед герцогами Нормандскими»³⁸.

Военное завоевание Нормандии сопровождалось пропагандистскими акциями, направленными на репрезентацию Генриха как законного герцога. Конфискуя отвоеванные у «мятежников» земли, король щедро раздавал их не только англичанам, но и тем французам, которые перешли на его сторону. Играя на сепаратистских чувствах нормандцев, английский король принялся активно возрождать древние институты и «очищать» обычаи от искажений, привнесенных в период правления Валуа. В ноябре 1417 г. он восстановил в Кане местную Счетную палату, в апреле следующего года утвердил Филиппа Моргана в должности канцлера герцогства, а в июле 1419 г. назначил Хью Латтереля герцогским сенешалем. Возрождение последней должности, отмененной еще в 1204 г. после захвата Нормандии французскими войсками, являлось не более чем символическим напоминанием о временах правления Плантагенетов, поскольку никаких дальнейших изменений в существующую систему управления привнесено не было³⁹. Впрочем, следует отметить, что, выбирая лиц, достойных занимать ту или иную административную должность в Нормандии, Генрих, а впоследствии и герцог Бедфорд, гораздо больше доверял соотечественникам, чем нормандцам. В отличие от Гаскони, где местные уроженцы активно участвовали в административных делах, в Нормандии большинство важных постов было занято англичанами. В мае 1418 г., отменяя налог на соль, король пообещал править в Нормандии в соответствии с ее древними обычаями, утвержденными еще во времена его предков⁴⁰. Безусловно, отмена налога

³⁷ Curry A. England, France and Christendom... P. 244.

³⁸ A Declaration of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 168, 179, 189, 204–205.

³⁹ Sauvage R. Une procédure devant la sénéchaussée de Normandie en 1423 // Mémoires de l'Académie Nationale des Sciences, Arts et Belles-Lettres de Caen (1910). P. 139–157.

⁴⁰ Foedera (1). Vol. IV. Part III. P. 5.

на столь важный продукт должна была способствовать росту популярности нового правителя. Напомню, что к аналогичной мере в том же году прибег герцог Бургундский, стараясь заручиться дополнительными симпатиями со стороны жителей Иль-де-Франса.

С этого времени в официальной пропаганде, а затем и в исторических сочинениях начинает подчеркиваться англо-нормандское происхождение как самого Генриха, так и его соратников. Томас Элхэм, один из королевских капелланов, указал на нормандские корни Генриха в написанной после 1418 г. «Рифмованной книге»:

*Пусть славится король Генрих, потомок королевского рода,
Англичанин, а также нормандец по рождению*⁴¹.

В пассаже, посвященном осаде Арфлера, Элхэм специально подчеркнул, что герцогство Нормандия досталось Генриху по праву наследства⁴². Перед тем как начать изложение хода второй кампании, поэт указал на три причины, три обоснования для войны, среди которых на первом месте стоит Нормандия, затем – Аквитания и лишь на третьем месте корона Франции. Относящиеся к Нормандии строфы опять-таки указывают на наследственное право:

*Ах! Король Генрих, Нормандия склонила голову.
По отцовскому праву он всю землю получил*⁴³.

В 1419 г. знаменитый хронист из Сент-Олбанса Томас Уолсингем завершил труд, специально посвященный описанию и истории Нормандии. В нем историограф не только возвел генеалогию Генриха V через Вильгельма Завоевателя к «первому герцогу» Роллону⁴⁴, но и обстоятельно доказал правомерность притязаний английских королей на это герцогство.

Во всех сочинениях Уолсингема встречается примечательный анекдот. Согласно утверждениям хрониста, во время осады Кана к герцогу Кларенсу явился монах аббатства Сент-Этьен, который обратился к герцогу с просьбой пощадить обитель на том основании, что его предки были основателями и покровителями монастыря⁴⁵. Еще менее правдоподобную, но от этого не менее красивую с точки зрения пропаганды общего англо-

⁴¹ Claruit Henricus rex, regum germine natus,
Anglus, Normannus, cum sit uterque parens
(Mortem Regis Henrici Quinti // English Political Poems. Vol. II. P. 122).

⁴² Memorials of Henry the Fifth / Ed. C. A. Cole. (RS). L., 1858. P. 109.

⁴³ En! Rex Henricus Normannica colla terens est
Jure Patrum spectat patria tota sibi
(Ibid. P. 153–154).

⁴⁴ Walsingham Th. Ypodigma Neustriae / Ed. H. T. Riley. (RS). L., 1876. P. 15.

⁴⁵ Walsingham. Vol. II. P. 329; *Idem*. Ypodigma Neustriae... P. 479; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 112.

нормандского прошлого историю рассказывает один из анонимных продолжателей хроники «Брут». После взятия Руана в январе 1419 г. группа горожан попросила одного английского рыцаря выслушать их просьбу о помощи. Когда же они узнали, что его имя сэр Гилберт Амфравиль, «они благодарили Бога и Пресвятую Деву за то, что встретили его, ибо он был старинной нормандской крови»⁴⁶. Другой продолжатель той же хроники сообщает об интересе к нормандскому прошлому в период военных побед Генриха V. Вскоре после победы при Гастингсе Вильгельм повелел всем достойным нормандским рыцарям разместить изображения их гербов с именами владельцев в специальной зале, «чтобы память об их почете и славе была вечной». Зала эта не сохранилась, и рисунки были утрачены. Однако один из монахов аббатства Бэтл⁴⁷ скопировал все рисунки в книгу, чтобы «там они вечно хранились и все рыцари могли бы там найти свои гербы, если они их не знали». Эта книга хранилась в аббатстве до того времени, «пока король Генрих V не отправился в Нормандию, чтобы завоевывать принадлежащее ему по праву, взяв с собой всех рыцарей, которые забыли свои гербы; поэтому король послал в аббатство, чтобы ему прислали Гербовник». Эта книга так и не вернулась в монастырь, поскольку вскоре она была потеряна, а зала окончательно разрушилась. Но, к счастью, имена были записаны в таблицу, которая вставлена в анналы аббатства Бэтл. Хронист выдвигает версию, что эти анналы стали известны как «свиток Битвы» – список тех, кто сопровождал герцога Вильгельма. Сохранилось множество копий и версий этого списка, датируемых серединой – второй половиной XV в.⁴⁸

Идея возвращения или обратного завоевания Нормандии потомками тех, кто высадился на английском побережье в 1066 г. вместе с герцогом Вильгельмом, была совершенно очевидна, она фактически лежала на поверхности. Но разработкой этой концепции скорее занимались историографы, а не король или члены его администрации. Генрих широко наделял завоеванными землями своих соратников, однако при этом он никак не старался соотнести их имена с наследством предполагаемых нормандских предков. Впрочем, надо отметить, что в королевский фонд поступили земли, конфискованные исключительно у явных сторонников Валуа, поэтому полное возвращение ленов предков просто невозможно было бы осуществить. В некоторых дарственных хартиях короля указывалось, что феодальные ренты следует выплачивать 1 августа, что приурочивалось к дате высадки английских войск на побережье в 1417 г., ставшей началом

⁴⁶ The Brut. Vol. II. P. 404.

⁴⁷ Аббатство, основанное Вильгельмом Завоевателем близ места, на котором произошла битва при Гастингсе (14 октября 1066 г.).

⁴⁸ The Brut. Vol. II. P. 534–537.

его герцогского правления. Возможно, что сама эта дата – праздник вериг св. Петра – была выбрана не случайно. Ведь праздник отмечался в день чудесного освобождения апостола из римской тюрьмы. Таким образом, отличавшийся особым благочестием Генрих мог намекать на освобождение Нормандии из-под власти Валуа⁴⁹.

Несмотря на то что вплоть до конца 1419 г. английский король принимал серьезные попытки принудить своих французских противников передать ему Нормандию в полное суверенное владение⁵⁰, следует отметить, что Генрих чаще всего использовал титул герцога Нормандии рядом, а не вместо титула короля Франции⁵¹. Не всегда понятно, как он расценивал завоевание: подчинялись ли ему жители Нормандии как герцогу или как королю Франции? По мнению А. Карри, для Генриха титул герцога всегда «произрастал» из титула французского короля – он никогда не разделял эти два титула. В качестве доказательства этого предположения А. Карри указывает на то, что, кроме единственного упоминания в «Хронике Нормандии» о том, что на службу в Руанском соборе в 1419 г. Генрих явился в герцогском облачении, нет никаких свидетельств в пользу того, что английский король организовывал какие-то особые пропагандистские акции с целью подчеркнуть герцогский титул⁵². Действительно, в прокламациях и хартиях Генрих V довольно часто ссылался на восстановление прав, унаследованных им от предков, но под этими предками могли подразумеваться не только нормандские герцоги, то есть Плантагенеты, но и французские короли. Например, в хартии о вольностях Руана он подтвердил все грамоты, выданные не только герцогами Нормандии из числа английских королей, но и всеми французскими королями вплоть до Филиппа Валуа⁵³. Впрочем, приходится признать, что точный ответ на вопрос об отношении Генриха V к титулу герцога Нормандии до подписания мира в Труа дать невозможно.

Убийство герцога Бургундского 10 сентября 1419 г. изменило политическую ситуацию и расстановку сил. Обретя надежного союзника в лице Филиппа Доброго и учитывая негативное отношение жителей Иль-де-Франса к арманьякам, английский король не был согласен довольствоваться даже полным удовлетворением требований 1414 г. Решающий успех был оформлен подписанием «окончательного мира» в Труа. 18-й параграф этого договора передавал Нормандию Генриху в пожизненное владение

⁴⁹ *Curry A. England, France and Christendom...* P. 247.

⁵⁰ *Allmand C. T. Henry V...* P. 132.

⁵¹ *Foedera* (1). Vol. IV. Part III. P. 16.

⁵² *Les croniques de Normandie. Rouen, 1505.* P. 174. *Les croniques de Normandie, 1223–1453. Rouen, 1881.* P. XII; *Curry A. England, France and Christendom...* P. 247.

⁵³ *Foedera* (1). Vol. IV. Part III. P. 82–83.

на правах суверена. Однако после предполагаемой коронации Генриха французской короной герцогство Нормандия и другие «завоеванные земли» возвращались под юрисдикцию и подчинение французской короны («la duchié de Normandie et les autres et chascun liex par lui conquis ou royaume de France seront soubz la jurisdiction, obeissance et monarchie de la couronne de France»). Таким образом, этот договор определял Нормандию как часть Франции, а не как особое владение английских королей. Напротив, отсутствие упоминаний о Кале и Гаскони в договоре свидетельствует о том, что эти земли получили подтверждение статуса «английских земель», что соответствовало миру в Бретиньи. Следовательно, Генрих владел ими на правах английского короля, в то время как Нормандию он получил как наследник французской короны, подобно тому как Капетинги или Валуа жаловали ее в качестве аппанажа своим сыновьям в прежние времена⁵⁴.

После подписания договора в Труа Генрих V вообще перестал использовать титул герцога Нормандии, подчеркивая отказ от первоначального стремления к расчленению Франции и присоединению ее части к английским владениям. Отныне он выступал в качестве законного наследника Карла VI и действовал в Нормандии в интересах Французского королевства. Впрочем, после смерти Генриха V широкое распространение получила версия о том, что, находясь на смертном одре, этот государь завещал своему брату герцогу Бедфорду любой ценой удерживать Нормандию⁵⁵. Независимо от того, давал или нет Генрих V такое распоряжение брату, новый регент оказался своего рода заложником договора в Труа и предшествующей политики Генриха. Не случайно, что уже 19 ноября 1422 г. во время встречи с членами парламента, канцлером королевства и членами парижского муниципалитета Бедфорд был вынужден пообещать «возвратить короне герцогство Нормандию»⁵⁶. Впрочем, вопреки этому обещанию Бедфорд продолжил использовать титул «gouverneur de Normandie», а также назначать в герцогстве специальных должностных лиц, таких как главный казначей и главный сборщик налогов. В подписываемых им документах он постоянно отделял титул регента Нормандии от титула регента Французского королевства⁵⁷.

На протяжении всего правления Бедфорда полномочия учрежденного еще Генрихом V в Руане Королевского совета герцогства Нормандского постоянно оспаривались центральными органами управления. Все попытки

⁵⁴ Филипп VI и Иоанн II, будучи наследниками французского престола, носили титул герцогов Нормандии. После их коронации герцогство вернулось под контроль французской короны.

⁵⁵ Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England. Vol. III. P. 248; *Пеппуа Э.* Столетняя война. СПб., 2002. С. 317–318.

⁵⁶ *Allmand C. T.* Lancastrian Normandy, 1415–1450. Oxford, 1983. P. 128; *Цатурова С. К.* Офицеры власти... С. 138.

⁵⁷ Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England. Vol. III. P. 86–87.

герцога перенести рассмотрение судебных исков по делам Нормандии в Руан наталкивались на жесточайшее сопротивление парижского парламента, усматривающего в этом нарушение условий договора в Труа⁵⁸. В апреле 1434 г., разбирая очередную жалобу Парижского университета на неправомерные действия Королевского совета в Руане, генеральный прокурор Жан де Ла Гард, бывший по совместительству еще и ректором университета, постановил, что действия членов совета противоречат миру в Труа, по которому парламент является «главным и суверенным судом». Прокурор не только обвинил членов Королевского совета в нарушении закона и нанесении ущерба чести короля, но и вознамерился возбудить против них уголовное дело по статье об оскорблении величества (*lèse-majesté*)⁵⁹. Следует отметить, что парламент и другие органы центральной администрации были готовы усмотреть преступление в любой акции Королевского совета, регента или самого короля Генриха VI, если она была направлена на усиление нормандского сепаратизма⁶⁰. В январе 1432 г., после торжественной коронации в Париже, молодой король остановился в Руане и присутствовал на заседании совета, который постановил учредить новый университет в Кане. Это решение вызвало бурный протест Парижского университета, усмотревшего в этом шаге умаление собственных прав. На защиту своего университета грозно встал парламент. 12 ноября 1433 г. один из ведущих теологов среди парламентариев Гийом Эзар открыто заявил, что основание нового университета не только противоречит интересам королевства, но и идет вразрез с христианской верой. На следующий день голос протеста против нового учебного заведения подали и каноники собора Парижской Богоматери⁶¹.

К середине 30-х гг. XV в. управление Нормандией все больше становилось связанным с Англией, а не с Парижем. При этом английской администрации удавалось сохранять видимость герцогской автономии. В этот период население крупнейших городов Нормандии, таких как Руан, Кан, Арфлер, снова достигло уровня, предшествующего английскому завоеванию 1415–1422 гг. Демографический подъем был обеспечен не только стабилизацией жизни в регионе, но и притоком английских переселенцев из Англии и Иль-де-Франса⁶². Переехавшие на длительное или постоянное

⁵⁸ *Allmand C. T. Lancastrian Normandy...* P. 128–151; *Цатурова С. К. Офицеры власти...* С. 144.

⁵⁹ *Allmand C. T. Lancastrian Normandy...* P. 140–141.

⁶⁰ *Цатурова С. К. Офицеры власти...* С. 153.

⁶¹ *Allmand C. T. Lancastrian Normandy...* P. 108–109.

⁶² *Massey R. Lancastrian Rouen: Military Service and Property Holding, 1419–1449 // England and Normandy in the Middle Ages...* P. 270–271; *Bois G. Crise du féodalisme: économie rurale et démographie en Normandie occidentale du début du XIVe siècle au milieu du XVIe siècle.* P., 1981. P. 58–67.

место жительство в Нормандию англичане были представителями самых разных социальных слоев: солдаты гарнизонов, служащие администрации, купцы, ремесленники, лица духовного звания. Соответственно, источники приобретения ими недвижимости тоже были весьма разнообразными. Многие (в том числе такие знатные лорды и прославленные воины, как Томас Бофор или Джон Фастольф) получили в награду за службу дома и лены из имущества, некогда принадлежащего противникам англичан и конфискованного в коронный фонд. Земельные пожалования всегда были связаны с необходимостью нести военную службу, место которой часто специально оговаривалось в дарственных грамотах. Например, наделенный среди прочих англичан нормандскими землями 1 февраля 1419 г. сэра Гилберт Амфравиль был обязан содержать гарнизоны во всех полученных замках, а также поставлять двадцать латников и двадцать четыре лучника в королевское войско⁶³. Примечательно, что в числе пожалованных Амфравиллю владений был город Оффранвиль, который, возможно, некогда принадлежал предкам сэра Гилберта. Но даже в этом случае скорее можно говорить о совпадении, чем о желании Генриха V вернуть потомкам нормандских родов фамильные земли.

Важно отметить, что получавшие недвижимость в Париже и Руане английские лорды по-разному относились к собственности в столице Франции и столице английской Нормандии. Если в Париже дома часто пустовали, их не ремонтировали и не заботились об их сохранности, то в Руане (и других нормандских городах) к полученным зданиям относились с хозяйской бережливостью. Конечно, многие англичане старались побыстрее продать обременительную собственность, однако специальные указы запрещали передавать пожалованные земли или здания представителям других народов, а также оформлять подобные сделки без разрешения Королевского совета⁶⁴. Таким образом, английская администрация заботилась о том, чтобы выделенные англичанам лены всегда оставались в руках англичан. Показательно, что в отличие от Парижа многие служащие администрации или даже солдаты гарнизонов стремились воспользоваться служебным положением и связями для приобретения недвижимости. Например, лучник Джон Милсент, числившийся в гарнизоне Кана, получил от короля в начале 1421 г. пять домов в разных приходах города. Продолжая нести военную службу (уже в ранге пешего копейщика), он именовал себя во всех документах «bourgeois de Caen». С 1436 г. он помимо службы в гарнизоне стал выполнять обязанности тюремщика замка в Кане. Все это время

⁶³ *Allmand C. T. Lancastrian Normandy...* P. 52–53.

⁶⁴ *Idem. The Lancastrian Land Settlement in Normandy, 1417–1450 // Economy Historical Review. 2nd ser. Vol. XXI (1968). P. 461–479.*

Милсент понемногу преумножал свою недвижимость. В начале 40-х гг. он уже значился эсквайром, держащим от короны лены в бальяжах Кана, Котантена и Алансона. В отличие от многих других англичан Милсент смог сохранить большую часть недвижимости после 1450 г.⁶⁵ Стремление англичан всех рангов приобрести на выгодных условиях недвижимость в Нормандии было настолько массовым, что еще в 1423 г. Бедфорд от имени Генриха VI издал приказ, запрещающий солдатам гарнизонов селиться за городской чертой, поскольку иначе в случае срочной необходимости капитанам было бы трудно быстро собрать их. Впрочем, эти нарушения чаще касались самих капитанов, а не простых солдат⁶⁶.

Видимая стабильность английского режима привлекала в Нормандию купцов и ремесленников из Англии. Например, лондонский торговец Томас Леклерк арендовал в 1421 г. у короны девять магазинов в Руане сроком на три года⁶⁷. Открывая дело и приобретая недвижимость в городах Нормандии, англичане получали возможности, которых у них не было на родине. Так, молодой торговец тканями Николас Брадкирк получил от Генриха V два дома – в Кане и в Арфлере. В 1428 г. он в дополнение к своей коммерческой деятельности получил должность сборщика эд в Кане. Продвижение по административной лестнице привело к изменению и социального статуса – в 1443 г. он значился в документах как эсквайр и владелец лена в пригороде Кана. Его сын служил лучником в войске Бедфорда, а внук стал студентом Канского университета, по окончании которого поступил на службу в казначейство в Руане⁶⁸. Бедный английский лучник Уоткин Гудкин начал коммерческую деятельность с того, что получил от Генриха V разрушенный дом в Арфлере в 1420 г. В 1425 г. он уже держал таверну в Кане. После того как в пьяной драке погибла его жена-англичанка, он вступил в новый брак, на этот раз с француженкой. После 1435 г. Гудкин начал активно спекулировать на недвижимости, покупая, а затем продавая или сдавая в аренду земли и дома в Кане и окрестностях, сколотив в итоге порядочное состояние⁶⁹.

Переселяясь из Англии в Нормандию, новые собственники земель и городской недвижимости перевозили с собой «своих людей» – членов семей, родственников, доверенных лиц и слуг, которые также стремились устроиться на новом месте. На протяжении десятилетий многие англичане, прежде всего несшие гарнизонную службу, упорно предпочитали держаться компании земляков, заключая браки исключительно внутри

⁶⁵ *Allmand C. T. Lancastrian Normandy...* P. 95–100.

⁶⁶ *Rowe B. J. H. Discipline in the Norman Garrisons // EHR. Vol. XLVI (1931). P. 201–206.*

⁶⁷ *Massey R. Lancastrian Rouen...* P. 272–273.

⁶⁸ *Allmand C. T. Lancastrian Normandy...* P. 91–92.

⁶⁹ *Ibid.* P. 101–102.

«землячеств». Впрочем, находилось немало желающих вступить в брачные отношения с вдовами и наследницами местных феодалов и буржуа. Так, 30 сентября 1417 г., всего лишь через три недели после капитуляции Кана, английский солдат Джон Конверс получил королевское разрешение на брак с девицей Эстьен Ла Ковет, отец которой был убит. Молодоженам было передано в собственность все имущество покойного. В 30-х гг. XV в. Джон Конверс, именовавший себя «bourgeois de Caen», занимался коммерцией, импортируя зерно из Суссекса⁷⁰. Безусловно, браки с нормандками способствовали лучшей адаптации англичан к жизни в чужом регионе. Не случайно многие, состоявшие в подобных браках, предпочли после 1450 г. присягнуть на верность Карлу VII и остаться в Нормандии. В отличие от Иль-де-Франса, где женщина, вступившая в отношения с англичанами, прочно ассоциировалась с «исконными врагами королевства», рискуя навлечь на себя гнев и презрение соотечественников, в Нормандии дамы и девицы охотно заключали брачные союзы с завоевателями. Для многих из них, как в случае с Эстьен Ла Ковет, подобный брак был единственным способом сохранить наследственное состояние, другие осознавали выгодную перспективу, открывающуюся перед семейством, глава которого принадлежал к народу завоевателей. Наконец, не стоит забывать, что в обескровленной войной Нормандии женское население преобладало над мужским, а следовательно, не каждая нормандка могла позволить себе особую разборчивость в выборе жениха.

Все вышеперечисленные примеры свидетельствуют о том, что англичане пришли в Нормандию основательно и надолго. В отличие от Парижа здесь они чувствовали себя настоящими хозяевами, были готовы вкладывать собственные средства в освоение региона и налаживать связи с местным населением. Успехи англичан в деле колонизации Нормандии были особенно очевидны сторонним наблюдателям, например бургундцам, отметившим в 1435 г., что управление этим герцогством, а также судопроизводство и налогообложение в нем не в полной мере объединены с короной Франции⁷¹. Смерть герцога Бедфорда, потеря Парижа, разрыв союзных отношений с Бургундией и переход бывшего союзника на сторону врага, рост национально-освободительного движения и укрепление военного превосходства армии Карла VII, очередной финансовый кризис, а также сложные отношения между членами Королевского совета в самой Англии способствовали

⁷⁰ *Allmand C. T. Lancastrian Normandy...* P. 102. В результате плохой погоды и военных действий низкий урожай зерновых в Нормандии в 1436 г. поставил провинцию перед угрозой голода. Стремясь хоть как-то стабилизировать ситуацию, правительство разрешило вывоз зерна из Англии, несмотря на то что на острове урожаи были также невысоки (*Chronicles of London...* P. 145).

⁷¹ *Bossuat A. Le Parlement de Paris pedant l'occupation anglaise // Revue Historique.* Т. CCXXIX (1963). P. 35.

«усмирению» ланкастерских appetites во Франции. Разумеется, и речи быть не могло о том, чтобы всерьез обсуждать идею отказа Генриха VI от титула короля Франции. Однако к началу 1440-х гг. все силы были сконцентрированы на попытках сохранить за Англией Гасконь и Нормандию. В 1435–1436 гг. значительно возросло число ленов, пожалованных англичанам из конфискованных у «мятежных» нормандцев земель. В этот период в документах и исторических сочинениях снова начинает доминировать идея принадлежности Нормандии английской короне. Например, комментируя мир в Труа, Джон Хардинг добавляет: «Нормандия и Гиень должны были навечно оставаться за ним и его наследниками, королями Англии»⁷². Как заметил Уильям Вустерский в «Книге Благородных»: Генрих V «желал получить герцогство Нормандию прежде всего и лишь затем королевство Францию»⁷³. В свою очередь, Джон Бэйл в «Хронике» именуется провинции, которые англичане потеряли в 1449–1450 гг. (Нормандию, Анжу и Мен) «старым наследством, принадлежащим издревле королям Англии»⁷⁴.

В главе о представлениях англичан о роли Божественного провидения в войне отмечалось, что фактически вся вина за потерю Нормандии в 1450 г. была возложена на фаворита королевы Маргариты Анжуйской Уильяма де Ла Поля, графа Суффолка. Даже в официальном тексте вынесенного ему парламентом импичмента утрата Нормандии стояла отдельно от поражения в войне за французскую корону⁷⁵. Осужденный на изгнание из Англии, Суффолк отплыл из Англии 1 мая 1450 г. Однако ему так и не удалось достичь французского берега: неизвестные мстители напали на его корабли и обезглавили бывшего лорда-камергера и адмирала Англии.

Потеря Нормандии в 1450 г., так же как утрата Иль-де-Франса, Понтье, Мена и, наконец, Гиени в 1453 г., стала причиной множества личных трагедий. Выгнанные из своих владений англичане и их сторонники были вынуждены либо как-то приспособиться к новым условиям жизни во Французском королевстве, либо эмигрировать в другие страны. Толпы изгнанников из «наследных земель Плантагенетов» молили Генриха VI о предоставлении хоть какой-нибудь пенсии в качестве компенсации за утраченные обширные владения (полученные за верную службу во Франции). Так, в марте 1451 г. Королевский совет в Англии рассмотрел петицию эсквайра Генри Элиса и его жены, потерявших в Нормандии собственность, приносящую ежегодный доход в 2 тысячи франков, и вынес решение о предоставлении им в качестве компенсации пенсии в размере

⁷² *Hardyng (2)*. P. 379.

⁷³ *The Boke of Noblesse* / Ed. J. G. Nichols. L., 1860. P. 40–41.

⁷⁴ *Six Town Chronicle* / Ed. R. Flenley. Oxford, 1911. P. 128.

⁷⁵ *The Brut*. Vol. II. P. 471, 503; *Rotuli Parliamentorum*. Vol. V. P. 177–182 (импичмент Суффолку).

100 фунтов⁷⁶. Однако эти частные судьбы мало волновали английских историографов того времени. Проблема потерянных во Франции земель, кажется, совершенно не беспокоила хронистов. Некоторые из них вяло фиксировали события, отмечая предательские действия графа Суффолка, все больше и больше концентрируя внимание на внутренних делах Англии. Фактически можно утверждать, что англичане в Англии даже не заметили конца войны. Впрочем, как уже отмечалось, формально война за французскую корону так и не закончилась.

⁷⁶ *Allmand C. T. Lancastrian Normandy...* P. 76.

ЧАСТЬ III

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. «СВОИ» И «ЧУЖИЕ»

Глава 1

Язык и терминология источников

В контексте рассматриваемой проблематики немаловажное значение имеет изучение терминологии источников, отражающей противопоставление «своего» и «чужого». Реализация этого замысла предполагает анализ словоупотребления и семантики терминов, относящихся к «этнической» или «национальной» сфере. При этом приходится признать, что возможность отыскать «оригинальные», то есть данные средневековыми авторами, определения ключевых понятий, связанных с национальной идентичностью (в первую очередь терминов «gens» и «natio»), к сожалению, крайне невелика, как из-за слабой склонности средневековых хронистов к каким-либо теоретическим рассуждениям, так и из-за того, что в период Столетней войны данные термины еще не обрели четкого семантического поля. Тем не менее в рассматриваемую эпоху все же существовали подобные определения, во многом совпадающие с современным массовым восприятием и трактующие «национальные» сообщества, как группы людей, объединенные общим происхождением, языком, законами и обычаями.

Поскольку исследовать понятийный и терминологический аппарат каждого автора в отдельности не представляется возможным, обобщения, сделанные в данном разделе, не всегда учитывают жанровое (от официальных королевских документов до поэтических произведений) и хронологическое (с начала XIV в. до конца XVI в.) разнообразие источников. Подобное сознательное ограничение кажется вполне оправданным, поскольку главным объектом анализа являются усредненные представления англичан рассматриваемой эпохи. Конечно, использование в трудах некоторых теологов или правоведов новых терминов (или новых значений старых понятий) свидетельствует об определенном изменении в сознании отдельных лиц или целых социальных групп. Тем не менее круг реципиентов этого вида интеллектуальной продукции был весьма невелик. Напротив, исторические сочинения (в первую очередь хроники), несмотря на свою «интеллектуальную рутинность» (или, напротив, благодаря ей), были весьма популярны у читающей публики. Именно политическая литература, памфлеты и хро-

ники, как те, которые переписывались десятками и сотнями экземпляров и хранились в библиотеках рыцарей и состоятельных горожан¹, так и те, которые вскоре после завершения были забыты всеми, кроме использовавших их авторов более популярных сочинений, формировали сознание читающей публики. При этом нельзя забывать об определяемых социальным и личным опытом индивидуальных особенностях словоупотребления каждого хрониста. Кроме того, следует учитывать, что существовал также целый пласт религиозной литературы (в первую очередь сама Библия и сочинения отцов Церкви), благодаря которому в повседневный язык было введено множество клишированных оборотов, знакомых даже светским историкам, пишущим о современных им событиях.

В данном разделе, предваряющем рассказ о представлениях английских историографов и литераторов о своих соотечественниках, их союзниках и врагах, я сосредоточусь на терминологии, исходя из того, что язык уже является проанализированным представлением и рефлексией в ее первоначальном состоянии². Впрочем, как было отмечено выше, язык не только отражает сознание, но также формирует его: заимствованные из внешней среды (хроник, королевских прокламаций, проповедей и т.д.) термины и понятия постепенно адаптируются к языковому аппарату того или иного автора, влияя на него и меняя при этом само сознание.

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию ключевых понятий, относящихся к сфере идентичностей, следует лишний раз напомнить о трехголосии, свойственной английской культуре классического Средневековья. Характеризуя языки, на которых говорило население современной ему Британии, английский хронист середины XIV в. Ранульф Хигден заметил, что каждый из народов, прибывших в свое время на остров, принес туда свой собственный язык. Но только шотландцы и валлийцы, которые, в отличие от населения основной части Британии, не смешивались с завоевателями, смогли сохранить свои языки в неизменном виде. Диалекты же разных регионов Английского королевства настолько отличались друг от друга, что жители северных районов с трудом понимали язык южан³. Не вдаваясь в диалектические особенности английского языка, отмечу, что традиционное представление о распределении языков между английскими

¹ Например, наставник и фаворит Ричарда II Симон де Бурли имел в своей библиотеке среди разных рыцарских романов хронику «Брут» и «Бридлингтонское пророчество», а один из экземпляров «Полихроникона» в переводе Джона Тревизы находился в библиотеке королевы Анны Богемской, которая даже Библию читала по-английски (*Coleman J. Medieval Readers and Writers... P. 18–19*).

² Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1994. С. 117. Отмечу, что Фуко использует данную формулировку в несколько ином контексте, связанном с описанием эпистемологического статуса языка в «классическую эпоху».

³ *Higden. Vol. I. P. 158–162.*

сословиями в XIV в. отводит латынь духовенству, французский – рыцарству, а английский – простолюдинам. Но, как верно подчеркнула Э. Солтер, эти три языка «существовали в гармонии, не гранича друг с другом, но в симбиозе, взаимопроникновении и взаимодополнении; было не три культуры, но одна с тремя голосами»⁴. Нормандское завоевание надолго приостановило использование английского языка в официальных документах и исторических сочинениях. Вплоть до конца XVI в. в историографии доминировала латынь, а в делопроизводстве – французский язык. Однако для большинства жителей королевства родным языком был английский, и именно он ассоциировался со всем английским народом.

Первым официальным документом, написанным по-английски, стало подтверждение Оксфордских провизий 1258 г., когда Генрих III, осознавая особую важность происходящего, решил обратиться к подданным на народном языке. Следующая попытка ввести английский язык в королевскую документацию была предпринята Эдуардом I в 1295 г. во время очередного конфликта на континенте⁵. В ходе Столетней войны французский язык, знакомый и привычный для большинства английских феодалов, стал ассоциироваться с врагами Англии⁶. В 1362 г., вскоре после заключения мира в Бретиньи, отказавшийся от титула французского короля Эдуард III издал статут о замене в судопроизводстве французского языка английским, провозгласив последний официальным языком королевства. Данное решение король объяснял необходимостью сделать законы королевства понятными для всех подданных, большинство из которых не говорило по-французски⁷. Этот статут свидетельствует прежде всего о тенденции к постепенному вытеснению французского и латинского языков английским. Например, в 1400 г. граф Марч в написанном по-английски письме к Генриху IV объяснял выбор этого языка тем, что он его знает лучше французского и латинского⁸. Генрих V стал первым королем, корреспонденция которого (официальные письма даже из Франции в Англию) велась по-английски⁹.

⁴ *Salter E.* Fourteenth-Century English Poetry. Oxford, 1983. P. 24–36; *Edem.* English and International: Studies in the Literature, Art and Patronage of Medieval England. Cambridge, 1988. P. 32–35.

⁵ *Turville-Petre T.* England the «Nation». Language, Literature, and National Identity, 1290–1340. Oxford, 1996. P. 9.

⁶ *Suggett H.* The Use of French in England in the Later Middle Ages // TRHS. 4th ser. Vol. XXVIII (1946). P. 61–83; *Orme N.* The Education of the Courtier // English Court Culture in the Later Middle Ages / Ed. V. J. Scattergood and J. W. Sherborne. L., 1983. P. 75–89; *Thompson G. L.* Paris and Its People under English Rule... P. 214.

⁷ Statutes of the Realm. Vol. I. P. 375–376.

⁸ «...I write my letters in Englishe, fore that is mare clere to myne understanding than Latyne or Franche» (*Hingeston F. C.* Royal and Historical Letters during the Reign of Henry IV, 1399–1424. Vol. I. P. 24).

⁹ *Galbraith V. H.* Nationality and Language in Medieval England // TRHS. 4th ser. Vol. XXIII (1941). P. 125.

А отправленные им в декабре 1418 г. во Францию послы намеренно подчеркивали свое незнание французского языка, требуя переводчика¹⁰.

Параллельно с предпринятыми королевской властью попытками перевода официального делопроизводства на английский начиная со второй половины XIII в. появляются первые исторические труды и поэтические произведения, написанные на этом языке. Роберт Глостерский (70-е гг. XIII в.) и Роберт Мэннинг (1338 г.) в рифмованных хрониках, начинающихся с появления Брута на острове, превозносили «благородное королевство Англию» («*þe noble kinedom of Engelonde*»)¹¹ и английский язык¹². Придворный поэт Эдуарда III Лоренс Мино сочинил на английском ряд стихотворений о военных походах короля. На английском языке была написана одна из версий истории о Бруте. Именно доступность для понимания принесла этому сочинению широкую популярность. В XIV–XV вв. появляется целый ряд продолжающих «Брута» английских хроник. В 1387 г. Джон Тревиза по заказу плохо знавшего латынь Томаса Баркли первым перевел на английский «Полихроникон» Хигдена¹³, также способствуя популяризации произведения этого авторитетнейшего хрониста. Тем не менее вплоть до середины XV в. доля английской исторической литературы оставалась весьма незначительной по сравнению с общей массой латинских сочинений (французских текстов в эту эпоху также немного, к XV в. они практически исчезают). Интерес к классической латыни и новые принципы историописания, привнесенные в Англию из Италии, не приостановили распространение английского языка в историографии. Одним из главных критериев популярности любого сочинения становится его доступность для понимания. В конце XV–XVI в. англичане активно переводили и издавали труды многих авторитетных авторов, писавших по-латыни.

Обращаясь к изучению терминов, при помощи которых средневековые авторы описывали «своих» и «чужих» (в «национальном контексте»), следует в первую очередь остановиться на словах, обозначающих понятие «народ». Как утверждает Т. Турвиль-Петр, в английском языке слово

¹⁰ Foedera (1). Vol. VI. P. 76–78.

¹¹ The Metrical Chronicle of Robert Gloucester: 2 vols. / Ed. W. A. Write. (RS). L., 1887. Vol. I. P. 7, 241.

¹² Of Bretons þere leue we to ryme,
And now of Englische wil we tell,
Syn þe Bretons here gan dwelle,
þat toke þe lond þorow Godes heste.
þeyr tyme we calle al «Englische geste»;
Al ys cald «geste Englishe»
þat on þis langage spoken ys

(The Story of England by Robert Manning of Brunne, A. D. 1338: 2 vols. / Ed. F. J. Furnivall. (RS). L., 1887. Vol. I. P. 16, lines 694–700).

¹³ *Babington Ch.* Introduction to Higden's Polychronicon. Vol. I. P. LXI.

«nation» впервые появляется в начале XIV в.¹⁴ Это понятие довольно широко применяется автором хроники «Брут», при этом слово носит скорее этнический, чем политический характер. Рассказывая о заселении Арморики, или Малой Британии (Бретань), бриттами под предводительством Конана, хронист утверждает, что те «не желали брать в жены [женщин] из народа Франции» («wolde noȝt take wifes of þe *natiou* of France») ¹⁵. Впрочем, постепенно термин «nation» стал вытесняться словом «people», которое употребляется как в этническом, так и в политическом значении. Все тот же хронист, рассказывая о впечатлении, которое произвели на Григория Великого дети из народа англоv, использует оба слова в одном предложении и с одинаковым смыслом: папа «увидел детей этого народа в Риме... и спросил... из какого [они] народа, и ему ответили, что все они из народа Англии и зовутся англами» («seyne childerene of þe *naciou* in þe citee of Rome... and axede... of what *naciou*, and men tolde him þat and all þe *people* of Engeland, and Engliſſhe þai were callede») ¹⁶. Кроме того, в среднеанглийском языке в этническом значении употреблялся термин «folc». Так, многократно упомянутый выше автор хроники «Брут», пересказывая классический сюжет о Вортигерне и саксах, сообщает, что король Британии отправил послов к последним, дабы вызвать их предводителей, которые бы объяснили, что за «народ» они собой представляют («what *folc* þai were») и откуда прибыли ¹⁷. Сходный пример словоупотребления содержится в поэтической хронике Роберта Глостерского. В весьма любопытном пассаже о том, что «нормандцы до сих пор живут среди нас [англичан – *E. K.*]», хронист использует выражение «*folc of Normandie*» ¹⁸. Данный лексический казус интересен не только с точки зрения семантики, но и в содержательном аспекте. Подобное свидетельство четкого и, главное, актуального разграничения англичан и нормандцев в Англии конца XIII в. кажется неожиданным на фоне традиционного мнения об окончательной ассимиляции этих «этнических групп» в середине XII – начале XIII столетия.

Нередко историки могли подчеркивать этническую или национальную принадлежность, вовсе не прибегая к помощи специальных терминов. Например, Роберт Фабриан, повествуя об отказе людей Конана жениться на француженках, пишет: «Он и его рыцари не хотели вступить в брак с дочерьми французов, но предпочли иметь жен своей собственной крови»

¹⁴ *Turville-Peter Th.* The «Nation» in English Writings of the Early Fourteenth Century // *England in the Fourteenth Century* / Ed. N. Rogers. Stamford, 1993. P. 128.

¹⁵ *The Brut*. Vol. I. P. 43.

¹⁶ *Ibid.* P. 96.

¹⁷ *Ibid.* P. 50.

¹⁸ *The Metrical Chronicle of Robert of Gloucester...* Vol. I. P. 5, lines 54 – 55.

(«he and his knyghtes hadde no wyll to mary the *doughters of Frenschmen*, but rather to haue wyues of *theyr owne blood*»)¹⁹. В этот период в английском языке довольно широко используется понятие «lynage», сохранившее благородный генеалогический оттенок. Даже если речь идет о большом количестве людей, этот термин употреблялся, как правило, для указания на древнее и славное происхождения: семь тысяч спутников Брута «были из рода троянцев, который был благородной крови, как говорит история» («were of þe *lynage* and kynrede of Troy, þat weren come of gret blod, as þe story telleth»)²⁰; «троянцы были под предводительством знатных людей из того же рода, как Елен, сын Приама, Эней, Антенор и другие» («duyers Troyans beyng under the rule of nobles of the same *lygnage*, as Helenus, sone of Pryamus, Eneas, Anthenorus, and other...»)²¹.

Между тем вновь подчеркну, что основная часть исторических сочинений XIV–XVI вв. была написана на латыни. Для передачи понятия «народ» (в любом, в том числе и в «этнонациональном» смысле) в этом языке существует три основных термина: «*populus*», «*natio*» и «*gens*». Безусловно, понятием, обладающим самым широким семантическим полем, включающим социальное, политическое и религиозное измерение, является слово «*populus*». Данный термин чаще всего использовался в нейтральном, лишенном специальных коннотаций значении для обозначения тех или иных групп людей. Например, Генрих Найтон употребляет его в рассказе о нападении шотландцев на Англию: они «опустошали окрестности, сжигали города, убивали людей (*populum* occidendo), и многих спящих они захватывали в плен, чтобы потом забрать их в Шотландию и получить непосильные выкупы»²². Описывая подготовку к крестовому походу епископа Нориджского, хронист из Вестминстера упоминает о том, что в разные регионы Англии были отправлены специальные агенты, снабженные папскими буллами, дающими им право отпускать грехи людям («*populum de confessis criminibus absoluerent*»), пожертвовавшим деньги на эту экспедицию²³. Словом «*populus*» Адам из Уска обозначает десятитысячную толпу, встречающую Генриха V в Лондоне после победы при Азенкуре²⁴. Рассматриваемый термин мог использоваться и в религиозном контексте. Так, у Томаса Уолсингема он фиксируется в сообщении о победе христиан («*populus christianus*») над сарацинами в Испании²⁵. В соответствии с древней традицией к данному термину могли прибегать для проведения

¹⁹ *Fabyan*. P. 51.

²⁰ *The Brut*. Vol. I. P. 6.

²¹ *Fabyan*. P. 55.

²² *Knighton (1)*. P. 92.

²³ *The Westminister Chronicle*. P. 34.

²⁴ *Adam of Usk*. P. 260.

²⁵ *Walsingham*. Vol. I. P. 262.

различия между клириками и мирянами («*cum clero et populo* sue diocesis»²⁶; «*cum clero et populo*»²⁷). Наконец, слово «*populus*» нередко употреблялось в «этнонациональном» значении. В качестве примера можно привести рассуждения Ранульфа Хигдена о языках и диалектах, принесенных в Британию многочисленными завоевателями, среди которых упоминаются и «три народа Германии» («*tribus Germaniae populis*»)²⁸. В аналогичном смысле термин «*populus*» встречается в «Анналах Ричарда II и Генриха IV» в рассказе о низложении Ричарда, происшедшем по воле Господа, решившего помочь «английскому народу» («*populo Anglicano*»)²⁹.

В отношении терминов «*gens*» и «*natio*», чаще всего употреблявшихся именно в «этнонациональном» контексте, представляется невозможным провести четкое семантическое разграничение. Так, совершенно неубедительной кажется гипотеза Е. А. Шервуд, сформулированная главным образом на англосаксонском материале, согласно которой термин «*gens*», несущий некий «политический оттенок», является «более высоким понятием, нежели “*natio*”»³⁰. Полагаю, приводимый ниже анализ демонстрирует отсутствие очевидных различий в словоупотреблении изучаемых понятий, а также размытость их семантического поля, предопределяющую наличие самых разных контекстов. Любопытно, что синонимичность этих терминов была отмечена еще в «Этимологиях» Исидора Севильского, возводившего происхождение «*gens*» к «*gigno*», а «*natio*» к «*nasco*» – то есть к глаголам, обладающим одинаковым значением «рождать»³¹. Подобное понимание было актуальным на протяжении всей эпохи Средневековья, в частности, оно характерно и для английской хронистики XIV–XV вв. В сознании людей этого периода, в эпоху складывания национальных государств, идентификация по подданству была тесно связана с этнической.

Термин «*gens*» чаще всего употреблялся при обозначении «народов» как в политическом, так и в этническом смысле, при этом в большинстве случаев с акцентом на общности происхождения. Например, Ранульф Хигден сообщает, что «французский народ (*gens Francorum*), подобно большинству народов Европы (*gentes Europaе*), происходит от троянцев»³². Занимательно, что Джон Тревиза в своем варианте данного предложения перевел «*gens*» как «*men*». А вот анонимный переводчик XV в. передал «*gens*» словом «*reople*»³³. Такая картина сохраняется на протяжении всего текста:

²⁶ The Westminister Chronicle. P. 178.

²⁷ Burton. Vol. III. P. 40.

²⁸ Higden. Vol. I. P. 158.

²⁹ Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti... P. 240.

³⁰ Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам. М., 1988. С. 126–127.

³¹ Isidorus Hispalensis. Etimologiae, IX, II, 1 // PL. Vol. 82. Col. 328.

³² Higden. Vol. I. P. 272.

³³ Ibid. Vol. I. P. 273.

например, рассказывая о вторжении пиктов на остров, Ранульф Хигден пишет «gentem Pictoru», Джон Тревиза – «*pe Pictes*», аноним – «*the peple of Pictes*»³⁴. Интересный контекст встречается у Генриха Найтона: повествуя об условиях заключенного в 1357 г. между Шотландией и Англией договора о торговле, он отмечает, что «шотландские купцы могли свободно въезжать в Англию и проживать там, а английские купцы – в Шотландии, как будто они составляют один народ» («*mercatores Scocie possent libere intrare regnum Anglie et exire, et mercatores Anglie simili modo terram Scocie tanquam una gens et unus populus...*»)³⁵. Не совсем ясно, что скрывается в данном случае за словосочетанием «*una gens et unus populus*». Присутствует ли здесь традиционная для средневекового нарратива тавтология, или же хронист использовал два термина в различных значениях (например, в этническом и гражданском)? К сожалению, дать обоснованный ответ на поставленный вопрос едва ли возможно. Томас Уолсингем, осуждая Ричарда II и его жену Анну Богемскую за регулярные вымогательства и притеснение народа, сообщает, что все эти деньги были растрочены соотечественниками королевы: «*gente Reginae, scilicet Boemiis*»³⁶. В данном случае «*gens*» очевидно указывает на этническую общность. Упоминая о шотландских корнях пирата Жана Мерсера («он был... шотландцем, как по *крови*, так и по *месту рождения*» – «*erat... Scotus tam gente quam patria*»³⁷), служившего королю Франции, этот хронист подчеркивает, что происхождение является особой характеристикой, отличной от подданства. Автор «Дара истории», повествуя о традициях англичан и свойственных этому народу привычках, также использует термин «*gens*»³⁸.

Замечу, что нередко употребляется не само слово «*gens*», а производные от него формы. Например, как сказано в хронике Адама из Маримута, «король Эдуард выступил против своих врагов французов (*contra inimicos suos Francigenas*)»³⁹. Хронист из Вестминстера упоминает, что в 1383 г. парламент отказался дать королю запрашиваемую им сумму, если он заключит мир с французами и шотландцами («*si rex haberet pacem cum Francigenis et Scotis*»)⁴⁰.

Понятие «*natio*», как правило, используется в тех случаях, когда речь идет о происхождении, а иногда и о месте проживания индивидуумов. Так, Джеффри Ле Бейкер, рассказывая о поединке между графом де Ла Маршем и Джованни Висконти, указывает, что первый был «*natione Gallicum*», а

³⁴ *Higden*. Vol. II. P. 144–145.

³⁵ *Knighton (I)*. P. 162.

³⁶ *Ibid*. Vol. II. P. 97.

³⁷ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 198; *Walsingham*. Vol. I. P. 368.

³⁸ *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 169–171.

³⁹ *Adam Murimuth*. P. 161.

⁴⁰ *The Westminster Chronicle*. P. 48.

второй – «natione Ciprius»⁴¹. Томас Уолсингем, говоря о захвате в морском сражении деревянной конструкции, упоминает, что также был пленен ее создатель – «англичанин по национальности» («Anglicus natione») ⁴². Желая подчеркнуть происхождение доблестно сражавшегося против французов оруженосца Жана Брока, Уолсингем отмечает, что тот был «natione Gallius»⁴³. Автор «Дара истории», в свою очередь, педантично уточнял происхождение римских пап: «Лин, первый после Петра, итальянец из Тосканы» («Linus, primus post Petrum, *natione* Italicus, de regione Tusciae») ⁴⁴, «Клет, римлянин» («Cletus, *natione* Romanus») ⁴⁵, «Аналект... грек» («Analecletus... *natione* Graecus») ⁴⁶ и т.д., употребляя в данном случае «natione» синонимично «natus» – «рожденный», «происходящий» («Фабриан I... рожденный в Риме» – «Fabianus I... *natus* de Roma») ⁴⁷). Уолсингем сообщает, что предводитель одной из Компаний, разорявших Францию, был гасконцем («*natione* Wasco») ⁴⁸. Продолжатель хроники Адама из Маримута и Томас Уолсингем указывают, что Великая компания «состояла из разных народов (*diversarum nationum* coadunata), однако ее предводителями по большей части были англичане (*erant Angligenae / Anglici*)» ⁴⁹. Занимательно, что вслед за продолжателем сочинения Адама из Маримута Уолсингем обозначал большинство компаний словом «comitiva» (*Magna Comitiva, Alba Comitiva*), но, повествуя о шайке «Безглавых», хронист использовал термин «gens» («*Gens sine Capite*»), подчеркивая при этом, что она состояла из представителей разных народов («*non tantum de una gente vel natione, sed de pluribus regionibus congregati*») ⁵⁰. Вполне возможно, что в данном случае хронисты передавали французское название шайки, употреблявшееся непосредственно ее членами. Также нельзя исключать вероятной связи этимологии слова «gens», содержащей коннотации кровного родства, с обычаем побратимства, столь распространенным среди маргинальных группировок. В качестве особой общности средневековые авторы могли выделять не только отряды наемников, но и городские общины. Рассказывая о мятеже лондонцев в 1392 г., Томас Уолсингем отмечает, что жители столицы «были надменнее, высокомернее и жаднее, чем почти все другие народы (*inter omnes fere nationes gentium*), и совершенно не верили

⁴¹ *Le Baker*. P. 112.

⁴² *Walsingham*. Vol. II. P. 147.

⁴³ *Ibid.* Vol. I. P. 342.

⁴⁴ *Eulogium Historiarum*. Vol. I. P. 167.

⁴⁵ *Ibid.* P. 169.

⁴⁶ *Ibid.* P. 171.

⁴⁷ *Ibid.* P. 181.

⁴⁸ *Walsingham*. Vol. II. P. 286.

⁴⁹ *Adam Murimuth*. P. 194–195; *Walsingham*. Vol. I. P. 295.

⁵⁰ *Walsingham*. Vol. I. P. 284.

в Бога и древность традиций; они поддерживали лоллардов, обирали благочестивых, не платили десятину и грабили простой народ (*communis vulgi deprauperatores*)»⁵¹. В данном случае под отдельным «gens» подразумеваются не просто лондонцы, но городская элита (противопоставленная простому люду). Этот фрагмент демонстрирует любопытное совмещение социального и этнического значения термина.

В английских хрониках эпохи Столетней войны понятие «natio» нередко используется и для характеристики этнической общности в целом. Например, рассказывая о различных завоевателях, вторгавшихся в Британию в течение веков и смешивавшихся с местным населением, автор «Дара истории» замечает, что скотты стали третьим народом («*tertia natio*») на острове, саксы – четвертым («*quarta natio*») и т.д.⁵² Любопытно, что в этом же пассаже хронист обозначает пиктов термином «gens».

Таким образом, итоги исследования исторических сочинений XIV–XV вв. позволяют сделать вывод о том, что их авторы в зависимости от собственных пристрастий достаточно произвольно употребляют обозначающие понятие «народ» термины. Кроме того, не стоит забывать, что средневековые историографы очень часто полностью помещали в свои сочинения тексты официальных документов. При этом, даже если язык цитируемого документа отличался от языка самой хроники, они весьма редко делали перевод. В качестве примера можно привести хронику Адама из Уска, использующего слово «natio» только при цитировании двух писем предводителя валлийцев Оуэна Глендауэра. В первом, написанном по-французски послании королю Шотландии, Глендауэр утверждает, что весь его народ («*tout ma dit nacion*») ⁵³ находится под игом общего с шотландцами смертельного врага, во втором, адресованном лордам Ирландии, он просит помощи для себя и своего народа («*nobis et nacioni nostre*») ⁵⁴. Во всем остальном тексте хронист употребляет термин «*populus*», ориентированный скорее на обозначение политической общности. Генрих Найтон, цитируя по-французски перехваченное англичанами письмо Филиппу Валуа от капитана Кале, в котором тот жаловался на бедственное положение осажденных, сообщая, что они едят лошадей, собак и крыс, сохранил содержащееся в оригинале слово «*gents*». В комментарии к документу он добавил, что письмо было переправлено королю Франции, с припиской о том, чтобы он «поспешил помочь народу Кале» («*subsidium populo suo Calesie*»), который умирает от голода ⁵⁵. Также по-французски

⁵¹ *Walsingham*. Vol. II. P. 208.

⁵² *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 181–183.

⁵³ *Adam of Usk*. P. 148.

⁵⁴ *Ibid.* P. 150.

⁵⁵ *Ibid.* P. 78.

Найтон приводит текст договор о перемирии 1340 г., благодаря чему в его сочинение вновь попадает нетипичный для этого автора термин «gens»⁵⁶. Помимо выдержек из официальных документов, историки активно цитировали своих предшественников, заимствуя у них некоторые выражения и обороты. Показательный пример дословного переноса терминологии или отдельных пассажей из одной хроники в другую являет высказывание Ранульффа Хигдена о морском сражении при Слейсе: «Где, по воле Бога, французы и нормандцы... были разгромлены англичанами» («Ubi, Deo favente, *Franci et Normanni*... per Anglos sunt devicti...») ⁵⁷. Данная фраза была точно скопирована не только бенедиктинцем Томасом Уолсингемом⁵⁸, но также августинцем Томасом Уиксом⁵⁹ и цистерцианским аббатом Бертоном⁶⁰; с небольшими изменениями эта фраза встречается и в трудах других хронистов, например в сочинении монаха из Мальмсбери⁶¹.

Представляется, что любые попытки провести четкое лингвистическое разделение в словоупотреблении «gens» и «natio» до некоторой степени условны. С одной стороны, подобная неопределенность свидетельствует о том, что термины не устоялись и лексический аппарат для выражения национальной идентичности был еще недостаточно развит, что, вероятно, отражает противоречивость самих представлений. С другой стороны, очевидна значимость категорий «gens» и «natio» в средневековом мировосприятии в целом и мышлении историографов в частности.

Ключевую роль в формировании идентичностей играет оппозиция «своего» и «чужого». Общеизвестно, что противопоставление «своей» общности другой всегда способствует фиксации и активному закреплению отличий и тем самым – укреплению общности. Во многом именно складывание представлений об отличии от «других» формирует общность, позволяя ее членам осознать единство. Еще В. Гэлбрейт определил «нацию» (в частности, в рамках средневекового понятия «natio») как «любую значительную группу людей, верящих в то, что они ею являются»⁶². С равным успехом это определение может быть отнесено к любому другому сообществу: профессиональному, профессиональному, интеллектуальному и пр. Осознание единства с соотечественниками или другими подданными своего монарха сыграло существенную роль в процессе формирования представлений любого народа о себе как о единой нации. Выше уже шла речь о том, что всегда присутствующее противопоставление «мы – они» особо заостряется

⁵⁶ Ibid. P. 32.

⁵⁷ Higden. Vol. VII. P. 336.

⁵⁸ Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 11; Walsingham. Vol. I. P. 227.

⁵⁹ Annales de Osencia // Annales Monastici. Vol. IV. P. 350.

⁶⁰ Burton. Vol. III. P. 44.

⁶¹ Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 205.

⁶² Galbraith V. H. Nationality and Language in the Medieval England... P. 113.

и становится более выраженным в периоды вооруженных конфликтов, когда «они» из просто «чужих» превращаются во врагов.

Как правило, определяя участников военных действий или дипломатических переговоров, средневековые авторы предпочитали использовать местоимения «мы», «наши», «свои», противопоставляя им неопределенное понятие «враги» или «противники». Например, Томас Уолсингем, подводя итог повествованию об удачном захвате в морском бою сложной деревянной конструкции (стены с осадными башнями), предназначавшейся для нападения на английские города, замечает, что эта стена была использована для защиты Сэндвича от врага: «И то, что против нас враги приготовили, мы воздвигли против врагов» («et quem contra *nos hostes* praeparaverent, *nos ereximus* contra *hostes*»⁶³). Автор «Деяний Генриха V», сообщая о вылазке осажденных англичанами горожан Арка с целью поджога английских укреплений, указал на свершившееся чудо: «Очевидно, по желанию Бога, огонь их погас, и враг (*hostes*) обратился в бегство, не причинив нашим (*nostrorum*) серьезного вреда»⁶⁴. Ниже, описывая последствия столкновения армии короля с французами у города Э, этот автор поведал, что «...некоторые из наших (*de nostris*) получили ранения... и следующую ночь мы провели (*pernoctavimus*) в предместье города»⁶⁵. Безусловно, неизвестный клирик, сам являвшийся непосредственным участником того похода, имел все основания для употребления местоимения «мы». Однако и те авторы, которые писали свои сочинения на основе документов и трудов предшественников, также использовали местоимения «мы» и «наши» в значении «находящиеся в английском войске». При этом в данных контекстах речь может идти как об англичанах или других подданных короля Англии, так и об иностранных наемниках. Например, Джон Хардинг, рассказывая о походе Эдуарда Бэллола, в войске которого были как «лишенные наследства» англичане, так и шотландцы, отметил:

Прибрежные города и селения

За свой счет отправили флот в Шотландию,

*Чтобы помочь нашим лордам (*our lordes*) одержать победу*⁶⁶.

Точно так же английские хронисты называют «французами» всех выступающих на стороне короля Франции. Типична фраза Адама из Маримута о том, что в битве при Креси «французы (*Gallicus*) бежали в страхе», хотя этот хронист перед описанием сражения подробно перечислил всех иностранных союзников Филиппа Валуа⁶⁷.

⁶³ *Walsingham*. Vol. II. P. 147.

⁶⁴ *Gesta Henrici Quinti*... P. 44.

⁶⁵ *Ibid.* P. 62.

⁶⁶ *Hardyng (2)*. P. 321.

⁶⁷ *Adam Murimuth*. P. 165–168.

Безусловно, местоимения «мы» и «наши» использовались не только для обозначения общности по подданству – с равным успехом они могли употребляться в иных контекстах, актуализируя другие идентичности авторов. Так, на примере «Краткой хроники» Джона Капгрейва, написанной в 1462–1463 гг., можно легко проследить, как в зависимости от содержания текста меняется авторская самоидентификация. Хроника была разделена Капгрейвом на три части: в первой события изложены от Сотворения мира и до Рождества Христова; вторая представляет собой всемирную историю после прихода в мир Спасителя; третья часть повествует об истории Англии. В первой и второй частях местоимения «we» и «oure» (кроме цитат и некоторых авторских замечаний) используются только в значении «мы – христиане»: «наш Господь», «наша вера», «наша месса» («oure Lord», «oure faith», «oure mess»)⁶⁸. В третьей же части «oure», без всякого сомнения, означает «нас, англичан»: «наш король», «наши англичане», «наши латники», «наши лучники», «наша сторона», «наши враги», «наши друзья» («oure kyng», «oure Englischmen», «oure armed men», «oure acheres», «oure side», «oure enmyes», «oure frendis»)⁶⁹.

В целом в литературе исследуемого периода можно выделить два типа указания на принадлежность к той или иной нации: по подданству и по происхождению. Для первого типа характерно причисление всех подданных того или иного государя к доминантной нации. В анонимной «Английской хронике» сказано, что шотландец граф Данбар, принеся оммаж Генриху IV, «счел себя англичанином» («fayned himself an Englishmanne»)⁷⁰. Роберт из Эйвсбери сообщает, что после присяги на верность Эдуарду III все жители Сен-Жан-д'Анжели «стали англичанами» («devindrent Engleis»)⁷¹. В обоих случаях за «этнической» характеристикой стоит указание на политическую лояльность: переходя на английскую сторону, французы и шотландцы как бы становятся англичанами. Любопытен другой пример: в 1436 г., уже после того, как англичане оставили Париж, парижанка Жаннета Ролан получила отрицательный ответ парламента на ее просьбу разрешить брак с Гилбертом Дауэлом, служившим под началом лорда Тальбота. Несмотря на заверения девушки, что она не выйдет замуж ни за кого другого, ей не разрешили стать «англичанкой» («anglesche») до конца войны⁷². В данном случае совершенно очевидно, что речь идет не о вассальной верности или службе английскому королю: в условиях войны

⁶⁸ Capgrave J. *Abbreviation of Chronicles* / Ed. P. J. Lucas. (EETS). Oxford, 1983. P. 23, 25, 47, 55, 62.

⁶⁹ Ibid. P. 132, 157, 162, 174, 183, 191, 196, 236, 246.

⁷⁰ An English Chronicle. P. 35.

⁷¹ Avesbury. P. 374.

⁷² Bossuand A. L'idée de nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XVe siècle // *Revue historique*. T. CCIV (1950). P. 54–57.

любая лояльность в отношении врага (пусть даже в таком частноправовом аспекте, как заключение брака) воспринимается не только в качестве измены родине, но и смены национальной идентичности.

Наряду с самоидентификацией по подданству и противопоставлением «себя» «чужим» как вассалов разных сеньоров, прослеживается и осознание разделения людей по национальности. Подобная характеристика чрезвычайно важна для историографов: как правило, это первое (наряду с социальным статусом), что сообщается о любом персонаже; данные указания особенно значимы, когда речь идет о предательстве, и необходимо подчеркнуть то, что изменник был не настоящим англичанином, хотя и находился на службе у короля Англии. Самым ярким примером может служить упомянутое во всех хрониках предательство капитана Кале, с неизменным указанием на то, что совершивший сей неблагоприятный поступок был не англичанином, а генуэзцем (*Genuensus*). Хронисты не забывали указывать на принадлежность своих героев к англичанам, даже когда те выходили из-под юрисдикции короля Англии. Показателен пример бригадиров из Великой компании, о которых хронисты, ссылаясь на ответ самого короля Эдуарда королю Франции, сообщают, что эти англичане (*Angligenae, Anglici, Englishmenne*) были «вне закона короля Англии»⁷³. Рассказывая о том, как в 1359 г. французы перебили всех англичан, находившихся в Париже, Генрих Найтон отметил, что многие из последних не только прожили в городе всю жизнь, но и родились там⁷⁴. То, что англичане воспринимают себя именно как представителей единого народа, независимо от подданства или места рождения и проживания, очень важно в контексте рассматриваемой темы. Впрочем, необходимо отметить, что это осознание оформилось еще до Нормандского завоевания⁷⁵.

Весьма любопытно отношение англичан к населению французских провинций. Большинство хронистов в XIV в. выделяют нормандцев (*Normanni*), бретонцев (*Britones*), пикардийцев (*Picardi*) как особые общности, называемые ими «gens» и «natio». Например, выражая надежду на мир между англичанами и народами, входящими в состав Французского королевства, автор «Деяний Генриха V» использует для обозначения последних множественное число: «О, если бы быстро французские народы к миру и единению с англичанами пришли» («*Utinam cito gentes ille Francorum ad pacem et unitatem cum Anglis venian*»)⁷⁶. Стоит отметить, что этот автор

⁷³ *Adam Murimuth*. P. 194–195; *Gray*. P. 130–131, 148–149; *Knighton (I)*. P. 182, 196; *Walsingham*. Vol. I. P. 295–296, 302–303; *Capgrave*. P. 224.

⁷⁴ *Knighton (I)*. P. 168.

⁷⁵ *Foot S. The Making of Angelcynn: English Identity Before the Norman Conquest // TRHS*, 6th ser. Vol. VI (1996). P. 25–49.

⁷⁶ *Gesta Henrici Quinti...* P. 94.

употребляет термин «Francorum» только в политическом, государственном контексте, рассказывая об обмене послами или решениях Королевского совета⁷⁷. Во всех остальных случаях для определения французов хронист использует термин «Galli» или «Gallici», а также производные от них прилагательные («equites Gallicani», «Gallorum violencia» и т.д.). Как правило, указывающие на национальную принадлежность этнонимы, употребляются в источниках без дополнительных определений. Например, Ранульф Хигден заметил, что англичане в битве при Слейсе захватили в плен большое количество «французов и нормандцев (Franci et Normanni)»⁷⁸. То же самое отметил и хронист из Ланеркоста, заявляя о совместном выступлении нормандцев и французов: «Множество нормандцев и французов враждебно выстроились для сражения с ним [Эдуардом III. – *E. K.*] и его [людьми]» («Numero *Normannorum* ac *Gallicorum* copioso contra ipsam et suos disposito hostiliter ad pugnandum») ⁷⁹. О нападении нормандских и генуэзских пиратов (pirate *Normannici et Ianuenses*) на побережье Англии в 1339 г. сообщил Джеффри Ле Бейкер⁸⁰.

Между тем нередко историографы именовали всех подданных французской короны «французами», игнорируя региональные различия. Например, рассказывая о нападении врага в 1359 г. на Винчелси, Томас Уолсингем вначале обозначил противников как нормандцев, а чуть ниже именуется их же французами: «Тем временем нормандцы с небольшим флотом к Винчелси приплыли... когда французы приплыли...» («Interim *Normanni* cum modica classe navium apud Wynchelse applicuerunt... cum *Franci* applicuissent...») ⁸¹. Возможно, сосредоточившись на описании бесчинств, творимых нападавшими, Уолсингем забыл о первом определении. Однако, скорее всего, для него разница между нормандцами и французами не была принципиальной. Разумеется, многочисленные примеры обозначения всех жителей Французского королевства как французов можно найти и в текстах эпохи классического Средневековья, однако со временем, благодаря политической централизации государства, эта тенденция заметно усиливается. В этом контексте важно подчеркнуть, что не только «чужие» смотрят на подданных Франции как на французов, но и сами подданные французской короны все активнее начинают подчеркивать единство народа. На примере различных официальных или полуофициальных (прежде всего политических трактатов) текстов видно, как общегосударственный этноним подавляет региональные.

⁷⁷ Ibid. P. 14, 126.

⁷⁸ Higden. Vol. VIII. P. 337.

⁷⁹ Lanercost. P. 333.

⁸⁰ Le Baker. P. 63.

⁸¹ Walsingham. Vol. I. P. 287; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 40–41.

Возвращаясь к английским авторам, подчеркну, что к XV в. хронисты все реже и реже оговаривают региональное происхождение подданных французской короны. Большинство таких упоминаний в эту эпоху можно смело относить к заимствованиям (как правило, прямым цитатам) из более ранних исторических сочинений. Лишь бургундцы и бретонцы продолжают мыслиться в качестве самостоятельных общностей, отдельных от французов, и то не всегда. Например, автор «Деяний Генриха V» причисляет к французам герцога Бургундского, указывая на лицемерие как на характерную черту этого народа («eum [dux Burgundie. – E. K.] tenuisse regem nostrorum... et quod finaliter more omnium Gallicorum invenietur duplex, unus in publico et alius in occulto»)⁸². Безусловно, герцог Бургундский Жан Бесстрашный находился в самом близком родстве с французским королевским домом. Но в данном контексте для английского автора были важны не родственные связи герцога, а его статус правителя земли, вассальной от французской короны. Из этого примера явствует, что анонимный хронист подразумевает под термином «Gallici» всех подданных французского короля, включая такого могущественного сеньора, как герцог Бургундский. Впрочем, стоит помнить о том, что этот хронист, а также остальные английские историографы или поэты очень часто называют «французами» всех солдат в войске короля Франции.

Говоря о названиях различных народов, стоит отметить, что для некоторых из них хронисты используют одни и те же термины, например «Angli», «Scotti». Для определения французов употребляются производные от «Gallia» и «Francia». Томас Бертон называет королевство Francia, народ – Franci, а язык – «ydioma Gallium»⁸³. Адам из Маримута именует королевство Francia, а население – Gallici, не выделяя жителей Иль-де-Франса в особый народ. Выбирая тот или иной термин, хронист следует не географическому принципу, а исходит из того, относится ли «этническое» определение к самому государству или к населяющим его людям. Например, рассказывая о битве при Слейсе, историк называет флот «classis Franciae», «lassem navium Franciae», «мощнейший и огромный флот Испании и Франции» («fortitudinem et magnitudinem navium Hispaniae et *Franciae*»)⁸⁴, сообщая дополнительный оттенок «общегосударственного» или «национального» значения. Чуть ниже, описывая наступление французских войск, монах говорит о «первой когорте французов» («prima cohorte *Gallicorum*»)⁸⁵. Французский язык также определяется как «свойственный французам» (например, приводя письмо Эдуарда III к

⁸² Gesta Henrici Quinti... P. 174.

⁸³ Burton. Vol. III. P. 45.

⁸⁴ Adam Murimuth. P. 100, 102.

⁸⁵ Ibid.

Филиппу Валуа, Адам из Маримута указывает на то, что «король... написал... письмо по-французски» («Rex... scripsit... epistolam Gallicam»)⁸⁶). Этот же принцип словоупотребления был сохранен анонимным продолжателем хроники.

Один и тот же хронист зачастую далеко не всегда пользовался на протяжении всего сочинения определенными устойчивыми терминами. Приведу в качестве примера Томаса Уолсингема. Под 1340 г. он пишет о том, что король Англии получил известие о сговоре против него французов и нормандцев («rex... cepit nova... de conspiratione *Francorum et Normannorum* contra eum»)⁸⁷. Рассказывая о тайном появлении Эдуарда III в Кале в 1349 г. для раскрытия заговора капитана города с французами, историк употребляет другое производное от этого же корня – «Francigenis»⁸⁸. А при описании нападения французских пиратов на английское побережье в 1359 г. он использует слово «Gallici»⁸⁹. Эта «неразборчивость» в терминологии заимствуется вместе с информацией некоторыми историографами, цитирующими Уолсингема. Также в одном и том же значении употребляет разные этнонимы Джеффри Ле Бейкер, рассказывая о битве при Слейсе: сначала он пишет о кораблях французов «naves Gallicorum», а в развитии того же эпизода на следующей странице – про французский порт – «portum Francorum»⁹⁰. В зависимости от терминологии источников Ранульф Хигден иногда использует слово «Gallia» и его производные, а иногда – «Francia»⁹¹. Составитель хроники, известной как «Дар истории» (1366 г.), везде использует производные от слова «Francia», в то время как анонимный продолжатель этого труда (1413 г.) не заимствует терминологию своего предшественника: обозначая королевство как «Francia», он называет народ «Gallici». В свете приведенных выше примеров становится совершенно очевидно, что в английских исторических текстах французов и их королевство могли именовать как «галлами» и «Галлией», так и «франками» и «Францией». При этом никакой семантической разницы в употреблении этих синонимичных этнонимов у большинства авторов не прослеживается.

Не менее важным, чем осознание этнического и подданнического единства, для формирования национального самосознания было складывание представления о родине. Исследователи данной проблематики

⁸⁶ Ibid. P. 104.

⁸⁷ *Walsingham*. Vol. I. P. 227.

⁸⁸ Ibid. Vol. I. P. 288.

⁸⁹ Ibid. P. 340–342.

⁹⁰ *Le Baker*. P. 68–69.

⁹¹ Ibid. Vol. VI. P. 232.

единодушны в том, что распространенное в классической Античности представление о родине «как объекте политического поклонения, вызывающем полурелигиозные чувства» в раннее Средневековье почти полностью исчезает⁹². «В феодальную эпоху, когда личные связи между сеньором и вассалами определяли политическую жизнь и преобладали над большинством других политических связей, древняя идея patria – “родины” – почти совсем угасла или измельчала». Не исчезнув из употребления, это слово, как правило, обозначало родину не в масштабах всего королевства, а сужалось до границ города или деревни, «указывая... на место проживания или рождения человека»⁹³. Э. Канторович отмечает, что в ту эпоху «смерть за локальное сообщество, которое на деле обозначалось словом patria, не имела – помимо естественной защиты дома и имущества – никаких политических последствий»⁹⁴. В отсутствие (за редкими исключениями) более широкого политико-философского обоснования такая смерть могла быть сочтена жертвой скорее во имя частных, нежели общественных интересов⁹⁵.

В раннее и классическое Средневековье, когда основу войска любого сеньора, в том числе и короля, составляли его вассалы, личная верность сеньору заменяла античную верность родине. Смерть за сеньора высоко ценилась в рыцарской культуре, поскольку она означала кульминацию верности вассала. В эпоху Столетней войны историографы продолжали действовать в традиционных рамках феодальной терминологии, превознося верность подданных своему королю. Однако в этот период, когда война выходит за пределы сферы персональных интересов государей, вызывая у подданных специфические эмоции, верность королю и смерть за короля начинает подразумевать верность и смерть за королевство, то есть за родину в масштабе всей страны. Подданные воспринимают своего короля как символическое воплощение всего государства и всего народа: «Король – голова, чресла, глаза, рот и сердце королевства, зеница ока...»⁹⁶

⁹² Kantorowicz E. H. *Pro Patria Mori in Medieval Political Thought* // AHR. Vol. LVI (1951). P. 472–492; Koht H. *The Dawn of Nationalism in Europe* // AHR. Vol. LII (1947). P. 265–280; Post G. *Two Notes on Nationalism in the Middle Ages: 1. Pugna pro patria* // *Traditio*. Vol. IX (1953). P. 281 ff.

⁹³ В этом контексте репрезентативна соответствующая статья Словаря средневековой латыни Дю Канжа, в которой большинство контекстов для слова «patria» указывают на употребление в максимально локальном значении («родное место»). Также весьма примечательно количество приводимых Дю Канжем примеров употребления термина во множественном числе (*Du Cange Ch. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*: 10 T. Graz, 1954. T. VI. P. 213).

⁹⁴ Kantorowicz E. H. *The King's Two Bodies*. Princeton, 1957. P. 249–250; Post G. *Two Notes on Nationalism...* P. 292.

⁹⁵ Kantorowicz E. H. *The King's Two Bodies...* P. 250.

⁹⁶ *An Invective against France* // *English Political Poems*. Vol. I. P. 37.

Не стоит забывать и о понятии «*iustum bellum*» – «справедливой войны». Согласно своду канонического права Грациана, существует три причины для ведения справедливой войны: защита своей земли (*patria*) и своих подданных от нападения врага, возвращение собственности и наказание преступлений (в том числе против веры и Церкви). Как отмечает Э. Канторович, в трудах отцов Церкви идет речь о Царствии Небесном как истинной родине христианина, присоединиться к которому стремится каждая христианская душа. В соответствующих контекстах «слово *patria* вроде бы сохраняло исходное значение и прежнее эмоциональное наполнение, хотя и в переносном смысле и в трансцендентной форме»⁹⁷. В патристических сочинениях христианский мученик, «приносивший себя в жертву ради невидимого политического сообщества и умиривший за своего божественного Господина *pro fide*, оставался – на деле вплоть до XII в. – подлинным образцом гражданского самопожертвования»⁹⁸. С началом крестовых походов идея смерти за веру была перенесена из области мученической смерти в сферу гибели на поле брани в бою против неверных. Таким образом, смерть в военном походе в Святую землю воспринималась как смерть за Небесную родину. Постепенно идеи, имеющие непосредственное отношение к граду Божьему, адаптируются к понятиям града земного. По образцу податей «для защиты (или на нужды) Святой земли» («*pro defensione [necessitate] Terrae Sanctae*») в западных королевствах стали вводиться подати «для защиты (или на нужды) королевства» («*pro defensione [necessitate] regni*»). По мнению Э. Канторовича, «если особое экстраординарное налогообложение было оправданным в случае угрозы Иерусалиму, казалось также вполне оправданным тем же образом реагировать и на угрозы территориальным королевствам»⁹⁹. Исследуя документацию времен правления Филиппа Красивого, Э. Канторович приходит к выводу о том, что в начале XIV в. «слово “*patria*” уже действительно стало обозначать все королевство и что к этому времени территориальная — возможно, мы уже вправе сказать “национальная” — французская монархия была достаточно сильной и развитой, чтобы провозгласить себя *communis patria* всех своих подданных и требовать экстраординарной службы во имя отечества. В Англии эта терминология развивалась в литературе и юридической лексике приблизительно в то же время»¹⁰⁰.

Действительно, теологи и юристы, знатоки канонического и римского права, переносят в сферу государственного управления знакомую им

⁹⁷ Kantorowicz E. H. *Pro Patria Mori*... P. 475 f.

⁹⁸ О «политическом» аспекте земного мира как *patria* см. прежде всего: Августин Блаженный. О граде Божием; Kantorowicz E. H. *Pro Patria Mori*... P. 472–474.

⁹⁹ Kantorowicz E. H. *Pro Patria Mori*... P. 478 f.

¹⁰⁰ Ibid.

терминологию. В Англии этот процесс был облегчен большим, чем во Франции, территориальным единством, а также иной системой вассальных отношений, согласно которой все держатели земли были прямыми вассалами короны. Генрих Брактон, опираясь на юридический материал первой половины XIII столетия, довольно часто употребляет слово “*patria*”. Говоря об убийстве, этот юрист оговаривает отдельно случаи убийства на войне: «Также существует убийство в ходе войны, и мы в этом случае должны рассмотреть, является ли война справедливой или несправедливой. Если война несправедливая, убийца виновен; но если справедливая, как для защиты родины, то он невиновен»¹⁰¹. Из этого положения явно следует, что для Брактона понятие «*patria*» охватывает все королевство: здесь исключается возможность толкования «*defensione patriae*» как защиты малой родины, то есть самообороны в случае нападения врага, поскольку речь идет прежде всего о «*iustum bellum*», для ведения которой требовалась санкция верховной власти. Именно король, по мнению Брактона, «викарий и слуга Бога на земле» («*sicut Dei vicar et minister in terra*»), должен первым заботиться о благополучии родины («*ad tuitionem patriae*»), а его подданные должны вместе с ним защищать родину и Божий народ («*cum rege... militent, et defendant patriam et populum dei*»), поскольку «меч предназначен для защиты королевства и родины» («*Gladius autem significat defensionem regni et patriae*»)¹⁰². В 1338 г. знаменитый английский философ Уильям Оккам, опровергая возражения папы, который хотел помешать военным замыслам Эдуарда III, провозгласил, что король Англии имеет право облагать налогами духовенство для защиты родины, поскольку цель «защищать родину и закон королевства» («*defensio patriae et iurium regionum*») относится к «благочестивой причине» («*causa pia*»), что отменяло неприкосновенность церковного имущества. Поскольку защита родины и законов королевства касалась всех сословий, клирики должны были участвовать в ней наравне с мирянами. Собственность дана духовенству для благочестивых целей, но, по мнению Оккама, защищать родину более благочестиво, чем помогать бедным, поскольку общее благо стоит выше блага немногих («*bonum totius patriae*» – выше, чем «*bonum pauperum illius patriae*»). Для клириков будет лучше дать денег королю для «*defensio patriae*», чем употребить их на помощь бедным, ведь миряне недостаточно богаты, чтобы справиться с этим в одиночку¹⁰³.

¹⁰¹ *Bracton*. Vol. II. P. 280.

¹⁰² *Ibid*. Vol. I. P. 38; Vol. II. P. 174.

¹⁰³ *Ad princeps pro suo succursu, scilicet guerrae, posit recipere bona ecclesiarum, etiam invito papa* / Ed. H. S. Offer and R. H. Snape // *Guillelmi de Ockham Opera Politia* / Ed. J. G. Sikes. Manchester, 1940. Vol. I. P. 258–260, 269; *Post G. Two Notes on Nationalism...* P. 294.

Несмотря на столь очевидное употребление слова «*patria*» теологами и юристами, знатоками канонического и римского права, в общегосударственном, приближенном к современному значению, в исторических текстах классического Средневековья подобные примеры встречаются гораздо реже, хотя и не становятся при этом исключениями. Один из самых известных примеров можно найти в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (около 1138 г.), вложившего в уста св. Дубриция, епископа Карлеонского, следующие слова, призванные воодушевить бриттов на борьбу с саксами: «Деритесь за родину (*pugnate pro patria*) и претерпите за нее самую смерть, буде она вас настигнет. Ведь она – победа души и ее исцеление. Кто примет смерть за братьев своих, тот отдает себя Богу живою жертвою и не колеблется последовать за Христом, который удостоил положить душу свою за братьев своих [1 Ин. 3:16]. Итак, если в этом сражении смерть похитит кого-либо из вас, да будет она для него, если он не устрашится ее принять, как подобает, искуплением и прощением всех неправедных поступков его»¹⁰⁴. По всей видимости, Гальфрид использовал в качестве образца римские источники, содержащие похожие речи полководцев, а также обращения высшего духовенства к крестоносным войскам, в которых довольно часто встречались призывы умереть за веру и Небесную родину. Современник Гальфрида, Уильям Мальмсберийский, рассказывая о битве при Гастингсе, заметил, что «это был роковой день для Англии, скорбное поражение милой родины...» («*Illa fuit dies fatalis Angliae, funestum excidium dulcis patriae...*»)¹⁰⁵. На рубеже XII–XIII вв. Уильям Ньюбургский восславил павших в том же бою англичан, подчеркнув при этом, что все они погибли «сражаясь за родину» («*pro patria dimicantium*»)¹⁰⁶, отождествляемой, вне всякого сомнения, со всем королевством. В середине XIV в. Адам из Маримута, говоря о нападении французов в 1339 г. на английское побережье, отмечает: «Прибыло одиннадцать судов к Гарвичу... и родина поспешила оказать им мужественное сопротивление» («*Venerunt XI galeae ad Herewych... et patria cito occurrebat eis viriliter resistendo*»)¹⁰⁷. В конце XIV в. августинец Уильям Торн похвалил аббата Михаила из Фолкстона, который, «несмотря на то что был священником, доблестно защищал свою родину» («*abbas Michael licet religiosus, in tuicione tamen patriae laudabiliter*») от нападения французских пиратов в 1377 г. В аналогичном контексте Томас Элхэм в «Рифмованной книге о Генрихе V»

¹⁰⁴ Гальфрид. С. 147.

¹⁰⁵ *William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum. Lib. III, cap. 245 / Ed. R. A. B. Mynors, completed by R. M. Thompson and M. Winterbottom. Oxford, 1998. Vol. I. P. 456.*

¹⁰⁶ *William of Newburgh. Historia Rerum Anglicarum // Chronicles of the Reins of Stephen, Henry II and Richard I: 4 vols. / Ed. R. Howlett. (RS). L., 1884–1889. Vol. I. P. 22.*

¹⁰⁷ *Adam Murimuth. P. 88.*

похвалил архиепископа Йорка за то, что он вместе с другими священниками «*patriam* defenderet» от шотландцев¹⁰⁸. Авторитетнейший Томас Уолсингем довольно часто употреблял термин «*patria*» для обозначения родины в масштабе всего королевства. Например, рассказывая о щедрости лондонского купца Джона Филпота, историк отмечает, что тот дал денег для найма солдат «для защиты своего народа и избавления родины» («*pro propriae gentis salvatione, et patriae liberatione*»)¹⁰⁹. Сообщая о раскрытии заговора сэра Ральфа Феррэрса, письма которого к Бертрану Дюгеклену были перехвачены, хронист добавляет, что этот старый рыцарь готовил предательство родины («*patriae... prodicionibus inserviret*»)¹¹⁰.

Все перечисленные выше примеры наглядно свидетельствуют о том, что в эпоху Столетней войны, так же как и в более ранний период, сохранялось употребление слова «*patria*» в возвышенном общегосударственном значении. Тем не менее гораздо чаще этот термин использовался для обозначения района или области. Например, в середине XIV в. автор «Дара истории», поместив в свой текст процитированную выше речь св. Дубриция¹¹¹, все же не усвоил терминологию Гальфрида: при дальнейшем описании истории Англии, в том числе рассказывая о современных ему событиях, он употребляет слово «*patria*» исключительно в значении «земля», «регион», «область». Так, рассказывая о продвижении отрядов Черного принца по Франции в 1356 г., он пишет: «На третий день продвижения капталь де Бюш всю ту землю разграбил» («*Tertia die pracedenti capitaneus de la Buche totam illam patriam spoliavit*»)¹¹². Современник этого хрониста Томас Бертон поведал в своем труде, что в 1339 г. французы напали на Саутгемптон и «сначала разграбили его, а потом всю округу (*patrias*) сожгли»¹¹³. Этот же историограф рассказал, как в 1346 г. Дэвид II Шотландский отдал своему войску приказ напасть на границу с Англией, «земли грабя и сжигая» («*patrias spolians et incendens*»)¹¹⁴. В начале 20-х гг. XV в. Томас Уолсингем отметил, что Генрих Ланкастерский в 1399 г. пощадил «*patria et populus*» Честера, поскольку население этого региона не оказало сопротивление его войску¹¹⁵.

Даже составители текста мирного договора, подписанного в 1360 г. в Бретиньи, употребляют *patria* в узколокальном смысле: «Король Англии... получит... все графство Пуату... все графство Анжу...» («*Rex*

¹⁰⁸ *Elmham*. P. 152.

¹⁰⁹ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 200; *Walsingham*. Vol. I. P. 370.

¹¹⁰ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 278; *Walsingham*. Vol. I. P. 446.

¹¹¹ *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 312.

¹¹² *Ibid.* Vol. III. P. 218.

¹¹³ *Burton*. Vol. II. P. 383.

¹¹⁴ *Ibid.* Vol. III. P. 61.

¹¹⁵ *Walsingham*. Vol. II. P. 54.

Angliae... habebit... *totam terram et patriam de Pictavia... terram et patriam Agennensem...*). Почти каждый параграф договора, касающийся земельных владений, начинается с формулы: «Постановлено, что король Англии получит все вышеназванные города, замки, земли, *районы* и области» («Item, concordetum est quod Rex Angliae habebit civitates, castra, terras, *patrias*, et loca supradicta...») ¹¹⁶.

Говоря о терминах, используемых для обозначения государства, следует заметить, что чаще всего в прокламациях монархов употребляется понятие «наше королевство» («regnum nostrum») или «королевство Англия» («regnum Angliae»). Например, «этим Филиппом... наше королевство Франция и другие наши земли и наше право были насильно захвачены и незаконно оккупированы» («ipsum Philippum... *regni nostri* Franciae, et aliorum terrarum et iurium nostrorum, occupatorem et invasorem iniustum») ¹¹⁷. В свою очередь королевские чиновники, составляя важные документы, также могли следовать образцам классической латыни. Например, королевская благодарность архиепископу Йоркскому за победу при Невиллс-Кроссе была выражена в словах «за защиту чести нашего имени и нашего английского государства» («pro honore nostri nominis, et tuitione *rei* nostrae *publicae* Anglicanae») ¹¹⁸. Широко использующие официальные документы хронисты не могли не оказаться под влиянием употребляемой в них терминологии.

Завершая разговор о терминологии источников, хочу подчеркнуть, что, хотя отсутствие четкости и непротиворечивости ¹¹⁹ в этой сфере может свидетельствовать о том, что национальное самосознание проходило в изучаемый период стадию формирования, тем не менее, какой бы ни была семантика слова «*patria*», не она определяла наличие или отсутствие «патриотических чувств» у авторов источников. В следующей главе я обращусь к анализу представлений английских историографов о «своих» и «чужих», не абстрагируясь полностью, но и не возводя в некий абсолют возможные значения используемых в данном контексте терминов.

¹¹⁶ Foedera (2). Vol. III. Part II. P. 487–494; *Walsingham*. Vol. I. P. 290–294.

¹¹⁷ Foedera (2). Vol. III. Part I. P. 73.

¹¹⁸ Ibid. P. 91.

¹¹⁹ Следует отметить, что само требование непротиворечивости, возможно, не совсем корректно предъявлять к средневековым текстам, ибо оно диктуется скорее логикой «современного» мировосприятия и мышления (подробнее об этом сюжете см., например, рассуждения, приведенные в любопытной монографии У. Брандта: *Brandt W. J. The Shape of Medieval History. Studies in Modes of Perception*. New Haven; L., 1966).

Глава 2

Образы «своих» и «чужих» в английской литературе XIV–XV вв.

Забываясь о сохранении для потомков памяти о достойных событиях прошлого, английские историки были вынуждены решать непростую задачу оправдания и прославления братоубийственных войн между христианскими народами. В начале первой части разбирались обоснования основных конфликтов XIV–XV вв., трактующие все английские кампании как справедливые акции, призванные восстановить поправный порядок. Согласно официальной позиции английского двора, нашедшей отражение в политических и исторических сочинениях рассматриваемой эпохи, все венценосные противники англичан являлись «узурпаторами» и «тиранами», правление которых не только противоречит закону, но и губительно для их собственных народов. Последнее является следствием прочной связи, которая существовала в сознании людей Средневековья между судьбами государя и его подданных. Монарх не только был ответственен за благополучие народа и державы, но и олицетворял их («король – голова, чресла, глаза, рот и сердце королевства, зеница ока...»¹). Оставленные без божественной поддержки, вражеские армии изначально обречены на гибель. Как отметил поэт Уолтер Питербороский, рассказывая о битве при Нахере: «Так за грехи Бастарда тысячи были отданы року по праву...»² Страдания приверженцев «врагов справедливости» не исчерпываются войнами, которые они не могут выиграть, несмотря на помощь дьявола. Выше я уже приводила мнение анонимного капеллана Генриха V, полагавшего, что за верность «узурпаторам» Всевышний судия посылал французам одну кару за другой.

Особой популярностью пользовались примеры притеснения «узурпаторами» своих близких родственников, наилучшим образом свидетельствующие о беспричинной злобности врага. Наибольшее внимание к подобным сюжетам проявил в середине XIV в. Джеффри Ле Бейкер. Он рассказывает

¹ An Invective Against France // English Political Poems. Vol. I. P. 37.

² *Walter of Peterbough*. P. 116.

увлекательную и полную драматизма историю о справедливости английского короля и спровоцированной завистью жестокости его французского соперника. Вернувшись в 1350 г. из английского плена на коронацию Иоанна II, его брат Тома де Ла Марш якобы открыто восторженно отзывался о короле Эдуарде, восхваляя его родовитость, славу, бесконечно перечисляя его многочисленные подарки и милости, а также рыцарские турниры, в которых знатные пленники принимали участие. По версии Ле Бейкера, превыше других достоинств короля граф превозносил проявленную в суде над ним справедливость. Дело в том, что граф де Ла Марш был обвинен выходцем с Кипра по имени Джованни Висконти в том, что «он за деньги выдал туркам христианское войско». Чтобы снять с себя это обвинение, граф предложил Висконти выявить истину путем ордалии, вызвав его на поединок, который и судил Эдуард III. Рассказ об этом вызвал негодование Иоанна II и всей французской знати, возмущенных тем, что подданный французской короны обратился к суду короля Англии. Удивленный этим обвинением, граф возразил своему брату: «Эдуард III – справедливый судья, назвавший победителем не рыцаря с Кипра, которого он лично очень высоко ценил, а меня – француза, брата и друга твоего...» Но Иоанн, «коронованный французами», «из-за злобы и зависти, мачехи несправедливости», которую он испытывал по отношению к «похвалам, даже самым маленьким» в адрес короля Англии, после рассмотрения этого дела в королевском суде «причинил своему брату вред», называемый хронистом «братоубийством»³. По той же причине Иоанн II обвинил в измене и отправил на казнь графа д'Э⁴. А вскоре он «и жену свою, дочь славного короля Богемии, погибшего в битве при Креси, голодом до смерти уморил»⁵.

Справедливость – важнейшая из характеристик монарха – становится краеугольным камнем и точкой отсчета для понимания восприятия авторами исторических сочинений причин войны и целого комплекса сопутствующих проблем. Английские короли предстают в трудах своих подданных главными защитниками правды в христианском мире. В качестве доказательства превосходства Эдуарда III над другими государями историки любили приводить эпизод о его избрании в 1347 г. императором Священной Римской империи. Генрих Найтон описывает это следующим образом: «Имперская знать по общему согласию отправила послов в Англию королю Эдуарду и пожелала сделать его императором, как самого достойного, деятельного и заслуженного рыцаря во всем христианском

³ *Le Baker*. P. 112–113. На самом деле Тома де Ла Марш не был казнен в 1350 г., но умер в 1361 г.

⁴ *Ibid*. P. 112–114; *Avesbury*. P. 414.

⁵ *Le Baker*. P. 114.

мире... немцы действительно полагали, что король Эдуард является наилучшим христианским государем». Но Эдуард III отказался от титула, поскольку считал своим долгом перед Богом воевать лишь за то, что ему причитается по праву⁶. В исторической литературе нередко встречается сравнение Эдуарда с Господом: не выражая собственного отношения, авторы ссылались на мнение народа, утверждая, что подданные смотрели на короля как на Бога, сошедшего на землю⁷.

В период Столетней войны английские авторы изображали своих государей не только превосходящими по справедливости всех других христианских монархов, но и самих великих понтификов. Действительно, ставленники французской короны, авиньонские папы, активно поддерживали правителей из дома Валуа, проводя угодную им политику. И подобное поведение пап не могло остаться незамеченным английскими хронистами, которые неизменно отмечали, что независимо от того, на чьей стороне была правда, французы всегда пользовались благосклонностью викариев св. Петра⁸. Необходимость давать подобной симпатии хоть какую-то оценку порождала в умах историографов сложные вопросы. Во-первых, почему папы покровительствуют французам? Ответ на этот вопрос был для англичан очевидным: «Папы всегда благоволят французам и изо всех сил поддерживают их против англичан»⁹ потому, что они сами являются французами¹⁰. Второй вопрос заключался в том, следует ли англичанам подчиняться решениям папского суда. Комментатор «Бридлинтонского пророчества» Джон Эргом полагал, что, хотя папа, будучи французом, всегда принимал сторону своих соотечественников, «даже в тех случаях, когда это не соответствует истине и справедливости, отлучая от Церкви правую сторону и даруя свое благоволение стороне неправой, прощая сражающихся за нее», у английского короля есть большее, чем поддержка папы, а именно помощь Христа, «которая предпочтительнее помощи папы». Анализируя текст «пророчества», Эргом видел прямые указания на то, что Бог, «дарующий благословение правой стороне», покарает папу Климента, а также остальных за то, что они используют священные права для того, чтобы помочь «узурпаторам»¹¹. Подобное мнение об авиньонских папах было весьма распространено в Англии. В этом смысле показательны популярные, по утверждению Генриха Найтона, стихи:

⁶ *Knighton (1)*. P. 88–90.

⁷ *On the Death of Edward III // English Political Poems*. Vol. I. P. 223–224; *John of Bridlington*. P. 116.

⁸ *Chronicon Angliae, 1328–1388*. P. 31; *Walsingham*. Vol. I. P. 277.

⁹ *Knighton (1)*. P. 150.

¹⁰ *Ibid*; *Capgrave*. P. 211; *John of Bridlington*. P. 168.

¹¹ *John of Bridlington*. P. 168.

*Теперь папа стал французом, а Иисус – англичанином.
И увидят, кто сделает больше – папа или Иисус*¹².

В этих строчках гораздо важнее не низведение папы с положения наместника Христа, защитника истины до уровня профранцузски настроенного государя, которому, как и любому другому светскому сеньору, присущ порок несправедливости, а декларация «английскости» Христа. Она выражается не просто намеком на симпатии Христа англичанам или даже на богоизбранность английского народа, а непосредственным причислением Иисуса к английской «нации».

Традиционное для длительных вооруженных конфликтов представление об исконной, по сути дела врожденной склонности врага ко злу получило достаточно широкое распространение в период Столетней войны. Не случайно причина приверженности пап к несправедливости коренилась, по мнению англичан, не в чем ином, как в принадлежности понтификов к французской «нации». Историки не забывали упомянуть о том, как с самого начала войны Бенедикт XII, преследовавший якобы благородную цель заключения мира между христианскими монархами, прилагал все усилия, чтобы заставить Эдуарда III отказаться от его законных прав наследника французского престола. Хронисты подчеркивали, что папа выступал посредником в переговорах Эдуарда III с Филиппом Валуа не ради любви к миру, но, пользуясь своей властью, всячески старался оказать реальную и как можно более эффективную помощь «узурпатору», в котором он упорно видел истинного короля Франции. И коварному папе Бенедикту удалось достичь определенных успехов. Он лишил Эдуарда III такого могущественного союзника, как Людовик Баварский, который даже отнял у короля Англии титул викария империи (сразу после этого поступка для английских хронистов Людовик Баварский из императора превращается в «узурпатора Римской империи» («*usurpatoris imperii Romanorum*»)¹³, благодаря которому тот мог свободно нанимать солдат среди подданных императора). Кроме того, наложение интердикта на жителей фламандских городов, восставших в союзе с Эдуардом III против «тиранической власти» короля Франции, не могло не беспокоить английского монарха, боявшегося, правда, как показало будущее, необоснованно, потерять и этих союзников.

С английской точки зрения, Иннокентий VI пошел еще дальше: он непосредственно посылал королю Франции огромные суммы денег, взыскивавшиеся самыми различными способами. В 1357 г. была издана булла, по которой каждый епископ Англии должен был выплатить в папскую

¹² Ore esr ly Pape deuenu Franceys, e Ihesu deuenu Engleys
Ore serra ueou qe fra plus, ly pape ou Ihesus
(*Knighton (1)*. P. 150).

¹³ *Le Baker*. P. 61, 74.

курию провизию со своего диоцеза¹⁴. С позиции английских историков, это как нельзя лучше подчеркивает всю глубину несправедливости, до которой могут дойти папы, коварно пользуясь положением для поддержания незаконных притязаний соотечественника. В том же 1357 г. году папа потребовал от Эдуарда III полной выплаты взноса за королевство Англию, который английские короли должны были ежегодно вносить в курию со времен Иоанна Безземельного в размере тысячи марок серебром. Король Эдуард отказался платить, поскольку на примере провизий он знал, что эти деньги поступят в казну его врага. Хронисты приводят его фразу о том, что «он не должен платить никому, потому что он владеет и будет владеть своим королевством свободно, никому не подчиняясь»¹⁵. Для Генриха Найтона и остальных англичан важен не только отказ короля вносить деньги в папскую курию, безусловно свидетельствующий об абсолютном суверенитете английского государя в своем королевстве, которым он владел исключительно по милости Божией, но также предлог (финансирование понтификами их врагов), спровоцировавший само обсуждение этой проблемы. Более того, в условиях продолжительных войн между народами подозрение в дурном умысле и склонности к пороку вызывает уже сам факт принадлежности к «нации» противника. Для англичан неблагоприятные поступки глав католической Церкви в какой-то степени «естественны» (или, по крайней мере, не вызывают удивления), поскольку те по рождению принадлежат к французскому народу.

Если важнейшей характеристикой сеньора, творящего суд и определяющего действия других, является справедливость или ее отсутствие, то главным достоинством подданного является верность. Безграничная верность королю в некой идеальной, хотя и довольно оригинальной форме сформулирована автором поэмы «Клятва цапли», вложившего в уста будущего прославленного капитана бригадиров Жана де Форти, сеньора Фалькенберга обещание ради любви короля и «поддержания своей чести»

*Не пощадить ни церковь, ни алтарь,
Ни женщину с младенцем, ни ребенка, которых я найду,
Ни родственника, ни друга, как бы сильно он ни любил меня,
Если только он озорчит короля Англии*¹⁶.

Этот пример наглядно свидетельствует о противоречивости средневековых этосов: подчеркивая вассальную верность рыцаря, анонимный автор приписывает ему намерения, не просто противоречащие нормам ведения справедливой войны и кодексу рыцарской чести, но и несовместимые с христианской этикой. Неудивительно, что в большинстве текстов

¹⁴ *Knighton (1)*. P. 158.

¹⁵ *Ibid*; *Annales de Oseneia*. P. 351.

¹⁶ *The Vow of the Heron // English Political Poems*. Vol. I. P. 19–20.

(авторами которых были чаще всего представители духовного сословия) соблюдение верности королю во время ведения справедливых войн подразумевало благочестивую верность христианской Церкви. Сопровождающие войска клирики должны были вдохновлять воинов на ратные подвиги, обещая им поддержку Бога в правом деле. Впрочем, нередко представители духовенства не ограничивались внушениями мирянам, являя подчас подлинный пример наставления действием. Противостояние «своих» клириков «чужим» воинам, лишенным истинной веры, часто преподносилось средневековыми историографами в качестве кульминационных или же просто символических моментов в войне. В 1346 г. в битве против шотландцев при Невиллс-Кроссе помимо рыцарей северных графств под командованием лорда Перси участвовали монахи и клирики Йорка вместе с архиепископом. В изображении английских авторов это сражение представляется борьбой Христова воинства с дьявольским. Автор «Бридлинтонского пророчества» указывает на то, что вражеское войско вступило в бой под «предводительством дьявола»¹⁷. Другой анонимный поэт, непосредственно посвятивший одержанной англичанами победе небольшую латинскую поэму, сделал тему противостояния поддерживаемых Христом праведников и одержимых Сатаной грешников главной в своем сочинении, сведя к минимуму рассказ о самой битве¹⁸. Так же поступил и монах из Ланеркоста. Оба автора постарались усилить эмоциональное воздействие на читателей многочисленными ссылками на Писание и бесконечными сравнениями англичан и шотландцев с библейскими героями. Например, хронист из Ланеркоста уподобил Дэвида II царю Ахаву, делавшему «неугодное пред очами Господа более всех, бывших до него» и раздражавшему своими поступками Бога Израилева [3 Цар. 16:30–33], именуя пришедших с ним шотландцев «сынами беззакония»¹⁹. Напротив, Уильяма Зуша, архиепископа Йоркского, и вышедших вместе с ним английских рыцарей он отождествил с Маттафией – иудейским священником, который вместе с сыновьями доблестно защищал веру и отечество [I Мак. II, 1, XIV, 16–19 и др.]²⁰. Не ограничиваясь сравнениями с ветхозаветными героями, историограф перешел к аллюзиям из Евангелия от Иоанна и псалмов, славя Господа за чудесную победу над врагом. Другой автор, Генрих Найтон, и вовсе полностью приписывает одержанную победу монахам, которые, по его словам, в тот день «как один были готовы жить и умереть для спасения королевства»²¹. Идея соучастия духовенства в справедливой войне государя

¹⁷ *John of Bridlington*. P. 148.

¹⁸ *On the Battle of Nevile's Cross // English Political Poems*. Vol. I. P. 41–51.

¹⁹ Lanercost. P. 344, 349.

²⁰ *Ibid.* P. 347.

²¹ *Knighton (1)*. P. 68.

разрабатывалась Найтоном и в других эпизодах. Напомню рассказ хрониста о всеобщей мобилизации подданных английской короны в 1359 г., когда «епископы, аббаты, приоры, ректоры, викарии, капелланы и все священники были готовы, в соответствии с их способностями... быть кто латником, кто лучником»²². Подобное рвение не прошло даром: поход завершился не только осадой Парижа, но и основательным опустошением Франции.

В качестве характерной особенности английских исторических сочинений данного периода хочется отметить малочисленность упоминаний о совершенных англичанами предательствах. Самый громкий скандал такого рода за всю историю Столетней войны произошел в 1383 г. во время крестового похода епископа Нориджского Генриха Деспенсера против схизматиков Фландрии, сторонников антипапы Климента VII. Начало кампании было вполне удачным: весной 1383 г. крестоносному войску удалось взять во Фландрии ряд городов и крепостей. А 25 мая близ Дюнкерка англичане нанесли поражение огромному объединенному франко-фламандскому войску, в результате которого на поле боя осталось 10 тысяч поверженных схизматиков. Окрыленный победами и другими «божественными знаменениями», епископ Нориджский даже отказался от помощи графа Эрандела, которую ему предложил король Ричард²³. Однако вскоре рыцари Томас Трайвет, Уильям Элхэм и Уильям Фарингдон, стоявшие во главе гарнизона Бурбурга, решили сдать город французам. Посвященный во все детали того дела современник, анонимный хронист из Вестминстера, с возмущением заметил: «Поступая так, они руководствовались желанием наслаждаться жизнью или, вернее, огромными богатствами. Не зная об этом бесславном деянии английских рыцарей, мы не ожидали, что они предпочтут сохранить призрачные богатства этого мира, но не сберечь свое доброе имя, которое стоит дороже всех милостей судьбы»²⁴. Проведенное позже расследование показало, что предатели сдали город за 28 тысяч франков. Сам епископ тем временем укрылся в городе Гравлине, оборонять который ему помогал знаменитый капитан наемников Хью Кавли. Вскоре англичане, «испытывая нехватку людей, вооружения и продовольствия и не имея надежды на пополнение своих запасов», были вынуждены заключить договор с французами и сдать город²⁵.

После возвращения в Англию Томас Трайвет и другие предатели были посажены в Тауэр, а потом предстали перед Королевским судом. Однако все обвиняемые в конце концов были помилованы Ричардом II. При этом историограф открыто намекает на то, что помилование было куплено, «ибо

²² *Knighton (1)*. P. 174.

²³ *The Westminster Chronicle*. P. 40.

²⁴ *Ibid.* P. 46.

²⁵ *Ibid. Walsingham*. Vol. II. P. 103; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi...* P. 79.

деньги решают все в наше время»²⁶. Наконец дело дошло до инициатора и вдохновителя похода – епископа Нориджского. Сам король обвинил епископа в том, что он не выполнил поставленной перед ним задачи, вернулся в Англию раньше установленного срока (крестовый поход должен был продлиться по крайней мере год), растратил деньги и являлся главным виновником поражения англичан. Умоляя короля о прощении, Генрих Деспенсер просил дать ему возможность организовать еще один поход. Однако, «окруженный со всех сторон врагами», он был вынужден понести «заслуженное» наказание за поражение: все его светские владения были конфискованы и перешли в казну короля²⁷. Впрочем, опала епископа продолжалась недолго: уже через два года он принял активное участие во всеанглийском походе против шотландцев.

Аноним из Вестминстера утверждал, что поступок предателей «вечным позором падет на англичан»²⁸. Таким образом, в сознании этого хрониста XIV в. отсутствие верности у нескольких англичан порочит весь английский народ. Подобным образом хронист трактует и другое предательство, совершенное в том же 1385 г. монахом-францисканцем, англичанином по «национальности», «человеком внешне порядочным, но явным предателем своего королевства (*decens persona sed proditor regni manifestus*)». Он был пойман в Кале с доверительными письмами от Жана де Вьенна к королю Франции. Монах был заключен в Тауэр, где «без пыток признал правду», после чего был казнен²⁹.

Самым известным делом о предательстве в XV в. стал заговор против Генриха V. В 1415 г. некоторые английские лорды решили за «огромную сумму денег предать короля и его людей французам»³⁰. «Сговор с королем Франции» послужил основанием для смертного приговора лордам-предателям. По сути дела, этими несколькими эпизодами исчерпывается тема предательства англичанами своего короля, поскольку во всех прочих случаях речь идет либо об измене иностранцев на английской службе, либо англичан на службе у иностранных сеньоров. Например, рыцарь по имени Джон де Фотрингей держал от короля Наварры, союзника Англии, город Криль «на условии, заверенном клятвой, отдать город по требованию короля». Карл Злой неоднократно требовал, чтобы город был возвращен ему.

²⁶ The Westminister Chronicle. P. 52.

²⁷ Ibid. *Walsingham*. Vol. II. P. 104, 109; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 357.

²⁸ The Westminister Chronicle. P. 46.

²⁹ Ibid. P. 136.

³⁰ *An English Chronicle*. P. 40; *Walsingham*. Vol. II. P. 305; *Gesta Henrici Quinti*... P. 18; *Hardyng* (2). P. 372; *Chronicles of London*... P. 70; *Titus Livius*. P. 8; *Pseudo-Elmham*. P. 36; *Elmham*. P. 105; *The Brut*. Vol. II. P. 376, 553; *Grafton*. P. 511–512; *Fabyan*. P. 579; *Benet*. P. 177; *Redmann*. P. 39; *Hall*. P. 60–61; *The First English Life of King Henry V*... P. 30; *Streech*. P. 17.

Однако Фотрингей отказывался сделать это, «заявляя, что король должен ему большую сумму денег». Осознав, что он не сможет получить эти деньги от короля Наварры, рыцарь «получил их от французов в обмен на город»³¹. В период правления Генриха VI, когда англичане не только потеряли то, что было завоевано предками молодого короля, но и окончательно проиграла войну, утратив все континентальные владения, кроме Кале, историки избегают темы измены англичан своему государю. Историографы могут именовать «предательством» действия французов, нарушающих условия перемирия, измену герцога Бургундского, перешедшего на сторону врага, но поступки соотечественников продолжают трактоваться исключительно в верноподданническом духе. Так, например, решение герцога Сомерсета в 1450 г. сэкономить казенные средства за счет сокращения численности английских гарнизонов на континенте именуется не предательством, а неблагоразумием³².

Вынесение англичанами вердиктов по поводу вассальной верности во вражеском стане не столь однозначно, как единодушное мнение о преданности своих соотечественников, ибо в данном случае проблему приходилось решать исходя из смыслового значения верности или измены «незаконным» правителям. Как правило, измена «узурпатору» трактуется как естественное и искреннее желание служить законному, посланному Богом господину. Для английских авторов такая измена является не предательством, а, наоборот, «возвращением» к истинному королю. Хронисты с большим воодушевлением пересказывают примеры «достойного» поведения новых подданных своих государей. Так, во многих текстах можно встретить рассказ о проявленной в 1377 г. доблести оруженосца верного англичанам приора города Лэв, решившего со своим маленьким отрядом дать бой большому французскому войску. Этот оруженосец по имени Жан Брока, «француз по национальности... мужественно и воодушевленно сражался против французов, пока его внутренности не упали к его ногам, и сам он, преследуя врагов, хотя об этом и страшно сказать, довольно долго тащил их за собой, пока не бросил совсем»³³.

При этом патриотическая патетика не мешает историографам сообщать читателям о подлинных, нередко корыстных и весьма далеких от поиска истины причинах смены сеньора. В качестве примера можно напомнить о принесении графом Артуа Робертом и герцогом Бретани Жаном де Монфором оммажей Эдуарду III. В обоих случаях историки не скрывают того, что, присягая на верность королю Англии, оба знатных

³¹ Gray. P. 147.

³² An English Chronicle. P. 68.

³³ Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 168; *Walsingham*. Vol. I. P. 342; *Historia Vita et Regni Ricardi II...* P. 3.

феодала руководствовались личными интересами³⁴. О субъективных мотивах простолюдинов или нетитулованных рыцарей историографы знали куда меньше, тем не менее по возможности спешили поделиться столь важными подробностями. Так, сообщается, что рыцарь из Артуа Денни де Морбек, пленивший Иоанна II при Пуатье, был вынужден поступить на службу к Эдуарду III, поскольку был изгнан за убийство из родного города Сент-Омера³⁵.

Нередко бывали случаи, когда «вновь обретенные подданные» со временем нарушали клятву верности законным государям. Так, шотландский граф Арчибальд Дуглас принес оммаж Генриху IV в 1408 г., но вскоре снова выступил против англичан с оружием в руках³⁶. До этого аналогичным образом действовал один из его предков в 1356 г., «дабы потянуть время с целью подготовки к военным действиям»³⁷. Подобные сообщения об изменах королю Англии со стороны присягнувших ему шотландцев встречаются достаточно часто³⁸. Один из могущественнейших вассалов французской короны граф Фландрский в 1349 г. лицемерно отрекся от «узурпатора» Филиппа Валуа, принеся оммаж и клятву верности с торжественной присягой королю Эдуарду, поскольку иначе «фламандцы не желали его принимать». Однако он не только не стал повиноваться и служить своему «законному господину», но вскоре, собрав большое войско, основную часть которого составляли французы, напал на восставшие против короля Франции города Фландрии, «в домах и на улицах толпами избивая» их жителей. Последним, правда, удалось разбить французов при помощи английских гарнизонов, а также посланных королем Англии на выручку его верным подданным отрядов под предводительством графа Ланкастерского, графа Стаффордширского и других лордов³⁹. Подобные случаи трактуются хронистами не как повторное предательство, а как изначальное лицемерие и подлость врага.

Тем не менее верность «узурпаторам» обычно не вызывала неприятия у английских хронистов. Более того, авторы исторических трудов порой решительно осуждали вассальное неповиновение. В 1352 г. шотландцы отказались выкупать пленного Дэвида II, поскольку тот настаивал на том, чтобы они присягнули королю Англии, как это якобы сделал он сам⁴⁰.

³⁴ *The Vow of the Heron // English Political Poems. Vol. I. P. 5; Avesbury. P. 339–340; Chandos. P. 110–111.*

³⁵ *Grafton. P. 391.*

³⁶ *An English Chronicle. P. 44; Titus Livius. P. 30.*

³⁷ *Avesbury. P. 455.*

³⁸ *Gray. P. 98, 118; Walsingham. Vol. I. P. 340; Vol. II. P. 118.*

³⁹ *Le Baker. P. 100–102.*

⁴⁰ На самом деле не существует доказательств того, что Дэвид II присягал Эдуарду III. Скорее всего, английские хронисты были дезориентированы слухами или просто выдавали желаемое за действительное.

Рассказывая об этом, Генрих Найтон подчеркивал законность вассальной зависимости короля Шотландии от английской короны⁴¹. В 1357 г. по условиям Берикского договора Дэвид II был отпущен из плена. В 1367 г. шотландцы снова прибыли в Лондон для переговоров о выплате оставшейся части выкупа их короля. В своей хронике Джон из Рединга, который, по всей видимости, перепутал дату освобождения короля Шотландии или просто был плохо проинформирован об истинном предмете переговоров, обвинил от имени самого Дэвида II шотландцев в неблагодарности, коварстве и измене, а также полном неуважении к его сединам. Согласно тексту Джона из Рединга, пленный король, некогда сам интриговавший и строивший коварные планы против короля Эдуарда, оказался брошенным на произвол судьбы подданными, которым он уже не мог больше доверять, опасаясь заговора⁴². Ситуация повторилась в 1416 г. с королем Яковом I⁴³. В свою очередь, французы не признали Лондонский договор, заключенный Иоанном II в 1359 г. Хронисты приходят к выводу о том, что для этих вероломных людей ничего не значит клятва верности, которую они с легкостью приносят, а потом так же легко нарушают.

Помимо соблюдения вассальной верности истинный рыцарь и каждый добрый христианин должен был оставаться верным данному слову. Но если для описания верности «своих» хронисты не нуждаются в дополнительных приемах, довольствуясь демонстрацией общей готовности англичан выполнить вассальный долг, то, напротив, желание подчеркнуть лживость и склонность к обману у врагов вынуждает историков постоянно упоминать о нарушениях данных ими клятв. В 1363 г. герцог Анжуйский, сын Иоанна II Валуа, находившийся в лондонском плену в качестве заложника вместо отпущенного для сбора выкупа отца, испросил у короля Эдуарда разрешение переехать в Кале «для поправления здоровья». Взяв с герцога клятву о том, что тот не убежит из плена, король дал согласие на переезд. Капитан Кале позволил пленному французу выезжать на охоту по определенным дням. Однажды герцог выехал из города под предлогом охоты, намереваясь «вопреки собственной клятве не возвращаться в Англию». Как только он оказался вне поля зрения горожан, он «предательским образом» бежал, под прикрытием поджидавшего его в назначенном месте отряда копейщиков⁴⁴. В результате этой акции в январе 1364 г. Иоанн II, как честный рыцарь, был вынужден вернуться в английский плен.

⁴¹ *Knighton (1)*. P. 112, 120–122; *Grafton*. P. 396.

⁴² *Reading*. P. 179–180.

⁴³ *Gesta Henrici Quinti...* P. 138.

⁴⁴ *Anonimi Cantuariensis Chronica...* P. 214–215.

В 1352 г. во Франции был основан орден Звезды, в который вошло триста рыцарей, поклявшихся, что «не снимут знак звезды, пока полностью не изгонят врагов короля из всех частей королевства». В год основания этого ордена рыцари при Мороне, недалеко от Бреста, большим отрядом атаковали маленькую кучку англичан под предводительством Уолтера Бентли, «рыцаря незнатного, но доблестного». В результате большинство французов было убито в сражении, а остальные бежали с поля боя. Анонимный хронист из монастыря Керкстолл с иронией заметил по этому поводу: «Неподвижные звезды были сдвинуты – как на рассвете, когда солнце восходит, они погасли и быстро исчезли с глаз смотрящих. Так и этот новый орден Звезды, который был столь недолговечным, умер почти в тот же день, что и родился, нарушая клятву отказом от своей цели»⁴⁵. Другой автор из той же обители обратил внимание на нарушение личного обета адмиралом Жаном де Вьенном, который поклялся в 1385 г. «Господом своим и своим званием рыцаря, что не вернется во Францию до тех пор, пока... не пройдет всю Англию до Дувра, не сожжет и не разорит границу Англии и Шотландии»⁴⁶, но трусливо бежал, гонимый англичанами. Аналогичные примеры невыполнения взятых на себя обязательств можно найти фактически в любой хронике.

Постоянно акцентируя внимание читателя на теме вражеского коварства, английские авторы изображают клятвопреступниками представителей всех сословий Франции. В 1345 г. жители Осера обещали англичанам большую сумму денег в качестве выкупа, дабы спасти город и округу от разорения. Однако после того, как англичане, заручившись обещанием горожан приготовить деньги, ушли, последние на собранные средства наняли иностранных солдат и, укрепив таким образом город, отказались платить врагам⁴⁷. Рассказывая об этом эпизоде, сэр Томас Грей отказывается видеть в нем находчивость противника, трактуя его исключительно в свете изначального лицемерия и лживости французов. В сочинении этого же автора содержится еще один показательный пример, отражающий описанное выше восприятие английских авторов. В том же 1345 г. англичанин Джон Уолдбут с пятьюдесятью латниками разбил войско предводителей наемников по прозвищу «архидьякон», захватив его самого в плен. Последний был отпущен под честное слово, обещав передать королю Эдуарду через Уолдбута хорошо укрепленный замок, которым он владел. Однако он «ни разу потом не явился на переговоры с Уолдбутом, не заручившись заложниками». А однажды лицемерный пленник пригласил рыцаря на обед в свой замок. Англичанин

⁴⁵ Kirstall Abbey Long Chronicle. P. 94–95; эту же историю под 1352 г. рассказывает Джеффри Ле Бейкер (*Le Baker*. P. 120).

⁴⁶ Kirstall Abbey Short Chronicle. P. 64.

⁴⁷ Gray. P. 140.

принял приглашение, «будучи уверенным в клятве *«архидьякона»*, однако был схвачен, брошен в тюрьму, где вскоре был убит «под предлогом, что собирался осадить этот замок вместе с другими английскими пленниками, а [именно] заложниками, данными *«архидьякону»*, которых последний держал в плену»⁴⁸.

Ведя войну во имя Бога и с его помощью, благочестивые христиане должны были не только регулярно посещать службы, исповедоваться и отдавать Церкви десятую часть доходов, но и соблюдать ряд определенных правил непосредственно в ходе военных действий. В 1340 г. в самом начале войны за французское наследство Эдуард III «приказал армии, чтобы никто не осмеливался поджигать города или селения, грабить церкви и святые места, причинять вред маленьким детям и женщинам в его королевстве или во Франции; такие нападения на других людей, кроме мужчин, или причинение какого-либо вреда караются смертью или членовредительством. Он также постановил, что за привод к нему всякого, нарушившего этот указ, полагается вознаграждение в 40 шиллингов»⁴⁹. Аналогичный указ был провозглашен Эдуардом в 1346 г. в Кане⁵⁰. В том же году, когда английские войска разоряли окрестности Парижа, король распорядился в честь праздника Успения остановить все грабежи и поджоги⁵¹. Регулярно приводимые английскими историографами королевские распоряжения о непричинении на вражеской территории ущерба Церкви и мирному населению несколько диссонируют на фоне столь же регулярных сообщений французских и шотландских авторов о совершенных англичанами святотатствах и других бесчинствах. Это противоречие следует объяснять не столько лицемерием английских авторов, сколько обычным несоответствием правовых и морально-этических норм реалиям войны. Руководствуясь правилами ведения справедливой войны, государи и командующие армиями перед каждой кампанией издавали аналогичные приведенным выше запрещающие указы – это была определенная норма поведения христианского полководца. В свою очередь, историографы, большая часть которых вообще никогда не сталкивалась с настоящей войной, описывали продвижения армий и другие события, опираясь главным образом на официальные донесения. Располагая текстами подлинных королевских указов, они не видели оснований для скептических замечаний в их адрес или просто для замалчивания этой важной информации. К тому же сообщения о запретах

⁴⁸ Gray. P. 138–139.

⁴⁹ *Moisant J. Le Prince Noir en Aquitaine... Appendice. I. P. 160.*

⁵⁰ *Froissart. Vol. IV. P. 430.*

⁵¹ *Moisant J. Le Prince Noir en Aquitaine... Appendice. I. P. 171.*

нарушать нормы справедливой войны указывают не столько на благочестие английских солдат, сколько на добродетель государя.

Безусловно, желание изобразить «своих» воюющих государей богобоязненными праведниками не является исключительной особенностью английского средневекового историописания. Между тем на фоне абсолютно клишированных и стереотипных образов можно выделить нескольких персонажей, для которых благочестивое поведение в войне является важнейшей персональной характеристикой, но качеством не реального человека, а героя исторической литературы. Не вдаваясь в пространные рассуждения об адекватности попыток воссоздания по материалам хроник и житиям портретов людей эпохи Средневековья, отмечу, что исследователи нередко в своих оценках следуют за средневековыми историографами. Как ни странно, но чаще других хронисты упоминают о благочестии самых воинственных государей – Черного принца и Генриха V, возможно, пытаясь таким образом уравновесить рассказы о разорениях, чинимых их войсками на вражеской территории.

По свидетельствам Джеффри Ле Бейкера, уважение принца Эдуарда к Церкви было настолько велико, что он не позволял своим солдатам не только грабить ее имущество, но и входить в принадлежащие Церкви города, договариваясь о том, чтобы необходимое для войска продовольствие выдавали назначенным им лицам⁵². Более того, даже уничтожая какой-нибудь мятежный город, то есть отдавая его на полное разграбление своим солдатам, принц приказывал делать это таким образом, «чтобы пощадить все молитвенные дома»⁵³.

Один из анонимных биографов Генриха V отметил, что этот государь выделялся удивительной набожностью уже с детских лет: он мечтал «способствовать славе Бога, расширению Церкви, спасению своей страны, миру и спокойствию королевств»⁵⁴. В английской исторической литературе религиозность Генриха V является такой же устойчивой характеристикой, как и его воинская доблесть⁵⁵. Он не только основывал монастыри в Англии и делал Церкви богатые пожертвования⁵⁶, но также заботился о том, чтобы, когда он, «избранник Бога», будет вести кровопролитную войну с врагами Всевышнего во Франции, никак не пострадали храмы и служители Господа. Через несколько дней после высадки во Франции в августе 1415 г. Генрих V издал указ, согласно которому «под страхом смерти запрещая-

⁵² *Le Baker*. P. 130.

⁵³ *Ibid.* P. 132–133.

⁵⁴ *Gesta Henrici Quinti*... P. 12.

⁵⁵ *Elmham*. P. 70, 127.

⁵⁶ *Ibid. Hall*. P. 47; *Pseudo-Elmham*. P. 24–25; *Elmham*. P. 70–74; *Grafton*. P. 507; *The Brut*. Vol. II. P. 496; *The First English Life of King Henry V*... P. 110.

лось поджигать церкви и святые места, а их имущество должно было сохраняться в целости, и никто не должен причинять вреда женщинам, священникам или служителям церкви, если только на него не нападали и он не вынужден защищаться»⁵⁷. Уже через два месяца этот королевский указ был приведен в исполнение, когда возле Корби был повешен англичанин, укравший в церкви позолоченную медную дарохранильницу, решив, что она золотая⁵⁸. Этот эпизод, часто встречающийся не только у средневековых авторов, но и в современной исследовательской литературе, является редким свидетельством реального наказания за нарушение запрещающих мародерство указов.

Даже при взятии вражеских городов Генрих V, как указывает один из войсковых капелланов, руководствовался текстом Библии. Так, перед штурмом Арфлера «наш король, который искал не войны, но мира, чтобы вооружить щитом невинности справедливую причину великого предприятия, для которого он отплыл [во Францию], предложил в соответствии с 12-й главой «Второзакония» осажденным мир, если они (добровольно и без принуждения) откроют ему ворота и, согласно их долгу, отдадут этот город, который был прекрасной наследственной частью его английской короны и его герцогства Нормандского»⁵⁹. При этом анонимный хронист отмечает, что еще в юности Генрих переписал «Второзаконие» в маленькую книжечку, которую всегда носил на груди⁶⁰. После захвата города Генрих не только даровал жизнь и свободу «мятежникам», но и, заботясь об их безопасности от шаек мародеров, выделил эскорт вооруженных людей, чтобы те препроводили бывших горожан Арфлера «в те места, где они сами хотели бы поселиться»⁶¹. Таким образом, даже изгнание французов из их домов могло изображаться английскими авторами как милосердное благодеяние и заботливое участие. Хотя очевидно, что на самом деле за этим «великодушным» жестом, скорее всего, скрывалось стремление короля отконвоировать сторонников Валуа, у которых, собственно, и конфисковалась недвижимость, подальше от города, чтобы они не осели в предместье.

Воины «защитников справедливости» не должны были уступать в благочестии своим предводителям. Напомню, что, согласно каноническому праву, само участие в священной (или просто справедливой) войне не было сопряжено с грехом человекоубийства. В исторических сочинениях эпохи Средневековья довольно часто постулируется идея о том, что благая

⁵⁷ Foedera (2). Vol. IV. Part II. P. 130; Gesta Henrici Quinti... P. 26; Titus Livius. P. 9, 40; Elmham. P. 106; Pseudo-Elmham. P. 39; The First English Life of King Henry V... P. 34.

⁵⁸ Gesta Henrici Quinti... P. 68; Titus Livius. P. 13; Elmham. P. 116.

⁵⁹ Gesta Henrici Quinti... P. 34.

⁶⁰ Ibid. P. 154.

⁶¹ Ibid. P. 54.

цель делает руки солдат чистыми, а души – безгрешными: «Закон прощает мужей, судьба им благоволит, Бог стоит рядом». Для анонимного поэта XIV в. английские воины

*Чистые агнцы нашего Господа благородные,
Верные, чистые, щедрые, великодушные, смелые,
Справедливые, разумные, не совершающие зла,
Нахъ ящие радость в надежде и сострадающие бедным*⁶².

Он сравнивает их с древними героями: Самсоном, Соломоном, Сципионом – и замечает, что «нравственность, надежда, справедливость, доброта, терпение всегда побеждают»⁶³. Хронисты утверждают, что англичане, веря в зависимость победы только от воли Бога, всегда исповедуются и молятся перед битвой, а после нее – снова возносят благодарственные молитвы⁶⁴. Желая подчеркнуть природную набожность англичан, Роберт Фабиан сообщает, что церкви, а также церковное имущество не трогали даже бриганды из Великой компании, на действия которой королевские указы не распространялись⁶⁵. Каждый случай нарушения «нормы» благочестия оговаривается особо. Например, в 1352 г. «англичане штурмом взяли женский монастырь», но Джеффри Ле Бейкер дает объяснение, оправдывающее святотатство: эта обитель была превращена французами в мощную крепость, а следовательно, осквернена врагом еще до появления англичан, которые прежде «много раз щадили это святое место»⁶⁶. В другой раз причинение вреда шотландским монастырям во время кампании 1385 г., когда англичане дошли до Эдинбурга, сжигая и уничтожая все на своем пути, оправдывалось хронистами принадлежностью шотландцев к схизматикам – сторонникам антипапы Климента VII⁶⁷.

Как уже отмечалось выше, регулярные сообщения о грабежах вражеских земель, убийствах, пожарах и других бедствиях, сопровождавших продвижение английской армии, нисколько не противоречили в изложении хронистов концепции богоугодного поведения. Фиксируя причиняемый врагу ущерб, историки, тем не менее, старались предложить читателю информацию о достойном поведении воинства Христова. Например, рассказывая о кампании 1380 г., когда английские войска отправились на помощь герцогу Бретани, Томас Уолсингем отмечает, что в отличие от бретонских рыцарей англичане очень бережно относились к мирному населению тех территорий, на которых велись военные действия: «И в бою

⁶² On the Truce of 1347 // English Political Poems. Vol. I. P. 55.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Например, см.: An English Chronicle. P. 41; *Adam Murimuth*. P. 169–170; *Walsingham*. Vol. II. P. 311, 314; *Gesta Henrici Quinti*... P. 98, 120; *Elmham*. P. 121, 124; *Redmann*. P. 44, 47.

⁶⁵ *Fabyan*. P. 468.

⁶⁶ *Le Baker*. P. 119.

⁶⁷ The Westminster Chronicle. P. 128; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi*... P. 63.

предводители этого войска, в отличие от многих других (которые, будучи командирами, при отступлении опустошали собственную отчизну или, отправляясь в сражения, чинили злодеяния местным беднякам), стремились как можно больше заслужить любовь, милость и благоволение всего народа, еще до того как вторглись из-за моря. И, оказавшись во Франции, они, по приглашению французов, [могли] пересекать почти все Французское королевство невредимыми, вплоть до того, что они не потеряли ни единого из своих людей на протяжении всего пути. Однако и в такой радости они вовсе не забыли о Господе»⁶⁸. Разумеется, это, а также другие подобные противопоставления благочестивого и достойного поведения своих воинов бесчинствам противника следует воспринимать не буквально, а как топос, характерный для любой историографической традиции.

Как и следовало ожидать, венценосные противники англичан не только отказывались повиноваться воле Бога, но и непосредственно негодовали на него, досадуя на того, что Всевышний не помогает им в сражениях. Непосредственно в сговоре с дьяволом монах Томас Бертон обвинил жену Филиппа Валуа, которая вместе с магистром черной магии вызвала бурю на море, желая погубить короля Эдуарда и английское войско. Спросив «духа бури» о судьбе английского короля, она получила ответ, что «тот уже низвергнут». Но радость королевы, которую хронист называет «второй Иезавелью», была преждевременной, поскольку «дух бури» посмеялся над ней, дав двусмысленный ответ: король Эдуард в то время «смирненно лежал распростертым» перед распятием, моля Бога о милосердии, и «Господь не позволил духу бури властвовать над таким смиренным королем. Эта же наихудшая из всех нечестивых женщин приказала убить королевского секретаря клирика Анри де Малатри, который не захотел согласиться, как было описано, с гибелью короля Англии»⁶⁹. Бог наказал королеву Жанну, послав ей за время правления ее мужа во Франции девять выкидышей, над которыми не были произведены обряды крещения⁷⁰.

Не вдаваясь в пересказ бесконечных примеров, приводимых английскими авторами для доказательства отсутствия благочестия у вражеских государей, остановлюсь на одном показательном анекдоте. Анонимный клирик, написавший в середине XIV в. поэму об английской победе при Невиллс-Кроссе, решил не ограничиться банальным осуждением Дэвида Брюса за всевозможные грехи, пренебрежение верой и презрение Церкви – по утверждению этого автора, шотландский король стал бого-

⁶⁸ *Walsingham*. Vol. I. P. 444–445; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 275.

⁶⁹ *Burton*. Vol. III. P. 52. Хронисты из Сент-Олбанса и Оснии ограничиваются упоминанием о том, что шторм был вызван чернокнижниками короля Франции (*Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 12; *Annales de Oseneia*. P. 351).

⁷⁰ *Burton*. Vol. III. P. 52.

хульником еще во младенчестве, осквернив экскрементами святую воду в кунесли во время крещения⁷¹.

Заинтересованные в таком могущественном союзнике, как папа, короли Франции, по мнению англичан, были готовы пойти на любой подлог, чтобы не потерять поддержку Святого престола. В 1378 г. начался «великий раскол» католической Церкви. Карл V, сделав ставку на профранцузски настроенного антипапу Климента VII, не только сам отказался признавать истинного наместника св. Петра Урбана VI, но и «провозгласил, что ни один человек во Франции не должен подчиняться папе Урбану под страхом смертной казни»⁷². Таким образом, с точки зрения английских авторов, король Франции по собственной прихоти причислил весь свой народ к еретикам, что навлекло на него новые беды. Я уже упоминала о том, что отправившиеся в 1383 г. воевать со схизматиками англичане получили полное отпущение грехов. По свидетельству Томаса Уолсингема, непосредственно перед боем у города Гравлина епископ Нориджский и Хью Кавли вдохновляли крестоносцев, обещая им Царствие Небесное и статус мучеников в случае смерти. Окрыленные такой перспективой англичане сражались бесстрашно, беспощадно убивая врагов Креста «как собак, как если бы они были евреями или сарацинами»⁷³.

Бастард Энрике, несправедливо захвативший испанский престол, тоже не слишком пекся о христианской вере, принимая в свою армию даже не еретиков, а неверных – мусульман и иудеев, которых Уолтер Питербороский уподобляет собакам⁷⁴. О том, что «на стороне Бастарда было большое число язычников и сарацин, и людей, не верящих в Бога», упоминают и Генрих Найтон, и один из продолжателей хроники «Брут»⁷⁵. Ричард Графтон и Эдуард Холл обвинили «бастарда», дофина Карла, в том, что он, не веря в «полные богохульства, суеверий и лжи» истории, которые Жанна д'Арк «по наущению дьявола» всем рассказывала, не только отдал приказ французским клирикам записать ее «фантазии», распространяя таким образом учение Сатаны, но и приказал своим подданным подчиняться ей⁷⁶.

Наделяя противника всеми пороками и грехами, английские авторы не ограничиваются топосными указаниями на пренебрежение молитвами и демонстрацию неуважения к святым местам. Тема отсутствия благочестия у врагов Англии получает любопытное раскрытие в контексте частной жизни. О склонности французов к разврату пишут многие историографы.

⁷¹ On the Battle of Nevile's Cross // English Political Poems. Vol. I. P. 46–47.

⁷² Capgrave. P. 234.

⁷³ Walsingham. Vol. II. P. 90.

⁷⁴ Walter of Peterborough. P. 116.

⁷⁵ Knighton (1). P. 194; The Brut. Vol. II. P. 320.

⁷⁶ Graffton. P. 580; Hall. P. 148.

Например, рассказывая о происхождении Салического закона, Роберт Редмэн отмечает, что его автор, король Фарамунд, «не хотел незаконно напасть на английских государей или оказать французам благодеяние», целью этого правителя было наказание распутства французских женщин⁷⁷. Иногда от обобщений англичане переходят к конкретным примерам. Так, Томас Уолсингем заметил, что развратный Бертран Дюгеклен гнуснейшим образом готов потакать своей похоти, «отвергая христианскую религию и совокупляясь с иудейской женщиной»⁷⁸. Жанна д'Арк – героиня французского народа – была, по мнению англичан, не только ведьмой, но и далеко не столь целомудренной, как она пыталась себя изобразить⁷⁹. Жанна, по версии английского первопечатника Уильяма Кэкстона, показала на допросе, желая выиграть время, что была беременной⁸⁰. Тема «беременности» Жанны была популяризована Шекспиром в «Генрихе VI». В трактовке великого поэта во время судебного процесса Жанна перебирала имена могущественных сеньоров, утверждая, что имела с ними связь⁸¹. Другие историографы, хотя и не отрицают полностью ее девственность, отмечают, что она оставалась девицей, «поскольку была так уродлива лицом, что ни один мужчина не пожелал ее, а вовсе не потому, что она дала обет жить целомудренно и сохранять невинность⁸²». Однако в наиболее откровенной форме развратность французов высмеял автор написанной в середине XIV в. поэмы «Спор англичанина и француз». Желая унижить французов, анонимный поэт упрекает их мужчин в женственности («женское поведение скрывает мужа») и половой несостоятельности, которая вынуждает похотливых француженок заниматься самоудовлетворением:

*Чтобы не требовался француз, единственный способ для Венеры
Успокоить слепую страсть – похотливые руки*⁸³.

Этот поэт уверен, что склонность к прелюбодеянию и пьянству отразилась даже на цвете лица всех представителей вражеского народа: по сравнению с благородной бледностью англичан лица французов более

⁷⁷ Redmann. P. 27.

⁷⁸ Walsingham. Vol. I. P. 303.

⁷⁹ Мотив аморального поведения Жанны д'Арк появился в английских текстах непосредственно в 20–30-х гг. XV в. Ношение Жанной мужского костюма и постоянное пребывание в компании мужчин являлось для ее противников веским основанием для обвинения не просто в разврате, но в проституции. Подробнее об этом см.: Тогоева О. И. Блудница и город: казус Жанны д'Арк // Казус. 2004. М., 2005. С. 237–271; Она же. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 147–181; Она же. Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти // Публекшее сияние власти. Материалы круглого стола / Под ред. М. А. Бойцова. М., 2006. С. 52–83; Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 1981. P. 103–110.

⁸⁰ Higden (Caxton). Vol. VIII. P. 561.

⁸¹ Шекспир У. Генрих VI. Акт V, сцена 4.

⁸² Grafton. P. 580; Hall. P. 148.

⁸³ Disput Between Englishman and Frenchman // English Political Poems. Vol. I. P. 93.

темные и румяные⁸⁴. О чрезмерном, с английской точки зрения, пристрастии французов к вину пишут и другие авторы⁸⁵.

В Средние века представления о воинской доблести были напрямую связаны со справедливостью и благочестием. Готовность бесстрашно вступить в бой пусть даже со значительно превосходящими силами противника порождалась уверенностью в победе, которую, в свою очередь, внушало благочестивым защитникам справедливости убеждение в божественной поддержке. Напротив, осознание того, что совершаемые действия противны воле Всевышнего, отнимало желание брать в руки оружие, внушало сомнения и порождало мысли о спасении бегством. Таким образом, личная храбрость нередко трактовалась как добродетель, зависящая от благочестия и справедливости.

Постоянно намекая на неприязнь правителей Англии к войне между христианами, историографы также интенсивно превозносили проявление их воинских достоинств. В проанглийских политических сочинениях XIV в. удалось найти лишь одно обвинение Эдуарда III в трусости – оно исходило от его вассала графа Артуа, автора знаменитой поэмы «Клятва цапли», желавшего изобразить инициатором войны своего сеньора. Поэт рассказывает о том, что еще в 1338 г. король Англии «с любовью и нежностью» относился к «узурпатору», рассматривая его как «верного соседа»: «Он [Эдуард. – Е. К.] не задумывал против него ни битв, ни распрей»⁸⁶. Это продолжалось до того момента, пока граф Артуа, находившийся в то время в Англии, в присутствии всего королевского двора не бросил Эдуарду III обвинение в том, что он:

*Лишен Франции, благородной страны,
Которой он был законный наследник.
Но сердце его ослабло,
И из-за своей трусости он так и умрет, лишенный ее*⁸⁷.

Во всех остальных текстах Эдуард III изображен доблестным рыцарем без страха и упрека, совершенно не похожим на Филиппа Валуа – «человека с заячьим сердцем», «позор рыцарства». Как уже отмечалось ранее, довольно часто в политической поэзии и исторических сочинениях XIV в. Эдуард III именовался вепрем или же просто ассоциировался с этим животным. Эта метафора восходит к знаменитому «пророчеству Мерлина» из «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, в котором предсказывалось, что некий «доблестный вебрь... в галльских лесах покажет, до чего остры его клыки»⁸⁸. Ориентируясь на популярность при английском дворе алле-

⁸⁴ Ibid. P. 92–93.

⁸⁵ *John of Bridlington*. P. 145; *The First English Life of King Henry V...* P. 159.

⁸⁶ *The Vow of Herthen* // *English Political Poems*. Vol. I. P. 4.

⁸⁷ Ibid. P. 5.

⁸⁸ *Гальфрид*. С. 115.

гории с вепрем, анонимный автор «Инвективы против Франции» перенес на образ молодого Эдуарда физические характеристики этого животного – храбрость и силу:

*Этот вебрь – единственный, яростный, острое мощное,
Плечи славные, вонзает в тебя [Филипп. – Е. К.] жало смерти.
Франция, птица подобная коршунам, указывает себе ворота Сциллы;
Король-вебрь из лесов, выступая, уничтожает ее,
Клыки вебря несут смерть парижанам;
Клыки надежные, прекрасные, крепкие и острые⁸⁹.*

Согласно текстам английских хроник, короли Англии ни разу не отступили перед врагом, совершая подвиги, достойные легендарных героев: Гектора, Цезаря, короля Артура, Роланда и Оливье⁹⁰. Своим примером они вдохновляли солдат на битвы с превосходящими во много раз силами противников, в которых англичане неизбежно побеждали. Шестнадцатилетний принц Уэльский, будущий Генрих V, был ранен в битве при Шрусбери (21 июня 1403 г.). Однако он отказался покинуть поле боя, сказав: «С каким рвением наши люди бросятся в битву, когда они увидят меня, их принца, сына короля, отступившим в страхе? Я потому и получил ранение, что всегда нахожусь впереди войска. А поэтому я могу не только словами, но и личным примером вдохнуть храбрость в наших людей. Именно так должен поступать настоящий принц»⁹¹. Генрих V изображался английскими историографами как король, наделенный одними добродетелями: благоразумный, справедливый, добрый и благочестивый, главными же его достоинствами были воинские доблести: сила, отвага, мощь, храбрость. Современники сравнивали его с Марсом и Гектором, Карлом Великим и Хлодвигом, Артуром и Александром. В хрониках, а также многочисленных песнях, поэмах и балладах, воспевающих битву при Азенкуре, обычно приводится речь короля-рыцаря накануне решающего сражения. Осознавая, что его небольшому войску, измученному тяжелейшим переходом от Арфлера, предстоит противостоять «всей мощи французов», предводительствуемых «всеми лордами Франции», король обратился к своим воинам. Его речь вдохнула в изможденных людей силы⁹², «для того чтобы каждый солдат был в хорошем расположении духа»⁹³. Содержание этой речи примерно одинаково

⁸⁹ An Invective Against France // English Political Poems. Vol. I. P. 28.

⁹⁰ Chandos. P. 5–7, 11; Streech. P. 13, 53.

⁹¹ The First English Life of King Henry V... P. 9; Titus Livius. P. 4; Grafton. P. 497; Pseudo-Elmham. P. 7–8.

⁹² On the Battle of Agincourt // English Political Poems. Vol. II. P. 124; An English Chronicle. P. 40–42; Gesta Henrici Quinti... P. 88–94; Walsingham. Vol. I. P. 314; Capgrave. P. 312; Higden (Caxton). Vol. VIII. P. 550–551; Chronicles of London... P. 120–122; Titus Livius. P. 17; Pseudo-Elmham. P. 57; The Brut. Vol. II. P. 377–378, 555; Hall. P. 65–68; The First English Life of King Henry V... P. 54–55.

⁹³ An English Chronicle. P. 41.

во всех текстах, что в первую очередь объясняется ее традиционностью, ориентацией на существующие в исторической литературе топосы и клише. Вместе с тем нельзя отрицать, что получивший неплохое образование государь, стремясь подражать героям прошлого, вполне мог на самом деле произнести речь, не сильно отличающуюся от той, что приписывали ему восторженные хронисты. «Как истинный король и рыцарь», он обещал, что Англия не будет платить за него выкуп и, если так будет суждено судьбой, он будет среди тех бесстрашных рыцарей, которые погибнут в этой битве. Лучникам, составившим основу английского войска в этом сражении, Генрих напомнил о национальной гордости англичан: «Знайте... что ни одна нога не повернет назад прежде, чем мы все не будем разбиты на этом поле. Думайте о том, что вы англичане, которые никогда не побегут в битве, даже если на каждого из нас придется по десять противников, думайте о том, что Христос поможет нам в нашем праве»⁹⁴. Уверенный в поддержке Всевышнего в предстоящей битве и в том, что Господь не допустит, чтобы англичане «пролили всю кровь», король все же предупреждает, что «если мы все – герцоги, графы, бароны и все наши сыны отступим в страхе», тогда Бог перестанет помогать англичанам, и они обязательно проиграют⁹⁵.

Даже те из авторов, которые никогда не покидали пределы Англии и, соответственно, никак не могли лично наблюдать поведение государей во время военных походов, тем не менее, опять-таки, ориентируясь на историографическую традицию, считали уместным вставить в тексты подходящие заметки, свидетельствующие о готовности английских королей в полной мере разделить с подданными все тяготы походной жизни. По свидетельству анонимного поэта, вместе со своими воинами Эдуард III был готов терпеть и голод, и жажду, и холод, редко спать, полностью отдавая подданным «себя, свое сердце, тело и годы»⁹⁶. Для англичан король был истинным защитником – «стеной, крепостью, силой без страха»⁹⁷. Подобные клишированные сообщения сопровождают рассказы о большинстве английских кампаний. Эти описания «достойного» поведения государей, как и речи полководцев перед сражениями, восходят к классическим текстам античных авторов. Однако, несмотря на банальность и рутинность, некоторые из топосных сцен стали неотъемлемой частью биографии монархов. Так, рассказы о том, как Генрих V «бодрствовал днем и ночью», лично проверяя все посты, наставляя и поправляя солдат⁹⁸, переключивая из хроники в хронику, дошли до Шекспира и, благодаря популярности его пьес, прочно закрепились в массовом сознании.

⁹⁴ On the Battle of Agincourt // English Political Poems. Vol. II. P. 124.

⁹⁵ Ibid. P. 125.

⁹⁶ An Invective Against France // English Political Poems. Vol. I. P. 31.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ *Titus Livius*. P. 10; The First English Life of King Henry V... P. 38; *Hall*. P. 78.

Неудивительно, что лишенных божественной поддержки вражеских государей английские авторы изображают трусливыми и малодушными. Все их надежды на победу связаны с численным превосходством. И хотя нет такой хроники, автор которой хотя бы раз не обратил внимание на трусливое поведение венценосных врагов в бою, ни в одной из них хронист не прибегает к прямому оскорблению противников, предоставляя читателям самим делать выводы об их сущности и нраве. Политическая поэзия – совсем другой жанр: во всех английских хрониках не найдется столько бранных слов о неприятелях, сколько их употребил автор «Инвективы против Франции» в адрес Филиппа Валуа, в панике спасавшегося бегством, бросив гибнущую армию в битве при Креси. Начав с сожалений о старых временах, когда во главе французского войска были герои вроде Карла, Роланда и Оливье⁹⁹, поэт переходит к характеристике человека «с сердцем зайца»:

*Благородный как Антиох, воинственный, пламенный, гордый,
От чего ты бежишь, остановись, мальчик, Филипп, сопротивляйся!¹⁰⁰
...у тебя сердце хамелеона,
Ты показываешь спину, обращаясь в грязь,
Жирная свинья любит валяться в грязи.
Клирик ты по призванию, ты – воин, не знающий сражений,
Змея – по сути, мышь, соня спящая.
Ты не мчишься, охваченный яростью, впереди войска,
Мечом кротким опоясавшись, ты с беспечным сердцем бездействуешь;
Ты, лишенный львиного сердца, таишь овечьё¹⁰¹.*

Эти строки свидетельствуют о презрении, которое поэт считал нужным выразить по отношению к полководцу, оставившему войско ради спасения собственной жизни. По мнению поэта, человек, несущий ответственность не только за себя, но и олицетворяющий королевство, не должен ставить под сомнение свою личную храбрость, поскольку в противном случае его позор ложится также не только на войско, но и на все государство: «Не стал бы ты [Филипп. – Е. К.] зайцем, не потеряла бы Франция честь»¹⁰².

Идеальным сюжетом, позволяющим историографам порассуждать о трусости венценосных противников Англии, стали рассказы об отказе последних в оказании помощи осажденным англичанами городам и крепостям. Хронисты подробно описывали, как в 1347 г. после целого года осады горожане и гарнизон Кале продолжали оказывать сопротивление англичанам. Несмотря на переносимые тяготы, дух обеих сторон, как свидетельствуют историографы, был по-прежнему силен: осажденные

⁹⁹ An Invective Against France // English Political Poems. Vol. I. P. 29.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid. P. 33.

¹⁰² Ibid. P. 28.

надеялись на помощь своего короля, верность которому они мужественно доказали, а осаждающие верили, что в любом случае победа останется за ними, поскольку сам Господь поддерживает их в борьбе за правое дело. Генрих Найтон и Роберт из Эйвсбери рассказывают поистине драматическую историю. Согласно их версии, король Эдуард, перехватывая письма защитников города к Филиппу Валуа, скреплял их собственной печатью и отправлял по назначению. В этих письмах капитан Кале заверял французского короля в том, что жители по-прежнему верны ему, но поскольку горожане съели не только лошадей, но собак, кошек и даже крыс, то, если помощь, которую они ждут от своего сюзерена, не подоспееет в скором времени, у них нет другого выхода, как выйти из города в открытое поле с оружием в руках и погибнуть в битве с англичанами, ибо «лучше умереть с честью на поле боя, чем есть друг друга»¹⁰³. Оба хрониста объясняют поступок английского короля внутренним благородством, но, с другой стороны, в письмах горожан Кале к Филиппу VI не было никакой секретной информации: и без них можно было догадаться, что осажденный в течение нескольких месяцев город держится из последних сил. В конце июля король Франции, решив снять осаду с Кале, с огромной армией подошел к городу¹⁰⁴. Однако, страшась вступить в бой с английским войском, пусть даже измотанным долгой осадой, Филипп Валуа начал вести с Эдуардом III переговоры о мире, идя на это, как подчеркивают оба автора, не из-за миролюбия, а по трусости. Но поскольку ни одна из сторон не могла принять условия мира, на которых настаивала другая, «узурпатор» предложил второму претенденту на престол разрешить спор Божьим судом через поединок, на который каждый противник должен был выставить по версии Роберта из Эйвсбери четырех рыцарей¹⁰⁵, а согласно Найтону – пять или шесть¹⁰⁶. Веря в то, что Господь непременно дарует ему победу, и не желая напрасного пролития христианской крови, Эдуард III с радостью откликнулся на предложение кузена. Но, «услышав о великодушном согласии короля Эдуарда, названный господин Филипп не захотел ждать результата битвы»: той же ночью он сжег свой лагерь и бежал¹⁰⁷. Таким образом, по мнению англичан, Филипп продемонстрировал не только трусость, но и сомнение в законности своих прав на корону. И хотя столь подробно эту историю о низком и бесчестном поведении Филиппа Валуа рассказывают только Генрих Найтон и Роберт из Эйвсбери, остальные хронисты также с презрением отмечают, что из-за страха «узурпатора»

¹⁰³ *Knigton (I)*. P. 74; *Avesbury*. P. 386.

¹⁰⁴ *Avesbury*. P. 390.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 391.

¹⁰⁶ *Knigton (I)*. P. 82.

¹⁰⁷ *Avesbury*. P. 391.

перед англичанами огромная французская армия, уже находившаяся недалеко от города, отступила без сражения, оставив защитников Кале на произвол судьбы¹⁰⁸.

Пример Кале отнюдь не единственный, на основании которого английские историографы делали вывод о том, что трусость Филиппа Валуа была гораздо сильнее его намерений выполнить монарший долг защищать подданных: еще в 1340 г. он, приняв вызов Эдуарда III, осаждавшего город Турне, отправился во Фландрию с большой армией, чтобы снять осаду и, сразившись с королем Англии, изгнать последнего из своих земель; однако, испугавшись вступить в бой, отошел от города в страхе¹⁰⁹. В изображении англичан наследники Филиппа Валуа также не отличались особой смелостью, столь характерной для потомков Эдуарда III: даже Иоанн II, который, по мнению современных исследователей, совершил массу полководческих ошибок именно из-за стремления быть не только королем, но и идеальным рыцарем, предстает в английских хрониках жалким трусом, отступившим от Сент-Омера¹¹⁰, узнав о многочисленности английского войска. В 1385 г. у Карла VI не хватило смелости воплотить в жизнь его грандиозный план по отвоеванию у англичан Кале¹¹¹, он же в 1415 г. не оказал помощи защитникам Арфлера, «которые еще очень долго ждали поддержки от своего короля, уже после того срока, к которому она была обещана»¹¹². В 1418 г. жители Руана в течение полугода удерживали город, поддерживаемые известиями о том, что «король Франции, дофин, герцог Бургундии и вся французская мощь собирается на помощь Руану, чтобы снять осаду». Даже съев «всех кошек, собак, лошадей, крыс и мышей» и видя, как «многие сотни» их, в том числе дети, умерли от голода, они верили в избавление благодаря помощи короля. История о письмах горожан к Карлу VI, пересылаемых через руки Генриха V, в точности повторяет рассказ об осаде Кале войском Эдуарда III. Король Франции не пришел на выручку защитникам Руана. Английские хроники, а также знаменитая поэма Джона Пейджа ярко пере-

¹⁰⁸ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 25; *Burton*. Vol. III. P. 66; *Annales de Oseneia*. P. 352; *Walsingham*. Vol. I. P. 269, 271; *Capgrave*. P. 213; *Adam Murimuth*. P. 177; *Gray*. P. 116; *Le Baker*. P. 89–91; *Reading*. P. 104; *Chronicon Anonymi Cantuariensis*... P. 191; *Kirstall Abbey Long Chronicle*. P. 92; *Higden*. Vol. VIII. P. 342–343; *Chandos*. P. 25–26; *The Brut*. Vol. II. P. 300–301; *Grafton*. P. 379–380; *The Anonimale Chronicle*. P. 23–30; *Fabyan*. P. 459–460.

¹⁰⁹ *Le Baker*. P. 71; *Avesbury*. P. 314–316; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 12; *Walsingham*. Vol. I. P. 230; *Grafton*. P. 349–350; *The Anonimale Chronicle*. P. 17; *Fabyan*. P. 451–453.

¹¹⁰ *Avesbury*. P. 428–429; *Adam Murimuth*. P. 186; *The Anonimale Chronicle*. P. 65.

¹¹¹ *Knighton (1)*. P. 348; *Walsingham*. Vol. II. P. 127.

¹¹² *Gesta Henrici Quinti*... P. 48; *Capgrave*. P. 310; *Hardyng (2)*. P. 374; *Chronicles of London*... P. 70, 117–118; *Titus Livius*. P. 9–12; *Pseudo-Elmham*. P. 45; *The Brut*. Vol. II. P. 376–377, 553–554; *Grafton*. P. 513; *Fabyan*. P. 579; *Hall*. P. 62–63; *The First English Life of King Henry V*... P. 39; *Streech*. P. 17–18.

дают потрясение, испытанное осаждавшими, когда они вошли в город, в котором «на одного живого приходилось десять–двенадцать мертвых»¹¹³.

Не меньший «энтузиазм», чем сопереживания несчастным осажденным, у историографов вызывали сюжеты, связанные с отказами сражаться уже после того, как был назначен день битвы и оговорены ее условия. Как правило, авторы намеренно подчеркивали, что инициаторами проведения сражений выступали неприятели англичан, что позволяло не только развить тему трусости, пренебрежения обязанностями государя, но также указать на их подлость и лицемерие. Из многочисленных и довольно однотипных примеров подобного рода приведу лишь несколько. В 1339 г., еще до начала военных действий, Филипп Валуа поклялся и, согласно версии Найтона, повторял это неоднократно, что он не позволит Эдуарду III «ни дня провести во Франции без сражения»¹¹⁴. Однако, забыв об этом, он, не дожидаясь встречи с английской армией, стал отступать к Парижу, трусливо отказываясь от битвы и не обращая внимания на то, что такое поведение заслуживает презрения. Как рассказывает герольд Джона Чандоса, французы напрасно искали защиты от англичан у Филиппа Валуа¹¹⁵. Последний так боялся сойтись в битве с английским кузеном, что готов был пойти на любые низкие и недостойные королевского сана уловки, дабы избежать сражения. Джеффри Ле Бейкер сообщает о том, что англичане при помощи стрел отправляли в город Сен-Кантен, за стенами которого прятался Филипп Валуа, «разные ругательства», среди которых были следующие стихи:

«*Фи*» (*Phi*) – звук презрения, гнойник (*lippus*) – вреден во все времена, Вредны и «*фи*» и гнойник, значит, Филипп (*Philippus*) – вреден всем¹¹⁶.

«Узурпатор», якобы возмущенный этими письмами, предложил Эдуарду III дать сражение, на что последний с радостью согласился, сообщив Филиппу, что он будет ожидать его в течение трех дней в поле. Но, как уточняет хронист, на самом деле потерявший честь король Франции вовсе не собирался драться, предпринимая этот маневр лишь для того, чтобы, обманув короля Англии, выбраться из города, видимо опасаясь,

¹¹³ An English Chronicle. P. 46–47; Titus Livius. P. 65–68; Pseudo-Elmham. P. 195–201; The Brut. Vol. II. P. 389–391, 394–421 (poem of John Page), 559, 598; Grafton. P. 527–531; Benet. P. 178; Fabyan. P. 583–584; Hall. P. 82–90; The First English Life of King Henry V... P. 114–146; Streech. P. 33–44.

¹¹⁴ Knighton (1). P. 18.

¹¹⁵ Chandos. P. 14.

¹¹⁶ Le Baker. P. 65. Судя по всему, эта шутка была чрезвычайно популярна в Англии. Аналогичную дешифровку имени Филипп предложил и Джон Эргом в комментарии к «Бридлинтонскому пророчеству» (*John of Bridlington*. P. 127). А анонимный автор «Инвективы против Франции» обыграл «шараду» про Филиппа следующим образом:

«*Фи*» – дурно пахнет, гнойник противен глазам, значит, Филипп – Герцог противный и вонючий – судьбу жалкую пожнет.

(An Invective Against France // English Political Poems. Vol. I. P. 27).

что тот может быть взят англичанами. Поэтому неудивительно, что король Эдуард напрасно прождал четыре дня своего противника, бегущего тем временем к Парижу¹¹⁷.

В 1340 г. сам Эдуард III, осаждая Турне, отправил вызов Филиппу Валуа, предлагая последнему лично выбрать место и день для генерального сражения двух армий либо же во избежание напрасного пролития христианской крови оговорить условия поединка двух претендентов на французскую корону¹¹⁸. Но соперник короля Англии ответил, что поскольку письмо адресовано «некоему Филиппу Валуа», а не королю Франции, то он не считает нужным отвечать на этот вызов¹¹⁹. Сэр Томас Грей повествует об аналогичном случае: король Англии получил ответ от французского Королевского совета, в котором, «притворно извиняясь», члены совета сообщали, что «они не знают, кому эти письма должны быть переданы, поскольку они адресованы Филиппу Валуа, а он для них – король Франции»¹²⁰. Подобные ответы, по мнению англичан, никак не могут свидетельствовать об оскорбленном самолюбии или гордости «узурпатора», но являются всего лишь плохо скрытой уловкой, цель которой – избежать сражения.

В 1355 г. после отступления от Сент-Омера Иоанн II прислал к Эдуарду III в Кале герольдов с вызовом на поединок, которые получили ответ, что «английский король хочет сразиться со своим противником для подтверждения права на корону Франции», и, дабы «понапрасну не проливать христианскую кровь», он предлагает встретиться один на один либо, по желанию Иоанна II, со старшими сыновьями или двумя, тремя или четырьмя знатными рыцарями, «наиболее близкими к ним по крови». Роберт из Эйвсбери во второй раз рассказал историю о назначении ордалии между претендентами на трон, которая не состоялась, поскольку король Иоанн не явился в назначенный день на место поединка. Хронист откровенно намекнул, что трусливым поведением второй король из династии Валуа ничем не отличался от своего отца¹²¹.

Примечательно, однако, что, несмотря на кажущуюся очевидность, благодатная тема осуждения французских королей самими их подданными почти совсем не проработана в английской хронистике. Прочитав о бедствиях жителей Кале, Арфлера, Руана и других городов, можно предположить, что в определенный момент французы сильно разочаровались в своих сюзеренах, но это никак не проговаривается английскими историографами. Напротив, последние, дабы подчеркнуть весь драматизм ситуации

¹¹⁷ *Le Baker*. P. 66.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 71; *Avesbury*. P. 314–315; *Burton*. Vol. III. P. 46; *Grafton*. P. 349–350; *The Anonimale Chronicle*. P. 17; *Fabyan*. P. 451–453.

¹¹⁹ *Avesbury*. P. 315–316; *Burton*. Vol. III. P. 46–47.

¹²⁰ *Gray*. P. 109–110; *Walsingham*. Vol. I. P. 229, 236.

¹²¹ *Avesbury*. P. 430.

и как можно ярче описать страдания умирающих голодной смертью подданных, оставленных на произвол судьбы господином, заостряют внимание на их верности. По сути дела, кроме достаточно невразумительных сообщений о парижском восстании под руководством Этьена Марселя, когда французы выступили против короля Франции вместе с дофином Карлом, предавшим мятежников при первой же возможности¹²², существует еще лишь одно, правда, весьма яркое описание проявления французами недовольства по поводу трусливого поведения Филиппа Валуа.

После того как Эдуард III в 1347 г. счастливо избежал гибели на море, грозившей ему в результате заговора короля Франции и короля Наварры, он, высадившись в Кале, начал совершать опустошительные набеги в глубь Пикардии. Филипп же постоянно следовал за ним, «как будто наблюдая на расстоянии, чтобы избежать вида его [Эдуарда. – *Е. К.*] штандартов, наводивших на него ужас», но так и не решился вступить с англичанами в бой. Далее анонимный автор добавляет: «Рассказывают, что при появлении короля Франции уже после отъезда короля Англии женщины и прочие бедные и беззащитные создания той земли, население которой стало столь малочисленным, казалось, почти восстав против короля Франции, бросали грязью в него и его спутников, когда те проезжали по полям и деревьям, оценивая таким образом их глупость и лень. Все это соответствует поговорке: “Дурак должен сидеть в навозе”»¹²³. Вскоре Эдуард III снова предложил королю Франции и дофину сойтись в поединке с ним и Черным принцем, но, как заметил историограф, «король Филипп, все еще думая о Креси и охваченный, как я подозреваю, огромным страхом, к своему стыду отказался от этого предложения»¹²⁴. Анонимному хронисту вторит и Джон Эргом, уверенный в том, что потрясение от поражения при Креси настолько запало в «трусливую душу» Филиппа Валуа, что он окончательно потерял веру в свои силы¹²⁵.

Приведенные выше примеры должны были, с точки зрения английских авторов, свидетельствовать не только о трусости вражеских монархов или осознании ими собственной неправоты и страхе проиграть в «Божьем суде», но также о полном пренебрежении долгом государя защищать подданных. При этом тема отсутствия у трусов гордости – важнейшей характеристики каждого благородного человека – также остается практически неразработанной. Возможно, это объясняется особенностями сословных представлений большинства историографов – лиц духовного звания – о человеческих добродетелях и пороках. Христианские характеристики в

¹²² *Gray*. P. 133.

¹²³ *Kirstall Abbey Long Chronicle*. P. 96–97.

¹²⁴ *Ibid.*

¹²⁵ *John of Bridlington*. P. 162.

данном случае затмевают рыцарские: греховной гордыни (*superbia*), портящей даже самых могущественных сеньоров, устойчиво противопоставляется смирение (*humilitas*), украшающее любого христианина, в том числе и монарха. Гордыня неизменно рождает самонадеянность, которая, как правило, приводит к поражениям. Так, излишне самоуверенный шотландский король Дэвид II не только полагал, что сможет захватить Англию, пока все ее воины осаждают Кале, но, согласно песне «О поле Дарема», видя, что против него вышли монахи и пастухи, еще не вступив в бой, начал распределять между приближенными английские земли¹²⁶. По мнению Джеффри Ле Бейкера, по той же причине не суждено было осуществиться коварным замыслам покорения Англии Филиппом Валуа, которого хронист называет «высокомерным и напыщенным тираном»¹²⁷, необоснованно «мечтающим о прозвище Завоеватель»¹²⁸. Но больше всех за высокомерие поплатился дофин Карл, будущий Карл VII: в 1414 г. он прислал Генриху V мячи для игры¹²⁹ и ответил, что не боится угроз короля Англии начать войну, поскольку «король пребывает в слишком юном и нежном возрасте для того, чтобы быть хорошим воином, и не похоже, что в ближайшее время он сможет осуществить подобное завоевание»¹³⁰.

Трусость вражеских воинов, как и примеры проявления этого порока у враждебных Англии государей, постоянно подчеркивается во всех английских источниках. Как отметил цистерцианец Томас Бертон, поскольку французские рыцари постоянно уклонялись от сражения с англичанами, «они были прозваны зайцами»¹³¹. При этом враги регулярно терпят поражения от англичан не только потому, что первые трусливы, а вторых в битвах поддерживает сам Господь, но и потому, что англичане превосходят их как воины. Как бы ни пытались жители Арфлера, собрав все свое мужество, противостоять осаждающим их англичанам, им, по мнению хрониста, ни разу не удалось причинить англичанам бóльший урон, чем они сами несли

¹²⁶ Durham Field // *The English and Scottish Popular Ballads: 5 vols.* / Ed. F. J. Child. N.Y., 1957. Vol. III. P. 284–285.

¹²⁷ *Le Baker*. P. 58.

¹²⁸ *Knighton (1)*. P. 58.

¹²⁹ Чрезвычайно популярная во Франции в XV–XVII вв., ставшая прообразом современного тенниса, игра зародилась еще в классическое Средневековье. Первоначально игроки перебрасывались небольшими кожаными мячами, набитыми шерстью. Со временем на руки стали надевать перчатки, а удары наносились специальными битами. В XV в. биты уже представляли собой прообразы современных теннисных ракеток со струнами. К концу XVI в. в одном только Париже было более 250 залов для игры в мяч.

¹³⁰ *An English Chronicle*. P. 40; *Titus Livius*. P. 6; *Pseudo-Elmham*. P. 30; *Elmham*. P. 101; *Hall*. P. 57; *The Brut*. Vol. II. P. 375, 552; *Grafton*. P. 509; *Fabyan*. P. 578; *The First English Life of Henry V...* P. 25; *Streech*. P. 13.

¹³¹ *Burton*. Vol. III. P. 41.

во время вылазок¹³². Все это свидетельствует о явном, с точки зрения историографов, преимуществе английских воинов над противниками.

Хроники пестрят сообщениями о грандиозных победах подданных английской короны над превосходящими их в несколько раз силами врага. Желая еще больше превознести доблесть соотечественников, историографы постоянно делают акцент на неравном численном соотношении сражающихся войск. Например, по данным «Деяний Генриха V», при Азенкуре менее 6 тысяч англичан разбили 60 тысяч французов¹³³, а согласно хронике Адама из Уска англичан было 10 тысяч против 60 тысяч французов¹³⁴. Аббат Томас Бертон утверждает, что в 1347 г. 80 военных французских кораблей отказались от сражения с 11 английскими торговыми судами¹³⁵. Под 1435 г. в «Английской хронике» содержится упоминание о том, что король Шотландии попытался захватить замок Роксборо с войском в 140 тысяч человек против двадцати четырех английских латников, защищавших крепость. Горстка англичан успешно отбивала шотландские атаки, а вскоре до шотландского короля дошли слухи о том, что английские лорды собираются на помощь осажденным. Испугавшись, король снял осаду и отвел свою армию¹³⁶. Показательный эпизод приводится в «Скалахронике»: пять английских оруженосцев, имея из доспехов лишь щиты, одну кольчугу и три арбалета, победили пятьдесят напавших на них французских латников, захватив одиннадцать пленных. По утверждению Томаса Грея, этот пример английской воинской доблести якобы настолько поразил даже самих врагов, что «французы в других гарнизонах насмешливо называли его “подвигом пятидесяти против пяти”»¹³⁷. Для понимания средневековой ментальности описанный Греем эпизод представляет особый интерес, поскольку в данном случае знаток военного дела, непосредственный участник многих кампаний, описывает совершенно неправдоподобную ситуацию. Трудно поверить, что опытный рыцарь принял на веру такую байку. Между тем эту часть хроники Грей писал самостоятельно, следовательно, приходится исключить вероятность заимствования истории у какого-нибудь авторитетного предшественника. Значит, Грей либо сам выдумал этот анекдот, либо счел его вполне «достоверным» – достойным веры, заслуживающим того, чтобы в него верили читатели.

Отбирая информацию для своих трудов, средневековые историки далеко не всегда ограничивались рассказами о событиях, в реальности которых они были абсолютно уверены. Еще Августин Блаженный в трактате «О христи-

¹³² *Gesta Henrici Quinti...* P. 40.

¹³³ *Ibid.* P. 94.

¹³⁴ *Adam of Usk.* P. 256.

¹³⁵ *Burton.* Vol. III. P. 64.

¹³⁶ *An English Chronicle.* P. 56.

¹³⁷ *Gray.* P. 150.

анском учении» в качестве главной цели историописания указал на то, что «история рассказывает о произошедшем правдиво и для пользы»¹³⁸. Более четко этот постулат о дидактической цели истории был сформулирован в свое время св. Иеронимом, на которого ссылались многие авторитетные историки последующих поколений. Именно так поступил Беда Достопочтенный, заявив в предисловии к «Церковной истории народа англвов»: «Смиренно прошу читателей не ставить мне в вину погрешности против правды, которые могут встретиться в моем сочинении, ибо в соответствии с истинным законом истории я просто записал те из собранных сведений, которые счел полезными для поучения потомства»¹³⁹. В классическое Средневековье идея всеоправдывающей морали прочно укоренилась в сознании историографов. Возможно, не только далекие от ратного дела клирики, но и взявшийся за перо военный мог, не вступая в противоборство с совестью или голосом разума, несколько преувеличить подвиги соотечественников.

Важно отметить, что даже если хронисты приводят данные, свидетельствующие о численном равенстве сторон, то соотношение потерь однозначно указывает на английский героизм и физическое превосходство. Например, по сообщению Генриха Найтона, при взятии Кана «англичане захватили в плен 100 рыцарей и много простых солдат и около 5000 горожан, при этом они сами не понесли никаких потерь, кроме одного оруженосца, который был ранен и скончался через два дня»¹⁴⁰. В битве при Креси французы потеряли убитыми 2 тысячи рыцарей и 32 тысячи простых солдат, а англичане – трех рыцарей и одного оруженосца¹⁴¹. Согласно «Английской хронике», при Азенкуре было убито 11 тысяч врагов, а «всего их было 120 тысяч человек», в той же битве англичане потеряли герцога Йорка, графа Суффолка и «еще 26 человек»¹⁴². Широко тиражируемые описания храброго поведения и рассказы о грандиозных победах способствовали кристаллизации у англичан чувства национальной гордости.

Существует стереотипное представление о том, что в период Столетней войны, как и в предыдущую эпоху, английскому рыцарю было легче найти общий язык с представителем французского благородного сословия, чем с английским простолудином. Действительно, в исторических сочинениях этого периода, особенно в куртуазных трудах Жана Фруассара или Кювелье, можно найти множество примеров доминирования сословной идентичности над национальной. В предыдущем разделе я приводила примеры куртуазного

¹³⁸ *Augustinus*. De doctrina christiana, II, 28 // PL. 34, col. 56: «Historia facta narrat fideliter atque utiliter».

¹³⁹ Беда. С. 6–7.

¹⁴⁰ *Knighton (1)*. P. 56.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 64.

¹⁴² *An English Chronicle*. P. 42. О таком количестве убитых англичан упоминают разные авторы, в том числе Шекспир (*Шекспир У. Генрих V. Акт IV, сцена 5*).

поведения английских и французских рыцарей в отношении друг друга. Однако подчеркну, что поиск этого «общего языка», как правило, происходил в мирное время или, по крайней мере, в интервалах между военными действиями. Уважение к благородному статусу противника могло иметь значение только во время поединка, в реальном бою «свои» определялись не по сословному принципу, а по принадлежности к тому или иному лагерю.

В общественном сознании, отражением которого в определенной степени является хронистика, складывается вполне четкое представление о доблести как о национальной характеристике: все англичане независимо от того, являются ли они воинами или нет, отличаются чрезвычайной храбростью, которая помогает им побеждать превосходящие в несколько раз силы противников. Зачастую историографы намеренно подчеркивают низкий социальный статус англичан, дабы усилить вес одержанной теми победы. Неоднократно встречаются упоминания о том, как простые сельские жители побеждают вражеских рыцарей¹⁴³. А отказ мирных английских купцов вступить в битву с нападшими на них французскими пиратами был трактован хронистом из Вестминстера как позор для всех англичан¹⁴⁴. Этот анонимный автор отнюдь не одинок в своих суждениях. Под 1379 г. Томас Уолсингем сообщает, что английские купцы решились дать сражение объединенному испано-французскому флоту (битва закончилась полной победой англичан) после того, как прославленный бригад Хью Кавли в обращении к соотечественникам сказал, что им «скорее пристало принять объятия смерти, чем столь позорно терпеть сейчас потери, а потом издевательства»¹⁴⁵. При этом, превознося гипертрофированную храбрость соотечественников, английские поэты и историки, как уже отмечалось, нередко приносили правдоподобие и достоверность в жертву назидательности и морали. В анонимной поэме «Об осаде Кале» бургунскими войсками в 1436 г. говорится о том, что ворота города оставались все время открытыми как вызов осаждающим¹⁴⁶. Определяя идеологическое воздействие подобных сообщений историографов о блистательных военных подвигах, можно утверждать, что читатели получали представление о том, что подданные английской короны значительно превосходят другие народы не только физически, но и силой духа.

Особое чувство национальной гордости у англичан во всех средневековых кампаниях вызывали лучники, равных которым по мастерству не было ни в одном другом войске. И это неудивительно: все неблагородные лично свободные англичане в возрасте от 16 до 60 лет по закону были обязаны иметь лук и тренироваться в стрельбе. В 1363 г. во время пере-

¹⁴³ *Capgrave*. P. 285; *Gray*. P. 152; *Le Baker*. P. 63; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 39, 193–194; *Walsingham*. Vol. I. P. 288; Vol. II. P. 128, 259–262.

¹⁴⁴ *The Westminster Chronicle*. P. 180.

¹⁴⁵ *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 253–254; *Walsingham*. Vol. I. P. 406.

¹⁴⁶ *On the Siege of Calais // English Political Poems*. Vol. II. P. 152–156.

мирия с Францией Эдуард III разослал шерифам предписание следить за тем, чтобы его подданные (как рыцари, так и простолюдины) постоянно практиковались в «военных играх». Особое внимание король уделил лучникам, при этом в числе обязанных «изучать и упражняться в искусстве стрельбы» были упомянуты как свободные, так и зависимые боеспособные мужчины¹⁴⁷. Томас Уолсингем весьма живописно описал действия лучников в битве против шотландцев при Хомилдон-Хилле в 1402 г.: они «так пронзали врага летящими стрелами, что те вовсе не застревали в доспехах, как если бы пронзали голых. Плотность летящих стрел была такова, что небо покрывалось словно бы черной тучей, и стрелы так летели на врагов, что они не осмеливались поднять лицо. Причина этого в том, что, если бы кто-либо пытался посмотреть вверх, такой немедленно лишался бы глаза. А были и многие, кто, поднимая щиты вверх, немедленно получали стрелой в другую руку, и тела пронзались, и броня не спасала груди от пролития крови, и пластины не спасали головы, и шлемы не помогали, а руки, держащие копья или колья, оказывались прибиты к этим орудиям, и перчатки не приносили пользы»¹⁴⁸.

Воспроизведение в английской исторической литературе топоса об уникальности и ценности воинства лучников, несомненно крайне выгодного для складывания положительного аспекта национальной идентичности, отражено во всех приводимых в хрониках речах правителей Англии перед боем. Как известно, этот элемент перешел из античной традиции в средневековую и очень ценился авторами, ибо позволял в контексте экспрессивной, критической ситуации выразить важнейшие мысли устами наделенного авторитетом лица. Как правило, английские короли и принцы в речах перед решающими сражениями после воззвания ко всему войску отдельно обращались к лучникам. Считалось, что многие знаменитые битвы, такие как Азенкур, были выиграны «только благодаря» лучникам¹⁴⁹, которые своим мастерством и доблестью «стяжали вечную славу»¹⁵⁰. По мнению автора поэмы «О поле Дарема», шотландский король Дэвид должен был не сетовать на то, что его захватил в плен простой йомен, но гордиться этим, поскольку

*Каждый йомен в славной Англии
Стоит шотландского рыцаря*¹⁵¹.

Не стоит полагать, что англичане совершенно отрицали наличие у врагов доблести и храбрости. Это обуславливалось не столько желанием

¹⁴⁷ Foedera (2). Vol. III. Part II. P. 79.

¹⁴⁸ Walsingham. Vol. II. P. 251–252; Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti... P. 345.

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ Capgrave. P. 202.

¹⁵¹ Durham Field // The English and Scottish Popular Ballads. Vol. III. P. 287.

хронистов придерживаться исторической правды, сколько определенными «законами жанра», согласно которым выше ценилась победа, одержанная над сильным и храбрым соперником. Поэтому время от времени англичане были склонны признавать воинские достоинства противников. Томас Уолсингем, при всей отрицательности характеристики, которую он дает Бертрану Дюгеклену, отмечал его воинскую доблесть¹⁵². Герольд Чандоса воспел не только «храброе и смелое сердце» будущего великого коннетабля, но и достоинства других «добрых» французских рыцарей, которые отправились в Испанию помогать Энрике Бастарду¹⁵³. Рассказывая о битве лорда Генри Перси и его брата с шотландцами под предводительством графа Дугласа в 1388 г., автор «Краткой хроники аббатства Керкстолл» заметил, что граф был тяжело ранен, но он предпочел остаться в битве и «умер на поле боя, как храбрый рыцарь»¹⁵⁴. Однако, даже не проводя статистических подсчетов, с уверенностью можно констатировать, что подобные топосные для куртуазной литературы уважительные отзывы о противнике заметно уступают превалирующим уничижительным эпитетам. Нередко формальное признание вражеской доблести корректировалось контекстом или дополнительными ремарками. Например, непосредственно участвовавший в переходе армии Генриха V в 1415 г. из Арфлера в Кале анонимный хронист так передал рассуждения англичан о возможном нападении французов: они должны это сделать, «если в их сердцах хоть сколько-нибудь осталось мужества и храбрости, поскольку в противном случае весь мир узнает, что они боятся изгнать из своей земли короля Англии, вторгнувшегося в их земли и опустошающего их, а значит, они стали настолько нерешительны и трусливы и настолько растеряли древнюю доблесть, присущую им»¹⁵⁵. Как известно, французы все же решились дать бой англичанам, но потерпели сокрушительное поражение при Азенкуре.

Вполне закономерно, что противники, наделенные английскими авторами высокомерием, а также трусостью, изображались неспособными победить врага иначе, чем при помощи обмана. Находящаяся на другом полюсе от коварства доверчивость, как ни странно, не является недостатком, напротив, в исторических сочинениях она предстает добродетелью, свидетельствующей о наличии веры и честности. Так же как вера порождает доверие и искренность, коварство ведет к лживости и лицемерию. А поскольку, по мнению англичан, все государи из династий Валуа, Брюсов и Трастамарской были коронованы незаконно (то есть пошли на обман во

¹⁵² *Walsingham*. Vol. I. P. 302–303.

¹⁵³ *Chandos*. P. 112–113.

¹⁵⁴ *Kirkstall Abbey Short Chronicle*. P. 117.

¹⁵⁵ *Gesta Henrici Quinti...* P. 62–64.

время таинства миропомазания), их склонность ко лжи на протяжении всего правления является закономерной и не вызывает удивления. Многие авторы рассказывают о странной миссии кардинала Эли Талеран-Перигора, несколько раз являвшегося в качестве посредника к Черному принцу накануне битвы при Пуатье с предложениями от Иоанна II заключить перемирие. Принц охотно соглашался на это, поскольку, как и его отец, любил мир. Но когда принц Эдуард выдвигал свои, достаточно умеренные условия, они по тем или иным причинам не устраивали короля Франции. Джеффри Ле Бейкер комментирует это следующим образом: «Принц сначала не понял замысла тирана, поскольку он сам ни битвы не боялся, ни от мира не отказывался», но в конце концов, осознав то, что лицемерный король Франции хочет отнюдь не мира, а лишь жаждет избежать битвы, принц стал готовиться к сражению¹⁵⁶. Так же трактуют цель переговоров, которые вел кардинал, и другие английские историографы¹⁵⁷.

Спровоцированные реальным страхом перед нападением врагов на Англию слухи смешивались в трактовке английских авторов с расхожими представлениями о «нормах» поведения неприятеля. Каждое перемирие таило в себе скрытую угрозу, ибо, как написал анонимный полемист времен Генриха VIII, цитируя «старую поговорку» эпохи англо-французской войны, «французы перемирие заключают, но вряд ли соблюдают»¹⁵⁸. Типичный сценарий повествования о перемирии выглядит следующим образом: коварный враг лицемерно заключает мир, чтобы собрать силы и неожиданно напасть на английские земли. Важно помнить, что «свои» всегда остаются верными договору, предпринимая какие-либо шаги по подготовке военных операций исключительно в качестве ответных акций на действия врага. В нарушении договора всегда виновен противник – зачастую этот тезис декларируется как аксиома, не требующая доказательств, ибо иначе и быть не может.

Чаще всего историографы ограничивались кратким сообщением о том, что враг нарушил перемирие, поскольку использовал его исключительно для подготовки нападения на англичан¹⁵⁹. Впрочем, время от времени авторы сообщают дополнительные сведения, свидетельствующие о вражеском коварстве. Например, Томас Уолсингем рассказал, как в 1368 г. Карл V прислал королю Эдуарду дружеское письмо и ценные подарки,

¹⁵⁶ *Le Baker*. P. 144; *Chandos*. P. 50–61; *Grafton*. P. 388–390; *The Anonimalle Chronicle*. P. 36–37; *Fabyan*. P. 466.

¹⁵⁷ *Chandos*. P. 50–61; *Grafton*. P. 388–390; *The Anonimalle Chronicle*. P. 36–37; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 224–225; *Chronicon Angliae, 1328–1388*. P. 35; *Walsingham*. Vol. I. P. 282; *Fabyan*. P. 466.

¹⁵⁸ *A Declaration of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII*. P. 220, 238.

¹⁵⁹ *Capgrave*. P. 209, 211, 230; *Avesbury*. P. 355; *The Brut*. Vol. II. P. 297, 323; *Grafton*. P. 360; *An English Chronicle*. P. 61; *Knighton (I)*. P. 126; *Adam Murimuth*. P. 183–184.

«чтобы окончательно усыпить его бдительность», напав тем временем на графство Понтье¹⁶⁰. В декабре 1385 г. закончилось англо-шотландское перемирие. Однако вскоре король Шотландии прислал Ричарду II «чрезвычайно смиренное и почтительное письмо с заверениями в том, что он верен перемирию и уважает подданных короля всех сословий», а также с сожалениями о том, что шотландцы напали на английскую границу. Хронист из Вестминстера подчеркнул, что, хотя, согласно утверждению Роберта II, это было сделано «самовольно и без его ведома», но на самом деле лицемерный шотландец обманывал короля Англии, намереваясь напасть на него врасплох¹⁶¹, поскольку в Шотландию уже прибыло французское войско в 5 тысяч латников во главе с адмиралом Жаном де Вьенном. Союзники «вторглись в Англию на двадцать миль, грабя и сжигая все на своем пути и увозя много пленных»¹⁶².

Склонный к обобщениям и глубокомысленным выводам автор «Деяний Генриха V», проанализировав ход переговоров в 1416 г., сделал следующее умозаключение: «Только посмотри, какими двуличными были французы... под прикрытием лживых переговоров о мире, они на самом деле думали вовсе не о нем, но лишь о разговоре, затянутом с целью отсрочки мира»¹⁶³. Тем временем они собирали огромную армию, включавшую большой отряд наемников из Генуи и других итальянских городов, и готовили мощный флот, чтобы затем осадить Арфлер, а также атаковать побережье самой Англии. Как сообщает хронист, Генрих V поначалу пытался, надеясь на заключение мира, игнорировать действия врагов, но, поняв, «что французы специально затягивают переговоры, чтобы обмануть его, а сами вовсе не стремятся к миру, а, наоборот, собрали войско для осады Арфлера», миролюбивый король Англии приказал «объявить войну»¹⁶⁴. Узнав об этом, «французы предложили Генриху V более выгодные, чем раньше, условия мира», на которые король, «все еще надеющийся на мир и жаждущий его», согласился. Утрируя доверчивость английского короля, этот автор использует драматический прием нагнетания переживаний. Дальше он рассказал о чудовищном обмане и двуличии короля Франции, которого явно не смущает репутация лжеца, готового пойти на любые коварные ухищрения, дабы получить выгоду. «Когда английский совет был почти готов принять лживые предложения, высказанные при этих благовидных условиях, французы, раньше давшие согласие на определенные просьбы, по

¹⁶⁰ *Walsingham*. Vol. I. P. 306–307.

¹⁶¹ *The Westminster Chronicle*. P. 56.

¹⁶² *Ibid.* *An English Chronica*. P. 3; *Capgrave*. P. 240; *Kirkstall Abbey Short Chronicle*. P. 64; *Knighton (1)*. P. 334–336; *Walsingham*. Vol. II. P. 127–128.

¹⁶³ *Gesta Henrici Quinti...* P. 134.

¹⁶⁴ *Ibid.* P. 136.

своей двуличности отказались сделать это. Снова обманутый и введенный в заблуждение пустыми разговорами, король... был вынужден против своей воли, но по чрезвычайной необходимости, ради своего народа и города Арфлера, опять взяться за оружие»¹⁶⁵.

Но на этом история не заканчивается, поскольку, когда король Англии находился уже в Саутгемптоне, готовясь отплыть во Францию, Карл VI написал письмо императору, скрепленное его собственной печатью. В этом письме король Франции просил императора Сигизмунда I стать посредником в мирных переговорах между ним и королем Генрихом, обещая удовлетворить «ради торжества справедливости и вечного мира между двумя королевствами» все требования английского совета, а также сообщал, что готов лично встретиться с королем Англии для заключения «вечного мира», а до тех пор – установить перемирие. Генрих V якобы так обрадовался этому известию, что даже «предложил распустить английский флот, веря, что его противник сделает то же со своим». Однако, как хронист и намекал с самого начала, французы вовсе не собирались снимать осаду Арфлера. Более того, через два дня король Генрих получил известие о том, что мощный французский флот находится весьма близко от Портсмута, готовясь напасть на него и на остров Уайт. А чуть позже поступили новости из Парижа, где очень плохо обошлись с послами английского короля: они были вынуждены сами платить за проживание и не имели возможности покинуть жилища, в которых им пришлось провести все время. И только тогда, наконец, Генрих V понял вероломство Карла VI, затягивающего переговоры в надежде на то, что продолжение блокады заставит жителей Арфлера сдаться по той же причине, которая привела к капитуляции Кале в 1347 г.¹⁶⁶ Эмоциональные комментарии событий, характерные для этого автора, были так же восприняты другими историографами, использовавшими «Деяния Генриха V» в качестве основного источника. Например, Томас Элхэм после рассказа о том, как французы вероломно нарушили перемирие, замечает, что «король был сильно раздосадован тем, что французы его одурачили», хотя он изначально знал, что «французы никогда не соблюдают договора»¹⁶⁷.

Эти и другие эпизоды, свидетельствующие не только о вражеском коварстве, но о безграничной доверчивости, если не сказать наивности английских государей, прекрасно отражают одну характерную особенность средневекового мышления. Очевидно, что хронисты, даже авторы, работавшие в популярнейшем жанре «Деяний», совсем не заботились о гармоничности или

¹⁶⁵ *Gesta Henrici Quinti*... P. 136.

¹⁶⁶ *Ibid.* P. 140–142.

¹⁶⁷ *Elmham*. P. 134–146.

целостности создаваемого ими образа. Монарх одновременно может быть и мудрым, и наивным; и жестоким, и благочестивым. Для историографов эпохи Средневековья на первый план всегда выходит конкретный эпизод, содержащий отдельную мысль, которая может никак не соотноситься со смысловой нагрузкой других частей повествования. Действия персонажа в рамках одного эпизода могут противоречить поведению этого же героя в иных ситуациях. В определенном смысле средневековую хронику можно представить в виде мозаики, частички которой обладают вполне конкретными цветами, но не складываются в общий рисунок. Фактически, можно говорить о том, что образ «целостной личности» появится на страницах исторических произведений только с началом Возрождения.

Отношение к хитрости подданных приобретает немного другой оттенок. Если речь идет о замыслах врага, то это качество, так же как у государей, выступает в значении «коварства», что, безусловно, вызывает негативную реакцию у историков, осуждающих подобное поведение. Почти во всех хрониках можно найти рассказ об измене капитана Кале, попытавшегося сдать город французам накануне Рождества 1350 г. Капитан Кале Энрико из Павии и его брат (которых английские хронисты называют генуэзцами), находившиеся на английской службе, вошли в сговор с сэром Жоффруа де Шарни, пообещав за большую сумму денег открыть ворота города. Об этом предательстве стало известно королю Эдуарду, который срочно отправился в Кале. Повесив предателей, король не только назначил нового капитана города, но и приготовил французам ловушку: в назначенный день ворота города открылись, давая проход небольшому отряду рыцарей во главе с самим Жоффруа де Шарни, однако затем ворота были закрыты, а мост поднят. Захватив в плен предводителя отряда и его ближайших соратников, король Эдуард дал у стен Кале сражение остальному войску французов, нанеся ему сокрушительное поражение¹⁶⁸. В этом, как и в большинстве других случаев, коварство сопровождается нарушением слова или принесением лживой клятвы, о чем говорилось выше. Однако в хрониках упоминаются и другие виды обмана, когда враг рассчитывал на доверчивость англичан. Забавный эпизод, описанный некоторыми историографами, характеризует одновременно и подобное коварство, и трусость врага. В 1403 г. на остров Уайт прибыли французы, требуя от его жителей «содержание для королевы Изабеллы», вдовы Ричарда II. Жители Уайта ответили, что «король Ричард умер, а королева, возможно, отослана домой, поэтому они не будут платить; но если они [французы. – *Е. К.*] хотят сражаться, то им будет разрешено

¹⁶⁸ *Capgrave*. P. 214; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 27–28; *Walsingham*. Vol. I. P. 271; *Adam Murimuth* (2). P. 179; *Gray*. P. 116; *Le Baker*. P. 103; *Reading*. P. 105–108; *Avesbury*. P. 408–410; *Chandos*. P. 27; *The Anonimale Chronicle*. P. 29–31; *Fabyan*. P. 461–462, 468; *Grafton*. P. 383; *The Brut*. Vol. II. P. 302–303.

высадиться на берег и они получают три дня перед битвой для отдыха». Однако французы, которые меньше всего хотели сражаться, услышав этот благородный ответ, отплыли на родину¹⁶⁹. По-своему показательно суждение автора «Деяний Генриха V», который, высказываясь о герцоге Бургундском, определяет его лицемерие как национальную черту французов¹⁷⁰. А вот Эдуард Холл, ссылаясь на римских историков, упоминает, что «шотландцам чрезвычайно нравится врать»¹⁷¹.

В отличие от негативного оттенка хитрости «врагов» у «своих» она приобретает значение «находчивости», становясь достоинством проявляющих ее людей. Например, в 1402 г. битва с шотландцами была выиграна, по мнению Адама из Уска, только благодаря храбрости и «хитроумию» английских конюхов: видя, как враги теснят англичан, они взобрались на лошадей своих хозяев и «кричали в один голос: “Шотландцы бегут! Шотландцы бегут!”», чем очень напугали шотландцев, сражавшихся на передней линии, и, пока те смотрели назад, чтобы выяснить причину происходящего, они падали, сраженные градом ударов по ушам и плечам»¹⁷².

Наделяя представителей вражеского лагеря всевозможными пороками и недостатками, английские авторы рисовали абстрактный собирательный образ противника. Такой образ вполне мог вызывать негативные эмоции, но фактически полностью лишал персонажей индивидуальных черт. Большинство английских историографов умолчало о проявленной в битве при Пуатье Иоанном II воинской храбрости (благодаря которой король и оказался в английском плену), зафиксировав внимание на том, что французское войско было обращено в бегство и что среди прочих знатных пленников был король Франции. В тех редких случаях, когда авторы, на первый взгляд, воздавали должное красивым и достойным деяниям врага, делалось это с целью акцентировать внимание читателя на других неблагоприятных поступках. Как уже отмечалось выше, подобный подход к изложению материала объясняется спецификой мышления средневековых историографов, разбиравших повествование на отдельные эпизоды.

Сообщая о возвращении в плен отпущенных под честное слово Дэвида II и Иоанна II, историки подчеркивают нежелание шотландцев выкупать своего короля и отказ дофина признать договор, заключенный его отцом. Более того, Генрих Найтон даже приводит «веские» доказательства бесчестности самого короля Иоанна. Находясь в Лондоне, плененный Иоанн II заключил в 1359 г. мирный договор с королем Англии, по которому

¹⁶⁹ Capgrave. P. 285; Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti... P. 382–383; Walsingham. Vol. II. P. 259–260.

¹⁷⁰ Gesta Henrici Quinti... P. 174.

¹⁷¹ Hall. P. 55.

¹⁷² Adam of Usk. P. 100.

к Эдуарду III отходила значительная часть французских земель, и скрепил этот договор своей клятвой. Однако, нарушая ее, Иоанн сам отправлял во Францию письма, полные заверений в том, что он «никогда даже не помыслит отдать и пяди французской земли королю Англии»¹⁷³. Кроме того, этот король «имел в Лондоне много секретных агентов, которые тайно собирали лучшее золото королевства, переплавляя его в слитки, и помещали их в железные ящики, чтобы переправить во Францию. И они покупали луки и стрелы и прятали их в мешки с шерстью, и была собрана тысяча луков и большое количество оружия для отправки во Францию». Однако, тяжело заболев и почувствовав приближение смерти, Иоанн II решил снять грех с души и открыл Эдуарду III места всех тайных складов и их предназначение. Также он признался в том, что «злонамеренно и незаконно удерживал королевство Францию вплоть до мира в Кале. И он просил простить все вышеперечисленные вещи, и король Эдуард даровал ему прощение»¹⁷⁴. Выше уже упоминалась история о том, как нарушил свою клятву сын Иоанна, принц Людовик, отставленный в английском плену заложником вместо своего отца, отпущенного во Францию для сбора выкупа. Пользуясь большой свободой, принц летом 1363 г. бежал из плена, вынудив тем самым отца вернуться в Англию¹⁷⁵.

Помимо параметров, которые можно обозначить как морально-этические, в хрониках и поэмах встречаются и попытки сравнения интеллектуальных характеристик представителей враждующих сторон. Для их определения авторы источников располагают двумя парами качеств: «мудрость – безрассудство» и «хитрость – пронизательность». Характеристика «мудрый» является столь частным эпитетом «своих» государей, что на ней нет смысла останавливаться специально. Ее противоположность, применяемая только по отношению к чужим правителям, как правило возникает при оценке намерения врага вступить в противоборство с англичанами или отклонения предложенных ему условий мира. Гораздо реже встречается другой антоним мудрости – глупость. По свидетельству Джона Эргома, склонность Дэвида II к роскошной неге и распутству стала привычной темой для представлений менестрелей и жонглеров, которые всюду рассказывают о нем. Подданные смотрят на него без всякого почтения и уважения, более того, даже вернейшие из них считают его дураком¹⁷⁶. Что же касается психического расстройтва Карла VI, то страх бросить тень на мир в Труа, ознаменовавший величайший внешнеполитический успех

¹⁷³ *Knighton (1)*. P. 162.

¹⁷⁴ *Ibid.* P. 190.

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 188.

¹⁷⁶ *John of Bridlington*. P. 141–142.

Англии, вынуждал английских историографов обходить тему интеллектуальной ущербности подписавшего этот договор короля Франции.

Вторая пара характеристик значительно интереснее. На первый взгляд, хитрости противника должна противопоставляться находчивость «своих» (положительное определение для внешнеполитических или военных ситуаций). Однако в действительности все выглядит иначе. Как было показано выше, противник проявляет вполне традиционную коварную хитрость, а «свои» – доверчивость, свидетельствующую не о скудости ума, а о честности. В любом случае в конечном счете «свои» либо избавляются от опасности при помощи Бога, либо (опять-таки по воле Всевышнего) узнают о вражеских замыслах и предпринимают контрмеры. Любопытно, что английские короли никогда не замышляют ничего просто так: на страницах исторических сочинений любая их военная хитрость или политическая уловка не возникает по их собственной инициативе, но является вынужденным ответом на происки противоположной стороны. Так было, например, в 1350 г., когда Эдуард III подготовил в Кале ловушку для французов, вошедших в сговор с изменившим англичанам капитаном города¹⁷⁷.

Завершая разговор о склонности венценосных персонажей хроник к хитрости, следует отметить, что наделенные этой характеристикой враги в полной мере проявляют ее по отношению не только к англичанам, но и к собственным подданным. Хроника Джеффри Ле Бейкера с первых же страниц знакомит читателей с отцом первого короля из династии Валуа, Карлом – «мужем удивительно хитрым». Он еще в 1325 г. решил убить короля Франции Карла IV, поскольку, «предполагая, что у его племянника не будет наследника, задумал в обход закона лишить королевства Франции племянника короля Карла, короля Англии». Для осуществления этого замысла Карл Валуа пригласил короля Франции на охоту и обед в один из своих замков, в лесу, возле которого он расставил людей с ножами и веревками, дав им приказ уничтожить короля и его свиту. Однако заговор был раскрыт, арестованный Карл Валуа «из-за почтения к королевской крови не был ни повешен, ни обезглавлен, но без штанов, обнаженный был посажен на мрамор, поливаемый холодный водой, где из-за плохой погоды он на холоде скончался»¹⁷⁸.

Но сын казненного заговорщика Филипп, как известно, все-таки решился вопреки закону осуществить гнусный план отца, от которого он, по мнению хрониста, унаследовал склонность к преступлениям, и захватил

¹⁷⁷ Capgrave. P. 214; Adam Murimuth (2). P. 179; Gray. P. 116; Le Baker. P. 103; Reading. P. 105–108; Avebury. P. 408–410; Walsingham. Vol. I. P. 273–274; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 27–28; Chandos. P. 27; The Anonimale Chronicle. P. 29–31; Fabyan. P. 461–462, 468; Grafton. P. 383; The Brut. Vol. II. P. 302–303.

¹⁷⁸ Le Baker. P. 36–38.

в 1328 г. корону Франции в обход своего кузена Эдуарда III. Вскоре после этого Филипп Валуа обманом пленил герцога Бретонского «за то, что тот не хотел воевать против короля Англии»¹⁷⁹. В 1387 г. Карл VI, решив окончательно расправиться с непокорным Гентом, подло воспользовался светлым праздником Рождества. Король объявил, что хочет встретить Рождество в Генте, «как будто этим он оказывал честь горожанам», и для этого он в конце сентября отправил туда много бочек (по данным Уолсингема – 1800¹⁸⁰) с вином и восемьдесят вооруженных людей для их охраны¹⁸¹. «Но внимательные горожане удивились тому, что король начал приготовления к празднику в это время года... и особенно тому, что он отправил так много охраны. И они подумали, что король задумал предать их смерти, так же как он поступил с их соотечественниками (*compatriotis suis*) – горожанами Дама (*Damme*)». Это опасение подтвердилось, когда один из горожан проткнул несколько бочек, но из них ничего не вытекло, после чего под предлогом снятия пробы с королевского вина бочки были открыты: в них оказалось оружие в количестве, достаточном для того, чтобы перебить все население Гента¹⁸².

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что образ «чужого» выстраивался как антитеза к образу «своего»: описывая врагов и соотечественников, историографы использовали негативные и позитивные проявления одних и тех же качеств. В отличие от современной европейской культуры, в которой значимую роль играют представления о толерантности, в Средние века любая инаковость воспринималась не как альтернатива, но как оппозиция, что не только порождало набор полярных характеристик: храбрость – трусость, миролюбие – воинственность и т. д., но также вызывало неприятие и нетерпимость. При этом отрицательное описание «чужих» традиционно сопровождалось постулированием позитивных характеристик «своих».

Осознание человеком своей индивидуальности невозможно без первоначальной констатации особенностей, отличающих его от остального мира. Еще сложнее группе или общности вычлениить общие для всех характеристики. Осознать единообразие «чужого», врага всегда легче, чем схожесть своих, поскольку взгляд со стороны облегчает эту задачу. И чем дальше дистанция восприятия чужой общности, тем легче обнаружить кажущиеся общими характеристики, которыми эта общность обладает.

¹⁷⁹ *Burton*. Vol. III. P. 50.

¹⁸⁰ *Walsingham*. Vol. II. P. 133.

¹⁸¹ *Knighton (1)*. P. 350.

¹⁸² *Ibid. Walsingham*. Vol. II. P. 133.

Непосредственный анализ параметров, по которым историографы выстраивали образы «своих» и «чужих», вынуждает констатировать их удивительную устойчивость. Фактически, эти характеристики вообще не меняются, являясь традиционными для любой эпохи, варьируются лишь реципиенты. Конфликты между общностями «своих» и «чужих» меняют не столько риторику в адрес «чужого», ставшего врагом, сколько ее восприятие. Так, в случае с представлениями англичан рубежа позднего Средневековья и раннего Нового времени о себе и своих противниках нет ни одной характеристики, которая могла бы считаться национальной: доблесть и трусость, благочестие и его отсутствие, коварство и доверчивость, сила и слабость, даже сладострастие и пьянство вполне могут быть отличительными особенностями отдельных индивидуумов внутри одного сообщества. Однако в ситуации конфликта все эти индивидуальные качества превращаются в характеристики целого народа.

Постоянно сравнивая по одним и тем же параметрам соотечественников с врагами Англии, английские авторы неотвратимо приходили к выводу о физическом и моральном превосходстве представителей своего народа над «чужими». В пропагандистской литературе любые свидетельства о наличии у врага положительных характеристик воспринимаются скорее как исключение из правила, при этом авторы исторических произведений нередко «воздавали должное» достоинствам противника исключительно ради того, чтобы на этом фоне ярче проявились «типичные» негативные черты.

Со временем неприязнь англичан к шотландцам и французам становится настолько «естественной», что уже сама принадлежность к этим народам вызывала предубеждение. Например, многие авторы, недовольные женитьбой короля Ричарда на малолетней дочери французского короля, обвиняют принцессу в том, что она пусть косвенно, но принесла в Англию «много вреда» – уже в день ее приезда на Лондонском мосту было задавлено толпой девять человек, среди которых был один монах¹⁸³. Одновременно с этим пороки и недостатки англичан либо переносятся в положительную плоскость (например, разграбление вражеских земель трактуется как наносимый врагу ущерб), либо приписываются лишь какой-то конкретной личности, в то время как весь народ, от короля до последнего крестьянина, обладает лишь одними достоинствами.

Размышляя о формировании национального самосознания, хочется отметить, что война, причем далеко не каждая, является лишь фактором интенсификации этого процесса, но не его причиной или источником. Разу-

¹⁸³ Higden (*Caxton*). Vol. VIII. P. 536; Kirkstall Abbey Short Chronicle. P. 73; An English Chronicle. P. 22; *Adam of Usk*. P. 18–20; The Brut. Vol. II. P. 35; Chronicles of London... P. 18; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi*... P. 129.

меется, в периоды вооруженных конфликтов сообщество «своих» всегда апеллирует к эмоциям, позволяющим сплотиться перед лицом врага, но доминантной может стать любая идентичность: религиозная, сословная, политическая, культурная и т.д. Актуализация той или иной идентичности во многом зависит от восприятия конфликта. И если конфликт концептуализируется (с самого начала или по мере развития) как национальный, то это само по себе является более чем веским свидетельством развитости «национального самосознания».

Эпохальные события XIII в. (подписание Великой хартии вольностей, гражданская война середины века, наконец, возникновение парламента) привели к складыванию у подданных английской короны представлений о себе как о политическом сообществе, об ответственности государя перед подданными, о внесословном общественном благе и, самое важное, об активной роли каждого члена сообщества в жизни государства. Политика перестала быть исключительно делом короля, став сферой непосредственных интересов каждого. В результате феодальные по сути войны с Францией и Шотландией не являлись таковыми в восприятии современников, что, безусловно, сказалось и на последующей историографической традиции. Война за наследство монарха переживалась как война всех англичан. В результате старые топомные рассуждения о мерзостях врага стали наполняться новыми эмоциями, превращаясь в национальные характеристики.

Глава 3

Мифы о национальных героях: образы Роберта Ноллиса и Бертрана Дюгеклена как модели формирования английской и французской национальной идентичности эпохи Столетней войны

Эта глава посвящена двум знаменитым предводителям наемных отрядов эпохи Столетней войны – Роберту Ноллису и Бертрану Дюгеклену, реальные биографии которых, на мой взгляд, удивительно похожи, в то время как их легендарные образы диаметрально противоположны. Исследование механизмов превращения реального человека в героический персонаж и конструирование мифа о герое непосредственно его современниками – сюжет чрезвычайно интересный сам по себе. К тому же на примерах стереотипных представлений масс о героях весьма удобно изучать проблемы, связанные с самосознанием любого типа, в том числе с восприятием национальной идентичности. Мифологизация предводителя или героя играет важнейшую роль в жизни любого сообщества, особенно в кризисные периоды, способствуя его сплочению и мобилизации. При этом мифологизированный образ героя становится не только объектом почитания, обретая некие сакральные функции, но и примером для подражания, являя собой концентрацию актуальных положительных характеристик. Подобное происходит не только с героями прошлого, но и с современниками, постепенно утрачивающими в массовом сознании черты обыкновенного человека и приобретающими символические характеристики.

Роберт Ноллис родился около 1312 г. в местечке Ташингем в графстве Чешир¹. Его отец Ричард не был рыцарем, но, по всей видимости, занимал достойное положение в графстве, поскольку, как гласит традиция, смог

¹ О биографии Ноллиса см.: *Bridges J. S. C. Two Cheshire Soldiers of Fortune of the XIVth century: Sir Hugh Calveley and Sir Robert Knolles // Journal of the Architectural, Archaeological, and Historic Society for the County and City of Chester and North Wales. N. XIV (1908). P. 112–231; Jones M. Knolles // Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 31. P. 952–957; Fowler K. Medieval Mercenaries. The Great Companies. Oxford, 2001.*

взять в жены дочь сэра Дэвида Кавли². Во времена крупных военных конфликтов для молодых и активных сквайров и бедных рыцарей не было более очевидного способа достижения благосостояния, чем военная служба, поэтому неудивительно, что вместе со своим дядей Хью Кавли, старшим из сыновей сэра Дэвида, Роберт Ноллис принял решение служить проанглийски настроенному Жану де Монфору, ведущему войну за герцогство Бретонское с Карлом Блуаским³. Происхождение будущего коннетабля Франции было столь же невысоким: Бертран Дюгеклен являлся старшим сыном мелкого бретонского рыцаря⁴. Родовой замок Ла Мотт Броон, близ Динана, в котором около 1320 г. Бертран Дюгеклен появился на свет, мало походил на приличествующее благородному сеньору жилище, фактически ничем не отличаясь от крестьянских домов. В юности ему, так же как и Ноллису, оказал поддержку дядя, глава старшей ветви рода Дюгекленов. В 1341 г., примерно в возрасте 20 лет, он, подобно большинству бретонских рыцарей, нанялся на службу к одному из претендентов на герцогскую корону. Его выбор пал на поддерживаемого французами Карла Блуаского. Таким образом, оба героя не только обладали схожим происхождением, но и одинаково начинали военную карьеру, участвуя в одном конфликте, правда, сражаясь на разных сторонах.

В 1351 г. Ноллис впервые прославил себя, став участником знаменитой Битвы тридцати, в которой сразились лучшие воины, находившиеся на службе у соперничающих сеньоров. Представители Жана де Монфора потерпели поражение, и оба чеширца – и дядя, и племянник оказались в плену, пребывание в котором, впрочем, оказалось весьма непродолжительным. Уже в 1352 г. успешные действия Ноллиса во главе отряда наемников были оценены по достоинству: Жан де Монфор и Эдуард III подтвердили его права на захваченные земли между Ренном и Нантом. К середине 50-х гг. в руках незнатного сквайра из Чешира находился весьма солидный фонд земель, пожалованных ему на северо-востоке Бретани и в соседнем Мене. О растущем авторитете Ноллиса как капитана наемников прекрасно свидетельствует тот факт, что, когда он в 1356–1357 гг. присоединился к герцогу Ланкастерскому, совершавшему опустошительные рейды в Нормандии и Бретани, под его командованием находилось 300 латников и 500 лучников, что составляло примерно треть всей английской армии.

² В действительности документальных подтверждений тому, что Ричард Ноллис был женат на дочери сэра Дэвида Кавли Еве, не существует.

³ Самое раннее упоминание о Роберте Ноллисе в составе отряда Хью Кавли на службе у Жана де Монфора датируется 1346 г.

⁴ О биографии Дюгеклена см.: Letters, Orders and Musters of Bertrand du Guesclin, 1357–1380 / Ed. M. Jones. Woodbridge, 2004; Minois G. Du Guesclin. P., 1993; Vernier R. The Flower of Chivalry: Bertrand du Guesclin and the Hundred Years War. Woodbridge, 2004.

Считается, что в 1358 г. за захват Анжера Ноллис был произведен в рыцари⁵. Дюгеклен был удостоен аналогичной чести четырьмя годами ранее – за доблесть, проявленную при обороне Поторсона. Заключенное между королями Англии и Франции в марте 1357 г. перемирие никак не отразилось на военных действиях в Бретани. В этот период Ноллис и Дюгеклен нередко принимали участие в одних и тех же столкновениях, неизменно сражаясь на разных сторонах. Опустошив окрестности Орлеана, в 1359 г. Ноллис во главе отряда в тысячу человек захватил Осер. Город выплатил ему 40 тысяч золотых мутонов и еще 100 тысяч жемчугом⁶. Дойдя до Лиможа и соединившись с англо-наваррским отрядом Кавли, Ноллис осенью того же 1359 г. вернулся в Бретань, где захватил в плен Бертрана Дюгеклена.

После заключения в 1360 г. мира в Бретињи Ноллис ненадолго возвратился в Англию. Он присягнул на верность королю и получил от того прощение за все противозаконные деяния. Но мирная жизнь мало подходила тому, кого современники называли «демоном войны»⁷, поэтому уже в октябре 1361 г. он вместе с Джоном Хоквудом и рядом других англичан отправился в Италию. Не задержавшись там надолго, он снова вернулся на службу к Жану де Монфору, получив от благодарного герцога земли томившихся в английском плену сторонников Карла Блуаского. Гибель последнего и примирение де Монфора с Карлом V, а также очевидное намерение английского и французского королей не нарушать заключенный мир вынудили наемников искать новые конфликты.

В 1365 г. французский король, желая стабилизировать ситуацию во Франции, избавив население королевства от бригадиров, поручил Дюгеклену увести социально опасных наемников в Кастилию на помощь союзнику Франции графу Энрике Трастамарскому, поднявшему мятеж против своего сводного брата Педро I Жестокого. Среди откликнувшихся на призыв Дюгеклена капитанов Великой компании были представители всех народов, в том числе и англичане. Любопытно, что наиболее тесные партнерские отношения на службе у Энрике Трастамарского и Педро IV Арагонского сложились у Дюгеклена с Хью Кавли. Согласно версии Кювелье, биографа великого коннетабля, англичанин поклялся следовать за Дюгекленом куда угодно, никогда не предавать и не покидать его, ибо не видел для себя лучшего компаньона, чем он, но поставил принципиальное условие: никогда не воевать против принца Уэльского, на службу к которому он был готов перейти по первому требованию⁸. Когда через два года англо-гасконская армия под предводительством Черного принца также отправи-

⁵ Возможно, что посвящение состоялось годом позже, после взятия Осера.

⁶ Мутон – золотая монета с изображением агнца. *Froissart*. Vol. VI. P. 112.

⁷ *Bridges J. S. C. Two Cheshire Soldiers of Fortune of the XIV century...* P. 178.

⁸ *Cuvelier*. Vol. I, ch. CCLV, lig. 7158–7190.

лась на Пиренеи на выручку к королю Педро, Хью Кавли оставил службу у Энрике Трастамарского и присоединился к войску своего сеньора⁹. Вместе с Робертом Ноллисом он доблестно сражался в битве при Нахере, в которой сторонники законного правителя Леона и Кастилии одержали полную победу. Среди многих добрых рыцарей, попавших в ходе этой битвы в плен, был и Бертран Дюгеклен. Примечательно, что дядя Ноллиса остался верен дружбе с Дюгекленом: даже сражаясь против него, он ссудил бретонцу денег на выкуп¹⁰.

Возобновление англо-французской войны сулило умудренным боевым опытом старым воякам весьма неплохие перспективы. Оба короля руководствовались одинаковыми соображениями, решив сделать ставку на истинных «специалистов» военного дела. 1370 г. стал кульминационным в карьере обоих героев. В этом году Карл V назначил Бертрана Дюгеклена великим коннетаблем Франции, а Эдуард III поручил Ноллису руководство королевской кампанией. Правда, согласно первоначальному плану Ноллис должен был возглавлять войска один, но недовольство лордов столь высоким назначением нетитулованного рыцаря привело к тому, что ему пришлось делить командование с более знатными капитанами, хотя он и считался главным среди них¹¹. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что это было первое назначение на столь высокий и ответственный пост человека ниже графского достоинства. Не получая титулов и званий, Ноллис тем не менее пользовался огромным уважением как среди приближенных герцога Бретонского, так и при дворе английского короля. В начале 70-х гг. Ноллис не только возглавлял бретонскую армию, но и управлял герцогством во время отсутствия де Монфора. В 1381 г. он сопровождал юного Ричарда II на встречу с восставшими, а затем организовывал оборону столицы от мятежников, за что получил от благодарных лондонцев почетный титул «освободителя города». К его боевому опыту последний раз обращались в 1385 г., когда под воздействием слухов о грозящем нападении французов на английское побережье было решено организовать оборону Сэндвича.

Таким образом, очевидно, что оба героя, несмотря на весьма скромное происхождение, благодаря личным качествам смогли сделать блестящую военную карьеру, пробившись на заметные позиции при монарших дворах, заслужив почет и славу, а также сколотив немалое состояние. Имена обоих рыцарей стали широко известны, слава об их подвигах гремела

⁹ Как отмечает кастильский хронист Педро Лопес де Айяла, отпуская со службы капитанов Великой компании, Энрике Трастамарский больше других хотел удержать у себя Хью Кавли, однако не стал препятствовать тому выполнить свой вассальный долг перед принцем Уэльским (*Ayala, Pedro Lopes de. Cronica del Rey don Pedro // Crónicas de los reyes de Castilla / Ed. C. Rossell. Madrid, 1953. P. 437*).

¹⁰ *Fowler K. Medieval Mercenaries... P. 251–253.*

¹¹ *Foedera (2). Vol. III. Part II. P. 894.*

по всей Европе. Их боялись враги, и на них возлагали надежду друзья. Знаменитый «певец рыцарства» Жан Фруассар дал им практически схожие характеристики: Ноллиса он назвал одним из самых «способных и талантливых воинов среди всех компаний»¹², а Дюгеклена – «чрезвычайно отважным рыцарем», искусным в сражении и в руководстве боем, «одним из влиятельнейших капитанов», по праву пользующимся авторитетом в войсках¹³. Им в равной степени сопутствовали военные успехи и неудачи. Впрочем, последние (хотя и случившиеся по вине других военачальников) обернулись для Ноллиса утратой расположения монарха: в 1370 г. после провальной экспедиции на континент он был лишен всех английских держаний. Королевскую милость ему удалось вернуть лишь через четыре года. Напротив, Дюгеклену даже личные поражения лишь добавляли славы, умножая героические легенды о нем. Более того, если сравнивать полученные обоими еще при жизни почести и награды, то нельзя не отметить, что почета и славы Дюгеклену досталось куда больше, чем Ноллису. Англичанин не поднялся выше капитана наемников, служащих по контракту. Он был известен при дворе, ему доверяли и на него надеялись в сложную минуту, но ему не давали званий, формально возвышающих его над остальными придворными. За свою службу он получал большие деньги и пожалования, но в его честь не справляли триумфов и не устраивали праздников и торжественных встреч. Большая часть наград и трофеев быстро уплыла из его рук, причем, до самой смерти в 1407 г. у него оставалось достаточно средств, чтобы вести респектабельную жизнь состоятельного человека, владельца ряда поместий и недвижимости в Лондоне, способного жертвовать большие суммы на благотворительность, а также ссужать деньгами не только частных лиц, но и самого короля. Его герб украшал стены многих церквей в Англии, что объясняется не столько желанием почтить память великого воителя, сколько вкладами, сделанными лично Ноллисом и его родными.

Иное дело Дюгеклен. Помимо назначения сначала на должность маршала Нормандии, а позднее – великого коннетабля Франции Карл V пожаловал ему титул графа Лонгвиля. Энрике Трастамарский сделал его герцогом де Молина и королем Гранады. Освобожденные им города чествовали его как короля¹⁴. После смерти он был похоронен рядом со своим государем в Сен-Дени. Согласно указу Людовика Святого подобной чести могли быть удостоены исключительно принцы крови. Его сердце, как это часто бывало с внутренними органами государей, было погребено отдельно от тела. Переданное на хранение церкви францисканцев Динана, оно до

¹² *Froissart*. Vol. VI. P. 194.

¹³ *Ibid.* P. 416–419.

¹⁴ *Ibid.* Vol. VIII. P. 190–191.

сих пор остается главной реликвией и достопримечательностью города¹⁵. Деяния Дюгеклена воспевали поэты, историографы писали о нем книги, сохраняя его подвиги известными для потомков. В память о нем проводили турниры, в которых участвовали представители высшей знати, организовывали празднества и заказывали поминальные службы. Его чеканные и скульптурные изображения получили широкое распространение. В 1429 г. перед тем, как отправиться под Орлеан, Жанна д'Арк почтила память Дюгеклена, отправив его вдове золотое кольцо¹⁶. Этот символический жест как бы связал двух защитников Франции. Жанна не просто оказывала знак внимания вдове героя, она устанавливала связь с самим Дюгекленом, как бы принимая у него «эстафету». Подобное желание нового лидера утвердить себя посредством неких ритуализированных или символических действий в качестве преемника ушедшего вождя характерно для многих исторических мифов.

Было бы неверно пытаться объяснить размер полученной Ноллисом и Дюгекленом награды (как прижизненной, так и в виде посмертной славы), соотнося ее с размером деяний. В данном случае реальные «солдаты удачи» еще при жизни оказались заложниками своих героических образов, формируемых обществом, в соответствии с его потребностями. Подвиги Дюгеклена не превосходили совершенное Ноллисом, однако их соотечественники нуждались в то время в принципиально разных героях. Именно поэтому Роберт Ноллис так и остался лишь одним из многих успешных воинов, в то время как Дюгеклен был признан великим и уникальным спасителем отечества.

Первое, что выделяет Дюгеклена из числа других достойных рыцарей и военачальников Столетней войны, – это обширная биографическая литература. Современники и более поздние авторы в своих сочинениях не просто рассказывали о его выдающихся деяниях, непосредственно его биография становилась предметом повествования. Редко кто из мирян, не будучи государем или принцем крови, удостоивался подобной чести. Впрочем, в данном случае историографы лишь реагировали на придворную пропаганду. Поэты и хронисты не сами усмотрели в Бертроне Дюгеклене персонажа, достойного остаться в памяти потомков, но именно власть, осыпавшая своего избранника исключительными почестями, стала первоначальным инициатором формирования мифа о герое Франции. Более того, именно власть создала Дюгеклена. Осознанно или нет, но Карл V

¹⁵ Согласно завещанию самого Дюгеклена, он хотел быть погребен в этой церкви (*Аноуте*, ch. CLXVIII. P. 95).

¹⁶ Дюгеклен был женат дважды: первый брак был заключен в 1363 г. с Тиффани Рагенель, второй – в 1374 г. с шестнадцатилетней Марией Лаваль. Оба брака оказались бездетными.

правильно почувствовал насущную потребность своих подданных в герое-избавителе. Не вдаваясь в рассуждения об уникальности полководческого гения Дюгеклена, отмечу, что, даже если принять этот спорный тезис за аксиому, необходимо учитывать средневековые реалии, когда назначения на командные должности определялись главным образом не способностями, а происхождением. Возглавлять королевскую армию по определению должен был человек близкий к трону. В кризисной ситуации король не просто избрал способного военачальника на важную должность, но создал героя. Возвышение Дюгеклена не было нормальным, традиционным, привычным карьерным ростом отличного военачальника. Это был исключительный пример, не просто поднявший мелкого рыцаря на уровень трона, но возвысивший его над всеми остальными рыцарями Франции. Устремлявшиеся на войну во Франции англичане не нуждались в уникальных героях, английскому обществу нужен был доступный для подражания массовый пример.

Говоря об историографическом образе Дюгеклена, важно подчеркнуть, что французские авторы не просто отзывались на пропагандируемый короной официальный культ великого коннетабля, но включались в его развитие, дополняя указанный образ, отрывая его от реальной биографии, превращая своего современника в мифологического героя. Одним из самых ранних биографов Дюгеклена считается трувер Кювелье. Его огромная (в разных списках 22–25 тысяч стихов) поэма, написанная вскоре после смерти коннетабля в 1380 г., органично сочетает элементы рыцарского романа и хроники. Около 1387 г. неизвестный автор переработал стихи Кювелье в прозу. Этот текст сразу же получил большую популярность: сохранилось множество списков и копий, некоторые из которых весьма серьезно отличаются друг от друга. Фактически вплоть до конца XIX в. все биографии Дюгеклена сводились к пересказу того или иного варианта анонимной хроники¹⁷, что, безусловно, свидетельствует об определенной устойчивости мифа.

Миф о Дюгеклене – это миф о защитнике Франции, посланном Богом для спасения от иноземных захватчиков. Поскольку в данном случае Божий избранник являлся рыцарем, он должен был в идеале сочетать в себе как христианские, так и рыцарские черты. Важнейшей характеристикой всякого французского рыцаря являлось благородство его крови, а посему историографы, говоря о происхождении Дюгеклена, неизменно подчеркивают достоинства его родителей: красоту и учтивость матери, благородство и доблесть отца. Как правило, бедность и невысокое

¹⁷ См., например: *Jamison D. F. The Life and Tomes of Bertrand du Guesclin: A History of the Fourteenth Century: 2 vols. L.; Charleston, 1864–1866.*

положение рода Дюгеклена упоминаются авторами для демонстрации личных достоинств героя – исключительной доблести или христианского смирения – обычно в рамках рассказа о назначении того великим коннетаблем или же в надгробной речи. Вместе с тем первую часть биографии великого мужа авторы инстинктивно стремятся наполнить эпизодами, свидетельствующими о достоинствах его родных. Например, анонимный автор «Хроники Дюгеклена» отмечает, что, будучи благочестивым христианином, Роберт Дюгеклен регулярно «помогал бедным и делал большие пожертвования» Церкви¹⁸.

Подобно историям о большинстве легендарных героев, предания о Дюгеклене содержат рассказы о предопределенности его судьбы, своего рода избранничестве. С малых лет его окружают особые знаки или предсказания. Еще в детстве крещеная еврейка предсказала, что «он доставит французскому королевству славы больше, чем все другие рыцари»¹⁹ и «молва о том дойдет до самого Иерусалима» и только им «может быть восстановлено благополучие Франции»²⁰. Даже враги якобы готовы были поверить в то, что удача Дюгеклена предсказывалась задолго до его рождения. Например, по утверждению анонимного биографа, английский коннетабль замка Трюгоф сэр Томелин, начитавшись пророчеств Мерлина, счел Бертрана именно тем уроженцем Бретани, которому суждено стать правителем родной земли. А посему, узнав о приближении героя, он без сопротивления сдал замок²¹. Сам избранник судьбы также наделен предчувствием своей исключительности: Кювелье рассказывает трогательную историю о том, как шестилетний Бертран увещевал мать, которая сомневалась в том, что из ее непослушного и неказистого сына может получиться что-то путное, пророческими словами о грядущей славе, уготованной для него Богом²².

Подобно авторам агиографических сочинений, повествующих о том, как исключительное благочестие святых проявлялось еще в детстве, биографы Дюгеклена заполняют лакуны информации достоверными, то есть достойными веры, рассказами. Согласно этим историям, необыкновенные воинские таланты Дюгеклена проявились еще в детстве, когда он побеждал в играх других мальчиков²³. Будучи юношей, он инкогнито принял участие в турнире и одержал верх над собственным отцом²⁴. Порой не подражание, а непосредственное заимствование историй о Дюгеклене из рыцарских

¹⁸ *Anonyme*, ch. I. P. 1.

¹⁹ *Ibid.*, ch. I. P. 2.

²⁰ *Cuvelier*, ch. VIII, lig. 238–241.

²¹ *Anonyme*, ch. XXIII. P. 15–16.

²² *Cuvelier*, ch. VII, lig. 216–223.

²³ *Ibid.*, ch. XIII, lig. 335–348; *Anonyme*, ch. I. P. 2.

²⁴ *Cuvelier*, ch. XXIV–XXVIII, lig. 661–787; *Anonyme*, ch. I. P. 3.

романов совершенно очевидно. Женидьба Бертрана на Тиффани Рагенель обеспечила идеальную романтическую линию в мифе.

Первая встреча будущих супругов произошла в 1356 г. в осажденном герцогом Ланкастерским Динане, куда Дюгеклен прибыл, чтобы освободить своего младшего брата Оливье, предательски плененного во время перемирия английским рыцарем Томасом Кентерберийским. Для разрешения спора между Дюгекленом и его противником был назначен судебный поединок, арбитром на котором стал сам герцог Ланкастерский. Биографы великого коннетабля повествуют о том, что в толпе зрителей все обращали внимание на прекрасную деву, «похожую на фею». Девушка была не только хороша собой и происходила из одного из самых знатных и древних семейств Бретани, но также была весьма образованна: особенно она преуспела в медицине, философии и астрологии²⁵. Обладая знаниями, а также несомненным пророческим даром, Тиффани предсказала победу бретонскому рыцарю, который не только смог освободить брата, но и получил тысячу золотых в качестве награды. Примечательно, что об условиях поединка с Дюгекленом договаривался Роберт Ноллис, он же объявил бретонцу герцогский вердикт, назвав его при этом «добрым другом»²⁶. В этот рассказ куртуазный Кювелье решил добавить немного реализма: когда оруженосец сообщает Дюгеклену о пророчестве девушки, рыцарь со свойственной простым солдатам грубостью высмеивает его за наивность и доверчивость, презрительно замечая, что «безумен тот, кто верит женщине: ума у нее не больше, чем у овцы»²⁷. Впрочем, этот резкий ответ объясняется тем, что в то время Бертран не только не был знаком с Тиффани, но и вообще избегал женского общества, полагая, что из-за своей неказистой внешности он не будет любим ни одной дамой²⁸. Но когда после одержанной победы герой познакомился с прекрасной предсказательницей, он был совершенно покорен ее красотой и умом. Как и полагается в романах, девушка, которой, как отмечают дотошные биографы, в то время было уже двадцать четыре года и которая ранее отвергла многих достойных соиска-

²⁵ *Cuvelier*, ch. XCVII–XCVIII, lig. 2690–2707. Не вдаваясь в биографию Тиффани, хочется отметить, что ее отец Робин Рагенель так же, как Ноллис, был одним из участников Битвы тридцати.

²⁶ *Cuvelier*, ch. CIII–CX, lig. 2835–3010; *Anonyme*, ch. XV. P. 12–13.

²⁷ *Cuvelier*, ch. XCIX, lig. 2741–2743.

²⁸ Если в начале биографии Дюгеклена авторы отмечают его непривлекательность, то позднее, при развитии сюжета оценка его внешности меняется. Например, рассказывая о его знакомстве с сестрами Энрике Трастамарского, историографы повествуют о том, что, обсуждая рыцаря, дамы с восхищением говорили не только о его воинских заслугах, называя его «самым достойным рыцарем по эту сторону моря», но и о его физическом строении, как нельзя лучше подходящем для походов и сражений. Одна из сестер прямо заявила о том, что дамы предпочитают доблесть красоте (*Cuvelier*, ch. CCCXLIV, lig. 9860–9885; *Anonyme*, ch. LXXIII. P. 39–40).

телей ее руки, в свою очередь влюбилась в Дюгеклена, восхищенная его мужеством. Биографы Дюгеклена подчеркивают гармонию заключенного в 1363 г. по взаимной любви союза: не терпевший чужих советов Бертран высоко чтит разумную и образованную супругу, всегда прислушиваясь к ее суждениям, повторяя при этом: «Тот, кто не слушает жену, будет сожалеть об этом до конца жизни»²⁹. Тиффани регулярно производила астрологические расчеты, верно предсказывая мужу успех или неудачу. Наслаждаясь семейным счастьем, рыцарь полностью забросил походы и сражения, но мудрая супруга своими увещаниями вернула мужа на правильный путь. Эта часть истории о Дюгеклене совершенно очевидно восходит к роману «Эрек и Энида» с той лишь разницей, что в отличие от героини Кретьена де Труа, беспокоящейся об утрате личной славы мужа, жена Дюгеклена печется о судьбе Франции: ибо им одним может быть восстановлено благополучие королевства³⁰.

Мифологизированный образ Дюгеклена сложен и многомерен: в нем сочетаются характеристики идеального вассала, христианина и просто рыцаря, при этом именно возникающие между его добродетелями внутренние противоречия приводят к появлению наиболее ярких и запоминающихся легенд. В качестве примера можно обратиться к истории выкупа, уплаченного Дюгекленом Черному принцу в 1367 г. По утвердившейся в хронистике версии, принц Эдуард решил обсудить со знаменитым пленником условия освобождения лишь после того, как узнал о слухах, согласно которым Дюгеклен намеренно удерживался в плену из страха англичан перед его доблестью. Желая опровергнуть эти порочащие англичан сплетни, принц предложил Бертрану самому назначить за себя подобающий выкуп. Не случайно гордыня считалась одним из наиболее тяжких пороков рыцарства – образцовый герой был в полной мере наделен ею: он сам назвал сумму в 100 тысяч золотых дублонов и, несмотря на все уговоры принца, отказывался ее снизить. Первыми узнали о заключенном договоре благородные англичане, которые немедленно начали предлагать искренне уважаемому ими противнику свою помощь. Даже Джоанна Кентская, жена Черного принца, в знак преклонения перед добродетелями Бертрана попросила его принять 10 тысяч дублонов из ее личных средств. Рыцарь отказал прекрасной даме, проявив при этом подлинную галантность: «Мадам, я всегда считал себя самым неказистым рыцарем в мире. Но теперь я вижу, что любовь дам делает меня красивым». Наконец, Хью Кавли предложил ему деньги, утверждая, что заработал их исключительно благодаря совместным действиям с Дюгекленом, а посему они ему принадлежат по праву.

²⁹ *Cuvelier*, ch. DCXXVI, lig. 19191–19192; *Anonyme*, ch. CXXXII. P. 71–72.

³⁰ *Anonyme*, ch. XXIV. P. 16.

Но и эта помощь была отвергнута тем, кто «хотел проверить дружбу своих соотечественников»³¹. Вложенная в его уста фраза «Во всей Франции не найдется пряжи, которая не пряла бы свою нить для того, чтобы заработать мне на выкуп»³² стала афоризмом, знакомым многим современным французам со школьной скамьи. Для усиления эффекта истории о единении героя и народа биографы сообщают, что сбор денег Дюгеклен попытался начать с суммы в 100 тысяч франков, которую перед отъездом в Испанию оставил на хранение у монахов Мон-Сен-Мишель. Однако выяснилось, что из этих денег не осталось ничего, поскольку преданная его делу жена полностью растратила их на выкупы и снаряжение рыцарей и оруженосцев, служивших под знаменами ее мужа³³. И тогда все жители Франции стали добровольно жертвовать сбережения на выкуп: начиная с короля и благородных сеньоров, папы и клириков, заканчивая простыми крестьянами и ремесленниками. Один трактирщик, узнав, что защитнику Франции нужны деньги, признался, что готов продать все свое движимое и недвижимое имущество, включая платья и меха из приданого жены³⁴. Если заступник готов пожертвовать всем для своего народа, то и народ согласен отдать все ради него. Выкуп Дюгеклена касается всех французов, он предстает общим делом, объединяющим государя и всех его подданных, независимо от сословия и благосостояния. Начавшийся как рыцарский роман оключениях и любви, миф о Дюгеклене предстает историей о защитнике и благодарной нации. Бертран не просто предводитель французской армии, не просто совершающий подвиги герой, он – достояние всего народа, элемент необходимый для существования Французского королевства. Став коннетаблем, Дюгеклен отплатил сполна государю и французскому народу, снарядив на свои личные деньги огромное войско, не пожалев для этого даже драгоценную посуду³⁵.

Говоря о полководческих талантах Дюгеклена, историографы подчеркивают его превосходство над другими военачальниками. Еще до посвящения в рыцари он был избран служившими Карлу Блуаскому наемниками капитаном. Перед битвой при Кошерели солдаты сначала предложили командование графу Осерскому, как самому знатному в отряде, но после того, как тот благоразумно отказался, сославшись на молодость и отсутствие опыта, поклялись следовать за Дюгекленом и выполнять все его приказания. Личный боевой клич Бертрана «*Notre Dame Guesclin!*» становится общим, объединяющим всех сражающихся рядом с ним. Одержанная

³¹ *Cuvelier*, ch. CDLXXXIV–CDXCIII, lig. 14360–14677; *Anonyme*, ch. CIII–CV. P. 55–58.

³² *Cuvelier*, ch. CDLXXXIX, lig. 14555–14556.

³³ *Anonyme*, ch. CIX. P. 59.

³⁴ *Cuvelier*, ch. DVI, lig. 15065–15089.

³⁵ *Ibid.*, ch. DCXXIV–DCXXV, lig. 19061–19142; *Anonyme*, ch. CXXXII. P. 71–72.

при Кошерели 16 марта 1365 г., в день коронации Карла V, победа приобрела в глазах современников символическое значение: ее трактовали как знак грядущего избавления Франции от врагов³⁶. На Дюгеклена как на гаранта своего правления смотрел не только Карл V: Энрике Трастамарский также считал, что корона досталась ему благодаря доблести Бертрана. Несмотря на неоднократные поражения, бретонец казался залогом успеха: перед битвой при Нахере сторонники Педро I ликовали, узнав, что верховное командование войсками противника отдано не ему³⁷. Его смерть в 1380 г. повергла всю Францию в великую скорбь. Наиболее ярко драматизм этой утраты выразил анонимный биограф, вложив в уста соратников Дюгеклена следующие слова: «Увы! Мы теряем нашего отца и капитана, нашего доброго пастыря, который о нас так заботился и верно нас вел, и если мы обрели славу и благополучие, то только благодаря ему. О, слава и рыцарство, какой потерей станет для вас его смерть!»³⁸ Историограф подчеркивает, что его доблести воздавали должное даже враги, причем «как христиане, так и сарацины»³⁹. Имя Дюгеклена заставляло врагов капитулировать даже после его смерти. Английский гарнизон последнего осажденного коннетаблем замка – Шатонеф-де-Рандон в Лангедоке, узнав о гибели коннетабля, во главе с капитаном явился во вражеский лагерь, чтобы положить ключи от крепости в его гроб⁴⁰.

Хронисты превозносили не только личную доблесть великого коннетабля и его полководческие таланты, но также галантность и учтивость его поведения. В исторических сочинениях и поэмах он представлен как идеальный образец для подражания, при этом всячески подчеркиваются его качества рыцаря и христианина. Он молится перед сражениями, заказывает мессы и раздает милостыню. Если нет денег, он, подобно св. Мартину, готов отдать нищему свою одежду⁴¹. Приписываемые ему клятвы и обеты порой весьма традиционны, вроде обещания не есть, не пить и не снимать доспехов до освобождения города от врагов⁴², а иногда весьма эксцентричны: например, однажды он заявил, что не начнет сражение раньше, чем съест три миски винной похлебки в честь Пресвятой Троицы⁴³; но так

³⁶ *Cuvelier*, ch. CCVI, lig. 5655–5699.

³⁷ *Anonyme*, ch. LXXXVII. P. 48.

³⁸ *Ibid.*, ch. CLXVI. P. 94.

³⁹ *Ibid.*, ch. IX. P. 10.

⁴⁰ *Ibid.*, ch. CLXVIII. P. 95.

⁴¹ *Ibid.*, ch. I. P. 3.

⁴² Эта клятва была якобы дана Дюгекленом под стенами Сен-Севера. Коннетабль отказался даже от угощения, предложенного герцогом Беррийским. Когда обиженный герцог узнал о причине неучтивости Бертрана, он принес аналогичный обет (*Anonyme*, ch. CXLVII. P. 82; *Cuvelier*, ch. DCXCII, lig. 21285–21287).

⁴³ *Cuvelier*, ch. XCVI, lig. 2676–2680.

или иначе все они свидетельствуют о его благочестии. В 1365 г. уводимые Дюгекленом на Пиренеи банды бригадиров достигли Авиньона и стали разорять окрестности, требуя от папы и кардиналов отпущения грехов за свои чудовищные злодеяния (на том основании, что они будут воевать против сарацин), а также огромный выкуп в звонкой монете. Биограф коннетабля рассказывает, что первоначально папа надеялся откупиться лишь прощением грехов, однако Дюгеклен возразил, что в его войске полно закоренелых преступников, которым нет дела до спасения души. Между тем, прознав, что откупные деньги собираются со всех жителей Авиньона, в том числе с бедняков, Бертран заявил, что не возьмет из них ни одного денье. По его требованию всю сумму следовало уплатить из папской казны. Более того, он пригрозил, что, если узнает об обмане, вернется даже из-за моря и покарает лжецов⁴⁴. Очевидно, что оба историографа не могли обойти молчанием бесчинства бригадиров под Авиньоном, а также полученные под принуждением прощение грехов и деньги, однако они подчеркивают, что их герой не только сам лишен алчности, но даже в самый критический момент печется о благополучии бедных. Эта история полностью выдержана в духе легенд о благородных и честных разбойниках, вроде Робина Гуда, готовых стать последней защитой для страждущих. Воюя за правое дело, он не думает о личной награде, жертвуя свои средства на общее дело⁴⁵. Даже англичанам биографы коннетабля приписывали скорбь по поводу смерти Дюгеклена, почитаемого за «верность и честность, а также за то, что он, беря их в плен, хорошо их содержал и не назначал непосильных выкупов»⁴⁶. Современник Дюгеклена поэт Эташ Дешан добавил его имя в качестве десятого доблестного героя к девяти воителям древности – трем иудеям, трем язычникам и трем христианам (Давид, Иисус Навин, Иуда Маккавей, Гектор, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский)⁴⁷.

Получив назначение на должность коннетабля, историографический Дюгеклен попытался смиренно отказаться от нее, считая ее слишком высокой для «бедного и скромного рыцаря из Бретани» (на тот момент уже графа Лонгвиля, герцога Молина и короля Гранады). По мнению Фруассара, подобное поведение было «мудрым и должным», ибо этот пост действительно достоин королевской родни, но также правильно было в итоге принять его, поскольку на то была воля короля и совета, в который

⁴⁴ *Cuvelier*, ch. CCXCV–CCCIII, lig. 8460–8694; *Anonyme*, ch. LXVII. P. 36.

⁴⁵ *Anonyme*, ch. CXXXII. P. 71.

⁴⁶ *Ibid.*, ch. CLXVI. P. 94.

⁴⁷ *Balade XXIX // Œuvres Complètes d'Eustache Deschamps: 10 vols. / Éd. G. Raynaud et Queux Saint Holaire, S. A. T. F. Firmin Didot. P., 1878–1901.*

входили представители высшей знати и прелаты⁴⁸. Если для Фруассара важнее подчеркнуть скромность героя, а также высокую честь, которую ему оказал король, то Кювелье делает акцент на всеобщем избрании народного защитника. По его версии, назначения Дюгеклена на эту должность жаждали принцы и герцоги, рыцари и прелаты, торговцы и простые горожане Парижа, все в один голос кричали о том, что, если он будет коннетаблем, англичанам придется худо⁴⁹. Перед смертью Дюгеклен воздал должное соратникам, смиренно подчеркнув незначительность своей роли в общем деле избавления Франции от врагов⁵⁰. Однако сам по себе этот рассказ анонима свидетельствует не только о христианском смирении героя, но служит своеобразным отрицанием очевидного, то есть также работает на возвеличивание заслуг бретонского рыцаря как верного защитника королевства. Фактически, можно говорить о том, что уже начиная с конца XIV в. Дюгеклен в коллективном восприятии перестал быть искателем индивидуальной славы, превратившись в символ борьбы Франции против англичан.

Во главе наемных отрядов Ноллис прошел всю Францию от Бреста до Авиньона. Его имя стало синонимом ужаса для французов. Но упоминания историографов о нем сводятся исключительно к рассказам о страхе, который англичанин может навести на врага, и о трофеях, которые может получить тот, кто отправится воевать во Францию. Сообщая о действиях Ноллиса, Генрих Найтон особо подчеркивает, что тот лишь собственным воинским талантом смог добиться славы и богатства: «Он был простым солдатом, но со временем стал великим рыцарем и могущественным лордом, коннетаблем многих замков, крепостей и городов во Франции как данных ему герцогом Ланкастерским, так и [полученных им] в результате его собственной деятельности, когда он, собрав большое английское войско, прошел всю Францию. И он подошел к городу Орлеану и сжег окрестности, убивая людей по своему желанию, и увез много добра и богатств, которые он там нашел. Горожане не осмелились выйти против него – столь велика была, Божьей милостью, слава англичан. И он двинулся к городу Анжеру, и тайно взобрался на стены, и открыл ворота. И все англичане вошли и построились для уличного сражения, и убили множество жителей, которые были изумлены настолько, что многие из них взбирались на стены и бросались вниз, ломая шеи, и многие утонули в страхе, так что больше

⁴⁸ *Froissart*. Vol. VIII. P. 45–47.

⁴⁹ *Cuvellier*, ch. DCXIX, lig. 18911–18944. Кювелье вторят и другие авторы, например Эсташ Дешан (*Ballade IX // Œuvres Complètes d’Eustache Deschamps*).

⁵⁰ *Anonyme*, ch. CLXVI. P. 93.

их было поражено ужасом, чем мечом. И англичане забрали и увезли с собой несчетные богатства и стали чрезвычайно богаты. И не было там ни одного бедного англичанина, но все имели золото, серебро, драгоценности и дорогие вещи и были богатыми людьми»⁵¹. Английские авторы с гордостью цитируют сочиненные во Франции куплеты, свидетельствующие о том, как местное население боялось грозного чеширца. Например, Найтон утверждает, что приводимые в его хронике строчки были написаны при папском дворе в то время, когда отряд Ноллиса осаждал Авиньон, наводя ужас на всю округу папского города:

*Роберт Ноллис, ты поверг Францию ниц,
Твой грабительский меч всем землям причиняет горе*⁵².

По свидетельству симпатизировавшего англичанам поклонника героических поступков Фруассара, в 1358 г. во время действий в районе Орлеана и Верхней Луары Ноллис написал на штандарте сочиненный им самим хвастливый девиз:

*Кто Роберта Ноллиса захватит,
Сто тысяч золотых получит*⁵³.

Эти стишки идеально перекликаются с рассказом Кювелье о назначении Дюгекленом выкупа за себя.

После заключения мира в Бретињи Ноллис и его товарищи объявили все захваченные ими территории собственностью короля Англии, получив замки и крепости обратно на правах держаний. Генрих Найтон, уделявший больше внимания деяниям бригандов, чем другие хронисты, так описал его поступок: «Затем Роберт Ноллис отправил послание в Англию о том, что все, что он захватил во Франции: замки, города, товары и остальное, он желает добровольно передать королю, своему сеньору, дабы тот распорядился всем по своему усмотрению. И он просил короля распространить на него свою власть и благосклонность, и он доставил этим большую радость королю и всем его сыновьям»⁵⁴. Однако это обстоятельство не сподвигло английских авторов переоценить деяния мародеров и трактовать их в духе подвигов, совершаемых верными подданными короля Эдуарда ради восстановления его законных прав на Францию и полного торжества справедливости. Подобной подмены не происходило. Все хронисты без исключения отмечают происхождение Ноллиса из самых низов общества, делая произошедшую с ним метаморфозу еще более значимой. Например,

⁵¹ *Roberte Cnollys, per te fit Francia mollis,
Ense tuo tollis predas, dans wlnera collies.*
(*Knighton (1)*. P. 164).

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Froissart, Jean. Chronique: 15 vols. / Éd. S. Luce et autres. P., 1869–1975. Vol. V. P. 351.*

⁵⁴ *Knighton (1)*. P. 164.

Томас Уолсингем говорит о нем как о «бедном и смиренном слуге, который стал великим военачальником и добыл королевское богатство»⁵⁵.

По свидетельству историков, образ Роберта Ноллиса – бедного простолюдина, который только благодаря воинской доблести получил рыцарское звание, огромное состояние, а также славу героя и гордости всей Англии, – стал весьма притягательным для широких слоев населения. Простой мародер превратился в национального героя, с которого берут пример и на которого мечтают походить многие соотечественники. По мнению англичан, присоединение к отрядам бригадов было весьма верным способом не только добиться благосостояния, но и улучшить социальный статус. Напомню, что английское рыцарство не было замкнутым сословием, поскольку каждый свободный владделец манора с доходом 20 фунтов и выше был обязан становиться рыцарем. Война сулила перспективы, которые не могли не привлекать все новых и новых искателей славы и легкой наживы. Генрих Найтон неоднократно подчеркивает, что среди воевавших во Франции было предостаточно простолюдинов и слуг, которые «стали опытными рыцарями и возвратились домой богатыми людьми»⁵⁶. Его старший современник и непосредственный свидетель описываемых событий сэр Томас Грей также отмечал, что бригады «были лишь сборищем простолюдинов, молодых парней, чье положение до сих пор было весьма незначительным, но которые стали чрезвычайно богатыми и искусными в этом виде войны, поэтому молодежь из многих частей Англии присоединялась к ним»⁵⁷.

Служа английскому королю, Ноллис так и остался до конца своих дней удачливым мародером, даже прозвище «старый бригад» закрепилось за ним пожизненно⁵⁸. Этот стереотип был настолько прочным, что анонимный хронист из Йорка, рассказывая о том, как в 1370 г. Ноллис возглавил королевские войска на континенте, добавляет, что он «взял в свой отряд беглых монахов, вероотступников, а также воров и грабителей из разных тюрем»⁵⁹.

Очевидно, что для английских хронистов, а вернее, для всего английского общества (ибо в данном случае можно смело говорить о том, что рассказы историографов о Ноллисе в значительной степени основываются на слухах, сплетнях, анекдотах о нем – одним словом, на общественном мнении) было важно найти героя, чей пример стал бы образцом для подражания, своеобразной демонстрацией «возможностей»: проявив личную доблесть, каждый англичанин может возвыситься. Миф о Ноллисе – это «демократичный» миф о человеке, который воспользовался войной, чтобы добиться

⁵⁵ *Walsingham*. Vol. I. P. 286.

⁵⁶ *Knighton (1)*. P. 160.

⁵⁷ *Gray*. P. 130–131.

⁵⁸ *The Anonimale Chronicle*. P. 64; *Fowler K. Medieval Mercenaries...* P. 293.

⁵⁹ *The Anonimale Chronicle*. P. 63.

многого. Этот герой был притягателен именно как образец для подражания. Собственно, поэтому массовое сознание деаноблировало его происхождение, подчеркивая доступность данной модели поведения. Вследствие этого и власть, отдавая должное заслугам великого воителя, не старалась возвысить героя над остальными. Эдуард III не жаловал командующему войсками титулы, не устраивал в его честь торжества и богослужения, он награждал его, но не больше, чем других отличившихся в боях. Последнее вовсе не означает, что король проводил в отношении Ноллиса какую-то осознанную политику, выстраивая его образ как пропагандистский. Дело вовсе не в этом, а в том, что король, как и другие англичане, не нуждался в появлении исключительного героя, заслуги которого перед отечеством следовало бы оценивать по особой шкале. Ноллис – лишь временно лучший из многих, но и другим может повезти не меньше, чем ему.

В отличие от свойственного англичанам гипертрофированно позитивного восприятия «своих» французские авторы в большей степени были склонны к своеобразной критике соотечественников. Воспринимая англичан как безусловное зло, хронисты и авторы политических трактатов представляли войну божественной карой, посланной французам за их прегрешения. Специфика французского национального самосознания, отраженного в пропагандистской литературе того времени, заключается в том, что причины бедствий Франции и виновные за злоключения ее жителей ищутся не столько во вражеском лагере, сколько в стане соплеменников. Внимание полемистов сосредотачивается главным образом на поведении соотечественников, на их нравственном облике, на проблеме соответствия представителей сословий Французского королевства их социальным функциям: парадоксальным образом критика современного французского общества, не унаследовавшего добродетели и доблести предков, становится доминантной темой антианглийской литературы⁶⁰. В ситуации пережи-

⁶⁰ Lewis P. S. War Propaganda and Historiography in Fifteenth-century France and England // TRHS. 5th ser. Vol. XV (1965). P. 1–21; *Idem*. Jean Juvénal des Ursins and the Common Literary Attitude Towards Tyranny in Fifteenth-Century France // Medium Aevum. Vol. XXXIV (1965). P. 103–121; Daly K. Mixing Business with Leisure: Some French Royal Notaries and Secretaries and their Histories of France (1459–1509) // Power, Culture and Religion in France 1350–1550 / Ed. C. T. Allmand. Woodbridge, 1989. P. 99–115; Pons N. Propagande et sentiment nationale pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. VIII. 1980. P. 127–145; *Eadem*. La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // Journale des savants. 1984. P. 191–214; *Eadem*. Guerre de Cent ans vue par quelques polémistes français du XVe siècle // Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne, XIVe–XVe siècles / Sous la direction de Ph. Contamine, Ch. Giry-Deloison et M. Keen. Lille, 1991. P. 143–169; *Eadem*. Information et rumeurs: quelques points de vue sur les événements de la guerre civile en France (1407–1420) // Revue historique. T. CCCCXCII (1997). P. 409–433; Krynen J. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIIIe–XVe siècles. P., 1993; Боброва А. Г. Социально-политические идеи...

вания политического кризиса общество нуждалось в появлении лидера, способного стать его организующим центром. Миф о Дюгеклене – это миф о посланном Богом спасителе Франции. Как избранник, как благодать, как чудо, он стоит рядом с тронном, защищая и поддерживая его, он залог успеха французского воинства, элемент, необходимый для существования и процветания королевства. Он возносится над французским рыцарством, примыкая к сонму героев. У него не может быть подражателей, поскольку его пример уникален. Он сразу отрывается от той среды, из которой вышел, переставая быть просто верным подданным и отличным солдатом. При этом, подобно образу Ноллиса, он также объединяет подданных французской короны на службе истинному государю, но объединяет не как пример для индивидуального подражания, а как лидер, ведущий народ за собой.

Глава 4

Чужие среди «своих» и свои среди «чужих». Образ Ричарда II: каким не должен быть «истинный» король Англии

Сравнивая соотечественников и их противников по одним и тем же параметрам, англичане, преимущественно, приписывали представителям своего народа позитивные, а чужого – негативные характеристики. В результате «свои» наделялись определенным набором добродетелей, а враги – столь же определенным набором пороков и недостатков. В этой связи любопытно проанализировать случаи явного отступления от «нормы» распределения характеристик, связанные с казусами появления «чужих», а точнее, врагов внутри сообщества «своих».

Несоответствие поведения персонажа «норме», определяемой принадлежностью к тому или иному лагерю, вынуждает хронистов либо отказываться от логической связи между параметрами, либо искать логику внутри самого несоответствия и сделать в системе поправку, предусматривающую его возникновение. При этом исключение из «нормы», несоответствие правилу может еще больше подчеркивать само правило. В качестве примера можно указать на историю кары, постигшей в 1379 г. утративших «типичное» для английских воинов благочестие и погрязших в грехах Джона Эрандела и его спутников. Отряд Джона Эрандела захватил женский монастырь в Нормандии и не только расположился в нем, но и начал творить там различные греховные деяния: англичане насиловали монахинь, послушниц, жительниц окрестных деревень, совершали святотатства в церквях и всячески оскверняли находившиеся там святыни. Но преступление не осталось безнаказанным: Бог решил покарать совершивших столь тяжкие прегрешения. Когда англичане отплыли из Нормандии в Бретань для оказания помощи герцогу Бретонскому, разыгралась страшная буря. Однако предводители других английских отрядов: Генри Перси, Хью Кавли и другие, действия которых во Франции отличались благочестием и уважительным отношением к мирному населению, не пострадав, сумели достичь Бреста вместе со своими людьми. Эрандел, видимо, являвшийся, с точки

зрения рассказывающего эту историю Томаса Уолсингема, закоренелым грешником, вместо того чтобы молиться (как это сделал в 1347 г. попавший в шторм король Эдуард и как повел бы себя любой истинный христианин), выбросил за борт захваченных в Нормандии женщин. Хронист предполагает, что он желал облегчить суда, но неудивительно, что это не помогло – все его 25 кораблей разбились о скалы Ирландии. Любопытно, что погибли только рыцари, в том числе и сам Эрандел, и их оруженосцы, простые же солдаты, видимо, неповинные в преступлениях своих командиров, были спасены местными жителями¹. Уолсингем не забывает добавить, что в той буре пострадали не только провинившиеся перед Богом англичане: заодно с ними Всевышний нанес огромный урон французскому и испанскому флотам². Этот эпизод свидетельствует не только о неизбежной каре, настигающей всех грешников, но и как бы уравнивает судьбы неблагочестивых англичан и их врагов. Не соблюдающие правила справедливой войны англичане автоматически исключаются из «чистого воинства» защитников справедливости.

Гораздо чаще, чем вынесение Всевышним судьей смертных приговоров грешникам из числа англичан, встречаются упоминания о предупредительных знамениях, после которых «свои», отступившие с праведного пути, благополучно возвращаются к благочестивому поведению. Напомню, что один из центральных сюжетов «Бридлингтонского пророчества» связан с недостойными поступками Эдуарда III, в наказание за которые Бог отвернулся от государя, и третья экспедиция короля во Францию была крайне неудачной³. Но, осознав, как предполагает автор «Пророчества», что личные грехи и ошибки несут несчастья всему народу, король Эдуард решит изменить свою жизнь: он накажет дурных судей, издаст хорошие указы, прекратит поборы, перестанет вымогать деньги у подданных, станет делать вклады в церкви и монастыри. В результате к нему снова вернется военная удача⁴. При помощи подобных примеров английские авторы, не оспаривая постулата о неисповедимости путей Господних, не упускали возможности установить прочную зависимость между деятельностью короля в Англии и успехами королевских войск. Бог дарует победу над врагами своему избраннику, поскольку тот ведет добродетельный образ жизни и заботится о подданных. Средневековый провиденциализм предполагал следующую логику: Господь, которому открыта судьба каждого, доверяет

¹ *Walsingham*. Vol. I. P. 418–426; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi*... P. 16–17.

² *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 254; *Walsingham*. Vol. I. P. 427.

³ Это недовольство автора «Бридлингтонского пророчества» частной жизнью и налоговой политикой короля позволяет Б. Лоу причислить его если не к пацифистам, то к явным противникам войны, что кажется мне совершенно неоправданным (*Lowe B. Imagining Peace*... P. 157).

⁴ *John of Bridlington*. P. 182.

корону Франции английским королям, поскольку они благочестивы и справедливы. Но как только избранник отступал с пути праведного, грозные знамения неизменно указывали на гнев Всевышнего.

Совершенно очевидно, что монарх, который не только несет ответственность за судьбы подданных, но как бы является олицетворением всего народа, практически не способен стать примером несоответствия качеств, присущим возглавляемой им общности. Тем интереснее образ Ричарда II, представленного в историографии ланкастерского периода «нетипичным государем».

В 1377 г. в преддверии юбилейных торжеств, связанных с пятидесятилетием правления старого Эдуарда III, которого современники еще при жизни сравнивали с легендарным королем Артуром, но который в последние годы все больше и больше разочаровывал подданных, англичан прежде всего волновал вопрос о том, каким суждено стать грядущему царствованию наследника престола юного принца Ричарда. Дело в том, что старший сын старого короля, прославленный Эдуард Черный принц, с именем которого подданные английской короны в первую очередь связывали надежды на триумфальное завершение войн с Францией и Шотландией, умер за год до этих событий.

Эдуард III ушел из жизни за несколько дней до истечения срока перемирия с Францией. Королем Англии и Франции был провозглашен десятилетний Ричард II, подданным которого оставалось лишь надеяться на то, что молодой государь когда-нибудь станет правителем, равным отцу и деду⁵. Впрочем, эти надежды можно увидеть лишь у тех авторов, которые не дожили до конца правления этого монарха. Остальные же историки, экстраполируя знания о дальнейшем ходе событий на прошлое, стремились с самого начала изображать правление Ричарда как печальный контраст тому, чего ждали от внука Эдуарда III и сына Черного принца.

Ричард II унаследовал от деда не только корону Англии, но также законное, с точки зрения его подданных, право на Французское королевство, а также суверенитет над Шотландией. И, как истинный государь, он был обязан защищать это право, данное ему Богом. Однако за годы его правления было организовано лишь две крупных военных кампании, при этом обе пришлось на юность короля, когда тот находился под сильным влиянием Совета во главе с его дядей Джоном Гонтом. Первой экспедицией стал бесславный поход епископа Нориджского 1383 г. Вторая кампания была организована в 1385 г. для обороны самой Англии от нападения шотландцев и французов. Действовавшие в союзе враги (на помощь шотландцам было отправлено большое французское войско под командованием

⁵ On the Death of Edward III // English Political Poems. Vol. I. P. 220.

адмирала Жана де Вьенна) неожиданно для англичан напали на северную границу Англии. Ричард спешно объявил мобилизацию, в результате которой была собрана огромная армия, возможно, одна из крупнейших в истории средневековой Англии⁶. В нее вошел «весь цвет английского рыцарства»⁷. Англичане не только изгнали врагов со своей земли: преследуя убегающих шотландцев и французов, они дошли до самого Эдинбурга⁸. Но по тщательно разработанному плану совместные действия шотландцев и французов не должны были ограничиваться нападением на Англию лишь с севера: основная часть французской армии должна была в то же самое время атаковать английское побережье с юга и запада. Эта часть операции не состоялась, и если современные историки до сих пор гадают о причинах подобного исхода, то для средневековых английских хронистов все было предельно ясно: не что иное, как заступничество Всевышнего, уберегло Англию. Однако слухи о том, что огромная французская армия, сосредоточенная в районе Слейса, ожидает попутного ветра, внушали англичанам «великий страх»⁹: как сообщают хронисты, даже лондонцы «боялись нападения французов на город: они сломали дома, примыкавшие к стенам города, и выставили пушки»¹⁰. Знавший о приготовлениях Карла VI и о той панике, которую они вызвали среди английских подданных, Ричард II после взятия Эдинбурга неожиданно прекратил преследование врагов, бегущих на кораблях во Францию. Герцог Ланкастерский предложил племяннику «продолжить поход и переправиться во Францию» для того, чтобы полностью покончить с врагами¹¹. Однако Ричард отказался последовать совету Джона Гонта и вернулся с армией в Лондон.

Причину этого решения короля хронисты объясняют по-разному. В «Вестминстерской хронике» указывается, что «король отказался под предлогом того, что отступавшие армии [шотландцы и французы. – *Е. К.*] уничтожили все пропитание на своем пути, и если бы англичане последовали за ними, то умерли бы от голода»¹². Эту же причину называет Джон Капгрейв и анонимный автор «Жизни Ричарда II»¹³. А вот в «Краткой хронике аббатства Керкстолл» можно найти сообщение о том, что, находясь

⁶ Lewis N. B. The Last Medieval Summons of the Feudal Levy: 13 Jun. 1385 // EHR. Vol. LXXIII (1958). P. 1–15.

⁷ Knighton (1). P. 334–336.

⁸ Knighton (1). P. 336; Walsingham. Vol. II. P. 129–131; The Westminster Chronicle. P. 124–128; An English Chronicle. P. 3; Capgrave. P. 240; Kirkstall Abbey Short Chronicle. P. 64; Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 358; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 358–359, 364–365.

⁹ Historia Vita et Regni Ricardi Secundi... P. 74–75.

¹⁰ Capgrave. P. 243; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 372.

¹¹ Knighton (1). P. 336; Walsingham. Vol. II. P. 131; The Westminster Chronicle. P. 130; An English Chronicle. P. 3; Capgrave. P. 240.

¹² The Westminster Chronicle. P. 132.

¹³ Capgrave. P. 240; Historia Vita et Regni Ricardi Secundi... P. 63.

под Эдинбургом, король получил «от послов известие о смерти матери, после чего, одетый в черное, вернулся со всей армией в Англию»¹⁴. Здесь надо отметить, что Джон Гонт не в первый раз предлагал вести войну на французской территории: еще до начала похода в Шотландию герцог считал, что королю лучше переправиться во Францию с войском и там разбить врага, а не трусливо ожидать нападения на свои земли, подвергая подданных опасности¹⁵. Джона Гонта поддерживали и другие сыновья Эдуарда III: Эдмунд, граф Кембриджский, и Томас, герцог Глостерский. Однако остальные лорды, так же как и сам Ричард, полагали, что «королю лучше остаться в безопасности в своей стране, защищая ее от небольших нападений врагов, чем совершить необдуманное вторжение в чужие земли, поскольку это не добавит ему славы». Возмущенный трусливым поведением племянника, герцог Ланкастерский, по утверждению монаха из Вестминстера, открыто заявил, что «он и его вассалы не будут помогать королю, пока тот не соберется отправиться во Францию»¹⁶. Разумеется, линия конфликта Ричарда и герцога Ланкастерского не случайно пользуется в хронистике столь выраженным вниманием и освещается именно таким образом: создававшиеся при Ланкастерах исторические труды должны были лояльно трактовать факт смены династии в 1399 г., а для этого были совершенно необходимы или, по крайней мере, всегда уместны и развернутая демонстрация доблести, благородства и удачливости герцога, и крайне выгодное сравнение его с Ричардом II, преисполненным всевозможных пороков.

Осознававший всю непрочность своего положения, усугубленного финансовыми трудностями, волнениями лондонцев, восстанием в Ирландии, бесконечными придворными интригами и распространением ереси лоллардов, Ричард II, тем не менее, еще больше провоцировал недовольство подданных, перестав скрывать дружеские отношения с королем Франции. Генрих Найтон рассказывает о том, что еще в конце 1386 г. король объявил придворным следующее решение: «Перед лицом угрозы мятежа нам кажется, что будет наилучшим обратиться к нашему французскому кузену и искать его поддержки и помощи против наших врагов. Поскольку лучше для нас подчиниться ему, чем нашим собственным подданным». Здесь историографы прослеживают несомненную связь между отказом короля в 1385 г. отправиться с армией на континент и угрозой обратиться за помощью к королю Франции. В своих сочинениях хронисты постепенно подводят читателей к мысли о том, что для Ричарда врагами становятся англичане, а их старые противники – французы – лучшими друзьями.

¹⁴ Kirkstall Abbey Short Chronicle. P. 64.

¹⁵ The Westminster Chronicle. P. 112.

¹⁶ Ibid.

Неудивительно, что английские лорды были глубоко оскорблены словами Ричарда. В уста одного из лидеров оппозиции, графа Эрандела, Генрих Найтон вложил наполненную патриотической риторикой пылкую речь: «Король Франции – главный враг для нас и Вашего королевства, и если он когда-нибудь ступит на Вашу землю, то он скорее будет стараться уничтожить Вас и захватить Ваше королевство и столкнуть Вас с вашего трона, чем протянет Вам руку помощи, если Вы, да простит Вас Господь, попросите его о поддержке. Только подумайте о том, как Ваш дед, король Эдуард III, а также Ваш отец, принц Эдуард, трудились всю жизнь в поте лица своего в жару и в холод, без усталости пытались завоевать королевство Францию, которое принадлежало им по праву и которое по наследству стало Вашим». Эта приписанная графу речь еще раз доказывает, что на Ричарда его подданные смотрели прежде всего как на внука Эдуарда III и сына Черного принца, что, с одной стороны, продляло ему «кредит доверия», но, с другой, в определенной степени усиливало недовольство поступками короля, от которого все ждали возвращения былых успехов в войне против Франции. По версии Генриха Найтона, Эрандел также напомнил королю о тех лордах, рыцарях и простолюдинах, рисковавших в той войне жизнью, многие из которых погибли в сражениях, а также о бедствиях и несчастьях, которые война принесла простым французам. Неужели эти жертвы были напрасны? После этого граф перешел к непосредственным угрозам в адрес короля. Он утверждал, намекая на низложение Эдуарда II, что народ обладает древним правом («*populi... habent enim ex antiquo statuto*») низложить короля и выбрать другого из королевской династии, в случае если он не прекращает притеснять подданных и нарушать законы королевства¹⁷.

Начиная с отцов Церкви христианские мыслители пытались понять природу легитимной власти, продемонстрировать ее отличие от тирании. На протяжении раннего и классического Средневековья были составлены десятки трактатов, посвященных проблеме управления государством. Не вдаваясь в подробности этого увлекательного сюжета, отмечу, что тираном считался не только незаконно узурпировавший власть правитель, но и тот помазанник Божий, который отказывался должным образом заботиться о вверенном ему народе. Сохранение мира, то есть защита подданных и королевства от внешней и внутренней опасности, а также соблюдение справедливости являлись основными обязанностями государя. В середине XII в. Иоанн Солсберийский в знаменитом трактате «Поликратик» признал допустимость тираноубийства, совершив своеобразный переворот в политической мысли эпохи Средневековья. До «Поликратика» авторы трудов об управлении государством указывали на один способ борьбы с

¹⁷ *Knighton (1)*. P. 358.

тиранами – молитвы Богу о прощении (по утверждению теологов, Всевышний судья посылает тиранов в наказание народам, погрязшим в грехах) и искоренении собственных пороков и грехов. Опираясь на Писание и исторические казусы, Иоанн Солсберийский обосновал право подданных на сопротивление тирану, которое может доходить непосредственно до убийства врага народа. По утверждению философа, убийство тирана является не только благом для общества, но и богоугодным делом. Текст «Поликратика» спровоцировал научную дискуссию теологов и правоведов, а также вдохновил многих недовольных правлением того или иного государя на конкретные действия. Известно, что поднявший английских баронов и рыцарей на борьбу против Генриха III Симон де Монфор находился под сильным влиянием идей Иоанна Солсберийского. Низложенный в 1327 г. Эдуард II был, по мнению его подданных, виновен в нарушении коронационной клятвы и монаршего долга.

К концу XIV в. в условиях развития политического и национального самосознания английского народа внешняя политика перестает восприниматься в качестве личного дела короля, но включается в сферу интересов каждого свободного англичанина. Подданные английской короны следовали за королем на континент не только для того, чтобы завоевать для него законное наследство и, таким образом, выполнить вассальный долг, но и для того, чтобы обезопасить себя от угрозы нападения врага, а также обеспечить благополучие своего народа за счет территориальных и других приобретений на континенте. В переданной Генрихом Найтоном речи графа Эрандела четко сформулирована мысль о том, что примирение с Францией невозможно до полной капитуляции противника, до тех пор пока французы не признают власть английского монарха. И хотя начиная с 1384 г. Ричард II регулярно пытался оправдать мирные переговоры желанием прекратить пролитие христианской крови¹⁸, в сознании большинства его подданных по-прежнему господствовала идея о том, что защита родной земли, а также собственного права стоит выше заповеди «ни убий».

Осенью 1386 г., после того как шторм помешал вторжению огромной французской армии в Англию, англичане захватили несколько вражеских судов, на которых были части укреплений, предназначенных для осады¹⁹. Через несколько дней после Рождества 1387 г. в районе Слейса было захвачено еще четырнадцать французских судов, «груженных продуктами и всем необходимым для вторжения французского короля в Англию»²⁰. Однако Ричард II отказался предпринять какие-либо меры

¹⁸ Foedera (2). Vol. III. Part III. P. 163–164, 167 etc.

¹⁹ Knighton (1). P. 348; Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 359; Chronicon Angliae. P. 70–71; Walsingham. Vol. II. P. 147.

²⁰ Knighton (1). P. 388.

для защиты королевства. Постепенно нагнетая драматизм, историографы подчеркивают, что при дворе и за его пределами «стало известно» о том, что некоторые фавориты государя, люди наиболее близкие к нему, «советовали передать королю Франции за определенную сумму денег, которая будет установлена по обоюдному согласию сторон, все заморские замки, города и другие владения, кроме Аквитании, за которую он охотно принесет оммаж королю Франции»²¹. Хронисты упоминают о широко распространившихся в обществе слухах, согласно которым Ричард планировал продать королю Франции Кале²². Сам Ричард не скрывал намерения любой ценой окончательно прекратить войну с Францией, лицемерно, по мнению историков, объясняя это желание заботой о подданных: «Если он [король. – Е. К.] будет вести постоянную войну против короля Франции, он будет неизбежно заставлять своих и без того обремененных поборами людей платить новые налоги»²³.

В то же время сторонники «военной партии», во главе которых во время отсутствия герцога Ланкастерского (отправившегося в Испанию завоевывать для себя корону Леона и Кастилии) стоял Томас Эрндел, узнали, что король начал постепенно осуществлять свой план. Очевидно, что, приводя «неоспоримые доказательства» дружеского расположения английского короля к французскому монарху, историки основываются главным образом на слухах и сплетнях. Однако поскольку в данном разделе речь идет не столько о реальных исторических событиях, сколько об их восприятии в английском обществе на рубеже XIV–XV вв., то именно слухи можно считать идеальным источником для изучения «общественного мнения» по тому или иному вопросу. Итак, хронисты обращают внимание читателей на то, что английскими баронами был пойман посланец Ричарда II, везший «подарок стоимостью в тысячу марок» Карлу VI²⁴. В том же 1387 г. было перехвачено письмо Карла VI к Ричарду, в котором король Франции предлагал встречу для переговоров о передаче ему Кале с окрестными крепостями²⁵. Генрих Найтон также приводит рассказ о том, что некий английский рыцарь был послан королем Ричардом к капитану Кале сэру Уильяму Бичему с письмом, скрепленным королевской печатью, в котором содержался приказ сдать город королю Франции. К последнему с соответствующим извещением был отправлен сэр Джон Голаф. Но, к счастью, капитан Кале оказался настоящим патриотом: «Он запечатал письма и отправил их герцогу Глостерскому в Англию, сказав, что охрана

²¹ The Westminster Chronicle. P. 204; о том же сообщает Генрих Найтон (*Knighton (1)*). P. 404).

²² Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 383; *Walsingham*. Vol. II. P. 164.

²³ The Westminster Chronicle. P. 204.

²⁴ *Knighton (1)*. P. 404.

²⁵ Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 386–387; *Walsingham*. Vol. II. P. 170.

и управление городом Кале были вручены ему, публично и открыто, по приказу короля в его присутствии и в присутствии лордов королевства и что он не сдаст город тайно, а только перед ними»²⁶. Этих и других подобных слухов было вполне достаточно для того, чтобы многие англичане стали воспринимать поведение короля как «национальное предательство».

Сплотившиеся вокруг дяди короля герцога Глостерского, а также виднейших магнатов королевства – графа Эрандела и графа Уорика лорды, которых историки ланкастерского периода изображали истинными защитниками королевства, подняли мятеж против короля-предателя. Но в 1387 г. в планы заговорщиков еще не входило низложение Ричарда II, их целью скорее было «наставление короля на путь истинный» и отстранение от власти наиболее ненавистных советников, среди которых главную роль играли идеолог ориентированной на мир с Францией внешней политики короля Майкл де Ла Поль, граф Суффолкский, и ближайший друг молодого монарха Роберт де Вер, граф Оксфордский²⁷. Впрочем, по утверждению Томаса Уолсингема, уже тогда оппозиционеры пригрозили государю избрать вместо него другого короля²⁸. Скорее всего, эта мысль возникла в сознании хрониста не только в ретроспективе последующих событий, но также по ассоциации с восстаниями баронов против Эдуарда II и Генриха III, о которых Уолсингем вспомнил в этом контексте.

14 ноября 1387 г. Глостер, Эрандел, Уорик вместе с графом Дерби (будущим Генрихом IV) и графом Ноттингемский выдвинули протест против злоупотреблений королевских фаворитов, а в декабре дело дошло до военного столкновения. 20 декабря в сражении у моста Радкот (Оксфордшир) сторонники короля под командованием де Вера потерпели поражения от войска «лордов-апеллянтов», и, хотя самому графу удалось спастись бегством, многие из его приверженцев погибли в той битве. Ричард II был вынужден пойти на серьезные уступки оппозиции: он не только сместил с ключевых постов своих любимцев, но и отдал их на суд парламента. В феврале бежавшие из Англии де Ла Поль и де Вер, а также трое других бывших советников короля заочно были осуждены на смерть за государственную измену, их имущество подлежало конфискации в пользу короны.

²⁶ *Knighton (1)*. P. 406.

²⁷ Томас Уолсингем объяснял влияние де Вера на короля колдовством, а также намекал на возможные гомосексуальные отношения между ним и Ричардом (*Walsingham*. Vol. II. P. 148). Помимо объективных оснований для недовольства политикой де Вера у лидера «апеллянтов» герцога Глостерского был также личный мотив для неприязни. Дело в том, что в 1386 г. граф развелся со своей первой женой Филиппой де Куси, внучкой Эдуарда III, племянницей герцога Глостерского, чтобы жениться на Агнес Ланцекроне, даме, прибывшей к английскому двору в свите королевы Анны Богемской.

²⁸ *Walsingham*. Vol. II. P. 172.

Скорбя о потере друзей, напуганный Ричард II на время был вынужден подчиниться своим противникам.

Однако вскоре значительная активизация шотландцев, совершивших целый ряд нападений на пограничные английские земли²⁹, позволила королю вернуться к идее примирения с Францией. В 1389 г. в Лелингене близ Кале было заключено перемирие между Англией и Францией³⁰, которое потом неоднократно продлевалось. Ричарда II не остановило даже письмо папы к нему, в котором Бонифаций IX сообщал королю Англии о договоре между Карлом VI и антипапой: король Франции обещал Клименту VII послать в Италию королевские войска под предводительством герцога Бургундского и герцога Туренского, чтобы утвердить его «на престоле св. Петра, разграбить Рим и увезти оттуда все святыни во Францию», а за это антипапа обещал короновать Карла VI императорской короной, сделать «многое» для герцога Бургундского, все земли Церкви в Италии передать герцогу Туренскому, а также передать Сицилию герцогу Анжуйскому³¹. Однако Ричард II проигнорировал жалобу понтифика и продолжил переговоры о мире с Карлом VI, демонстрируя готовность примкнуть к схизматикам ради расположения того, кого англичане считали своим заклятым врагом.

Вскоре англичане убедились, что слухи о дружеских чувствах Ричарда к королю Франции и желании государя на любых условиях официально прекратить начатую его дедом войну имеют под собой реальное основание. 29 января 1394 г. парламент, собранный в Вестминстере для обсуждения предложенных французской стороной условий мирного соглашения, вынес следующее решение: «Будет нелепо для короля Англии принести оммаж и клятву верности королю Франции за Аквитанию и другие заморские земли, став таким образом его ленником, вследствие чего каждый англичанин, имеющий своим господином короля Англии, попадет под пяту короля Франции и будет в дальнейшем пребывать в рабстве»³². Эта парламентская резолюция как нельзя лучше демонстрирует, что планы и действия короля воспринимались его подданными как унижение их национальной гордости. Следует напомнить, что суверенное владение Аквитанией английская корона получила только в 1360 г. в обмен на отказ короля Эдуарда от титула короля Франции. Через тридцать лет мысль о возврате к прежнему юри-

²⁹ The Westminister Chronicle. P. 344–348, 370, 398; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 357–359. *Walsingham*. Vol. II. P. 144, 175–176.

³⁰ *Foedera* (2). Vol. III. Part IV. P. 39–42.

³¹ The Westminister Chronicle. P. 64–66; *Walsingham*. Vol. II. P. 200–201.

³² The Westminister Chronicle. P. 518.

дическому статусу Аквитании стала внушать англичанам страх оказаться в зависимости от короля Франции³³.

После того как в июне 1394 г. умерла первая жена Ричарда Анна Богемская, весьма любимая в народе, король сразу же попросил руки дочери французского кузена. В 1396 г. в Кале был подписан договор, скрепленный браком Ричарда II и малолетней французской принцессы Изабеллы, гарантировавший перемирие между Англией и Францией на 25 лет³⁴. Таким образом, хотя официально война между королевствами не была окончательно завершена, Ричард II, по сути дела, добился столь желанного для себя мира, отказавшись от титула короля Франции. В одном из пунктов договора специально оговаривалось, что дети Ричарда и Изабеллы не будут иметь прав на французскую корону. Данное соглашение и свадьба должны были укрепить личные контакты королей, старавшихся заручиться взаимной поддержкой. Об этом красноречиво свидетельствует клятва Карла VI при необходимости помогать «своему возлюбленному сыну» Ричарду II. Еще десять лет назад английский король поразил подданных заявлением, что в случае их возмущения он может обратиться за помощью к своему кузену королю Франции. Эта казавшаяся абсурдной и невозможной идея обрела основу. Как написал один из юристов, занимавшихся обоснованием низложения Ричарда II, Адам из Уска: «Он [Ричард. – *Е. К.*] думал с помощью и благодаря благосклонности короля Франции уничтожить своих врагов. Это в конце концов, как впоследствии стало очевидным, погубило его и его сторонников»³⁵.

Вся обстановка встречи монархов в Кале была пронизана демонстративным дружелюбием. Во время совместного обеда герцоги Ланкастерский и Глостерский прислуживали французскому королю, а герцоги Бургундский и Беррийский – английскому. Был произведен обмен драгоценными подарками, принесены совместные обеты и т.д.³⁶ Однако сразу же после соглашения в Кале Ричарду II пришлось расплачиваться за унию с французским королем и долгое перемирие: он возвратил Брест герцогу Бретани, а Шербур – королю Наваррскому³⁷. Оба сеньора в тот момент находились в

³³ Прекрасно информированный хронист из Вестминстера пишет о том, что парламент не дал согласие на заключение мира на этих условиях, опуская при этом, что в конечном итоге резолюция была положительной. Парламент согласился с простым оммажем короля, который не затрагивал саму Англию (*Palmer J. J. N. Articles for a Final Peace Between England and France, 16 June 1393 // BHR. Vol. XXXIX (1966). P. 182–185; Rotuli Parliamentorum. Vol. III. P. 315–316.*

³⁴ *Foedera (2). Vol. III. Part IV. P. 112–118.*

³⁵ *Adam of Usk. P. 20.*

³⁶ *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi... P. 128; Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 371; Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti... P. 188–193; Grafton. P. 460–461; Fabyan. P. 540.*

³⁷ В 1378 г. Карл Злой на время передал (за определенную сумму денег) Англии при-

дружественных отношениях с французским королем, и это служило укреплению позиций Франции. Перемирие, и без того непопулярное в Англии, стало вызывать возмущение. Нет ни одного английского хрониста, который бы одобрил сближение с Францией с точки зрения прекращения пролития христианской крови, здравого смысла или интересов экономики. Многие авторы рассказывают анекдот о том, как в 1397 г. во время большого пира в Вестминстере герцог Глостерский обратил внимание короля на людей, обедающих в холле, сказав: «Они прибыли из Бреста и были Вашими подданными, которые служили Вам и больше не хотят делать это, поскольку им отплатили злом». Затем герцог потребовал, чтобы Ричард «завоевал какой-нибудь вражеский город или замок» либо «продал или отдал все города», завоеванные его предшественниками. Обиженный король сказал, что он «не купец и не дурак, чтобы продавать свои земли», правда, тут же признался, что герцог Бретани заплатил ему деньги за возвращение Бреста³⁸.

Эта ссора на пиру, как сообщают хронисты, еще больше укрепила вражду между дядей и племянником³⁹. Вновь поползли слухи о каких-то тайных подарках Ричарда французскому королю, о том, что он намерен вернуть все завоеванное Эдуардом III, включая Кале. Надо сказать, что эти слухи были далеко не беспочвенными. Сохранилось адресованное Ричарду II письмо, написанное в 1395 г. Филиппом де Мезьером, бывшем некогда канцлером короля Кипра Пьера де Лузиньяна и советником Карла V, а в то время наставником и доверенным лицом Карла VI. В этом письме, отправленном незадолго до свадьбы Ричарда и Изабеллы, де Мезьер подробно останавливается на проблеме справедливости войны между христианскими народами. Он разъяснял молодому английскому королю, что причины, кажущиеся справедливыми с точки зрения человеческой мудрости, не обязательно должны являться таковыми для Бога. Поскольку людям не дано судить о Божественном провидении, они должны руководствоваться размерами бедствий, которые влечет за собой война. По мнению де Мезьера, государь без ущерба для своей чести и своего права может отдать своему сопернику две трети спорных земель⁴⁰. Одержимый идеей организации нового крестового похода, де Мезьер предложил королям и

надлежавший ему Шербур с замком у моря, в котором разместился большой английский гарнизон (*Capgrave*. P. 233; *Adam Murimuth*. P. 237–238). А герцог Бретани в 1381 г., после того как в очередной раз признал вассальную зависимость от короля Франции, заключил сепаратный договор с Англией, по которому в Бресте сохранялся английский гарнизон (*Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 272–276; *Walsingham*. Vol. I. P. 434–435).

³⁸ *Chronicque de la Trāson et Mort de Richart Deux Roy Dengleterre* / Ed. with an English translation B. Williams. L., 1846. P. 2; *Higden (Caxton)*. Vol. VIII. P. 537.

³⁹ *Higden (Caxton)*. Vol. VIII. P. 536–537; *Fabyan*. P. 541; *Grafton*. P. 461–462; *Chronicque de la Trason et Mort de Richart Deux...* P. 2–8.

⁴⁰ *Mézières, Phillip*. *De Letter to King Richard II. A Plea Made in 1395 for Peace Between England and France* / Ed. G. W. Coopland. Liverpool, 1975. P. 126.

рыцарям Англии и Франции оставить греховную вражду, примириться и ради искупления совершенного ими и их отцами зла совместно выступить против неверных⁴¹.

Надо сказать, что сама по себе женитьба короля на семилетней Изабелле Французской также не приводила англичан, привыкших видеть во французах врагов, в восторг. Адам из Уска пишет о том, что народ удивляла женитьба короля на ребенке, которого он предпочел «прекрасной дочери и наследнице короля Арагона, бывшей в подходящем для замужества возрасте»⁴². Но Ричард, казалось, не замечал всего этого: продолжая укреплять внешнеполитические связи, он «выдал замуж за свой счет нескольких соотечественниц» молодой королевы, видимо, дам из ее свиты, за английских придворных⁴³. Анонимный автор даже упоминает о том, что, опасаясь мятежа, Ричард «обратился за помощью к французам, чтобы они прибыли с поднятыми копыями в центр его королевства»⁴⁴.

В том же 1397 г. к Ричарду приехали послы из Германии, которые, якобы «зная легкомыслие и честолюбие короля», обещали сделать короля Англии императором Священной Римской империи. Открытый сторонник новой Ланкастерской династии Томас Уолсингем дополнил образ Ричарда II новыми, нетипичными для английского короля характеристиками. В отличие от Эдуарда III, отвергшего аналогичное предложение, Ричард не только согласился на него, но и попытался подкупить выборщиков. Отправленные с этой целью в Германию английские послы, из числа особо приближенных к королю, вернувшись, сообщили, что князья отказались голосовать за Ричарда, поскольку тот не может навести порядок в собственном королевстве. «Неизвестно, измыслили ли они это для того, чтобы спровоцировать королевский гнев против герцога Глостерского, графа Эрндела и графа Уорика, или же они выдали это за истинный ответ; но одно известно доподлинно, что с этого времени он [король. – *Е. К.*] начал тиранить, сомневаться в народе, занимать большие суммы денег, так что ни один прелат, ни одна крепость, ни один заметно богатый город в Англии не мог себя защитить, и было необходимо из своих денег давать королю в долг»⁴⁵.

Об ужесточении вымогательств со стороны короля после распространения слухов о его избрании императором упоминает и Джон Капгрейв⁴⁶. Дабы у читателей не оставалось сомнений в принудительном характере

⁴¹ Mézières, Phillip. De Letter to King Richard II... P. 122.

⁴² Adam of Usk. P. 18–20.

⁴³ The Westminster Chronicle. P. 160.

⁴⁴ Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 372. О появлении французских войск в Англии в 1397 г. больше не сообщается ни в одном источнике. Возможно, хронист совершил опisku, написав «Gallos» вместо «Wallicos», тем более что перед этим идет упоминание о том, что король отбыл на запад Англии.

⁴⁵ Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti... P. 199–200; Walsingham. Vol. II. P. 200–201.

⁴⁶ Capgrave. P. 264.

королевских займов, хронисты рассказывают о механизме вымогательства: специальные поверенные имели при себе письма с королевской печатью, в которых была проставлена искомая сумма⁴⁷. Долги эти кредиторам не возвращались, и в народе их называли «Le Plesaunce», поскольку они собирались по желанию короля и для его удовольствия⁴⁸. О поборах с населения сообщает и анонимный автор продолжения «Дара истории», отмечая, что даже простые рыцари были вынуждены «одалживать» королю по 40 фунтов, «которые тот не собирался отдавать»⁴⁹.

На этом список злодеяний Ричарда II не заканчивался. Вместо того чтобы защищать закон и порядок, король «незаконно внес изменения в парламентские свитки», для того чтобы получить для себя и своих друзей большие суммы денег, выделенные якобы для реформы королевства. Он жаловал фаворитам титулы и конфискованные у оппозиционеров земли⁵⁰. Как отметил Томас Уолсингем, поскольку король задумал через парламентский суд приговорить к смерти знатнейших и богатейших людей королевства, «присвоив их имущество и лишив их потомков наследства», все богатые люди опасались за свою жизнь⁵¹. В незаконных поборах и игнорировании парламента Ричарда также обвинял анонимный поэт, написавший на английском поэму «О низложении Ричарда II» незадолго до коронации Генриха Ланкастерского⁵².

Хронист из Вестминстера открыто обвинял короля во взяточничестве и несправедливом судопроизводстве. Склонный, как и вражеские короли, к проявлению жестокости и несправедливости по отношению к собственным подданным, Ричард безжалостно расправлялся со всеми оппозиционерами. В юности он не пощадил восставших под предводительством Уота Тайлера крестьян, а возмужав, сурово наказал недовольных лондонцев. В 1392 г. горожане Лондона решились на вооруженное выступление после того, как в ответ на их отказ предоставить королю большой заем Ричард лишил столицу всех старых вольностей и привилегий, а также назначил нового мэра, который был «суров на этом посту». Монах из Вестминстера довольно саркастически описывает, как после многочисленных просьб со стороны многих знатных лордов, а также королевы, «которая много раз... бросалась к ногам короля», Ричард, «обладающий мягким и добрым

⁴⁷ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti...* P. 199–200; *Walsingham*. Vol. II. P. 200–201; *Capgrave*. P. 269.

⁴⁸ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti...* P. 234; *Walsingham*. Vol. II. P. 230–231.

⁴⁹ *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 372.

⁵⁰ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti...* P. 223.

⁵¹ *Ibid.* P. 240.

⁵² *Alliterative Poem on the Deposition of King Richard II*. Ricardi Maydiston de Concordia inter Ricardi II et Civitatem London / Ed. Th. Wright. Camden Society. L., 1838. P. 27–28.

характером», «движимый жалостью», согласился простить лондонцев в обмен на 40 тысяч фунтов⁵³.

Стоит также привести несколько примеров несправедливо жесткого отношения Ричарда к вернейшим подданным (некоторые из них были ближайшими родственниками короля), которые в первую очередь заботились о благе королевства. Прекрасно осознавая могущество герцога Ланкастерского, его популярность среди придворных и в народе, Ричард II решил организовать заговор, целью которого, как отмечают все хронисты, было убийство Джона Гонта. Неприязнь к герцогу, по мнению историографов, была вызвана обидой Ричарда на справедливые обвинения со стороны дяди после отказа переправиться на континент в 1385 г. Однако герцог, у которого действительно было много сторонников, узнал о предстоящем убийстве. Явившись к королю, он все открыто рассказал ему, после чего при посредничестве матери Ричарда, вдовствующей принцессы Уэльской, состоялось их примирение⁵⁴.

В 1397 г. король арестовал трех лордов, наиболее ярко выразивших недовольство стремлением Ричарда прекратить войну во Франции: герцога Глостерского, графа Эрандела и графа Уорика. Согласно описанию Томаса Уолсингема, обвиненные в предательстве лорды ничего не знали о замыслах короля. В трактовке этого историка эти лорды до самого конца оставались верными подданными Ричарда, полностью подчинявшимися его воле. Подробный рассказ об аресте лежащего в постели больного дяди короля (Томаса Вудстока, герцога Глостерского), очевидно, должен был усилить впечатление о жестокости Ричарда. Хронист не забывает указать на то, что несправедливые действия короля таили в себе, по мнению народа, угрозу всему государству: «Когда известия об аресте и пленении этих лордов распространились, всеобщее горе охватило людей во всем королевстве, поскольку каждый думал, что королевство будет уничтожено врагами, ибо все люди возлагали на них, особенно на герцога Глостерского, надежды и верили, что, пока он жив и здоров, королевство не только хорошо управляется, но и находится в безопасности от внешних врагов»⁵⁵. Эрандел был приговорен к смертной казни, Глостер, находившийся под охраной в Кале, был убит по тайному приказу короля, Уорик – отправлен в ссылку на остров Мэн⁵⁶.

⁵³ The Westminister Chronicle. P. 502. Томас Уолсингем повторил этот рассказ, назвав сумму в 10 тысяч фунтов (*Walsingham*. Vol. II. P. 210).

⁵⁴ The Westminister Chronicle. P. 114, 124; *Capgrave*. P. 241.

⁵⁵ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti*... P. 204–206.

⁵⁶ *Capgrave*. P. 264–268; *Kirkstall Abbey Short Chronicle*. P. 118–120; *An English Chronicle*. P. 9–11; *Walsingham*. Vol. II. P. 230–232; *Otterbourne, Thomas. Chronicle // Duo Rerum Anglicarum Scriptores Veteres: 2 vols. / Ed. Th. Hearne. Oxford, 1732. Vol. I. P. 189–194; Adam of Usk*. P. 30–34; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi*... P. 131–136, 145; *The Brut*. Vol. II. P. 351–353; *Grafton*. P. 462–463, 468; *Fabyan*. P. 542–543; *Gregory*. P. 95–96; *Annales Ricardi*

Несколько авторов после подробного рассказа о суде над графом Эранделом и последовавшей за ним казни упоминают о том, что в народе ходили слухи о мученической смерти графа и чудесном соединении отрубленной головы с телом, а также о паломниках, приходивших поклониться останкам. Озабоченный народным волнением, король отдал приказ перезахоронить графа в тайном месте⁵⁷. Анонимный монах из Мальмсбери сообщает о том, что незадолго до низложения Ричарда архиепископ Кентерберийский Томас Эрандел прислал ему благочестивого отшельника с севера, который пытался убедить короля вернуть конфискованные у апеллянтов земли их законным владельцам. По приказу Ричарда отшельник был отправлен в Тауэр⁵⁸.

В довершение всего король якобы приказал всем шерифам принести особую новую клятву верности в том, что они будут доносить обо всех злоумышленниках и арестовывать последних. Анонимный историограф отмечает, что подданные Ричарда боялись «публично высказать правду» или пожаловаться на злоупотребления чиновников, поскольку широко был известен печальный опыт двух знаменитых докторов теологии, которые были оштрафованы и заключены в тюрьму за то, что «публично заявили о плохом королевском управлении и негодных советниках»⁵⁹. Однако это была последняя победа Ричарда II над оппозицией.

Генрих Болингброк, сын Джона Гонта, в течение двух лет скрывавшийся от гнева короля во Франции, совершил государственный переворот, свергнув своего кузена с престола. Пример Генриха Болингброка весьма показателен в плане истинного соотношения реальной практики с риторикой хронистов. Объявленный вне закона английского короля предатель нашел радушный прием при дворе тестя Ричарда, неизменно заверявшего зятя в своих самых нежных чувствах и союзнической верности. Карл VI не только предоставил изгнаннику и его спутникам в качестве резиденции Отель де Клиссон, но и официально принимал того при дворе, приглашая на банкеты и одаривая подарками. Именно из письма Ричарда тестю Генрих узнал о планах своего противника отправиться с военной экспедицией в Ирландию, сочтя это удобным моментом для возвращения на родину и организации мятежа против короля⁶⁰. Между тем одним из главных пунктов обвинения, предъявленного Ричарду победившими оппозиционерами во

Secundi et Henrici Quarti... P. 226–233; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 372–379; *Chronicque de la Trâson et Mort de Richart Deux*... P. 5–10; *Crowland Abbey Historiae* / Ed. R. Twysden // *Historiae Anglicanae Scriptorum Decem*. L., 1652. P. 493.

⁵⁷ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti*... P. 218–219; *Walsingham*. Vol. II. P. 225–226; *Capgrave*. P. 265–266; *Adam of Usk*. P. 30.

⁵⁸ *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 380.

⁵⁹ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti*... P. 223.

⁶⁰ *Saul N. Richard II*. L., 1997. P. 405–407.

главе с Генрихом Ланкастерским, были дружеские сношения с французским королем.

Изложение Ричарда было подготовлено не только в военном, но и в идеологическом плане. Английские хроники передают атмосферу всеобщей ненависти подданных к королю-тирану⁶¹. Как уже отмечалось, непосредственно перед высадкой Генриха Болингброка на английском побережье Ричард предпринял военный поход в Ирландию, оставив, по выражению одного из анонимных сторонников Ланкастерского дома, «потрясенное королевство» и «взволнованный, готовый к большому мятежу народ». «Пока король находился в Ирландии, весь английский народ молил Господа, чтобы он не позволил ему вернуться невредимым; ибо все в Англии дышали ненавистью к этому государю»⁶². И Всевышний ответил на мольбы англичан, «решив высокомерие его [Ричарда. – *Е. К.*] унижить и помочь английскому народу, который уже достойным жалости образом был притесняем и лишился бы надежды на облегчение и полное избавление, если бы Господь не протянул ему руку помощи»⁶³. Всеобщая ненависть к Ричарду отражена и в рифмованной хронике Джона Хардинга, написавшего:

*...все ненавидели короля Ричарда
За все его беззакония и несправедливости*⁶⁴.

Лишь находившийся на службе у Ричарда француз Жан Кретон, рассказывая об оммаже, принесенном лордами Англии Генриху Ланкастерскому, отметил, что не все делали это искренне⁶⁵. Для Кретона и других французских историографов изложение Ричарда однозначно являлось предательством и изменой законному монарху⁶⁶.

Напротив, активный сторонник смены династии Томас Уолсингем не только сообщил о всеобщем ликовании по поводу изложения Ричарда, но также не забыл указать на особые обстоятельства коронации Генриха IV, благодаря которым этот обряд приобрел исключительное значение для англичан. Согласно легенде, восходящей к правлению Эдуарда II, архиепископу Кентерберийскому Томасу Бекету во время его пребывания во Франции явилась Богородица, предсказавшая ему скорую смерть, а также открывшая судьбу одного из грядущих правителей Англии. Дева Мария предрекла, что пятый после Генриха II король окажется настолько благочестивым человеком, что сможет отвоевать Святую землю у язычников. Для поддержания избранника Дева передала Бекету сосуд со священным

⁶¹ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti...* P. 223.

⁶² *Ibid.* P. 239.

⁶³ *Ibid.* P. 240.

⁶⁴ *Hardyng (2)*. P. 345.

⁶⁵ *Creton*. P. 380.

⁶⁶ *Ibid. Chronicque de la Träson et Mort de Richart Deux...* P. 64–65.

елеем, которым следовало помазать на царство добродетельного государя, а также его потомков. Этот сосуд в форме орла долгое время хранился в монастыре Св. Киприана в Пуатье, пока, наконец, не был передан герцогом Жаном II Брabanдским его шурину Эдуарду II. Поддавшись на уговоры придворных, Эдуард в 1307 г. пренебрег божественным даром, в результате чего на Англию обрушились бесконечные несчастья. Известно, что впоследствии Эдуард II дважды обращался к папе Иоанну XXII с просьбой позволить ему повторное помазание священным елеем. Уклонившись от вынесения вердикта по поводу достоверности легенды о полученном Бекетом пророчестве и чудесном даре, великий понтифик хотя и позволил провести повторное помазание (поскольку эта процедура не является таинством), но сам прелата для этой церемонии не назначил и вообще советовал провести ее тайно⁶⁷. Неизвестно, верил ли Эдуард II в эту историю о небесном елее настолько, чтобы провести второе секретное помазание, но вплоть до конца XIV в. о сосуде в форме орла в Англии не вспоминали.

Рассказанная Томасом Уолсингемом версия обретения английскими королями священного елея несколько отличается от истории, изложенной в булле Иоанна XXII. В трудах хрониста из Сент-Олбанса в монастыре Св. Киприана склянку нашел не кто иной, как Джон Гонт, отец будущего Генриха IV Ланкастера. Он-то якобы и передал ее своему старшему брату для его коронации. После смерти Черного принца реликвия на время затерялась, и Ричард II нашел ее уже после своей коронации. И хотя ему так и не удалось уговорить английских прелатов на повторную процедуру помазания, он, тем не менее, всегда носил ее при себе в качестве талисмана. Низложив кузена, Генрих Болингброк получил доступ к священному елею, став таким образом тем самым государем, о котором гласило пророчество. Примечательно, что в трактовке Уолсингема изменилось само пророчество: вместо освобождения Святой земли божественному избраннику предстояло отвоевать у французов Нормандию и Аквитанию⁶⁸. Впоследствии

⁶⁷ В 1318 г. доминиканский монах Николас из Стреттона был послан в Авиньон к Иоанну XXII, чтобы по всех подробностях изложить понтифику дело о чудесном елее. После возвращения этого посольства король с той же миссией отправил к папе епископа Херефордского. 4 июня 1318 г. Иоанн XXII издал буллу, в которой не только был дан ответ папы, но также подробно излагалась вся история обретения сосуда с елеем. Текст буллы издан: *English Coronation Records* / Ed. L. G. W. Legg. Westminster, 1901. № X. Пересказ содержания буллы приводится в книге М. Блока «Короли-чудотворцы» (С. 346–349).

⁶⁸ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti...* P. 297–300; *Walsingham*. Vol. II. P. 239; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 380; *English Coronation Records*. № XV. См. также: *Schramm P. E. A History of the English Coronation*. Oxford, 1937. P. 131–137; *McKenna J. W. The Coronation Oil of Yorkist Kings* // *EHR*. Vol. LXXXII (1967). P. 102–104; *Ullmann W. Thomas Becket's Miraculous Oil* // *Journal of Theological Studies*, new series. Vol. VIII (1957). P. 129–153; *Stow G. B. Richard II in Thomas Walsingham's Chronicles* // *Speculum*. Vol. LIX (1984). P. 68–102; *Блок М. Короли-чудотворцы...* С. 350–351.

преемники Генриха IV из династии Ланкастеров, а также Йорки и Тюдоры использовали при коронации этот елей⁶⁹.

Английские хронисты были склонны трактовать смену династии в духе «Поликратика» Иоанна Солсберийского. На страницах проланкастерских исторических сочинений Генрих Болингброк предстает избранным Господом спасителем народа от власти тирана, презревшего законы и монарший долг. Ричард II был не первым королем, представшим перед официальным судом подданных: еще в 1327 г. подобная участь постигла впавшего в тиранию Эдуарда II. Принципиальным моментом, свидетельствующим об определенной политической зрелости английского народа, является декларация подданными права отстаивать так называемое «общественное благо» перед лицом любой угрозы, в том числе исходящей от законного государя. Приписываемые Ричарду ошибки и прегрешения ничем не отличались от любых топонимных негативных поступков плохого короля. На недостатки его правления указал даже французский анонимный автор, явно принадлежавший к числу сторонников низложенного монарха⁷⁰. Однако в сознании французов доминировала традиционная для представителей большинства регионов Европы классического Средневековья концепция смирения подданных с волей Бога, наказавшего грешный народ правлением тирана. Но для англичан, несколько поколений которых было воспитано в традициях законного сопротивления тирании, ситуация виделась абсолютно иной. С их точки зрения, истинный государь, поставленный для выполнения возложенной на него Господом миссии, должен был от рождения обладать определенными достоинствами и добродетелями, в случае утраты которых он становился неспособным к выполнению своего долга перед подданными и Богом и, соответственно, терял право на корону предков. Последнее утверждение вовсе не означает, что англичане не оставляли сюзеренам права на ошибки – их не избежал даже славный король Эдуард III. Иногда, как свидетельствуют исторические сочинения, верным подданным Эдуарда казалось, что их король намеревается сойти с «пути добродетели», однако благодаря увещаниям мудрых советников или непосредственным указаниям Всевышнего, поступавшим в виде знамений, он неизменно возвращался к праведной жизни и должному исполнению монаршего долга. В отличие от деда Ричард предстает на страницах хроник в образе закоренелого грешника, презревшего предостережения обеспокоенных судьбой королевства подданных и не пожелавшего встать на путь истинный.

Помимо политической пропаганды Генрих Болингброк нуждался в юридическом обосновании свержения законного короля. Вскоре после

⁶⁹ Блок М. Короли-чудотворцы... С. 351.

⁷⁰ *Chronique de la Trâson et Mort de Richart Deux...* P. 59.

пленения Ричарда герцог Ланкастер разослал от имени короля письма во все монастыри Англии, приказывая хронистам предоставить ему сведения об истории и обычаях, связанных с управлением королевством⁷¹. Только после получения необходимой информации, в сентябре 1399 г., герцог собрал комиссию из «докторов права, епископов и других [людей]», чтобы те рассмотрели дело по лишению короля Ричарда власти⁷². Согласно утверждениям входившего в эту комиссию юриста Адама из Уска, правоведы и епископы признали, что «лжесвидетельства, святотатства, содомии, лишения имущества собственных подданных, обращения своих людей в рабство, неспособности к управлению, всего того, к чему король Ричард имел склонность, было достаточно... для его низложения»⁷³. Большею частью эти обвинения были заимствованы из текста низложения императора Фридриха II, принятого папой Иннокентием IV на Лионском соборе 1245 г. Однако судьи Ричарда II внесли в текст одно примечательное изменение: обвинение в ереси было заменено обвинением в содомии, что явно содержит намек на низложение Эдуарда II⁷⁴. И так же как в 1327 г. в случае с Эдуардом II, члены парламента потребовали, чтобы Ричард II сам «признавал себя неспособным к управлению и... достойным низложения»⁷⁵.

В свете изучаемой темы особенно важными становятся мотивы пренебрежения Ричардом государственным интересом. Стремление короля руководствоваться собственными желаниями или убеждениями (в том числе христианским миролюбием) при выборе внешнеполитического курса оказывается первой ступенью на пути превращения истинного государя в тирана. Начало этой метаморфозы заключается не в природной склонности Ричарда к пороку, но, по сути дела, в традиционном для феодальной эпохи отношении к войне с Францией как к своему личному делу. История низложения Ричарда наилучшим образом свидетельствует о том, что уже в XIV в. вооруженные конфликты, в частности войны во Франции и Шотландии, начинают восприниматься как относящиеся к сфере государственного и национального интереса. Такое значение приобретает далеко не каждая война: например, испанская кампания Джона Гонта, организованная также как Столетняя война ради защиты прав истинного претендента на

⁷¹ *Chronicles of the Revolutions, 1397–1400* / Ed. C. Given-Wilson. Manchester, 1993. P. 124–125.

⁷² *Ibid.* P. 160.

⁷³ *Adam of Usk*. P. 62.

⁷⁴ *Caspary G. E. The Deposition of Richard II and the Canon Law // Proceedings of the Second International Congress of Medieval Canon Law*. Boston, 1965. P. 189–201; *Saul N. Richard II*. P. 418–419.

⁷⁵ *Select Documents of English Constitutional History, 1307–1485* / Ed. S. B. Chrimes and A. L. Brown. L., 1961. P. 37–38.

престол, тем не менее благополучно оставалась частным делом государя. Герцог Ланкастерский не только обладал полным правом вести эту войну, но и мог завершить ее на любых приемлемых для него самых условиях. В целом же именно возникновение в английском обществе представлений о некоем внешнеполитическом государственном интересе может считаться принципиальным изменением, которое привнесли в национальное самосознание войны XIV–XV вв.

Ричард II был, с точки зрения английских авторов, не просто грешником и плохим правителем, он стал врагом собственного народа, взявшего на себя функции высшей судебной инстанции в государстве. Как сформулировал юрист Адам из Уска: «Теперь, Ричард, прощай... ты был осужден за свои деяния Богом и своим народом»⁷⁶.

Лишенный короны Ричард II содержался первоначально в Таузере, а потом был переведен в замок Понтефрак в Йоркшире. Даже в тюрьме бывший король изображался приверженцами дома Ланкастеров далеким от раскаяния. В молитвах он вспоминал жену-француженку, просил прощения за причиненное зло у короля Шотландии, скорбел о том, что не увидит больше «дорогого брата» дофина, «дорогого отца» короля Франции, «дорогого брата» графа Сен-Поля (столь часто нападавшего на английское побережье) и других французских родственников⁷⁷. В феврале 1400 г., вскоре после раскрытия нескольких заговоров с целью освобождения бывшего короля, было объявлено о смерти Ричарда в результате истощения. Согласно официальной версии английского двора, Ричард II, потеряв королевство, уморил себя голодом⁷⁸. Томас Уолсингем подробно описал, как, решив умереть, Ричард отказывался принимать пищу. После долгих уговоров друзей бывший король согласился есть, но выяснилось, что из-за продолжительного воздержания его пищевод сузился и прохождение по нему пищи стало невозможным⁷⁹. Таким образом, даже уход из жизни Ричарда якобы противоречил божественным заповедям: низложенный король совершил тяжелейший для христианина грех – самоубийство.

Симпатизировавшие Ричарду французские авторы прямо обвиняли в убийстве короля Генриха Болингброка, именуемого ими «узурпатором».

⁷⁶ *Adam of Usk*. P. 90.

⁷⁷ *Chronicque de la Träson et Mort de Richart Deux...* P. 55–56.

⁷⁸ *Walshingham*. Vol. II. P. 245–246; *Idem*. *Ypodigma Neustria*. P. 390; *Otterbourne*. P. 228–229; *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi...* P. 169; *Higden*. Vol. VIII. P. 513; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 387; *Gower, John*. *Chronica Tripertita*. Part III, lines 438–545; [Dieulacres Abbes Chronicle, 1381–1403] // *Clarke M. V., Galbraith V. H.* *Deposition of Richard II* // BJRL. Vol. XIV (1930). P. 174; *An English Chronicle*. P. 21; *Chronicle of the Abbey of Croyland* // *Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum* / Ed. W. Fulman. Vol. I. Oxford, 1684. P. 355.

⁷⁹ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti...* P. 330–331.

Жан Кретон после рассказа о голодной смерти короля добавил, что сам он верит в то, что Ричард еще жив⁸⁰. Другой французский хронист не только утверждал, что Ричард продолжал принимать пищу, но прямо указал на то, что Генрих IV послал сэра Питера Экстона и еще семерых рыцарей убить пленника. Именно Экстон, по версии этого анонимного автора, нанес Ричарду смертельный удар по голове и еще множество других ударов⁸¹. Версия убийства Ричарда его охранниками высказывается не только французами⁸², но также и некоторыми ланкастерскими⁸³ и йоркистскими хронистами⁸⁴ в Англии. Неизвестный монах из Ившема, хотя и утверждал, что Ричард сам выбрал голодную смерть, утратив надежду на возвращение короны, сделал замечание, оправдывающее убийство низложенного короля в глазах тех, кто отказывался верить в официальную версию: «Так свершился роковой суд Господа над этим королем... Ибо он стольких необдуманно осудил на смерть от земного меча, что это привело к тому, что он сам пал от меча голода, скончавшись бездетным и без друзей...»⁸⁵ В правление Тюдоров версия об убийстве Ричарда Экстоном по приказу Генриха IV стала превалировать и в английской историографии⁸⁶.

Тело бывшего короля было выставлено для всеобщего обозрения в соборе Св. Павла, а потом переправлено для захоронения в располагавшееся неподалеку от Лондона аббатство Лангли. Официальное прощание с телом, захоронение и заупокойные службы не мешали распространению в народе слухов о чудесном бегстве Ричарда из плена. Аналогичные слухи ходили в свое время и про Эдуарда II⁸⁷, но они не получили широкого распространения в обществе и не представляли серьезной угрозы для законного наследника низложенного монарха. Напротив, по свидетельству современников, в спасение Ричарда из плена «верили не только в народе, но и при королевском дворе»⁸⁸. Регулярно объявлявшиеся в Англии самозванцы тревожили покой не только Генриха IV, но и наследовавшего

⁸⁰ *Creton*. P. 407–408.

⁸¹ *Chronicque de la Träson et Mort de Richart Deux*... P. 95–96.

⁸² Французские историки, как правило, следуют версии автора «*Chronicque de la Träson et Mort*», называя убийцей короля Экстона. Например, Жан Ворэн (*Waurin*. Vol. III. P. 36–39).

⁸³ *The Brut*. Vol. II. P. 360, 546.

⁸⁴ *Kirkstall Abbey Short Chronicle*. P. 135; *Capgrave*. P. 276, 302–303; *The Brut*. Vol. II. P. 590–591.

⁸⁵ *Historia Vita et Regni Ricardi Secundi*... P. 166.

⁸⁶ *Higden*. Vol. VIII. P. 540–541; *Fabyan*. P. 568, 577; *Hall*. P. 20; *Daniel, Samuel*. *Civil Wars*, bk. III, st. 55–81; *Шекспир У.* Ричард II. Акт V, сцена V.

⁸⁷ *Haines R. M.* *Edwardus Redivivus: The «Afterlife» of Edward of Caernarvon* // *Transactions of the Bristol and Gloucester Archaeological Society*. Vol. CXIV (1996). P. 65–86; *Strohlm P.* *England's Empty Throne: Usurpation and the Language of Legitimation, 1399–1422*. New Haven; L., 1998. P. 106–127.

⁸⁸ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti*... P. 391.

ему Генриха V⁸⁹. Поэтому неудивительно, что одним из первых деяний Генриха V после его восшествия на престол в 1413 г. было торжественное перезахоронение останков Ричарда II, перенесенных из Лангли в королевскую усыпальницу в Вестминстерском аббатстве. Современник этих событий Томас Уолсингем, хронист из Сент-Олбанса, отмечал, что на протяжении своей жизни Генрих V почитал память Ричарда II наравне с памятью родного отца⁹⁰. Организовав перенос останков Ричарда, Генрих V не только желал покончить с вышеупомянутыми слухами, но также надеялся замолить грехи отца и легитимизировать свое восшествие на престол.

Со временем английские историографы изменили отношение к фигуре Ричарда II, вернее, не к нему самому, а к проводимой им внешней политике: постепенно линия поведения английских государей в войне с Францией стала казаться хронистам, или изображаться ими, относительно единой. Начиная с середины XV в. английские авторы единодушно стремились представить все военные кампании времен Ричарда II столь же победоносными, что и при Эдуарде III⁹¹. Даже скандальный крестовый поход епископа Нориджского изображался как удачно завершенная акция⁹². Более того, в хрониках этой эпохи отсутствуют намеки на предательство Ричардом II национальных интересов англичан. Это легко объясняется сменой династий на английском престоле: с приходом к власти Йорков, а потом и Тюдоров отпала потребность легитимации королей из рода Ланкастеров, в которой одним из самых главных аргументов была необходимость возобновления войны с Францией. Однако хронистика все равно не простила Ричарду притеснения и пренебрежения знатными фамилиями – по мнению авторов исторических сочинений, английские лорды оказались буквально вынужденными способствовать тому, чтобы с престола был свергнут не заслуживающий его Ричард и трон перешел в достойные руки сына Джона Гонта.

В эпоху Реформации «история» Ричарда II претерпела еще одну любопытную метаморфозу. Начиная с 30-х гг. XVI в. протестантские авторы стали изображать Ричарда как мученика и несостоявшегося защитника проповедников слова Божия – поллардов. В 1531 г. Уильям Тиндейл только подошел к этой теме, указывая на бедствия, постигшие Англию в результате низложения и убийства «истинного короля», на смену которому пришли узурпаторы из рода Ланкастеров, ввергшие страну в кровопролитные

⁸⁹ *Morgan P.* Henry IV and the Shadow of Richard II // *Crown, Government and People in the Fifteenth Century* / Ed. R. Archer. Stroud, 1995; *Strohm P.* England's Empty Throne... P. 121–127.

⁹⁰ *Walsingham.* Vol. II. P. 297; *Strohm P.* England's Empty Throne... P. 117–118.

⁹¹ *The Brut.* P. 338–340; *Grafton.* P. 430, 437–451; *Fabyan.* P. 531–532; *Gregory.* P. 92.

⁹² *The Brut.* P. 338; *Grafton.* P. 430; *Fabyan.* P. 531–532.

междоусобные и завоевательные войны⁹³. А вот уже в середине XVI в. Джон Бэйл прямо относил Ричарда II к погубленным католическими священниками (в первую очередь архиепископом Эранделом) протопротестантским мученикам, приводя в качестве доказательства особого благочестия короля факт отсутствия гонений на лоллардов в его правление⁹⁴. Еще через двадцать лет Джон Фокс окончательно сформировал амбивалентный протестантский миф о короле Ричарде, который затем в тех или иных вариациях повторяли все остальные английские авторы. Фокс рассматривал историю бедствий Ричарда II исключительно «в контексте истории истинной Церкви и ее мучеников, он не уделял большого внимания конституционному аспекту смещения монарха»⁹⁵. Именно в нейтральном отношении короля к Уиклифу и лоллардам Фокс усмотрел не только благочестие государя, но и причину его падения. Отказавшись поддержать должным образом проповедников истинной веры, Ричард встал на путь тирании: «После того как он первым оставил дело Евангелия Божия, Господь покинул его»⁹⁶.

Вслед за Фоксом другие протестантские авторы (Джон Стау, Рафаил Холинshed, Джон Понет и другие) стали изображать Ричарда II молодым и неопытным монархом, на которого дурно влияли нехорошие советники, толкая его на путь греха. Что же касается низложения государя, то некоторые авторы (в частности, Стау⁹⁷) подчеркивали добровольный характер отречения (в результате осознания собственных грехов и раскаяния в них), другие (в частности, Понет⁹⁸) намекали на незаконный характер лишения Ричарда короны. Сочинения протестантов входновили католиков на ответ по «делу Ричарда». Включившиеся в религиозно-политическую полемику по этому вопросу католики, среди которых особо следует упомянуть иезуита Роберта Парсонса, не только в духе ланкастерской историографической традиции яросно обличали недостатки правления Ричарда, но на

⁹³ *Tyndale, William*. Prologue to the Prophet Jonas. 1531 // *Tyndale, William*. Doctrinal Treatises and Introductions to Diffeent Portions of the Holy Scriptures / Ed. H. Parker. Cambridge, 1848. P. 458; *Idem*. An Answer to Sir Thomas More's Dialogue. Cambridge, 1850. P. 186; *Калмыкова Е. В.* Посмертный культ английских королей в XIV–XV вв. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 119.

⁹⁴ *Aston M.* Richard II and the Wars of the Roses // *Aston M.* Lollards and Reformers: Images and Literacy in the Late Medieval Religion. L., 1984. P. 273–315.

⁹⁵ *Серегина А. Ю.* История и английская религиозная полемика XVI – начала XVII в. // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 542.

⁹⁶ *Foxe, John*. Acts and Monuments. L., 1583. P. 512–514. Цит. по: *Серегина А. Ю.* История и английская религиозная полемика XVI – начала XVII в. С. 541–542.

⁹⁷ *Stow, John*. A Summarie of our English Chronicles. L., 1566. P. 134.

⁹⁸ *Ponet, John*. A Shorte Treatise of politike pouwer. L., 1556, 1942. P. 101.

его примере пропагандировали борьбу с тиранами на троне как благое и угодное Господу дело⁹⁹.

Во второй половине XVI – самом начале XVII в., в период правления «королевы-еретички» Елизаветы I, размышления английских католиков о тираноборчестве, так же как и более ранние сочинения англичан на эту тему (восходящие в конечном итоге к написанному еще в 1159 г. «Поликратику» Иоанна Солсберийского), носили вовсе не умозрительный, а вполне конкретный характер. Таким образом, в этот период история конца XIV в. не только получила новое толкование, но и стала чрезвычайно актуальной.

⁹⁹ Подробнее об отношении протестантских и католических авторов XVI–XVII вв. к истории Ричарда II см.: *Серегина А. Ю.* История и английская религиозная полемика XVI – начала XVII в. С. 540–552; *Она же.* История короля Ричарда II в английской религиозной полемике второй половины XVI – начала XVII века // *Диалог со временем.* М., 2003. Вып. 10. С. 85–112.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование о восприятии англичанами XIV–XV вв. войн, которые английская корона вела в этот период, подчеркну несколько принципиальных, на мой взгляд, выводов. Анализ официальной королевской документации, а также организованной по инициативе двора пропаганды, нашедшей отражение в трудах историографов, наглядно свидетельствует о том, что на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени так же, как и в предшествующую эпоху, чрезвычайно важным было хотя бы формальное соблюдение условий справедливой войны, без которого любой военный конфликт решительно осуждался христианским сообществом как греховное действие. Полное соответствие каждого конфликта, в котором принимали участие английские государи, этим условиям, сформулированным еще отцами Церкви и нашедшим отражение в каноническом праве, постоянно акцентировалось во всех пропагандистских и исторических текстах. Исходя из представления о законности как главном принципе устройства мирового порядка, англичане изображали инициированные их королями кампании в качестве справедливых акций, направленных на защиту не столько личных интересов правителей, сколько самих основ мироустройства. Именно попытки врагов нарушить устои утвержденного самим Богом права наследования заслуживали, с точки зрения английских авторов, самого сурового наказания. Помимо нарушения божественного закона противники также обвинялись в попрании феодального права, определяющего отношения между сюзеренами и вассалами.

Оправдывая войну между христианскими народами, английские теологи трактовали каждое сражение как ордалию, а каждую победу соотечественников как приговор Божьего суда. Важно отметить, что английские авторы были готовы усмотреть оказание божественной поддержки «своим» в любом конфликте. В результате этого формировалось представление о некой избранности англичан. Отраженная в текстах уверенность их авторов в правоте своего народа не меняется даже в периоды военных неудач. Так, например, в конце Столетней войны, рассказывая о нанесенных французами поражениях, английские авторы винили во всех бедах неверных

союзников и плохих военачальников, но никогда не ставили под сомнение благоволение Бога английской стороне.

Предпринимаемые королевской администрацией меры весьма эффективно воздействовали на массовое сознание, формируя героико-патриотические представления о войнах, в которых приходилось участвовать англичанам. Не приписывая средневековым монархам и их «идеологам» намеренное желание внушить подданным идею об их превосходстве над другими народами, я, тем не менее, полагаю, что подобные представления становились косвенным следствием пропаганды, направленной в первую очередь на достижение вполне конкретных целей: сбор дополнительных налогов, организацию обороны границ, вербовку наемников и т.д. Между тем ориентированная на самые разные слои населения официальная пропаганда не только выражала идею справедливой войны и благоволения Бога английской стороне, но и будила в англичанах гордость за славные деяния соотечественников, регулярно одерживающих победы над коварными и опасными врагами. Некоторые элементы этой пропаганды, в частности коллективные молитвы за успех королевских войск и четко налаженная система распространения новых сведений через прокламации, способствовавшие восприятию войны всеми подданными короны как дело чести государя (которого они были обязаны поддерживать, как верные вассалы и истинные христиане), также формировали у них осознание причастности к войне и личной заинтересованности в ее благополучном завершении.

Проводимая короной пропаганда не только вызывала у англичан гордость за подвиги соотечественников, но и внушала им страх перед врагом, угрожающим напасть на саму Англию и поработить ее население. Следует заметить, что патриотическая риторика, воспевающая единение народа перед лицом врага и даже принятие смерти за родину, свидетельствует не только об устойчивости античных штампов, но также о достаточно зрелом национальном самосознании. Вслед за авторами королевских прокламаций и ангажированными властью проповедниками над «правильным» образом врага потрудились и английские историографы. Сравнивая «своих» и «чужих», ставших врагами, хронисты неизменно отводили представителям враждующих сторон диаметрально противоположные позиции на «шкале» оценки морально-этических и даже физических параметров.

Центральными фигурами любого исторического повествования, безусловно, были государи. И хотя средневековые авторы были весьма далеки от создания «комплексных» портретов персонажей, все характеристики и поведение которых были бы логически связаны между собой, тем не менее можно выделить несколько ключевых параметров, отличающих хорошего правителя от дурного. Пожалуй, важнейшей характеристикой каждого мо-

нарха, поставленного Господом для защиты народа от внешней опасности и беззакония, является справедливость. Лишенные этой добродетели вражеские государи не только узурпируют престолы, неблагочестиво игнорируя волю Бога, но также эгоистично тиранят своих подданных. Отсутствие справедливости и связанного с ней благочестия порождают лицемерие, коварство, жестокость и другие пороки. Напротив, руководствующиеся стремлением к наивысшей справедливости, набожные короли Англии проявляют правдивость, милосердие и другие положительные качества.

Если справедливость являлась характеристикой, значимой главным образом для представителей власти, в первую очередь монархов, то определяющим позитивным качеством подданного, вне всякого сомнения, была верность. Важно отметить, что в рассматриваемый период подданническая верность претерпевает некую деперсонализацию, в ходе которой преданность персоне короля очень плавно начинает приобретать более абстрактный характер преданности королевству. Все прочие оценочные параметры совпадают с присущими государям характеристиками и носят позитивный заряд для «своих» и негативный для «чужих». Типичный представитель «своего» сообщества обладал определенным набором добродетелей, а типичный враг – столь же определенным набором пороков и недостатков.

Наиболее распространенными казусами, которые можно расценить как несоответствие характеристикам «своего» и «врага», являлись измены государю и родине, но, поскольку они означали переход во вражеский лагерь, совершившие ее «внутренние враги» утрачивали характеристики «своих», принимая весь набор негативных параметров «чужих». Самым ярким примером такого рода является история «предательства» Ричарда II: про него англичане говорили, что для короля друзьями стали французы, а врагами – собственные подданные. Аналогичная ситуация происходит с представителями других народов: например, демонстрируя верность своему законному государю (королю Англии), французы и шотландцы переходили на английскую сторону, «становясь англичанами».

Если официальная королевская пропаганда апеллировала прежде всего к вассальной верности и патриотизму англичан, то «общественное мнение» ориентировалось скорее на частные интересы и чаяния подданных английской короны. Естественно, для каждого из участников войны существовали различные индивидуальные мотивы, вынуждавшие браться за оружие. Диапазон этих персональных задач был достаточно широк: от стремления к личной славе или страха запятнать честь рыцаря до меркантильного желания поправить свое благосостояние за счет грабежа вражеской территории. Последнее обстоятельство в первую очередь касалось англо-французского

конфликта: за годы Столетней войны в английском обществе возникло устойчивое представление о том, что войны во Франции сулят каждому англичанину в частности и Английскому королевству в целом материальное благополучие и процветание. Уже на первом этапе войны в Англии возник миф об удачливых простолюдинах, стяжавших в боях не только почет и славу, но также титулы и богатство. По свидетельству историографов, многие молодые люди мечтали повторить карьеру прославленных наемников – Роберта Ноллиса, Джона Хоквуда, Хью Кавли.

Между тем, сколь бы активно ни муссировалась в обществе идея войны как залога процветания англичан, подобные мотивы никогда не могли попасть в официальные, исходящие от двора документы. На каждом этапе любого конфликта английская корона неизменно подчеркивала, что война является всего лишь средством достижения мира. В религиозном сознании людей Средневековья не существовало однозначного противопоставления благ мира горестям войны: нарушение божественного закона и утвержденной через него справедливости трактовалось как нарушение мира и требовало возмещения, пусть даже ценой войны. Без восстановления поправленного права мир терял свою ценность и осуждался так же, как и несправедливая корыстная война. Тема порицания любого мира с врагами до полного восстановления нарушенной справедливости была одним из важнейших мотивов английской политической и исторической литературы. Решительному осуждению со стороны приверженцев войны подвергались не только позорный мир с Шотландией 1328 г. или перемирие с Францией 1347 г., но и мир в Бретиньи 1360 г., традиционно трактуемый в историографии как успех английской дипломатии. Только полное восстановление нарушенного права заслуживало заключение мира. Вполне логично, что единственным достойным миром, который английские короли смогли подписать с французами, считался договор в Труа 1420 г., по которому Генрих V провозглашался наследником и регентом французской короны. Примечательно, что после заключения этого договора английский парламент практически перестал финансировать военные кампании во Франции, полагая долг английских подданных перед своим государем выполненным и перекладывая заботы по подавлению «мятежей» на континенте на самих французов.

На фоне такой стабильности официальной идеологии, нашедшей отражение и в исторической концепции хронистов, уместно задаться вопросом, привнесли ли войны XIV–XV вв., в частности Столетняя война, что-то радикально новое в национальное самосознание англичан, можно ли считать, что они повлияли на английскую национальную идентичность как-то иначе, чем, допустим, предшествующие войны с Францией или

Шотландией. На мой взгляд, главное отличие войн позднего Средневековья от предшествующей эпохи заключается в формировании представлений о некоем государственном интересе, которому должны подчиняться все члены общества, в том числе и правитель. Так, Столетняя война, которая началась и репрезентировалась как типично феодальный династический конфликт и, со всей очевидностью, внешне преследовала цель восстановить законную власть Плантагенетов и их потомков над французским тронem, в какой-то момент стала делом каждого англичанина. Если попытки Эдуарда III заключить мир с Францией до достижения конечной цели войны воспринимались прежде всего как отказ от борьбы за свое право, то аналогичные действия Ричарда II трактовались в качестве национального предательства, что в итоге обернулось для него потерей английской короны. При этом англичане явно испытывали амбивалентные чувства по отношению к «своей» Франции. С одной стороны, они жаждали ее завоевания, с другой – универсалистские устремления короны к объединению островных и континентальных владений наталкивались на явное желание англичан закрепить политическую обособленность своего народа. Сопrotивление англичан угрозе политического объединения с иными подданными своего короля распространялось в первую очередь на французов, в то время как перспектива «слияния» с другими населяющими Британские острова народами была менее пугающей. Примечательно, что именно в периоды наивысшего военного успеха на континенте английские короли под давлением парламента издавали «оградительные» статуты, закреплявшие «национальную замкнутость» Английского королевства.

Говоря о формировании в английском обществе в ходе войн XIV–XV вв. представления о некоем государственном коллективном интересе, важно отметить возникновение на последнем этапе Столетней войны представлений о новом смысле и, соответственно, новых целях английской внешней политики. В это время отдельные авторы начали утверждать, что истинное счастье Англии заключается не в обладании французской короной, но ограничивается Британскими островами и морскими просторами. Таким образом, можно утверждать, что принципиальное отличие в восприятии войн XIV–XV вв. по сравнению с предшествующей эпохой заключается в том, что важнейшим объектом внешней политики становится государство Англия, ее «национальные» интересы, а не устремления государей или защита некоей абстрактной справедливости.

Еще одно изменение в восприятии вооруженных конфликтов, лишь намечившееся в эпоху позднего Средневековья и получившее дальнейшее развитие в период Нового времени, связано с пониманием войны как «нормальной» составляющей внешней политики. В период XIV–XV вв.

осмысление любой войны традиционно сопровождалось рассуждениями о грехах, божественной каре и борьбе за справедливость, но, тем не менее, уже ясно наметилась тенденция к признанию военных действий законным и «естественным» способом отстаивания национального интереса и достижения поставленной цели; всего лишь более радикальной, чем дипломатические переговоры, формой внешней политики.

В периоды длительных внешнеполитических конфликтов, когда общество нуждается в «доказательствах» унаследованного от предков превосходства над противниками, неизменно усиливается интерес историографов и простых «обывателей» к героическому прошлому. Коллективное представление англичан эпохи Столетней войны о прошлом обладает типичным набором характеристик, присущих большинству этнополитических мифов (например, идентификацией этнических предков с каким-либо «славным» народом, хорошо известным по сочинениям древних авторов или фольклорным преданиям; преувеличением различного рода «достижений» предков и т.д.). Из общего свода памяти о прошлом общество в определенной ситуации избирало наиболее актуальные и злободневные эпизоды своей истории, которые со временем могли предаваться забвению или радикально переосмысляться.

Помимо повышенного интереса к далекому мифологизированному прошлому хочется отметить столь характерную для военной истории мифологизацию настоящего или недавнего прошлого. Мифологизация предводителя или героя играет важнейшую роль в жизни любого сообщества, особенно в кризисные периоды, способствуя его сплочению и мобилизации. При этом мифологизированный образ героя становится не только объектом почитания, обретая некие сакральные функции, но и примером для подражания, являя собой концентрацию актуальных положительных характеристик. Подобное происходит не только с героями прошлого (например, с королем Артуром), но и с современниками (Робертом Ноллисом, Бертраном Дюгекленом, Генрихом V, Жанной д'Арк), постепенно утрачивающими в массовом сознании черты реальных людей и приобретающими символические характеристики.

Наконец, хочется подчеркнуть, что в английской историографии классического и позднего Средневековья происходит складывание некоего постоянно воспроизводящегося и передающегося от поколения к поколению канона повествования о прошлом. Английские историографы «присваивают», включают в историю своего народа прошлое и завоеванных племен (бриттов, валлийцев), и завоевателей (римлян, датчан, нормандцев), выстраивая единое непрерывное повествование, которое, являясь по сути историей не столько народа, сколько земли, тем не менее

играет важнейшую роль в национальном самосознании. В свете выстраивания непрерывной истории показательны изменения, произошедшие с рассказами об англо-французских отношениях в период правления Ричарда II. Первоначальное резкое осуждение внешнеполитического курса Ричарда историками-современниками, в особенности приверженцами дома Ланкастеров, сменяется полным переписыванием хронистами второй половины XV в. истории столетней давности. В их трудах конец XIV в. предстает очередным победоносным этапом войны, ознаменованным проведением организованных королем крупномасштабных кампаний во всех традиционных для английской внешней политики направлениях (во Франции, в Шотландии, на Пиренеях и во Фландрии), что свидетельствует о некой унификации представлений об английских государях и формировании идеализированных образов патриотов-победителей.

Из разобранных выше международных конфликтов только войны за суверенитет над Шотландией в Новое время были непосредственно генетически связаны со средневековыми баталиями. Права английских королей на французскую корону, декларируемые вплоть до 1801 г., уже при Генрихе VII воспринимались как не более чем формальные притязания. После 1453 г. английские короли неоднократно начинали, а еще чаще грозились начать кампании, официальная цель которых указывала на стремление вернуть континентальные владения предков. Однако на практике все эти акции имели под собой иные конкретные и вполне обозримые цели. Тюдоровские и стюартовские войны за французскую корону меньше всего были вызваны именно желанием за эту корону воевать. Впрочем, показательным является неизменное апеллирование не только носителей власти, но и рядовых англичан к риторике возобновления старой войны. В этом можно видеть не только традиционный поиск законного обоснования для начала войны, но также призывы повторить достижения предков, оправдать принесенные ими жертвы.

Оставшиеся в далеком прошлом войны XIV–XV вв. приобрели для исторической памяти англичан Нового и Новейшего времени иное значение, чем для их предков. Перестали быть актуальными не только идеи восстановления попранного права и высшей справедливости, но также и реальные материальные награды, полученные отдельными подданными английской короны, и территориальные приобретения государства. В перспективе восприятия и представлений о прошлом существенными оказались в первую очередь победы, одержанные при Слейсе, Креси, Невиллс-Кроссе, Пуатье, Нахере и Азенкуре, свидетельствующие о доблести англичан, способных разгромить любого противника. В настоящее время упоминания об этих победах не только не подразумевают рассуждений о причинах и итогах

войн, в ходе которых они были одержаны, но и вообще редко направлены непосредственно на активизацию патриотических настроений в обществе. Героические эпизоды Столетней войны обрели символическое значение, понимание которого основано на культурной традиции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Интерпретация важнейших мифов о прошлом в английской исторической традиции эпохи Средневековья

Данный раздел вынесен в особое приложение, так как в значительной степени выбивается из общего повествования. Это заметно хотя бы по тем источникам, на основе которых он написан: здесь были привлечены не только тексты XIV–XVI вв., но и сочинения авторов раннего и классического Средневековья. Прослеживается и некоторая тематическая девиация, так как разобранные ниже сюжеты фактически не связаны с историей Столетней войны. Тем не менее этот материал представляет определенную ценность в контексте всего исследования, ибо позволяет на более масштабном уровне и в длительной временной перспективе рассмотреть фундаментальную для моей работы проблему формирования и развития исторической традиции (в том числе и в контексте функционирования национальных идентичностей).

Представления о прошлом, несомненно, играют существенную роль в складывании коллективных идентичностей. Интерес к героическому прошлому заметно возрастает в обществе в периоды активизации внешней политики. Английские историки и теоретики политической мысли XIV–XVI вв. (как, впрочем, и последующих столетий) нуждались в аргументах, подтверждавших уникальность их народа, его превосходство над другими сообществами как в моральном, так и в физическом аспекте (а также в плане благородства крови, совершенства политического устройства и древности истории). Как отмечает известный американский исследователь Дж. Армстронг, одним из важнейших элементов в формировании самоидентификации любого народа была адаптация его лидерами мифов о божественном или героическом происхождении предков и последующая манипуляция этими мифами¹. Говоря о решающей роли мифов в осознании группой людей «общей судьбы», Дж. Армстронг подчеркивает, что этот процесс, кроме того, усиливает сплоченность «своих» против «чужих»².

¹ *Armstrong J. A. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982. Ch. 2.*

² *Ibid. P. 9.*

Другой авторитетный сторонник теории «этнического континуитета» Э. Смит также настаивает на исключительном значении мифов и исторических преданий в процессе становления национального самосознания³. Не споря с авторитетными теоретиками, отмечу, что в данном контексте наиболее актуальным мне кажется предложенное Я. Ассманом определение «мифа» как «обосновывающей истории, истории, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения»⁴.

Исследуя «коллективные» представления англичан об историческом прошлом, необходимо осознавать, что специфика имеющихся источников вынуждает говорить в основном о воззрениях историографов, которые, естественно, могли отличаться от того, что думали об истории своего народа представители более широких кругов интеллектуальной элиты английского общества, знакомые лишь с отдельными легендами и преданиями по литературным произведениям или каким-то хроникам.

Мифы о заселении и завоеваниях Британии

Первыми историками из числа уроженцев Британии являлись Гильда Премудрый, написавший свой главный труд «О погибели и завоевании Британии» примерно в первой половине VI в.⁵, и Беда Достопочтенный, закончивший «Церковную историю народа англос» в начале 30-х гг. VIII в. После краткого описания географии Британии Гильда декларирует намерение опустить «те старые и общие со всеми язычниками ошибки, которыми до прихода Христа во плоти был связан весь провинившийся человеческий род», когда погрязшими в грехах людьми правили тираны. Данное решение историк объясняет не только нежеланием рассказывать о ветхозаветных временах, но и тем, что не сохранились труды бриттских писателей, которые если и существовали, были «или сожжены огнем врагов, или увезены далеко флотом изгнания граждан и недоступны»⁶. Историческое повествование Гильды начинается с момента появления в Британии римских войск, которые вместе с бедами завоевания принесли бриттам свет истинной веры и плоды просвещения. В свою очередь, Беда Достопочтенный, использовавший сочинение Гильды и «Семь книг истории против язычников» Павла Орозия в качестве основных источников, более подробно

³ *Smith A. D. The Origins of Nation // Ethnic and Racial Studies. Vol. XII. N. 3 (July 1989). P. 343–344.*

⁴ *Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 55.*

⁵ В настоящее время диапазон предполагаемых дат колеблется от 475 г. до 560-х гг. (см.: *Чехонадская Н. Ю. Датировка «О погибели Британии» // Гильда Премудрый. О погибели Британии / Пер. Н. Ю. Чехонадской. СПб., 2003. С. 136).*

⁶ *Гильда, 4. Здесь и далее перевод Гильды дан по изданию Н. Ю. Чехонадской.*

описывает географию острова, его флору и фауну. Затем автор сообщает, что первыми эту землю заселили приплывшие из Арморики бритты, от которых и пошло название Британия⁷. После этого Беда кратко повествует о появлении на острове воинственных племен пиктов и скоттов и, начиная с истории о вторжении войск Цезаря, переходит к подробному изложению событий, сосредотачивая внимание на приходе англосаксов.

В свою очередь, первым автором, поведавшим о доримском периоде истории Британии, традиционно называют жившего на рубеже VIII–IX вв. Ненния, хотя в последнее время исследователи склонны считать, что приписываемая ему «История бриттов» была составлена около 830 г., то есть уже после смерти ученого мужа. Именно этого неизвестного автора первой половины IX в., которого в соответствии с историографической традицией и во избежание путаницы я в дальнейшем буду именовать «Неннием», можно считать отцом «троянского мифа» о происхождении бриттов. Согласно его версии, повторенной более поздними авторами, предками первых поселенцев Туманного Альбиона были легендарные троянцы. Как метко заметил еще в середине XIII в. Мэтью Пэрис⁸, «от троянцев ведет свое происхождение большинство народов Европы»⁹.

Раскрывая причину скитаний троянцев, «Ненний» сообщил, что правнук Энея, Брут, стреляя из лука, случайно убил отца, за что был изгнан из Италии¹⁰. Со своими спутниками Брут сначала отправился в Галлию, где основал город Тур, а затем на остров, который назвал в честь себя Британией. Упоминание о путешествии Брута в Галлию позволило «Неннию» избежать противоречия с текстом Беды, утверждавшим, что бритты прибыли из Арморики. «Ненний» попытался даже составить генеалогию Брута (в его версии Бритта), объединив библейскую и античную традиции¹¹. Столь сложная генеалогия не была популярна у большинства английских историков, предпочитавших ограничиваться упоминанием о царственном прадеде Брута Энее и не стремившихся проследить предков легендарного правителя бриттов до сыновей Ноя или Адама¹².

Следующей вехой в складывании мифа о Бруте и остальных «преданий» древней истории стала написанная около 1138 г. «История бриттов»

⁷ Беда. I, I.

⁸ В отечественной историографии этот автор часто именуется Матвеем Парижским. Большинство современных исследователей склоняется к версии о том, что «Paris» является не указанием на место рождения или обучения, а родовым именем.

⁹ *Mattaues Parisiensis. Chronica Maiora: 7 vols. / Ed. H. R. Luard. (RS). L., 1872–1883. Vol. II. P. 155.*

¹⁰ *Ненний*, 10–11.

¹¹ Там же, 10, 17, 18; *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 177–178.

¹² В несколько сокращенном виде совмещенная «Неннием» греко-римская и библейская генеалогия Брута приводится Джоном Хардинггом (*Hardyng (I). Ch. VII.*)

Гальфрида Монмутского, которая благодаря увлекательнейшим сюжетам и живому повествованию на протяжении всего Средневековья пользовалась неизменной популярностью как у духовных, так и у светских лиц. Работая над этим трудом, Гальфрид не только использовал сочинения античных и средневековых авторов (в частности, Беды, Гильды и «Ненния»), но и активно прибегал к собственной фантазии, досочинив многие сюжеты¹³. Например, Гальфрид повествует о том, что, находясь в Греции, Брут освободил потомков троянцев из рабства царя Пандраса и женился на дочери последнего, или о том, как, приплыв на остров Альбион, троянцы разбили живших там гигантов. Этим он отличается от лаконичного «Ненния» – единственного из «древних» авторов, повествующего о заселении острова потомками троянцев.

Анализируя творчество Гальфрида, некоторые современные исследователи высказывают смелые предположения о том, что он был не «серьезным» историком, а романистом¹⁴. Так, например, по мнению К. Брука, единственной целью Гальфрида являлось создание «исторического романа»¹⁵, посредством которого автор стремился высмеять современное ему общество, его законы, традиции и «национальные амбиции», воссоздавая прошлое целого народа из обрывочных и разрозненных данных. В. Флинт предложила другую интерпретацию целей Гальфрида Монмутского, согласно которой «История» является своего рода «пародией» на труды двух его современников – Уильяма Мальмсберийского и Генриха Хантингдонского¹⁶. В пользу этой версии свидетельствует обращение самого Гальфрида в самом конце «Истории бриттов» к обоим хронистам с настоятельной рекомендацией писать о королях саксов, но умалчивать «о бриттских королях, ибо они не располагают той книгой на языке бриттов», из которой он смог почерпнуть все рассказы о деяниях древних правителей Британии¹⁷. Скорее всего, для фантазии Гальфрида, помимо желания «уязвить» конкурентов, существовали другие действенные стимулы. Так, необходимо помнить о том, что Гальфрид работал над своей «Историей» в период постоянных военных столкновений англичан с шотландцами, валлийцами и францу-

¹³ Согласно утверждению самого Гальфрида, главным источником для него стала «книга на языке бриттов, в которой без каких-либо пробелов и по порядку, в прекрасном изложении рассказывалось о правлении» всех королей бриттов (*Гальфрид*, 2).

¹⁴ См. об этом: *Chambers E. K. Arthur of Britan. Oxford, 1927, repr. N.Y., 1964. P. 56; Hanning R. W. The Vision of History in Early Britain. N.Y., 1966. P. 122.* Впрочем, не следует забывать об условности жанрового различия между «историей» и «литературой» в эпоху Средневековья.

¹⁵ *Brooke Ch. Geoffrey of Monmouth as a Historian // Church and Government in the Middle Ages / Ed. C. Brooke, D. Duscombe, G. Martin, D. Owe. Cambridge, 1976. P. 88.*

¹⁶ *Flint V. The Historia Regum Britanniae of Geoffrey of Monmouth: Parody and its Purpose. A Suggestio // Speculum. Vol. LIV (1979). P. 447–468.*

¹⁷ *Гальфрид. С. 208.*

зами. Упорное молчание, которым все хронисты обходили доримский период английской истории, еще Гильда объяснял полным отсутствием источников. Это неизвестное прошлое предоставляло широкое поле для деятельности человека, решившего описать «достойные славы» деяния древних королей, сказания о которых живы в народной памяти¹⁸.

Быстро завоеванная популярность труда Гальфрида¹⁹, затмившего не только современников, но даже авторитетнейшего Беду²⁰, как нельзя лучше свидетельствует о том, что читателям страстно хотелось знать «правду» о древней истории бриттов, которые ни происхождением, ни славными деяниями не уступали ни одному народу Европы (а то и превосходили их). Автор середины XII в. Альфред из Беверли отмечал в написанных им анналах, что не знавшие рассказов из «Истории бриттов» рисковали прослыть невеждами²¹. И если непосредственные современники Гальфрида, идентифицируя себя с потомками англосаксов, зачастую не воспринимали «Историю бриттов» в качестве истории предков, то уже век спустя она превратилась для англичан в органичную и неотъемлемую часть «своего» прошлого.

После Гальфрида английские историографы получили реальную возможность начинать посвященные истории острова сочинения не с Юлия Цезаря, а прямо от Адама, воспевая превосходство английского народа над другими. И хотя Гальфрид Монмутский не принадлежал к числу наиболее «уважаемых» и «авторитетных» хронистов, его труд, как правило, вызывал критику лишь в той части, которую можно было сопоставить с сочинениями более ранних авторов, то есть уже при рассказе о событиях, последовавших за римским завоеванием. Безусловно, следует учитывать, что помимо удовлетворения интереса к неизвестному прошлому популярности труда Гальфрида также (а может быть, и в большей степени) способствовала

¹⁸ Там же. С. 1.

¹⁹ Уже в 1139 г. Генрих Хантингдонский познакомился с рукописью «Истории бриттов» в нормандском монастыре Бек.

²⁰ Лучше всего о популярности Гальфрида свидетельствует обилие списков – их сохранилось более 200, из которых 48 относятся к XII в. Подробнее см.: *Griscom A. The Historia Regum Britanniae of Geoffrey of Monmouth. N.Y., 1929. P. 551–582; Hammer J. Some Additional Manuscripts of Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae // Modern Language Quarterly. Vol. III (1942). P. 235–242; Huws D., Roberts B. F. Another Manuscript of the Variant Version of the «Historia Regum Britanniae» // Bibliographical Bulletin of the International Arthurian Society. Vol. XXV (1973). P. 147–153; East W. G. Manuscripts of Geoffrey of Monmouth // Notes and Queries. N. 220 (1975). P. 483–484; Dumville D. N. An Early Text of Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae and the Circulation of Some Latin Histories in the Twelfth-Century Normandy // Arthurian Literature. Vol. IV (1985). P. 1–36; Crick C. J. Manuscripts of Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae // Arthurian Literature. Vol. VII (1987). P. 158–162; Crick C. J. A Summary Catalogue of the Manuscripts // The Historia Regum Britanniae of Geoffrey of Monmouth. Vol. III. Cambridge, 1989.*

²¹ *Alfred of Beverley. Annales / Ed. T. Hearne. Oxford, 1716. Praefatio.*

увлекательность повествования: хроника буквально переполнена интригующими историями о воинских подвигах, любовных приключениях, тайных интригах, коварных заговорах и чудесных избавлениях от несчастий. Лишенная изящной поэтической формы, «История бриттов» даже как занимательное чтение обладала существенным преимуществом перед рыцарским романом, поскольку читателю предоставлялась возможность поверить, что все, о чем он читает, происходило на самом деле.

Несмотря на то что уже в классическое Средневековье многие хронисты предпочитали ограничиваться описанием правлений современных им монархов, традиция начинать повествование с Брута сохранилась в Англии вплоть до XVIII в. При этом именно сочинения, изложение событий в которых начиналось с древнейших времен, становились самыми популярными (особенно в периоды активизации внешней политики), а их авторы – крупнейшими авторитетами для современников и потомков. Здесь в первую очередь следует упомянуть Мэтью Пэриса, Ранульфа Хигдена и анонимного автора хроники, известной как «Брут»²². Обилие списков и постоянное цитирование данных хроник другими авторами как нельзя лучше свидетельствуют о том, что эти труды прямо или опосредованно оказали существенное воздействие на формирование представлений англичан XIV–XVI вв. о прошлом. Весьма показателен текст, написанный в 1366 г. монахом из аббатства Мальмсбери и озаглавленный «Дар истории». Его структура, а также факты всемирной истории были заимствованы у Мэтью Пэриса и Хигдена, в изложении же ранней истории Британии хронист предпочитал придерживаться, как и автор «Брута», текста Гальфрида Монмутского.

Порой интерес историографов к общеанглийским мифам и преданиям способствовал тому, что хронисты вставляли эти сюжеты в анналы своих аббатств. В качестве примера можно привести сочинение Генриха Бланефорда, продолжившего хронику монастыря Сент-Олбанс после смерти своего предшественника Джона Троkelоу в 1323 г. Не прерывая основное повествование, этот хронист делает небольшую вставку, в которой описывает первых обитателей Альбиона и рассказывает о победе, одержанной Брутом над гигантами²³.

В период Столетней войны не только хронисты, но и поэты нередко обращались к древнейшей истории английского народа. Например, официальный придворный поэт эпохи Генриха V и Генриха VI Джон Лидгейт неоднократно упоминал о троянском происхождении первого короля

²² О популярности «Полихроникона» и хроники «Брут» см.: *Гене Б.* История и историческая культура... С. 287–298.

²³ *Henrici de Blanfordie Chronica // Chronica Monasterii S. Albani / Ed. H. T. Riley. (RS). L., 1866. P. 132.*

Британии²⁴. Из более поздних, но столь же популярных сочинений можно назвать рифмованную хронику Джона Хардинга, «Новую хронику Англии и Франции» Роберта Фабиана, «Прошлое народа» Джона Растелла, а также целый ряд трудов историков и антиквариев второй половины XVI в. – периода, когда Реформация всколыхнула интерес к доримскому, кельтскому периоду английской истории.

Как уже отмечалось, английские средневековые историки, читавшие труды континентальных авторов, не могли не знать содержания этногенетических мифов других народов. Но готовы ли были англичане признать, например, предков франков, возводивших свой род к Франсиону, сыну Приама²⁵, столь же благородными по крови, что и потомков Брута? Следует отметить, что тема соперничества рода Энеадов с родом Приама встречается еще в «Илиаде»²⁶. В отличие от древних римлян, для которых было важно подчеркнуть родство Юлиев с Венерой и Зевсом, англичане эпохи Столетней войны существенно упрощали генеалогию античных героев, опуская их сложные отношения с языческими богами. Например, в середине XIV в. автор «Полихроникона» Ранульф Хигден, признавая троянское происхождение франков, но не будучи склонен уравнивать благородство крови последних с бриттской, подчеркивал, что в отличие от Брута, потомка царского рода Энея, Франсион происходил лишь от знатного троянца Антенора (того самого, который уговаривал сограждан возратить Елену ахейцам)²⁷. Очевидно, что даже один из самых сдержанных историографов эпохи Столетней войны, далекий от политики и мало интересующийся современными ему реалиями, предпочел отказать Франсиону в родстве с последним царем Трои, поставив таким образом предков английского народа выше предков французов.

Если легенда о Бруте предлагала единственную версию этимологии слова «Британия», то по поводу происхождения первого названия острова – Альбион, о котором вслед за римскими историками упоминал Беда²⁸, мнения английских историографов расходились. Вплоть до конца XVI в. существовало два объяснения. Первое, популяризированное Ранульфом Хигденом, восходило еще к античным авторам, полагавшим, что свое

²⁴ *Lydgate J. Troy Book, I, lines 832–836; Kings of England since William Conqueror, lines 1–4; Fall of Princes, IX, lines 3150–3154; Debate of the Horse, Sheep, and Goose, lines 211–217.*

²⁵ О троянском мифе во французской исторической традиции см., например, статью: *Эльфонд И. Я. Раннесредневековые основы политической мифологии во французской культуре XVI в. // Миф в культуре Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 2003. С. 239–252.*

²⁶ *Гомер. Илиада. XIII, 459–461; XX, 302–307.*

²⁷ *Higden. Vol. I. P. 272.*

²⁸ *Беда. I, I.*

название остров получил из-за белых скал, возвышающихся над морем²⁹. Хроника «Брут» обеспечила широкую известность второй версии³⁰. В ней рассказывалась легенда об Альбине, старшей дочери сирийского царя Диоклетиана, и ее тридцати двух сестрах, которые были изгнаны из отцовского государства за убийство мужей. Приплыв на неизвестный остров, сестры не только научились ловить птиц и зверей, но также, одержимые похотью, вступили в связь с инкубами, родив от них гигантов, потомков которых и разбили троянцы во главе с Брутом.

Излагавшие обе версии хронисты, как правило, указывали, какая из них казалась им более правдоподобной. Так, в середине XV в. Джон Хардинг подверг критическому анализу легенду о принцессе Альбине, отметив целый ряд ошибок, допущенных его предшественниками. Этот представитель нового гуманистического направления в английской историографии был хорошо знаком не только с трудами средневековых хронистов, но и с сочинениями античных авторов. Хардинг утверждал, что в Сирии не только никогда не существовало царя с именем Диоклетиан, но и вообще не было никаких царей, пока Александр Великий не дал этот титул Селевку³¹. В истории об убитых женами мужьях Хардинг с легкостью узнал миф о пятидесяти дочерях египетского царя Дана, старшего брата Рамзеса³². Однако указания на заблуждения древних хронистов не мешали Хардингу считать это предание заслуживающим пересказа. Историк даже отдал ему предпочтение перед нейтральной версией о белых скалах. Более того, на легенду о первых правительницах острова Хардинг ссылается, замечая, что, видимо, от них английские женщины унаследовали жажду власти. Эта ремарка особенно любопытна в свете сюжетов, связанных с адаптацией или даже присвоением англичанами мифов и исторических преданий других народов: для Хардинга к предкам англичан относятся не только англосаксы и нормандцы, но также троянцы и египтяне.

Младший современник Хардинга, знаменитый антикварий и историограф Джон Роуз, изучив различные версии мифа, пришел к выводу о том, что главная ошибка средневековых хронистов заключалась в том, что они перепутали Сирию с Ассирией. Сам Роуз, пересказавший легенду о Данаидах по тексту Овидия, также счел ее исправленный вариант вполне правдоподобным³³. Напротив, издавший свою «Историю народа» в 1529 г. Джон Растелл категорически отказывается верить в историю об Альбине и ее сестрах (изложенную им в соответствии с хроникой «Брут»). По его

²⁹ Higden. Vol. II. P. 6.

³⁰ The Brut. Vol. I. P. 1–4.

³¹ Hardyng (1). Ch. 2, 3.

³² Ibid. Ch. 1–6.

³³ Joannis Rousi Historia Regum Angliae... P. 10–15.

мнению, совершенно невозможно, чтобы у какого-либо царя нашлось тридцать три дочери, которых он захотел бы выдать замуж в один день, чтобы отыскалось тридцать три царя, готовых жениться на них в один день, чтобы все принцессы оказались настолько жестокими, что решились на убийство, чтобы они смогли заплыть так далеко от дома (не встретив по пути никаких других земель), и, наконец, чтобы дьявол обладал силой, позволившей ему зачать гигантов (если бы это было так, тогда, как считает Раstell, подобные случаи встречались бы и в его дни). После столь аргументированной критики историк делает вполне логичное умозаключение о том, что название «Альбион» может происходить только от белых скал³⁴.

Во второй половине XVI в. Рафаил Холинshed выдвинул новую версию происхождения гигантов и названия острова. Историк утверждал, что впервые остров был заселен примерно через 200 лет после Всемирного потопа, когда туда из Кельтики (Celtica) прибыл Сатурн, один из сыновей Иафета. Этот Сатурн, имя которого означает «прародитель», и стал первым правителем острова, названного в его честь Самогией (Samothea)³⁵. Полтора столетия спустя потомок другого сына Ноя – Хама, могущественный царь Нептун (правивший островами Средиземного моря и имевший огромный флот, «за что был почитаем как бог морей»), помог своему сыну гиганту Альбиону покорить кельтское население Самогии. Холинshed замечает, что Альбиона и его спутников называли гигантами не потому, что они были огромного роста (хотя ростом они значительно превосходили всех живущих в то время людей), а по месту их рождения: ибо этим словом называют коренное население какой-либо местности³⁶. Альбион стал девятым царем острова. Дальнейшее изложение истории представляет собой еще более причудливую смесь из разных мифов. Через семь лет правления Альбион и его брат Бергион были убиты Геркулесом, мстившим сынам Нептуна за смерть своего отца Осириса. Власть над островом снова досталась правителю Кельтики тирану Лукусу.

Таким образом, Рафаил Холинshed не только попытался объединить библейскую историю с древними мифами, хорошо известными читателям эпохи Возрождения, но и предложил новую версию происхождения названия «Альбион», которая казалась ему самой вероятной. Историк, разумеется, упоминает и теорию о белых скалах³⁷, но лишь для того, чтобы не подвергать сомнению авторитет древних. Традиционное же для английских

³⁴ *Rastell*. P. 203–204.

³⁵ *Holinshed*. *The Description of Britain...* P. 1–2; *The Chronicle of England...* P. 1–2.

³⁶ *Holinshed*. *The Description of Britain...* P. 4: «Gigantes signifieth the sons of the earth: the Aborigenes, or (as Cesar calleth them) indigenae, that is, borne and bred out of the earth where they inhabited».

³⁷ *Holinshed*. *The Description of Britain...* P. 5; *The Chronicle of England...* P. 3.

средневековых авторов возведение этимологии острова к имени старшей дочери сирийского царя кажется этому ренессансному историографу совершенно необоснованным. Ссылаясь на Джона Хардинга, Джона Роуза, Дэвида Пенкера и других историков и поэтов XV в., Холинshed заявляет, что благодаря им ученые мужи могут больше не беспокоиться об исправлении ошибок древних хронистов, перепутавших Данаю с Диоклетианом³⁸. Однако в отличие от предшественников Холинshed утверждает, что, даже если корабль с Данаидами действительно прибыл к берегам будущей Британии, ни одна из принцесс не могла дать острову свое имя, поскольку ни одну из них не звали Альбиной (дотошный гуманист перечисляет имена всех пятидесяти, начиная со старшей, Иды)³⁹. Впрочем, дальнейшее изложение событий Холинshedом полностью соответствует английской историографической традиции.

Авторитет Холиншеда способствовал быстрому росту популярности его версии заселения острова. В 1592 г. она была изложена Джоном Стау в «Анналах Англии»⁴⁰. А вот Эдмунд Спенсер, вставивший историю английского народа в знаменитую поэму «Королева фей» (1596 г.), в X песне II книги повторил традиционный рассказ о заселении острова гигантами, рожденными пятьюдесятью дочерьми царя Диоклетиана, а в XI песне IV книги – версию Холиншеда о гиганте Альбионе, сыне Нептуна⁴¹.

Важное место в английской истории занимает сюжет о покорении Британии Римом. После рассказов о многочисленных победах, одержанных бриттами над разными противниками, включая римлян, хронисты были вынуждены переходить к повествованию о превращении Британии в римскую провинцию. Все тот же Гальфрид Монмутский попытался «облагородить» поражение бриттов. В уста Юлия Цезаря – первого римского полководца, решившего покорить этот остров, – он вложил слова об общем происхождении двух народов, что автоматически подразумевало иной статус бриттов в составе империи. «У нас, римлян, клянусь Геркулесом, и у бриттов течет в жилах та же самая кровь, ибо свое начало мы ведем от общего корня... Поэтому нужно прежде всего... предложить им изъявить, подобно другим народам, покорность сенату и готовность вносить нам надлежащие подати, дабы мы не оказались в необходимости проливать кровь наших сородичей, что было бы кощунственным оскорблением, наносимым нами Приаму, общему нашему пращуру»⁴². После того как

³⁸ *Holinshed. The Description of Britain...* P. 5.

³⁹ *Ibid.* P. 6.

⁴⁰ *Stow.* P. 10.

⁴¹ *Spenser, Edmund. The Faerie Queene...* Bk. II, canto X, 4–12; bk. IV, canto XI, 15–17.

⁴² *Гальфрид. С. 54; Eulogium Historiarum. Vol. II. P. 249–250; Waurin. Vol. I. P. 123.*

бритты ответили отказом, Цезарь трижды пытался покорить их силой. Каждый раз его войска терпели сокрушительное поражение от бриттов под предводительством Кассибеллана.

Если для Гильды римское завоевание однозначно трактуется как кара небесная, посланная Богом, дабы наказать бриттов за прегрешения, то авторы следующих эпох были куда менее суровы в своих приговорах. Даже Беда Достопочтенный, четко ассоциирующий себя с народом англов (то есть с новой волной завоевателей) и осуждающий бриттов за грехи, тем не менее указал на то, что Цезарю удалось разбить Кассибеллана лишь потому, что вождь Андрогей, а затем и другие вожди бриттов сдали римлянам заложников и удерживаемые ими крепости⁴³. Версия Беды о предательстве Андрогея стала доминантной в историографии. В свою очередь, Гальффрид Монмутский тщательно разработал этот сюжет, дополнив его многими увлекательными и драматическими подробностями. Этот хронист не только выдумал вполне правдоподобное объяснение вражды Кассибеллана с Андрогеем, но и приписал последнему тайный сговор с врагом⁴⁴. Любопытно замечание Холиншеда, который, как и большинство историков периода Реформации, уделяет особо пристальное внимание борьбе бриттов с римлянами, о том, что Цезарю удалось покорить не всех бриттов, а только население южного побережья острова⁴⁵. Произошло же это в 3913 г. от Сотворения мира, в 698 г. от основания Рима, в 53 г. до Рождества Христова и через 1060 лет после высадки Брута на острове⁴⁶. Пассажи Холиншеда свидетельствуют не только о более скрупулезной работе с источниками, но и об особом внимании автора к римским сюжетам.

Следует отметить, что отношение англичан к римскому завоеванию носило несколько амбивалентный характер: с одной стороны, это был период подчинения бриттов иноземным правителям, а с другой – еще Гильда был готов рассматривать приход римлян как благо для бриттов, ибо враги принесли с собой истинный свет образования и христианской веры. Разумеется, я не стремлюсь приписать средневековым англичанам те же эмоции, которые испытывал по отношению к римлянам Гильда, в сознании которого христианская и культурная идентичность явно доминировали над «национальной». Я лишь хочу показать, что Гильда заложил основы неоднозначного отношения к завоеванию. Пытаясь преодолеть эту двойственность, английские историографы старались изобразить взаимоот-

⁴³ Беда. I, II.

⁴⁴ Гальффрид. С. 61–62; *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 250–256; *Higden*. Vol. V. P. 182–186; *The Brut*. Vol. I. P. 31–32; *Hardyng (I)*. Ch. XLIII–XLVIII; *Fabyan*. P. 32–33; *Waurin*. Vol. I. P. 135–149; *Spenser, Edmund*. *The Faerie Queene*... Bk. II, canto X, 46–49; *Rastell*. P. 218; *Stow*. P. 20–22.

⁴⁵ *Holinshed*. *The Chronicle of England*... P. 30.

⁴⁶ *Ibid.* P. 31.

ношения победителей и побежденных в наиболее выгодном для последних свете, в результате чего римские императоры и их наместники предстают в хрониках как равноправные соправители бриттских королей.

Довольно часто английские авторы эпохи классического Средневековья рассказывали о династических браках римлян с бриттами, в результате которых рождались великие государи, правившие не только Британией, но и всей Римской империей. Например, автор хроники «Брут» вслед за Гальфридом отметил, что император Клавдий выдал свою дочь за короля бриттов Армодера и от их брака родился сын, получивший имя Вестминстер⁴⁷. Но самым знаменитым браком, бесспорно, был союз римского сенатора Констанция Хлора, отправленного в Британию для прекращения борьбы между претендентами на королевский трон, и Елены, дочери победившего в этой борьбе графа Колчестерского, поскольку в этом браке был рожден Константин Великий⁴⁸. После смерти отца Константин стал королем бриттов, которыми он мудро правил вплоть до провозглашения его императором. Перебравшись в Рим, Константин оставил бриттскую корону дяде по материнской линии. Таким образом, согласно устойчивой историографической традиции, первый христианский император и его мать св. Елена, отыскавшая на Голгофе крест Спасителя и копье, которым он был убит, имели бриттское происхождение. Эта версия, несмотря на опровержения со стороны современных историков, оказалась настолько дорога сердцам англичан, что в середине прошлого века известный писатель Ивлин Во выстроил вокруг нее свой роман «Елена»⁴⁹.

⁴⁷ The Brut. Vol. I. P. 35.

⁴⁸ Об этом союзе упоминает Беда Достопочтенный, который, хотя и именует Елену сожительницей (сopubina) Констанция Хлора (поскольку император Диоклетиан настоял на их разводе), признает, что их сын, ставший впоследствии императором, изначально был королем бриттов (*Беда*. I, VIII). Авторитета Беды было достаточно для того, чтобы никто из английских историографов не сомневался в достоверности этой информации, см.: *Гальфрид*. С. 78; *Higden*. Vol. V. P. 96; *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 267; *The Brut*. Vol. I. P. 38–40; *Capgrave*. *Abbreuiacion of Cronicles*... P. 61; *Hardyng (I)*. Ch. LX–LXI; *Fabyan*. P. 45–46; *Waurin*. Vol. I. P. 166–170; *Rastell*. P. 236–237; *Foxe J.* *Acts and Monuments*. L., 1684. Vol. I. P. 88–96; *Holinshed*. *The Chronicle of England*... P. 61–62; *Spenser E.* *The Faerie Queene* bk. II, canto X, 59–60; *Stow*. P. 46. Происхождение Елены остается доподлинно неизвестным, и, хотя современные историки считают местом рождения Константина Фракию, его отец, Константин Хлор, действительно одно время был наместником в Британии и даже умер там, что, по всей видимости, и явилось основанием для признания Британии родиной будущего императора (*Wilson A.* «Biographical Models»: the Constantinian Period and Beyond // *Constantine: History, Historiography and Legend* / Ed. S. N. C. Lieu and D. Monsterrat. L.; N.Y., 1998. P. 107–135; *Lieu S.* *From History to Legend and Legend to History: The Medieval and Byzantine Transformation of Constantine's Vita* // *Constantine: History, Historiography and Legend*. P. 136–176).

⁴⁹ В предисловии к читателям И. Во отметил, что Британия – столь же вероятное место рождения Елены, как и любое другое, но «английские историки всегда считали ее уроженкой своей страны» (*Во И.* *Елена* / Пер. А. Иорданского).

Рассказывая о родстве бриттов и римлян, Гальфрид решил не ограничиваться одним Константином. По его версии, дядя Елены также женился на римлянке, родив в этом браке Максимилиана. Этот Максимилиан, будучи римским сенатором, долгие годы безуспешно пытался стать императором, пока правитель Корнуолла не предложил ему жениться на дочери короля бриттов и самому стать королем, после чего с легкостью подчинить себе Рим: «...при изобилии в ней [Британии. – *Е. К.*] золота и серебра, при великом множестве находящихся там смелых воинов ты обретешь возможность вернуться в Рим и, прогнав императоров, подчинить его своей воле. Ведь именно так поступили родич твой Константин и многие наши короли, достигшие вершин власти»⁵⁰. Став императором, Максимилиан, так же как и Константин, охотно делал бриттов первыми людьми империи. После убийства Максимилиана в Риме приверженцами его противника Грациана последний попытался упрочить свою власть в империи, также провозгласив себя королем бриттов. Однако бритты не потерпели притеснений со стороны чужеземца и, «собравшись толпой, кинулись на него и его умертвили»⁵¹.

В средневековых английских исторических сочинениях римляне изображаются не только народом равным бриттам по благородству крови, но и единственным, с которым бритты готовы родниться. В этом смысле показательна чрезвычайно популярная история о вожде бриттов Конане, получившем от императора Максимилиана Арморикю, названную Малой Британией. Ни сам Конан, ни его люди не желали брать в жены француенок («*wolde nouȝt take wifes of þe nation of France*»⁵²; «*indignati cum Francigenis commisceri*»⁵³; «*nuptias Gallorum detestans*»⁵⁴; «*no will to wedde Frenschemen douȝtres*»⁵⁵), или, как написал Жан Ворэн, не хотели «смешивать бриттскую кровь с кровью других народов (*car il ne voloit point mesler le sang britonicwue avec aultres nations*)»⁵⁶. Поэтому Конан обратился к графу Корнуолла с просьбой прислать 11 тысяч дев (3 тысячи для знати и 8 тысяч для простого народа), чтобы он и его люди могли сочетаться браком с равными себе по крови. Граф отправил Конану свою

⁵⁰ *Гальфрид*. С. 81.

⁵¹ Там же. С. 88, 89.

⁵² *The Brut*. Vol. I. P. 43.

⁵³ *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 271.

⁵⁴ *Higden*. Vol. V. P. 202.

⁵⁵ *Higden (Trevisa)*. Vol. V. P. 203.

⁵⁶ Жан Ворэн также увеличил число дев, отметив, что 11 тысяч из них (которые и претерпели мученическую смерть) были благородного происхождения, а 60 тысяч – простолюдинками (*Waurin*. Vol. I. P. 175–176). В конце XVI в. Рафаил Холинshed также указал на расхождения средневековых хронистов по поводу численности бриттских дев: «Некоторые авторы полагали, что вместе с 11 тысячами благородных девиц было отправлено 40 тысяч простолюдинок» (*Holinshed. The Chronicle of England...* P. 67).

дочь Урсулу и еще 11 тысяч дев, которых буря занесла в район Кельна, где они и приняли мученическую смерть⁵⁷. Легенда о св. Урсуле и ее спутницах, пользовавшаяся особой популярностью у историков эпохи Столетней войны, не только свидетельствовала о том, что бритты высоко ценили свое происхождение, допуская браки лишь с равными по крови, но также позволяла приписать бриттское происхождение 11 тысячам христианских мучениц.

В середине XVI в. отношение к бракам бриттов с римлянами меняется: историки и поэты периода Реформации предпочитали не упоминать о таких союзах (исключение делается только для Констанция Хлора и Елены), сосредотачиваясь на освободительной борьбе бриттов с захватчиками. Положение данников не устраивало «гордых и свободолюбивых бриттов», поэтому, как утверждает Рафаил Холинshed, «предки англичан» неоднократно пытались отказаться выплачивать дань и постоянно воевали с римскими войсками. В этот период особенно популярной становится легенда о королеве Боадиции, в уста которой Холинshed вложил следующую пламенную речь: «Я полагаю [милорды и друзья], что среди вас не найдется человека, который бы прекрасно не понимал, насколько свобода и независимость предпочтительнее неволи и рабства... некоторые из вас безрассудно предпочитают чужеземное господство обычаю и законам вашей собственной земли, сейчас вы должны понять (и я в этом не сомневаюсь), насколько свободная бедность предпочтительнее перед огромным богатством в рабстве... Насколько более похвально потерять наши жизни, защищая нашу страну, чем... ежедневно подчиняться многочисленным господам»⁵⁸. В качестве одного из достойных восхищения потомков подвигов Боадиции Холинshed упоминает ее приказ казнить без разбора возраста и пола семьдесят тысяч пленных римлян⁵⁹.

Исключительное по важности место в представлении англичан об историческом прошлом занимало предание о завоевании Британии англосаксами. Легенда о призвании правителем бриттов Вортигерном для защиты от пиктов и скоттов воинов из племен воинственных германцев нашла отражение еще в тексте Гильды. Для Гильды, видевшего причину гибели Британии в поведении самих бриттов, погрязших во всевозможных грехах и пороках и тем самым навлекших на себя гнев Господа,

⁵⁷ The Brut. Vol. I. P. 43–44; также см.: *Higden*. Vol. V. P. 200–202; *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 271; *Fabyan*. P. 51; *Stow*. P. 48; Растелл ограничивается упоминанием о мученической смерти Урсулы и 11 тысяч девственниц в Кельне, не указывая даже на их происхождение (*Rastell*. P. 243).

⁵⁸ *Holinshed*. The Chronicle of England... P. 43–44.

⁵⁹ *Ibid*. P. 44–45.

появление англосаксов в Британии было не чем иным, как очередной божественной карой. Ученый муж именуется пришельцев «дичайшим и нечестивейшим» народом, «мерзкими людьми». Они получили восточную часть острова для поселения, «якобы собираясь сражаться за отечество [родину бриттов. – *Е. К.*], а на самом деле скорее намереваясь сражаться с ним»⁶⁰. Осознавая и сожалея о пороках соотечественников, Гильда тем не менее не мог воспринимать вторжение германцев как благо, ибо для него они однозначно были врагами, бедой, посланной в наказание грешникам, равносильной вспыхнувшей ранее эпидемии чумы.

Совсем иначе трактовал эти же события Беда Достопочтенный, ассоциировавший себя с народом англов, то есть с завоевателями. В отличие от склонного выражаться туманным языком иносказаний и пространных библейских цитат Гильды Беда вполне конкретен в перечислении преступлений бриттов против Бога. Цитируя своего предшественника, он сначала признает англов злом, точнее, карой, посланной «Божьим промыслом в наказание за нечестивые дела», именуя зажженный ими огонь «мщением Божьим тому погрязшему в грехе народу, подобно огню халдейскому, что сжег стены Иерусалима»⁶¹. После же обращения в истинную веру соплеменники превращаются для Беды в «ангелоподобный народ», угодный Богу, проявляющему к нему великие милости⁶². В доказательство этих слов достопочтенный муж приводит пространные цитаты из писем папы Григория Великого к крестителю англов Августину Кентерберийскому, в которых понтифик убеждал проповедника в том, что все совершенные им чудеса Господь даровал не ему, но обращенным им⁶³. Даже короля Эдильфрида, который «теснил бриттов сильнее, чем все прочие правители англов», Беда именовал «славнейшим», сравнивая его с царем Саулом. И хотя Эдильфрид «не был знаком с истинной верой», он все же заслужил восхищение автора именно по той причине, что «ни один другой правитель или король не подчинил народу англов больше земель; эти земли он заселил, изгнав или подчинив местных жителей»⁶⁴. Таким образом, очевидно, что для Беды этническая идентичность выступает на первом месте: для него англы хороши еще до принятия христианства, как я покажу ниже, этот авторитетнейший из английских историографов даже был готов одобрить массовое убийство христиан-бриттов язычниками-англами. Впрочем, разумеется, описывая эти деяния предков, достопочтенный муж

⁶⁰ Гильда. С. 23.

⁶¹ Беда. I, XIV–XV.

⁶² Там же. I, XXXI; II, II.

⁶³ Там же. I, XXXII.

⁶⁴ Там же. I, XXXIV.

принимал в расчет последующую историю своего народа и учитывал его грядущее крещение.

Предложенная Бедой история оставалась незыблемой вплоть до появления труда Гальфрида Монмутского. Этот смелый автор диаметрально изменил, казалось бы, навечно утвержденный в исторических текстах взгляд на прошлое. Гальфрид не только изобразил бриттов самым великим и благочестивым народом прошлого, но и совершенно иначе, чем его предшественники, изложил историю прихода англосаксов. Во-первых, в трактовке Гальфрида вождь гевиссеев Вортигерн был не законным правителем Британии, а тираном, обманом захватившим трон⁶⁵. Приглашенный им предводитель саксов Хенгист в свою очередь коварно обманул Вортигерна, возведя укрепленный замок на месте, которое можно было бы обвести одним ремнем. В этом эпизоде Гальфрид использовал миф о строительстве Карфагена царицей Дидоной, купившей у берберского царя Ярба землю, которую можно было бы покрыть воловьей шкурой. Разрезав шкуру на тонкие ремни, хитрецы смогли обвести большую площадь земли. Дидона назвала город Карфагеном, что в переводе с греческого означает шкура, а Хенгист свою крепость Танекастре – Замок ремня.

Вскоре прибывших в Британию язычников стало так много, что это стало беспокоить христиан. Тогда, пригласив бриттских вождей для переговоров, саксы коварно перебили безоружных, оставив в живых только Вортигерна, который под страхом смерти передал врагам власть над королевством⁶⁶. Но в тот момент, когда враги бриттов уже праздновали победу, к борьбе с ними подключились прибывшие из изгнания сыновья законного правителя Константина – Аврелий Амброзий и Утерпендрагон. Расправившись с предателем Британии Вортигерном, братья стали доблестно теснить саксов. Но окончательную победу над завоевателями одержал сын Утерпендрагона Артур, покоривший не только Британию, но и большую часть Европы от Норвегии до Рима⁶⁷.

При преемниках Артура борьба бриттов с саксами продолжалась с переменным успехом, пока, наконец, несколько врагов не объединились. Вместе с саксами против бриттов выступили африканцы и франки под предводительством Изембарда, племянника короля Людовика, который ради любви к союзникам даже отрекся от христианства. Уцелевшие после битв с врагами бритты оставили центральные части острова, удалившись на запад, в Уэльс и Корнуолл, а некоторые отплыли в Арморику, еще в древности заселенную их соплеменниками. В конце VII в. законный правитель бриттов Кадваллон с 10 тысячами воинов, данных ему вымышленным

⁶⁵ Гальфрид. С. 94.

⁶⁶ Там же. С. 104–106.

⁶⁷ Там же. С. 143–176.

Гальфридом правителем Арморики Соломоном, разбил саксов, после чего был коронован в Лондоне. Сорок восемь лет его правления Гальфрид описал как эпоху возрождения былого могущества державы бриттов. После его смерти подданные якобы поместили забальзамированное тело короля в бронзовое изваяние, которое затем было закреплено на бронзовом коне и установлено над западными воротами Лондона для устрашения врагов.

Повествуя о бесконечных победах бриттов над саксами, Гальфрид тем не менее был вынужден хоть как-то привести свое сочинение в соответствие с трудами авторитетных предшественников. Для этого он, во-первых, включил в повествование описанных Бедой вождей англосаксов, заставив их взаимодействовать с вымышленными им самим персонажами, а во-вторых, нашел поистине драматическое объяснение захвата Британии германцами. Согласно версии Гальфрида, после смерти Кадваллона среди бриттов снова начались внутренние распри, за которые они были наказаны Богом голодом и очередной эпидемией. А посему сын великого правителя Кадвалладр, которого Беда называет Кэдваллой⁶⁸, собрав остатки бриттов, вернулся в Арморику. В уста Кадвалладра автор вложил горестные сожаления о судьбе его народа, которые одновременно являются заключением ко всему труду Гальфрида: «Всемогущий обрушил на нас заслуженное нами возмездие, которое вырывает нас с корнем из родной почвы, чего не удалось добиться некогда римлянам, а позднее скоттам, и пиктам, и саксам, несмотря на коварство их предательства. Но тщетно мы столько раз избавляли от них свою родину, ибо не было воли Господней на то, чтобы мы властвовали на ней вечно. Праведный судия, узрев, что мы никак не хотим прекратить преступления наши и что никому не по силам изгнать с острова наш народ и пожелав покарать неразумных слепцов, ополчился на нас... Вернитесь, римляне, вернитесь, скотты, вернитесь, амброны-саксы, перед вами покинутая нами из-за Божьего гнева Британия, опустошить которую вам было невмочь! Из нее нас изгнала не ваша доблесть, но всемогущего царя над царями, которому непрестанно наносили мы оскорбления»⁶⁹. Лишь после того, как Британия опустела, ее смогли захватить англы. В Арморике же Кадвалладру явился ангел, предсказавший, что однажды «народ бриттов в воздаяние за свою приверженность к истинной вере вновь завладеет... своим родным островом». Те же бритты, что поселились в Уэльсе, утратили былое благородство и не смогли воссоздать древнее государство. На этом Гальфрид Монмутский заканчивает свое повествование, предоставив другим хронистам рассказывать о королях саксов и правителях Уэльса⁷⁰.

⁶⁸ Беда довольно негативно характеризует этого предводителя бриттов, отмечая, что он «опустошил и обезлюдил королевство своими жестокостями» (*Беда*. IV, XV).

⁶⁹ *Гальфрид*. С. 203.

⁷⁰ Там же. С. 205–208.

Таким образом, Гальфрид вернулся к той же версии гибели державы бриттов, что была у Гильды Премудрого, однако лишив ее роковой безысходности. Более того, что особенно важно в свете изучаемой темы национального самосознания, обличение пороков бриттов у Гальфрида совершенно не похоже на инвективу Гильды. Если первый готов сетовать на внутренние распри или даже частные пороки отдельных персонажей (например, на жестокость или сластолюбие Вортигерна), изображая основную массу бриттов преисполненными всяческих достоинств, как физических, так и моральных, то последний видел у соплеменников одни лишь недостатки. Войско, которое древний автор характеризовал как «ленивое в битве и неловкое в бегстве, ни к чему не способное со своими дрожащими поджилками»⁷¹, предстает в «Истории бриттов» преисполненным силы и отваги. Если Гильда винил в погибели Британии весь ее народ, то Гальфрид возлагал ответственность лишь на отдельных его представителей.

Непосредственные современники Гальфрида восприняли предложенный им альтернативный взгляд на историю англосаксонского завоевания по-разному. Например, Генрих Хантингдонский, хотя и редактировал хронику на протяжении всей жизни, тем не менее предпочел твердо следовать в своем изложении за Бедой, ограничившись кратким пересказом Гальфрида. Даже Альфред из Беверли, который попытался дополнить освященное многовековой традицией представление о прошлом неожиданно открывшимися «новыми сведениями», в спорных местах отдавал предпочтение авторитету Беды⁷².

С определенной уверенностью можно сказать, что текст Гальфрида стал частью историографического канона в середине XIII в. Знаменитый хронист из Сент-Олбанса Мэтью Пэрис виртуозно справился с задачей по написанию всемирной хроники. Рассказывая о древней истории Британии, он полностью доверился Гальфриду, фактически дословно переписав «Историю бриттов». Дойдя в своем изложении до англосаксонского завоевания, хронист стал совмещать текст Гальфрида с другими историями, главным образом с трудами Беды и Уильяма Мальмсберийского. В результате получился органичный рассказ о далекой истории острова, в котором стерты представления о «своем» и «чужом» этносах. Для Мэтью Пэриса, а также для последующих историографов, таких как Ранульф Хигден, анонимный автор хроники «Брут», Роберт Фабиан, Рафаил Холинshed и многих других, бритты и саксы воспринимались одинаково отстраненно. В историю Беды и его продолжателя Уильяма Мальмсберийского эти хронисты вставляли рассказы Гальфрида о доблести Аврелия Амброзия, Утера

⁷¹ Гильда, 19.

⁷² Мереминский С. Г. Беверли и североанглийское историописание XII века // Средние века. Вып. 67. М., 2006. С. 151–152.

и Артура, о последнем успехе бриттов под предводительством Кадваллона и т.д. В зависимости от контекста симпатии авторов были то на стороне бриттов, то на стороне завоевателей. По мере того как разворачивалось повествование, цитат из Гальфрида становилось все меньше и меньше, пока, наконец, история бриттов не сходила на нет. При этом некоторые историки упоминали о пророчестве, якобы данном ангелом Кадвалладру, замечая, что жители Уэльса верят в эту легенду⁷³, другие же предпочитали ограничиться информацией об уходе потомков троянцев в Уэльс и Арморику⁷⁴, третьи просто переставали упоминать о бриттах⁷⁵.

Говоря о представлении английских хронистов о Нормандском завоевании, необходимо отметить, что это важнейшее событие в истории Англии было подвергнуто историографической мифологизации уже в XI в.⁷⁶ При этом важно учитывать изначальное существование двух версий данного сюжета. Знаменитая «Англосаксонская хроника»⁷⁷ предлагала проанглийский взгляд на произошедшие события, представляя нормандского герцога Вильгельма жестоким захватчиком, отнявшим трон у законного короля Англии. Однако эта хроника не пользовалась особой популярностью у хронистов последующих поколений, хотя они нередко обращались к ней при составлении своих сочинений. Например, Уильям Мальмсберийский, оценивая английскую историческую традицию после смерти Беды, весьма скептически отозвался об «Англосаксонской хронике» и ее латинских редакциях⁷⁸.

В конце XII в. обладавший обостренной «английской» идентичностью Уильям Ньюбургский, прославившийся прежде всего благодаря язвительной критике в адрес Гальфрида Монмутского, начал хронику с изобличения

⁷³ *Fabian*. P. 126; *Holinshed*. The Chronicle of England... P. 126.

⁷⁴ *Mattaues Parisiensis*. *Chronica Maiora*... Vol. I. P. 304–305; *Capgrave*. P. 99.

⁷⁵ *Higden*. Vol. VI. P. 58.

⁷⁶ Нижеследующий лапидарный рассказ о восприятии Нормандского завоевания в средневековой английской историографии отнюдь не претендует на полное раскрытие этого масштабного сюжета, а лишь прослеживает основные изменения, происшедшие к XIV–XV вв. в репрезентации и оценке событий 1066 г. Подробнее о Нормандском завоевании в английской исторической традиции см.: *Barber R.* The Norman Conquest and the Media // *Anglo-Norman Studies*. Vol. XXVI (2003). P. 1–20; *Bates D.* 1066: Does the Date still Matter? // *Historical Research*. Vol. LXXVIII (2005). P. 443–464; *Turville-Petre Th.* England the «Nation»... P. 91–98; *Мереминский С. Г.* Формирование английской исторической традиции во второй половине XI – первой половине XII в. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2006. С. 158–172.

⁷⁷ Сохранилась в нескольких версиях, датируемых XI–XII вв. Подробнее см.: *Метлицкая З. Ю.* Историческое сознание англосаксонских анналистов IX–XI веков (по материалам Англосаксонской хроники). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2005; *Мереминский С. Г.* Формирование английской исторической традиции... С. 53–59.

⁷⁸ *William of Malmesbury*. *Gesta Regum Anglorum*... Prologus in libro primo. Vol. I. P. 14.

герцога Вильгельма. По версии этого историографа, Вильгельм Бастард начал войну исключительно «из-за незаконной жажды новых приобретений». Отдавая должное уму и военным успехам Вильгельма, хронист, тем не менее, настойчиво изображал его жестоким тираном, решившимся ради «удовлетворения собственных страстей запятнать себя кровью и присвоить себе права других»⁷⁹. Впрочем, даже считая, что у Вильгельма не было настоящих прав на английский престол, Уильям Ньюбургский полагал, что законная коронация все-таки сделала Завоевателя легитимным государем, что, впрочем, не отменяло греховности пролития им христианской крови.

Столь скептическое отношение к правам Вильгельма на английскую корону было скорее странным исключением, чем общим правилом для английской средневековой историографии. Дело в том, что наиболее авторитетные хронисты первой половины XII в., а именно – упомянутый выше Уильям Мальмсберийский и его современник Генрих Хантингдонский, труды которых стали главными источниками по этому периоду для всех последующих историографов, следовали (в контексте проблемы законности завоевания) скорее за трактовкой, предложенной в сочинениях двух нормандских авторов: «Деяниях герцогов Нормандии» (1070–1072 гг.) Гийома Жюмьежского и «Деяниях Вильгельма, герцога Нормандии и короля Англии» (1073–1074 гг.) Гийома из Пуатье. Именно в трудах нормандских хронистов, желавших оправдать покорение Англии и легитимировать коронацию Вильгельма, были изложены все основные компоненты «мифа» о Нормандском завоевании.

Согласно историографической традиции, у Вильгельма было три основания для вторжения в Англию. В первую очередь называется месть Вильгельма за смерть своего родственника⁸⁰ принца Альфреда (брата Эдуарда Исповедника)⁸¹. В этой смерти не без оснований обвиняли отца Гарольда эрла Годвина, одного из самых могущественных сеньоров того времени. По версии хронистов, Годвин в 1041 г. предательски убил одного из наследников английской короны⁸², а чудом уцелевшего Эдуарда вынудил жениться на своей дочери Эдит⁸³. Историографы утверждают, что в планы «предателя» Годвина также входило убийство короля и захват

⁷⁹ *William of Newburgh. Historia...* Vol. I. P. 20–23.

⁸⁰ Король Англии Этельред II был женат на Эмме, дочери нормандского герцога Роберта II.

⁸¹ *Henry of Huntingdon. P. 384; Annales de Oseneia. P. 7; Walsingham. Ypodigma Neustriae...* P. 65; *Higden. Vol. VII. P. 236; Capgrave. P. 128.*

⁸² *The Brut. Vol. I. P. 128.*

⁸³ *Henry of Huntingdon. P. 384; Annales de Oseneia. P. 7; Walsingham. Ypodigma Neustriae...* P. 65; *Higden. Vol. VII. P. 236; Capgrave. P. 128.*

престола⁸⁴. В 1051 г. Эдуард попытался покарать Годвина, объявив его самого и всех его сыновей вне закона. Король также расстался с Эдит, отправив ее в монастырь⁸⁵. В ответ на решение королевского суда Годвин и его сыновья, собрав большие силы, «два года грабили побережье Англии». Стремясь подчеркнуть крепость родственных уз Эдуарда Исповедника и Вильгельма Завоевателя, хронисты отмечают, что нормандский герцог оказывал английскому королю помощь в борьбе с мятежниками⁸⁶. Однако в 1053 г. после целого ряда побед Годвин заставил короля вернуть ему земли и положение при дворе. Подчинив слабого короля своей воле, Годвин принялся расправляться с противниками. В результате его действий Англию покинули архиепископ Кентерберийский Роберт Жюмьежский, а также многие знатные нормандцы из числа приближенных короля, имущество которых было конфисковано. Месть за оскорбление архиепископа и других соплеменников была, согласно изложению хронистов, вторым основанием для вторжения.

По преданию, однажды во время обеда король открыто обвинил Годвина в смерти своего брата. Чтобы снять с себя это обвинение, могущественный эрл положил в рот кусочек хлеба и поклялся Господом, что если он действительно виновен, то не сможет его проглотить. Легенда гласит, что Годвин подавился этим хлебом и умер⁸⁷. После смерти отца главным лицом в королевстве стал Гарольд. Согласно нормандской версии, бездетный Эдуард Исповедник, не желая, чтобы сын предателя и убийцы правил Англией после его смерти, провозгласил своим наследником герцога Вильгельма, который к тому же был самым близким из его кровных родственников. Таким образом, право на корону было третьим, но, бесспорно, самым главным основанием для выступления Вильгельма против Гарольда (оно упоминается абсолютным большинством авторов, в то время как остальные «причины» и детали варьируются).

История о правах Вильгельма на английский престол сопровождается дополнительной легендой о клятве Гарольда. Попав в шторм у берегов Нормандии, Гарольд стал пленником Вильгельма. Зная о планах Эдуарда провозгласить его наследником, Вильгельм взял с Гарольда клятву, которая была принесена на реликварии, полном святых мощей, что он женится на дочери Вильгельма и передаст ему английскую корону после смерти Эдуарда. После принесения этой клятвы Гарольд был отпущен в Англию с богатыми

⁸⁴ The Brut. Vol. I. P. 127.

⁸⁵ Higden. Vol. VII. P. 176–178; *Knighton (2)*. Henrici vel Cnitthon Monachi Leycestrensis Chronicon: 2 vols. / Ed. J. R. Lumby. (RS). L., 1889–1895. Vol. I. P. 39–41; The Brut. Vol. I. P. 125–127; *Capgrave*. P. 128.

⁸⁶ Higden. Vol. VII. P. 178.

⁸⁷ *Henry of Huntingdon*. P. 378; Higden. Vol. VII. P. 186–188; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 41–42; The Brut. Vol. I. P. 127.

дарами. Историю о клятве рассказывают все хронисты без исключения, некоторые из них к тому же утверждают, что Гарольд был специально послан в Нормандию королем Эдуардом, который, опасаясь ушибыцы после его смерти, приказал шурина присягнуть Вильгельму как будущему королю⁸⁸.

Именно клятвopреступление Гарольда позволило Вильгельму обратиться за поддержкой к папе Александру II. Папа не только благословил поход Вильгельма, но и прислал ему освященное знамя и другие реликвии. Генрих Найтон добавляет, что помимо права наследника, подкрепленного клятвой Гарольда, Вильгельм получил дополнительное право на английскую корону: недовольные злобным характером Гарольда английские бароны призвали на престол нормандского герцога⁸⁹. Следует отметить, что тема тиранического правления Гарольда, грабившего и притеснявшего англичан после захвата власти, особо разрабатывалась некоторыми авторами. Например, в рифмованной «Истории о святом короле Эдуарде», написанной в середине XIII в., названы злодеяния Гарольда главной причиной завоевания. Мэтью Пэрис (предполагаемый автор данного сочинения⁹⁰) разумеется, не обошел вниманием рассказ о завещании Эдуарда Исповедника, взявшего с шурина обещание передать английскую корону Вильгельму. После узурпации святой король какое-то время поддерживал Гарольда: пытался наставить его на путь праведный, являясь во снах, а также помог ему одержать победу над норвежским войском Харольда Сурового в битве при Стэмфорд-Бридже. Однако, разбив врага, Гарольд не только не раскаялся в своих преступлениях, но впал в еще большую гордыню, карой за которую и стала его гибель в битве при Гастингсе и последовавшее за ней завоевание Англии. Таким образом, по версии Мэтью Пэриса, действиями герцога Вильгельма руководил сам Эдуард Исповедник, разгневавшийся на Гарольда настолько, что не пожалел население Англии⁹¹.

Позицию значительной части средневековых английских историографов по рассматриваемой проблеме неплохо передает цитата из Джона Капгрейва, утверждавшего, что «Гарольд захватил корону, не имея на это права, ибо он был сыном лживого предателя Годвина»⁹². В целом большинство авторов XIV–XVI вв. придерживались мнения, что Гарольд

⁸⁸ *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 33; *Capgrave*. P. 128.

⁸⁹ *Knighton (2)*. Vol. I. P. 51.

⁹⁰ *James M. R.* *La Estorie de saint Adward le Rei*. Oxford, 1920. P. 17–18; *Vaughan R.* *Matthew Raris*. Cambridge, 1958. P. 169–181.

⁹¹ *La Estoire de Saint Aedward le Rei // Lives of Edward the Confessor / Ed. H. R. Luard*. (RS). L., 1858, lines: 3895–3922, 4082–4520.

⁹² *Capgrave*. P. 128.

являлся потомственным и закоренелым клятвопреступником, а также незаконным узурпатором английской короны⁹³.

Хотя сам миф о Нормандском завоевании почти не изменился с XI в., некоторые трансформации претерпело отношение хронистов к образу самого Вильгельма. В изображении Генриха Хантингдонского Вильгельм был могущественным, но жестоким и жадным правителем, жаждущим богатства и славы, безжалостным к противникам, не щадившим не только представителей английской знати и духовенства, но и собственных соратников⁹⁴. Архидьякон из Хантингдона неоднократно упоминает притеснения англичан со стороны нормандских рыцарей, в которых хронист, несомненно, видит врагов.

Продолжительные войны с Францией, которые английские короли вели на протяжении нескольких веков, усиливали неприязнь англичан к континентальным соседям, воспринимаемым ими в качестве заклятых врагов. Тем интереснее отметить существенное изменение, произошедшее в отношении английских историографов к Нормандскому завоеванию. Потребность адаптировать историю завоевания к остальным мифам и преданиям о прошлом во многом была вызвана невозможностью для англичан примириться с тем фактом, что их предки покорились власти народа, входящего в состав Французского королевства. Радикальную трансформацию претерпел образ герцога Вильгельма. Для хронистов XIV–XV вв. Вильгельм олицетворяет собой справедливого и благочестивого государя. Историографам периода Столетней войны совершенно очевидно сходство Нормандского завоевания Англии с современной для них войной за французскую корону. Как и Эдуард III, Вильгельм – законный наследник, права которого попирает узурпатор. Как и Эдуард, Вильгельм не желает войны: хронисты подробно рассказывают о трехкратном обращении Вильгельма к Гарольду с напоминанием о священной клятве и просьбой вернуть ему наследство Эдуарда Исповедника⁹⁵. Так же, как в войне королей из рода Плантагенетов против узурпаторов из династии Валуа, в более раннем конфликте правую сторону поддерживает сам Господь, посылая Вильгельму попутный ветер⁹⁶ и помогая ему в сражении⁹⁷: как сказано в «Полихрониконе» Ранульфа Хигдена, «в битве Бог

⁹³ *Annales de Osencia*. P. 8; *Annales de Bermundeseia*... P. 423; *Walsingham*. *Ypodigma Neustriae*... P. 64; *The Brut*. Vol. I. P. 134; *Higden*. Vol. VII. P. 226; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 51; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 33; *Grafton*. P. 145–151.

⁹⁴ *Henry of Huntingdon*. P. 404.

⁹⁵ *Walsingham*. *Ypodigma Neustriae*... P. 69–70; *Higden*. Vol. VII. P. 232, 240; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 53.

⁹⁶ *Walsingham*. *Ypodigma Neustriae*... P. 70; *Higden*. Vol. VII. P. 232; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 51.

⁹⁷ *Annales de Osencia*. P. 9; *Annales de Bermundeseia*... P. 423; *Walsingham*. *Ypodigma Neustriae*. P. 65, 70; *The Brut*. Vol. I. P. 136; *Higden*. Vol. VII. P. 242–244; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 54; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 37; *Capgrave*. P. 128–129.

их рассудит»⁹⁸. Чувствуя себя законным правителем Англии, Вильгельм запрещает своим людям грабить население острова⁹⁹. Аналогичные запреты, оберегающие мирное население, регулярно издавались английскими монархами в ходе Столетней войны. Так же, как английские солдаты перед Азенкуром, войска Вильгельма проводят ночь перед сражением в молитвах, в то время как их противники пьют вино и веселятся¹⁰⁰. И, наконец, получив при помощи Бога принадлежавшую ему по праву корону, Вильгельм начинает заботиться о безопасности и благополучии новых подданных, отражая нападения шотландцев и датчан¹⁰¹.

Говоря об отношении английских историографов времен Столетней войны к Нормандскому завоеванию, стоит отметить еще одно важное обстоятельство. Трансформированный образ Вильгельма приобрел все положительные характеристики истинного английского короля. В период Столетней войны особенно подчеркивалась разница между нормандцами и французами. Хронисты подробно рассказывают о родственных связях между английскими королями и нормандскими герцогами¹⁰², описывают пребывание короля Этельреда и его сыновей в Нормандии¹⁰³, дружеский визит Вильгельма в Англию¹⁰⁴, его помощь Эдуарду в борьбе с предателями. Не менее подробно повествуется о войне нормандских герцогов с их давними противниками – королями Франции¹⁰⁵. В сочинениях хронистов XIV–XV вв. прослеживаются известные параллели в трактовке истории о Нормандском завоевании с сюжетами и объясняющими моделями времен Столетней войны: справедливые основания престолонаследия, помощь Бога в военных действиях правой стороне, негативный образ представителей «коренной Франции». Не случайно «отвоёванная» потомком Вильгельма – Генрихом V – Нормандия получила название «*raus de conquête*» («завоеванная земля»), рождающее аллюзии с Нормандским завоеванием Англии.

⁹⁸ *Higden*. Vol. VII. P. 240.

⁹⁹ *Ibid*. Vol. VII. P. 236; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 54; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 36; *Grafton*. P. 152.

¹⁰⁰ Этот сюжет о различном поведении англичан и нормандцев накануне битвы при Гастингсе, восходящий к историческим сочинениям XI–XII вв., охотно повторялся и авторами эпохи Столетней войны (*Higden*. Vol. VII. P. 240; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 55; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 37).

¹⁰¹ *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 39; *Capgrave*. P. 130; *Annales de Osencia*. P. 9; *Annales de Bermundeseia*... P. 424; *Walsingham*. *Ypodigma Neustriae*... P. 72; *The Brut*. Vol. I. P. 137; *Higden*. Vol. VII. P. 254–256; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 58, 57–71.

¹⁰² *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 33; *Capgrave*. P. 128; *Annales de Bermundeseia*... P. 423; *Walsingham*. *Ypodigma Neustriae*... P. 10, 64; *Higden*. Vol. VII. P. 178; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 1–4, 51.

¹⁰³ *Walsingham*. *Ypodigma Neustriae*... P. 69; *The Brut*. Vol. I. P. 126; *Higden*. Vol. VII. P. 170.

¹⁰⁴ *Higden*. Vol. VII. P. 180.

¹⁰⁵ *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 40–41; *Walsingham*. *Ypodigma Neustriae*... P. 74; *The Brut*. Vol. I. P. 137–138; *Higden*. Vol. VII. P. 310.

По версии Гальфрида, Брут оставил королевство трем сыновьям. Произошло это событие, как указывает автор «Дара Истории», ссылающийся при этом прямо на Гомера, в 4123 г. от Сотворения мира¹⁰⁶. Старший сын Локрин взял себе центральную часть острова, получившую название Лоегрией, средний, Альбанакт, – северную, названную Альбанией, а младший, Камбр, – территорию будущего Уэльса, прозванную Камбрией. Совершенно очевидно, что эта часть легенды не только объясняет этимологию географических названий, но также демонстрирует историческую зависимость Шотландии и Уэльса от Англии. Как выразился Эдмунд Спенсер, «Локрин был оставлен суверенным господином всего»¹⁰⁷. Воспоминания об общем происхождении и подчиненном положении Уэльса и Шотландии нередко всплывали во время войн, которые короли Англии вели в этих регионах¹⁰⁸, являя интересный пример проецирования на мифическое прошлое современных для автора реалий разделения острова на три части.

В отличие от англичан валлийцы не видели в легенде о разделе острова между сыновьями Брута указаний на верховную власть правителей Лоегрии, полагая, что после смерти Брута его потомки были независимы друг от друга. В качестве иллюстрации подобного отношения к этой легенде хочется привести интересное письмо Оуэна Глендауэра, считавшего себя независимым князем Уэльса, адресованное в 1401 г. королю Шотландии Якову Стюарту и процитированное в хронике Адама из Уска: «Мой уважаемый господин и царственный кузен, возможно ли напомнить Вам и Вашему королевскому величеству, что Брут, Ваш благороднейший предок и мой, был первым коронованным королем, который жил в королевстве Англия, известном как Великая Британия. Брут родил трех сыновей, Альбанакта, Локрина и Камбра. Вы происходите по прямой линии от этого Альбанакта, в то время как потомки Камбра правили в качестве королей до времен Кадвалладра, который был последним королем моего народа (*ma dit naciön*) и от которого по прямой линии происхожу я, Ваш смиренный кузен»¹⁰⁹. Любопытно, что Глендауэр, дабы не напоминать этой историей о подчиненном положении Шотландии по отношению к Англии, делает Альбанакта старшим сыном Брута. Особенно важным является обращение Глендауэра к этногенетическому мифу о бриттах именно в письме к королю Шотландии, поскольку это свидетельствует не только о популярности легенды о Бруте на территории Уэльса, но прежде всего о том, что

¹⁰⁶ *Elogium Historiarum*. Vol. I. P. 44; Vol. II. P. 220–221.

¹⁰⁷ *Spenser E. The Faerie Queene...* Bk. II, canto X, 14.

¹⁰⁸ Например, см.: *The Brut*. Vol. I. P. 255.

¹⁰⁹ *Adam of Usk*. P. 148.

составители письма не были знакомы с шотландским преданием, согласно которому скотты считались выходцами из Египта и Скифии. Следует также отметить, что в самой Шотландии (за исключением южной, пограничной с Англией области) легенда о Бруте не получила никакого распространения: интеллектуальная элита северных районов Британских островов оставалась верной собственным мифам о прошлом.

Если Беда Достопочтенный и все последующие историографы «народа англвов» до Гальфрида Монмутского изображали бриттов жалким народом, тяготеющим к пороку и неспособным самостоятельно защитить себя от внешней опасности, то с появлением «Истории бриттов» картина разительно изменилась. В вошедших благодаря Гальфриду в английскую историографию рассказах о правлениях и деяниях бриттских государей их власть не была ограничена пределами острова. Брут стал известен как первый предводитель бриттов, разбивший объединенное войско двенадцати королей Галлии¹¹⁰. Мало кто из последующих английских хронистов ставил под сомнение историю пребывания Брута в Аквитании, большинство же добавляли к ней все новые подробности. Например, уже упоминавшийся автор хроники «Брут» сообщает, что в той битве 7300 троянцев победили 20 тысяч французов (*frenssh-men*)¹¹¹. Свою грандиозную победу Брут одержал в 2850 г. от Сотворения мира, то есть за 368 лет до основания Рима¹¹². Таким образом, согласно английской историографической традиции, могущественная держава бриттов существовала задолго до Римской империи.

Вся дальнейшая история взаимоотношений бриттов с соседями предстает в тексте Гальфрида неопровержимым доказательством их физического и морального превосходства над другими народами. Шестой король бриттов Эбраук, «первый, после Брута, направил корабли к границам Галлии и, затеяв войну, изнурил эти края убийством мужей и насилиями, чинимыми в городах, после чего возвратился с победою, обогащенный несметным количеством золота и серебра... В Иудее тогда правил царь Давид, в Италии – Сильвий Латин, пророками в Израиле были Гад, Натан и Асаф»¹¹³. В середине XIV в. Хигден внес небольшую поправку в хронологию, несколько приблизив к своему времени произошедшие события: согласно «Полихроникону», Эбраук начал правление в 15-й год царствования Соломона (Соломон начал править еще при жизни отца,

¹¹⁰ Гальфрид. С. 20; *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 214–215.

¹¹¹ *The Brut*. Vol. I. P. 9.

¹¹² *Holinshed*. *The Chronicle of England...* P. 10. Автор «Дара истории», ссылаясь на Гомера, относит появление Брута на острове к 4084 г. от Сотворения мира (*Eulogium Historiarum*. Vol. I. P. 44; Vol. II. P. 219). Разница в датировках в первую очередь объясняется тем, что историографы по-разному подсчитывали годы, разделяющие, например, Сотворение мира и падение Трои.

¹¹³ Гальфрид. С. 27; *Eulogium Historiarum*. Vol. I. P. 46–47; Vol. II. P. 225.

поэтому эти годы считаются годами царствования Давида)¹¹⁴. Джон Стау и Эдмунд Спенсер утверждали, что, покорив Германию, войска Эбраука получили отпор во Франции, завоевать которую удалось только Бруту II¹¹⁵. В любом случае могущественная держава бриттов существовала задолго до исхода евреев из Египта и основания Рима. Такие всемирные хроники, как «Полихроникон» и «Дар истории», дают полное представление о величии древнейшего государства бриттов: хорошо знакомые по Ветхому Завету цари, пророки и герои превращаются в современников различных бриттских королей (например, прославленная Шекспиром история короля Лира произошла в правление царя Иоаса¹¹⁶).

Согласно изложенной английскими хронистами истории, из всех континентальных народов только римляне оказались достойным соперником для бриттов. Имея общее происхождение, бритты и предки римлян первоначально жили в мире и согласии. Знаменитый король Эбраук отправил своих дочерей правителю Италии Сильвию Латину, чтобы они могли составить достойную партию потомкам троянцев¹¹⁷. Потом наступила эра военных походов бриттов, в ходе которых Рим был покорен, и его население было вынуждено платить дань. В IV в. до Рождества Христова два брата Белин и Бренний, в течение года «окончательно покорив Галлию... со всем своим многочисленным войском двинулись на Рим и стали разорять по всей Италии как города, так и крестьян»¹¹⁸. Два выдуманных Гальфридом римских консула Габий и Порсена откупились от бриттов богатыми дарами и обещанием ежегодно выплачивать им дань. Вскоре римляне нарушили договор. Братья после кровопролитного сражения, в котором погиб Габий, взяли Рим и пленили Порсену¹¹⁹. Рассказывая об этих событиях, Джон Хардинг добавил, что после захвата Рима, которому предшествовало

¹¹⁴ *Higden*. Vol. III. P. 14.

¹¹⁵ *Stow*. P. 13; *Spenser, Edmund*. The Faerie Queene... Bk. II, canto X, 22–23.

¹¹⁶ *Higden*. Vol. III. P. 28, 38–40.

¹¹⁷ *Гальфрид*. С. 27; *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 226; *Hardyng (I)*. Ch. XXI; *Fabyan*. P. 13; *Holinshed*. The History of England... P. 11.

¹¹⁸ *Гальфрид*. С. 42. По мнению автора «Дара истории», Белин, не удовлетворившись завоеванием всей Италии, продолжил свои походы, желая подчинить себе также и Азию (*Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 241–242); о покорении Италии и Германии братьями рассказывает и Джон Растелл (*Rastell*. P. 214–215). Джон Стау также утверждал, что после завоевания Франции и Италии Бренний погиб во время своего Македонского похода, а Белин смог заставить Данию платить ему дань (*Stow*. P. 17–18). Критикуя за недостоверность «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского, итальянец Полидор Вергилий в середине XVI в. отметил, что Бренний, воевавший в Греции и Македонии, а также мечтавший о покорении всей Азии, родился в Галлии через сто лет после легендарного Бренния-бритта (*Polydori Vergilii Urbinatis Anglicae Historiae Libri Vigitiseptem* / Ed. Thomam Gvarinum. Basileae, 1570. P. 21; *Polydore Vergil*. English History: 2 vols. / Ed. H. Ellis. (Camden Society Original Series. XXIX, XXXVI). L., 1844, 1846. Vol. I. P. 38).

¹¹⁹ *Гальфрид*. С. 43.

покорение Франции, Савойи, Ломбардии, Тосканы и всей Италии, братья были коронованы императорами¹²⁰. Для того чтобы бриттские вожди выглядели не только удачливыми полководцами, но и хорошими правителями, Джон Стау приписал Бреннию основание целого ряда итальянских городов (Милана, Брешии, Комо, Бергамо, Виченцы, Таранто, Вероны)¹²¹. Поскольку в бриттском героическом эпосе легко угадывается Бренн, предводитель галлов, вторгшихся в Италию в 390 (или 387) г. до н. э., захвативших и разграбивших Рим, то ни Гальфрид, ни последующие хронисты на всякий случай не отрицали присутствия галлов в войске бриттов, объясняя совместные действия брачным союзом Бренния и дочери герцога Арморики (после смерти тестя бриттский герой сам стал править в Бретани)¹²².

Война Белина и Бренния также является одним из излюбленных сюжетов английской средневековой историографии: драматический рассказ о братской междоусобице, примирении и одержанных вместе победах не был пропущен ни одним из хронистов, которые, правда, в большинстве своем предпочитали не упоминать имена римских консулов¹²³. В качестве примера снова сошлюсь на Ранульфа Хигдена – самого авторитетного и популярного хрониста эпохи Столетней войны, добавившего к побежденным братьями народам германцев, датируя войны временем правления на Сицилии тирана Дионисия I¹²⁴. Только Роберт Фабиан решился на исправление текста Гальфрида: ссылаясь на Тита Ливия, ренессансный историк указал, что Рим был взят в консулат Клавдия Эмилия и Луция Лукреция¹²⁵. В период правления Эдуарда III, когда взаимоотношения с папской курией были сложными и натянутыми, английские клирики не пропускали сюжет о покорении Рима предками. В представлении историков периода Реформации взятие Рима и разорение Италии окончательно затмевает успех предыдущих кампаний Белина и Бренния¹²⁶.

Если большинством английских историографов эпохи Столетней войны легендарное бриттское прошлое однозначно воспринималось в качестве органичной части древней истории «своего» народа, то суждения «сторонних» наблюдателей по этому вопросу были отнюдь не столь однозначны.

¹²⁰ *Hardyng (1)*. Ch. XXXII.

¹²¹ *Stow*. P. 16–17.

¹²² *Гальфрид*. С. 42; *Eulogium Historiarum*. Vol. II. P. 240–241; *Higden*. Vol. III. P. 266–267; *The Brut*. Vol. I. P. 26; *Fabyan*. P. 20–23; *Holinshed*. *The History of England*. P. 16–17; Стау утверждает, что Бренний завоевал всю Францию, став главным предводителем галлов («Sovereigne Captaine») (*Stow*. P. 16).

¹²³ Этого не делает даже педантично следовавший за текстом Гальфрида автор хроники «Брут» (*The Brut*. Vol. I. P. 26–27).

¹²⁴ *Higden*. Vol. III. P. 266–268.

¹²⁵ *Fabyan*. P. 23.

¹²⁶ *Holinshed*. *The History of England*. P. 16–18; *Stow*. P. 16–18; *Spenser E*. *The Faerie Queene*... Bk. II, canto X, 40.

В качестве примера любопытно привести высказывания придворных хронистов Жана IV, герцога Бретонского. Выросший и воспитанный в Англии, женатый на английской принцессе Жан IV де Монфор, хотя и принес в 1366 г. оммаж за свое герцогство Карлу V, тем не менее правил, опираясь на английскую военную помощь. Обвиненный французским королем в сговоре с врагами Франции и в нарушении вассального долга, оставленный бретонскими сеньорами, Жан де Монфор был вынужден в апреле 1373 г. бежать в Англию. В декабре 1378 г. парижский парламент принял решение о включении герцогства в королевский домен. Только после смерти Карла V в сентябре 1380 г. Жану де Монфору удалось получить формальное прощение нового короля Франции в обмен на полный оммаж и клятву верности. Однако вплоть до собственной кончины в 1399 г. этот первый герцог из династии де Монфоров продолжал лавировать между своим могущественным сеньором и грозным союзником в лице Англии, постоянно рискуя вызвать недовольство бретонской знати, не желавший усиления ни французского, ни английского влияния.

В сложившейся ситуации придворные историографы герцога регулярно обращались к теме истории суверенной Бретани, демонстрируя исключительное благородство бретонской крови. Полностью восприняв изложенную Гальфридом Монмутским историю бриттов, заселивших сначала Британию, а потом и Арморику, бретонские хронисты подчеркивали, что их народ не имеет ничего общего с французами. Однако и в англичанах они отказывались видеть «братьев по крови», именуя их не иначе как саксами. По мнению секретаря герцога Гильома де Сен-Андре и его анонимного современника, только бретонцы являются истинными бриттами, а герцог Жан де Монфор – прямым потомком Брута¹²⁷. Этот сюжет важен не только с точки зрения популярности мифа о Бруте за пределами Англии, но также как пример своеобразной антианглийской пропаганды.

Легенды о короле Артуре в английской историографической традиции

Своего рода квинтэссенцией процессов складывания в английской историографической традиции представлений о героическом прошлом англичан стало предание о короле Артуре. Он предстает в образе величайшего правителя Англии и самого благородного рыцаря христианской эпохи; Артура, его двор и рыцарей Круглого стола воспевали поэты и авторы романов по всей Европе.

¹²⁷ Le Livre de bon Jehan, duc de Bretagne // Cuvelier, Jean. Chronicle de Bertrand de Guesclin: 2 vols. / Éd. E. Charrière. P., 1899. Vol. II. P. 447, lines 631 ff.; Chronicon Briocense: Chronique de Saint-Brieuc / Éd. G. Le Duc et C. Sterckx. Vol. I. P., 1972. P. 74, 114. О происхождении англичан от саксов см.: Ibid. P. 50–54, 84, 94, 118 et passim.

Своими корнями предания о короле Артуре уходят в верования и сказания древних кельтов. Мифологизированные рассказы кельтов о вождях и героях долгое время существовали исключительно в устной форме. Самые ранние валлийские поэмы, в которых встречаются упоминания о подвигах великого воина и вождя по имени Артур, датируются VI–VII вв. Имя Артур упоминается в «триадах» – заголовках, использовавшихся бардами для запоминания воспеваемых ими историй. В конце XI в. Артур стал популярным персонажем агиографической литературы, предстывая в роли первоначально жестокого и лживого предводителя воюющих с саксами отрядов, кардинально изменившегося под влиянием святых мужей¹²⁸.

Около 830 г. «Ненний» в «Истории бриттов» рассказал о том, как под предводительством удачливого и доблестного воина Артура бритты одержали двенадцать грандиозных побед над саксами, самой великой из которых стала битва при горе Бадоне¹²⁹. С этого произведения началось проникновение сюжета об Артуре в корпус текстов, признававшихся историческими. Рассказ «Ненния» об Артуре противоречил трудам его авторитетнейших предшественников Гильды и Беда Достопочтенного. Первый утверждал, что при горе Бадоне бритты одержали победу под руководством римлянина Амброзия Аврелиана¹³⁰. Беда же и вовсе не упоминает имени победителя саксов¹³¹. Это разногласие с трудами авторитетнейших авторов существенным образом отразилось на отношении к данному герою историографов последующих веков.

По всей видимости, в середине XII в. легенды об Артуре были довольно широко распространены среди населения Британии, что подталкивало хронистов к упоминанию о нем в своих трудах. Как и в тексте «Ненния», Артур чаще всего предстал в образе военного вождя бриттов. Например, в «Анналах Камбрии», датируемых примерно концом X в., под 516 г. рассказывается о победе Артура при горе Бадоне, а под 537 г. – о гибели Артура и Медрауда¹³². Написавший около 1125 г. свой главный труд «О деяниях королей англов», Уильям Мальмсберийский прямо опроверг утверждение Гильды о том, что бритты сражались при горе Бадоне под предводительством Амброзия, указывая на то, что ими командовал Артур, о котором бритты сложили множество легенд. По мнению хрониста, великие подвиги этого христианского воителя заслуживают того, чтобы им воздали должное «не в

¹²⁸ Михайлов А. Д. Книга Гальфрида Монмутского // Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984. С. 218–219.

¹²⁹ Ненний, 56.

¹³⁰ Гильда, 25.

¹³¹ Беда. I, XVI.

¹³² Даннинг Р. У. Артур – король Запада. Ростов/Д, 1997. С. 58; Михайлов А. Д. Книга Гальфрида Монмутского... С. 220–221.

досужих вымыслах, но в подлинной истории»¹³³. За этой декларацией следует краткий пересказ «Ненния» – единственного, с точки зрения Уильяма Мальмсберийского, заслуживающего доверия источника о деяниях Артура. Современник Уильяма Генрих Хантингдонский решил не ограничиваться пересказом текста «Ненния», добавив к нему изложение версии Гальфрида Монмутского. Труд Генриха был написан примерно в одно время с сочинением Гальфрида, чья богатая фантазия превратила военного предводителя в могущественного государя, жизнь которого была полна удивительных приключений, великих подвигов и грандиозных свершений. Именно Гальфрид подарил истории Британии величайшего героя, любовь к которому уже почти девять веков отражает любые нападки скептиков.

Согласно кельтским преданиям, король Артур вовсе не умер, а заснул и будет спать до тех пор, пока его народу не понадобится помощь. Предание о спящем Артуре находит множество параллелей в легендах различных народов. По всей видимости, в XII в. эта часть мифа об Артуре была особенно популярна в Уэльсе, население которого продолжало оказывать сопротивление англичанам. В конце XII в. Геральд Камбрийский свидетельствовал: «О короле Артуре рассказывают разные небылицы, будто тело его было перенесено духами в волшебную страну, а смерть его не коснулась». Анонимный комментатор сочинения Гальфрида, ошибочно идентифицированный с Аланом Лилльским, предлагал читателям: «Ступайте в Арморику, иначе Малую Британию, и только попробуйте возгласить на рынках и в деревнях ее, что Артур, бритт, умер, как и все смертные, – увидите сами, сколь верным было пророчество Мерлина, что кончина Артура будет сомнительной. Вы едва ли останетесь невредимы, ибо слушатели обрушат на вас град камней и проклятий»¹³⁴. Ему вторил Уильям Мальмсберийский, заметивший: «Могила же Артура нигде не обнаружена; поэтому древние баллады предсказывают, что он еще объявится»¹³⁵. Даже сам Гальфрид, провозглашавший правдивость и достоверность своих исторических рассказов, ничего не писал о смерти короля Артура, уклончиво указав, что смертельно раненный Артур был переправлен «для лечения» на остров Авалон. Но именно у Гальфрида остров блаженных, куда, согласно кельтской мифологии, отправлялись души умерших, превратился в некое точно локализуемое место (название которого происходит от валлийского слова «afal» – яблоко).

В 1191 г. в монастыре Гластонбери якобы случайно были обнаружены захоронения, признанные останками короля Артура и его жены. Найденные в Гластонбери могилы еще более конкретизировали месторасположение Авалона. Район монастыря был не только богат яблонями (возможно, так

¹³³ *William of Malmesbury. Gesta regum Anglorum... Lib. I, cap. 8. Vol. I. P. 26.*

¹³⁴ *Chambers E. K. Arthur of Britain... P. 109.*

¹³⁵ *William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum... Lib. III, cap. 287. Vol. I. P. 520.*

же, как и другие области Британии), но и являлся довольно заболоченной местностью. Оба этих обстоятельства позволили сделать предположение о том, что во времена короля Артура территория аббатства находилась на острове. Геральд Камбрийский, посетивший монастырь на следующий год, поведал, что под двумя каменными пирамидами находился дубовый гроб, над которым возвышался крест с надписью «Здесь, на острове Авалон, погребен славный король Артур со своей второй женой Геневерой»¹³⁶. Согласно описанию Геральда, в гробах было найдено два скелета: мужской, поражающий своим огромным размером, и женский; женский череп был покрыт золотыми волосами, рассыпавшимися от прикосновения монаха; на мужском было более десяти ранений, все из которых зажили, кроме одного, приведшего к смерти¹³⁷.

Вряд ли сама идея поиска могилы была инспирирована насущной необходимостью подтвердить реальность короля Артура. Обнаружение этой могилы было лишь косвенно связано с «Историей бриттов» Гальфрида Монмутского. Скорее всего, причина кроется в потребностях Гластонберийской обители. Дело в том, что еще в 1129 г. аббат Гластонбери, желая поднять престиж провинциального монастыря, а также подтвердить притязания на некоторые реликвии, оспариваемые другими общинами, заказал его историю одному из самых авторитетных в тот период хронистов – Уильяму Мальмсберийскому. Целью последнего было проверить все связанные с аббатством легенды (особое внимание монахи уделяли преданиям о св. Дунстане, который некогда был аббатом Гластонбери, св. Патрике, могила которого, как они считали, находилась на территории монастыря, и св. Иосифе Аримафейском, основавшем, согласно преданию, первую христианскую общину где-то в этом районе) и написать труд, подтверждающий древность и значимость монастыря. Проведя в этом аббатстве около шести лет, Уильям Мальмсберийский внимательно изучил не только хранящиеся там рукописи, но и все надгробия, в том числе и то, которое в 1191 г. было признано принадлежащим к могиле короля Артура. Однако он не только не упомянул Артура в истории аббатства, но вообще не идентифицировал Гластонбери с Авалоном. Описывая эти пирамиды, историк отметил абсолютную неразборчивость надписей, предположив, что захоронения принадлежали первым аббатам монастыря¹³⁸.

¹³⁶ *Giraldus Cambrensis / De Instrukione Principum: 8 vols. // Opera / Ed. J. S. Brewer, J. F. Dimok and others. (RS). L., 1861–1891. Vol. VIII. P. 126.*

¹³⁷ *Ibid.*

¹³⁸ *Gransden A. The Growth of the Glastonbury Traditions and Legends of the Twelfth Century // Journal of Ecclesiastical History. Vol. XXVII (1976). P. 337–358; Watkin D. A. The Glastonbury «Pyramids» and St. Patrick's Companions // Journal of Ecclesiastical History. Vol. XXVII (1976). P. 30–41; Dean Ch. Arthur of England... P. 8–9.*

Представленный в конечном итоге Уильямом Мальмсберийским текст, по-видимому, не соответствовал ожиданиям и амбициям заказчиков¹³⁹, поскольку в следующем 1130 г. предприимчивый аббат пригласил в монастырь другого историка – валлийца Карадока из Лланкарфа, известного автора агиографических сочинений. Карадоку было поручено составить жизнеописание святого Гильды. Написанное житие, скорее всего, полностью удовлетворило требования гластонберийских монахов. Карадок не только сделал Гластонбери местом упокоения почитаемого святого, но и связал его имя с именем популярного в Уэльсе короля Артура. Согласно тексту Карадока, король Артур враждовал с королем Летней страны Мелвасом, который похитил его жену Геневеру. В результате посредничества Гильды Геневера была возвращена мужу, конфликтующие правители примирились, поклялись всегда следовать советам Гильды и подарили монастырю много земли¹⁴⁰. Однако истории, содержащиеся в «Жизни св. Гильды», требовали дополнительных подтверждений. Монахи так и не смогли найти убедительные доказательства того, что св. Гильда нашел упокоение на территории Гластонбери. Аббатству никак не удавалось подкрепить свои амбиции вплоть до счастливого обнаружения могилы короля Артура. Именно официальное признание Гластонбери местом упокоения величайшего христианского короля могло стать залогом процветания монастыря. Прочная и неоспоримая связь Артура с Гластонбери придала весомость притязаниям аббатства на обладание другими христианскими реликвиями. Составивший около 1400 г. новую историю монастыря аббат Джон, после длинного перечня хранимых в Гластонбери мощей святых и других реликвий, отметил, что через монастырскую церковь и кладбище трудно было пройти, «не наткнувшись на прах благословенных»¹⁴¹.

¹³⁹ *William of Malmesbury. De Antiquitate Glastoniensis Ecclesia / Ed. Th. Hearne // Adami de Domerham Historia de Rebus Gestis Glastoniensibus. Oxford, 1727. Vol. I. P. 1–122; Gransden A. The Growth of the Glastonbury Traditions and Legends in the Twelfth Century // Journal of Ecclesiastical History. Vol. CXVII (1976). P. 337–358; Treharne R. F. The Glastonbury Legends. L., 1967; Robinson J. A. Two Glastonbury Legends: King Arthur and St. Joseph of Arimathea. Cambridge, 1926; Idem. William of Malmesbury on the Antiquity of Glastonbury // Somerset Historical Essays. P. 1–25; Newell W. W. William of Malmesbury on the Antiquity of Glastonbury // Publications of the Modern Language Association of America. Vol. XVIII (1903). P. 459–513; Watkin A. The Glastonbury «Pyramids» and St. Patrick's «Companions» // Downside Review. Vol. LXIII (1945). P. 30–41; Finberg H. P. R. St. Patrick at Glastonbury // Irish Ecclesiastical record. Vol. CVII (1967). P. 345–354; Loomis R. S. Edward I, Arthurian Enthusiast // Speculum. Vol. XXVIII (1953). P. 114–127.*

¹⁴⁰ Данинг Р. У. Артур – король Запада... С. 93–97.

¹⁴¹ Помимо тел в монастыре хранились части посохов Моисея и Аарона, немного манны небесной, частица могилы Исаака, фрагменты пеленок и яслей из Вифлеема, часть Ханаанского кувшина, множество фрагментов одежды Иисуса, часть Тернового Венца и немного земли из дыры от Креста на Голгофе. Здесь были личные реликвии Девы, апостолов, мучеников и т.д. (см.: Данинг Р. У. Артур – король Запада... С. 151).

Обнаружение могилы короля Артура было выгодно не только для монахов Гластонбери, но и для английской короны, которая использовала в военной пропаганде мифы об эпохе, когда все население острова подчинялось единственному государю. Вместе с этим наглядная демонстрация останков Артура должна была развенчать надежды тех, кто верил в возвращение защитника Уэльса. Таким образом, труд Гальфрида и обнаружение могилы Артура сыграли амбивалентную роль в жизни данного мифа. С одной стороны, выход мифа на уровень истории, его закрепление в легитимном прошлом сообщества может считаться его главным успехом. К тому же «История бриттов» и рыцарские романы популяризировали и развили его, снабдив дополнительными увлекательными сюжетами. С другой стороны, превращение мифа о защитнике народа в историю конкретного человека наносило удар по самому мифу, точнее, по его волшебной составляющей. Впрочем, даже официальное провозглашение Артура покойным королем не могло поколебать веру в его бессмертие среди тех, кто, собственно, и мог ожидать возвращения «своего» короля. В середине XV в. Джон Капгрейв отметил, что «старые бритты» (по всей видимости, так хронист называл валлийцев) все еще верят в то, что Артур жив¹⁴². Через полвека о сохранении этой веры среди жителей Уэльса не забыл упомянуть и Роберт Фабиан, сделав важную оговорку о том, что он лично в это не верит¹⁴³. Но даже для отвергающих идею бессмертия Артура средневековых скептиков превращенный в историю миф, живущий по ее правилам и законам, не утрачивал полностью всех элементов волшебной сказки. Например, все тот же Фабиан пересказал историю о волшебном зачатии Артура Утером, принявшим при помощи волшебства Мерлина облик первого мужа красавицы Ингерны.

В 1278 г. Эдуард I, считавший Артура своим предком, решил использовать образ легендарного и популярного в народе короля в репрезентации собственной власти. Эдуард приказал перезахоронить останки короля Артура. Адам из Домерхама, автор очередной истории аббатства Гластонбери и, как предполагают исследователи, вероятный свидетель описываемых им событий¹⁴⁴, повествует: «Господин Эдуард... со своей супругой, госпожой Элеонорой, прибыл в Гластонбери... отметить Пасху... В следующий вторник... в сумерках господин король открыл могилу знаменитого короля Артура. Внутри было два саркофага, расписанных картинами и гербами, где лежали отдельно кости этого короля, огромные по своему размеру, и кости изумительно красивой королевы Геневеры. На следующий день, во вторник, король перенес кости короля, а королева – кости

¹⁴² *Capgrave. Abbreviation of chronicles...* P. 69.

¹⁴³ *Fabyan.* P. 126.

¹⁴⁴ *Gransden A. Glastonbury Traditions and Legends...* P. 351–352; *Treharne R. F. The Glastonbury Legends...* P. 97.

королевы в отдельные ларцы, завернув их в дорогие шелка. После того как [Эдуард I и Элеонора. – *Е. К.*] их запечатали, они приказали расположить могилу перед главным алтарем, затем выставили черепа для поклонения народа»¹⁴⁵. Чуть позже над могилой Артура было воздвигнуто мраморное надгробие, поражающее воображение не только современников Эдуарда I, но и историков XVI в.¹⁴⁶ В 1285 г., вернувшись из очередного удачного похода в Уэльс, Эдуард I привез в Англию в качестве военного трофея, символизирующего покорение валлийцев, корону короля Артура, которая была торжественно возложена на алтарь Вестминстерского аббатства¹⁴⁷.

Уже после первого официального королевского объявления об обнаружении могилы легендарного правителя Англии, подтверждающего достоверность «Истории» Гальфрида, легенды о короле Артуре стали весьма популярны в Европе; в Англии же он постепенно превращался в национального героя. Особую роль в популяризации сказаний об Артуре сыграли рифмованные хроники и рыцарские романы. Самым ранним из сочинений подобного рода является несохранившаяся рифмованная «История бриттов» Гаймара (конец 1130-х гг.), написанная на англо-нормандском диалекте французского языка. Об этом произведении известно лишь то, что в его основу был положен текст Гальфрида. В продолжавшей «Историю бриттов» «Истории англов» Гаймар также обращался к легендам об Артуре. Любопытно, что в этом тексте он, сравнивая королей Артура и Эдгара, указал, что оба правителя были похоронены в Гластонбери¹⁴⁸. Напомню, что «случайное» обнаружение могилы Артура произошло лишь в 1191 г. Продолжателем поэтической традиции Гаймара стал Вас, написавший свою версию «Истории бриттов» около 1155 г. и посвятивший ее Алиеноре Аквитанской¹⁴⁹. Длина этой поэмы составляет 15 тысяч строк. Вас излагает «Историю» Гальфрида очень близко к тексту,

¹⁴⁵ Adami de Domerham *Historia de Rebus Gestis Glastoniensibus*: 2 vols. / Ed. Th. Hearne. Oxford, 1727. Vol. II. P. 341; *Raleigh Radford C. A. Glastonbury Abbey // Quest for Arthur's Britain* / Ed. G. Ashe. L., 1971. P. 99–100; *Nitze W. A. The Exhumation of King Arthur at Glastonbury // Speculum*. Vol. IX (1934). P. 355–361.

¹⁴⁶ *Leland, John. Assertio Inclycissimi Arthuri...* P. 56; *Polydori Vergilii Urbinatis Anglica Historiae...* P. 60; *Polydore Vergil. English History...* Vol. I. P. 122.

¹⁴⁷ *Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II...* Vol. I. P. 91–92; *Knighton (2)*. Vol. I. P. 277. Эта корона находилась в числе захваченных Эдуардом сокровищ. Корона короля Артура ее сделала фантазия либо самого Эдуарда I, либо кого-то из его придворных, которым было хорошо известно увлечение короля легендами о прославленном правителе Британии. В 1296 г. король привез в Вестминстер шотландский коронационный камень из Скотланд, а в 1299 г. – корону Джона Бэллола (*Loomis R. S. Edward I, Arthurian Enthusiast...* P. 115).

¹⁴⁸ *Gillingham J. Gaimar, the Prose Brut and the Making of English History // Idem. The English in the Twelfth Century. Imperialism, National Identity and Political Values. Woodbridge, 2000*. P. 118.

¹⁴⁹ *Tatlock J. S. P. Legendary History of Britain. Berkeley and Los Angeles, 1950*. P. 503, 530.

придавая и без того увлекательному сюжету прелесть поэтического произведения. Труд Гальфрида и роман Васа стали основными источниками для «Брута» Лайамона, священника из Арли в Вустершире, написавшего около 1205 г. первый английский рифмованный роман¹⁵⁰.

Вторгнувшись на территорию истории, миф стал требовать к себе иного отношения. Все писавшие после Гальфрида хронисты были вынуждены считаться с существованием подробного «жизнеописания» величайшего короля бриттов. Труд средневекового хрониста нередко являлся простой компиляцией более ранних произведений, что не подразумевало непрерывного включения собственных авторских изысканий или критических очерков о сочинениях предшественников. Компилятор мог полностью переписать рассказы Гальфрида о битве драконов и пророчествах Мерлина, что отнюдь не означало его полного доверия тексту «Истории бриттов». Целый ряд хронистов, в частности Мэтью Пэрис и анонимные авторы популярнейших хроник «Брут» и «Дар истории», почти дословно повторяют текст Гальфрида Монмутского. Рассказывая о пророчествах Мерлина, хронист из Артуа Жан Ворэн перечисляет важнейшие из предсказанных волшебником событий из истории Британии, в том числе победу принца Уэльского над французским королем при Пуатье¹⁵¹. От имени Мерлина он предрек могущество Британии в период правления Эдуарда III, на щите которого будет изображен дикий вепрь¹⁵².

Благодаря «доверившимся» Гальфриду хронистам неотъемлемой частью английской истории стали рассказы о военных походах Артура, в ходе которых он не только разбил саксов, но и подчинил своей власти всю Британию, Ирландию, Норвегию, Данию и Галлию¹⁵³, сразив в личном поединке наместника римского императора Флоллона. После рассказа об этих фантастических завоеваниях у Гальфрида следует описание повторной коронации Артура и Геневеры. И хотя большинство историографов не указывает на то, что во время этой коронации Артур был провозглашен императором, на мысль об этом наводит особая торжественность церемонии, состоявшейся в присутствии правителей покоренных Артуром земель¹⁵⁴. Усилиями Артура могущественная держава бриттов превращает-

¹⁵⁰ Легендам о короле Артуре Лайамон посвятил третью часть своего романа, охватывающего, подобно сочинению Гальфрида Монмутского, историю бриттов от предков Брута до правления Кадваллдра.

¹⁵¹ *Waurin*. Vol. I. P. 236.

¹⁵² *Ibid.* P. 245.

¹⁵³ В самом конце XVI в. историк Джон Стау добавил к покоренным королем Артуром землям северные королевства вплоть до Лапландии и восточные территории вплоть до границ России (*Stow*. P. 59).

¹⁵⁴ *Гальфрид*. С. 156–157; *The Brut*. Vol. I. P. 80–81; *Waurin*. Vol. I. P. 380–381; *Stow*. P. 59.

ся в империю, альтернативную римской. Неудивительно, что логическое развитие рассказа Гальфрида о подвигах Артура приходит к повествованию о противоборстве двух империй. Во время праздничного пира по случаю коронации к Артуру явились послы императора Луция Гиберия, обвинившего короля бриттов в том, что он не только задержал выплаты дани, но и отторгнул от Римской империи многие земли. Артур в свою очередь бросил императору вызов, утверждая, что неоднократно подчинявшийся власти бриттских королей Рим должен выплачивать ему дань¹⁵⁵. После ряда блистательных побед бритты разбили имперские войска, в которые входили не только римляне, но и различные подвластные Риму восточные народы. Сам император погиб в одном из сражений¹⁵⁶. В конце XV в. Джон Хардинг перенес вторую коронацию Артура в покоренный Рим, прямо указывая на то, что король бриттов был провозглашен императором. В присутствии представителей всех монашеских орденов, простых клириков и светских клерков, перед святыми мощами епископы и кардиналы:

*На Капитолии, на императорском троне
Они короновали его золотым венцом,
Как самого главного императора
И завоевателя...*¹⁵⁷

И все же, хотя большинство хронистов не сомневалось в существовании короля Артура, доказанном благодаря обнаружению захоронения в Гластонбери, многие авторы не решались полностью поверить в приписываемые ему деяния. Даже Альфред из Беверли (восторженный отклик которого на сочинение Гальфрида цитировался выше) отметил, что использовал «Историю бриттов» в своем сочинении с разумной осторожностью, сопоставляя ее с трудами других авторов, тщательно оценивая достоверность описываемых там событий¹⁵⁸. «Избирательный» подход к легендам об Артуре был наиболее популярным в Средние века. Например, такой уважаемый хронист середины XIII в., как Мэтью Пэрис, полностью приводит и комментирует придуманные Гальфридом «Пророчества Мерлина»¹⁵⁹. Однако о победоносных войнах и о многочисленных завоеваниях, приписываемых Артуру, он упоминает лишь очень кратко: «После

¹⁵⁵ Гальфрид. С. 159; The Brut. Vol. I. P. 81; Waurin. Vol. I. P. 382.

¹⁵⁶ Гальфрид. С. 163–175; The Brut. Vol. I. P. 85–87; Waurin. Vol. I. P. 400–433.

¹⁵⁷ At the Capitoile, In the sea Imperial

Thei crowned hym, with crounes thre of golde

As imperoure moost princypal

And conqueroure...

(Handyng (1), ch. LXXXII).

¹⁵⁸ Alfred of Beverley. Annales... P. 2–3.

¹⁵⁹ Matthaeus Parisiensis. Chronica Maiora... Vol. I. P. 198–215.

покорения Галлии король Артур переправился за Альпы для подчинения себе римского народа»¹⁶⁰.

Следует отметить, что круг историков, не скрывавших скептического отношения к сочинению Гальфрида, был достаточно широк. О появлении первых отзывов на «Историю бриттов» можно говорить вскоре после завершения Гальфридом рукописи. Уже в январе 1139 г. Генрих Хантингдонский, остановившись по пути в Рим в монастыре Бек в Нормандии, смог ознакомиться с рукописью Гальфрида. Архидьякон Хантингдонский был очень изумлен (*stupens*) прочитанным. И хотя, как известно, Генрих перерабатывал и дописывал свой труд вплоть до начала 50-х гг. XII в., этот историк не счел нужным вставлять рассказы Гальфрида в основной текст «Истории англов», ограничившись относительно подробным изложением их содержания в «письме к Варину» (*Warinus Britus*), включенном при очередной редакции в VIII книгу хроники. Скептическая ремарка Элреда из Риво, касающаяся неких «басен» об Артуре, которыми в ущерб чтению религиозных текстов увлекся один из монахов, относится, вероятно, именно к сочинению Гальфрида¹⁶¹.

Самую радикальную позицию по проблеме достоверности «Истории бриттов» занял Уильям Ньюбургский, написавший свою хронику около 1196–1198 гг. Этого историографа не просто насторожило отсутствие упоминаний о короле Артуре у других авторов, в первую очередь у авторитетных Беды и Гильды (этот аргумент станет одним из главных доводов критиков Гальфрида в последующую эпоху). Уильям открыто обвинил Гальфрида в том, что он «рассказы об Артуре, частично собранные им среди древних преданий бриттов, частично придуманные им самим, скрасил при помощи латинского языка, дабы им можно было приписать благородное имя истории»¹⁶². Со своеобразной иронией Уильям высказался о ложности всех побед Артура. Хронист заметил, что король бриттов не мог сражаться с гигантами, ибо ему «не встречалось ни одно упоминание о гигантах со времен Давида». Еще более язвительно Уильям отозвался о скорой победе Артура над галлами, с которыми сам Цезарь воевал десять лет. По мнению историографа, Гальфрид, несомненно, сочинил это «дабы показать, что мизинец этого бритта толще, чем чресла великого Цезаря»¹⁶³. Следует отметить, что Уильям Ньюбургский был одним из крайне немногочисленных средневековых авторов, полностью отвергших сочинение Гальфрида, признав его лживым и недостоверным. Среди последних

¹⁶⁰ *Matthaeus Parisiensis. Chronica Maiora...* Vol. I. P. 240.

¹⁶¹ *Aelredus Rievallensis. Speculum charitatis // PL. Vol. 195. Col. 565: «...in fabulis, quae vulgo de nescio quo finguntur Arcturo...»*

¹⁶² *William of Newburgh. Historia...* Vol. I. P. 12.

¹⁶³ *Ibid.* P. 16.

стоит особо выделить аббата Сент-Олбанса середины XV в. – Джона из Уитхэмстеда, который в своем трактате о великих мужах («*Granarium de viris illustibus*») открыто поставил под сомнение аутентичность рассказа Гальфрида о Бруте и происхождении бриттов и в целом охарактеризовал «Историю бриттов» как поэтическое, а не историческое сочинение¹⁶⁴. В XVI в. защитники Гальфрида нередко ставили Уильяма Ньюбургского и Джона из Уитхэмстеда в один ряд с «искажителем английской истории» Полидором Вергилием, о котором речь пойдет чуть ниже¹⁶⁵.

В отличие от грозной инвективы Уильяма Ньюбургского критика Геральда Камбрийского смягчена юмористической формой. В своем «Путешествии по Камбрии» (1191 г.) он рассказывает о некоем Милерии из Карлеона, который заявлял, что при помощи демонов может отличать правду от лжи. После того как бесноватому на грудь положили Евангелие от Иоанна, демоны улетели подобно птицам и исчезли. Но затем в целях чистоты эксперимента Евангелие заменили «Историей» Гальфрида Монмутского, после чего демоны вернулись, еще более толстые и многочисленные, чем прежде¹⁶⁶.

Своеобразный эталон критического отношения к сочинению Гальфрида был выработан Ранульфом Хигденом, автором знаменитого «Полихроникона» (середина XIV в.). Рассказывая о правлении легендарного короля Артура, Хигден упоминает, что подробнее всего об этом правителе бриттов поведал в своей «Истории» Гальфрид, однако приведенные им данные не подтверждаются другими источниками. Хигден сомневается в правдивости рассказа Гальфрида о том, что Артур смог покорить тридцать королевств, среди которых были Римская империя и Франция, поскольку ему не удалось найти в римских и французских анналах названных современными Артуру правителей Луция Гиберия и Флоллона¹⁶⁷. Автора «Полихроникона» также удивляет то обстоятельство, что Гальфрид так много и столь подробно повествует о великих деяниях человека, о котором ни Беда, ни Гильда («древние историки, правдивые и знаменитые») совершенно не упоминают. Любопытно, что, переводя «Полихроникон» на английский язык во второй половине XIV в., Джон Тревиза сделал добавление от себя: «Между прочим, святой Иоанн сказал в своем Евангелии многое, о чем Марк, Лука и Матфей не говорят»¹⁶⁸. Реплика Тревизы свидетельствует о настойчивом желании найти объяснение и оправдание существующим противоречиям. Сам Хигден также пытался

¹⁶⁴ Подробнее о Джоне из Уитхэмстеда и его критике Гальфрида Монмутского см.: Keller L. *The Historia Regum Britanniae and Four Medieval Chroniclers // Speculum*. Vol. XXI (1946). P. 33–37.

¹⁶⁵ Bale J. *Scriptorum Illustrium Maioris Brytanniae Catalog*: 2 vols. Basle, 1557, 1559 (repr. 1971). Vol. I. P. 140; Leland J. *Assertio Inclycissimi Arthuri*... P. 56–62.

¹⁶⁶ Giraldus Cambrensis. *Itinererium Kambriae // Opera*: 8 vols. / Ed. J. S. Brewer, J. F. Dimok and others. (RS). L., 1861–1891. Vol. VI. P. 57.

¹⁶⁷ Higden. Vol. V. P. 332–334.

¹⁶⁸ Ibid. P. 336–337.

обосновать существование преданий о грандиозных подвигах Артура, рассматриваемого хронистом в одном ряду с правителями, подлинность которых не вызывает сомнений: «Возможно, что в обычае у каждого народа прославлять чрезмерными похвалами своих, таким образом, как греки превозносили своего Александра, римляне – своего Октавиана, англичане – своего Ричарда, франки – своего Карла, так и бритты своего Артура. Это часто происходит, как говорит Иосиф [Флавий. – *Е. К.*], или из-за приукрашивания историй, или ради удовольствия читателей, или ради возвеличивания собственной крови. Ибо, как говорит Августин в первой главе восемнадцатой книги “О граде Божием”, деяния афинян были велики более благодаря молве, чем на самом деле, и это благодаря писателям, [одаренным] большим талантом...»¹⁶⁹ Таким образом, для Хигдена вполне понятным и оправданным является стремление каждого народа возвести предания о своих героях в ранг истории. Необходимо также отметить, что, критикуя Гальфрида за отклонения от истины и явное желание преувеличить славу легендарного правителя бриттов, Хигден не поставил под сомнение само существование Артура. Он указал на неверную датировку времени его правления Гальфридом, сделавшим Артура современником не императора Льва, но императора Юстиниана. В итоге Ранульф Хигден, найдя многочисленные опровержения и никаких (помимо могилы в Гластонбери) подтверждений рассказам Гальфрида, предпочел ограничиться лишь упоминанием о существовании Артура и указанием на то, что, умирая, тот оставил корону кузену Константину.

Критикуя Гальфрида за недостоверность, Ранульф Хигден по сути дела способствовал дальнейшей «историзации» и легитимации преданий об Артуре. Разобрав все ошибки Гальфрида, но, сохранив самого Артура, Хигден подтвердил правдивость существования этого государя. Можно сказать, что в «Полихрониконе» был сформулирован канон отношения историографов к Артуру: Артур признавался реально существовавшим великим правителем Британии, с Божьей помощью одержавшим двенадцать (перечисленных еще «Неннием») побед над саксами, а возможно, и над многими другими народами. Артур был женат на Геневере и похоронен на территории аббатства Гластонбери. Авторитет Хигдена среди историков был настолько велик, что большинство английских хронистов последовало за ним в стратегии обращения с сюжетом об Артуре. В начале XVI в. Роберт Фабиан написал, что наиболее полно история правления короля Артура изложена в сочинении Гальфрида, которое противоречит данным большинства других хронистов. Чтобы не утомлять читателей перечислением ошибок Гальфрида, Фабиан просто отсылает их к четвертой главе пятой книги «Полихроникона», поскольку ее автор, Ранульф, монах из

¹⁶⁹ Higden. Vol. V. P. 336–338.

Честершира, сделал это самым исчерпывающим образом¹⁷⁰. Впрочем, Фабиан отметил, что «все авторы согласны, что он [Артур. – *Е. К.*] был благороден и удачлив во всех делах». Подобная уклончивая формулировка позволяла Фабиану, оставаясь в русле предложенной Хигденом критики, «угождать читателям», жаждавшим видеть в книге по истории рассказы о победах Артура. Не запятнав репутацию критически настроенного по отношению к источникам автора, историк тем не менее смог рассказать обо всех двенадцати победах Артура над саксами, об успешных войнах с галлами и римлянами, о предательстве Мордредра и смерти Артура и о погребении его тела в долине Авалон за Гластонбери. Не забыл Фабиан упомянуть о найденной могиле и повторном захоронении¹⁷¹.

Предложенный Хигденом канон не изменился и через двести лет. Джон Растелл (1529 г.) вслед за другими критиками Гальфрида отметил, что его рассказ о деяниях Артура противоречит данным других источников (тексту Беды, а также французским хроникам и романам, в которых нет упоминаний о Луции). Растелл также обратил внимание на то, что многие считают Артура вымышленным персонажем, созданным валлийцем Гальфридом, задумавшим возвеличить соотечественников. Впрочем, историк привел ряд доказательств, выдвинутых сторонниками теории о подлинности Артура. Часть из них, по мнению Растелла, довольно спорна (как найденная в могиле св. Эдуарда восковая печать Артура), другие же (например, захоронение в Гластонбери) весьма серьезны. Поэтому Растелл, кратко рассказав об основных победах Артура, предоставил читателям право самим решать, верить в них или нет¹⁷².

Автор истории христианских мучеников Джон Фокс (1563 г.), хотя и считал большинство преданий об Артуре «более фантастическими, нежели заслуживающими доверия», тем не менее не мог не признать, что «Бог через этого Артура даровал бриттам немного отдыха и спокойствия»¹⁷³. Наконец, в 1580 г. вышло в свет первое издание «Истории Англии» Рафаила Холиншеда, ставшей для многих поколений англичан главным источником информации о прошлом. Холиншед не только рассказал обо всех приписываемых Артуру победах, оригинально разрешив проблему несуществующего римского императора Луция, превратив его в «капитана Парижа», но и дополнил текст Гальфрида данными других источников, в частности рыцарских романов. Обходя возможные возражения относительно отсутствия имени Артура в списках римских императоров, историк

¹⁷⁰ *Fabyan*. P. 79–80.

¹⁷¹ *Ibid*. P. 80–81.

¹⁷² *Rastell*. P. 251–253.

¹⁷³ *Foxe J. Acts and Monuments...* Vol. I. P. 126.

сообщает, что вскоре после захвата города и коронации Артур вернулся в Британию, назначив вместо себя другого императора¹⁷⁴.

Самым подробным образом Холинshed разобрал сведения, касающиеся гибели и погребения Артура, а также обнаружения его могилы в Гластонбери. Совершенно очевидно, что хрониста лично занимал вопрос о найденном в той же могиле женском скелете, принадлежавшем, как считалось, королеве Геневере, которая, как свидетельствовали самые разнообразные тексты, была виновна в супружеской измене. Среди разных версий, выдвинутых Холинshedом по этому поводу, было предположение о том, что у Артура было две жены с одинаковыми именами¹⁷⁵. Впрочем, Холинshed, так же как и Роберт Фабиан, отметил, что «никто из древних авторитетных авторов не подтверждает» эти истории. Из-за отсутствия достоверных источников «бритты были вынуждены записывать просто басни (*meere fables*) вместо реальных событий, заходя в этом дальше, чем следовало, в результате чего этот Артур стал их благородным защитником, так же французы поступили со своим Роландом»¹⁷⁶. Последняя фраза, явно заимствованная у Ранульфа Хигдена, как нельзя лучше свидетельствует о существовании в английской историографии устойчивого канона критического отношения к легендам об Артуре: король Артур, захоронение которого находится в Гластонбери, несомненно существовал; о деяниях его известно мало достоверного, однако упоминание об этом правителе (хотя бы об отсутствующих свидетельствах его великих подвигов) должно присутствовать в любой истории Англии.

Говоря об отношении английских хронистов к труду Гальфрида, следует отметить, что неоднозначную и разнообразную реакцию вызывали только рассказы об Артуре (среди исключений стоит упомянуть Уильяма Ньюбургского, отвергшего весь текст «Истории бриттов» и Джона из Уитхэмстеда, а также некоторых иностранных авторов, в частности Боккаччо, поставивших под сомнение достоверность рассказа о Бруте). Только в этом случае повествование Гальфрида наталкивалось на альтернативную версию в изложении авторитетнейших Гильды и Беда, упоминающих битву при горе Бадоне, но никак не связывавших ее с именем Артура. Достоверность всех остальных сюжетов «Истории бриттов», столь же фантастических с точки зрения современных исследователей, не вызывала у английских авторов высокого и позднего Средневековья никаких сомнений. Возможно, эта странность объясняется отсутствием авторитетов, опровергающих текст Гальфрида.

Развив предложенную «Неннием» краткую версию истории бриттов, Гальфрид предложил соотечественникам то, чего у них раньше не

¹⁷⁴ *Holinshed. The Chronicle of England...* P. 91.

¹⁷⁵ *Ibid.*

¹⁷⁶ *Ibid.* P. 90–91.

было, – знание о древнейшей истории острова. Отсутствия противоречий с текстами уважаемых предшественников было достаточно для того, чтобы счесть правдоподобными все его рассказы о старых временах. Желание поверить в достоверность единственной версии древней истории подогревалось тем, что предложенный Гальфридом вариант был весьма лестным для англичан, «присвоивших» себе легендарных предков бриттов, являвшихся одним из самых благородных и могущественных народов. Никто из хронистов, многие из которых педантично сопоставляли даты правления древних королей бриттов со временем правления иудейских царей или римских императоров, не обратил внимания на какие-то несоответствия и ошибки в тексте Гальфрида. Напротив, сюжет о короле Артуре из-за того, что средневековой хронистике была присуща высокая степень веры в непогрешимость авторитета (в данном случае – Гильды, и особенно – Беды), находил свое место в трудах писавших после Гальфрида историков с серьезным сопротивлением. На протяжении нескольких столетий каждый автор был вынужден самостоятельно решать, следует ли, и если да, то в каком объеме включать увлекательный и лестный для англичан, но не подтвержденный серьезными авторитетами рассказ об одном из древнейших героев острова в корпус знания, достойный именоваться «историей». В этом смысле опыт включения повествования об Артуре в средневековый английский историографический канон весьма показателен не только для изучения средневекового историописания, но и для размышлений о национальном самосознании. Англичане эпохи классического и позднего Средневековья, так же как их современные потомки, «присвоили» историю покоренных ими бриттов (как, впрочем, и покоривших их нормандцев), сделав ее частью собственной древней истории – преданиями о своем народе.

Скорее всего, современники Гальфрида не воспринимали «Историю бриттов» в качестве древней истории «своего» народа. Изначальную популярность текста Гальфрида разумнее объяснять другими факторами (соответствием эстетическим вкусам эпохи, интересом к приключениям и т.п.). Многомерный и разносторонний процесс «освоения» и «присвоения» истории бриттов историками и элитами Англии был более сложным и постепенным. К началу XIV в. формируется осознание единой истории, определенное место в которой занимали и бритты, и англосаксы, и рыцари Вильгельма Завоевателя. С этого времени актуализируется тенденция понимания повествования о прошлом Англии как истории территории (страны), в то время как этническая (или квазиэтническая) история отстает (хотя, конечно, не полностью), перестает быть структурообразующим элементом исторического дискурса (в отличие от более раннего периода). Этот процесс генезиса единой истории происходит

параллельно в хронологическом и взаимосвязано в фактическом аспекте с оформлением «национального» мышления, которое столь ярко проявилось в восприятии Столетней войны как войны национальной. Возможно, именно синтетичность категории «национального» позволяет объединить в воображаемом прошлом многочисленные разнородные элементы. Правда, викингам не нашлось места в этой общей истории – в отличие от всех остальных они всегда воспринимались (и до сих пор воспринимаются) как чужеродный элемент. Возможно, такое отношение к викингам объясняется тем, что они не стали государствообразующим элементом, что еще раз подчеркивает связь ментального процесса выстраивания единой истории с политическим (социальным) процессом оформления «национального» государства.

Христианизация Британии

Возможность признать первого христианского императора наполовину бриттом идеально вписывалась в историю принятия истинной веры населением острова. Согласно средневековой традиции, восходящей к Беде Достопочтенному, принятие христианства населением острова проходило в несколько этапов. В середине II в. король Луций отправил в Рим послов к папе Элевтерию с просьбой крестить его вместе с подданными. Возможно, Беда считал бриттским королем правителя Эдессы в Месопотамии, столица которого называлась *Britium*¹⁷⁷. Два легата Фаган и Дувиан, якобы прибывшие на остров, «крестили короля и всех его людей»¹⁷⁸. Хронисты расходятся в датировках этого события: автор «Брута» называет 156 г.¹⁷⁹, Ранульф Хигден – 178 г.¹⁸⁰, Джон Стау – 179 г.¹⁸¹, Джон Хардинг и Джон Растелл – 180 г.¹⁸², автор «Дара истории» и Джон Фокс – 181 г.¹⁸³, Роберт Фабиан – 188 г.¹⁸⁴, Рафаил Холинshed – 169 г.¹⁸⁵, по мнению Жана Ворэна, крещение Луция произошло в 150 г.¹⁸⁶ Подобные расхождения в любых

¹⁷⁷ *Beda*. I, IV; *Bede, his Life, Times, and Writing* / Ed. A. N. Thompson. Oxford, 1936. P. 135, n. 2.

¹⁷⁸ *Гальфруд*. С. 72; *Higden*. Vol. IV. P. 34. Хронисты приводят разное написание имен крестителей Британии. Например, автор «Брута» именует их Паган и Элибрийн (*The Brut*. Vol. I. P. 37).

¹⁷⁹ *The Brut*. Vol. I. P. 37–38.

¹⁸⁰ *Higden*. Vol. IV. P. 34.

¹⁸¹ *Stow*. P. 36–37.

¹⁸² *Hardyng (1)*. Ch. XLVII; *Rastell*. P. 227.

¹⁸³ *Eulogium Historiarum*. Vol. I. P. 176–177; Vol. II. P. 263–264; *Foxe, John*. *Acts and Monuments*. Vol. I. P. 35, 117–118 (Фокс подробно разбирает все версии предшественников и аргументирует свою точку зрения).

¹⁸⁴ *Fabyan*. P. 38.

¹⁸⁵ *Holinshed*. P. 51–52.

¹⁸⁶ *Waurin*. Vol. I. P. 157.

датировках – явление вполне типичное для средневековой хронистики. Гальфрид Монмутский также внес лепту в порожденный ошибкой Беды миф. В своей хронике он добавил важные подробности о миссии Фагана и Дувиана: папские легаты якобы основали 3 архиепископства (в Лондоне, Йорке и Карлеоне) и 28 епископств, при них было начато строительство собора Св. Павла в Лондоне. Примечательно, что это расхождение с текстом Беды вызвало возмущение лишь у Уильяма Ньюбургского. После того как Мэтью Пэрис и Ранульф Хигден включили это важное дополнение в свои труды, у историков последующих поколений просто не должно было возникать ни малейших сомнений в его достоверности.

Помимо не вызывающей нареканий, освященной авторитетом Беды истории о крещении короля Луция существовало предание о еще более раннем проникновении христианства на Британские острова. Согласно этому преданию, около 63 г. апостол Филипп послал св. Иосифа Аримафейского¹⁸⁷ в Британию. Вместе со своими спутниками Иосиф, избравший для поселения место, на котором позднее был воздвигнут монастырь Гластонбери, проповедовал слово Божье и окрестил многих бриттов. Легенда о пребывании Иосифа Аримафейского в Британии заканчивалась рассказом о смерти и погребении святого. При составлении первой истории аббатства Гластонбери Уильям Мальмсберийский не забыл рассказать об этой легенде. В середине XIII в. к основному тексту «Древностей Гластонбери» было сделано добавление о том, что на территории Гластонбери похоронен Иосиф Аримафейский. Читателей отсылали к книгам «Деяния славного короля Артура», «Поиски Ланцелота Озерного» и «Поиски чаши, которую они называли Святой Грааль»¹⁸⁸; все эти книги входили в состав большого цикла французских артуровских романов, главной сюжетной линией которых был именно поиск Святого Грааля.

Таким образом, предания об Артуре, более того, их литературные переложения привлекаются для подтверждения достоверности легенды о святом. Впрочем, как и в случае с самим Артуром, весьма желательно было отыскать могилу святого. В 1345 г. по просьбе аббата Гластонбери Эдуард III выдал официальное разрешение начать поиск могилы Иосифа на территории монастыря¹⁸⁹. Захоронение не было найдено, но связь Иосифа Аримафейского с Гластонбери стала более чем прочной, причем не без участия сюжета о короле Артуре. На рубеже XIV–XV вв. Джон Гластонберийский довольно подробно описал деяния св. Иосифа,

¹⁸⁷ Иосиф Аримафейский – богатый и знатный член Синедрона из города Аримафеи, тайный последователь Иисуса; предоставил гробницу для погребения Христа после распятия. Согласно апокрифической традиции, Иосиф собрал кровь Христа в чашу, соотнесенную в рыцарских романах XII в. со Святым Граалем.

¹⁸⁸ *Даннинг Р. У.* Артур – король Запада... С. 142–143.

¹⁸⁹ Foedera (2). Vol. III. Part I. P. 44: «De licentia quaerendi corpus Josephi de Arimathia».

указав, что о его смерти рассказывается в «Книге деяний славного короля Артура», в той ее части, где повествуется, как рыцари Круглого стола искали славного рыцаря Ланцелота Озерного и Святой Грааль¹⁹⁰. По версии аббата, именно в могиле св. Иосифа находится Святой Грааль. Сам по себе Грааль был христианской формой волшебной исцеляющей чаши из кельтского фольклора. Он считался священной чашей, из которой Иисус пил во время Тайной вечери и которую Иосиф вымолил у Пилата, чтобы собрать капли крови Спасителя. Рыцарские романы повествуют о том, как Иосиф привез Грааль в Британию, его видели король Артур и рыцари Круглого стола, сделавшие священный сосуд предметом своих поисков.

Легенды о св. Иосифе были довольно органично вписаны в сказания об Артуре, который в довершение всего оказывался одним из потомков апостола. Генеалогия выглядела следующим образом: Алайн, племянник Иосифа, породил Джозию, а Джозия Аминадабский был предком Игерна в пятом колене, «от которого был рожден король Утер Пендрагон, отец благородного и славного короля Артура». Другая родственная связь сложилась потому, что Петр, кузнец Иосифа Аримафейского, ставший королем Органии, породил Эрлана и далее, через четыре поколения, – Лота, который женился на сестре Артура и был отцом Гавейна¹⁹¹. Провозглашение родственных отношений между двумя некогда мифическими персонажами делало обоих в какой-то мере более реальными, вписывало их в единое пространство исторической памяти, пусть даже и с несколько сомнительной фактической достоверностью.

История поиска монахами Гластонберийского аббатства известного патрона для своей обители чрезвычайно показательна с точки зрения изучения того, как первоначально существовавшая в форме легенды информация постепенно становится частью историографического канона. Рассказы о поисках Святого Грааля, получившие развитие в романах о рыцарях Круглого стола, апокрифические предания о миссии св. Иосифа Аримафейского в Британию, не подтвержденные никакими достоверными свидетельствами, начинают восприниматься как часть истории английского народа. Безусловно, важную роль в этом сыграло представление об «историчности» Артура: одно предание, найдя историческое подтверждение, свидетельствовало в пользу достоверности другого. Не так важно, относились ли современники к этому знанию как к информации о несомненно произошедших исторических фактах или как к своего рода удачным моральным примерам. Значительно существеннее то, что переписавший предания в соответствии с требованиями

¹⁹⁰ *John of Glastonbury. Chronica sive Antiquitates Glastoniensis Ecclesie: 2 vols.* / Ed. J. P. Carley // *British Archaeological Reports. XLVII* (1978). Vol. I. P. 68–69.

¹⁹¹ *Ibid.*; *Robinson J. A. Two Glastonbury Legend: King Arthur and St. Joseph of Arimathea.* Cambridge, 1926; *Даннинг Р. У. Артур – король Запада...* С. 150.

историографического жанра Гальфрид Монмутский и монахи Гластонбери, связавшие с королем Артуром определенные материальные свидетельства и практики церковного почитания, произвели весьма интересную операцию с историческим сознанием современников. Из нетвердого материала легенд и преданий выкристаллизовывался определенный образ древнего, еще до-саксонского прошлого, существенный для представлений средневековых англичан о самих себе.

К XIV–XV вв. легенда о крещении Британии в середине I в., превратившись в хорошо известное, освященное давней историографической традицией предание, обросла дополнительными подробностями. По утверждению автора «Дара истории», кроме св. Иосифа «в Британию прибыли Симон Зилот и апостол Павел, бежавший из Рима после второго пленения»¹⁹². Веком позже эта версия привнесения христианства не из римской курии, а непосредственно ближайшими сподвижниками Христа стала важнейшим элементом представления англичан о прошлом. Хочется отметить, что история христианства, в частности проблема обращения населения Британии в истинную веру, вызывала повышенный интерес практически у всех авторов второй половины XVI – начала XVII в. Например, Джон Фокс на вопрос «Получила ли английская церковь веру из Рима или нет?» решительно дает отрицательный ответ. Фокс, ссылаясь на Гильду, Тертуллиана («жившего во времена папы Элевтерия»), Оригена, Беду, Никифора, Петра Ключийского и цитируя приведенное в тексте Беды письмо самого папы Элевтерия, приводит семь доказательств того, что христианская вера была привнесена в Британию задолго до обращения Луция и не из Рима, а с Востока – из Греции Симоном Зилотом, Иосифом Аримафейским, который «был послан апостолом Филиппом из Франции в Британию около 63 г., где он оставался со своими спутниками до конца жизни, основав среди британского народа (the Britain people) пять общин Христовой веры»¹⁹³. О принятии христианства с Востока в середине I в. вслед за Фоксом повествуют и остальные историки. Например, Фрэнсис Хастингс в трактате «Предостережение всем верующим и верным англичанам», изданном в 1598 г., ссылаясь на Гильду Премудрого, утверждал, что «Британия получила Слово Божие еще во времени Тиберия»¹⁹⁴, а Иосиф Аримафейский был послан туда апостолом

¹⁹² *Eulogium Historiarum*. Vol. I. P. 157.

¹⁹³ *Foxe, John*. *Acts and Monuments*. Vol. I. P. 35, 117–119.

¹⁹⁴ Хастингс неверно понял замечание Гильды о рождении и проповедях Христа во времена Тиберия: «Между тем как остров оцепенел от ледяного холода и словно очень дальним удалением земель не был близок к видимому солнцу, воистину не временное солнце с небесного свода, но с самой вышины небесной тверди, превосходя все времена, представляя всему миру пресверкающее солнце во времена, как нам известно, Тиберия Цезаря, при котором Его религия распространилась без всякого препятствия (принцепс при противлении сената угрожал смертью доносчикам на Его воин), впервые пожертвовал Свои лучи, то есть Свои предписания, Христос» (*Гильда*, 8).

Филиппом, где и оставался до самой смерти». После этого пуританский полемист добавляет: «А Беда (также наш соотечественник) подтверждает, что наша страна отмечала Пасху подобно Восточной Церкви, из чего можно заключить, что первые проповедники пришли сюда из восточных частей света, а не из Рима»¹⁹⁵. Весьма примечательно замечание А. Ю. Серегиной о том, что на сам «текст Хастингса воздействуют свойственные пуританам представления об “истинной церкви” как о месте, где прежде всего проповедуется Слово Божие (а таинства, соответственно, отступают на второй план). В его памфлете посланники Элевтерия названы только “проповедниками”, тогда как в средневековых хрониках и у Полидора говорится, что они совершали таинство крещения и проповедовали (именно в таком порядке)»¹⁹⁶. Современники Хастингса англиканский богослов Мэтью Сатклифф и историк Рафаил Холинshed также не отрицали авторитет Беды и не опровергали свидетельства других средневековых авторов, но подчеркивали, что, хотя король Луций, крещенный посланниками папы Элевтерия, и стал первым христианским королем бриттов, к моменту появления на острове папских легатов многие представители этого народа уже были христианами¹⁹⁷. При этом Сатклифф отметил, что и в эпоху папы Элевтерия, и в период понтификата Григория Великого римская Церковь еще не извратила христианскую веру, поэтому деятельность папских проповедников не могла нанести урон бриттам. Еще более важным для истинного приверженца англиканской Церкви является убеждение в том, что, несмотря на личные заслуги двух римских пап, английская Церковь ничем не обязана их преемникам и не должна подчиняться Римскому престолу¹⁹⁸. Холинshed и Стау, в свою очередь, добавили к рассказу о миссии Иосифа Аримафейского сообщение о том, что тот был похоронен на границе с Уэльсом, «на том месте, где позднее было построено аббатство Гластонбери»¹⁹⁹ (оказавшееся местом упокоения и короля Артура).

Одновременно с историками и религиозными полемистами, перечисленными выше, свой вклад в обсуждение проблемы крещения Британии внес знаменитый антикварий Уильям Кэмден. В приложении к топографическому описанию острова он не только добавил к традиционному списку первых миссионеров (Иосифу Аримафейскому, Симону Зилоту,

¹⁹⁵ *Hastings, Francis*. A Watch-word to all religious and true hearted Englishmen. L., 1598. Цит. по: *Серегина А. Ю.* История и английская религиозная полемика... С. 513.

¹⁹⁶ *Серегина А. Ю.* История и английская религиозная полемика... С. 513–514.

¹⁹⁷ *Sutcliffe, Matthew*. A Briefe Replie to a certain odious and slanderous libel, lately published by a seditious Jesuite, calling himselfe N.D. and A New Challenge made to N.D. L., 1600. P. 185; *Holinshed*. The Chronicle of England... P. 52.

¹⁹⁸ *Sutcliffe, Matthew*. A Briefe Replie... P. 185.

¹⁹⁹ *Holinshed*. The Chronicle of England... P. 37; *Stowe*. P. 34–35.

Ариостобулу) апостолов Петра и Павла, но также заметил, что благодаря их деятельности христианство еще до конца I в. распространилось «в таких районах Британии, которых римляне никогда не достигали». Поэтому королевская власть в Британии, «являясь весьма древней, получена только от Бога, не подчиняется никакой высшей власти и не находится в вассальной зависимости от императора или папы»²⁰⁰.

На фоне практически единодушного отношения протестантов к истории обращения населения Британии в христианство позиция католиков второй половины XVI – начала XVII в. по этому же вопросу выглядит более сложной и интересной. По оценке А. Ю. Серегиной, католических авторов можно условно разделить на две группы. Представители первой, более малочисленной, такие как Томас Стэплтон и Ричард Верстеганиз, принципиально разводили бриттскую и англосаксонскую историю. Для этих авторов было важно подчеркнуть, что история крещения бриттов, в какой бы форме этот народ ни принял христианство, никак не связана с религиозной историей англичан, предками которых были англосаксы, обращенные в истинную веру римскими проповедниками. Ссылаясь на тексты все тех же Гильды и Беды, приверженцы данной точки зрения указывали на невнимание бриттских священников к проповедям среди завоевателей, в результате которого, уже живя в Британии, рядом с христианами, предки англичан более полутора столетий оставались язычниками²⁰¹. Подобное размежевание истории «своих» англосаксов и «чужих» бриттов было характерно, как уже отмечалось выше, не только для средневековой историографии (примерно до середины XIII в.), но и для исследователей Викторианской эпохи. В определенном смысле можно говорить о том, что на протяжении веков менялся лишь ракурс рассмотрения этой проблемы: так, если для ученых второй половины XIX в. на первом месте стояли присущие предкам англичан германские свободы и зачатки конституционного строя, то для английских католиков XVI–XVII вв. важнее было подчеркнуть верность предков пришедшей из Рима, следовательно, истинной христианской Церкви.

Между тем представители второй, более многочисленной группы католических авторов, среди которых были Томас Фицгерберт, Джон Мартиалл, Томас Хардинг, Роберт Парсонс, Ричард Брутон, были склонны включать бриттский период в общую историю английского народа. Практически все авторы, относящиеся ко второй группе, указывали на крещение Луция

²⁰⁰ *Camden, William. Remans Concerning Britain. L., 1674, repr. Wakefield, 1974. P. 4–5.*

²⁰¹ *Stapleton, Thomas. A Return of Untruths upon M. Jewells Replie. Antwerpen, 1566. LL4v–LL1r.* Цит. по: *Серегина А. Ю. Мифы об обращении Англии в христианство и национальная / конфессиональная идентичность в XVI – начале XVII века // Диалог со временем. М., 2007. Вып. 21. С. 402.*

и его приближенных как на первый этап обращения «страны» в католичество. Например, Томас Фицгерберт в начале XVII в. написал: «Наша католическая религия, которую св. Августин насадил среди англичан, была за 400 лет до этого проповедована королю Луцию и бриттам Фугацием и Дамианом, или, как некоторые говорят, Динацианом, посланными в Британию папой Элевтером в год Господа Нашего 182-й». По мнению Фицгерберта, совершенно очевидно, что папские посланцы принесли в Британию именно католическую веру, поскольку в те времена «невозможно было себе вообразить никакой иной веры, кроме римской». И эта вера сохранялась бриттами не запятнанной никакими ересями вплоть до распространения в стране пелагианства²⁰².

Один из самых известных католических полемистов, иезуит Роберт Парсонс, в «Трактате о трех обращениях Англии» (1603 г.) не только повторил основные аргументы Фицгерберта в пользу принятия христианства по католическому образцу во II и VI вв., но также признал правдивыми легенды о миссии Иосифа Аримафейского. Впрочем, Парсонс высмеял «невежество» своего протестантского оппонента Джона Фокса, «приписавшего крещение восточным проповедникам на основании сообщения Беды и позднейших авторов об обычае праздновать Пасху, рассчитывая дату ее наступления по восточной пасхалии». По утверждению Парсонса, этот обычай пришел в Британию не с Востока, а с Запада вместе с проповедниками из Ирландии или с Гебридских островов. Именуя своих протестантских оппонентов «еретиками, склонными к обману как в делах веры, так и истории», иезуит согласился признать, что первые христиане в Британии появились даже раньше прибытия туда Иосифа Аримафейского, называя среди первых проповедников в этом регионе свв. апостолов Петра и Павла²⁰³.

Таким образом, в английских текстах эпохи Средневековья и раннего Нового времени, независимо от конфессиональной принадлежности их авторов, определенно прослеживается четко выраженное представление об исключительности предков своего народа: имея самое древнее и благородное (или же просто славное) происхождение, они были наделены наилучшими физическими и моральными качествами, позволившими им не только превосходить все другие народы по силе и храбрости, но, как заявил Рафаил Холинshed, стать первым народом, открыто принявшим

²⁰² *Fitzherbert, Thomas. A Defence of the Catolyke Cause. 1602; repr. English Recusant Literature. Menston, CXLVI (1973). P. 17–20. Цит. по: Серегина А. Ю. Мифы об обращении Англии в христианство... С. 404–405.*

²⁰³ *Persons, Robert. Treatise of Three Conversions of England from Paganism to Christian Religion. 1603. P. 15–54. Цит. по: Серегина А. Ю. Мифы об обращении Англии в христианство... С. 406–410.*

Евангелие²⁰⁴. Примечательно, что эта фраза Холиншеда хотя и приводится в контексте рассказа о крещении бриттов, но относится к его современникам, которых историограф соотносит с потомками древнего народа, достойными разделить славу предков. В зависимости от политической ситуации полемисты и историографы могли подразумевать под предками своего народа либо исключительно англосаксов, либо включать в их число бриттов. В свете изучаемой темы важнее иное: пример полемики католиков и протестантов разного толка об истории обращения жителей Британии в христианство свидетельствует о том, что даже самых неприемлемых противников, именовавших своих оппонентов еретиками и искажителями правдивой истории, объединяло навязчивое желание утвердить у читателей представление об исключительных достоинствах предков, в частности об удивительном благочестии, позволившем им принять христианство раньше других народов и сохранить на протяжении веков чистоту истинной веры.

Важно отметить, что с самого начала легенды о раннем крещении бриттов ничуть не противоречили истории о крещении англов в конце VI в. Согласно Беде, опирающемуся в данном случае на текст Гильды, оставленный римлянами на произвол судьбы народ бриттов погряз в смутах и кровопролитиях, а также во всевозможных грехах и пороках, к тому же на острове широко распространилась пелагианская ересь. Завоевавшие большую часть острова племена англов и саксов продолжали оставаться язычниками: «К неопишуемым преступлениям бриттов, о которых со стыдом пишет их собственный историк Гильдас, добавилось еще и то, что они не научили вере народы англов и саксов, жившие в Британии рядом с ними. Но Бог не оставил милостью эти народы, славу которых прозревал в будущем, и послал к ним много лучших вестников истины, дабы принести им веру»²⁰⁵.

Рассказывая о жизни папы Григория, Беда поведал историю, объясняющую интерес святого к насаждению христианской веры в Британии. Однажды среди товаров, продаваемых в Риме на рынке, папа увидел красивых мальчиков из языческого племени англов и пожалел о том, что «Создатель тьмы владеет людьми, столь светлыми ликом, и что души, облаченные такой внешней благодатью, лишены благодати внутренней!». После этого Григорий решил, что, раз «у них лица ангелов, они достойны приобщиться к ангелам на небесах», и послал монаха Августина проповедовать христианство и крестить ангелоподобный народ²⁰⁶. Прибыв в Британию в 597 г., Августин

²⁰⁴ *Holinshed. The Chronicle of England...* P. 52.

²⁰⁵ *Беда. I, XXII.*

²⁰⁶ Там же. II, II.

нашел там семь прежних бриттских епископств²⁰⁷. Но бриттские епископы отказались вернуться в лоно католической Церкви и вместе с ним проповедовать англам. «Говорят, что тогда Августин, человек Божий, пригрозил им, что, отказавшись принять мир от своих братьев, они получают войну от врагов и, отказавшись наставлять в вере англов, примут смерть от их мстительной руки. Волею Божьего суда все случилось в точности по его слову». Этот приговор свершился, когда 1200 молящихся безоружных бриттов было уничтожено войском короля англов Эдильфрида²⁰⁸.

Сместив позитивные и негативные акценты, Гальфрид, пересказывая изложение Беды, нарисовал совершенно иную картину. Он не только утверждал, что у бриттов христианская вера никогда не приходила в упадок, именуя бриттских епископов «благочестивейшими владыками», но и объяснил их отказ присоединиться к Августину не гордыней, а благородными патриотическими чувствами: они не могли проповедовать англам, потому что те стремились «отнять у бриттов родину». Гальфрид ничего не написал о проклятии Августина, а, повествуя об избиении молящихся, добавил, что, приняв мученический венец, они удостоились Царствия Небесного²⁰⁹. Таким образом, Гальфрид, не допуская видимых противоречий с текстом Беды, тем не менее предложил читателям иную трактовку истории, стирая конфликт между крестителем англов и бриттским духовенством. Переложив ответственность за избиение христиан на язычников, Гальфрид смог примирить два противоречащих друг другу мифа: проанглийский и пробриттский.

Полидор Вергилий и защита английскими авторами неприкосновенности национальной истории

Когда в 1505 г. английский король Генрих VII обратился к итальянцу Полидору Вергилию с просьбой написать историю Британии, едва ли он предполагал, что исполнение этого заказа вызовет в английском обществе целую бурю возмущений и негодования. В самом факте приглашения иностранца на должность придворного историографа не было ничего необычного. В конце XV – начале XVI в. охватившее многих европейских монархов желание обрести историю своего рода или государства, написанную в ренессансном духе, вынудило их прибегнуть к услугам известных

²⁰⁷ Бед. I, XXIII–XXIX.

²⁰⁸ Там же. II, II.

²⁰⁹ Гальфрид. С. 188; *Higden*. Vol. V. P. 394–404; *Eulogium Historiarum*. Vol. I. P. 212; Vol. II. P. 366–367; *The Brut*. Vol. I. P. 96–98; *Capgrave Abbreviation of Cronicles...* P. 61; *Hardyng (I)*. Ch. LXXXVIII; *Fabyan*. P. 95–97; *Foxe, John*. Acts and Monuments. Vol. I. P. 128; *Holinshed*. The Chronicle of England... P. 99–102; *Stow*. P. 65; *Waurin*. Vol. I. P. 456–461.

итальянских гуманистов. В свое время Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II) написал историю для императора Фридриха III, а Паоло Эмилио из Вероны – для Людовика XII Французского, Джованни Нанни из Витербо – для католических королей Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, Антонио Бонфини – для короля Венгрии Матяша Корвина. Почти за век до Полидора «добрый герцог» Хэмфри Глостер, известный покровитель художников и литераторов, заказал итальянскому историку Титу Ливию Фруловези биографию своего старшего брата. Созданная в 1437 г. «Жизнь Генриха V» стала авторитетным и популярным образцом исторического сочинения для англичан.

Прибывший в Англию в конце 1501 или в начале 1502 г. в качестве помощника сборщика «пени св. Петра» преподобного Адриано Каstellо (ставшего в 1503 г. кардиналом) Полидор Вергилий, казалось, идеально подходил для королевского поручения²¹⁰. Родившийся в Урбино около 1470 г. в семье, на протяжении нескольких поколений тесно связанной с университетскими кругами, Полидор Вергилий получил блестящее образование в университетах Падуи и Болоньи, после чего поступил на секретарскую службу к герцогу Урбино. Уже после публикации двух первых трудов – «Книжки пословиц» (Венеция, 1498) и трактата «Об изобретателях» (Венеция, 1499), посвященных герцогу Урбино, имя Полидора Вергилия стало широко известным в ученой среде. В течение XVI в. оба сочинения неоднократно переиздавались в разных городах Европы.

Радушно принятый при английском дворе, Полидор Вергилий сразу после приезда получил неплохой приход в Ландтоне (Лестершир), а в 1507 г. его доходы возросли за счет двух пребенд в епархиях Херефорда и Линкольна. Вскоре он был назначен архидьяконом Уэллса и пребендарием в Бренте. Однако на деле Вергилий редко покидал Лондон, занимаясь сочинительством и ведя обширную переписку со своими коллегами и покровителями. После смерти Генриха VII Вергилий не утратил расположения английского двора: новый государь, Генрих VIII, не только сохранил за итальянцем его доходы, но даже освободил его от уплаты пошлин, взимаемых в Англии с иностранцев. Пользующийся расположением короны, Вергилий находился в дружеских отношениях со многими влиятельными англичанами: деятелями науки и искусства, дипломатами и представителями высшего духовенства (Дж. Колетом, Т. Мором, Т. Линэкром, У. Лили, У. Гросином, епископами Дж. Фоксом, Дж. Фишером, архиепископами У. Уорхэмом и Э. Ли и другими). Не менее широким был круг его континентальных друзей и единомышленников, среди которых стоит

²¹⁰ О биографии Полидора Вергилия см.: *Hay D. Polydore Vergil, Renaissance Historian and Man of Letters. Oxford, 1952. P. 1–21; Idem. The Life of Polydore Vergil of Urbino // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. XII (1949). P. 132–151.*

упомянуть знаменитых гуманистов Леонардо да Винчи и Гийома Бюде. Особое место среди друзей Вергилия занимал Эразм Роттердамский, с которым он близко сошелся во время пребывания немецкого гуманиста в Англии. Не стесненный материально итальянец неоднократно предлагал другу денежную помощь, а Эразм в свою очередь содействовал изданию трудов Вергилия.

В феврале 1514 г. Полидор Вергилий решил посетить Италию. По всей видимости, во время этой поездки он заказал знаменитому переписчику Фредеригу Ветерани подарочную рукопись недавно законченной «Истории Англии», которую впоследствии намеревался преподнести Генриху VIII. Впрочем, у этого путешествия, похоже, была еще одна цель: лоббирование в папской курии кандидатуры канцлера Уолси, желавшего получить кардинальскую шапку. С последней задачей Вергилий справился крайне неудачно, поскольку после возвращения в Англию он неожиданно был арестован по обвинению в поношении Уолси перед папой и интригах, в результате которых кандидатура английского канцлера была отклонена. Заключение Полидора в Тауэр вызвало всеобщее волнение. Папа Лев X, кардинал Джулио Медичи и оксфордские профессора обращались к королю с просьбами об освобождении Вергилия. В сентябре 1515 г. Уолси стал кардиналом, а на Рождество Вергилий получил свободу. И хотя он потерял право на сбор папских налогов, ему все же удалось восстановить свои бенефиции. Главный урок, извлеченный гуманистом из этой истории, заключался в том, что вплоть до конца жизни он предпочитал держаться на почтительном расстоянии от большой политики. Впоследствии, перерабатывая рукопись для очередной публикации, Полидор Вергилий смог отомстить кардиналу Уолси за нанесенные обиды, опорочив имя прелата в своем сочинении.

Ни смерть Генриха VII, ни конфликт с могущественным канцлером не отвратили Вергилия от жизни в Англии и продолжения труда над историей острова. В 1533 г. он предпринял новое путешествие на континент: на этот раз в одну из столиц книгопечатания – Базель. Именно там в 1534 г. появилось посвященное Генриху VIII первое издание «Истории Англии», охватывающей период от древнейших времен до коронации второго короля из династии Тюдоров. В 1546 г. там же вышло второе, переработанное издание этого труда, еще через девять лет, в 1555 г., благодаря благосклонности к итальянцу королевы Марии «История Англии», доведенная до 1537 г. (год рождения принца Эдуарда), была переиздана в третий раз в Англии²¹¹. Поселившийся в Англии благодаря милостивому расположению Генриха VII, Полидор Вергилий провел на острове полвека,

²¹¹ *Polydore Vergil. The Anglica Historia of Polydore Vergil A.D. 1485–1537 / Ed., with an English translation, D. Hay. (Camden Society New ser. LXXIV). L., 1950. P. XIV–XVII.*

пережив не только своего покровителя, но и его сына и внука. Реформация в Англии практически не затронула этого вопреки духовному сану в целом индифферентного к религиозным вопросам итальянца. В 1536 г. он безо всякого сопротивления подписал бумагу, в которой отказывался признавать суверенитет папы и принял англиканский символ веры. В 1546 г. он ненадолго был лишен сана архидьякона, но уже в 1547 г. Эдуардом VI был полностью восстановлен во всех правах. Лишь в 1553 г., будучи уже очень старым и больным, он, отправив поздравления с восшествием на престол королевы-католичке, решил вернуться в Урбино, чтобы умереть на родине. После смерти Вергилия в 1555 г. его труды регулярно переиздавались по всей Европе, однако, несмотря на безусловную популярность и широкую известность, в Англии его репутация как историка была крайне противоречивой.

Приступая к историческому повествованию, Полидор Вергилий, подобно другим гуманистам, декларировал намерение отринуть многовековые, основанные на народных преданиях и лживых писаниях заблуждения предшественников. В обращении к Генриху VIII он намеренно подчеркнул, что выполнил возложенное на него венценосным заказчиком поручение максимально честно и ответственно, при этом определенную пользу ему принесло неанглийское происхождение, позволившее взглянуть на историю Британии «объективным взглядом» стороннего наблюдателя²¹². Прежде чем перейти непосредственно к рассказу о далеком прошлом, итальянский автор решил особо остановиться на анализе источников. В первую очередь Вергилий уделил внимание недооцененному многими другими историографами труду Гильды Премудрого. Признавая текст Гильды темным и трудным для понимания, он между тем посетовал на его редкость (указав, что ему самому удалось отыскать лишь два списка). Ввиду этого обстоятельства, а также для того, чтобы истинное сочинение Гильды не путали с приписываемой ему более поздней фальшивкой, Вергилий в 1525 г. осуществил публикацию «О гибели Британии». Повторяя слова английского хрониста Уильяма Ньюбургского (конец XII в.), он указал, что наилучшим аргументом в пользу правдивости Гильды и, соответственно, достоверности его труда является критика в адрес собственных соотечественников, о которых ученый муж сказал мало хорошего, но скорбел об их многочисленных грехах и злодеяниях. Гальфрид Монмутский, измысливший многочисленные байки для необоснованного возвеличивания предков своего народа, по мнению Вергилия, напротив, заслуживает решительного осуждения²¹³. Итальянец охотно

²¹² Ibid. P. XXVIII; Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 2.

²¹³ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 16–17; *Polydore Vergil. English History...* Vol. I. P. 29.

признает, что включение в историю народных преданий, подобных легенде о Бруте, не является чем-то исключительным, поскольку «в стародавние времена» многие племена (прежде всего римляне) и города грешили против правды, возводя свое происхождение к божествам. Но его удивляет, как два таких «прекраснейших историка», как Генрих Хантингдонский и Ранульф Хигден, были вынуждены повторять эти рассказы, «более похожие на басни, чем на серьезные свидетельства великих деяний», отмечая с сожалением, что именно благодаря тому, что столь авторитетные авторы привели в своих трудах измышления Гальфрида, они дошли до потомков²¹⁴. С точки зрения Вергилия, логичнее предположить, что Британия была впервые заселена с континента, вероятнее всего галлами, поскольку «в ясный день с французского берега хорошо виден этот остров» с его белыми скалами, благодаря которым он получил название Альбион. Цитируя текст Гильды, он попытался убедить своих читателей в том, что никаких письменных источников, относящихся к доримскому периоду английской истории (даже если таковые и были, в чем лично он сомневается), не сохранилось²¹⁵. Поэтому для итальянского гуманиста кажется разумным подход все того же Гильды, начавшего рассказ о Британии с момента появления на острове римских войск.

Тем не менее, высказав в начале своего труда пренебрежительное отношение к столь «любимым простолюдинами народным преданиям», Вергилий вовсе не собирался отказываться от их пересказа, поскольку, во-первых, необходимо хоть чем-то заполнить отсутствие достоверного знания о прошлом, а во-вторых, это позволяло ему снова и снова сопоставлять их с данными континентальных источников, возвращаясь к проблеме разоблачения заблуждений англичан относительно собственной истории. Например, дойдя до похода братьев Белина и Бренния в Италию, Полидор Вергилий указал на целый ряд ошибок, порожденных сочинением Гальфрида Монмутского: во-первых, этот поход состоялся на 310 лет позже, чем его датируют английские историографы, во-вторых, римские источники вообще не упоминают о вожде бриттов по имени Белин, а пишут лишь о предводителе галлов Бреннии, и, наконец, в-третьих, Бренний так и не смог захватить Вечный город, а его войска были легко побеждены римлянами²¹⁶. Ссылаясь на отсутствие информации о британских городах в сочинениях Цезаря, Тацита, Страбона, Птолемея и Плиния, итальянский

²¹⁴ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 18; *Polydore Vergil*. English History... Vol. I. P. 31.

²¹⁵ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 16; *Polydore Vergil*. English History... Vol. I. P. 30.

²¹⁶ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 21–25; *Polydore Vergil*. English History... Vol. I. P. 37–38; 41–45.

историк опровергнул приводимые в «Истории бриттов» этимологии, свидетельствующие, как утверждал Гальфрид, о том, что эти населенные пункты были основаны задолго до прихода римлян древнейшими правителями острова²¹⁷. Рассказ о войнах Кассибеллана с Цезарем завершается у Вергилия обращением тринобантов (население будущего Уэссекса) к Цезарю с просьбой защитить их от беззакония Кассибеллана и честной победой римлян над войском бриттов²¹⁸. Дойдя до легенд о принятии бриттами христианства, историк и вовсе отказался от критических замечаний: он не только изложил предание об Иосифе Аримафейском, прибывшем в Британию с большим числом спутников, но и указал, что на месте погребения святого позднее был основан монастырь Гластонбери²¹⁹. Далее гуманист заметил, что поскольку св. Иосиф крестил в основном на западе острова, то обращение основной части бриттов произошло в 172 г., когда по просьбе короля Луция в Британию прибыли папские легаты²²⁰.

Ссылаясь на умолчавшего об Артуре Гильду, Вергилий упрекнул Гальфрида в изложении «древних легенд бриттов» по-латыни с целью придания им «вида истории», а также в переводе с «добавлениями кое-чего от себя» пророчества «некоего Мерлина»²²¹. Фактически, в этой части своей критики сочинения Гальфрида Монмутского итальянец дословно повторил текст Уильяма Ньюбургского. Впрочем, дальше обвинения Гальфрида в авторстве фальшивого пророчества и пересказе народных преданий он не пошел, не решаясь, подобно Уильяму, полностью отвергнуть идею существования правителя, культ которого всячески популяризировал Генрих Тюдор, упорно желавший видеть в Артуре прославленного предка. Возможно, желая угодить венценосному покровителю, а может, опасаясь задеть национальные чувства англичан, Вергилий предпочел последовать примеру Роберта Фабиана и повторить сдержанную критику Ранульфа Хигдена. Говоря о короле Артуре, он отметил, что этот правитель был наделен большой мудростью и всевозможными воинскими достоинствами. К этой уважительной ремарке итальянский историк добавил, что «народная любовь вознесла Артура на небеса», приписывая ему многочисленные победы над различными народами. «Через много лет после его смерти в

²¹⁷ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicae Historiae... P. 26; *Polydore Vergil. English History...* Vol. I. P. 48.

²¹⁸ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicae Historiae... P. 30; *Polydore Vergil. English History...* Vol. I. P. 55–57.

²¹⁹ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicae Historiae... P. 37–38; *Polydore Vergil. English History...* Vol. I. P. 74.

²²⁰ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicae Historiae... P. 38; *Polydore Vergil. English History...* Vol. I. P. 90.

²²¹ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicae Historiae... P. 17; *Polydore Vergil. English History...* Vol. I. P. 29.

аббатстве Гластонбери было сооружено внушительное надгробие, чтобы потомки могли представить его величие, но во времена Артура это аббатство еще не было построено»²²².

За полвека до Реформации приход Тюдоров к власти всколыхнул интерес англичан к кельтскому, доримскому и доанглосаксонскому периоду в истории острова. При всем скепсисе в отношении переработанных оксфордским каноником народных баек Полидор Вергилий не смог удержаться от того, чтобы польстить гордющемуся своим валлийским происхождением Генриху VII, обыграв сюжет с пророчеством, якобы полученным последним правителем бриттов Кадвалладром от ангела, предсказавшим, что однажды «народ бриттов в воздаяние за свою приверженность к истинной вере вновь завладеет... своим родным островом». По мнению итальянского историка, это пророчество действительно сбылось, когда истинный потомок Кадвалладра был коронован английской короной после битвы при Босворте в 1485 г.²²³ Более того, на страницах «Истории Англии» это пророчество связывало Генриха Тюдора не только с древними правителями Британии, но и с последним королем из династии Ланкастеров, поскольку именно Генрих VI в детстве открыл сводному брату предсказание ангела²²⁴. Этот тщательно продуманный ход свидетельствует о том, насколько Вергилий был внимателен в отношении суждений или пожеланий своего покровителя. Как свидетельствуют многие историки, в частности Фрэнсис Бэкон, Генрих VII меньше всего желал взойти на английский престол по праву супруга Елизаветы Йорк, а также опасался стать государем, не по закону природы и происхождения, но по воле сословий, до конца разыгрывая карту лидера партии Ланкастеров²²⁵. Руководствуясь этими соображениями, Вергилий изобразил Генриха VI истинно святым человеком²²⁶, наделив обоих королей из династии Йорков всевозможными пороками и недостатками. Впрочем, давая характеристики ближайшим предкам Генриха VIII, которому и была посвящена «История Англии», автор проявил удивительную изворотливость, утверждая, что от своего деда по материнской линии тот унаследовал исключительную сердечность и приветливость, за что и стал любим в народе, как ни один государь до него²²⁷.

²²² Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 60; *Polydore Vergil. English History...* Vol. I. P. 121–122.

²²³ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 566; *Polydore Vergil. Anglica Historia...* P. 2, 4.

²²⁴ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 522.

²²⁵ Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII... С. 6–7.

²²⁶ Вплоть до Реформации Генрих VI почитался в Англии как местночтимый святой. Ему приписывалось множество чудес. Генрих VII и его наследник настойчиво ходатайствовали перед папской курией об официальной канонизации короля-мученика.

²²⁷ Polydori Vergilii Urbinatis Anglicaе Historiae... P. 620; *Polydore Vergil. Anglica Historia...* P. 150.

Увы, сейчас невозможно судить, насколько самому Генриху VIII понравился труд итальянского гуманиста. Более того, до нас не дошел даже преподнесенный королю список. Единственное, о чем могут рассуждать исследователи творчества Полидора Вергилия, – так это о реакции на его сочинение подданных английской короны. Предпринимая одну за другой публикации «Истории Англии», автор явно рассчитывал не только на коммерческий успех, но и на признание его заслуг английскими мыслителями, многие из которых в свое время охотно делились с ним источниками, помогая собирать нужную информацию. Между тем реакция англичан оказалась весьма неоднозначной: очень быстро Полидор Вергилий превратился в одного из самых порицаемых авторов, при этом его произведение продолжали весьма активно читать и использовать.

Первая серьезная атака на труд Вергилия последовала со стороны любимца Генриха VIII, королевского антиквария Джона Лиланда, опубликовавшего в 1544 г. работу, озаглавленную «Утверждение прославленного Артура, короля Британии» и посвященную Генриху VIII. В этом труде придворный антикварий подробно разбирает различные аспекты легенды об Артуре, приводя веские, с его точки зрения, доказательства их правдоподобности²²⁸. Уже во введении Лиланд упоминает, что итальянец Полидор Вергилий не верит в реальность этого великого правителя Англии. Разбирая аргументы Вергилия, среди которых самое важное место занимает апелляция последнего к Гильде и другим авторитетным историкам древности, не упоминавшим об Артуре, Лиланд задает примечательный вопрос: если в этих источниках также не упоминаются императоры Белин и Бренний, царица Елена, Аврелий Амброзий, неужели их также не существовало?²²⁹ Этот риторический вопрос как нельзя лучше доказывает комплексное восприятие легендарного прошлого, когда доказательства, найденные для подтверждения одного из мифов, способствовали признанию достоверности и остальных преданий. Сомнения Полидора в достоверности всех гальфридовских рассказов об Артуре были не только не новы для такого специалиста по английским древностям, как Джон Лиланд, но даже весьма сдержанны. Однако, в отличие от своих предшественников, Вергилий отверг все байки в комплексе, предложив здравомыслящим читателям принимать в расчет только ту часть древней истории, которая находила подтверждение у римских авторов. Более того, он вообще весьма скептически отозвался обо всех английских монастырских хрониках, за исключением трудов Уильяма Мальмсберийского и Мэтью Пэриса, как об «убогих, грубых, беспорядочных и лживых» писаниях, которые читать

²²⁸ *Leland, John. Assertio Inclycissimi Arthurii...* P. 13–63.

²²⁹ *Ibid.* P. 56–64.

противно, а понимать трудно. Для человека, проведшего всю жизнь в поисках древних хроник, такой отзыв со стороны иностранца был равен прямому оскорблению, на которое Лиланд решил ответить соответствующим образом.

Вскоре Лиланд написал еще одно сочинение в защиту мифа об Артуре, прямо направленное против итальянского историка: «Похвала и защита Гальфрида Артура Монмутского от Полидора Вергилия». В этой работе, по жанру напоминающей памфлет, Лиланд повторил основные положения предыдущего труда²³⁰, ужесточая нападки на Полидора Вергилия, который для него является прежде всего «тщеславным иностранцем», «бесстыднейшим человеком», намеренно принизившим авторитет Гальфрида, «чтобы придать вес своей лживой болтовне» и исказить представление об английском прошлом²³¹. Лиланд открыто обвинил Вергилия в том, что тот был не просто иностранцем – любителем английских древностей, но и тайным агентом римской курии, который не колеблясь использовал полномочия для достижения «предательских целей»²³².

Поэт и историк Джон Бэйл в своем труде «Знаменитые британские писатели», изданном впервые в 1548 г., намекнул на то, что, даже будучи папистом, Вергилий не был постоянно верен собственной Церкви, а также считает, что его планы вернуться в Италию оскорбляли английское гостеприимство. «Полидор Вергилий, бывший некогда в Англии сборщиком лепты св. Петра, а впоследствии архидьяконом Уэллса, сильно изменил с этой целью свои сочинения, оскверняя наши английские хроники самым гнусным образом своей римской ложью и другими итальянскими нуждами... Он был очень хорошо знаком с епископами и слишком много с ними советовался, когда составлял свои двадцать шесть книг английской истории»²³³.

Врач и исследователь английских древностей Джон Каюс в трактате «О древностях Кембриджа», опубликованном в 1574 г., отметил, что Полидор Вергилий предал огню полную телегу древних рукописей, чтобы скрыть ложь собственного сочинения²³⁴. Постепенно эти обвинения в уничтожении рукописей в интересах римской курии превратились в легенду о том, что Вергилий, разграбив английские библиотеки, вывез в Рим старинные рукописи, нагрузив ими целый корабль²³⁵. Опубликовавший в 1572 г. «Описание Англии» валлиец Хэмфри Лвид в своем сочинении нашел для итальянского знатока английской истории целый ряд уничи-

²³⁰ *Leland, John. Assertio Inclycissimi Arthuri...* P. 1–10.

²³¹ *Ibid.* P. 3–4.

²³² *Ibid.* P. 4.

²³³ *Select Works of John Bale / Ed. H. Christmas. Cambridge, 1849. P. 8.*

²³⁴ *Caius, John. De Antiquitate Cantabrigiae. L., 1574. P. 52.*

²³⁵ *Ellis H. Preface to the «Three Books of Polydore Vergil's English History»... P. xxiii–xxviii.*

жительных эпитетов: «чужеземец», «бесстыжий», «преисполненный завистью и злобой», «позорный человечиска», «безумец из Урбино». По его мнению, Полидор Вергилий «своей лживой клеветой всеми силами пытался опорочить... славу бриттов»²³⁶.

В середине правления Елизаветы общественное мнение о Вергилии стало совсем гротескным: он предстает иностранцем и папистом, клеветующим на все английское. Здесь стоит еще раз подчеркнуть, что в этот период особенно выделяется тайная миссия Вергилия как римского агента, специально направленного в Англию для искажения истории этой страны. Пометка на полях «Писателей» Джона Бэйла, сделанная в том же XVI в., содержит следующую характеристику: «Полидор Вергилий – самая лживая собака в мире... он разграбил все английские библиотеки и, когда он получил все, что хотел, сжег эти знаменитые рукописные тома и сделал себя отцом чужих трудов – наивысшее преступление. Он не заслужил небеса, которые слишком хороши для него, но я не буду столь жесток, осудив его на ад, полагая, что он заслужил быть подвешенным между ними»²³⁷. В 1582 г. издатель Ричард Робинсон, правильно оценив актуальность антиполидоровских трактатов, перевел на английский язык и переиздал «Утверждение прославленного Артура, короля Британии» Джона Лиланда.

В 1586 г. вышло первое издание «Английского Альбиона» Уильяма Уорнера, лондонского стряпчего, который в стихотворной форме изложил историю Британии начиная от Потопа до 1066 г.²³⁸ Уорнер излагает всю генеалогию пресловутого Брута от Иафета, включая греко-римскую линию (от Геркулеса) и подробно повествуя обо всех деяниях легендарного правителя²³⁹. Не забыл Уорнер рассказать о войнах Цезаря и Кассибеллана²⁴⁰, крещении Луция²⁴¹ и правлении императора Константина, чья мать была бриттской крови²⁴², а также о победах, одержанных королем Артуром над саксами²⁴³. В 1596 г. известный антикварий Генри Сэвил издал с посвящением королеве Елизавете пять средневековых английских хроник²⁴⁴. Данное действие он объясняет следующим образом: «Дело в том, что Полидор, как итальянец и человек несведущий в наших делах и (что

²³⁶ *Lhuyd Humphrey*. *Descriptio Angliae*, fol. 6 (цит. по: *Ellis H.* Preface to the «Three Books of Polydore Vergil's English History»... P. XXII).

²³⁷ *Ellis H.* Preface to the «Three Books of Polydore Vergil's English History»... P. XXXV.

²³⁸ В 1589 г. вышло второе издание, доведенное до 1485 г., а в 1592 г. – третье с изложением событий вплоть до 1558 г.

²³⁹ *Warner, William*. *Albions England*. L., 1602. P. 1, 62–65.

²⁴⁰ *Ibid.* P. 79–83.

²⁴¹ *Ibid.* P. 84.

²⁴² *Ibid.* P. 85–86.

²⁴³ *Ibid.* P. 89–90.

²⁴⁴ *Savile, Henry*. *Rerum anglicarum scriptores post Bedam praecipvi, ex vetvstissimis codicibus manustriptis nunc primum in luven editi*. Frankfurt, 1601.

главное) не радеющий об общественном благе, не обладая ни величием, ни умом, выбирая немногое из многого и увеличивая ложь во много раз вместо правды, оставил нам историю во многом лживую, а также неумело и плохо написанную»²⁴⁵.

Подробно пересказав все легенды об Артуре, Рафаил Холинshed не обошел вниманием многовековые споры историографов о существовании этого легендарного правителя. Вслед за такими авторитетами, как Хигден, Холинshed готов был признать, что многие из рассказов об Артуре являются не историческими свидетельствами, а народными байками. Однако он не готов даже допустить мысль о том, что Артур мог и вовсе не существовать. Холинshed обрушился с резкой критикой на Уильяма Ньюбургского и Полидора Вергилия, обвиняя их в том, что они, «преисполненные невежества», «завистливо оклеветали и позорно оболгали своими лживыми языками» величайшего из государей²⁴⁶. После детального рассказа об обнаружении могилы в Гластонбери Холинshed решил вставить в свой текст сочиненную Джоном Лиландом эпитафию, воспевающую деяния легендарного правителя бриттов²⁴⁷. «Хроника» Холинsheda продемонстрировала верность англичан своим преданиям, а также их настойчивое стремление не подвергать критике любимые мифы. Сказания о Бруте, войнах Белина и Бренина, история крещения Британии и, наконец, правление короля Артура относились к числу тех легенд и преданий, сомневаться в которых сами англичане не решались и не позволяли это делать иностранцам. Этногенетические мифы и древние предания становились важным формообразующим элементом национального самосознания в период классического Средневековья и раннего Нового времени.

Несмотря на столь негативную, а временами просто агрессивную реакцию, английские историографы, не только из числа друзей и единомышленников, вроде Томаса Мора, но и явные оппоненты, среди которых следует назвать Джона Бэйла и Рафаила Холинsheda, активно использовали «Историю Англии» в качестве источника при написании собственных трудов, ссылаясь на «искажителя английской истории» так же, как и на более «достойных» авторов. Бесспорно, пальма первенства по числу заимствований из труда Полидора Вергилия принадлежит Эдуарду Холлу. В 1548 г., через год после смерти автора, Ричард Графтон опубликовал его сочинение, озаглавленное им как «Союз благородных и знаменитых семейств, Ланкастеров и Йорков». Большая часть хроники Холла, охватывающей историю правления семи английских королей от Генриха IV до Генриха VIII, представляет собой написанное на английском языке

²⁴⁵ *Savile, Henry. Rerum anglicarum scriptores post Bedam praecipvi...* P. 3.

²⁴⁶ *Holinshed. The Chronicle of England...* P. 93.

²⁴⁷ *Ibid.* P. 92.

переложение, если не сказать перевод, текста Вергилия. Работа Холла особо интересна не только тем, что он под своим именем популяризовал в Англии вергилиевское видение истории (точнее, той ее части, которая и так не подвергалась нападкам), но и тем, что этот хитроумный автор нашел способ весьма ловко обозначить свое собственное, отличное от полидоровского, отношение к английским древностям. В общем прологе к хронике Холл после довольно банального рассуждения о Славе и Забвении (автор специально обратил внимание Эдуарда VI на заслуги историков, защищающих от Забвения имена правителей и других достойных мужей и сохраняющих в памяти великие деяния), подобно Полидору, дает краткую характеристику ряду используемых им источников. В качестве одного из примеров наиболее уважаемых историографов Холл указал на Гальфрида Монмутского, спасшего от забвения Брута и его потомков²⁴⁸. Как бы парадоксально это ни выглядело, но, задавшись целью отчистить истинную историю от «баек», измышленных Гальфридом Монмутским, Полидор Вергилий фактически добился того, что его собственный труд повторил судьбу столь критикуемой им «Истории бриттов»: обоих этих авторов коллеги по цеху не уставали поносить за лживость, продолжая при этом активно использовать их сочинения.

В заключение хочется отметить, что в свете изучаемой темы важно не только и не столько гипертрофированно позитивное представление англичан эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени о своих предках, якобы превосходивших другие народы Европы по благородству крови, физическим параметрам и христианскому благочестию. С определенной уверенностью можно сказать, что в мифологизированном прошлом любой общности (не только этнической, но и политической, религиозной, социокультурной и т.д.) интересующиеся с легкостью находили и находят героические легенды и предания. Гораздо важнее иное: к XIV в. в Англии складывается представление о единой истории народа. Например, для Уолтера Питербороского англичане и бритты являются синонимичными названиями одного народа²⁴⁹. Этот и многие другие примеры показывают, как отдельные, нередко противоречащие друг другу мифы постепенно сливаются в единую линейную историю. Еще в середине 70-х гг. XII в. начитавшийся Гальфрида Уильям Фиц-Стефан, рассказывая об истории Лондона, отметил, что в дохристианские времена многие уроженцы «Новой Трои» покоряли разные народы, в том числе и Римскую империю²⁵⁰. В рассматриваемый

²⁴⁸ *Hall*. P. 1–2.

²⁴⁹ *Walter of Peterborough*. P. 104.

²⁵⁰ *Fitz Stephen, William*. *Life of Saint Thomas / Materials for the History of Thomas Becket*: 7 vols. / Ed. J. C. Robertson and J. B. Sheppard. (RS). L., 1875–1885. Vol. III. P. 8–9.

мной период (XIV–XVI вв.) для англичан одинаковой ценностью обладали истории о доблестных бриттах, англосаксах и нормандских рыцарях Вильгельма Завоевателя. Английские короли возводили свою генеалогию и к нормандским герцогам, и к правителям англов, и к легендарным Артуру и Бруту. В этом плане показательны изменения, произошедшие в названиях исторических трудов: если раньше в них преобладали названия этносов («История бриттов», «История англов», «Церковная история народа англов» и пр.), то с XIV в. чаще всего встречаются истории государства («История Англии», «Английская хроника» и пр.).

В зависимости от той или иной политической ситуации общество актуализировало наиболее злободневные эпизоды из общего свода исторической памяти, которые со временем могли предаваться забвению или радикально переосмысляться. Довольно показательным в этом плане является история принятия христианства: разрыв с Римом вынудил англичан сделать акцент на крещении бриттов непосредственно учениками Христа – то, что хронисты XIV в. воспринимали в качестве бездоказательных легенд, в глазах авторов XVI в. приобрело ценность исторических свидетельств. Сами по себе подобные эпизоды обращения к истории в пропагандистских целях еще не свидетельствуют о степени зрелости национального самосознания. На примере мифа об англосаксонском завоевании видно, как одни и те же события могут получать диаметрально противоположную трактовку в зависимости от этнической идентичности автора исторического текста. Принципиальнее иное: в какой-то момент сообщество начинает ревностно охранять незыблемость исторических преданий, допуская лишь «правильное» повествование о прошлом. Попытка Полидора Вергилия рассказать «правду» о древней истории Британии, указать на недостоверность любимых мифов была воспринята в качестве акции, направленной на унижение национального достоинства англичан, требующей незамедлительного опровержения. По сути, критика в адрес Вергилия сводилась к тому, что он иностранец, неспособный по определению должным образом изучить историю чужого народа, а также папист, который намеренно исказил истину в целях защитить корыстные интересы римской курии. Однако, помимо Вергилия, нападкам антиквариев подвергся и Уильям Ньюбургский – высоко ценимый современными исследователями, именующими его одним из самых блестящих историографов Средневековья: он был обвинен авторами тюдоровской эпохи в полном невежестве. Таким образом, очевидно, что сообщество обороняет «правильную» память о прошлом не только от «внешних врагов», но и от внутренних.

Необходимо также отметить, что воспроизведение представления о прошлом английского народа как о важнейшей составляющей его

национальной идентичности было достоянием не только «историографии», но и «изящной литературы» (в той мере, в какой применительно к Средневековью можно говорить о разнице между двумя этими жанрами, о ее постепенном оформлении или, наоборот, размывании). В тюдоровскую эпоху, судя по обилию трудов историков, антиквариев и поэтов XVI в., английского читателя со всех сторон окружали вполне устоявшиеся версии историй о величии прошлого английского народа и о его национальной специфике, что, в свою очередь, способствовало укреплению национального самосознания.

Краткие сведения об историографах и анонимных текстах

Адам из Уска (Adam of Usk) – доктор права, историк.

Родился в г. Уске (графство Монмутшир в Уэльсе) около 1352 г. Первым покровителем Адама был Эдмунд Мортимер, третий граф Марч (1360–1381 гг.), который также являлся лордом Уска. В 1368 г. Адам поступил в Оксфорд, который закончил, получив степень доктора права. С 1395 г. по 1402 г. Адам служил адвокатом при дворе архиепископа Кентерберийского Томаса Эрандела. По всей видимости, в свите архиепископа Адам посещал заседания парламента в сентябре 1397 г. В любом случае сессии этого парламента, принявшего решение об изгнании Эрандела из Англии, а также утвердившего другие меры наказания для выступивших против тирании Ричарда II лордов, Адам уделил особо пристальное внимание в своей хронике. Когда в июле 1399 г. архиепископ и Генрих Болингброк (будущий Генрих IV) вернулись в Англию, Адам из Уска прибыл в Бристоль, чтобы присоединиться к их войску. Именно Адаму было доверено вести дело о низложении Ричарда и коронации Генриха Болингброка. Позднее Адам также представлял интересы короля в деле определения вдовьей доли принцессы Изабеллы, малолетней жены Ричарда II. Благодаря покровительству архиепископа и нового короля из династии Ланкастеров Адам получил несколько бенефициев в разных епархиях. Немалый доход приносила ему и адвокатская практика. По неизвестной причине в 1402 г. Адам неожиданно был выслан из Англии (возможно, за поддержку Оуэна Глендауэра). Лишь в 1411 г. после подавления восстания в Уэльсе ему было даровано прощение и разрешение вернуться и восстановить практику в Кентербери. В годы изгнания из Англии Адам путешествовал по Италии, Франции, Германии, Фландрии, много работая в библиотеках разных монастырей. Конец жизни он провел в своем имении, в двух милях от Уска, в котором и скончался в 1430 г.

Адам начал писать хронику (*Chronicon*), охватывающую период 1377–1421 гг., еще в 1401 г., а закончил в 1421 г. Это написанное на латыни

сочинение не представляет собой единого повествования: большая часть заметок довольно лаконична, однако ряд событий, которым Адам был непосредственным свидетелем (или же знал о них от самих участников), освещается весьма подробно. В целом, по характеру отбора информации, но не по манере изложения, хроника больше напоминает дневник. Среди сюжетов, вызвавших наибольший интерес у автора, бесспорно, находятся взаимоотношения Ричарда II с оппозицией и обстоятельства смены династий, волнения в Уэльсе, события в папской курии (прежде всего для периода с 1402 г. по 1414 г.).

«Английская хроника (1399–1461)» («An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V, and Henry VI»). Условное название данной хроники, под которым она известна в научной литературе, было предложено издавшим ее в 1856 г. Дж. Дэвисом. На самом деле это произведение является очередным анонимным продолжением хроники «Брут», составленным вскоре после восхождения на престол Эдуарда IV (1461 г.). Охватывает период с 1399 г. по 1461 г. Автор – явный сторонник дома Йорков. Именно эта версия «Брута» была опубликована в 1480 г. английским первопечатником Уильямом Кэкстоном.

Анонима из Кентербери хроника («Anonimi Cantuariensis Chronica»), 1346–1367. По всей видимости, работа над текстом этой анонимной хроники была закончена в 1367 г., вскоре после возвращения армии Черного принца из испанского похода. Исключительная точность в изложении фактов, а также анализ рукописи указывают на то, что неизвестный автор вел свои записи постепенно, фиксируя информацию о наиболее важных событиях, произошедших за несколько последних лет. Аноним в полной мере использовал преимущества, которые предоставляла ему близость к архиепископскому двору: он мог не только работать с документами из архива архиепископа, но и активно расспрашивать знаменитых паломников о тех или иных событиях. В результате это небольшое сочинение является ценнейшим источником для изучения различных аспектов истории Столетней войны. Например, оно содержит самый подробный рассказ о заговоре в Кале 1350 г., а также полный отчет об обстоятельствах бегства Людовика Анжуйского из плена в 1363 г. Для специалистов по военной истории исключительно интересны детальные описания передвижения армий и построений войск перед сражениями. Отличительной чертой хроники является особое внимание историографа к дипломатическим переговорам, которые ее автор описывает чрезвычайно подробно.

Анонимная хроника из аббатства Девы Марии в Йорке (1333–1381) («The Anonimale Chronicle 1333 to 1381 from a MS Written at St. Mary's Abbey, York»). Это анонимное историческое сочинение из

аббатства Девы Марии в Йорке является продолжением франкоязычной версии хроники «Брут», охватывающим период с 1333 г. по 1381 г. Хроника дошла в единственном списке. Это свидетельствует о том, что она не была известна за пределами монастыря. Источниками анонимному монаху послужили: до 1346 г. – хроника «Брута» и хроника из Ланеркоста, с 1346 г. по 1376 г. – ныне утраченная латинская хроника, с 1376 г. – королевские информационные письма и устные свидетельства. Хроника представляет особый интерес для изучения истории последних континентальных кампаний Эдуарда III, являя исключительный пример ровного отношения ко всем английским командирам этого периода, без каких-либо «партийных» симпатий или антипатий. Как и большинство английских авторов того времени, анонимный монах из Йорка (или его предшественник, написавший латинскую хронику) выдержал текст в радикально патриотическом духе. Однако по манере подачи материала этому произведению больше подходит определение «рыцарская история», чем «монастырская хроника»: помимо воинских подвигов и военных рассказов, в тексте встречаются многочисленные описания куртуазных сцен, в которых автор демонстрирует несвойственное для монахов внимание к одеждам героев и другим «светским» деталям. Поскольку начиная с 1376 г. повествование становится гораздо более подробным и точным в отношении столичных дел, можно предположить, что автор мог не только пользоваться какими-то исходящими из Лондона материалами, но и был непосредственным свидетелем дебатов Доброго парламента (1376 г.) и восстания 1381 г.

Беда Достопочтенный (Bede Venerabilis) – англосаксонский монах, богослов, историк, один из авторитетнейших авторов эпохи Средневековья, святой, канонизированный католической церковью в 1899 г.

Беда родился в 672/673 г. на земле аббатства Уирмут в Нортумбрии. С детства он был отдан в соседний монастырь Ярроу, в котором оставался до самой смерти в 735 г. На протяжении жизни Беда написал множество трудов, большую часть из которых составляют его комментарии к Священному Писанию. Среди своих исторических сочинений Беда на первое место ставил работы по хронологии: «Книгу о временах» («De temporis liber», 703 г.) и трактат «О шести возрастах мира» («De sex aetatibus mundi», 726 г.), в то время как «Церковную историю народа англо» («Historia ecclesiastica gentis Anglorum», 731 г.) сам автор называл в последнюю очередь. Между тем именно этот труд принес Бедe мировую славу, прозвище «отца английской истории» и репутацию самого авторитетного из всех английских средневековых авторов. В качестве образца для этого сочинения Беда избрал «Церковную историю» Евсевия Кессарийского. Как следует из названия,

труд Беды является не просто историей народа, но историей обретения этим народом истинной веры. Рассказывая об истории Британии с 55 г. до н. э. и до 731 г., Беда сосредотачивает внимание на событиях, последовавших уже после появления на острове англосаксов. Повествуя о различных королевствах, он вместе с тем четко воспринимал соплеменников как единый народ («gens Anglorum»).

Бермондси анналы (1042–1432) («*Annales monasterii de Bermundeseia, 1042–1432*»). Составленные после 1432 г. краткие анналы этого клюнийского монастыря, располагавшегося недалеко от Лондона, носят компилятивный характер.

Бертон, Томас (Thomas Burton). Монах цистерцианского монастыря в Мо (Йоркшир).

О биографии Томаса Бертона исследователям известно очень мало. В 1396 г. благодаря покровительству патрона аббатства лорда Холдернесса и настоятеля монастыря в Фаунтейнсе Бертон был избран девятнадцатым аббатом Мо. Однако, как отметил монах, продолживший хронику Бертона, настроенный против аббата конвент не давал ему спокойно жить. В августе 1399 г. Бертон отказался от должности аббата и перебрался в Фаунтейнс. Около 1429 г. он ослеп, после чего прожил еще восемь лет. По мнению продолжателя хроники, Бертон был «очень набожным и хорошо образованным» человеком.

Составленная Бертоном хроника («*Chronica monasterii de Melsa, a fundatione usque ad annum 1396*»), охватывающая период с основания монастыря в 1150 г. до смерти его восемнадцатого аббата в 1396 г., считается одной из самых авторитетных и, без сомнения, одним из самых больших из созданных английскими цистерцианцами исторических сочинений. Исследователи считают, что работа над текстом была начата около 1388 г., а первая версия закончена в 1396 г. Позднее Бертон вносил в текст некоторые поправки и редактировал его. По своей структуре труд Бертона может считаться монастырской историей: хроника разбита на 18 глав, каждая из которых посвящена правлению одного из аббатов Мо. Однако, не сосредотачиваясь исключительно на делах обители, хронист подробно излагает события общегосударственного масштаба. История Англии скомпилирована Бертоном из нескольких источников: сочинений Ранульфа Хигдена, Джона Бромптона, Мартина Поляка, Гальфрида Монмутского, Геральда Камбрийского, Уильяма Мальмсберийского, хроники «Брута» и некоторых других текстов. С 1334 г. по 1338 г. события излагаются весьма близко к хронике из Бридлингтона. Бертон подробно описывает войны Эдуарда III до капитуляции Кале (1347 г.), для дальнейшего периода его источники содержали более скудную информацию. Повествование о внешней политике

короля выдержано в восторженно-патриотическом духе. Склонный к упорядочиванию текста, Бертон отвел особые главы для объяснения причин войны, которые он приводит не в хронологическом порядке, подобно большинству историографов, а по степени их значимости. Об этих причинах хронист неоднократно напоминает и в ходе рассказа о королевских кампаниях; при этом дела на континенте его интересуют не меньше, чем события на шотландской границе. Простоту языка Бертона компенсирует его любовь к пересказу анекдотов и чудес, а также склонность к комментированию поступков тех или иных персонажей, что весьма важно при исследовании характеристик обобщенного образа представителей различных «национальностей». В середине XV в. анонимный монах продолжил хронику Бертона, ограничившись, правда, исключительно монастырскими делами.

Бридлингтонская хроника («Деяния Эдуарда III») и анналы («The Chronicle of Bridlington Priory»). В начале правления Эдуарда III в монастыре Бридлингтона была написана хроника, озаглавленная издавшим ее У. Стеббсом «Деяния Эдуарда III» («Gesta Edwardi Tertii»). Данный текст является продолжением «Деяний Эдуарда II» («Gesta Edwardi Secundi»), написанных в этом же монастыре чуть ранее. Хроника начинается с пророчеств, приписываемых Томасу Бекету и некоему гасконскому дворянину, предсказывающих грядущие победы англичан над французами, в результате которых «король Англии получит корону Французского королевства». Как и многие авторы, жившие в северных графствах, монах из Бридлингтонского приората уделял особое внимание взаимоотношениям Англии с Шотландией, подробно фиксируя все события начиная с договора 1328 г. В качестве источников анонимный автор активно использовал «информационные» письма Эдуарда и документы из архива архиепископа Йоркского, которые он нередко приводит целиком. Подробное повествование заканчивается на событиях 1339 г. С 1340 г. по 1377 г. идет краткий текст, по всей видимости, добавленный к «Деяниям» из монастырских анналов в конце правления Эдуарда III. Автор «продолжения» внес некоторые изменения в текст, составленный его предшественниками, добавив к нему цитаты из «Бридлингтонского пророчества».

Бридлингтонское пророчество («Prophecies of John of Bridlington»). Анонимное рифмованное «пророчество» (около 600 строк гекзаметром), составлено около 1362–1363 гг. В позднее Средневековье и Новое время чаще всего в качестве предполагаемых авторов называли двух приоров Бридлингтона: Роберта (XII в.) и св. Джона Твинга (ум. 1379 г.). Современные исследователи больше склоняются к версии о том, что «пророчество» было написано регулярным каноником-августинцем из Йорка Джоном Эргомом (John Erghome). Для своего покровителя Хэмфри де Бозна Эргом составил

пространный комментарий, без которого чрезвычайно сложно понять и интерпретировать содержание полного шифров и сложных аллегорий текста «предсказания». Формально «пророчество» охватывает период с низложения Эдуарда II до 1405 г., когда Эдуард Черный принц должен был отвоевать французскую корону. Кем бы ни был автор «пророчества», он явно принадлежал к партии сторонников возобновления войны во Франции, недовольных условиями заключенного в 1360 г. мира в Бретиньи. Целый ряд «предсказаний», касающихся критики королевских фаворитов, возлюбленных, а также и самого Эдуарда III, позволяют считать «Бридлинтонское пророчество» своеобразным политическим памфлетом.

«Брут» («The Brut»). Хроника существует в нескольких версиях на трех языках (французском, латыни и английском). Хроника «Брут», впервые составленная на французском языке в самом начале XIV в. (изложение событий начинается с появления на острове принцессы Альбины и ее сестер и доведено до 1272 г.), является компиляцией различных сочинений, главным образом «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, франкоязычных историй середины XII в. Жоффрея Гаймара и Васа, а также популярнейшей английской поэмы Лайамона «Брут» (около 1205 г.). Продолжение этой хроники, сочиненное в середине XIV в., существует в двух версиях: краткой, изложение событий в которой доведено до битвы при Хэлидон-Хилле (1333 г.), и пространной – повествующей об этом сражении. Последняя версия является также самой ранней прозаической хроникой, относящейся к традиции «Брута», написанной на англо-нормандском диалекте французского языка. Между 1350 и 1380 гг. пространная версия была переведена на английский и сопровождается очередным продолжением, доведенным до 1377 г. Эта хроника стала первым после «Англосаксонской хроники» историческим сочинением, написанным по-английски в прозе. Из 160 известных исследователям списков этой хроники почти $\frac{3}{4}$ составляют английские версии, 4 – латинские, остальные рукописи написаны по-французски. Следует отметить, что эта хроника может считаться наиболее популярным английским историческим сочинением XIV–XV вв.

«Брута» продолжения. У хроники «Брут» существует целый ряд разновременных анонимных английских продолжений, сведения о которых ограничиваются примерной датировкой рукописей. Большая часть опубликованных У. Бри продолжений была составлена в середине XV в. и характеризуется относительно кратким и подчас неточным изложением важнейших событий, начиная с правления Эдуарда III и заканчивая первыми годами правления Эдуарда IV. По всей видимости, эти сочинения никак не были связаны между собой: на протяжении всего XV в. в Лондоне и его окрестностях, а также в различных монастырских скрипториях возникали

однотипные сочинения на английском языке, подражающие знаменитой хронике «Брут».

Бэйл, Джон (John Bale) – епископ Оссори, полемист, историк.

Джон Бэйл родился 12 ноября 1495 г. в деревне Кав возле Данвича (графство Суффолк). В двенадцатилетнем возрасте поступил в общину кармелитов в Норидже. В 1514 г. для продолжения образования Бэйл был направлен в Колледж Иисуса в Кембридже, где попал под влияние симпатизирующих Лютеру теологов – М. Ковердейля, Т. Кранмера и других. В 1533 г., накануне Реформации, Бэйл был избран приором кармелитов в Ипсвиче. В 1536 г. оставил монастырь и женился на некоей Доротее, о которой, кроме имени, ничего не известно. Несмотря на то что Бэйл был активным сторонником Реформации, в 1537 г. он был арестован за склонность к папизму. Свободу Бэйл получил довольно скоро благодаря заступничеству королевского антиквария Джона Лиланда. В этот период Бэйл также пользовался покровительством министра короля Томаса Кромвеля, после падения которого в 1540 г. историк был вынужден бежать во Фландрию. Бэйл вернулся в Англию после воцарения Эдуарда VI, а в 1552 г. был назначен протестантским епископом Оссори (Ирландия). В период Контрреформации Марии Тюдор Бэйл снова бежал на континент и вернулся в Англию лишь после коронации Елизаветы. В 1560 г. он получил должность каноника в Кентербери. Джон Бэйл умер и был похоронен в Кентербери в ноябре 1563 г.

Помимо проповедей и религиозных трактатов перу Джона Бэйла принадлежит ряд мистерий и пьес на религиозные и исторические сюжеты, среди последних особенно знаменита драма «Король Джон» («King John», 1538 г.). Главным трудом Бэйла считается написанный на латыни «Каталог самых прославленных писателей Британии...» («*Scriptorum illustrium maioris Brytannie... catalogus*»), охватывающий период с раннего Средневековья до середины XVI в., впервые изданный в Везеле в 1548 г. В 1557–1559 гг. этот фундаментальный труд, дополненный и исправленный, был переиздан в Базеле под новым названием «Каталог прославленных писателей Британии» («*Scriptorum illustrium maioris Brytanniae catalogus*»). Помимо собственных сочинений Бэйл подготовил к публикации труды Джона Лиланда.

Вергилий, Полидор (Polydor Vergil) – итальянский гуманист, клирик, автор популярной «Истории Англии».

Родился в Урбино около 1470 г. Образование будущий историк получил в университетах Падуи и Болоньи. Опубликовав два своих первых труда: «Книжку пословиц» («*Proverbiorum libellus*», 1498 г.) и трактат «Об изобретениях» («*De inventoribus rerum*», 1499 г.), Полидор Вергилий привлек

внимание приближенного ко двору Генриха VII преподобного Адриано Кастелло. В 1502 г. Кастелло, получив епархию в Херефорде, вернулся в Англию, которую незадолго до этого покинул; вместе с ним туда прибыл и Вергилий. За исключением нескольких кратких поездок за границу, историк прожил в Англии большую часть своей активной жизни. В 1503 г. его покровитель Кастелло стал кардиналом, а через год получил кафедру в Бате и Уэллсе. Сменив множество церковных должностей, сам Вергилий в 1508 г. был назначен архидьяконом Уэллса. Не вмешиваясь непосредственно в высокую церковную политику, Вергилий, тем не менее, с интересом за ней наблюдал. После Реформации историк присягнул на верность королю Англии. В 1553 г., когда на престол взошла католичка Мария, Вергилий вернулся в Урбино, чтобы умереть на родине (ум. в 1555 г.).

Свои исторические изыскания Полидор Вергилий начал сразу же после прибытия в Англию. Зная о работе итальянца в этом направлении, Генрих VII лично поручил ему написать обобщающий труд об истории Англии. Изучая средневековые рукописи, Вергилий уделил особо пристальное внимание раннему периоду истории острова. В 1525 г. он впервые опубликовал сочинение Гильды Премудрого. В это время Вергилий близко сошелся со многими влиятельными англичанами, деятелями науки и искусства, дипломатами и представителями высшего духовенства (Колетом, Мором, архиепископами Уорхэмом, Ли и другими). Первый вариант посвященной Генриху VIII «Истории Англии» («*Anglica historia*»), охватывающий период от высадки легендарного Брута на острове Альбион до 1509 г., был опубликован в Базеле в 1534 г. Прекрасный знаток древних и средневековых (в первую очередь английских) источников, Вергилий поставил под сомнение достоверность старых английских хроник, полагая, что, подобно Гильде и Беде Достопочтенному, изложение английской истории следует начинать с римского завоевания. Лишенный английского патриотизма, Полидор Вергилий старался объективно оценивать многие болезненные для англичан проблемы, в том числе события внешней политики. Скептическое отношение итальянца к древним английским мифам и преданиям вызвало бурю негодования в Англии. Впрочем, несмотря на яростные нападки и гневные обвинения в адрес Вергилия, его текст активно использовался английскими историографами, особенно для рассказа о событиях XV–XVI вв. Важно отметить, что труд Вергилия особо интересен для изучения жизни и нравов английского общества, поскольку, будучи иностранцем, он обращал внимание не только на историю, но и на право, обычаи, традиции англичан, а также на географию и топографию Британии, этимологию названий.

В 1546 г. в Базеле появилось второе издание данного сочинения, еще через девять лет, в 1555 г., «История Англии», изложение событий в которой было доведено до 1537 г., была переиздана в третий раз в Англии.

«Вестминстерская хроника» («The Westminister chronicle») (1381–1394). Хроника составлена двумя монахами Вестминстерского монастыря. Первый работал над текстом за 1381–1383 гг. Второй, которого исследователи называют «монахом из Вестминстера», переработал сочинение предшественника, а затем продолжил его труд. Последний издатель «Хроники» Б. Харви предположила, что «монахом из Вестминстера» был Ричард Эксетер. Он поступил в монастырь в 1358 г. в возрасте 21 года, пять лет провел в Оксфорде, в 1377 г. стал приором. Эксетер имел доступ к богатой библиотеке, проявлял интерес к истории, каноническому праву, астрологии. «Вестминстерская хроника» – бесценный источник для изучения представлений оппозиции о правлении Ричарда II. Текст хроники, составленной за несколько лет до восшествия на престол Генриха IV, явно отражает недовольство подданных Ричардом. В качестве источников монах из Вестминстера использовал документы из королевской канцелярии, а главное – парламентские свитки. В отличие от хронистов тюдоровской эпохи автор данного сочинения уделял большое внимание не только ошибкам Ричарда в управлении Англией, но и его внешнеполитическим промахам.

Ворэн, Жан (Jean de Waurin) – французский рыцарь, советник герцога Бургундского, историограф.

Незаконнорожденный сын знатного рыцаря из Артуа Роберта Ворэна, наследного сенешаля Фландрии. Родился около 1399 или 1400 г. На протяжении всей жизни Жан Ворэн служил герцогам Бургундским. В 1415 г. он вместе со своим отцом и законнорожденными братьями принял участие в битве при Азенкуре, сражаясь на французской стороне. В этом бою погибли его отец и один из братьев. Вплоть до договора в Аррасе 1435 г. Ворэн исправно нес военную службу, нередко участвуя в совместных с англичанами походах, предпринятых герцогом Бедфордом. Закончив военную карьеру, Ворэн остался при герцогском дворе, выполняя обязанности советника и камергера. До 1442 г. Филипп Добрый посвятил его в рыцари и пожаловал владения Форестел и Фонтейн. Время от времени Ворэн выполнял различные дипломатические миссии. Например, в 1463 г. он находился в составе посольства к Пию II, направленного для обсуждения планов военных действий против турок. В 1467 г. хронист сопровождал на турнир в Англию Антуана де Ла Роша, незаконнорожденного сына герцога Бургундского. После смерти Филиппа Доброго Ворэн продолжил служить Карлу Смелому. Ворэн был еще жив в 1473–1474 гг., дата его смерти неизвестна.

Работу над хроникой Ворэн начал в 1446 г. по просьбе своего племянника Валерана, который часто обсуждал с дядей героические деяния древних героев, а также «достойные славы и памяти» подвиги современников. Особенно часто дядя и племянник беседовали об истории «славного и древнего королевства Британии», удивляясь тому, что сами англичане не чтят в достаточной степени «великие свершения» своих «выдающихся и могущественных королей и принцев и многочисленных благородных рыцарей». Отойдя от ратных дел, вдохновленный племянником, Жан Ворэн решил написать по-французски пространную историю Британии, дабы память о совершенных ее правителями достижениях не канула в Лету. Первый вариант труда бургундского хрониста охватывал период с Брута до смерти Генриха V в 1422 г. Вскоре после восшествия на престол Эдуарда IV (1461 г.) Ворэн добавил к своему сочинению продолжение, доведя его до 1443 г. Позднее историк дописал еще одно продолжение, завершив его рассказом о восстановлении Эдуарда Йорка на английском престоле в 1471 г. Само название сочинения Ворэна «Собрание хроник и древних историй Великой Британии, в настоящее время именуемой Англией» («Recueil des croniques et anchiennes istoires de la Grant Bretagne, a present nomme Engleterre») указывает на его компилятивный характер. В качестве источников Ворэн использовал множество английских, шотландских и континентальных исторических трудов, среди которых он отдавал явное предпочтение «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, хронике «Брут» (для рассказа о событиях до середины XIV в.), «Хроникам» Жана Фруассара и сочинению бургундца Ангеррана Монстреле (для повествования о периоде с 1400 г. по 1444 г.). Пространная хроника Ворэна насквозь проникнута куртуазным рыцарским духом: историк уделял основное внимание описаниям военных кампаний и рыцарских подвигов, а также знаменитых турниров, пиров и романтических любовных историй. Особую ценность для исследователей представляет самостоятельный рассказ автора о континентальных событиях времен правления Генриха V и Генриха VI, многим из которых Ворэн являлся непосредственным свидетелем. Труд Ворэна изначально предназначался для более широкой аудитории, чем круг ближайших родственников автора. Вскоре после завершения работы один из списков был подарен герцогу Карлу Смелому, другой – Эдуарду IV, третий – графу Винчестерскому, четвертый – графу де Ла Маршу.

Вустерские анналы (Annales prioratus de Wigornia). С небольшими перерывами краткие анналы велись в Вустерском монастыре с конца XI в. до 1377 г. К событиям, упоминаемым в анналах, относятся даты правления монархов, а также крупнейшие английские победы: взятие Берика в 1333 г., битвы при Слейсе, Креси, Невиллс-Кроссе, Кале и Пуатье.

Гальфрид Монмутский (Geoffrey of Monmouth, Galfridus Artur) – клирик, автор «Истории королей Британии» – одного из самых популярных исторических текстов эпохи Средневековья.

Родился около 1100 г. Прозвище Монмутский, очевидно, связано с местом его рождения, в то время как Артур вероятнее всего является именем отца Гальфрида. Примерно с конца 1120-х гг. по 1151 г. Гальфрид входил в коллегия секулярных клириков в Оксфорде. В этот период были созданы все его известные сочинения. Первым из них стали «записанные» по просьбе епископа Линкольна «Пророчества Мерлина», датируемые примерно 1134 г. или же рубежом 1120–1130-х гг. Позднее «Пророчества» вошли в состав «Истории королей Британии», но продолжали довольно широко бытовать и в качестве отдельного текста. Самый известный труд Гальфрида «История королей Британии», принесший ему как мировую славу, так и сомнительную репутацию, датируется временем около 1138 г. Последнее его сочинение – рифмованная «Жизнь Мерлина» – написано между 1149 и 1151 гг. В 1151 г. Гальфрид был избран епископом Сент-Асафа (в Северном Уэльсе), но из-за сложной политической обстановки в этом регионе так и не сумел вступить в должность. Вскоре, в конце 1154 или в 1155 г., Гальфрид скончался.

«История королей Британии» («*Historia Regum Britanniae*») (в некоторых списках именуемая «Историей бриттов»), вне всякого сомнения, является одним из самых известных и популярных средневековых исторических сочинений, обошедшим по числу сохранившихся рукописей (около двухсот) даже сочинения обладавшего непререкаемым авторитетом Беды Достопочтенного. Гальфрид стал первым автором, подробно рассказавшим историю древней доримской Британии. По утверждению самого историка, в основу его труда была положена некая книга на языке бриттов, которую ему дал глава оксфордских клириков архидьякон Вальтер. Как полагают современные исследователи (впрочем, подобные подозрения возникали еще у средневековых авторов), ссылку на эту книгу Гальфрид сделал с целью придания достоверного вида выдуманному им самим байкам и историям. В увлекательной форме Гальфрид рассказал о заселении острова потомками троянцев, о подвигах и приключениях легендарных и вымышленных правителей (именно в его тексте впервые появилась история о короле Лире и его дочерях), среди которых центральное место занял король Артур. Текст Гальфрида не только вдохновил многих писателей на создание литературных сочинений о его героях, но также дал возможность английским историографам начинать изложение истории острова с момента заселения.

Генрих Хантингдонский (Henry of Huntingdon) – архидьякон Хантингдона, хронист XII в.

Родился около 1088 г. в семье Николаса, первого архидьякона Хантингдона. Образование Генрих получил при дворе епископа Линкольна Роберта Блоэта, канцлера короля Вильгельма II и богатейшего церковного иерарха Англии. В 1110 г. унаследовал пост отца. Генрих также был женат и имел детей. Умер между 1156 и 1164 гг.

Единственным сохранившимся историческим сочинением Генриха Хантингдонского, первый вариант которого был написан около 1130 г., является «История англоv» («Historia Anglorum»). Генрих редактировал этот труд на протяжении всей жизни, в результате окончательный вариант охватывает период от походов Цезаря в Британию до 1154 г. Генриха Хантингдонского можно считать типичным средневековым историком, ориентированным на авторитетные труды предшественников: примерно три четверти его собственного текста основывается на сочинениях других авторов, прежде всего – на «Церковной истории» и «Большой хронике» Беды и «Англосаксонской хронике». Заботясь о композиционном совершенстве своей «Истории», Генрих разделил текст на примерно равные по размеру десять книг (в последнем варианте), каждую из которых можно было бы прочитать или выслушать за один раз. Ключевой для Генриха была схема пяти бедствий, соответствующих пяти нашествиям (римлян, скоттов и пиктов, англосаксов, датчан и нормандцев), обрушившимся на Британию в наказание за грехи ее жителей.

Геральд Камбрийский (Giraldus Cambrensis, Gerald of Wales, Gerald de Barry) – клирик, теолог, историограф XII в.

Младший из сыновей знатного нормандского рыцаря Уильяма де Барри и его жены Анхарад, состоявшей в родстве со знатнейшими фамилиями Уэльса. Геральд родился около 1146 г. в замке Манорбир на юго-западе Уэльса (совр. Пемброкшир). Благодаря написанной Геральдом автобиографии исследователям известно о нем куда больше, чем о большинстве историографов того времени. Образование Геральд получил сначала в аббатстве св. Петра в Глостере, а после 1169 г. – в школах Парижа. Около 1174 г. Геральд вернулся на родину и получил назначение легата архиепископа Кентерберийского в диоцез Меневи (Сент-Дэвидс), епископом которого был его дядя по материнской линии Дэвид Фиц-Геральд. Уличив престарелого архидиакона Бреккона (совр. Брекнок) в нарушении celibата, Геральд добился его отставки и получил должность. После смерти дяди в 1176 г. у Геральда сложились напряженные отношения с новым епископом Петром де Лейа, место которого он хотел занять сам. В 1183 г. после очередного конфликта с епископом Геральд совершил первую поездку в Ирландию,

в ходе которой начал собирать материал для сочинения об этом острове. В 1184 г. Геральд был приближен к королевскому двору и занимался по преимуществу делами, связанными с Ирландией и умиротворением валлийской знати. В 1194 г. Геральд оставил двор, объяснив свой поступок разочарованием в придворной карьере и стремлением к тихим ученым занятиям. За время службы он получил от короны несколько бенефициев, один из которых, в Честертоне, остался за ним пожизненно. С 1198 г. по 1203 г. Геральд безуспешно вел борьбу за кафедру Минении, в ходе которой он неоднократно совершал путешествия в Рим. Последние двадцать лет жизни Геральд провел в Линкольне, занимаясь научными штудиями.

По количеству написанных им сочинений Геральд Камбрийский может считаться одним из самых плодовитых авторов Средневековья. Им было написано множество агиографических, теологических, исторических сочинений. Наиболее известными среди трудов Геральда являются «Топография Ирландии» («*Topographia Hibernica*», 1186–1187 гг.), «Путешествие по Камбрии» («*Itinerarium Cambriae*», 1191 г.), «Автобиография» («*De rebus a se gestis*») и трактат «О наставлении государям» («*De principis instructione*»).

Гильда Премудрый (Gildas Sapiens) – святой, автор самого раннего исторического сочинения, написанного в Британии.

О биографии св. Гильды доподлинно ничего не известно. Сохранившиеся жития содержат весьма противоречивую информацию. Считается, что Гильда родился примерно в середине V в., умер предположительно около 570 г. Скорее всего, Гильда обладал смешанным римско-бриттским происхождением. Неизвестно, был он монахом или пастырем. Единственный сохранившийся труд Гильды «О гибели Британии» («*De excidio Britanniae*») написан, скорее всего, в первой половине VI в. Текст посвящен концу истории римской Британии и вторжению на остров языческих племен, которое автор трактует как наказание за грехи бриттов.

Графтон, Ричард (Richard Grafton) – издатель и историк.

Ричард родился около 1511 г. в семье скорняка из Шрусбери, но предпочел торговать бакалейными товарами. Его дела шли так успешно, что со временем он перебрался в Лондон. С 1537 г. также стал заниматься издательским делом, печатая в основном религиозную литературу. С 1545 г. Графтон являлся официальным издателем двора наследника престола, а с 1547 г. – короля Эдуарда VI. Опубликованная в 1553 г. прокламация о восшествии на престол леди Джейн Грей привела к утрате звания придворного издателя. Стараясь вернуть благосклонность двора, Графтон опубликовал серию прокламаций, прославляющих королеву Марию. В 1553–1554 гг. он был избран в парламент от Лондона. До конца жизни (1571 г.) Графтон занимался как издательским, так и бакалейным делом.

Среди опубликованных Графтоном исторических произведений следует выделить изданную в 1543 г. хронику Джона Хардинга, снабженную написанным самим издателем прозаическим продолжением (с начала правления Эдуарда IV до 1543 г.). В 1548 г. Графтон переиздал хронику Эдуарда Холла. В 1562 г. вышло в свет его собственное сочинение «Извлечение из английских хроник» («Abridgement of the Chronicles of England»), которое многократно переиздавалось еще при жизни автора. Эта работа была принята Графтоном в целях предупреждения появления сочинений Стау, работавшего в том же направлении и издававшегося у конкурента Графтона. Будучи не только любителем древней истории, но и предпринимателем, Графтон пытался опередить своих соперников, первым издавая труды, отвечающие вкусам публики. В 1568 г. была опубликована более пространная «Хроника английской истории» («Chronicle of History of England»), охватывающая период с 1189 г. по 1558 г. Так же как и предыдущий труд Графтона, это сочинение носит компилятивный характер.

Грегори, Уильям (Willam Gregory) – лондонский торговец.

Уильям Грегори был сыном дворянина из Суффолка. Сколотил немалое состояние на торговле кожами. В 1450–1451 гг. был избран шерифом Лондона. Долгое время Грегори считался автором одной из лондонских хроник, охватывающих период с 1189 г. по 1469 г. Однако, поскольку Грегори умер в 1467 г., исследователи вынуждены либо отказаться от версии об его авторстве, либо предположить, что после смерти Грегори некий аноним продолжил его работу. Говоря об этой хронике, важно отметить, что ее автор, несмотря на особый интерес к истории Лондона и событиям, произошедшим в столице, также не упускал из виду дела государственного масштаба.

Грей, Томас (Thomas Gray [Grey] of Heaton) – рыцарь, автор «Скалахроники».

Томас Грей происходил из рыцарской семьи из Нортумберленда, члены которой издавна защищали шотландскую границу Англии. Его отец, сэр Томас Грей-старший, служил Эдуарду I и Эдуарду II с 1297 г. В 1314 г. он был взят в плен шотландцами в битве при Бэннокберне. С 1319 г. по 1331 г. являлся шерифом и коннетаблем замка Норем. Томас Грей-младший родился около 1328 г. Военную службу начал нести с 1338 г. во Фландрии под началом Уильяма де Монтегю, графа Солсбери. В 1344 г. был посвящен в рыцари. В этом же году умер его отец. В 1345 г. Грей-младший принес оммаж за родовое поместье Хетон епископу Дарема. В следующем году Грей, подобно отцу, был назначен шерифом и коннетаблем Норема. Во главе своих людей 17 октября 1346 г. Грей сражался в битве при Невиллс-Кроссе. В 1355 г. он был захвачен в плен, в котором провел два года, до того как

был выкуплен Эдуардом III. Осенью 1359 г. Грей участвовал в кампании Черного принца во Франции, а в 1367 г. возглавлял одну из экспедиций на восток Франции. Грей был женат на Маргарет, наследнице поместья Прессон в Нортумберленде. Умер рыцарь в середине октября 1369 г., оставив десятилетнего сына Томаса, который, в свою очередь, продолжил нести службу на северной границе Англии.

«Скалахроника» («*Scalacronica*») – «лестничная хроника» – была написана Греем по-французски во время пребывания в шотландском плену в Эдинбурге. Как рассказывает сам Грей в прологе к своему сочинению, в плену от скуки он стал читать прозаические и рифмованные хроники как на латыни, так на французском и английском языках, в результате чего у него пробудился интерес к истории. По утверждению Грея, однажды во сне он увидел пятиступенчатую лестницу. Явившаяся в том же сне пророчица Сивилла не только разъяснила рыцарю значение сна (на каждой ступени лестницы располагались авторы прошлого, описавшие в своих трудах различные периоды истории Британии), но и открыла ему план предстоящей работы. Результатом труда Грея стала история Британии с древнейших времен до 1363 г. «Скалахроника» разделена на пять частей. Первые четыре части полностью являются компиляцией из других сочинений (начиная от Гильды и Беды и заканчивая Ранульфом Хигденом). Особый интерес для исследователей представляет пятая книга, которая начинается с восхождения на престол Эдуарда I: она содержит множество важных сведений о войнах с Шотландией, основанных на личном опыте Грея и на воспоминаниях его отца (подвигам Грея-старшего в хронике уделяется особое внимание). Часть сохранившейся в единственном списке хроники (с 1340 г. по 1355 г.) была утеряна английским антиквариетом XVI в. Джоном Лиландом. О ее содержании можно судить лишь по конспекту Лиланда.

«Дар истории» («*Eulogium historiarum sive temporis*») (написан после 1366 г.). Предположительно, автором этой хроники был монах из Мальмсбери Томас. Первая из пяти книг «Дара истории» представляет собой краткую всемирную историю от Сотворения мира до вознесения Христа; вторая – повествование о путешествиях апостолов и правлении пап до Иннокентия V; третья – описание мировых империй; четвертая – география мира; пятая – история Британии от Брута до 1366 г. Хотя четыре книги содержат множество заимствований из «Полихроникона» Хигдена, анонимный автор был недоволен многими трактовками знаменитого предшественника, находя расхождения в его тексте с трудами авторитетнейших авторов (Иеронима, Исидора, Беды и Уильяма Мальмсберийского). Отвергнув критику Хигдена в адрес Гальфрида Монмутского, неизвестный историограф практически полностью скопировал текст «Истории бриттов».

Для описания более поздних событий автор «Дара истории» использовал одну из версий хроники «Брут», лишь с 1354 г. текст перестает носить чисто компилятивный характер. Однако следует признать, что так же, как и Ранульфа Хигдена, современность привлекала этого анонимного хрониста меньше, чем древность, что не могло не сказаться на лаконичности повествования в последней части.

«Дара истории» продолжение («Eulogium historiarum sive temporis continuatio»). В начале XV в. анонимный монах предпринял попытку добавить продолжение к «Дару истории», доведя его до 1413 г. Содержание хроники не оставляет сомнения в принадлежности анонима к францисканскому ордену, а также в его связи с Кентерберри. Это позволяет предположить, что он являлся членом кентерберийского конвента миноритов. Особый интерес для исследователей представляет последняя часть хроники, которая, по всей видимости, была составлена параллельно с описанными в ней событиями. Помимо официальных документов, в частности парламентских свитков, автор активно прибегал к рассказам очевидцев и «слухам», ходившим в народе.

«Делакре хроника, 1337–1403» («Dieulacres Abbes Chronicle»). В цистерцианском аббатстве Делакре в Стаффордшире хронику вели начиная с XIII в. Ее окончательный вариант, датируемый 1403 г., состоит из трех частей. Первая часть, скомпилированная из произведений Беды, Геральда Камбрийского, Ранульфа Хигдена и других авторов, посвящена описанию Англии: ее законов, обычаев, географии. Вторая (самая объемная) является историей аббатства и его покровителей – графов Честерских. Третья часть, непосредственно повествующая о войне между Англией и Францией, охватывает период с 1337 г. по 1403 г. До смерти Эдуарда III хроника следует тексту продолжения «Полихроникона» из Сент-Олбанса с добавлениями фрагментов широко известного «Бридлинтонского пророчества». Работавший в конце правления Ричарда II хронист, несомненно, принадлежал к сторонникам короля: любые выступления против Ричарда тракуются им как «несправедливые» и «преступные» мятежи. Тем не менее с 1400 г. оценка Генриха IV, являвшегося личным патроном аббатства, также вполне позитивна, что, вероятно, связано со сменой хрониста (возможно, с 1400 г. по 1403 г. хроника велась новым монахом, сторонником Ланкастеров, вступившим в обитель после смены династии).

«Деяния Генриха V» («Gesta Henrici Quinti»). Имя автора этого сочинения неизвестно, однако его близость к королевскому двору не вызывает сомнения; предположительно, он был королевским капелланом. Историограф находился рядом с королем во время восстания лоллардов, сопровождал Генриха во Францию в 1415 г., наблюдал лондонский триумф

короля после победы при Азенкуре, присутствовал в Кале во время встречи короля и императора Сигизмунда с герцогом Бургундии в 1416 г. Рассказом об этой встрече и заканчивается текст «Деяний». Установить причину, по которой автор решил закончить или не смог продолжить работу над этим сочинением, не представляется возможным. Не исключено, что анонимный клирик просто решил поведать о тех событиях, которые он видел собственными глазами. Последнее обстоятельство делает этот источник исключительно ценным для изучения первой континентальной кампании Генриха V. Говоря об отличительных особенностях этого небольшого текста, хочется отметить, что его автор кажется чрезвычайно религиозным человеком, склонным усматривать волю Всевышнего в любом, даже самом заурядном событии. В соответствии с традицией автор довольно часто приводит пространные речи и диалоги героев.

Джон Гластонберийский (John of Glastonbury) – бенедиктинский монах из Гластонбери.

О биографии этого бенедиктинского монаха из Гластонбери ничего не известно, кроме того, что он являлся автором сочинения, озаглавленного как «Хроника или древности гластонберийской церкви» («*Cronica sive antiquitates Glastoniensis ecclesie*»). Скомпилированная из трудов предшественников (Уильяма Мальмсберийского, Адама из Домерхама, Геральда Камбрийского, Ранульфа Хигдена и др.) история монастыря начинается с Иосифа Аримафейского и доведена до 1342 г. Опираясь на труды авторитетных авторов, Джон Гластонберийский использовал их довольно своеобразно, неизменно трактуя любые сомнения в пользу своего монастыря. Например, если Уильям Мальмсберийский и Ранульф Хигден сочли погребенного в Гластонбери св. Патрика не тем Патриком, что крестил Ирландию, то Джон прямо написал о том, что «апостол Ирландии» не только нашел упокоение в сей славной обители, но и был ее первым аббатом. Эта хроника является ценнейшим источником по монастырской и региональной истории, но в ней практически ничего не сообщается о событиях государственного масштаба. Джон Гластонберийский умер после 1400 г. В конце XV в. другой монах, Уильям Уинч, продолжил эту хронику, добавив к ней краткие анналы до 1497 г.

Джон из Рединга (John of Reading) – бенедиктинский монах из Вестминстера.

Впервые в монастырских документах Джон из Рединга упомянут под 1340 г. В следующем году Джон принял сан и провел первую мессу. С 1350 г. по 1353 г. он занимал должность главы лазарета. Неизвестно, в каком году Джон возглавил скрипторий монастыря, но очевидно, что он занимал эту должность вплоть до своей смерти в 1368 г. или 1369 г.

Формально написанная Джоном из Рединга хроника («Chronica») является очередным продолжением Сент-Олбанской хроники «Цветы истории», приобретенной Вестминстером в 1265 г., однако на самом деле этот текст, охватывающий историю Англии с 1346 г. по 1367 г., никак не связан с предшествующим сочинением. Исследователи предполагают, что работу над своим трудом Джон начал довольно поздно (около 1366 г.), в результате чего в первой части встречаются ошибки в хронологии. Вплоть до 1356 г. изложение событий основано на материале «Полихроникона» Ранульфа Хигдена и хроники Роберта из Эйвсбери; в то время как при написании последней, самостоятельной части он опирался главным образом на свидетельства очевидцев и документальные источники. Несмотря на то что в центре повествования Джона из Рединга находятся войны Эдуарда III, историограф не забывает упоминать о проблемах, связанных непосредственно с Вестминстером. Любимым героем историографа, вне всякого сомнения, является Черный принц: хронист не устает превозносить благочестие и праведность последнего, его уважение к церквям и личное целомудрие, в награду за которые Бог посылает военные победы.

Джон из Уитхэмстеда (John of Whethamstede) – аббат Сент-Олбанса, английский гуманист.

Джон, сын Хью Бостока, родился в местечке Уитхэмстед (графство Херефорд), от которого и происходит его имя (латинская форма – Frumentarius). В шестнадцатилетнем возрасте вступил в бенедиктинский монастырь Сент-Олбанс, предварительно окончив школу при данной обители. В 1420 г. был избран аббатом Сент-Олбанса. В 1423 г. посетил церковный собор в Павии. В 1440 г. Джон оставил пост настоятеля, однако после смерти своего преемника Джона Стока в 1451 г. вновь стал аббатом Сент-Олбанса. Умер Джон из Уитхэмстеда 20 января 1465 г.

Одним из наиболее примечательных сочинений Джона является его четырехтомный трактат «Granagium», посвященный истории и литературе. В названии аббат Сент-Олбанса обыгрывает свое имя: Granagium – «житница», Frumentarius – «хлеботорговец». Текст представляет собой своеобразную энциклопедию: собранные им «зерна» знания Джон разместил в алфавитном порядке. «Granagium» считается первым гуманистическим сочинением исторического жанра, написанным англичанином. В четвертом томе, озаглавленном «De viris illustribus» («О знаменитых мужах»), Джон из Уитхэмстеда поставил под сомнение достоверность рассказа Гальфрида Монмутского о Бруте и происхождении бриттов, а также в целом охарактеризовал «Историю королей Британии» как скорее поэтическое, чем историческое сочинение.

«История жизни и правления Ричарда II» («*Historia vita et regni Ricardi II*»). Анонимная хроника, составленная в монастыре г. Ившем (Уэльс) около 1402 г. Хронист явно являлся сторонником дома Ланкастеров, тем не менее он довольно сдержан в негативных оценках правления Ричарда. В качестве источников этот монах использовал продолжение «Полихроникона» монаха из Вустера Джона Малверна, хроники Томаса Уолсингема, парламентские свитки (для описания парламента 1397 г.), собственные воспоминания и свидетельства очевидцев (о продвижении войск Генриха Болингброка в 1399 г.). Автор почти не уделял внимания внешней политике Ричарда II, полностью сосредоточившись на событиях внутри Англии.

Капгрейв, Джон (John Capgrave) – приор августинцев в Линне, теолог, историк.

Родился 21 апреля 1393 г. в Линне (Норфолк), где и провел большую часть жизни. В 1410 г. вступил в обитель августинцев в Линне, а семь лет спустя принял священнический сан. После этого в течение пяти лет изучал теологию в орденской школе в Лондоне, а затем в Кембридже. В 1425 г. Капгрейв стал доктором богословия, после чего еще два года преподавал в университете, заслуженно пользуясь репутацией самого образованного представителя своего ордена в Англии. В 1445 г. был избран приором монастыря в Линне, а в 1453 г. – провинциальным приором. Умер Капгрейв 20 августа 1464 г.

На протяжении жизни Джон Капгрейв написал множество трудов, в основном по теологии (большей частью комментарии к различным книгам Библии), как на латыни, так и на английском языке. Капгрейв также весьма успешно упражнялся в стихосложении: «Житие святой Екатерины» написано им на английском языке стихами. Многие из своих трудов Капгрейв посвятил знаменитому покровителю историографов и поэтов Хэмфри Глостеру. В конце 1446 г. или начале 1447 г. Капгрейв для Генриха VI написал на латыни «Книгу о знаменитых Генрихах» («*Liber de illustribus Henricis*») в трех частях: первая посвящена императорам, вторая – королям, третья – всем остальным знаменитым людям с этим именем. Каждая глава представляет собой небольшой панегирик, превозносящий достоинства очередного обладателя имени Генрих. В качестве образца была использована рифмованная «Жизнь Генриха V» Томаса Элхэма. После 1461 г. Капгрейв принялся за написание прозаической «Хроники Англии» («*Abbreviacion of Cronicles*») на английском языке, которую условно можно разделить на две части. Первая представляет собой всемирную историю от Сотворения мира до начала царствования Генриха III. Вторая же является историей Англии с 1216 г. по 1417 г. По всей видимости, Капгрейв

планировал довести ее до восшествия на престол Эдуарда IV. Для работы над столь масштабным трудом Капргейв использовал целый ряд знаменитых исторических сочинений. Для первой части, кроме Библии, были привлечены Иероним, Исидор, Беда, Гуго Сен-Викторский и другие. Для второй – «Брут», «Полихроникон» и его продолжения, «История жизни и правления Ричарда II», а также труды Томаса Уолсингема. Исторические сочинения Капргейва весьма четко отражают изменения в трактовке недавнего прошлого под давлением политической ситуации. Если в более ранних трудах Капргейв приветствовал восшествие на престол Генриха Ланкастерского, то в последней работе, адаптируясь к йоркистской позиции, он трактовал коронацию Генриха как узурпацию.

Керкстолл аббатства хроники (Kirkstall Abbey Chronicles). В конце правления Эдуарда III в цистерцианском монастыре в Керкстолле (Йоркшир) была составлена история Британии начиная с Кердика (первого короля западных саксов) и заканчивая 1360 г., известная в историографии как «Длинная хроника аббатства Керкстолл». Изложение событий правления Эдуарда III в этой хронике является компиляцией из двух источников: «Золотой истории» Джона Тайнмутского (до сих пор не опубликованной) и «Бридлинтонского пророчества» (заимствования из последнего преобладают). Анонимный монах задумал эту часть работы как «подтверждение фактами» цитат из «Пророчества».

Вскоре после коронации Генриха IV в монастыре в Керкстолле была составлена «Краткая хроника», охватывающая события с 1356 г. до 1399 г. Ее автор уделяет больше внимания событиям в монастыре, чем внешней политике Английского королевства, тем не менее он не склонен игнорировать ее полностью, подробно разбирая династические претензии Эдуарда III, а также останавливаясь на важнейших сражениях. Наибольший интерес у исследователей вызывает описание правления Ричарда II, поскольку симпатии этого хрониста почти до самого конца находятся на стороне короля. Вплоть до конца 1397 г. Ричард изображается как сильный и мудрый правитель, способный установить порядок в королевстве. Победа оппозиционеров и коронация короля из династии Ланкастеров вынудила автора внести определенные изменения в последнюю часть текста (1398–1399 гг.).

«Краткая английская хроника» («A Short English Chronicle») (от Альбины до 1465 г.). Составлена на английском языке вскоре после 1465 г. лондонцем, принадлежавшим к сторонникам дома Йорков. Хроника начинается с истории о принцессе Альбине и ее сестрах и доведена до 1413 г., представляя собой краткую компиляцию из хроники «Брут» и ее продолжений. Краткая «авторская» часть больше походит на анналы, чем на хронику.

Краулэнд монастыря история («*Historia monasterii Croylandensis*»). В начале XII в. в бенедиктинском монастыре Краулэнд (Линкольншир) от имени аббата Ингульфа (около 1045–1109 гг.) была составлена первая история этой обители, охватывающая период с 616 г. по 1066 г. В первой половине XIII в. хроника была доведена до 1117 г. В период правления Эдуарда IV было составлено так называемое «Первое продолжение хроники монастыря Краулэнд», представляющее собой не только рассказ об обители (с 1144 г. по 1470 г.), но и компилятивную хронику английской истории. В качестве основных источников по истории королевства анонимный автор, по видимости, использовал наиболее популярные сочинения (хронику «Брут», «Полихроникон», возможно, сочинения Томаса Уолсингема), в результате в тексте нередко встречаются противоречивые оценки, в частности в отношении борьбы Ричарда II с оппозицией. Наибольший интерес у исследователей вызывает последняя часть хроники, посвященная началу Войны роз. Анонимный автор, вне всяких сомнений, принадлежал к сторонникам дома Йорков. Весной 1486 г. к хронике было добавлено новое продолжение (с 1459 г.), в результате она была доведена до мая 1486 г. «История монастыря Краулэнд» является одним из важнейших источников по истории Англии эпохи Войны Алой и Белой розы.

Кретон, Жан (Jean Creton) – французский рыцарь, историк и поэт.

О ранней биографии и предках Кретона ничего не известно. С 1386 г. находился на службе при дворе герцога Бургундского. Весной 1399 г. прибыл в Англию с целью «развлечься и посмотреть страну». Летом этого года принял участие в ирландском походе Ричарда II под началом Джона де Монтегю, графа Солсбери. Кретон и Монтегю были вместе с королем во время его пленения и сопровождали его в Лондон. Кретон вернулся во Францию до низложения Ричарда II; продолжил служить герцогу Бургундскому, детали его карьеры неизвестны. Умер Жан Кретон около 1420 г.

По словам самого Кретона, после пленения Ричарда граф попросил его написать историю «об этих трагических событиях». В конце 1401 г. (или начале 1402 г.) Кретон в написанных по-французски стихах (хроника выдержана в стиле рыцарских романов) поведал об увиденном им, добавив рассказ о низложении короля и возвращении принцессы Изабеллы во Францию.

Кэкстон, Уильям (William Caxton) – английский первопечатник, торговец, дипломат, историк.

Родился около 1422 г., предположительно в графстве Кент. Его отец, по-видимому, был состоятельным человеком, поскольку около 1438 г. смог устроить сына в обучение к богатому лондонскому торговцу Роберту Ладжу, который являлся заметной фигурой в компании «Купцов-авантюристов». Закончив обучение, Кэкстон открыл собственное дело, поставляя в Брюгге

английскую шерсть и олово (с 1465 г. по 1470 г. возглавлял там гильдию английских купцов). Во время поездки в Кельн (1471–1472 гг.) освоил печатное дело. В 1476 г. Кэкстон привез печатный станок в Англию и установил его в Вестминстере. Первую опубликованную книгу – выполненный им самим перевод с французского романа Р. Лефевра «История Трои» – Кэкстон посвятил Маргарите, сестре короля Эдуарда IV Йорка, вышедшей замуж за герцога Бургундского. Помимо издательской деятельности Кэкстон развернул широкую торговлю книгами, привозя их из Франции и Голландии. В 1482 г. Кэкстоном был напечатан «Полихроникон». Издатель не только переработал перевод Джона Тревизы (модернизировав язык и опустив все вставки в авторский текст Хигдена), но и снабдил его собственным продолжением, доведя хронику до 1461 г. В 1495 г. многотомный «Полихроникон» был еще раз переиздан учеником Кэкстона Уинкином де Уордом.

Кэмден, Уильям (Willam Camden) – антикварий.

Родился в Лондоне 2 мая 1551 г. в семье художника. Учился сначала в школе при соборе Св. Павла, а с 1566 г. – в Оксфордском университете, который закончил без ученой степени. Благодаря поддержке декана Вестминстера Габриэля Гудмана Кэмден в 1575 г. получил должность преподавателя в Вестминстерской школе, в которой проработал двадцать два года. В 1593 г., будучи уже знаменитым историком, он был назначен директором школы, а через два года получил должность одного из главных герольдов королевства (Clarenceux King of Arms).

Однако Кэмден прославился не на ниве просвещения, а благодаря объемному труду по топографии и истории Британии, составленному на основе материалов, собранных во время путешествий по Англии. Первое издание «Британии» («Britannia») было опубликовано в 1586 г. Несмотря на то что труд был написан по-латыни, он был чрезвычайно популярен и к 1607 г. выдержал семь изданий. В 1610 г. при участии самого Кэмдена был опубликован английский перевод «Британии». Работая над «Британией», обходя графство за графством, Кэмден не только собрал и изучил множество древностей и средневековых текстов, а также опубликованных и рукописных работ своих предшественников и современников, но даже выучил валлийский и староанглийский язык. В 1597 г. Кэмден получил заказ написать историю правления королевы Елизаветы. Для осуществления этого проекта ему был открыт доступ к королевским и государственным архивам. В 1615 г. «Анналы деяний Елизаветы, королевы Англии и Ирландии» («Annales rerum Anglicarum, et Hibernicarum, regnante Elizabetha, or the History of Elizabeth») были завершены, но опубликованы они были только после смерти автора (в 1625 г. в Лейдене, а в 1627 г. в Лондоне), скончавшегося 9 ноября 1623 г.

Кювелье, Жан (Jean Cuvelier) – клирик при дворе Карла V, трувер.

Самым известным сочинением Кювелье является поэма о Бертроне Дюгеклене – «*La chanson de Bertrand de Guesclin*» (в разных версиях 22–25 тысяч стихов), написанная сразу после смерти великого коннетабля в 1380 г. Скорее всего, лично Дюгеклена Кювелье не знал (хотя и мог видеть во время официальных церемоний) – свою версию биографии знаменитого бретонца трувер писал на основе хроник из Сен-Дени, официальных документов и устных рассказов. Изобилующая литературными топосами и клише, а также фактологическими ошибками самого разного толка, поэма Кювелье тем не менее может считаться одним из ценнейших источников не только для изучения исторической или литературной традиции, но и непосредственно военной истории.

Ланеркоста хроника (1201–1346) («Lanercost chronicle»). Хроника составлена в конце 40-х гг. XIV в. анонимным автором, предположительно францисканским монахом из Ланеркоста. Подобно другим францисканцам, минорит из Ланеркоста также активно интересовался историей своего ордена. Рассказывая о правлении Эдуарда II, хронист решительно осуждает королевскую тиранию, а также греховные действия фаворитов государя, открыто демонстрируя симпатии баронской оппозиции. Месторасположение монастыря на границе с Шотландией предопределило особый интерес автора к англо-шотландским войнам. Примечательно, что, вынося «приговор» Эдуарду II, анонимный автор поставил в один ряд неспособность короля «управлять собственным государством и защитить его от шотландцев». Прощая Эдуарду III заключенный им в юности мир с Шотландией, минорит в патриотическом духе описывает ход возобновленной в 1333 г. войны.

Лвид, Хэмфри (Humphrey Llwyd) – антикварий, картограф.

Единственный сын и наследник валлийского рыцаря сэра Роберта Лвида родился в 1527 г. в Денби (Северный Уэльс). В 1551 г. получил магистерскую степень в Оксфорде и через два года поступил в качестве личного врача на службу к Генри Фицалану, графу Эранделу. Благодаря покровительству графа Лвид неоднократно избирался в парламент. В 1559 г. женился на Барбаре, сестре лорда Ламли, зятя Эрандела. В 1566–1567 гг. Лвид вместе с Эранделом совершил поездку по Европе, во время которой познакомился с картографом Абрахамом Ортелиусом, пригласившим его принять участие в работе над созданием атласа Британии. Помимо созданной по заказу Ортелиуса карты Уэльса с комментариями, которая выдержала 50 переизданий с 1571 г. по 1741 г., Лвидом было написано несколько сочинений, посвященных главным образом истории родного края. Завершенная в 1559 г. «Хроника Уэльса от правления короля

Кадваладра до 1294 г.» («Cronica Walliae a rege Cadwalader ad annum 1294») была опубликована в английском переводе Дэвида Пауэла в 1584 г. уже после смерти Лвида (1568 г.). В посмертно изданном «Кратком описании Британии» («Commentarioli Britannicae descriptionis fragmentum», в английском переводе Томаса Твина «The Breviary of Britayne», 1573 г.) центральное место уделялось защите Гальфрида Монмутского от «нападок» Полидора Вергилия.

Ле Бейкер, Жоффруа (Джеффри) (Geoffrey le Baker) – каноник из Оксфордшира, автор ряда исторических сочинений.

Родился в деревне Суинбук в графстве Оксфорд около 1326 г. Предполагается, был регулярным каноником в Осни (сам автор называл себя «clericus»), работавшим в библиотеке местного монастыря. В июле 1347 г. Ле Бейкер закончил небольшую хронику (Chroniculum), представляющую собой серию кратких анналов от Сотворения мира до 1336 г. Это произведение, а также другие написанные им сочинения Ле Бейкер посвятил своему покровителю сэру Томасу де Ла Мору, одному из самых влиятельных людей графства. Последнее обстоятельство привело к тому, что очень долго некоторые труды Ле Бейкера (например, «Жизнь и смерть Эдуарда II») приписывались де Ла Мору. Кроме семьи де Ла Мор, Джеффри Ле Бейкер имел тесные связи с другой знатной фамилией в Оксфордшире, а именно с Бознами, графами Херефордскими.

Самым известным трудом Ле Бейкера является «Хроника» (Chronicon), охватывающая период с 1303 г. по 1356 г. Излагая события до 1341 г., автор опирался главным образом на текст Адама Маримута, добавляя к нему небольшие пассажи, заимствованные из других источников. Практически совершенно не интересуясь событиями в Англии, Ле Бейкер чрезвычайно подробно повествует о ходе военных действий в Шотландии и Франции: его рассказы о континентальных кампаниях короля Эдуарда и принца Уэльского отличаются информативностью и вниманием к деталям. Увлечение хрониста описаниями поединков и тактических приемов, речами полководцев, а также турнирами и придворными праздниками свидетельствует о его ориентации на литературные вкусы рыцарства. Очевидно, что при описании событий во Франции Ле Бейкер опирался прежде всего на официальные документы, в том числе на королевские письма, полученные им от знатных покровителей. Скончался Джеффри Ле Бейкер около 1358 г.

Ле Бель, Жан (Jean le Bel) – льежский каноник, поэт, историограф.

Родился около 1290 г. в Льеже в семье благородного рыцаря Жиля дель Канжа, от которого и унаследовал прозвище Ле Бель (Красивый). Все предки Жана принадлежали к городскому патрициату и занимали важные должности в органах городского управления: среди них были эшеваны,

старшины и даже бургомистры. Около 1312 г. Ле Бель получил место каноника собора Св. Ламберта, а чуть позднее – должность «пробста» при церкви Св. Иоанна. При этом неизвестно, был ли Жан Ле Бель посвящен в духовное звание, поскольку обе должности не были непосредственно сопряжены с исполнением священных обрядов. Благодаря связям и литературному таланту (Ле Бель сочинял баллады и вирелэ) будущий историограф был хорошо известен при дворе графа Геннегау. Вместе с Жаном де Бомоном (дядей английской королевы Филиппы), отправившимся на помощь Эдуарду III, Ле Бель участвовал в шотландской кампании 1327 г.

В 1352 г. Жан Геннегау попросил его написать по-французски хронику (*chronique*) современной истории. Труд Жана Ле Беля, охватывающий период с конца XIII в. до 1363 г., посвящен в основном войнам Эдуарда III. Именно повествование «о походах и сражениях, воинских подвигах и доблести» стало главным предметом хроники. Свой прозаический труд Жан Ле Бель противопоставлял рифмованным рыцарским романам и хроникам, описания войн в которых, по его мнению, не соответствовали действительности, были полны выдумок и смешных фантазий. Хроника Ле Беля является важнейшим источником по многим аспектам Столетней войны, шотландскому походу Эдуарда в 1327 г., взаимоотношениям Англии с Фландрией и Бургундией, войне в Бретани.

Лиланд, Джон (John Leland) – королевский антикварий, поэт.

Родился в Лондоне около 1503–1504 гг. Учился в школе Св. Павла, а с 1519 г. – в Кембридже, который закончил в 1521 г., после чего перебрался сначала в Оксфорд, а потом во Францию и Италию. Блестящее знание разных наук и древних языков позволило Лиланду после возвращения в Англию в 1529 г. стать наставником сыновей герцога Норфолкского и графа Хантингдонского. Кроме того, Генрих VIII назначил его своим капелланом и главой библиотеки, даровав Лиланду титул королевского антиквара. В 1533 г. король приказал Лиланду проводить изыскания во всех библиотеках, монастырях, аббатствах и колледжах и собирать древние рукописи. В течение шести лет (1540–1546 гг.) Лиланд путешествовал по Англии и Уэльсу, собирая и изучая средневековые рукописи, а также описывая всевозможные памятники и древности. Результат его труда был представлен в виде рукописи, озаглавленной «Путешествие и тщательное исследование... английских древностей» («*The Laboryouse Journey & Serche... for Englandes Antiquitees*»), преподнесенной королю в качестве новогоднего подарка (в 1549 г. текст был издан Джоном Бэйлом). Начиная с 1542 г. Лиланд также вел работу по отбору для королевской библиотеки рукописей из закрытых в ходе Реформации монастырей. В это время он написал множество научных трудов, в том числе ставшие широко известными трактаты против Полидора

Вергилия, а также ряд поэтических произведений. Опубликованная в начале XVIII в. Томасом Хирном часть научных сочинений Лиланда насчитывает полтора десятка томов («The Itinerary of John Leland the Antiquary», 9 vols.; «Joannis Lelandi antiquarii de rebus Britannicis collectanea», 6 vols.). В 1547 г. официально было засвидетельствовано помешательство Лиланда; скончался историк 18 апреля 1552 г.

Сам Лиланд за всю жизнь опубликовал только одно свое прозаическое научное сочинение «Утверждение прославленнейшего Артура, короля Британии» («Assertio inclytissimi Arturii regis Britanniae», 1544 г.), которое в 1582 г. было переведено на английский язык и переиздано Ричардом Робинсоном. Этот трактат, направленный непосредственно против итальянского историка Полидора Вергилия, посвящен доказательствам существования короля Артура и достоверности сочинения Гальфрида Монмутского. Позднее Лиланд написал еще один трактат на эту же тему «Похвала и защита Гальфрида Артура Монмутского от Полидора Вергилия» («Codrus, sive, Laus et defensio Gallofridi Arturii contra Polydorum Vergilium»).

Лондонские анналы (Annales Londonienses). На базе «Лондонских анналов», охватывающих период с 1194 г. по 1330 г. и написанных в начале 30-х гг. XIV в., были составлены «Анналы собора Св. Павла» («Annales Paulini»), в которых отражены основные, с точки зрения автора, события за период с 1307 г. по 1341 г. Авторы этих анналов имели доступ ко многим официальным документам. Интересуясь не только городскими и религиозными вопросами, эти анонимы постарались уделить внимание шотландским войнам, а также объявленной войне во Франции.

Лондонские хроники (Chronicles of London). Самым ранним образцом городской хроники Лондона считается написанная на латыни в правление Генриха III «Хроника лондонских мэров и шерифов» («Cronica maiorum et vicesomitum Londoniarum»), автором которой, предположительно, являлся олдермен Арнольд Фиц-Тедмар.

В первой половине XIV в. на французском языке анонимным горожанином (возможно, занимающим какой-то из постов в столичной администрации) была составлена новая хроника («Croniques de London»), охватывающая период с 1259 г. по 1343 г. И хотя основной интерес автора был явно сосредоточен на городских делах, он, тем не менее, не мог обойти вниманием события государственного масштаба. Неизвестный горожанин не только смог описать ликование жителей столицы по поводу королевских побед, но также не забыл упомянуть о непосредственном участии лондонцев в военных успехах Англии. Довольно любопытны простодушные рассуждения автора о «недостойном поведении» в боях французских монархов и рыцарей.

В середине и во второй половине XV в. в Лондоне было написано множество хроник «городского» типа. В качестве языка историописания большинство представителей городского сословия в этот период избирали английский. Как правило, историю города авторы XV в. начинали излагать с 1189 г., поскольку именно в правление Ричарда Львиное Сердце мэрия и городская коммуна смогли добиться ряда привилегий. Как и веком раньше, лондонцы редко писали исключительно о жизни столицы. Несмотря на то что сообщения о государственных или международных делах в городских хрониках отличаются не только краткостью, но также (довольно часто) неточны, источники данного типа содержат ценнейший материал для изучения «общественного мнения», слухов и сплетен, а также для исследований в области организации официальной пропаганды и репрезентации власти.

Маримут, Адам (Adam Murimuth) – правовед, историограф.

Родился между 1274 г. и 1275 г. в местечке Файфилд в графстве Оксфорд. В 1308 г. закончил Оксфордский университет, получив степень доктора гражданского права. Некоторое время был проктором в Оксфорде, в 1317 г. занимал эту же должность в Кентербери. Начиная с 1311 г. выполнял различные дипломатические миссии при папском дворе в Авиньоне. В награду за дипломатическую службу в 1320 г. получил от короля пребенду в Херефорде. В 1325 г. Адам назначен старшим викарием архиепископа Кентерберийского. В 1328 г. стал регентом хора в Эксетере, сочетая эту должность с пребендой в Виадсвери в диоцезе Линкольн. До конца жизни хронист (ум. 1347 г.) сохранил прочные связи с королевским двором и архиепископской кафедрой в Кентербери.

Назвав свой труд «Продолжением хроник» («*Continuatio chronicarum*»), Адам Маримут объясняет в прологе, что взялся за написание работы по истории, поскольку в хранящихся в Эксетере хрониках изложение событий доведено до 1302 г., а в «Вестминстерских хрониках» – до 1305 г. По всей видимости, знаменитый правовед приступил к работе над своей хроникой около 1325 г., но многочисленные разъезды по королевским поручениям оставляли мало времени для занятий историей. Возможно, именно этим объясняется краткость первоначального варианта хроники, который был закончен в 1337 г. и охватывал период с 1303 г. по 1337 г. С другой стороны, краткость первой части может быть связана с тем, что главным источником для Маримута служила собственная память, а также его журнал. В пользу последнего предположения свидетельствует скудость информации о событиях в Англии в середине правления Эдуарда II, когда Адам находился в Авиньоне. Определенная близость хрониста к королевскому двору открыла для него доступ ко многим официальным документам, которые он нередко приводит полностью. С 1341 г. по 1347 г. Маримут неоднократно пере-

рабатывал текст (всего исследователи насчитывают четыре редакции), в итоге доведя его до 1346 г. Хроника Адама Маримута является ценнейшим источником по истории низложения и убийства Эдуарда II (например, он первым из английских авторов сообщил о том, что король был убит при помощи раскаленного прута), а также по взаимоотношениям Англии с папской курией и дипломатическим переговорам в начале Столетней войны.

Маримута Адама Продолжатель (1337–1377) и Маримута Адама Продолжателя Продолжатель (1377–1380). Обе хроники являются продолжениями седьмой книги «Полихроникона» и по ошибке были атрибутированы издателями XVIII–XIX вв. как продолжения сочинения Адама Маримута. Вероятно, оба анонимных автора были монахами из Сент-Олбанса.

Монстреле, Ангерран де (Enguerran de Monstrelet) – бальи герцога Бургундского, хронист.

Родился в конце XIV в. в семье знатного пикардийского рыцаря. Всю жизнь провел на службе у герцогов Бургундских в Камбре: сначала в должности сборщика налогов (1436 г.), затем одного из бальи (1436–1440 гг.), наконец – прево города (1444–1446 гг.). В 1445 г. Монстреле был назначен бальи Волинкура и исполнял эти обязанности вплоть до своей смерти в июле 1453 г. Написанная им хроника («La chronique») была задумана как продолжение труда Жана Фруассара, а посему охватывает период с 1400 г. по 1444 г. Так же как и хронист из Валансьенна, Монстреле опирался не только на документальные источники, но и на устные свидетельства очевидцев. Избрав текст Фруассара в качестве образца для подражания, Монстреле не смог создать столь же увлекательное для чтения произведение. Тем не менее его текст не только весьма информативен, но и довольно точен.

Мэтью Пэрис (Матвей Парижский) (Matthew Paris, Matthaeus Parisiensis) – бенедиктинский монах из Сент-Олбанса, самый авторитетный историограф XIII в.

О биографии одного из самых прославленных хронистов XIII в. известно чрезвычайно мало. Самые ранние сведения о нем связаны с вступлением в 1217 г. в бенедиктинский монастырь в Сент-Олбансе (Херефордшир), в котором он состоял вплоть до своей смерти в 1259 г. Неясно, что именно означает прозвище Parisiensis (или de Parisius): возможно, в юности хронист учился в Парижском университете или же это просто латинизированная форма английского родового имени Пэрис. Вплоть до 1236 г. Мэтью работал в монастырском скриптории под началом Роджера из Вендоваера, автора «Цветов истории» («Flores historiarum») – всемирной хроники от Сотворения мира и до 1235 г. После смерти наставника Мэтью возглавил монастырский скрипторий и продолжил работу над хроникой. Собирая материал для своих трудов, Мэтью не ограничивался богатой монастырской библиотекой и королевским архивом, к которому имел доступ

благодаря покровительству Генриха III, но совершал многочисленные поездки по Англии и за ее пределами. Хронист также состоял в активной переписке с государственными мужами и другими историографами. Кроме «Большой хроники» («*Chronica maiora*»), над которой Мэтью Пэрис работал всю жизнь, им были написаны «Извлечение из хроник» («*Abbreviatio chronicorum*»), «Деяния аббатов Сент-Олбанского монастыря» («*Gesta abbatum monasterii sancti Albani*») и несколько агиографических сочинений. Следует отметить, что Мэтью был не только выдающимся историографом, но также прекрасным картографом, герольдом и художником. Только для «Большой хроники» им было нарисовано более 130 иллюстраций.

Найтон, Генрих (Henry Knighton, Henricus Cnithon) – монах-августинец из Лестера, хронист.

Практически всю жизнь Найтон провел в августинском аббатстве Девы Марии в Лестере, в котором он был каноником с 1377 г. вплоть до своей смерти в 1396 г. Само имя Генриха – Найтон, возможно, связано с названием одного из принадлежавших монастырю маноров. Свою хронику Найтон («*Chronicon*») начал писать с последней части, примерно в 1378 г., задумывая ее как историю правления Ричарда II. Однако вскоре он решил изменить композицию сочинения, параллельно приступив к тексту о Нормандском завоевании. Как предполагают исследователи, части за 1350–1372 гг. и 1382–1396 гг. писались одновременно. Постепенно сводя обе части своей хроники воедино, Найтон ослеп и не успел завершить задуманный им план: именно этим объясняется пробел с 1372 г. по 1377 г.

До 1337 г. главными источниками Найтона были труды его предшественников, однако даже в этой компилятивной части чувствуется авторский подход к материалу: Найтон очень тщательно отбирал цитируемые им пассажи, руководствуясь не столько авторитетом предшественников, сколько собственным представлением о «правильности» изложения событий. В качестве каноника монастыря в Лестере Найтон был весьма близок дому Ланкастеров (Лестер находился во владении Генриха Ланкастерского, после смерти которого он перешел к Джону Гонту; оба герцога покровительствовали обители августинцев), что не могло не отразиться не только на внимании историографа к деяниям Ланкастеров (в частности, к испанской кампании Джона Гонты), но и на его политических взглядах. Хроника Найтона, несомненно, является сочинением английского патриота: автор постоянно восторгается успехами соотечественников на полях сражений, особенно когда доблесть проявляют не только рыцари, но и духовные лица и простолюдины, часто приводя неправдоподобные цифры о соотношении сил и потерях англичан и их противников. Представив правление Эдуарда III в виде «золотого вска» для англичан, Генрих Найтон постоянно выражает недовольство как

внешней, так и внутренней политикой Ричарда II, неизменно трактуя конфликты короля и Джона Гонта в пользу последнего. Личные симпатии Джона Гонта, а также утвержденного им в 1393 г. в качестве лестерского аббата Филиппа Репиндона к Джону Уиклифу и лоллардам не могли не сказаться на манере освещения Найтоном сюжетов, связанных с распространением в Англии этого движения. Найтон не просто сдержан в осуждении еретиков, но достаточно подробно останавливается на их учении (хронист, очевидно, был хорошо знаком с трудами лоллардов, некоторые из которых находили убежище в лестерском монастыре).

«Ненний» (Nennius, Ninnius, Nemnius) – ученый муж, жил на рубеже VIII–IX вв. (около 770–810 гг.).

Традиционно, но, по мнению большинства современных исследователей, ошибочно «Ненния» называют автором написанной около 829/830 г. «Истории бриттов» («*Historia Brittonum*»). Неизвестный автор этого сочинения, вероятно, жил на юго-востоке Уэльса и, скорее всего, был клириком. Этот текст, ставший впоследствии одним из важнейших источников для Гальфрида Монмутского, содержит самый ранний рассказ о заселении Британии потомками троянцев, а также ряд историй о деяниях легендарных бриттских правителей, в том числе о подвигах короля Артура, успешно сражавшегося с саксами. Считается, что в качестве основных источников анонимный автор использовал валлийские легенды и предания.

Осни анналы (1016–1347) («*Annales de Oseneia*»). Краткие анналы, составленные в аббатстве каноников августинцев на острове Осни (Оксфорд).

Оттеберн, Томас (Thomas Ottbourne) – хронист первой половины XV в.

В середине XIV в. оксфордский францисканец Томас Оттеберн написал хронику (в настоящее время считается утерянной), которую использовал в своей работе сэр Томас Грей.

Другой автор с таким же именем жил на рубеже XIV–XV вв., возможно, на севере Англии. Его хроника (от легендарного Брута до 1420 г.) представляет собой краткую компиляцию из наиболее популярных английских исторических сочинений: хроники «Брут», «Полихроникона» Хигдена и трудов Томаса Уолсингема. Начиная с правления Ричарда II изложение событий более подробно, чем в первой части. Рассказывая о правлениях Генриха IV и Генриха V, автор сделал три добавления к тексту Уолсингема: о конфликте принца Генриха с отцом в 1412 г., о подаренных в 1414 г. дофином мячах и о проповеди Винсента Ферье перед Генрихом V в Кане в 1418 г. Хроника довольно неожиданно обрывается в 1420 г., что, возможно, объясняется смертью историографа.

«Первая английская жизнь Генриха V» («The First English Life of King Henry V»). В начале XVI в. неизвестный англичанин решил сделать более доступным для соотечественников труд Тита Ливия Фруловези. Для этого он не только перевел «Жизнь непобедимого Генриха V» на английский язык, но и дополнил ее сведениями, почерпнутыми из других источников (хроники Монстреле, продолжения хроники «Брут» и продолжения «Полихроникона» Кэкстона, а также ряда других исторических сочинений). Изданная в 1513 г. «Первая английская жизнь короля Генриха V» традиционно рассматривается историками как вполне самостоятельное, хотя и компилятивное сочинение.

Псевдо-Элхэм (Pseudo-Elmham). Издавший в 1727 г. анонимное сочинение «Жизнь и деяния Генриха V» («Thamae de Elmham Vita et Gesta Henrici Quinti»), Т. Хирн высказал предположение, что автором этого труда был Томас Элхэм. И хотя позднее было доказано, что данный текст не является сочинением Элхэма, я для удобства оформления сносок и в соответствии со сложившейся традицией именуую анонимного историографа Псевдо-Элхэмом. Текст сохранился в двух редакциях, первая была составлена вскоре после смерти Генриха V, вторая датируется 1445 или 1446 г. Ранняя версия посвящена Уолтеру Хангефорду, по заказу которого она и была написана. Занимавший при дворах Генриха V и Генриха VI должности главного стюарда и казначея, неоднократно исполнявший сложные дипломатические миссии, лорд Хангефорд открыл историографу доступ к многим важным источникам информации. Стиль этого произведения представляет собой комбинацию ренессансного исторического сочинения и рыцарских романов. «Жизнь и деяния» написаны на прекрасной, ориентированной на античные образцы латыни, украшенной множеством риторических пассажей и отступлений. Влияние ренессансной литературы на творчество Псевдо-Элхэма усиливается во второй редакции, посвященной придворному врачу Генриха VI и доверенному лицу Хэмфри Глостера Джону Сомерсету. В середине 40-х гг. анонимный историк успел познакомиться с заказанным Глостером сочинением Тита Ливия Фруловези. Труд Псевдо-Элхэма является самой подробной из всех сравнительно современных хроник правления Генриха V. Историк в мельчайших деталях отразил каждый шаг своего героя. Для исследователей чрезвычайно важны не только пространные описания сражений и поединков, рассказы о переговорах и тексты различных соглашений, точные описания тех городов и крепостей, которые вставали на пути английского войска и даже некоторых осадных орудий, но также абсолютно идеализированный, лишенный каких бы то ни было человеческих слабостей или недостатков образ короля Генриха.

Растелл, Джон (John Rastell) – юрист, издатель, антикварий.

Родился около 1475 г. в Ковентри в семье потомственных юристов. Получив соответствующее образование, Джон Растелл продолжил семейное дело. В 1497 г. он женился на Джоанне, сестре Томаса Мора. В 1504 г. унаследовал от отца должность коронера в Ковентри. Примерно в 1509 г. Растелл переехал в Лондон, где успешно сочетал юридическую практику с издательским делом. В числе опубликованных Растеллом произведений были и его собственные сочинения, самым известным из которых стало «Прошлое народа: хроники разных королевств и, главным образом, королевства Англии» («The Passtyme of People: The Chronicles of Dyuers Realms and Most Specuallly of the Realme of Englonde») – труд, написанный им около 1530 г. на основе хроники Роберта Фабиана и охватывающий историю Англии от Вильгельма Завоевателя до Ричарда III. В качестве иллюстраций к тексту впервые были приложены 18 гравюр с портретов английских королей (от Вильгельма Завоевателя до Ричарда III), выполненных с надгробий. В начале 30-х гг. издательское дело перестало приносить доходы – это было связано с тем, что обратившийся в радиальный протестантизм Джон Растелл стал избирать для публикации произведения, противоречащие официальной религиозной политике двора. В 1535 г. он был арестован и отправлен в Тауэр, где и умер 25 июня 1536 г.

Редмэн, Роберт (Robert Redmayne, Redmann) – автор «Истории Генриха V», вторая половина XVI в.

Предположительно, Роберт принадлежал к одной из ветвей фамилии Редмэн из Йоркшира или Ланкашира. Скорее всего, в середине 1570-х гг. он был начинающим юристом, ищущим покровительства могущественного графа Хантингдонского, которому он и посвятил свое сочинение. Между 1574 и 1578 гг. он написал латинскую версию «Истории Генриха V» («Historia Henrici Quinti»), используя в качестве источников Томаса Уолсингема, Эдуарда Холла и, возможно, Томаса Элхэма. По структуре и содержанию сочинение Редмэна ничем не отличается от биографий Генриха V, написанных в первой половине XV в.

Роберт из Эйвсбери (Robert of Avesbury) – секретарь архиепископа Кентерберийского.

Предположительно, закончил Оксфордский университет. Из текста завещания Роберта (от 27 января 1359 г.) явствует, что его жена Милисент умерла раньше его, оставив двух сыновей Джона и Уильяма. Сам Роберт из Эйвсбери умер около 1359 г. Труд Роберта «Об удивительных деяниях короля Эдуарда III» («De gestis mirabilibus regis Edwardi Tertii») охватывает период с 1308 г. по 1356 г. и является историей военных походов. Роберт использовал «информационные» письма, а также официальные послания командиров

английской армии (некоторые из которых сохранились только благодаря этой хронике) в большей степени, чем другие хронисты. По сути дела, его личный труд сводился к тщательному переписыванию документов, которые он собрал в единое повествование, связав небольшими информационными вставками. Именно подобное обилие «отчетов» (помимо архиепископского архива он имел доступ к архиву собора Св. Павла в Лондоне) о продвижениях армий и данных англичанами сражениях, отличающихся чрезвычайной подробностью, сделало сочинение Роберта из Эйвсбери незаменимым источником для изучения английских войн первой половины XIV в.

Роуз, Джон (John Rous) – клирик, антикварий.

Родился в первой четверти XV в. в семье сэра Джеффри Роуза из Уорика. К 1444 г. получил магистерскую степень в Оксфорде, после чего был рукоположен в дьяконы в диоцезе Вустера. Вскоре стал священником при часовне Гая Клиффа возле Уорика, возведенной по приказу прославленного военачальника Ричарда Бошама, графа Уорика, в память о его предке – известном отшельнике. Полученный Роузом бенефиций приносил ему скромный доход в 10 фунтов. Покровительствовавший Роузу граф Уорик, скорее всего, также делал ему регулярные подарки. Оставаясь вплоть до своей смерти в 1491–1492 гг. служителем в часовне Гая Клиффа, Роуз время от времени совершал поездки в разные библиотеки Англии, собирая материал для научных изысканий, главным итогом которых стали составленные между 1477 и 1485 гг. свитки («Warwick roll»), посвященные генеалогии и истории рода графов Уориков, украшенные рисунками тушью, выполненными самим автором. Свитки сохранились в двух вариантах: первый («Ланкастерский») составлен на латыни и содержит посвящение правившему в этот период королю Ричарду III; второй («Йоркистский») написан на английском языке и также содержит похвалы в адрес короля Ричарда и его сына. Также Роуз считается автором текста и рисунков к составленной между 1485 и 1490 гг. биографии графа Уорика («Pageant of the Birth, Life and Death of Richard Beauchamp Earl of Warwick»). Помимо указанных трудов Роуз написал трактат о гигантах, историю города Уорика, историю епископов Вустерских, житие Гая Клиффа, историю британских университетов и «Историю английских королей» («Historia regum Angliae»). Большая часть его сочинений носит компилятивный характер.

Стау, Джон (John Stow) – антикварий.

Старший сын лондонского торговца свечами, родился в 1524 или 1525 г. Не являвшийся выпускником ни одного из известных учебных заведений, Стау благодаря самообразованию обладал достаточным уровнем знаний для того, чтобы вскоре после основания в 1586 г. Общества антиквариев

(любителей древностей) быть принятым в его члены. Будучи страстным любителем истории и собирателем книг и древних рукописей, Стау подвергался обыскам, в результате которых попадал под подозрение в склонности к католицизму. За свою жизнь Стау подготовил к публикации двадцать одно издание, среди которых были не только средневековые (в первую очередь лондонские) хроники и труды его современников, но и его собственные произведения. Его первое сочинение «Краткое изложение наших английских хроник» («A Summarie of our Englysh Chronicles») было издано в 1565 г., за ним последовали большие работы – «Хроники Англии» («Chronicles of England», 1580), «Анналы Англии» («The Annales of England», 1592) и, наконец, принесшее своему автору широкую известность «Описание Лондона» («A Survey of London», 1598) – фундаментальный труд по топографии, истории, архитектуре, праву и обычаях столицы, со списками мэров и шерифов, биографиями выдающихся людей и прочими подробностями. Джон Стау умер в Лондоне 5 апреля 1605 г.

Стрич, Джон (Jonh Streeche) – монах-августинец из Кенилворта, хронист.

О Джоне Стриче известно лишь то, что в период с 1407 г. по 1425 г. он был каноником августинского аббатства Девы Марии в Кенилворте в Ратлендшире. Для провинциального монаха Стрич был удивительно хорошо образован и начитан. Он написал несколько исторических сочинений, в частности «Краткую хронику Англии от Брута до 1422 г.», в которой достаточно подробно освещен англосаксонский период (компиляция хроники «Брута» и ее продолжений), а также «Хронику правления Генриха V» («The Chronicle for the Reign of Henry V»). Последнее произведение полностью посвящено войнам короля во Франции. Сам Генрих V много раз бывал в Кенилвортском монастыре, и Стрич, безусловно, мог видеть его. Возможно, в качестве образца для подражания Стрич использовал рифмованную «Жизнь Генриха V» Элхэма: об этом свидетельствует ряд параллелей в изложении некоторых событий и акrostихи, содержащие имена авторов. Хроника является типичным панегириком в адрес короля, которого автор сравнивает с различными библейскими и античными героями. Английский патриотизм историографа традиционно выражается в преувеличении побед соотечественников и преуменьшении их потерь. В целом небольшая хроника содержит несколько важных замечаний о королевских войнах, которые не встречаются в других источниках.

Сэвил, Генри (Sir Henry Savile) – математик, историк, знаток классической литературы.

Средний сын йоркширского землевладельца средней руки Генри Сэвила родился в 1549 г. Генри Сэвил-страший, некогда изучавший право

в Оксфорде, позаботился о том, чтобы все его сыновья получили университетское образование. Старший из братьев – Джон стал известным юристом и политиком, младший – Томас – преподавателем древних языков в Оксфорде, прославившимся переводами с греческого и латыни. К концу обучения в Оксфорде Генри Сэвил имел репутацию одного из лучших знатоков греческого и отличного математика. Подобно другим английским ученым, после завершения обучения на родине Сэвил совершил продолжительное путешествие на континент. После возвращения из него в 1585 г. он получил должность наставника королевы Елизаветы по греческому языку. В 1595 г. возглавил колледж Мертон в Оксфорде, а в 1596 г. стал ректором Итона. В 1604 г. он был посвящен в рыцари и включен в группу переводчиков, которым предстояло подготовить новый официальный перевод Библии на английский язык. За свою жизнь Сэвил написал множество трудов по геометрии и астрономии, осуществил ряд переводов античных авторов (особую известность получил перевод «Истории» Тацита), снабдив их своими комментариями. В 1598 г. Сэвил опубликовал несколько средневековых английских хроник («*Rerum Anglicarum scriptores*»), а в 1604 г. издал трактат, посвященный объединению Англии и Шотландии («*Historical collections*»). Умер Сэвил 19 февраля 1622 г. в Итоне.

Тит Ливий Фруловези (Titus Livius of Forli, Titus Livius de Frulovisi/Forojuliensis, Tito Livio da Forli) – итальянский гуманист, поэт, историк.

Около 1436 г. итальянский гуманист Тит Ливий из Форли (недалеко от Феррары) был специально приглашен ко двору герцога Хэмфри Глостера, где выполнял обязанности придворного поэта и оратора, а также помогал герцогу с изучением итальянской литературы. По заказу герцога историк написал в 1437 г. «Жизнь Генриха V» («*Vita Henrici Quinti*»), посвятив данное сочинение Генриху VI. Источники для своего труда, в частности королевские письма, Ливий получил от своего патрона. Вполне возможно, что этот хронист также был знаком с анонимными «Деяниями Генриха V», рифмованной «Жизнью Генриха V» Элхэма и трудом Томаса Уолсингема. По утверждению самого Тита Ливия, образ славного короля Генриха, одерживающего победы над всеми врагами, поразил его воображение, когда тот был еще мальчиком. Труд итальянского гуманиста вдохновил многих англичан на создание собственных произведений, воспевающих Генриха V, и сыграл существеннейшую роль в формировании образа – идеального короля и образцового англичанина – храброго, справедливого, безукоризненного и вполне заслуженно пользующегося Божьей помощью. Перед своим возвращением на родину Тит Ливий написал латинскую поэму («*Humfroidos*»), посвященную кам-

паний герцога Глостера во Фландрии против Филиппа Храброго, герцога Бургундского. Поэма начинается с описания конгресса в Аррасе (1435 г.) и заканчивается рассказом о «триумфальном» возвращении Глостера в Англию в августе 1436 г. Работы Ливия носят явно пропагандистский характер и направлены на возвеличивание Глостера как способного правителя и удачливого полководца.

Торн, Уильям (William Thorne) – монах из аббатства Св. Августина в Кентербери.

В конце правления Ричарда II составил хронику (*Chronica*), посвященную истории своего монастыря (597–1397 гг.). Судя по тексту, Торна больше всего интересовали хозяйственные и правовые проблемы: центральное место в хронике занимают описание монастырских земель, различные тяжбы и судебные разбирательства, автор очень лаконичен в рассказах о внутренней жизни монастыря и практически ничего не пишет о религиозных вопросах.

Тревиса, Джон (John Trevisa) – священник, переводчик, историк.

Один из самых известных английских переводчиков XIV в. родился около 1342 г. в Корнуолле, в местечке под названием Trevesa или Trevease. В 1362 г. Джон Тревиса или, точнее, Джон из Тревисы закончил оксфордский колледж Эксетер, в котором преподавал до 1369 г., когда, получив степень магистра, перешел в колледж Королевы. В следующем году Тревиса принял священнический сан. Начавшийся в 1376 г. конфликт Тревисы и ряда других преподавателей с новым ректором Томасом Карлайсом привел в 1379 г. к исключению оппозиционеров из университета за «непригодность». Однако вскоре Тревиса вернулся в Оксфорд (известно, что с 1383 г. по 1387 г. он занимал одну из комнат в колледже Королевы). Около 1374 г. Джон Тревиса стал викарием в приходе Беркли в Глостершире, одновременно исполняя обязанности каноника в Уэстбери, а также семейного капеллана Томаса IV лорда Беркли. Умер Тревиса в Беркли в мае 1402 г.

За свою жизнь Джон Тревиса перевел множество текстов, в основном энциклопедического характера, с латыни на английский язык, но венцом его деятельности на этом поприще стал «Полихроникон» Ранульфа Хигдена. В 1387 г. Джон Тревиса по заказу своего покровителя Томаса Беркли (аргументировавшего данную просьбу затруднениями, которые возникают у него при необходимости читать на латыни) первым перевел «Полихроникон» на английский язык, приложив к нему собственное краткое продолжение, доведенное до 1360 г. (заключение мира между Англией и Францией в Бретиньи). О популярности перевода «Полихроникона» свидетельствует тот факт, что труд Тревисы сохранился в четырнадцати списках. Стараясь переводить текст Хигдена максимально точно, не пропуская ни одного

пассажа, Треви́за, тем не менее, иногда включал в него собственные комментарии или замечания.

Уильям Мальмсберийский (William of Malmesbury) – монах из Мальмсбери, авторитетный историограф XII в.

Родился в 1090-х гг. в англо-нормандской семье, в раннем детстве был отдан родителями в монастырь Мальмсбери в Уилтшире, где и провел оставшуюся жизнь (сперва простым монахом, а затем регентом хора и библиотечарем). В начале 20-х гг. XII в. Уильям совершил длительную поездку по Англии, собирая материал для своих исторических трудов. Кроме того, он располагал обширной сетью корреспондентов, с которыми обменивался информацией, а также редкими рукописями. Первый вариант «Деяний английских королей» («*Gesta regum Anglorum*») был окончен к 1125–1126 гг. Данное сочинение, состоящее из пяти книг и охватывающее период от смерти Беды до правления Генриха I, любопытно попытками историографа отойти от хронологической организации повествования, вероятно, связанными с его стремлением подчеркнуть принадлежность текста к более высокому жанру жизнеописания. Вскоре после завершения «Деяний английских королей» Уильям закончил «Деяния английских епископов» («*Gesta pontificum Anglorum*»), представляющие собой выстроенный по территориальному принципу рассказ об истории епископских кафедр Англии. Помимо этих сочинений, принесших Уильяму славу известного историографа, он подготовил компиляции по римской и каролингской истории, а также оригинальную версию «Книги понтификов» («*Liber pontificalis*») и выполненную по заказу аббата Гластонбери историю этого монастыря («*De Antiquitate Glastoniensis Ecclesia*»). В последние годы жизни Уильям (ум. около 1142 г.) редактировал написанные ранее труды, а также работал над «Новейшей историей», посвященной событиям с 1126 г. по 1142 г. Уильям Мальмсберийский был страстным библиофилом и одним из самых начитанных людей своего времени.

Уильям Ньюбургский (William of Newburgh) – каноник августинского приората Ньюбурга, автор теологических и исторических сочинений.

Родился около 1136 г., предположительно близ города Бридлингтона (Йоркшир). Получил образование в приорате Ньюбурга, где и стал впоследствии регулярным каноником. Самый известный его труд – «*Historia Rerum Anglicarum*» – охватывающий период от Нормандского завоевания до 1198 г., был написан между 1196 и 1201 гг. (текст, скорее всего, остался незаконченным по причине смерти историографа). Уильям Ньюбургский – единственный средневековый хронист, подвергший последовательной критике «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского и полностью отвергший ее содержание, как недостоверное. Современные исследователи

восторженно оценивают Уильяма как одного из самых выдающихся и интересных хронистов эпохи Средневековья.

Уолсингем, Томас (Thomas Walsingham) – монах из Сент-Олбанса, один из наиболее авторитетных историографов XV в.

Родился около 1340 г., предположительно в Норфолке. Возможно, учился в Оксфорде. Время его появления в монастыре Сент-Олбанс не установлено. С 1380 г. он занимал должность регента хора и главы скриптории. В 1394 г. аббат Томас де Ла Мор назначил Уолсингема приором в Уимандхаме (Wymondham). После смерти де Ла Мора в 1396 г. положение Уолсингема в монастыре изменилось: историк не только был отозван обратно в Сент-Олбанс, но больше никогда не занимал ключевые посты в обители (с этого времени он даже не именуется главой скриптории, хотя, безусловно, оставался ведущим хронистом монастыря вплоть до своей смерти в 1422 г.).

За свою жизнь Томас Уолсингем написал несколько произведений, часто работая над разными сочинениями параллельно. Так, одновременно со своим главным трудом – «Большой хроникой» («*Chronica maiora*») – он работал над «Книгой благодетелей» (список жертвователей монастырю Сент-Олбанс с краткой информацией о каждом), продолжением «Деяний аббатов Сент-Олбанского монастыря» Мэтью Пэриса, «Краткой хроникой», образцом для которой послужило «Извлечение из хроник» того же Мэтью Пэриса, «Историей Александра Великого», трактатом о ритме в музыке, комментариями к «Метаморфозам» Овидия и другими текстами. В 1419 г. Уолсингем преподнес Генриху V «Описание Нормандии» («*Ypodigma Neustriae*»). Эта работа представляет собой историю герцогства Нормандского начиная с правления Роллона (911 г.) и заканчивая 1419 г. Целью данного труда была не только демонстрация прав королей Англии на владение Нормандией, но и ознакомление короля Генриха с географией и историей этого региона.

Несмотря на то что в монастыре Сент-Олбанс, а также в других английских обителях было составлено несколько продолжений «Большой хроники» Мэтью Пэриса, Томас Уолсингем начал свой труд с 1272 г. Работая над этим сочинением всю жизнь, историограф в итоге довел изложение событий до 1420 г. Составленный параллельно текст «Краткой хроники» заканчивается смертью Генриха V в 1422 г. Формально исторические труды Томаса Уолсингема являются традиционной средневековой компиляцией: хронист активно использовал многочисленные труды предшественников (Николая Тривета, Ранульфа Хигдена, Адама Маримута и других), дополняя их сведениями из официальных документов (часто приводя их целиком). Между тем Уолсингем далек от простого переписывания чужих текстов:

все его труды отражают авторское представление об истории – он не только пытается установить причинно-следственную связь между отдельными событиями, но достаточно активно навязывает читателям собственные суждения и оценки произошедших в прошлом событий. Взяв на себя роль продолжателя Мэтью Пэриса, Уолсингем перенял и морализаторский настрой предшественника: нередко его рассказы о прошлом приобретают характер проповедей.

Постоянно выказывая сочувствие страданиям бедняков, Уолсингем решительно осуждал всех, причиняющих вред простому народу: от поднимающих налоги монархов до затуманивающих сознание своими проповедями лоллардов и последователей Уиклифа. При этом он довольно точно излагает позиции оппонентов. Это свидетельствует о том, что историк читал труды еретиков. Будучи безусловным противником тирании Ричарда II и сторонником новой династии, Уолсингем тем не менее ничуть не симпатизирует Джону Гонту, не только обвиняя его в алчности и в стремлении к власти, но даже высказывая предположение о том, что истинного сына Эдуарда III подменили в Генте на фламандского ребенка. В целом Уолсингем является решительным антагонистом единоличной, бесконтрольной власти государя. Выражение патриотических чувств у Уолсингема гораздо сложнее, чем у большинства историографов его времени: он не ограничивается восхвалением ратных подвигов соотечественников или их готовности пожертвовать своим благосостоянием ради военных успехов англичан, но постоянно сетует на внутренние распри, беспорядки и правонарушения, ослабляющие Англию и мешающие ее процветанию.

К сожалению, главный труд Уолсингема – «Большая хроника» до сих пор не опубликован должным образом, что создает известное неудобство при работе и путаницу при цитировании. Основная часть хроники (с 1272 г. по 1406 г.) опубликована в RS в трех разных изданиях, при этом в первых двух она скомбинирована с отрывками из «Краткой хроники»: «*Chronicon Angliae, 1328–1388*» (ed. E. M. Thompson), «*Historia Anglicana, 1272–1422*» (ed. H. T. Riley) и «*Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti, 1392–1406*» (ed. H. T. Riley). Последняя часть хроники была также опубликована как «*St Albans Chronicle, 1406–1420*» (ed. V. H. Galbraith). В настоящее время в рамках серии «*Oxford Medieval Texts*» осуществляется новое издание этой хроники.

Уорнер, Уильям (William Warner) – поэт, юрист.

Родился в Лондоне около 1558/1559 г. Его отец был мореплавателем, сопровождавшим Ричарда Ченслера во время его путешествия в Россию (1553 г.) и Уильяма Тауэрсона в Гвиану (1577 г.). По всей видимости, Уорнер

закончил один из английских университетов, но не получил ученой степени, после чего поселился в Лондоне, где занимался адвокатской практикой. Среди написанных Уорнером литературных сочинений, главным образом поэтических, самым известным является поэма «Английский Альбион» («*Albions England*»), опубликованная в 1586 г. Поэма повествует об истории Британии от Ноя до Нормандского завоевания и содержит массу популярных исторических мифов и преданий. В последующие годы Уорнер дописал поэму и опубликовал ее с внесенными изменениями. Так, в третьем и четвертом изданиях (1596–1597 гг.) английская история была доведена до правления Елизаветы I. К пятому изданию (1602 г.) было добавлено краткое прозаическое изложение английской истории. Наконец, издание 1606 г. содержало похвалу новому монарху – Якову I.

Фабиан, Роберт (Robert Fabian) – олдермен Лондона, историограф.

Роберт Фабиан происходил из семьи купцов, приехавших из Эссекса в Лондон. В молодости он был подмастерьем сукнодела Уильяма Холма. В конце 1470-х гг. вступил в гильдию суконщиков, в которую также входил и его отец. В 1486 г. Фабиан стал олдерменом округа Фарингдон, а в 1493 г. исполнял обязанности шерифа. В 1503 г. Фабиан сложил с себя обязанности олдермена, объясняя это тем, что из-за растущей семьи (у Фабиана, женатого на Элизабет Пэйк, дочери состоятельного торговца сукном, было шестнадцать детей) он не в состоянии нести расходы, связанные с исполнением данной должности. После своей отставки Фабиан начал работу над хроникой, которая была издана в 1516 г. (через три года после его смерти).

Хроника Фабиана представляет собой, как это видно из названия, изложение событий из истории Англии и Франции. Сам автор озаглавил ее как «Согласование историй Англии и Франции» («*The New Chronicle of England and France by Robert Fabyan, Named by Himself the Concordance of Histories*»). Повествование строится по следующему принципу: сначала идет изложение основных событий, произошедших в Англии во время правления короля имярек, затем аналогичным образом рассказывается французская история. Количество цитат и ссылок в хронике свидетельствует об исключительной эрудиции ее автора. Фабиан разделил работу на семь частей, каждая из которых завершается стихотворным эпилогом. Во введении хронист по традиции пишет о Сотворении мира, падении Трои и основании Рима. Повествование начинается с высадки на побережье Англии Брута, которого Фабиан, так же как и его предшественники, считает родоначальником английских королей. Первые шесть частей хроники посвящены времени до Нормандского завоевания Англии, а в седьмой, наиболее объемной, излагается история Англии и Франции от Нормандского

завоевания до конца правления короля Карла VII во Франции. Благодаря доступности широкому кругу читателей (написанная по-английски хроника неоднократно переиздавалась) сочинение Фабиана очень быстро стало весьма популярным у любителей истории.

Фокс, Джон (John Foxe) – теолог.

Родился в Бостоне (Линкольншир) в 1516 г. Закончил колледж Магдалины в Оксфордском университете. Еще во время учебы оставил католичество и перешел в протестантскую веру. В период Контрреформации Марии Тюдор Фокс, подобно многим другим протестантам, вместе с семьей уехал из Англии на континент. Обосновавшись в Базеле, он в 1554 г. опубликовал написанный на латыни мартиролог, который впоследствии лег в основу его главного сочинения, первоначально озаглавленного как «События и памятники наших последних и опасных дней...» («Acts and monuments of matters most special and memorable...»), но более известного как «Книги мучеников или истории гонения на христиан» («Acts and monuments of martyrs with a general discourse of these latter persecutions...»). Первое английское издание «Книги мучеников» Фокс осуществил в 1563 г., после того как воцарение Елизаветы позволило его семье вернуться на родину. Еще в 1560 г. Фокс был рукоположен в священники, но вскоре после возвращения из Швейцарии отказался от исполнения церковной службы, поскольку стал убежденным пуританином. Помимо своего главного труда, который он неоднократно переиздавал с разными дополнениями, Фокс опубликовал множество проповедей и религиозных трактатов. Умер 18 апреля 1587 г.

Фруассар, Жан (Jean Froissart) – придворный, историограф, поэт.

Родился около 1337 г. в Валансьенне (Геннегау). Его отец, возможно, был составителем гербов, хотя более вероятной считается версия о происхождении Фруассара из среды зажиточных горожан. Первым покровителем будущего прославленного историографа стал (как и в случае с Жаном Ле Белем) Жан де Бомонт, дядя королевы Филиппы. Став английской королевой, Филиппа Геннегау приблизила к своему двору многих соотечественников, среди которых оказался и Жан Фруассар. Около 1361 г. он стал секретарем королевы, оказывавшей ему личное покровительство вплоть до своей смерти в 1369 г. Находясь на королевской службе, Фруассар много путешествовал (в том числе в 1368 г. в Италию с Лайонелом Кларенсом). В 1366 г. секретарь встретил Пасху вместе со своей госпожой в Брабанте, а на Рождество 1367 г. был в Бордо при дворе Черного принца и его супруги Джоанны Кентской (где смог не только присутствовать при крестинах будущего Ричарда II, но и наблюдать за приготовлениями войск к походу в Испанию). После смерти королевы его покровителем стал ее зять, Роберт Намюрский,

затем – герцог Брабантский (ум. 1381 г.) и, наконец, граф Блуа. Со всеми своими сеньорами Фруассар путешествовал по Европе, параллельно собирая материал для хроник (он работал в библиотеках, монастырских и личных архивах, расспрашивал очевидцев и т.д.). В 1395 г. Фруассар вновь посетил Англию, где преподнес королю Ричарду экземпляр своих «Хроник». Помимо исторических трудов, Фруассар прославился поэтическими сочинениями, прежде всего любовными лэ и балладами. Умер этот знаменитый историограф между 1404 и 1410 гг.

Первое историческое сочинение Фруассара, преподнесенное им королеве Филиппе, в настоящее время утеряно. Это была французская хроника (возможно, рифмованная), охватывавшая события от битвы при Пуатье до 1360 г. «Хроники Франции, Англии, Шотландии, Бретани, Гаскони, Фландрии и соседних стран» («Chroniques de France, d'Angleterre, d'Ecosse, de Bretagne, de Gascogne, de Flandre et lieux circonvoisins») Фруассара с 1327 г. по 1400 г. сохранились в трех основных редакциях. В первой, написанной вскоре после возвращения из Англии, Фруассар иногда дословно следует тексту Ле Бея (до 1361 г.). Во время составления второй редакции (после 1376 г.) хронист находился на службе у союзника короля Франции, что наложило отпечаток не только на тон повествования, но и на изложение некоторых событий – к тексту Ле Бея добавился ряд новых французских источников (в основном устных). В последней редакции (после 1400 г.) Фруассар переписал пассажи, заимствованные у Ле Бея, критика англичан усилилась, хотя положительный образ Эдуарда III не претерпел существенных изменений. Непосредственный доступ к государственным и частным архивам, личное знакомство с могущественными сеньорами, определявшими своими действиями европейскую политику, прославленными воинами и прекрасными дамами, позволило Фруассару сделать его труд не только весьма информативным с фактологической точки зрения, но и увлекательным для рыцарской аудитории чтением.

Хардинг, Джон (John Hardyng) – английский рыцарь, историограф.

Хардинг родился в 1378 г. в семье рыцаря в Нортумберленде. Воинскую службу на шотландской границе нес с двенадцати лет под началом графа Генри Перси. Вместе с ним он принял участие во многих знаменитых сражениях – таких как битва при Хомилдон-Хилле (1402 г.) и Шрусбери (1403 г.). После поражения и гибели Перси при Шрусбери Хардинг перешел на службу к сэру Роберту Амфравиллю, которому он был очень предан и тяжело переживал его смерть в 1437 г. Вместе со своим новым господином Хардинг участвовал в континентальных кампаниях Генриха V. По всей видимости, будущий историограф смог обратить на себя внимание короля, поскольку в 1418 г. Хардинг был отправлен Генрихом на шотландскую

границу с приказом «прилежно искать» свидетельства английского «права на суверенитет» над Шотландией. По свидетельству самого Хардинга, королевское поручение обошлось ему в 450 марок серебром из собственных денег. В мае 1422 г. Джон Хардинг привез королю в Венсенский замок отчет о проделанной работе, которой Генрих остался вполне доволен, пообещав в качестве награды поместье Геддингтон (Нортгемптоншир). Однако король умер, не успев сделать пожалование. Тем не менее Хардинг продолжил изыскания в том же направлении и в 1440 г. преподнес новую порцию собранных документов Генриху VI, от которого получил ежегодную пенсию в 10 фунтов (в 1457 г. король наградил его еще одной пенсией – в 20 фунтов). По всей видимости, Хардинг рассчитывал на больший интерес со стороны короны к этому труду, а посему в 1462 г. он решил преподнести его новому королю из династии Йорков Эдуарду IV. Точная дата смерти Хардинга неизвестна, скорее всего, он скончался после 1464 г.

Помимо инспирированной Генрихом V работы по поиску свидетельств об английском суверенитете над Шотландией, Джоном Хардингом был написан еще один исторический труд – пространная рифмованная хроника на английском языке. Первая версия этой хроники, состоящей из 2700 строк, была преподнесена Генриху VI в 1457 г. вместе с шотландскими документами. Позднее Хардинг переработал текст: новый вариант (1800 строк), завершающийся рассказом о правах герцога Йоркского на английский престол, был предоставлен в 1463 г. Эдуарду IV. Охватывающая историю Британии от появления на острове легендарной Альбины и до 1460 г., хроника Хардинга, по сути дела, является традиционной компилятивной историей, облеченной в характерную для Средневековья рифмованную форму. Опираясь на множество текстов предшественников (от «Ненния», Беды, Генриха Хантингдонского, Хигдена до Гауэра, Чосера, Лидгейта, Тита Ливия Фруловези и многих других), Хардинг демонстрирует весьма критическое к ним отношение. Это, впрочем, не мешало ему фальсифицировать ряд документальных свидетельств для подтверждения некоторых своих положений. Особый интерес у Хардинга, как у непосредственного участника, вызывают войны в Шотландии и на континенте. У этого хрониста имелась собственная концепция успеха в данных конфликтах: возвращение Англии принадлежащих по праву земель (королевств Шотландии и Франции) не может быть осуществлено посредством переговоров или куплено за деньги, его можно добиться только в справедливой войне и при отсутствии раздоров внутри королевства. Не случайно идеальными королями для Хардинга являются великие завоеватели: Артур, Эдуард I, Генрих V. Хроника сохранилась в большом количестве списков, что как нельзя лучше свидетельствует о ее популярности.

Хигден, Ранульф (Ranulf Higden) – монах, один из самых авторитетных историографов XIV в.

Предположительно, Хигден родился на западе Англии в последней четверти XIII в. В 1299 г. он вступил в богатое бенедиктинское аббатство Св. Вербурги в Честере, в котором провел всю жизнь (ум. около 1364 г.). Неизвестно, совершал ли хронист какие-либо путешествия за пределы Англии, также нет свидетельств и о его обучении в каком-либо университете. За свою долгую жизнь Хигден написал множество теологических и дидактических произведений, которые сохранились лишь частично. В 1352 г. снискавший славу большого знатока древностей, Хигден был «со всеми своими хрониками» приглашен для участия в Королевском совете.

Главным трудом его жизни стал «Полихроникон, или Универсальная история» («Polychronicon»), принесший ему славу авторитетнейшего историка. По популярности с «Полихрониконом» могли конкурировать только «Церковная история» Беда и «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. «Полихроникон» представляет собой всемирную историю от Сотворения мира до 1342 г., разделенную на семь книг – аллюзия на семь дней Творения. В качестве источников Хигден использовал огромное количество сочинений древних и средневековых авторов, среди которых были: Валерий Максим, Плиний, Светоний, Евтропий, Евсевий, Августин, Орозий, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный, «Флоренс» Вустерский, Уильям Мальмсберийский, Гальфрид Монмутский, Генрих Хантингдонский, Иоанн Солсберийский, Геральд Камбрийский, Винсент из Бове и прочие. Впрочем, подобно многим другим средневековым историографам, Хигден часто ссылается на какие-то книги древних авторов (например, Гомера, Тита Ливия или Цицерона), не зная их напрямую, но цитируя по другим источникам. Первая книга «Полихроникона» посвящена мировой географии, естественной истории, описанию народов и их обычаев, остальные шесть – собственно истории. Наибольший интерес у исследователей вызывает седьмая книга, в которой излагаются события от Нормандского завоевания Англии до 1342 г. Хотя ближе к концу сочинение перестает быть компиляцией, превращаясь в оригинальное авторское произведение, сам Хигден, очевидно, больше интересовался событиями далекого прошлого, чем современностью, о которой повествует довольно лаконично.

Холиншед, Рафаил (Raphael Holinshed [Hollingshead]) – историк.

Уроженец Чешира (родился около 1525 г.), учился в Кембридже (предположительно, в Колледже Троицы), в начале правления Елизаветы занимался переводами в лондонской конторе издателя Реджинальда Вульфа. В 1548 г. Вульф запланировал издание всемирной истории и космографии с картами

и иллюстрациями. Вместе с Вульфом Холиншед работал над оставшимися от Джона Лидгейта заметками по истории Англии, Шотландии и Ирландии. После смерти Вульфа в 1573 г. Холиншед продолжил эту работу для других лондонских издателей. Опубликованный в 1577 г. труд стал результатом коллективной работы многих лиц, среди которых главную роль, вне всякого сомнения, сыграл Рафаил Холиншед. Первоначально было запланировано три тома: первый – по истории Англии, Шотландии и Ирландии с древнейших времен до Нормандского завоевания; во втором – история Шотландии до 1571 г. и Ирландии – до 1547 г.; анонсированный третий том должен был стать английской историей до «настоящего времени». Успех этой хроники был поистине грандиозным. После смерти Холиншеда (около 1580 г.) его коллеги продолжили запланированную работу, издав в 1586–1588 гг. три тома истории. Данный труд стал своего рода итогом работы историков предшествующих веков. Подобно средневековым хронистам, Холиншед и его коллеги далеко не всегда работали с первоисточниками, часто пользуясь ссылками, содержащимися в опубликованных трудах предшественников и современников (Фабиана, Холла, Полидора Вергилия и других авторов). Важно отметить, что начиная с конца XVI в. именно этот труд надолго стал главным сочинением по английской истории, определяя и формируя представление англичан о прошлом их народа.

Холл, Эдуард (Edward Hall) – юрист, историк.

Родился около 1499 г. в Шропшире. Учился сначала в Итоне, потом – в Кембридже (изучал право). С 1518 г. и до самой смерти в 1547 г. Холл прожил в Лондоне, занимаясь политикой (был членом парламента). Подобно многим средневековым хронистам, Холл разделил хронику на семь частей, но у него это деление восходит не к дням Творения, но основано на светском принципе правлений отдельных государей (от Генриха IV до Генриха VIII). Озаглавленная им как «Союз благородных и знаменитых семейств, Ланкастеров и Йорков» («The Union of the Two Noble and Illustre Families of Lancaster and York»), хроника прославляла династию Тюдоров и пользовалась огромной популярностью у читателей. Впервые она была напечатана в 1542 г., в 1548 г. вышло новое издание, через два года хроника была опубликована в третий раз. Холл – горячий приверженец английского абсолютизма вообще и династии Тюдоров в частности и в то же время достаточно осторожный юрист и парламентарий, сумевший в реформационных и постреформационных смутах избежать как близости к оппозиции, так и чрезмерной лояльности.

Хроника предательства и смерти Ричарда II Английского («Chronique de la trāson et mort de Richart deux roy Dengleterre»). Предположительно, автор этого небольшого текста происходил из Бургундии и

был связан с герцогом Эксетером. Сочинение написано до 1412 г. с позиции сторонника низложенного короля Ричарда. Большая часть текста составлена на основе личных впечатлений и наблюдений неизвестного автора. Хроника, охватывающая период с 1397 г. по 1400 г., сохранилась в четырех версиях разного размера. Вероятно, первой была самая короткая версия; к последующим был добавлен материал из хроники Кретоны.

«Хроника о Дюгеклене» («*Chronique de du Guesclin*»). Анонимная прозаическая хроника датируется 1380-ми гг. Хроника носит явные следы влияния текста Кювелье, хотя и не является его дословным пересказом.

Чандоса герольд (Chandos Herald) – герольд, поэт.

Рифмованная хроника «Жизнь и деяния Черного принца» («*La vie et gestes du Prince Noir*») была составлена на французском языке личным герольдом одного из самых знаменитых рыцарей эпохи Столетней войны Джона Чандоса, коннетабля Аквитании, спасшего принцу жизнь в битве при Нахере. Имя самого герольда неизвестно, так же как его биография. До создания Ричардом III Коллегии гербов для знатных лордов было обычным иметь своих собственных герольдов, которым давалось имя господина. Одним из таких герольдов был Чандос. Именно так называет себя сам поэт. Под этим же именем он значится в бумагах короля гербов Джона Антиса.

Текст этой рифмованной хроники был закончен в середине 80-х гг. XIV в. Условно его можно разделить на две части. В первой кратко излагаются события из жизни принца Уэльского вплоть до 1365 г. (отправки на Пиренеи французской армии). Вторая часть, доведенная до смерти принца, гораздо более подробна. Герольд постоянно находился при своем господине, сопровождая его во всех кампаниях (в том числе в испанском походе), отлучаясь от него только для доставки посланий Черному принцу, герцогу Бургундскому, графу Пемброку, графу Кембриджу и другим лордам. Герольд Чандоса лично был свидетелем и непосредственным участником многих важных событий во Франции и Испании, а также имел доступ к документам из канцелярии Черного принца, что, безусловно, повышает историческую ценность его сочинения. По роду своих занятий автор не только прекрасно разбирался во всех тонкостях военного искусства, но и являлся хорошо образованным человеком, которому была не чужда придворная жизнь. Хроника герольда Чандоса написана в традициях рыцарской литературы: реальные исторические события на Пиренеях, которым поэт был непосредственным свидетелем, трансформированы в рыцарский роман на историческую тему, в котором роль главного героя играет герцог Аквитании, а героя «второго плана» – сэр Джон Чандос.

Элхэм, Томас (Thomas Elmham) – клюнийский монах, поэт, историк.

Родился 8 апреля 1364 г., вероятнее всего в Норфолке. В 1379 г. вступил в бенедиктинский монастырь Св. Августина в Кентербери, где в 1407 г. исполнял должность казначея. В 1414 г. стал приором клюнийского монастыря в Лентоне (графство Ноттингем). В 1415 г. клюнийский аббат Раймунд сделал Элхэма викарием и камерарием Англии и Шотландии, а в 1426 г. – генеральным комиссаром по имуществам ордена в Англии, Шотландии и Ирландии. Однако по неизвестной причине в том же году Элхэм ушел в отставку. Возможно, отставка была связана с ухудшением здоровья, поскольку в 1427 г. (или вскоре после) он умер.

Все три главных (из сохранившихся) труда Элхэма были написаны между 1414 и 1418 гг. Во всех трех автор зашифровал свое имя в акrostихах. Первое из этих сочинений посвящено истории монастыря Св. Августина в Кентербери («*Historia monasterii S. Augustini Cantuariensis*»). В 1416 г. Элхэм закончил «Хронику благородных королей Англии» («*Cronica regum nobilium Angliae*») – компилятивный труд (основанный главным образом на «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского и хронике «Брут») о правителях Британии от легендарного Брута до Ричарда II. Сразу после завершения этой работы Элхэм принялся за написание прозаической и рифмованной истории войн Генриха V. Прозаический текст пока не найден.

В 1418 г. Элхэм преподнес королю «Рифмованную книгу о Генрихе V» («*Liber metricus de Henrico Quinto*»). Это сочинение весьма близко к анонимным «Деяниям Генриха V», что позволяет предположить знакомство приора из Лентона с трудом анонимного капеллана. О второй королевской континентальной кампании Элхэм повествует вполне самостоятельно, опираясь на официальные донесения об успехах английских войск. Книга заканчивается провозглашением законности притязаний английских королей на французскую корону, восходящим по своему содержанию к текстам прокламаций Эдуарда III, которые Элхэм вполне мог прочитать в одной из более ранних хроник.

Images of War and Perceptions of History in Late Medieval England¹

The present book deals with the ideas, notions and attitudes of the late-medieval people of England towards the wars waged by English sovereigns. Among the numerous foreign policy conflicts of that period I have considered several principal ones: the Hundred Years' War, hostilities in Scotland and Flanders, and the two Castilian campaigns of 1367 and 1386. Without going into the details of foreign affairs, my aim is to examine the motives and circumstances behind each conflict through the eyes of the participants and their contemporaries, to scrutinize stereotypes, commonplaces and topoi created by the medieval historiographical tradition, and to raise the question of the influence of prolonged warfare on the English national identity of that period.

Analysis of royal official documentation, as well as court-initiated propaganda reflected in the works of late-medieval historians, clearly testifies that even in the Early Modern period, just as in the previous epoch, formal observance of conditions of the just war was extremely important. Any military conflict conducted without it was resolutely condemned by the Christian community as a sinful act. The full conformity of each conflict in which the English sovereigns took part to all the criteria of just war, as formulated by the Church Fathers and expressed in canonical law, was constantly accented in all propagandistic and historical texts. Reasoning from justice as the main principle of organization of the cosmic order, English authors represented their kings' military campaigns as just acts directed not so much towards the defence of those monarchs' personal interests as the protection of the very foundations of that order. Thus, in all the official letters and proclamations of the English kings, the war against France was not only presented as a conflict between two pretenders to the French throne, but also viewed at a different angle as a struggle between law and lawlessness. The English opposed the ancient custom of the Franks which dismissed women and their descendants from royal succession, appealing to a higher law they saw as written in the Old and New Testaments

¹ I am grateful to Alexei Stephenson for his substantial help with the editing of this resume.

and embodied in nature. Thus, in the conception of the English theologians and lawyers, the French who appealed to the Salic Law opposed the Law of the Lord and were apostates. This reinforced the notion that the English fought not only for the rights of their suzerain, but also for divine truth and justice.

The interpretation of war as accomplishment of a certain noble and just mission appears to have been an important factor which influenced English national identity. Justifying war against neighbouring Christian peoples, the English medieval theologians, lawyers and historians treated each battle as an ordeal, wherein the Lord sent victory to the just party, and each victory by one's countrymen became a verdict of divine justice. It is important to note that the English authors were ready to see signs of divine support to their side in any conflict, and as a consequence came to form a conception of the English as a chosen people. Historical notions of English righteousness did not change even in periods of military failure. For example, narrating the defeats inflicted by the French at the end of the Hundred Years' War, the English chroniclers blamed all troubles on unfaithful allies and poor military leaders, but never questioned God's benevolence towards the English side.

The measures undertaken by the royal administration had quite an effective impact on popular awareness, forming a patriotic attitude to England's wars. While I do not attribute a conscious desire to inculcate beliefs of national superiority to medieval monarchs and their "ideologists", I would argue that such beliefs came about as an indirect consequence of propaganda which had in fact been aimed at the achievement of quite specific goals: gathering of surtaxes, organization of border defences, recruitment of mercenaries, etc. Some elements of that propaganda, in particular collective prayers for the success of royal armies, and the streamlined system of dissemination of information through newsletters and proclamations, promoted the perception of war as a matter of the sovereign's honour by all subjects of English crown. Being obliged to support him as true vassals and true Christians, they were thus led to develop feelings of personal participation and individual interest in the successful end of the conflict.

Official propaganda not only engendered pride in feats of one's countrymen in English society, but also inspired fear of the enemy threatening to invade England itself and plotting enslavement of its population. It is necessary to note that the patriotic rhetoric urging the people to join in the struggle with the enemy and even accept death for the defence of the motherland (*pro patria mori*), testifies not only to the durability of ancient *topoi*, but also to a well-developed national consciousness. Following the authors of royal proclamations and engaged by authorised preachers, English chroniclers too worked at the "proper" image of the enemy. Comparing fellow-countrymen and "others"

(who in times of war turned from strangers into enemies), historians inevitably placed the representatives of the conflicting sides at the opposite ends of the “scales” of mental and ethical and even physical parameters.

Naturally, the principal characters of medieval historical narration were sovereigns. Medieval authors were certainly quite far from creating “complex” depictions of historical heroes whose characteristic features, deeds and behaviours would all interconnect logically; nevertheless, it is still possible to mark out several key parameters distinguishing a good sovereign from a bad one. Perhaps the most important requirement for each monarch (who occupied the throne by the grace of God and for protection of the people from external danger and lawlessness) was the virtue of justice. In English medieval chroniclers’ view, hostile sovereigns lacking in this virtue not only usurped thrones, impiously ignoring the will of God, but also egoistically tyrannised their own subjects. The absence of justice and piety generated hypocrisy, insidiousness, cruelty and other vices. On the contrary, guided by the quest for supreme justice, the pious English kings showed truthfulness, mercy and other positive qualities.

If justice was the central trait in the descriptions of those in power, above all the monarchs, then the defining positive quality of the subjects was, beyond any doubt, fidelity. It is important to note that during the period under discussion, subjects’ fidelity was gradually depersonalised, emphasizing devotion less to the person of the king and more to the kingdom as a whole. All other evaluative parameters coincided with characteristic features of sovereigns and were assumed to be positive for one’s own countrymen and negative for the “others”. Thus, the typical representative of “our” community possessed a certain specific set of virtues, and the typical enemy a corresponding set of vices and weaknesses.

If official royal propaganda appealed first of all to vassal fidelity and patriotism, then “public opinion” was more guided by the private interests and individual expectations of the population. It is reasonable that, for each of participant of any war, there would be various individual motives causing them to take up arms. Representatives of all social strata without exception must have had a personal stake if they were to endure the hardships of war for years. The range of these private motives was wide enough: from aspirations to personal glory or fear of losing one’s knightly honour, to materialistic desires to build up wealth by plundering enemy territory. This last circumstance particularly concerned the conflict with France, for during the period of the Hundred Years’ War in English society the idea steadily developed that wars in France promised material welfare and prosperity to each Englishman individually and to the English kingdom as a whole. Already during the first stage of the war, the

myth of successful commoners who gained not only martial honour and glory, but also titles and wealth through fighting, had arisen in the English society and become rather popular. As chroniclers testified, in the 14th and 15th centuries many young people in England dreamed of imitating the careers of glorified mercenaries and famous brigands. Even noble knights seeking fame did not forget about the lucre they could acquire in a successful campaign. Statutes and historical writings demonstrate that all strata of society were interested in ransom for captives, from peasants to kings. According to French sources, soldiers of the English garrison regularly kidnapped men and women and held them captives for the purpose of obtaining ransom. Pillaging and murder tended to be considered as crimes only when towards one's own country and in peacetime. Beyond the borders of the kingdom these actions were interpreted differently, namely as harming the prosperity of the enemy and hence serving the noble mission of re-establishing justice. From time to time the English prepared special military operations for the purpose of pillaging. As a rule, English chroniclers tried to explain such actions as the natural desire of their countrymen to avenge their suffering and losses; even the vengefulness and obvious cruelty of the English troops were described as evidence of the English tirelessly striving for justice.

Meanwhile, despite the popularity of the idea of war as a guarantee of English prosperity, it could never be reflected in official documents proceeding from the royal court. At each stage of every conflict the English crown invariably emphasised that war was the only means of achieving an honourable peace. In the framework of medieval mentality, for which the analysis of war into religious categories was typical, violation of divine law and justice was treated as a sinful act to be punished, even through armed conflict if necessary. Peace, just like war, directly depended on justice: abuse of the law required retribution. War was a way of establishing law and order and restoring lost peace, the foundation of peace rather than the alternative to it. Without restoration of violated justice, peace lost its value and was condemned in the same way as an unjust mercenary war. The theme of condemnation of any truce with enemies without the absolute restoration of justice was a major motive in English political and historical literature. Thus, English adherents of the conception of the just war resolutely condemned not only "the shameful peace" with Scotland concluded in 1328, or the truce with France in 1347, but also the treaty of Brétigny signed in 1360, which is traditionally viewed by modern scholars as a great success of English diplomacy. The fact that this treaty was unpopular in France is beyond question. However the sources tell us that many English people were also dissatisfied with this venture, interpreting it as a shameful renunciation of the ultimate goal – the return of the crown to the rightful king.

From the point of view of the majority of English authors the only worthy peace with France was concluded at Troyes in 1420: by its terms Henry V was proclaimed the successor and the regent of the French crown. It is noteworthy that after the ratification of this treaty, the English parliament practically ceased to finance military campaigns in France, assuming that the English had already discharged their vassal duty to the sovereign, and leaving the costs of suppressing "rebellions" entirely to the French.

Against the background of a stable official ideology, which was reflected in the chroniclers' conceptions of history, one might do well to ask whether the wars of the 14th and the 15th centuries, especially the Hundred Years' War, introduced something exceptionally new to the English national consciousness, whether there is a reason to believe that they affected English national identity differently than, say, earlier wars with France or Scotland. In my opinion, the main difference between the wars of the Late Middle Ages and the previous epoch consists in the appearance of the notion of a certain state interest, to which all members of the society (including the sovereign) were subservient. Thus, the Hundred Years' war, which began and was represented as a typically feudal dynastic conflict and was evidently aimed to restore the legitimate authority of the Plantagenets and their descendants on the French throne, at some point became every Englishman's business. In this context the case of Richard II is revealing, since his attempts to make peace with France were treated as treason. His refusal to continue the struggle for the French crown resulted in his losing the English throne. Henry of Lancaster is portrayed in historical works as the Lord's instrument for punishment of the traitor king who cruelly and unjustly tyrannised his subjects and disdained the divine law which all kings of England must protect. The king's aspiration to follow his own desires or convictions (including Christian peace) in the determination of the foreign policy appeared to his subjects as the first step on the path from true sovereign to tyrant. The beginning of this metamorphosis lay not in Richard's innate disposition towards vice, but in fact in the attitude, traditional for a feudal epoch, to the war with France as his own affair. From the English authors' point of view, Richard II was not merely a sinner and a bad ruler but also the enemy of his own people. The history of Richard's dethronement perfectly testifies that already in the 14th century prolonged military conflicts, in particular the wars in France and Scotland, were starting to be interpreted as pertaining to the state and national interest. Not that every war was so interpreted: for example, John Gaunt's Castilian campaign was laid out as a war for the purpose of protecting the rights of the true claimant to the throne, whilst remaining his personal business. The Duke of Lancaster had not only the full authority to wage this war, but also was permitted to finish it on any terms acceptable

to him. On the whole the appearance of the notion of a certain state interest in foreign policy may be considered the main change introduced into English national identity by the wars of the 14th – 15th centuries.

At the same time, the English obviously experienced ambivalent feelings towards “their” France. On the one hand they aimed to conquer it, but on the other hand the ambitious aspirations of the crown to unite the insular and the continental possessions were resisted by English society due to the desire to cement their political isolation. English resistance to the threat of political unification with the other subjects of their monarchs extended primarily to the French, while the prospect of “merging” with the other peoples of the British Isles was less frightening. It is remarkable that even during the periods of greatest military success on the continent, English kings issued, under pressure from Parliament, protective statutes reinforcing the “national isolation” of the English Kingdom.

Returning to the problem of the formation of the idea of a collective state interest in English society during the 14th–15th century wars, it is significant that at the last stage of the Hundred Years’ War, a new purpose arose for English foreign policy. At that time, certain authors began to contend that the true prosperity of England consisted not in possession of the French crown, but was limited to the British Isles and control of the seaways. Gradually, it was the kingdom of England and its national interests that became the major object of foreign policy, instead of the personal aspirations of sovereigns or the protection of an abstract higher justice.

One more change in the perception of military conflicts, outlined during the Late Middle Ages and further developed in the Modern period, consists in the idea of war as a “normal” element of foreign policy. During the 14th and 15th centuries, the interpretation of any war was traditionally accompanied by reasoning on human sins, divine punishment and the struggle for justice, but meanwhile there was already a tendency to understand military actions as a lawful way of defending national interests, as well as a logical and even “natural” way to achieve a given objective; a form of foreign policy only slightly more radical than diplomatic negotiations.

During the periods of extended foreign conflict when a community requires “proofs” of its hereditary superiority over the enemy, the interest of historians and other members of society in a heroic past invariably becomes stronger. The collective memory of the glorious events of national history is one of the most important factors of national self-consciousness. In the period of the Hundred Years’ War, English collective ideas of the national past possessed a typical set of the characteristics inherent in ethno-political myths. Examples include identification of ancestors with a glorious ancient people; exaggeration of said

ancestors' various achievements, etc. From its overall memory of the past, society selected the most vital and topical episodes of history, which in the course of time could fade into oblivion or receive new meanings. However, the mere fact of manipulation of history for propagandistic purposes does not testify to the maturity of national consciousness. There is a more important issue: any attempt to correct important community legends was unequivocally recognized as a discrediting and dangerous act, even as an encroachment on the sanctum sanctorum of that society, and demanded immediate refutation.

Besides the increased interest in myths about the past, it is important to note the mythologization of the present or the recent past so typical of military history. Mythologization of the leader or the hero plays a major role in a life of any community, especially during periods of crisis, promoting its rallying and mobilisation. Thus, a mythologized image of a hero becomes not only the object of veneration, obtaining certain sacral functions, but also an example for imitation, displaying concentrated positive characteristics. Similar processes can be observed not only in heroes of the past (e.g. King Arthur), but also in contemporaries (Robert Knollys, Bertrand du Guesclin, Henry V, Joan of Arc), who gradually lost the features of real persons in common perception and grew to become symbols with specific qualities.

Finally I would like to emphasize that in English historiography of the Central and Late Middle Ages, a canon was forming for narration of the past, constantly repeated and transmitted from generation to generation. English chroniclers "appropriated" the past of both conquered peoples (the Britons), and conquerors (the Romans, the Danes, the Normans), including it in the history of their own people and building a unified narrative within which the main focus was not on the history of the people, but on the history of the land; this narrative nevertheless plays major part in national consciousness. The mutation of the stories about relations with France during the reign of Richard II is significant in the light of the formation of this continuous history. The original resolute condemnation of Richard's foreign policy by contemporaries, in particular by Lancastrian authors, disappeared by the second half of the 15th century. The historical works of this period describe the end of the 14th century as just another victorious stage of the war, characterised by large-scale campaigns organized by the king in directions wholly traditional for English foreign policy (in France, Scotland, the Pyrenees and Flanders). This testifies to a certain unification of ideas of the English sovereign and of idealised images of victorious patriots.

Among the international conflicts scrutinized in this book, only wars for sovereignty over Scotland in the Early Modern period were directly connected to medieval campaigns. The English kings' rights for the French crown

(declared until 1801) were already being perceived as no more than empty rhetoric during the reign of Henry VII. After 1453, English kings repeatedly began, and more often only threatened to begin, campaigns whose official purpose was to re-conquer the continental possessions of their ancestors. But in reality this was the least of the motives behind the wars waged by the Tudors and the Stuarts under the pretext of obtaining the French crown. That said, it is indicative that not only authorities but also common Englishmen constantly appealed to the renewal of the old war. In this case it is possible to see a traditional quest for *justus casus belli* alongside calls to repeat the achievements of one's ancestors and justify their sacrifices.

Whilst remaining in the distant past, the wars of the 14th and 15th centuries have received quite a different significance in English memory of the Modern and Contemporary periods than for their 15th-century ancestors. The ideas of restoration of infringed rights and supreme justice, as well as of tangible material awards received by subjects of the English crown, and of territorial acquisition by the state all ceased to be important. For historical memory, so important for national consciousness, only the victories gained at Sluice, Crécy, Neville's Crosse, Poitiers, Najera and Agincourt are still significant, testifying not so much to the God's benevolence as to the individual military valour of the Englishmen who had been able to crush any and all opposition. Furthermore, current appeals to these victories have not only ceased to be accompanied by discussion of the causes and results of the wars during which they occurred, but on the whole are rarely directed towards kindling of patriotic sentiments in society. The heroic episodes of the Hundred Years' War have acquired a symbolic meaning, the interpretation of which is based on cultural tradition.

Хронологическая таблица

1291–1292 гг. – Великая тяжба за престол Шотландии.

Июнь 1291 г. – «Норемский дар»: признание сюзеренитета Эдуарда I Плантагенета над претендентами на шотландскую корону.

17 ноября 1292 г. – избрание Джона Бэллиола королем Шотландии.

Декабрь 1292 г. – принесение Джоном Бэллиолом оммажа и клятвы верности Эдуарду I.

23 октября 1295 г. – подписание в Париже франко-шотландского договора о союзе.

27 апреля 1296 г. – битва при Данбаре. Победа англичан над шотландскими войсками. Начало шотландской Войны за независимость.

2 июля 1296 г. – пленение Джона Бэллиола и его отречение от престола. Вывоз в Англию Сконского камня и аннулирование парижского договора с Францией.

25 марта 1306 г. – коронация Роберта Брюса в Сконе.

20 апреля 1314 г. – смерть римского папы Климента V.

24 июня 1314 г. – битва при Бэннокберне. Победа Роберта Брюса над войсками Эдуарда II.

7 августа 1316 г. – избрание римским папой кардинала Жака д'Юэза, принявшего имя Иоанн XXII.

20 января 1327 г. – отречение Эдуарда II от престола в пользу сына, Эдуарда III.

1 февраля 1327 г. – коронация Эдуарда III.

31 марта 1327 г. – заключение «вечного мира» между Англией и Францией.

1 февраля 1328 г. – смерть Карла IV – последнего короля из династии Капетингов.

1 апреля 1328 г. – рождение дочери вдовствующей королевой Франции Жанной д'Эвре. Избрание Филиппа Валуа королем Франции.

4 мая 1328 г. – Единбургский мирный договор, ознаменовавший завершение шотландской Войны за независимость.

29 мая 1328 г. – коронация Филиппа VI Счастливого из династии Валуа.

6 июня 1329 г. – принесение Эдуардом III оммажа Филиппу Валуа за Аквитанию.

7 июня 1329 г. – смерть Роберта I Брюса, которому наследовал Дэвид II Брюс.

29 ноября 1330 г. – казнь обвиненного в государственной измене Роджера Мортимера, 1-го графа Марча.

Август 1332 г. – вторжение Эдуарда Бэллиола и «лишенных наследства» лордов в Шотландию.

24 сентября 1332 г. – коронация Эдуарда Бэллиола.

23 ноября 1332 г. – признание Эдуардом Бэллиолом Шотландии английским леном.

19 июля 1333 г. – битва при Хэлидон-Хилле. Победа Эдуарда III и Эдуарда Бэллиола над шотландцами.

Весна 1334 г. – прибытие графа Роберта III д'Артуа в Англию.

Май 1334 г. – бегство Дэвида II Брюса во Францию.

19 июня 1334 г. – принесение Эдуардом Бэллиолом оммажа за Шотландию и присяги на верность Эдуарду III.

24 августа 1334 г. – бегство Эдуарда Бэллиола в Англию.

Ноябрь 1334 г. – вторжение Эдуарда III в Шотландию.

4 декабря 1334 г. – смерть папы Иоанна XXII.

20 декабря 1334 г. – избрание папой кардинала Жака Фурье, принявшего имя Бенедикт XII.

Июль 1335 г. – военная помощь Филиппа VI Шотландии.

Июль 1335 г. – новое вторжение Эдуарда III и Эдуарда Бэллиола в Шотландию.

Зима 1336 г. – запрет экспорта английской шерсти во Фландрию.

Лето 1336 г. – поход Эдуарда III в Шотландию.

Август–сентябрь 1336 г. – нападение французских моряков на английские торговые корабли. Арест английских купцов во Франции.

6 сентября 1336 г. – приказ английским морякам атаковать французские суда. Арест французских купцов и их товаров в Англии.

Зима 1337 г. – пограничные англо-французские столкновения в Гаскони.

Май 1337 г. – объявление Филиппа VI о конфискации Гаскони.

Октябрь 1337 г. – отречение Эдуарда III от вассальной присяги Филиппу Валуа. Начало Столетней войны.

Весна–осень 1338 г. – заключение Эдуардом III союзов с Рейнардом III, графом Гельдерна, Вильгельмом I, графом Юлиха, и Яном III, герцогом Брабанта.

16 июня 1338 г. – прибытие Эдуарда III в Антверпен.

Август 1338 г. – заключение Эдуардом III союза с императором Людовиком Баварским.

15 сентября 1338 г. – Людовик Баварский провозгласил Эдуарда III викарием империи.

Октябрь 1338 г. – нападения французских пиратов на Саутгемптон и другие прибрежные города Англии.

Февраль 1339 г. – заключение союза между восставшими против графа Фландрского городами и Эдуардом III.

Февраль 1339 г. – выдвижение Эдуардом III претензий на французскую корону.

Осень 1339 г. – первая французская кампания Эдуарда III. Захват Камбре.

26 января 1340 г. – принятие Эдуардом III титула короля Франции.

24 июня 1340 г. – морская победа англичан над французами в битве при Слейсе.

26 июня 1340 г. – битва при Сент-Омере, неудача англо-фламандской армии под командованием Роберта Артуа.

Август 1340 г. – осада англичанами Турне.

Сентябрь 1340 г. – англо-французское перемирие до июня 1341 г.

Январь 1341 г. – союз Людовика Баварского с Филиппом IV Валуа.

30 апреля 1341 г. – смерть Жана III, герцога Бретонского. Начало войны за бретонское наследство между Жаном де Монфором и Карлом Блуаским.

Июль 1341 г. – принесение Жаном де Монфором вассальной присяги Эдуарду III за графство Ричмонд.

7 сентября 1341 г. – объявление Филиппом VI Карла Блуаского и его жены Жанны де Пантьевр законными наследниками герцогства Бретонского.

18 ноября 1341 г. – выдача горожанами Нанта Жана де Монфора Карлу Блуаскому.

25 апреля 1342 г. – смерть папы Бенедикта XII.

7 мая 1342 г. – избрание папой архиепископа Руанского Пьера Роже де Бофор-Тюренна, принявшего имя Климент VI.

Январь 1343 г. – англо-французское перемирие в Малеструа до сентября 1346 г.

27 марта 1345 г. – бегство Жана де Монфора из плена.

26 сентября 1345 г. – смерть Жана де Монфора, переход прав на герцогство к его старшему сыну Жану IV де Монфору.

20 июля 1346 г. – взятие Эдуардом III Карентана.

22 июля 1346 г. – взятие Эдуардом III Сен-Ло.

26 июля 1346 г. – взятие Эдуардом III Кана.

26–27 августа 1346 г. – победа Эдуарда III над Филиппом VI в битве при Креси. Гибель короля Богемии Иоанна II Слепого.

4 сентября 1346 г. – начало осады Кале.

17 октября 1346 г. – победа англичан над шотландцами в битве при Невиллс-Кроссе. Пленение Дэвида II Брюса.

4 августа 1347 г. – сдача Кале. Англо-французское перемирие до апреля 1351 г.

Зима 1337–1348 гг. – переговоры с курфюрстами об избрании Эдуарда III императором.

1348 г. – основание ордена Подвязки.

22 августа 1350 г. – смерть Филиппа VI, наследование французской короны его сыном Иоанном II Добрым.

29 августа 1350 г. – победа англичан над кастильцами в морском сражении у Винчелси.

Ноябрь 1350 г. – обвинение в измене и казнь коннетабля Франции Рауля де Бриенна, графа д'Э.

26 марта 1351 г. – Битва тридцати. Пеший поединок между тридцатью сторонниками Жана де Монфора, сразившимися с таким же числом приверженцев Карла Блуаского. Победа последних. В числе пленных оказались Роберт Ноллис и Хью Кавли.

6 января 1352 г. – основание ордена Звезды (ордена рыцарей Богородицы из Благородного дома).

14 августа 1352 г. – битва при Мороне. Сражение в рамках войны за бретонское наследство. Победа сторонников Жана де Монфора под командованием Уолтера Бентли и Роберта Ноллиса.

6 декабря 1352 г. – смерть папы Климента VI.

18 декабря 1352 г. – избрание папой кардинала Этьена Обера, принявшего имя Иннокентий VI.

Октябрь 1355 г. – начало опустошительной кампании Черного принца по землям Лангедока.

Ноябрь 1355 г. – высадка Эдуарда III и Генриха Гросмонта, герцога Ланкастерского, в Кале, разорение Нормандии, Артуа и Пикардии.

19 сентября 1356 г. – победа англичан под командованием Черного принца в битве при Пуатье. Пленение Иоанна II Валуа, принца Филиппа Храброго, графа де Ла Марша, Жака де Бурбона, Людовика д'Эвре и других знатных французов.

3 октября 1357 г. – Берикский договор о выкупе Дэвида II Брюса.

13 декабря 1357 г. – 2 августа 1358 г. – восстание в Париже под руководством Этьена Марселя.

Март 1359 г. – Лондонский договор между Эдуардом III и Иоанном II.

19 мая 1359 г. – отказ Генеральных штатов ратифицировать Лондонский договор.

Октябрь 1359 г. – высадка Эдуарда III в Кале.

Декабрь 1359 г. – январь 1360 г. – осада Эдуардом III Реймса.

Март 1360 г. – нападение французов на побережье Англии. Разграбление Винчелси, Рая и других городов.

Апрель 1360 г. – осада английской армией Парижа.

8 мая 1360 г. – мир в Бретиньи. Английский король получил суверенитет над Аквитанией, Понтье, Кале и графством Гин. Выкуп за Иоанна II определен в размере 3 миллионов золотых экю.

Октябрь 1360 г. – Иоанн II отпущен из плена для сбора выкупа.

Июль 1362 г. – принесение Черным принцем оммажа Эдуарду III за герцогство Аквитанию.

12 сентября 1362 г. – смерть папы Иннокентия VI.

28 сентября 1362 г. – избрание папой аббата монастыря Сен-Виктор в Марселе Гийома де Гримара, принявшего имя Урбан V.

1363 г. – пожалование титула герцога Бургундии Иоанном II его сыну Филиппу Храброму.

Январь 1364 г. – возвращение Иоанна II в Лондон после бегства его сына Людовика из английского плена.

4 марта 1364 г. – отказ шотландского парламента признать Эдуарда III сюзереном Шотландии.

8 апреля 1364 г. – смерть Иоанна II в Лондоне.

16 мая 1364 г. – победа Бертрана Дюгеклена над войсками Карла II Злого короля Наварры в битве при Кошереле.

20 мая 1364 г. – коронация Карла V.

29 сентября 1364 г. – сражение при Оре в рамках войны за бретонское наследство. Англо-бретонские войска под командованием Джона Чандоса одержали победу над приверженцами Карла Блуаского. Гибель Карла Блуаского и пленение Бертрана Дюгеклена.

12 апреля 1365 г. – Жан де Монфор признан герцогом Бретонским.

Май 1365 г. – выкуп Бертрана Дюгеклена.

Сентябрь 1365 г. – поход бригаднов под командованием Бертрана Дюгеклена для оказания помощи Энрике Трастамарскому.

5 мая 1366 г. – коронация Энрике Трастамарского в Бургосе короной Леона и Кастилии.

Сентябрь 1366 г. – союз Педро I Жестокого и Черного принца.

Декабрь 1366 г. – принесение Жаном де Монфором герцогом Бретонским оммажа и клятвы верности Карлу V Валуа.

3 апреля 1367 г. – битва при Нахере. Победа англо-гасконских войск под командованием Черного принца над франко-кастильской армией Энрике Трастамарского. Пленение Бертрана Дюгеклена.

5 апреля 1367 г. – сдача Бургоса войскам Педро I.

Май 1367 г. – возвращение Черного принца в Гасконь.

Ноябрь 1368 г. – вызов Карлом V Черного принца в суд своей курии для дачи показаний по жалобе гасконских феодалов. Отказ герцога Аквитанского.

14 мая 1369 г. – убийство Педро I.

Май 1369 г. – объявление Карла V о конфискации Аквитании. Провозглашение мира в Бретиньи недействительным. Возобновление войны с Англией.

Июнь–сентябрь 1369 г. – нормандская кампания Джона Гонта.

2 октября 1370 г. – назначение Бертрана Дюгеклена коннетаблем Франции.

19 декабря 1370 г. – смерть папы Урбана V.

30 декабря 1370 г. – избрание папой кардинала Пьера де Роже де Бофора, принявшего имя Григорий XI.

20 февраля 1371 г. – смерть Дэвида II Брюса. Его племянник Роберт II Стюарт становится королем Шотландии.

22–23 июня 1372 г. – морское сражение у Ла-Рошели. Победа кастильского флота над английским.

Октябрь 1372 г. – отречение Жана де Монфора от присяги Карлу V Валуа.

Лето 1373 г. – разграбление Джоном Гонтом Иль-де-Франса, Шампани, Бургундии и Оверни.

Июнь 1374 г. – англо-французское перемирие на два года.

8 июня 1376 г. – смерть Эдуарда Черного принца.

Лето 1377 г. – нападение французских кораблей под командованием адмирала Жана де Вьенна на английское побережье (пострадали Рай, Льюис, Плимут, Гастингс, Саутгемптон и Пул).

21 июня 1377 г. – смерть Эдуарда III. Его внук Ричард II становится королем Англии.

Декабрь 1377 г. – осуждение Карлом V Жана де Монфора за измену, объявление о конфискации герцогства.

26/27 марта 1378 г. – смерть папы Григория XI.

8 апреля 1378 г. – избрание папой в Риме архиепископа Бари Бартоломео Приньяно, принявшего имя Урбан VI.

20 августа 1378 г. – избрание папой в Авиньоне кардинала Робера Женевского, принявшего имя Климента VII. Начало Великой схизмы.

14 июля 1380 г. – смерть Бертрана Дюгеклена.

16 сентября 1380 г. – смерть Карла V Валуа. Трон наследовал Карл VI Безумный.

Май–июнь 1381 г. – восстание Уота Тайлера.

1383 г. – крестовый поход епископа Нориджского против схизматиков Фландрии.

14 августа 1385 г. – битва при Альжубарроте. Победа португальцев и англичан над кастильскими войсками.

1386 г. – испанская кампания Джона Гонты с целью обретения короны Леона и Кастилии.

15 октября 1389 г. – смерть папы Урбана VI.

2 ноября 1389 г. – избрание папой в Риме кардинала Пьетро Томачелли, принявшего имя Бонифаций IX.

19 апреля 1390 г. – смерть Роберта II Стюарта. Трон наследовал Роберт III Стюарт.

Июнь 1394 г. – смерть королевы Анны Богемской.

16 сентября 1394 г. – смерть антипапы Климента VII. В Авиньоне папой избран кардинал Педро де Луна, принявший имя Бенедикт XIII.

4 ноября 1396 г. – брак Ричарда II с принцессой Изабеллой, дочерью Карла VI.

21 сентября 1397 г. – казнь Ричарда Фицалана, графа Эрандела, по приказу Ричарда II.

19 августа 1399 г. – арест Ричарда II Генрихом Болингброком.

29–30 августа 1399 г. – отречение Ричарда II от престола в пользу его кузена Генриха IV Болингброка.

13 октября 1399 г. – коронация Генриха IV Ланкастера.

1 ноября 1399 г. – смерть Жана IV, герцога Бретонского.

1400 г. – восстание Оуэна Глендауэра.

14 февраля 1400 г. – убийство Ричарда II в замке Понтефракт.

14 сентября 1402 г. – битва при Хомилдон-Хилле. Победа английских войск под командованием Генри Перси над шотландцами.

Июль 1403 г. – восстание Генри Перси против Генриха IV.

21 июля 1403 г. – битва при Шрусбери. Победа войск Генриха IV под командованием наследника престола принца Уэльского над Генри Перси и его союзниками.

27 апреля 1404 г. – смерть Филиппа II Храброго, герцога Бургундского. Ему наследовал Жан Бесстрашный.

Июль 1404 г. – признание Карлом VI Валуа Оуэна Глендауэра правителем Уэльса.

1 октября 1404 г. – смерть римского папы Бонифация IX.

17 октября 1404 г. – избрание папой в Риме кардинала Козимо Джентиле Мильорати, принявшего имя Иннокентий VII.

4 апреля 1406 г. – смерть Роберта III Стюарта. Ему наследовал Яков I Стюарт.

6 ноября 1406 г. – смерть римского папы Иннокентия VII.

30 ноября 1406 г. – избрание папой в Риме кардинала Анджело Корер, принявшего имя Григорий XII.

23 ноября 1407 г. – убийство Людовика Орлеанского.

25 ноября 1407 г. – бегство герцога Бургундского из Парижа во Фландрию.

1408 г. – возвращение Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, в Париж, получение им королевского прощения за убийство Людовика Орлеанского.

26 июня 1409 г. – избрание папой на соборе в Пизе кардинала Петра Филарго, принявшего имя Александр V.

4 мая 1410 г. – смерть пизанского антипапы Александра V.

25 мая 1410 г. – избрание папой на Пизанском соборе кардинала Бальдазара Косси, принявшего имя Иоанн XXIII.

1411 г. – установление Жаном Бесстрашным контроля над Парижем. Снятие англо-бургундскими войсками осады арманьяков.

20 марта 1413 г. – смерть Генриха IV Ланкастера. Генрих V – король Англии.

Август 1413 г. – сдача Жаном Бесстрашным Парижа арманьякам, бегство герцога в Бургундию.

Ноябрь 1414 г. – голосование английского парламента за субсидию на войну во Франции.

Март–июль 1415 г. – согласие Иоанна XXIII и Григория XII сложить полномочия в соответствии с решениями Констанцкого собора.

16 августа – 22 сентября 1415 г. – осада Арфлера.

25 октября 1415 г. – победа Генриха V над французскими войсками при Азенкуре.

23 ноября 1415 г. – триумф Генриха V в Лондоне.

26 июля 1417 г. – низложение антипапы Бенедикта XIII Констанцким собором. Конец Великой схизмы.

18 августа – 19 сентября 1417 г. – осада англичанами Кана.

Октябрь 1417 г. – захват Аржентана и Алансона.

11 ноября 1417 г. – избрание папой кардинала Оддоне ди Колонна, принявшего имя Мартин V.

1418 г. – возвращение герцогом Бургундским контроля над Парижем. Захват английскими войсками всей Нормандии.

29 июля 1418 г. – 13 января 1419 г. – осада Руана.

10 сентября 1419 г. – убийство Жана Бесстрашного на мосту в Монтеро во время встречи с дофином Карлом. Герцогство наследовал Филипп III Добрый.

19 декабря 1419 г. – официальное оформление англо-бургундского союза.

21 мая 1420 г. – договор в Труа. Генрих V провозглашен регентом и наследником Франции. Дофин Карл объявлен бастардом и лишен наследства. Генрих получил Нормандию в качестве апанажа, герцог Бретани принес ему оммаж и клятву вассальной верности.

2 июня 1420 г. – свадьба Генриха V и Екатерины Валуа.

Июнь–июль 1420 г. – взятие англо-бургундскими войсками Санса, Венсенна, Монтеро и Мелюна.

1 декабря 1420 г. – въезд Генриха V, Карла VI и Филиппа Доброго в Париж.

6 октября 1421 г. – 10 мая 1422 г. – осада Мо.

31 августа 1422 г. – смерть Генриха V. Генрих VI – король Англии.

21 октября 1422 г. – смерть Карла VI. Притязания дофина Карла, принявшего имя Карла VII, на французский трон.

Апрель 1423 г. – договор в Амьене. Герцог Бедфорд подписал с герцогом Бургундским и герцогом Бретонским соглашение о «братстве и союзе на всю жизнь».

17 августа 1424 г. – битва при Вернейле. Победа англичан под командованием герцога Бедфорда над франко-шотландским войском под предводительством графа Дугласа.

12 октября 1428 г. – начало осады Орлеана.

18 апреля 1429 г. – снятие французами под предводительством Жанны д'Арк осады Орлеана.

18 июня 1429 г. – битва при Пате. Победа войск дофина над англичанами под командованием Джона Тальбота и Джона Фастольфа. Пленение Тальбота. Лишение не вступившего в бой Фастольфа ордена Подвязки.

17 июля 1429 г. – коронация дофина Карла в Реймсе.

8 сентября 1429 г. – неудачный штурм Парижа войсками дофина под командованием Жанны д'Арк.

6 ноября 1429 г. – коронация Генриха VI в Лондоне.

23 мая 1430 г. – пленение Жанны д'Арк бургундскими войсками под Компьеном.

16 декабря 1430 г. – коронация Генриха VI в Париже.

20 февраля 1431 г. – смерть римского папы Мартина V.

3 марта 1431 г. – избрание римским папой кардинала Габриэля Кондольмера, принявшего имя Евгений IV.

30 мая 1431 г. – казнь Жанны д'Арк в Руане.

14 сентября 1435 г. – смерть регента Франции Джона Бедфорда.

20 сентября 1435 г. – заключение франко-бургундского союза.

10 октября 1435 г. – конгресс в Аррасе.

13 апреля 1436 г. – уход английского войска из Парижа.

Июль 1436 г. – осада бургундскими войсками Кале. Снятие осады Хэмфри Глостером.

21 февраля 1437 г. – смерть Якова I Стюарта. Ему наследовал Яков II Стюарт.

1441 г. – освобождение французскими войсками Иль-де-Франса.

1442 г. – наступление Карла VII на Гиень. Захват Тарта, Сен-Севера и Дакса.

28 августа 1442 г. – смерть Жана V герцога Бретонского. Ему наследовал Франсуа I.

22 мая 1444 г. – договор в Туре. Англо-французское перемирие до 1450 г., скрепленное браком Генриха VI и Маргариты Анжуйской.

Июль 1445 г. – договор о передаче Рене Анжуйскому графства Мен.

23 февраля 1447 г. – смерть римского папы Евгения IV.

6 марта 1447 г. – избрание римским папой кардинала Томмазо Парентучелли, принявшего имя Николай V.

Лето 1449 г. – лето 1450 г. – отвоевание Нормандии войсками Карла VII.

15 апреля 1450 г. – поражение герцога Сомерсета от французов под командованием Жана II де Бурбона при Форминьи.

2 мая 1450 г. – убийство графа Суффолка.

31 мая – 5 июля 1450 г. – восстание Джека Кэда в Англии.

18 июня 1450 г. – смерть Франсуа I герцога Бретонского. Ему наследовал Пьер II.

1 июля 1450 г. – бегство герцога Сомерсета в Англию.

20 ноября 1450 г. – вступление Карла VII в Руан.

Май–август 1451 г. – потеря англичанами Гиени.

30 июня 1451 г. – захват Бордо французами.

Осень 1452 г. – контрнаступление Джона Тальбота в Гиени, отвоевание Бордо.

19 октября 1453 г. – окончательная потеря Бордо англичанами.

Декабрь 1453 г. – первый приступ безумия у Генриха VI.

24 марта 1455 г. – смерть папы Николая V.

8 апреля 1455 г. – римским папой избран кардинал Альфонсо ди Борджиа, принявший имя Каликста III.

7 июля 1456 г. – окончание реабилитационного процесса по делу Жанны д'Арк.

4 марта 1461 г. – низложение Генриха VI Ланкастера. Провозглашение королем Эдуарда IV Йорка.

22 июля 1461 г. – смерть Карла VII Валуа. Корону Франции унаследовал Людовик XI.

Осень 1470 г. – мятеж графа Уорика и герцога Кларенса. Бегство Эдуарда IV в Бургундию. Восстановление на престоле Генриха VI Ланкастера.

Апрель 1471 г. – возвращение Эдуарда IV в Англию.

21 мая 1471 г. – убийство Генриха VI Ланкастера.

1558 г. – потеря англичанами Кале.

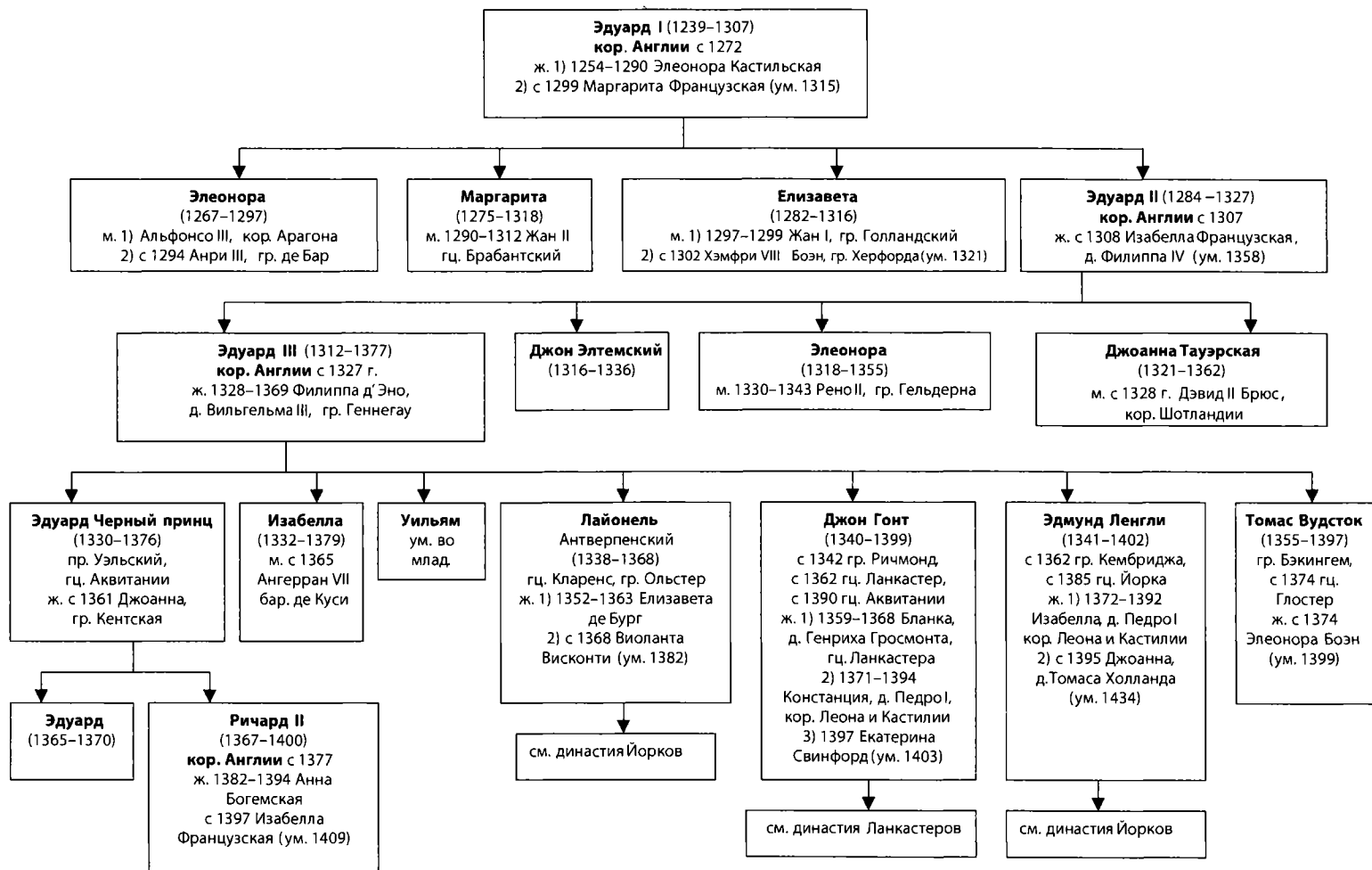
24 марта 1603 г. – смерть Елизаветы I Тюдор. Яков I Стюарт (король Шотландии Яков VI) – король Англии. Личная уния Англии и Шотландии.

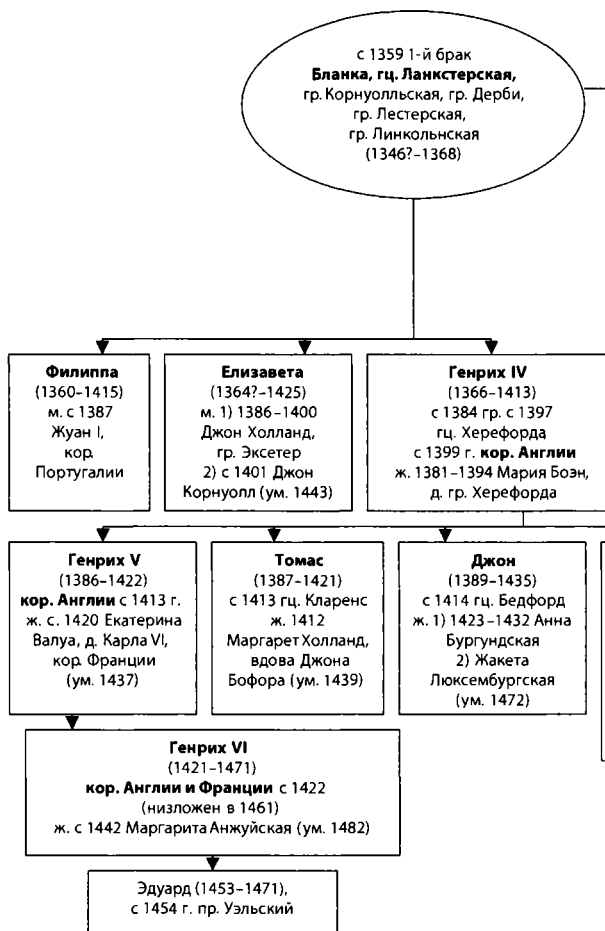
1707 г. – государственное объединение Англии и Шотландии. Образование Великобритании.

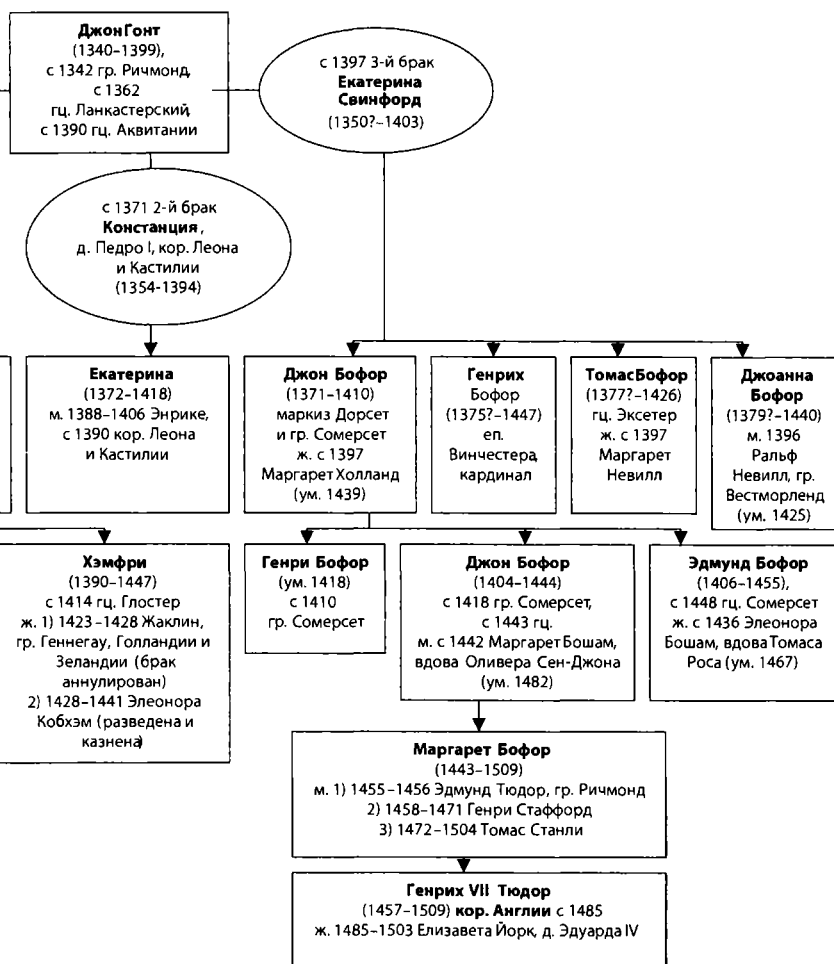
1801 г. – отказ Георга III от титула короля Франции.

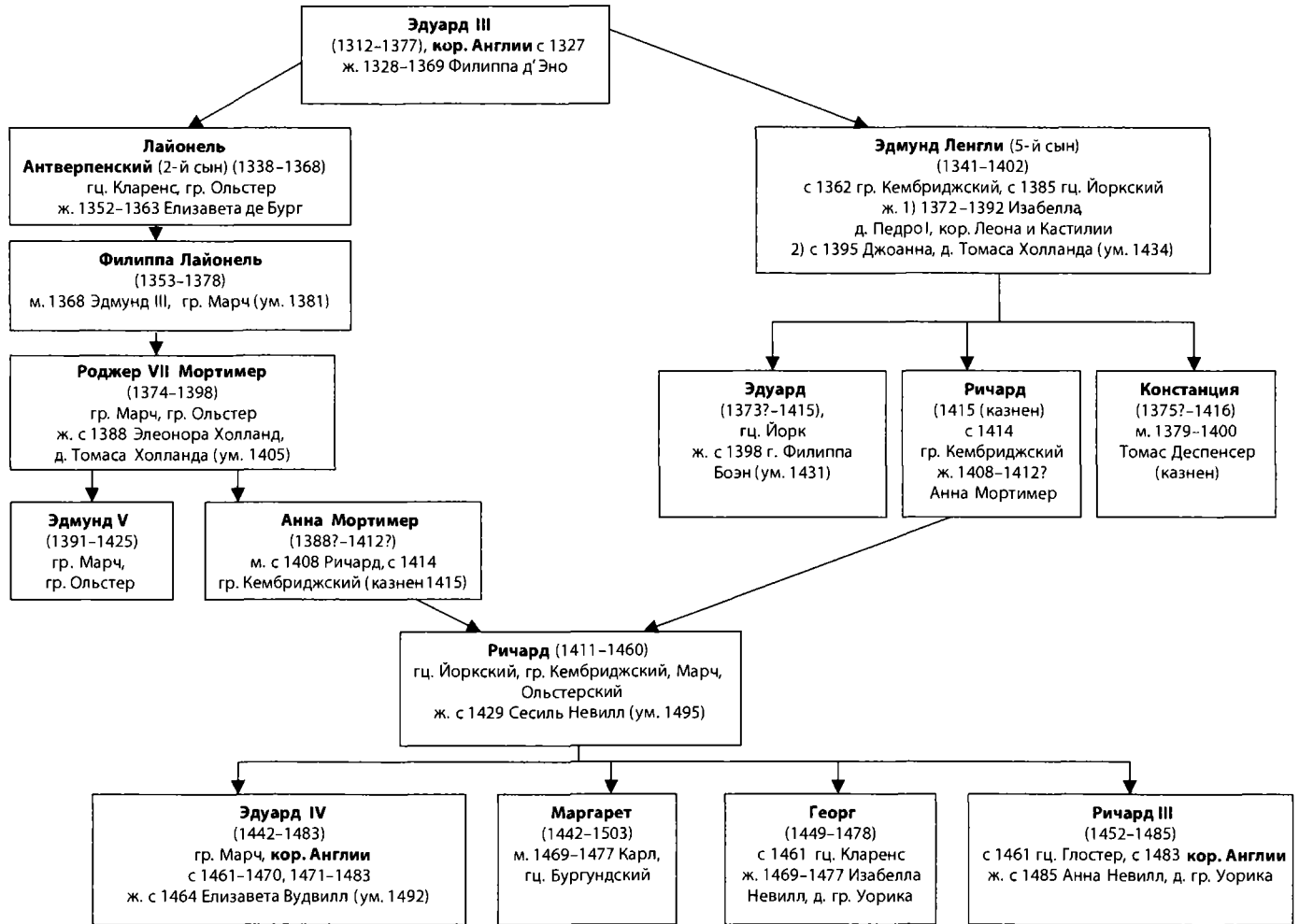
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ¹

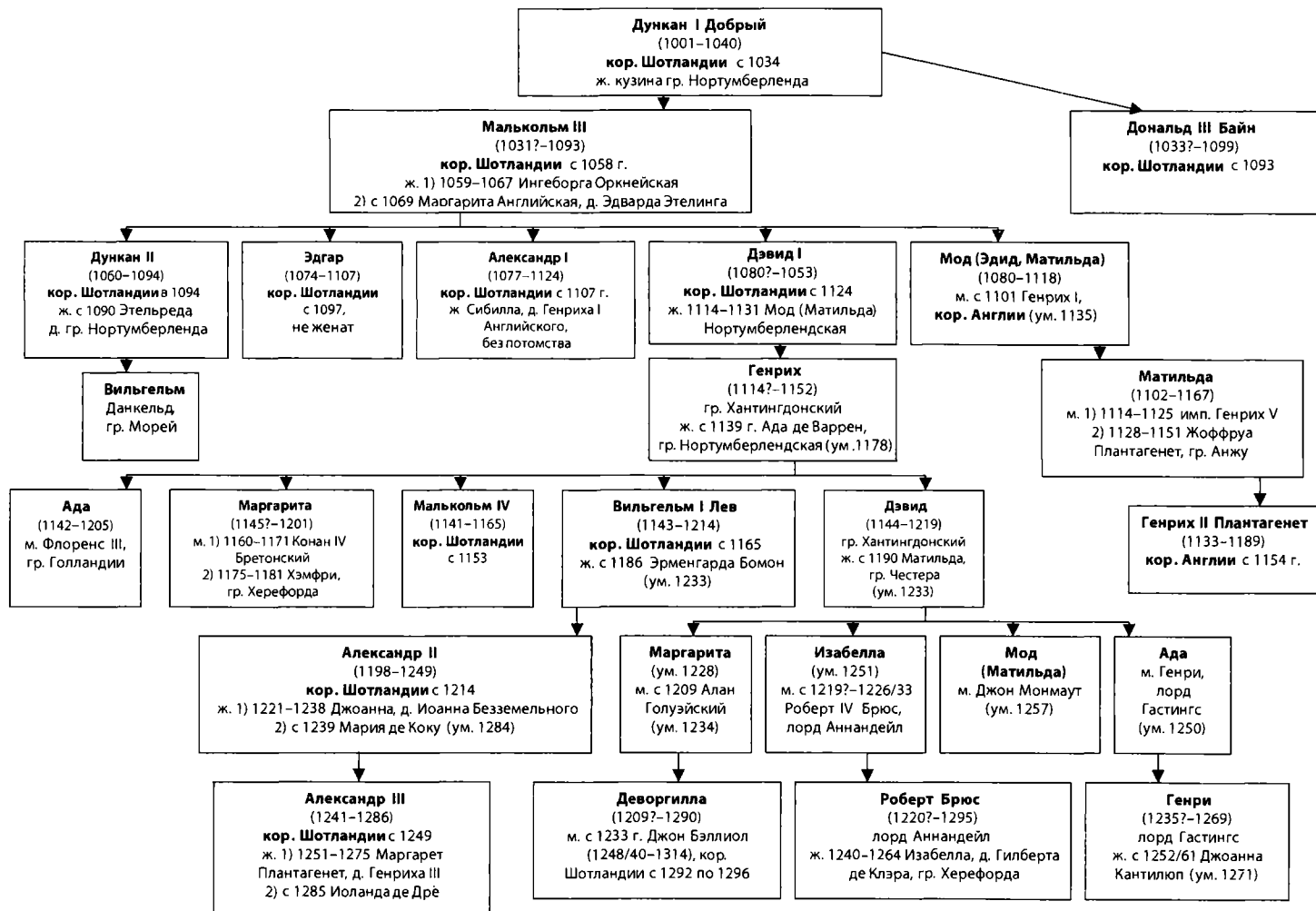
¹ В генеалогических таблицах и указателе используются следующие сокращения: бар. – барон, вик. – виконт, гр. – граф, гц. – герцог, д. – дочь, дин. – династия, ж. – жена, имп. – император, кор. – король, м. – муж, пр. – принц, пфальцгр. – пфальцграф, с. – сын, сен. – сеньор, тит. кор. – «титularный король» (то есть король, обладающий только титулом без «реальных» территориальных владений), эрцгц. – эрцгерцог.

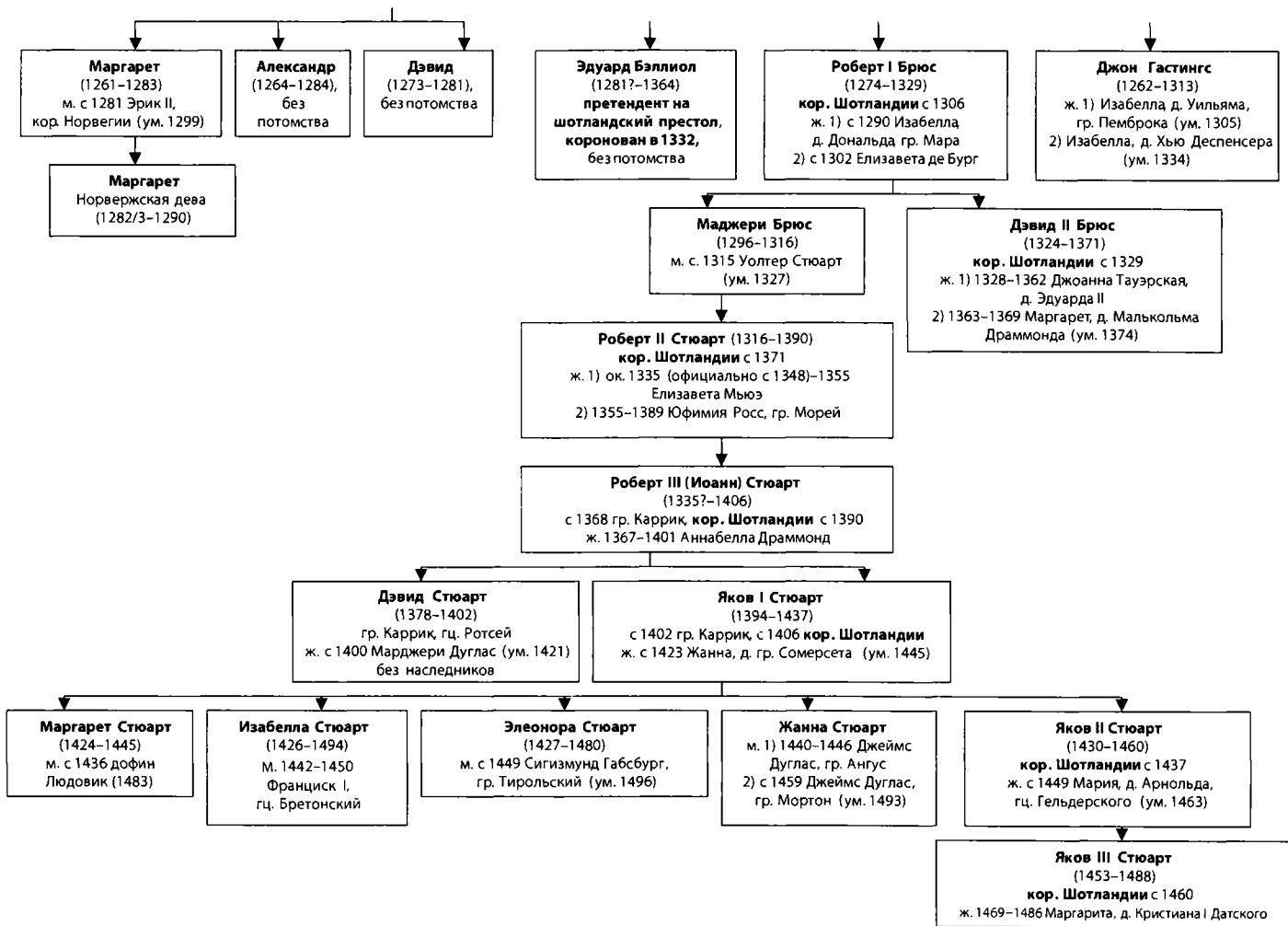

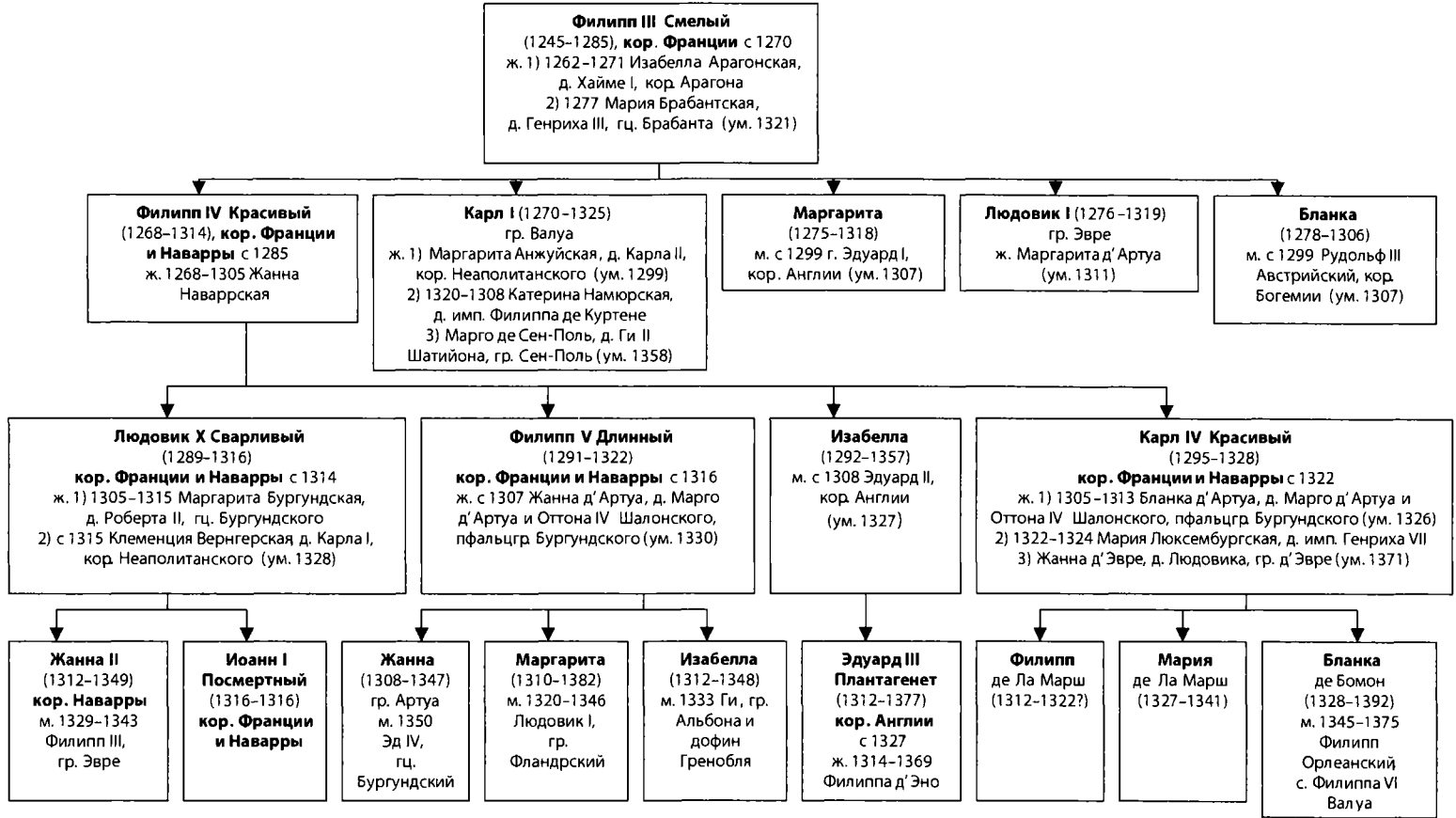

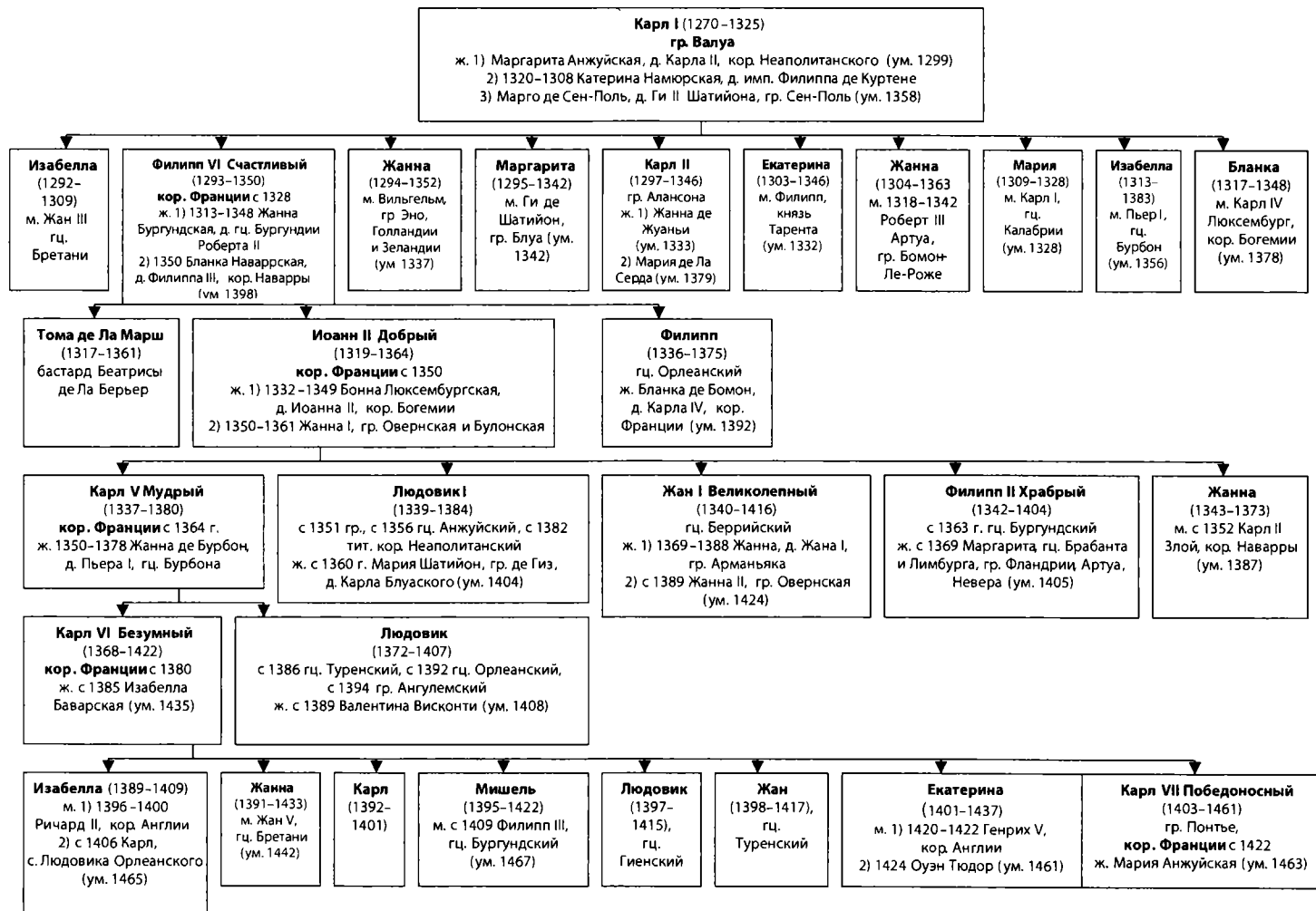

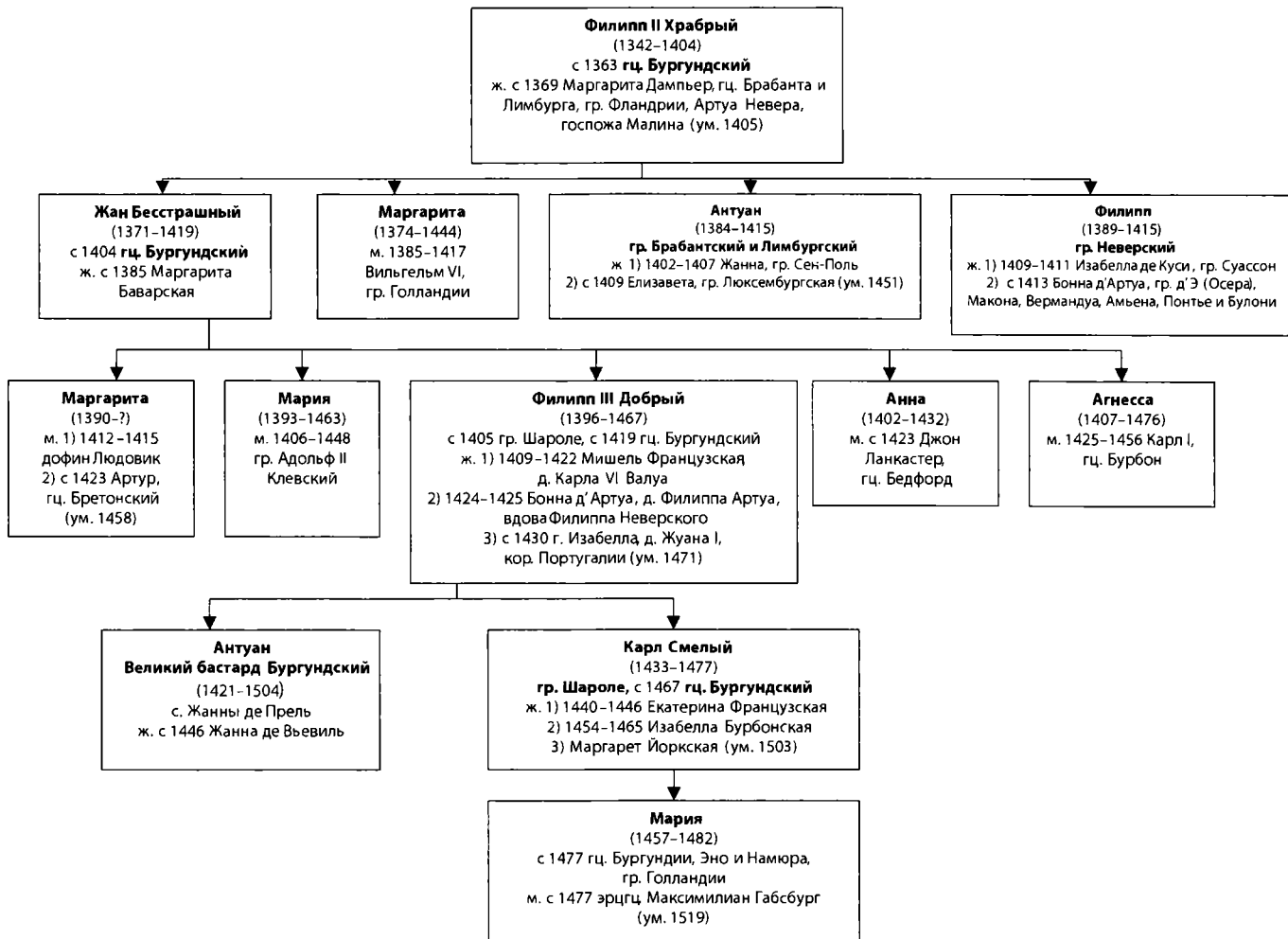

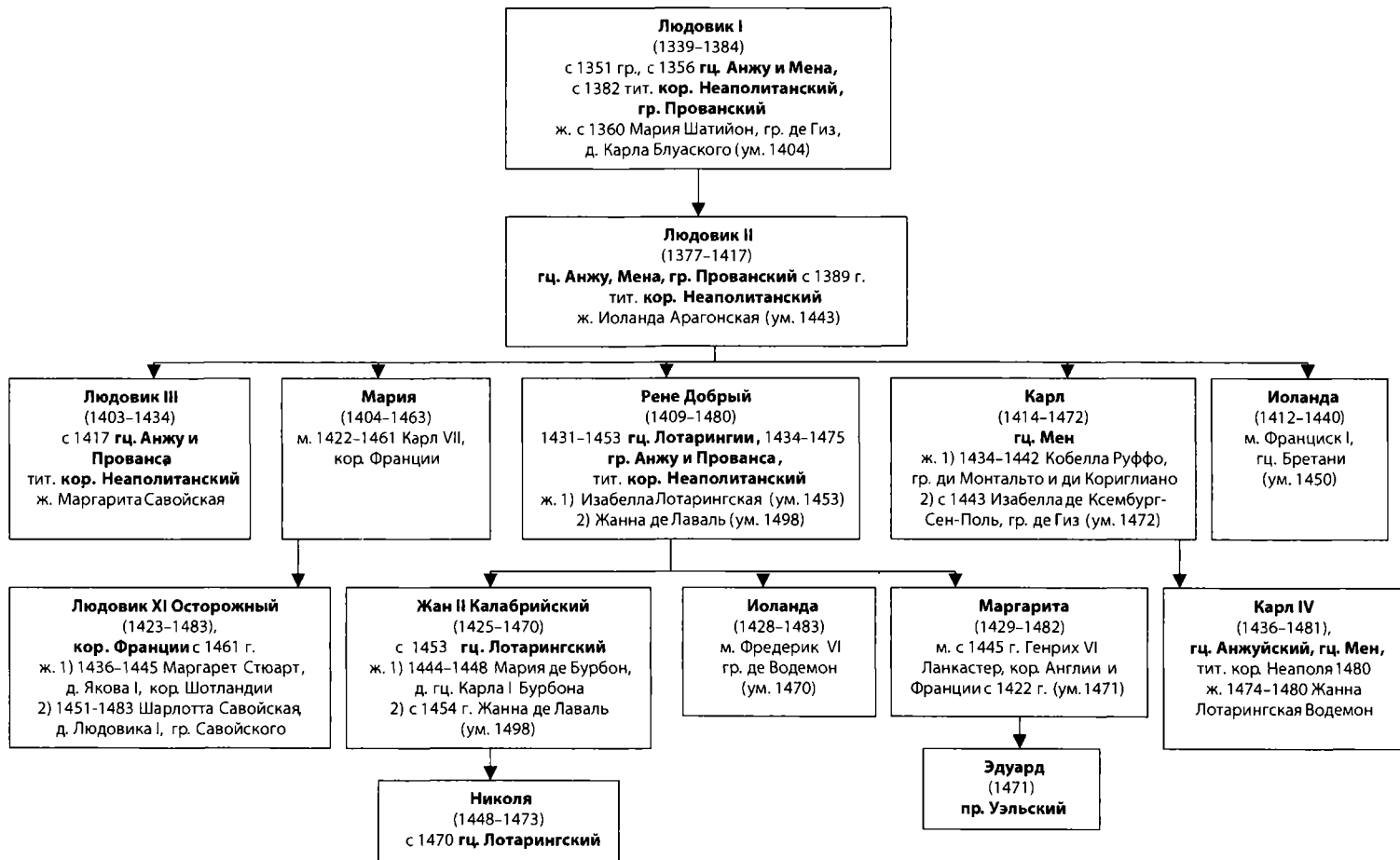

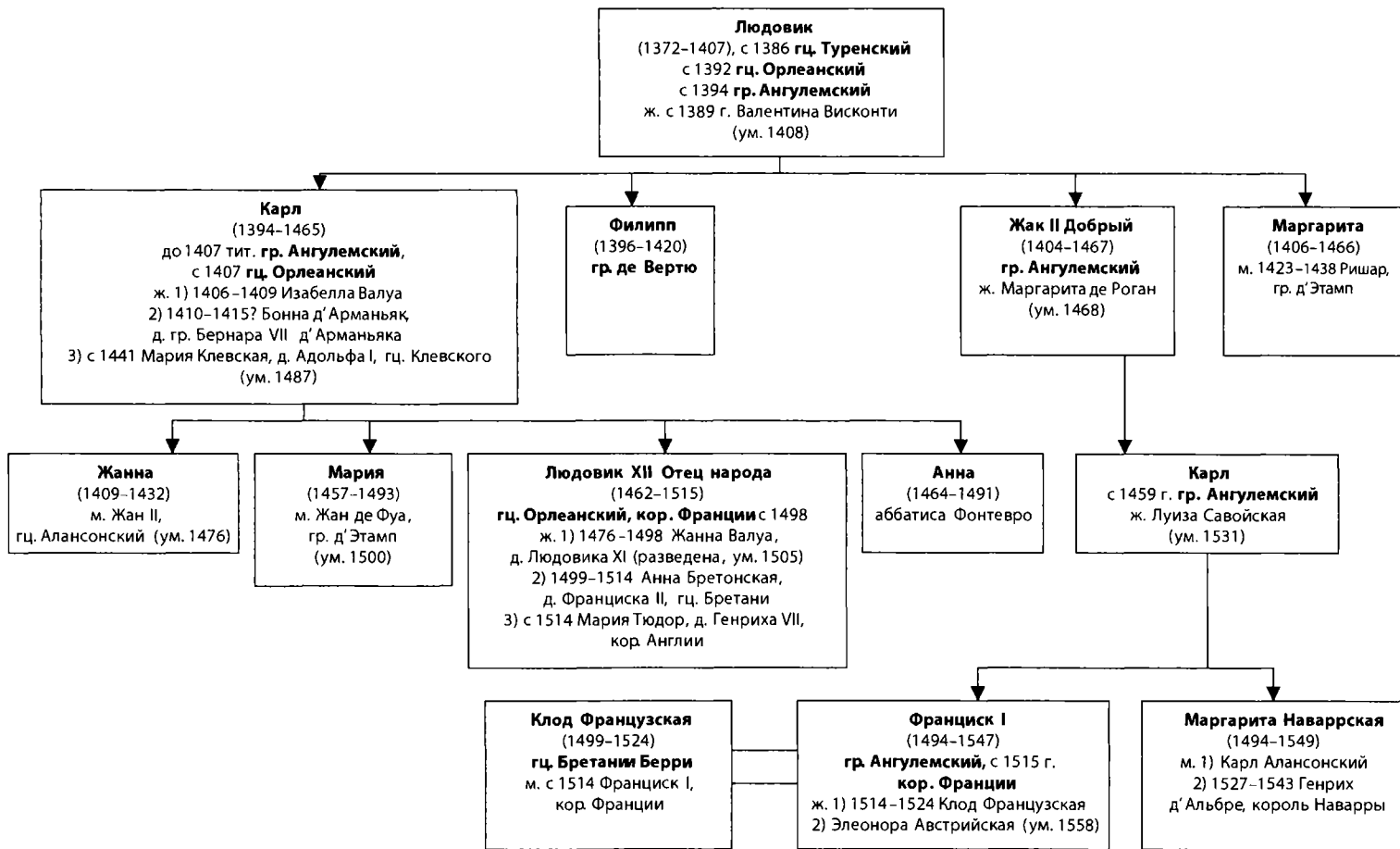

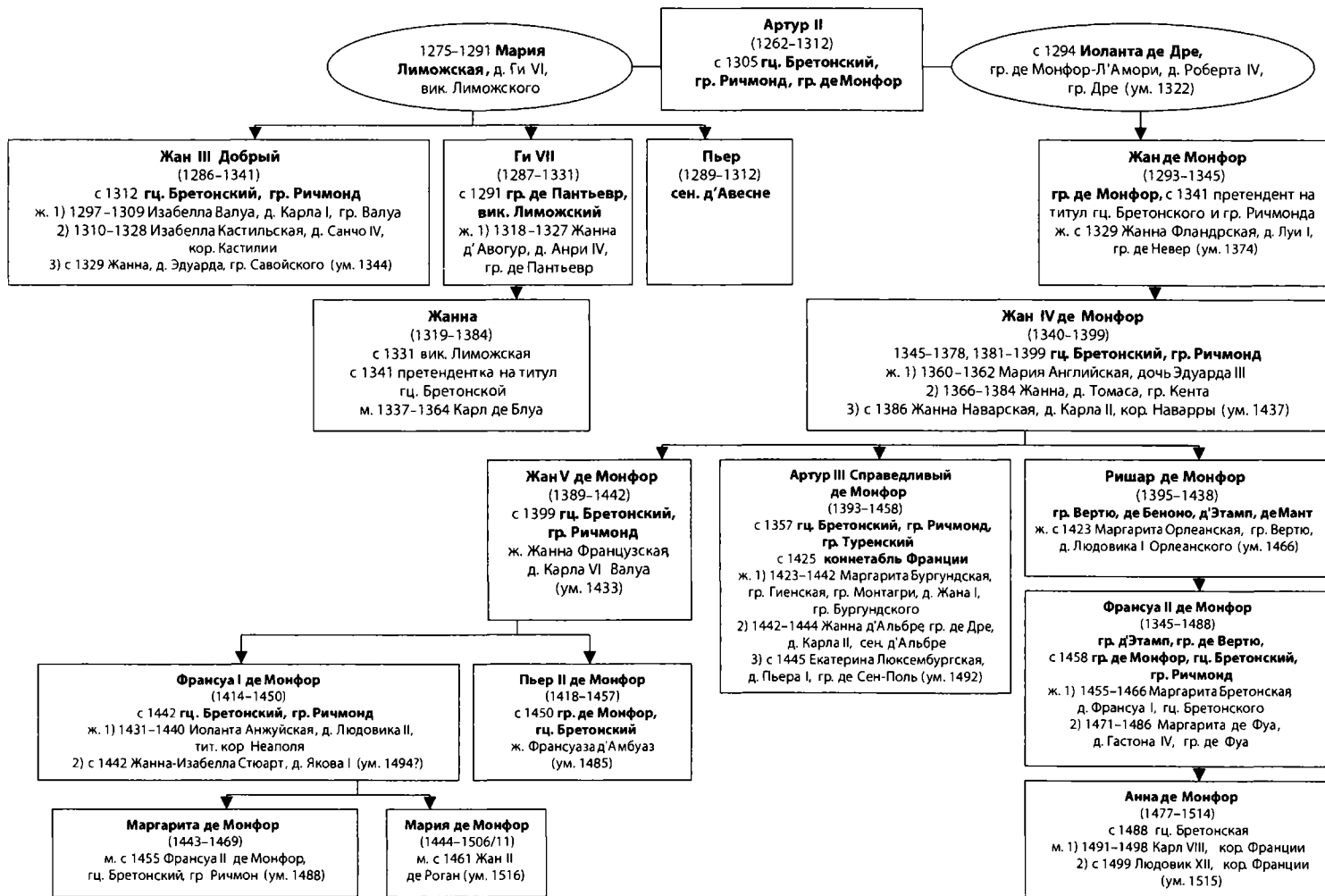

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Исторические труды и трактаты

Adami de Domerham *Historia de Rebus Gestis Glastoniensibus*: 2 vols. / Ed. Th. Hearne. Oxford, 1727.

Alfred of Beverley. Annales / Ed. T. Hearne. Oxford, 1716.

Alliterative Poem on the Deposition of King Richard II. Ricardi Maydiston de Concordia inter Ricardi II et Civitatem London / Ed. Th. Wright. (Camden Society. Old ser. III). L., 1838.

Annales Londonienses, 1194–1330 // *Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II*: 2 vols. / Ed. W. Stubbs. (RS). L., 1882–1883. Vol. II. P. 3–251.

Annales Monasterii de Bermundeseia, 1042–1432 // *Annales Monastici*: 5 vols. / Ed. H. R. Luard. (RS). L., 1864–1869. Vol. III. P. 423–487.

Annales de Oseneia, 1016–1347 // *Annales Monastici*: 5 vols. / Ed. H. R. Luard. (RS). L., 1864–1869. Vol. IV. P. 1–352.

Annales Paulini, 1307–1339 // *Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II*: 2 vols. / Ed. W. Stubbs. (RS). L., 1882–1883. Vol. II. P. 255–370.

Annales of the Priory of Worcester, 1–1377 // *Annales Monastici*: 5 vols. / Ed. H. R. Luard. (RS). L., 1864–1869. Vol. IV. P. 355–562.

Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti // *Johannis de Trokelowe, et Henrici de Blanford Monachorum S. Ablani Necnon Quorundam Anonymorum, Chronica et Annales* / Ed. H. T. Riley. (RS). L., 1866. P. 156–420.

The Anonimale Chronicle 1333 to 1381 from a MS Written at St. Mary's Abbey, York / Ed. V. H. Galbraith. Manchester, 1927.

Anonyme. Chronique de du Guesclin // *Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France* / Ed. J.-A.-C. Buchon. Vol. 14. P., 1841.

Anonymi Cantuariensis Chronica // *Chronica Johannis de Reading et Anonymi Cantuariensis, 1346–1367* / Ed. J. Tait. Manchester, 1914.

Avesbury, Robertus de. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii / Ed. E. M. Thompson. (RS). L., 1889.

Ayala, Pedro Lopes de. Cronica del Rey don Pedro // *Crónicas de los reyes de Castilla* / Ed. C. Rossell. Madrid, 1953.

Bale, John. Scriptorum Illustrium Maioris Brytanniae Catalog. Basle 1557, 1559; repr. 1971.

Beda Venerabilis. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum / Ed. B. Colgrave and R. A. Mynors. Oxford, 1969; repr. 1992.

Benet, John. Chronicle for the Years 1400 to 1462 / Ed. G. L. Harriss and M. A. Harriss. (Camden Miscellany. Vol. XXIV). L., 1972.

Blaneforde, Henrici de. Chronica // Chronica Monasterii S. Albani / Ed. H. T. Riley. (RS). L., 1866. P. 132–155.

The Boke of Noblesse / Ed. J. G. Nichols. L., 1860.

Bonet, Honoré. The Tree of Battles / Ed. G. W. Coopland. Liverpool, 1949.

The Brut or the Chronicles of England: 2 vols. / Ed. W. C. Brie. (EETS). L., 1906, 1908; repr. 1960.

Burton, Thomas. Chronica Monasterii de Melsa, a Fundatione usque ad Annum 1396: 3 vols. / Ed. E. A. Bond. (RS). L., 1866–1888.

Caius, John. De Antiquitate Cantabrigiae. L., 1574.

Camden, William. Britannia / Ed. E. Gibson. [S.l.], 1695; L., 1971 (facsimile).

Camden, William. Remains Concerning Britain / Ed. J. R. Smith. [S.l.], 1870; Wakefield, 1974 (facsimile).

Capgrave, John. Abbreviacion of Cronicles / Ed. P. J. Lucas. (EETS). Oxford, 1983.

Capgrave, John. The Chronicle of England / Ed. F. Ch. Hingeston. (RS). L., 1858.

Capgrave, John. Liber de Illustribus Henricis / Ed. F. Ch. Hingeston. (RS). L., 1858.

Castleford's Chronicle or The Boke of Brut: 2 vols. / Ed. C. D. Eckhardt. (EETS). Oxford, 1996.

Chandos le Heraut. La Vie et Gestes du Prince Noir / Ed. F. Michel. L.; P., 1883.

The Chronicle of Bridlington Priory, 1307–1339 // Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II: 2 vols. / Ed. W. Stubbs. (RS). L., 1883. Vol. II. P. 25–251.

Chronicles of London / Ed. C. L. Kingsford. Oxford, 1905.

Chronicon ab Anno 1189 ad 1556, ex Registro Fratrum Minorum Londoniae in Monumenta Franciscana: 2 vols. / Ed. R. Howlett. (RS). L., 1882. Vol. II. P. 143–260.

Chronicon Angliae ab Anno Domini 1328 usque ad Annum 1388, Auctore Monacho Quodam Sancti Albani / Ed. E. M. Thompson. (RS). L., 1874.

Chronicon de Lanercost 1201–1341 / Ed. J. Stevenson. Edinburgh, 1839.

Chronique de la Träson et Mort de Richart Deux Roy Dengleterre / Ed. with an English translation B. Williams. L., 1846.

Les croniques de Normandie. Rouen, 1505.

Les croniques de Normandie, 1223–1453 / Éd. Ch. de Robillard de Beaufrepaire. Rouen, 1881.

Creton, Jean. Histoire du Roy d'Anglerre Richard, traictant particulièrement la rebellion de ses subiectz e et priense de sa personne: composée par un gentihomme français de marque, qui fut à la suite du dict roy, avec permission

du roy de France / Ed. with an English translation J. Webb // *Archaeologia*. Vol. XX (1824). P. 13–423.

Crowland Abbey Historiae // *Historiae Anglicanae Scriptores Decem* / Ed. Roger Twysden. L., 1652.

Cuvelier, Jean. La chanson de Bertrand de Guesclin: 3 vols. / Éd. J.-C. Faucon. Toulouse, 1990–1991.

Daniel, Samuel. The first foure bookes of the civile warres betweene the two houses of Lancaster and Jorke. L., 1595.

Debating the Hundred Years War: «Pour ce que plusieurs (la loy salicque)» and «A declaration of the trew and dewe title of Henry VIII» / Ed. C. Taylor. Cambridge, 2006.

[Dieulacres Abbes Chronicle, 1381–1403] // *Clarke M. V., Galbraith V. H.* Deposition of Richard II // BJRL. Vol. XIV (1930). P. 164–181.

Elmham, Thomas. Liber Metricus de Henrico Quinto // *Memorials of Henry the Fifth* / Ed. C. A. Cole. (RS). L., 1858. P. 77–166.

An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI / Ed. J. S. Davies. (Camden Society. Old ser. LXIV). L., 1856.

The Essential Portions of Nicholas Upton's *De Studio Militari* before 1446 / Ed. F. P. Barnard. Oxford, 1931.

Eulogium Historiarum sive Temporis: Chronicon ab Orbe Condito usque ad Annum Domini M.CCC.LXVI a Monacho Quodam Malmesburiensi Exaratum: 3 vols. / Ed. F. S. Haydon. (RS). L., 1859–1863.

Fabyan, Robert. The New Chronicle of England and France by Robert Fabyan, Named by Himself the Concordance of Histories / Ed. H. Ellis. L., 1811.

Fauent, Thomas. Historia sive Narracio de Modo et Forma Mirabilis Parliamenti apud Westmonasterium Anno Domini Millesimo CCCLXXXVI, Regni vero Regis Ricardi Secundi post Conquestum Anno Decimo, per Thomam Fauent Clericum indictata / Ed. M. McKisack. (Camden Miscellany. Vol. XIV). L., 1926. P. 1–27.

The First English Life of King Henry V / Ed. C. L. Kingsford. Oxford, 1911.

Fitzherbert, Thomas. A Defence of the Catolyke Cause. 1602; repr. English Recusant Literature. Vol. CXLVI. Menston, 1973. P. 17–70.

Fitz Stephen, William. Life of Saint Thomas // *Materials for the History of Thomas Becket*: 7 vols. / Ed. J. C. Robertson and J. B. Sheppard. (RS). L., 1875–1885. Vol. III.

Florence of Worcester. Chronicon ex Chronicis // *Scottish Annals from English Chronicler* / Ed. A. O. Anderson. L., 1908.

Four English Political Tracts of the Later Middle Ages / Ed. J.-Ph. Genet. (Camden Society. 4th ser. XVIII). L., 1977.

- Foxe, John.* Acts and Monuments of These Latter and Perilous Dayes, Touching Matters of the Church... Commonly Known as the Book of Martyrs. 4th ed. L., 1583.
- Foxe, John.* Acts and Monuments of Matters Most Special and Memorable. Happening in the Church: With an Universal History of the Same. 9th ed. L., 1684.
- Froissart, Jean.* Œuvres de Froissart: Chroniques: 25 vols. / Publ. avec les variantes des divers manuscrits par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Osnabrück, 1967.
- Froissart, Jean.* Chroniques: 15 vols. / Éd. S. Luce et autres. P., 1869–1975.
- Geoffrey of Monmouth.* Historia Regum Britannie / Ed. N. Wright. Cambridge, 1985.
- Gesta Henrici Quinti* / Ed. F. Talor, I. S. Roskell. Oxford, 1975.
- Gesta Normannorum Ducum* of William of Jumièges, Orderic Vitalis, and Robert of Torigni: 2 vols. / Ed. and trans. E. M. C. van Houts. Oxford, 1992, 1995.
- Gildas.* De Excidio Britanniae / Ed. J. Stevenson. L., 1838; repr. Vaduz, 1964.
- Giraldus Cambrensis.* De Instructione Principum // Opera: 8 vols. / Ed. J. S. Brewer, J. F. Dimok and others. (RS). L., 1861–1891. Vol. VIII.
- Giraldus Cambrensis.* Itinererium Kambriae // Opera: 8 vols. / Ed. J. S. Brewer J. F. Dimok and others. (RS). L., 1861–1891. Vol. VI.
- Gower, John.* Chronica Tripertite // The Complete Works of John Gower: 4 vols. / Ed. G. C. Macaulay. Oxford, 1899–1902. Vol. IV. P. 314–343.
- Grafton, Richard.* Chronicle or History of England to Which is Added His Table of the Bailiffs, Sheriffs and Mayers of the City of London. 1189–1558: 2 vols. / Ed. Sir H. Ellis. L., 1809.
- Gray, Thomas of Heton.* Scalacronica / Ed. J. Stevenson. Edinburgh, 1836.
- Gray, Thomas of Heton.* Scalacronica / Ed. H. Maxwell. Glasgow, 1907.
- The Great Chronicle of London* / Ed. A. H. Thomas and I. D. Thornley. L., 1938.
- Gregory, William.* Chronicle // The Historical Collection of the Citizen of London / Ed. J. Gairdner. L., 1876.
- Hall, Edward.* Chronicle Containing the History of England During the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs / Ed. J. Johnson. L., 1809.
- Hardyng (1), John.* The Chronicle. L., 1543; repr. Amsterdam, 1976.
- Hardyng (2), John.* The Chronicle / Ed. H. Ellis. L., 1812; repr. 1974.
- Hastings, Fracis.* A Watch-word to all Religious and True Hearted Englishmen. L., 1598.
- Henry of Huntingdon.* Historia Anglorum / Ed. D. Greenway. Oxford, 1996.

- Higden, Ranulf*. Polychronicon Together with the English Translation of John of Trevisa and of an Unknown Writer in the 15th century: 9 vols. / Ed. C. Babington (vols. 1–2) and J. R. Lumby (vols. 3–9). (RS). L., 1865–1886.
- Historia Monasterii Croylandensis // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum* / Ed. W. Fulman. Vol. I. Oxford, 1684.
- Historia Vita et Regni Ricardi II* / Ed. T. Hearne. L., 1729.
- Holinshed, Raphael*. The Chronicle of England: 3 vols. L., 1586–1587.
- The Itinerary of John Leland, the Antiquary: 9 vols. / Ed. T. Hearne. Oxford, 1710; 2nd ed. 1745; 3rd ed. 1768–1769.
- The Itinerary of John Leland in or about the Years 1535–1543: 5 vols. / Ed. L. T. Smith. Carbondale (Illinois), 1906–1910.
- James M. R. La Estoire de seint Aedward le Rei. Oxford, 1920.
- Journal d'un Bourgeois de Paris, 1405–1449 / Ed. A. Tuerey. P., 1881.
- Kirkstall Abbey Chronicles / Ed. J. Taylor // (Thoresby Society. Vol. XLII). Leeds, 1952.
- Knighton (2)*. Henrici vel Cniththou Monachi Leycestrensis Chronicon: 2 vols. / Ed. J. R. Lumby. (RS). L., 1889–1895.
- Knighton (1), Henry*. Chronicle 1337–1396 / Ed. G. H. Martin. Oxford, 1995.
- Le Baker, Galfridi de Swynebroke*. Chronicon / Ed. E. M. Thompson. Oxford, 1889.
- Le Bel, Jean*. Chronique: 2 vols. / Ed. J. Viard and E. Déprez. Société de l'histoire de France. P., 1904–1905.
- Leland, John*. Joannis Lelandi Antiquarii de Rebus Britannicis Collectanea: 6 vols. / Ed. T. Hearne. Oxford, 1716; 3rd ed. L., 1774.
- Lives of Edward the Confessor / Ed. H. R. Luard. (RS). L., 1858.
- Manning, Robert*. The Story of England by Robert Manning of Brunne, A.D. 1338: 2 vols. / Ed. F. J. Furnivall. (RS). L., 1887.
- Mattaues Parisiensis*. Chronica Maiora: 7 vols. / Ed. H. R. Luard. (RS). L., 1872–1883.
- The Metrical Chronicle of Robert Gloucester: 2 vols. / Ed. W. A. Write. (RS). L., 1887.
- Mézières, Phillip*. De Letter to King Richard II. A Plea Made in 1395 for Peace Between England and France / Ed. G. W. Coopland. Liverpool, 1975.
- Monstrelet, Enguerran*. La chronique: 6 vols. / Éd. L. Douet-D'Arcq. P., 1857–1862.
- Murimuth Adae Continuatio Chronicarum / Ed. M. Thompson. (RS). L., 1889. P. 3–219.
- Murimuthensis Adami Chronica sui Temporis cum eorum Continuatione / Ed. Th. Hog. L., 1846; repr. Vadug, 1964.
- Nennius*. Historia Brittorum / Ed. F. Lot. P., 1930.

Ottbourne, Thomas. Chronicle // Duo Rerum Anglicarum Scriptores Veteres: 2 vols. / Ed. Th. Hearne. Oxford, 1732. Vol. I.

Persons, Robert. Treatise of Three Conversions of England from Paganism to Christian Religion. [S.l.], 1603.

Polydori Vergilii Urbinatis Anglicae Historiae Libri Vigitiseptem / Ed. Thomam Gvarinum. Basileae, 1570.

Polydore Vergil. English History: 2 vols. / Ed. H. Ellis. (Camden Society. Old ser. XXIX, XXXVI). L., 1844, 1846.

Polydore Vergil. The Anglicae Historia A.D. 1485–1537 / Ed., with an English translation, D. Hay. (Camden Society. New ser. LXXIV). L., 1950.

Ponet, John. A Shorte Treatise of Politike Pouver. L., 1556; repr. 1942.

«*Pseudo-Elmham*» издан как Thomas de Elmham. Vita et Gesta Henrici Quinti / Ed. T. Hearne. L., 1727.

Radulfus de Diceto. Ymagines Historiarum // Radulfi de Diceto Decani Lundeniensi Opera Historica: 2 vols. / Ed. W. Stubbs. (RS). L., 1876. Vol. I. P. 291–440; Vol. II. P. 3–174.

Rastell, John. The Passtyme of People: The Chronicles of Dyuers Realms and Most Specyally of the Realme of Englund. L.; N.Y., 1985.

Reading, Johannis de. Chronica // Chronica Johannis de Reading et Anonymi Cantuariensis, 1346–1367 / Ed. J. Tait. Manchester, 1914.

Redmann, Robert. Historia Henrici Quinti // Memorials of Henry the Fifth, King of England / Ed. C. A. Cole. (RS). L., 1858. P. 1–61.

Richard of Devizes. The Chronicle of the Time of King Richard the First / Ed. J. T. Appleby. L., 1969.

Robert de Torigny. Chronica, c. 1139–1185 // Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II and Richard I / Ed. R. Howlett. (RS). L., 1887. Vol. IV.

Rogeri de Houedene Magistri Chronica: 4 vols. / Ed. W. Stubbs. (RS). L., 1868–1871.

Rousi Joannis. Antiquarii Warwicensis Historia Regum Angliae / Ed. Th. Hearne. Oxford, 1716.

The Rous Roll: This rol was laburd and finished by Master John Rows of Warrewyk, lithographic fascimile / Ed. W. Courthope. L., 1845–1859; repr. with an introduction by Ch. Ross. Gloucester, 1980.

Savile, Henry. Rerum Anglicarum Scriptores post Bedam Praecipvi, ex Vetvstissimis Codicibus Manuscriptis nunc Primum in Luvem Editi. Frankfurt, 1601.

Select Works of John Bale / Ed. H. Christmas. Cambridge, 1849.

A Short English Chronicle // Three Fifteenth-Century Chronicles / Ed. J. Gairdner. (Camden Society. New ser. XXVIII). L., 1880. P. 1–80.

Six Town Chronicle / Ed. R. Flenley. Oxford, 1911.

The St. Albans Chronicle, 1406–1420 / Ed. V. H. Galbraith. Oxford, 1937.

Stapleton, Thomas. A Return of Untruths upon M. Jewells Replie. Antwerpen, 1566.

Stone, John. Chronicle, 1415–1471 / Ed. W. G. Searle. (Cambridge Antiquarian Society). Cambridge, 1902.

Stow, John. The Annales of England. L., 1592.

Stow, John. A Summarie of our Englysh Chronicles. L., 1566.

Streeche, Jonh. The Chronicle for the Reign of Henry V (1414–1422) / Ed. F. Taylor // BJRL. Vol. XVI (1932). P. 137–187.

Sutcliffe, Matthew. A Briefe Replie to a Certain Odious and Slanderous Libel, Lately Published by a Seditious Jesuite, Calling himselfe N.D. and A New Challenge Made to N.D. L., 1600.

Thorne, William. Chronicle of Saint Augustine's Abbey Canterbury / Ed. A. H. Davis and H. Thompson. Oxford, 1934.

Titus Livius de Frulovisi. Vita Henrici Quinti / Ed. T. Hearne. L., 1716.

Tyndale, William. An Answer to Sir Thomas More's Dialogue / Ed. H. Walter. Cambridge, 1850.

Tyndale, William. Doctrinal Treatises and Introductions to Different Portions of the Holy Scriptures / Ed. H. Parker. Cambridge, 1848.

Usk, Adam of. Chronicle / Ed. C. Given-Wilson. Oxford, 1997.

Vitry, Jacques de. Exempla / Ed. T. F. Crane. L., 1890.

Walsingham, Thomas. Historia Anglicana. Chronica Monasterii S. Albani: 2 vols. / Ed. H. Rily. (RS). L., 1863–1864.

Walsingham, Thomas. Ypodigma Neustriæ / Ed. H. T. Riley. (RS). L., 1876.

Warner, William. Albions England. L., 1602.

Waurin, Jehan. Recueil des Croniques et Anchiennes Istories de la Grant Bretagne: 5 vols. / Ed. W. Hardy and E. L. C. P. Hardy. (RS). L., 1864–1891.

The Westminster Chronicle 1381–1394 / Ed. B. F. Harvey. Oxford, 1982.

William Glastonbury, Monk of the Priory of Christ Church. Canterbury, 1419–1448. Chronicle // Archaeologia Cantiana. Vol. XXXVII (1825). P. 121–151.

William of Malmesbury. De Antiquitate Glastoniensis Ecclesia // Adami de Domerham Historia de Rebus Gestis Glastoniensibus / Ed. Th. Hearne. Oxford, 1727. Vol. I. P. 1–122.

William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum: 2 vols. / Ed. R. A. B. Mynors, completed by R. M. Thomson and M. Winterbottom. Oxford, 1998–1999.

William of Newburgh. Historia Rerum Anglicarum // Chronicles of the Reins of Stephen, Henry II and Richard I: 4 vols. / Ed. R. Howlett. (RS). L., 1884–1889. Vol. I. P. 11–408; Vol. II. P. 416–500.

2. Публикации поэтических произведений

Chaucer, Geoffrey. The Canterbury Tales / Ed. W. W. Skeat. Oxford, 1924.
Deschamps, Eustache de. Oeuvres Complètes: 10 vols. / Éd. G. Raynaud et
Queux Saint Holaire. S.A.T.F. Firmin Didot. P., 1878–1901.

The English and Scottish Popular Ballads: 5 vols. / Ed. F. J. Child. N.Y.,
1957.

Gower, John. Complete Works: 4 vols. / Ed. G. C. Macaulay. Oxford,
1899–1902.

Gower, John. The Major Latin Works / Ed. and trans. E. W. Stockton.
Washington, 1962.

Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries / Ed.
R. H. Robbins. N.Y., 1959.

Hoccleve, Thomas. The Regimant of Princes / Ed. F. J. Furnivall. (EETS).
L., 1897.

The Libelle of Englishe Polycye / Ed. sir G. Warner. Oxford, 1926.

Lydgate, John. The Minor Poems / Ed. H. N. MacCracken. L., 1962.

Lydgate, John. Troy Book / Ed. H. Bergen. (EETS). L., 1906.

Minot, Laurence. Poems on Interesting Events in the Reign of King
Edward III Written in the Year 1352. L., 1797.

Minot, Laurence. The Poems of Laurence Minot, 1333–1352 / Ed.
Th. B. James and J. Simons. Exeter, 1989.

Political Poems and Songs Relating to English History, Composed during
the Period from the Accession of Edward III to that of Richard III: 2 vols. / Ed.
T. Write. (RS). L., 1852.

Spenser, Edmund. The Faerie Queen / Ed. T. P. Roche and C. P. O'Donnell.
New Haven, 1981.

Stories of Britain in Songs / Ed. F. Stuart. L., 1972.

The Vows of the Heron. Les Voeux du Héron / Ed. J. L. Grigsby, N. J. Lacy;
trans. N. J. Lacy. N.Y., 1992.

3. Епископские регистры, сочинения представителей ортодоксального духовенства и еретиков

An Apology for Lollard Doctrine / Ed. J. H. Todd. (Camden Society. Old
ser. XX). L., 1842.

Augustinus Hipponensis // PL: Vol. 32–47 / Ed. J.-P. Migne. P., 1841–
1849.

Bury, Richard de. Philobiblon / Ed. and trans. E. C. Thomas. Oxford, 1960;
repr. 1970.

English Wycliffite Sermons / Ed. A. Hudson. Oxford, 1983. Vol. I.

Guillelmi de Ockham. Opera Politia: 4 vols. / Ed. R. F. Bennet, H. S. Offler, J. G. Sikes. Manchester; Oxford, 1940–1997.

The Register of John de Grandison, Exeter Episcopal Registers: 2 vols. / Ed. F. C. Hingeston-Randolph. L., 1894–1897.

Register of Henry Chichele, Archbishop of Canterbury, 1414–1443: 4 vols. / Ed. E. F. Jacob. Oxford, 1943–1947.

Register of Simon de Montacute, Bishop of Worcester, 1334–1337 / Ed. R. M. Haines. (Worcestershire Historical Society. 15). Worcester, 1996.

The Register of Thomas Spofford, Bishop of Hereford, 1422–1448 / Ed. A. T. Bannister. Hereford, 1917.

Registrum Johannis Trefnant, Episcopi Herefordensis, A.D. 1389–1404 / Ed. W. W. Capes. Hereford, 1914.

Selection from English Wycliffite Writing / Ed. A. Hudson. Cambridge, 1978.

The Sermon-Diary of Richard FitzRalph, Archbishop of Armagh / Ed. Gwynn Au // Proceeding of the Royal Irish Academy. 1937– 1938. XLIV, section C. P. 1–57.

The Sermons of Thomas Brinton, Bishop of Rochester, 1373–1389: 2 vols. / Ed. M. A. Devlin. L., 1954.

Thomas Aquinas // Opera Omnia: 25 vols. / Ed. E. Fretté et P. Maré. Parma, 1852–1873; repr. N.Y., 1948–1950.

Wyclife, John. The English Works / Ed. F. D. Matthew. (EETS). L., 1880.

4. Издания нормативных и документальных источников

The Acts of the Parliaments of Scotland / Ed. Th. Thompson. Edinburgh, 1841. Vol. I (1124–1423).

The Anglo-French Negotiations at Bruges, 1374–1377 / Ed. E. Perroy. (Camden Miscellany. Vol. XIX). L., 1952.

Anglo-Scottish Relations, 1174–1328 / Ed. E. L. Stones. L., 1965.

Bracton, Henry de. De Legibus et Consuetudinibus Angliae: 6 vols. / Ed. T. Twiss. (RS). L., 1878–1883.

Calendar of Close Rose. L., 1896–1938.

Calendar of Patent Rolls. L., 1891–1942.

Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum / Ed. W. Birch. L., 1887. Vol. I.

Collection générale des documents français qui se trouvent en angleterre / Éd. J. Delpit. P., 1847.

Crecy and Calais from the Public Records / Ed. G. Wrottesley. L., 1898.

Documents français qui se trouvent en Angleterre / Éd. J. Delpit. P., 1897.

English Coronation Records / Ed. L. G. W. Legg. Westminster, 1901.

Les entrées royales françaises de 1328 a 1515 / Éd. B. Guenée et F. Lehoux. P., 1968.

Foedera (1), conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. Th. Rymer. Hagae, 1739–1745. Vol. I–X.

Foedera (2)... L., 1816–1869.

Les Grands traites de la Guerre de Cent ans / Éd. E. Cosneau. P., 1889.

Gratian. Decretum // Corpus Juris Canonici / Ed. A. Friedberg. Leipzig, 1879. Vol. I.

The Great Seals of England / Ed. A. B. Wyon and A. Wyon. L., 1887.

Letters, Orders and Musters of Bertrand du Guesclin, 1357–1380 / Ed. M. Jones. Woodbridge, 2004.

Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France During the Reign of Henry the Sixth, King of England: 2 vols. in 3 / Ed. J. Stevenson. L., 1861–1864.

Paris pendant la domination anglaise (1420–1436): documents extraits des registres de la Chancellerie de France / Ed. A. Longnon. P., 1878.

Proceedings and Ordinances of the Privy Concil of England, 1386–1542: 7 vols. / Ed. N. H. Nicolas. L., 1834–1837.

Register of Edward, the Black Prince: 4 vols. / Ed. M. C. B. Dawcs. L., 1930–1933.

Register of John of Gaunt's: 2 vols. / Ed. S. Armitage-Smith. L., 1911.

Register of John of Gaunt's, 1372–1383: 2 vols. / Ed. E. C. Lodge and R. Somerville. L., 1937.

Rotuli Parliamentorum / Ed. J. Strachey et al. Vol. 18–49. L., 1895–1910.

Royal and Historical Letters during the Reign of Henry the Fourth / Ed. F. C. Hingeston. L., 1860. Vol. I.

Syllabus of... Rymer's Foedera / Ed. N. D. Hardy. L., 1869. Vol. I.

Some Documents Regarding the Fulfilment and Interpretation of the Treaty of Bretigny, 1361–1369 / Ed. P. Chaplais. (Camden Miscellany. Vol. XIX). L., 1952.

A Source Book of Scottish History / Ed. W. C. Dickinson, G. Donaldson, A. Milne. Vols. I–II. L.; Edinburgh, 1952–1953.

Statutes of the Realm / Ed. A. Ludens. 11 vols. L., 1810–1828.

5. Переводы

Августин Блаженный. Творения: В 4 т. СПб.; Киев, 1998–2000.

Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана. СПб., 2003.

- Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / Пер. с англ. В. Р. Рокитянского и А. Э. Яврумяна. М., 1990.
- Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат. А. С. Бобовича и С. А. Ошерова. М., 1984. С. 5–170.
- Гильда Премудрый.* О гибели Британии / Пер. с лат. Н. Ю. Чехонадской. СПб., 2003.
- Жуанвиль, Жан де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; ред. Ю. П. Малинин и А. Ю. Карачинский. СПб., 2007.
- Мэлори Т.* Смерть Артура / Под ред. И. М. Берштейна, В. М. Жирмунского, А. Д. Михайлова, Б. И. Пуришева. М., 1974.
- Ненний.* История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М., 1984. С. 171–193.
- Фома Аквинский.* О правлении государей / Пер. с лат. Н. Б. Срединской // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1990.
- Фруассар, Жан.* Хроники. 1325–1340 / Пер. с фр., статья и примечания М. В. Аникеева. СПб., 2008.
- Хроники и документы времен Столетней войны / Пер. с лат. и сост. М. В. Аникеев. СПб., 2005.
- Чосер, Джеффри.* Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М., 1996.
- Цицерон, Марк Туллий.* О государстве / Пер. В. О. Горенштейн // Цицерон. Диалоги. М., 1966. С. 5–88.
- Цицерон, Марк Туллий.* Об обязанностях / Пер. В. О. Горенштейн // Цицерон. О старости, О дружбе, Об обязанностях. М., 1993. С. 58–158.
- Шекспир, Уильям.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1957–1960.

Литература

- Алексеев М. П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984.
- Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- Басовская Н. И.* Англия и Франция в международной жизни Западной Европы XII–XV вв. // Средние века. М., 1988. Вып. 51. С. 5–22.
- Басовская Н. И.* Англо-французские противоречия конца XIII–XIV вв. и страны Пиренейского полуострова // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985. С. 72–92.
- Басовская Н. И.* Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе // Средние века. М., 1990. Вып. 53. С. 44–51.

Басовская Н. И. Историография Столетней войны // Историография проблем международных отношений и национальных движений в Западной Европе. М., 1982. С. 5–23.

Басовская Н. И. К вопросу об английской политике в Гаскони в конце XIII в. (по данным «Гасконских свитков») // Средние века. М., 1971. Вып. 33. С. 202–215.

Басовская Н. И. Место городов-крепостей (бастид) в гасконской политике Англии конца XIII столетия // Вестник МГУ. Серия история. 1969. № 3. С. 90–96.

Басовская Н. И. Организация и характер деятельности английской администрации в Гаскони // Средние века. М., 1973. Вып. 37. С. 208–229.

Басовская Н. И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 48–66.

Басовская Н. И. Освободительное движение во Франции и формирование национального самосознания (вторая половина XIV – первая половина XV в.) // Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. М., 2001. С. 48–57.

Басовская Н. И. Политика английской короны по отношению к феодалам Гаскони в конце XIII – начале XIV в. // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1971. С. 175–188.

Басовская Н. И. Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. С. 120–140.

Басовская Н. И. Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность // Средние века. М., 1991. Вып. 54. С. 23–34.

Басовская Н. И. Проблема освободительной борьбы во Франции XV в. во французской и английской историографии // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки. М., 1985. С. 153–171.

Басовская Н. И. Проблемы Столетней войны в современной английской и французской историографии // Средние века. М., 1982. Вып. 45. С. 212–224.

Басовская Н. И. Столетняя война. 1337–1453. М., 1985.

Басовская Н. И. Столетняя война и рост социально-политической активности городских сословий // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 220–238.

Басовская Н. И. Экономические интересы английской короны в Гаскони в конце XIII – начале XIV в. // Вестник МГУ. Серия история. 1968. № 2. С. 69–78.

Басовская Н. И., Зверева Г. И. Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII–XV вв. // Средние века. Вып. 48. М., 1985. С. 71–90.

Берн А. Битва при Азенкуре. М., 2004.

Берн А. Битва при Креси. М., 2004.

Бессилин Н. А. Жан Жювенель дез Юрсен – историк и политический деятель Франции в XV в. М., 1993.

Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии (1924). М., 1998.

Блок М. Феодалное общество. М., 2003.

Богодарова Н. А. К вопросу об образованности в Англии в XIV в. – первой половине XV в. // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 95–406.

Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001.

Вайнштейн О. Л. Дипломатическая подготовка Столетней войны // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 332–411.

Винок М. Жанна д'Арк // Франция – память. СПб., 1999. С. 225–295.

Гелльнер Э. Нации и национализм. М., 1990.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987.

Грин Д. Р. История английского народа. М., 1892. Т. 2.

Губанова О. В. Столетняя война, финансы и парламент // Англия и Европа: проблемы истории и историографии / Под ред. Е. В. Кузнецова. Арзамас, 2001. С. 55–62.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.

Гуревич А. Я. О соотношении народной и ученой традиции в средневековой культуре (Заметки на полях книги Жака Ле Гоффа) // Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 209–224.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: культуры безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гутнова Е. В. Историография средних веков. М., 1985.

Даннинг Р. У. Артур – король Запада. Ростов н/Д, 1997.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. 3.

Джордан У. Ч. Самоидентификация населения и королевская власть в средневековой Франции // Одиссей. М., 1995. С. 79–91.

Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.

- Зайцева М. А.* Арраский мир Столетней войны и борьба за Кале 1436 г. // Англия и Европа: проблемы истории и историографии / Под ред. Е. В. Кузнецова. Арзамас, 2001. С. 74–78.
- Зверева В. В.* Беда Достопочтенный в историографической культуре XIX–XX вв.: четыре интерпретации // Диалог со временем. М., 1999. Вып. 1. С. 232–249.
- Зверева В. В.* «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.
- Зверева В. В.* «Новое солнце на Западе»: Образ Беды Достопочтенного в средневековых легендах // Казус. 2000. Вып. 3. М., 2000. С. 299–318.
- Зверева В. В.* Представление прошлого в трудах английских антикваров XVII века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 223–241.
- Зверева В. В.* Формы и способы историописания в «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. Материалы конференции. М., 2000. С. 117–122.
- Золотов В. И.* Английское общество накануне «Войны Роз». Брянск, 1995.
- Золотов В. И.* Политический кризис в Англии 1425–1426 // Англия XIV–XVII вв. Вып. 2. Горький, 1974. С. 91–107.
- Золотов В. И.* Французский Аноним XIV в. и политические реалии Англии середины XV в. // Англия и Европа: проблемы истории и историографии / Под ред. Е. В. Кузнецова. Арзамас, 2001. С. 63–73.
- Илларионова Е. В.* Жизнь и литературная деятельность Джона Уиклефа // Из истории западноевропейского Средневековья. М., 1972. С. 198–237.
- История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006.
- Калмыкова Е. В.* Война за французскую корону как божественное право и священный долг королей Англии // Искусство власти / Под ред. О. В. Дмитриевой. СПб., 2007. С. 132–163.
- Калмыкова Е. В.* Куртуазные игры и реалии рыцарства «Осени Средневековья» // Одиссей. М., 2004. С. 75–83.
- Калмыкова Е. В.* Мифы о Бруте и о древнейшем заселении Британии в английской исторической мысли XV–XVI вв. // Миф в культуре Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 2003. С. 285–293.
- Калмыкова Е. В.* Мифы о национальных героях: образы Роберта Ноллиса и Бертрана Дюгеклена как модели формирования английской и французской национальной идентичности эпохи Столетней войны // Диалог со временем. М., 2007. Вып. 21. С. 161–183.

Калмыкова Е. В. Низложение короля: мятеж или вассальный долг подданных? // Власть, общество и индивид в средневековой Европе V–XVII вв. / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008. С. 319–353.

Калмыкова Е. В. Официальная пропаганда английской внешней политики в XIV–XV вв. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 81–113.

Калмыкова Е. В. Посмертный культ английских королей XIV–XV вв. // «Священное тело короля»: теоретический и идеологический аспекты / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 109–139.

Калмыкова Е. В. Предания о короле Артуре и английская средневековая историография // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2003. С. 132–155.

Калмыкова Е. В. Представления англичан о войне и мире в эпоху Столетней войны // Хронотоп войны. Пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. Материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и научной конференции «Мир и война: море и суша». Санкт-Петербург–Кронштадт 21–24 октября 2007 г. М., 2007. С. 76–79.

Калмыкова Е. В. Представления о «достоверном» в средневековой исторической традиции // История и память / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 339–368.

Калмыкова Е. В. «Пророчество Джона Бридлингтонского», или Предсказание настоящего // Казус. 2005. Вып. 7. М., 2006. С. 60–87.

Калмыкова Е. В. Столетняя война и формирование английского национального самосознания // Средние века. М., 2001. Вып. 62. С. 103–119.

Калмыкова Е. В. Что сулила англичанам война за французскую корону в XIV–XV вв.? // Французский ежегодник. 2008. М., 2008. С. 5–24.

Кин М. Рыцарство. М., 2000.

Кобрин К. Р. Имперские книги Геральда Камбрийского // Средние века. М., 2005. Вып. 66. С. 40–52.

Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001.

Косминский Е. А. Англия в XI–XV вв. Восстание Уота Тайлера. М., 1938.

Крылов П. В. Процесс реабилитации Жанны д'Арк 1455–1456 гг. как средство формирования исторической памяти // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2003. С. 168–178.

Крылов П. В. «Руан, Руан, умру ли я здесь?». Казнь Жанны д'Арк и «*ars moriendi*» XV в. // Казус. 2004. М., 2005. С. 272–288.

Кузнецов Е. В. Движение лоллардов в Англии (конец XIV–XV вв.). Горький, 1973.

Кузнецов Е. В. Определение авторства анонимного трактата лоллардов «О семи смертных грехах» с помощью вероятностно-статистической методики // Англия и Европа: проблемы истории и историографии / Под ред. Е. В. Кузнецова. Арзамас, 2001. С. 110–114.

Кузнецов Е. В., Лукоянов В. В., Романовская В. Б. О влиянии лоллардов на революционные события 1450–1451 гг. // Проблемы английской и валлийской истории в позднее средневековье. Арзамас, 1999. С. 46–54.

Левандовский А. П. Жанна д'Арк. 2-е изд. М., 1982.

Леонова Т. А. Положение низшего духовенства в Англии XIV–XV вв. // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние Века. Уфа, 1990. С. 47–54.

Леонова Т. А. Собственность и доходы английской церкви во второй половине XIV в. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. С. 214–232.

Леонова Т. А. Финансовые отношения английского государства и римской курии в XIV веке (1317–1378) // Проблемы истории докапиталистических формаций. М., 1978. С. 43–56.

Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.

Люблинская А. Д. Жанна д'Арк // Средние века. М., 1962. Вып. 22. С. 180–192.

Люблинская А. Д. К вопросу об образовании французской народности // Вопросы истории. 1953. № 9. С. 78–96.

Люблинская А. Д. Столетняя война и народные восстания XIV–XV вв. // История Франции / Под ред. А. З. Манфреда, В. М. Далина, В. В. Загладина, С. Н. Павловой, С. Д. Сказкина. М., 1972. Т. 1. С. 115–143.

Малинин Ю. П. «Королевская троица» во Франции XIV–XV вв. // Одиссей. М., 1995. С. 20–36.

Малинин Ю. П. Мораль и политика во Франции во второй половине XV в. // Политические деятели Античности, Средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 87–96.

Малинин Ю. П. Общественная мысль Франции XV в. и античная культура // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 131–136.

Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв. СПб., 2000.

Малинин Ю. П. Рыцарская этика в позднесредневековой Франции (XIV–XV вв.) // Средние века. М., 1992. Вып. 55. С. 195–213.

Мелик-Гайказова Н. Н. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М., 1970.

Меглен Ж.-М. «С веревкой на шее, с розгами в руках...»: Ритуал публичного покаяния в средневековой Европе // Казус. 2006. М., 2007. С. 120–154.

Мереминский С. Г. Беверли и североанглийское историописание XII века // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 140–163.

Мереминский С. Г. Традиции средневековой риторической историографии в «Истории англо» Генриха Хантингдонского // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст: XV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 15–17 апреля 2003 г.): Материалы конференции. М., 2003. С. 162–166.

Мереминский С. Г. Формирование английской исторической традиции во второй половине XI – первой половине XII в. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2006.

Метлицкая З. Ю. Англосаксонская Англия и нормандское завоевание (научно-аналитический обзор). М., 2004.

Метлицкая З. Ю. Битва при Гастингсе: история и легенда // Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы науч. конф. Москва, 4–6 декабря 2001 г. М., 2001. Т. 1. С. 75–79.

Метлицкая З. Ю. Два способа описания прошлого в Англосаксонской хронике: две традиции во взаимодействии и единстве // Межкультурный диалог в историческом контексте. Материалы науч. конф. М., 2003. С. 31–34.

Метлицкая З. Ю. Историческое сознание англосаксонских анналистов IX–XI веков (по материалам Англосаксонской хроники). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2005.

Метлицкая З. Ю. Харольд – последний король англосаксов (человек и символический образ) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 102–114.

Минеева Т. Г., Щелокова Н. В. Виклифизм и нонконформизм: веселый лоллард Рэммесбери // Англия и Европа: проблемы истории и историографии / Под ред. Е. В. Кузнецова. Арзамас, 2001. С. 127–129.

Михайлов А. Д. Книга Гальфрида Монмутского // Гальфрид Монмутский. История бриттов / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М., 1984. С. 196–228.

Мосолкина Т. В. Английский город в политических событиях Англии XIV–XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4 / Под ред. А. А. Сванидзе. М., 2000. С. 273–287.

Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2003.

Перну Р., Клэн М. В. Жанна д'Арк. М., 1992.

Перруа Э. Столетняя война. СПб., 2002.

Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского общества и государства в средние века. 4-е изд. М., 1937.

Писарев Ю. И. Магнаты и корона в Англии XIV в. // Средние века. М., 1980. Вып. 43. С. 77–104.

Писарев Ю. И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. // Средние века. М., 1973. Вып. 37. С. 82–107.

Польская С. А. Сакральность королевской власти во Франции середины VIII–XV вв.: церемониальный и символический аспекты. Ставрополь, 1999.

Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. М.; Л., 1964.

Райцес В. И. Жанна д'Арк. Л., 1982.

Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 9–18.

Репина Л. П. Социальная память и историческая культура средневековой Европы (к итогам работы над проектом) // Диалог со временем. М., 2004. Вып. 12. С. 5–19.

Сапрыкин Ю. М. Взгляды Джона Уиклифа на общность имущества и равенство // Средние века. М., 1971. Вып. 34. С. 163–190.

Сапрыкин Ю. М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М., 1985.

Сергеева Л. П. Финансовый кризис в Англии в начале Столетней войны и ганзейские кредиторы английского короля // Вестник ЛГУ. 1983. Вып. 3. № 14. С. 91–94.

Серегина А. Ю. История и английская религиозная полемика XVI – начала XVII в. // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 506–553.

Серегина А. Ю. История короля Ричарда II в английской религиозной полемике второй половины XVI – начала XVII века // Диалог со временем. М., 2003. Вып. 10. С. 85–112.

Серегина А. Ю. Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI века // Диалог со временем. М., 2004. Вып. 12. С. 144–155.

Серегина А. Ю. Подданные и тиран: король Иоанн в полемических произведениях английских католиков конца XVI – начала XVII в. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 204–223.

Стукалова Т. Ю. «Посланная небом в великой тайне...»: Орифламма и церемония ее поднятия во Франции (вторая половина XIV – начало XV в.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 200–215.

Сьюард Д. Генрих V. Смоленск, 1996.

Тогоева О. И. Блудница и город: казус Жанны д'Арк // Казус. 2004. М., 2005. С. 237–271.

Тогоева О. И. Жанна д'Арк и бумага с водяными знаками: История одной случайной находки // Казус. 2004. М., 2005. С. 208–232.

Тогоева О. И. Исполнение пророчеств: ветхозаветные герои Столетней войны // Казус. 2005. М., 2006. С. 88–106.

Тогоева О. И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.

Тогоева О. И. Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти // Поблекшее сияние власти. Материалы круглого стола / Под ред. М. А. Бойцова. М., 2006. С. 52–83.

Тогоева О. И. Мужской костюм Жанны д'Арк и его возможные символические смыслы // *Historia animate*: Сборник статей памяти О. И. Варьяш. М., 2004. Ч. 1. С. 156–168.

Уваров П. Ю. Париж XV века: события, оценки, мнения... общественное мнение? // Одиссей. 1992. М., 1994. С. 175–193.

Уваров П. Ю. Парижский университет и местные интересы (конец XIV – первая половина XV в.) // Средние века. М., 1991. Вып. 54. С. 55–71.

Устинов В. Столетняя война и Война Роз. М., 2007.

Фаулер К. Эпоха Плантагенетов и Валуа. СПб., 2002.

Федосов Д. Г. Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV в. М., 1996.

Фергюсон А. Б. Золотая осень английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма. СПб., 2004.

Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976.

Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.

Хачатурян Н. А. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 177–199.

Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. Лондон, 1992.

Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988.

Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996.

Цатурова С. К. Города в Столетней войне // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4 / Под ред. А. А. Сванидзе. М., 2000. С. 246–273.

Цатурова С. К. «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) // Королевский двор в

политической культуре средневековой Европы / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 216–248.

Цатурова С. К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002.

Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков. Саратов, 2005.

Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам. М., 1988.

Эйрл П. Жизнь и эпоха Генриха V. СПб., 2003.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Эльфонд И. Я. Раннесредневековые основы политической мифологии во французской культуре XVI в. // Миф в культуре Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 2003. С. 239–252.

Штокмар В. В. История Англии в средние века. 2-е изд. СПб., 2000.

Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI в. Л., 1956.

Aberth J. Criminal Churchmen in the Age of Edward III: the Case of Bishop Thomas de Lisle. Pennsylvania, 1996.

Aberth J. From the Brink of the Apocalypse: Confronting Famine, War, Plague and Death in the Later Middle Ages. N.Y.; L., 2001.

Abram A. Social Life in England in the Fifteenth Century. L., 1909.

Adams J. A Study in the Patristic Sense of Community. New Haven; L., 1971.

Adams R. P. The Literary Thought on War and Peace in English Literature of the Renaissance // American Philosophical Society Year Book. Philadelphia, 1955. P. 272–277.

Adams R. P. Pre-Renaissance Courtly Propaganda for Peace in English Literature // Papers of the Michigan Academy. Vol. XXXII (1946–1948). P. 431–446.

The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. York, 2001.

Ailes A. Heraldry in Medieval England: Symbols of Politics and Propaganda // Heraldry, Pageantry and Social Display in Medieval England / Ed. P. Coss, M. Kenn. Woodbridge, 2002. P. 83–104.

Ainsworth P. F. Jean Froissart and the Fabric of History: Truth, Myth, and Fiction in the Chroniques. Oxford, 1990.

Albu E. The Normans in Their Histories: Propaganda, Myth, and Subversion. Woodbridge, 2001.

Allan A. Yorkist Propaganda: Pedigree, Prophecy and the «British History» in the Reign of Edward IV // Patronage, Pedigree and Rower in Later Medieval England / Ed. C. D. Ross. Gloucester, 1979. P. 171–192.

Allmand C. T. The Anglo-French Negotiations, 1439 // BIHR. 1967. Vol. XL. P. 1–33.

Allmand C. T. English Suits before the Parliament of Paris, 1420–1436. L., 1982.

Allmand C. T. Henry V. L., 1968.

Allmand C. T. The Hundred Years War. England and France at War. C. 1300–c. 1450. Cambridge, 1988.

Allmand C. T. The Lancastrian Land Settlement in Normandy, 1417–1450 // EHR. 1968. Vol. XXI. P. 461–479.

Allmand C. T. Lancastrian Normandy, 1425–1450: The History of a Medieval Occupation. Oxford, 1983.

Allmand C. T. Le problème de la désertion en France, en Angleterre et en Bourgogne à la fin du Moyen Âge // Guerre, pouvoir et noblesse au Moyen Âge: Mélanges en l'honneur de Philippe Contamine / Textes réunis par J. Paviot et J. Verger. P., 2000. P. 31–41.

Allmand C. T. Society at War. The Experience of England and France during the Hundred Years War. Edinburgh, 1973.

Allmand C. T. Some Writers and the Theme of War in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // Krieg im Mittelalter / Ed. H.-H. Kortüm. Berlin, 2001. P. 167–180.

Allmand C. T. The War and Profit in the Late Middle Ages // History Today. 1965. Vol. XV. P. 39–48.

Allmand C. T. The War and the Non-Combatants // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L., 1971. P. 243–262.

Alter P. Nationalism. L., 1985.

Ambühl R. Fair share of the profits? The ransoms of Agincourt (1415) // Nottingham Medieval Studies. 2006. Vol. 50. P. 129–150.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. L., 1983.

Anderson M. O. Kings and Kingship in Early Scotland. Edinburgh, 1973.

Anglo S. The British History in Early Tudor Propaganda // BJRL. Vol. XLIV (1961–1962). P. 17–48.

Anglo S. Spectacle, Pageantry, and Early Tudor Policy. Oxford, 1969.

The Archaeology and History of Glastonbury Abbey / Ed. L. Abrams and J. P. Carley. Woodbridge, 1991.

Armies, Chivalry and Warfare in Medieval Britain and France. Stamford, 1998.

Armitage-Smith S. John of Gaunt. L., 1904.

Arms Armies and Fortifications in the Hundred Years War / Ed. A. Curry and M. Hughes. Woodbridge, 1994.

Armstrong C. A. J. England, France and Burgundy in the Fifteenth Century. L., 1983.

Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.

- Arthurson I.* The King's Voyage into Scotland: The War that Never Was // England in the Fifteenth-Century. Proceeding of the 1986 Harlaxton Symposium / Ed. D. Williams. Suffolk, 1987. P. 1–11.
- Arvanigian M. A.* Lancastrian Polity? John of Gaunt, John Neville and the War with France, 1368–88 // Fourteenth Century England (III) / Ed. W. M. Ormrod. Woodbridge, 2004. P. 121–142.
- Aston M. E.* The Fifteenth Century: The Prospect of Europe. Oxford, 1968.
- Aston M. E.* The Impeachment of Bishop Despenser // BIHR. Vol. XXXVIII (1965) P. 127–148.
- Aston M. E.* Lollardy and Reforms: Images and Literary in Late Medieval Religion. L., 1984.
- Aston M. E.* Lollardy and Sedition. 1381–1431 // Past and Present. 1960. Vol. XVI. P. 3–21.
- Autrand F.* The Battle of Crécy: A Hard Blow for the French Monarchy // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 273–286.
- Autrand F.* Charles V le Sage. P., 1994.
- Autrand F.* Charles VI: la folie du roi. P., 1986.
- Autrand F.* Culture et mentalité. Les bibliothèques des gens du Parlement au temps de Charles VI // Annales. Economie. Société. Civilisation. 1973. P. 1219–1244.
- Autrand F.* Jean de Berry: l'art et le pouvoir. P., 2002.
- Autrand F.* Pouvoir et société en France à la fin du Moyen Âge. P., 1974.
- Avout J. d'.* La querelle des Armagnacs et des Bourguignons. P., 1943.
- Ayton A.* The Battle of Crécy: Context and Significance // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 1–34.
- Ayton A.* Crécy and the Chroniclers // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 287–350.
- Ayton A.* The Crécy Campaign // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 35–107.
- Ayton A.* Edward III and the English Aristocracy at the Beginning of the Hundred Years War // Armies, Chivalry and Warfare in Medieval Britain and France / Ed. M. Strickland. Stamford, 1998. P. 173–206.
- Ayton A.* The English Army at Crécy // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 159–251.
- Ayton A.* English Armies in the Fourteenth Century // Arms, Armies and Fortifications in the Hundred Years War / Ed. A. Curry and M. Hughes. Woodbridge, 1994. P. 21–38.
- Ayton A.* English Army and the Normandy Campaign of 1346 // England and Normandy in the Middle Ages / Ed. D. Bates and A. Curry. L., 1987. P. 253–268.

Ayton A. Knight and Warhorses. Military Service and the English Aristocracy under Edward III. Woodbridge, 1994.

Ayton A. Sir Thomas Ughtred and the Edwardian Military Revolution // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 107–132.

Ayton A. Topography and Archery: Further Reflections on the Battle of Crécy // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 351–377.

Ayton A. War and the English Gentry under Edward III // History Today. Vol. XLII (1992). P. 34–40.

Bagley J. J. Life in Medieval England. L., 1960.

Bagley J. J. Historical Interpretation: Sources of English Medieval History, 1066–1540. L., 1965.

Bainton R. H. Christian Attitudes towards War and Peace. A Historical Survey and Critical Re-Evaluation. L., 1961.

Baker D. Inscribing the Hundred Years' War in French and English Cultures. Albany; N.Y., 2000.

Baker R. L. The Government of Calais in 1363 // Order and Innovation in the Middle Ages. Essays in Honor of J. R. Strayer. Princeton, 1976. P. 207–214.

Balfour-Melville E. W. M. Edward III and David II. L., 1954.

Balibar E. The Nation From: History and Ideology // Race, Nation, Class: Ambiguous Identities / Ed. E. Balibar and I. Wallerstein. L., 1991. P. 86–106.

Balladur É. Jeanne d'Arc et la France: le mythe du sauveur. P., 2003.

Barber R. Edward, Prince of Wales and Aquitaine. L., 1978.

Barber R. The Knight and Chivalry. L., 1970.

Barber R. The Norman Conquest and the Media // Anglo-Norman Studies. Vol. XXVI (2003). P. 1–20.

Barber R., Barker J. Tournaments-Jousts Chivalry and Pageants in the Middle Ages. Woodbridge, 1989.

Barnett J. The Just War // The Cambridge History of Later Medieval Philosophy / Ed. N. Kretzmann, A. Kenny and J. Pinborg. Cambridge, 1982. P. 771–784.

Barnie J. War in the Medieval English Society. Social Values and the Hundred Years' War 1337–1399. Ithaca (N.Y.), 1974.

Baron S. W. Modern Nationalism and Religion. N.Y., 1960.

Barron C. The Deposition of Richard II // Politics and Crisis in Fourteenth-Century England. Gloucester; Wolfeboro, 1990. P. 132–149.

Barron W. R. J. The Arthur of the English: the Arthurian Legend in Medieval English Life and Literature. L., 1999.

Barrow G. W. S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland. 3rd ed. Edinburgh, 1988.

Barstow A. L. Joan of Arc: Heretic, Mystic, Shaman. Lampeter, 1986.

Baswell Ch. The Passing of Arthur. New Essays. N.Y.; L., 1988.

Bates D. 1066: Does the Date still Matter? // Historical Research. Vol. LXXVIII (2005). P. 443–464.

The Battle of Neville's Cross, 1346 / Ed. D. Rollason, M. Prestwich. Stamford, 1998.

Beafort D. La guerre comme instrument de secours ou de punition. The Hague, 1933.

Bean J. M. W. The Percies and their Estates in Scotland // Archaeologia Aeliana. 4th ser. Vol. XXXV (1957). P. 167–178.

Bean R. War and the Birth of the Nation State // Journal of Economic History. Vol. XXXIII (1973). P. 203–221.

Beaune C. Histoire et politique: la recherche du texte de la loi salique de 1350 à 1450 // La reconstruction après la guerre de Cent ans. Actes du 104e Congrès national des Sociétés savantes, Bordeaux, 1979. Philologie et histoire jusqu'à 1610. T. I. Bordeaux, 1981. P. 27–40.

Beaune C. Le miroir du pouvoir. P., 1989.

Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985.

Beaune C. Prothétie et propagande: le sacre de Charles VII // Idéologie et propagande en France. Colloque organisé par l'Institut d'Histoire et de Civilisation françaises de l'Université de Haïfa / Sous la direction de M. Yardeni. P., 1987. P. 63–73.

Beaune C. Saint Clovis: histoire, religion royale et sentiment national en France à la fin du Moyen Âge // Le métier d'historien au Moyen Âge. Etudes sur l'historiographie médiévale / Éd. B. Guenée. P., 1977. P. 147–164.

Beckett N. St. Bridget, Henry V and Syon Abbey // Studies in St. Brigitta and the Brigittine Order / Ed. J. Hogg, 2 vols. (Analecta Cartusiana). Zalzburg, 1993. Vol. II. P. 125–150.

Becoming National / Ed. G. Eley and R. G. Suny. Oxford; N.Y., 1996.

Bell A. R. War and the Soldier in the Fourteenth Century. Woodbridge, 2004.

Bell D. M. L'idéal éthique de la royauté en France au Moyen Âge d'après quelques moralistes de ce temps. P., 1962.

Bellamy J. G. The Cotterel Gang: an Anatomy of a Band of Fourteenth-Century Criminal // EHR. Vol. LXXIX (1964). P. 698–717.

Bellitto Ch. M. A Christian Humanist's Mirror to Princes: Nicolas de Clamanges and the Restoration of Justice during the French Civil War // Revue d'histoire ecclésiastique. Vol. 102 (2007). P. 100–123.

Beltz G. F. Memorials of the Order of the Garter. L., 1841.

Bennett J. A. W. A Glastonbury Relic // Proceedings of the Somerset Archaeological and Natural History Society. Vol. XXXIV (1888). P. 117–122.

Bennett J. A. W. Middle English Literature. Oxford, 1986.

Bennett J. A. W. The Rediscovery of Sir John Mandeville. N.Y., 1954.

Bennett M. Community, Class and Careerism. Cheshire and Lancashire Society in the Age of Sir Gawain and the Green Knight. Cambridge, 1983.

Bennett M. Isabelle of France, Anglo-French Diplomacy and Cultural Exchange in the Late 1350s // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 215–226.

Bennet M. The Development of Battle Tactics in the Hundred Years War // Arms, Armies and Fortifications in the Hundred Years War / Ed. A. Curry and M. Hughes. Woodbridge, 1994. P. 1–20.

Bengtson J. Saint George and the Formation of English Nationalism // Journal of Medieval and Early Modern Studies. Vol. XXVII (1997). P. 317–340.

Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Transactions of the American Philosophical Society. Vol. XLIII (1953).

Bériac-Lainé F. Les Lendemain du traité de Brétigny // Villes et sociétés urbaines au Moyen Âge. P., 1994. P. 207–219.

Bériac-Lainé F., Given-Wilson C. Les prisonniers de la bataille de Poitiers. P., 2002.

Billing M. Banal Nationalism. L., 1995.

Binns J. W. Intellectual Culture in Elizabethan and Jacobean England: the Latin Writings of the Age. Leeds, 1990.

Binski P. Westminster Abbey and the Plantagenets Kingship and the Representation of Power, 1200–1400. New Haven; L., 1995.

Black I. An Accidental Tourist in the Hundred Years War: Images of the Foreign World in Eustache Deschamps // Concepts of National Identity in the Middle Ages / Ed. S. Forde, L. Johnson and A. V. Murray. Leeds, 1995. P. 171–187.

Blacker J. The Faces of Time: Portrayal of the Past in Old French and Latin Historical Narrative of the Anglo-Norman *Regnum*. Austin, 1994.

Blades W. The Biography and Typography of William Caxton. 2nd ed. L.; Strasbourg, 1882.

Blake E. O. The Formation of the Crusade Idea // Journal of Ecclesiastical History. Vol. XXI (1979). P. 11–31.

Blake N. F. William Caxton: A Bibliography Guide. N.Y.; L., 1985.

Blench J. W. Preaching in England in the Late Fifteenth and Sixteenth Centuries. N.Y., 1964.

Bliese J. Rhetoric and Morale: A Study of Battle Orations from the Central Middle Ages // Journal of Medieval History. 1989. Vol. 15. P. 201–226.

Bliese J. The Courage of the Normans. A Comparative Study of Battle Rhetoric // Nottingham Medieval Studies. Vol. 35 (1991). P. 1–26.

Bloch M. La Société féodale. La formation des liens de dépendance: 2 vols. P., 1949.

- Bloomfield M. W.* The Problem of the Hero in the Later Medieval Period // Concepts of the Hero in the Middle Ages and the Renaissance / Ed. N. T. Burns and Ch. Reagan. L., 1976. P. 27–48.
- Bodies and Disciplines: Intersections of Literature and History in Fifteenth-Century England* / Ed. B. A. Hanawalt, D. Wallace. Minneapolis; L., 1996.
- Boffa S.* The Duchy of Brabant Caught between France and England: Geopolitics and Diplomacy during the First Half of the Hundred Years War // The Hundred Years War: A Wider Focus / Ed. L. J. A. Villalon, D. J. Kagay. Leiden, 2005. P. 211–240.
- Bois G.* Crise du féodalisme: économie rurale et démographie en Normandie occidentale du début du XIVe siècle au milieu du XVIe siècle. P., 1981.
- Boitani P.* English Medieval Narrative in Thirteenth and Fourteenth Centuries. Cambridge, 1982.
- Bond B.* The «Just War» in Historical Perspective // History Today. Vol. XVI (1966). P. 111–119.
- Bond F.* Dedications and Patron Saints of English Churches. Oxford, 1914.
- Bonner E.* Scotland's «Auld Alliance» with France, 1295–1560 // History. Vol. LXXXIV (Jan. 1999). P. 5–30.
- Bossuat A.* L'idée de nation au XVe siècle // Revue Historique. T. CCIV (1950). P. 39–57.
- Bossuat A.* La littérature de propagande au XVes. Le Mémoire de Jean de Rinel, secrétaire du roi d'Angleterre, contre le duc de Bourgogne (1435) // Cahiers d'histoire. 1956. P. 131–146.
- Bossuat A.* Les origines troyennes: leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle // Annales de Normandie. 1958. P. 187–197.
- Bossuat A.* Le Parlement de Paris pendant occupation anglaise // Revue historique. T. CCXXIX (1963). P. 19–40.
- Bourassin E.* Jeanne d'Arc. P., 1977.
- Bourassin E.* La France anglaise: 1415–1453. Chronique d'une occupation. P., 1981.
- Bourdonove G.* Jean le Bon et son temps, 1319–1364. P., 1980.
- Bourdonove G.* Jeanne d'Arc et la guerre de Cent ans. P., 1994.
- Bothwell J. S.* Edward III. The English Peerage and the 1337 Earls: Estate Redistribution in Fourteenth-Century England // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 35–52.
- Boulton D'Arcy J. D.* The Knights of the Crown. The Monarchical Orders of Knighthood of Later Medieval Europe, 1325–1520. N.Y., 1987.
- Boutet D., Strubel A.* Littérature, politique et société dans la France du Moyen Âge. P., 1979.

Boutruche R. La Crise d'une société. Seigneurs et paysans du Bordelais pendant la guerre de Cent ans. P., 1947.

Boutruche R. The Devastation of Rural Areas during the Hundred Years War and the Agricultural Recovery of France // The Recovery of France in the Fifteenth Century / Ed. P. S. Lewis. N.Y., 1972. P. 23–59.

Boyd J. The Monks of Durham. Life in Fifteenth-Century Monastery. Cambridge, 1975.

Bradbury J. The Medieval Archer. Woodbridge, 1985.

Bradbury J. The Medieval Siege. Woodbridge, 1992.

Bradley P. J. Henry V's Scottish Policy: a Study in Realpolitik // Documenting the Past. Woodbridge, 1989. P. 177–195.

Breck A. du Pont. The Leadership of the English Delegation at Constance // Colorado University Boulder. Vol. I (1941). P. 289–299.

Brett M. John of Worcester and his Contemporaries // The Writing of History in the Middle Ages / Ed. R. H. C. Davis and J. M. Wallace-Hadrill. Oxford, 1982. P. 101–126.

Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982.

Bridge J. C. Two Cheshire Soldiers of Fortune of the Fourteenth Century; Sir Hugh Calveley and Sir Robert Knollys // Journal of the Architectural, Archaeological and Historic Society for Chester. N. XIV (1908). P. 112–231.

Brie F. W. D. Geschichte und Quellen der mittelenglischen Prosachronik «The Brute of England» oder the Chronicles of England. Marburg, 1905.

Brieger P. English Art, 1216–1307. Oxford, 1957.

Brill R. The English Preparations before the Treaty of Arras. A New Interpretation of Sir John Fastolf's «Report», September, 1345 // Studies in Medieval and Renaissance History. Lincoln. Vol. VII (1970). P. 213–247.

Brock P. Pacifism in Europe to 1914. Princeton, 1972.

Brooke Ch. Geoffrey of Monmouth as a Historian // Church and Government in the Middle Ages. Cambridge, 1976. P. 77–91.

Broome D. M. The Ransom of John II, King of France, 1360–1370 // Camden Miscellany. XIV. L., 1926. P. I–XXVI, 1–44.

Broun D., Finlay R. J., Lynch M. Scottish Identity and the Historian // Image and Identity. The Making and Re-Making of Scotland through the Ages. Edinburgh, 1998. P. 1–17.

Brown A., Colvin H. M., Taylor A. J. The History of the King's Works. L., 1963.

Brown P. Higden's Britain // Medieval Europeans. Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe / Ed. A. P. Smyth. L., 1998. P. 95–106.

Bruce M. L. The Usurper King: Henry of Bolingbroke, 1366–1399. L., 1977.

- Brundage J. A.* Medieval Canon Law and the Crusader. Madison, 1972.
- Le Brusque G.* Chronicling the Hundred Years' War in Burgundy and France in the Fifteenth Century // *Writing War: Medieval Literary Responses to Warfare* / Ed. C. Saunders, F. Le Saux, N. Thomas. Cambridge, 2004. P. 77–92.
- Bryant F.* The Age of Chivalry. L., 1963.
- Burley S. J.* The Victualling of Calais 1347–1365 // *BIHR*. Vol. XXXI (1958). P. 49–57.
- Burne A. H.* The Agincourt War: A Military History of the Later Hundred Years' War from 1369 to 1453. L., 1956.
- Burne A. H.* The Crecy War: A Military History of the Hundred Years' War from 1337 to the Peace of Bretigny 1360. L., 1955; repr. 1990.
- Burne A. H.* The Hundred Years' War. L., 2002–2005.
- Burne A. H.* John of Gaunt's Grande Chevauchee // *History Today*. 1959. Feb. P. 113–121.
- Burns J. H.* Lordship, Kingship and Empire. The Idea of Monarchy, 1400–1525. Oxford, 1992.
- Butler R. R.* Is Paris Lost? The English Occupation, 1422–1436. Staplehurst, 2003.
- Cadoux C. J.* The Early Christian Attitude to War. L., 1919; repr. N.Y., 1982.
- Cafferro W.* «The Fox and the Lion»: the White Company and the Hundred Years' War in Italy // *The Hundred Years War: A Wider Focus* / Ed. L. J. A. Villalon, D. J. Kagay. Leiden, 2005. P. 179–210.
- Cailleux Ph.* La présence anglaise dans la capitale normande: quelques aspects des relations entre Anglais et Rouennais // *La Normandie et l'Angleterre au Moyen Age. Colloque de Cerisy-la-Salle (4–7 octobre 2001). Actes* / Éd. P. Bouet, V. Gazeau. Caen, 2003. P. 265–276.
- Caldwell R. A.* Wace's «Roman de Brut» and the Variant Version of Geoffrey of Monmouth's «Historia Regum Britanniae» // *Speculum*. 1956. Vol. 31. P. 675–682.
- Caldwell W. E.* Hellenic Conception of Peace. 2nd ed. N.Y., 1976.
- Calmette J., Déprez E.* La France et l'Angleterre en Conflit. P., 1937.
- Calmette J., Périnelle G.* Louis XI et Angleterre. P., 1930.
- Calvocoressi P.* A Time for Peace: Pacifism, Internationalism and Protest Forces in the Reduction of War. L., 1987.
- Cambier P.* La vie économique en France à la fin de la guerre de Cent ans. P., 1942.
- Campbell J.* England, Scotland and the Hundred Years' War in the Fourteenth Century // *Europe in the Late Middle Ages* / Ed. J. Hale, R. Highfield, B. Smalley. L., 1965. P. 184–216.

Campbell J. Some Twelfth-Century Views of the Anglo-Saxon Past // *Peritia*. 1984. Vol. 3. P. 131–150.

Campbell J. The United Kingdom of England: The Anglo-Saxon Achievement // *Uniting the Kingdom? The Making of British History* / Ed. A. Grant and K. J. Stringer. L., 1995. P. 31–47.

Capes W. W. A History of the English Church in the Fourteenth Century. L., 1909.

Capra P. Les Mesures réglementaires de l'administration anglo-gasconne en faveur des petites villes du duché: l'exemple de Bourg (1356–1357) // *Les petites villes du Moyen Âge à nos jours*. P., 1987. P. 49–63.

Carley J. P. John Leland and the Contents of the English Pre-Dissolution Libraries: Lincolnshire // *Transactions of the Cambridge Bibliographical Society*. Vol. IX (1989). P. 330–357.

Carley J. P. The Manuscript Remains of John Leland, «The King's Antiquary» // *Text: Transactions of the Society for Textual Scholarship*. Vol. II (1985). P. 111–120.

Carley J. P. Polydore Vergil and John Leland on King Arthur: The Battle of the Books // *King Arthur: A Casebook* / Ed. E. D. Kennedy. N.Y., 1996. P. 185–204.

Carr A. D. War in Fourteenth-Century Europe // *Power, Violence and Mass Death in Pre-Modern and Modern Times* / Ed. J. Canning, H. Lehmann, J. Winter. Aldershot, 2004. P. 67–89.

Carr A. D. Welshmen and the Hundred Years War // *Welsh History Review*. Vol. IV (1968). P. 21–46.

Carter P. The Historical Content of William of Malmesbury's Miracles of the Virgin Mary // *The Writing of History in the Middle Ages. Essays Presented to Richard William Southern* / Ed. R. H. C. Davis and J. M. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 127–164.

Caston H. The King, the Crown, and the Duchy of Lancaster: Public Authority and Private Power, 1399–1461. Oxford; N.Y., 2000.

Cazelles R. La Societe politique et la crise de la royaute sous Plilippe de Valois. P., 1958.

Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean II et Charles V. Genève; P., 1982.

Cazelles R. Une exigence de l'opinion publique depuis Saint-Louis: la réformation du royaume // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France*. 1962–1963 (1964). P. 91–99.

Chadwich C. Social Life in the Days of Piers Plowman. Cambridge, 1922.

Chalon L. la scène des bourgeois de Calais chez Froissart et Jean le Bel // *Cahiers d'analyse textuelle*. Vol. X (1968). P. 68–84.

Chambers E. K. English Literature at the Close of Middle Ages. Oxford, 1945.

Chambers E. K. Arthur of Britain. Oxford, 1927; repr. N.Y., 1964.

Chaplais P. English Arguments Concerning the Feudal Status of Aquitaine in the Fourteenth Century // BIHR. Vol. XXI (1946–1948). P. 203–213.

Chaplais P. English Diplomatic Documents to the End of Edward III's Reign // Study of Medieval Records: Essays in Honour of Kathleen Major / Ed. D. A. Bullough and R. S. Storey. Oxford, 1971. P. 22–56.

Chaplais P. Essays in Medieval Diplomacy and Administration. L., 1981.

Chareyron N. Jean le Bel: le maître de Froissart, grand imagier de la guerre de Cent ans. Bruxelles, 1996.

Chaytor H. J. From Script to Print: An Introduction to Medieval Literature. Cambridge, 1945; repr. 1966.

Chemu M. D. L'évolution de la théologie de la guerre juste // La parole de Dieu: 2 vols. Vol. II. P., 1964. P. 571–592.

Chibbert Ch. Agincourt. L., 1964.

Church A. J. Early Britain. Story of the Nations. L., 1889.

Church A. J. Henry the Fifth. L.; N.Y., 1889.

The Church, Politics and Patronage in the Fifteenth Century / Ed. B. Dobson. Gloucester; N.Y., 1984.

Churchill I. J. Canterbury Administration. L., 1933.

Clanchy M. T. From Memory to Written Record. England 1066–1307. 2nd ed. Oxford, 1993.

Clair C. A History of Printing in Britain. L., 1965.

Clarke M. V. Representation and Consent. L., 1936.

Clarke M. V., Denholm-Young N. The Kirkstall Chronicle, 1355–1400 / The British History in Early Tudor Propaganda // BJRL. Vol. XV (1931). P. 100–137.

Clarke M. V., Galbraith V. H. The Deposition of Richard II // BJRL. Vol. XIV (1930). P. 164–181.

Clements J. Wielding the Weapons of War: Arms, Armour, and Training Manuals During the Later Middle Ages // The Hundred Years War: A Wider Focus / Ed. L. J. A. Villalon, D. J. Kagay. Leiden, 2005. P. 447–475.

Clowes W. L. The Royal Navy. L., 1897.

Coffman G. R. John Gower, Mentor for Royalty: Richard II // Publications of the Modern Language Association of America. Vol. LXIX (1954). P. 953–964.

Coleman J. Medieval Readers and Writers, 1350–1400. N.Y., 1981.

Colet R. Jehanne Pucelle d'Orléans. Enseigner son histoire ou propager sa légende? Charmes, 1995.

Colledge E. Epistola solitarii ad reges. Alphonse of Pecha as Organizer of Brigittine and Urbanist Propaganda // *Mediaeval Atudies*. Vols. XVIII–XIX (1956). P. 19–49.

Collini S. English Past. Essays in History and Culture. Oxford, 1999.

Collins H. E. L. Sir John Fastolf, John Lord Talbot and the Dispute over Patay: Ambition and Chivalry in the Fifteenth Century // *War and Society in Medieval and Early Modern Britain* / Ed. D. Dunn. Liverpool, 2000. P. 114–140.

Collins H. E. L. The Order of the Garter, 1348–1461. Chivalry and Politics in Later Medieval England. L.; Toronto, 2001.

Concepts of National Identity in the Middle Ages / Ed. S. Forde, L. Johnson and A. V. Murray. Leeds, 1995.

Concepts and Patterns of Service in the Later Middle Ages / Ed. A. Curry, E. Matthew. Woodbridge, 2000.

Connor W. A Nation is a Nation, is a State, is an Ethnic Group // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. I (1978). P. 377–400.

Connor W. When is Nation? // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. XIII (1990). P. 92–100.

The Conquest of France, with the Life and Glorious Actions of Edward the Black Prince. Glasgow, 1805.

Contamine Ph. A l'abordage! Pierre de Brèzé, grand sénéchal de Normandie, et la guerre de course (1452–1458) // *La Normandie et l'Angleterre au Moyen Âge*. Colloque de Cerisy-la-Salle (4–7 octobre 2001). Actes / Éd. P. Bouet, V. Gazeau. Caen, 2003. P. 307–358.

Contamine Ph. La France aux XIVe et XVe siècles. Hommes, mentalités, guerre et paix. L., 1981.

Contamine Ph. Guerre, État et société à la fin du Moyen Âge. Études sur les armées des rois de France, 1337–1494. P., 1972.

Contamine Ph. Guerre et paix à la fin du Moyen Âge: l'action et la pensée de Philippe de Mézières (1327–1405) // *Krieg im Mittelalter* / Ed. H.-H. Kortüm. Berlin, 2001. P. 181–196.

Contamine Ph. La guerre de Cent ans. P., 1972.

Contamine Ph. Les compagnies d'aventure en France pendant la Guerre de Cents ans // *Mélanges de l'École française de Rome*. Moyen Âge, Temps modernes, 1975. T. 87. P. 365–396.

Contamine Ph. L'idée de guerre à la fin du Moyen Âge: aspects juridiques et éthiques // *Académie des inscriptions et belles-lettres*. 1979. P. 70–86.

Contamine Ph. La théologie de la guerre à la fin du Moyen Âge: la Guerre de Cent ans fut-elle une guerre juste? // *Jeanne d'Arc, une époque, un rayonnement* / Éd. J. Glénisson. P., 1982. P. 9–21.

Contamine Ph. Structures militaires de la France et de l'Angleterre au milieu du XVe siècle // Das spätmittelalterliche Königtum in europäischen Vergleich. Sigmaringen, 1987. S. 319–334.

Contamine Ph. Mourir pour la patrie (X–XX s.) // Les lieux de mémoire. Tome II. Nation / Sous la direction de P. Nora. 3 vols. P. 1992. Vol. III. P. 98–130.

Contamine Ph. Des pouvoirs en France 1300–1500. P., 1992.

Contamine Ph. Naissance d'une historiographie. Le souvenir de Jeanne d'Arc, en France et hors de France, depuis le «procès de son innocence» (1455–1456) jusqu'au début du XVIe siècle // De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie. Figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléans-Caen, 1994. P. 139–162.

Cottle B. The Triumph of English, 1350–1400. N.Y., 1969.

Coulton C. G. Nationalism in the Middle Ages // Cambridge Historical Journal. Vol. V (1935). P. 15–40.

Coulon A. La Normandie sous la domination anglaise // Revue des questions historiques. 1929. 1 avril. P. 368–374.

Coville A. Les premières Valois et la guerre de Cent ans (1328–1422) // Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution / Sous la direction de E. Lavisse. Vol. IV. P., 1902.

Cowan E. J. Identity, Freedom and the Declaration of Arbroath // Image and Identity. The Making and Re-Making of Scotland through the Ages / Ed. D. Broun, R. J. Finlay and M. Lynch. Edinburgh, 1998. P. 38–68.

Cowie L. W. The Black Death and Peasants' Revolt. L., 1972.

Crane S. The Performance of Self: Ritual, Clothing, and Identity during the Hundred Years War. Philadelphia, 2002.

Crick C. J. Manuscripts of Geoffrey of Monmouth's *Historia Regum Britannie* // Arthurian Literature. Vol. VII (1987). P. 158–162.

Crick C. J. A Summary Catalogue of the Manuscripts // The *Historia Regum Britannie* of Geoffrey of Monmouth. Vol. III. Cambridge, 1989.

Cripps-Day F. H. A History of the Tournament in England and France. L., 1918.

Crowder C. M. D. Peace and Justice around 1400: A Sketch // Aspects of Late Medieval Government and Society. Essays Presented to J. R. Lander / Ed. J. G. Rowe. Toronto, 1986. P. 53–81.

Crowson P. S. Tudor Foreign Policy. N.Y., 1973.

Cruikshank C. G. Army Royal. Henry VIII's Invasion of France, 1513. Oxford, 1969.

Culture and History 1350–1600. Essays on English Communities Identities and Writing / Ed. D. Aers. Exeter, 1992.

Curley M. J. The Cloak of Anonymity and the Prophecy of John of Bridlington // Modern Philology. Vol. LXXVII (1980). P. 361–369.

Curley M. J. Fifteenth-Century Glosses on the Prophecy of John of Bridlington: a Text, its Meaning and its Purpose // *Medieval Studies*. Vol. XLVI (1984). P. 321–339.

Curran J. E. Roman Invasions: The British History. Protestant Anti-Romanism and the Historical Imagination in England 1530–1660. L., 2002.

Curry A. Agincourt: a New History. Stroud, 2005.

Curry A. The Battle of Agincourt: Sources and Interpretations. Woodbridge, 2000.

Curry A. The «Coronation Expedition» and Henry VI's Court in France, 1430–1432 // *The Lancastrian Court: Proceedings of the 2001 Harlaxton Symposium* / Ed. J. Straford // *Harlaxton Medieval Studies*. Vol. XIII. Donington, 2003. P. 29–52.

Curry A. The First English Standing Army? Military Organisation in Lancastrian Normandy // *Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England* / Ed. C. D. Ross. Gloucester, 1979. P. 193–214.

Curry A. Harfleur et les Anglais, 1415–1422 // *La Normandie et l'Angleterre au Moyen Age*. Colloque de Cerisy-la-Salle (4–7 octobre 2001). Actes / Éd. P. Bouet, V. Gazeau. Caen, 2003. P. 249–263.

Curry A. Henry V's Conquest of Normandy 1417–1419: the Siege of Rouen in Context // *Guerra y diplomacia en la Europa occidental, 1280–1480: XXXI Semana de Estudios Medievales, Estella, 19 a 23 de julio de 2004*. Pamplona, 2005. P. 237–254.

Curry A. The Hundred Years War. L., 1993; Oxford, 2002.

Curtius E., Trask W. European Literature and the Latin Middle Ages. L., 1953.

Cuttino G. P. English Medieval Diplomacy. Bloomington, 1985.

Cuttino G. P. English Medieval Diplomatic Administration, 1259–1339. 2nd ed. Oxford, 1971.

Cuttino G. P. Historical Revision: the Causes of the Hundred Years War // *Speculum*. Vol. XXXI (1956). P. 463–477.

Dahmus J. H. The Metropolitan Visitations of William Courteney, Archbishop of Canterbury, 1381–1396. Urbana, 1950.

Daly K. Histoire et politique à la fin de la guerre de Cent ans: «l'Abrégé des chroniques» de Noël de Fribois // *La «France anglaise» au Moyen Âge*. Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111e Congrès national des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie. T. I. P., 1988. P. 91–101.

Daly K. The «Miroir Historial Abrégé de France» and «C'est chose profitable»: a Study of two Fifteenth-Century Texts and their Context. Oxford, 1983.

Daly K. Mixing Business with Leisure: Some French Royal Notaries and Secretaries and their Histories of France (1459–1509) // Power, Culture and Religion in France 1350–1550 / Ed. C. T. Allmand. Woodbridge, 1989. P. 99–115.

Daly L. J. The Political Theory of John Wyclife. Chicago, 1962.

Damian-Grint P. The New Historians of the Twelfth-Century Renaissance: Authorising History in the Vernacular Revolution. Oxford, 1999.

Danbury E. The Decoration and Illumination of Royal Charters in England, 1250–1509: An Introduction // England and Her Neighbours, 1066–1453 / Ed. M. Jones and M. Vale. L., 1989. P. 157–179.

Danbury E. English and French Artistic Propaganda during the Period of the Hundred Years War: Some Evidence from Royal Charters // Power, Culture and Religion in France c. 1350 – c. 1550 / Ed. C. T. Allmand. Woodbridge, 1989. P. 75–97.

Daumet G. Étude sur l'alliance de la France et de la Castille aux XIVe et XVe siècles. P., 1898.

Davies C. S. L. Peace, Print and Protestantism, 1450–1558. L., 1976.

Davies C. S. L. «Roy de France et roy d'Angleterre»: the English Claims to France, 1453–1558 // Publications du Centre Européen d'Etudes Bourguignonnes (XIVe–XVIe siècle). Vol. XXXV (1995). P. 123–132.

Davies C. S. L. Tournai and the English Crown, 1513–1519 // Historical Journal. Vol. XLI (1998). P. 1–26.

Davies R. G. Some Notes from the Register of Henry de Wakefield, Bishop of Worcester, on the Political Crisis of 1386–1388 // EHR. Vol. LXXXVI (1971). P. 547–558.

Davies R. R. The British Isles, 1100–1500: Comparisons, Contrasts and Connections. Edinburgh, 1988.

Davies R. R. The First English Empire: Power and Identities in the British Isles 1093–1343. Oxford, 2000.

Davies R. R. The Matter of Britain and the Matter of England // An Inaugural lecture delivered before the University of Oxford on 29 febr. Oxford, 1996.

Davies R. R. The People of Britain and Ireland, 1100–1400: [Part] 1. Identities // TRHS. 6th ser. Vol. IV (1994). P. 1–20; [Part] 2. Names, Boundaries and Regal Solidarities // TRHS. Vol. V (1995). P. 1–20; [Part] 3. Laws and Customs // TRHS. Vol. VI (1996). P. 1–23; [Part] 4. Language and Historical Mythology // TRHS. Vol. VII (1997). P. 1–24.

Davis R. H. C. The Normans and Their Myth. L., 1976.

Davis R. H. C. William of Poitiers and his History of William the Conqueror // The Writing of History in the Middle Ages / Ed. R. H. C. Davis and J. M. Wallace-Hadrill. Oxford, 1982. P. 71–100.

Davies R. S. Lollardy and Locality // TRHS. 6th ser. Vol. I (1991). P. 191–212.

Davy A. Frères d'armes: Bertrand Du Guesclin et Olivier de Clisson. P., 2003.

Daw B. M. English Knighthood in Decline: the Last Years of the Hundred Years' War, 1435–1453 // BJRL. Vol. LXXXIII (2001). P. 201–220.

Dean Ch. Arthur of England. L., 1987.

Dean J. Gower, Chaucer, and the Rhyme Royal // Studies in Philology. Vol. LXXXVIII (1991). P. 251–275.

Dean H. The Political and Social Ideas of St. Augustine. N.Y., 1963.

Delachenal R. History de Charles V: 5 vols. P., 1909.

Delany Sh. Impolitic Bodies. Poetry, Saints, and Society in Fifteenth-Century England. Oxford, 1998.

Dellheim C. J. The Face of the Past: The Preservation of the Medieval Inheritance in Victorian England. Cambridge, 1982.

Denholm-Young N. The Birth of Chronicle // Bodleian Quarterly Record. Vol. VII (1933). P. 326–328.

Denholm-Young N. Richard de Bury (1287–1345) // TRHS, 4th ser. Vol. XXII (1937). P. 135–168.

Denifle H. La désolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la guerre de Cent ans. P., 1899.

Denys H. The Division of the Spoils of War in Fourteenth-Century England // TRHS. 5th ser. Vol. IV (1954). P. 91–110.

Déprez E. La bataille de Najera // Revue historique. T. CXXXVI (1921). P. 37–59.

Déprez E. La Conférence d'Avignon (1344) // Essay in Medieval History Presented to Thomas Frederick Tout / Ed. A. G. Little and F. M. Powicke. Manchester, 1925. P. 301–320.

Déprez E. Les préliminaires de la guerre de Cent ans. La Papauté, la France et l'Angleterre, 1328–1342. P., 1902; repr. Geneva, 1975.

Devries K. R. Contemporary View of Edward III's Failure at the Siege of Tournai, 1340 // Nottingham Medieval Studies. Vol. 31 (1995). P. 18–34.

Devries K. R. Hunger, Flemish Participation and the Flight of Philip VI: Contemporary Account of the Siege of Calais, 1346–1347 // Studies in Medieval and Renaissance History. Vol. XII (1996). P. 129–182.

Devries K. R. Infantry Warfare in the Early Fourteenth Century. Woodbridge, 1996.

Devries K. R. «The Walls Come Tumbling down»: the Campaigns of Philip the Good and the Myth of Fortification Vulnerability to Early Gunpowder Weapons // The Hundred Years War: A Wider Focus / Ed. L. J. A. Villalon, D. J. Kagay. Leiden, 2005. P. 429–446.

Diller G. T. La dernière rédaction du premier livre de Chroniques de Froissart: une étude du Reg. Lat. 869 // *Le Moyen Âge*, 4e sér. T. XXV (1970). P. 91–125.

Dird R. *The Turbulent London of Richard II.* L., 1949.

Diverres A. H., Grout P. B. *The Legend of Arthur in the Middle Ages.* Cambridge, 1983.

Dobson R. B. *Durham Priory, 1400–1450.* Cambridge, 1973.

Dobson R. B. *The Peasants' Revolt of 1381.* L.; N.Y., 1970.

Doherty P. C. *Isabella, Queen of England, 1296–1330.* Ph.D. Thesis. University of Oxford, 1978.

Duby G. *Hommes et structures du Moyen Âge.* Recueil d'articles. P., 1973.

Duby G. *L'Histoire des mentalités // Histoire et ses méthodes.* P., 1961.

Ducluzeau R. *Guichard d'Angle: sénéchal de Jean le Bon, maréchal d'Aquitaine, gouverneur du roi d'Angleterre.* La Crèche, 2002.

Duls L. D. *Richard II in the Early Chronicles.* P., 1975.

Dumville D. N. *An Early Text of Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae and the Circulation of Some Latin Histories in the Twelfth-Century Normandy // Arthurian Literature. Vol. IV (1985).* P. 1–36.

Duparc P. *La conclusion du traité de Troyes // Revue historique de droit français et étranger.* 1971. № 1. P. 50–64.

Duparc P. *Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc.* 2 vols. P., 1977–1979.

Dupont-Ferrier G. *Le sens des mots «patria» et «partie» // Revue historique.* 1940. P. 450–459.

Dupuy M. *Le Prince Noir Edouard, Seigneur d'Aquitaine.* P., 1970.

Earle P. *The Life and Times of Henry V.* L., 1972.

Ebin L. A. *John Lydgate.* Boston, 1985.

Edington C. *Paragons and Patriots: National Identity and the Chivalric Ideal in Late-Medieval Scotland // Image and Identity. The Making and Re-Making of Scotland through the Ages / Ed. D. Broun, R. J. Finlay and M. Lynch.* Edinburgh, 1998. P. 69–81.

Edwards A. S. G. *The Influence and Audience of the «Polychronicon» // Proceedings of the Leeds Philosophical and Literary Society. Vol. XVII (1980).* P. 113–119.

Edwards J. G. *Ranulph, Monke of Chester // EHR. Vol. XLVII (1932).* P. 94.

Eckhardt C. D. *Geoffrey of Monmouth's «Prophetia Merlini» and the Construction of Liège University MS 369C // Manuscripta.* 1988. Vol. 32. P. 176–184.

Eisenstein E. *The Printing Revolution in Early Modern Europe.* Cambridge, 1983.

Eley P. The Myth of Trojan Descent and Perceptions of National Identity // Nottingham Medieval Studies. Vol. 35 (1991). P. 27–40.

Elias E. R. D. The Anglo-Gallic Coins. L., 1984.

Elton G. R. English National Self-Consciousness and the Parliament in the Sixteenth Century // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Vol. IV: Papers and Reviews, 1983–1990. Cambridge, 1992. P. 131–143.

Emden A. B. A Biographical Register of the University of Oxford to A. D. 1500: 3 vols. Oxford, 1957–1959.

Emerson O. F. English or French in the Time of Edward III? // Romanic Review. Vol. VII (1916). P. 52–68.

England and the Low Countries in the Late Middle Ages / Ed. C. Barron and N. Saul. N.Y., 1995.

England and Normandy in the Middle Ages / Ed. D. Bates and A. Curry. L., 1987.

England in the Fourteenth Century. Proceeding of the 1991 Harlaxton Symposium / Ed. N. Rogers. Stamford, 1993.

England in the Reign of Edward III / Ed. S. L. Waugh. Cambridge, 1991.

English Court Culture in the Later Middle Ages / Ed. V. J. Scattergood, J. W. Sherborne. L., 1983.

The English Experience in France c. 1450–1558: War, Diplomacy, and Cultural Exchange / Ed. D. Grummitt. Aldershot, 2002.

English Medieval Diplomatic Practice: 3 vols. / Ed. P. Chaplais. L., 1975–1982.

The English Parliament in the Middle Ages / Ed. R. G. Davies and J. H. Denton. Manchester, 1981.

The English Rising of 1381 / Ed. R. H. Hilton, T. H. Aston. Cambridge, 1987.

Evans J. A History of the Society of Antiquaries. Oxford, 1956.

Fairfield L. P. John Bale and the Development of Protestant Hagiography in England // Journal of the Ecclesiastical History. Vol. XXIV (1973). P. 145–160.

Falls C. The Place of War in History. Oxford, 1947.

Favier J. La guerre de Cent ans. P., 1980.

Favier J. Occupation ou connivence? Les Anglais à Paris (1420–1436) // Guerre, pouvoir et noblesse au Moyen Âge: Mélanges en l'honneur de Philippe Contamine / Textes réunis par J. Paviot, J. Verger. P., 2000. P. 230–260.

Ferguson J. English Diplomacy, 1422–1461. Oxford, 1972.

Field R. Romance as History, History as Romance // Romance in Medieval England / Ed. M. Mills, J. Fellows and C. M. Meale. Cambridge, 1991. P. 163–173.

Fifteenth-Century England, 1399–1509. Studies in Politics and Society / Ed. S. B. Chrimes. Manchester, 1972.

Fillon B. Jean Chandos, connétable d'Aquitaine et sénéchal de Poitou. L.; Fontenay-le-Comte, 1856.

Finberg H. P. R. St. Patrick at Glastonbury // Irish Ecclesiastical Record. Vol. CVII (1967). P. 345–354.

Fisher J. H. John Gower, Moral Philosopher and Friend of Chaucer. N.Y., 1964.

Fishman J. Social Theory and Ethnography: Neglected Perspectives on Language and Ethnicity in Eastern Europe // Ethnic Diversity and Conflict in Eastern Europe / Ed. P. Suger. Santa Barbara, 1980. P. 69–99.

Fleischman S. On the Representation of History and Fiction in the Middle Ages // History and Theory. Vol. 22 (1983). P. 278–310.

Ford C. J. Piracy or Policy: the Crisis in Channel, 1400–1403 // TRHS, 5th ser. Vol. XXIX (1979). P. 63–78.

Fowler D. C. The Life and Time of John Trevisa. Seattle, 1995.

Fowler D. C. New Light on John Trevisa // Traditio. Vol. 18 (1962). P. 289–317.

Fowler K. The Age of Plantagenet and Valois. L., 1967.

Fowler K. Deux entrepreneurs militaires au XIVe siècle: Bertand du Guesclin et Sir Hugh Calveley // Le combatant au Moyen Âge. Act du XVIIIe congrès de la SHMESP. Montpellier, 1987. 2e édn. P., 1995. P. 243–256.

Fowler K. The King's Lieutenant: Henry of Grosmont, First Duke of Lancaster, 1310–1361. L., 1969.

Fowler K. Les lieutenants du roi d'Angleterre en France à la fin du Moyen Âge // Les serviteurs de l'État au Moyen Âge. Actes du XXIXe congrès de la SHMESP, Pau, 1998. P., 1999. P. 193–205.

Fowler K. News from the Front: Letters and Despatches of the Fourteenth Century // Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne. XIVe – XVe siècle / Sous la direction de Ph. Contamine, Ch. Giry-Deloison et M. Keen. Lille, 1991. P. 73–90.

Fowler K. Sir John Hawkwood and the English Condottieri in Trecento Italy // Renaissance Studies. Vol. XII (1998). P. 131–148.

Fowler K. The Wages of War: The Mercenaries of the Great Companies // Viajeros peregrinos, mercaderes en el Occidente medieval: Actas de la XVIII Semana de Estudios Medievales de Estella, 22–26 de julio de 1991. Pamplona, 1992. P. 217–244.

Fowler K. Medieval Mercenaries. The Great Companies. Oxford, 2001.

Fox E. H. B., Fox S. J. S. Numismatic History of the Reigns of Edward I, II and III // British Numismatic Journal. 1st ser. N. 10 (1913). P. 95–123.

Fradenburg L. O. City, Marriage, Tournament: Arts of Rule in Late Medieval Scotland. Madison. L., 1991.

Fraioli D. The Image of Joan of Arc in the XVth Century French Literature. Syracuse, 1981.

Fraioli D. L'image de Jeanne d'Arc. Que doit-elle au milieu littéraire et religieux de son temps? // Jeanne d'Arc. Une époque, un rayonnement. Colloque d'histoire médiévale, Orléans, 1979. P., 1982. P. 180–196.

Fraioli D. A. Joan of Arc and the Hundred Years War. Westport, 2005.

Frame R. «Les Engleys Nées en Ireland»: The English Political Identity in Medieval Ireland // TRHS. 6th ser. Vol. III (1993). P. 83–105.

Frame R. Kingdoms and Dominions at Peace and War // The Fourteenth and Fifteenth Centuries / Ed. R. Griffiths. Oxford, 2003. P. 149–180.

Frame R. The Political Development of the British Isles, 1100–1400. Oxford, 1990.

La «France Anglaise» au Mogen Âge. Colloque des historiens mesiévisistes français et britannique, Poitiers 1986. Paris, 1988.

Freeman E. A. The Growth of English Constitution from the Earliest Times. L., 1872.

Freeman E. A. The History of the Norman Conquest of England, its Causes and its Results: 6 vols. L., 1867–1879.

Freeman E. A. The Mythical and Romantic Elements in Early English History // Fortnightly Review. Vol. IV (1866). P. 641–668.

Freeman E. A. The Reign of William Rufus and the Accession of Henry the First: 4 vols. L., 1882.

Froissart: Historian / Ed. J. J. N. Palmer. Bury St Edmunds, 1981.

From Crécy to Mohács: Warfare in the Late Middle Ages (1346–1526). Acta of the XXII-nd Colloquium of the International Commission of Military History. Vienna, 1997.

Fryde E. B. Edward III's Wool Monopoly of 1337 // History. Vol. XXXVII (1952). P. 8–24.

Fryde E. B. The Financial Resources of Edward III in the Netherlands // Revue Belge de Philologie et d'Histoire. Vol. XLV (1967). P. 1142–1216.

Fryde E. B. Parliament and the French War // Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson / Ed. T. A. Sandquist and M. R. Powicke. Toronto, 1969. P. 250–269.

Fryde E. B. William de la Pole. Merchant and King's Banker. L., 1988.

Fuller J. F. C. The Decisive Battles of Western World and their Influence upon History. L., 1970.

Galbraith V. H. An Autograph MS of Ranulph Higden's «Polychronicon» // Huntington Library Quarterly. Vol. XXIII (1959–1969). P. 1–18.

Galbraith V. H. The Battle of Poitiers // EHR. Vol. LIV (1939). P. 473–498.

Galbraith V. H. The Chronicle of Henry Knighton // Fritz Saxl, 1890–1948: a Volume of Memorial Essays from his Friends in England / Ed. D. Gordon. L., 1957. P. 136–148.

Galbraith V. H. Extracts from the «Historia Aurea» and a French «Brut» (1317–1347) // EHR. Vol. XLIII (1928). P. 206–207, 215–217.

Galbraith V. H. Good Kings and Bad Kings in English History // History. Vol. XXX (1945). P. 119–132.

Galbraith V. H. The «Historia Aurea» of John Vicar of Tynemouth, and the Sources of the St Albans Chronicle // Essays in History Presented to Reginald Lane Poole / Ed. H. W. C. Davis. Oxford, 1927. P. 393–398.

Galbraith V. H. Historical Research in Medieval England. L., 1951.

Galbraith V. H. Nationality and Language in Medieval England // TRHS. 4th ser. Vol. XXIII (1941). P. 113–128.

Galbraith V. H. Thomas Walsingham and the Saint Albans Chronicle, 1272–1422 // EHR. Vol. XLVII (1932). P. 12–30.

Galway M. Froissart in England // University of Birmingham Historical Journal. Vol. VII (1959–1960). P. 18–35.

Garnett G. Coronation and Propaganda: Some Implications of the Norman Claim to the Throne of England in 1066 // TRHS. 5th ser. Vol. XXXVI (1986). P. 91–116.

Garnett G. «Franci et Angli»: The Legal Distinction between Peoples after the Conquest // Anglo-Norman Studies. Vol. VIII (1986). P. 109–137.

The Gardyners Passetaunce Touchyng the Outrage of France / Ed. F. B. Williams. L., 1985.

Gascar P. Charles VI. P., 1978.

Gask G. E. The Medical Staff of Edward III // Proceedings of the Royal Society of Medicine. Vol. 19 (1926). Section of the History of Medicine. P. 1–16.

Gauvard Cl. Christine de Pisan a-t-elle eu une pensée politique // Revue historique T. CCCCXVIII (1973). P. 435–454.

Gauvard Cl. Christine de Pizan et ses contemporains: l'engagement politique des écrivains dans le royaume de France aux XIVe–XVe siècles // Une femme de lettre au Moyen Âge. Etudes autour de Christine de Pizan / Sous la direction de L. Dulac et B. Ribemont. Orléans, 1995. P. 105–128.

Gauvard Cl. Crime, Etat et société à la fin du Moyen Âge. 2 vols. P., 1991.

Gauvard Cl. Les humanistes et la justice sous le règne de Charles VI // Pratique de la culture écrite en France au XVe siècle. Actes de colloque

internationale du CNRS. Paris, 16–18 mai 1992 / Sous la direction de M. Ornato et N. Pons. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 217–244.

Gauvard Cl. Le roi de France et l'opinion publique à l'époque de Charles VI // Culture et idéologie dans la genèse de l'Etat moderne. Actes de la table ronde organisée par le CNRS et l'Ecole française de Rome. Rome 15–17 octobre 1984. Rome, 1985. P. 353–366.

Gauvard Cl. L'opinion politique aux des Etats et des Principautés au début du XVe siècle // Les principautés au Moyen Âge. Actes du congrès de la société des historiens médiévistes. Bordeaux 1973. P. 156–178.

Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983.

Gellrich J. M. Discourse and Dominion in the Fourteenth Century: Oral Contexts of Writing in Philosophy, Politics, and Poetry. Princeton, 1995.

Genet J. Ph. Ecclesiastics and Political Theory in Late Medieval England: the End of Monopoly // The Church, Politics, and Patronage in the Fifteenth-Century / Ed. B. Dobson. N.Y., 1984. P. 23–45.

Genet J. Ph. Le roi de France anglais et la nation française au XVe siècle // Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Âge à l'époque moderne. Actes de colloque organisé par l'Université Paris-XII. 6–8 oct. 1993. P., 1997. P. 39–58.

Gervase M. The Court of Richard II. L., 1968.

Gilbert J. E. A Medieval «Rosie the Riveter»? Women in France and Southern England during the Hundred Years War // The Hundred Years War: A Wider Focus / Ed. L. J. A. Villalon, D. J. Kagay. Leiden, 2005. P. 333–363.

Gillingham J. The Angevin Empire. L., 1984.

Gillingham J. The Context and Purposes of Geoffrey of Monmouth's «History of the Kings of Britain» // Anglo-Norman Studies. Vol. 13. 1991. P. 99–118.

Gillingham J. Foundations of a Disunited Kingdom // Uniting the Kingdom? The Making of British History / Ed. A. Grant and K. J. Stringer. L., 1995. P. 48–64.

Gillingham J. Henry of Huntingdon and the Twelfth-Century Revival of the English Nation // Concepts of National Identity in the Middle Ages / Ed. S. Forde, L. Johnson and A. V. Murray. Leeds, 1995. P. 75–101.

Gillingham J. The English in the Twelfth Century: Imperialism, National Identity, and Political Values. Woodbridge, 2000.

Girardet R. Mythes et Mythologie politique. P., 1986.

Gist M. A. Love and War in the Middle English Romances. Philadelphia, 1989.

Given-Wilson Ch. Chronicles of the Revolution 1397–1400. Manchester; N.Y., 1993.

Given-Wilson Ch. Edward III's Prisoners of War: the Battle of Poitiers and its Context // EHR. Vol. 116 (2001). P. 802–833.

- Given-Wilson Ch.* The English Nobility in the Late Middle Ages. L., 1987.
- Given-Wilson Ch.* The King and the Gentry in Fourteenth-Century England // TRHS. 5th ser. Vol. XXXVII (1987). P. 87–102.
- Goldstein R. J.* The Matter of Scotland. Historical Narrative in Medieval Scotland. Edinburgh, 1999.
- Göller K. H.* War and Peace in the Middle English Romances and Chaucer // War and Peace in the Middle Ages / Ed. B. P. McGuire. Copenhagen, 1987. P. 118–145.
- Goodman A.* The Loyal Conspiracy: The Lords Appellant under Richard II. L., 1971.
- Goodman A.* The Military Subcontracts of sir Hugh Hastings, 1380 // EHR. Vol. XCV (1980). P. 114–120.
- Goodman A.* John of Gaunt: Paradigm of the Late Fourteenth-Century Crisis // TRHS. 5th ser. Vol. XXXVII (1987). P. 133–148.
- Goodman A.* John of Gaunt: The Exercise of Princely Power in the Fourteenth-Century Europe. Harlow, 1992.
- Goulay D.* La résistance à l'occupation anglaise en Haute Normandie (1435–1444) // Annales de Normandie. T. 36 (1986). P. 91–104.
- Gransden A.* Antiquarian Studies in Fifteenth Century England // Antiquaries Journal. Vol. LX. Pt. I (1980). P. 75–97.
- Gransden A.* The Continuations of the «Flores Historiarum» from 1265 to 1327 // Mediaeval Studies. Vol. XXXVI (1974). P. 472–492.
- Gransden A.* The Growth of the Glastonbury Traditions and Legends of the Twelfth Century // Journal of Ecclesiastical History. Vol. XXVII (1976). P. 337–358.
- Gransden A.* Historical Writing in England. Vol. I (c. 550 – c. 1307). L.; N.Y., 1974.
- Gransden A.* Historical Writing in England. Vol. II (c. 1307 to the Early Sixteenth Century). L.; N.Y., 1982.
- Gransden A.* Legends, Traditions and History in the Medieval England. L., 1990.
- Gransden A.* Propaganda in English Medieval Historiography // Journal of Medieval History. Vol. I (1975). P. 362–382.
- Gransden A.* Realistic Observation in Twelfth-Century England // Speculum. Vol. XLVII (1972). P. 29–51.
- Gransden A.* Silent Meanings in Ranulf Higden's Polychronicon and Thomas Elmham's Liber Metricus de Henrico Quinto // Medium Aevum. Vol. XLVI (1978). P. 231–240.
- Gransden A.* Traditionalism and Continuity during the Last Century of Anglo-Saxon Monasticism // The Journal of Ecclesiastical History. Vol. XL (1989). P. 159–207.

- Grassoreille G.* Histoire politique du chapitre de Notre-Dame de Paris pendant la domination anglaise // *Memoires de la Société de l'Histoire de Paris et de l'Île de France*. Vol. IX (1882). P. 109–192.
- Green D. S.* Edward the Black Prince. Harlow, 2007.
- Green D. S.* Politics and Service with Edward the Black Prince // *The Age of Edward III* / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 53–68.
- Green V. H. H.* The Later Plantagenets. L., 1955.
- Greenway D. E.* Henry of Huntingdon and the Manuscripts of his «*Historia Anglorum*» // *Anglo-Norman Studies*. 1987. Vol. 9. P. 103–121.
- Grierson F.* Monnaies du Moyen Âge. Friburg, 1976.
- Griffiths R. A.* The Reign of King Henry VI: The Exercise of Royal Authority. L., 1981.
- Griffiths R. A.* The Sense of Dynasty in the Reign of Henry VI // *Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England* / Ed. C. D. Ross. Gloucester, 1979. P. 13–36.
- Grosjean G.* Le sentiment national pendant la guerre de Cent ans. P., 1927.
- Guenée B.* «Authentique et approuvé». Recherches sur les principes de la critique historique au Moyen Âge // *Actes du Colloque international sur la lexicographie du latin médiéval*. P., 1978. P. 25–48.
- Guenée B.* Du Guesclin et Froissart. La Fabrication de la renommée. P., 2008.
- Guenée B.* L'enquête historique ordonnée par Edouard I, roi d'Angleterre, en 1291 // *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*, 1975. P. 572–584.
- Guenée B.* La culture historique des nobles: le succès des Faits des Romains (XIIIe – XVe siècles) // *La noblesse au Moyen Âge. Essais à la mémoire de Robert Boutruche* / Réunis par Ph. Contamine. P., 1976. P. 261–288.
- Guenée B.* Temps de l'histoire et temps de la mémoire // *Annuaire Bulletin de la Société de l'histoire de France*, 1976–1977. P. 25–35.
- Guenée B.* Les généalogies entre l'histoire et la politique: la fierté d'être Capétien, en France, au Moyen Âge // *Annales. Economies, Sociétés. Civilisations*, 1978. P. 450–477.
- Guenée B.* Les tendances actuelles de l'histoire politique du Moyen Âge français, Comité des travaux historiques et scientifiques. Actes du 100e Congrès national des Sociétés savantes. P., 1977. P. 45–70.
- Guenée B.* Y a-t-il une historiographie médiévale? // *Revue d'histoire de l'Eglise de France*. T. 258 (1977). P. 261–275.
- Guenée B.* Histoires, annales, chroniques. Essai sur les genres historiques au Moyen Âge. P., 1973. P. 997–1016.

Guenée B. Histoire et culture historique dans l'occident médiéval. P., 1980.

La guerre de Cent ans de Limeuil à Bergerac / Éd. A.-M. Cocula Vaillières, J. Couleaud, M. Feuille [et al.]. Saint-Capraise, 2007.

Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne. XIVe–XVe siècle / Sous la direction de Ph. Contamine, Ch. Giry-Deloison et M. Keen. Lille, 1991.

Guittou J. Problème et mystère de Jeanne d'Arc. P., 1961.

Guizot F. P. C. Édouard III et les bourgeois de Calai. P., 1854.

Gunn S. Chivalry and the Politics of the Early Tudor Court // Chivalry in the Renaissance / Ed. S. Anglo. Woodbridge, 1990. P. 107–128.

Gunn S. The Duke of Suffolk's March on Paris in 1523 // English Historical Reviw. Vol. CI (1986). P. 596–634.

Gunn S. The French Wars of Henry VIII // The Origins of War in Early Modern Europe / Ed. J. Black. Edinburgh, 1987. P. 28–51.

Gunn S. Henry VIII's Foreign Policy and the Tudor Cult of Chivalry // François I et Henri VIII: deux princes de la Renaissance (1515–1547) / Sous la direction de Ch. Giry-Deloison. P., 1996. P. 25–36.

Guth D. L. Late-Medieval England, 1377–1485. Cambridge, 1976.

Gutiérrez de Velasco A. Los Ingleses en España // Estudios de Edad Media de la Corona de Aragón. Vol. IV (1951). P. 215–319.

Gwynn Au. Richard FitzRalph, Archbishop of Armagh // Studies. An Irish Quarterly Review. Vol. XXII (1933). P. 389–405, 591–607; Vol. XXIII (1934). P. 395–411; Vol. XXIV (1935). P. 25–42, 558–72; Vol. XXV (1936). P. 81–96.

Gwynn Au. The Sermon-Diary of Richard FitzRalph, Archbishop of Armagh // Proceeding of the Royal Irish Academy. Vol. XLIV, sec. C (1937–1938). P. 22–32.

Haines R. M. Archbishop John Stratford: Political Revolutionary and Champion of the Liberties of the English Church, c. 1275/1280–1348. Toronto, 1986.

Haines R. M. An English Archbishop and the Cerberus of War // Studies in Chirch History. Vol. XX. The Church and War / Ed. W. J. Sheils. L., 1983. P. 153–170.

Hale J. R. The Evolution of British Historiography. L.; Melbourne, 1967.

Hale J. R. War and Society in Renaissance Europe, 1450–1620. L., 1985.

Hallam E. M. Capetian France, 987–1328. N.Y., 1980.

Hallam H. A. View of the State of Europe during the Middle Ages: 3 vols. L., 1818.

Halle E. The Union of the Two Noble Families of Lancaster and York. Menston, 1970.

Halliday F. E. Chaucer and his World. L., 1968.

Hammer J. Some Additional Manuscripts of Geoffrey of Monmouth's *Historia Regum Britanniae* // *Modern Language Quarterly*. Vol. III (1942). P. 235–242.

Handelsman M. Le Rôle de la Nationalité dans l'histoire du Moyen Âge // *Bulletin of the International Commission of Historical Sciences*. Vol. II (1929–1930). P. 235–249.

Hanning R. W. *The Vision of History in Early Britain*. N.Y., 1966.

Hardy R. *Longbow: A Social and Military History*. Cambridge, 1976.

Harriss G. L. *Cardinal Beaufort: a Study of Lancastrian Ascendancy and Decline*. Oxford, 1988.

Harriss G. L. *King, Parliament, and Public Finance in Medieval England to 1369*. Oxford, 1975.

Harriss G. L. War and the Emergence of the English Parliament, 1297–1360 // *Journal of the Medieval History*. Vol. II (1976). P. 35–56.

Hartigan R. Saint Augustine on War and Killing // *Journal of the History of Ideas*. Vol. XXVII (1966). P. 195–204.

Harvey J. *The Black Prince and his Age*. Totowa, 1976.

Harvey M. *England, Rome and the Papacy, 1417–1464. The Study of Relationship*. Manchester; N.Y., 1993.

Harvey M. Martin V and the English, 1422–1431 // *Religious Belief and Ecclesiastical Careers in Late Medieval England*. Woodbridge, 1991. P. 59–86.

Harvey J. *The Plantagenets*. L., 1948.

Haswell J. *The Ardent Queen. Margaret of Anjou and Lancastrian Heritage*. L., 1976.

Hattaway M. *Blood as Their Argument: Men of War and Soldiers in Shakespeare and Other* // *Religion, Culture and Society in Early Modern Britain: Essays in Honour of Patrick Collinson* / Ed. A. Fletcher and P. Roberts. Cambridge, 1994. P. 84–101.

Hay D. *Annales and Historians, Western Historiography from Eighth to the Eighteenth Century*. L., 1977.

Hay D. The Division of the Spoils of War in Fourteenth Century England // *TRHS*. 5th ser. Vol. IV (1954). P. 91–109.

Hay D. History and Historians in France and England during the Fifteenth Century // *BIHR*. Vol. XXXV (1962). P. 111–127.

Hay D. The Life of Polydore Vergil of Urbino // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. XII (1949). P. 132–151.

Hay D. *Polydor Vergil, Renaissance Historian and Man of Letters*. Oxford, 1952.

Hayen C. J. *The Historical Evolution of Nationalism*. N.Y., 1931.

Hedeman A. D. Making the Past Present: Visual Translation in Jean Lebègue's «Twin» Manuscripts of Sallust // Patrons, Authors and Workshops: Books and Book Production in Paris around 1400 / Ed. G. Croenen, P. Ainsworth. Leuven, 2006. P. 173–196.

Hedeman A. D. The Royal Image. Illustrations of the Granded Chroniques de France, 1274–1422. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991.

Heim M. La passion d'un Roi. Charles VI le Fol. 2^e ed. P., 1955.

Helgerson R. Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of England. Chicago, 1992.

Henneman J. B. Olivier de Clisson and Political Society in France under Charles V and Charles VI. Philadelphia, 1996.

Henneman J. B. Royal Taxation in Fourteenth Century France. The Captivity and Ransom of John II. 2 vols. Princeton and Philadelphia, 1971–1976.

Henry V: The Practice of Kingship / Ed. G. L. Harriss. Oxford, 1985.

Hertz F. Nationality in History and Politics. N.Y., 1944.

Hérubel M. Charles VII. P., 1981.

Hewitt H. J. The Black Prince's Expedition of 1355–1357. Manchester, 1958.

Hewitt H. J. The Organization of War under Edward III. 1338–1362. N.Y., 1966.

Hexter J. H. The Education of the Aristocracy in the Renaissance // Journal of Modern History. Vol. XXII (1950). P. 1–20.

Hibbert Ch. Agincourt. L., 1978; L., 2003.

Higham N. J. King Arthur: Myth-Making and History. L., 2002. P. 235–239.

Hinkle W. H. The Fleurs de Lis of the Kings of France, 1285–1488. Carbondale (Illinois), 1991.

History of the Battle of Agincourt / Ed. N. H. Nicolas. 2nd ed. L., 1832.

Holmes G. The Good Parliament. Oxford, 1975.

Holmes G. The Libelle of Englishe Polycye // EHR. Vol. LXXVI (1961). P. 212–216.

Hornsby J. Clipped Coins and Heresy: Thomas Hoccleve's Poetics and the Lancastrian Law of Treason // Law in Medieval Life and Thought. Sewance (Tennessee), 1990. P. 217–230.

Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985. P. 55–92.

Housley N. Avignon Papacy and the Crusades, 1305–1378. Oxford, 1986.

Housley N. The Mercenary Companies, the Papacy and the Crusades, 1356–1378 // Traditio. Vol. 38 (1982). P. 253–280.

Houts E. M. C. van. Historical Writing // A Companion to the Anglo-Norman World / Ed. C. Harper-Bill and E. M. C. van Houts. Woodbridge, 2003. P. 103–121.

Howard M. Military History as a University Study // History. Vol. XLI (1956). P. 184–191.

Howard M. Soldiers and Governments. L., 1957.

Howlett D. R. The English Origins of Old French Literature. L., 1996.

Hubrecht G. La juste guerre dans la doctrine chrétienne des origines au milieu du XVIe siècle // Recueils de la Société Jean Bodin. Vol. XV (1961). P. 107–123.

Hubrecht G. La juste guerre dans le décret de Gratien // Studia Gratiana. Vol. III (1955). P. 161–177.

Hudson A. Laicus Litteratus: The Paradox of Lollardy // Herecy and Literary, 1000–1530. Cambridge, 1994. P. 222–236.

Hughes D. A Study of Social and Constitutional Tendencies in the Early Years of Edward III. L., 1915.

The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L., 1971.

The Hundred Years War: A Wider Focus / Ed. L. J. A. Villalon, D. J. Kagay. Leiden, 2005.

Humphreys H. N. A Record of the Black Prince. L., 1849.

Hunnisett R. F. The Medieval Coroner. Cambridge, 1961.

Hunter M. The Facsimiles in Thomas Elmham's History of St. Augustine's Canterbury // The Library. 5th ser. Vol. XXVII (1973). P. 215–230.

Hutchison H. F. Henry V. L., 1967.

Hutchison H. F. The Hollow Crown: A Life of Richard II. N.Y., 1961.

Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism: the Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. L., 1987.

Hutton J. Themes of Peace in Renaissance Poetry. Ithaca (N.Y.), 1984.

Huws D., Roberts B. F. Another Manuscript of the Variant Version of the «Historia Regum Britanniae» // Bibliographical Bulletin of the International Arthurian Society. Vol. XXV (1973). P. 147–153.

Ignatiefe M. Blood and Belonging. L., 1993.

Image and Identity. The Making and Re-Making of Scotland through the Ages / Ed. D. Broun, R. J. Finlay and M. Lynch. Edinburgh, 1998.

Images de la guerre de Cent ans: actes du colloque de Rouen, 23, 24 et 25 mai 2000. Organisé par la ville de Rouen et le Centre d'études sur la littérature française / Textes recueillis par J. Maurice, D. Couty, M. Guéret-Laferté. P., 2002.

The Incendium Amoris of Richard Rolle of Hampole / Ed. M. Deanesl. Manchester, 1915.

Intellectuals and Writers in Fourteenth Century Europe / Ed. P. Boitani and A. Torti. Cambridge; Tübingen, 1986.

Isaacs H. J. Basic Group Identity: The Idols of the Tribe // Ethnicity, Theory and Experience / Ed. N. Glazer and D. Moynihan. Cambridge (Mass.), 1975. P. 29–52.

Jacob E. F. Chichele and Canterbury // Studies in Medieval History. Oxford, 1948. P. 386–404.

Jacob E. F. The Fifteenth Century 1399–1485. Oxford, 1961.

Jacob E. F. Henry V and the Invasion of France. L., 1947.

James G. P. R. A History of the Life of Edward the Black Prince: 2 vols. L., 1936.

Jamison D. F. The Life and Times of Bertrand du Guesclin: A History of the Fourteenth Century: 2 vols. L.; Charleston, 1864–1866.

Jarman R. H. Crispin's Day. The Glory of Agincourt. L., 1979.

Jeanjean J. F. La Guerre de Cent ans en pays Audois. Incursion du Prince Noir en 1355. Carcassonne, 1946.

Jenkinson H. The Great Seal of England: Deputed or Departmental Seals // Archaeologia. Vol. LXXXV (1935). P. 293–340.

Johnson J. T. Ideology, Reason and the Limitation of War. Religious and Secular Concepts, 1200–1740. Princeton, 1975.

Johnson J. T. Two Kinds of Pacifism: Opposition to the Political Use of Force in the Renaissance-Reformation Period // Journal of Religious Ethics. Vol. XII (1984). P. 39–60.

Johnson J. T. The Quest for Peace: Three Moral Traditions in Western Cultural History. Princeton, 1987.

Johnson L. Etymologies, Genealogies, and Nationalities // Concepts of National Identity in the Middle Ages / Ed. S. Forde, L. Johnson and A. V. Murray. Leeds, 1995. P. 125–136.

Johnson L. S. Inverse Counsel: Contexts for the Melibee // Studies in Philology. Vol. LXXXVIII (1992). P. 137–145.

Johnston D. The Interim Years: Richard II and Ireland, 1395–1399 // England and Ireland in the Later Middle Ages. Totowa, 1981. P. 175–195.

Johnston F. R. English Defenders of St. Bridget // Studies in St. Brigitta and the Brigittine Order: 2 vols. / Ed. J. Hogg. (Analecta Cartusiane). Zalzburg, 1993. Vol. II. P. 263–275.

Jones E. J. The Authorship of the Continuation of the «Eulogium Historiarum»: a Suggestion // Speculum. Vol. XII (1937). P. 196–202.

Jones E. J. An Examination of the Authorship of the Deposition and Death of Richard II Attributed to Creton // Speculum. Vol. XV (1940). P. 460–477.

Jones M. K. Agincourt 1415: Battlefield Guide. Barnsley, 2005.

Jones M. K. The Battle of Verneuil (17 August 1424): towards a History of Courage // War in History. Vol. IX. N. 4 (April 2002). P. 375–411.

Jones M. K. Ducal Brittany, 1364–1399. Oxford, 1970.

Jones M. K. Edward III's Captains in Brittany // England in the Fourteenth Century: Proceedings of the Harlaxton Symposium / Ed. W. M. Ormrod. Woodbridge, 1986. P. 99–118.

Jones M. K. Knolles // Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 31. P. 952–957.

Jones R. H. The Royal Policy of Richard II. Oxford, 1968.

Jones T. Chaucer's Knight: The Portrait of a Medieval Mercenary. L., 1980.

Jones W. R. The English Church and Royal Propaganda // Journal of British Studies. Vol. XIX (1979). P. 18–30.

Jorgensen P. A. Theoretical Views of War in Elizabethan England // Journal of the History of Ideas. Vol. XV (1952). P. 469–479.

Jouet R. La résistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen, 1969.

Justice S. Writing and Rebellion: England in 1381. Berkeley; L., 1994.

Kaeuper R. W. War, Justice and Public Order. England and France in the Later Middle Ages. Oxford, 1988.

Kamble J. The Saxons in England. L., 1849.

Kamenka E. Political Nationalism. The Evolution of an Idea // Nationalism. The Nature and Evolution of an Idea / Ed. E. Kamenka. Canberra, 1973. P. 1–11.

Kantorowicz E. H. Pro Patria Mori in Medieval Political Thought // AHR. Vol. LVI (1951). P. 473–492.

Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies, A Study in Medieval Political Theology. London-Princeton, 1957.

Kaeuper R. W. Chivalry and Violence in Medieval Europe. Oxford, 2001.

Keegan J. The Face of Battle. N.Y., 1984.

Keeler L. Geoffrey of Monmouth and the Late Latin Chroniclers, 1300–1500. California Publications in English. Vol. XVII. N. 1. Berkeley, 1946.

Keeler L. The Historia Regum Britanniae and Four Medieval Chroniclers // Speculum. Vol. XXI (1946). P. 24–37.

Keen M. Brotherhood in Arms // History. Vol. XLVII (1962). P. 1–17.

Keen M. Chivalry. New Haven; L., 1984.

Keen M. Chivalry, Nobility and the Man-at-Arms // War, Literature and Politics in the Late Middle Ages / Ed. C. T. Allmand. Liverpool, 1976. P. 32–45.

Keen M. England in the Later Middle Ages. L., 1973.

Keen M. English Society in the Later Middle Ages, 1348–1500. L., 1990.

Keen M. The Laws of War in the Late Middle Ages. L., 1965.

Keen M. Nobles, Knights and Men-at-Arms in the Middle Ages. L., 1996.

Keen M. The Outlaws of Medieval England. L., 1961.

Keeney B. C. Military Service and the Development of Nationalism in England, 1272–1327 // Speculum. Vol. XXII (1947). P. 534–549.

Kekewich M. Edward IV, William Caxton and Literary Patronage in Yorkist England // Modern Language Review. Vol. LXVI (1971). P. 481–487.

- Kendrick T. D.* British Antiquity. L., 1950.
- Kenneth F.* The King's Lieutenant: Henry of Grosmont, First Duke of Lancaster, 1310–1361. L., 1969.
- Kenworthy J.* Coins of England, 600–1662. L., 1977.
- Kings and Nobles in the Later Middle Ages: A Tribute to Charles Ross / Ed. R. A. Griffiths and J. Sherborne. N.Y., 1986.
- Kingsford C. L.* The Early Biographies of Henry V // EHR. Vol. XXV (1910). P. 58–92.
- Kingsford C. L.* English Historical Literature in the Fifteenth Century. L., 1913.
- Kingsford C. L.* English History in Contemporary Poetry: Lancaster and York. L., 1913.
- Kirdy J. L.* Henry IV of England. L., 1970.
- Kingsford C. L.* The First Version of Hardyng's Chronicle // EHR. Vol. XXVII (1912). P. 464–490.
- Kleyn D. H.* Richard of England. The Kensal Press, 1990.
- Knight Ch.* William Caxton, the First English Printer. A Biography. L., 1844.
- Knowles D.* The Religious Orders in England: 3 vols. L., 1948–1959.
- Kohn H.* The Dawn of Nationalism in Europe // AHR. Vol. LII (1947). P. 265–280.
- Kohn H.* The Idea of Nationalism: A Study of its Origins and Background. N.Y., 1944.
- Kohn H.* The Mind of Germany. L., 1965.
- Kohn H.* Nationalism and Liberty: The Swiss Example. N.Y., 1957.
- Kohn H.* Prelude to Nation-States: the French and German Experience, 1789–1815. N.Y., 1967.
- Konieczny P.* London's War Effort during the Early Years of the Reign of Edward III // The Hundred Years War: A Wider Focus / Ed. L. J. A. Villalon, D. J. Kagay. Leiden, 2005. P. 243–261.
- Krochalis J. E.* The Books and Readings of Henry V and his Circle // Chaucer Review. Vol. XXIII (1988). P. 50–77.
- Krynen J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Âge (1380–1435). P., 1981.
- Krynen J.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIIIe–XVe siècles. P., 1993.
- Krynen J.* Les légistes «idiots politiques». Sur l'hostilité des théologiens à l'égard des juristes en France, au temps de Charles V // Théologie et droit dans la science politique de l'Etat moderne. Actes de la table ronde. Rome, 1987–1991. P. 171–198.

Krynen J. Les légistes «tyrans de France»? Le témoignage de Jean Juvénal des Ursins, docteur in utroque // Droits savants et pratiques française du pouvoir (XIe–XVe siècles) / Sous la direction de J. Krynen et A. Rigaudière. P., 1992. P. 279–299.

Kunz J. L. Bellum Justum and Bellum Legale // American Journal of International Law. Vol. XLV (1951). P. 528–534.

Labarge M. W. Gascony: England's First Colony, 1204–1453. L., 1980.

Labarge M. W. Henry V. The Cautious Conqueror. N.Y., 1975.

Labroue É. Bergerac sous les Anglais: essai historique sur la commune de Bergerac, 1322–1450. Pau, 2004.

La circulation des nouvelles au Moyen Âge: Actes du XXIV Congrès de la SHMES, Avignon, juin 1993. Rome, 1994.

Lacroix B. M. The Notion of History in Early Mediaeval Historians // Mediaeval Studies. Vol. 10 (1948). P. 219–223.

Lafaurie J. Les monnaies des rois de France. P., 1951.

Lagorio W. M. The Evolving Legend of St Joseph of Glastonbury // Speculum. Vol. XLVI (1971). P. 209–231.

Lagorio W. M. King Arthur through the Ages. N.Y., 1990.

Laidlaw A. Alain Chartier and the Arts of Crisis Management, 1417–1429 // War, Government and Power in Late Medieval France / Ed. C. T. Allmand. Liverpool, 2000. P. 37–53.

Lander J. R. Conflict and Stability in the Fifteenth-Century England. L., 1969.

Lander J. R. Crown and Nobility 1450–1509. L., 1976.

Lander J. R. The Hundred Years War and Edward IV's 1475 Campaign in France // Tudor Men and Institutions: Studies in English Law and Government / Ed. A. J. Slavin. Louisiana, 1972. P. 70–100.

Lange Ch. L. Histoire de la doctrine pacifique et de son influence sur le développement du droit international // Académie de droit international. Recueil des cours, 1926. Tome 13 de la Collection, P., 1927. P. 171–426; repr. N.Y., 1973.

Larson A. English Embassies during the Hundred Years' War // EHR. Vol. LV (1940). P. 423–425.

Lawrence L. A. The Coinage of Edward III from 1351. Oxford, 1937.

Lawrence W. W. The Tale of Melibeus // Essays and Studies in Honor of Carleton Brown. N.Y., 1940. P. 100–110.

Leeds J. Wiclif's Anti-War Views. 2nd ed. L., 1902.

Lefebvre-Filleau J.-P. La guerre de Cent ans en Normandie. Luneray, 2004.

Legge M. D., Breton G. E. Three hitherto Unlisted MSS of the French Prose «Brute Chronicle» // *Medium Aevum*. Vol. VII (1938). P. 113–117.

Leguai A. «La France Bourguignonne» dans la conflit entre la «France Française» et la «France Anglaise» // *La «France anglaise» au Moyen Âge*. Colloque des historiens médiévistes français et britanniques. Actes du 111e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie. T. I. P., 1988. P. 41–52.

Le Patourel J. Edouard III, «roi de France et duc de Normandie» // *Revue historique du droit français et étranger*. 4e ser. N. 31 (1953). P. 310–329.

Le Patourel J. Edward III and the Kingdom of France // *History*. Vol. XLIII. N. 78 (1958). P. 173–189.

Le Patourel J. Feudal Empires, Norman and Plantagenet. L., 1984.

Le Patourel J. King and the Princes in the Fourteenth-Century France // *Europe in the Late Middle Ages* / Ed. J. R. Hale, J. R. L. Highfield and B. Smalley. L., 1965. P. 175–183.

Le Patourel J. The Medieval Administration of the Channel Islands. Oxford, 1937.

Le Patourel J. The Norman Empire. Oxford, 1976.

Le Patourel J. The Origins of the War // *The Hundred Years War* / Ed. K. Fowler. L.; N.Y., 1971. P. 31–45.

Le Patourel J. The Plantagenet Dominions // *History*. Vol. L. N. 170 (1965). P. 289–309.

Le Patourel J. The Treaty of Bretigny // *TRHS*. 5th ser. Vol. X (1960). P. 19–40.

Lestocquoy J. Histoire du patriotisme en France. P., 1968.

Lethbridge C. L. Robert de Avesbury // *EHR*. Vol. XXII (1907). P. 292.

Lettenhove K. de Du vicariat impérial conféré à Edouard III // *Annales de la Société à Évulation pour l'étude de l'histoire et des antiauités de la Flandre*. Vol. IX. 2e ser. P. 338–353.

Levett E., Ballard A. The Black Death // *Oxford Studies in Social and Legal History*. Oxford. Vol. V (1916–1927). P. 1–220.

Levy F. J. Tudor Historical Thought. San Marino (Calif.), 1967.

Lewis N. B. Indentures of Retinues with John of Gaunt / *Camden Society*. 4th ser. Vol. 1. L., 1964. P. 77–113.

Lewis P. S. Essays in Later Medieval French History. L., 1985.

Lewis P. S. France in the Fifteenth Century: Society and Sovereignty // *Europe in the Late Middle Ages* / Ed. J. R. Hale, J. R. L. Highfield and B. Smalley. L., 1965. P. 248–275.

Lewis P. S. France in the Fifteenth Century: Society and Sovereignty // *Europe in the Late Middle Ages*. L., 1970. P. 276–300.

Lewis P. S. La «France Anglaise» vue de la France Française // La «France anglaise» au Moyen Âge. Colloque des historiens médiévistes français et britanniques. Actes du 111e Congrès nat. des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie. T. I. P., 1988. P. 31–39.

Lewis P. S. La France à la fin du Moyen Âge. La société politique. P., 1977.

Lewis P. S. Jean Juvénal des Ursins and the Common Litterary Attitude towards Tyranny in Fifteenth-Century France // *Medium Aevum*. Vol. 34 (1965). P. 103–121.

Lewis P. S. War Propaganda and Historiography on the Fifteenth-Century France and England // *TRHS*. 5th ser. Vol. XV (1965). P. 1–21.

Liddy Ch. D. War, Politics and Finance in Late Medieval English Towns: Bristol, York and the Crown, 1350–1400. Woodbridge, 2005.

Lieu S. From History to Legend and Legend to History: The Medieval and Byzantine Transformation of Constantine's Vita // *Constantine: History, Historiography and Legend* / Ed. S. N. C. Lieu and D. Monsterrat. L.; N.Y., 1998. P. 136–176.

The Life and Campaigns of the Black Prince: from Contemporary Letters, Diaries and Chronicles, Including Chandos Herald's Life of the Black Prince / Ed. and trans. R. Barber. L., 1979; Woodbridge, 1996.

Lindsay Ph. King Henry V. L., 1969.

Livingstone M., Witzel M. The Road to Crécy: the English Invasion of France, 1346. Harlow, 2005.

Lloyd A. The Hundred Years War. L., 1977.

Lloyd S. D. English Society and the Crusade, 1216–1307. Oxford, 1988.

Loades D. M. Politics and the Nation, 1450–1660. Obedience, Resistance and Public Order. Fontana, 1974.

Lodge E. C. Gascony under English Rule, 1152–1453. L., 1926.

Lodge E. C. The Relations between England and Gascony, 1152–1453 // *History*. Vol. XIX (1934). P. 131–139.

Lombard-Jourdan A. Fleurs de lis et oriflamme. Signes célestes du royaume de France. P., 1991.

Loomis L. R. Nationality at the Council of Constance: An Anglo-French Dispute // *Change in Medieval Society Europe North of the Alps 1050–1500* / Ed. S. L. Thrupp. Toronto, 1988. P. 279–296.

Loomis R. S. Geoffrey of Monmouth and Arthurian Origins // *Speculum*. Vol. III (1928). P. 16–33.

Loomis R. S. Chivalric and Dramatic Imitation of Arturian Romance, Medieval Studies in Memory of A. Kingsley Porter: 2 vols. / Ed. W. R. W. Koehler. Cambridge, 1939.

- Loomis R. S.* Edward I, Arthurian Enthusiast // *Speculum*. Vol. XXVIII (1953). P. 114–127.
- Lot F.* L'Art militaire et les armées au Moyen Âge. P., 1946.
- Lowe B.* Imagining Peace. A History of Early English Pacifist Ideas, 1340–1560. Pennsylvania, 1997.
- Lowry J. M.* Martial Law within the Realm of England. L., 1914.
- Lucas H. S.* The Low Countries and the Hundred Years' War, 1326–1347. Ann Arbor (Mich.), 1929.
- Luce S.* La France pendant la Guerre de Cent ans: épisodes historiques et vie privée. P., 1893.
- Luce S.* Histoire de Bertrand du Guesclin et de son époque. La jeunesse de Bertrand, 1320–1364. P., 1876.
- Luttrell A.* The Crusade in the Fourteenth Century // *Europe in the Late Middle Ages* / Ed. J. R. Hale, J. R. L. Highfield and B. Smalley. L., 1965. P. 122–154.
- Lydon J. F.* Nation and Race in Medieval Ireland // *Concepts of National Identity in the Middle Ages* / Ed. S. Forde, L. Johnson and A. V. Murray. Leeds, 1995. P. 103–124.
- Mabire J.* Godefroy de Harcourt: seigneur normand. Chevigné, 2007.
- Macdougall H.* Racial Myth in English History: Trojans, Teutons and Anglo-Saxons. Montréal, 1982.
- Mackinnon J.* History of Edward III. L., 1900.
- Maitland F. W., Pollock F.* History of English Law: 2 vols. 2nd ed. Cambridge, 1968.
- Marcus G. J.* Saint George of England. L., 1929.
- Markus R. A.* Saint Augustine's Views on the «Just War» // *The Church and War* / Ed. W. J. Sheies. Oxford, 1983. P. 1–13.
- Marshal A.* The Roll of English War Captains in England and Normandy 1431–1461. Wales (Mass.), 1974.
- Martelli R.* La nation. P., 1979.
- Martial in English* / Ed. J. Sullivan and A. Boyle. L., 1996.
- Massey R.* Lancastrian Rouen: Military Service and Property Holding, 1419–1449 // *England and Normandy in the Middle Ages* / Ed. D. Bates and A. Curry. L., 1987. P. 269–286.
- Mathew G.* The Court of Richard II. L., 1968.
- Mathew G.* Ideals of Knighthood in the Late Fourteenth-Century England // *Studies in Medieval History*. Oxford, 1948. P. 354–362.
- Mathew G.* The Reign of Richard II. L., 1971.
- Matthew D. J. A.* The English Cultivation of Norman History // *England and Normandy in the Middle Ages* / Ed. D. Bates and A. Curry. L., 1994. P. 1–19.
- Maugham A. M.* Harry of Monmouth [Henry V of England]. N.Y., 1956.

McCulloch D., Jones E. D. Lancastrian Politics, the French War, and the Rise of the Popular Element // *Speculum*. Vol. LVIII (1983). P. 95–138.

McCusker H. John Bale, Dramatist and Antiquary. Bryn Mawr. Pennsylvania, 1942.

McFarlane K. B. At the Death-Bed of Cardinal Beaufort // *Studies in Medieval History*. Oxford, 1948. P. 405–428.

McFarlane K. B. England and the Hundred Years War // *Past and Present*. Vol. XXII (July, 1962). P. 3–17.

McFarlane K. B. England in the Fifteenth Century. L., 1981.

McFarlane K. B. John Wycliffe and the Beginnings of English Nonconformity. L., 1952.

McFarlane K. B. Lancastrian Kings and Lollard Knights. Oxford, 1972.

McFarlane K. B. The Nobility of Later Medieval England. Oxford, 1973.

The McFarlane Legacy Studies in Late Medieval Politics and Society / Ed. R. H. Britnell and A. J. Pollard. N.Y., 1995.

McHardy A. K. Clerical Taxation: the Clergy as Agents of the Crown // *The Church, Politics and Patronage in the Fifteenth Century* / Ed. R. B. Dobson. Glouster; N.Y., 1984. P. 168–192.

McHardy A. K. Culture and Propaganda in the English Cause during the Hundred Years War // *Proceeding of the XVIIIth International Congress of Historical Sciences*. Montreal, 1995.

McHardy A. K. The English Clergy and the Hundred Years War // *The Church and War* / Ed. W. J. Sheils. Oxford, 1983. P. 171–178.

McHardy A. K. Liturgy and Propaganda in the Diocese of Lincoln during the Hundred Years War // *Religion and National Identity* / Ed. S. Mews. Oxford, 1982. P. 215–230.

McHardy A. K. Religious Ritual and Political Persuasion: The Case of England in the Hundred Years War // *International Journal of Moral and Social Studies*. Vol. III. N. 1 (1988). P. 41–57.

McHardy A. K. Some Reflections on Edward III's Use of Propaganda // *The Age of Edward III* / Ed. J. S. Bothwell. N.Y., 2001. P. 171–192.

McKenna J. W. The Coronation Oil of Yorkist Kings // *EHR*. Vol. LXXXII (1967). P. 102–104.

McKenna J. W. Henry VI of England and the Dual Monarchy: Aspects of Royal Political Propaganda, 1422–1432 // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. XXVIII (1964). P. 146–162.

McKenna J. W. Popular Canonization as Political Propaganda: the Cult of Archbishop Scrope // *Speculum*. Vol. XLV (1970). P. 608–623.

McKisack M. Edward III and the Historians // *History*. Vol. XLV (1960). P. 78–102.

McKisack M. The Fourteenth Century, 1307–1399. Oxford, 1959.

McKisack M. Medieval History in the Tudor Age. Oxford, 1971.

McLaren M.-R. The London Chronicles of the Fifteenth Century: a Revolution in English Writing. Woodbridge, 2002.

McNab B. Obligations of the Church in English Society: Military Arrays of the Clergy, 1369–1418 // Order and Innovation in the Middle Ages. Essays in Honour of Joseph R. Strayer. Princeton, 1976. P. 293–314.

McNamee C. The Wars of the Bruces. Scotland, England and Ireland, 1306–1328. East Linton, 1997.

McNiven P. Heresy and Politics in the Reign of Henry IV. New Hampshire, 1987.

Medieval Europeans. Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe / Ed. A. P. Smith. L., 1998.

Medieval Learning and Literature. Essays Presented to Richard William Hunt / Ed. J. J. G. Alexander and M.T. Gibson. Oxford, 1976.

The Medieval Military Revolution: State, Society and Military Change in Medieval and Early Modern Europe / Ed. A. Ayton and J. L. Price. L.; N.Y., 1995.

Meehan B. Geoffrey of Monmouth «Prophecies of Merlin»: New Manuscript Evidence // Bulletin of the Board of the Celtic Studies. Vol. 28 (1978). P. 37–46.

Menache S. Mythe et symbolisme au début de la Guerre de Cent ans. Vers une Conscience nationale // Le Moyen Âge. 1983. T. LXXXIX. N. 1. P. 85–97.

Merindol C. de. Saint Michel et la monarchie française à la fin du Moyen Âge dans le conflict franco-anglaise // La «France anglaise» au Moyen Âge. Actes du IIIe congrès National des Sociétés Savantes, section d'histoire médiévale et de philologie. Poitiers, 1986. P., 1988. P. 513–542.

Meron Th. Henry's Wars and Shakespeare's Laws: Perspective on the Law of War in the Later Middle Ages. Oxford, 1993.

Meyvaert P. John Ergome and the Vaticium Roberti Bridlington // Speculum. Vol. XLI (1966). P. 656–664.

Michael M. The Little Land of England is Preferred before the Great Kingdom of France: The Quartering of the Royal Arms by Edward III // Studies in Medieval Art and Architecture Presented to Peter Lasko / Ed. D. Buckton and T. A. Heslop. Stroud, 1994. P. 114–126.

Michael R. Giraldus Cambrensis. The Growth of the Welsh Nation. Aberystwyth. The National Library of Wales, 1976.

Miller E. The State and Landed Interests in Thirteenth-Century France and England // TRHS. 5th ser. Vol. II (1952). P. 109–128.

Miller E. War in the North. Hull, 1960.

Minois G. La guerre de Cent ans: naissance de deux nations. P., 2008.

Minois G. Du Guesclin. P., 1993.

Mirepoix L. de. La guerre de Cent ans. P., 1973.

Mirot L., Déprez E. Les ambassades anglaises pendant la guerre de Cent ans. Catalogue chronologique, 1327–1450 // Bibliothèque de l'École des Chartes. T. LVIII (1897). P. 579–614; T. LIX (1898). P. 262–324.

Miskimin H. F. Money and Power in Fifteenth-Century France. New Haven; L., 1984.

Mitre Fernández E. Castilla ante la Guerra de los Cien Años: actividad militar y diplomática de los orígenes del conflicto al fin de las grandes treguas (c. 1340 – c. 1415) // Guerra y diplomacia en la Europa occidental, 1280–1480: XXXI Semana de Estudios Medievales, Estella, 19 a 23 de julio de 2004. Pamplona: Gobierno de Navarra, Departamento de Educación y Cultura. 2005. P. 199–235.

Moeglin J.-M. Les bourgeois de Calais. Essai sur un mythe historique. P., 2002.

Moeglin J.-M. Froissart, le métier d'historien et l'invention de la guerre de Cent ans // Revue trimestrielle consacrée à l'étude des langues et des littératures romanes. Vol. 124 (2006). P. 429–470.

Moisant J. Le Prince Noir en Aquitaine, 1355–1356, 1362–1370. P., 1894.

Mooney L. R. Lydgate's «Kings of England» and Another Verse Chronicle of the Kings // Viator. Vol. 20 (1989). P. 255–289.

Moran J. A. H. The Growth of English Schooling, 1340–1548: Learning, Literacy and Laicization in Pre-Reformation York Diocese. Princeton, 1985.

Moranville H. La Cronique du religieux de Saint Denis, le mémoires de Salmon et la Chronique de la Mort de Richard II // Bibliothèque de l'École des Chartes. T. I (1889). P. 5–40.

Morgan Ph. Chaucer and the House of Fame. L., 2004.

Morgan Ph. The Naming of Battlefields in the Middle Ages // War and Society in Medieval and Early Modern Britain / Ed. D. Dunn. Liverpool, 2000. P. 34–52.

Morgan Ph. War and Society in Medieval Cheshire. Manchester, 1987.

Morris J. E. Mounted Infantry in Medieval Warfare // TRHS. 3rd ser. Vol. VIII (1914). P. 77–102.

Mortimer I. The Greatest Trator: The Life of Sir Roger Mortimer, Ruler of England, 1327–1330. L., 2003.

Mortimer I. The Perfect King: The Life of Edward III, Father of the English Nation. L., 2006.

Muldoon J. A Fifteenth-Century Application of the Canonistic Theory of Just War // Proceedings of the Fourth International Congress of Medieval Canon Law. Toronto, 21–25 August 1972 / Ed. S. Kuttner. Vatican, 1976. P. 457–480.

- Musson A.* Second «English Justinian» or Pragmatic Opportunist? A Re-Examination of the Legal Legislation of Edward III's Reign // *The Age of Edward III* / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 69–88.
- National Consciousness, History, and Political Culture in Early Modern Europe* / Ed. O. Ranum. Baltimore, 1975.
- The National Question in Europe in Historical Context* / Ed. M. Teich and R. Porter. Cambridge, 1993.
- Nationalism* / Ed. J. Hutehinson and A. D. Smith. Oxford; N.Y., 1994.
- Nationalism in the Middle Ages* / Ed. L. Tipton. N.Y., 1972.
- Nations, Nationalism and Patriotism in the European Past* / Ed. C. Bjorn, A. Grant, and K. J. Stringer. Copenhagen, 1994.
- Neillands R.* The Hundred Years War. L., 1990, 2001.
- Newell W. W.* William of Malmesbury on the Antiquity of Glastonbury // *Publications of the Modern Language Association of America*. Vol. 18 (1903). P. 459–512.
- Newhall R. A.* The English Conquest of Normandy, 1416–1424. L., 1929.
- Newhall R. A.* Muster and Review. A Problem of English Military Administration, 1420–1440. Cambridge, 1940.
- Newhall R. A.* The War Finances of Henry V and the Duke of Bedford // *EHR*. Vol. XXXVI (1921). P. 172–198.
- Nicholson D.* The English Trade at Bruges in the Last Years of Edward III // *Journal of Medieval History*. Vol. V (1979). P. 23–61.
- Nicholson R.* Edward III and the Scots. Oxford, 1965.
- Nicholson R.* Scotland. The Later Middle Ages. N.Y., 1974.
- Nitze W. A.* The Exhumation of King Arthur at Glastonbury // *Speculum*. Vol. IX (1934). P. 355–361.
- Noble Ideals and Bloody Realities: Warfare in the Middle Ages* / Ed. by N. Cristie and M. Yazigi. Leiden, 2006.
- Noël R. P. R.* Town Defence in the French Midi during the Hundred Years War: Ph. D. diss. University of Edinburgh, 1977.
- Norbye M. A.* A Popular Example of «National Literature» in the Hundred Years War: *A tous nobles qui aiment beaux faits et bonnes histoires* // *Nottingham Medieval Studies*. Vol. 51 (2007). P. 121–142.
- Nordberg M.* Les ducs et la royauté. Etudes sur la rivalité des ducs d'Orléans et de Bourgogne, 1392–1407. Uppsala, 1964.
- Noreiko S. F.* The Expression of «Nation» and «Nationality» in Old French: M. Phil. thesis. University of Southampton, 1977.
- La Normandie et l'Angleterre au Moyen Âge. Actes du colloque de Cerisy-la-Salle (4–7 octobre 2001)*. Publ. sous la dir. de P. Bouet et V. Gazeau. Caen, 2003.

Nussbaum A. Just War – A Legal Concept? // Michigan Law Review. Vol. XLII (1943). P. 448–459.

Nuttall G. F. Christian Pacifism in History. Oxford, 1958.

Offenstadt N. Faire la paix au Moyen Âge: discours et gestes de paix pendant la guerre de Cent ans. P., 2007.

Offler H. S. England and Germany at the Beginning of the Hundred Years' War // EHR. Vol. LIV (1939). P. 608–632.

Oman C. A History of the Art of War in the Middle Ages. L., 1924.

Oman C. A History of England from the Accession of Richard II to the Death of Richard III (1377–1485). L., 1930.

Orme N. The Education of the Courtier // English Court Culture in the Later Middle Ages / Ed. V. J. Scattergood and J. W. Sherborne. L., 1983. P. 75–89.

Ormrod W. M. The Domestic Response to the Hundred Years War // Arms, Armies and Fortifications in the Hundred Years War / Ed. A. Curry and M. Hughes. Woodbridge, 1994. P. 83–120.

Ormrod W. M. The Double Monarchy and the Royal Style // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 133–154.

Ormrod W. M. The Double Monarchy of Edward III // Medieval History. Vol. I (1991). P. 68–80.

Ormrod W. M. England, Normandy and the Beginning of the Hundred Years War, 1259–1360 // England and Normandy in the Middle Ages / Ed. D. Bates and A. Curry. L., 1994. P. 191–210.

Ormrod W. M. Edward III. L., 2005.

Ormrod W. M. The Personal Religion of Edward III // Speculum. Vol. LXIV (1989). P. 849–877.

Ormrod W. M. A Problem of Precedence: Edward III, the Double Monarchy, and the Royal Style // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. York, 2001. P. 134–135.

Ormrod W. M. The Reign of Edward III. Crown and Political Society in England. L., 1993.

Ornato E. Jean de Muret et ses amis Nicolas de Clamanges et Jean de Montreuil. Genève, 1969.

Ouy G. Jean de Montreuil, Pétrarque et Salutati // Miscellanea in memoria di Franco Smone. Torino, 1980. P. 167–180.

Owst G. H. Preaching in Medieval England. Cambridge, 1926.

Owst G. H. Literature and Pulpit in Medieval England. Cambridge, 1933.

Packe M. King Edward III. L., 1983.

Painter G. D. William Caxton. A Quincentenary Biography of England's First Printer. L., 1976.

Palgrave F. History of the Anglo-Saxons. L., 1831.

- Palgrave F.* History of Normandy and England: 4 vols. L., 1851–1864.
- Palgrave F.* The Rise and Progress of the English Commonwealth: 2 vols. L., 1832.
- Palgrave F.* Truth and Fiction of the Middle Ages. L., 1837.
- Palmer J. J. N.* The Anglo-French Peace Negotiations, 1390–1396 // TRHS. 5th ser. Vol. XVI (1966). P. 81–94.
- Palmer J. J. N.* The Authorship, Date and Historical Value of the French Chronicles on the Lancastrian Revolution // BJRL. Vol. LXI (1978–1979). P. 145–181, 328–421.
- Palmer J. J. N.* England, France, and Christendom, 1377–1399. L., 1972.
- Palmer J. J. N.* England, France, the Papacy and the Flemish Succession // Journal of Medieval History. Vol. II (1976). P. 339–374.
- Palmer J. J. N.* The War Aims of the Protagonists and the Negotiations for Peace // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L., 1971. P. 51–74.
- Pantin W. A.* The English Church in the Fourteenth Century. Cambridge, 1955.
- Partington R.* Edward III's Enforcers: The King's Sergeants-at-Arms in the Localities // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 89–106.
- Partner N. F.* Making up Lost Time: Writing on the Writing of History // Speculum. Vol. LXI (1986). P. 90–117.
- Partner N. F.* Serious Entertainments: The Writing of History in Twelfth-Century England. Chicago, 1977.
- Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity / Ed. R. Samuel. L.; N.Y., 1989.
- Sr. Patricia* Brigitta Birgersdotter // Studies in St. Brigitta and the Brigittine Order: 2 vols. / Ed. J. Hogg. (Analecta Cartusiane). Zalsburg, 1993. Vol. I. P. 7–28.
- Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England / Ed. Ch. Ross. Gloucester-Totowa, 1979.
- Pearsace D. A.* John Lydgate. L., 1970.
- Peck H. M.* The Prophecy of John of Bridlington: Ph. D. diss. Chicago, 1930.
- Peck R. A.* Kingship and Common Profit in Gower's «Confessio Amantis». Carbondale, 1978. P. 91–146.
- Perroy E.* L'Angleterre et le Grand Schisme d'occident: Etude sur la politique religieuse de l'Angleterre sous Richard II. P., 1933.
- Perroy E.* Anglo-French Negotiations at Bruges, 1374–1377. Camden Miscellany. Vol. XIX (1952). P. 58–72.
- Perroy E.* France, England and Navarre from 1359–1364 // BIHR. Vol. XIII (1935–1936). P. 151–153.

Perroy E. Franco-English Relations, 1350–1400 // History. Vol. XXI. N. 82. (1936). P. 148–154.

Perroy E. La guerre de Cent ans. P., 1945.

Petit-Dutaillis Ch. The Feudal Monarchy in France and England. L., 1936.

Peyrègne A. Les émigrés gascons en Angleterre, 1453–1485 // Annales du Midi. T. LXVI (1954). P. 113–128.

Peyronnet G. Un problème de légitimité: Charles VII et le toucher des écrouelles // Jeanne d'Arc. Une époque, un rayonnement. Colloque d'Histoire Médiévale. Orléans, 1979. P., 1982. P. 197–203.

Peyronnet G. Rumeurs autour du sacre de Charles VII // Annales de l'Est. 5e ser. T. XXXIII (1981). P. 219–238.

Phillpotts C. J. John of Gaunt and English Policy Towards France, 1389–1395 // Journal of Medieval History. Vol. XVI (1990). P. 363–386.

Piel Ch. The Nobility of Normandy and the English Campaign of 1346 // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 253–272.

Pinson K. A Bibliographical Introduction to Nationalism. N.Y., 1935.

Pinzino J. M. Just War, Joan of Arc, and the Politics of Salvation // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 365–396.

Pistono S. P. Flanders and the Hundred Years War: the Quest for the Trêve marchande // BIHR. Vol. XLIX. N. 120 (1976). P. 185–197.

Pistono S. P. Henry IV and Charles VI: the Confirmation of the Twenty-Eight-Year Truce // Journal of Medieval History. Amsterdam. 1977. Vol. III. N. 4. P. 353–367.

Plaisse A. À Travers le Cotentin. La Grande chevauchée guerrière d'Édouard III en 1346. Cherbourg, 1994.

Pocock J. England // National Consciousness, History, and Political Culture in Early-Modern Europe / Ed. O. Ranum. Baltimore; L., 1975. P. 98–117.

Pollard A. F. The Authorship and Value of the «Anonimalle» Chronicle // EHR. Vol. LIII (1938). P. 577–605.

Pollard A. J. Edward Hall's Will and Chronicle // BIHR. Vol. IX (1932). P. 171–177.

Pollard A. J. John Talbot and the War in France 1427–1453. L., 1983; Barnsley, 2005.

Pollok F., Maitland F. W. The History of English Law Before the Time of Edward I. Vol. I. 2nd ed. Cambridge, 1968.

Pons N. Information et rumeurs: quelques points de vue sur les événements de la guerre civile en France (1407–1420) // Revue historique. T. CCCCCII (1997). P. 409–433.

Pons N. Intellectual Patterns and Affective Reactions in Defense of the Dauphin Charles, 1419–1422 // War, Government and Power in Late Medieval France / Ed. C. T. Allmand. Liverpool, 2000. P. 54–69.

Pons N. Guerre de Cent ans vue par quelques polémistes français du XV siècle // Guerre et société en France, en Angleterre et en Bourgogne, XIVe – XVe siècles / Sous la direction de Ph. Contamine, Ch. Giry-Deloison et M. Keen. Lille, 1991. P. 143–169.

Pons N. Latin et français au XV^s.: le témoignage des traités de propagande // «Le moyen français». V-e colloque internationale sur le Moyen français (Milan, 6–8 mai 1985). Vol. II. Milano, 1986. P. 67–81.

Pons N. L'origine des dossiers polémiques: une initiative publique ou une démarche privée? // «Pratiques de la culture écrite en France au XVe siècle». Actes de colloque internationale du CNRS. Paris, 16–18 mai 1992 / Sous la direction de M. Ornato et N. Pons. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 361–377.

Pons N. La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // *Journal des savants*. 1984. P. 191–214.

Pons N. Propagande et sentiment nationale pendant le règne de Charles VI: l'exemple de Jean de Montreuil // *Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*. Band VIII. 1980. München und Zürich, 1981. P. 127–145.

Porter E. Chaucer's Knight, the Alliterative Morte Arthure, and Medieval Law of War: A Reconsideration // *Nottingham Medieval Studies*. Vol. 27 (1983). P. 56–78.

Post G. Notes on Nationalism in the Middle Ages // *Traditio*. Vol. 9 (1959). P. 281–320.

Postan M. M. Some Social Consequences of the Hundred Years' War // *EHR*. Vol. XII (1943). P. 1–12.

Postan M. M. The Costs of the Hundred Years' War // *Past and Present*. 1964. N. 27. April. P. 34–53.

Potter J. M. The Development and Significance of Salic Law of the French // *EHR*. Vol. 52 (1937). P. 235–253.

Potter W. J. W. The Silver Coinage of Edward III from 1351 // *Numismatic Chronicle*. 6th ser. N. 20 (1960). P. 137–81; 7th ser. N. 2 (1962). P. 203–224.

Powell E. Kingship, Law and Society. Criminal Justice in the Reign of Henry V. Oxford, 1989.

Powicke M. The English Aristocracy and the War // *The Hundred Years War* / Ed. K. Fowler. L., 1971. P. 121–135.

Powicke M. Military Obligation in Medieval England. A Study in Liberty and Duty. Oxford, 1962.

Powicke M. *Lancastrian Captains // Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson / Ed. T. A. Sandquist and M. R. Powicke.* Toronto, 1969. P. 371–382.

Pratiques et la culture écrite en France au XVe siècle. Actes de colloque international du CNRS. Paris, 16–18 mai 1992 organisé en honneur de G. Ouy par l'unité de recherche «Culture écrite du Moyen Âge tardif» / Sous la direction de M. Ornato et N. Pons. Louvain-la-Neuve, 1995.

Prentout H. *La Prise de Caen par Edouard III, 1346.* Extrait des Mémoires de l'Académie nationale des Sciences, Arts et Belles-Lettres de Caen. Caen, 1904.

Preston Ph. *The Traditional Battlefield of Crécy // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston.* Woodbridge, 2005. P. 109–137.

Prestwich M. *Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience.* New Haven, 1996.

Prestwich M. *The Battle of Crécy // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston.* Woodbridge, 2005. P. 139–157.

Prestwich M. *English Armies in the Early Stages of the Hundred Years War: A Scheme in 1341 // BIHR. Vol. LVI (1983) P. 102–113.*

Prestwich M. *Miles in Armies Strenuous: The Knight at War // TRHS. 6th ser. Vol. VI (1996). P. 201–220.*

Prestwich M. *The Three Edwards: War and the State of England 1272–1377.* L., 1980.

Prestwich S. L. *England in the Reign of Edward III.* Cambridge, 1991.

Prevenier W. *Les perturbations dans les relations commerciales Anglo-Flamandes entre 1379 et 1407: causes de désaccord et raisons d'une réconciliation // Economies et Sociétés au Moyen Âge: Mélanges offerts à Edouard Perroy. P., 1973. P. 477–497.*

Previt -Orton C. W. *The Earlier Career of Titus Livius Flulovisi // EHR. Vol. XXX (1915). P. 74–78.*

Prince A. E. *The Army and Navy // The English Government at Work, 1327–1336 / Ed. J. F. Willard [et al.]. N.Y., 1940. P. 332–393.*

Prince A. E. *The Payment of Army Wages in Edward III's Reign // Speculum. Vol. XIX (1944). P. 137–160.*

Prince A. E. *A Letter of the Black Prince // EHR. Vol. XLI (1926). P. 415–417.*

Prince A. E. *The Strength of English Armies in the Reign of Edward III // EHR. Vol. XLVI (1931). P. 362–378.*

Pronay N., Taylor J. *Parliamentary Texts of the Later Middle Ages.* Oxford, 1980.

Race, Nation, Class: Ambiguous Identities / Ed. E. Balibar and I. Wallerstein. L., 1991.

Ramsay J. H. The Foundations of England, or Twelve Centuries of British History B. C. 55 – A. D. 1154: 2 vols. L., 1898.

Ramsay J. H. Genesis of Lancaster or the Three Reigns of Edward II, Edward III and Richard II, 1307–1399. Oxford, 1913.

Ramsay J. H. The Strength of English Armies in the Middle Ages // EHR. Vol. XXIX (1916). P. 221–226.

Redourie E. Nationalism. L., 1966.

Regout R. La doctrine de la guerre juste de saint Augustin à nos jours d'après les théologiens et les cononistes catholiques. P., 1935.

Reid P. A Brief History of Medieval Warfare: the Rise and Fall of English Supremacy at Arms, 1344–1485. L., 2008.

Reid P. Medieval Warfare: Triumph and Domination in the Wars of the Middle Ages. N.Y., 2007.

Reid R. The Date and Authorship of Redmayne's «Life of Henry V» // EHR. Vol. XXX (1915). P. 691–698.

The Reign of Richard II. Essays in Honour of May McKisack / Ed. F. R. H. du Boulay and C. M. Barron. L., 1971.

Renoir A. The Poetry of John Lydgate. L., 1967.

Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen Âge: Actes de colloque organisé par l'Université du Maine les 25–26 mai 1994 / Éd. J. Blanchard. P., 1995.

Reuter T. The Making of England and Germany, 850–1050. Points of Comparison and Difference // Medieval Europeans Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe / Ed. A. P. Smyth. L., 1998. P. 53–70.

Reynolds C. «Les Angloys, de leur droite nature, veullent touz jours guerreeer»: Evidence for Painting in Paris and Normandy, c. 1420–1450 // Power, Culture and Religion in France c. 1350 – c. 1550. Woodbridge, 1989. P. 37–55.

Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1984.

Reynolds S. Medieval Origines Gentium and the Community of the Realm // History. Vol. LXVIII (1983). P. 375–390.

Richardson G. England and France in the Sixteenth Century // History Compass. Vol. 6 (2008). P. 510–528.

Richardson G. Eternal Peace, Occasional War Anglo-French Relations under Henry VIII // Tudor England and its Neighbours / Ed. S. Doran and G. Richardson. Basingstoke, 2005. P. 44–73.

Richardson H. G. The Annales Paulini // Speculum. Vol. XXIII (1948). P. 630–640.

Riches S. «Saint George: On Whom all England Have Byleve» // History Today. 2000. Oct. P. 42–48.

Richter M. National Identity in Medieval Wales // Medieval Europeans. Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe / Ed. A. P. Smyth. L., 1998. P. 71–84.

Riddy F. Reading for England: Arthurian Literature and National Consciousness // Bibliographical Bulletin of the International Arthurian Society. Vol. XLIII (1991). P. 314–332.

Rigg A. G. A History of Anglo-Latin Literature 1066–1422. Cambridge, 1992.

Rigg A. G. John of Bridlington's Prophecy // Speculum. Vol. LXIII (1988). P. 596–613.

Rigg A. G. Propaganda of the Hundred Years War: Poems on the Battles of Crécy and Durham (1346): a Critical Edition // Traditio: Studies in Ancient and Medieval History, Thought, and Religion. Vol. 54 (1999). P. 169–211.

Roberts B. F. Geoffrey of Monmouth and Welsh Historical Tradition // Nottingham Medieval Studies. Vol. 20 (1976). P. 29–40.

Robertson E. John Wyclife. Morning Star of the Reformation. Basingstoke, 1984.

Robinson J. A. Two Glastonbury Legends: King Arthur and St Joseph of Arimathea. Cambridge, 1926.

Robinson J. A. An Unrecognized Westminster Chronicler, 1381–1394 // Proceedings of the British Academy. Vol. III (1907). P. 61–92.

Rogers C. J. The Age of the Hundred Years' War // Medieval Warfare: A History / Ed. M. Keen. N.Y., 1999. P. 136–160.

Rogers C. J. The Anglo-French Peace Negotiations of 1354–1360 Reconsidered // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 193–214.

Rogers C. J. By Fire and Sword: Bellum Hostile and «Civilians» in the Hundred Years War // Civilians in the Path of War / Ed. M. Grimsley and C. J. Rogers. Lincoln, 2001. P. 94–118.

Rogers C. J. Edward III and the Dialectics of Strategy 1327–1360 // TRHS. 6th ser. Vol. VI (1996). P. 83–102.

Rogers C. J. The Military Revolutions of the Hundred Years War // The Journal of Military History. Vol. LVII (1993). P. 249–257.

Rogers C. J. The Offensive/Defensive in Medieval Strategy // From Crécy to Mohacs: Warfare in the Late Middle Ages (1346–1526). Act of the XXIInd Colloquium of the International Commission of Military History (Vienna, 1996). Vienna, 1997. P. 71–92.

Rogers C. J. The Scottish Invasion of 1346 // Northern History. Vol. XXXIV (1998). P. 51–82.

Rogers C. J. The Wars of Edward III: Sources and Interpretations. Woodbridge, 1999.

Rogers C. J. War Cruel and Sharp: English Strategy under Edward III, 1327–1360. Woodbridge, 2000.

Rogers C. J. Henry V's Military Strategy in 1415 // *The Hundred Years War: A Wider Focus* / Ed. L. J. A. Villalon, D. J. Kagay. Leiden, 2005. P. 399–428.

Roskell J. S. The Impeachment of Michael de la Pole, Earl of Suffolk in 1386 in the Context of the Reign of Richard II. Manchester, 1984.

Roskell J. S. Parliament and Politics in Late Medieval England: 3 vols. L., 1981–1983.

Roskell J. S. Three Wiltshire Speakers // *Wiltshire Archaeological and Natural History Magazine*. Vol. LVI (1955–1956). P. 301–341.

Roskell J. S., Taylor F. The Authorship and Purpose of the «Gesta Henrici Quinti» (part I and part II) // *BJRL*. Vol. LIII (1970–1971). P. 428–464; Vol. LIV (1971–1972). P. 223–240.

Rowe B. J. H. A Contemporary Account of the Hundred Years' War from 1425 to 1429 // *EHR*. Vol. XLI (1926). P. 504–513.

Rowe B. J. H. Discipline in the Norman Garrisons // *EHR*. Vol. XLVI (1931). P. 194–208.

Rowe B. J. H. John Duke of Bedford and the Norman «Brigands» // *EHR*. Vol. XLVII (1932). P. 583–601.

Rowe B. J. H. King Henry VI's Claim to France: in Picture and Poem // *The Library*. 4th ser. Vol. XIII (1933). P. 71–82.

Runyan T. J. Naval Power and Maritime Technology during the Hundred Years War // *War at Sea in the Middle Ages and the Renaissance* / Ed. J. B. Hatendorf, R. W. Unger. Woodbridge, 2003. P. 53–67.

Russell A. G. B. The Rous Roll // *Burlington Magazine*. Vol. XXX (1917). P. 23–31.

Russell F. H. *The Just War in the Middle Ages*. Cambridge, 1975.

Russell P. E. *The English Intervention in Spain and Portugal in the Time of Edward III and Richard II*. Oxford, 1955.

Russell P. E. *Portugal, Spain and the African Atlantic, 1343–1490: Chivalry and Crusade from John of Gaunt to Henry the Navigator*. Aldershot, 1995.

Le Sacre des rois. Actes de colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux (Reims, 1975). P., 1985.

Saint J. *History of the Four Conquests of England*: 2 vols. L., 1862.

Saul N. *Knight and Esquires: The Gloucestershire Gentry in the Fourteenth Century*. Oxford, 1981.

Saul N. *Richard II*. L., 1997.

Saulcy F. *Histoire numismatique de Henri V et Henri VI, rois d'Angleterre, pendant qu'ils ont régné en France*. P., 1878.

Sauvage R. Une procédure devant la sénéchaussée de Normandie en 1423 // Mémoires de l'Académie Nationale des Sciences, Arts et Belles-Lettres de Caen. 1910. P. 139–157.

Scattergood V. J. Chaucer and the French War: Sir Thopas and Melibee // Court and Poet: Selected Proceedings of the Third Congress of the International Courtly Literature Society. Liverpool, 1980 / Ed. G. S. Burgess. Liverpool, 1981. P. 287–296.

Scattergood V. J. Politics and Poetry in the Fifteenth Century. L., 1971.

Schmandt R. H. The Fourth Crusade and the Just-War Theory // Catholic Historical Review. Vol. LXI (1975). P. 191–221.

Schnerb B. Les Armagnacs et Bourguignons: la maudite guerre. P., 1988.

Schnerb B. Vassals, Allies and Mercenaries: the French Army before and after 1346 // The Battle of Crécy, 1346 / Ed. A. Ayton, Ph. Preston. Woodbridge, 2005. P. 265–272.

Schramm P. E. A History of English Coronation. Oxford, 1937.

Seton-Watson H. Nations and States. L., 1977.

Seward D. The Hundred Years War. The English in France 1337–1453. L., 1978.

Shafer B. D. Faces of Nationalism. New Realities and Old Myths. N.Y., 1972.

Shafer B. D. Nationalism: Myth and Reality. N.Y., 1955.

Shears F. S. Froissart Chronicler and Poet. L., 1930.

Shenton C. Edward III and the Coup of 1330 // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 13–34.

Sherborne J. W. The Battle of La Rochelle and the War at Sea 1372–1375 // BIHR. Vol. XLII (1969). P. 17–29.

Sherborne J. W. Indentured Retinues and English Expeditions to France, 1369–1380 // EHR. Vol. LXXIX (1964). P. 718–746.

Sherborne J. W. John of Gaunt, Edward III's Retinue and the French Campaign of 1369 // Kings and Nobles in the Later Middle Ages / Ed. J. W. Sherborne. N.Y., 1986. P. 41–61.

Sherborne J. W. War, Politics and Culture in Fourteenth-Century England. L., 1994.

Shirley W. Edward the Black Prince, or the Battle of Poitiers. L., 1750.

Shopkow L. History and Community: Norman Historical Writing in the Eleventh and Twelfth Centuries. Washington, 1997.

Simmons C. A. Reversing the Conquest: History and Myth in Nineteenth-Century British Literature. New Brunswick, 1990.

Sinny A. The British History in Early Tudor Propaganda // BJRL. Vol. XLIV (1961). P. 41–52.

Sisam K. Fourteenth Century Verse and Prose. Oxford, 1933.

Smalley B. Church and State, 1300–1377: Theory and Fact // Europe in the Late Middle Ages / Ed. J. R. Hale, J. R. L. Highfield and B. Smalley. L., 1965. P. 15–43.

Smalley B. Historians in the Middle Ages. L., 1974.

Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986.

Smith A. D. Ethnic Persistence and National Transformation // British Journal of Sociology. Vol. XXXV (1984). N. 3. P. 452–461.

Smith A. D. The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981.

Smith A. D. National Identity. Harmondsworth, 1991.

Smith A. D. National Identity and Myths of Ethnic Descent // Research in Social Movements, Conflict and Change. Vol. VII (1984). P. 95–130.

Smith A. D. Nationalism in the Twentieth Century. Oxford, 1979.

Smith A. D. Nationalism and Religion: the Role of Religious Reform in the Genesis of Arab and Jewish Nationalism // Archives de Sociologie des Religions. Vol. XXXV (1973). P. 23–43.

Smith A. D. Nationalism: A Trend Report and Annotated Bibliography // Current Sociology. Vol. XXI. N. 3. The Hague, 1973. P. 1–188.

Smith A. D. The Origins of Nations // Ethnic and Racial Studies. Vol. XII. N. 3 (1989). P. 340–367.

Smith A. D. The Rise of Nations // Nationalism / Ed. J. Hutchenson and A. D. Smith. Oxford; N.Y., 1994. P. 132–159.

Smith A. D. State and Nation in the Third World. Brighton, 1983.

Smith A. D. State-Making and Nation-Building // State in History / Ed. J. A. Hall. Oxford, 1986. P. 31–60.

Smith A. D. Theories of Nationalism. 2nd ed. L.; N.Y., 1983.

Smith A. D. War and Ethnicity: the Role of Warfare in the Formation, Self-Images and Cohesion of Ethnic Communities // Ethnic and Racial Studies. Vol. IV. N. 4 (1981). P. 375–397.

Smith A. P. The Emergence of English Identity, 700–1000 // Medieval Europeans Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe / Ed. A. P. Smyth. L., 1998. P. 24–52.

Smith R. M. Land, Kingship and Life-Cycle. Cambridge, 1984.

Solages B. La théologie de la guerre juste, genèse et orientation. P., 1946.

Southern R. W. Aspects of the European Tradition of Historical Writing: [Part] 1. The Classical Tradition from Einhard to Geoffrey of Monmouth // TRHS. 5th ser. Vol. XX (1970). P. 173–196; [Part] 2. Hugh of St. Victor and the Idea of Historical Development // TRHS. 5th ser. Vol. XXI (1971). P. 159–179; [Part] 3. History as Prophecy // TRHS. 5th ser. Vol. XXII (1972). P. 159–180; [Part] 4. The Sense of the Past // TRHS. 5th ser. Vol. XXIII (1973). P. 243–263.

Stahuljak Z. Jean Froissart's Chroniques: «Translatio» and the Impossible Apprenticeship of Neutrality // The Politics of Translation in the Middle Ages and the Renaissance / Ed. R. Blumenfeld-Kosinski, L. von Flotow, D. Russell. Ottawa, 2001. P. 121–142.

Steel A. Richard II. 2nd ed. Cambridge, 1962.

Stefano di G. Alain Chartier ambassadeur à Venise // Culture et politique en France à l'époque de l'humanisme et de la Renaissance. Torino, 1974. P. 155–168.

Stillwell G. John Gower and the Last Years of Edward III // Studies in Philology. Vol. XLV (1948). P. 454–471.

Stillwell G. The Political Meaning of Chaucer's Tale of Melibee // Speculum. Vol. XIX (1944). P. 433–444.

Stillwell G. Wynnere and Wastoure and The Hundred Years War // English Literary History. Vol. VIII (1941). P. 241–247.

Stones E. L. C. The Anglo-Scottish Negotiations of 1327 // Scottish Historical Review. Vol. XXX (1951). P. 49–53.

Stones E. L. C. The Records of the Great Cause of 1291–1292 // Scottish Historical Review. Vol. XXXV (1956). P. 89–109.

Storey K. L. The End of the House of Lancaster. 2nd ed. Gloucester, 1986.

Storey-Challenger S. B. L'administration anglaise du Ponthieu, 1361–1369. Abbeville, 1975.

Stow G. B. Chronicles Versus Records: the Character of Richard II // Documenting the Past / Ed. J. S. Hanilfon, P. J. Bradley. Wolfboro; Woodbridge, 1989. P. 155–176.

Stow G. B. Richard II in Thomas Walsingham's Chronicles // Speculum. Vol. LXIX (1984). P. 68–102.

Stow G. B. Some New Manuscripts of the «Vita Ricardi Secundi, 1377–1402» // Manuscripta. Vol. XIX (1975). P. 107–115.

Stow G. B. Thomas Walsingham, John Malvern, and the «Vita Ricardi Secundi, 1377–1381» // Mediaeval Studies. Vol. 39 (1977). P. 490–497.

Starford J. The Bedford Inventories: the Worldly Goods of John, Duke of Bedford, Regent of France (1389–1435). The Society of Antiquaries, 1993.

Strayer J. R. The Laicization of French and English Society in the Thirteenth Century // Speculum. Vol. XV (1940). P. 76–86.

Strayer J. R. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, 1970.

Strohm P. England's Empty Throne: Usurpation and the Language of Legitimation, 1399–1422. New Haven; L., 1998.

Strohm P. The 1390s. The Empty Throne // Fins de siècle / How Centuries End, 1400–2000 / Ed. A. Briggs, D. Snowman. New Haven; L., 1996. P. 7–37.

Stubbs W. The Constitutional History of England: 3 vols. Oxford, 1874–1878.

Suggett H. The Use of French in England in the Later Middle Ages // TRHS. 4th ser. Vol. XXVIII (1946). P. 61–83.

Sulzbach W. National Consciousness. Washington, 1943.

Sumner B. H. War and History. Edinburgh, 1945.

Sumption J. The Hundred Years' War. Trial by Battle. Vol. I. L., 1990.

Sumption J. The Hundred Years' War. Trial by Fire. Vol. II. L., 1999.

Swift L. J. St. Ambrose on Violence and War // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Vol. 100 (1970). P. 530–545.

Tait M. B. The Brigittine Monastery of Syon (Middlesex), with Special Reference to its Monastic Usages: Ph. D. diss. Oxford, 1975.

Tatlock J. S. P. The Legendary History of Britain. N.Y., 1974.

Taylor C. Edward III and the Plantagenet Claim to the French Throne // The Age of Edward III / Ed. J. S. Bothwell. Woodbridge, 2001. P. 155–170.

Taylor C. War, Propaganda and Diplomacy in Fifteenth-Century France and England // War, Government and Power in Late Medieval France / Ed. C. T. Allmand. Liverpool, 2000. P. 90–91.

Taylor C. D. La Querelle Anglaise: Diplomatic and Legal Debate During the Hundred Years War, with an edition of the Polemical Treatise *Pour ce que plusieurs* (1464). Oxford, 1998.

Taylor J. The Development of the «Polychronicon» Continuation // EHR. Vol. LXXVI (1961). P. 20–36.

Taylor J. The French «Brut» and the Reign of Edward II // EHR. Vol. LXXII (1957). P. 423–437.

Taylor J. The Universal Chronicle of Ranulf Higden. Oxford, 1966.

Taylor R. The Political Prophecy in England. N.Y., 1911.

Teichman J. Pacifism and the Just War. A Study in Applied Philosophy. Oxford, 1986.

Templeman G. Edward III and the Beginnings of the Hundred Years War // TRHS. 5th ser. Vol. II (1952). P. 69–88.

Terry S. B. The Financing of the Hundred Years' War, 1337–1350. L., 1914.

Thielemans M. R. Bourgogne et Angleterre. Relations politiques et économiques entre les Pays-Bas bourguignons et l'Angleterre, 1435–1467. Bruxelles, 1966.

Thomson E. M. The Pagents of Richard Beauchamp, Earl of Warwick // Burlington Magazine. Vol. I (1903). P. 151–164.

Thompson G. L. The Anglo-Burgundian Regime in Paris, 1420–1436. Oxford, 1985.

- Thompson G. L.* «Monseigneur Saint Denis», His Abbey, and His Town under the English Occupation, 1420–1436 // *Power, Culture and Religion in France c. 1350 – c. 1550*. Woodbridge, 1989. P. 15–35.
- Thompson G. L.* Paris and its People under English Rule. The Anglo-Burgundian Regime 1420–1436. Oxford, 1991.
- Thompson J. A. F.* The Later Lollards. 1414–1520. Oxford, 1965.
- Thomson R.* William of Malmesbury. Woodbridge, 1987.
- Thornton T.* The Alleged French Raid on the Isle of Man, 1377 // *A Review of the History of the North of England and the Borders*. Vol. 35 (1999). P. 208–213.
- Tierney B., Painter S.* Western Europe in the Middle Ages, 300–1475. N.Y., 1983.
- Tonetti E.* Crécy: la bataille des cinq rois, 26 août 1346. Vironchaux, 2004.
- Tourneur-Aumont J. M.* La Bataille de Poitiers (1356) et la construction de la France. P., 1940.
- Tout T. F.* Firearms in England in the Fifteenth Century // *EHR*. Vol. XXVI (1911). P. 666–702.
- Tout T. F.* France and England. Their Relations in the Middle Ages and Now. Manchester, 1922.
- Tout T. F.* Medieval and Modern Warfare // *BJRL*. Vol. V (1919). P. 41–60.
- Tout T. F.* The Place of the Reign of Edward II in English History. Manchester, 1914.
- Tout T. F.* Some Neglected Fights between Crécy and Poitiers // *EHR*. Vol. XX (1905). P. 726–730.
- Tout T. F.* The Westminster Chronicle Attributed to Robert of Reading // *EHR*. Vol. XXXI (1916). P. 450–464.
- Tranter N.* Robert the Bruce. L., 1977.
- Trease G.* The Condottieri, Soldiers of Fortune. L., 1970.
- Treharne R. F.* The Glastonbury Legends. L., 1967.
- Trevelyan G. M.* England in the Age of Wyclife. L., 1899.
- Trimble W. R.* Early Tudor Historiography, 1485–1548 // *Journal of the History of Ideas*. Vol. XI (1950). P. 30–42.
- Tuchman B. W.* A Distant Mirror. The Calamitous XIVth Century. L., 1979.
- Tuck A.* Crown and Nobility 1272–1461. L., 1985.
- Tuck A.* Henry IV and Europe: A Dynas's Search for Recognition // *The MacFarlane Legacy Studies in Late Medieval Politics and Society* / Ed. R. H. Britnell and A. J. Pollard. N.Y., 1995. P. 107–125.
- Tuck A.* Richard II and the English Nobility. L., 1973.
- Tuck A.* Richard II and the Hundred Years' War // *Politics and Crisis in the Fourteenth-Century England*. Gloucester, 1990. P. 117–131.

Turville-Petre Th. England the Nation. Language, Literature, and National Identity, 1290–1340. Oxford, 1996.

Turville-Petre Th. The «Nation» in English Writing of Early Fourteenth Century // England in the Fourteenth Century / Ed. N. Rogers. Stamford, 1993. P. 128–139.

Turville-Petre Th. Politics and Poetry in the Early Fourteenth Century: The Case of Robert Manning's Chronicle // Review of English Studies. Vol. XXXIX (1988). P. 1–28.

Tyerman C. J. England and the Crusades, 1095–1588. Chicago, 1988.

Tyerman C. J. Philip VI and the Recovery of the Holy Land // EHR. Vol. C (1985). P. 25–52.

Ullmann W. Thomas Becket's Miraculous Oil // Journal of Theological Studies, new series. Vol. VIII (1957). P. 129–153.

Unwin G. Finance and Trade under Edward III. Manchester, 1918.

Vale M. G. A. Charles VII. L., 1974.

Vale J. Edward III and Chivalry: Chivalric Society and its Context 1270–1350. L., 1983.

Vale M. G. A. English Gascony, 1399–1453. Oxford, 1970.

Vale M. G. A. A Fourteenth-Century Order of Chivalry: the Tiercelet // EHR. Vol. LXXXII (1967). P. 332–341.

Vale M. G. A. The Last Years of English Gascony, 1451–1453 // TRHS. Vol. XIX (1969). P. 119–138.

Vale M. G. A. The Origins of the Hundred Years War. The Angevin Legacy, 1250–1340. Oxford, 1996.

Vale M. G. A. Sir John Fastolt's «Report» of 1435 // Nottingham Medieval Studies. Vol. 17 (1973). P. 78–84.

Vale M. G. A. War and Chivalry: Warfare and Aristocratic Culture in England, France and Burgundy at the End of the Middle Ages. L., 1981.

Van Hemelryck T. Le «Livre des quatres dames» d'Alain Chartier. Un plaidoyer pacifique // Revue trimestrielle consacrée à l'étude des langues et des littératures romanes. Vol. 124 (2006). P. 520–533.

Vaucher A. La diffusion des «Révélations» de sainte Brigitte dans l'espace français à la fin du Moyen Âge // Santa Brigida Profeta Dei Tempi Nuovi / Saint Brigit Prophetess of New Ages. Rome, 1991. P. 151–163.

Vaughan R. John the Fearless: the Growth of Burgundian Power. N.Y., 1966.

Vaughan R. Matthew Paris. Cambridge, 1958.

Vaughan R. Philip the Bold: the Formation of the Burgundian State. L., 1962.

Verbruggen J. F. The Art of Warfare in Western Europe During the Middle Ages. From the Eighth Century to 1340. 2nd ed. Woodbridge, 1997.

Verbruggen J. F. La tactique militaire des armées de chevaliers // *Revue du Nord*. Vol. XXIX (1946). P. 164–168.

Verdon J. Les Françaises pendant la Guerre de Cent ans: début du XIVe siècle-milieu du XVe siècle. P., 1990.

Vernier R. The Flower of Chivalry: Bertrand Du Guesclin and the Hundred Years War. Woodbridge, 2003.

Vickers K. H. England in the Later Middle Ages. 6th ed. L., 1937.

Vickers K. H. Humphrey, Duke of Gloucester. L., 1907.

Villalon L. J. A. Spanish Involvement in the Hundred Years War and the Battle of Nájera // *The Hundred Years War: A Wider Focus* / Ed. L. J. A. Villalon and D. J. Kagay. Leiden, 2005. P. 3–74.

Wadge R. The Military Archer in the Time of the Hundred Years War. Staplehurst, 2007.

Wagner J. A. Encyclopedia of the Hundred Years' War. Westport; L., 2006.

Waldron R. John Trevisa and the Use of English // *Proceedings of the British Academy*. Vol. LXXIV (1988). P. 171–202.

Walker S. Janico Dartasso: Chivalry, Nationality and the Man-at-Arms // *History*. Vol. LXXXIV. N. 273 (Jan. 1999). P. 31–51.

Walker S. The Lancastrian Affinity, 1361–1399. Oxford, 1990.

Walker S. Political Saints in Later Medieval England // *The MacFarlane Legacy Studies in Late Medieval Politics and Society* / Ed. R. H. Britnell and A. J. Pollard. N.Y., 1995. P. 77–106.

Wallace-Hadill J. M. War and Peace in the Earlier Middle Ages // *TRHS*. 5th ser. Vol. XXV (1975). P. 57–74.

Wallage D. Chaucer and Deschamps, Translation and the Hundred Years' War // *The Medieval Translator*. Vol. 8: The Theory and Practice of Translation in the Middle Ages / Ed. R. Voaden, R. Tixier. T. Sanchez Roura, J. R. Rytting. Turnhout, 2003. P. 179–188.

Wallon H. Richard II. Episode de la Rivalite de la France et de l'Angleterre. P., 1864.

Walsh K. A Fourteenth Century Scholar and Primate: Richard Fitzralph in Oxford, Avignon and Armagh. Oxford, 1981.

Walters L. Five Classic Just War Theories: A Study in the Thought of Thomas Aquinas, Vitoria, Suarez, Gentili and Grotius: Ph. D. diss. Yale, 1971.

War and Border Societies in the Middle Age / Ed. A. Goodman and A. Tuck. L.; N.Y., 1992.

War and Christian Conscience: From Augustine to Martin Luther King / Ed. A. Marrin. Chicago, 1971.

War and Government in the Middle Ages / Ed. J. Gillingham and J. C. Holt. Woodbridge, 1984.

War and Peace in the Middle Ages / Ed. B. P. McGuire. Copenhagen, 1987.

War, Politics and Culture in Fourteenth-Century England / Ed. A. Tuck. L., 1994.

Warburton W Edward III. L., 1875.

Ward J. C. English Noblewomen in the Later Middle Ages. L.; N.Y., 1992.

Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 1981.

Warren N. B. Kings, Saints, and Nuns: Gender, Religion, and Authority in the Reign of Henry V // *Viator*. Vol. XXX (1999). P. 307–322.

The Wars of Edward III: Sources and Interpretations / Ed. and introd. C. J. Rogers. Woodbridge, 1999.

Watkin A. The Glastonbury «Pyramids» and St. Patrick's «Companions» // *Downside Review*. Vol. LXIII (1945). P. 30–41.

Watson F. The Enigmatic Lion: Scotland, Kingship and National Identity in the Wars of Independence // *Image and Identity. The Making and Re-Making of Scotland through the Ages* / Ed. D. Broun, R. J. Finlay and M. Lynch. Edinburgh, 1998. P. 18–37.

Watt D. E. R. The Papacy and Scotland in the Fifteenth Century // *The Church, Politics and Patronage in the Fifteenth Century* / Ed. B. Dobson. Gloucester; N.Y., 1984. P. 115–132.

Watts J. Henry VI and the Politics of Kingship. Cambridge, 1996.

Watts K. Brothers-in-Arms? // *Medieval History Magazine*. Vol. 8 (2004). P. 8–17.

Waugh S. L. England in the Reign of Edward III. Cambridge, 1991.

Webster B. Joannis de Fordun and the Independent Identity of the Scots // *Medieval Europeans Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe* / Ed. A. P. Smyth. L., 1998. P. 85–95.

Webster B. Medieval Scotland. The Making of an Identity. L., 1997.

Wee van de H. Structural Changes and Specialization in the History of the Southern Netherlands, 1100–1600 // *Economic History Review*. Vol. XXVIII (1975). P. 203–221.

Weisinger H. Ideas of History during the Renaissance // *Journal of the History of Ideas*. Vol. VI (1945). P. 415–435.

Weiss R. Humanism in England during the Fifteenth Century. Oxford, 1957.

Weiss R. Humphrey duke of Gloucester and Tito Livio Frulovisi // *Fritz Saxl 1890–1948: a Volume of Memorial Essays from his Friends in England* / Ed. D. J. Gordon. L., 1957. P. 218–227.

Werner K. F. Les nations et le sentiment national dans l'Europe Médiévale // *Revue Historique*. T. CCXLIV (1970). P. 285–304.

Wiclif in his Times / Ed. A. Kenny. Oxford, 1986.

Wilkinson B. The Chancery under Edward III. Manchester, 1929.

Wilkinson B. The Later Middle Ages in England. L., 1969.

Willard J. F. The Scotch Raids and the Fourteenth-Century Taxation of Northern England // University of Colorado Studies. Vol. V (1908). P. 5–21.

Wilson A. «Biographical Models»: the Constantinian Period and Beyond // Constantine: History, Historiography and Legend / Ed. S. N. C. Lieu and D. Monsterrat. L.; N.Y., 1998. P. 107–135.

Windass S. Christianity Versus Violence: A Social and Historical Study of War and Christianity. L., 1964.

Wingfield-Stratford E. The History of English Patriotism. Vol. 1. L., 1913.

Wolff Ph. Un Problème d'origines: La Guerre de Cent ans // Eventail de l'histoire vivante. Hommage à Lucien Febvre. Vol. II. P., 1953. P. 141–148.

Wolffe B. Henry VI. L., 1983.

Womack P. Imagining Communities: Theatres and the English Nation in the XVIth Century // Culture and History, 1350–1600. Essays on English Communities Identities and Writing / Ed. D. Aers. Exeter, 1992. P. 91–145.

Workman H. John Wyclif. A Study of the English Medieval Church: 2 vols. Oxford, 1926.

Wright N. The Place of Henry of Huntingdon's «Epistola ad Warinum» in the Text-History of Geoffrey of Monmouth's «Historia Regum Brittonum»: A Preliminary Investigation // France and the British Isles in the Middle Ages and Renaissance: Essays by Members of Girton College, Cambridge, in Memory of Ruth Morgan / Ed. G. Jondorf and D. N. Dumville. Woodbridge, 1991. P. 71–113.

Wright C. E. The Rous Roll: the English Version // British Museum Quarterly. Vol. XX (1955–1956). P. 77–80.

Wright J. R. The Church and the English Crown 1305–1334: A Study Based on the Register of Archbishop Walter Reynolds. Toronto, 1980.

Wright N. A. R. Knights and Peasants: the Hundred Years War in the French Countryside. Woodbridge, 1998.

Wright N. A. R. «Pillagers» and «Brigands» in the Hundred Years War // Journal of Medieval History. Vol. IX. N. 1 (1983). P. 15–24.

Wright N. A. R. Ransoms of Non-Combatants during the Hundred Years War // Journal of Medieval History. Vol. XVII. N. 4 (1991). P. 320–329.

Wright N. A. R. The Tree of Battles of Honore Bouvet and the Laws of War // War, Literature and Politics in the Late Middle Ages / Ed. C. T. Allmand. Liverpool, 1976. P. 12–31.

The Writing of History in the Middle Ages. Essays Presented to Richard William Southern / Ed. R. H. C. Davis et J. M. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981.

Wrottesley G. Crecy and Calais from the Public Records. L., 1898.

Wylie J. H. The Reign of Henry the Fifth. Cambridge, 1914–1929.

Yarman R. H. Crispin's Day. The Glory of Agincourt. L., 1979.

Yeager R. E. Pax Poetica: On the Pacifism of Chaucer and Gower // Studies in the Age of Chaucer IX (1987). P. 97–121.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Беда: Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана. СПб., 2003.

Гальфрид: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат. А. С. Бобовича и С. А. Ошерова. М., 1984. С. 5–170.

Гильда: Гильда Премудрый. О гибели Британии / Пер. с лат. Н. Ю. Чехонадской. СПб., 2003.

«*Ненний*»: *Ненний.* История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М., 1984. С. 171–193.

Фруассар: Фруассар, Жан. Хроники. 1325–1340 / Пер. с фр., статья и примечания М. В. Аникеева. СПб., 2008.

Adam Murimuth: Murimuthensis Adami Chronica cum eorum Continuatione / Ed. Th. Hog. L., 1846; repr. Vadug, 1964.

Adam of Usk: Usk, Adam. Chronicle / Ed. C. Given-Wilson. Oxford, 1997.

AHR: American Historical Review.

Annales Monasterii de Bermundeseia: Annales Monasterii de Bermundeseia, 1042–1432 // Annales Monastici: 5 vols. / Ed. H. R. Luard. (RS). L., 1864–1869. Vol. III. P. 423–487.

Annales de Oseneia: Annales de Oseneia, 1016–1347 // Annales Monastici: 5 vols. / Ed. H. R. Luard. (RS). L., 1864–1869. Vol. IV. P. 1–352.

Annales Paulini: Annales Paulini, 1307–1339 // Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II: 2 vols. / Ed. W. Stubbs. (RS). L., 1882–1883. Vol. II. P. 255–370.

Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti: Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti // Johannis de Trokelowe, et Henrici de Blaneforde Monachorum S. Ablani Necnon Quorundam Anonymorum, Chronica et Annales / Ed. H. T. Riley. (RS). L., 1866. P. 156–420.

The Anonimalle Chronicle: The Anonimalle Chronicle 1333 to 1381 from a MS Written at St. Mary's Abbey, York / Ed. V. H. Galbraith. Manchester, 1927.

Anonyme: Anonyme. Chronique de du Guesclin // Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France / Éd. J.-A.-C. Buchon. Vol. 14. P., 1841.

Avesbury: Avesbury, Robertus de. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii / Ed. E. M. Thompson. (RS). L., 1889.

Benet: Benet, John. Chronicle for the Years 1400 to 1462 / Ed. G. L. Harris and M. A. Harriss. Camden Miscellany. XXIV. L., 1972.

BIHR: Bulletin of the Institute of Historical Research.

BJRL: Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester.

Bracton: Bracton, Henricus. De Legibus et Consuetudinibus Angliae: 5 vols. / Ed. T. Twiss. (RS). L., 1878–1883.

The Brut: The Brut or the Chronicles of England: 2 vols. / Ed. W. C. Brie. (EETS). CXXXI, CXXXVI. L., 1906, 1908; repr. 1960.

Burton: Burton, Thomas. Chronica Monasterii de Melsa, a Fundatione usque ad Annum 1396: 3 vols. / Ed. E. A. Bond. (RS). L., 1866–1888.

Capgrave: Capgrave, John. The Chronicle of England / Ed. F. Ch. Hingeston. (RS). L., 1858.

Chandos: Chandos le Heraut. La Vie et Gestes du Prince Noir / Ed. F. Michel. L.; P., 1883.

The Chronicle of Bridlington Priory: The Chronicle of Bridlington Priory, 1307–1339 // Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II / Ed. W. Stubbs. (RS). Vol. II. L., 1883. P. 25–251.

Chronicon Angliae, 1328–1388: Chronicon Angliae ab Anno Domini 1328 usque ad Annum 1388, Auctore Monacho Quodam Sancti Albani / Ed. E. M. Thompson. (RS). L., 1874.

Creton: Creton, Jean. Histoire du Roy d'Anglerre Richard, traictant particulièrement la rebellion de ses subiectz e et priense de sa personne: composée par un gentihomme français de marque, qui fut à la suite dudict roy, avec permission du roy de France / Ed. with an English translation J. Webb // Archaeologia. Vol. XX (1824). P. 13–423.

Cuvelier: Cuvelier, Jean. La chanson de Bertrand de Guesclin: 3 vols. / Éd. J. C. Faucon. Toulouse, 1990–1991.

A Declaration of the Trew and Dewe Title of Henry VIII: «Pour ce que plusieurs (la loy salicque)» and «A Declaration of the Trew and Dewe Title of Henry VIII» / Ed. C. Taylor. Cambridge, 2006.

EETS: Early English Text Society.

EHR: English Historical Review.

Elmham: Elmham, Thomas. Liber Metricus de Henrico Quinto // Memorials of Henry the Fifth / Ed. C. A. Cole. (RS). L., 1858. P. 77–166.

An English Chronicle: An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI / Ed. J. S. Davies. Camden Society. LXIV. L., 1856.

English Political Poems: Political Poems and Songs Relating to English History, Composed during the Period from the Accession of Edward III to that of Richard III: 2 vols. / Ed. T. Write. (RS). L., 1852.

Eulogium Historiarum: Eulogium Historiarum sive Temporis: Chronicon ab Orbe Condito usque ad Annum Domini M.CCC.LXVI a Monacho Quodam Malmesburiensi Exaratum: 3 vols. / Ed. F. S. Haydon. (RS). L., 1859–1863.

Fabyan: Fabyan, Robert. The New Chronicle of England and France by Robert Fabyan, Named by Himself the Concordance of Histories / Ed. H. Ellis. L., 1811.

Foedera (1): *Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates* / Ed. Th. Rymer. Hagae, 1739–1745. Vol. I–X.

Foedera (2): *Foedera...* L., 1816–1869.

Foxe: Foxe, John. Acts and Monuments of Matters Most Special and Memorable. Happening in the Church: With an Universal History of the Same. 9th ed. L., 1684.

Froissart: Oeuvres de Froissart: Chroniques: 25 vols. / Publ. avec les variantes des divers manuscrits par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Osnabrück, 1967.

Grafton: Grafton, Robert. Chronicle of History of England to Which is Added His Table of the Bailiffs, Sheriffs and Mayers of the City of London. 1189–1558 / Ed. sir H. Ellis. 2 vols. L., 1809.

Gray: Gray, Thomas of Heton. Scalacronica / Ed. H. Maxwell. Glasgow, 1907.

Gregory: Gregory, William. Chronicle // The Historical Collection of the Citizen of London / Ed. J. Gairdner. L., 1876.

Hall: Hall, Edward. Chronicle Containing the History of England During the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs / Ed. J. Johnson. L., 1809.

Hardyng (1): Hardyng, John. The Chronicle. L., 1543; repr. Amsterdam, 1976.

Hardyng (2): Hardyng, John. The Chronicle / Ed. H. Ellis. L., 1812; repr. 1974.

Henry of Huntingdon: Henry, Archdeacon of Huntingdon. Historia Anglorum / Ed. D. Greenway. Oxford, 1996.

Higden: Polychronicon Together with the English Translation of John of Trevisa and of an Unknown Writer in the 15th century: 9 vols. / Ed. C. Babington (vols. 1–2) and J. R. Lumby (vols. 3–9). (RS). L., 1865–1886.

John of Bridlington: Political Poems and Songs Relating to English History, Composed during the Period from the Accession of Edward III to that of Richard III: 2 vols. / Ed. T. Write. (RS). L., 1852. Vol. I. P. 123–215.

Kirkstall Abbey Long Chronicle: Kirkstall Abbey Chronicles / Ed. J. Taylor // Thresby Society. Vol. XL (1952).

Kirkstall Abbey Short Chronicle: Kirkstall Abbey Chronicles / Ed. J. Taylor // Thresby Society. Vol. XL (1952).

Knighton (1): Knighton, Henry. Chronicle 1337–1396 / Ed. G. H. Martin. Oxford, 1995.

Knighton (2): Knighton, Henrici vel Cnitthon Monachi Leycestrensis Chronicon: 2 vols. / Ed. J. R. Lumby. (RS). L., 1889–1895.

Lanercost: Chronicon de Lanercost 1201–1341 / Ed. J. Stevenson. Edinburgh, 1839.

Le Baker: Le Baker, Galfridi de Swynebroke. Chronicon / Ed. E. M. Thompson. Oxford, 1889.

Le Bel: Le Bel, Jean. Chronique: 2 vols. / Éd. J. Viard and E. Déprez. Société de l'Histoire de France. P., 1904–1905.

Monstrelet: Monstrelet, Enguerran. La chronique: 6 vols. / Éd. L. Douet-D'Arcq. P., 1857–1862.

PL: Patrologiae cursus completus, series Latina: 221 vols. / Ed. J. P. Migne. P., 1841–1864.

Pseudo-Elmham: Thomas de Elmham. Vita et Gesta Henrici Quinti / Ed. T. Hearne. L., 1727.

Rastell: Rastell, John. The Passtyme of People: The Chronicles of Dyuers Realms and Most Specyally of the Realme of Englund. L.; N.Y., 1985.

Reading: Reading, Johannis de. Chronica / Ed. J. Tait. Manchester, 1914.

Redmann: Redmann, Robert. Historia Henrici Quinti // Memorials of Henry the Fifth / Ed. C. A. Cole. (RS). L., 1858. P. 1–61.

RS: Rolls Series (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages).

A Short English Chronicle: A Short English Chronicle // Three Fifteenth-Century Chronicles / Ed. J. Gairdner. Camden Society, New Series. XXVIII. L., 1880. P. 1–80.

Stow: Stow, John. The Annales of England. L., 1592.

Streeche: Streeche, John. The Chronicle for the Reign of Henry V (1414–1422) / Ed. F. Taylor // BJRL. XVI (1932). P. 137–187.

Titus Livius: Titus Livius de Frulovisi. Vita Henrici Quinti / Ed. T. Hearne. L., 1716.

TRHS: Transactions of the Royal Historical Society.

Walsingham: Walsingham, Thomas. Historia Anglicana. Chronica Monasterii S. Albani: 2 vols. / Ed. H. Rily. (RS). L., 1863–1864.

Walter of Peterborough: Political Poems and Songs Relating to English History, Composed during the Period from the Accession of Edward III to that of Richard III: 2 vols. / Ed. T. Write. (RS). L., 1852. Vol. I. P. 97–122.

Waurin: Waurin, Jehan. Recueil des Croniques et Anchiennes Istories de la Grant Bretagne: 5 vols. / Ed. W. Hardy and E. L. C. P. Hardy. RS. L., 1864–1891.

The Westminster Chronicle: The Westminster Chronicle 1381–1394 / Ed. B. F. Harvey. Oxford, 1982.

William of Newburgh: William of Newburgh. Historia Rerum Anglicarum // Chronicles of the Reins of Stephen, Henry II and Richard I / Ed. R. Howlett. RS. L., 1884. Vol. I. P. 11–408; Vol. II. P. 416–500.

УКАЗАТЕЛЬ¹

- Авалон 425–426, 435
Августин Блаженный, св. 21–24, 26, 237–238, 293, 327–328, 434, 503, 547
Августин Кентерберийский, св. 409, 444–446, 495, 506
Авиньон 121, 140, 214, 354–356, 377, 486, 520–521
Аврелий Амброзий 410, 412, 424, 453
Адам из Домерхама 428, 476
Адам из Маримута 69, 88, 92, 97, 111, 167, 282–283, 290–291, 295, 483, 486–487, 497
Адам из Уска 110, 220–221, 280, 284, 327, 336, 370, 372, 379–380, 419, 460–461
Азенкур, битва при 7, 56, 61, 111–114, 116–117, 139, 175, 191, 194, 205, 236, 261, 280, 318, 327–328, 330–331, 391, 418, 468, 476, 522, 550, 650
Айяла, Педро Лопес де 345
Аквитания 27–31, 33, 38, 40–41, 45, 49–51, 53, 64, 79, 121, 148, 151, 153–154, 156, 216, 220, 229, 247–252, 258, 260, 263, 367, 369–370, 377, 420, 505, 515, 518–519, 527–528, 643–644, 647
Алиенора Аквитанская 27, 67, 248, 429
Алан Лилльский 425
Алансон (гр.-во, с 1414 гц.-во) 216, 269, 522, 533, 536
Александр II, кор. Шотландии 80, 86, 530
Александр III, кор. Шотландии 81, 87, 530
Александр II, папа Римский 416
Александр V, антипапа 521
Александр Македонский 173, 180, 242, 318, 354, 402, 434, 497
Альбина 402, 404, 465, 479, 502
Альбион 397–398, 400–401, 403–404, 450, 455, 467, 499
Альбанакт 419
Альбре, Арно-Аменье де 51, 53, 217, 249
Альжубаррота, битва при 74, 118, 206, 520
Альфонсо VIII, кор. Кастилии 67
Альфонсо X Мудрый, кор. Кастилии 68
Альфонсо XI, кор. Кастилии 68
Альфред, брат Эдуарда Исповедника 414
Альфред Великий, кор. Уэссекса 78, 86
Альфред из Беверли 399, 412, 431
Амвросий Медиоланский, св. 20–21
Амфравиль, Гилберт де (ум. 1421) 264, 268
Амфравиль, Роберт де (ум. 1437) 501
Амьен 34–35, 247, 523, 534
«Английская хроника (1399–1461)» 327–328, 461
«Англосаксонская хроника» 413, 465, 471, 554
Андрей, ап. 159
Анжер 344, 355–356
Анжу 27, 50, 53, 60, 66, 79, 214, 216, 260, 271, 296, 530, 535
Анна Богемская, ж. Ричарда II 141, 276, 282, 368, 370, 649
Анна де Монфор, гц. Бретонская 61
«Анналы Камбрии» 424

¹ В указателе отражены: имена исторических персонажей, авторов произведений, названия анализируемых в работе литературных памятников, а также топонимы.

«Анналы Ричарда II и Генриха IV» 271
«Анналы собора Св. Павла» 485
«Анонимная бернская хроника» 174, 413
«Анонимная хроника аббатства Девы Марии в Йорке» 71–72, 89, 231, 357, 461–462
Аноним из Кентербери 71, 110, 145, 461
Анонимный биограф Дюгеклена 348–355, 505
Антверпен 41, 98–99, 158, 516
Арагон 67–69, 76, 372, 447, 527, 532
Ардр 63
Аристотель 19, 129, 224, 547
Арк 286
Аркур, гр-во 216
Аркур, Годфруа де (ум. 1356)² 259–260
Аркур, Жан де (ум. 1424) 216
Арли, род 196
Арли (Вустершир) 430
Арманьяк (гр.-во) 208
Арманьяк, Жан II, гр. де (ум. 1384) 51
Арманьяк, Бернар VII, гр. де (ум. 1418), коннетабль Франции 53, 115
Арманьяки 51–53, 115, 144, 160, 208, 247, 250, 253, 256, 260, 522
Арморика 279, 397, 407, 410–411, 413, 422–423, 425
Аррас 140, 143, 169, 468, 495, 523, 551
Артевельде, Филипп ван (ум. 1382) 101
Артевельде, Якоб ван (ум. 1345) 97, 101
Артуа, гр-во 55, 152, 228, 247, 306–307, 317, 430, 468, 518,
Артур 58, 70, 85, 130, 139, 170, 193, 318, 354, 390, 410, 413, 423–437, 439–440,
442, 451–456, 458, 470, 485, 489, 502, 647
Арфлер 56, 112, 115–117, 196, 219, 244, 261, 263, 267, 269, 312, 318, 322–323, 326,
331, 333–334, 522
Ассизи 164
«Архидьякон», см. Арно де Серволь

Бадон-Хилл, битва при 424, 436

Базас 251

Базель 448, 466–468, 500

Байонна 77

Байяр (Баяр), Пьер де Террайль 194

Баркли, Томас 278

Барри, Уильям де 471

Барфлер 208

Бастилия 216, 254

Бат 67, 467

Бахан 92

Беарн 50

Беда Достопочтенный, св. 122, 328, 396–399, 405–406, 409–412, 420, 424, 432–433,
435–439, 441–443, 445–446, 462–463, 467, 470–471, 474, 479, 496, 502–503, 547,
551, 613

² Здесь и далее даты смерти указаны для облегчения поиска «персонажей» с одинаковыми именами или титулами.

Бедфорд, Джон, гц. (ум. 1435) 137, 143–145, 155–160, 163, 177, 181, 216, 220, 232, 247, 252–258, 266, 269–270, 468, 523, 528, 650
Бедфорд, Мария, незаконная д. Джона Бедфорда (ум. после 1458) 252
Бек 432
Бекет, Томас, св. 122, 376–377, 464
Белин и Бренний 421–422, 450, 453, 456
Бенедикт XII, папа Римский 36, 227, 301, 516–517
Бенедикт XIII, антипапа 521–522
Бентли, Уолтер 309
Бержерак 209
Бери, Ричард де, еп. Даремский (1333–1345) 224–225
Берик 83, 88–92, 103, 469
Беркли, Томас, лорд 495
Бермондси анналы 463
Бертон, Томас 40–41, 82, 99, 115, 207, 210, 285, 290, 294, 296, 314, 326–327, 463–464
Берри, гц. см. Жан I Великолепный гр. Беррийский
Бигорр 250
Бичем, Уильям 367
Бланефорд, Генрих 400
Бланка Бурбонская, ж. Педро I 75
Бланка Кастильская, ж. Людовика VIII 67
Бланка Ланкастерская, ж. Джона Гонта 75, 527–528
Бланка Намюрская, ж. Магнуса II 140
Блондель, Робер 64
Блуа, гр., см. Карл Блуаский
Блэхит 175
Боадиция 408
Боне, Оноре 191
Боккаччо, Джованни 436
Болингброк, см. Генрих IV
Болонья 51, 447, 466
«Большие французские хроники» 34, 37, 645–651
Бомон, вик-во 216
Бомон, Жан де 83–98, 484, 500
Бомонт, Генри, бар. 200
Бонифаций VIII, папа Римский 29
Бонифаций IX, папа Римский 141, 369, 520–521
Бонна Люксембургская, ж. Иоанна II, кор. Франции 299, 533
Бордо 59, 154, 213, 216, 251–252, 500, 524, 651
Босворт, битва при 452
Бостон (Линкольншир) 500
Бофор, Генрих, еп. Винчестера (1404–1447), кардинал с 1426 г. 107, 116–118, 155, 182, 528
Бофор, Джон (ум. 1410), 1-й гр. Сомерсет и маркиз Дорсет 528
Бофор, Джон (ум. 1444), 1-й гц. Сомерсет 490, 528
Бофор, Томас (ум. 1426), гц. Эксетер, гр. Дорсет 115–116, 255, 261, 268, 528
Бофор, Эдмунд (ум. 1455), 2-й гц. Сомерсет 216, 306, 524, 528
Бозн, Хэмфри де, 11-й гр. Херефорда и Эссекса, 2-й гр. Нортгемптона 126–127, 136, 464, 483
Брабант 39, 97, 500

Брабантский, гц., см. Жан III, гц. Брабантский
Брадкирк, Николас 269
Брактон, Генрих 25–26, 109, 294
Бреслау 108
Брест 309, 355, 360, 370–371
Бретань 27, 50, 55, 61, 74, 79, 152, 212, 216, 228, 250, 258, 262, 279, 306, 313, 343–345, 349–350, 354, 360, 370–371, 407, 422–423, 484, 501, 522, 533
Бретиньи, мир в 50–51, 55, 136, 152–153, 161, 212, 229–231, 248, 250, 260, 266, 277, 296–297, 344, 356, 388, 465, 495, 518–519, 642
Брешиа, Альбертан ди 235
Бригитта Шведская, св. 56, 137, 140–143, 145
Бридингтон 122, 124–126, 136, 464–465, 496
«Бридингтонское пророчество» 40, 43–44, 47, 110–136, 259, 276, 300, 303, 323, 361, 464–465, 475, 479, 552
Бридингтона, хроника из 47, 89, 92, 168, 198, 463–464
Бриенн, Рауль V, гр. д'Э и Гина (казнен 1350) 204, 299, 518
Бринтон, Томас, еп. Рочестерский (1373–1389) 226–227
Бристоль 150, 460
Британия 78–79, 84, 86, 122, 170, 276, 281, 284, 389, 396–398, 400–401, 404–412, 419–426, 429–430, 434, 436, 438–446, 449–453, 455–456, 458, 466, 466–467, 469–472, 474, 479, 481–483, 485, 489, 499, 502, 506, 551, 613
Брока, Жан 283, 306
Бромптон, Джон 463
Бромьярд, Джон 226
Брут 83, 85, 278, 280, 397–398, 400–402, 405, 419–421, 423, 430, 433, 436, 450, 455–458, 467, 469, 474, 477, 489, 493, 499, 506, 551
«Брут», хроника 69, 73, 83–85, 87, 89, 121, 139, 160, 170, 261, 264, 276, 278–279, 315, 400, 402, 406, 412, 422, 430, 438, 461–463, 465–466, 475, 479–480, 489–490, 493, 506
Брут, Уолтер 239
Брутон, Ричард 443
Брэндон, Чарльз, 1-й гц. Суффолк, м. Марии Тюдор 63
Брюгге 74, 96, 98, 480, 646–651
Брюс, см. Роберт I и Дэвид II Брюсы, кор. Шотландии
Булонь 247
Бурбонский, гц., см. Жак I, Жан II, Жан III
Бурбоны 247
Бургбург 304
Бургундские гц. см. Жан Бесстрашный, Карл Смелый, Филипп II Храбрый, Филипп III Добрый
Бургундия 60–61, 152, 156, 158–159, 172, 177, 247, 258, 270, 290, 468–480, 484, 487, 504, 519–520, 522, 534, 644, 651
Бурли, Симон де 276
Бьюмонт, Генрих 92
Бэйл, Джон 271, 383, 454–456, 466, 484
Бэкон, Фрэнсис 61–62, 217, 452, 548
Бэллиол, Джон, см. Джон I Бэллиол, кор. Шотландии
Бэллиол Эдуард, претендент на корону Шотландии 88–96, 105, 127, 286, 516, 531
Бэннокберн, битва при 196, 200, 473, 515
Бэтл 264
Бюде, Гийом 448

Бюш, капталь де, см. Жан де Грайи
Бюзй, Жан де 191

Вадстена 140, 142
Валансьен 487, 500
Валерий Максим 503
Валуа, дин. 32, 68, 155–156, 247, 250, 254, 260, 262, 264–266, 300, 307, 312, 331,
338, 417, 532–536, 556
Варин 432
Вас 429–30, 465
Василий Великий, св. 26
Вексен 247
Венгрия 31, 447
Венеция 447
Венсенский замок 57, 254, 502
Вер, Роберт де, гр. Оксфорд 368
Вергилий, Полидор 15, 421, 433, 442, 446–458, 466–467, 483–485, 504
Вермандуа 247
Вернея, битва при 216, 244
Верстеганиз, Ричард 443
Вестминстер 53, 143, 168, 175–176, 183, 257, 369–371, 382, 406, 429, 468, 477, 481,
646, 650
«Вестминстерская хроника» 52, 76, 102–104, 213, 280, 282, 304–305, 329, 333,
363–364, 370–373, 468, 486
Визель 108
Вильгельм I Завоеватель, кор. Англии, гц. Нормандии 27, 79, 86, 259–261, 263–
264, 413–418, 437, 458, 491
Вильгельм II Рыжий, кор. Англии 79, 86, 471
Вильгельм III, гр. Геннегау 30, 33, 97, 484, 527
Вильгельм IV, гр. Геннегау 46
Вильгельм Лев, кор. Шотландии 79–80, 86–87
Виндзор 129, 170, 650
Винсент из Бове 503
Винчелси 111, 211–212, 289, 518
Винчестерские еп. 107, 116–118, 208
Висконти, Бернабо 215
Висконти, Джованни 282, 299, 527
Витри, Жак де 190
Волинкур 487
Вортигерн 279, 408, 410, 412
Ворэн, Жан де 15, 191, 196, 205, 381, 407, 430, 438, 468–469, 646
Вульф, Реджинальд 503–504
Вустер 478, 492
«Вустерские анналы» 469
Вустерский еп., см. Симон де Монтакут
Вустершир 430
Вьенн, Жан де 305, 309, 333, 363, 520

Габсбурги 63
Габий и Порсена 421

Гаймар 429, 465
Галлия 45–46, 291, 397, 420–421, 430, 432
Гальфрид Монмутский 43, 84, 122, 295–296, 317, 397–400, 404–407, 410, 413,
419–426, 428–439, 441, 446, 449–451, 453–454, 457, 463, 465, 469–470, 477, 483,
485, 489, 496, 503, 506, 548, 554, 613
Ганноверы, дин. 66
Гарвич 39
Гарольд II, кор. Англии 414–417
Гасконь 28–30, 38, 49–50, 53, 66–67, 69, 72, 80, 90, 96, 151, 165–166, 216–217, 251,
257, 261–262, 266, 271, 501, 516, 519, 549
Гастингс 39, 520
Гастингс, битва при 264, 295, 416, 418, 554
Гауэр, Джон 232–236, 242, 502
Геневера 426–430, 434, 436
Геннегау (Эно) 30, 46, 97, 172, 201, 484, 500
Генрих I, кор. Англии 79, 86, 496
Генрих II, кор. Англии 27, 67, 79, 86, 189, 221, 248, 376
Генрих III, кор. Англии 27–28, 34, 55, 67, 80, 143, 248, 277, 366, 368, 478, 485, 488
Генрих IV Болингброк, кор. Англии 52–54, 138, 142, 152, 204, 234–235, 238, 245,
277, 281, 287, 296, 307, 368, 373, 375–382, 456, 460–461, 468, 475, 478–479, 489,
504, 521–522, 528, 650
Генрих V, кор. Англии 7, 45, 53–59, 62, 64, 107, 112–114, 116, 120–121, 137–139,
142–145, 150, 152, 154–157, 159–160, 166, 175–176, 192, 194, 198–199, 205, 207,
216, 220, 231–232, 236–238, 240, 242–244, 246–247, 253–257, 260–271, 277–278,
280, 305, 311–312, 318–319, 322, 326, 331, 333–334, 382, 388, 390, 400, 418, 447,
489, 490–491, 493–494, 497, 501–502, 506, 522, 528, 650
Генрих VI, кор. Англии 57–60, 143–145, 149–151, 155–160, 163, 166, 169, 172,
176–183, 232, 243–245, 267, 269, 271, 306, 316, 400, 452, 461, 469, 478, 490, 494,
502, 522–524, 528, 644–645, 650–651
Генрих VII, кор. Англии 61–62, 125, 157, 217, 391, 446–448, 452, 467, 528
Генрих VII, имп. Священной Римской империи 173
Генрих VIII, кор. Англии 34, 45–46, 62–66, 99, 248, 262, 332, 448–449, 451–453,
456, 467, 484, 504
Генрих Хантингдонский, с. Дэвида I 86
Генрих Хантингдонский, хронист 398–399, 412, 414, 417, 425, 432, 450, 471,
502–503, 554
Гент 96–98, 101, 103–104, 152, 246, 339, 498, 644, 649
Генуя 333
Георг III, кор. Великобритании 9, 67, 524
Георгий, св. 112, 137–139, 143–146, 159, 171, 175, 647–648, 650–651
Геральд Камбрийский 425–426, 433, 463, 471–472, 475–476, 503, 552
Германия 36, 46, 158, 238, 281, 372, 421, 460
Гиень 27–30, 36, 50, 53, 59–60, 66–67, 80, 248–252, 261, 271, 523–524
Гийом Жюмьежский 414
Гийом из Пуатье 414
Гильда Премудрый, св. 122, 396, 398–399, 405, 408–409, 412, 424, 427, 432–433,
436–437, 441, 443, 445, 449–451, 453, 467, 472, 474, 548, 613
Гильом де Сен-Андре 423
Гильом из Нанги 150
Гин 63, 152, 213, 518

Гингейт, битва при 63
Гластонбери 170, 425–429, 431, 434, 436, 439–442, 451–452, 456, 476, 496
Глендауэр, Оуэн 284, 419, 460, 521
Глостер, Томас Вудсток, гц. (ум. 1397) 223, 364, 368, 379–372, 374, 527
Глостер, Хэмфри, гц. (ум. 1444) 64, 105, 113, 155, 447, 478, 490, 494–496, 523, 528
Глостершир 495
Годвин 414–416
Голаф, Джон 367
Голландия 46, 481, 528, 530, 533
Гольбейн, Ганс 63
Гомер 401, 419–420, 503
Гравлин 304, 315
Грайи, Аршамбо де, гр. Фуа (ум. 1412) 249
Грайи, Гастон де (ум. 1455) 249, 250, 252
Грайи, Жан де, гр. Фуа (ум. 1436) 249
Грайи, Жан де, капталь де Бюш (ум. 1376) 252, 296
Грандисон, Джон де, сп. Эксетерский (1327–1369) 166, 227
Графтон, Ричард 89, 111, 315, 456, 472–473
Грациан 24–25, 206, 293
Грегори, Уильям 473
Грей, Джейн (ум. 1553) 472
Грей, Томас Хетонский, хронист (ум. 1369) 47, 73, 89, 94, 100, 115, 196–197, 200, 219, 229–230, 309, 324, 327, 357, 473–474, 489
Грей, Томас Хетонский, коннетабль Норсма (ум. 1344) 196–197, 200, 473–474
Грей, Томас, участник заговора 1414 г. 121
Греция 398, 421, 441
Григорий Великий, папа Римский, св. 279, 409, 442, 445
Григорий XI, папа Римский 213, 520
Григорий XII, папа Римский 521–522
Гуго Капет 44–46
Гуго Сен-Викторский 479
Гудкин, Уоткин 269
Гудман, Габриэль 481
Гусман, Леонора де 68, 71

Да Винчи, Леонардо 448
Дакс 251
Дампьер, Ги, гр. Фландрии 29, 95–96
Дампьер, Людовик I Неверский, гр. Фландрии 98–99, 192
Дампьер, Людовик II Мальский, гр. Фландрии 101, 197, 307
Дампьер, Маргарита III Мальская, гр. Фландрии, ж. Филиппа II, гц. Бургундского 104, 534
Дамфрис 92
Данбар, Джордж, 10-й гр., 3-й гр. Марч 277, 287
Данбар, битва при 515
Данвич 466 Дания 421, 430
«Дар истории» 69, 73, 112, 115, 282–285, 291, 296, 372–373, 375, 400, 419–421, 430, 438, 441, 474–475
Дарем 94, 326, 330, 473
Дартмунд 194, 204

Дауэл, Гилберт 287
«Двенадцать заключений» 239
«Делэкре хроника» 475
Джоанна Кентская 131, 135, 237, 260, 351, 374, 500, 527
Джоанна Тауэрская, ж. Дэвида II 81, 527, 531
Джон Бридлингтонский (Джон Твинг), св. 123–124, 464, 648
Джон I Бэллиол, кор. Шотландии 80, 87–89, 429, 515, 530
Джон Гластонберийский 427, 439–440, 476
Джон Гонт, гц. Ланкастерский 70–71, 74–77, 206, 209, 237, 249–250, 362–364, 367, 370, 374–375, 377, 379–380, 382, 488–489, 498, 519–520, 527–528, 649
Джон из Рединга 71, 94–95, 121, 201, 211, 308, 476–477
Джон из Уитчэмстеда 433, 436, 477
Джон Тайнмутский
«Декларация истинного и должного титула Генриха VIII» 34, 45–46, 65–66, 99, 248, 262, 332
Деспенсер, Генрих, еп. Нориджский (1370–1406) 26, 51–52, 76, 102–104, 115, 235, 237, 280, 304–305, 316, 362, 382, 520
Деспенсер, Хью (ум. 1327) 30, 531
Дешан, Эсташ 354
«Деяния Генриха V» 107, 112–113, 115–121, 145, 175–176, 198, 261, 288–290, 298, 312, 327, 333–334, 336, 475–476, 490, 494, 506
Дижон 164
Диммок, Филипп 59
Динан 343, 346–347, 350
Диоклетиан 137, 406
Дионисий (Сен-Дени), св. 137, 140, 143–145, 180
Дре 216
Дувр 39, 198, 243, 309
Дуглас, Арчибальд Свирепый, 3-й гр. (ум. 1400) 331
Дуглас, Арчибальд Неудачник, 4-й гр. (ум. 1424) 307, 523
Дунстан, св. 426
Дузэ 98
Дэвид I, кор. Шотландии 79, 86, 530
Дэвид II, кор. Шотландии 81, 83, 85, 88, 92–95, 105, 127–128, 132, 296, 303, 307–308, 314–315, 326, 330, 336–337, 390, 482, 515–518, 520, 527, 531
Дюгеклен, Бертран (ум. 1380), коннетабль Франции 68–69, 172, 204, 213–214, 296, 316, 331, 342–356, 359, 390, 482, 505, 519–520, 551, 649
Дюгеклен, Оливье (ум. 1403), коннетабль Кастилии 204, 350
Дюгеклен, Роберт (ум. 1353) 343, 349
Дюнкерк 102, 304
Дюнуа, Жан де 216

Евгений IV, папа Римский 523
Евсевий Кесарийский 462, 503
Евтропий 503
Екатерина Арагонская, ж. Генриха VIII 62
Екатерина Валуа, ж. Генриха V 55–58, 143–144, 159, 232, 237, 522, 528, 533, 652
Екатерина Валуа, д. Карла V 141
Екатерина Ланкастерская, ж. Энрике II 77
Екатерина Солсбери, ж. I-го гр. Солсбери 131, 173

Елена, св. 406–408, 453

Елизавета I Тюдор, кор. Англии 147, 384, 455, 466, 481, 494, 499–500, 503, 524

Елизаветы Йоркская, ж. Генриха VII 452, 528

Жак I, гр. Бурбонский (ум. 1362) 518

Жан Бесстрашный, гц. Бургундский 53, 56, 144, 255, 263, 265, 290, 322, 336, 476, 480, 521–522, 534

Жан I Великолепный, гц. Беррийский 53, 353, 370, 533

Жан II, гр. Арманьяк

Жан II, гц. Брабандский 377, 527

Жан I, гр. Бурбонский (ум. 1434) 53

Жан II, гр. Бурбонский (1488) 524

Жан III Добрый (ум. 1341), гц. Бретонский 339, 517, 533, 537

Жан IV де Монфор (ум. 1399), гц. Бретонский 50, 213, 215, 250, 306, 343–345, 370–371, 423, 517–521, 537

Жан V де Монфор (ум. 1442), гц. Бретонский 247, 522–523, 533, 537

Жан де Монфор (ум. 1345), претендент на титул гр. Бретонского 517, 537

Жан III Шалонский, гр. Осерский 352

Жанна I, кор. Наварры, ж. Филиппа IV Красивого 67, 532

Жанна II, кор. Наварры, д. Людовика X 31–32, 41, 532

Жанна д'Арк, св. 7, 160, 177–179, 255, 257–258, 315–316, 347, 390, 523–524

Жанна Бургундская, ж. Филиппа VI 314

Жанна, вик. Лиможская, ж. Карла де Блуа

Жанна д'Эвре, ж. Карла IV 32–33, 515, 532

Жуанвиль, Жан де 28

Жювенель дез Юрсен, Жан 60, 64–65

Зеландия 46, 528, 533

Ившем 381, 478

Иероним, св. 328, 474, 479

Иерусалим 242, 293, 349, 409

Изабелла Баварская, ж. Карла VI 56, 253, 256, 533

Изабелла, кор. Кастилии 447

Изабелла Кастильская, ж. Эдмунда Ленгли 75, 527, 529

Изабелла Плантагенет, ж. Ангеррана де Куси 172, 527

Изабелла Французская, ж. Ричарда II 142, 335, 340, 370–371, 380, 460, 480, 521, 649

Изабелла Французская, ж. Эдуарда II 29, 33–35, 41, 58, 81–83, 108, 135, 148, 527, 532, 645

Изабо де Сен-Симфорьян, ж. Джона Страттон 252

Иисус Христос 42–43, 120–122, 140–141, 157, 175, 181, 184, 238–239, 242, 287, 301, 319, 406, 427, 439–441

Иль-де-Франс 216, 254–258, 263, 265, 267, 270–271, 290, 520, 523

«Инвектива против Франции» 43–44, 108–110, 318, 320, 323

Иннокентий IV, папа Римский 379

Иннокентий V, папа Римский 474

Иннокентий VI, папа Римский 301–302, 518–519

Иннокентий VII, папа Римский 521

Иоанн Безземельный, кор. Англии 27, 67, 80, 87, 302, 530

Иоанн Богослов, св. 123, 303, 433

Иоанн Креститель, св. 21, 648
Иоанн Солсберийский 365–366, 378, 384, 503
Иоанн I Посмертный, кор. Франции 31, 532
Иоанн II Добрый, кор. Франции 32, 50, 55, 110, 116, 126, 152, 162, 166, 172, 200, 208, 213, 259–260, 266, 299, 307–308, 322, 324, 332, 336–337, 430, 518–519, 533
Иоанн II Слепой, кор. Богемии 192, 299, 517, 533, 643, 645, 647
Иоанн XXII, папа Римский 35, 190, 377, 515–516, 643
Иосиф Аримафейский, св. 426, 439–442, 444, 451, 476
Ипр 96, 98
Ипсвич 466
Ирландия 30, 53, 79, 99, 148, 151, 284, 361, 364, 375–376, 430, 444, 466, 471–472, 476, 481, 504, 506, 644
Исидор Севильский, св. 281, 474, 479, 503
Испания 68–77, 88, 111, 215, 280, 290, 331, 352, 367, 500, 505
Истон, Адам 141
«История жизни и правления Ричарда II» 363, 381, 478–479
«Истории о святом короле Эдуарде» 416
Италия 65, 130, 192, 278, 344, 369, 397, 420–422, 448, 450, 454, 560, 484, 500
Итон 494, 504

Йорк 71, 90, 126, 142, 231, 303, 357, 439, 461–462, 464, 647
Йорк, гц., Эдуард, с. Эдмунда Ленгли
Йорки, дин. 57, 60, 378, 382, 452, 456, 461, 469, 479–480, 502, 504, 529
Йоркские архиеп. 94, 111, 127, 168, 295–297, 303, 446, 464, 467
Йоркшир 85, 88, 122, 124, 380, 463, 479, 491, 493, 496

Кавли, Дэвид (ум. 1374) 343
Кавли, Хью (ум. 1393) 213–216, 304, 315, 329, 343–345, 351, 360, 388, 518
Кадваллон 410–411, 413
Кадвалладр 411, 413, 419, 430, 452, 483
Кале 7, 50, 63–63, 94, 100, 104–105, 112, 117, 120, 131, 143, 152, 161, 184–185, 198, 206, 210, 212–213, 219–220, 228, 240, 243–244, 261, 266, 284, 288, 291, 305–306, 308, 320–326, 329, 331, 334–335, 337–338, 367–371, 374, 461, 463, 469, 476, 517–518, 523–524, 551, 645–646
Кало, Лоренс 158–159
Камбре 158, 487, 517
Камбрия 79, 93, 419, 424, 433, 472
Кан 160, 167, 183, 210, 220, 262–263, 267–271, 310, 328, 489, 517, 522, 646
Канж, Жиль дель, отец Жана Ле Бея 483
Канский университет 183, 267, 269
Капгрейв, Джон 44, 69, 88–90, 110, 145, 155, 198, 214, 219, 231, 287, 363, 372, 416, 428, 478–479
Капетинги 31, 58, 108, 246, 259, 265
Капподокия 127
Карадок из Лланкарфа 427
Карентан 517
Карл I, гр. Валуа 29, 32, 159, 338, 532, 645
Карл II, гр. Алансонский 192, 533
Карл II Злой, кор. Наварры 41, 72, 120, 204, 259–260, 305–306, 325, 370–371, 519, 533

Карл IV, кор. Франции 30–34, 41–42, 44, 46–47, 49, 149, 338, 515, 532–533
Карл V, кор. Франции 50–51, 68, 141, 215, 248, 315, 325, 332, 344–347, 353, 371, 423, 482, 519–520, 533, 649
Карл VI, кор. Франции 54–58, 101–103, 114, 119, 144, 154–157, 176, 231, 249, 253, 256, 266, 305, 322, 334, 337, 339, 363, 367, 369–371, 375, 520–521, 528, 533, 642, 644, 649
Карл VII, кор. Франции 54–59, 104, 156, 160, 163, 177, 252–253, 258, 270, 315–316, 325–326, 500, 522–524, 533, 651
Карл VIII, кор. Франции 62
Карл, гр. Блуаский 50, 192, 213, 215, 250, 343–344, 352
Карл Великий 45, 58, 180, 232, 242, 318, 329, 354, 434
Карл Лотарингский 45
Карл, герцог Нижней Лотарингии, с. кор. Лотаря 45
Карл, гц. Орлеанский 53, 253, 255, 536
Карл Смелый, гц. Бургундский 61, 468–469, 481, 534
Карлайл 80, 112
Кассибеллан 405, 451, 455
Кастелло, Адриано 447–448, 467
Кастилия 67–77, 219, 344–345, 367, 519–520, 527–529
Кастро, Фердинанд де 70
Каюс, Джон 454
Кедрик, правитель Уэссекса 479
Кельн 36, 408, 481
Кембридж, гр., см. Эдмунд Ленгли
Кембридж, Ричард 121, 454
Кембриджский университет 151, 238, 466, 478, 484, 503–504
Кенилворт 493
Кент 480
Кентербери 71, 110, 145, 150, 460–461, 466, 475, 486, 495, 506, 647–648
Кентерберийские архиеп. 30, 44, 53, 84, 139, 164, 166, 199, 227–228, 375–376, 415, 460, 447, 467, 471, 486, 491
Керкстолл, аббатства хроники 39–40, 73, 110, 124, 309, 325, 331, 363–364, 379
Кипр 299, 371
Клавдий 406
Кларенс, гц., Георг Йорк (ум. 1478) 60, 524, 529
Кларенс, гц., Лайонел Плантагенет (ум. 1368) 500, 527, 529
Кларенс, Томас Ланкастер (ум. 1421) 53, 216, 255–257, 263, 528
Клеменция Венгерская, ж. Людовика X 31, 532
Климент V, папа Римский 515
Климент VI, папа Римский 140, 252, 300, 517–518
Климент VII, антипапа 102, 304, 313, 315, 369, 520–521
Климент Александрийский 20
Клиссон, Оливье де 172
Клиффорд, Роберт 200
«Клятва цапли» 173, 196, 302, 317
«Книжка об английской политике» 243–244
Кнут Великий, кор. Дании, Англии и Норвегии 78, 86
Ко 212
Ковентри 491
Ковердейл, Майлс 466
Колет, Джон 447, 467

Компъен 160, 523
Конан 279, 407
Конверс, Джон 270
Константин II, кор. Шотландии 78
Константин Великий, св. 406–407, 455
Константинополь
Констанций Хлор 406
Констанция Кастильская, ж. Джона Гонта 75–77
Корбейл, договор в 81
Корби 312
Корнуолл 407, 410, 495
Корнхилл 175
Котанген 120, 203, 259–260, 269
Кошерель, битва при 352–353, 519
Кранмер, Томас 466
Крауленд, «История монастыря Крауленд» 480
«Краткая английская хроника» 479
Креси, битва при 61, 115, 119, 161, 192, 225, 228, 286, 299, 320, 325, 328, 391, 469,
517, 550, 646
Кретон, Жан де 376, 381, 480, 505, 650
Креъен де Труа 351
Криль 305
Кристина Пизанская 191
Кромвель, Томас 466
Кузино де Монтрей, Гильом 60, 64–65
Куртре, битва при 96
Куси, Ангерран де 172
Куси, Филиппа де, ж. Роберта де Вера 368
Кэкстон, Уильям 205, 316, 461, 480–481, 490
Кэмден, Уильям 442–443, 481
Кювелье, Жан 328, 344, 348–356, 482, 505

Лаваль, Мария, ж. Бертрана Дюгеклена 347
Ла Гард, Жан де 267
Ла Зуш, Уильям де, архиеп. Йоркский (1340–1352) 94, 111, 127, 297, 303
Лайамон 430, 465
Ла Ковет, Эстъен, ж. Джона Конверса 270
Лакропт, Жан де 252
Лактанций 20
Ла-Манш 243
Ла Марш, Тома де, граф 282, 299, 518, 533
Ла Мор, Томас де (ум. 1347) 483
Ла Мор, Томас де, аббат Сент-Олбанса (ум. 1396) 497
Ла Мотт Броон 343
Лангедок 249, 353, 518
Лангли 381–382
Ландир 252
Ланеркоста, анонимный хронист из 49, 93, 289, 303, 462, 482
Ланкастер, Генрих Гросмонт, гр. (ум. 1361) 121, 165–166, 209, 219, 307, 343, 350,
355, 488, 518, 527

Ланкастер, Джон, 1-й гц., см. Джон Гонт
Ланкастеры, дин. 57–58, 60, 142, 155, 234, 247, 249, 253, 372, 376, 378, 380, 382,
391, 452, 456, 460, 475, 478, 488, 504, 527–528
Ланкашир 491
Ланцелот 135, 193, 439–440
Лапландия 430
Ла Польш, Майкл де, 1-й гр. Суффолк (ум. 1388) 235–236, 368
Ла Польш, Майкл де, 2-й гр. Суффолк (ум. 1415) 328
Ла Польш, Уильям де, 3-й гр. Суффолк (ум. 1450) 271–272, 524
Ла Рош, Антуан, де 468
Ла-Рошель 29, 154, 212, 520
Латгерель, Хью 262
Латгеруэрте 237
Лвид, Хэмфри 454–455, 482–483
Ле Бейкер, Джеффри 39, 197, 199, 208–210, 282, 291, 298–299, 311, 313, 323, 326,
332, 338, 483
Ле Бель, Жан 11, 33, 83–85, 89, 97–98, 158, 174, 218–219, 483–484, 500–501
Ле Бланк, Джон 196
Лев X, папа Римский 448
Лейден 481
Леклерк, Томас 269
Леон 68–77, 345, 367, 519–520, 527–529
Леско, Ришар 32
Лестер 209, 488–488
Лестершир 447
Ли, Эвард, архиеп. Йоркский (1531–1544) 447, 467
Ливий, Тит 422, 503
Лидгейт, Джон 59, 64, 159, 232, 240–242, 400, 502, 504
Лиланд, Джон 453–456, 466, 474, 484–485
Лилль 98
Лимож 154, 344
Лимузен 27
Линкольн 472, 486
Линкольнские еп. 166, 238, 447, 470–471
Линкольншир 203, 209, 480, 500
Линлитго
Линн 44, 478
Линэк, Томас 447
Лир, легендарный правитель Братании 421, 470
Локрин 419
Лонгийон, Жан де 173, 180
Лондон 5, 50, 59, 76, 121, 142, 161, 164, 172, 174–179, 183, 202, 212, 225–226, 257,
269, 280, 283–284, 308, 336–337, 340, 345–346, 363–364, 373–374, 381, 411, 439,
447, 455, 457, 462–463, 465, 472–473, 475, 478–481, 484–486, 491–493, 498–499,
503–504, 518–519, 522–523, 556–557, 645–650
Лондонские анналы и хроники 485–486
Лотарингский, гц., Рудольф (ум. 1346) 192
Лотриан 78, 92
Луара 50, 258, 356
Лувр 254, 647, 651

Лузиньян, Пьер де 371
Луций, легендарный правитель Британии 438–439, 441, 443–444, 455
Луций Гиберий 431, 435
Льеж 83, 85, 98, 173, 219, 483
Лэв 306
Лэнглэнд, Уильям 226
Людovic I, гц. Анжуйский 308, 337, 369, 461, 535
Людovic I де Блуа-Шатийон (ум. 1346), гр. Блуа и Дюнуа 192
Людovic VII, кор. Франции 79
Людovic IX Святой, кор. Франции 27–28, 45–46, 58, 67, 158–159, 183, 248, 346, 548
Людovic X Сварливый, кор. Франции 31, 41, 645
Людovic XI, кор. Франции 60–61, 66
Людovic XII, кор. Франции 62–63, 447
Людovic Баварский, имп. Священной Римской империи 36, 46, 158, 301, 516
Людovic, герцог Туренский (с 1386), гц. Орлеанский (с 1392), гф. де Блуа, де Дюнуа (с 1391) и пр. (ум. 1407) 56, 369, 501, 521, 533, 536
Лютер, Мартин 466

Магнус II, кор. Швеции 140
МакАльпин, Кеннет 78
Макбет 79
Максимилиан, им-р. 407
Максимилиан Габсбург, имп. Священной Римской империи 63, 534
Малатри, Анри де 314
Малверн, Джон 478
Малькольм II, кор. Шотландии 78
Малькольм III, кор. Шотландии 78–79, 86, 530
Малькольм IV, кор. Шотландии 86, 530
Мальмсбери 285, 375, 400, 474, 496
Мар 92
Маргарита Анжуйская, ж. Генриха VI 149, 159, 271, 523, 535, 651
Маргарита Бургундская, ж. Людовика X 31, 532
Маргарита Геннегау, ж. Людовика Баварского 46
Маргарита Йоркская, ж. Карла Смелого (ум. 1503) 481
Маргарита Французская, ж. Эдуарда I 29, 529, 532
Марго д'Артуа 32, 532
Мария, Дева 42, 71–72, 89, 112, 139–140, 157, 173, 185, 215, 228, 264, 376, 427, 461–462, 468, 493, 646, 650
Мария де Падилья, ж. Педро I 75
Мария Тюдор, кор. Англии 448–49, 466–467, 472, 500
Мария Тюдор, ж. Людовика XII 63, 536
Мармион, Уильям 196–197, 201
Марна 57, 254
Мартиалл, Джон 443
Мартин Поляк 463
Марч, гр., см. Джордж Данбар
Матвей Парижский, см. Мэтью Пэрис
Матильда, ж. Генриха I 79
Матильда Нортгумберлендская, ж. Дэвида I 79, 530

Мезьер, Филипп де 371–372
Мелен 247
Мелтон, Уильям, архиеп. Йоркский (1317–1340) 168
Мен, графство 27, 50, 53, 66, 79, 214, 216, 247, 260–262, 271, 523, 535
Мен, Жан де 235
Мерк 152
Мерлин 43, 122, 124, 317, 349, 425, 430–431, 451, 470, 548
Меровинги 96
Мерсер, Жан 202, 282
Милан 173, 422
Милсент, Джон 2689–26
Мино, Лоренс 39, 278
Михаил из Фолкстона 295
Мо в Йоркшире 463
Мо на Марне 57, 247, 254
Моисей 21, 43, 427
Мон-Сен-Мишель 352
Монстреле, Ангерран де 179–180, 191, 469, 487, 490
Монтакут, Симон де, еп. Вустерский (1334–1337), еп. Илийский (1337–1345) 168
Монтеро 253
Монфор, Симон де 67, 366
Монфоры, гц. Бретани см. Жан III, Жан IV, Жан V, Жан де Монфор
Монферрат, Бетран де 252
Монферрат, Пьер де, м. Марии Бедфорд 252
Мор, Томас 447, 456, 467
Морбек, Денни де 307
Морган, Филипп 262
Морей, Эндрю 92
Морон, битва при 200, 309
Мортен 216
Мортимер, Роджер, 1-й гр. Марч (ум. 1330) 30, 33–34, 47, 81–83, 87, 91, 170, 515
Мортимер, Эдмунд, 3-й гр. Марч (ум. 1381) 460
Моубрей, Александр 196
Мэлори, Томас 193, 548
Мэн, остров 374
Мэнни, Уолтер де (Мони, Гийом де) 172–173

«На перемирие 1347 г.» 228–230, 241, 313
Наварра 31, 72, 84, 120, 172, 259–260, 305–306, 325, 370–371, 645
Найтон, Генрих 36, 38–39, 41, 69, 94, 102, 110–112, 145, 167, 211, 215, 231, 280, 282, 284, 288, 299–304Ю 308, 321, 323, 328, 336, 355–357, 364–368, 416, 488–489
Нант 343, 517
Нахера, битва при 73–74, 214, 298, 345, 353, 391, 505, 519, 648
Неаполь 31, 173
Невентон, Симон 260
Невер 247
Невилл, Ральф, гр. Вестморленд 114, 528
Невиллс-Кросс, битва при 94, 110–111, 121, 127, 297, 303–304, 314, 391, 469, 473, 646
«Ненний» 139, 397–398, 424–9, 434, 436, 484

Нидерланды 30, 97–98, 238
Николай Тривет 497
Николас из Стреттона 377
Николас Херефордский 238
Ноллис, Ричард (отец сэра Роберта Ноллиса) 342–343
Ноллис, Роберт (ум. 1407) 15–16, 197, 213, 215, 217, 342–347, 350, 355–359, 388, 390, 518, 551, 649
Норвегия 410, 430
Норем 196–197, 473
Норидж 226, 466
Нориджский еп., см. Генрих Деспенсер
Нормандия 27–50, 53, 56, 60, 64, 66, 79, 115, 120, 152, 156, 178, 183, 209, 212, 214, 216–217, 229, 247–248, 254–255, 257–271, 312, 343, 346, 360–361, 377, 414–416, 418, 432, 497, 518, 522, 524
Нортбург, Майкл 167
Нортгемптон 79
Нортгумберленд 473–474, 501
Нортгумбрия 78–79, 462
Норфолк 216, 478, 484, 506
Нотер-Дам 144, 179, 181, 267
Ноттингем 368, 506
Ньюбург 496
Ньюкасл 218

«О низложении Ричарда II» 373
«О поле Дарема» 326, 330
«Об осаде Кале» 329
Обер, Давид 173
Овидий 402, 497
Оккам, Уильям 294
Окклив, Томас 142–143, 236–237, 650
Оксфорд 137, 470, 489
Оксфордский университет 237–238, 481–482, 484, 486, 491–492, 494–495, 497, 500
Оксфордшир 483, 486, 489
Ольссон, Петер 140
Оре, битва при 519
Ориген 20, 441
Орлеан 7, 163, 177, 220, 240, 257, 344, 347, 355–356, 523
Орлеанский дом 52–53, 253, 521, 532–533, 536
Орлетон, Адам, еп. Херефордский (с 1317), еп. Вустерский (с 1327), еп. Винчестерский (1333–1345) 30, 377
Орозий 396, 503
Ортелиус, Абрахам 482
Осер 309, 344
Осерский гр., см. Жан III Шалонский
Осни 39, 314, 483, 489
Оттеберн, Томас 489
Оффранвиль 268

Павел, ап. 441, 443–444
Св. Павла, собор 76, 176, 226, 381, 439, 481, 484–485, 492
Павия 63, 335, 477
Падуя 447, 466
Пандрас 398
Париж 29, 32, 36, 53, 58–59, 80, 144, 160, 176–183, 211, 214, 229, 232, 240, 247,
249, 253–258, 266–268, 270, 287–288, 304, 310, 318, 323–326, 334, 355, 423, 435,
471, 487, 515, 518, 521–523, 556–557, 646–651
«Парижского горожанина» дневник 144, 159–160, 179, 181–183, 256
Пате, битва при 200, 523
Парсонс, Роберт 383, 443–444
Патрик, св. 426, 476
Пауэл, Дэвид 483
Педро I Жестокий, кор. Кастилии 68–75, 77, 110, 213, 344–345, 353, 519, 527–528
Педро IV, кор. Арагона 344
Пейдж, Джон 322–323
Пенкер, Дэвид 404
«Первая английская жизнь Генриха V» 490
Перигор 27
Перрерс, Алиса 132
Перси (2-й лорд), Генри (ум. 1352) 111, 127, 303
Перси (4-й лорд), Генри, Горячая Шпора (ум. 1403) 110, 331, 360, 501, 521
Перт 92
Петр, ап. 283, 300, 315, 369, 443–444, 447, 457, 471
Пиблс 92
Пий II, папа Римский 447, 468
Пикардия 213, 229, 254, 325, 518
Пикколомини, Эней Сильвий 447
Пипин Короткий 44–46
Пиренейский полуостров 8, 51, 67–77, 345, 354, 391, 505, 548
Плантагенеты, дин. 28, 55, 64, 67, 79, 104, 207, 246–249, 251, 259–260, 262, 265,
271, 389, 417, 527, 556, 651
Плиний Старший 129, 450, 503
Плимут 39, 212, 520
Пон, Жак де 250
Понет, Джон 383
Понсо-Сен-Дени 181
Понтефракт 380
Понтье 50, 66, 152, 254, 271, 333, 518
Портленд 120
Портсмут 334
Португалия 74–76, 118–119, 520, 649
Поторсон 344
Прейсак, Арно-Бернар де 252
Прейсак, Элизабет де 252
Прованс 55, 66
Псевдо-Элхэм 121, 145, 490
Птолемей 450
Пуагу 27, 50, 53, 66, 79, 214, 248, 296, 332
Пуагье 154, 377, 414

Пуатге, битва при 32, 50,61, 110, 112, 116, 166, 191, 199, 307, 332, 336, 391, 430, 469, 647, 651

Пул 520

Пэрис, Мэтью (Матвей Парижский) 397, 400, 412, 416, 430–431, 439, 453, 487–488, 497–498, 501, 518

Рагенель, Тиффани, ж. Бертрана Дюгеклена 347, 350–352

Рай 212, 520

Растелл, Джон 401–403, 408, 421, 435, 438, 491

Ратлендшир 493

Ревсби 71

Редмэн, Роберт 53–54, 199, 316, 491

Реймс 32, 109, 177–179, 258, 518, 523

Рейнольдс, Уолтер, архиеп. Кентерберийский (1314–1327) 30, 164, 486

Ренн 343

Репингтон, Филипп, еп. Линкольнский (1405–1419) 166–167

Ретель 247

Рим 140, 279, 283, 369, 405,420–422, 432, 438, 441–443, 445, 454, 458, 472, 499, 520–521

Римская империя 86, 242, 396–399, 404–408, 410, 420–422, 431, 433, 435, 437, 450–451, 457, 467, 472, 496

Ричард I Львиное Сердце, кор. Англии 80, 86, 434, 486

Ричард II, кор. Англии 51–52, 74–76, 102–104, 112, 141–142, 150, 152, 202, 226, 232, 234–237, 242, 245, 249–250, 260, 276, 281–282, 304–305, 333, 335, 340, 345, 360, 362–384, 387, 389,391, 460–461, 468, 475, 478–480, 488–489, 495, 498, 500–501, 504–506, 520–521, 527, 533, 647–650

Ричард III, кор. Англии 491–492, 505, 529

Ричард из Девайзеса 108

Роберт Брюс, лорд Аннандейл (ум. 1295) 80, 87, 530

Роберт I Брюс, кор. Шотландии 81–82, 85, 87–88, 93, 515, 531

Роберт II Стюарт, кор. Шотландии 333, 520, 531

Роберт III Стюарт, кор. Шотландии 520–521, 531

Роберт д'Артуа 36, 199, 208, 306, 317, 516–517, 533

Роберт Глостерский 278–279

Роберт Жюмьежский, еп. Лондона (1044–1051), архиеп. Кентербери (1051–1052) 415

Роберт Мэннинг 278

Роберт Писец 122–123, 464

Роберт из Эйвсбери 84–89, 167, 227–228, 287, 321–324, 477, 491–492

Робинсон, Ричард 455, 485

Роджер из Вендоваера 487

Роже де Бофор, Гуго 140

Розбек, битва при 101

Роксборо 92, 115, 327

Ролан, Жаннетта 287

Роланд 318, 320, 436

Роллон 263, 497

Роуз, Джон 402, 404, 492

Рочестер 226

Руан 7, 56, 196, 244, 254, 258, 264–269, 322–324, 517, 522–524, 552, 644–645, 651

Рэмсен, Александр 115
Рэндолф, Джон 92

«Салический закон» 14, 32, 41–46, 176, 316
Санлис 247
Санс 522
Сатклифф, Мэтью 442
Саутгемптон 39, 119, 244, 296, 334, 516, 520
Светоний 503
Свиндерби, Уильям 238–239
Священная Римская империя 36, 158, 299, 301, 372, 516
Севилья 75
Селкирк 92
Селонн 191
Сен-Дени, см. св. Дионисий
Сен-Дени, монастырь 32–33, 143–144, 179–180, 346, 482
Сен-Дени, ул. в Париже 181
Сен-Жан-д'Анжели 287
Сен-Жермен-ан-Ле 254
Сен-Кантен 323
Сен-Ло 209, 517
Сен-Поль, гр., см. Шатильон де Сен-Поль
Сен-Сардо 30
Сен-Север 257, 353, 523
Сент-Олбанс 57, 209, 263, 314, 377, 382, 400, 412, 433, 475, 477, 487, 488, 497
Сент-Омер 307, 322, 324, 517
Сент-Шапель 181
Сент-Этьен, аббатство в Канне 263
Сентонж 252
Серволь, Арно де («Архидьякон») 309–310
Сивилла 180, 474
Сигизмунд I, имп. Священной Римской империи 198, 243, 334, 476, 531
Силезия 108
Симон Зилот 441–442
Сион, монастырь 142–143
Сицилия 173, 369, 422
Скон 90, 429, 515
Скроуп, Генрих 121
Слейс 114, 363, 366
Слейсская битва 100, 109, 111, 116, 128, 161, 165, 198, 285, 289–291, 391, 469, 517, 646
Солсбери (3-й гр.), Джон Монтегю (ум. 1400) 480
Солсбери (4-й гр.), Томас Монтегю (ум. 1428) 258
Солсбери (1-й гр.), Уильям Монтегю (ум. 1344) 131, 173, 196, 473
Солсбери (2-й гр.), Уильям Монтегю (ум. 1397) 131, 260
Солсбери (6-й гр.), см. Ричард Невилл, гр. Уорик (ум. 1471)
Солсбери, графиня см. Джоанна Кентская и Екатерина Солсбери
Сомерсет, гр., гц., см. Бофоры
Сомма 63
Спэнсер, Эдмунд 404, 419, 421
«Спор англичанина и француза» 316–317

Споффорд, Томас, еп. Херефордский (1421–1448) 169
Станхоуп, битва при 83
Стау, Джон 383, 404, 421–422, 430, 438, 442, 473, 492–493
Стаффорд, Джон, еп. Бата и Уэллса (1424–1443), архиеп. Кентерберийский (1443–1452) 243
Стаффордшир 475
Стефан I Блуаский, кор. Англии 86
Стирлинг 200
Сток, Джон 477
Страбон 450
Страттон, Джон 252
Стратфорд, Джон, архиеп. Кентерберийский (1333–1348) 227–228
Стратфорд, Ральф, еп. Лондонский (1340–1354)
Стратфорд, Роберт, еп. Чичестерский (1337–1362) 166
Стрич, Джон 55–56, 493
Стрэтэртн
Стрэтэртн
Стэмфорд-Бридж, битва при 416
Стэплтон, Томас 443
Стюарт, Роберт 92, 94
Стюарты, дин. 66
Суссекс 270
Суффолк, графство 466, 473
Суффолк, гр. см. Ла Поль де; гц. см. Чарльз Брэндон
Сэвил, Генри 455, 493–494
Сэндвич 286, 345

Тайлер, Уот 373, 520, 552
Тайндел 80
Талейран-Перигор, Эли (Helie) де, кардинал (ум. 1364) 332
Тальбот, Джон, 7-й бар., 1-й гр. Шрусбери (ум. 1453) 59, 149, 159, 287, 523–524, 651
Тальбот, Ричард, 2-й бар. (ум. 1356) 92
Тауэр 30, 94, 183, 304–304, 375, 380, 448, 491
Тауэрсон, Уильям 498
Тацит 450, 494
Ташингем 342
Твид 89
Твин, Томас 483
Тергуллиан 20, 441
Теруан 63
Тиберий 441
Тиндейл, Уильям 382
Тит Ливий Фруловези 15, 64, 113, 447, 490, 494–495, 502–503
Томас из Мальмсбери 474
Торн, Уильям 295, 495
Трайвет, Томас 304
Тревенан, Томас, еп. Херефордский (1389–1404) 239
Тревица, Джон 276, 278, 281–282, 433, 481, 495–496
Трир 158
Трокеллоу, Джон 400

Троя 280, 401, 420, 457, 481, 499
Труа, мир в 56, 143, 150, 152, 154–155, 159, 177, 185, 216, 231–232, 244, 246–247,
253–255, 257, 265–267, 271, 337, 388, 522, 650
Тулуза 208
Тур 240, 397. 523
Турень 27, 50, 66, 79
Турне 63, 100, 227, 322, 324, 517
Тернель, отель в Париже 181
Тюдоры, дин. 60, 66, 261–162, 378, 381–382, 448, 452, 458–459, 468, 504, 647

Уаза 258
Уайт 120, 334–335
Уиклиф, Джон 237–239, 245, 383, 489, 498, 555
Уикс, Томас 285
Уилтшир 396, 496
Уильям Вустерский 271
Уильям Мальмсберийский 295, 398, 412–414, 424–427, 439, 453, 463, 474, 476,
496, 503
Уильям Ньюбургский 295, 413–414, 432–433, 436, 439, 449, 451, 456, 458, 496–497
Уингфилд, Джон 208
Уинлок, Джон 60
Уинч, Уильям 476
Уитстонс, Джеймс 63
Уолдбут, Джон 309–310
Уолси, Томас, архиеп. Йоркский (1514–1530), кардинал (1515–1530) 63, 448
Уолсингем, Томас 50, 57, 69, 71–72, 83, 89, 93, 101, 111, 114, 145, 162, 198, 209–
210, 215, 263, 280, 282–286, 289, 291, 296, 313–316, 329–333, 339, 357, 361, 368,
372–374, 376–377, 380, 382, 478–480, 489, 491, 494, 497–498
Уолтер Питерборооский 70–71, 219, 298, 315, 457
Уорен, Джон 92
Уорик, Ричард де Бошам (ум. 1439), 13-й гр. 159, 182, 492
Уорик, Ричард Невилл (ум. 1471), 16-й гр., 6-й гр. Солсбери 60, 524, 529
Уорик, Томас де Бошам (ум. 1369), 11-й гр. 202
Уорик, Томас де Бошам (ум. 1401), 12-й гр. 368, 372, 374
Уорнер, Уильям 455, 498–499
Уорхэм, Уильям, архиеп. Кентерберийский (1503–1532) 447, 467
Урбан V, папа Римский 70, 354, 519–520
Урбан VI, папа Римский 51, 76, 102, 315, 520
Урбино 447, 449, 455, 466–467
Урсула, св. 408
Утерпендрагон (Утер, Утер Пендрагон) 410, 412, 428, 440
Уэллс 447, 454, 467
Уэльс 29, 53, 55, 79, 318, 410–413, 419, 428–429, 442, 460–461, 470–471, 478, 482,
484, 489, 521
Уэссекс 78, 451

Фабриан, Роберт 59, 89, 279, 313, 401, 412, 422, 428, 434–436, 438, 451, 491, 499–
500, 504
Фаган и Дувиан 438–439, 444
Фалез, договор в 79–80

Фарамунд 44–46, 316
Фарингдон, Уильям 304
Фастольф, Джон 200, 216–217, 268, 523
Фаунтейнс 463
Фердинанд I, кор. Португалии 74–75, 118–119
Фердинанд II, кор. Арагона 447
Феррара 494
Феррэрс, Ральф 296
Филберт, Джон 197
Филипп, ап. 439, 441–442
Филипп II Август, кор. Франции 27, 247
Филипп IV Красивый, кор. Франции 29–33, 41–42, 44, 46, 67, 80–81, 96, 108, 164, 170, 293, 532, 642, 645
Филипп V, кор. Франции 31–32, 532
Филипп VI, кор. Франции 33–43, 47–49, 81, 92–93, 98–100, 109–110, 117, 119–120, 128, 140, 148, 153, 158, 161, 173, 192, 207, 227, 234, 265–266, 284, 286, 291, 297, 301, 307, 314, 317–318, 320–326, 338–339, 515–518, 532–533, 642, 644–645
Филипп II Храбрый, гц. Бургундский 101, 104, 369–370, 495, 518–519, 521, 533–534
Филипп III Добрый, гц. Бургундский 56, 104, 172–173, 177, 253, 265, 306, 468, 480, 522, 533–534, 644, 651
Филиппа Геннегау, ж. Эдуарда III 46, 83, 94, 97, 111, 131–132, 172–173, 184–185, 196, 21-, 237, 484, 500–501, 527, 529, 532
Филпот, Джон 102, 202, 296
Фицалан, Генри (ум. 1580), 19-й гр. Эрандел 482
Фицалан, Джон (ум. в 1379), лорд Эрандел 204, 360–361
Фицалан, Ричард (ум. 1397), 11-й гр. Эрандел 304, 365–366, 368, 372, 374–375, 521
Фицалан, Томас, еп. Или (с 1373), архиеп. Йоркский (с 1388), архиеп. Кентерберийский (1396–1414) 367, 375, 383, 460
Фицгерберт, Томас 443–444
Фиц-Геральд, Дэвид 471
Фицральф, Ричард, архиеп. Армахский (1346–1360) 225
Фиц-Стефан, Уильям 457
Фиц-Тедмар, Арнольд 485
Фицхью, Генрих 142
Фишер, Джон, еп. Рочестерский (1504–1535) 447
Фландрии гр. см. Дампьеры
Фландрия 8, 26, 29, 50–52, 55, 74, 76,95–105, 116, 134, 152, 156, 158, 161, 229, 243, 247, 304, 307, 322, 391, 460, 466, 468, 473, 484, 495, 501, 516, 520, 644, 646–649
«Флоренс» Вустерский 503
Флоренция 213, 215
Фокс, Джон 383, 435, 438, 441, 444, 447, 500
Фолкстон 39, 295
Фома Аквинский 25, 238, 548
Форли 494
Форминьи, битва при 524
Форти, Жан де, сен. Фалькенберг 302
Фотрингей, Джон де 305–306
Франкфурт 46
Франсион 401
Франциск I, кор. Франции 63, 536

Фрибуа, Ноэль де 64
Фридрих II, имп. Священной Римской империи 379
Фридрих III, имп. Священной Римской империи 447
Фрисландия 46
Фролон 430
Фруассар, Жан 11, 15, 33, 35, 64, 85, 89, 96–98, 135, 158, 161, 174, 194, 199, 201–
202, 206, 208, 210, 217, 219, 223, 328, 346, 354–356, 469, 487, 500–501, 548, 613,
646–650
Фуа, гр. 250
Фуке, Жан 645, 649–651

Халлен, Франк Ван 172
Хангефорд, Уолтер 490
Хантингдон 79–80, 417, 471, 484, 491
Хардинг, Джон 139, 145, 271, 286, 376, 397, 401–402, 404, 421–422, 431, 438, 441,
473, 501–502
Хардинг, Томас 443
Хардфорд, Уолтер 113
Харольд Суровый 416
Хастингс, Фрэнсис 441–442
Хенгист 410
Херефорд 447, 467, 477, 483, 486–487
Херефордские еп. 30, 169, 238–239, 377, 447
Хигден, Ранульф 38, 89, 276, 278, 281–282, 285, 289, 291, 400–401, 412, 417, 420–
422, 433–436, 438–439, 450–451, 456, 463, 474–477, 479–481, 497, 502–503
Хильперик III, кор. Франков 45
Хлодвиг 32, 46, 108, 178, 318
Хоквуд, Джон 213–215, 344, 388
Холиншед, Рафаил 383, 403–405, 407–408, 412, 435–436, 438, 442, 444–445, 456,
503–504
Холл, Эдуард 44–45, 53, 145, 232, 315, 336, 456–457, 473, 491, 504
Холланд, Томас 204, 260, 527, 529
Хомилдон-Хилл, битва при 330, 501, 521
Хэддингтон 92
Хэлидон-Хилл, битва при 91, 465, 516
«Хроника предательства и смерти Ричарда II Английского» 381, 504–505

Цезарь, Гай Юлий 180, 318, 354, 397, 399, 404–405, 432, 450–451, 451, 471
Цицерон, Марк Тулий 20, 503, 548

Чандос, Джон 68, 303, 505, 519
Чандоса Джона герольд 68–73, 111, 145, 323, 331, 505
Ченслер, Ричард 498
Честер 296, 503
Честертон 472
Честершир 435
Чешир 215, 342–343, 503
Чипсайд 175, 183
Чичел, Генрих, архиеп Кентерберийский (1414–1443) 44–45, 53, 139, 166, 199
Чосер, Джеффри 232–237, 242, 502, 548, 555

Шампань 66, 247, 254, 258, 520
Шатильон де Сен-Поль, Жан де (ум. 1397) 380
Шатильон де Сен-Поль, Ги Люксембург де (ум. 1371) 211
Шатле 180
Шатонеф-де-Рандон 353
Шаратон 254
Шарни, Жоффруа де 191, 335
Шароле 247
Шартр 50, 247
Шартье, Ален 64–65, 130
Швейцария 500
Швеция 140, 142
Шекспир, Уильям 45, 114, 142, 316, 319, 328, 381, 421, 548, 555
Шербур 370–371
Шинон 7
Шропшир 504
Шрусбери, битва при 318, 472, 501, 521

Э, гр., см. Бриенн
Э, г. в Нормандии 286
Эбраук 420–421
Эвре, Жанна, см. Жанна д'Эвре
Эвре, гр. Филипп III (ум. 1343) 41, 532
Эвре, Филипп де (ум. 1364), гр. Лонгвилл, с. Филипп III, гр. Эвре 260
Эдгар, кор. Англии 78, 244, 429
Эдгар Этелинг 79
Эдильфрид 409, 446
Эдинбург 81, 92, 313, 363–364, 374
Эдинбургский договор 81–82, 388, 515
Эдингтон, Уильям де, еп. Винчестерский (1345–1366) 208
Эдит, ж. Эдуарда Исповедника 414–415
Эдмунд Мученик, св. 137, 146, 175, 648
Эдмунд «Кривая спина» («Горбатый»), гр. Лестерский, гр. Ланкастерский 29
Эдмунд Ленгли, гр. Кембриджский 74–75, 364, 527
Эдред, кор. Англии 86
Эдуард I, кор. Англии 8, 29, 34, 67, 71, 80, 82, 95, 137, 159, 164, 170, 175, 277, 428–429, 473–474, 502, 515, 527, 532, 645, 647
Эдуард II, кор. Англии 8, 29–30, 34, 81–82, 122, 164, 196, 365–366, 368, 376–379, 381, 464–465, 473, 482–483, 486–487, 515, 527, 531–532
Эдуард III, кор. Англии 9, 30–43, 46–51, 53–54, 57–58, 70–71, 75, 77, 81–85, 87–100, 104, 106, 108–109, 116, 120–122, 126–136, 138, 140–141, 148–155, 157–159, 161–162, 164–166, 168, 170–174, 176, 184–185, 192, 198–199, 201–203, 207–208, 211–216, 2118, 220, 224–229, 231, 234, 240, 243–244, 246, 248, 250, 259–260, 277–278, 282, 287–291, 294, 299–302, 306–310, 314, 317–319, 321–325, 330, 332, 335, 337–339, 343, 345, 356, 358, 361–362, 364–365, 368–369, 371–372, 378, 382, 389, 417, 422, 430, 439, 462–465, 474–475, 477, 479, 482–484, 488, 491, 498, 501, 506, 515–520, 527, 529, 532, 642–647
Эдуард IV, кор. Англии 60, 62, 64, 461, 465, 469, 473, 479–481, 502, 524, 528–529
Эдуард VI, кор. Англии 448–449, 457, 466, 472

Эдуард Исповедник, кор. Англии, св. 58, 78–79, 86, 122, 137, 146, 175, 183, 414–418, 435, 648
Эдуард Йорк, с. Эдмунда Ленгли 328
Эдуард Старший 78, 86
Эдуард Черный Принц 51, 70–74, 110, 122, 134–135, 153–154, 165–166, 192, 199, 203, 207–208, 213–214, 219–220, 227, 237, 249–250, 260, 296, 311, 325, 332, 244–245, 351, 362, 365, 377, 430, 461, 465, 477, 483, 505, 518–520, 527, 643, 647
Эксетер 486
Эксетер, гц., см. Томас Бофор
Эксетер, Ричард, монах из Встминстера 468
Эксетерский еп., см. Джон де Грандисон
Экстон, Питер 381
Элевтерий, папа Римский 438, 441–442, 444
Элеонора Кастильская, ж. Эдуарда I 29, 67, 71, 175, 428–429, 527
Элеонора Плантагенет, ж. Альфонсо VIII 67
Элеонора Прованская, ж. Генриха III 55
Эллис, Генри 271
Элред из Риво 432
Элхэм, Томас, хронист 112, 117, 263, 295–296, 334, 478, 490–491, 493–494, 506
Элхэм, Уильям, капитан еп. Генриха Деспенсера, еп. Нориджского 304
Эмма, ж. кор. Этельреда, мать св. Эдуарда Исповедника 414
Эней 280, 397, 401
Эно, см. Геннегау
Энрике I Трастамарский, кор. Кастилии 68–75, 77, 213, 298, 315, 331, 344–346, 350, 353, 519
Энрике II Трастамарский, кор. Кастилии 77, 528
Энрико из Павии, капитан Кале 335
Эразм Роттердамский 448
Эрандел см. Фицалан
Эрар, Гийом 267
Эргом, Джон 43–44, 110, 126–129, 131–136, 300, 323, 325, 337, 464
Эрик Померанский, кор. Норвегии, Дании, Швеции 142
Эрик II, кор. Норвегии 531
Эссекс 499
Этельред, кор. Англии 414, 418
Этельстан, кор. Англии 78, 86
Этьен Марсель 325, 518

Яков I (VI) Стюарт, кор. Англии и Шотландии 62, 499, 524
Яков I Стюарт, кор. Шотландии 307, 419, 521, 531
Ян, Альфонс де 141
Ярроу 462

СПИСОК КАРТ

1. Франция накануне Столетней войны. 1328 г.	652
2. Столетняя война: основные кампании и сражения.....	653
3. Франция в 1360 г. Мир в Бретиньи.....	654
4. Франция к 1429 г.....	655
5. Англо-шотландские войны	656
6. Иберийский полуостров в XIV в.....	657

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Письмо шотландских лордов к папе Иоанну XXII с просьбой признать независимость Шотландии от Англии («Арбротская декларация»; 1320 г.). National Archives of Scotland, SP 13/7. Воспроизводится по изданию: *The British Inheritance. A Treasury of Historical Documents / Ed. E. Hallam and A. Prescott. L., 1999. P. 26.*
2. Большая государственная печать Эдуарда III, принятая в 1340 г.
3. «Коронедор» или экю с короной Карла VI (*écu d'or à la couronne*), вес около 4 г, диаметр 27 мм. На аверсе: королевский герб, увенчанный короной с традиционной легендой «Карл, Божьей милостью король Франции». На реверсе: украшенный дубовыми листьями и цветами лилии крест с четырьмя коронами по сторонам; круговая легенда гласит: «Христос побеждает, Христос царствует, Христос правит».
4. «Шездор» Филиппа VI Валуа (*écu d'or à chaise*), вес около 4,5 г, диаметр 27 мм. На аверсе: сидящий на троне государь с мечом и щитом; круговая легенда гласит: «Филипп, Божьей милостью король Франции». На реверсе: крест в обрамлении цветов и листьев клевера; круговая легенда гласит: «Христос побеждает, Христос царствует, Христос правит».
5. Двойной золотой «леопард» или двойной флорин Эдуарда III (*double leopard* или *double florin*), вес около 20 г, диаметр 38 мм. В качестве прототипа был использован «массадор» Филиппа IV Красивого (*masse d'or*). Первая большая золотая монета Эдуарда III чеканилась в Англии с декабря 1343 г. по июль 1344 г., вытеснена ноблем. На аверсе: сидящий под сводом из трех готических арок король в короне со скипетром и державой, рядом с государем два леопарда анфас, фон украшен цветами лилии (пять слева от государя, семь справа). На реверсе изображен крест, увенчанный четырьмя коронами, по

- углам располагаются четыре леопарда. Легенда на реверсе гласит: «Но Христос, пройдя посреди них, удалился» [Лк. 4:30].
6. Золотой «мутон» или «агнельдор» Иоанна II (mouton d'or или agnel d'or), вес около 4,7 г, диаметр 27 мм. Золотые монеты с изображением агнца на аверсе чеканились во Франции с 1311 г. Под агнцем размещалось имя правящего государя; круговая легенда на аверсе: «Агнец Божий, берущий на себя грехи мира, помилуй нас». На реверсе традиционно размещался «процветший крест», в углах которого располагались цветы лилии; круговая легенда: «Христос побеждает, Христос царствует, Христос правит».
 7. Золотой «леопард» Эдуарда III (léopard d'or), вес около 3,6 г, диаметр 28–29 мм. Чеканилась в Аквитании с 1355 по 1361 гг. На аверсе увенчанный короной леопард; круговая легенда гласит: «Эдуард, Божьей милостью король Англии и Франции». На реверсе «процветший крест» в обрамлении леопардов; круговая легенда гласит: «Христос побеждает, Христос царствует, Христос правит».
 8. Золотой «гиенец» Эдуарда III (guyennois d'or), вес около 4 г, диаметр 28–30 мм. Чеканился в Аквитании между 1361 и 1377 гг. На аверсе под готической аркой изображен Эдуард III в боевых доспехах с мечом и щитом, в ногах государя два леопарда. Легенда гласит: «Эдуард, Божьей милостью король Англии и господин Аквитании». На реверсе «процветший крест», в углах которого размещены лилии и леопарды. Круговая легенда гласит: «Слава в вышних Богу, и на земле мир» [Лк. 2:14].
 9. «Хардидор» Эдуарда Черного принца (hardi d'or), вес около 4 г, диаметр 26 мм. На аверсе: поясной портрет герцога в венке из роз и с мечом в руке, легенда гласит: «Эдуард, старший сын короля Англии, принц Аквитании». На реверсе: украшенный листьями дуба крест в окружении цветов лилии и леопардов; легенда гласит: «Помощь моя от Господа» [Пс. 120:2]. Монета отчеканена в 1368 г. в ознаменование возобновления войны с Францией.
 10. «Шездор» Эдуарда Черного принца (chaise d'or), вес около 3,5 г, диаметр 25 мм. Дизайн монеты копирует «шездоры» французских королей. На аверсе: сидящий на троне герцог со скипетром в правой руке, на реверсе: крест с астрагалами, леопардами и цветами лилии с четырех сторон. Легенда на реверсе гласит: «Бог – судья справедливый, всемогущий и милостивый». Монета отчеканена в Бордо между 1363 и 1367 гг.
 11. «Павильондор» Эдуарда Черного принца (pavillon d'or), вес около 5,3 г, диаметр 32 мм. Монета отчеканена в Бордо между 1362 и

1372 г. Дизайн копирует «павильондор» Филиппа Валуа. На аверсе изображен герцог в полный рост под балдахин, с двумя леопардами возле ног, на реверсе – литера «Е» в обрамлении лилий и леопардов.

12. Печать Черного принца, герцога Аквитании, 1368 г. Public Record Office DL 41/10/31. Воспроизводится по изданию: *The Black Prince / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 25.*
13. Нобль (noble). Впервые отчеканен Эдуардом III в 1346 г. Вес монеты принципиально менялся еще при жизни Эдуарда III: первоначально он составлял 9 г, а с 1351 по 1377 гг. – 7,8 г, в конце правления Генриха IV (в 1412–1413 гг.) вес монеты снизился до 7 г; диаметр колебался от 33 до 35 мм) На аверсе: поясной портрет стоящего на корабле короля в короне с мечом и щитом. Круговая легенда на монетах до 1360 г. гласила (с определенными сокращениями): «Эдуард, Божьей милостью король Англии и Франции, господин Ирландии», с 1361 по 1369 г.: «Эдуард, Божьей милостью король Англии, господин Ирландии и Аквитании», после 1369 г.: «Эдуард, Божьей милостью король Англии и Франции, господин Ирландии и Аквитании». На реверсе: крест, концы которого увенчаны лилиями, а углы украшены леопардами и коронами, легенда гласит: «Но Христос, пройдя посреди них, удалился» [Лк. 4:30]. Монета в пол-нобля имела аналогичный дизайн.
14. Четверть нобля Эдуарда III (quarter noble), диаметр 19–21 мм. На аверсе: герб Англии, легенда претерпела те же изменения, что и на других монетах. На реверсе: литера «Е» в обрамлении цветов лилии и леопардов; круговая легенда гласит: «Вознесется во славе» [Пс. 111:9].
15. Двойной грот Филиппа Доброго, герцога Бургундии и графа Фландрии (dubbele groot leliaert), вес около 3,5 г, диаметр 31 мм. Отчеканен между 1386–1389 гг. в Генте или Малине. На аверсе: гербы Бургундии и Фландрии и надпись «Фландрия»; круговая легенда гласит: «Филипп, Божьей милостью герцог Бургундии и граф Фландрии». На реверсе: крест и надпись «Монета Фландрии»; круговая легенда гласит: «Благословен грядущий во имя Господне».
16. Золотой «ангелот» Генриха VI (angelot d'or), вес около 2,55 г, диаметр 24 мм. Монета впервые отчеканена в Руане в мае 1427 г. На аверсе: ангел, держащий гербы Франции и Англии, на реверсе: крест с лилией, слева от которого располагается лилия, а справа – леопард. Легенды традиционны: «Генрих, Божьей милостью...» и «Христос побеждает...».
17. Золотой «салют» Генриха VI (salut d'or), вес около 3,5 г, диаметр 26 мм. Отчеканен в Руане в подражание «салюту» Карла VI. В отли-

чие от французского прототипа с одним гербом на аверсе «салюта» Генриха VI Дева Мария и архангел Гавриил держали гербы Франции и Англии. Круговая легенда также указывала на обладание Генрихом двумя коронами. Реверс копировал реверс «ангелота».

18. «Большой белый» Генриха VI (*grand blanc*), вес около 3 г, диаметр 25–28 мм. За образец была взята серебряная монета французских королей, введенная в оборот Иоанном II в 1352 г. Так же как на золотых монетах этого короля на аверсе «большого белого» размещались гербы Англии и Франции. В центре реверса располагался крест, лилия и леопард, под которым стояло имя государя. Круговая легенда повторяла легенду французских монет этого достоинства: «Благословен грядущий во имя Господне». Чеканился в Руане.
19. «Малый белый» Генриха VI (*petit blanc*), вес около 1,6 г, диаметр 22 мм. На аверсе: гербы Франции и Англии, на реверсе: крест с литерами «Н» (*HENRICVS*) и «R» (*REX*). Легенда на реверсе: «Благословен грядущий во имя Господне».
20. Гроут Генриха VI (*groat*), вес около 3,9 г, диаметр около 29 мм. Облагавший достоинством в 4 пенса гроут был введен в Англии еще в 1279 г. На аверсе изображалась голова монарха, на реверсе – длинный крест, разделяющий поле монеты на 4 части с 3 точками в каждом углу. При Генрихе VI популярные в Англии гроуты и полгроуты чеканили как в Лондоне и Йорке, так и в Кале, о чем сообщает внутренняя легенда на реверсе.
21. Филипп Красивый с наследниками и братом Карлом Валуа (слева от Филиппа Изабелла, королева Англии, справа – Людовик Сварливый, король Наварры). Миниатюра из книги о «Калиле и Димне» в переводе Раймонда де Безье 1313 г. (*Bibliothèque Nationale. MS latin 8504. Fol. 1v*). Воспроизводится по изданию: *The Plantagenet Encyclopedia / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 159.*
22. Эдуард I приносит оммаж Филиппу IV в 1273 г. Миниатюра Жана Фуке из «Больших французских хроник». Тур, 1455–1460 гг. (*Bibliothèque Nationale. MS français 6465. Fol. 301v*). Воспроизводится по изданию: *Jean Fouquet. Peintre et enlumineur du XVe siècle / Sous la direction de F. Avril. P., 2003. P. 239.*
23. Возвращение королевы Изабеллы в Англию в 1327 г. Миниатюра Жана Фуке из «Больших французских хроник». Тур, 1455–1460 гг. (*Bibliothèque Nationale. MS français 6465. Fol. 338v*). Воспроизводится по изданию: *Jean Fouquet. Peintre et enlumineur du XVe siècle / Sous la direction de F. Avril. P., 2003. P. 241.*

24. Надгробие Эдуарда III (фрагмент). Вестминстерское аббатство. Лондон. Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 5.
25. Эффигия Эдуарда III (1377 г.). Вестминстерское аббатство. Лондон. Воспроизводится по изданию: *The Funeral Effigies of Westminster Abbey* / Ed. A. Harvey and R. Mortimer. Woodbridge etc., 1994. Plate I.
26. Эдуард III приносит оммаж Филиппу VI Валуа (1329 г.). Миниатюра из «Больших французских хроник» (фрагмент). Париж, середина XIV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2813. Fol. 357v). Воспроизводится по изданию: *La Guerre de Cent ans / Histoire de France*. P., 1999. P. 9.
27. Войско Эдуарда III плывет во Францию (British Library. MS Roy 18 E I. Fol. 103v). Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 6.
28. Битва при Слейсе (24 июня 1346 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2643. Fol. 72v). Воспроизводится по изданию: *The Plantagenet Encyclopedia* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 186.
29. Битва при Креси (26–27 августа 1346 г.). Миниатюра из хроники Жана Ворэна. Брюгге, конец XV в. (British Library. MS Royal 14 E IV. Fol. 117). Воспроизводится по изданию: *Medieval Monarchs* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 95.
30. Битва при Креси (26–27 августа 1346 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2642. Fol. 159v).
31. Взятие Кана войском Эдуарда III (1346). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2643. Fol. 157v). Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 7.
32. Битва при Невиллс-Кроссе (17 октября 1346 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2643. Fol. 174v).
33. Граждане Кале перед Эдуардом III (4 августа 1347 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2642. Fol. 179v). Воспроизводится по изданию: *Medieval Monarchs* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 97.
34. Граждане Кале перед Эдуардом III. Миниатюра из Сент-Олбанской хроники. Англия XV в. (Lambeth Palace Library, London. MS 6). Воспроизводится по изданию: *La Guerre de Cent ans / Histoire de France*. P., 1999. P. 26.

35. Коронационный трон английских королей со Сконским камнем судьбы, вывезенным Эдуардом I в Англию в качестве символа покорения Шотландии. Вестминстерское аббатство. Лондон. Воспроизводится по изданию: *Medieval Monarchs* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 78.
36. Круглый стол короля Артура (создан, предположительно, при Эдуарде I). Роспись эпохи Тюдоров. Винчестер. Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 13.
37. Св. Георгий – покровитель ордена Подвязки. Страница из книги ордена Подвязки. 1435 г. (British Library, Stowe MS. 594 fol. 5v). Воспроизводится по изданию: *Riches S. St George. Hero, Martyr and Myth*. Stroud, 2005. P. 125.
38. Эдуард III. Страница из книги ордена Подвязки. 1435 г. (British Library. MS Stowe 594. Fol. 7–8v). Воспроизводится по изданию: *The English World. History, Character and People* / Ed. R. Blake. L., 1982. P. 36.
39. Основание ордена Звезды Иоанном II (6 января 1352 г.). Банкет рыцарей ордена Звезды. Миниатюра из «Больших французских хроник» (Bibliothèque Nationale. MS français 2813. Fol. 394).
40. Битва при Пуатье (19 сентября 1356 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2643. Fol. 207v).
41. Битва при Пуатье (19 сентября 1356 г.). Миниатюра из «Больших французских хроник». Париж, середина XIV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2813. Fol. 399).
42. Иоанн II Валуа. Неизвестный французский художник XIV в. Лувр. Париж. Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 15.
43. Возвращение Иоанна II в английский плен в январе 1364 г. Миниатюра из «Больших французских хроник». Париж, середина XIV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2813. Fol. 438).
44. Черный принц приносит оммаж Эдуарду III за герцогство Аквитанию (1362 г.). Инициал грамоты, выполненной для Ричарда II ок. 1390 г. (British Library. MS Cotton Nero D VI. Fol. 31r). Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 24.
45. Доспехи Черного принца: шлем, куртка, щит, латные перчатки и ножны меча. Кентерберийский собор. Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 3.
46. Боевой и государственный гербы Черного принца с девизами «Houmont» (точное значение неизвестно; возможно, «Бесстрашие»)

- и «Ich diene» («Служу»). Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 6.
47. Надгробие Черного принца из Кентерберийского собора (фрагмент). Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 40.
48. Битва при Нахере (3 апреля 1367 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (*Bibliothèque Nationale. MS français 2643. Fol. 312v*). Воспроизводится по изданию: *The Plantagenet Encyclopedia* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 143.
49. Битва при Нахере (3 апреля 1367 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Около 1420 г. (*Bibliothèque Nationale. MS français 2649. Fol. 318v*).
50. Сражения англичан и французов, англичан и шотландцев. Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (*Bibliothèque Nationale. MS français 2642. Fol. 17v*).
51. Разграбление дома английскими воинами. Миниатюра из «Больших французских хроник». Париж, конец XIV в. (*British Library. MS Royal 20 C VII. Fol. 41v*). Воспроизводится по изданию: *The Black Prince* / Ed. D. R. Cook. L., 1990, 1994. P. 34–35.
52. Св. Джон Бридлингтонский. Бофорский часослов. Лондон, ок. 1410 г. (*British Library. MS Royal 2 A XVIII. Fol. 7v*). Воспроизводится по изданию: *The Plantagenet Encyclopedia* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 135.
53. Ричард II. Неизвестный английский художник. Конец XIV в. Вестминстерское аббатство. Воспроизводится по изданию: *Jean Fouquet. Peintre et enlumineur du XVe siècle / Sous la direction de F. Avril. P., 2003. P. 106*.
54. Уилтонский диптих. Создан по заказу Ричарда II во французской мастерской (1395–1399). На левой створке изображены Св. Эдмунд, Св. Эдуард и Иоанн Креститель, представляющие молодого короля Ричарда Деве Марии (правая створка). Один из ангелов в окружении Богородицы держит знамя Св. Георгия. Национальная галерея. Лондон. Воспроизводится по изданию: *Les primitifs flamands et leur temps / Sous la direction de B. de Patoul et R. Van Schoute. Tournai, 2000. P. 66–67*.
55. Сражение с отрядом бригаднов. Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (*Bibliothèque Nationale. MS français 2643. Fol. 272v*).

56. Войско во главе с Робертом Ноллисом плывет во Францию (1370 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2643. Fol. 352v).
57. Меч великого коннетабля Франции (длина 120 см, клинок 91 см). Середина XV в. Музей Армии. Париж (J 26). Воспроизводится по изданию: Invalides. Musée de l'Armée / Coordinateur J.-P. Reverseau. P., 2000. P. 17.
58. Карл V вручает Дюгеклену меч коннетабля Франции (1370 г.). Миниатюра Жана Фуке из «Больших французских хроник». Тур, 1455–1460 гг. (Bibliothèque Nationale. MS français 6465. Fol. 434v). Воспроизводится по изданию: Jean Fouquet. Peintre et enlumineur du XVe siècle / Sous la direction de F. Avril. P., 2003. P. 243.
59. Смерть Дюгеклена (1380 г.). Миниатюра Жана Фуке из «Больших французских хроник». Тур, 1455–1460 гг. (Bibliothèque Nationale. MS français 6465. Fol. 456v). Воспроизводится по изданию: Jean Fouquet. Peintre et enlumineur du XVe siècle / Sous la direction de F. Avril. P., 2003. P. 247.
60. Разграбление Грамонта жителями Гента (1380 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2644. Fol. 135v).
61. Осада Бреста (1386 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, 1470–1475 гг. (Bibliothèque Nationale. MS français 2645. Fol. 116v).
62. Банкет в Лиссабоне, данный Жуаном I королем Португалии в честь его союзника Джона Гонты в 1387 г. (British Library MS Royal 14 E IV. Fol. 245). Воспроизводится по изданию: The Plantagenet Encyclopedia / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 110-111.
63. Анна Богемская на смертном одре. Миниатюра из хроник Жана Фруассара. Брюгге, 1470–1475 гг. (British Library. MS Harley 4380. Fol. 22v). Воспроизводится по изданию: The Plantagenet Encyclopedia / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 18.
64. Эффигия Анны Богемской (1394 г.). Вестминстерское аббатство. Лондон. Воспроизводится по изданию: The Funeral Effigies of Westminster Abbey / Ed. A. Harvey and R. Mortimer. Woodbridge etc., 1994. Plate II.
65. Карл VI передает английским послам свою дочь Изабеллу, обрученную с Ричардом II (1396 г.). Миниатюра из хроники Жана Фруассара. Фландрия. Брюгге, середина XV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2646. Fol. 245v).

66. Ричард II передает корону графу Дерби. Миниатюра из хроник Жана Фруассара. Брюгге, 1470–1475 гг. (British Library. MS Harley 4380. Fol. 184v). Воспроизводится по изданию: *Medieval Monarchs* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 110.
67. Ричард II и Генрих Болингброк возле пустого трона. Иллюстрация к хронике Жана Кретона. Франция, 1401–1405 гг. (British Library. MS Harley 1319. Fol. 57). Воспроизводится по изданию: *The British Inheritance. A Treasury of Historical Documents* / Ed. E. Hallam and A. Prescott. L., 1999. P. 21.
68. Жан Фруассар преподносит свою хронику Ричарду II. Миниатюра из хроник Жана Фруассара. Брюгге, 1470–1475 гг. (British Library. MS Harley 4380. Fol. 23v). Воспроизводится по изданию: *The Plantagenet Encyclopedia* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 79.
69. Томас Окклив преподносит свой труд принцу Генриху, будущему Генриху V (1412). Мастерская Германа Шира, ок. 1412 г. (British Library. MS Arundel 38. Fol. 37r.). Воспроизводится по изданию: *Medieval Monarchs* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 123.
70. Надгробие Генриха V (фрагмент). Вестминстерское аббатство. Лондон. Воспроизводится по изданию: *The Wars of the Roses* / Ed. A. Lockhart. Andover, 1996. P. 4.
71. Эффигия Екатерины Валуа (1437 г.). Вестминстерское аббатство. Лондон.
72. Свадьба Генриха V и Екатерины Валуа (1420 г.). Миниатюра из «Больших французских хроник». Париж, 1487 г. (British Library. MS Royal 20 E VI. Fol. 9v). Воспроизводится по изданию: *The Wars of the Roses* / Ed. A. Lockhart. Andover, 1996. P. 4.
73. Битва при Азенкуре (25 октября 1415 г.). (Lambeth Palace Library. London. MS 6. Fol. 243). Воспроизводится по изданию: *Medieval Monarchs* / Ed. E. Hallam. L., 1996. P. 126.
74. Договор в Труа (фрагмент). Archives Nationales, Paris. Воспроизводится по изданию: *La Guerre de Cent ans / Histoire de France*. P., 1999. P. 101.
75. Ноты песни о победе при Азенкуре. Виндзор, Англия, 1430–1444. (British Library. MS Egerton 3307. Fol. 63v). Воспроизводится по изданию: *The British Inheritance. A Treasury of Historical Documents* / Ed. E. Hallam and A. Prescott. L., 1999. P. 32.
76. Джон, герцог Бедфорд перед св. Георгием. Часослов герцога Бедфорда, преподнесенный Генриху VI по случаю его коронации в Париже в 1430 г. (British Library. Add. MS 18850. Fol. 256v). Воспроизводится по изданию: *Riches S. St George. Hero, Martyr and Myth*. Stroud, 2005. P. 51.

77. Куст раkitника (лат. *planta genista*) – эмблемы Жоффруа Анжуйского, родоначальника династии Плантагенетов. Фрагмент миниатюры из «Часослова герцога Бедфорда», выполненного по заказу регента для Генриха VI около 1430 г. Французский художник изобразил под растением прячущегося в норе трусливого кролика и кроличьи экскременты. (British Library. Add. MS 18850. Fol. 65). Воспроизводится по изданию: Fisher C. *The Medieval Flower Book*. L., 2007. P. 30.
78. Рогир ван дер Вейден. Портрет Филиппа Доброго, герцога Бургундии. Копия, после 1450 г. Королевский музей изобразительных искусств. Брюгге. Воспроизводится по изданию: *Les primitifs flamands et leur temps / Sous la direction de B. de Patoul et R. Van Schoute*. Tournai, 2000. P. 136.
79. Жан Фуке. Портрет Карла VII. Ок. 1445 г. Лувр. Париж. Воспроизводится по изданию: *Jean Fouquet. Peintre et enlumineur du XVe siècle / Sous la direction de F. Avril*. P., 2003. P. 103.
80. Сдача Бордо войскам Карла VII в 1453 г. Миниатюра из «Хроники Карла VII, короля Франции» Жана Шартье. Кодекс выполнен в Северной Франции или Южных Нидерландах в конце XV в. (British Library. MS Royal 20 C IX. Fol. 268). Воспроизводится по изданию: *The Plantagenet Encyclopedia / Ed. E. Hallam*. L., 1996. P. 35.
81. Генрих VI с двумя коронами. Витраж кембриджского собора.
82. Генрих VI и рыцари ордена Подвязки в часовне св. Георгия перед изображением святого. Миниатюра из кодекса, подаренного в 1445 г. лордом Тальботом Маргарите Анжуйской. Руан, 1445 г. (British Library. MS Royal 15 E VI. Fol. 439). Воспроизводится по изданию: *The English World. History, Character and People / Ed. R. Blake*. L., 1982. P. 37.

На переплете:

На первой стороне. Осада крепости. Миниатюра из «Больших французских хроник». Конец XIV в. (British Library. MS Royal 20 C VII. Fol. 19). Воспроизводится по изданию: *The Black Prince / Ed. D. R. Cook*. L., 1990, 1994. P. 30-31.

На четвертой стороне. Битва при Пуатье (19 сентября 1356 г.). Миниатюра из «Больших французских хроник». Париж, середина XIV в. (Bibliothèque Nationale. MS français 2813. Fol. 399).

- - - - - Границы Королевства Франция
 - . - . - . - - - - - Держания Плантагенетов
 [шaded box] Важнейшие держания и аппанажи

Числами обозначены

1 Фландрия	12 Бар	21 Савоя
2 Артуа	13 Лотарингия	22 Дофине
3 Понтье	14 Бургундия (герцогство)	23 Валентинуа
4 Брабант	15 Бургундия (графство)	24 Прованс
5 Эно (Гениегау)	16 Невер	25 Лангедок
6 Нормандия	17 Бурбонне	26 Фуа
7 Эвре	18 Марш	27 Арманьяк
8 Алансон	19 Овернь	28 Беарн
9 Блуа	20 Форез	29 Гиень
10 Бретань		30 Сентонж

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ. 1328 г.

Направления походов

- Эдуарда III
 1339–1340 гг.
 1342–1343 гг.
 1346 г.
 1359–1360 гг.
 Генриха Ланкастера
 1345 г.
 1346 г.
 1356 г.

- Чёрного принца
 1355 г.
 1356 г.
 Великой компании
 1360–1366 гг.
 Роберта Ноллиса
 1370 г.

- Джона Гонта
 1373 г.
 Генриха V
 1415 г.

- Места и годы сражений
 X на суше
 ⚓ на море
 Креси 1346
 Ла-Рошель 1372

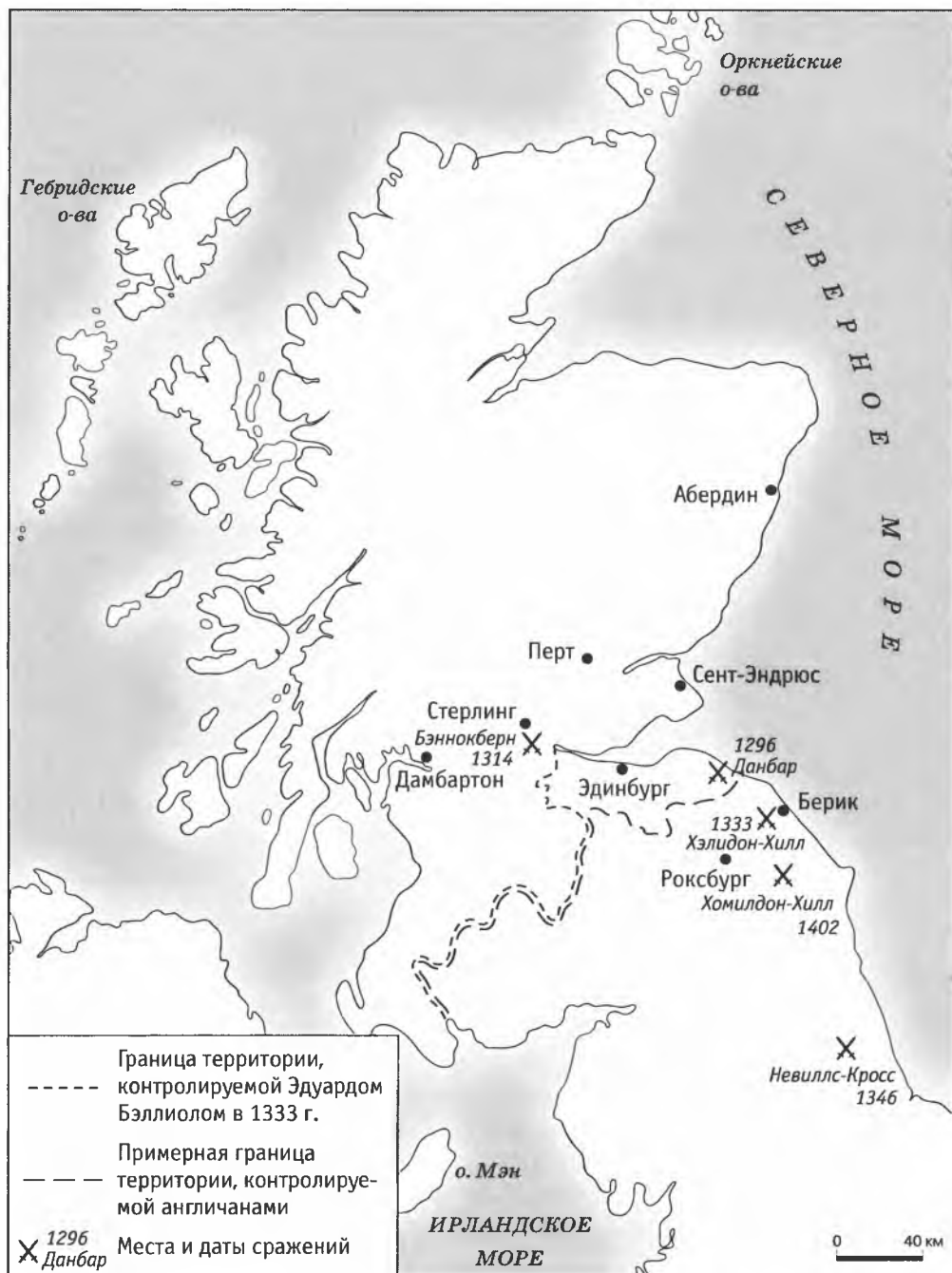
ФРАНЦИЯ в 1360 г. МИР В БРЕТИНЬИ

- Границы Королевства Франция к 1453 г.
- Территория Франции, оставшаяся к 1429 г. под властью французского короля
- Территории, находившиеся к 1429 г.
 - ▨ под контролем Бургундского дома
 - ▨ под контролем английского короля
 - ▨ под англо-бургундским господством

- Числами обозначены*
1 Фландрия	10 Дофине
2 Брабант	11 Прованс
3 Нормандия	12 Лангедок
4 Бретань	13 Арманьяк
5 Ретель	14 Шампань
6 Бургундия (герцогство)	15 Пикардия
7 Бургундия (графство)	16 Анжу
8 Бурбонне	17 Ангулем
9 Овернь	18 Перигор
	19 Гасконь
	20 Артуа

ФРАНЦИЯ к 1429 г.

АНГЛО-ШОТЛАНДСКИЕ ВОЙНЫ

ИБЕРИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В XIV В.

21. Филипп Красивый с наследниками и братом Карлом Валуа (слева – Филиппа Изабелла, королева Англии, справа – Людовик Сварливый, король Наварры).

22. Эдуард I приносит оммаж Филиппу IV (1273 г.). Миниатюра Жана Фуке.

23. Возвращение королевы Изабеллы в Англию в 1327 г. Миниатюра Жана Фуке.

24. Надгробис Эдуарда III (фрагмент).

25. Эффигия Эдуарда III (1377 г.).

26. Эдуард III приносит omaggio Филиппу VI Валуа (1329).

27. Войско Эдуарда III плывет во Францию

28. Битва при Слейсе (24 июня 1340 г.).

29, 30. Битва при
Креси (26–27 августа
1346 г.).

31. Взятие Кана войском Эдуарда III (1346 г.).

L royne d'angleterre
qui devoit a des-
pendre son jure-
gardet de tous en
combats. Et vint moines
avec la seigneurie et tout son
ne son vint. Et pas a n'est
chastelain par them. Et illec
se font a attendre les gens
tousjours de sonnet des mar-
chies du north et du jure de
northumbrelande et de galles
qui marcherent apres jure
de la. Les croises a jurentent

que le mandement des an-
glois se fu fait a n'est fut
tout se traivoit celle jure
et envoient leurs cour-
courier de vant la ville. Les
anglois a leur reto. adrent
oultans hametes. Qui la
estotent. Par a les flancs
des et les francois en aide
rent celle jure. Et mesme
dedens la ville. Et vint
les anglois yffu par vint
qui tel oultant paroit.
Mais leurs fontentans ne

32. Битва при Невиллс-Кросс (17 октября 1346 г.).

33, 34. Граждане Кале перед Эдуардом III

35. Коронационный трон английских королей со Стоунским камнем судьбы, вывезенным Эдуардом I в Англию в качестве символа покорения Шотландии.

36. Круглый стол короля Артура (создан, предположительно, при Эдуарде I). Роспись эпохи Тюдоров.

37. Св. Георгий – покровитель ордена Подвязки. Страница из книги ордена Подвязки.

38. Эдуард III. Страница из книги ордена Подвязки.

40, 41. Битва
при Луатьс
(19 сентября
1356 г.).

42. Иоанн II Валуа
Неизвестный
французский
художник XIV в.

43. Возвращение
Иоанна II
в английский плен
в январе 1364 г.

44. Черный принц приносит
оммаж Эдуарду III за герцогство
Аквитанию (1362).

45. Доспехи Черного принца:
шлем, куртка, щит, латные
перчатки и ножны меча.

46. Боевой и государственный гербы Черного принца с девизами «Houmont» (точное значение неизвестно; возможно, «Бесстрашие») и «Ich diene» («Служу»).

47. Надробье Черного принца из Кентерберийского собора (фрагмент).

48, 49. Битва
при Нахере
(3 апреля
1367 г.).

50. Сражения англичан и французов, англичан и шотландцев.

51. Разграбление дома английскими войсками.

52. Св. Джон Бридлингтонский.

1. Письмо шотландских лордов к папе Иоанну XXII с просьбой признать независимость Шотландии от Англии («Арбротская декларация»; 1320 г.)

2. Аверс и реверс Большой государственной печати Эдуарда III, принятой в 1340 г.

3. «Коронедор» или эцю с короной Карла VI (*écu d'or à la couronne*)

4. «Шездор» Филиппа VI Валуа (*écu d'or à la chaise*).

5. Двойной золотой «леопард» или двойной флорин Эдуарда III (*double leopard* или *double florin*).

6. Золотой «мутон» или «агнелдор» Иоанна II (mouton d'or или agnel d'or).

7. Золотой «леопард» Эдуарда III (léopard d'or).

8. Золотой «гвиенец» Эдуарда III (guyennois d'or).

9. «Хардидор» Эдуарда Черного принца (hardi d'or).

10. «Шездор» Эдуарда Черного принца (chaise d'or).

11. «Павильондор» Эдуарда Черного принца (pavillon d'or).

12. Печать Черного принца, герцога Аквитании, 1368 г.

13. Нобль (noble). Впервые отчеканен Эдуардом III в 1346 г.

14. Четверть-нобля Эдуарда III (quarter noble).

15. Двойной грот (dubbele groot leliaert) Филиппа Доброго, герцога Бургундии и графа Фландрии.

16. Золотой «ангелот» Генриха VI (angelot d'or).

17. Золотой «салют» Генриха VI (salut d'or).

18. «Большой белгий» Генриха VI (grand blanc).

19. «Малый белый» Генриха VI (petit blanc)

20. Гроут Генриха VI (groat)

Все изображения монет даны с увеличением. Подробнее параметры и описание монет даны в списке иллюстраций (с. 644–647)

53. Ричард II. Неизвестный английский художник. Конец XIV в.

54. Уилтонский диптих (1395–1399). На левой створке изображены, Св. Эдмунд, Св. Эдуард и Иоанн Креститель, представляющие молодого короля Ричарда Деве Марии (правая створка). Один из ангелов в окружении Богородицы держит знамя Св. Георгия.

55. Сражение с отрядом
бригандов.

56. Войско во главе с
Робертом Ноллисом плывет
во Францию (1370 г.).

57. Меч великого коннетабля Франции (длина 120 см, клинок 91 см). Середина XV в.

58. Карл V вручает Дюгеклену меч коннетабля Франции (1370 г.). Миниатюра Жана Фуке.

59. Смерть Дюгеклена (1380 г.). Миниатюра Жана Фуке.

Comment sy mille com-
paignons purtrent de la
ville de Gand durant le
siege et alerent passans
gagner villes & indur les
villes de Alost redrener
& grantment. Et puis
se retournerent a Gand

le siege durant et
estant dnat Gand
par la maniere q
le conte l'auon ay
siege veit par plusieurs

garnisons autour de la
ville. Car se p' d'enghen et
se tenechal & haryan et se
huzle de flandres en troumoit
a la fois a descomert d'ist
ils ne venoient nulles ra-
cont. Et au fautespors ils
estotent reboutes si d'au q's
n'avoient mie loist de re-
sander de l'iere euse. Adonc
se venoient en la ville
de Gand sy mille compaignos
molt audables et curz t'ape

60. Разграбление Грамонта жителями Гента (1380 г.).

61. Осада Бреста (1386 г.)

62. Банкет в Лиссабоне, данный Жуаном I королем Португалии в честь его союзника Джона Гонта (1387 г.)

63. Анна Богемская на смертном одре (1304 г.)

64. Эффигия Анны Богемской (1394 г.).

65. Карл VI передает английским послам свою дочь Изабеллу, обрученную с Ричардом II (1396 г.).

66. Ричард II передает корону графу Дерби (1399 г.).

67. Ричард II и Генрих Боллингброк возле пустого трона.

68. Жан Фруассар
преподносит свою
хронику Ричарду II.

69. Томас Окклив
преподносит свой
труд принцу Генриху,
будущему Генриху V
(1412)

70. Надгробие Генриха V
(фрагмент).

71. Эффигия Екатерины
Валуа (1437 г.).

72. Свадьба Генриха V
и Екатерины Валуа
(1420 г.).

73. Битва при Азенкуре (25 октября 1415 г.).

74. Договор в Труа (фрагмент),
подписан в 1420 г.

75. Ноты песни о победе при Азенкуре.

76. Джон, герцог Бедфорд перед св. Георгием. Часослов герцога Бедфорда, преподнесенный Генриху VI по случаю его коронации в Париже в 1430 г.

77. Куст раkitника (лат. *planta genista*) – эмблемы Жоффрау Анжуйского, родоначальника династии Плантагенетов. Фрагмент миниатюры из «Часослова герцога Бедфорда». Французский художник изобразил под растением прячущегося в норе трусливого кролика и кроличьи экскременты.

78. Рогир ван дер Вейден. Портрет Филиппа Доброго, герцога Бургундии. Копия, после 1450 г.

79. Жан Фуке.
Портрет
Карла VII.

80. Сдача Бордо
войскам Карла VII
в 1453 г.

81. Генрих VI с двумя коронами.
Витраж кембриджского собора.

82. Генрих VI и рыцари ордена
Подвязки в часовне св. Георгия
перед изображением святого.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ЧАСТЬ I	
АНГЛИЯ В БОРЬБЕ ЗА «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»	17
Глава 1	
Идея ведения справедливой войны в английском историописании XIV–XVI вв.	19
• Оформление представления о причинах «справедливой войны» к началу XIV в.	19
• Обоснование вступления Англии в войну с Францией	27
• Обоснование правомерности войн на Пиренеях	67
• Обоснование законности военных действий в Шотландии	78
• Трактовка военных действий во Фландрии	95
Глава 2	
Представления английских хронистов о роли Божественного провидения в войне	107
• Представление английских хронистов о роли Бога в ходе боевых действий	109
• Господь как покровитель Английского государства	119
• «Бридлингтонское пророчество» – предсказание будущего или критика настоящего?	122
• Святые покровители Англии и политика английских королей в годы Столетней войны	137
Глава 3	
Официальная пропаганда английской внешней политики	147
• Визуальные средства пропаганды. Репрезентация власти над Англией и Францией на гербах, монетах и печатях английских государей	148
• Королевские прокламации. Пропаганда в церковных проповедях и церемониях	161
• Праздники, ритуалы и церемонии	170

ЧАСТЬ II	
ВОЙНА И МИР	187
Глава 1	
Восприятие и репрезентация войны в хронистике	189
• Представления английских хронистов о воинской славе и чести	195
• Война как источник и залог процветания англичан	201
• Тяготы войны	217
Глава 2	
Отношение к миру	223
• Мир как справедливое завершение войны	224
• Противопоставление мира войне	232
• Пропаганда мира в придворной поэзии	240
Глава 3	
Английское правление во Франции	246
• Проблема суверенитета	246
• Суверенная Аквитания	248
• Кто правит Францией?	253
• Нормандия – английская или французская?	258
ЧАСТЬ III	
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. «СВОИ» И «ЧУЖИЕ»	273
Глава 1	
Язык и терминология источников	275
Глава 2	
Образы «своих» и «чужих» в английской литературе XIV–XV вв.	298
Глава 3	
Мифы о национальных героях: образы Роберта Ноллиса и Бертрана Дюгеклена как модели формирования английской и французской национальной идентичности эпохи Столетней войны	342

Глава 4

Чужие среди «своих» и свои среди «чужих». Образ Ричарда II:
каким не должен быть «истинный» король Англии 360

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 385

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Интерпретация важнейших мифов о прошлом
в английской исторической традиции эпохи Средневековья..... 395

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Краткие сведения об историографах
и анонимных текстах 460

Images of War and Perceptions of History
in Late Medieval England..... 507

Хронологическая таблица 515

Генеалогические таблицы 525

БИБЛИОГРАФИЯ 538

Список сокращений 613

Указатель..... 617

Список карт 642

Список иллюстраций 642

Карты..... 652

IMAGES OF WAR AND PERCEPTIONS OF HISTORY IN LATE MEDIEVAL ENGLAND

INTRODUCTION	7
PART 1. England in the struggle for “justice”	17
Chapter 1. Conception of the just war in 14th–16th Century	
English historiography	19
• Formulation of the causes of “just war” up to the beginning of the 14th century.....	19
• English substantiation for declaring war on France	27
• Explanations of the legitimacy of the wars in the Pyrenees.....	67
• Justifications of hostilities with Scotland	78
• Interpretation of military operations in Flanders.....	95
Chapter 2. English chroniclers’ understanding of the role of Providence in war.....	107
• The role of God in military engagements according to English historical literature	109
• God as Patron of the English state	119
• The Bridlington Prophecies – prediction of the future or criticism of the present?	122
• The patron saints of England and the policy of English kings during the Hundred Years’ War	137
Chapter 3. Official propaganda of English foreign policy	147
• Visual means of propaganda. Representation of authority of English kings over France: arms, coins and seals of the English sovereigns	148
• Propaganda in royal proclamations, sermons and religious ceremonies.....	161
• Festivals and secular ceremonies	170
PART 2. War and peace	187
Chapter 1. Perception of war and the problem of its representation in historical literature.....	189
• English authors’ ideas on military glory and honour	195
• Conception of war as a source and guarantee of English prosperity.....	201
• The hardships of war	217

Chapter 2. Attitudes of the English to the idea of peace in the Late Middle Ages.....	223
• Peace as the just conclusion of war.....	224
• Juxtaposition of peace with war.....	232
• Peace propaganda in court poetry.....	240
Chapter 3. The English government in France.....	246
• A problem of sovereignty.....	246
• Sovereign Aquitania.....	248
• Who rules over France?.....	253
• Is Normandy English or French?.....	258
PART 3. English national identity: “Us” and “Them”.....	273
Chapter 1. The language and terminology of the sources.....	275
Chapter 2. Depictions of “us” and “them” in 14th–16th Century English historical literature.....	298
Chapter 3. Myths of national heroes: Robert Knollys and Bertrand du Guesclin as models for English and French national identities during the Hundred Years’ War.....	342
Chapter 4. “Us” among “them” and “them” among “us”. The image of Richard II as a “false” king of England.....	360
CONCLUSION.....	385
Appendix 1. Interpretation of the key myths concerning the past in medieval English historical tradition.....	395
Appendix 2. Brief information about medieval authors and anonymous texts.....	460
Resume. Images of War and Perceptions of History in Late Medieval England.....	507
Chronological table.....	515
Genealogical tables.....	525
Bibliography.....	538
Index.....	617
List of maps.....	642
List of illustrations.....	642
Maps.....	652

Елена Владимировна Калмыкова

**ОБРАЗЫ ВОЙНЫ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
АНГЛИЧАН ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Редактор *А. С. Усачев*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ № 0448
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 41. Тираж 1000

Издательство «Квадрига»
Издатель С. Т. Корнеев

ISBN 978-5-91791-012-3

Проект осуществлен при финансовом участии
Типографии им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента РФ

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии
им. Скворцова-Степанова
ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации
Генеральный директор **Э. А. Галумов**
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5
Контактные телефоны: 694-36-36, 694-30-20
e-mail: izd.izv@ru.net

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Миниатюры посвящены изучению восприятия войны в Англии эпохи позднего Средневековья. Обращаясь к живописи воинов в житиях Святых, романам, летописям, рассматривают как историческое явление и осмысление конфликта в литературе, политике и религиозных представлениях эпохи, так и его восприятие в массовом сознании. Особое внимание уделяется реконструкции в искусстве войны и приключений, связанных с войнами в Европе и Франции, особенно сражений и битв, для него и функционирование средневековой идентичности. Работа написана с привлечением широкого круга источников (исторический нарратив и документальный материал) и воссоздает «образы войны», характерные для английского общества XIV – XVI вв.

ISBN 978-5-8279-415-3

1214748

УДК 94(47)

У-34-3-1-8

1 ш1105